

А.Э.
БРЭМ

А.Э. БРЭМ

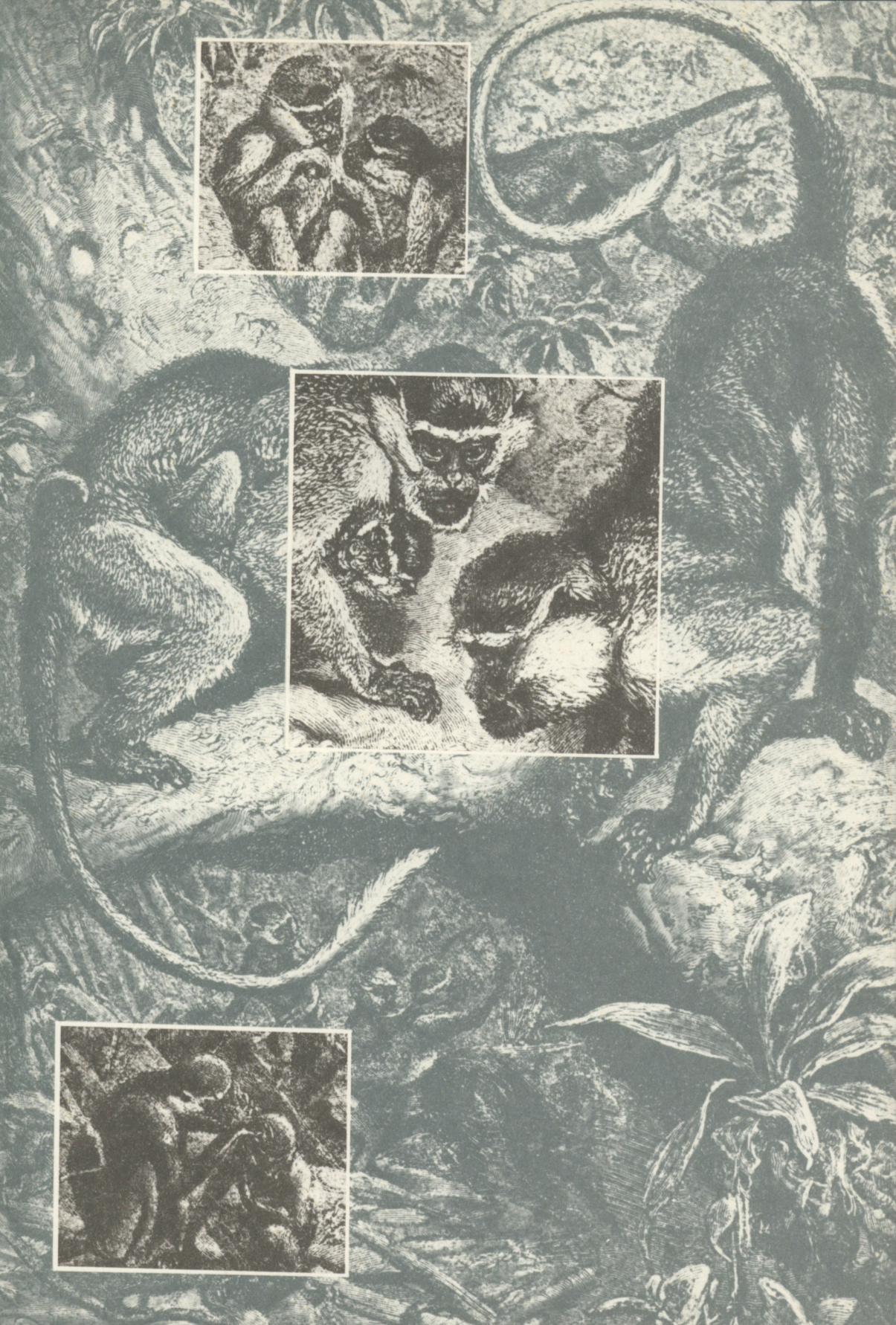
ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХ

ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХ

1

А. Э. БРЭМ

ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХ

А. Э. БРЭМ

ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХ

В ТРЁХ ТОМАХ

Обработано для юношества
по последнему немецкому изданию
под редакцией профессора
А.М. НИКОЛЬСКОГО

МОСКВА
«ТЕРРА» — «TERRA»
1992

А. Э. БРЭМ

ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХ

Том I

Млекопитающие

МОСКВА
«ТЕРРА» — «TERRA»
1992

ББК 28.6
Б89

Оформление художника
Б. ЛАВРОВА

Б 1907000000-19 Подписное
А30(03)-92,

ISBN 5-85255-126-0 (т. 1)
ISBN 5-85255-125-2

© Издательский центр «ТЕРРА», 1992

Альфред Брэм
автор сочинения «Жизнь животных»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уже вскоре после смерти А. Брэма его «Жизнь животных» была капитально переработана и во многом совершенно изменена (в 1890 г.) проф. Пехуэль-Леше, сообразно новейшим данным зоологии. Затем, по мере накопления нового биологического материала, происходили новые изменения (напр., в 3-х томном немецком издании, обработанном Шмидтлейном). Также сделано и в настоящем, русском издании. При всем том, однако, в нашем издании (в I томе) удалось уместить *всех без исключения* млекопитающих, описанных в большом издании, выпустив только некоторые подробности, совершенно не подходящие для юношества, и несколько сжав текст. Конечно, это отозвалось на увеличении объема первого тома более, нежели в полтора раза против намеченных ранее 20 листов. Но только при этих условиях за настоящим изданием и удалось сохранить тот характер живого и вместе научного описания жизни животных, какой имел и первоначальный труд А. Брэма, и в то же время дать ему необходимую полноту и обстоятельность.

Биография Альфреда Брэма*

Немногие естествоиспытатели нашего времени пользуются такой всемирной известностью, как составитель «Жизни животных» — Брэм. Его сочинение, где так живо и увлекательно описаны нравы различных представителей обширного царства животных, приобрело широкую популярность у всех образованных народов, между прочим, и у нас, в России. Всякий из нас слышал про «Жизнь животных»; ввиду этого всем, без сомнения, будет интересно познакомиться с богатой приключениями жизнью автора популярного сочинения и проследить, как развивалось у этого великого любителя природы знакомство с животными.

Родиной Брэма было небольшое герцогство германской империи — Саксен-Веймар; отец его Христиан-Людвиг был пастором небольшой деревни Унтеррентендорф. Здесь, 2 февраля 1829 г., и родился будущий натуралист. Судьба, видимо, благоприятствовала маленькому Альфреду, как звали будущего ученого, окружив его с самого начала его жизни не только нежными родительскими попечениями, но и подходящей для его будущей деятельности обстановкой. Дело в том, что «старый Брэм», как звали отца Альфреда, сам был большим любителем природы и знатоком ее жизни. Бывало, с раннего утра, если только дела по приходу не задерживали его, он, захватив с собой сыновей, отправлялся бродить с ружьем по окрестным лесам. Ближайшей целью этих прогулок было собирание орнитологических (птичьих) коллекций и наблюдения над жизнью пернатых на свободе. Но попутно почтенный пастор останавливал внимание своих сыновей и на других явлениях природы, объяснял их значение, заставлял вдумываться в их смысл, словом, понемногу раскрывал перед юными душами ту великую книгу, которая зовется «Книгой Природы».

В этих прогулках молодой Брэм, с восьми лет, как отец подарил ему ружье, не расстававшийся с этой принадлежностью охотника, приобрел зоркий глаз и умение наблюдать, а богатые, доходившие до 9 тысяч шкурок, орнито-

* Составлена по биографии, написанной д-ром Э. Краузе к большому немецкому изданию.

логические коллекции отца дали ему возможность в совершенстве изучить птиц местной фауны; да и не только птиц: не было вообще животного, обитавшего в родных лесах, которое осталось бы неизвестным ему.

Постепенно круг его знаний по царству животных все более расширялся; предметами его изучения сделались сначала германские животные, потом фауна и других государств, так как скромный домик деревенского пастора был известен ученым не только Германии, но и Англии, и Франции,— и они наезжали сюда или присылали свои коллекции птичьих шкурок для определения. Часть этих коллекций обыкновенно оставлялась в пасторском домике, в качестве награды за труд старого Брэма.

Однако было бы ошибочно думать, что в доме пастора занимались только естествоведением. Нет, образованные родители Альфреда развивали в детях любовь и к другим наукам, читали им лучшие произведения литературы, преимущественно немецкой, и старались развить у них любовь к изящным искусствам. Особенное внимание уделялось гениальным произведениям Шиллера и Гете; эти занятия так увлекали Альфреда, что он сам принялся за сочинительство; плодом его творчества, совместно с братом Рейнгольдом, явилась одна комедия, в свое время часто дававшаяся на маленьких немецких сценах.

Близкие люди удоставляли, что из молодого Альфреда вышел бы хороший актер и даже певец. Однако он не избрал себе этой карьеры по окончании гимназии, не сделался и ученым зоологом или врачом, как бы можно было предполагать по его прекрасной естественно-научной подготовке: Брэм остановился почему-то на архитектуре, которую и стал изучать в Альтенбурге в 1843 г. Впрочем, не долго пришлось ему предаваться этому занятию: в 1847 г. богатый вюртембергский барон Мюллер, большой любитель природы, предложил сопутствовать ему в задуманном им путешествии по Африке, тогда еще мало исследованному «Черному Материку». Тут-то и сказалось истинное призвание молодого Брэма. Ни минуты не задумываясь, он с восторгом принял предложение.

Путешествие началось летом 1847 г., но нельзя сказать, чтобы счастливо: едва Мюллер и его спутник прибыли в Египет, как оба, по неосторожности, подверглись солнечному удару и слегли в Каире в постель. А тут подошло еще землетрясение,— и им пришлось пережить все ужасы его. Наконец, 28 сентября они сели на барку, направляющуюся вверх по Нилу. Судно тянулось медленно, но наших натуралистов это мало беспокоило, так как они имели зато полную возможность проводить много времени на берегу, наблюдая природу мало известной им страны.

8 января 1848 г. путешественники прибыли в Хартум, где были гостеприимно приняты генерал-губернатором Сулейманом-пашой. Здесь решили основать, так сказать, главную квартиру экспедиции; сюда свозилась добыча охоты, здесь устроили зверинец для прирученных животных, отсюда Брэм отправлялся на охоту в окрестные леса, особенно по Голубому Нилу. Добыча была богатая,

но досталась нашему натуралисту недешево: он заболел местной лихорадкой. Между тем барону Мюллеру почему-то показалось, что Брэм мало добывает шкур для его коллекций. Это оскорбило молодого ученого. «Меня глубоко возмутила,— пишет он,— неблагодарность человека, который сам не испытал всей трудности пребывания в африканских лесах, особенно при лихорадке. Тогда я понял, что труды натуралиста редко признаются посторонними лицами. Только сильная любовь к науке и глубокое понимание наслаждений, какие доставляет она, удержали меня от разрыва с бароном».

В феврале наши путешественники начали сухопутное путешествие по Кордофану, в бассейне Белого Нила, и пробыли здесь четыре месяца, собирая коллекции местной фауны. Особенно много попадалось им орлов, соколов и грифов. Здесь же они познакомились и с царственными львами, а также с леопардами и гиенами. Для охотника-натуралиста эта страна представляла тогда настоящий рай, но жаркий, убийственный климат заставил наших путешественников возвратиться больными в Хартум, а отсюда, спустя некоторое время, они отправились со всеми коллекциями и зверинцем в Каир. 29 января 1849 года барон Мюллер сел в Александрии на пароход, чтобы ехать в Европу, Брэм же остался в Египте, чтобы предпринять на его средства второе путешествие по Африке; все собранные им коллекции поступали в пользу Мюллера. В стране фараонов Брэм оставался до мая 1850 г., изучая быт страны и нравы ее обитателей. При этом, для лучшего ознакомления с бытом жителей, он не только научился говорить по-арабски, но и стал носить местную одежду и даже участвовал в магометанских процессиях, так что арабы считали его совсем своим; думая, что он стал правоверным, они уверяли, что его настоящее имя — И-бре-ем (Ибрагим), и никак не хотели признавать имени Альфред, похожего на арабское слово афреид (дьявол). По совету своих арабских друзей молодой ученый принял прозвище Халил-Эффенди, что значительно облегчило ему сношения с арабами.

24 февраля 1850 г., получив деньги от Мюллера, Брэм в компании со своим старшим братом, Оскаром, и врачом Р. Фирталером поднялись на барке по Нилу, а затем от местечка Вади-Гальфа продолжали путь до Новой Донголы. Места здесь были богаты всевозможною дичью, и путешественники только радовались, видя, как увеличиваются их коллекции. Но в Донголе случилось большое несчастье: Оскар утонул во время купанья. Смерть его была большой утратой для всей экспедиции (не говоря уже о Брэме, горячо любившем брата), так как покойный был знатоком насекомых, которые были вообще мало известны Альфреду Брэму (оттого в его описаниях редко упоминаются насекомые, разве только такие, какие бросаются в глаза своей окраской или величиной, напр., некоторые жуки и бабочки). Оскара похоронили в пустыне, а караван 13 июня вернулся в Хартум, где был уже новый губернатор, Абдул-эль-Латиф-паша. Впрочем, и он гостеприимно принял путешественни-

ков. Мало того, он даже ссудил Брэма деньгами, когда у того истощились средства, а барон Мюллер не прислал новых. Из Хартума наш натуралист сделал экспедицию сначала в леса Голубого Нила, затем далеко за Сеннар. Экспедиции дали богатый материал для коллекций, особенно последняя: путешественники чуть не каждую ночь слышали рев львов, видели целые стада слонов и огромные стаи обезьян, охотились на крокодилов и бегемотов, собирали обширную коллекцию шкурок редких птиц...

В марте 1851 г. в Хартум пришло, наконец, давно ожидаемое письмо барона Мюллера, но содержание его было не радостно для Брэма: барон писал, что он совершенно обанкротился и потому не мог прислать денег. Положение Брэма было отчаянное: без денег, вдали от родины... Что может быть хуже этого? Хорошо еще, что местные мусульманские купцы, питавшие к нему уважение, ссудили его небольшими средствами. Но ведь не все же ему жить на чужой счет! Между тем приходилось содержать не только членов экспедиции, но и животных, которых набрался большой зверинец: тут были и птицы, и обезьяны, крокодилы, львица. Все эти дикие животные в умелых руках Брэма превратились в мирных друзей дома. Способности нашего натуралиста приручать зверей так удивляли арабов, что они прозвали Брэма колдуном.

Не зная, как справиться со своим положением, Брэм провел в Суданы целых 14 месяцев, пока, наконец, его не выручил из беды тот же добрый губернатор, снова ссудив его деньгами. А тут подошла помощь и с другой стороны: один немецкий купец, находившийся тогда в Хартуме, предложил ему даром доставить всех зверей и коллекции в Каир. Брэму оставалось только с благодарностью принять предложенную помощь. Забрав весь свой багаж, он поехал в Каир, здесь отдохнул в течение зимы и летом 1852 г. отправился в Европу. В Вене ему пришлось распродать часть своих сокровищ и даже расстаться с любимой, верной львицей Бахидой, чтобы расплатиться с долгами. За то он имел удовольствие сознавать, что теперь вполне независим, и с легким сердцем поспешил в родной дом, куда и прибыл 16 июля, после пятилетнего отсутствия.

Понятно, пробыв столько лет на лоне природы и среди наблюдений за животными, Брэм уже перестал думать об архитектуре, а весь отдался естествознанию, для чего и поступил сначала в Иенский, потом в Венский университет. Тогда же началась и его литературная деятельность: он печатал орнитологические очерки в журналах и был одним из основателей немецкого орнитологического общества; в 1855 г. им были выпущены в свет «Путевые очерки с северо-восточной Африки». В следующем году он отправился путешествовать в Испанию, затем посетил Норвегию и Лапландию. В 1861 г. все отдельные статьи были собраны в книгу и изданы под заглавием «Жизнь птиц».

Слава тонкого наблюдателя и знатока животных была уже тогда так упрочена за ним, что когда герцог Эрнст Саксен-Кобургский задумал с же-

ной предпринять путешествие в Верхний Египет и Абиссинию, он пригласил Брэма; последний незадолго пред тем женился и также взял жену в путешествие.

Результатом нового путешествия нашего натуралиста было появление в свет в 1863 г. книги об Африканской Швейцарии, как называет Брэм Абиссинию. В этом сочинении впервые ярко выступает талант Брэма, как интересного рассказчика и наблюдателя жизни животных, т. е. их внешних чувств, их быта, душевных наклонностей, характера и пр.

Тогда же у него зародилась идея—изложить общедоступным языком, в интересных рассказах и очерках, понятных и не специалистам, наблюдения, вынесенные им из своих путешествий,—и вот, в 1863 г. в Гильдбурггаузене появляется первый том знаменитой «Иллюстрированной жизни животных». Принимая во внимание то обстоятельство, что до сих пор еще не было подобного издания, можно представить, что это был за гигантский труд. Правда, Брэму помогали: проф. Ташенберг, взявший на себя статьи, касающиеся насекомых и пауков, и Оскар Шмидт, принявший на себя разработку статей о низших животных, а труд иллюстраторов разделили между собой художники Кречнер и Э. Шмидт, тем не менее главная часть работы лежала целиком на самом Брэме, и он только в 1869 г. мог кончить свое сочинение; вышло 6 объемистых томов.

Во время издания первого тома этого труда Брэму предложили место директора Зоологического сада в Гамбурге. Он с готовностью принял это предложение, устроил и расширил сад, но не мог долго ужиться с заправилами его, местными зоологами, и в 1866 г. покинул Гамбург. За два года перед этим его постигло семейное горе: скончался старик отец. Его смерть сильно поразила молодого натуралиста.

После Гамбурга мы видим Брэма на месте устроителя Берлинского аквариума, одного из наиболее популярных ныне учреждений германской столицы. И здесь Брэм употребил все свои силы, применил все свои знания (между прочим, тогда пригодилось ему и архитектурное искусство, когда-то изучаемое им), чтобы сделать Аквариум образцовым. Он добился своего, но и здесь не мог ужиться и в 1874 г. бросил место.

С тех пор он жил только литературными трудами или чтением лекций; лектор он был прекрасный: читал просто, но в высшей степени увлекательно.

С 1872 г. он стал писать свою книгу «Птицы в неволе», делающуюся настольной для всех любителей птиц. Сочинение это затянулось до 1876 года. Покончив же с ним, неутомимый работник принялся за 2-е издание своей «Жизни животных», значительно дополненное и переработанное им.

Но еще раньше окончания этого труда, в 1876 г., ему представилась возможность совершить путешествие по Сибири на средства, доставленные бремен-

скими купцами и отчасти известным сибирским деятелем Сибиряковым. Брэм объехал тогда часть Туркестана до Алатау, затем значительную часть Сибири, до Карского моря. Путешествие дало ему богатый материал не только по зоологии, но и этнографии: ему пришлось близко познакомиться со многими инородами, именно, с калмыками, киргизами, остяками, вогулами, самоедами... Несомненно, одно описание этой поездки дало бы много интересного. Но Брэм не успел сделать этого.

Сибирское путешествие было последним значительным путешествием Брэма. С тех пор он предпринимал только небольшие, хотя и с научной целью поездки в Венгрию и Испанию (1878—79 гг.); впрочем, в 1883 г. он побывал и в Сев. Америке, где читал популярные лекции о своих путешествиях.

Эти годы были временем, когда на него со всех сторон сыпались знаки отличия (ордена), особенно с тех пор (1877 г.), как он познакомился с принцем Рудольфом Габсбургским, который вскоре сделался его близким другом. Но, наряду с отличиями, за это же время на Брэма обрушивались и удары судьбы: вскоре по возвращении из Сибири он потерял мать, в 1877 г., а в следующем году — жену, бывшую ему верной спутницей и помощницей в течение их супружеской жизни. Наконец, в бытность его в Америке у него скончался общий любимец семьи — младший сын.

Эти невзгоды, в соединении с усиленными занятиями, так расстроили здоровье Брэма, что он вернулся из Америки совсем больной. У него образовалась болезнь почек, которая и довела его до могилы. 11 ноября 1884 г. знаменитого натуралиста не стало. Распространилось известие, что он незадолго перед смертью ослеп: это — неверно.

В молодости Брэм был высоким, красивым мужчиной с умным, выразительным лицом; высокий лоб, орлиный нос, приветливые голубые глаза, длинная темная борода и довольно длинные волосы придавали особую выразительность его фигуре. Что касается его характера, то он отличался откровенностью и прямодушием, иногда доходившими до резкости. Эти качества доставили ему много врагов. О своих заслугах он выражался скромно, никогда не рисовался, но не любил и лести. В обществе это был веселый, живой собеседник, смешивший всех своими юмористическими рассказами и выходками.

Капитальнейшее произведение покойного, «Жизнь животных», впоследствии было еще раз переработано и дополнено немецким ученым и путешественником, проф. Пехуль-Леше, выпустившим в 1890 г. третье его издание. Впоследствии делались и другие дополнения, соответственно новым исследованиям над животными, в так называемых сокращенных изданиях. Таким образом, труд покойного натуралиста и теперь стоит на высоте современной науки, оставаясь интересным и глубоко поучительным для всякого читателя.

Общий очерк царства животных *

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Природа, как театр жизни животных

Ничто в природе не вечно; все беспрестанно разрушается и восстанавливается, перестраивается, изменяется. Силы природы медленно, но непрерывно работают в двух направлениях: прежнее изменяют или разрушают, новое создают. Деятельность эта проявляется одинаково и в живой, организованной природе, и в так называемой мертвой природе. Стоит только присмотреться к многочисленным явлениям нашей планеты, чтобы уразуметь величие совершающихся изменений и бесчисленные взаимодействия, в которые вступают между собою различные силы природы. Кажущаяся на первый взгляд *мертвой*, природа в действительности живет полной жизнью.

Перед нами—альпийский ледниковый ландшафт... Тысячи ручьев бегут по поверхности глетчера; из-под земли слышен глухой стон скал, отрываемых ползучим ледником со дна его ложа, треск камней, перекачиваемых невидимой рукой по скатам морен, слышится гром падающих лавин, разрушающих все на своем пути,—все это ясные и отчетливые голоса природы, понятные для просвещенного наукой наблюдателя. Изъеденные и источенные вершины скал, многие миллионы кубических сажень камня, щебня и мусора, нагроможденные по сторонам древних хребтов в виде россыпей, мощные водные отложения в устьях рек, изуродованные и разрушенные морские берега, пласты лёсса, залегающие на протяжении многих тысяч квадратных верст,—представляют разрозненные страницы огромной книги геологической летописи.

Могучие силы природы, вода в различных состояниях, ветры, климатические факторы,—дружно работают в течение многих тысячелетий и произво-

* Составлен А. Зелениным по Линдеману и др.

дят разнообразные изменения на земной поверхности. Если мы примем это во внимание, то нам становятся понятными многие географические факты, заученные в детстве бессознательно. Мы понимаем, почему к горным хребтам Альп, Урала, к сибирским хребтам, всегда примыкают широкие, плоские равнины, состоящие из обломков и щебня, почему по этим равнинам текут со стороны гор реки, почему море на большое пространство мелет в тех местах, где в него впадают могучие водные потоки, в устьях которых находятся обширные дельты. Для нас становится совершенно понятным и вероятным утверждение геологов, что в предыдущую геологическую эпоху такие горы, как, напр., Альпы, были на 2000 метров выше, чем в настоящее время, что во многих местностях, где в настоящее время простираются плоские равнины, раньше были значительные углубления, в виде больших озерных впадин, постепенно заполненные землистыми отложениями рек. Мы знаем, что Женевское озеро 50 000 лет тому назад было вдвое более, чем в настоящее время, а еще через такой же промежуток времени, вероятно, совершенно заполнится осадками, приносимыми рекою Роной из Альп. Отсюда не трудно вывести заключение, что со временем высочайшие горные хребты размоются до основания, а современные впадины заполнятся и превратятся в плоские равнины. С другой стороны тектонические процессы: вулканические явления, землетрясения, вековые колебания суши, а также разрушающая деятельность воды, ветров, неустанно работают над новыми и новыми изменениями лика земной поверхности.

Так непрерывно изменяется мертвая природа, которая на первый взгляд кажется совершенно неизменяемой, навеки застывшей в тех формах, которые созданы Творцом.

Если теперь мы обратимся к живой, организованной природе, то там найдем еще более наглядное доказательство непрерывно совершающихся всевозможных изменений, которые приводят к поразительному разнообразию форм растительных и животных организмов.

Долгое время в науке господствовало убеждение, что все эти бесконечно разнообразные формы организмов существуют в неизменном виде от начала веков, но с течением времени многочисленные доказательства заставили изменить это мнение. Еще в начале XVIII столетия ученые убедились в том, что многочисленные окаменелости и отпечатки, похожие на животных и на растения, которые массами находятся в различных напластованиях земной коры, не представляют собой случайной игры природы, но действительно — остатки и следы некогда существовавших на земле организмов. Внимательно изучая подобные остатки и окаменелости, натуралисты пришли к заключению, что животные и растения прежних эпох значительно отличались от современных нам форм. Стало очевидным, что целые группы организмов, раньше существовавших на земле, вымерли и, наоборот, в настоящее время мы видим такие формы, которых раньше не было на земле.

Отличия современных форм от раньше существовавших определились с течением времени с такой ясностью, что знаменитый натуралист Кювье в начале прошлого столетия создал целую *теорию катаклизмов*, по которой на земле неоднократно происходили коренные перемены физических условий, сопровождавшихся окончательным уничтожением всех животных и растений, на смену которых появились путем повторных творений новые организмы.

Однако теория эта продержалась не долго, и на смену ей появилось новое учение, о *постепенном, непрерывном изменении форм организмов*. В настоящее время доказано, что внезапных коренных переворотов в природе не существует, а все изменения происходят медленно, но непрерывно. Многочисленные факты убеждают нас в том, что и в настоящее время непрерывно совершаются изменения в составе растительных и животных царств различных стран. Мы видим, что даже за короткую эпоху исторического существования человека общая картина органической жизни тех или других стран сильно изменилась.

Возьмем для примера Северную Италию. Эта благословенная страна в настоящее время представляется путешественнику одним сплошным роскошным садом. Повсюду *оливковые роци* чередуются с *апельсинными, лимонными*; среди них простираются обширные виноградники, окаймленные и разделенные аллеями *тутовых* деревьев, по склонам гор лепятся *итальянские сосны* (пинии), кудрявые *пальмы*, развесистые *платаны*; гордо смотрящие в поднебесье *кипарисы* украшают сады, вместе с *лаврами, миртами, магнолиями, миндальными и гранатовыми* деревьями, *персиками* и многими другими. Повсюду *кактусы, опунции* и оригинальные *агавы*. Поля, покрытые сочно-зеленым *рисом*, широколиственным *маисом*, кормовыми травами и лишь изредка зерновыми хлебами, всюду обрамлены рядами плодовых деревьев. Вечно зеленая, с десятками разнообразных колоритов и цветов, смотрится эта роскошная флора в ярко-лазоревое небо, залитое теплыми лучами блистающего солнца. Ни одно дерево Северной Европы не нарушает гармонии южной флоры этой очаровательной страны.

Между тем существует несомненное доказательство того, что в Северной Италии раньше растительность была иная, и природа не имела такого нарядного вида. Две с половиной тысячи лет тому назад характер природы в Северной Италии был совсем иной. Склоны гор ее были тогда покрыты дремучими лесами, состоящими из деревьев, характерных для северной или средней полосы Европы: елей, сосен, берез,

лиственниц, отчасти дубов и буков. Лучи солнца не проникали до земли сквозь густые ветви этих деревьев, и у подножия их, на холодной почве, росли лишь мхи да лишайники. Но постепенно, с увеличением населения, леса эти были истреблены, а на смену им появились вышеперечисленные экзотические растения. Лавры, мирты, гранаты и оливковые деревья распространились в Италии из Греции; из Сицилии были привезены кипарисы уже в III веке до Рождества Христова; платаны и пинии привезены с востока и акклиматизированы в Италии лишь в конце периода республики; вишни появились впервые во времена Августа, в III веке перенесены лимонные деревья, шелковица и каштаны в IX веке, померанцы перенесены арабами в XI столетии, в XVI веке португальцы привезли из Южного Китая апельсиновые деревья, а в половине XIX века в Италию привезены мандарины, в XV столетии из Египта был перенесен рис, в XVI столетии — из Америки маис, наконец, в XIX веке перенесены: алоэ, агавы, опунции и магнолии.

Перед миллионами этих растений быстро отступали и, наконец, исчезли растения прежде господствовавшие в стране, так что в настоящее время в этом блестящем обществе южных растений с трудом можно найти одиноко стоящую лиственницу или пихту.

Изменения характера растительности повлекли за собой и коренные преобразования в составе фауны страны. Достаточно сказать, что каждая древесная порода имеет своих животных, исключительно приуроченных к ней, в особенности насекомых и птиц, так что, с исчезновением целого ряда растительных пород, несомненно произошло сильное изменение и в царстве животных.

Только что описанный ход постепенного изменения природы в Италии беспрестанно повторяется и во многих других странах. В течении десятков столетий Европа обменивалась с Азией растениями и животными; с открытием Нового Света установился новый живой обмен, и теперь мы находим на территории Соединенных Штатов Северной Америки более 700 видов различных европейских растений, а такие американские растения, как, например, картофель, маис, табак — распространены по всему Старому Свету.

Что касается животного населения, то в нем также в широких размерах беспрестанно происходит обмен даже между весьма отдаленными странами. Известны многие примеры, когда животные, завезенные в другую страну более или менее случайно, настолько акклиматизируются в своем новом отечестве, что становятся даже характерными представителями местной фауны. Так, об-

шеизвестен факт сильного размножения лошадей и рогатого скота в привольных травянистых степях Америки и Австралии, хотя эти животные появились там всего IV столетия тому назад. Лет 100 тому назад из Европы было случайно завезено в Америку маленькое насекомое — гессенская муха, которая теперь производит на полях Америки большие опустошения; страшный бич виноделия в Европе — филлоксера, всего лет 30 тому назад завезена из Америки; кролики, бесчисленными полчищами истребляющие поля австралийских хозяев, также привезены из Америки.

Все подобные примеры, которых можно было бы привести сколько угодно, наглядно показывают, как может изменяться природа даже в очень короткий, сравнительно, промежуток времени. Но понятно, что перемены эти могут быть несравненно значительнее на протяжении огромного промежутка времени.

В различных частях Европы от времени до времени находят остатки прежней фауны и флоры этой части света. Лет 30 тому назад в Северной Швейцарии открыто было несколько пещер, которые в отдаленные времена служили убежищем для первобытного человека. В них очень часто находят, вместе с костями человека и различными произведениями рук его, также кости современных ему животных. Тщательные исследования этих остатков, сохраненных в нанесенной водой почве, с несомненностью убеждают, что в ту отдаленную эпоху в этой части Европы состав животных был совершенно иной, чем в

настоящее время. Наука открывает нам следующую картину природы, современной первобытному человеку. В лесах тогдашней Швейцарии паслись совершенно вымершие позднее первобытные быки, туры (*Bos primigenius*) и зубры (*Bison priscus*); рядом с ними ходили стадами северные олени, которые теперь обитают лишь в полярных странах, а также мускусные быки, живущие теперь только в Северной Америке и в Гренландии; каменные козлы, благородные олени, табуны лошадей, гигантские мамонты и носороги, близкие родственники современных слонов и носорогов, которые обитают в Африке и в Южной Азии. Из хищных зверей, кроме волка, лисицы, дикой кошки и медведя, в лесах тогдашней Швейцарии водились также: росомаха и песец, нынешние жители арктических стран, а также и львы, и красная лисица. Трудно даже и вообразить себе в настоящее время столь пеструю фауну этого уголка Европы. Как будто нарочно собрались сюда самые характерные животные со всех концов света, чтобы сложить свои кости в пещерах Швейцарии. Слоны и носороги тропической Азии, африканские львы, мускусные быки арктической Америки, северные олени и песцы полярных стран Европы, лошади среднеазиатских степей собрались вместе в лесах и на полях Северной Швейцарии. И много веков это разнообразное общество жило здесь вместе, пока изменившиеся физические условия не разогнали их по отдаленным друг от друга уголкам света.

Приведенных примеров достаточно для того, чтобы уразуметь, что живая природа, окружающая человека, с течением времени изменяется; на наших глазах происходит истребление целых пород, вымирание видов, распространение новых пород животных и растений в той или другой стране. Если вдуматься во всю совокупность подобных фактов, в изобилии доставляемых нам современной наукой, то становится очевидным, что основным фактором в окружающей нас природе является изменение, перестройка, *прогресс*.

Существует бесчисленное множество наглядных доказательств, что организмы в течение веков прогрессируют в своей организации, что древние формы обладают менее совершенной организацией, чем современные.

Однако изменения в органической природе не везде совершаются с одинаковой скоростью. В тропических странах современные животные и растения более сходны с древними, чем формы умеренных или полярных стран. Так, в жарких странах мы в настоящее время находим многочисленные формы растений бесцветковых и однодольных, которые, как известно, были господствующими в прежние эпохи и появились на земле ранее цветковых и двудоль-

ных. В животном царстве тропических стран мы находим сумчатых, однопроходных, лемурув, которые в настоящее время совершенно отсутствуют в умеренном поясе, но были там в древнюю эпоху. Из класса птиц в тропических странах также находятся многие породы, близко родственные к вымершим допотопным животным, как-то: страусы, казуары, бескрылы и др. Таким образом оказывается, что фауна и флора жарких стран менее удалась в современную нам эпоху от форм прежде существовавших, тогда как в странах умеренных и холодных произошли более коренные изменения в составе органического мира.

Если принять во внимание изменение физических условий на земле, которое происходило в прежние эпохи, то вышеуказанный факт делается понятным. Действительно, мы знаем, что в одну из предшествующих нам эпох в нынешних полярных странах был такой же жаркий климат, как теперь на экваторе; здесь росли пальмы и тропические папоротники, в море обитали полипы, которые могут жить лишь в теплой воде (20° С.), но с течением времени климат этих стран постепенно изменился, а соответственно новым физическим условиям должна была измениться организация растений и животного населения; отсюда понятно,

почему формы умеренных и полярных стран ушли в своем развитии далее форм тропических, которые и теперь живут приблизительно в тех же самых условиях, как и раньше. Еще большую устойчивость форм животного и растительного царства можно наблюдать на глубине морей. Физические свойства воды,— температура, плотность, степень солености,— на большой глубине не подвергаются во времени почти никаким изменениям. Отсюда понятно, что растительные и животные организмы, обитающие в глубине морей, имеют большое сходство с самыми древними организмами, которые в своем развитии как бы задержались.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Основные формы животных

Мы видели, что в природе все беспрестанно изменяется, перестраивается, совершенствуется, но вместе с тем каждому известно, что *основная форма* тела животных сохраняется неизменной, не только при самых разнообразных внешних условиях, но и во времени; говоря об основной форме тела, мы имеем в виду не мелкие, более или менее случайные, изменения в наружности или во внутренней организации, которые наблюдаются у различных индивидов, даже у одного и того же вида,— дело идет об основной форме или основном *плане* построения организма, т. е. о неизменно закономерном размещении внутренних и наружных органов. Вот этот-то общий план тела у всякого животного остается более или менее неизменным и является результатом определенного устройства и деятельности организма на окружающую среду, которая, со своей стороны, оказывает обратное взаимодействие. Самым главным свойством животного организма, которым он наиболее отличается от растительного, несомненно, является *подвижность*, и ею главным образом определяется тот или иной план строения животного.

Можно различить три основных формы животных организмов: сферoidalную, лучистую и двустороннесимметричную.

Сфероидальная форма встречается только у низших животных и характеризует наименее сложную организацию. Простота устройства тела таких животных (например, амобы, корненожки, грегарины, а также и множества низших растительных организмов) доходит до полного почти устранения всяких внутренних органов и внешней дифференцировки. Вследствие этого все точки поверхности тела во всех отношениях равнозначны. Такое животное может передвигаться в любом направлении, так что осей движения у них существует бесчисленное множество.

Лучистая форма тела наблюдается у животных с более совершенной организацией. У них все тело разделено на несколько одинаковых частей, которые лучеобразно расходятся от одного общего центра. Самым характерным представителем таких животных являются морские звезды. Животные эти сравнительно высоко организованы: у них есть внутренний скелет, мускулы, пищеварительные, кровеносные и выделительные органы, нервная система, органы чувств.

Главнейшей особенностью этих животных является то, что все пять лучей совершенно сходны между собой по внутреннему строению и наружной форме, имеют такой же скелет, такие же органы и независимы в своих отправлениях. Каждый из таких лучей, если его отделить, может превратиться в новое животное.

По отношению к движению, лучистая форма имеет то удобство, что животное может передвигаться по направлению нескольких осей, именно по оси каждого луча. Если морская звезда желает переместиться по какому-нибудь направлению, то ей нет надобности предварительно устанавливать тело в опре-

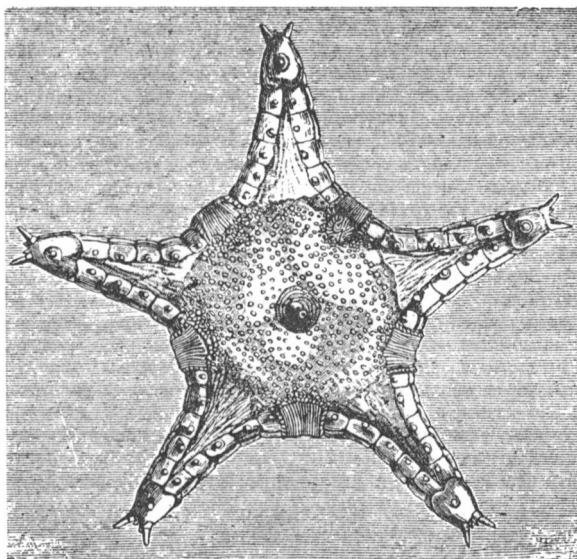
деленном положении, так как она легко может передвинуться по направлению любого из своих лучей. Лучистые животные, к которым, кроме звезд, также принадлежат морские ежи, медузы, лилии и др., живут исключительно в воде и двигаются очень медленно.

У других животных соответственно более сложным внешним влияниям и вследствие потребности в более быстрых передвижениях выработалась *двусторонне симметричная форма* тела: у них все органы тела группируются вокруг одной оси, по которой и совершается передвижение. Обе половины

тела, расположенные по бокам оси, являются совершенно одинаково устроенными, а верхняя и нижняя различны, точно также как передние и задние концы главной оси. Хотя двусторонняя симметрия свойственна многим водным животным, но для наземных животных она является единственным планом строения.

Если мы рассмотрим

условия передвижений на суше, то нам станет понятным такой план устройства наземных животных. Передвижение по суше представляет для животного менее благоприятные условия, чем в воде, где со всех сторон окружает одна и та же среда и где каждое животное терчет в своем весе столько, сколько весит вытесненная им вода. Трение о поверхность земли обуславливает образование снарядов, облегчающих передвижение, которые и появляются у животных в форме *конечностей*. Чтобы такие подпорки могли удерживать тело в равновесии, они должны быть размещены равномерно по обеим сторонам тела; отсюда и понятно, почему конечности всегда являются в четном числе и размещаются по обеим сторонам оси, причем, в силу закона экономии и возможной простоты, они располагаются на каждой сто-

Фарфоровая звезда (*Porcellanaster coeruleus*). Нат. вел.

роне в один ряд. В силу тех же законов, число конечностей, по мере совершенствования организации, уменьшается. Так, у тысяченожек имеется множество пар конечностей, у пауков их только четыре пары, у насекомых — три, а у позвоночных только две пары конечностей и, наконец, у птиц и у человека для передвижения по земле служит лишь одна пара ног. У наиболее высоко организованных животных вдоль главной оси развивается твердая костяная опора или — позвоночный столб, около которого группируются все органы. Так как сторона, на которой образовались конечности, всегда обращена вниз, а противоположная ей — вверх, то произошло определенное размещение внутренних органов, из которых все более чувствительные помещены ниже позвоночного столба, а все менее чувствительные органы, главным образом двигательные мускулы, расположились в верхней части тела. Таким образом выработалось различие между спинной и брюшной половиной тела. Движения у двустороннесимметричных животных нормально совершаются по направлению их главной оси, так что животное перед тем, как двинуться, должно предварительно придать своему телу определенное положение, т. е. поставить свое туловище таким образом, чтобы ось была обращена к точке, куда должно совершиться передвижение. Дальнейшее усложнение организации выражается в выработке приспособлений к передвижению не только по определенному направлению, но и в определенную сторону. Этим обуславливается различие между передней и задней стороной тела. На той стороне, которая при движении находится впереди, располагаются те органы чувств, которые уже на некотором расстоянии могут ознакомить животное с тем, что совершается впереди него; здесь же в боль-

шинстве случаев располагаются органы защиты или нападения и органы для принятия пищи. Таким образом передний конец анатомической оси животного превращается в особый снаряд, чрезвычайно сложно устроенный, называемый головою. В то же время на заднем конце тела появляются приспособления, назначение которых также определяется функцией движения. Именно, задний конец позвоночного столба вытягивается и образует хвост, который у водяных животных исполняет то же назначение, как и конечности, т. е. служит органом движения, а у наземных животных имеет самое разнообразное назначение.

Таким образом расположение всех важнейших органов в теле двустороннесимметричных животных является следствием появления симметрично поставленных конечностей, что в свою очередь обуславливается удержанием только одной оси тела. Итак, основная форма тела есть внешнее выражение всего внутреннего строения, и потому не удивительно, что основная форма тела животных сохраняется при самых разнообразных условиях жизни.

Тем не менее в строении тела некоторых животных наблюдается переход от лучистой симметрии к двусторонней. Так, голотурии, имеющие форму огурца, устроены по типу лучистой симметрии, но двигаются одним концом вперед, а некоторые виды их всегда одной стороной вниз, а другой вверх. Таким образом, у голотурий передний конец играет роль головы, а нижняя сторона тела — роль брюшной стороны. Такие же переходные формы наблюдаются и у морских ежей. Хотя большинство ежей устроено по плану лучистой симметрии, но у некоторых видов бывает ясно выражена двусторонняя симметрия.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Основные свойства животных. Питание

Как ни разнообразна организация животных, но все они обладают некоторыми общими свойствами, каковы: 1) питание, 2) приспособляемость, 3) сознательное движение, 4) размножение и развитие. Сознательные движения животных — это их образ жизни, которому посвящено все настоящее сочинение («Жизнь животных»). Здесь же рассмотрим пока 3 остальных общих свойства, начиная с *питания*.

Каждое животное принимает пищу, без чего не мыслимо самое существование его. Необходимость постоянно вводить извне в организм новые массы питательного вещества обуславливается для всех животных тем, что частицы, из которых состоит живой

организм, беспрестанно изменяются, разрушаются и поэтому должны постоянно возобновляться. Самый жизненный процесс главным образом и заключается в этом беспрерывном изменении и возобновлении веществ, составляющих организм. Извне по-

ступает кислород, который окисляет сложные органические вещества, из которых построены ткани животного, и разрушает их, причем образуются менее сложные соединения, именно: углекислота, вода, мочевины, некоторые минеральные соли, которые удаляются из организма: углекислота через посредство органов дыхания, остальные вещества при помощи особых выделительных органов. Именно это беспрестанное изменение химического состава материи, из которой слагается организм, и является источником всех сил (теплота, электричество, мускульная и нервная работа и др.), наличием которых характеризуется живой организм.

Очевидно, что при постоянной потере веществ, которую несет организм во время своей жизни, столь же беспрестанно должно происходить и возобновление их введением новых веществ, которые, будучи известным образом переработаны, могли бы стать на место разрушенных, так как только таким образом может поддерживаться существование живого организма. Под влиянием такой необходимости, каждое животное *питается*, т. е. вводит из окружающей природы внутрь своего тела различные вещества, перерабатывает их определенным образом

и полученные новые частицы размещает по различным тканям своего тела, где в них ощущается надобность; таким образом происходит восстановление веществ, утраченных при разнообразных жизненных процессах. Организм животного беспрестанно возобновляется; в каждом органе, в каждой частице его ткани непрерывно совершается разрушение вещества и замена его новыми, вновь приобретенными извне.

В этом процессе, называемом вообще *обменом веществ*, можно различать два ряда химических явлений: а) явления, сопровождающие разрушение веществ, продукты которого удаляются тем или другим способом из организма, и б) процесс *восстановления тканей*, который и есть *питание* в широком смысле.

Первый ряд химических явлений составляет предмет физиологии. В этой науке рассматривается, как изменяются состав и строение тканей организма в ходе жизненных процессов; она же знакомит нас с процессами химического обмена веществ, который происходит в тканях, а также с процессами восстановления их путем усвоения принятой пищи и выделения получающихся при этом продуктов.

Для зоолога главным интерес представляет лишь одна сторона сложного процесса питания, именно *способ добывания пищи*, т. е. те приемы и приспособления, какими обладает животное для удовлетворения потребностей питания.

Можно различать четыре главных способа добывания пищи животными: 1) простое пищедобывание; 2) комменсализм; 3) симбиоз и 4) паразитизм.

Простой способ добывания пищи наиболее распространен в царстве животных. Громадное большинство животных добывает себе пищу прямо, без каких-либо особых приспособлений и ухищрений. Одни животные кормятся растениями, другие поедают различных животных и делают это самыми разнообразными способами, соответственно своей организации, но при этом не вступают в какие-либо определенные отношения с животными или растениями, которые служат им пищей. Хотя способ этот самый простой, но для зоолога он представляет чрезвычайно много поучительного и важного, так как те или другие приемы в добывании пищи и род ее кладут резкий отпечаток на свойства самого животного. Род пищи, которую обыкновенно употребляют животные, и способ ее добывания настолько связаны с организацией его, что зоолог не затруднится определить одно на основании другого.

Так, например, травоядные и хищные млекопитающие, резко различаются между собой как устройством скелета и общим видом внешних форм, так и внутренней организацией. Достаточно указать на устройство зубов и челюстей, на основании которого

можно легко разделить между собой даже животных, принадлежащих к одной и той же из этих двух групп. Соответственно роду пищи изменяется устройство пищеварительных органов, орудий нападения или защиты, наконец, наружная форма тела, которая всег-

да бывает приспособлена к добыванию пищи тем или иным способом. Скелет и мускулатура травоядных животных более грубы и менее развиты, чем у хищников, у которых кости тоньше, но тверже, мускулы не столь объемисты, но развитее и плотнее. Поэтому хищники всегда осиливают травоядных животных не только равной с ними величины, но часто и значительно больших.

Точно также у птиц во всем построении их тела, во внешних их формах и в устройстве органов очень ясно выражена зависимость от рода пищи. Сильный крючковатый клюв, крепкие ноги, вооруженные когтями, отлично приспособлены у орла или сокола к их хищническому образу жизни. Язык дятла снабжен твердым острием, которым он вынимает из-под коры личинок насекомых. Чтобы добраться до этих

личинок, дятел должен долбить дерево, для чего его тело должно иметь определенное положение и устойчивость, и вот природа снабдила его крепкими костями; толстые хвостовые перья, устанавливаемые в определенном положении сильными мускулами, образуют сзади прочную подпорку, а крепкий, острый клюв, как хорошая кирка, легко долбит не только кору, но и древесину. У колибри, которые питаются мелкими насекомыми, живущими в цветах, язык снабжен на конце маленькой кисточкой из роговых волосков; посредством ее колибри с удобством может доставать насекомых из глубины цветочного венчика. Подобных примеров очень хитро устроенных приспособлений к добыванию известного рода пищи можно найти бесчисленное множество, особенно в классе насекомых.

Есть очень много животных, которые ищут покровительства другого, более могущественного животного, чтобы под его защитой добывать себе пищу или же с целью пользоваться крохами от стола своего покровителя. Такой способ пищедобывания называется *комменсализмом*.

В простейшем случае этого рода между некоторыми животными устанавливается нечто вроде союза для общей пользы, или полезного только слабейшему члену, но совершенно безразличного для покровителя.

Вот несколько примеров. В степной полосе Южной России скворцы целыми стаями держатся около стад, так как в навозе скота для них всегда имеется обильная пища в виде многочисленных насекомых, которые там поселяются. Издавна известен союз между пахарем и грачами, которые целыми стаями слетаются, лишь завидят соху; их привлекают личинки насекомых, которые они могут доставать из разрыхленной почвы. В африканских степях страусы и квагги обыкновенно держатся вместе, и такой союз приносит им обоюдную пользу. Действительно: высокорослые страусы легче, чем квагги, могут заметить приближающуюся опас-

ность, а квагги с своей стороны полезны страусам тем, что в навозе их разводятся большие жуки, составляющие лакомство для страусов. Травяные вши поселяются целыми колониями в муравейниках и живут со своими хозяевами в добром согласии, угощая их сладкой жидкостью, которую они выделяют, и расплачиваются таким образом за защиту, какую оказывают им сравнительно хорошо вооруженные муравьи. Очень многие насекомые, так называемые «копрофаги», живут исключительно в навозе некоторых млекопитающих и настолько связаны с ними, что без этих животных не могут существовать.

Комменсализм принимает вид еще более тесного союза в том случае, когда слабейший член поселяется внутри самого тела своего покровителя или на поверхности его, но это еще не паразиты, о которых речь будет дальше: комменсалист в таком случае питается не телом и не соком своего покровителя, а лишь перехватывает для себя часть его пищи.

В Тихом океане водятся рыбы из рода *Fierasfer*, которые почти никогда не встречаются на свободе, а всегда поселяются в пищеварительной полости различных морских животных: морских звезд, голо-

турий и др. В реках Бразилии водится один сом, у которого во рту преспокойно живут целые общества маленьких рыбок; они помещаются между выростами костей и в складках стенок ротовой полости. Устро-

ившись таким образом во рту у сома, рыбежки эти находятся в полной защите от врагов и в то же время кормятся частицами той пищи, которую заглатывает сом. У низших животных подобные случаи комменсализма наблюдаются еще чаще. Многие раки поселяются в раковинах живых моллюсков. Еще Плиний описал такой способ сожительства краба, которого он назвал *Cancer custos* (т.е. сторож), с моллюском *Pinna patina*; сидя между полуоткрытыми створками раковин, краб быстрыми движениями своих жаберных жгутиков привлекает к ротовому отверстию своего хо-

зяина струю, которая приносит ему пищу, и этим отплачивает за ту безопасность, какую он может в случае надобности находить под створками раковины моллюска. Некоторые маленькие рачки поселяются даже в полостях губки, причем, войдя туда маленькими, они вырастают настолько, что не могут выйти наружу и остаются вечными узниками, но за то пользуются полною безопасностью и без всякого труда со своей стороны получают пищу. Многие гидромедузы и некоторые черви точно также поселяются в полости губок, чтобы жить в большей безопасности от врагов.

Во всех вышеприведенных случаях союз или сожительство продолжают неопределенное время, но бывают случаи комменсализма лишь на короткое время личиночной стадии.

Подобный пример представляет речная жемчужница (*unio*). Из яичек этого моллюска развивается личинка, которая, поместившись на дне водовместилища или на каком-либо подводном предмете, начинает раскидывать вокруг себя тонкие липкие нити, вроде паутинки. Если проходящая мимо рыба коснется такой паутинки, то она приклеивается к ней, чаще всего к плавникам или к жабрам, и личинка таким образом переселяется на тело рыбы; чтобы плотнее прикрепиться, у нее существуют особые крючки. Далее начинается еще более удивительное явление. Личинка вышеупомянутыми крючками производит беспрестанное раздражение тканей своего хозяина; вследствие этого вокруг места прикрепления начинается разрастание кожицы, и в конце концов вокруг личинки образуется кольцеобразный чехлик. Такое близкое соединение личинки жемчужницы с телом рыбы продолжается все время, пока происходит развитие личинки (от 14 до 40 дней), а затем чехлик разрывается, личинка освобождается и начинает жить самостоятельно.

Еще более заслуживают внимания явления комменсализма между растениями и животными, которые наблюдаются также нередко. Муравьи, поселяясь на каком-нибудь растении, вообще защищают его от насекомых, которые вредят листьям. И вот мы видим, что растение *Сесгория* выработало себе особое приспособление для привлечения муравьев. Именно, на листьях у него выделяется смолистая сладковатая жидкость, которую муравьи очень любят. Кроме того, на стебле растения образовались специальные приспособления к тому, чтобы доставить муравьям удобное и безопасное помещение. Именно, в определенных местах на стебле *Сесгория* стенка чрезвычайно утончается так, что для муравьев не представляет никакого труда прогрызть здесь отверстие и поместиться во внутренней полости стебля. Таким образом выходит, что муравьи, за использование полицейских обязанностей, получают от растения удобное помещение и лакомую пищу. Есть и другие, не менее удивительные случаи такого сожительства.

Симбиоз представляет особую форму комменсализма, когда союз между двумя различными существами становится настолько тесным, что они представляют собою как бы части одного организма. Впрочем, многие ученые понимают явление симбиоза в более широком смысле; именно симбиоз называют всякого рода сожительством двух различных организмов, в котором оба сожителя приносят друг другу взаимную пользу. С этой точки зрения сожительство муравьев и растения *Сесгория* также должно считать случаем симбиоза. Самый интересный пример симбиоза представляет растительное царство, где впервые и изучена эта форма сожительства. Общеизвестное растение — лишайник — представляет прекрасный пример симбиоза грибов с водорослями, которые настолько тесно сплетаются и срастаются между собой, что образуют одно растение.

На корнях многих деревьев, напр., дуба, бука, каштана, лещины — вовсе нет всасывательных волосков, при помощи которых корни растений вбирают из почвы воду с растворенными в ней питательными веществами. Лишенные таких волосков упомянутые деревья не могли бы питаться, если бы корни их не были покрыты слоем грибных нитей, которые вырастают в корни, а с другой стороны, разветвляются густою сетью в окружающей почве. Таким образом грибные нити, составляющие совершенно постороннее растение, исполняют для дуба или бука то же самое назначение, для которого у других растений имеются специальные органы.

Но в такое же тесное соединение с растениями вступают иногда и животные организмы. Так известно, что в тканях некоторых водных животных, как морских, так и пресноводных (полипов, медуз, гидр, солнечников), отлагаются зерна хлорофилла. Вещество это, как известно, свойственно растениям. Долгое время предполагали, что этот хлорофилл составляет принадлежность самого животного, но впоследствии было доказано, что в тканях этих животных поселяются живые водоросли, которые, будучи выделенными, могут вести и самостоятельный образ жизни. В настоящее время известно уже множество таких водорослей, которые проводят некоторые стадии своего развития в теле упомянутых животных. Однако, помещаясь в тканях и клетках животных, водоросли эти не причиняют им ни малейшего вреда и даже наоборот, приносят им пользу. В яйцах обыкновенной пресноводной гидры почти всегда, при внимательном наблюдении,

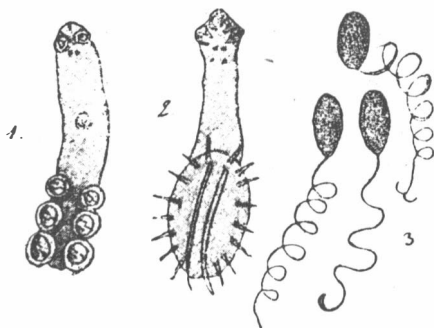
можно открыть присутствие таких водорослей, которые иногда скопляются в таком количестве, что совершенно заполняют внутренность клетки. Однако присутствие такого постороннего элемента нисколько не мешает правильному развитию яйца. Взаимная польза от такого сожительства между растением и животным становится очень понятной из следующего соображения. Зеленые растительные клетки, как известно, обладают способностью разлагать углекислоту, получаемую извне, выделяя кислород и усваивая углерод; поэтому водоросли поглощают углекислоту, выделяемую из животных клеток при жизненном процессе, и в свою очередь выделяют свободный кислород, в котором нуждаются животные клетки. С этой точки зрения скопление водорослей в тканях животных можно рассматривать, как специальную лабораторию для переработки углекислоты в кислород, и это имеет очень важное значение для жизни глубоководных животных. Действительно, на большую глубину атмосферный кислород проникает лишь в ничтожном количестве, и дыхательный обмен газов у многих животных, неподвижно приросших к морскому дну, был бы совершенно невозможен или, по крайней мере, сильно затруднен, если бы им на помощь не пришли вышеуказанные водоросли, которые снабжают животное кислородом внутри его собственного тела. Правильность вышеприведенных рассуждений подтверждается тем, что растения вступают в симбиоз только с такими животными, которые по условиям своей жизни нуждаются в кислороде. В свою очередь водоросли получают от животного не только нужную им углекислоту, а также минеральные соли и азотистые соединения.

Во всех вышеприведенных случаях союз двух различных организмов заключается для взаимной пользы обоих организмов и во всяком случае не приносит существенного вреда хозяину, приютившему у себя комменсалиста; еще более наглядна взаимная польза сожительства в симбиозе; но в природе известны примеры другого рода сожительства, когда животное или растение вступает в тесное соединение с другим организмом и извлекает из этого пользу только для себя, нанося в то же время более или менее существенный вред своему хозяину. Такой способ пищедобывания называется *паразитизмом*.

Паразитизм очень распространен как в животном, так и в растительном царстве. Существуют целые роды и семейства животных, которые ведут исключительно паразитический образ жизни, питаясь за счет своего хозяина, и очень часто бывают причиной различных болезней его, нередко причиняя даже смерть пораженному существу. Наглядные примеры этого будут приведены в свое время при описании низших животных, которые наиболее

склонны к паразитизму. Однако паразиты встречаются и среди более совершенных животных, в классе насекомых и даже среди позвоночных. Известно, напр., что некоторые рыбы из круглоротых, напр. миксина (Мухіне), поселяются в брюшной полости у акул.

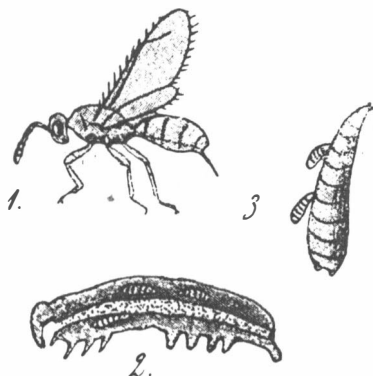
Одни паразиты живут внутри тела своего хозяина и называются внутренними, или *энтопаразитами*, другие поселяются на теле снаружи и называются наружными, или *эктопаразитами*. Хозяевами их могут служить самые разнообразные животные, начиная от низших беспозвоночных до млекопитающих. В большинстве случаев самки и самцы паразитов ведут одинаковый образ жизни, но бывает и так, что паразитирует только самка, а самец добывает себе пищу обыкновенным способом. Объясняется это тем, что самка, откладывающая многочисленные зародыши, более нуждается в пище, чем самец, который может прожить и сам собственным трудом, сохраняя при этом свободу. Бывают, впрочем, случаи, когда самец паразитирует на самке.

Эктопаразитные сосущие черви и их яйца

1—личинка *Diplozoon*, живущая на жабрах карася; 2—*Gyrodactylus*—тоже; 3—яйца морских сосущих червей

Паразитический образ жизни почти всегда отражается на самом строении паразита. У одних появляется особое приспособление для прикрепления к данной части тела хозяина, в виде разного рода крючков или присосок, у других вырастают особые отростки, которые внедряются в тело хозяина и всасывают питательные соки, как корешки растений; очень часто даже личинки и яички паразитов бывают снабжены специальными приспособлениями для того, чтобы пристроиться известным образом. Во всех этих случаях паразит в известном направлении совершенствует свою организацию и приобретает новые органы, которые ему полезны.

Схематическое изображение наездника и его личинки

1—взросл. наездник; 2—продольн. разрез через гусеницу бабочки, в полости тела которой живут три личинки наездника; 3—личинка мухи с двумя присосав. к ней личинк. друг. наездника

Но еще чаще приспособление строения паразита идет в другом направлении: в смысле упрощения организации. Находясь в особенно благоприятных условиях, окруженный обилием пищи, живя в полной безопасности от всяких врагов, паразит не нуждается во многих органах и приспособлениях, которые необходимы животному свободно живущему. Поэтому очень часто паразиты утрачивают конечности, органы чувств, пищеварительный канал у них до крайности упрощается, а у иных даже совсем исчезает, если паразит поселяется в кишечном канале хозяина, где может пользоваться уже переваренной пищей. Некоторые паразиты до такой степени упрощают свою

организацию, что теряют все наружные органы и внутренние, за исключением лишь органов размножения.

Самое тщательное анатомическое исследование такого паразита не может установить его принадлежности к той или другой группе животных, и только наблюдая историю развития, можно увидеть родство этого организма с другими представителями животного царства и его происхождение. Для примера укажем на паразитного рака (*Sacculina*), который во взрослом состоянии имеет вид плоского мешочка, наполненного яйцами, без всяких внутренних или наружных органов. Не было бы никакой возможности установить родство его с другими ракообразными, если бы не удалось проследить развитие его зародыша, но оказывается, что в личиночной стадии *Sacculina* очень сходна с другими подобными раками, когда они находятся также в стадии личинки.

Паразитизм не только влечет за собою изменение в организации паразита, но пребывание этого последнего в теле хозяина

нередко вызывает некоторое изменение и у него. Наиболее простые случаи такого влияния паразита на тело хозяина можно видеть, например, в образовании волдырей на теле рогатого скота, вследствие укушения оводов, которые откладывают под кожу животных свои яички; известно также, что на лицевых костях у рогатого скота появляются иногда характерные наросты под влиянием поселившегося там паразитного грибка (*Acanthomyces*). Еще более наглядные примеры такого рода представляют растения. Всем известны так называемые чернильные орешки, т. е. наросты овальной формы, которые образуются на листьях дуба. Вот как они происходят.

Самка насекомого орехотворки (*Cynips*) прокалывает кожу листа и откладывает туда яички; из них вскоре развиваются личинки, которые питаются клетками растения, раздражают ткани и вызывают усиленное размножение клеток; вследствие этого, в данном месте появляется нарост — вышеупомянутый орешек.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Приспособляемость животных

Мы видели уже, что организмы, живущие на земле, беспрестанно изменяются и, приспособляясь к условиям своего существования, совершенствуются. Несомненно доказано, что в предыдущие эпохи животных население земли сильно отличалось от ныне живущих видов. Учение это настолько прочно установлено, что геолог различает напластования земной коры главным образом не по минералогическому составу их, а по окамененным остаткам животных и растений, которые в них заключаются. С другой стороны, мы видим, что между самыми разнообразными группами животных организмов существуют постепенные переходы, указывающие на родство этих форм, так что необходимо заключить, что все ныне живущие животные представляют собою прямых потомков разнообразных организмов, которые населяли землю в предыдущие эпохи. Мы видели также, что и сама природа, окружающая нас, беспрестанно изменяется. Если сопоставить два ряда этих беспрестанных изменений — в среде организмов и в самой природе, — то само собой является очень естественным заключение, что изменения условий жизни и есть причина прогресса в организации животных и растений. Однако все эти изменения строений организмов совершаются настолько медленно, что непосредственным наблюдением их нельзя заметить. Мы не можем усмотреть в современных нам животных процесса изменения в устройстве их организма, но можем с точностью констатировать общую сумму этих изменений, которая накопилась в течение долгого промежутка времени.

Удивительная целесообразность, которая замечается во всей органической природе, поразительная приспособленность каждого животного и каждого растения к окружающим его условиям жизни, составляют также наглядное доказательство того влияния, которое природа оказывает на все живые существа.

Действительно, все животные, при внимательном наблюдении, оказываются в высокой степени приспособленными ко всей обстановке, среди которой им приходится жить. Очень часто животные всю форму своего тела или окраской и разрисовкой удивительно похожи на некоторые предметы их обычной обстановки, которые, однако, не существовали от самого начала земли, а появились лишь в позднейшую эпоху; они обладают такими свойствами и манерами, которые позволяют им укрываться на совершенно ровной местности, умеют применяться ко всем климатическим переменам и вообще являются поразительно приспособленными к местным физическим условиям. Такая приспособлен-

ность не есть, конечно, выражение разумной воли животного, так как в большинстве случаев оно не в состоянии произвольно изменить свою форму или окраску, смотря по обстоятельствам. Эта приспособленность выработалась постепенно в течение веков и тысячелетий прогрессивного развития животных, усиливаясь в каждом новом поколении, и в настоящее время достигла такой степени, что организация животных поражает нас своею разумною целесообразностью. На домашних животных мы отчасти даже можем наблюдать постепенное усиление некоторых свойств, которыми они решительно отличаются от некультурных своих предков.

Из того факта, что все животные без исключения являются хорошо приспособленными к окружающим условиям жизни, можно заключить, что эта удивительная приспособленность есть следствие особого свойства животного организма, присущего всем животным и столь же общего всем им, как питание и размножение. Это общее свойство животных, называемое *приспособляемостью*, является последствием другой особенности организмов, именно их пластичности, т. е. способности изменяться почти до бесконечности, а изменяемость была бы невозможна, если бы организмам не была присуща способность обмена веществ. Таким образом, понятно, что приспособляемость животных является необходимым следствием обмена вещества в его организме, т. е. питания; вечно изменчивая природа, влияя всеизменяющим образом на животных, заставляет их приспособляться ко вновь возникшим условиям жизни и к новым предметам обстановки; таким путем появилось на земле бесчисленное множество бесконечно разнообразных животных форм, которые мы видим вокруг себя; они сменили собою многочисленных ныне вымерших животных, которые последовательно населяли землю в течение предыдущих эпох ее существования. Нам становится понятным, что животные прежних эпох должны были вымирать и уступать свое место новым животным, которые более приспособлены к изменившимся условиям существования. Итак, приспособляемость организмов к условиям окружающей среды есть главнейшая причина прогрессивного развития в органической природе.

Характер приспособлений разнообразен до бесконечности. Организм приспособляется к климату, к отсутствию или избытку влаги, к окружающей обстановке, к соседству других животных и т. д. Приспособления эти выражаются в окраске или форме животного, его движениях, способах питания и добывания пищи и т. п.

1. Приспособление животных формою и окраской тела

Если вам когда-либо случалось, читатель, видеть в лесу змею, притаившуюся среди сухого вереска или набросанных на землю обломков древесных ветвей, то, вероятно, вам приходила в голову мысль об удивительном сходстве тела этого животного по форме, по положению и по общей окраске с массою ветвей и палочек, среди которых она помещается. Словно сознательно надела на себя змея такую маску, которая делает ее сходной с окружающими предметами и которая помогает ей укрываться в обычной ее жизненной обстановке.

В европейских лесах очень часто можно видеть слизняков с черным или рыжеватым телом. Удивительно, как многочисленны иногда бывают эти животные, которые представляют лакомую пищу для бесчисленных своих врагов и в то же время совершенно беззащитны по отношению к ним. Но проследите лишь некоторое время за этими слизняками, и вы без труда разгадаете, каким образом они, при всей своей беззащитности, достигают сравнительной безопасности. Лишь только животное почувствует приближение опасности, как моментально свертывается спиралью и становится совершенно неподвижным. В таком виде животное это настолько сходно с извержениями некоторых мелких млекопитающих, что даже знающий человек легко может ошибиться. Как будто сознательно слизняки выработали в себе способность принимать такой внешний вид, что, унижаясь до сходства с наиболее презренными предметами, обеспечивают себе безопасность среди множества врагов, с которыми бороться обыкновенными средствами они не в состоянии.

Из приведенных примеров видно, каким образом внешняя маскировка является полезной, как для могущественного хищника, так и для беззащитного моллюска.

Подобные факты чрезвычайно распространены в животном мире. Повсюду мы видим, что животные по внешнему своему виду представляют большое сходство с окружающими их предметами в обычной жизненной обстановке. Если вдуматься во все эти факты, то можно усмотреть двоякую цель их. В беспрестанной борьбе, которую ведут между собою все животные, как для нападающего, так и для жертвы одинаково полезна способность оставаться незамеченным. Хищник старается как можно незаметнее приблизиться к жертве, чтобы вернее обеспечить себе успех охоты; слабое существо употребляет все усилия на то, чтобы скрыться от своих врагов.

Вот еще несколько примеров. Лев, подстерегающий добычу, притаившись между скал пустыни, окрашен под цвет этих скал. Бенгальский тигр разрисован черными полосками, которые представляют полное сход-

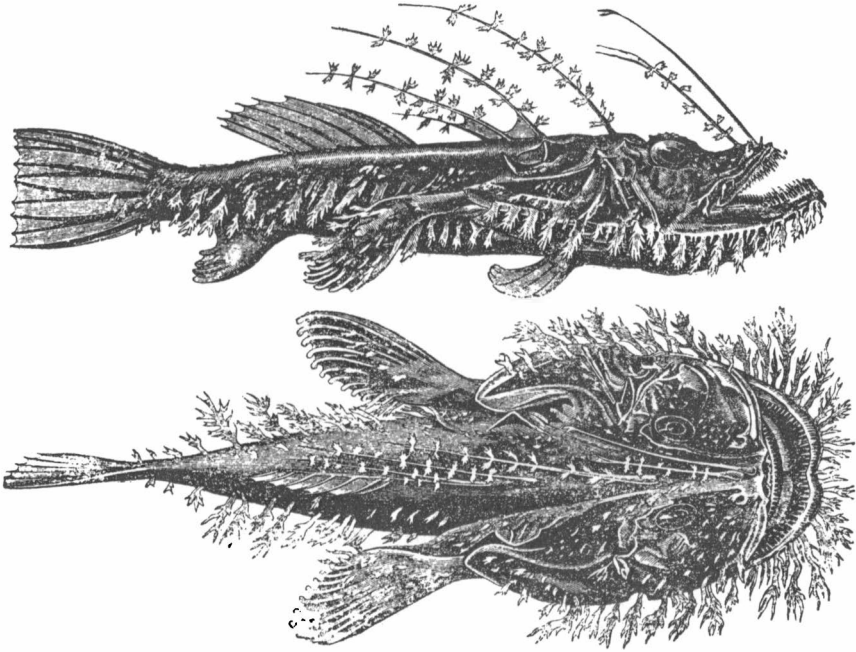
ство с полосками теней, которые при ярком освещении южного солнца отбрасывают стебли многочисленных растений индийских джунглей, где обитает тигр. Ягуар, высматривающий жертву из-за древесного ствола, испещрен округлыми темными пятнами, которые представляют полное сходство с тенью густой листвы деревьев. Наш обыкновенный заяц летом носит скромное серое одеяние, которое удивительно гармонирует с цветом потемневших стволов деревьев и почвы. Но с наступлением зимы, когда земля покрывается белою снежною пеленою, заяц меняет свою шубу и одевает шубку столь же белую, как и сам снег. Нетрудно уразуметь смысл такого переодевания, весьма целесообразно приспособленного к тому, чтобы животное было как можно менее заметным. Такая же перемена окраски замечается и у многих других животных, напр., у куropаток, которые зимою были, как снег, а

летом имеют пестренькое серое оперение. Во всех только что указанных примерах животные изменяют свою окраску периодически, сообразно изменяющимся условиям по временам года.

Но известны и другого рода примеры, когда животные изменяют свой цвет быстро, под влиянием различных случайных явлений. Так, например, в Сахаре живет ящерица шипохвост (*Uromastix acanthinurus*), которая ночью и в облачные дни бывает серою с крупными темными пятнами, а в

разнообразных животных, напр., млекопитающих, птиц, ящериц, змей, жуков, кузнечиков и проч., окрашенных под цвет окружающей обстановки, именно в тот самый грязно-желтый цвет, который и называют «цветом пустыни».

Небольшие цветные пятнышки, которые украшают перья некоторых из наших птиц, нисколько не уменьшают их приспособленности, так как подобные же цветные пятнышки встречаются и в окружающей природе.

Морской черт, *Lophius paresi*, складками кожи и отростками уподобляющийся водорослям, среди которых живет

ясные дни песчаного цвета и испещрена мелкими черными пятнышками, которые похожи на мелкие камешки, разбросанные на поверхности песчаной равнины.

При осмотре больших коллекций в музеях наблюдателю бросается в глаза, что животные, населяющие одни и те же местности, имеют поразительно сходную окраску. Многие птицы, живущие в наших лесах, имеют серое, темное невзрачное оперение; яркие цвета встречаются очень редко. В тропических лесах немало птиц, окрашенных в травяно-зеленый цвет, под цвет листьев. В пустынях, где преобладает грязно-желтый колорит, мы встречаем множество самых

Впрочем, не только в тропических странах, но и у нас живет несколько видов птиц ярко и пестро окрашенных, напр.: снегирь, иволга, красный щур и многие другие. У этих птиц окраска не приспособлена к окружающей обстановке. Они могут позволить себе роскошь в красках, так как, очевидно, обладают разными другими способами защиты. Да и то, у большинства этих ярко окрашенных птиц, только самцы имеют блестящее оперение, самки же, которые могли бы яркой окраской выдать свое присутствие врагам и погубить потомство, очень часто имеют тусклое оперение, под цвет окружающей обстановки.

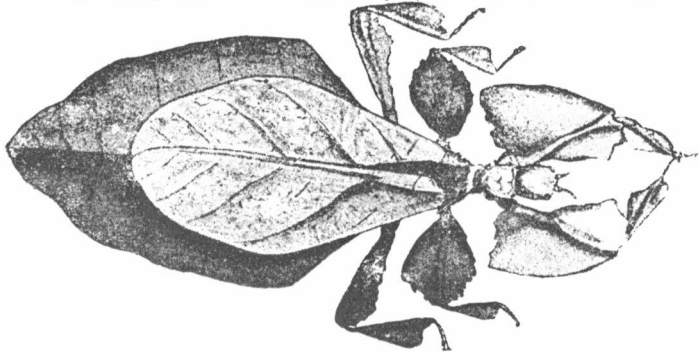
Такое сходство по оперению с окружающими предметами получает еще больший смысл, если принять во внимание, что хищные птицы, которые главным образом охотятся на них, в своих поисках за добычей руководствуются исключительно зрением на большом расстоянии. Если мы обратимся к полярным странам, то увидим новое подтверждение вышеприведенных рассуждений. Белая окраска преобладает почти у всех животных, обитающих в этих странах, которые большую часть года покрыты снегом. Мы знаем здесь белого медведя, белого песца, белого полярного зайца, белую куропатку, белую сову, снежного лемминга и других животных, имеющих белую или беловатую окраску. Понятно, что белый цвет перьев или меха наиболее предохраняет этих жи-

Суслики, степные жаворонки, ящерицы и др. обитатели степей, которые обыкновенно бывают покрыты выгоревшею желтовато-серою травой, окрашены совершенно под цвет такой местности. В песчаных пустынях преобладает желтоватая и песочно-серая окраска обитающих там животных. Словом, везде животные, чтобы укрыться от своих преследователей, стараются как можно более примеситься в своей окраске к цвету окружающих предметов.

Еще интереснее приспособление, которое выработали для той же цели многие морские животные: они, применяясь к бесцветной, прозрачной воде, в которой они живут, сделали сами прозрачными. В самом деле, отличный признак так называемых «пелагических» животных — это прозрачность и бесцветность. Наилуч-

Гусеница обыкновенного мешконоса (*Psyche unicolor*)

Насекомое-лист (*Phyllium scythe*)

вотных от всяких хищников, вследствие сходства со снежною пеленою, которая не сходит там почти целый год.

ший пример такого рода представляют медузы, студенистое, прозрачное тело которых совершенно незаметно в воде, а некоторые

из моллюсков и сальп достигают такой прозрачности, что через их тело можно читать, как через стеклянный предмет.

Морские животные, обитающие на дне, приобрели окраску, которая делает их сходными по цвету с морским дном и с обычными предметами, находящимися на нем. Скаты, имеющие плоское тело серовато-бурого или рыжеватого цвета, неподвижно лежат между камнями, полужансенными илом, и подстерегают добычу; они до такой степени сходны с такими камнями, что даже в аквариуме зритель долгое время совсем не обращает внимания на лежащие на дне камни и с великим удивлением замечает, что вдруг некоторые из них начинают двигаться и оказываются скатами. Полное сходство некоторых скатов с камнями достигается не только сходственной окраской, но и шероховатостью кожи на спине, покрытой многочисленными бородавочками, рубцами и морщинками, какие бывают у камней, источенных водою.

Для полного сходства с окружающими предметами животные очень часто не довольствуются окрашиванием своего тела в соответственный цвет, но получают форму, совершенно подобную некоторым предметам обычной их обстановки. Многие насекомые принимают вид стебелька или листового черешка и, благодаря этому, легко ускользают от внимания не только хищников, которые на них охотятся, но даже опытных на-

блюдателей. Для примера укажем на насекомое *Bacteria calamus* из семейства фасмид (Phasmidae), которое водится в лесах Суринама. Тело этого оригинального животного имеет вид палочки, длиной около четверти аршина; по наружному виду оно представляет удивительное сходство с обломанной веточкой; сегменты, из которых состоит его тело, расположены так, что представляют полное сходство с междоузлиями стебля; кожа его буроватого цвета, шероховатая и покрыта шипами, а местами имеются скопления волосков, которые представляют полное подобие с плесневыми пятнами на гниющих ветвях.

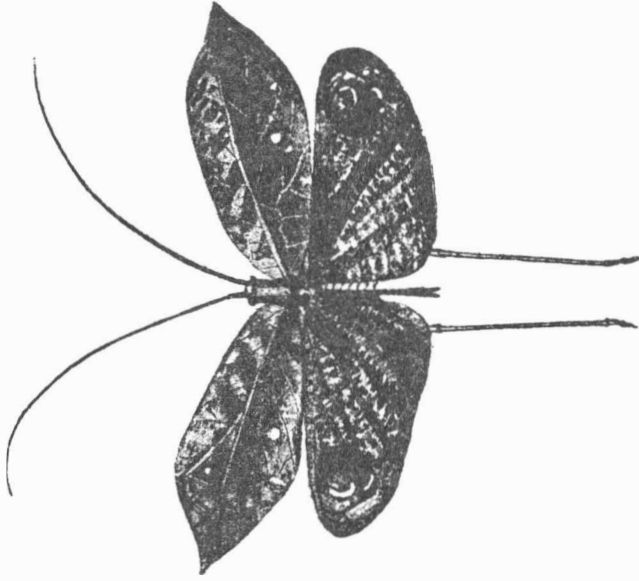
В наших лесах гусеницы многих бабочек очень похожи на веточки, на которых они обыкновенно живут. Для более полного сходства, завидев какую-нибудь опасность, они откидываются в сторону, прикрепляясь к ветке одними задними ножками, и замирают в таком положении, так что их никак нельзя отличить от сучка веточки. Очень многие бабочки, когда сидят на кусте, до такой степени сходны с листьями растения по окраске крыльев, по черточкам, которые соответствуют жилкам листа, наконец, по форме и по положению, что, даже глядя в упор, нельзя заметить их. Для большего сходства у некоторых бабочек на крыльях есть даже небольшие выемки или круглые отверстия, словно дыры на листе, выеденные червями.

2. Миметизм

Некоторые животные находят для себя более выгодным уподобляться по окраске и форме не каким-нибудь предметам мертвой природы, а другим животным, более сильным, чем оно, и таким путем, надевая на себя маску более внушительного вида, спасаются от преследования врагов. Такой вид приспособленности животных называется *миметизмом*. Различают несколько видов миметизма. В большинстве случаев цель такого переодевания животного заключается в том, что, воспользовавшись маской другого животного, в каком-нибудь отношении страшного или опасного для его обычных преследователей, животное таким путем пытается спасти свою шкуру.

В Центральной и Южной Америке есть некоторые бабочки, которые выделяют особые едкие жидкости на своем теле, и потому обычные враги бабочек, птицы и обезьяны, не преследуют их, зная по опыту едкий вкус и неприятный запах этих насекомых. Многие другие бабочки, которые не обладают способностью выделять такие жидкости, приобрели полное сходство по форме,

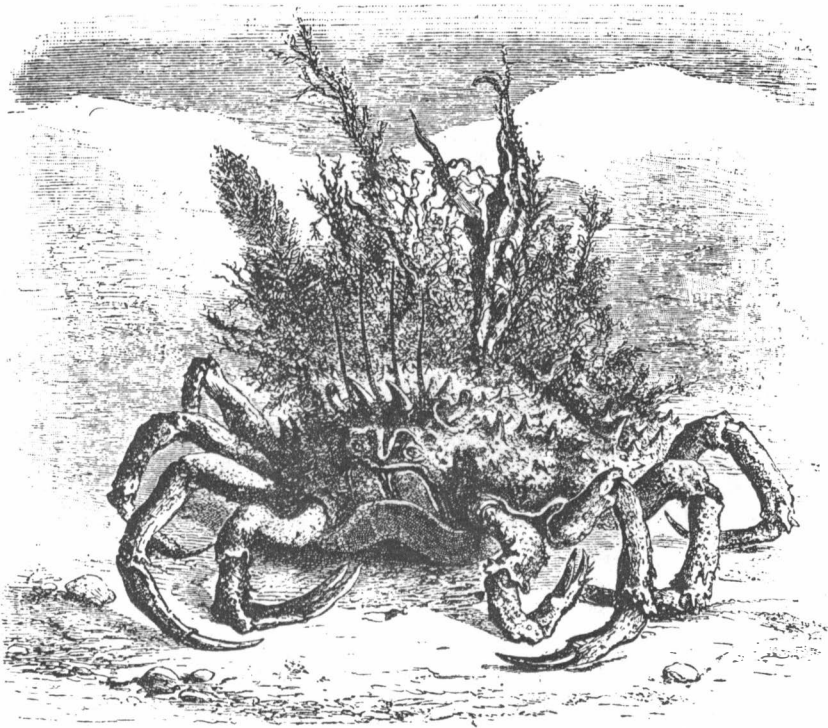
окраске и величине со своими несъедобными родичами и вследствие этого также пользуются безопасностью от преследователей, хотя и совершенно незаслуженно. В Средней России водится бабочка стеклянница; толстое рыжеватое тело ее, исполосованное ярко-желтыми поперечными черточками, узкие, длинные и прозрачные крылья и, наконец, способность жужжать, чего не делают другие

Листопоподобное насекомое (*Retrochroa ocellata*)

Березовая пяденица (*Amphidasis betularia*)

Краб, обросший гидроидными полипами и водорослями, скрывающими его тело

бабочки — все это делает стекляницу настолько похожей на осу, что ее очень трудно отличить от этого насекомого, сравнительно хорошо вооруженного острым, ядовитым жалом. Таким образом под видом осы стекляница избегает преследования своих обычных врагов. Другие бабочки стре-

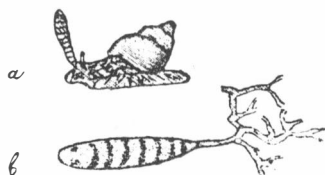
мятся уподобиться шмелям или шершням и этим способом избегают угрожающих им опасностей. Многие безвредные змеи уподобляются по внешнему виду опасным ядовитым, почему животные, которым они служат пищей, конечно, избегают нападать на них.

Во всех указанных примерах животные пользуются внешним сходством с другими, более хорошо защищенными животными, единственно с целью укрыться от своих врагов; но бывают и другие случаи, когда маска надевается с целью замаскировать свои нападения на других животных. Такой миметизм называется *агрессивным*. Для примера можно указать на некоторых мух из семейства Syrphidae, которые по внешнему виду сходны со шмелями или пчелами. Благополучно избегая таким образом опасности со стороны насекомоядных птиц, они в свою очередь производят нападения на шмелей, к которым незаметно проникают, благодаря своему сходству, и поедают у них запасы или истребляют личинок. Бывает и так, что более сильное су-

шество уподобляется слабому для того, чтобы удобнее охотиться. Такой вид миметизма называется *извращенным*. Очень часто хорошо вооруженный хищник принимает невинный вид своей добычи. Примеры такого рода легко найти в том же классе насекомых. Так, напр., в Норвегии водится хищная оса (сем. Crabronidae), которая по внешнему виду совершенно сходна с теми мухами, на которых она охотится и, благодаря этому, с удобством может приближаться к ним.

Особую форму миметизма, сопряженную с самопожертвованием в интересах потомства, представляет один паразитный червь *Distomum macrostomum*. Этот паразит во взрослом состоянии живет в кишках некоторых насекомоядных птиц, напр., у соловья, а в личиночной стадии паразитирует в теле улиток (*Succinea amphibia*). Очень часто, рассматривая такую улитку, можно видеть, что один из ее щупальцев (рогов) сильно увеличен (до одного дюйма) и по наружности имеет большое сходство с личинкою насекомого: цилиндрическое тельце это раскрашено поперечными зеленоватыми полосками, а на переднем конце находятся чер-

ные точки в виде глаз. Анатомическое исследование показывает, что внутри этого увеличенного щупальца находится личинка вышеупомянутого паразитного червя; от нее отходит внутрь тела улитки отросточек, который сильно ветвится в печени ее. Цель такого уподобления личинки насекомого заключается в том, чтобы привлечь внимание насекомоядной птицы и обманном образом побудить ее съесть эту личинку. Действительно, птичка склевывает у улитки такое щупальце, принимая его за личинку насекомого, и тогда зародыши (церкарии), находящиеся внутри личинки червя, получают дальнейшее развитие и превращаются во взрослых дистомов.

a—улитка (*Succinea*) с *Zeucohogium paradoxum*; в одном из щупалец *b* изолированный паразит с его разветвленными корнями.

Мухи из семейства Syrphidae

3. Приспособления движений и манер животных

Все для той же цели — укрыться от врагов, многие животные, не довольствуясь уподоблением по внешнему виду с различными предметами или с другими животными, усвоили себе некоторые своеобразные *движения и манеры*, которые еще более обеспечивают им безопасность. Весьма часто встречается у животных способность притворяться мертвыми, если им грозит какая-либо опасность. Такая способность более распространена среди низших животных, главным образом у насекомых.

Некоторые жуки, при виде опасности, подтягивают ножки и усики к туловищу, плотно прижимают к нему головку и делаются таким образом похожими на окоченевший труп. У некоторых даже имеются специальные ямки и бороздки на брюшке, чтобы прятать ножки и усики. По большей части также, притворяясь мертвыми, животное принимает в то же время вид какого-нибудь неодушевленного предмета.

Другие животные вводят в заблуждение своих преследователей особою манерою своих движений, уподобляя их некоторыми другими движениями, обычными в их жизненной обстановке. Для примера можно указать на бабочку *вертуню* (сем. Tortricidae), гусеницы которой в огромном количестве разводятся на наших хвойных деревьях, причиняя им значительный вред. Эта маленькая бабочка усвоила себе очень оригинальную манеру летать; именно, она летит не в прямом направлении, а извилисто, делая самые причудливые зигзаги,

при этом многократно переворачивается; такой оригинальный полет бабочки находит себе вполне удовлетворительное объяснение. Действительно, в хвойном лесу, под осень, когда именно и летают эти бабочки, очень часто падают с дерева крылатые семечки елей и сосен, которые, падая, летят именно таким образом. Понятна польза для бабочки вертуни, которую она получает от такой манеры летать, потому что хищные птицы, которые поедают этих бабочек, легко могут ошибиться, приняв это насекомое за несъедобное для них семечко.

Если обратимся теперь к высшим животным, то и у них найдем не меньшее разнообразие самых хитроумных приспособлений к тому, чтобы обмануть бдительность угрожающих им врагов или коварно подкрасться к своей жертве. Каждому охотнику известны многочисленные примеры того, как дичь употребляет очень остроумные приемы для того, чтобы скрыться и спасти свою шкуру.

4. Приспособление животных к физическим условиям

Во всех случаях приспособляемости, которую мы рассмотрели, можно усмотреть одну общую идею: животное прибегает к тем или другим ухищрениям с целью *скрыться*, сделаться менее заметным. Но существуют другие роды приспособлений, которые вызываются еще более важной заботой, заботой о пропитании или о продолжении своего рода. Как ни благодетельна мать-природа, как ни мудро устроен Божий мир, животные находят себе пропитание лишь с большим трудом. Не везде накрыт готовый стол для каждого из них и не во всякое время. Не всегда насекомоядные птицы могут найти нужных для их пропитания насекомых; эти последние в свою очередь не всегда находят сочные стебли или плоды растений, — словом, жизнь всякого животного находится в тесной зависимости от жизни других животных или от растений, а все это, в свою очередь, находится в полной зависимости от различных явлений природы, от физических условий населяемой ими местности.

Наличность какой-либо пищи или ее отсутствие прежде всего обуславливается временами года, и мы повсюду видим всевозможные приспособления жизни животных к этому фактору природы. В умеренном поясе, с наступлением зимы, для большинства животных иссякают обычные источники их пищи; поэтому им остается одно из двух: или голодать под угрозой смерти, или как-нибудь приспособиться к такому периодическому прекращению питания на много месяцев. Мы знаем, что в прежние эпохи существования земли зимы не было, что в нынешних полярных странах круглый год было столь же тепло, как в настоящее время под тропиками, так что, напр., в Гренландии или на нынешнем побережье Ледовитого океана могли произрастать пальмы, древовидные папоротники, гигантские хвощи и другие представители древней флоры. Состав животного царства соответствовал таким климатическим условиям. Но постепенно, по мере охлаждения земли, на ее поверхности начали обособляться различные области с неодинаковым климатом. Появилась зима — многомесячное замирание природы с ее морозами, вьюгами, снежным покровом. Прежнее безбедное существование для животных сделалось невозможным, но они, в большинстве случаев, сумели приспособиться к новым условиям жизни, а те из них, которые оказались менее способными приспособляться, вымерли и уступили место на земле своим более совершенно организованным потомкам. В настоящее время мы видим, что вся жизнь большинства наших животных вертится около смены времен года, зимы и лета, как около главной оси их бытия. Приспособления животных к зимовке настолько общеизвестны, что мы, по привычке, даже не придаем этому никакого значения, находя вполне естественным, что зимою, когда резко изменяются физические условия, животные должны в сильной степени изменить свой образ жизни сравнительно с летом; но стоит только немножко вдуматься в этот обычный факт, и мы увидим воочию поразительные примеры приспособляемости животных.

Вот главные факты приспособления животных к низким температурам зимы.

Один из самых поразительных случаев приспособляемости к долговременному голоданию заключается в том, что многие животные впадают в так называемую *зимнюю спячку*. В этом состоянии животное в течение нескольких месяцев совершенно не принимает пищи и находится в сонном или оцепенелом состоянии, или же просыпаясь лишь изредка, во время оттепели.

Сущность спячки заключается в том, что жизненный обмен веществ в организме на это время уменьшается до минимума, так что уменьшается трата веществ, составляющих ткани спящего животного, а вследствие этого уменьшается также и потребность в их восстановлении, т.е. в питании. Животные умеренного пояса погружаются в спячку зимой: в теплых странах зимы не

бывает, и резко различаются между собой лишь два времени года: дождливое и сухое. Отсутствие влаги в сухое время года отражается на жизни организмов также, как у нас понижение температуры, и связано с уменьшением или полным отсутствием пищевых продуктов для животных; поэтому спячка животных жарких стран приурочивается к сухому времени года.

У многих птиц выработалось совершенно иного рода приспособление для избегания неблагоприятных условий зимнего существования. Имея в своем распоряжении могущественный орган передвижения — крылья, они покидают свою родину на весь зимний период и перелетают в другую страну, где зимы нет. Такой правильный *перелет* птиц из одной страны в другую, иногда на расстояние более 1000 верст, совершают очень многие птицы наших стран.

Таковы способы борьбы с неблагоприятными зимними условиями у более высших животных: у млекопитающих, пресмыкающихся и амфибий — спячка, у птиц — перелет. На жизни более низших животных зимнее замирание природы отражается еще более решительным образом.

Очень многие насекомые для той же самой цели сокращают срок своей жизни до одного лета: рождаются весной, в течение лета успевают вырасти, произвести потомство, а с приближением зимы умирают. Громадное большинство насекомых живут таким образом в течение одного лишь теплого времени года.

Лишь немногие сумели продлить свою жизнь путем особого приспособления, проводя часть жизни в особом, полумертвом состоянии, в стадии личинки, зарывшись в землю, или в каком-либо другом надежном убежище, где зима не может повлиять на них губительным образом. Такого же рода приспособления существуют и у некоторых других беспозвоночных животных, которые умирают по истечении лета, успев заготовить зародыши для будущего поколения. Некоторые из низших животных заготавливают на зиму особого рода яички, способные вынести суровые зимние условия.

5. Приспособление для взаимных сношений животных между собою

До сих пор мы видели, что у животных существуют самые разнообразные приспособления, в которых можно усмотреть одну основную мысль — стремление сделаться незаметными. Спрятаться, притаиться, надеть на себя шапку-невидимку — одинаково добиваются и могущественный хищник, и его слабая жертва. Такое стремление становится совершенно понятным, если принять во внимание, что все животные принуждены вести постоянную борьбу между собой, в которой для всех одинаково выгодно укрыться или притаиться. Эту непрерывную, ожесточенную борьбу всех организмов между собой, растительных между растительными, животных между животными, тех и других вместе со всей окружающей природою, живую и мертвую, называют *борьбой за существование*. Она есть главнейший двигатель всей жизни животных и представляет собою ту основную пружину, которая постоянно возбуждает организм к проявлению их свойства приспособляемости; таким образом появились у животных все вышеописанные явления удивительной приспособляемости к жизненным условиям.

Но стремясь в этой беспощадной борьбе за жизнь к тому, чтобы укрыться, и достигая в этом все большего и большего успеха, животные становятся трудно заметными не только для своих врагов, а также для друзей и родичей, даже для членов одного и того же вида. Самцам и самкам, хорошо приспособленным к укрыванию от врагов, стало бы трудно отыскивать друг друга, если бы у животных не выработались особые приспособления, с помощью которых они могли бы переговариваться между собою, сообщать друг другу о своем присутствии каким-либо особым способом, понятным для них самих, но непонятным для других. Такого рода своеобразный «язык» для взаимных сношений между собою родственных животных в действительности существует. Все приспособления такого рода можно разделить на следующие три группы: 1) приспособления у животных для сношений при помощи звуков; 2) посредством запахов и 3) посредством свечения.

Переговоры животных посредством издаваемых ими звуков весьма широко распространены в животном царстве. Правда, мы слышим звуки у не-

многих сравнительно животных: у зверей, птиц, амфибий, немногих рептилий, также у насекомых, остальные все животные кажутся нам немыми, но можно предполагать, что это так кажется нам только вследствие несовершенства нашего органа слуха. Несомненно, в природе есть много таких звуков, которых наш слуховой аппарат не может воспринимать.

Следующее рассуждение приводит к такому заключению. Слуховой и зрительный органы у человека кажутся нам высоко совершенными, между тем наше ухо может воспринимать лишь такие звуки, которые соответствуют от 16 колебаний в секунду до 40 000, да и то лишь при особых лабораторных условиях. В обыденной жизни мы уже не слышим звуков, которые происходят при числе колебаний меньшем, чем 34, или большем, чем 25 000 в секунду.

Что касается глаза, то он устроен у человека еще менее совершенно, чем ухо. В настоящее время мы хорошо знаем, что в природе существуют лучи, которых наш зрительный аппарат не воспринимает при обыкновенных условиях, но они становятся видимыми при некоторых особенных условиях; таковы все лучи спектра за красным его концом и за фиолетовым («ультракрасные» и «ультрафиолетовые» лучи). Более того, есть очень веские доказательства на то, что глаз человека постепенно совершенствуется. Можно думать, что человек лишь сравнительно недавно научился различать все те цвета, которые мы теперь насчитываем в спектре. На основании древнейших памятников китайской и индийской литературы, ученые предполагают, что раньше человек умел различать лишь один только красный цвет и вся окружающая природа казалась ему красною. Впоследствии он постепенно приобрел способность различать и другие цвета в том порядке, в котором они следуют друг за другом в спектре. Доказательство этого можно видеть в том, что в самых древних памятниках, какие мы знаем, встречается название одного только красного цвета, затем прибавляется оран-

жевый, желтый, зеленый, голубой, синий и фиолетовый. Некоторые ученые предполагают, что звери и до сих пор еще не умеют различать многих лучей спектра, что касается птиц, то у них, по-видимому, глаз более развит, и они могут различать такие же цвета, как и человек, что видно из яркости и разнообразия оперения многих из них.

Ввиду всех этих соображений, органы внешних чувств человека нельзя считать совершенными, и можно предположить, что у некоторых животных есть органы более совершенные, хотя бы в каком-нибудь одном отношении.

На это предположение наводят нас многочисленные данные. Так, мы знаем, что у некоторых животных, которые кажутся нам немыми, есть органы слуха, иногда весьма совершенного устройства. Конечно, можно предположить, что эти животные могут воспринимать извне звуки, а сами не умеют их издавать, но гораздо более вероятно будет допущение, что они также могут производить звуки, которых мы не можем слышать, а другие животные, хотя бы только одни особи того же вида, могут их воспринимать своими органами непонятным для нас образом. Быть может со временем мы откроем какие-либо особенные условия, при которых такие звуки следуются и для нас понятными. Ведь не столь давно мы научились обнаруживать некоторые лучи, которые раньше для нас были совершенно незаметны, как, напр., термические лучи, химические, фосфоресцирующие, рентгеновские. Относительно муравьев достоверно доказано, что они различают ультрафиолетовые лучи, недоступные человеческому глазу.

Переходя к способам, которые употребляют животные для произведения звука, мы можем отметить два основных способа: одни животные производят звук трением каких-нибудь твердых частей тела друг о друга, другие — сотрясением особых снарядов, поставленных на пути струи выдыхаемого воздуха; звуки второго рода называются вообще *голосом*. Первый способ производства звуков весьма распространен у насекомых. У них в разных частях тела существуют особого рода шероховатые линии, как бы струны, по которым движутся снаряды вроде смычков. Кузнечик имеет такие снаряды на крыльях и трением их производит известный пронзительный звук. У других, как, напр.,

у кобылок, струны расположены на крыльях, а смычком служит нога, у короедов струны находятся на нижней поверхности надкрылий, а смычок на брюшке, так что здесь струна трется о смычок, а не наоборот. Известны некоторые рыбы, которые издают звук, щелкая жаберными крышками, некоторые двухстворки трут свои раковины друг о друга и т. п.

Для производства голоса в большинстве случаев служат так называемые голосовые связки, но у некоторых насекомых для этой цели имеются особые пленочки или щетинки, поставленные на краях дыхательных отверстий.

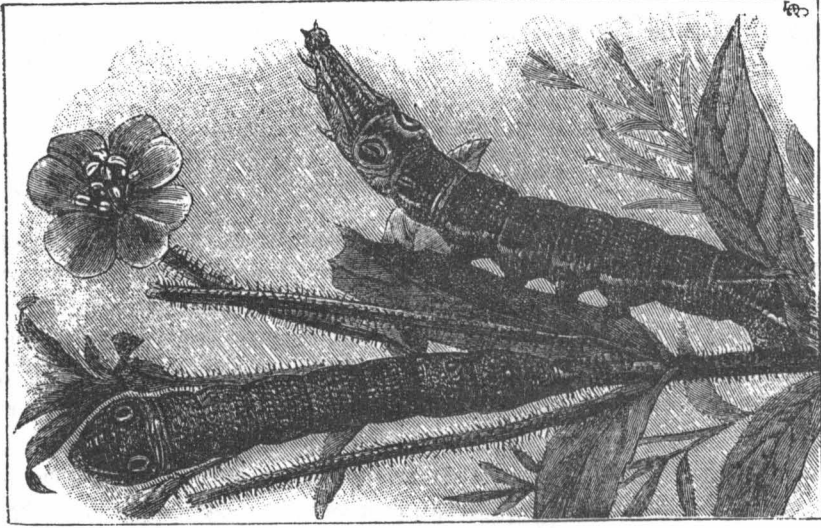
Гораздо менее распространен в животном царстве способ взаимных сношений посредством *запахов*. Многие из млекопитающих при отыскании себе подобных руководствуются запахом. Насекомые также довольно часто обладают способностью выделять особые пахучие вещества и пользуются этим для привлечения друг друга.

Собиратели коллекций довольно часто употребляют следующий способ ловли некоторых насекомых. Изловив самку такого вида, помещают ее в стакан, завязанный сверху кисеей, и ставят его на открытом месте. Через некоторое время слетается несколько самцов, привлеченных запахом, издаваемым узнцей. У мелких насекомых

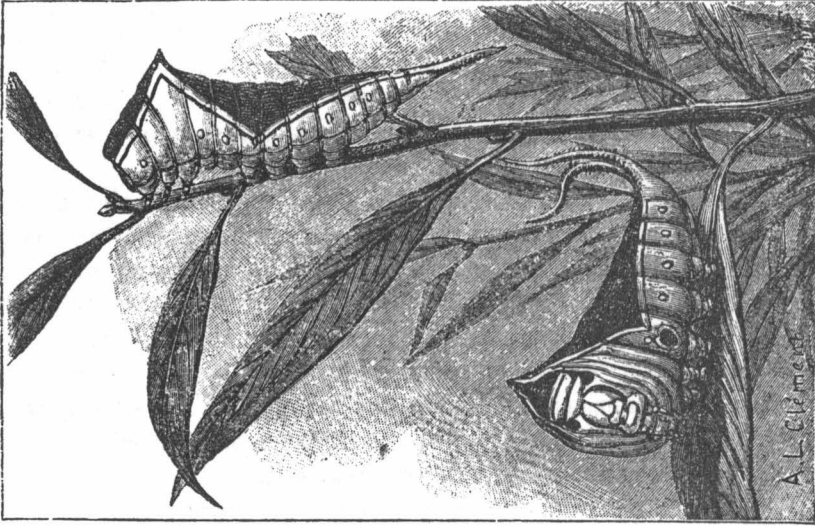
в большинстве случаев запахи бывают весьма тонкие, трудно различимые, но в виде исключения встречаются и сильно пахнущие насекомые. Так, в Бразилии есть некоторые бабочки, которые издают сильный приятный запах, и их нарочно вносят в комнаты, чтобы насладиться испускаемым ими благоуханием.

Еще реже, чем запахи, в животном царстве встречается *свечение*, как способ привлечения друг друга. Сущность способности свечения у животных еще не вполне выяснена. У некоторых животных для этой цели существует специальный орган свечения, как, напр., у Иванова червячка, но иногда светится не особый орган, а весь наружный покров или некоторые его части. Замечательно, что некоторые животные могут вызывать и прекращать свечение по своему произволу, так, напр., светящийся жучок, испугавшись шума, моментально перестает светиться.

Способность издавать звуки, запахи или светиться, кроме своей главной цели—завязывать сношения друг с другом, иногда может иметь и постороннее назначение. Многие животные, напр., пользуются вышеуказанными способностями для отпугивания врагов. Схваченное насекомое или кричит, или брызжет мельчайшими капельками пахучей жидкости, стараясь отпугнуть таким образом своего преследователя; у других животных для той же цели—отпугивания врагов—имеются специальные приспособления, иногда в высшей степени хитроумные. Гусеницы шелкопряда и некоторые жуки в виду опасности внезапно выпускают на определенном месте тела особые выросты, в виде вилки или растопыренных пальцев желтого или ярко-красного цвета, и таким образом отпугивают некоторых врагов. У ящерицы, называемой плащеносной, существует особый воротник, который она может расправлять, и таким способом придает себе страшный вид. Многие млекопитающие, напр., кошки, собаки и

Chaetocnema bipunctum (направо — в спокойном состоянии, налево — возбужденная)

Dictyalura vinula (наверху — в состоянии покоя, внизу — в момент нападения врага)

проч., для того чтобы придать себе более внушительный вид, поднимают на спине шерсть дыбом.

Указанных примеров, которых можно было бы привести сколько угодно, достаточно, чтобы доказать, что всем животным присуща способность приспосабливаться к самым разнообразным условиям жизни. Эта удивительная способность выражается в приспособлении формы тела животного, его окраски, привычек и т. д. к всевозможным условиям существования.

Но еще более наглядно проявляется перед нами эта приспособительная способность, когда мы сами по своему произволу вызываем те или другие изменения в организации животного, поставив его в особые условия, созданные нами самими. Если взять обыкновенную речную гидру и вывернуть ее наизнанку, как палец перчатки, то она не погибнет, а скоро сумеет приспособиться к жизни в новом положении. Различные ткани, из которых состоят стенки ее тела, постепенно переменяют свое назначение, так что прежний наружный слой, очутившись внутри, скоро начинает играть роль внутреннего слоя и, наоборот, внутренний, очутившись снаружи, получает значение наружного.

Из икры тритона, отложенной весной в воду, развиваются личинки, которые дышат жабрами. При обыкновенных условиях эти головастики в конце лета теряют свои жабры, выходят из воды и живут, как сухопутные животные. Если же искусственно задержать головастика-тритона в воде (напр., устроив перегородку под поверхностью воды), то эти головастики достигают зрелого возраста, не теряя жабр, и в течение нескольких лет могут продолжать жизнь водного животного. Таким образом, мы искусственно можем задержать развитие животного и заставить его оставаться водным, вместо того чтобы превратиться в наземное.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Размножение животных

Всякое живое существо, после некоторого времени своего существования, умирает, и тело его разрушается. Не прекращается органическая жизнь на земле только потому, что одновременно с этим беспрестанно появляются на свете новые существа, происходит *народжение* новых живых существ. В большинстве случаев мы знаем, как это происходит: рождающиеся организмы происходят от подобных им родителей. Однако далеко не всегда можно проследить и объяснить появление на свет нового живого существа. Иногда мы, даже при внимательном исследовании, не можем объяснить себе происхождения того или другого организма. Откуда, например, появляются так называемые «черви» на испорченном мясе, водоросли в застоявшейся воде, плесень на завалившейся корке хлеба?.. Ответ на все это в науке получен не так давно, а при первом взгляде появление организмов во всех этих случаях кажется загадочным.

Не будучи в состоянии объяснить происхождения некоторых организмов обыкновенным путем, т.е. путем *размножения* особей, ранее существовавших, ученые с давних времен приписывали происхождение их действию таинственных сил природы и божества и называли это *произвольным зарождением* (*generatio spontanea*). Ученые древности (Аристотель и др.) думали, например, что даже такие высокоорганизованные животные, как рыбы и насекомые, рождаются из ила. Такое мнение держалось очень долго, и только в XVII и XVIII столетиях явился ряд ученых, оспаривавших это. Однако, при тогдашнем состоянии науки, далеко не для всех организмов можно было доказать размножение путем рождения. Что же касается самых низших животных, то еще долго держалось убеждение о произвольном зарождении. С изобретением микроскопа стали известны поразительные факты появления живых организмов. Брели, напр., совершенно чистую воду, в которой микроскоп, при самом тщательном исследовании, не открывал никаких признаков живых существ, и оставляли ее стоять в наглухо закупоренном сосуде. Через несколько дней, иногда даже часов, микроскопическое исследование открывало в капле такой воды кипучую жизнь: здесь сновали инфузории различных видов, плавали или росли неподвижно некоторые водоросли или грибки, иногда замечалось присутствие и более сложных организмов... Откуда же все это могло взяться? Раньше в воде ничего не было, извне организмы проникнуть не могли; очевидно произошло зарождение их без участия родителей... Так рассуждали в то время, когда биологическая наука была еще мало развита.

При настоящем состоянии науки подобное зарождение организмов в воде и многие другие, еще более поразительные случаи появления организмов (гниение, брожение, многие патологические процессы), очень легко могут быть объяснены и без допущения произвольного зарождения — необыкновенною распространенностью и живучестью зародышей низших организмов. Опыты знаменитого Пастера показали, что если действительно уничтожить в воде, бульоне или какой-нибудь другой питательной жидкости все организмы и их зародыши (чего можно достигнуть, напр., продолжительным кипячением) и затем абсолютно устранить доступ организмов извне, то жидкость может стоять неопределенное время, и в ней не появятся никаких признаков организмов. Достаточно заткнуть флакон с такой жидкостью ватой, в которой предварительно уничтожены каким-нибудь образом все живые существа и их зародыши, и жидкость в таком флаконе на не-

определенное время застрахована от брожения, загнивания и т. п.

Итак, в настоящее время опровергнуты все факты, которыми раньше доказывали произвольное зарождение; твердо установлено, что организмы всегда происходят от себе подобных родителей путем рождения; что же касается произвольного зарождения, то оно никогда не наблюдается, и нет никакого основания и никакой надобности даже теоретически допустить возможность его в настоящее время.

Этим, однако, далеко еще не решается вопрос о происхождении организмов. Если принять, что все живые существа, как высшие, так и низшие, происходят всегда от других организмов, то вопрос о происхождении на земле первых животных и растений останется не решенным. Необходимо допустить, что первоначальные живые существа произошли на земле каким-то иным способом, так как при современных научных воззрениях невозможно допустить, что органическая жизнь существовала на земле вечно. В самом деле, мы знаем, что в древнейшие эпохи земля представляла собою раскаленное тело без воздушной и водяной оболочки; очевидно, что при бывших в то время физических условиях существование каких бы то ни было организмов было невозможно. Следовательно, органическая жизнь появилась на земле самостоятельно; в истории земли был момент, когда организмы впервые появились на земле.

Впрочем, были попытки объяснить появление живых существ на земле еще иным способом. В 1865 году ученый Рихтер высказал предположение, что зачатки организмов могли попасть на землю с других планет. По его мнению, метеоры, падая на землю с других небесных миров, могли заключать в себе зачатки организмов. Было и еще несколько авторитетных сторонников такого мнения, как, например: Вильям Томсон, Ган, Вейнланд, Берцеллус и некоторые другие. Однако мысль о занесении на землю органической жизни трудно допустима, отчасти даже фантастична, тем более, что она и не дает решения интересующего нас вопроса о происхождении жизни вообще в природе.

Гораздо более вероятно первое предположение — о произвольном возникновении живых существ на земле, которое принято некоторыми учеными, в противоположность другой теории — так называемого творения. Действительно, мы знаем, что элементы, из которых состоит живая организованная материя — протоплазма, — одни из самых распространенных на земле: кислород, углерод, водород, азот, сера. Ничто не препятствует нам допустить, что некогда, при совершенно особенных физических условиях, элементы эти соединились между собой таким

образом, что образовали сложное органическое соединение, белковое вещество, или что-либо ему подобное, которое опять-таки при совершенно особенных условиях приобрело свойство живой материи. Такое допущение несколько облегчается тем, что мы в состоянии искусственно создать очень многие органические соединения, из которых состоят ткани живых организмов. Со временем, быть может, химики сумеют искусственно получить даже

и белок, из которого состоит плазма. Конечно, эта мертвая плазма существенно отличалась бы от живой материи, так что и произвольность зарождения еще не доказана.

Но каково бы ни было первоначальное происхождение организмов на земле, в настоящее время нет никакой надобности допускать, что произвольное зарождение имеет место и теперь, так что животные происходят только путем рождения от себе подобных родителей.

Самые способы рождения — размножение в широком смысле слова — до крайности разнообразны. В животном царстве можно различать два главных типа размножения, резко различающихся между собою, хотя и связанных постепенными переходами. Эти два типа размножения: бесполое и половое.

1. Бесполое размножение

Бесполое размножение происходит при участии *одной только особи*. Его можно назвать *ростом, выходящим за обыкновенную меру объема особи*. Сущность его заключается в том, что от тела взрослого материнского организма тем или другим способом отделяется некоторая часть, которая затем растет и достигает размеров взрослой особи.

Обыкновенно бесполое размножение происходит таким образом, что клеточка, составляющая весь организм, делится на две половины. Такой способ называется *делением*. Оно встречается только у низших животных: корненожек, инфузорий и других. Самый процесс деления заключается в том, что на теле животного появляется бороздка, в виде кольцеобразного желобка, который постепенно все углубляется и, наконец, разделяет все тело на две части, соединенные между собой лишь небольшой перемычкой; последняя все утончается и, наконец, разрывается, так что животное распадается на две независимые части. Они начинают увеличиваться, приобретают недостающие им снаряды: жгутики, реснички и др., и превращаются во взрослое животное.

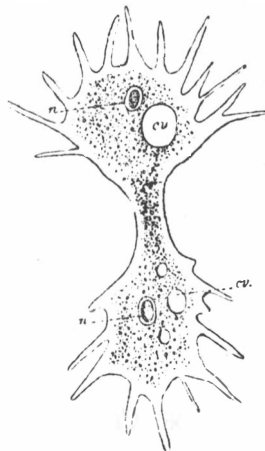
Так происходит процесс деления лишь у самых низших животных, в теле которых нет почти никакой дифференцировки, и каждая часть организма подобна другим. У более сложно устроенных одноклеточных организмов, как, напр., инфузорий, процесс этот

сильно усложняется. У других животных, в особенности у низших многоклеточных,

бесполое размножение происходит таким образом, что на определенных местах их тела образуются небольшие выросты, так называемые *почки*, которые постепенно отгораживаются от остальной части тела перегородкой и затем отделяются. Такой способ размножения называется *почкованием*. Сущность этого процесса состоит в том, что новая особь образуется из маленькой частицы материнского тела, а не из половины, как бывает при делении. Почка у многоклеточных животных всегда состоит из нескольких клеток, чем она существенно отличается от яйца или споры, которые первоначально всегда состоят из одной клетки. Размножение почками широко распространено в животном царстве. Оно

встречается у червей и у бескишечных. Различают два вида почкования: наружное и внутреннее.

Наружное почкование встречается чаще; вот как происходит оно, например, у поли-

Амoeba polyopodia во время деления

n — ядра; cv — сократ. пузыри

пов. На поверхности тела этого животного в определенном месте образуется сначала небольшой бугорок. Вскоре в него проникает изнутри небольшой полый отросток туловищной полости материнского организма; бугорок все растет и принимает форму взрослого животного. На наружном конце его образуется отверстие и вокруг него вырастает определенное число щупальцев. В таком состоянии почка совершенно сходна с материнским организмом и отличается от него только меньшей величиной.

Дальнейшая судьба почек бывает различна. Иногда она отрывается, начинает жить самостоятельно и постепенно достигает величины взрослого животного, но у некоторых животных созревшие почки не отпадают, а остаются прикрепленными к телу матери на всю жизнь. Таким путем происходят колонии животных, образующие сложную систему, напр., в виде древовидного разветвления.

У кольчатых червей почкование происходит несколько иначе. Некоторые из сегментов, лежащие посредине, изменяются таким образом, что становятся совершенно сходными с передним сегментом животного, с головкой. Некоторое время червяк живет в таком виде, но постепенно у изменившихся сегментов вырастают и другие части тела, а затем животное распадается на части, и каждая из них, живя само-

стоятельно, превращается во взрослую особь и потом сама распадается на несколько частей.

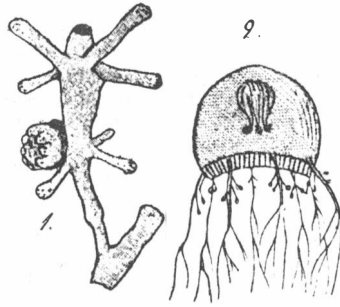
Внутреннее почкование заслуживает особого внимания, так как оно составляет переходную ступень к половому размножению. Этот способ размножения заключается в том, что почки образуются внутри тела на внутренней поверхности его полости. Отделившись от стенок тела, почки в виде отдельных комочков помещаются в полости материнского организма и превращаются в новых особей. Таким образом внутреннее почкование отличается от

полового размножения, к которому мы дальше перейдем, только тем, что почки состоят

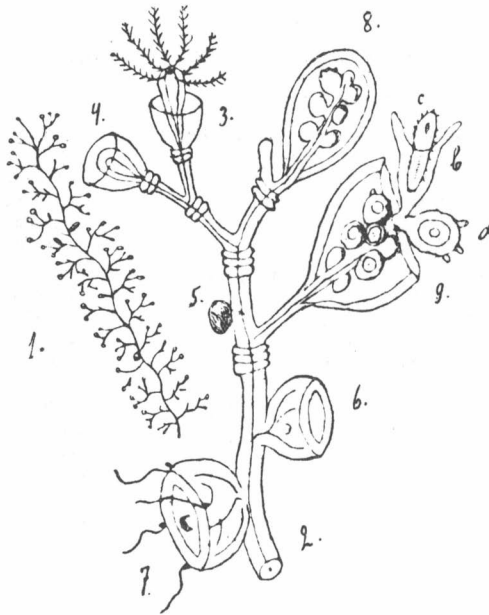
из многих клеток, а не из одной, каковы яички и споры. Внутреннее почкование наблюдается только у плоских червей, и подробности этого процесса будут рассмотрены дальше, в свое время, а теперь обратимся к третьей форме бесполого размножения.

Это наиболее редкая форма бесполого размножения, называемая *спорогонией*, т.е. размножением посредством спор. Спорогония наблюдается у грегарин и некоторых инфузорий, весьма не редко встречается, также у некоторых лучевиков и радиоларий. Сущность этого способа бесполого размножения заключается в том, что все тело животного

распадается на множество мелких частичек, называемых спорами; само животное при этом прекращает свою жизнь, а из каждой

Stauridium, на котором образуется медуза из боковой почки.— п. 2 Медуза, образовавшаяся из такой почки

Схематическое изображение Campanularia и ее развития
 1 — ветвь колонии вестествен. величину; 2 — конечная ветка, сильно увеличенная; 3 — гидрант в бокальчике; 4 — такой же гидрант, спрятавшийся; 5, 6 и 7 — почка, превращающаяся в медузу; 8 — гонофор; 9 — гонофор, лопнувший и высунувший образовавшиеся в нем почки, а — почка, содержащая яичко; б — почка, из которой выходит личинка (с)

споры при благоприятных условиях может развиться новое животное.

Очень интересную форму бесполого размножения представляет *копуляция*. Сущность ее состоит в том, что две особи соединяются между собою так совершенно, что тела их после этого представляют одно целое, так называемую *зизию* или *зиготу*. Через некоторое время зигота начинает усиленно размножаться делением или спорогонией.

Копуляция весьма интересна потому, что она представляет собой переходную ступень к половому размножению. В большинстве случаев копулирующие организмы ничем не отличаются друг от друга, но у некоторых животных в соединение вступают особи, которые значительно отличаются между собой; одна из них сильно напоминает женскую половую клетку низших животных и растений — яйцо, — а другая мужское семяночное тельце, и этот случай копуляции по существу ничем не отличается от полового размножения низших животных.

Наконец, у некоторых животных наблюдается еще особая форма взаимных отношений, которая очень близка к копуляции и наблюдается у некоторых инфузорий.

Процесс этот, называемый *конъюгацией*,

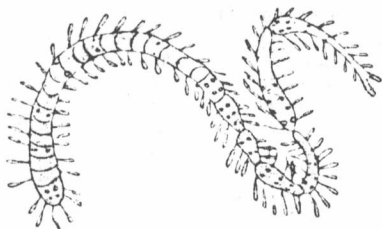
совершается следующим образом: две инфузории прилипают одна к другой и сростаются в месте соприкосновения; через некоторое время они вновь расходятся и каждая по-прежнему продолжает самостоятельную жизнь. Изучая этот процесс под микроскопом, ученые заметили, что за время их соединения во внутренней организации

каждой конъюгирующей инфузории происходят весьма сложные изменения. Внутренние органы их уничтожаются, ядро распадается на множество маленьких частичек, которыми обе конъюгаты обмениваются, так что, разъединившись по окончании конъюгации, каждая из них уносит с собой частицу другой особи; внутренние органы у каждой из них вслед за тем восстанавливаются.

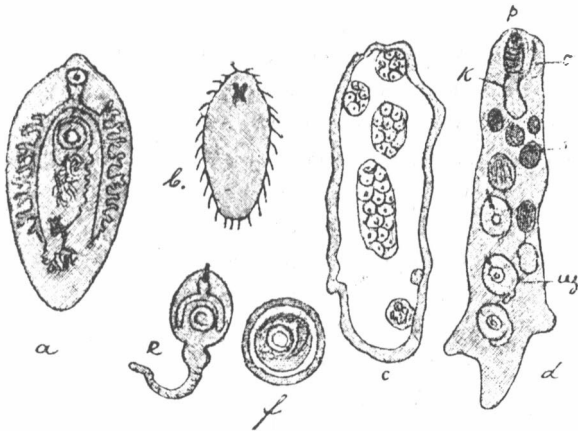
Конъюгация точно так же, как и копуляция, имеет огромное значение в жизни животных, которые приступают к этому процессу. Конъюгируют инфузории всегда после продолжительного размножения делением, причем организм их истощается, приходит в дряхлость, так что дальнейшее размножение делением становится уже невозможным. Конъюгация же восстанавливает их силы, и после этого обе инфузории снова на долгое время получают способность к бесполому размножению (делением).

Из всех рассмотренных нами видов бесполого размножения: деления, почкования, спорогонии, копуляции и конъюгации, самыми главными, без сомнения, должно признать первые две формы, а остальные представляют собой лишь различные переходные ступени к половому размножению. Бесполое размножение тесно связано с ростом

организма и отличается от него главным образом тем, что образовавшиеся вновь частицы не всегда остаются при материнском организме, а только в очень редких случаях (колонии). Такой связи бесполого размножения с ростом можно дать и теоретическое объяснение, исходя из *условий питания* по отношению к *объему* организма.

Кольчатый червь (сем. *Neroidea*), задняя часть тела которого распадается на несколько новых особей

Схематическое изображение двууста (*Distomum*) и его развитие

a — взрослый двууст; *b* — свободно плавающая личинка; *c* — спороциста с внутренними почками; *d* — редия со ртом *p*, кишечной *k*, выходным отверстием *o*, и внутренними почками, превращающимися в церкарий *ц*; *e* — церкария; *f* — такая же церкария, окружившая себя коконом

Маленький организм, не имея специальных органов для питания, всасывает пищу из окружающей среды (обыкновенно жидкости) всей своей поверхностью. Поэтому понятно, что для него важно, чтобы поверхность тела по отношению к объему не была меньше известной нормы. Между тем, пока продолжается питание, организм растет, причем поверхность и объем увеличиваются далеко не в одинаковой степени. Именно, объем увеличивается гораздо скорее поверхности*. Следовательно, через известный промежуток времени, в продолжении которого организм растет, наступит неблагоприятное для него отношение между поверхностью и объемом тела; поверхность как бы становится не в

состоянии прокормить непомерно увеличившееся тело. А в таком случае самым простым способом увеличить поверхность, не касаясь объема— это разделить организм на части, причем условия питания становятся опять очень благоприятными, и каждая часть начинает быстро расти. С таким объяснением хорошо согласуется вышеприведенное определение бесполого размножения, как «рост, выходящий за обыкновенную меру объема организма». При таком взгляде на бесполое размножение можно сказать, что и рост всякого высшего организма можно совершенно справедливо рассматривать, как процесс бесполого размножения клеток, из которых составлено все его тело.

2. Половое размножение

У более сложно организованных животных или исключительно, или, по крайней мере, преимущественно, практикуется половой способ размножения, хоть зачатки этой формы воспроизведения потомства, так сказать намек на него, встречаются и у низших одноклеточных животных. Видимое отличие полового способа размножения от бесполого заключается в том, что оно происходит *при участии 2-х особей*: мужской и женской. Здесь также, как и при бесполом способе, от тела отделяются маленькие частички, состоящие из одной клетки: у женской особи *яйцо*, у мужской особи—семянное тело, *живчик*. Для того, чтобы из яйца произошло развитие новой особи, нужно, чтобы с ним соединился живчик, чтобы произошло *оплодотворение* яйца.

Итак, половым называется такое размножение, которое происходит при участии двух особей. Однако существуют так называемые *гермафродитные* организмы, т.е. такие, у которых вырабатываются и яйца, и живчики, и притом для некоторых по крайней мере случаев доказана возможность самооплодотворения; если принять это во внимание, то приходится заключить, что сущность полового способа размножения заключается не в участии двух особей, а в участии *половых клеток двух различных родов*.

Итак, самый важный акт в половом размножении заключается в соединении мужской и женской половых клеток. В последнее время, однако, в науке сделались известными такие случаи размножения, которые не подходят к вышеуказанному определению. Эти явления называются *партеногенез* и *подогенез*. Дальше об этом будет сказано подробно, а пока только заметим, что в обоих этих случаях *яйца*

развиваются без оплодотворения живчиком. На основании этого можно прийти к заключению, что хоть оплодотворение весьма важно для полового способа размножения, но оно не составляет его необходимого признака. Таким образом определение полового способа размножения сводится к *размножению при помощи половых клеток*.

Половые клетки существенно отличаются от орудий бесполого, так называемого *веге-*

* Из геометрии известно, что объемы шаров относятся между собой, как кубы радиусов, а поверхности—как квадраты их. Следовательно, если радиус шарообразного организма увеличится, напр., вдвое, то поверхность увеличится в 4 раза, а объем—в то же время в 8 раз.

тативного размножения (которые могут быть частями клеток, целыми клетками или собраниями многих клеток). Вегетативные клетки или части тела принимают участие в жизненных процессах и функционируют точно так же, как и все другие, тогда как половые клетки исключаются из функций организма, остаются в покое, остаются в покое, остаются в покое, так что жизненная энергия их как бы сберегается для будущей деятельности.

Основой полового размножения является яйцо. В простейшем случае оно представляет собой клеточку, отделившуюся от особого органа материнского организма, наз. *яичником*. В виде простой клеточки, состоящей из протоплазмы и ядра, яйцо бывает обыкновенно лишь первое время, а затем вокруг этой клетки отлагаются различные другие вещества. Постепенно первоначальная плазма яйца превращается в *желток*, т. е. скопление питательного вещества. В большинстве случаев желток облекается еще слоем другого вещества (*белка* у птиц, питательного *желтка* у рыб и др.), кроме того, снаружи все яйцо покрывается скорлупой, представляющей разного рода защитные оболочки. Таким образом можно различать *простые* яйца и *сложные*.

Форма и величина яиц бывают весьма различны. В большинстве случаев яйца по форме более или менее сходны с шаром, но иногда они имеют весьма своеобразную форму, так как у них нередко образуются различные приспособления к некоторым специальным условиям жизни. Так, например, у некоторых червей, которые ведут паразитический образ жизни, на скорлупе яиц образуются специальные крючки или приспки, которыми они крепко прицепляются к так наз. «хозяину».

Что касается величины яиц, то она бы-

вает самая разнообразная, начиная от микроскопической до весьма значительной, как, например, у страуса — с детскую голову.

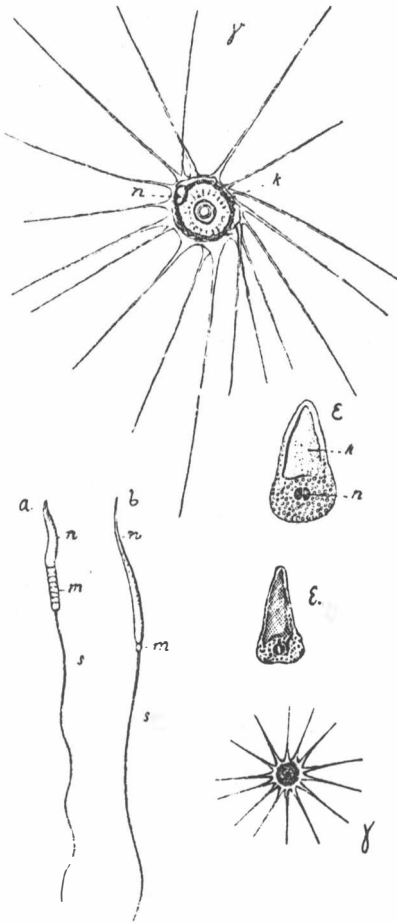
Столь же разнообразно бывает число яиц, откладываемых самками. Численность яичных зачатков, которые образуются в яичнике, собственно говоря, почти беспредельна, так как даже у человека ученые насчитывают до 35 000 таких зачатков, не говоря уже про большинство других животных, у которых число это несравненно больше. Но из яичных зачатков развивается в настоящие яйца сравнительно лишь ничтожное количество, а остальные, далеко еще не достигнув зрелого состояния, разрушаются и всасываются в окружающие ткани.

Число яиц, созревающих, которые действительно могут служить для размножения, несравненно меньше. На численность их оказывает большое влияние величина самого животного. Как общее правило, можно сказать, что чем больше сама особь, тем меньшее количество яиц у нее образуется. Слон рождает одного детеныша через 3—4 года, лошадь и верблюд через каждые 2 года также по одному детенышу, корова и многие другие каждый год по одному, коза ежегодно 3, белка ежегодно до 12 детенышей, заяц — 15, крыса и мышь 50—60 детенышей ежегодно и т. д.

Если мы обратимся к животным еще более мелким, как, напр., к насекомым или к червям, то встретим ко-

лоссальное количество зародышей, которые может произвести одна самка в течение известного периода своей жизни.

Второй важнейший элемент полового размножения представляет мужская половая клетка, семяное тело, или *живчик*. Форма живчиков у большинства животных более или менее сходна. Это обыкновенно тоненькая ниточка, передний конец которой значительно

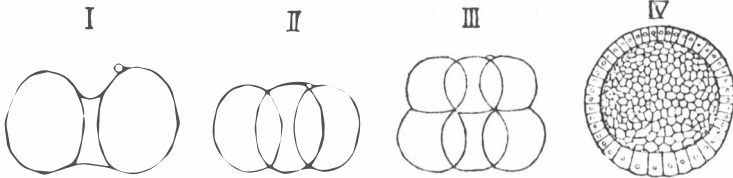
а — живчики козодоя; б — лягушки; г — рака; е — глисты, н — головка, с — хвостик, т — бесцветная промежуточная часть

лоссальное количество зародышей, которые может произвести одна самка в течение известного периода своей жизни.

Второй важнейший элемент полового размножения представляет мужская половая клетка, семяное тело, или *живчик*. Форма живчиков у большинства животных более или менее сходна. Это обыкновенно тоненькая ниточка, передний конец которой значительно

утолщен и называется головкой, а остальная часть называется хвостиком. Хвостик обладает способностью двигаться и, при помощи его движений, живчик может плавать, с различной степенью быстроты, в той жилкости, в которой он находится.

Лишь только живчик проникнет внутрь яйца, как последнее остается сейчас же покрывается новой плотной оболочкой, которая препятствует проникновению в яйцо еще других живчиков. Внутри яйца проникает только головка живчика, которая предста-

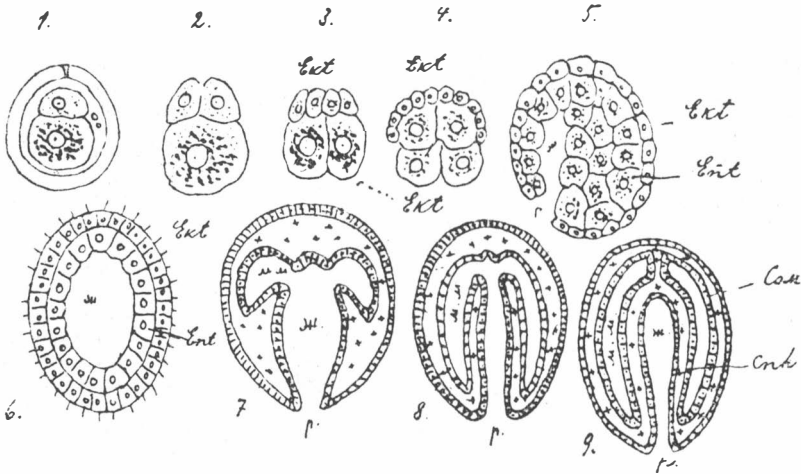

I—Деление на двое (образование первой меридиональной бороздки); II—деление на 4 части (вторая меридиональная бороздка, четвертый септационный шар не нарисован, потому что он прикрыт остальным); III—деление на 8 (экваториальная бороздка, 7 и 8 шары прикрыты); IV—бластула в оптическом разрезе; однослойный клеточный пузырь заключает септационную полость.

В фиг. I, II и III маленькое тельце обозначает полярную клетку

Мы уже сказали, что сущность полового размножения заключается в *оплодотворении*, т. е. в соединении и полном слиянии семяного тельца с яйцом. Обыкновенно вхождение живчика в яйцо облегчается тем, что

влетает собой ядро семяной клеточки, а хвостик остается снаружи. Проникнув внутрь яйца, ядро семяного тела продолжает передвигаться по направлению к ядру яйцевой клеточки и вскоре достигает его; происходит

Схематическое изображение сегментации яйца и образования зародышевых листов

1—яйцо млекопитающего, начавшее сегментироваться; 2—тоже яйцо при дальнейшем размножении; 3—тоже, эктодерма (*Ext*) из четырех, энтодерма (*Ent*) из двух клеток; 4—тоже, эктодерма обрывает энтодерму (*Invaginato*); 5—*Gastrula* млекопитающего; ж—ее желудок (Пелость Рускони); р—ее рот; 6—*Planogastrula* медузы, ж—желудок, рта нет; 7, 8 и 9—образование мезодермы у червя (*Sagitta*); мм—мезодермич. мешки, в 7 и 8 еще соединенные с каналом желудка; в ф. г. 9 уже отделен от него; сом—соматический, см—спланхический—листы мезодермы; **—мезенхимные клетки

в оболочке последнего существует специальное отверстие; но если даже отверстия и нет, то живчик при помощи энергичного движения своего хвостика проникает внутрь сквозь оболочки, которые в это время ослизняются.

слияние двух ядер, чем и заканчивается процесс оплодотворения яйца, после чего начинается его *развитие*.

Первый период этого процесса есть стадия *дробления*. Так называется сумма всех процессов неполного деления, которому подвер-

гается яйцевая клетка. Снаружи дробление выражается тем, что на поверхности клетки образуются одна за другой несколько бороздок, причем каждая вновь образовавшаяся перпендикулярна предыдущей. Особенно ясно заметно это на трех первых бороздках (см. рис. I и II меридиональны и перпендикулярны друг к другу, III экваториально, на стр. 43).

Равномерное дробление, конечно, возможно только в том случае, когда и протоплазма яйца расположена равномерно, а это бывает тогда, когда запас питательного желтка не очень велик. Если же желтка слишком много, то сама протоплазма расположена лишь на небольшой части поверхности яйцевой клетки (как это, напр., бывает у птиц), и в таком случае дроблению подвергается только одна протоплазма или образовательный желток, а питательный желток относится к этому пассивно. В таком случае зародыш располагается на поверхности яйца в виде пластинки и постепенно почти совсем обрастает ею кругом.

В то время как на поверхности появляются бороздки все в большем и большем количестве, внутри яйца образуется полость, которая разрастается все больше и больше, так что в конце концов яйцо представляется в виде шара, внутри пустого, а на поверхности составленного из одного слоя клеток одинаковых или неодинаковых. Такая стадия полового шара называется *бластулой*. Это, однако, еще не последняя стадия, общая всем многоклеточным животным.

Нужно себе представить, что однослойная поверхность бластулы запала с одной стороны, как это, например, бывает с продырявленным мячиком, и тогда мы получим следующую общую стадию — *гастролу*. Гастрולה, следовательно, представляет собою

двуслойный мешок. На этой стадии оканчивается сходство всех животных.

Замечательно, что всем этим стадиям, которые проходит зародыш при своем развитии из яйцевой клетки, *совершенно соответствуют некоторые взрослые организмы*. Так, одноклеточных существ мы не мало видим как в растительном, так и в животном царствах; известно несколько организмов, своим строением вполне соответствующих стадии бластулы.

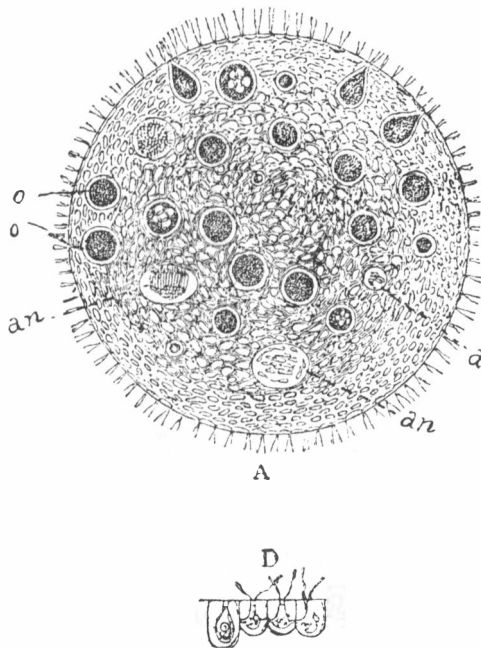
Таков, напр., колониальный организм

Volvox. Этот организм также представляет собою полный шар, поверхность которого составлена из нескольких тысяч мелких клеток, очень похожих на некоторых инфузорий. Каждый членик представляет из себя маленький организм, помещенный на дне особого футлярика или чашечки, из открытого конца которого выставляются жгутики. С боков они соединены друг с другом особыми отростками, так что составляют непрерывную однослойную поверхность. Все клеточки, составляющие организм, совершенно равнозначные; не одинаковы они только по

отношению функции размножения, так как эту роль принимают на себя не все клеточки, а только некоторые.

Что же касается до организмов, соответствующих стадии гастролы, то таковых есть целая группа; это — *кишечно-полостная* (Coelenterata).

Выше было указано, что яйцо начинает развиваться только после оплодотворения, а те из яиц, в которые не вошел живчик, постепенно разрушаются. Однако иногда замечается, что яйцо начинает дробиться еще до оплодотворения, но после образования 3 или 4 бороздок дробление останавливается и, если не произойдет соединения с семанным

Водероль Вольвоко

А — общий вид в момент полового размножения; an — антеридии, o — оогонии; В — небольшая часть из поверхности

тельцем, то начинает разрушаться. Внимательное изучение низших животных показало, однако, что не всегда так бывает.

У многих раков и насекомых наблюдается полное развитие неоплодотворенного яйца, и такая форма размножения наз. *партеногенезом*, или девственным рождением. Различают две формы партеногенеза. В одном случае он наступает, как случайное явление у животных, которые обыкновенно размножаются яйцами оплодотворенными, в другом случае партеногенез является постоянной и необходимою формою размножения. Случайный партеногенез наблюдается у некоторых ракообразных и бабочек (ночные, шелкопряды); самки, не имея случая встретиться с самцами, все-таки откладывают яйца, и из них выходят гусеницы, из которых при благоприятных условиях могут развиться взрослые бабочки. Но в большинстве случаев эти насекомые размножаются настоящими оплодотворенными яйцами.

Есть бабочки, у которых самцов гораздо меньше, чем самок, и поэтому в большинстве случаев яйца откладываются неоплодотворенные.

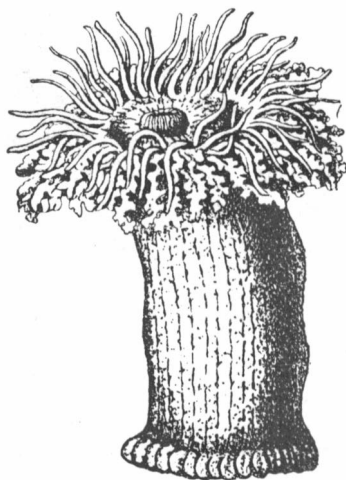
Есть и такие насекомые, которые всегда несут яйца двух родов: одни оплодотворенные, другие неоплодотворенные, и делают это не по необходимости, а с определенным расчетом, так как из этих яиц происходят особи разного пола. Пчелиная матка всегда содержит у себя в особом семяхранилище достаточное количество живчиков, полученных ею от самца, однако, она одни из яиц кладет неоплодотворенными в небольшие узкие ячейки сотов, а другие — в более крупные ячейки оплодотворенными. При таком распределении яиц, матка никогда не ошибается, так как она по своему произволу может в своем яйцевом устройстве встретить живчиков с приходящими яйцами или, наоборот, устранить эту встречу. Из неоплодотворенных яиц развиваются трутни, т.е. пчелиные самцы, а из оплодотворенных рабочие пчелы или новые матки.

У некоторых животных яйца и семянные тельца образуются внутри одной и той же особи; такое явление называется *гермафродитизмом*. Гермафродитизм весьма ча-

сто встречается в растительном царстве, где он даже преобладает над раздельнополостью; животные в большинстве случаев раздельнополые, но и у них гермафродитизм встречается не очень редко, хотя исключительно у низших животных.

Различаются несколько видов гермафродитизма. У одних животных он является, как *временная ступень в развитии* некоторых особей, так, например, жабы во время своего эмбрионального развития и в начале жизни все имеют зачаточный яичник, и только на втором году жизни у некоторых особей, рядом с яичниками, появляются и семянные железы, после чего яичники постепенно разрушаются и исчезают; таким

образом происходят самцы, а у самок первоначальные яичники развиваются до конца. Гермафродитизм следовательно является лишь у самцов, да и то на короткое время. Наоборот, акулы в зародышном состоянии все имеют семянные железы, а затем у некоторых развиваются рядом с ними и яичники, так что у акул самки являются гермафродитными в начале своей жизни. В зародыше все животные, не исключая высших, бывают двуполыми, и только с течением развития органы одного пола останавливаются в своем развитии. Есть животные, у которых гермафродитизм бывает *последовательным*, и

Мягкотелый полип из группы актиний
(в натур. величину)

который заключается в том, что каждая особь в молодости бывает самцом, а потом становится самокою. Совершается это превращение таким образом, что семянные железы, отработав свое время, уничтожаются, а на их место развиваются яичники, которые в молодости были лишь в зачаточном состоянии.

Настоящими гермафродитами являются те животные, которые в течении всей своей жизни сохраняют яичники и семянные железы; такковы некоторые черви, многие моллюски, некоторые ракообразные и др. У некоторых из них гермафродитизм выражен настолько полно, что одна и та же железа вырабатывает в одной своей части яйца, а в другой — живчиков.

У немногих гермафродитных животных существуют и однополые мужские особи, которые называются *дополнительными самцами*. Они всегда — ничтожной величины и живут паразитами внутри тела самки.

3. РАЗВИТИЕ ЖИВОТНЫХ

Каждое рождающееся существо начинает свою жизнь из одной яйцевой клетки и затем проходит длинный ряд изменений, прежде чем сделается по внешнему виду и по внутреннему строению совершенно сходным со взрослыми животными. Весь этот ряд постепенных изменений, которые у каждого животного идут всегда определенным порядком, называется *развитием животного*. Первоначальную стадию развития, сходная у всех многоклеточных животных, мы уже рассмотрели: это дробление, бластула и гастрюла. Дальнейшее развитие у различных животных идет не одинаково, у одних более сложно, у других проще. У более высоко организованных животных различают два главных периода в развитии; первый период—вся сумма изменений, протекающих внутри яйцевых оболочек. Это—так называемое *эмбриональное* развитие. У позвоночных животных почти все изменения развивающегося существа совершаются во время эмбрионального периода их развития, так что период личинки вовсе не обозначается, и детеныш при рождении во всем существенном сходен со взрослым животным. Второй период наступает по выходе зародыша из яйцевых оболочек, когда животное является в форме *личинки**. В этом периоде различают 2 главных формы развития, а именно: простое развитие и метаморфоз.

Простое развитие—свойственно самым высшим животным—млекопитающим, птицам и рептилиям, хотя встречается и у некоторых беспозвоночных. У них детеныш отличается от взрослого животного лишь меньшей величиной и меньшим совершенством органов. Эмбриональное развитие, которое у них наиболее сложно, будет рассмотрено дальше в своем месте. У низших животных преобладает более сложная форма развития, так называемый *метаморфоз*. Сущность его заключается в том, что детеныши, развившиеся из яйца и вступившие уже в самостоятельную жизнь, очень сильно отличаются от взрослых особей не только меньшей степенью совершенства своих органов, но главным образом присутствием других специальных органов, которые с течением времени они теряют, превращаясь во взрослых животных. Метаморфоз является в животном царстве в самых разнообразных формах, преимущественно у беспозвоночных; из позвоночных метаморфоз входит в развитие только у амфибий и у некоторых рыб. Большинство беспозвоночных животных откладывает яйца слиш-

ком простого строения и очень незначительной величины. Вследствие ничтожности количества питательных материалов, заключенных в нем, эмбриональное развитие продолжается очень недолго, и молодое животное начинает самостоятельную жизнь гораздо раньше, чем успеет приобрести все органы, которые нужны, чтобы не погибнуть в борьбе за существование. Поэтому личинка по выходе из яйца прежде всего приобретает такие органы, которые необходимы ей для пропитания, но впоследствии, когда они уже станут ей не нужны, теряет эти органы и заменяет новыми, превращаясь во взрослую особь.

В большинстве случаев личинка бывает менее совершенно организована, чем взрослое животное, и метаморфоз в таком случае называется *прогрессивным*; гораздо реже наблюдаются в природе случаи метаморфоза *регрессивного*, когда из более сложно устроенной личинки развивается взрослое животное с упрощенной организацией.

Примеры прогрессивного метаморфоза можно наблюдать в развитии каждого насекомого. Из маленьких, почти микроскопической

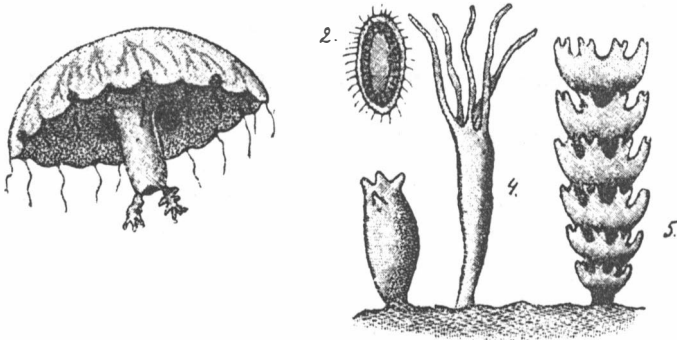
* У некоторых животных эмбриональный период развития проходит очень скоро, и молодое существо, появляясь на свет из яйцевых оболочек, весьма сильно отличается от взрослого, так что по необходимости должно подвергнуться в личиночном состоянии очень значительным изменениям.

величины, яичек развивается червеобразная личинка, называемая гусеницей. Она отличается от взрослого не только тем, что не имеет крыльев и тело ее не разделено на три резко отграниченные части: голову, грудь и брюшко, но самое главное — присутствием временных органов. У гусеницы имеются ложные ноги, прядильные железки и ядовитые волоски.

Прожив некоторое время в таком виде, причем размеры ее значительно увеличиваются, благодаря усиленному питанию, гусеница линяет, т.е. сбрасывает свою шкурку и превращается в куколку, и в этом новом состоянии совершенно не двигается и не принимает никакой пищи.

щается, как, напр., мы видим у морских звезд, которые развиваются прямо из личинки, происшедшей из яйца.

Регрессивный метаморфоз встречается в животном царстве гораздо реже, и исключительно у паразитных организмов. Неподвижный образ жизни, который они ведут, приспособи к источнику готовой пищи, делает для них совершенно ненужными большинство органов. Между тем личинка, которая ведет свободный образ жизни, обладает многими органами, необходимыми ей для передвижения и для питания, но впоследствии, пристраиваясь паразитом на каком-нибудь животном или растении, утрачивает их, так как они сделались ей не нужными.

Схематическое изображение акалефы и ее развитие

1 — взрослая акалефа; 2 — образовавшаяся из яйца *Planogastrula*; 3 — та же личинка (полипид), прикрепившаяся к камню, получившая рот и начавшая образовывать шупальца; 4 — та же личинка, более развитая; 5 — та же личинка, перешедшая в фазис сцифистомы и начавшая поперечным делением производить акалеф (эфир)

В состоянии куколки личинка лежит в каком-нибудь хорошо защищенном месте в течение некоторого времени; наконец, грубая, плотная оболочка разрывается, и появляется на свет взрослое животное, совершенно непохожее по наружному виду, а также и по внутреннему строению, на гусеницу и на куколку.

Таким образом в метаморфозе обыкновенно различаются две промежуточные стадии между яйцом и взрослым животным, — это гусеница и куколка.

Однако есть животные, у которых метаморфоз еще усложняется тем, что личинка, прожив некоторое время в одном состоянии, приспособившись к определенным условиям жизни, линяет и совершенно изменяет не только свой наружный вид, но приобретает новые органы и является приспособленной к новым условиям существования. Такой вид метаморфоза называется *гиперметаморфозом*. У других животных, наоборот, метаморфоз упрощается и число фаз его сокра-

У некоторых низших животных наблюдается особая форма развития, которая называется *перемежающимся размножением*, или *метагенезом*.

Сущность метагенеза заключается в том, что личинка животного, достигнув известной степени развития, не превращается во взрослый организм, как это бывает при метаморфозе, а начинает размножаться делением, бесполом способом, причем получаются детеныши, сходные с материнским организмом. Через некоторое время эти детеныши достигают зрелого состояния и приступают к половому размножению; наконец, из оплодотворенных яиц, отложенных ими, развиваются новые личинки, которые снова повторяют весь сложный цикл развития. Таким образом, выходит, что в жизни одного и того же животного чередуются два поколения различного вида особей, которые размножаются то бесполом, то половым путем.

Наиболее известный пример перемежающегося размножения представляют гидромедузы *акалефы*. Во взрослом состоянии акалефа очень сходна с обыкновенною медузою (см. рис.). Из яиц, отложенных ею, развивается небольшая личинка, которая плавает в воде посредством многочисленных ресничек, расположенных на ее поверхности. После некоторого времени свободного плавания в море, личинка эта прирастает одним концом к какому-нибудь подводному предмету, теряет не нужные ей уже более реснички, несколько удлиняется; на верхнем конце ее образуется ротовое отверстие, окруженное щупальцами. В таком состоянии личинка, на-

зываемая полипоидом, совершенно сходна с гидрой, но существенно отличается от нее тем, что никогда не достигает зрелости и размножается только бесполом путем. Само размножение заключается в почковании и делении. Последнее наиболее оригинально и изображено на прилагаемом рисунке. Все тело полипоида, рядом поперечных бороздок, все более углубляющихся, разделяется на несколько частей, представляющих некоторое подобие поставленных одна на другую множества тарелок. При дальнейшем развитии, частички эти разъединяются и каждая из них превращается во взрослую медузу, которая может уже откладывать яйца.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Географическое распространение животных

Распространение животных по земной поверхности представляет огромный интерес, так как изучение его дает возможность заключить о прошлой истории видов животных, о продолжительности их существования на земле, о месте происхождения, а также и о тех изменениях, которые происходили в окружающей природе, после появления вида.

Когда в науке существовало мнение, что все существующие в настоящее время животные появились на земле одновременно, происхождение каждого отдельного вида приурочивали к какому-нибудь определенному месту и полагали, что отсюда вид распространялся во все стороны. Сначала принимали за центр происхождения животных райскую долину Месопотамии или М. Азию; позднее Линней высказал мысль, что органический мир был создан на острове, среди которого возвышалась высокая гора с различными климатами на ней. Известно, что многие животные (точно так же, как и растения) обитают вокруг полюса, безразлично в Старом и Новом Свете, концентрическими поясами. В особенности это ясно на распределении растительных поясов. Вокруг полюса простирается широкая полоса тундр, как в Европе и Азии, так и в Америке. Немного далее к югу идет пояс лесов хвойных, сначала карликовых, затем нормальных, еще далее к югу — пояса дуба, липы, ясени, затем — пояса подтропической и тропической растительности. Соответственно этим растительным поясам, также концентрически расположены и области обитания многих животных. Так, напр., в самых северных областях живут белые медведи, северные олени, лемминги, песцы и многие другие животные, характерные для стран Крайнего Севера. Животные умеренного и жаркого поясов Европы, Азии и Америки также представляют много сходства.

Такое распределение животных концентрическими поясами вокруг полюса, однако, наблюдается по отношению к очень немногим животным. Более того,

подробное изучение распространения животных на земле показывает, что это распространение в очень малой степени или совсем не зависит от физических условий местности.

В настоящее время нельзя сомневаться в том, что каждый вид произошел в той области, какую он в настоящее время занимает. Между тем области эти разбросаны без всякого порядка и представляют собою пятна неправильной формы. Одни из них лежат независимо, далеко друг от друга, другие соприкасаются и налегают одно на другое; наблюдается и полное совпадение границ обитания нескольких видов.

Вследствии этого установился взгляд, по которому каждый вид появился в своем собственном и одном-единственном пункте земного шара.

Геологические исследования безусловно подтверждают правильность этого взгляда. Не только крупные геологические эпохи характеризуются исключительно им принадлежащими многочисленными вымершими животными, но даже отдельные пласты и слои, соответствующие менее значительным промежуткам времени, заключают в себе также своеобразных животных, ископаемые остатки которых встречаются только в этих пластах. Отсюда вытекает естественное заключение, что образование новых видов не прекращалось никогда, что эти преобразования в составе животного царства совершались с неослабевающей энергией всегда, как при начале мироздания, так и во все последующие периоды, до настоящего времени.

Необходимо допустить, что животные виды происходили не только разновременно, но и в различных местах. Никогда не было какого-либо привилегированного места, где происходили виды и распространялись потом по другим странам. Виды образовывались везде, где возникали условия, возбуждающие свойство приспособляемости настолько энергично, что индивидуальные признаки накапливались успешно и появлялись новые виды.

Если обозначить на карте области обитания различных животных видов, то получится множество пятен, ограниченных в громадном большинстве случаев *замкнутыми* кривыми линиями. Из этого видно, что каждый вид образовался в определенной местности. Лишь в редких, исключительных случаях область распространения некоторых видов представляется разделенною на несколько отдельных кусков, так сказать «чересполосною», но такая чересполосность объясняется всякий раз тем, что промежуток между двумя областями распространения одного вида образовался впоследствии, первоначально же его не было, т. е. область распространения вида была раньше цельной.

Изучение таких чересполосных областей распространения некоторых видов представляет глубокий интерес, так как проливает свет на изменения физических условий, которые имели место в прежние эпохи. Возьмем несколько примеров.

Альпийский заяц водится в странах Крайнего Севера и в возвышенных доли-

нах Альп, но не встречается нигде в Средней Европе. Некоторые бабочки (*Pieris napi bryoniae*) и жуки, обитающие на северных окраинах Европы и Азии, встречаются на высоких горах Швейцарии. Улитка *Helix haaga* живет на севере Соединенных Штатов Сев. Америки и в Швейцарии (на высоте 2100 м, а больше нигде не встре-

чается. Подобным образом разъединены огромными пространствами области распространения многих растений, напр. низкорослые ивы (*Salix repens*), *Linnaea bogealis* и др.

Из этих примеров, которых можно было бы подобрать очень много, можно сделать заключение, что подобные животные и растения — представители очень древней фауны и флоры Европы, и населяли эту часть света еще в *ледниковый период*, когда климат большей части Европы был столь же суров, как в настоящее время в Гренландии или в других странах Крайнего Севера. Животные и растительные виды, свойственные холодному климату, могли тогда привольно обитать на всем пространстве Европы, где находили себе благоприятные условия жизни, или, по крайней мере, на южной границе ледяного покрова, одевавшего тогда большую часть Европы.

Неизвестно, сколько времени продолжалось это обледенение Европы, но ледниковый период окончился, и постепенно наступили современные нам физические условия: льды растаяли, климат сделался гораздо теплее, а вместе с тем изменился характер растительного и животного населения этой страны. Что касается прежних животных и растений, то они постепенно должны были отступить в северные страны, но удержались также и на высоких горах, где климат столь же суров, как и в странах полярных.

Чересполосное распространение животных видов иногда обуславливается *вымиранием вида*, которое происходит неодинаково быстро в различных частях области его распространения, почему получаются отдельные колонии особей этого вида, разделенные более или менее широкими полосами, в которых представители этого вида уже вымерли. Так, напр., некоторые вредные животные очень быстро истребляются человеком в наиболее густо населенных странах.

Изменения *географических условий* очень часто являются причиною разорванности областей населения того или другого вида, как, напр., изменение рельефа земной поверхности (колебание уровня) или распределения суши и воды. В далеко отстоящих друг от друга водных бассейнах очень часто находят тождественные формы животных. Так, напр., в Байкале водятся тюлени такие же, как и в Ледовитом океане; в Каспийском, Аральском и Черном морях находят одинаковое водное население, сходное также с формами, обитающими в некоторых озерах Прикаспийской и Туранской низменностей. Объяснить эти факты нетрудно, если принять во внимание, что в прелыдущую геологическую эпоху Байкальское озеро было соеди-

нено широким проливом с Ледовитым океаном, а Каспийское и Аральское море, вместе с многочисленными солеными озерами, разбросанными на пространстве упомянутых низменностей, представляют остатки одного огромного моря, соединявшегося раньше широким рукавом с Черным морем (в Предкавказье).

Вмешательство человека составляет один из главнейших факторов расселения животных и растений на земной поверхности. Он преодолевает самые крупные географические преграды и увеличивает, по своему произволу, область обитания различных видов животных и растений; пример такой деятельности человека мы уже видели в Сев. Италии и в Соед. Штатах Сев. Америки. Упомянем еще, что весьма часто человек случайно, без всякого намерения с своей стороны, распространяет по лицу земли различных животных, даже в места, весьма отдаленные от их первоначальной родины.

Укажем для примера на маленькое насекомое, *тлю* (*Cercya Pughasii*), которая лет 20 тому назад сильно распространилась во Флориде на апельсиновых деревьях и наносила огромный вред. Исследования местных ученых обнаружили, что паразит этот завезен из Австралии, но на своей родине животное это не наносит такого вреда, потому что там оно истребляется в большом количестве личинками маленького жучка из сем. божьих коровок (*Vedalia*). Когда выяснено было это интересное явление, то правительство Соед. Штатов дважды отправляло в Австралию особую экспедицию, которой поручено было вывезти возможно большее число полезных жучков в живом состоянии, чтобы распространить их в садах Флориды. Когда это было выполнено, то божьи коровки сильно размножились в указанной части Америки и парализовали вредную деятельность апельсиновой тли.

Подобным образом американское правительство искусственно распространило в Америке паразитное насекомое *Semiotellus nigripes*, которое истребляет вредоносную гессенскую муху.

Резюмируя приведенные данные о распространении животных на земле, можно вывести следующие основные положения:

1) ныне живущие виды произошли не одновременно и не в одном месте;

2) каждый отдельный вид произошел в одном только месте, откуда он распространялся по области, физические свойства которой отвечают его жизненным условиям.

Большой интерес представляют *способы распространения* животных по земной поверхности. Их можно разделить на 2 категории: способы *активного* распространения и *пассивного*.

В отличие от растительных организмов, животным присуща в различной степени способность произвольного передвижения. Даже те из них, которые ведут неподвижный образ жизни, как, напр., зоофиты — губки, полипы, гидры и др., в личиночной стадии своего развития обладают способностью передвижения. Но громадное большинство не только высших, но и низших животных обладает более или менее совершенными органами движения в течение всей своей жизни.

Сообразно *среде обитания* тех или других животных, можно различать передвижения *по воздуху, по поверхности суши, пешком и в воде.*

Передвижение по воздуху, при помощи специальных органов *летания*, наблюдается у птиц, у насекомых и у некоторых летучих млекопитающих (рукокрылых). Это весьма совершенный способ передвижения, в большинстве случаев очень быстрого, почему многие из летающих животных успели распространиться почти по всей земле.

Распространение по поверхности суши свойственно преимущественно высшим животным, обладающим мощными органами передвижения. Оно не может происходить с такою скоростью, как летание, и, кроме того, животные при этом встречают часто непреодолимые преграды, в виде высоких гор, морей, больших рек, непроходимых пустынных пространств и т.п. Поэтому области обитания пешеходных животных бывают гораздо более ограничены, сравнительно с животными, свободно летающими; из нелетающих млекопитающих, за исключением домашних, нет ни одного вида, который бы заселял несколько частей света, как это мы видим у многих птиц и некоторых насекомых. Что касается низших сухопутных животных: моллюсков, пауков, червей и др., то они представляют большее разнообразие видов, вследствие необходимости быстро приспособляться к условиям различных местностей, между тем как поиски более подходящих условий для них затруднительны, вследствие их малоподвижности.

Наиболее беспрепятственно могут передвигаться животные *в воде*, где господствует почти полное однообразие физических условий, и поэтому водные животные имеют самое широкое распространение.

Из способов *пассивного* распространения животных упомянем: 1) перенесение ветрами, 2) морскими течениями и 3) другими животными.

Сильные *ветры* нередко переносят на огромные расстояния мелких животных, а еще чаще их зародыши. Это относится преимущественно к пресноводным простейшим (Protozoa), напр., к корненожкам и инфузориям, за-

родыши которых похватываются вместе с пылью из высыхающих бассейнов и переносятся в неповрежденном состоянии даже на расстояние многих тысяч верст. Так, напр., антипассаты приносят из тропических стран споры и цисты многих микроскопических пресноводных организмов, которые осаждаются вместе с пылью на улицах городов средней Европы, где и попадают в лаборатории ученых. Изредка приходится наблюдать такой же способ расселения и у некоторых высших животных, даже у позвоночных, как, напр., у рыб и амфибий. Известны случаи, когда вместе с дождем, массою падают на землю такие животные. Явления такого рода, наводящие ужас на непросвещенный люд, считающий их за Божье знамение, объясняются очень просто: смерчь, остановившийся над озером или рекой, подымает на воздух значительное количество воды, захватывая вместе с тем и ее обитателей, которые переносятся иногда на довольно значительное расстояние и затем падают на землю вместе с дождем. Подобным образом на суше вихрь иногда подымает на воздух даже крупных животных, как, напр., овец, коз, собак и т.п. Перенесение по воздуху всегда бывает случайным и оказывается полезным лишь мелким животным, тогда как более крупные, при таком способе передвижения, обыкновенно настолько повреждаются, что не могут служить распространению вида. Но есть животные, которые выработали себе специальные приспособления для передвижения по воздуху. Для примера укажем на пауков, которые осенью носятся по ветру, прицепившись к длинным паутинкам.

Роль *морских течений* в распространении животных весьма значительна. Простираясь на огромные пространства и проникая на значительную глубину, они сглаживают различия в температурных условиях морских вод, степени солёности и т.п., и создают одинаковые условия жизни в очень отдаленных друг от друга областях океанов, уничтожая разницу по широте, и таким путем содействуют расселению водных животных, даже таких, которые ведут неподвижный образ жизни.

Кроме того, морские течения содействуют косвенным образом также и расселению некоторых сухопутных животных. Громадные реки, впадая в море, несут в своих водах массу плавучего леса, а морские течения уносят их стволы вместе с мелкими животными и их зародышами на огромные пространства, прибывая их даже к берегам других частей света. Так, напр., Гольфстрем постоянно прибывает к берегам Северо-Западной Европы и даже к островам Ледовитого океана (Новая Земля, Шпиц-

берген и др.) стволы деревьев, вынесенные могучим «Отцом вод» (Миссисипи) с территории Соед. Штатов.

Третий способ пассивного распространения животных — *перенос другими животными* — относится почти исключительно к мелким паразитным животным. Переносителями паразитов могут оказаться всякие животные, преимущественно птицы и крупные млекопитающие. В более редких случаях таким образом могут переноситься и непаразитные мелкие животные, как, напр., насекомые, запутавшиеся в густом руно овец, или маленькие улитки, и другие подобные животные, пристающие вместе с болотною грязью к ногам птиц и т. п.

Таковы способы, которыми животные распространяются по земной поверхности, населяя различные области, обладающие благоприятными условиями для их существования.

Остается еще обратиться к разбору *причин*, которые побуждают животных покидать свою родину и искать места жительства. Это относится, конечно, лишь к случаям активного расселения. Что же касается животных, переселяющихся пассивно, то об них печется заботливая мать — природа, устраивая переселения в их собственных интересах.

Причиной, побуждающей животных сознательно и бессознательно искать новых мест поселения, является *теснота*, которая возникает вследствие непрерывно продолжающегося размножения каждой особи. С течением времени данная область оказывается чрезмерно населенною особями того или другого вида; пищевых средств для всей этой массы претендентов не хватает, им приходится выдерживать взаимную ожесточенную борьбу, и те из особей, которые менее других обладают средствами для борьбы за существование, уступают поле деятельности своим более одаренным и более счастливым соперникам и удаляются в чужие края искать более благоприятных условий для своего существования. Последствием такой постоянной необходимости для животных искать нового отечества является то, что в большинстве случаев виды населяют пространные области, ограниченные лишь какими-нибудь непреодолимыми препятствиями, не допускающими дальнейшего расселения.

Изучение расселения животных по земле, в настоящее время и в предыдущие эпохи, проливает яркий свет на изменения физико-географических условий той или другой страны нашей планеты.

Если мы видим, напр., что сухопутные животные, населяющие остр. Великобритания, совершенно сходны с теми, которые населяют Среднюю Европу, то из этого с большой степенью вероятности можем заключить, что в предыдущую эпоху этот остров не

был отделен от материка проливом, как теперь, и что здесь существовал перешеек, по которому животные могли свободно переходить, увеличивая область своего поселения.

В Южной Испании живут в диком состоянии обезьяны и некоторые другие животные, которые, кроме того, не встречаются нигде в Европе, но широко распространены по всему северному побережью Африки. Отсюда естественно можно заключить, что раньше Гибралтарского пролива не было, а вместо него существовал перешеек. Этим же путем из Африки, в доисторические времена, прошел в Европу короткорогий бык (*Bos brachyceros*), родоначальник некоторых пород домашнего рогатого скота, и многие виды нелетающих насекомых.

Мы видим в настоящее время, что насекомые, обитающие в Северо-Западной России, очень сходны с теми видами, которые живут в Германии и Австрии, но отличаются в значительной степени от насекомых Юго-Восточной России, которые, в свою очередь, обнаруживают сходство с видами среднеазиатскими. Отсюда становится ясным, что в доисторические времена между указанными областями России существовала какая-то преграда, которая препятствовала смешению животных форм и стесняла их переселение. Полагают, что эта преграда было море, которое протягивалось от Каспийского через низменность западной Сибири до Ледовитого; море это вышло сравнительно недавно, и обширная степная равнина, которая образовалась на его месте, заселялась с двух противоположных сторон, но разница между разъединенными до тех пор областями еще не успела изгладиться.

Изучая фауну островов Малайского архипелага, Уоллес нашел, что животное население многих Малайских островов и некоторых из группы Молукских имеет некоторое сходство с фауной отдаленного от них огромного острова Мадагаскара, и в то же время значительно отличается от животных, населяющих острова Суматру, Яву, Борнео, отдаленные от них лишь небольшими сравнительно проливами, и от фауны близлежащей Индии. На Мадагаскаре и на острове Цейлон обитает даже особая группа млекопитающих, именно *лемуры*, которые нигде больше не встречаются.

Исходя из этого последнего факта, Уоллес сделал предположение, что некогда в северо-западной части Индийского океана существовал большой материк, который Уоллес назвал *лемурией*, впоследствии исчезнувший в волнах океана. Лишь высокие горные хребты и отдельные вершины этого материка выдаются теперь из пучины океана, в виде островов и целых архипелагов, изобилующих в этой части моря.

При таком допущении становится понятно, почему на столь отдаленных друг от друга островах живут одинаковые сухопутные животные: они представляют остатки фауны затонувшего материка.

Подобное исчезновение древнего материка —

Атлантиды — по-видимому, произошло в Атлантическом океане; от поглощенного волнами океана континента остались выдающимися из воды лишь самые возвышенные точки в виде Канарских и Азорских островов.

На основании изучения современной фауны, ученые различают 6 следующих зоогеографических областей: австралийскую, индийскую, эфиопскую, неотропическую, неарктическую и палеарктическую, которые мы здесь вкратце и рассмотрим.

I область — **Австралийская**, подразделяется на четыре части (подобласти):

1) **Австралийско-малайскую** (Целебес, Новая Гвинея и другие острова, составляющие по животному населению переход от Индии к Австралии).

2) **Австралийскую** (материк и о-в Тасмания).

3) **Полинезийскую** (острова Тихого океана).

4) **Новозеландскую** (о. Новая Зеландия и прилежащие о-ва).

Во всей этой области (кроме 1-й подобласти) нет ни обезьян, ни настоящих хищников, ни копытных, ни насекомоядных млекопитающих. Здесь есть только два отряда млекопитающих: сумчатые и однопроходные. Из птиц есть несколько семейств, исключительно принадлежащих этой области. Новая Зеландия имеет очень оригинальную фауну (бескрыл, гаттерия).

Судя по тому, что в Европе находят ископаемые остатки форм, родственных современным австралийским сумчатым, заключают, что некогда Австралия была соединена с азиатско-европейским материком и притом раньше, чем с Америкой, так как сходные с американскими сумчатыми формы находятся в Европе в более поздних отложениях.

II область — **Индийская**, обнимает Юго-Восточную Азию, к югу от Гималайского хребта; она разделяется на 4 подобласти:

1) **Ост-индскую** (северный и Средний Индостан).

2) **Цейлонскую** (Цейлон и южная часть Индостана).

3) **Индокитайскую** (полуостров Индокитай).

4) **Индо-малайскую** (острова Зондские, Филиппинские, полуостров Малакка).

Смешение в этой области форм индийских и африканских и присутствие лемуру, живущих также на Мадагаскаре, заставляет предполагать, что Индийская область вступила в связь с европейско-азиатским материком довольно поздно, а раньше была связана с Центральной Африкой.

III область — **Эфиопская**, занимает большую часть Африки, за исключением лишь северной ее части. Различают четыре подобласти:

1) **Восточно-африканскую**.

2) **Западно-африканскую**.

3) **Южно-африканскую**.

4) **Мадагаскар**.

Современная Африка населена многими животными, которые были в предыдущей эпохе характерными представителями фауны Европы, и вероятно, что в это время Африка имела соединение с Европой помимо Синайского перешейка. Но Мадагаскар в то время уже отделился и на нем сохранились более древние формы.

IV область — **Неотропическая**, обнимает Южную и Центральную Америку. В ней различают следующие 4 части:

- 1) **Чилийскую** (умеренная часть Южной Америки).
- 2) **Бразильскую** (тропическая часть Южной Америки).
- 3) **Мексиканскую** (тропическая часть Северной Америки).
- 4) **Антильскую** (Вест-Индские острова).

Наблюдается параллелизм форм между фауной этой области и животными Старого Света. Так, напр., льву и тигру соответствует пума и ягуар, слону — тапиры, верблюду — лама, трехпалый страус — африканскому двухпалому и т. п. Антильская подобласть, по-видимому, находится в таком же отношении к Американскому материка, в каком Мадагаскар — к Африке.

V область — **Неарктическая**, внетропическая часть Северной Америки. Разделяется на 4 подобласти:

- 1) **Калифорнийскую.**
- 2) **Скалистых гор.**
- 3) **Аллеганскую.**
- 4) **Канадскую.**

VI область — **Палеарктическая**, обнимает Европу, большую часть Азии и Сев. Африку. Разделяется на 4 подобласти:

- 1) **Европейскую** (Зап. Европа и Россия к северу от линии Пиреней — Альпы — Балканы — Кавказ).
- 2) **Средиземноморскую** (часть Европы к югу от указанной линии хребтов, Малая Азия, Закавказье, Аравия и Африка до тропика Рака).
- 3) **Манчжурскую** (Манчжурия, Сев. Китай и Япония).
- 4) **Сибирскую** (вся остальная Азия к сев. от Гималайского хр.).

В настоящее время, впрочем, большинство зоогеографов разделяет палеарктическую область по зонам, именно, различают полосы: 1) тундры, 2) хвойного леса; 3) степей; 4) средиземноморскую подобласть; 5) манчжурскую.

Параллелизм форм двух последних областей указывает на то, что оба материка в течение долгого времени были связаны, и фауны обоих континентов произошли из одного источника.

При изучении морской фауны надо рассматривать их *горизонтальное* распределение и *вертикальное*, т. е. по глубинам.

Все население моря можно разделить на 3 категории: животные пелагические, животные береговые и животные глубоководные.

I. **Пелагическими** животными называются такие, которые живут в открытом море

на поверхности и совершенно не привязаны ни к какой суше. В большинстве случаев это беспозвоночные животные, весьма подвижные, часто прозрачные, иногда фосфоресцирующие. Из позвоночных животных ведут пелагический образ жизни многие рыбы, киты и дельфины.

II. **Береговая фауна** произошла от пелагической, и личинки многих представите-

лей ее ведут пелагический образ жизни. В свою очередь, береговая фауна дала начало животным пресноводным и наземным. В вертикальном направлении фауна эта может быть разделена на следующие три зоны.

1) *Литоральная*, или фауна собственно береговой зоны, обитает в самом верхнем слое прибрежных вод, в той полосе морского побережья, которая обнажается во время отлива.

2) *Лимнарииво-нуллипоровая* зона, получившая название по населяющим ее характерным водорослям.

3) *Кораллиновая* — область, характеризую-

щаяся присутствием водорослей кораллиновых.

III. **Глубоководная фауна.** Сюда относятся все животные, обитающие в глубине морей. Исследования показывают, что животные могут обитать на какой угодно глубине моря и способны приспособляться к существованию при страшном давлении на многоверстной глубине, какая обнаружена в некоторых местах океана.

В общем глубоководная фауна бедна, сравнительно с верхними слоями моря, так как глубины бедны кислородом и пищевыми веществами.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Система животного мира

Со времен классической древности, начиная от Аристотеля и Плиния, и в течение первых 10 веков нашей эры, наука о животных — зоология, представляла собою собрание разрозненных сведений и рассказов о животных, об их наружном виде и образе жизни. Но, по мере увеличения количества сведений о животных, по мере того, как люди расширяли область своих познаний, знакомились с новыми странами и с неизвестным до тех пор животным миром, зоологического материала накоплялась такая масса, что явилась настоятельная необходимость произвести некоторую сортировку имеющихся материалов.

Чтобы облегчить удержание в памяти всевозможных фактов и сведений касательно животных, ученые принялись сопоставлять их между собой, соединяя сходное со сходным и отделяя друг от друга различные формы. Результатом такой работы явилось разделение всей массы известных в то время животных на группы. Отдельные группы на основании наружного сходства в том или другом отношении разделяли на группы второго порядка, эти последние делились на новые секции и так далее.

Каждое географическое открытие знакомило зоологов с целым рядом новых форм, во множестве присылаемых в Европу, и делало такую работу непрерывной и нескончаемой.

В течение нескольких веков зоологи были совершенно поглощены классификацией и систематизированием научных материалов. Вся работа их заключалась в том, чтобы отыскивать новые формы животных, сравнивать их с известными уже раньше и на основании этого сравнения определять место в системе, которое должно занять вновь открытое животное на ряду с прежними.

В основание такой классификации животных полагалась наружная форма и отчасти образ жизни того или другого животного. Анатомическое строение их первоначально мало принималось во внимание; все усилия

зоолога направлены были к тому, чтобы отыскать какое-нибудь новое животное, хотя бы отличие его от ранее известных было самое незначительное. Такое направление в зоологии, господствовавшее в течение нескольких веков, сделало эту науку чисто описательной, в которой истолковательный, философский элемент совершенно отсутствовал.

Лишь несколько десятилетий тому назад зоология вступила в новый период своего развития, в котором изменилось ее направление и преследуются совершенно новые задачи. Перелом этот произошел, конечно, не внезапно. Много великих ученых еще в прошлом столетии подготовили эту научную революцию своими трудами. Ламарк, Малью, Гете, Жоффруа Сант-Илер подготовили почву, на которой возникла в новей-

шее время плодотворная теория Дарвина, которая произвела полный переворот почти во всех отраслях естествознания и в особенности в области биологии. В зоологии точно так же, как и в ботанике, теория Дарвина установила новые методы исследования, сообщила этим наукам новый характер, новые цели и задачи.

Дарвин высказал и достаточно обосновал мысль, что все животные, которые в настоящее время населяют нашу планету, произошли постепенно от одного общего предка, потомки которого, изменяясь в течение огромного промежутка времени, приобретали все новые и новые черты, передавали их своим потомкам, и таким путем появилось на земле бесчисленное множество разнообразных видов животных и растительных организмов, которые мы видим теперь. Исходя из принципа кровного родства всех современных нам животных и прежде живших на земле, и классификация изменила свой характер, поставила себе новую задачу. Классифицируя животных и подыскивая для той или другой формы место в системе, зоолог старается определить именно эту степень родства с другими формами. Целью науки является теперь, между прочим, расположить все животное царство в порядке по степеням родства с отдаленными, ныне уже не существующими предками, создать таким образом родословную животного царства и построить систему всех организмов в виде огромного генеалогического дерева, которое может представить собою схематическое изображение истории животного царства. При всем разнообразии, какое мы видели в животном царстве, из бесчисленного числа особей, которые представляются исследователю, можно составить множество групп животных, сходных между собою приблизительно настолько, насколько походят друг на друга дети одних и тех же родителей. Такие группы особей называются *видами* (species), которые составляют основную единицу классификации.

Чтобы уяснить себе, каким образом от одного общего предка в течение множества веков произошли многочисленные группы животных, в сильной степени сходных между собой, обратим внимание на два основных свойства всех живых организмов, взаимодействием которых обуславливается образование видовых групп животного царства. Первое из этих свойств мы уже рассматривали,— это приспособляемость животных, второе — противоположно приспособляемости, заключается в том, что каждое животное с большей степенью точности воспроизводит черты своих родителей и сходно с ними даже в мелочах. Это второе свойство, присущее всем животным, называется *наследственностью*.

Каждое животное обладает двумя указанными свойствами, которые оказывают свое действие на организм в одинаковой степени. В силу наследственности каждое молодое существо стремится сделать совершенно подобным своим родителям, но в то же время оно обладает, наравне с другими животными, также способностью приспосабливаться к внешним условиям своей жизни, которые в свою очередь, как мы видели, вечно изменчивы.

Природа находится в непрерывном движении, претерпевает беспрестанные изменения, которые оказывают свое влияние на развивающееся животное, предъявляют к нему иные требования, чем те, которым должны были отвечать его предки. Вновь нарождающиеся животные должны приспособиться к изменившимся окружающим условиям, иначе им грозит вымирание, что и происходило на земле очень часто и происходит в настоящее время. Весьма многие виды животных вымерли и были заменены другими, хотя и близко родственными, но более приспособленными к существованию среди изменившихся условий жизни.

Таким образом, при развитии молодого животного стремление его унаследовать родительские свойства стесняется присущим зародышу свойством приспособляемости, которая вызывается влиянием окружающих условий.

Вследствие этого, каждое вновь появившееся на свет существо, хотя немного отличающееся от своих родителей, и обладает некоторыми особенностями, которые отвечают требованиям окружающих условий. Такое отклонение новой особи от черт предков называется *индивидуальностью* особи.

В силу наследственности, каждое животное должно было быть вполне сходным со своими родителями и предками, походить на них, как фотографический снимок на его оригинал. Но свойство приспособляемости постоянно заставляет его приобретать различные индивидуальные черты, представляющие отклонение от наследственности.

При нормальном ходе развития зародыша сила наследственности берет перевес над стремлением к индивидуальности; поэтому каждая вновь нарождающаяся особь представляет почти полное подобие своих родителей и родственников, хотя и отличается от них какими-либо мелкими, незначительными индивидуальными чертами.

Никогда не бывает так, чтобы приспособляемость оказывала более сильное влияние на развивающийся организм, чем наследственность. Лишь в редких случаях индивидуальность выражается несколько сильнее, чем обыкновенно, и такие случаи называются *аномалиями* и *уродством*. Но в течение огромного промежутка времени мел-

кие индивидуальные черты животных могут в сумме составить крупное отличие от предков, и таким образом может появиться новая группа сходных между собою организмов, которые составят особый вид.

Если сравнить между собой виды животного царства, то оказывается, что они в различной степени отличаются друг от друга. Одни виды более сходны между собою, чем с другими, которые, в свою очередь, имеют между собой очень много общих признаков и отличаются от третьей группы организмов, в такой же мере сходных между собой. Таким образом, даже при поверхностном обзоре бесчисленного множества животных можно разделить их на несколько групп, которые называются *родами*. Так, напр., волк, собака, лисица, как по внешним формам, так и по внутреннему строению гораздо более сходны между собой, чем, напр., с кошкой, тигром, львом, а последнее, в свою очередь, обнаруживают много сходства между собой. Собака, волк, шакал, лисица — это виды, которые можно соединить в один род собаки — *canis*; кошка, тигр, лев, рысь и др. — виды рода *felis*; ворона, ворон, галка, сорока виды рода *corvus* и т. д., все огромное царство животных может быть разделено на такие группы родственных между собою видов. Одни из таких родов объединяют в себе большое число видов, другие, наоборот, бедны ими иногда до такой степени, что единственный вид животного оказывается необходимым выделить в особый род, так как он обнаруживает достаточную степень различия с другими родами.

Виды животных обнаруживают между собою различную степень сходства, соответственно продолжительности своего существования на земле, так как чем дольше существует вид, тем больше успеет накопиться индивидуальных признаков. Многие из видов просуществовали века и тысячелетия и затем исчезали, так как изменившиеся условия жизни делали для них бесполезными, или даже вредными, такие черты, которые раньше были им полезны, и облегчали им борьбу за существование. Виды один за другим вымирали и уступали место новым, которые, в свою очередь, подвергались той же участи.

Из ныне живущих видов, одни произошли весьма давно, другие сравнительно недавно, что явствует из близкого сходства их с другими современными видами.

Итак, не только виды, но и роды находятся между собою в различных степенях родства, так что их можно разделить на несколько групп, более близких между собой, чем с другими родами. Так, роды: собака, кошка, медведь — имеют так много общих признаков, что их легко можно со-

единить в одну общую группу *хищных* млекопитающих; роды: бык, овца, коза, буйвол легко соединяются в группу *половых* млекопитающих.

Такие группы родов называются *семействами*, а несколько семейств составляют *отряды*; эти группы соединяют в себе виды, хотя и близко родственные по происхождению, но отделившиеся уже очень давно от общих им, давно вымерших родоначальников, и потому они разошлись друг с другом очень далеко.

На этом же самом основании отдельные отряды можно сгруппировать в несколько новых отделов классификации, которые называются *классами*. Эти группы произошли в еще более отдаленные времена и отделились индивидуальными отличиями от общего им родоначальника еще в древние геологические периоды. Таковы, напр., классы: рыб, амфибий, птиц, рептилий и др., которые с отдаленных времен сохранили свои древнейшие основные признаки, между тем как виды, роды и даже семейства их подвернулись значительным изменениям.

Итак, чем крупнее систематическая группа, тем древнее она по своему происхождению и тем сильнее отличается от других групп.

До начала прошлого столетия полагали, что всех животных можно расположить по степени совершенства их организации в правильную систему. Существовал даже термин «животная лестница», которым хотели обозначить, что во всей системе животного царства, начиная от простейших форм до наиболее сложных, существуют постепенные переходы, непрерывно следующие один за другим.

Но в начале прошлого столетия знаменитый зоолог Кювье доказал, что многие животные различаются между собой не только по степени совершенства их организации, но и по основному плану их строения. Правда, органы, из которых состоит тело различных животных, весьма однообразны по своему физиологическому значению, а иногда даже и по внешнему виду, но относительное расположение этих органов в теле различных животных бывает иногда совершенно не одинаковое.

На основании своих обширных исследований по сравнительной анатомии, Кювье пришел к заключению, что существует несколько различных планов организации животных, и все животное царство таким образом естественно распадается на несколько групп, которые он назвал *типами*.

Типы, установленные Кювье, не подчинены друг другу и не представляют собой ряда постепенных усложнений. Несколько позднее другой знаменитый ученый — Бэр, исследуя развитие зародышей различных животных, уста-

новил, что типы Кювье отличаются друг от друга не только планом организации, но также способом развития зародышей. Вследствие этого разница между типами еще увеличилась. Считали, что между отдельными типами разница почти такая же, как, напр., между животными и растениями.

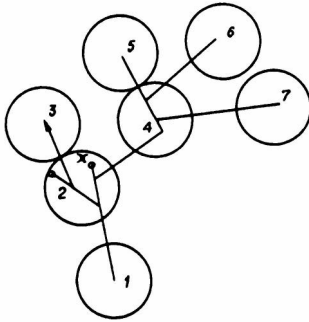
Знаменитый труд Дарвина: «О происхождении видов», который произвел переворот во всех отраслях биологии, нанес удар установившемуся учению о взаимных отношениях типов. Исходя из теории Дарвина, мы можем допустить, что все типы имеют одного общего родоначальника.

В современной науке принимают, что животное царство разделяется на большие группы, которые различаются между собой основным планом строения тела и порядком образования органов во время эмбрионального развития; однако родственная связь между этими группами-типами позволяет сделать допущения, что все они произошли от одного общего родоначальника, который жил в древнейшие времена геологической эпохи.

Различают следующие 7 типов:

I тип. **Простейшие** животные (Protozoa), состоящие из одной только клетки, чем они существенно отличаются от всех остальных, многоклеточных животных, называемых Metazoa, которые распадаются на остальные шесть типов.

II тип. **Бескишечные** (Coelenterata), или **кишечнополостные**. У них общая полость тела не обособлена от пищеварительной полости. Многие системы органов не обособлены.

Схема

III тип. **Иглокожие** (Echinodermata). Кишечная полость обособлена, есть зачатки всех систем органов.

У обоих последних типов (II и III) основная форма тела лучистая.

IV тип. **Черви** (Vermes) соединяет в себе множество самых разнообразных форм, так что общая характеристика их невозможна. Характерно отсутствие членистых конечностей.

V тип. **Членистоногие** (Arthropoda). Тело явственно сегментировано, конечности членистые.

VI тип. **Позвоночные** (Vertebrata) характеризуются образованием спинной нервной трубки и обыкновенно позвоночным столбом, в большинстве случаев сегментированным.

У трех последних типов (IV, V и VI) основная форма — двухстороннесимметричная, тело явственно или скрытно сегментированное.

VII тип. **Моллюски** (Mollusca). У них тело двухстороннесимметричное, несегментированное; нервная система обыкновенно состоит из трех главных узлов. Происхождение всех этих типов весьма древнее, хотя и не одновременное.

Обыкновенно различают еще два типа: **Моллюскообразных** (Molluscoidaea) и **Оболочниковых** (Tunicata).

На прилагаемом рисунке изображена схема животного царства в порядке их взаимного родства.

Позвоночные животные

Тип позвоночных животных характеризуется тем, что представители его всегда имеют особый скелет, расположенный внутри тела; главная осевая часть его тянется вдоль всего тела, вокруг него группируются и сочленяются все второстепенные части скелета. *Над* этой главной осью скелета, называемого *позвоночным столбом*, у всех позвоночных животных лежит нервная трубка—центральная нервная система, а *под* осью скелета лежит другая трубка—кишечный канал. По направлению главной оси скелета в теле позвоночных животных замечается расчленение на ряд последовательных частей, и в этом расчленении принимает участие большая часть органов. В общем все органы и все части тела расположены симметрично, хотя симметрия эта часто нарушается. Число конечностей не превышает четырех. Кровь у всех позвоночных животных обращается в замкнутой сети сосудов и почти всегда красного цвета.

При таком основном сходстве в своей организации позвоночные животные представляют много различий во второстепенных чертах, и поэтому весь тип позвоночных распадается на следующие пять классов: **рыбы, амфибии, рептилии, птицы и млекопитающие.**

Все животные, принадлежащие к этим классам, сходные в упомянутых выше основных чертах, в то же время резко отличаются друг от друга, так что отличие принадлежащих сюда многочисленных форм не представляет собой никакого затруднения даже по наружному виду.

К характеристике отдельных классов позвоночных мы обратимся далее, а здесь займемся вопросом, когда и как появились на земле эти разнообразные классы позвоночных животных. Мы знаем уже из предыдущего, что моменты появления первых представителей различных классов животных отделены друг от друга огромными промежутками времени, которые измеряются десятками и сотнями тысячелетий.

Геология неоспоримо доказывает нам, что наша земля первоначально представляла рас-

плавленную массу, которая, остывая на поверхности, постепенно покрылась корою. Мало-помалу утолщаясь, кора эта, наконец, настолько остыла, что водяные пары, насыщавшие атмосферу, сгустились и образовали беспредельный океанический бассейн. Воды этого моря, находясь в беспрестанном движении, разрушали первоначальную кору, раздробляли и превращали в песок каменные горы и скалы, выдвинутые из недр земли вулканическими извержениями и землетрясениями. Разрушая каменистую кору в одном

месте, море переносило получающиеся продукты и отлагало в другом, так что первоначальная, кристаллическая, земная кора покрылась новым толстым слоем пород *осадочных*. Благодаря этому вечному, никогда не прекращающемуся действию воды, земная кора имеет неоднородное строение и состоит из пластов различной толщины, называемых *формациями*.

Эти формации осаждались последовательно одна за другою из вод моря, некогда покрывавшего землю. Они различаются между собой не только по своему минералогическому составу, но, что гораздо важнее для зоолога, по разнообразным остаткам, которые сохранились в напластованиях в окаменелом состоянии от тех живых существ, которые в различные эпохи населяли землю. Различия между окаменелыми остатками различных слоев настолько значительны, что можно безошибочно определить на основании подобных окаменелостей принадлежность того или другого слоя, скалы или каждой местности к той или другой формации.

Так как пласты, налегающие друг на друга, несомненно осаждались постепенно один за другим, то можно судить об относительной древности каждой из формаций.

В геологии различается 13 таких формаций: азойская, кембрийская, силурийская, девонская, каменноугольная, пермская, триасовая, юрская, меловая, эоценовая, миоценовая, плиоценовая и постплиоценовая.

Посмотрим, во время отложения каких формаций появились на земле представители различных классов позвоночных.

В первой из них, азойской, до сих пор не найдено никаких остатков животных, и нужно предположить, что в ту эпоху земля еще не была обитаема живыми существами. В кембрийской формации уже появляются животные, но исключительно низших типов: позвоночных животных в то время, очевидно, еще не было. Первые позвоночные появляются в силурийскую формацию, так как в различных слоях этих напластований находят окаменелые остатки рыб. Точно также и в девонской формации не встречается никаких остатков позвоночных животных, кроме рыб. Из позвоночных только одни рыбы существовали на земле, вместе с червями, моллюсками, бескишечными и другими беспозвоночными животными в течение громадной эпохи, когда образовались отложения этих двух формаций.

В пластах каменноугольной формации появляются уже зрелые остатки рептилий, число которых все увеличивается в последующих формациях и достигает наибольшего обилия и разнообразия в юрскую и меловую эпохи. В течение каменноугольной и пермской эпохи рыбы да рептилии были един-

ственными представителями на земле типа позвоночных животных. Во время образования отложений триасовой формации появились амфибии, а под конец юрской формации появились и птицы; но в ту эпоху птицы были еще очень редки; гораздо большее число окаменелых остатков их находится в следующей за нею, т. е. в меловой формации.

Немного прежде первых птиц появились первые млекопитающие, остатки которых дошли до нас в позднейших триасовых слоях. Но в триасовых, юрских и меловых слоях остатки млекопитающих чрезвычайно малочисленны; только начиная с эоценовой формации, эти остатки становятся более частыми и более разнообразными, что указывает на большое разнообразие форм млекопитающих, живших в те времена.

Итак, вот в какой последовательности появились на земле представители различных классов позвоночных животных. Исходя из этого факта, постараемся выяснить причины такого последовательного появления различных классов позвоночных на земле.

Появляется вопрос, почему именно рыбы появились на нашей планете прежде рептилий, а эти последние раньше птиц и млекопитающих? Почему классы позвоночных не появлялись на земле в каком-нибудь ином порядке, например, в обратном?..

Современное состояние науки даст возможность ответить и на эти интересные вопросы.

Уже при поверхностном сравнении различных позвоночных животных между собой легко заметить, что они неодинаково совершенно организованы. Как наружные формы, так и внутренние строения тела различных позвоночных представляют очень мало разнообразия. Расчлененное тело ящерицы, передвигаемое столь же совершенно построенными конечностями, резко отличается от массивного тела рыбы, неповоротливого, как обрубок, передвигаемого зачаточными конечностями. При анатомическом сравнении решительно каждый орган тела рыбы оказывается менее развитым, менее совершенным, чем соответствующий орган ящерицы. Так, мы, напр., не находим в позвоночном столбе рыбы такого совершенного разделения его на области (шейную, спинную, крестцовую, хвостовую), в пределах которых позвонки приспособляются к особым специальным назначениям. Ребра рыб проще ребер ящерицы. Грудной кости у первых нет вовсе; а кости их конечностей гораздо проще, чем у ящерицы. Мускульная система еще не представляет у рыб того преобладания мускулов конечностей, какое мы находим у рептилий и у всех высших позвоночных. Двухкамерное сердце рыб менее совершенно, чем трехкамерное сердце рептилий; простая

кровеносная система рыб — проще двойного кровообращения ящериц. Нервная система, органы чувств (слуховой аппарат), органы размножения — все эти части тела у рыбы значительно проще устроены, чем у ящерицы. Даже в интеллектуальном отношении рыбы много уступают рептилиям. Одним словом, не подлежит ни малейшему сомнению, что рептилии, по своей организации, представляются гораздо более совершенными, чем рыбы.

Подобно тому, как рыбы, предшествовавшие рептилиям в истории земли, оказываются менее их совершенными, так, в свою очередь, и рептилии, предшественники птиц, во многом уступают последним. Сердце птиц четырехкамерное, а не трехкамерное; венозная и артериальная кровь нигде не смешиваются у них одна с другою, как у рептилий, у которых это смешение происходит в сердце. Легкие птиц устроены более совершенно, чем у рептилий. Птицы обладают сложно устроенной гортанью, способной издавать многообразные звуки; рептилии в большинстве случаев безголосы. У птиц передние конечности превращены в крылья, а тело покрыто не чешуей, а перьями. Мы имеем неопровержимые доказательства того, что крылья и перья суть аппараты более совершенные, чем передние конечности и чешуя рептилий. Изучая развитие зародыша птицы, мы находим, что скелет крыльев закладывается у него в такой же форме, в какой у зародыша ящерицы закладываются передние конечности; и тут, и там мы находим одинаковые хрящи, в одинаковой форме и в одинаковом числе. В этом зародышевом состоянии скелет крыльев гораздо более сходен со скелетом конечностей у ящерицы, чем со скелетом развитого крыла птиц. Только мало-помалу в этих зачатках происходят те изменения, благодаря которым они превращаются в скелет крыла. Благодаря такой именно последовательности фазисов развития крыла птицы, мы заключаем, что крыло есть аппарат более совершенный, чем простая конечность ящерицы.

Точно также, изучая развитие перьев у зародыша птицы, мы замечаем, что каждое перо происходит из зачатка, в общих чертах совершенно сходного с чешуей ящерицы. Несомненно, следовательно, что и перо представляет аппарат более совершенный, чем эти чешуйки. Наконец, и в интеллектуальном отношении птицы опять-таки несомненно совершеннее, чем рептилии. Указанных примеров достаточно, чтобы заключить, что птицы обладают организмом гораздо более совершенным, чем рептилии.

Точно также млекопитающие несомненно выше организованы, чем рептилии и амфи-

бии, что видно из строения каждого их органа.

Исходя из только что доказанного факта неодинаковой степени совершенства организации различных классов позвоночных животных, мы легко можем понять, почему рыбы появились на земле раньше рептилий, которые представляют следующую ступень в постепенном усложнении организации у позвоночных животных; а птицы, амфибии и млекопитающие появляются еще позже, по мере того, как совершенствуется организм животных, приспособляясь все более и более к условиям жизни. Однако указанный закон может быть принят только в самых общих, так сказать, грубых чертах. Но не только классы позвоночных животных появились один за другим в зависимости от различной степени совершенства их организма. Тот же самый закон выступает перед нами, когда мы от изложенных общих фактов обратимся к фактам гораздо более мелким.

Не все животные, принадлежащие к одному и тому же из вышеперечисленных классов позвоночных животных, представляются одинаково совершенными. В пределах классов (в особенности рыб, амфибий, млекопитающих) мы можем отличить по несколько групп, характеризующихся меньшим совершенством, сравнительно с другими группами того же самого класса. Вследствие этого в каждом классе различают несколько второстепенных групп, называемых *отрядами*. Так, напр., в классе рыб различают отряды: *безголовых* (Lerptocardii), *круглоротых* (Cyclostomi), *широкоротых* (Selachii), *ганоидных* (Ganoidei) и *костистых* (Teleostei), которые все отличаются между собою по степени совершенства организации. В каком же порядке появились отряды этих различных рыб на земле?

Относительно первых двух низших отрядов нам неизвестно, когда они появились на земле, так как ни в одной формации не найдено их остатков. Из других отрядов самый древний, несомненно, третий, так как остатки широкооротых рыб находятся в силурийской формации. За ними последовали рыбы ганоидные, от которых остались окаменелости в девонских осадках, и, наконец, позднее всех, начиная с меловой формации, появляются костистые рыбы, самые высшие из всего класса. И здесь мы видим, что различные отряды рыб появились на земле постепенно, соответственно степени совершенства их организации.

То же самое мы видим у млекопитающих. В этом классе самое низшее место занимает отряд сумчатых — и вот, геология, несомненно, доказывает нам, что сумчатые

животные появились на земле ранее всех других млекопитающих. В конце триасовой эпохи они уже обитали на земле и являются господствующим по своему совершенству классом на земле до конца меловой эпохи, когда на земле разом появляется несколько других отрядов млекопитающих.

Итак, мы видим везде один и тот же закон, что животные более совершенные появляются позже тех, которые организованы проще. Попытаемся разобраться в приведенных данных для того, чтобы решить вопрос, почему это происходило так, а не иначе. Обратимся снова к различным классам позвоночных.

Возьмем для примера птиц и рептилий; различие между ними очень резко. Так, все птицы без исключения ходят на двух ногах, образующих задние конечности, между тем как передние превращены в крылья. У птиц челюстные и межчелюстные кости образуют клюв, который никогда не бывает вооружен зубами. Какую бы пищей ни питалась птица, какой бы образ жизни ни вела, — она решительно никогда не обладает зубами; у всех птиц клюв одинаково покрыт роговым колпаком, который может иметь разные формы, но везде одинаково исключает зубы.

Между тем у рептилий, почти у всех (за исключением черепах), имеются многочисленные зубы, в виде самостоятельных косточек, прикрепленных либо подвижно, либо приросших к различным костям черепа. Наконец, у всех птиц тело покрыто перьями. Нет ни одной птицы, тело которой было бы покрыто чешуей, как, наоборот, нет ни одной рептилии, тело которой было бы покрыто перьями.

Указанные здесь различия чрезвычайно резко отличают друг от друга птиц и рептилий, так резко, что в современной нам природе не существует ни одного животного, которое так или иначе могло бы сгладить резкие границы, которыми отделяются эти два класса друг от друга; нет так называемых переходных форм между этими классами.

Однако, несмотря на такое резкое различие, они стоят друг к другу гораздо ближе, чем к каждому из остальных классов позвоночных животных.

Были ли ныне существующие отношения между классами птиц и рептилий всегда таковыми? На этот интересный и важный вопрос мы должны ответить отрицательно. Не всегда такая резкая граница проходила между птицами и рептилиями. Было время, когда эта граница не существовала вовсе; существовали птицы, у которых организм не представлял еще всех вышеупомянутых характерных черт современного птичьего организма.

В Западной Европе и Северной Америке найдены окаменелые остатки птиц, в высшей степени интересных, представляющих собою связующие звенья рассматриваемых нами классов. Эти птицы получили название *Odontornithes*, т. е. «зубастых» птиц. Само название это указывает на главные особенности этих птиц. Действительно, все они отличаются от современных нам пернатых жителей воздуха тем, что челюсти их и межчелюстные кости вооружены были зубами. Зубы эти имели совершенно такую же форму, как зубы ящериц: они состояли из конического венчика, с загнутой острой верхушкой, и из корешка более или менее толстого. Помещались эти зубы либо все в одной общей бороздке, либо каждый зуб имел свою особую ячейку.

Тело было покрыто перьями, и передние конечности были превращены в крылья. Эти птицы составляют, таким образом, соединяющее звено между птицами и рептилиями, так как они приобрели уже большую часть признаков, характеризующих птиц, но еще не утратили некоторых признаков рептилий. Эти замечательные животные были первыми птицами на земле. Их остатки встречаются в юрской и меловой формациях, в которых нет остатков других, беззубых птиц.

Благодаря работам некоторых американских ученых, нам известно несколько видов зубастых птиц; сходные между собой присутствием зубов в клюве, они представляют в остальной организации значительные различия. Один из видов зубастых птиц, *Archaeopteryx*, замечателен тем, что имел хвостовой скелет совсем не такой, как у современных птиц, а похожий на хвостовой скелет ящериц.

Как у ящериц, так и у *Archaeopteryx*'а хвост состоял из большого числа позвонков (из 20); все позвонки тонкие, цилиндрические; последний также цилиндрический, превращенный в вертикально стоящую пластинку. С обеих сторон к нему прикреплялись перья. Передние конечности отличались также от соответствующих конечностей птиц присутствием не трех, а четырех пальцев, из числа которых два внутренних оставались свободными и были вооружены когтями, а два наружных, как у птиц, служили для прикрепления маховых перьев крыла.

У других зубастых птиц (напр., *Hesperognis*, *Ichthyornis* и др.) хвост менее сходен с хвостом ящерицы и более приближается к хвосту современных птиц. Он состоит не из 20 позвонков, а из 9 или 10; эти позвонки снабжены широкими поперечными отростками; последний же хвостовой позвонок у этих птиц превращен так же точно, как

у теперь живущих птиц, в вертикально поставленную пластинку. Крылья снабжены также, как у нынешних птиц, тремя пальцами, и только у некоторых *Nesperornis* вовсе лишены пальцев.

Основываясь на этих различиях, американский ученый Марш разделил зубастых птиц на группы: *Saururae* и *Ichthyornithes* с *Odontolcae*. К первой группе, *Saururae*, принадлежат те птицы с зубами, хвостовой скелет и передние конечности которых более сходны со скелетом соответствующих частей ящерниц; а к двум другим группам он относит тех птиц с зубами, у которых хвост и передние конечности более или менее совершенно сходны с соответствующими частями современных птиц.

Как же появлялись все эти зубастые птицы на поверхности земли? Все ли сразу или последовательно? Если последовательно, то какая из указанных групп прежде?

На этот чрезвычайно важный вопрос мы можем дать теперь очень удовлетворительный ответ. Мы знаем из прежде сказанного, что ящерницы появились во время каменноугольной формации; приблизительно полмиллиона лет спустя появились первые птицы, именно представители *Saururae*, вышеописанный *Achaopteryx*, который вообще был первый вид птицы на земле; остатки его найдены в юрской формации. Уже после него в меловой формации появились птицы из групп *Ichthyornithes* и *Odontolcae*, а после них в эоценовой формации птицы беззубые, с полным развитием характерных черт современных птиц.

Другими словами, после ящерниц, следовали птицы, занимавшие положение промежуточное между ящерницами и настоящими птицами; затем последовали птицы, стоящие еще ближе к настоящим птицам, но все еще не утратившие черты, сближающие их с ящерницами; и наконец, много времени спустя, появились настоящие птицы беззубых, вообще резко отличающиеся от ящерниц.

Углубимся еще немного в давно прошедшие времена, поищем еще каких-нибудь фактов в летописях природы.

Эта летопись говорит нам красноречивым языком, что прежде, чем появились зубастые птицы, и во время их существования, в классе рептилий происходило сильное брожение. Организм рептилий, как-то недовольный теми формами, в которые вылился он в течение формаций каменноугольной и пермской, стал вырабатывать себе новые формы. Это стремление выразилось происхождением разных классов рептилий, возникающих вновь во время формации триасовой и преимущественно юрской и меловой, которые были также свидетелями жизни зубастых птиц. В течение этих формаций появились классы *Enaliosau-*

giae, представителем которых служит фантастический плезиозавр; появился класс *Ichthyopterygiae*, — колоссальный ихтиозавр; появился класс *Dinosaurii*, многие члены которого заслуживают внимания нашей темы, что стали ходить на двух задних ногах; эти *Dinosaurii* служили как бы предвестниками птиц.

В эту же эпоху появились представители *Pterosauria*, летающие ящерницы, уже очень близкие к *Archaeopteryx*.

У принадлежавшего сюда *Pterodactylus'a*, мы не находим только перьев, — а то его смело можно было бы поставить рядом с *Archaeopteryx'ом*. В течение этих же вышеназванных формаций произошли и классы крокодилов и черепах.

Результатом такой чрезвычайной, лихорадочной деятельности, происходившей в классе рептилий в течение триасовой, юрской и меловой формаций, явилось множество форм более или менее отличающихся от характерных пресмыкающихся, но не все из них дошли до нас даже в виде окаменелых остатков. Только истинные ящерницы, крокодилы да черепахи дожили до современной эпохи. Все остальные группы погибли в конце меловой формации.

В эту-то революционную эпоху, когда класс рептилий делал огромные усилия выработать себе новые формы существования, появилась группа зубастых птиц, которую постигла также участь, какую пришлось изведать многим из вышеперечисленных групп. Как *Dinosaurii*, *Ichthyopterygiae*, *Enaliosaurii*, *Pterosaurii*, так и *Odontornithes* все вымерли к концу меловой эпохи.

Зная все это, видя приближение всех этих форм друг к другу, не должны ли мы и группу зубастых птиц рассматривать как ветвь обширного класса пресмыкающихся, отделившуюся в течение юрской и меловой формаций? Эта группа через *Pterosaurii* и *Dinosaurii* действительно соединяется с истинными рептилиями. Особенности, которыми отличаются эти птицы, появились не неожиданно; мы видим динозавров, ходящих подобно птицам только на задних ногах; видим птерозавриев, подобно птицам пользующихся своими передними конечностями, как крыльями; только одни перья зубастых птиц представляют явление новое, у рептилий невиданное. Но эти перья происходят, как нам известно, не из зачатков имеющих вид чешуи и не существенно отличаются от последней. Зубастые птицы не более отличаются от птерозавров, чем эти последние от черепах или ящерниц. В свою очередь, они, несомненно, близко родственны истинным птицам и таким образом непрерывно соединяют их с рептилиями, постепенно сглаживая те черты, кото-

рые так резко отличают ныне живущих представителей классов птиц и рептилий.

Но прежде чем выскажем окончательное суждение о значении всего вышеизложенного, обратимся еще к ряду фактов, которые должны доказать нам, что выведенный выше закон появления животных, по порядку их постепенного усовершенствования, имеет значение не только в общих чертах, но и в деталях, управляя постепенным появлением родов животных.

Между млекопитающими существуют группы, которые в современной нам природе отличаются довольно резко. Таковы копытные непарноперстые (*Perissodactyla*) и пятипалые млекопитающие. Различие их выражено особенно резко в скелете конечностей и в устройстве зубов. Благодаря исследованиям вышеупомянутого американского ученого Марша, мы ознакомились теперь с рядом форм, составляющих совершенно постепенный переход от пятипалых млекопитающих к однопалым.

Как теперь известно, самая древняя форма, связующая обе группы млекопитающих, это *Eohippus* — маленькое млекопитающее, величиною с лисицу. Коренные зубы этого животного имели срезанный венчик, вооруженный складками эмали, как у однокопытных; ложно-коренные зубы представляли большое сходство с ложнокоренными зубами хищных. Локтевая кость вполне развитая, не сросшаяся с лучевой. На передних ногах находились четыре вполне развитых пальца, пятый же (большой) палец представлялся лишь в виде маленькой косточки, спрятанной под кожей и имеющей значение кости пястья. На задних ногах находилось три пальца. Последний сустав пальцев на всех ногах расширенный, в виде копыта. По устройству своих передних ног и коренных зубов *Eohippus* стоит на границе непарноперстых и пятипалых млекопитающих. У этого *Eohippus*'а только что начинают появляться те особенности, которые так резко характеризуют однокопытных.

Кроме только что описанной формы, найдена была Маршем другая, которую он назвал *Orohippus*. У этого животного, которое было лишь очень немного крупнее, чем *Eohippus*, задний ложнокоренный зуб принял такую же форму, как истиннокоренные, т. е. получил срезанный венчик, вооруженный складками эмали. Упомянутый выше зачаток большого пальца у *Orohippus* исчез совершенно, так что передняя конечность несет четыре пальца. Лучевая и локтевая кость так же свободны, как у предыдущей формы.

Затем была открыта третья форма, *Mesohippus*, достигавшая величины барана и выработавшая себе еще некоторые особенности, сильнее прежних приближающие ее к совре-

менным однокопытным. У *Mesohippus*'а мы находим на передних ногах только три пальца, от четвертого осталась маленькая косточка (пястье), не имеющая никакой функции, спрятанная под кожей, как будто не успевшая уничтожиться. На задних ногах имеется тоже только три пальца. Локтевая кость укорочена и приросла к лучевой. Род *Miohippus*, близко сходный с *Mesohippus*, у которого остаток четвертого пальца почти совершенно исчез. Тем же Маршем найдено было млекопитающее того же ряда, названное им *Protohippus*, величиной с осл. На ногах этого животного находятся три пальца, но эти пальцы уже не одинаковой длины. Только средний из них, наибольший, опирался на землю при хождении животного. Два боковых пальца тонкие, укороченные и не достигающие земли, не играющие, таким образом, никакой роли при движении, становились ненужными. Но тем не менее у *Protohippus* эти боковые пальцы имели совершенно нормальное строение, состояли каждый из трех суставов, последний из числа которых нес на себе копыто, так же как у всех преждеупомянутых животных.

Последняя переходная ступень, ведущая к нашей современной лошади, был *Pliohippus*, также найденный Маршем; у него боковые пальцы уже уничтожились, так что ноги несут только по одному пальцу, но кости пястья обоих исчезнувших пальцев сохранились вполне. За *Pliohippus* следует уже современная лошадь.

Этот ряд фактов показывает нам, как постепенно вырабатывалась однопалая лошадь, с ее характерным устройством ног, из низших, пятипалых млекопитающих.

Но этот ряд фактов еще сам по себе мог бы показаться малодоказательным. Для полного торжества этой мысли, которая вытекает из всего вышесказанного, мысли о происхождении животных друг от друга, мало существования ряда постепенных переходных форм; мало такого ряда анатомических фактов. Нужен еще ряд фактов геологических. Нужно доказать, что все вышеописанные формы появлялись на земле последовательно, одна за другой, и именно в вышеуказанном порядке, в каком они связуют группы рассматриваемых животных. К великому торжеству идеи о происхождении животных через постепенное превращение, мы видим, действительно, именно такое полное и совершенное совпадение фактов анатомических с геологическими; мы видим, что, действительно, вышеописанные формы появлялись последовательно одна за другой, и именно в том порядке, в каком у них выражается постепенное усиление характерных особенностей современной лошади.

МЛЕКОПИТАЮЩИЕ

Общий очерк

Еще недавно класс млекопитающих считали вполне определенной группой позвоночных животных. Характерными признаками этого класса считали молочные железы, служащие для первоначального вскармливания детенышей, и волосаной покров тела. Однако оба эти признака не могут быть названы существенными, так как, например, у китов волосами покрыта только верхняя челюсть, да и то лишь в зародышном состоянии, а, с другой стороны, у однопроходных млекопитающих не развиваются настоящие млечные железы, и они вскармливают детенышей молокообразной питательной жидкостью, выделяемой трубчатыми железами без сосков. Тем не менее оба указанные признака являются весьма важными для характеристики млекопитающих. Единственный признак, которым млекопитающие действительно отличаются от всех других классов позвоночных, составляет полная грудобрюшная преграда, отделяющая грудную полость от брюшной; что же касается рождения живых детенышей, то оно свойственно не всем млекопитающим, так как однопроходные, подобно птицам и рептилиям, откладывают яйца.

Скелет у всех млекопитающих построен довольно однообразно. Позвоночный столб резко разграничен на пять отделов: шейный, грудной, поясничный, крестцовый и хвостовой; только у китообразных, которые не имеют задних конечностей, крестца нет. Шейный отдел почти всегда состоит из семи позвонков, причем длина шеи не имеет никакого значения: у жирафы шея состоит из стольких же позвонков, как у кролика, свиньи и медведя. Грудной отдел столба состоит из 10—24 позвонков, поясничный из 2—9, крестцовый из 1—9, и только в хвостовом отделе встречаются сильные вариации от 4 (у некоторых обезьян и у человека) до 46.

Зачаточные ребра имеются иногда и на других позвонках, но настоящие ребра сочленяются лишь с грудными позвонками и, сое-

диняясь спереди грудною костью, образуют грудную клетку. *Череп* у всех млекопитающих состоит из одних и тех же костей, которые и сочетаются между собою довольно однообразно, соединяясь посредством швов.

Плечевой пояс состоит из двух лопаток и двух ключиц, хотя последних у некоторых млекопитающих совсем нет (напр., у копытных), у других ключицы не вполне развиваются или заменяются связками, как, напр., у грызунов и некоторых хищных.

Таз состоит из 3 пар костей: подвздошных, лобковых и седалищных, которые плотно срастаются между собой; у китообразных настоящего таза нет, и о нем напоминает лишь пара маленьких косточек.

Передние конечности в большинстве случаев, наравне с задними, служат у млеко-

питающих для передвижения по земле, но могут приспосабливаться и к другому назначению. Так, напр., у тюленей и моржей они превращены в лапы, у китообразных — в плавники, у летучих мышей приспособлены к летанию, наконец, у человека и обезьян — к хватанию. Плечевая кость обыкновенно сильно укорочена. Локтевая развита слабее лучевой и служит для сочленения кисти с плечом. У обезьян и человека лучевая кость сочленена подвижно и делает возможным вращательные движения кисти. Кисть передней конечности состоит из запястья, пясти и пальцев, развитых в различной степени. Запястье состоит из 7 костей, расположенных в два ряда, иногда некоторые косточки между собой сливаются. Число костей, из которых состоит пясть, различно, соответственно числу пальцев, которых у млекопитающих бывает не больше пяти, но часто менее. Первый палец, считая с внутренней стороны, так наз. большой, состоит из двух, а все остальные из трех суставов; только у китообразных число суставов увеличено. Уменьшение числа пальцев начинается с исчезновения большого; у парнокопытных развивается лишь два средних, а крайние не доразвиваются или совсем исчезают; у непарнокопытных более всех других развивается третий палец, а у однокопытных остается только он один.

В задних конечностях бедренная кость, которая у человека является самой длинной, у большинства млекопитающих бывает короче голени; из двух костей последней большая берцовая получает преобладающее развитие, между тем как малая берцовая часто совсем исчезает. У некоторых лазящих млекопитающих большая берцовая кость отчасти вращается вокруг малой, подобно лучевой у человека. Предплюсна, как и запястье, состоит из нескольких мелких костей, из которых пяточная снабжена выдающимся назад отростком, к которому прикрепляется ахиллесово сухожилие; некоторые кости предплюсны иногда сливаются между собой. Кости плюсны и пальцы задних конечностей обыкновенно соответствуют запястью и пальцам передних конечностей, но относительная длина их весьма различна. Одни млекопитающие при хождении касаются земли всей стопой задних ног и всей костью передних; другие ходят лишь на пальцах, тогда как кости плюсны и пальцев приподняты над землей и вытянуты.

Наружный покров почти у всех млекопитающих составляет шерсть, лишь у немногих нет этого покрова, как, напр., у слонов, бегемотов и китообразных. У некоторых шерсть состоит из волос двух сортов: густых, мягких и более коротких, составляющих пух или подшерсток, и более длинных, толстых, составляющих собственно

шерсть. У некоторых млекопитающих (у ящера) покров состоит из роговых чешуй, налегающих друг на друга, которые могут приподниматься — ошестиниваться. На концах пальцев у млекопитающих образуются роговые выросты — когти, или пластинчатые покровы — копыта. Кроме того, у многих млекопитающих имеются особые роговые образования, как, напр., рога, покрывающие особые костные выросты черепа, небные пластинки, так наз. «китовый ус» и др. У броненосцев покров состоит из костяных пластинок, составляющих панцирь.

В коже млекопитающих развиваются железы двух родов, *потовые* и *сальные*. Первые состоят из цилиндрических трубочек, нижний конец которых лежит в соединительно-тканном слое кожи и свернут здесь в клубочек, а выводящий канал с противоположной стороны открывается наружу. Сальные железы имеют мешковидную или гроздевидную форму. Оба рода желез в различных частях тела видоизменяются различным образом и выделяют иногда специальные пахучие вещества. Молочные железы также следует отнести к железам кожи; каждая молочная железа состоит из сгущенной массы отдельных кожных желез, которые и по своему строению, и по способу образования своего отделения сходны с сальными. Лишь у однопроходных (утконоса и эхидны) молочные железы построены по типу трубчатых желез и, следовательно, сходны с потовыми железами, а не с сальными.

Грудобрюшная преграда, или диафрагма, составляет характерный анатомический признак млекопитающих. Она представляет собою мускулистую перегородку, которая вполне отделяет грудную полость от брюшной, прикрепляясь к позвоночному столбу, ребрам и грудной кости. Диафрагма играет важную роль в процессе дыхания.

Зубы есть у всех млекопитающих, кроме однопроходных, некоторых китообразных, ящера и муравьеда. У китообразных и у однопроходных зубы развиваются лишь в зародышевой стадии, а затем выпадают. Они сидят всегда в ячейках челюстных костей. Различают четыре рода зубов: резцы, клыки, ложнокоренные и истинные коренные. Зубы в каждой челюсти обыкновенно соответствуют промежуткам в другой челюсти. Для обозначения числа зубов, что имеет значение для систематики, употребляют особую формулу, имеющую вид дроби, в которой над чертой обозначаются число зубов каждого рода в половине верхней челюсти, а под чертой в половине нижней челюсти. Так, напр., зубная формула человека и обезьян Старого Света изображается $\frac{2.1.2.3}{2.1.2.3}$, т.е. резцов $\frac{2}{2}$, клыков $\frac{1}{1}$, ложнокоренных $\frac{2}{2}$, истинноко-

ренных $\frac{3}{4}$. У большинства млекопитающих происходит смена первоначальных, так называемых, зубов на постоянные. Величина, форма и строение зубов вполне соответствует роду пищи животных. Скелет млекопитающих приводится в движение *мускулами*, или *мышцами*, которые в обыденной жизни называются мясом. Мускулы находятся в полном соответствии с особенностями скелета и образом жизни животного, поэтому не все мускулы одинаково развиты у различных млекопитающих, а иногда некоторые мускулы даже и совсем отсутствуют. Те млекопитающие, которые лазают, копают, хватают и вообще производят конечностями значительную работу, обладают сильными грудными мускулами; у бегущих сильно развиты мускулы бедра и голени; у некоторых хвостовые мускулы развиты особенно сильно, так как они пользуются хвостом, как пятой конечностью.

Органы пищеварения хотя и сходны в основных чертах у всех млекопитающих, но значительно отличаются в частности. Рот всегда снабжен более или менее мясистыми губами, в которых сильно развито чувство осязания. Между губами, щеками и челюстями у некоторых млекопитающих образуются боковые мешковидные выступы, так называемые *защечные мешки*. Язык у некоторых сильно развит и служит не только органом осязания и вкуса, но помогает также и проглатыванию пищи. Поверхность его бывает или гладкая, или покрыта мягкими сосочками, а у семейства кошачьих — роговыми шипами. Глотка продолжается пищеводом, который непосредственно расширяется в желудок. Последний всегда имеет более или менее тонкие стенки и бывает или простой, или сложный, состоящий из нескольких отделений. Наиболее сложно устройство желудка у жвачных, у которых пища, уже побывав в двух отделах желудка, отрыгивается, пережевывается и снова отправляется в третье отделение желудка, где начинает перевариваться. У млекопитающих имеется несколько придаточных органов пищеварения, каковы: печень, слюнные железы, поджелудочная железа. Кишки разделяются на несколько отделов.

Органы дыхания у млекопитающих состоят из гортани и легких. Гортань отличается присутствием трех хрящей: щитовидного, перстневидного и черпаловидного; кроме того, отверстие гортани прикрывается надгортанным хрящем. У всех млекопитающих, кроме китообразных, в полости гортани имеются голосовые связки, которых различаются две пары. Дыхательное горло делится на две бронхи. Легкие обыкновенно разделены на лопасти.

Сердце сплошной перегородкой разделено на два отдела, из которых каждый также

разделяется на две части, так что сердце вполне четырехкамерное. Сердце заключено в так называемую околосердечную сумку. Сосудистая система построена одинаково у всех млекопитающих с незначительными отклонениями. Артерии имеют упругие стенки, вены снабжены внутри клапанами.

Головной мозг у большинства млекопитающих сильно развит, в особенности передний, или большой, мозг и мозжечок. Между полушариями большого мозга и мозжечка существует целая система поперечных связок. Относительное развитие большого мозга соответствует степени совершенства организации животных. У низших млекопитающих полушария большого мозга только лишь отчасти прикрывают остальные отделы. У хищных и копытных большой мозг доходит сверху до мозжечка, а у обезьян и человека прикрывает и мозжечок. Поверхность полушарий большого мозга у низших млекопитающих совершенно гладкая, у остальных неровная, со множеством выпуклостей и извилин, разделенных более или менее глубокими бороздами.

Органы чувств очень сходны по своему строению у всех млекопитающих. Главным органом осязания служат губы, а также кончик носа, который у некоторых млекопитающих вытянут в хобот. Орган обоняния у млекопитающих развит более, чем у каких-либо других животных. Вертикальной перегородкой носовая полость разделяется на две половины, открывающиеся спереди наружу, а сзади — в глотку. Боковые стенки носовой полости образуют множество небольших ячеек (лабиринт). Разветвление обонятельного нерва заканчивается в слизистой оболочке, выстилающей полость носа. Наружные носовые отверстия — ноздри — могут расширяться или суживаться особыми мускулами. У водных животных, как, напр., у тюленя, они могут совсем закрываться. Устройство внутреннего уха очень сложно. Для ориентирования в пространстве имеются три полукружных канала, которые расположены в трех взаимноперпендикулярных плоскостях. Форма и величина наружного уха очень различны. У некоторых наружная раковина совсем отсутствует.

Органы зрения очень совершенны; мигательная перепонка существует не у всех млекопитающих; а веки, наоборот, хорошо развиты и снабжены ресницами. У крота глаза сверху прикрыты кожей.

Млекопитающие обладают в высокой степени совершенства способностью передвижения: они ходят, бегают, прыгают, лазают, летают, плавают и ныряют. Однако, по отношению к подвижности, млекопитающие сильно уступают птицам. Лишь немногие млекопитающие любят бесцельные движения взад и вперед ради удовольствия, которые так свойственны

большинству птиц. Они имеют более серьезный нрав и избегают бесполезного напряжения сил. Иное мы видим у птиц. У них двигаться значит жить и жить значит двигаться. Птица всегда готова порхать, парить в высоте или бегать. Ее маленькое сердце бьется быстрее, ее кровь быстрее движется по сосудам, ее тело кажется более гибким и стройным, чем у млекопитающих, которые по большей части лишь тогда чувствуют себя вполне счастливыми, когда, по возможности, удобнее улягутся и могут спать или дремать.

Многие млекопитающие способны очень быстро двигаться. Так, напр., хорошая скаковая лошадь на расстоянии нескольких километров может бежать около 15 метров в секунду; большей быстроты не встречается ни у одного наземного животного, но сравнительно с быстротой птичьего полета она представляется ничтожной; даже тяжелолетающая ворона может успешно состязаться в быстроте со скаковой лошастью. Почтовые голуби летят со скоростью от 15 до 23 метров в секунду и с такой быстротой могут лететь в течение многих часов. Что же сказать о наилучших летунах: соколах, фрегатах, ласточках, которые движутся несравненно быстрее курьерского поезда?!

Большинство млекопитающих ходит на четырех ногах, но есть и двуногие, каковы тушканчики и кенгуру. Впрочем, ни одно животное, кроме человека, не ходит по земле с прямо стоящим туловищем; что же касается кенгуру, то они ходят в сущности на трех конечностях, так как длинный мускулистый хвост исполняет то же назначение, как и ноги.

Прыганье млекопитающих происходит различным образом или с помощью толчка двух задних лап, или всех четырех, но главная роль принадлежит все-таки задним ногам. Впрочем, сила прыжка у млекопитающих весьма незначительна, сравнительно с их величиной, и в этом отношении их далеко превосходят многие низшие животные.

Очень замечательно и разнообразно *лазанье* млекопитающих, из которых многие всю жизнь проводят на деревьях. Не только все четыре конечности, но также и хвост принимает в этом большое участие и часто служит органом прикрепления и привешивания тела; в особенности развита эта способность хвоста у обезьян Нового Света. У многих млекопитающих органом лазания являются также когти, которые позволяют им очень быстро карабкаться по деревьям и скалам. Замечательно, что и копытные животные умеют очень хорошо лазать по крутизнам, даже неуклюжие великаны, каковы: слон, носорог, бегемот, буйвол, — с большой ловкостью могут взбираться по страшно крутым, гололо-

вым горным тропинкам; но самыми артистическими акробатами являются, без сомнения, обезьяны.

Летание млекопитающих в сущности есть только жалкая пародия на полет птиц; даже наиболее приспособленные к этому роду передвижения летучие мыши далеко уступают пернатым летунам; что же касается летяг и летучих сумчатых, то они пользуются своими кожистыми крыльями лишь как парашютом, облегчающим им падение, и неспособны лететь вверх или по прямой линии.

Гораздо более приспособлены млекопитающие к передвижению в другой стихии — в воде. Способность плавать и нырять дарована очень многим млекопитающим не только настоящим водным, но и наземным. Совершенно неспособны держаться на воде только очень немногие из млекопитающих, как, напр., человекообразные обезьяны и павианы. Приспособления для плавания встречаются у млекопитающих самые разнообразные. Ноги, одетые в копыта, представляют очень несовершенный орган плавания, тем не менее между копытными животными встречаются и настоящие водные, как, напр., бегемот, который почти всю жизнь проводит в воде. У настоящих водных животных появляются более совершенные приспособления для плавания, в виде перепонок, соединяющих пальцы.

Тюлени стоят посредине между животными, снабженными лапами, и настоящими рыбообразными млекопитающими. Ласты их, в сущности, те же плавники, так как пальцы их покрыты кожей, соединяющей их, и снаружи остаются видными только когти. У китов и этот признак отсутствует: пальцы тесно и неподвижно связаны между собой посредством хрящевой ткани; задние конечности отсутствуют, а хвост расширяется горизонтально и образует плавник; таким образом, является нечто среднее между млекопитающим и рыбой. Такое различие по форме и расположению органов изменяет и движение. Копытные и животные, имеющие лапы, при плавании ударяют ими вниз, как бы ходят по воде, и таким образом подвигаются вперед; ластоногие и рыбообразные передвигаются с помощью ластов, которыми работают, как веслами. Животные, у которых лапы снабжены плавательными перепонками, складывают их, занося ногу вперед, и расширяют при обратном движении. Быстрота плавания у некоторых животных бывает поразительная. Большие киты плывут по 18—25 километров в час, что составляет около 7 метров в секунду, а дельфины могут плавать еще быстрее и шутя обгоняют самый быстрходный пароход.

Деятельность *внутренних органов*, как, напр., кровообращения и пищеварения, совер-

шается у млекопитающих медленнее, чем у птиц, сердце работает не так быстро, и, соответственно этому, температура крови несколько ниже, чем у птиц. Обмен воздуха в легких совершается значительно медленнее, в особенности у водных млекопитающих, которые вследствие этого могут очень долго оставаться под водой. Кит может оставаться под водой минут 40, кашалоты, в случае надобности, могут пробыть даже более часа.

Паразительно замедление дыхания, которое происходит у животных во время зимней спячки. Так, напр., сурик, который в бодрствующем состоянии в течение двух дней совершает 72 000 дыхательных движений, во время спячки, за 6 месяцев, дышит лишь 71 000 раз и, следовательно, потребляет за все это время лишь $\frac{1}{30}$ часть того количества воздуха, которое потребно ему в бодрствующем состоянии.

Способность голоса в смысле силы и разнообразия развита у млекопитающих гораздо меньше, чем у птиц. Нет ни одного млекопитающего, голос которого может быть назван музыкальным и приятным, у громадного же большинства он очень неблагозвучен.

«Всемогущая любовь,— говорит Брем,— одаряет птицу чарующими тонами, которые возбуждают восторг в наших сердцах; напротив, из горла млекопитающего та же любовь извлекает раздражающие уши звуки. Как велика разница между песней любви соловья и кошки! У последней каждый тон изуродован и искажен, каждый естественный звук превращен в мучительные, раздражающие ухо диссонансы; у соловья же дыхание становится чудным пением, а пение это—прекраснейшей любовной поэмой в звуках и тонах».

Пищеварительный аппарат у млекопитающих построен очень совершенно, но самый процесс пищеварения совершается гораздо медленнее, чем у птиц; во время зимней спячки пищеварение может прерываться на целые месяцы.

Итак, в телесной организации, по крайней мере в некоторых отношениях, млекопитающие уступают птицам, но *душевные их способности*—безусловно, наивысшие из всех животных.

Деятельность органов чувств, которая у животных является единственным проявлением душевной способности, у рыб, пресмыкающихся и земноводных сравнительно ничтожна, довольно ограничена также и у птиц, и только у класса млекопитающих все внешние чувства достигают наибольшего развития. У млекопитающих обнаруживается уже всесторонность в развитии чувств, которая у человека достигает полного развития, и поэтому

млекопитающие по справедливости стоят во главе всего животного царства.

Осязание очень хорошо развито у млекопитающих. Огромный кит, при незначительном прикосновении к его коже, тотчас же ныряет; слон сейчас же замечает муху, которая сядет на его толстую, по-видимому, совершенно нечувствительную кожу, но все эти животные даже и приблизительно не могут сравниться в этом отношении с человеком. Даже копытные животные обладают чувством осязания в ногах, несмотря на свои толстые роговые копыта. Осязательная способность, между прочим, развита у млекопитающих в усах. Кошка, крыса или мышь постоянно пользуются усами для ощупывания предмета в то время, когда, по-видимому, обнюхивают его.

Чувство *вкуса* в настоящем своем виде существует только у млекопитающих и сосредоточивается в языке. Жесткий язык верблюда, который не повреждается даже острыми колючками мимоз, прекрасно чувствует вкус соли, точно также слон с наслаждением лижет сладости и испытывает приятное ощущение, когда его грубый язык придет в соприкосновение со спиртными напитками.

Обоняние у большинства млекопитающих очень сильно развито. Собака безошибочно различает чутьем среди тысячи других человеческих следов—следы своего господина, оставленные несколько часов тому назад, или следует за дичью, которая прошла известным путем, благодаря вполне сознаваемому ею запаху, причем запах этот ею отличается от сотни других запахов, существующих на том же месте. Что запах этот не может быть силен, явствует из того, что он происходит от газа, выделившегося от мгновенного прикосновения сапога или ноги животного к почве. Ясно представить себе эту степень чутья прямо невозможно. Северный олень чует человека даже на расстоянии 500 шагов, африканский слон тотчас же чует старые следы человека, оставленные за несколько часов в открытой местности, в степи, заросшей кустарником. Замечательно, что все животные, обладающие хорошим обонянием, имеют влажные носы. Нос кошки уже гораздо суше, чем нос собаки, нос обезьяны еще суше, чем нос кошки; нос человека, в свою очередь, суше, чем нос обезьяны. Постепенно убывающая способность обоняния у этих млекопитающих стоит в полном согласии с влажностью органа обоняния. Интересен тот факт, что благоухания, приятно шекочущие малочувствительные носы, для всех животных с тонким обонянием оказываются неприятными: собака с таким же отвращением отворачивается от одеко-

лона, как и от сероводородного газа. Лишь животные с плохим обонянием любят сильные запахи и приходят в неистовство от них, как кошка — от валериана; животные с хорошим чутьем тщательно избегают всех газов, возбуждающих нервы, боятся их даже, так как сильные запахи причиняют им, вероятно, боль, что случается, впрочем, нередко и с людьми, стоящими на низкой ступени образования, так называемыми дикарями.

Превосходит ли у млекопитающих чувство слуха чувство обоняния, или наоборот — вопрос спорный. Бесспорно, однако, что чувство слуха достигает у млекопитающих такого развития, как ни в каком другом классе животных. Чувство слуха, правда, довольно сильно развито уже у ниже стоящих классов животного царства, однако, оно нигде не развито в такой степени, как в двух высших классах; самое совершенное ухо птицы всегда стоит гораздо ниже, чем ухо млекопитающего. Что птицы отлично слышат, вытекает уже из их музыкальных дарований: они развлекают и одушевляют друг друга своими прекрасными песнями, и ухо их довольно чутко ко всяким звукам. Но замечательно, что лучшие певуны между ними обладают наименее развитым ухом, между тем как для всех птиц с тонким слухом, каковы, напр., все совы, пение певчих птиц кажется очень неприятным. Почти то же замечается и у млекопитающих. Здесь уже наружное, а еще более внутреннее строение уха показывают степень совершенства слуха; но эта способность может доходить до такой высокой степени развития и сделаться столь тонким, что звуки, кажущиеся благозвучными более тупым или привычным ушам, становятся для чуткого животного резкими и неприятными.

У человека чувство слуха, в смысле способности различать слабые звуки, как и чувство обоняния, развито хуже, чем у млекопитающих, но это несколько не вредит его господствующему положению среди природы: равномерное развитие всех чувств все-таки значительно возвышает его над всеми животными.

Способность слышать у млекопитающих весьма различна. Ни одно из них не может считаться совсем глухим, но действительно тонким слухом обладают лишь немногие.

Об остроте слуха млекопитающих трудно судить. Мы знаем, что очень многие млекопитающие в состоянии различать шум, который мы не замечаем, но как далеко простирается эта способность и эта разница с восприятием слухового аппарата человека, нам неизвестно. Кошка и сова слышат шум, который производит бегущая

мышь, но мы не можем определить, на каком расстоянии они могут еще отличать тихие шаги от шороха ветра. Ушан слышит, вероятно, шум от полета маленьких бабочек, который для нас совершенно неуловим; степная лисица различает по слуху даже на порядочном расстоянии ползание жука по песку; очень улавливает шум шагов охотника, по-видимому, даже на расстоянии полутора метра. Но все эти данные лишь приблизительны и не могут быть проверены точным измерением.

Чувство зрения не достигает у млекопитающих такой остроты, как обоняние и слух, и в этом птицы сильно превосходят их. Можно предполагать, что из дневных млекопитающих едва ли какое превосходит человека остротой зрения. Известно, что многие из них даже вблизи не скоро сумеют распознать врага, в особенности, если он стоит неподвижно. Ночные млекопитающие обладают самым острым зрением и, бесспорно, превосходят в этом человека. У ночных животных зрачок имеет различную форму днем и ночью. Обыкновенный дневной свет кажется для них слишком ярким, невыносимым для глаз, поэтому зрачок суживается и превращается в тонкую линию, между тем как по мере наступления темноты все расширяется и, наконец, становится совершенно круглым. Таким образом регулируется количество световых лучей, падающих на сетчатую оболочку.

Млекопитающие обладают памятью, некоторой долей рассудительности и чувствительности. Они обладают способностью различать предметы, имеют представление о времени, месте, о цветах и звуках; умеют узнавать и припоминать прежде виденное, наблюдают и до некоторой степени даже рассуждают. Путем наблюдения они составляют себе известную опытность, которой прекрасно умеют пользоваться; они распознают опасность и придумывают иногда даже очень остроумные способы, чтобы их избежать. Животные эти проявляют симпатии или антипатии к различным лицам.

Совокупность душевных способностей млекопитающего составляет его *характер*. Животное может быть мужественным или трусливым, честным или вороватым, прямодушным или коварным и хитрым, доверчивым или подозрительным, миролюбивым или задорным, веселым, жизнерадостным и беззаботным или печальным, угрюмым, общительным или необщительным и проч., и проч. Подобных черт характера того или другого млекопитающего животного можно насчитать очень много.

Характер животных складывается в очень значительной степени в зависимости от условий *воспитания*. При тех или иных

условиях высокоорганизованное животное может стать «образованным» и «благовоспитанным» — или грубым, «невежественным». Наилучшим воспитателем животных является, конечно, человек, который сумел воспитать многочисленные породы домашних животных, характер которых сильно отличается от их некультурных родичей.

Большинство млекопитающих живет обществами различной величины, но не такими громадными, в какие скопляются иногда птицы. В стаде всегда есть вожак, которому все члены его подчиняются; в большинстве случаев, во главе стада становится старый опытный самец, который добивается этой чести не без труда, после упорных битв со всеми соперниками. Вожак принимает на себя заботу о безопасности всего стада и защищает слабых членов его. В виде исключения, у жвачных животных вожаком стада иногда является старая бездетная самка.

Питаются эти животные или растительными веществами, или другими животными, а есть и такие, которые питаются самой разнообразной пищей, как растительной, так и животной.

Соответственно этому весьма разнообразны способы хватания пищи и ее принятие. В большинстве случаев пища схватывается ртом; у других животных есть специальные органы хватания — хобот у слона, руки у обезьян и др.

Сравнительно с птицами, млекопитающие едят немного, так как и жизненная энергия у них проявляется сравнительно меньше. Особенно сильно понижается жизнедеятельность у некоторых млекопитающих во время спячки, когда соответственно этому понижается и температура их тела.

Жизнь млекопитающих более однообразна, чем у птиц, свободных обитателей воздушной стихии. Большинство проводит свой день между сном и едой, добытие которой поглощает все их внимание.

Забота о потомстве лежит главным образом на самках, которые в большинстве случаев одни добывают пропитание детенышам, охраняют их, нередко с паразитическим самопожертвованием, и заботятся об их первоначальном воспитании, а еще раньше устраивают логовище и стараются обставить его с возможным комфортом.

У ехидны яйца помещаются в особую складку кожи на брюхе самки, где они и находятся до окончания развития. Подобно этому сумчатые помещают в свою сумку новорожденных детенышей, где те кормятся молоком и вынашиваются до тех пор, пока станут настолько взрослыми, что могут сами о себе заботиться. Степень развития детенышей при появлении на свет весьма

различна. У всех хищников они рождаются слепыми и совершенно беспомощными, у других отрядов детеныши появляются гораздо более развитыми, так что через короткое время способны следовать за своей матерью.

Отношение самцов к детенышам по большей части безразлично, иногда даже враждебное, так что мать старается тщательно скрывать своих детей от отца, который, при случае, даже пожирает их. Гораздо реже встречается у млекопитающих заботливость отца о своем потомстве.

Продолжительность жизни у млекопитающих весьма различна, но сравнительно с их величиной вообще невелика: тридцатилетнего возраста достигают лишь очень немногие.

Млекопитающие, безусловно, самые полезные из всех животных. Они не только доставляют человеку мясо, шерсть, кожу, кости (клыки моржей и слонов) и др. продукты, но, что еще более важно, получив от человека соответственное воспитание, служат ему, исполняя самые разнообразные работы, и отдают в его распоряжение не только свою мускульную силу, но также свои острые чувства и дарованные природою таланты. Собака считается даже лучшим другом человека.

Млекопитающие распространены по всему свету: по всем морям и океанам, по всем материкам и частям света и по всем более значительным островам. Только океанические острова, которые никогда не были в связи с материками, не населены млекопитающими, за исключением летучих мышей. Однако области распространения определенных видов млекопитающих не очень обширны; даже водные млекопитающие обитают лишь в определенных областях моря, вблизи берегов той или другой страны.

Вышеуказанные зоогеографические области установлены, главным образом, на основании распределения на земле млекопитающих животных; из них каждая характеризуется ей одной свойственными млекопитающими.

Палеарктической области свойственны из обезьян бесхвостая мартышка, несколько родов настоящих кротов, хорек и барсук, некоторые лани и антилопы, мускусная кабарга; характерны, но не исключительно этой области свойственны быки, овцы, козы, медведи и др.

Эфиопская область — родина гориллы и шимпанзе, многих полуобезьян, жирафы, бегемота, разных видов зебры, множества видов антилоп; исключительно этой области свойственны капский муравед, прыгунчики. Медведей и оленей здесь совсем нет.

Индийская область характеризуется орангутангом, гиббоном, королевским тигром, индийским слоном и двуцветным тапиром;

лори, летающий маки, несколько видов виверр и антилоп, особый вид носорога также составляют характерных обитателей этой области.

Австралийская область наиболее резко отличается по составу фауны от всех остальных. Здесь — родина самых низших млекопитающих — однопроходных и сумчатых. Кроме них, в этой области нет никаких местных млекопитающих. Переходную полосу между двумя последними областями, граница которых проходит между островами *Болу* и *Ломбок*, между *Борнео* и *Целебесом*, между *Филиппинскими* и *Молуккскими*, составляет остров *Целебес*. Здесь, кроме представителей обеих этих областей, водятся совершенно своеобразные млекопитающие, которые не встречаются больше нигде. Это — *бабирусса*, вид буйвола, и одна обезьяна. Новая Зеландия имеет своих характерных животных (один вид крысы и выдру).

Неоарктическая область во многих сходна с палеарктической; здесь есть очень много видов, общих обеим областям (рыси, волки,

лисицы, олени, бобры и др.), а другие хотя и отличаются, но незначительно. Характерными животными являются несколько видов кротов (звездорыл), вонючка, еноты, вилорогая антилопа, опоссум и др. Ежей и свиной нет.

Неотропическая область обособлена от неоарктической и от других почти так же резко, как и Австралийская область, но гораздо богаче ее видами. Характерными животными являются неполнозубые, сумчатые и грызуны; из них специально местные — несколько пород цепкохвостых обезьян, вампиры, носухи, пекари, ламы, ленивцы, броненосцы, муравьеды, шиншиллы, агути, несколько видов двуутробок; овец, быков, антилоп совсем нет; вместо свиней, слонов, носорогов Старого Света — пекари и тапиры.

Число всех живущих в настоящее время видов млекопитающих достигает более 2000, которые распределяются неравномерно по странам света: в Азии около 350, в Америке — 400, в Африке — 240, в Европе — 150 и в Австралии — 140.

Класс млекопитающих разделяется на 3 естественных группы, называемых подклассами: 1) последовые, 2) сумчатые и 3) однопроходные.

I подкласс **последовые** (Placentalia). Зародыш соединяется со стенками матки при помощи особой связи (плаценты), устанавливающей питание плода кровью матери. Этот подкласс — самый обширный и разделяется на следующие 13 отрядов: 1) обезьяны, 2) полубезьяны, 3) рукокрылые, 4) хищные, 5) ластоногие, 6) насекомоядные, 7) грызуны, 8) неполнозубые, 9) хоботные, 10) непарнокопытные, 11) парнокопытные, 12) сирены и 13) китообразные. Первые 8 отрядов соединяются в одну группу *когтевых* млекопитающих; 9—11 отряды образуют группу *копытных* и 2 последние (12 и 13) называются иногда *рыбообразными* млекопитающими. Все отряды последовых содержат по несколько семейств, большей частью богатых родами и видами (перечисление их будет сделано в тексте).

II подкласс **сумчатые** (Marsupialia). Детеныши рождаются очень мало развитыми и помещаются в складку кожи на брюхе матери, называемую *сумкой*, которую поддерживают специальные косточки. Зародыш не вступает в связь со стенками матки. Сюда относятся 6 семейств: 1) прыгающие сумчатые, 2) лазающие сум., 3) вомбатовые, 4) сумчатые барсуки, 5) хищные сум., 6) двуутробки.

III подкласс **однопроходные** (Monotremata). По своей организации отчасти сходны с птицами и, подобно им, откладывают яйца. Сюда относятся только 2 небольших семейства: 1 сем. Ехидны (Echidnidae), содержит 2 рода: иглистые ехидны (Echidna), 2) шерстистые ехидны (Praechidna). 2 сем. Утконосы (Ornithorhynchidae), 1 род — утконос (Ornithorhynchus).

Отряд I

Обезьяны (Pithecí)

Из всех народов древности только жители Индии да египтяне, насколько нам известно, симпатизировали обезьянам. Древние египтяне высекали их изображения из прочного камня и часто придавали своим богам внешний вид обезьян; древние же индусы точно так же, как и их нынешние потомки строили для обезьян целые храмы. Римляне держали их в своих домах для удовольствия или изучали по их трупам внутреннее строение человеческого тела; часто они заставляли также обезьян выходить на арену цирка для борьбы с дикими зверями. Впрочем, гордые граждане Древнего Рима никогда не приравнивали обезьян к себе, считая их вполне зверями. Иначе смотрят на дело арабы: они видят в обезьянах проклятых Аллахом существ, вечно обреченных носить в себе образ дьявола, в соединении с внешностью человека. Мы, европейцы, видим в этих животных скорее карикатуру человека, а не существа, родственные нам по устройству тела; более привлекательными нам кажутся те обезьяны, которые наименее похожи на людей; наоборот, те, у которых сходство с человеком выступает довольно резко, кажутся нам антипатичными. Наше нерасположение к этим существам основывается сколько на внешнем виде их, столько же и на душевных их свойствах. Нас одинаково поражает и сходство обезьян с человеком, и отличие их от нас. В образе человека мы видим полную гармонию, которая у обезьян часто превращается в отвратительное уродство. При одном взгляде на обезьяну бросается в глаза разница между ней и человеком, хотя она и не так велика, и скорее может считаться только условным предрассудком. Во всяком случае было бы совершенно неправильно считать всех вообще обезьян уродливыми существами, и между ними есть красивые, как есть и некрасивые. Но это бывает и с людьми: ведь не видим же мы в эскимосе, бушмене или австралийце образец красоты!

Величина обезьян очень различна: некоторые из них, напр., горилла, достигают роста человека, другие, как, напр., игрунка,—не более белки. Точно также разнообразна и внешность их. По внешности их можно разделить на три группы: человекообразные, собакоподобные и векшеподобные. Это сравнение как нельзя лучше характеризует их фигуру. Конечности обезьян—иногда короткие, мускулистые, а иногда—тонкие и длинные; у большинства—есть длинный хвост, у других он короткий; а есть и совершенно бесхвостые обезьяны. Точно также замечается разнообразие и в волосяном покрове, который у одних обезьян—жидкий и короткий, у других—густой и длинный, в виде настоящего меха. Цвет шерсти—обыкновенно темный, но у многих обезьян есть на теле ярко окрашенные места; наконец, встречаются почти совершенно белые обезьяны—альбиносы (их особенно почитают в «стране Белого Слона»—Сиаме).

При всем, однако, разнообразии внешнего вида обезьян, внутреннее строение их тела довольно однообразно. Их скелет, по форме костей, довольно похож на человеческий костяк; мало отличаются от человеческих и зубы, по числу и строению. У некоторых видов, особенно у мартышек и павианов, замечаются так называемые защечные мешки, т. е. особые расширения внутренних стенок рта, соединенных с ротовой полостью особым отверстием и служащих обыкновенно обезьяне для временного сохранения пищи. Человекообразные и обезьяны Нового Света совершенно лишены этих «мешков».

По устройству конечностей, приспособленных для хватания, обезьян называют *четыреукими*, так как у них большой палец может быть противопоставлен остальным пальцам, как на руке человека. Однако и это—не общий признак: у игрунок такое устройство пальцев замечается только на задних конечностях. Кроме того, и у всех вообще обезьян существует все-таки некоторая разница между строением кисти руки и ступни, так что правильнее было бы назвать обезьян *двурукими*. В этом да и

еще кой в чем они, несомненно, походят на человека. Зато существуют и резкие различия этих животных от человека: прежде всего, их туловище покрыто шерстью, передние конечности несоразмерны с телом длинны, а задние тонки и не имеют икр; затем, седлашные наросты,—признак общий почти всех обезьян, у многих длинный хвост, а главное—строение головы, с выдающейся, отодвинутой назад мордой, незначительный объем черепа и тонкие, втянутые внутрь губы,—все это резко отличает обезьян от человека.

Что касается душевных свойств обезьян, то, рядом с безусловно не-симпатичными чертами, у них встречаются и симпатичные. С одной стороны, бесспорно, эти животные коварны, злы, раздражительны, мстительны, сварливы, с другой—понятливы, веселы, ласковы, доверчивы к человеку, общежительны, сострадательны к слабейшим себя, мужественны при встрече с врагами и замечательно чадолюбивы. Однако умственное развитие их вовсе не так сильно превосходит развитие прочих млекопитающих, как обыкновенно думают. Правда, обезьяны очень переимчивы и легко выучиваются различным штукам, которые собака усваивает с трудом; но зато они при исполнении заученного далеко не обнаруживают того удовольствия и сообразительности, какие замечаются в той же собаке. Впрочем, нельзя упускать из виду того обстоя-

тельства, что человек приручал собаку в течение целых тысячелетий; за это время природные способности ее могли совершенно измениться; обезьяны же никогда не были очень близки к человеку.

Все-таки отказать в уме обезьянам нельзя. Напротив, скорее следует причислить их к числу самых умных животных. Они одарены прекрасной памятью и умеют пользоваться своим опытом; их проникательность и хитрость видны в их замечательном умении притворяться и скрывать свои зловредные намерения, а также в умении ловко избегать опасности. Далее, они способны сильно привязываться к тем лицам, которые делают им добро; обнаруживают большую любовь к детям и товарищам, попавшим в беду: обезьяны стараются, при бегстве, унести не только своих раненых, но и убитых. Словом, присутствие у них ума — несомненно.

Впрочем, при всем их уме, их нетрудно обмануть; для этого стоит только возбудить у них страсть. Тогда, увлекаясь желанием во что бы то ни стало удовлетворить ее, они не замечают грубых ловушек и обыкновенно падают впросак.

Будучи очень чувствительны к холоду, обезьяны обитают только в жарких странах, хотя, впрочем, некоторые павианы, поднимаясь в горных странах на значительную высоту, переносят там довольно низкую температуру. Каждая часть света имеет свои, так сказать, специальные породы обезьян; только один вид живет одновременно и в Африке, и в Азии; в Австралии обезьян совсем нет, а в Европе встречается только один вид, да и то в небольшом числе экземпляров; он живет на Гибралтарской скале.

В местах своего обычного обитания обезьяны встречаются от 35° ю. ш. до 37° с. ш. (шир. Японии) в Старом Свете и с 29° ю. ш. только до 28° с. ш. в Америке. В обоих

этих полосах обычным местом их обитания являются леса, и только небольшое число видов предпочитает скалистые горные местности.

Обезьяны, бесспорно, одни из самых живых и подвижных млекопитающих. Выйдя на добычу, они ни на минуту не остаются в покое, а вечно что-нибудь рассматривают, хватают, срывают, обнюхивают и откусывают, чтобы затем съесть это или бросить. Едят они, можно сказать, все съедобное, но главную их пищу составляют: плоды, луковицы, клубни, корни, семена, орехи, листья и сочные стебли; едят они и насекомых, и яйца, а также птенцов птиц. Но больше всего, кажется, достается от них полям и садам; недаром арабы Восточного Судана говорят: «Мы сеем, а обезьяны пожинаяют». И действительно, эти создания являются страшным врагом земледельца и садовода, причем не столько съедают, сколько напортят. От этих грабителей ничто не может защитить: ни задвижки, ни заборы,—они искусно отодвигают первые и перелезают через вторые, производя полное разрушение на поле или в саду.

Хозяин приходит в отчаяние от их грабежей; для постороннего же наблюдателя зрелище, представленное набегом этих ловких, увертливых жи-

вотных, кажется весьма забавным: они гоняются взапуски друг с другом, скачут, кувыркаются, со смешным, сосредоточенным вниманием разглядывают все блестящее, что им попадется.

Их ловкость, обнаруживаемая в искусстве лазанья, превосходит всякое вероятие. Это—настоящие акробаты, за исключением разве больших пород и павианов, довольно-таки неуклюжих. Им ни по чем прыжки в 3—4 саж. С высоты дерева они прыгают на ветку, лежащую на 5 саж. ниже. При этом ветка, конечно, сначала сильно наклоняется, но затем снова выпрямляется, давая этим обезьяне толчок вверх,—и она, как стрела, пронизывает воздух, действуя ногами и хвостом, как рулем. Упав с дерева, обезьяна всегда сумеет схватиться за первую попавшуюся ей ветку и снова ползет вверх; впрочем, ей и упасть на землю ничего не значит.

Чего нельзя схватить руками, обезьяны хватают задними конечностями, а американские обезьяны—хвостом; хвост у этих животных есть пятая, можно сказать, самая важная конечность: на нем они качаются, при помощи его достают пищу из расщелин, поднимаются вверх; даже ночью они спят, охвативши хвостом сиденье.

Ловкость и проворство обезьян заметны только при лазании; на земле же большинство их кажутся очень неуклюжими. Лучше других ходят мартышки, цепкохвостые обезьяны Нового Света и игрунки, особенно первые, за которыми трудно угнаться и хорошей собаке. Что же касается крупных обезьян, то походка их очень тяжела и уже совсем не похожа на человеческую. Мы обыкновенно при ходьбе ступаем на землю всей ступней, обезьяны же опираются на согнутые пальцы передних конечностей и неуклюже подбрасывают туловище вперед, выкидывая задние конечности между передними. Движение это напоминает походку человека на костылях. Да и так-то они ходят недолго и при первом случае, напр., преследования, опускаются на четвереньки.

Некоторые виды их превосходно плавают, напр., мартышки, другие же, как павианы и ревуны, легко тонут и потому боятся воды. Однажды в Америке нашли семью еле живых ревунов на дереве, которое во время наводнения наполовину погрузилось в воду; обезьяны даже не пытались спастись по воде на другие деревья, хотя те были от них на расстоянии каких-нибудь шести-десяти шагов.

Некоторые наблюдатели уверяют, будто не умеющие плавать обезьяны устраивают для переправы через ручьи живой мост, цепляясь друг за друга хвостом и руками. Но это—чистый вымысел.

Что касается общественной жизни обезьян, то на ней следует остановиться, так как большинство этих животных живет стаями. Каждая стая, под руководством опытного и сильнейшего самца, выбирает обыкновенно район для поселения, большей частью поблизости от жилья человека, так как тогда недалеко и пастбище для обезьян—сады, бахчи и поля, до которых

они такие охотники. Опытный вожак, избираемый, конечно, не подачей голо-сов, а при помощи своих же зубов и кулаков, которыми он смиряет всех непокорных, постоянно заботится о безопасности своих подданных и потому суетится больше всех: он всюду озирается, ничему не доверяет и оттого всегда успеет вовремя заметить грозящую опасность. В случае же последней, вожак немедленно издает предупреждающий крик, состоящий из ряда отрывистых, дрожащих, негармоничных звуков,—и вся стая обращается в поспешное бегство; матери сзывают детенышей, которые мгновенно прицепляются к ним, и спешат со своими драгоценными ношами к ближайшему дереву или скале. Только когда успокаивается вожак, стая вновь собирается и возвращается обратно.

Уже из этого крика вожака видно, что обезьяны могут издавать звуки для выражения своих чувств. Некоторые же наблюдатели идут дальше, доказывая, что обезьяны владеют настоящим языком, как и люди, но, конечно, гораздо менее развитым.

* Ярким выразителем этого мнения является американский профессор Л. Гарнер, посвятивший себя изучению языка обезьян уже несколько лет тому назад.

«С детства у меня сложилось убеждение,—говорит он,—что все породы животных имеют свой язык, при помощи которого могут разговаривать друг с другом, и я только удивлялся, почему никто и никогда не пытался изучить этот язык». Наблюдения Гарнера в зверинцах разных американских городов еще более укрепили его в этой мысли. «Прислушиваясь к звукам, которыми обменивались между собою обезьяны, я вдохновился убеждением,—говорит он дальше,—что могу выучиться им». Затруднение состояло лишь в том, как записать звуки обезьян, чтобы лучше изучать их. Но тут на помощь смелому ученому явилось драгоценное изобретение XIX века, фонограф, легко устранявший эту помеху.

Средство было немедленно испытано. «Отделив на некоторое время двух обезьян, живших в одной клетке,—рассказывает Гарнер,—я посадил их в отдельные помещения, так что они не могли ни видеть, ни слышать одна другую. Затем я установил фонограф близ клетки самки обезьяны и различными средствами заставил ее произносить разнообразные звуки, которые и записывались на цилиндре фонографа. После этого аппарат был помещен у клетки самца, и передача повторяла ему записанные звуки самки, причем поведение его тщательно наблюдалось. Очевидно, что самец признал звуки самки и вдруг начал искать обра-

щавшуюся к нему таинственную подругу. Нельзя описать его недоумения от такого странного для него явления. Знакомый голос подруги заставлял его приближаться, но писк, выходящий из трубы фонографа, являлся для него непостижимым. Самец следил за звуками, несмотря на то, что они выходили из трубы; он подходил к ней, но, не находя там подруги, опускал руку по плечо в трубу, затем вынимал ее и снова смотрел в отверстие трубы. Выражение лица его было, действительно, испытующим».

Удостоверившись таким образом в полной пригодности фонографа, Гарнер принялся тщательно записывать звуки, испускаемые обезьянами при разных обстоятельствах жизни, затем старался воспроизводить их сам, пока окончательно не усвоил их. После этого неутомимый исследователь проверил усвоенное им в беседах с обезьянами разных пород.

«Возвратившись в Чикаго,—пишет он,—я сначала посетил небольшую обезьяну—капуцина, запись звуков которой была главным образом изучена мной. Поместившись возле ее клетки, я произнес звук, который перевел, как означающий «молоко», и из многих дальнейших опытов заключил, что этот звук понимается ею, как «корм» вообще; это мнение, несколько изменившееся во время позднейших опытов, вселило во мне уверенность, что подобные звуки употребляются для обозначения более обширных понятий.

Получивши звук или два, я расширил поле действий и начал, уже в качестве зна-

* Дополнение редакции.

тока языка обезьян капуцинов, пробовать свои знания на прочих породах, с которыми мне приходилось иметь дело.

В Чарльстоуне у одного господина был красивый экземпляр из рода цебусь, которого звали Джек. Естественно, что он дичился посторонних, но при моем первом обращении к нему на свойственном ему языке он, казалось, смотрел на меня благосклонно, и скоро стал есть из моих рук, позволяя мне ласкать его через прутья клетки. Он глядел на меня с очевидным любопытством и неизменно отвечал на звук, который я произносил на его языке. При третьем моем посещении я решился попробовать на нем действие особого звука «тревоги», или «нападения», перенятого мною от одного из экземпляров этой породы,— звук, который не могу выразить буквами. Как только обезьяна начала есть из моих рук, я издал эту особенную пронзительную ноту, и она мгновенно вспрыгнула на самую высокую жердь своей клетки, отсюда бросилась в свое место отдыха и снова с быстротой выскочила оттуда, почти обезумев от страха».

Мало-помалу, расширяя свои познания «обезьяньего языка», Гарнер составил целый словарь языка, наших четверорукх друзей. При этом было принято в соображение, что интересы животных касаются весьма ограниченного числа предметов. Добыть себе пищу и избежать надвигающейся опасности— вот в чем состоят главнейшие заботы всякого животного. Поэтому несколько не удивительно, что звук «у», который на языке обезьян обозначает «пищу», в то же время обозначает и всякое приятное ощущение, вообще дружеский привет и др. Звук «у» произносится обезьянами полнотонно и напоминает звук флейты. Наоборот, желая предупредить о большой опасности, обезьяны резко и пронзительно произносят звук «и». Звуков «э» и «о» проф. Гарнеру вовсе не удалось подслушать, а от согласных на языке обезьян имеются лишь весьма значительные следы.

Обезьяны— довольно живучи: чтобы убить их, нужно попасть пулею в голову или туловище; впрочем, достаточно и выстрела крупной дробью. Однако с некоторыми крупными видами нужно выдержать тяжелую борьбу, напр., с гориллой или орангутангом, чтобы доканать их, так как обезьяны так мужественны, что даже маленькие мартышки, будучи рассержены или загнаны, с яростью кидаются прямо на врага. Особенно горячо защищаются самки, спасая своих детенышей. В бою с врагом обезьяны пускают в ход и руки, и зубы: они бьют, царапают, кусают. Однако рассказы о том, что будто бы они защищаются еще и древесными сучками или камнями, нужно отнести к

«Слово «у», но несколько иначе (нашими буквами мы не можем это выразить) означает у обезьян «дай». Произнося слово «у», мне несколько раз удалось заставлять обезьян приносить из клетки мяч, палку и проч. Разница в ударе может быть изображена только при помощи фонографа».

В дальнейшем изложении проф. Гарнер касается некоторого сходства, существующего между языком обезьян и языком человека. По мнению английского ученого, обезьяна произносит звук произвольно, хорошо обдумав и членораздельно. Звук обращен всегда к определенному индивидууму. Поведение обезьян показывает, что в их сознании имеется ясное представление о том, что они желают передать при помощи звуков. Они ожидают ответа, а если ответа не последует, то несколько раз подряд повторяют данный звук. Обыкновенно они смотрят в глаза тому, с которым говорят. Обезьяны произносят звуки вовсе не для препровождения времени и не тогда, когда они одни, а только в тех случаях, когда поблизости находится человек или обезьяна. Они понимают звуки других обезьян и отвечают тем же самым звуком; отлично понимают они звуки и тогда, если звуки исходят от человека, фонографа или других механических приспособлений. Для какого-нибудь понятия все обезьяны употребляют, в общем, один и тот же звук. Различные звуки сопровождаются различными жестами и имеют различные последствия при одних и тех же обстоятельствах. Обезьяны произносят звуки голосовыми органами и видоизменяют их зубами, языком и губами, т. е. таким же способом, как и человек.

Чем более развита общественная жизнь у какой-нибудь породы обезьян, тем совершеннее их язык. В некоторых случаях звуки произносятся шепотом, что опять-таки говорит в пользу того, что обезьяны произносят звуки вполне сознательно.

области фантазии. По всей вероятности, утверждающие это наблюдатели описывали не то, что видели, приняв за сознательные удары со стороны животных случайно падающие с дерева, при их движении, сухие ветки или камни, падающие со скал.

Обезьяны родят по одному детенышу, редко — двух; детеныш этот очень некрасив: конечности его кажутся вдвое длиннее, чем у взрослых, а лицо до того покрыто морщинами, словно перед вами старик. Однако мать питает самую нежную любовь к этому уроду: то лизнет, то ищет у него насекомых, то держит перед собой, словно желая насладиться его видом, то качает, словно баюкая. Детеныш скоро научается вешаться матери на грудь, обнимая передними конечностями шею, а задними — бока; в этом положении он нисколько не мешает матери бегать и лазать, а сам может в это время спокойно сосать. Более взрослые детеныши вскакивают на плечи и спину родителей. Подросши немного, маленькая обезьянка начинает шалить и играть с другими, себе подобными, но под строгим присмотром маменьки. При малейшей опасности та бросается к своему детищу и особенными звуками приглашает его вскочить себе на грудь. Непослушание наказывается щипками, пинками, а иногда и пощечинами. В неволе обезьяна делится с детенышем последним куском пищи и так нежно ухаживает за ним, что нельзя не быть тронутым. Если же он умрет, мать часто следует, от тоски, за ним в могилу. Сироту-обезьянку часто усыновляет другая самка той же породы и любит его не менее, чем собственных детей. В отношении же приемышей других пород наблюдается странное явление: мачехи ухаживают за ними, ласкают, чистят, но есть не дают, отнимая без зазрения совести их пищу. То же приходилось наблюдать у ручных павианов, которые брали себе в приемыши щенят и котят.

Время возмужалости обезьян в точности неизвестно. У мартышек и мелких американских обезьян оно наступает, вероятно, на четвертом или пятом году жизни, у павианов — на 9—13 году, а у больших, человекообразных обезьян еще позднее; по крайней мере, выпадение молочных зубов у них бывает почти в таком же возрасте, как и у человека. На свободе обезьяны, кажется, мало подвержены болезням: по крайней мере, никто не слышал об эпизоотиях у них. Неизвестно также, насколько велика продолжительность их жизни; следует, впрочем, думать, что гориллы, оранги и шимпанзе живут не меньше людей.

У нас, в Европе, обезьянам живется плохо: большей частью они умирают от чихотки легких. Вид больной обезьяны очень жалок. Бедное животное, раньше такое веселое и подвижное, теперь сидит спокойно, смотря умоляющим, почти человеческим взглядом на ухаживающих за ним, и чем ближе к смерти, тем делается покорнее и

тише: оно благодарно за каждую мелочь, охотно принимает лекарства, соглашается даже, не защищаясь, на хирургические операции. Достойно внимания, что у нас, в Европе, даже у здоровых обезьян всегда болит хвост: он покрывается язвами, наступает воспаление, затем — гангрена, и суставы хвоста отпадают один за другим.

Содержать в неволе обезьяну нетрудно; она ест все то же, что и человек. Но едва ли вообще стоит держать-то этих животных; их недостатки и проказы перевешивают ту пользу, какую они могут принести. К тому же они и не отличаются особенной понятливостью, и хотя обезьяна легко научается известным фокусам, но зато легко и забывает их.

Что касается диких обезьян, то и они приносят человеку больше вреда, чем пользы. Правда, мясо некоторых видов идет в пищу, а шкуры — на мех и кожаные изделия, но эта польза ничтожна в сравнении с огромным вредом, какой наносят обезьяны

хозяевам полей, плантаций и садов, и потому нужно только удивляться индусам, считающим этих животных за священные

существа, за которыми нужно ухаживать, точно они и в самом деле полубоги: эти вороватые существа не заслуживают такой чести.

Отряд обезьян (Pithecii) разделяется обыкновенно на три семейства: **Узконосых** (Catarrhini), или обезьян Старого Света, **Широконосых** (Platyrrhini), или обезьян Нового Света, и **Игрунковых** (Arctopithecii).

Представители первого семейства, по устройству ноздрей и зубов, более других обезьян походят на человека, но у них на верхней челюсти, между клыком и соседним резцом, есть промежуток, где помещается выдающаяся часть нижнего клыка. Далее, все узконосые обезьяны не имеют цепкого хвоста. Семейство это разделяется на 2 группы: 1) **Человекообразные** (Anthropomorpha), похожие на человека по внешнему виду (особенно по форме лица и расположению глаз и ушей), и 2) **Собакообразные** (Cynopithecini), с мордой собаки. Кроме того, первые опираются на землю наружным краем ступни, а вторые—всей ступней; у первых нет ни хвоста, ни защечных мешков, у вторых—есть и то, и другое, да притом имеются еще седалищные наросты на туловище, редко встречающиеся у человекообразных обезьян.

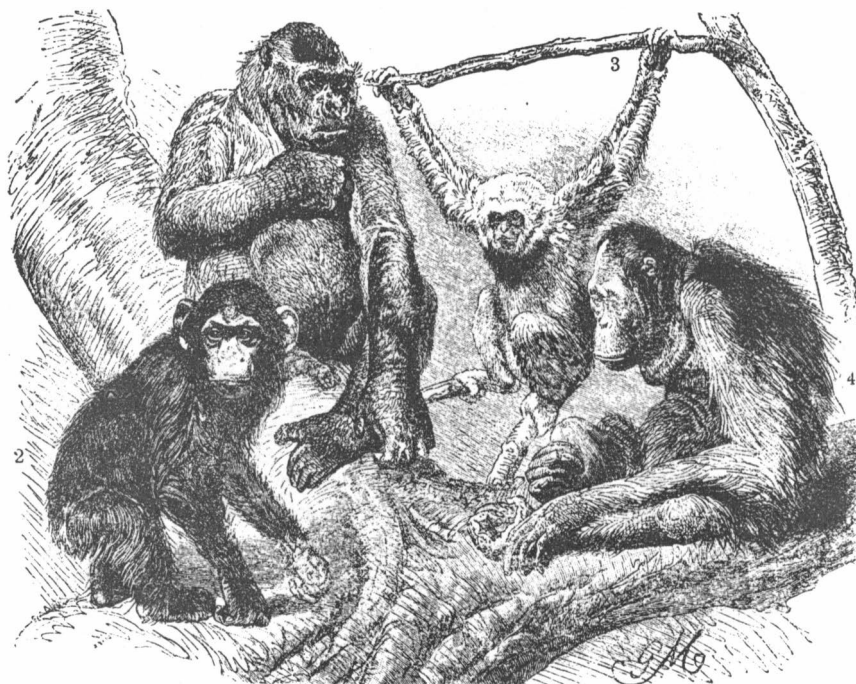
Человекообразные обезьяны имеют туловище в роде человеческого, но передние конечности их длиннее, а задние—короче, чем у человека. Тело их покрыто длинной тонкой шерстью, но лицо и пальцы—голые. Зубы похожи на человеческие, но клыки у старых самцов не уступают по остроте и величине клыками хищных зверей. Живут эти обезьяны в Старом Свете, именно в Азии и Африке. Все семейство включает четыре рода: **Горилла** (Gorilla), **Шимпанзе** (Simia), **Орангутанг** (Pithecus) и **Гиббон** (Hylobates), заключающих в себе несколько видов.

Горилла (Troglodytes gorilla, Gorilla gina), самая крупная из человекообразных обезьян, открыта только в 1847 году американским миссионером Соважем на берегах реки Габона.

В зрелом возрасте горилла достигает значительных размеров,—так, напр., превосходный экземпляр, привезенный в Париж с берегов Габона доктором Франкэ, имеет не менее 1,67 м высоты. Ее колоссальное туловище не имеет, так сказать, талии, так как крайние ребра почти соприкасаются с тазом; все оно, кроме части рук, покрыто шерстью, которая обыкновенно стирается на спине от привычки животного спать, прилонясь к стволу дерева. Обыкновенно горилла черного цвета, хотя иногда имеет сероватую или коричневатую окраску шерсти. Дю-Шалью, проживший в Габоне долгое время, в описании своих путешествий посвятил много страниц этому четверорукому гиганту.

«Горилла,—говорит он,—живет в самых недоступных и уединенных частях Западной Африки, между реками Дангер и Габон, от 1 до 15-го

градуса широты. Она предпочитает чащи леса и утесистые горы в соседстве с водой. Но она вовсе не живет стадами, подчиненными вожаку, как рассказывали о ней; не строит хижин, не опирается на посох при ходьбе, не подстерегает путешественников и не уносит женщин в свои логовища. Она питается исключительно молодыми побегами, зернами, плодами и орехами, которые легко раскалывает своими могучими челюстями. Это животное очень прожорливо, поэтому ему приходится часто переменять место, чтобы отыскать себе

Человекообразные обезьяны

1—горилла (*Troglodytes gorilla*), 2—шимпанзе (*Simia troglodytes*), 3—гibbon (*Hyllobates leuciscus*), 4—орангутанг (*Pithecus satyrus*)

пищу. Живет горилла почти постоянно на земле, так как большая тяжесть ее тела мешает ей карабкаться по деревьям; только самки со своими малютками забираются иногда на первые ветви деревьев. Обыкновенно самец, самка и их дети живут вместе. Однако часто старые самцы уединяются в чашу леса, а молодые, несравненно более общительные животные, бродят партиями по 5 и 6 штук.

В случаях крайней опасности, горилла бесстрашно устремляется на врага. Она делает ужасающие гримасы, сверкает глазами, бьет себя в грудь, которая гудит, как барабан, испускает вой, похожий на отдаленные раскаты грома, а

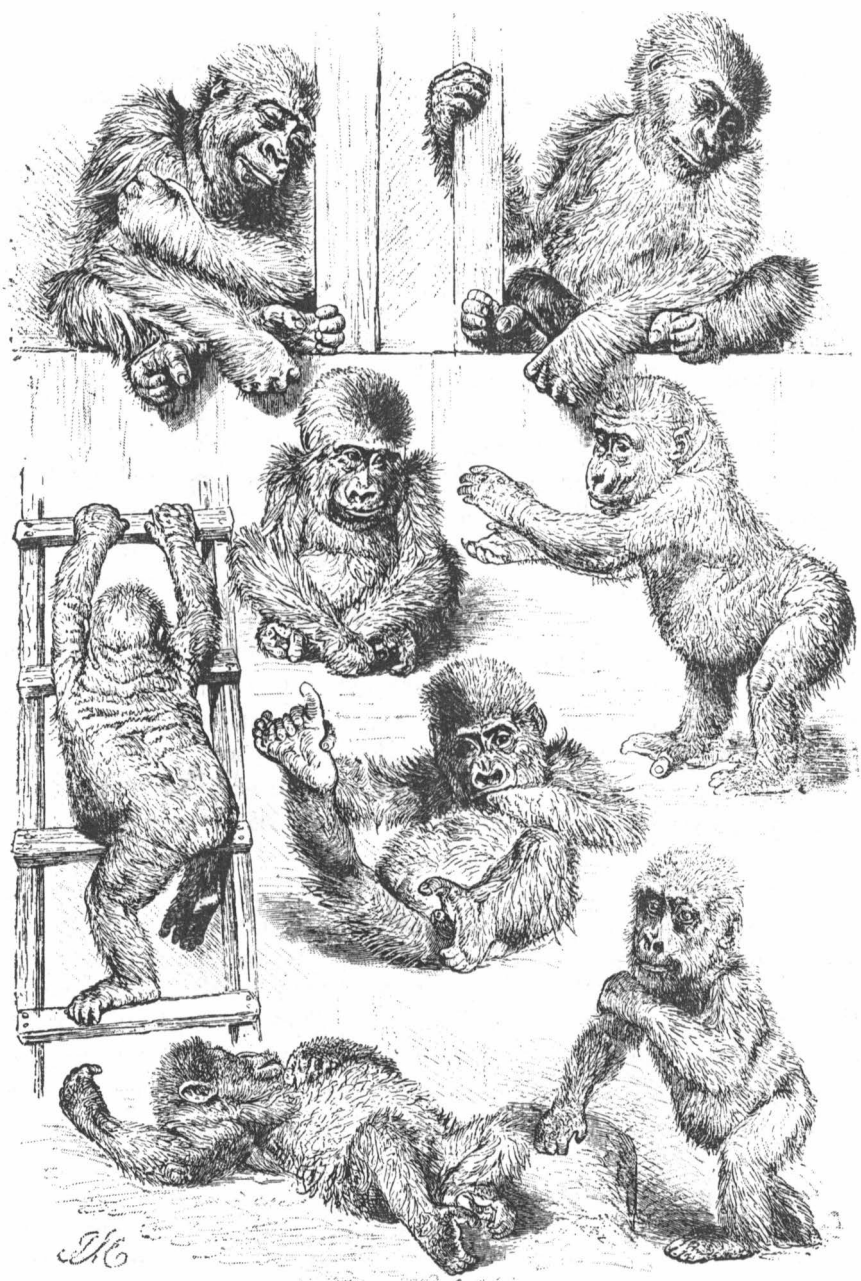
волосы на ее голове топорщатся как султан. Если она ранена не смертельно, то бросается на охотника и почти всегда убивает его одним ударом ноги в живот».

Тот же путешественник так описывает встречу с одной из этих огромных обезьян.

«В кустарнике что-то зашевелилось, и передо мной внезапно явился огромный самец-горилла; в чаще он шел на четвереньках, но, завидев нас, поднялся и смело взглянул нам в лицо. Стоял он шагах в двенадцати от нас, и я никогда не забуду этого зрелища. Царь африканских лесов казался привидением. Громадное тело, почти шести футов вышиною, держалось прямо; могучая грудь, большие сильные руки, сверкающие серые глаза и дьявольское выражение лица были страшны; нас он, видимо, не боялся. Он стоял и бил себя в грудь могучими кулаками, и удары эти раздавались, как звуки большого металлического барабана,—так горилла обыкновенно вызывает своих противников на бой... Он страшно ревел. Рев его, совершенно особенный, наводит ужас и страшнее всех звуков, раздающихся в африканских лесах; он начинается резким лаем, похожим на лай большой собаки, и переходит в глубокие раскаты, напоминающие раскаты грома. Не видя гориллу, но слыша его рев, я несколько раз ошибался, принимая его за грозу.

Мы стояли неподвижно, ожидая нападения. Увидев это, чудовище еще страшнее засверкало глазами; волосяной гребень на лбу его начал подниматься и опускаться, длинные клыки оскалились,—и вновь загредел грозный рев. В это мгновение горилла походил на адское видение, на одно из тех отвратительных существ—полулюдей и полузверей, которых старинные живописцы любили изображать на картинах ада. Чудовище сделало несколько шагов вперед, остановилось, издало свой ужасный вой, потом приблизилось еще немного, снова остановилось и начало яростно бить себя в грудь. Таким образом, оно было от нас всего в шести шагах, когда я, наконец, выстрелил... Со страшным, человеческим стоном, в котором, однако, слышалось и что-то звериное, оно повалилось лицом на землю. Несколько минут его тело конвульсивно подергивалось, затем все стихло,—смерть сделала свое дело. Мне оставалось лишь исследовать огромный труп; оказалось, что тело имело 5 футов 8 дюймов длины; развитие ручных и грудных мускулов свидетельствовало о необычайной силе животного».

В неволе горилла проявляет ничем не укротимую дикость: она кусает и царапает всех, кто к ней приближается, и умирает от бешенства, если ей не удастся освободиться. Дю-Шалью думал, что молодых обезьян будет легче приучить, чем взрослых. Однажды туземцы доставили ему гориллу 2 или 3 лет, которую они захватили, убив ее мать. Она была 0,81 м высотой, с сероватой шерстью. Пищи она не принимала, на четвертый день вырвалась из клетки и забила под кровать путешественника. Вскоре затем снова вы-

Различные положения гориллы

рвалась и убежала в соседний лес. Пойманная, она через несколько дней умерла в бешенстве. Вторая попытка была также неудачна: горилла, отправленная в 1859 г. Лондонскому Зоологическому Обществу, умерла, не достигнув берегов Англии. Экземпляр, купленный Фалькенштейном на берегу Лоанго и проданный им в 1876 г. Берлинскому аквариуму за 50 тысяч франков, был первой гориллой, привезенной живою в Европу. Во время своего прибытия она весила от 14 до 18 килограммов и имела почти 65 сантиметров в высоту.

Некоторые писатели, напр. Дюро-де-Ламалль, утверждают, что еще древние знали гориллу. В самом деле, известно, что знаменитый мореплаватель Ганнон был отправлен кареагенянами для основания колоний в Западной Африке с 60 кораблями и 30 тысячами экипажа; предприятие не вполне удалось,—он должен был вернуться на родину; и вот, в отчете о своем путешествии, который сохранился до нашего времени, Ганнон говорит, что пройдя мимо страны, реки которой текли пламенем (лавой?), он достиг залива «Южного рога». В глубине этого залива был остров с озером, а на озере—еще остров, переполненный дикими людьми. «Там было очень много мохнатых женщин, которых наши переводчики называли гориллами. Мы гнались за ними, но мужчин нам не удалось захватить, так как они были очень ловки в лазаньи по самым крутым утесам и бросались в нас камнями; мы поймали только трех женщин, которые кусались и царапались. Мы принуждены были их убить. Мы содрали с них шкуры и привезли в Кареаген, так как мы дальше уже не плыли; живых нам привезти не удалось». Ганнон положил свое официальное донесение в храм Сатурна, а шкуры горилл—в храм Юноны-Астарты, где они оставались до взятия Кареагена, т. е. в течение 345 лет, от 510 до 146 г. до Р. Х.

Ясно, прежде всего, что гориллы, упоминаемые Ганноном, не были женщинами: кареагеняне были народ настолько цивилизованный, что не стал бы снимать кожу с убитых врагов и вешать ее, как трофей, в храмах. Ганнон говорит далее, что «дикие люди» были покрыты волосами. Это дает повод думать, что дело идет о какой-то породе обезьян. Вопрос только в том, о какой? Предполагают, что это были именно гориллы.

Напротив, другая человекообразная обезьяна, шимпанзе, живущая там же, где и горилла, была, несомненно, известна с давнего времени и появилась в Европе еще в XVII в.

Шимпанзе (*Troglodytes niger*, *Simia Troglodytes*)—значительно меньше гориллы, не выше 1,55 м, даже в зрелом возрасте. Вид у нее также менее зверский; зубы меньше и короче; нос не такой крупный; руки короче, и конечности не такой грубой формы, как у гориллы. Кроме того, животное при ходьбе опирается не на ладонь, как другие четвероногие, а на верхнюю поверхность пальцев. За исключением лица, обнаженного, но украшенного бакенбардами, и вполне гладкой внутренней части рук и ног, все тело животного покрыто

длинными грубыми волосами, черными сначала, а с течением времени получающими коричневатый или сероватый оттенок.

Верхняя и Нижняя Гвинея являются настоящею родиною шимпанзе. Эти животные живут в больших лесах, близ берегов моря и рек, поодиночке и парами, как говорит Дю-Шалью, или, как говорят другие путешественники, стадами более или менее многочисленными, под предводительством старого вожака, обязанного заботиться об общем благе. Когда их преследуют, они бросаются на деревья, издавая звуки, похожие на лай, но, несмотря на свою силу, не вступают в бой с охотником, если они только не доведены до крайности. В последнем случае они защищаются ударами рук и зубами. Все-таки им и в голову не приходит мыслить вооружиться палками и таким образом отражать нападение противника.

Мы уже упомянули, что шимпанзе стали появляться в Европе еще с XVII в., и почти все столичные зоологические сады имели их. К сожалению, шимпанзе не всегда хорошо переносят европейский климат и скоро умирают. Тем не менее натуралистам удалось произвести массу наблюдений, свидетельствующих о несомненной смысленности этих четвероногих.

Капитан Гранпрэ рассказывает, напр., что одна самка на корабле, отправлявшемся в Америку, умела растопить печь, когда температура была достаточно высока для варения, обращалась, как настоящий матрос, с якорем и парусами. Бросс рассказывает, что шимпанзе, привезенные в Европу, ели всё, умели обращаться с ножами, ложками и вилками, пили вино и водку из стаканов, охотно подчинялись диете при лечении и пр. У Бюффона был один шимпанзе, который привык ходить почти постоянно прямо и держался с большим достоинством. Он повиновался малейшему знаку своего господина, подавал руку дамам, садился за стол, развешивал салфетку, откупоривал бутылки и потчивал соседей, вообще вел себя очень благовоспитанно. К несчастью, в конце года он умер от чахотки. В 1876 году такое же интеллигентное животное жило в парижском Ботаническом саду. Его звали Беттиной. Оно было очень привязано к своему сторожу и при малейшей неприятности искало утешения в его объятиях. Вело себя оно, как послушное дитя; ему только никоим образом не удавалось принять вертикального положения.

С этой обезьяной, по моему мнению, нельзя так обращаться, как с простым животным. Несмотря на все странности, проявляемые ею, в ее поведении так много человеческого, что почти забываешь, животное ли видишь пред собой. Тело его, как у животного, но разум стоит на одном уровне с дикарями. Было бы ошибочно приписывать поступки и уловки этого развитого существа единственно безотчетному подражанию. Правда, шимпанзе иногда и подражает поступкам других, но это делает она так же, как делает ребенок, подражая взрослым. Шимпанзе позволяет себя обучать, прилежно учится, и если бы его рука была послушна и годна, подобно человеческой, то он бы мно-

гому научился. Он же делает столько, сколько может сделать. По крайней мере, все поступки его совершаются с полным сознанием и обсуждением. Шимпанзе выказывает интерес к предметам, которые не имеют никакого отношения к потребностям его природы.

С этим мнением многих ученых вполне согласуются наблюдения, произведенные в зоологическом саду, в Штутгарте, над двумя шимпанзе, которые отличаются выдающимся умом. Они садятся по человечески, едят из посуды, умеют держать себя и всем интересуются, простирая свою любознательность даже до искусства писать. Когда им показали бумагу и карандаш, они сейчас же поняли их назначение и принялись с серьезною миною покрывать данные им листы своими иероглифами.

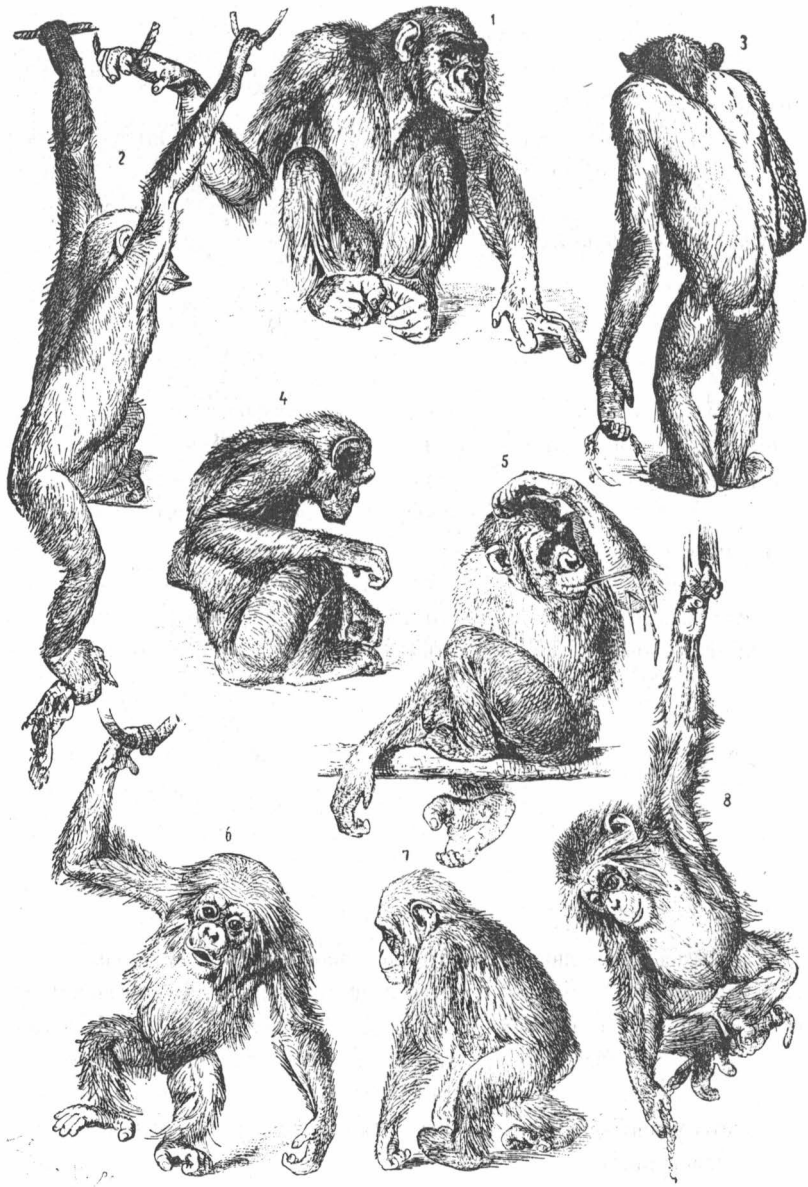
Вообще, подводя итог всем наблюдениям над шимпанзе, невольно вспоминаешь поверье, издавна существующее у западноафриканских дикарей, что эти животные когда-то были тоже членами человеческой семьи, но за дурные поступки были изгнаны из общества людей и постепенно дошли до нынешнего состояния.

Третий представитель человекообразных обезьян, **орангутанг** (*Pithecus satyrus*)—тоже очень известное животное. Уже древний мир знал его. Плиний говорит, что «в горах Индии встречаются сатиры, животные очень злые, с лицом человека, передвигающиеся то на двух, то на четырех лапах,—что бегают они очень быстро, и захватить в плен можно только больных и очень старых».

В XVII веке голландский врач Тульпиус описал оранга под именем *Satyrus indicus*. «Это животное,—говорит Тульпиус,—ростом с трехлетнего ребенка, обладает силою шестилетнего; спина его покрыта черными волосами».

После него другой медик, Бонциус, описал оранга с полною точностью. Он говорит, что сам несколько раз видел «лесных людей». «Ходят они довольно часто на задних ногах, и движения их совершенно похожи на человеческие. Особенно удивительна была одна самка. Она стыдилась, когда ее рассматривали незнакомые люди, и не только лицо, но и все свои голые части прикрывала руками; она вздыхала, плакала и до того поступала по-человечески, что ей не доставало только дара слова, чтобы быть вполне человеком». К сожалению, путешественники позднейшего времени, с целью придать более пикантности своим рассказам, извратили описания упомянутых ученых, так что только в последнее время удалось вполне выяснить хотя бы главные, существенные черты организации орангутанга.

Это животное, известное также под именем ронга, существенно отличается от гориллы и шимпанзе; поэтому натуралисты с полным правом выделяют этот род под именем *Satyrus*. Действительно, руки оранга сравнительно очень длинные и спускаются до уровня лодыжек; голова более конической формы; лоб выше; орбиты более продолговаты; уши менее выдаются; грудная клетка составлена из 12 пар ребер вместо 13, благодаря чему повыше таза образуется

Различные положения шимпанзе

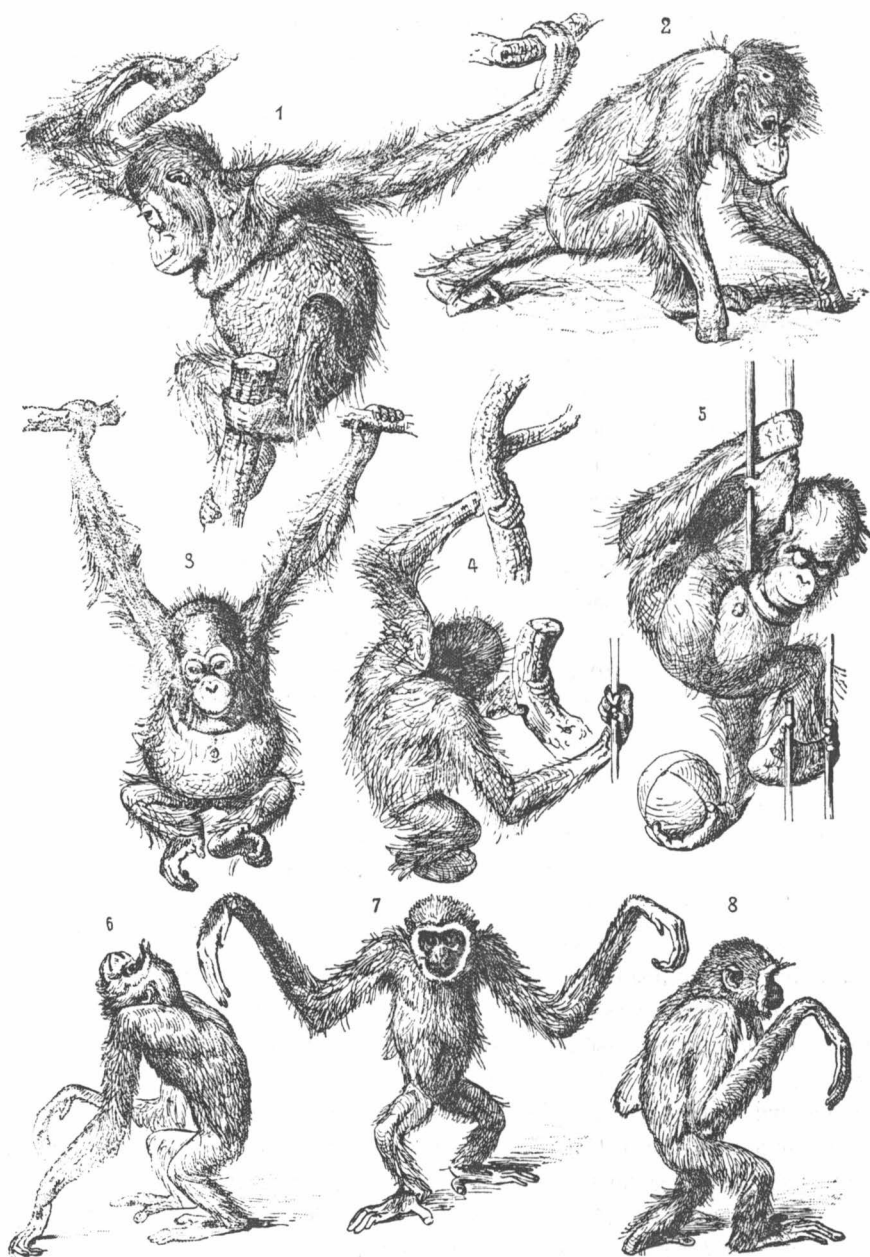
небольшое утончение в виде талии. Кроме того, у оранга запястье состоит из 9 костей, в то время как у человека, гориллы и шимпанзе оно состоит только из 8; пястные кости и суставы пальцев дугообразно согнуты, что дает возможность этой обезьяне сильнее хвататься за ветви. Эта особенность еще более заметна в строении нижних конечностей: подошва ноги у оранга очень выгнута.

Но размеры орангутанга не так велики, как думают иногда. Уоллес определяет их так: высота 1,27 м, с вытянутыми руками 2,40 м, и 1,10 м вокруг талии. Лицо и руки оранга, как гориллы и шимпанзе, обнажены, глаза маленькие, нос приплюснут, нижняя челюсть значительно выдается вперед, губы припухлы; кожа шеи вся в складках: она прикрывает горловые мешки, которые по воле животного могут сильно раздуваться. Руки оранга очень длинные, с вытянутыми пальцами, снабженными плоскими ногтями; как и все тело, они покрыты длиною рыжеватую шерстью, местами переходящую в черноватый оттенок. Волоса на спине и груди значительно реже, чем на боках и вокруг щек, где они образуют густую бороду.

Орангутанг живет по островам Зондского архипелага, где туземцы и дали ему настоящее название, означающее в переводе «лесной человек». По их воззрениям, эти обезьяны—настоящие люди и могли бы хорошо говорить, если бы захотели, но не делают этого из боязни, как бы не заставили их работать. Любимым местопребыванием этой обезьяны служат чащи огромных лесов, где она почти не сходит на землю с деревьев. Она почти всю свою жизнь перебирается с дерева на дерево, собирая себе пищу из плодов, листьев и почек.

Однако на свободе оранга удалось наблюдать очень немногим путешественникам (между прочим, Уоллесу, доставившему нам подробные сведения о них), зато пленные обезьяны неоднократно доставляли неистощимый источник для наблюдений, которые и показали, что орангутанг по своим умственным способностям стоит едва ли не выше прочих обезьян. Постараемся доказать это примерами.

Самка оранга, принадлежавшая голландцу Восмерну, отличалась добродушием и никогда не выказывала злобы. Когда ее посадили на цепь, она пришла в отчаяние, стала бросаться на пол, жалобно кричала и рвала свои одеяла. Обыкновенно она ходила, подобно прочим обезьянам, на четвереньках, но могла хорошо ходить и прямо. Однажды ей дали полную свободу; она тотчас влезла на стропила и лазила по ним с такою ловкостью, что четверо людей должны были гоняться за нею целый час; во время этой прогулки она успела достать где-то плохо лежавшую бутылку малаги, откупорила ее, вино выпила, а бутылку поставила на место. После питья обыкновенно она утирала рукой губы, как это делают люди, и даже умела употреблять зубочистку. Перед тем, как ложиться спать, она долго поправляла сено, на котором спала, тщательно встряхивала его, клала особую связку вместо подушки и закутывалась в одеяло. Раз

Различные положения орангутанга (1—5) и гиббона (6—8)

при ней отперли ключом замок ее цепи; она с большим вниманием наблюдала за этой процедурой, потом взяла щепочку, всунула ее в замочную скважину и принялась вертеть во все стороны. Когда ей дали котенка, она схватила его и стала обнюхивать, причем котенок оцарапал ее когтями; тогда она бросила Ваську и не хотела больше знать его. Пальцы руки этой обезьяны отличались замечательной силой и в то же время ловкостью: она так искусно умела таскать ими разные вещи из карманов посетителей, что те решительно не могли уследить за ней; развязывать самые запутанные узлы было для нее одним из любимых занятий, и она нередко старалась развязать башмаки у подходивших к ней знакомых ее хозяина. Задние руки ее были так же ловки, как и передние, и она очень часто пускала их в дело, когда нужно было что-нибудь достать...

Другой ручной орангутанг, о котором рассказывает Джеффрис, отличался своей чистоплотностью: он часто мыл в своей клетке пол мокрой тряпкой и выметал из нее сор; он же имел привычку ежедневно умывать лицо и руки.

Третий представитель этой породы обезьян, известный по описанию знаменитого Кьювье, был привезен в Европу десяти месяцев и прожил во Франции около полугода. Во время морского переезда он особенно подружился с одним из офицеров и каждый обед просиживал на спинке его стула. По приезде в Испанию офицер этот высадился с корабля, и место его в столовой было занято другим. Не заметив этого сначала, обезьяна, по обыкновению, влезла на спинку стула, но когда заметила, что ее друга нет, отказалась от пищи, бросилась на пол и в отчаянии стала биться головою, испуская жалобные крики. По приезде во Францию, орангутанг этот сначала жил в Мальмезоне, у императрицы Жозефины, где занимал особую комнату. Чтобы выйти из последней, он взбирался на стоявший поблизости стул, повертывал ручку и отворял дверь. Однажды стул отодвинули, чтобы обезьяна не могла выйти; но оранг тотчас придвинул его к двери, вскочил на сиденье и открыл дверь. За обедом этот орангутанг умел пользоваться ложкой и пить из стакана. Раз, поставив стакан на стол, обезьяна заметила, что он стоит криво и готов упасть; она тотчас же протянула руку и поставила его как следует. Пообедав, умное животное обыкновенно накидывало себе на плечи одеяло и отправлялось на постель. Незнакомых этот орангутанг не любил, но с знакомыми был очень кроток и нередко целовал их; рассерженный же пускал в дело кулаки. Любимцами его были двое котят, с которыми он постоянно играл и которые нередко больно царапали его; он несколько раз осматривал их лапы и старался пальцами вырвать когти, но, не успев в этом, предпочитал переносить боль, чем расстаться с котятками.

Еще любопытные были привычки орангутанга, наблюдавшегося одним немецким путешественником во время переезда в Германию. Боби,— так звали

этого понго,—отличался замечательной силой и ловкостью и с искусством первоклассного фокусника лазил по снастям. Разгрызть кокосовый орех, скорлупа которого с трудом поддавалась даже топору, для него было пустячным делом. Вообще Боби был большим лакомкой и пускал в ход всевозможные хитрости, чтобы пробраться в кухню и там стянуть что-нибудь: мясо, муку, сало и т.п. По вторникам и пятницам, в восемь часов, он аккуратно являлся в матросскую столовую, потому что в эти дни матросам давалось саго с сахаром и корицей. В два часа ежедневно Боби являлся в общую столовую к обеду, причем во все время обеда держал себя очень скромно, чисто-плотно и аккуратно. Спиртные напитки он очень любил, что и было причиной его смерти. Однажды, лежа в постели, Боби заметил, что кельнер укладывает бутылки с ромом и некоторые из них не убрал. Ночью хозяин обезьяны вдруг услышал в каюте шорох, как будто кто возился с бутылками, и, открыв глаза, при мерцании ночника действительно увидел темную фигуру, возившуюся с бутылками,—то был Боби, который стоял, держа у рта почти опорожненную бутылку. Оказалось, что пьяница осмотрел все бутылки и, найдя среди пустых одну полную, осторожно раскупорил ее. Через десять минут после того спирт начал действовать: Боби вдруг оживился, стал прыгать по столам и стульям, уморительно шатался из стороны в сторону и, наконец, упал мертвецки пьяный. К сожалению, эта выпивка не прошла ему даром: у него открылся сильный тиф. Во время болезни он вел себя кротко и послушно, покорно принимал все лекарства и сам протягивал руку, чтобы у него пощупали пульс. Взгляд его был при этом так трогателен, что, глядя на него, его хозяин не мог удержаться от слез. Несмотря на лечение, силы умного животного с каждым днем слабели, и на четырнадцатый день после начала болезни Боби скончался.

Последний представитель человекообразных обезьян **гиббон** (*Hylobates*), отличается несоразмерно длинными руками. Гиббоны, которых насчитывают до 7 видов, населяют по преимуществу Ост-Индию и ближайшие из Больших Зондских островов. Тонкое, довольно стройное тело их, значительной величины (но не больше 1 метра), покрыто густым мягким мехом, черного, бурого или соломенно-желтого цвета. Голова мала и яйцевидной формы; лицо — походит на человеке. Благодаря своим необычайно длинным рукам гиббоны ходят по земле очень плохо. Их хождение есть жалкое ковыляние на задних ногах, тяжеловесное переваливание тела, которое удерживается в равновесии лишь вытянутыми руками; зато лазание и прыгание по ветвям представляет у этих животных легкое и ловкое движение; для этого движения нет, по-видимому, и границ; оно как бы не зависит от законов тяжести. Гиббоны на земле медленны, неуклюжи, неловки, короче,—они чужие на земле; на ветвях же они представляют прямую противоположность всему этому: это—настоящие птицы в образе обезьян. Если горилла—Геркулес между обезьянами, то гиббонов можно сравнить с легким

Меркурием; недаром же один из них (**лар, или белорукий гиббон**) назван в память возлюбленной последнего, прекрасной, но болтливой наяды Лары, которая своим неугомонным языком возбудила гнев Юпитера, но красотою добилась любви Меркурия и благодаря этому избежала ада.

Наблюдение гиббонов на свободе представляет свои трудности, так как почти все они избегают человека. Живут они большей частью большими стадами, под предводительством одного вожака. Если их застать врасплох на земле, то можно поймать, так как, или от испуга, или чувствуя свою слабость, они не решаются бежать. Трусость — их характерная черта. Как бы ни было многочисленно стадо, оно всегда покидает раненого товарища. Матери, однако, схватывают детенышей, пытаются бежать, падают иногда вместе с ним вниз, выпускают затем громкий горестный крик и, с раздутым гортанным мешком и расставленными руками, с угрозой загораживают дорогу врагу. Материнская любовь гиббонов проявляется, впрочем, не только в опасности, но и при всяком случае. Некоторым путешественникам приходилось иногда наблюдать интересное зрелище, как матери приносили своих малюток к воде, мыли их, несмотря на их крик, затем тщательно вытирали их и сушили и вообще так заботились об их чистоте, что такого ухода можно пожелать и некоторым человеческим детям.

Относительно душевных способностей гиббонов мнения наблюдателей различны. Дювосель, наблюдавший одного гиббона, вида **сиаманг**, очень дурно отзывался о нем. По его словам, это — существо, лишенное всяких способностей и занимающее, по степени развития ума, одно из последних мест в царстве животных. Напротив, другие наблюдатели придавали тем же гиббонам много человеческих черт. У О. Форбста был молодой сиаманг (вывезенный с Суматры, где они только и водятся), который имел очень умное выражение лица. «Он очень скоро приручился и стал приятным товарищем. Изящно и вежливо брал он своими нежными, заостренными на концах пальцами то, что предлагали ему. Чтобы пить, он не прикладывал губ к сосуду, а подносил воду ко рту, черпая горстью. Он был очень мил, когда нежно и ласково обвивал мне шею своими длинными руками и прикладывал голову к моей груди, издавая довольное ворчание. Каждый вечер он гулял со мною, опираясь на мою руку. При этом фигура его имела очень оригинальный и забавный вид, когда, рядом со мною, он торопливо шагал, прямо держась на своих немного кривых ногах и странным образом размахивая над головой свободной рукой, чтобы удержаться в равновесии».

Другой наблюдатель, Гарлан, имевший **гиббона-хулока** (углечерную обезьяну с Индокитая), говорит следующее. «На мой зов он приходил, садился около меня на стул, чтобы позавтракать вместе со мною, и брал с тарелки яйца или крыло курицы, не пачкая скатерти. Он пил также кофе, шоколад, молоко, чай и т. п., и хотя обыкновенно он пил, погружая в

жидкость руку, но, чувствуя сильную жажду, брал сосуд обеими руками и пил из него, как люди. Его любимыми кушаньями были: вареный рис, размоченный в молоке хлеб, бананы, апельсины, сахар и т.п. Бананы он очень любил, но охотно ел и насекомых, отыскивал в доме пауков и ловко ловил правой рукой мух. Подобно индусам, избегающим мяса из религиозных побуждений, этот гиббон, по-видимому, тоже питал к нему отвращение».

Гиббоны образуют довольно обширный род человекообразных обезьян, до 7 видов, из которых наиболее известны вышеупомянутые сиаманг, лар, хулок, затем — унко и ваувау.

Сиаманг (*Hylobates Syndactylus*), суматрский гиббон, у которого указательный палец задних конечностей срастается с средним, является самой большой из длинноруких обезьян, но руки его относительно короче, чем у других видов. «Если представить его,—говорит Дювоссель—без шерсти, то вид его был бы безобразен, так как его низкий лоб так недоразвит, что остаются одни надбровные дуги, глаза сидят глубоко в впадинах, нос кажется широким и плоским, ноздри—очень велики, как и рот. Присоедините сюда большой голый гортанный мешок сиаманга, который свешивается в виде грязного, отвислого зоба и надувается при крике, кривые конечности, обращенные внутрь, недоразвитый подбородок, и придется сознаться, что, действительно, эта обезьяна не из красивых. Но густой, длинный, мягкий мех ее черного цвета и красно-бурые брови несколько скрашивают это безобразие».

Хулок (*H. hulock*), или угле-черная обезьяна, из Индокитая (высотой около 3 фут.), без гортанного мешка и со свободными пальцами задних конечностей. На

черном мехе его резко выделяется белая перевязка на лбу.

Лар, или **белорукий гиббон** (*H. lar*), распространенный главным образом на пол. Малакка, приблизительно такой же величины, как хулок, черно-серого цвета с красно-бурыми ягодищами, светлого цвета руками и ногами и черным, обрамленным белыми волосами лицом.

Унко (*H. gaffiesii*) похож на хулока по цвету, но отличается величиной и цветом меха, кроме того, у него 14 пар ребер. Лицо и мех его черные, спина и паха—красно-бурые, брови, щеки и челюсти у самца белые, у самок серые, водится на Суматре.

Ваувау (*H. variegatus*) водится также на Суматре, кроме того, на Малакке. Лицо его голое, голубовато-черное; мех большей частью черный и только на задку окрашен в смесь белого и красноватого цвета. Это, пожалуй, самый ловкий и искусный акробат между гиббонами; для него ничего не значит прыгнуть на 6—7 сажен; он словно летает с ветки на ветку, до того быстры его движения. Характерен его крик «вау-вау», который он издает в радостном настроении. Этот вид гиббона ведет себя в неволе очень мило, относясь дружелюбно ко всем, кто ему нравится. Так, по крайней мере, вела себя в неволе одна самка ваувау.

Но вообще-то гиббонов редко приходится видеть в неволе, даже и на их родине: они не могут выносить лишения свободы, страстно стремятся в родные чащи лесов и умирают от тоски по родине.

В заключении упомянем, что тип человекообразной обезьяны существовал на земной поверхности уже в третичную эпоху. *Pliopithecus*, открытый Лартэ в холме Сансан, устройством зубов походит на гиббона. Также *Dryopithecus* Сен-Гадена и *Oreopithecus* с горы Монте-Бамболи должны быть отнесены к высшим обезьянам. Однако и эти обезьяны не могут считаться ближайшими предками людей.

Вторая группа узконосых обезьян—**собаковидные** (*Cynopithecini*)—заключает в себе несколько родов, из которых остановимся на следующих: *Semnopithecus* (тонкотелые), *Nasalis* (носачи), *Colobus* (толстотелые), *Cerco-*

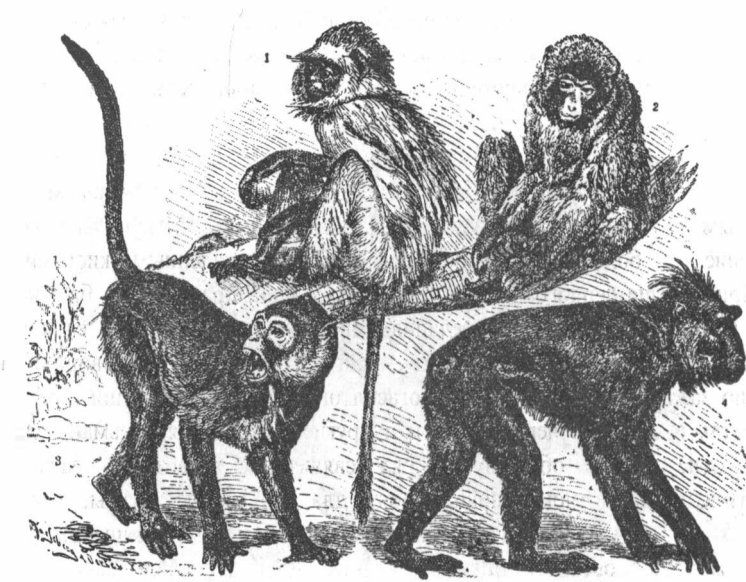
pithecus (мартышки), Macacus (макаки), Inuus (маготы) и Synocephalus (собако-головые, или павианы).

Тонкотелые обезьяны, как показывает само название, представляют тонких, стройных животных, с тонкими конечностями и длинным хвостом; голова у них—небольшая, с голым лицом и небольшими защечными мешками. Распространены эти обезьяны по Южной Азии и Индийскому архипелагу.

В Индустане повсюду, за исключением горных местностей, особенно распространен один вид тонкотелых, **хульман**, или **хануман**, священная обезьяна индусов (*Semnopithecus entellus*). Это—небольшое животное, в 2 фута высоты, но с хвостом, снабженным на конце кистью, хвостом, превышающим длину всего тела. Покрытое желтовато-белым мехом, с черным хохлом, надвинутым на лицо, в виде капюшона, оно производит довольно комичное впечатление, еще более усиливаемое черными, словно опаленными кистями и ступнями. Присутствие черного цвета в шерсти хульмана правоверные брамины объясняют тем, что когда-то, по преданию, он украл для людей из сада мифического великана, Равана, ценные плоды—манго, за что его и приговорили было к сожжению заживо. Однако хульман погасил огонь, только обжегши лицо и руки, которые так и остались черными. Эти и другие похождения хульмана заставили индусов отнести эту обезьяну в ряд священных животных, даже живых богов. Почтительные поклонники строят для них целые храмы, где ухаживают и холят, как древние египтяне за своим Аписом—священным быком. Из того же благоговейного почтения бедные люди терпеливо сносят все проказы и грабежи, какие заблагорассудится сделать хульманам в их садах и плантациях. Мало того, они или хитростью, или силою, смотря по обстоятельствам, не допускают белым охотникам стрелять по священным животным,—и велико было их отчаяние, когда, в 1867 году, правительство, по просьбе английских колонистов, издало приказ избить обезьян, опустошавших окрестности Кишнагура! Бедняги просили, молили, негодовали против насилия, но ничего не могли поделать,—и 500 хульманов заплатились за свою страсть к чужим садам.

Между тем, если бы оставить в стороне страсть к воровству хульманов, воспитанную, конечно, веками, то ими можно залюбоваться: до того живы и проворны их движения. Говорят, что любимым жилищем им служит священная смоковница. Под тем же деревом свивают будто бы гнезда и ядовитые змеи, с которыми хульманы находятся в постоянной вражде. Рассказывают,—но этому не следует верить,—что обезьяна, найдя спящую змею, хватает ее за шею, спускается вместе с нею на землю и до тех пор колотит ее головою о камни, пока та не околеет. Тогда будто бы торжествующая обезьяна бросает убитого врага своим детенышам на потеху. Уверяют также, что на священных обезьян совсем не действуют некоторые растительные яды, напр., стрихнин.

Любовь хульмана к своим детям в высшей степени трогательна. Дюво-селю случилось однажды подстрелить одну самку. Бедное животное как раз несло на себе детеныша; получив рану, она собрала все свои силы и повесила его на ближайшую ветвь дерева, а сама упала вниз мертвой. Эта трогательная сцена произвела неизгладимое впечатление на охотника.

Азиатские собакообразные обезьяны

1) Тонкотелая обезьяна-хульман (*Semnopithecus entellus*), 2) Японский макак (*Macacus speciosus*), 3) Обыкновенный макак (*Macacus cynomolgus*), 4) Черный павиан о-ва Целебеса (*Synopithecus niger*)

Гораздо красивее другой вид тонкотелых обезьян—буденг (*S. maugus*), черная обезьяна, распространенная на Яве, вместе с рыжею разновидностью—лутунгом. Буденг—почти 5 фут. длины, причем более половины его составляет хвост. Черная блестящая шерсть, шелковистая на спине и бархатистая на конечностях, особенно своеобразная шапка волос, украшающая голову—придают этой обезьяне очень красивый вид. Но нрав у него—серьезный, и потому яванцы мало держат его в своих домах, предпочитая более податливого в этом отношении лутунга. Во многих местах Явы буденг пользуется особым почетом со стороны туземцев, и они часто устраивают на лесных полянах кормление этих обезьян мясом. В других местах, напротив, за ними охотятся из-за меха, идущего на чепраки и военные украшения у яванцев.

В неволе буденги ведут себя очень тихо,

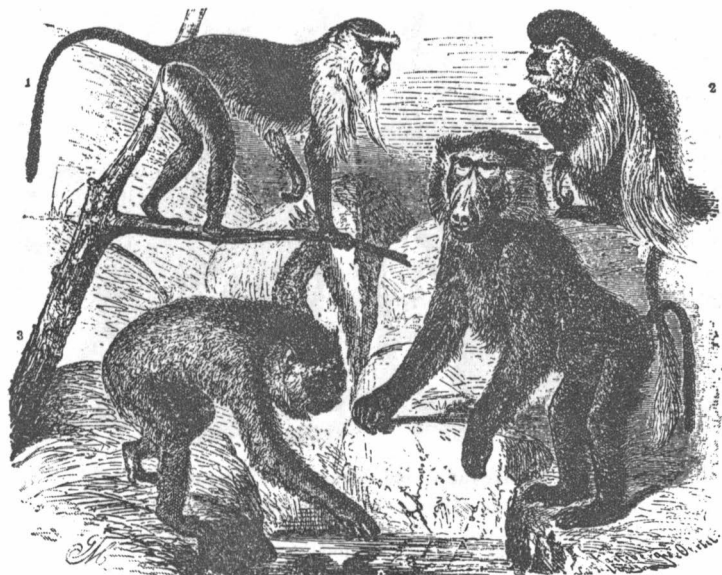
чем и пользуются обыкновенно более задорные их товарищи. Особенно оригинально вели себя буденги по отношению к двум черным павианам, постоянно мучившим их в течение всей ночи (днем их разделяли обыкновенно). Буденги сидели, тесно прижавшись друг к другу. Задорные павианы вспрыгивали тогда на бедняг, садились на них верхом, щипали, тянули за хвост, наконец, силой растаскивали их, а те под кулаками «черных дьяволов» только жалобно вскрикивали и тем еще более усиливали наглость павианов.

До чего беззащитны буденги, показывает и другой случай. В Амстердаме одного буденга поселили вместе с мартышками и макаками. Сожители по клетке едва достигали половины его роста, и тем не менее несчастный яванец и здесь терпел мучения и издевательства. Особенно комично было наблюдать, как маленькая мартышка, едва до-

стигшая года, управляла буденгом при помощи шипков, пощечин и ударов,—и тот покорно сносил все это.

От настоящих тонкотелых обезьян ныне отделяют один вид, легко отличаемый от других по своему длинному носу: это — **носатая обезьяна**, или **кахау** (*Nasalis larvatus*), живущая на Борнео. Ее крючкообразный, подвижный, как хобот, нос с большими ноздрями придает ей комичный вид, который еще более увеличивается от пестрой окраски ее меха: на темени, затылке и пле-

чах шерсть — ярко-буро-красная, на спине и отчасти боках — бледно-желтая с темно-бурыми волнистыми полосками, у корня хвоста — серовато-белая; верхняя половина конечностей — желтовато-красная, нижняя, как и хвост, пепельно-серая, голые внутренние поверхности рук — серовато-черные. Но тело (до 2 1/2 фут.) стройное, снабженное почти одинаковой с ним длины хвостом; защечных мешков нет. О жизни кахау на воле мало сведений; известно только, что эти обезьяны живут большею частью на деревьях, не

Африканские собакообразные обезьяны

1) Мартышка-диана (*Cercopithecus diana*), 2) Толстотелая обезьяна-гверца (*Colobus gverza*), 3) Макак-магот (*Inuus ecaudatus*), 4) Павиан-анубус (*Cynocephalus anubis*)

большими стаями, а по 2—3 штуки, что они — очень ловки и хорошо прыгают и лазают, поднимая часто вой, сходный со словом «кахау», отчего и получили свое название. Туземцы-дайки охотятся за ними ради их мяса, которое, говорят, очень вкусно. Невольно они переносят очень плохо, кажутся печальными, хиреют и скоро умирают.

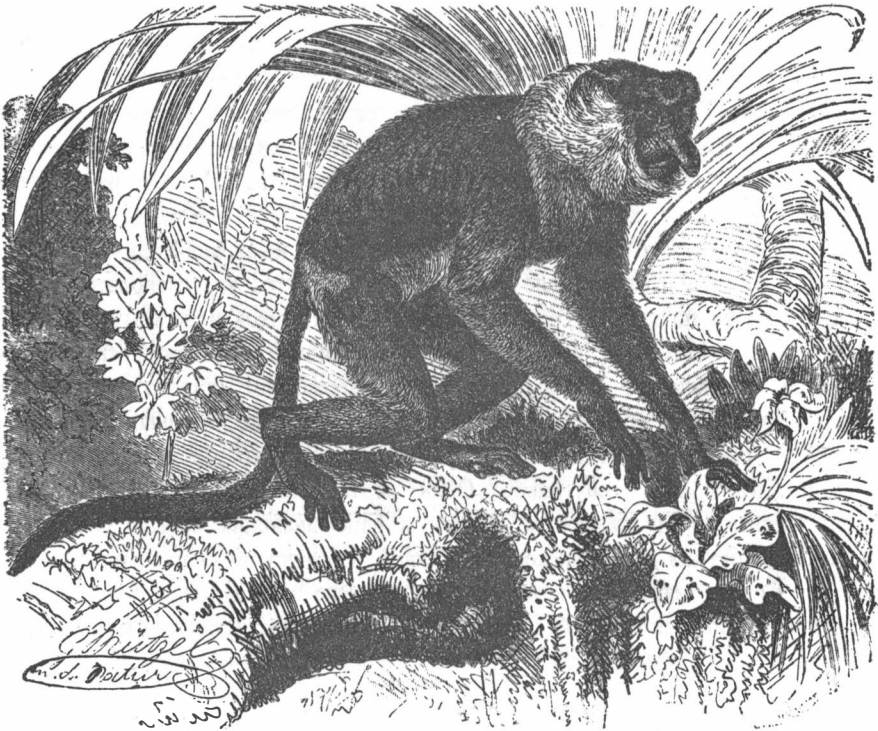
Американскими родичами тонкотелых азиатских обезьян являются **толстотелые обезьяны** (род *Colobus*), отличающиеся своеобразной окраской, красивыми гривами, а в анатомическом отношении присутствием на передних конечностях, кроме 4 развитых пальцев, зачатка большого пальца. Тело их

все еще стройно, морда коротка, хвост длинный, конечности почти равные между собой по длине, тонки, защечных мешков нет.

На первом месте среди толстотелых обезьян следует поставить **гверцу**, **фонгес абиссинцев** (*Colobus gverza*), на взгляд, самую красивую из всех обезьян. Тело ее, длиною около 2 ф. 2 д., покрыто бархатисто-черной шерстью, и на этом фоне красиво выделяются белые части: полоска на лбу, виски, подбородок, горло и мягкая тонкая грива по бокам тела, а также пушистый конец длинного (2 ф. 2 д.) хвоста. Это животное встречается во всей Абиссинии, начиная с 13° с. ш., чаще всего на высоте 2—

3 тыс. м над уровнем моря и живет небольшими стадами в 10—15 шт. на деревьях, вблизи горных ручьев. Один вид можжевельника (*Juniperus procera*), который, в противоположность нашим видам, достигает таких громадных размеров, что наши

ели и сосны показались бы карликами в сравнении с ним, по-видимому, особенно привлекает гверец, вероятно, благодаря своим вкусным ягодам; они питаются также почками, листьями, плодами, насекомыми и т. п. и никогда не нападают на плантации.

Кахуа, или носатая обезьяна (*Nasalis larvatus*)

Там, где гверцу не преследуют, она, по словам Гейглина, не пуглива и мужественно лает и пищит, согнув по-кошачьи свою спину на того, кто потревожил ее. Преследуемая, она является во всей своей красе: легко и смело прыгает она с ветви на ветвь или с высоты на 7 саж. вниз, а белый плащ обвивает ее тело, подобно бурнусу араба, летящего на своем скакуне. Прежде абиссинцы отделяли гривами гверец свои бегемотовые щиты и потому сильно преследовали бедных животных. Но теперь мода на такие щиты прошла,—и животное оставили в покое. Туземцы мало приручают

гверец, а в Европе они и совсем почему-то не попадают.

На противоположном, западном берегу Африки, а также на соседнем с ним о-ве Фернандо-По водятся два других вида толстохвостых обезьян. Это,—во-первых, **медведеобразная обезьяна** (*C. ursinus*) с белым хвостом и шапкой клочковатых, желтоватого с черным цвета волос на голове, и во-вторых, **сатана** (*C. satanas*), вся черная. Образ жизни их мало изучен. Впрочем, говорят, что медведеобразная обезьяна по образу жизни сходна с гверцей, отличаясь от нее только в мелочах.

Род **мартышек** (*Cercopithecus*), так обыкновенных везде в зверинцах, водится в тропических странах Африки, в сырых лесах, по бере-

гам рек и морей, там, где водятся и попугаи. Их несколько видов, но все они отличаются стройным, красивым телом, одетым в довольно яркую, иногда пеструю шубу, с длинным хвостом без кисти. Тонкие конечности, короткие руки с очень длинным большим пальцем, большие защитные мешки, которые натуго набиваются плодами, и значительные седалищные наросты — характерные признаки этой живой, веселой породы обезьян.

Весело глядеть на стаю этих жизнерадостных животных, когда они резвятся в лесу: их суетня, грабежи, задорные крики, гримасы и удивительные акробатические упражнения способны, кажется, рассмешить мертвого. В этой обезьяне удивительно соединены: бесконечное легкомыслие и забавная серьезность.

«В общем,— говорит Пехуель-Леше,— мартышки ведут себя на свободе так же, как и у нас, в зоологических садах, но некоторые черты их характера яснее высказываются на родине. Для наблюдения особенно удобны леса Западной Африки. Приближение стада,— продолжает тот же наблюдатель,— уже издали заметно по шелесту зеленых ветвей, треску сучков и легкому ворчанью. Каждая стая, состоящая, вероятно, из одной, сильно размножившейся семьи, держится отдельно от других, под предводительством старого и опытного самца, который идет обыкновенно впереди, постоянно подозрительно оглядываясь кругом и время от времени издавая различные звуки то для призыва, то для предупреждения своих спутников. Один характерный звук, представляющий нечто среднее между чавканьем и лаем и напоминающий иногда звук раскупориваемой бутылки шампанского, выражает, вероятно, полное довольство, так как его издают мартышки вечером, иногда после заката солнца, когда сытое и усталое стадо тесной кучей, почесывая друг друга и задумчиво взирая вперед, словно любуясь открывающейся картиной, располагается где-нибудь на дереве на ночлег.

Если убить вожака, то вся стая, охваченная испугом, приходит в страшное смятение: с криком бросаются обезьяны туда и сюда, скачут от ствола приютившего их дерева к концам ветвей, потом—обратно и, если их приют стоит одиноко, так что с него нельзя перепрыгнуть на другое дерево, то большими прыжками скачут вниз, в кусты, пользуясь при этом длинным хвостом, словно рулем. Все это происходит среди невообразимой свалки, но зато и быстро прекращается, и через минуту мартышки исчезают из вида.

Эти «мародеры полей» не боятся и воды; напротив, часто замечали, как они на берегу моря, во время отлива, ловят крабов или ищут раковин, отряхиваясь от попадающих капель воды. Негры единогласно утверждали, что мартышки — отличные пловцы; целые стаи их переплывают иногда широкие реки.

Но интереснее всего наблюдать, когда такая стая отправляется на грабеж.

Шайка отправляется к засеянному полю, под предводительством своего вожака, причем за большими тащатся и маленькие, зацепившись своими хвостами за

хвосты матерей и держась у них под брюхом. Сначала шайка идет осторожно, стараясь шаг за шагом следовать за своим вожаком и попадая даже на то же дерево, на ту же ветку, где тот прошел. Но вот вожак влезает на самую верхушку дерева и оттуда обозревает местность. Если все обстоит благополучно, он успокаивает товарищей особым мурлыканьем, в противном же случае издает короткий крик,—и стадо в одну минуту кидается в поспешное бегство. Когда же опасности не предвидится, мартышки спускаются в поле,—и начинается грабёж. Обезьяны жадно наскоро срывают несколько початков кукурузы и колосьев дурро, вылушают их и набивают зернами свои защитные мешки. Сделав эти запасы, грабители становятся разборчивее: сломив теперь початок, мартышка прежде понюхает его, поглядит и часто, найдя, очевидно, негодным, бросает, чтобы приняться за другой. И так истребляется все поле: мародеры не унесут с собой и сотой доли того, что испортили.

Между делом родители отпускают своих малышей порезвиться на свободе, впрочем, все время не спуская с них глаз, чтобы при малейшей опасности спасти свое сокровище.

Набив свои кладовые во рту и потом набрав в руки сколько можно, стадо спокойно удаляется. В случае же опасности все разбегаются стремглав по соседним деревьям. Вожак большими прыжками летит впереди, как бы указывая дорогу и особыми криками оповещая стадо, как нужно бежать, скоро или тихо. Убедившись, наконец, что опасность миновала, вожак снова занимает на дереве наблюдательный пункт и сзывает стадо. Тогда все мартышки принимаются очищать свои шкуры от засевших в них во время бегства колочек и шипов. Эту услугу оказывают обыкновенно каждая друг другу; при этом, кстати, изгоняются и паразитные насекомые, исчезающие между зубами услужливого друга.

Возмущенные грабительством мартышек, туземцы стараются отгонять их от своих полей посредством заклинаний и охотно истребляют их всеми средствами. Но увертливые создания не так-то легко поддаются им. Случается, правда, что коварно раскинутая с приманкой сеть и опутает пару-другую мартышек. Но ведь это ничто в сравнении со всей массой их, населяющей известную местность. Больше помогает огнестрельное оружие, тем более, что эти обезьяны безбоязненно подпускают к себе человека. Но стрелять их страшно тяжело.

Мне случилось застрелить одну мартышку, и с тех пор я дал слово более не убивать их: пораженная пулей, она молча стала вытирать, совершенно по-человечески, рукою кровь, которая текла из раны. Мне стало жаль ее, и чтобы скорее прикончить ее страдания, я поспешил прирезать ее ножом. С тех пор образ умирающей обезьяны всюду преследовал меня: мне казалось, что я убил человека.

От хищных зверей мартышки мало страдают; их спасает проворство.

Разве только леопарду удастся иногда поймать какое-нибудь зазевавшееся животное. От хищных же птиц они защищаются сообща.

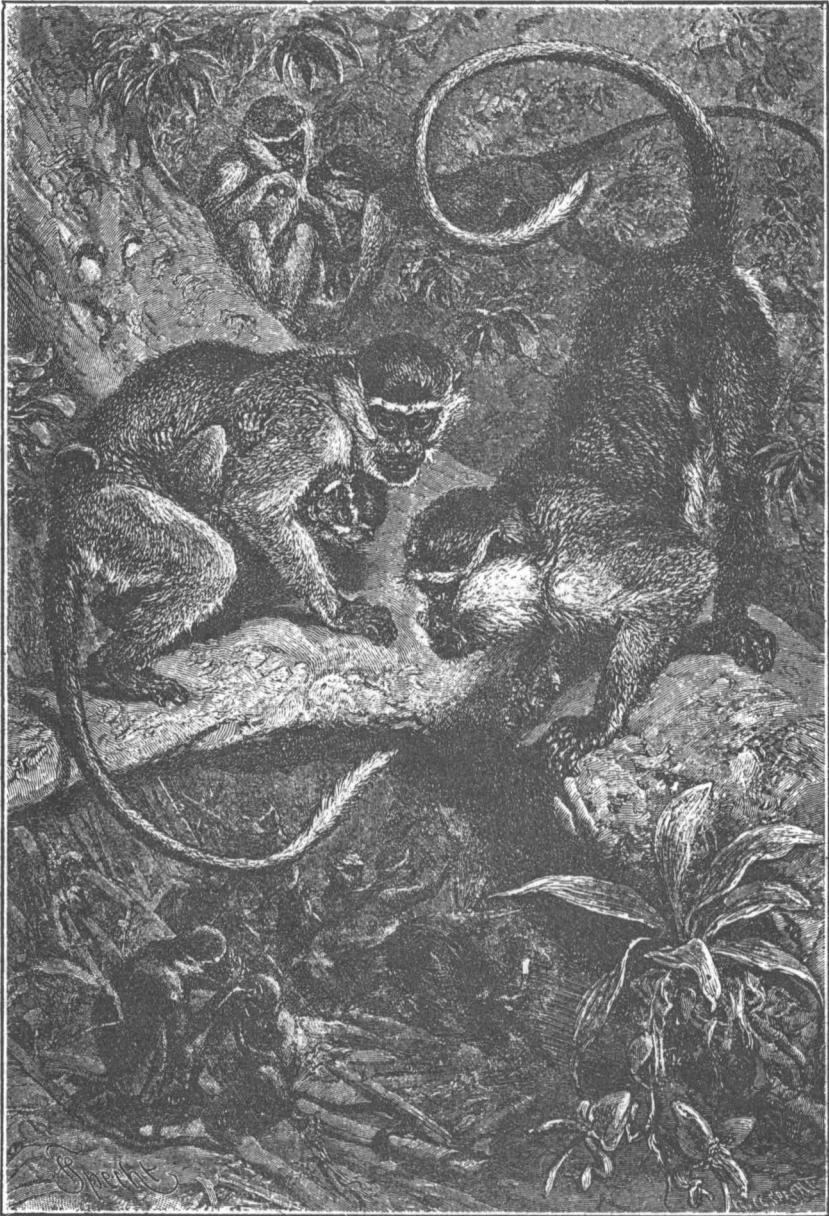
Однажды хохлатый орлань (*Spizaetos occipitalis*), бесспорно, один из самых смелых хищников их отечества, бросился на молодую мартышку и хотел унести. Но та, заорав во все горло, уцепилась всеми четырьмя конечностями за ветку, так что ее и не оторвать. Между тем вопль ее всполошил все стадо,—и десятки товарок с гримасами и криками бросились на птицу. Последняя едва успела вырваться из рук разъяренных врагов, все-таки оплатившись многими перьями со спины и хвоста.

Наоборот, пресмыкающиеся, особенно змеи, наводят на мартышек панический ужас. Как известно, змеи часто прячутся в дуплах, но там же находятся птичьи гнезда с яйцами и птенцами, до которых мартышки большие охотницы. И вот, нашедши такое гнездо, мартышка сначала исследует его, нет ли поблизости змеи. Заглянув в дупло, она внимательно прислушивается и, если там не слышно ничего подозрительного, медленно и осторожно опускает вглубь лапу, все время опасаясь, не покажется ли оттуда голова страшной для нее змеи.

Что касается душевных качеств мартышек, то, насколько они проявляются в неволе, эти животные представляют большой интерес для наблюдателя. Они—хитры, рассудительны, склонны к воровству, но в то же время обнаруживают большую доброту, сострадание к несчастным и нежную любовь.

Во время моего пребывания на Голубом Ниле туземцы продали мне 5 только что пойманных мартышек. Я привязал их к борту судна. Они печально сидели кучкой, закрыв лицо руками и время от времени издавая заунывные звуки, словно совещались между собою о бегстве. На следующее утро четверо из них, действительно, бежали, развязав, по-видимому, друг другу веревки; пятый же товарищ, сидевший в стороне, был, видимо, забыт ими и оставлен в плену.

Пленник, после нескольких попыток освободиться, скоро свыкся с неволей и стал принимать пищу. К людям он относился сердито, но нежное сердце его видимо жаждало привязанности, и Коко,—как мы прозвали его,—обратил ее на птицу калао (*Visceros*), которую мы везли из его далекой родины. Вероятно, его подкупило добродушие птицы. Оба животных скоро так подружились, что все время проводили вместе, причем обезьянка пресерьезно искала в перьях своего друга паразитных насекомых. Дружба продолжалась и в Хартуме, но здесь калао околела. Скучающий Коко, получивший уже тогда свободу, хотел было тогда обратить свою благосклонность на гулявших по двору кошек, но те встретили его пощечинами, а раз даже сильно потрепали. Наконец, ему попалась одна обезьянка, мать которой была убита. При виде сироты обрадованный Коко чуть не задушил ее в своих объятиях: он прижимал ее к себе, любовно воркуя, и немедленно принялся за чистку шкурки сиротки. Затем последовали новые объятия, и скоро Коко привязался к сироте, словно

Зеленая обезьяна (*Cercopithecus sabaeus*)

родная мать; он приходил в ярость, когда у него отнимали обезьянку, и потом долго ходил печальный. К несчастью, его приемыш через несколько недель умер. Отчаяние Коко не имело границ. Он брал своего мертвого любимца на руки, ласкал и гладил его, нежно мурлыча, но видя, что обезьянка остается неподвижной, раздражался жалобными воплями, надрывавшими душу. Мы были глубоко тронуты. Наконец, я велел отнять труп обезьянки и забросить его за забор. Тогда Коко, как безумный, кинулся за ним, принес его обратно и снова стал ласкать. После этого мы зарыли труп, но через полчаса исчез и Коко.

Горе родной матери по умершему детенышу бывает у мартышек так сильно, что она умирает от тоски.

Испытал и я капризы, и воровские наклонности мартышек. Особенно памятна мне в этом отношении одна, привезенная мною на родину. Она начала с того, что привела мою мать в полное отчаяние, бросившись за курами,— и ничто потом не могло отучить ее от этого занятия. Гассан,— так звали нашу обезьянку,— скоро изучил расположение всего дома, начиная от чердака и кончая кладовыми, и таскал все, что ни попадалось, особенно любил он куриные яйца и сливки. Первое мать как-то заметила и побила его; на другой день он принес ей с уморительными ужимками целое яйцо, положил его перед ней, помурлыкал и убежал. Что касается до сливок или молока, то вороватая обезьяна сначала выпивала их на месте, в кладовой, но когда это заметили, стала хитрить: брала крынку молока и, утащив куда-нибудь, выпивала на свободе, а посуду бросала и разбивала. Когда же и за это побили ее, Гассан стал приносить матери целые крынки из-под молока, но пустые, что немало забавляло ее.

С людьми Гассан был любезен, но сохранил свою независимость и часто, хотя отвечал на зов, но не трогался с места, а когда его хватили силой, кусался или притворялся больным, даже умирающим. Из животных же он больше всего сошелся с самкой павиана, также привезенной мной домой. Она нянчила его, беседуя разнообразными горловыми звуками, гуляла с ним. Гассан платил ей полной взаимностью и послушанием, делясь с другом каждым лакомым кусочком. Однако, как только Гассан не хотел делиться, отношения их сейчас же менялись: павиан бросался на беднягу, как лютый зверь, силой раскрывал ему рот и вытаскивал пищу из защечных мешков, да вдобавок еще и колотил жертву своего насилия.

К несчастью, вторая холодная зима в Германии прекратила эту своеобразную дружбу: бедный Гассан зачах и скончался, всеми оплакиваемый в доме.

Пехуель-Леше рассказывает о своей ручной мартышке следующее: «Она свободно бегала по дому и саду, резвилась, охотилась за бабочками и кузнечиками, сопровождала нас на прогулку, подобно собачке, а во время пути любила забавляться с встречавшимися людьми, пугая их притворными нападениями. С маленькими собачками она охотно возилась, больших же собак избегала, а если

те нападали на нее, бесстрашно кидалась на них, теребила, кусала, царапала и этим приводила тех в такой ужас, что они убегали.

Однако она стесняла нас своей привычкой пачкать в комнатах, от чего никак нельзя было отучить ее. В других случаях она скоро научилась по первому приказанию влезать в клетку, запирала за собой дверцу и забиралась в свою корзинку. Из игрушек она любила мячики, куклы, пробки. Эти игрушки прятались ею в укромные уголки, а что поменьше, наполняло ее защечные мешки. Скоро моя жена, заметив это, стала каждый вечер опоражнивать эти своеобразные кладовые. Обезьянка сначала противилась, но потом беспрекословно возвращала свои сокровища. Ненужные вещи, вроде гвоздей, горошин, пробок и пр. оставлялись ей (нужно заметить, что набивание защечных мешков полезно для здоровья обезьян). Охотно рассматривала она и книжки с картинками, последовательно перелистывая их, причем узнавала всех знакомых ей животных и все пыталась первое время съесть изображенных там бабочек и кузнечиков.

Питалась она тем же, чем и мы, но бутербродов и молока не любила, зато чувствовала страшное пристрастие к луку и хлебу с горчицей, хотя, съедая их, и корчила каждый раз страшные гримасы. Табак возбуждал в ней страшное отвращение, вино же, пиво и фрукты очень нравились ей. Удивительно, что яиц она не ела и птичьих гнезд не разоряла; напротив, жила в ладу с синицами и мухоловками, гнездившимися у нас на балконе.

Встав поутру со своей постельки, Муйдо,—как мы прозвали нашего любимца,—бежал к спиртовой лампочке, чтобы не пропустить момента, когда зажигали ее. Зажженная спичка отдавалась ему, и он тушил ее, вертя между пальцами и ударяя по ней. Потом, с большим вниманием наблюдая кипение воды и горение пламени, он грелся. Когда его причесывали щеткой, ему очень нравилось. Напротив, мытье водой лица, а особенно купанье—не мог выносить.

Что касается людей, то к одним обезьяна чувствовала полную антипатию, не обращала на них внимания, сердилась и кусалась, когда те брали ее к себе; к другим же, наоборот, чувствовала большую симпатию; особенно любила возиться и шалить с детьми, причем не было случая, чтобы хоть раз оцарапала ребенка. Но больше всего привязалась обезьянка к моей жене. Когда та захворала, Муйдо очень грустил и по целым часам сидел у запертых дверей ее комнаты, жалобно прося пустить его. Когда же, спустя несколько недель, его пустили туда, он быстро вскочил на кровать больной, стал ласкаться, тихонько мурлыча, и нежно обнимать ее...

К несчастью, покидая на время Европу, мы принуждены были оставить его у одних знакомых, которых он знал и любил. Но те почему-то передали обезьянку другим людям. Последние же стали дразнить и мучить его,—и мы, возвратившись домой, не узнали своего любимца: он стал злым, раздражительным и недоверчивым. Продолжительный и внимательный уход несколько

смягчил его нрав, но исправить его уже было невозможно. Впрочем, когда у нас родился ребенок, то Муйдо опять превратился в веселого, милого забавника и по целым часам любовно возился с ним, когда тот стал ползать. Однако скоро он стал обнаруживать при этом такую ревность к ребенку, что того не могла брать на руки ни няня, ни даже моя жена; только я один мог ласкать, в его присутствии, ребенка. Это скоро оказалось очень неприятным, и обезьянку, хотя и с большим сожалением, удалили...»

Из многих видов мартышек отметим следующие: 1) **зеленая обезьяна**, или **обуланж**, а также **ниснас** арабов (*Scoropithecus sabaeus*), до 1 1/2 арш. длины, причем хвост занимает половину; верхняя часть тела покрыта светло-зелеными полосами, конечности и хвост — пепельно-серые, бакенбарды беловатые, лицо светло-бурое, морда, нос и брови черные; на западе Африки встречается близкий вид, может быть, только разновидность ее, *C. griseoviridis*; 2) **Диана**, или **бородатая матрышка** (*C. diana*), маленькое стройное животное, которое легко узнать по длинным бакенам и бороде; тело ее большей частью темно-серое, спина пурпурно-коричневая, а нижние части тела — белые; 3) **Мона** (*C. mona*), похожая на диану, но каштаново-бурого цвета с желто-красно-белой грудью, без бороды. Длина ее — около 2 ф., хвост несколько больше; 4) **Муйдо** (*C. serhus*), живущая в Леанго, а также в Нижней Гвинеи, голуболицая мартышка с роскошным мехом оливково-зеленого цвета с золотистым отливом; лицо — голубое, цвета кобальта; борода — ярко-желтая, хвост — ржаво-красный. Вообще, это наиболее ярко и красиво окрашенная обезьяна. Любимое место обитания — болотистые прибрежные леса. Описание нравов мартышек, приведенное нами выше, относится главным образом к голуболицей мартышке; 5) **Гусар** (*C. giber*), красная восточафриканская обезьяна, в противоположность предыдущим видам, одна из скучнейших и неприветливых мартышек. По росту она наполовину или на треть больше предыдущих, название получила от ржаво-красного, иногда золотисто-красного цвета шерсти на спине; лицо у нее черное, бакенбарды — белые, нижняя часть тела также белая. Водится по преимуществу в степных местностях. Нрав у нее неуживчивый: гусар во всех видит своих врагов, все ему надоедает, и самые невинные шутки принимаются за обиду. Простой взгляд сердит его, а хохот приводит в страшную ярость. В виду такого характера его что-то не выдать в неволе.

6) **Мангаб**, или **черномазая обезьяна** (*C. fuliginosus*) — некоторыми учеными выделяется в особый род, вследствие своих

сильно выдающихся надглазных дуг. Туловище его достигает длины 2 ф. 2 д., хвост — несколько меньше: сверху эта обезьяна черного цвета, снизу — серого. Водится в Западной Африке; здесь же встречается и другая, похожая на нее обезьяна (*C. albigena*), которую Пехуель-Леше описывает так: «Мбукумбуку, — как называют его туземцы берега Лоанго, — живет в больших лесах группами в 2—3 штуки. Она не так подвижна, как другие мартышки, но также ловко лазает по деревьям, быстро бегает по земле и отлично плавает. Название свое получила от звука, который издается самцом...»

На нашем дворе жила ручная черномазая обезьяна, красивый самец, прозванный нами Арапом; она обладала большими способностями, значительно развившимися от воспитания. У нее замечалось четыре сложных звука, которыми она выражала свои желания; особенно правильно издавала она два звука: один выражал желание пищи, другой издавался, когда выражалось желание устранить какое-нибудь препятствие с помощью людей. Между тем все другие наши обезьяны, за исключением горилл, никогда не кричали, чтобы позвать отсутствующих людей. Арапка был очень привязчив, но зато умел и ненавидеть: тогда он с быстротою молнии кидался на своего неприятеля, рвал у него платье, бил по щекам и больно кусался. Ловкостью он отличался изумительной: он умел развязывать сложный узел веревки, к которой был привязан, притом старался распутать непременно тот узел, которым веревка прикреплалась к его телу, чтобы она не волочилась за ним. Если же она где-нибудь запутывалась, Арапка внимательно рассматривал ее, и почти всегда ему удавалось распутать ее. Смешнее всего было на него смотреть, когда он старался разгадать что-либо непонятное для него, напр., когда мы производили астрономические наблюдения. Тогда он садился около нас на землю, ящик или бочку, принимая положение человека, о чем-нибудь серьезно размышляющего; подперев рукой подбородок или приложив указательный палец на губы и тихо мурлыча, он неустанно, с полным вниманием следил

за нашей работой. Про ловкость и акробатическое искусство я уже не говорю: они снискали нашему Арапке общее расположение.

Под именем **макаков** (*Macacus*) известна не очень многочисленная группа обезьян, живущих в Юго-Восточной Азии. Все они отличаются приземистым телосложением, не очень длинными конечностями, снабженными на больших пальцах плоскими ногтями (на прочих пальцах ногти в виде черепицы крыши), большими зашечными мешками и большими седалищными мозолями. Хвост бывает разной длины: у одних видов очень большой, у других—почти вовсе незаметный. Морда мало выдается вперед, зато нос—выдающийся. Сближенные ноздри довольно малы. Волосы на голове у некоторых пород разделены как бы пробормом, у некоторых почти голый череп украшен на темени пучком волос в роде хохла.

Наиболее известен из макаков—**яванский макак**, или **моньет яванцев** (*Macacus sumpotolagus*), небольшое созданище с телом в полтора фута и такой же длины хвостом, распространенное по всей Юго-Восточной Азии. Цвет шерсти—довольно неопределенный: на верхней части тела оливково-бурый с черным, на нижней—светло-серый; кисти, ступни и хвост черные. Пищу его составляют как плоды всевозможных деревьев, так и крабы и моллюски; поэтому стада макаков можно встретить и в лесу, и на берегу моря.

Путешественник Юнгхунь пишет: «Мы проходили через одну яванскую деревню, около которой находился небольшой фиговый лес, окруженный садами и полями. На полянке в лесу поставили несколько стульев. Придя сюда, сопровождавшие нас яванцы стали бить в кусок бамбукового ствола; в лесу зашумело,—и через несколько минут на полянке стали появляться серые обезьяны, большие и маленькие. Всего набралось штук до 100. Явившись на площадку, они, видимо, никого не боялись и были до того ручные, что брали из наших рук рис и пизаг, припасенные нами для угощения. Два очень больших бородатых самца особенно отличались своею смелостью, но в то же время бесцеремонно колотили и кусали попадавшихся им навстречу товарищей, да и между собою они, видимо, были не в ладах. Покормивши обезьян, мы возвратились в деревню, а обезьяны убежали в лес. Кто положил начало этому оригинальному обычаю кормления макак,—яванцы не могли объяснить...»

Похожий и по внешнему виду, и по характеру на мартышек, яванский макак также, подобно им, обыкновенен в наших зверинцах и также забавен и ловок, как мартышки. В зверинцах и цирках часто учат его разным акробатическим штукам. Содержание его в неволе—не затруднительно, так как макак ест то же, что и человек, начиная с простого хлеба: молоко, говядину, спиртные напитки... Не откажется и от зеленой ветки какого-нибудь дерева. Но чем разнообразнее его пища, тем он становится разборчивее; впрочем, при нужде он и опять возвращается к простому столу.

Что касается характера, то, подобно мартышкам, макаки способны на неж-

ную привязанность как к человеку, так и к животным, только непостоянное их: сегодня добродушный и веселый, через минуту макак становится злым и сердитым. Впрочем, мягким обращением его всегда не трудно усмирить.

Другой макак, **бундер** (*Macacus rhesus*) считается у индусов священным животным, подобно хульману. Туземцы не только не охотятся за ним, но открывают настез перед ним свои дома и, по словам кап. Джонсона, оставляют на своих полях одну десятую часть жатвы; обезьяны спускаются с гор и забирают эту подать. Так поступают жители Бока. Вблизи же Биндрабуна, т. е. «обезьяньего леса», по словам того же Джонсона, существует более сотни садов, где специально разводят для бундеров любимые их плоды. Нечего и говорить, что в таких местах вороватость обезьян и страсть к грабежу превосходит всякое вероятие, — и они становятся невыносимо наглы.

Однажды жена одного важного английского чиновника, леди Баркер, давала в Симле парадный обед. Стол был уже совершенно накрыт и украшен цветами. Ожидали гостей, и хозяйка пошла переодеться. Слуги же, вместо того чтобы охранять комнаты, куда-то скрылись. Представьте же себе удивление хозяйки, когда она возвратилась в столовую: обширная комната была занята гостями, да только не теми, которых она ожидала; в столовой хозяйничала целая стая бундеров, влезших из соседнего сада через открытые окна. Можно себе представить гнев почтенной леди при виде ее ограбленного стола!

Те же бундеры сыграли с леди Баркер и другую шутку. У нее была маленькая собачка Фюри, не ладившая с обезьянами, и вот, в один прекрасный день одна из обезьян схватила собачку и, несмотря на ее жалобный вой, утащила на вершину дерева, откуда, помучив вдоволь, со всей силы швырнула вниз. Бедная Фюри тут же околела, а обезьяны, видимо, радовались своему мщению.

Рассказывают, как один хитрый англичанин, два года терпевший большие убытки от грабежа бундерами его плантаций, придумал следующий оригинальный способ избавиться от врагов. Загнав одну стаю обезьян на одиноко стоящее дерево, он срубил его и поймал множество детенышей, которых и взял себе в дом. А там им была ранее изготовлена смесь из сахара, меда и рвотного камня. Этою смесью и вымазали маленьких обезьянок, затем выпустили. Испуганные родители, потерявшие уже надежду видеть в целости своих детей, конечно, обрадовались и немедленно принялись за их чистку. Лизнув раз-другой шкурки, они замурыкали от удовольствия: мазь, испачкавшая их детенышей, понравилась. Однако, увы! — удовольствие их скоро сменилось страшным страданием, когда начал действовать рвотный камень. С тех пор бундеры никогда более не решались приблизиться к жилищу коварного белого.

Родствен макакам **магот**, единственная обезьяна, встречающаяся в Европе на свободе. Магот (*Inuus ecaudatus*), известный также под названием турецкой, варварской, или обыкновенной обезьяны; представляет из себя строй-

ное животное с длинными тонкими конечностями. Морщинистое лицо его, украшенное густыми бакенбардами, уши, ноги и руки—телесного цвета, шерсть красновато-оливковая, в старости—черная; нижняя часть тела—более светлого, желтовато-серого цвета. Длина тела—фута полтора.

Родиной той обезьянки являются северные страны Африки—Алжир, Тунис и Марокко, где они водятся большими стадами в гористых местностях. Умный и хитрый, проворный и сильный, он при случае отлично умеет защищаться своими зубами. При сильном возбуждении он громко щелкает зубами, при сильном же испуге издает громкий, короткий крик. Щелканьем зубов, а также гримасами он выражает и желание, и радость, и досаду, и отвращение. Говорят, что, подобно павианам, он пожирает насекомых и червей, для чего постоянно перекатывает камни. Пойманная добыча поднимается с земли, тщательно осматривается и, наконец, с одобрительной мимикой отправляется в рот. Утверждают, что маготы не брезгают и скорпионами, которым предварительно вырывают жало.

На Гибралтаре, единственном месте Европы, маготы живут с незапамятных времен; по крайней мере, еще мавры, владевшие Пиренейским полуостровом до покорения его испанцами, уже хорошо знали их. Но они показываются редко, отчего их не всегда можно видеть; кроме того, по своей нежной натуре они боятся всякого изменения погоды и прячутся за скалы. Между тем это—очень живые создания. Питаются они плодами и листьями разных древесных пород, но предпочитают сладкие корни растущей там в изобилии карликовой пальмы.

Для разнообразия же едят жуков и других насекомых. Число маготов очень невелико, несмотря на то, что они находятся под покровительством англичан и их никто не смеет преследовать, так что обезьянки свободно разгуливают по укреплениям, греются на солнце у пушек, лазают через брустверы. На запрос, посланный одному из офицеров английского гарнизона в Гибралтаре, был получен от капитана Шифарда следующий ответ: «Трудно определить с точностью,—пишет он 18 марта 1889 г.,—количество находящихся на лице обезьян. Вчера только я видел их в числе 12, но прошлым летом мне приходилось встречать их штук по 25, и я думаю, что теперь их всего штук 30. В это время года их можно не часто видеть, так как корму и воды не всегда вдоволь на верху скалы, и в летнюю жару недостаток пищи заставляет их спускаться ниже; тогда они причиняют садам серьезный вред. Около июня или июля прошлого года у обезьян было не менее 6 детенышей. Взрослые самцы довольно велики и достигают 3 фута длины, самки же тоньше и слабее. Самый сильный самец держится в стороне от стада».

Эти новейшие наблюдения показывают, что еще преждевременно опасаться, как думают некоторые, совершенного уничтожения единственной, дико живущей в Европе породы обезьян.

Самый крупный и вместе непривлекательный представитель собакоголовых обезьян—**павиан** (*Synopcephalus*), распространенный в гористых местностях (а отчасти в лесах) Африки, Аравии и Индии. Кроме того, павианы едва ли не единственные обезьяны, которые могут жить на высоте 3—4 тыс. футов выше океана, доходя даже до снеговой линии. Пищу их составляют преимущественно луковицы, корни, клубни, ягоды и мелкие животные, вроде кур, хотя в Вост. Африке павианы нападают даже на мелких антилоп. Подобно прочим обезьянам, это—величайшие грабители полей и садов, настоящие бичи местного населения.

Несимпатичной, даже отталкивающей наружности их вполне соответствует и их характер. «Все павианы,—говорит Шейтлин,—более или менее злы, свирепы, бесстыдны и коварны; взгляд их лукавый, душа—злобная. Зато они гораздо понятливее и умнее многих мелких обезьян. Особенно ярко проявляется у них свойственная всем вообще обезьянам способность к подражанию, так

что они могли бы сделаться совсем похожими на людей, но никогда не достигают этого. Защищаются они упорно и с большим мужеством. В молодости павианы способны к приручению, но в старости, когда их ум и чувства приглушаются, дурная натура берет свое: они опять становятся непослушными, царапаются, кусаются. Говорят, что на свободе они и умнее, и развитие, в неволе же— более кротки и понятливы. Это семейство,—заканчивает Шейтлин свою характеристику,—называют собакоголовыми, но хорошо бы было к собачьей голове прибавить им и собачий нрав!»

Нельзя не согласиться с приведенными словами. Правда, и у павианов есть хорошие качества,—они привязаны друг к другу, любят своих детенышей, а также кормящего их человека,—но безнравственность и порочность их совершенно затушевывают хорошие черты. Коварство у них соединяется с взрывами страшного, беспричинного гнева: одного неосторожного слова или насмешливой улыбки достаточно, чтобы привести их в бешенство,—и тогда павиан забывает даже того, кого любит.

Человека эти обезьяны обыкновенно избегают, но, в случае крайности, вступают в отчаянный бой с ним, также как с собаками, леопардами и даже львами. Боятся они только ядовитых змей, зато скорпионов пожирают с удовольствием, предварительно вырвав жало.

В сказаниях жителей Аравии павианы играют важную роль. Среди арабов распространено следующее предание. У берегов Красного моря был город Айла, населенный евреями. Последние однажды вздумали заняться в субботу рыбной ловлей и, осквернив таким образом день Господен, оскорбили Аллаха. Тщетно некоторые благочестивые люди противились этому грешному делу, их не послушались. Тогда праведники покинули город. Три дня спустя они вернулись и, найдя ворота запертыми, перелезли через стену. Там их ждало необычайное зрелище: вместо людей, весь город был полон павианами. Некоторые из обезьян подходили к пришельцам и, ласкаясь, грустно посматривали на них. Тогда праведникам пришла в голову мысль, не бывшие ли родственники перед ними. Послышались вопросы: «Скажи мне, павиан, не ты ли мой племянник Ибрагим или Ахмед или Муза?» И, к удивлению, павианы стали кивать головами в знак утверждения. Так,—прибавляет легенда,—и стало известно, что Аллах в гнев своем превратил нечестивцев в отвратительных обезьян.

Весьма многочисленный род павианов (*Cynocephalus*) включает в себе несколько видов, как-то: бабуин (*Cynocephalus babuin*), чакма (*C. porcarius*), сфинкс (*C. sphinx*), гамадрил (*C. hamadryas*), мандрил (*C. mormon*), дрил (*C. leucorphaeus*), черный павиан (*C. niger*), гелада (*C. gelada*), бородатая обезьяна (*C. silenus*).

Мне удалось близко познакомиться,—к сожалению, только в неволе,—с бабуином, на которого похожи по внешности чакма и сфинкс. Гладкий, ровный мех его сверху—зеленовато-желто-оливковый, внизу—светлее, на ще-

ках—желтовато-бурый. Лицо и уши черновато-серого цвета, верхние веки—беловатые, руки—буровато-серые, глаза—светло-коричневые. Средний рост самцов около 2 футов, при общей длине в $2\frac{1}{4}$ арш., третью часть которой занимает относительно тонкий хвост. Чакма—значительно больше, неуклюжее и темнее; сфинкс—меньше и приземистее, но сильнее. На лице последнего резко бросается в глаза утолщение скул; мех его—красновато-бурый, с зеленоватым

Бабуин (*Cynocephalus babuin*)

оттенком. Образ жизни и нрав этих трех видов представляют очень много общего.

Бабуины распространены в Абиссинии, Кордофани и Средней Африке, где встречаются большими стадами на маисовых и просяных полях, которым они приносят сильный вред. Они очень смелы и хитры. Как только сторожа прогонят их, выждут их ухода и опять принимаются за грабеж. Не боятся они и охотников; впрочем, от ружейного дула держатся на почтитель-

ном расстоянии. Раненые животные уводятся своими товарищами. Вожаки зорко следят за малейшей опасностью, охраняя покой стада. Несмотря на свой неуклюжий вид, это очень ловкие животные, смело взбирающиеся на величайшие деревья. По природе они храбры, но при встрече с европейцами чувствуют страх и, дотронувшись, мгновенно отскакивают с громким криком. Характерно также их волнение перед грозой или ливнем. В неволе бабуины скоро приручаются и остаются преданными своему хозяину, при чем самки добродушнее самцов, склонных к коварству.

Первый бабуин, живший у меня, привык ко мне в три дня и отлично исполнял обязанности сторожа, огрызаясь и бешено набрасываясь на всех незнакомых ему лиц. В гневе он поднимал хвост, становился на ноги, подпираясь одной рукой, а другой сердито стуча по земле, как рассерженный человек стучит о стол; только при этом Перро,—как звали нашу обезьяну,—не сжимал кулаков. Глаза его сверкали и искрились; он испускал пронзительный крик и бешено нападал на своего противника. Случалось, впрочем, что он принимал самый кроткий вид, протягивая с мольбой руки к тому человеку, которому хотел нанести вред. Но стоило тому протянуть руку, как Перро злобно кусал ее.

Когда услуги его были не нужны, Перро сидел на заборе, свесив хвост и защищая цинковку голову от солнца. Между тем на дворе его длинный шевелящийся хвост соблазнял гулявших по двору страусов,—и какая-нибудь из этих птиц, считая его, вероятно, приманкой, клевала его. Тогда Перро, сбросив с себя цинковку, вмиг хватал страуса за голову и тряс, что было мочи. Часто случалось, что он целую четверть часа после не мог успокоиться. Не удивительно, что он видеть потом не мог равнодушно страусов.

К молодым животным наш бабуин чувствовал нежную привязанность. Однажды, во время нашего пребывания в Египте, ему удалось стащить на глазах суки ее щенка. Тщетно сабака бросалась на него, Перро не выпустил добычи. Щенок, видимо, пришелся ему по душе: он целыми часами возился с ним, лазал по заборам, по деревьям, оставляя его на этих опасных местах. Привязанность его к щенку была вполне искренна, но это не мешало, впрочем, съедать то, что приносили собачке; жадный Перро даже заботливо отстранял своего голодного питомца, пока сам пожирал его пищу. Когда я приказал возвратить щенка матери, Перро несколько дней сильно дулся на меня.

Во время моего вторичного пребывания в Восточном Судане у меня жило несколько павианов, которых мы научили разным фокусам, даже верховой езде на осле. На спину этого терпеливого животного они усаживались втроем-вчетвером. И комичную же картину представляли из себя эти всадники! Первый павиан нежно обнимал руками шею осла, ногами же судорожно вцеплялся в шерсть его, второй—обнимал руками первого, ногами же точно также вцеплялся в осла; также поступали и остальные.

Все наши павианы пристрастились к пиву из дурро и часто напивались до пьяна; пили они и красное вино, от водки же отказывались. Но раз мы силой влили им в рот по стаканчику водки. Обезьяны совершенно захмелели, стали корчить рожи, стали наглы, бесстыдны, одним словом, представляли самую отвратительную карикатуру грубого, пьяного человека.

На другой день у бедных животных ужасно болела голова с похмелья; они делали страшные гримасы и, хватаясь за голову руками, испускали жалобные стоны. Похмелье так мучило их, что они отказывались от пищи, а от вина, которое обыкновенно с удовольствием пили, отворачивались с отвращением.

Все эти павианы были по природе храбрые животные и не раз обращали в бегство собак; даже жившая у нас ручная львица не внушала им страха. Тем забавнее было видеть непреодолимый страх их пред гадами и пресмыкающимися. Вид самой безвредной ящерицы или лягушки приводил их в ужас и обращал в дикое бегство. Тем не менее они не могли удержаться от жгучего желания взглянуть на страшное животное. Сколько раз я приносил им в жестяных коробках ядовитых змей! Они отлично знали, что заключалось в них, тем не менее постоянно с любопытством заглядывали в коробку, чтобы сейчас же в ужасе отскочить назад.

Одного из этих павианов я привез домой, в Германию, и он своими шалостями доводил, что называется, до белого каления нашу дворовую собаку. Когда та, удобно растянувшись на зеленой траве, предавалась отдыху, Атила,— как звали павиана,—тихонько подкравшись, хватал ее за хвост и вдруг дергал со всей силы. Собака бешено вскакивала и бросалась на врага. Но тот, спокойно выждав приближение противника, перескакивал через него и снова хватал за хвост. Понятно, что собака окончательно выходила из себя, но ничего не помогало, и дело кончалось обыкновенно тем, что, поджав хвост, она убегала с жалобным воем от злорадствовавшего павиана.

Атила любил приемышей; между ними была и мартышка Гассан, о которой я говорил выше, как он обижал маленькую обезьянку, вытаскивая из ее рта пищу. Не довольствуясь, однако, одним любимцем, Атила крал везде, где только мог, щенят и котят и подолгу возился с ними. Однажды такой приемыш—котенок—оцарапал его. Атила внимательно осмотрел лапы любимца и, отыскавши когти, причинившие ему боль, без церемонии откусил их.

Обществом людей он очень дорожил, предпочитая, однако, мужчин женщинам, которым он всячески досаждал. Догадливость его доходила до того, что он умел отворять и затворять двери, открывал шкатунки и обворовывал дочиста, а, живя зимою в хлеву, снимал двери с петель, выпускал коз и свиней и позволял себе другие проказы. Ел он все съедобное, в особенности картофель, и, что удивительно, очень любил табак и табачный дым.

Привязанность его ко мне была безгранична: я мог делать с ним, что хотел, даже, случалось, наказывал его, а он сердился на других, напр., на

присутствовавших в это время в комнате, вероятно, считая их виновниками своего наказания.

Когда Гассан умер, он сильно горевал и я, боясь за его участь, продал его в зверинец, где ему нашлась подходящая компания.

Гамадрил (*Cynocephalus hamadryas*)

Из других представителей рода павианов следует упомянуть еще о гамадриле (*Cynocephalus hamadryas*), живущем в горах Абиссинии и Южной Нубии, поблизости воды и растительности, еще лучше — полей. Эти оригинальные павианы, достигающие в длину до $1\frac{1}{2}$ арш., причем только 8 дюйм. приходится на хвост, украшены длинной мантией, длина волос которой доходит до 10—12 дюймов. Рано утром, в хорошую погоду, стадо гамадрилов медленно и спокойно отправляется вдоль отвесных скал, причем то сорвут растение, корень которого употребляется ими в пищу, то свернут с места камень,

чтобы достать из-под него улиток или насекомых. К вечеру, нагулявшись и вволю насытившись, стадо направляется на ночлег, поблизости какого-нибудь поля.

Однажды мне пришлось увидеть стадо гамадрилов на гребне кряжа, довольно круто спускавшегося в обе стороны. Мне уже издалека бросились в глаза высокие фигуры старых самцов, но я принял их за обломки скал, на которых эти животные так похожи. Но отрывистый, громкий лай, который можно передать звуком «кук», сразу разубедил меня. Павианы повернули ко мне головы. Только детеныши продолжали беззаботно резвиться, да несколько самок не бросали своего любимого занятия—«искания» в шерсти самца. Но вот бывшие с нами борзые собаки с громким лаем бросились вперед. Тогда обезьяны поднялись на ноги, одна за другой двинулись вдоль хребта и скоро исчезли из наших глаз. Однако, обогнув долину, мы снова увидели их на узком карнизе скалы; просто невероятно было, как только они держались. Вспугнутое нашими выстрелами, все стадо принялось мычать, лаять и кричать ужасным образом, затем опять снялось с места. Однако при новом изгибе долины мы еще раз встретили его: павианы только что начали подниматься на противоположные горы. Собаки кинулись на них. Тогда мы увидели редкое зрелище: при виде врагов, старые самцы, уже поднявшиеся было на гору, поспешно спустились вниз и стали громко рычать, разевая свои страшные пасти, сердито колотя руками о землю и кидая на собак такие свирепые взгляды, что наши отважные животные с ужасом отступили. Однако мы успели снова науськать их, но гамадрилы почти все уже поднялись вверх, только один полугодовалый детеныш замешкался что-то. Собаки кинулись к нему; тот с пронзительным криком бросился на обломок скалы. Мы уже думали овладеть им. Но случилось другое. Величественно и гордо, не обращая на нас никакого внимания, один из самых сильных самцов спустился прямо к собакам и навел на тех прямо панический страх своими блестящими глазами, затем подошел к детенышу, обласкал его и, взяв на руки, направился обратно мимо собак,—и те были так сконфужены, что беспрепятственно пропустили его. Этот мужественный подвиг вселил и в нас такое уважение к гамадрилам, что мы не пытались даже разрядить по ним своих ружей.

На следующих охотах мне удалось еще лучше изучить этих обезьян, и не раз я удивлялся их необыкновенной живучести: если не удавалось попасть пулей в голову или грудь, они постоянно убегали; выстрелы же дробью не производили на них никакого действия.

Мандрил (*Сynocephalus monmon*) представляет, без сомнения, безобразнейшую из обезьян, а в старости делается и совсем отвратительным во всех отношениях. Неуклюжее, но сильное тело его, снабженное безобразной головой с страшными зубами, покрыто жесткой шерстью едва ли не всех цветов радуги: верхние части темно-бурого цвета с оливковым оттенком; на

груди—желтые волосы, на брюхе—белые, на боках—бурые; борода—ярко-лимонная; руки и уши—черные, нос и окружающие части лица—ярко-красные; наросты на щеках—василькового цвета с черными бороздками, зад—ярко-красный, а седалищные мозоли—красные и голубые. Старые самцы достигают длины до 1½ арш., хвост—всего 3 см. Родственный **дриль** (*C. leucorhaeus*), немного меньше ростом, покрыт сверху оливково-бурой шерстью, а снизу и по бокам—беловатой. Бакенбарды его желтоватые, лицо—черное, руки и ноги—медно-красные, седалищные мозоли—красные. Оба вида водятся на Гвинейском берегу Африки, но о жизни их мало известно. Рассказывают только, со слов туземцев, что эти обезьяны, не ограничиваясь истреблением хлеба на полях, грабят и деревни, причем будто бы обижают женщин и детей. Туземцы, говорят, боятся мандрилов более льва и не решаются выходить против них по одиночке.

Однако в неволе молоденький мандрил является милым, шаловливым зверьком, одаренным большой живостью, хотя и бесстыдным... Впрочем, все это скоро изменяется, и гнусная натура мандрила проявляется во всей полноте. «Гнев других обезьян,—выражается один англичанин,—сравнительно с яростью мандрила, все равно, что легкий ветерок пред ужасным тропическим ураганом, все уничтожающим на своем пути».

Черный, или **хохлатый павиан** (*Su-porithacus niger*) отличается от прочих собакоголовых коротким хвостом и короткой, широкой, плоской мордой, с хохлом наверху. Все тело его покрыто длинной мягкой шерстью черного цвета. Величина—2 ф. 2 д., а хвост немного больше 1 д. Родина его о. Целебес, где он водится на покрытых лесами горах, на высоте 1300 м, большими стаями; часто приходится слышать

их неприятный крик, похожий на лай собака. С неволею этот павиан свыкается легко и часто забавляет зрителей своими шалостями; по отношению к другим, более мелким животным, он отличается властолюбием и не прочь помучить их, если только те смирны и покорны. Но мартышки, несмотря на свою величину, никогда не поддаются ему, ловко увертываясь от его рук.

Великан между павианами и, так сказать, лев между обезьянами, по крайней мере, по виду это—**гелада абиссинцев** (*C. gelada*), с светло-бурой гривой, спускающейся с головы на спину; на груди—белые и черные полосы. Сходен с ним, но, может быть, составляет отдельный вид—**токуро-зиндшеро**, черного цвета, с ярко-красной грудью.

Пищу гелад составляют луковицы, которые они выкапывают из земли, орхидные, лилии, злаки, а также насекомые, черви и пр. Они нападают также и на поля, но, по уверению абиссинцев, только в отсутствие сторожа. Живут гелады огромными стадами, иногда в несколько сот голов. С живущими в той же Абиссинии другими обезьянами гелады ведут ожесточенные драки.

Гейглин оставил нам прекрасное описание образа жизни гелады—**токуро-зиндшеро**. «Как только,—говорит он,—после холодной ночи, солнце покажется над вершинами гор, гелады эти покидают свои ущелья, где они ночевали; тесно прижавшись друг к другу. Медленно, под руководством старого

самца, поднимаются они на освещенную солнцем площадку и здесь отогреваются, подремывая на ярких лучах солнца. Самцы от скуки зевают, широко раскрывая рот, трут себе глаза и ворчат, когда порыв ветра приведет в беспорядок рыжеватые концы длинной гривы, в которую они прячутся, как в меховой воротник... Но вот общество оживляется, и стадо приходит в движение. По узкому выступу оно спускается в долину, все время внимательно осма-

Мандрил (*Cynocephalus mormon*)

триваясь. Наконец, все на месте. Старшие начинают искать пищу, матери чистят своих детей, а молодежь предается веселым играм... Но вот отрывистый лай караульщиков дает знать об опасности. Мгновенно все стадо группируется около своего предводителя; матери заботливо приближаются к своим детенышам,—и все общество не спеша направляется куда-нибудь на неприступную скалу, время от времени оглядываясь назад. Я пробовал было травить их собаками; те легко догоняли обезьян, но в драку вступать не решались, когда павианы принимали угрожающий вид, скаля свои страшные зубы... Часа в

4 пополудни они спускаются к водопою и здесь подходят к домашним животным и даже людям на несколько шагов. С наступлением темноты гелады обратно идут к ночлегу. Главные их враги — орлы, ягнятники и леопарды...»

Гораздо красивее — **силен** (*C. silenus*), бородатая обезьяна с львиным хвостом. Длинная шерсть на верхней части тела — блестящего черного цвета, борода — белая; длина с хвостом — аршина $1\frac{1}{2}$. Водится она на о. Цейлон и на Малабарском берегу Индии, но об образе жизни ее мало известно. Силен питается почками и листьями и приносит большой вред садам, но малабарцы очень любят его за серьезный нрав и понятливость. «Белобородая обезьяна, — говорит Гейдт, — очень похожа на старого индейца с большой седой бородой. Живет она в лесах и отличается от других обезьян веселым нравом. Она может употреблять даже стеклянную посуду, не разбивая ее, хорошо знает, когда провинилась, причем выказывает жестами свое сожаление, а когда ее бьют, у ней показываются слезы на глазах».

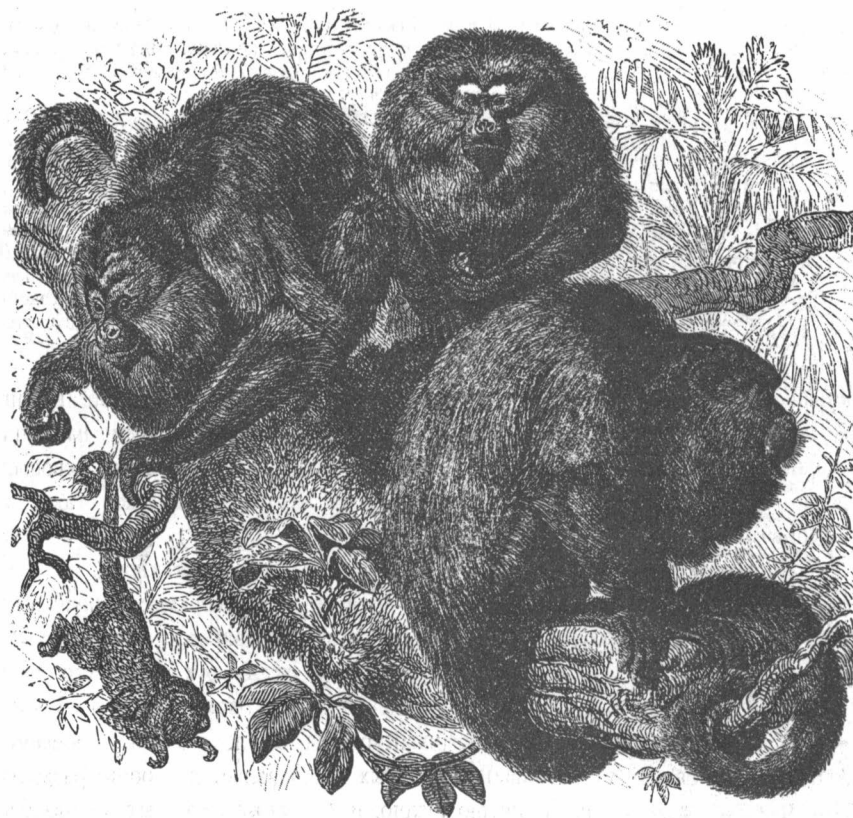
Другой писатель уверяет, что в присутствии силенна другие обезьяны ведут себя прилично, сознавая его превосходство над собой. По моему мнению, он также производит впечатление расудительного существа, полного чувства собственного достоинства. Действия его рассчитаны, движения обдуманы. Большею частью он сидит, погруженный в раздумье, хотя его возбужденный взгляд ясно показывает, что он замечает все кругом. По натуре — силен, добродушен, зато в редкие минуты гнева делается страшным: глаза его, обыкновенно спокойные, сверкают тогда необыкновенным блеском, лицо принимает злобное выражение, и вся фигура говорит, что он вот-вот кинется в схватку. Но обыкновенно это — очень спокойная обезьяна, и потому в обезьяньем театре ее заставляют играть роль почтенного старца, роль, которая вполне подходит к нему.

Семейство **широконосых**, или **обезьян Нового Света** (*Platyrrhini*) резко отличается от рассмотренных нами животных уже по внешнему виду. Тело их худощаво и снабжено в большинстве случаев цепким хвостом; большой палец передних конечностей не может быть противопоставлен другим пальцам, как этот же палец на задних конечностях; ногти — плоские; вместо 32 зубов — 36; ни защечных мешков, ни седалищных мозолей нет; морда не выдающаяся; носовая перемычка широкая; окраска шерсти никогда не бывает так пестра, как у обезьян Старого Света. По характеру широконосые обезьяны также отличаются от узконосых: они ленивее, скучнее и тупоумнее, хотя в то же время добродушнее и безвреднее. Отечество их — Южная Америка, начиная с 29° сев. ш. до 25° южн. ш. Широконосые делятся на 2 подсемейства: 1) цепкохвостые (*Cebidae*), у которых хвост является хорошо развитым хватательным органом, как бы пятою рукою, и 2) мягкохвостые (*Rithecidae*), снабженные слабодействующим, мягким, пушистым хвостом. К первому подсемейству принадлежат роды: ревуны (*Mycetes*), цепкие (*Ateles*), сапажу (*Cebus*); во втором подсемействе рассмотрим роды: лисьехвостые, или саки (*Pithecia*), прыгуны (*Callithrix*), саймиры (*Chrisotrix*) и ночные (*Nyctipithecus*).

На первом месте среди всех цепкохвостых следует поставить **ревунов** (*Mycetes*). Это обыкновенно плотные, с высокой, пирамидальной головой и выдающейся мордой небольшие обезьяны, покрытые густой шерстью, которая, удлиняясь на подбородке, принимает форму бороды. Типическим признаком их служит также пузыревидно-вздутая подъязычная кость и длинный цепкий хвост. Лю-

бимым их местопребыванием являются пусты, высокие и сырые леса Южной Америки.

Ревунов два вида. **Акуат**, или **рыжий реву** (*M. seniculus*) отличается рыжевато-бурою шерстью, имеющей посреди спины золотисто-желтый цвет; волосы короткие, жесткие, без подшерстка. Длиною он—4 фута 5 д., из которых около половины приходится на долю хвоста; самка меньше ростом и тем-

Черные ревуны (*Mycetes niger*)

нее. Другой вид, **карайя**, или **черный реву** (*M. niger*), покрыт черной и более длинною шерстью; только у самки она желтовата на брюхе. Величина почти та же. Первый вид распространен по всей восточной половине Ю. Америки, второй—преимущественно в Парагвае.

Оба вида недаром получили название ревунов. «По приезде моем,—говорит Шомбургке,—мне часто приходилось слышать при восходе и закате солнца ужасный рев этих животных, доносившийся из дремучего леса. Однако выследить их долго не удавалось. Наконец, однажды утром, после продолжи-

тельных поисков, я наткнулся на целое общество их. Оно сидело на высоком дереве и задавало такой ужасный концерт, что издали казалось, будто все лесные звери вступили тут в смертельный бой: звуки напоминали то хрюканье свиньи, то рев ягуара, бросающегося на добычу, то страшное рычание этого хищника, когда он чует врагов. Впрочем, это страшное общество способно было вызвать и улыбку у самого мрачного ипохондрика, если бы он видел, с каким серьезным выражением бородатые пемуны смотрели друг на друга. Мне передавали, что у каждого стада есть свой запевала, который отличается от всего хора, состоящего из одних басов, своим высоким, пронзительным голосом...»

Жизнь ревунов—довольно однообразна. Днем они рассаживаются по высоким деревьям, на ночь же спускаются на более низкие деревья и, спрятавшись в их густой листве, предаются сну. Даже во время процесса питания движения их ленивы: медленно перелезают они с ветки на ветку, неторопливо срывая листья и почки и еще неторопливее поднося их ко рту, а насытившись, усаживаются, скорчившись на каком-нибудь суку, точно дремлющие дряхлые старики. Что делает один, то в точности повторяют и остальные. «Поистине удивительно,—говорит А. Гумбольдт,—до чего однообразны движения этих обезьян: каждый раз, когда нужно перейти на другое дерево, самец, идущий во главе стада, вешается за хвост и, повиснув таким образом на ветке, раскачивается до тех пор, пока не ухватится за ближайшую ветку соседнего дерева,—и все стадо в точности и в том же месте проделывает такие же движения».

Что замечательно у этих животных, так это их цепкий хвост, на котором они могут свободно висеть целыми часами, даже мертвые. Ревун пользуется этой «пятой рукой» при каждом движении: двигаясь вперед по какой-нибудь ветви, он до тех пор не выпускает ее из рук, пока его хвост не нащупает надежной точки опоры и не обовьется вокруг нее 2—3 раза. Слезая с дерева, он также держится хвостом за ветку, которую собирается покинуть, пока не найдет руками новой точки опоры, а, влезая на дерево, держится хвостом за нижнюю ветку, пока руками и ногами не ухватится за верхнюю. По-видимому—хвост у него сильнее рук.

Привыкнув к лазанью по деревьям, ревуны редко спускаются на землю и то только тогда, когда им нельзя напиться, свесившись с дерева. Воды они страшно боятся и плавать не умеют.

Любимое их занятие—концерты. «Вот стадо избрало себе исполинскую смоковницу,—рассказывает Гумбольдт,—густая листва ее защищает ревунов от солнца, а мощные горизонтальные ветви как нельзя лучше приспособлены для прогулок. Глава семьи избирает себе одну из ветвей, прочие располагаются поблизости,—и он, поджав хвост, начинает медленно, с важностью прогуливаться взад и вперед. Вскоре начинается его рев, сначала тихий, отрывистый,

словно певец пробует силу своих легких; затем понемногу звуки растут, усиливаются и, наконец, сливаются в непрерывный рев. В это мгновение остальные, до сих пор бывшие молчаливыми слушателями, с воодушевлением подхватывают, присоединяя свои голоса к голосу запевалы,—и в тихом лесу около 10 секунд слышится ужасный концерт. Затем постепенно все затихают, оканчивая рев такими же отрывистыми звуками, какими начали, только не так продолжительными».

О **рыжем реву**не, населяющем леса Гвианы, Капплер говорит: «Он живет небольшими стадами, состоящими не более как из 10 штук, среди которых находится вожак, старый самец, управляющий отвратительным концертом. Каждый раз, когда мне случалось близко наблюдать этих животных, на вершине дерева оказывался вожак. Время от времени он испускал ужасно хриплый крик вроде «роху! роху!» и, повторив его 5—6 раз, поднимал неимоверно громкий рев, к которому присоединялись и остальные ревуны. Рев был такой, что можно было опасаться оглохнуть... Трудно объяснить, что заставляет ревуна кричать. В колониях думают, что он ревет при наступлении прилива, но это предположение ошибочно, так как обезьяны эти кричат во всякое время дня. Весьма вероятно, что причиной рева являются какие-нибудь особенные явления в атмосфере... Ревун ленив и угрюм; он прыгает только тогда, когда его преследуют, обыкновенно же лазает медленно. Будучи пойман молодым, он скоро привыкает к человеку и домашним животным, но угрюмость не покидает его. Если человек, к которому он привязан, на время удалится от него, он начинает издавать хриплые звуки, в высшей степени неприятные. Неприятен также и запах, который имеют ревуны и по которому легко узнать в лесу о близости их».

Ленивый, неповоротливый ревуны не любит без нужды покидать приютившее его дерево и потому совсем не грабит плантации или бахчей. Напротив, он сам служит предметом охоты, так как и мех его в большом ходу в Америке, и мясо считается очень вкусным даже европейцами, не только индейцами.

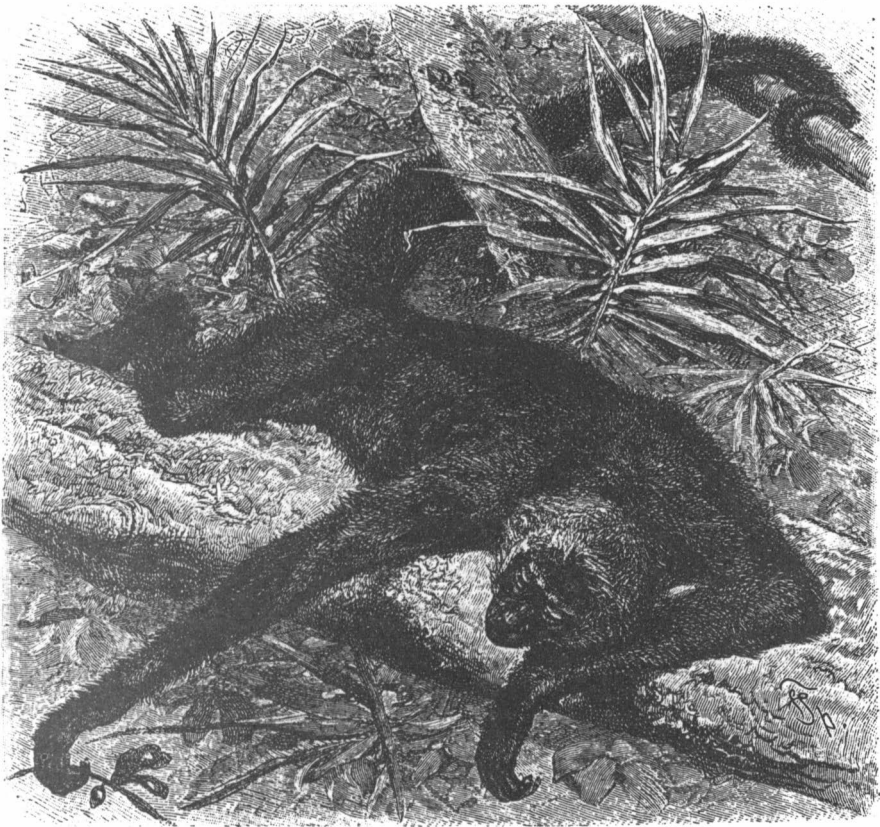
Самка ревуны мечет в год по одному детенышу (от конца мая до начала августа), который, как и у обезьян Старого Света, первые недели висит на брюхе матери, уцепившись за нее руками и ногами, потом переходит на спину. Это—такое же скучное создание, как и взрослый ревуны, только, благодаря большой выдающейся гортани, пожалуй, еще безобразнее. Тем не менее мать любит этого уродца и даже, будучи смертельно ранена, не покидает его; впрочем, индейцы уверяют, что она довольно равнодушна к нему.

Другой род, *Ateles*—**цепкие обезьяны** справедливо получили за свою оригинальную фигуру название паукообразных. Действительно, голова у них маленькая, конечности необычайно длинные, тело худое, лицо безбородое. Отечеством их служит Южная Америка до 25° ю. ш., а местопребыванием—вершины

самых высоких деревьев; живут стадами в 10—12 штук, иногда же—парами. Виды их мало отличаются друг от друга.

В Гвиане живут два вида: коата (*Ateles paniscus*) и маримонда, или ару (*A. beelzebuth*). Первый—наиболее крупный представитель своего рода, до 4 ф. 5 д., из обезьян заменяет чамек (*A. pentadactylus*), около 2 ф. длины, с 2 фут. хвостом.

иногда—беловато-серо-желтого цвета. Но самая красивая из всего рода, бесспорно, золотолобая обезьяна (*A. Bartlettii*), открытая младшим Бартлетом в Перу и названная в честь его. Густой длинный и мягкий мех ее наверху—черный, на нижней

Чамек (*Ateles pentadactylus*)

Покрыт длинной черной шерстью и вместо большого пальца имеет короткий отросток. В Бразилии же представителем паукообразных обезьян является мирикки (*A. huronanthus*), немного больше ростом чамека, покрыт густой, волнистой шерстью чалаго, которых более половины приходится на хвост. Покрыт грубой черной, слегка рыжеватой шерстью. Нрава добродушного.

В Квито, Панаме и Перу вышеназванный

части тела—буровато-желтый; на лбу—золотисто-желтая полоса, бакенбарды—белые; нижняя сторона тела и хвоста, внутренняя поверхностей и наружная сторона голени задних ног—буровато-желтые, немного светлее, нежели полоска на лбу, и местами испещрены отдельными черными полосами. Все голые части лица и рук—черно-бурые. Что же касается размеров тела, то, по-видимому, они близки к размерам тела других видов того же рода.

С жизнью цепкохвостых обезьян на свободе нас познакомили Гумбольдт, Макс-Вид и Шомбург. В Гвиане они встречаются лишь в низко лежащих лесах, небольшими стадами в 6 штук. Они отлично лазают по деревьям, причем им много помогает хвост; иногда случается видеть целое общество их, свесившееся на хвостах. На ровном месте—походка их неровная, колеблющаяся; они как бы хромают. Находя вдоволь пищи в девственных местах, эти обезьяны не наносят ущерба полям, тем не менее их усердно преследуют частью из-за шкуры, частью из-за мяса. Тихий, по сравнению с ревунами, но все же довольно громкий голос выдает охотникам присутствие обезьян, которые, заметив своего врага, обращаются в бегство, с боязливой поспешностью протягивая вперед длинные конечности, хватаясь за ветки хвостом и таким образом быстро передвигаясь.

Коата, по словам Каплера, встречается только на возвышенных местах. Почти голое, узкое, красноватое лицо ее очень похоже на лицо старой индианки... Деятельным орудием хватания является у нее хвост, которым она пользуется, как рукой, и опирается на него при ходьбе и лазании. На деревьях часто нельзя различить, где у нее ноги, где хвост; этих животных совершенно правильно прозвали паукообразными, так как они, вися между ветвями, очень похожи на громадных пауков. Питается коата исключительно растениями и никогда не ест насекомых. В неволе она быстро становится ручной, но менее забавна, чем капуцины. При этом замечено, что она, подобно гиббонам, пьет воду, черпая рукой.

Штейнен, описывая одно индийское поселение, говорит: «Часть скалы была занята шумным стадом животных. Коаты, большие черные обезьяны, с возрастающим беспокойством наблюдали за чужестранцами: с быстротой молнии бросилась одна из них на крышу дома, становилась на задние конечности, подняв хвост в виде вопросительного знака до самой головы, держа на плече толстую дубину, и протестовала, горячо размахивая другой рукой, ворчанием, быстрым шелканьем зубов, угрожающим лаем и гоготаньем против необычайного посещения,—она не знала, как лучше выразить свое неудовольствие по случаю нашей дерзости». Эту обезьяну купили, назвав Юруна, и она сопровождала экспедицию в дальнейшем плавании по реке. «Моя Юруна,—продолжает Штейнен,—посмирела от умеренного употребления плетки. Она сидит на привязи на краю лодки, ухватившись за что-нибудь хвостом и делая вид, что гребет. Довольно долго она с силой размахивает по воздуху обеими руками с самым деловым видом, то прижимая к груди воображаемые весла, то снова занося их. Если я мешаю ей, она с удивлением поворачивается ко мне своим старообразным лицом и, оскалив зубы, одним прыжком переносится на другой край лодки, где и продолжает прежнее занятие. По временам она нагибается к реке и черпает воду рукою». Однако за Юруной недолго пришлось наблюдать: она развязала веревку и убежала.

Вместо нее была куплена у индейцев другая коата, Суя, как прозвали ее, всего 2-х месяцев. Это был страшный черный чертенок, на морщинистом, старческом лице которого виднелись огромные усы и самые наглые обезьяньи глаза. Она тоже пьет воду, черпая ее рукою; лазает, прыгает без усталости по тенту, а по вечерам ужасно кричит, если я не возьму ее к себе в гамак.

Один английский моряк привлекательно описывает бывшую у него коату, по названию Салли, кроткое веселое животное и, в противоположность другим обезьянам, глубоко честное. «Салли,—говорит он,—никогда ничего не похищала, кроме разве какого-нибудь плода или куска пирожного. Ела она, как благовоспитанное существо, и никогда ничего не брала с чужих тарелок за общим столом. Пищу ее составляли, главным образом, растительные вещества, плоды и белый хлеб, но по временам ее угощали и курицей.

Однажды офицеры корабля обильно накормили Салли миндалем, изюмом, разными фруктами и маринованными оливками. Обезьяну стала мучить после этого сильная жажда. Когда стали разносить водку с водой, Салли сунула морду в один из бокалов и почти опорожнила его, к большому удовольствию офицеров. Бедная обезьяна сильно страдала после этого целую ночь и потом не могла выносить и запаха водки. Даже сохранные в водке вишни, составлявшие раньше для нее лакомство, теперь опротивели ей.

Холод она переносила хорошо, по-видимому, хотя и чувствовала озноб, особенно, когда корабль оказался вблизи берегов Ньюфаундленда. Однако и тут она нашла себе хорошее место. На корабле была выстроена для двух ньюфаундлендов конура, устланная соломой,—и вот Салли, заползши сюда, укладывалась тут, дружелюбно обняв руками обеих собак. Последние сделались ее лучшими любимцами».

Наконец, к цепкохвостым относятся и **мохнатые обезьяны** (*Logothrix*), названные так по своему меху, мягкому и волнистому. Они обитают в Перу, по берегам Америки и Ориноко. Голова у них большая, круглая, с маленькими ушами; ноги и руки — пятипалые. Эти обезьяны добродушны, питаются плодами и издают негромкий глухой вой. Из мохнатых известен пока один вид — **барригудо**, или **аспидная обезьяна** (*Logothrix Humboldtii*), по величине почти равная реву. Мягкие волосы удлинены на хвосте, бедрах, плечах и брюхе, а на груди образуют настоящую гриву. Общий цвет — аспидно-черный, отчего обезьяна и получила свое название.

«Если общество этих обезьян,—говорит известный путешественник Чуди,—избрало себе место для отдыха, то сейчас же раздается их однообразный, полуподавленный, глухой вой, который, однако, не так неприятен и надоедлив, как крик ревунов. Большая часть обезьян удобно рассаживается

по ветвям, греясь на солнце, другие срывают плоды, третьи — играют и ссорятся. Вообще, по нашим наблюдениям, характер этих обезьян далеко не такой мирный, как описывает Гумбольдт; напротив, мы нашли, что они более злы, дерзки и бесстыдны, чем все другие виды американских обезьян. Часто они так нахальны, что далеко преследуют индейцев, проносивших плоды со своих плантаций, и нередко бросают в них ветками и плодами, так что тем приходится защищаться камнями. Лазает барригудо медленнее, чем коата, и, повиснув на хвосте, долго раскачивается прежде, чем попадет на другую ветку. Подстреленный, он судорожно хватается хвостом за ветку и, бывало, уже мертвый висит на ней целыми днями. На земле барригудо не пытается бежать, а, прислонившись к стволу дерева, яростно защищается зубами и руками. Очень часто при этом обезьяна издает резкий крик, на который сбегаются на помощь другие обезьяны. Но скоро слышится

другой крик, короткий и более глухой, крик агонии — и все стадо, идущее на помощь, бросается в поспешное бегство. Мясо барригудо имеет неприятный вкус, но индейцам, по-видимому, очень нравится).

«В неволе,—прибавляет Бэтс («Натуралист на Ла-Плате»),—аспидная обезьяна отличается серьезным нравом; она кротка и доверчива, как вообще все цепкохвостые. Благодаря этим качествам ее охотно покупают любители животных; ей недостает, однако, живучести настоящих цепкохвостых, и она редко выдерживает путешествие вниз по реке до Пары». Еще реже попадает барригудо в Европу: тем более я был обрадован, увидев его живым.

«Мне никогда не приходилось видеть более привлекательной обезьяны среди всех цепкохвостых. Когда я вошел к ней в клетку, она осторожно подошла ко мне, вопросительно

поглядывая и как бы желая знать, что я за человек, затем полезла ко мне на руки и, положив голову на грудь ко мне, с видимым удовольствием позволила себя ласкать... Все привлекательные стороны цепких обезьян, их привязчивость и покорность проявлялись и у нее, но в большей степени. К жившим вместе с нею мартышкам и сапажу она относилась благожелательно и благодушно сносила их выходки, но относилась к ним, как к существам низшим: во мне же, человеке, видела существо высшее и стала играть роль избалованного ребенка... Движения ее были серьезны, обдуманно и размеренны...» К пище барригудо не особенно требователен и добродушно смотрит, как нахальные соседи воруют у него; по-видимому, эта миролюбивая обезьяна несколько даже не сердится на своих жадных товарищей.

Четвертый род цепкохвостых обезьян — **сапажу** (*Cebus*), отличаются тем, что хвост у них, хотя и может обвиваться вокруг древесных ветвей, но не служит органом хватания; кроме того, он со всех сторон покрыт волосами, тогда как у ревунов он обнажен на конце с нижней стороны. Сапажу — довольно пропорциональны; теменная часть их головы округлена; руки — средней длины; мех — густой и короткий.

По характеру — это настоящие мартышки Нового Света, живые, шаловливые, любопытные и капризные. Голос их, довольно плаксивый, обыкновенно, при малейшем возбуждении, превращается в отвратительный визг. Живут они на деревьях в Бразилии, где соединяются в многочисленные общества. Из американских обезьян это — наиболее обычное у нас, в Европе, в зверинцах, животное, особенно один вид — капуцин, или кайя («обитатель леса»), — на языке индейцев-гуаранов).

Капуцина (*C. sarucinus*) следует считать наиболее крупным представителем из всех сапажу, так как длина тела доходит до 1 ф. 6 дюйм., а хвост — до 1 ф. 2 д. Отличительный признак его — голый уже с ранней молодости, морщинистый лоб светлого мясного цвета; мех вообще темно-бурый, но бакенбарды, горло, грудь и брюхо — светло-бурые. Капуцин водится на деревьях, небольшими семьями в 7—10 членов; наблюдать его трудно, так как он пуглив и робок.

«Однажды,— рассказывает Ренггер,— мое внимание привлекли приятные тоны, похожие на звуки флейты, и я увидел старого самца, который, пугливо озираясь, приближался на вершину деревьев, в сопровождении дюжины других обезьян, из которых три самки тащили на спине или под мышкой детенышей. Вдруг одна из обезьян, заметив вблизи померанцевое дерево со зрелыми плодами, издала несколько звуков и перепрыгнула на него. За ней последовали и остальные, и все стадо занялось срыванием и поеданием сладких плодов. Обыкновенно

каждая садилась на ветку, обвив ее хвостом, клала померанец между ногами и старалась пальцами отделить кожицу. Если это не сразу удавалось, то обезьяна с недовольным видом и ворча колотила плодом по дереву, пока не лопалась кожица; затем, содрав последнюю, она жадно подлизывала стекающий сок, а потом съедала и мякоть. Более взрослые старались при этом отнять добычу у более слабых, и дело доходило до потасовки. Некоторые, поднимая засохшую кору дерева, искали там насекомых».

Фавн (*Cebus fatuellus*) и Капуцины (*C. capucinus*)

Самки заботливо ухаживают за своими детенышами, отыскивают у них насекомых, наблюдают за ними, ограждают от нападения других обезьян и пр.

Эта обезьяна очень чувствительна к холоду и сырости, и потому привезенные в более северные страны, часто заболевают чахоткой, а также подвержены насморку и кашлю. Воды она не любит и плавать не умеет.

Звуки, издаваемые ею, довольно разнообразны: от скуки она издает звук, похожий на звук флейты; при требовании чего-нибудь стонет, в удивлении и смущении издает полусвистящие тоны, а в гневе несколько раз кричит грубым и глубоким голосом: «ху, ху!» В страхе или от боли она пищит, при радостном же возбуждении — хихикает. Наконец, она может даже смеяться, правда без звука, и плакать, но слезы ее только наполняют глаза, а не текут по щекам.

Взятый молодым, капуцин скоро привыкает к своему хозяину, охотно играет с ним, при свидании обнаруживает бурную радость, словом, становится полудомашним животным. Бывает также, что капуцины привязываются и к домашним животным, если воспитываются вместе с ними. Так, в Парагвае их нередко воспитывают вместе со щенками, которые служат им верховыми лошадьми,— и обезьяна всегда защищает и любит своего щенка.

Близка к капуцину живущая в Коста-Рике **белоплечая обезьяна** (*C. huroleucus*), у которой передняя сторона головы и туловища покрыта белой или бело-желтой шерстью. Далее известны: 1) **чалая обезьяна** (*C. olivaceus*) из Гвианы, несколько большого роста. Лицо и лоб ее покрыты густыми длинными волосами; тело— бледно-оливково-бурого цвета разных оттенков, и 2) **белобородая обезьяна** (*C. leucogenus*) из Бразилии, с хохлом над бровями и длинным шелковисто-черным мехом; бакенбарды— светло-желтые. Но вообще эти виды **сапажу** еще не твердо установлены.

Более резко выражены отличия в двух следующих видах— **апелле** и **фавне**.

Апелла, или **бурая крючкохвостка**, также **белый сапажу** (*C. apella*), живет в Гвиане и отличается коротким и толстым туловищем и конечностями; окраска шерсти так разнообразна, что не поддается описанию. Но вообще цвет ее темно-бурый, переходящий в черный. На лице эта шерсть образует пушистую бороду. Величиной эта обезьяна с капуцина.

Белый сапажу очень пуглив и по малейшему поводу поспешно обращается в бегство. Голос у него своеобразный, похожий на звук флейты. Питается он плодами, яйцами птиц и, вероятно, птенцами; листьев и насекомых не ест. В неволе быстро ручнеет. Наблюдения за свободной жизнью этих обезьян представляют много интересного.

«Притаившись за деревом,— пишет Шомбургк,— мы поджидали стадо обезьян. Перед нами скоро появился передовой отряд, за ним— главные силы, а там и аррьергард. Но тут я не выдержал и разразился хохотом, обратившим все стадо в отчаянное бегство. Да и кто не рассмеялся бы, видя этих проворных животных, торпливо перебегавших с ветки на ветку, слыша визг, пение и свист младших членов стада и подмечая злобные взгляды, какие они кидали на старших, кусавших и бивших

их, как только они мешали тем идти; наблюдая не по летам умные взгляды детенышей, буквально приклеенных к спинам матерей?! Гримасничая и ворча, мимо меня быстро пробежало уже 400—500 апелл, как я расхохотался. Тогда, как бы пораженные громом, обезьяны на мгновение остановились, пристально взглянули на нас и, наконец, с пронзительными криками в несколько прыжков буквально пронеслись над нами».

При этом путешественнику привелось быть свидетелем трогательной сцены; как одна самка бросилась к покинутому в суматохе детенышу и, несмотря на выстрелы, пыталась убежать с ним. Самоотверженная мать была застрелена.

За свою кротость и добродушие апелла пользуется любовью гвианских туземцев, и они часто приручают ее, иногда доставая еще слабыми детенышами и отдавая на выкормку своим женщинам. Часто привозится эта обезьянка и к нам, в Европу, где появляется не только в зверинцах, но и со странствующими шарманщиками. Невольно она переносит хорошо, но не очень приятно: довольно угрюма, неопрятна и часто визжит.

Фави, **мико**, или **рогатая крючкохвостка**, **рогатый сапажу** (*C. fatuellus*) водится в восточных областях Бразилии. Размером она с капуцина, а, по словам принца Вида, с большого кота. Характерен для нее двойной хохол (в 4 ст.) черных глянцевитых волос на голове; шерсть на спине— черная, переходящая на других частях тела в бурую. По словам Гензеля, это— самое быстрое и умное из всех созданий Южно-Бразильских лесов. Они живут большими стадами в 30—40 штук, которые занимаются грабежом массовых полей. Но, воруя, эти обезьяны постоянно держатся настороже и, чуть что, сейчас обращаются в бегство. В Бразилии охотятся за фавнами из-за их мяса, которое считается у индейцев лакомым блюдом. Охотники подманивают обезьян, подражая их свисту.

Второе подсемейство обезьян Нового Света носит название **мягкохвостых** (*Pitheciidae*); сюда относятся небольшие обезьяны с мягкими, пушистыми, не цепкими, к концу утончающимися хвостами. Этот признак особенно

резко выражен у **лисьехвостых обезьян**, или **саки** (*Pithecia*), неуклюжих, коренастых созданий с более или менее длинной бородой. Отличительным признаком от прочих американских обезьян служит еще устройство зубов: очень большие трехгранные клыки отделены промежутком от тесно сидящих, остроконечных и наклонных вперед резцов. Немногочисленные виды саки живут в северной части Южной Америки, в сухих и высоких лесах. По Чуди, это—ночные животные, начинающие свою деятельность с закатом солнца, но Шомбургк не соглашается с этим. По его мнению, саки—вовсе не ночные животные. «Везде, где по берегам растет густой лес,—говорит он,—я встречал целые стада миловидных саки. Длинные волосы, разделенные пробором, пышная борода и бакенбарды, пушистый, похожий на лисий, хвост, умный взгляд—придают этим зверькам чрезвычайно приятный и вместе комичный вид... Я застрелил было самца и самку, но вскоре почти раскаялся в своем выстреле, когда услышал жалобный, за душу хватающий крик раненого самца. Этот жалобный крик похож на стон страдающего ребенка».

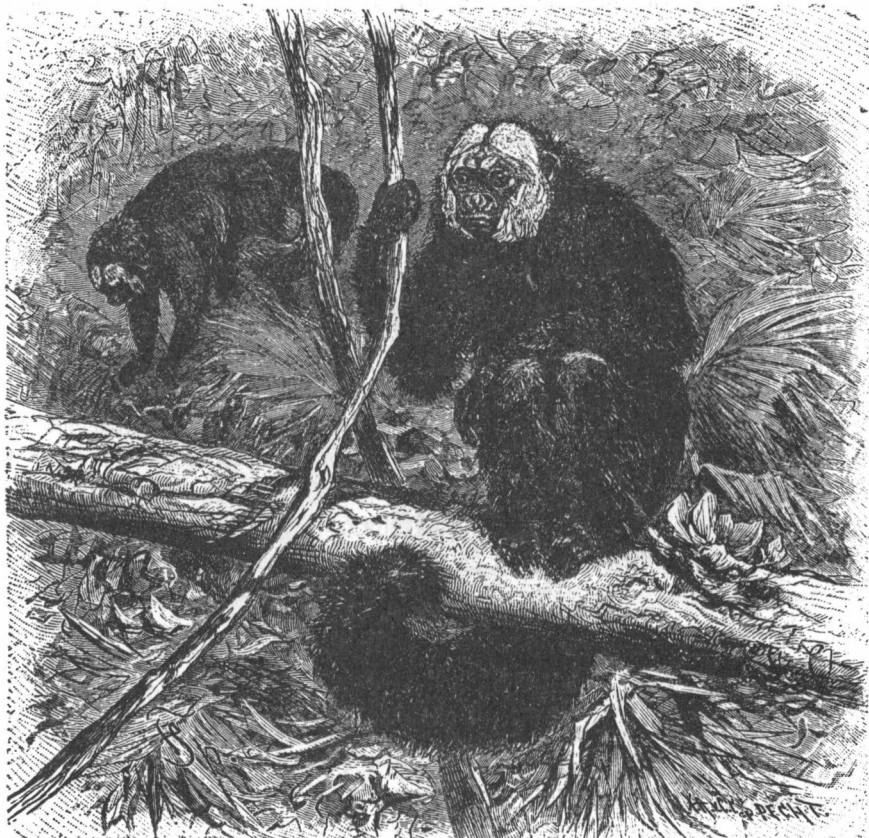
В больших лесах верховьев Амазонки и Ориноко водится преимущественно самый обыкновенный вид этого рода, **жидовский**, или **чертов саки** (*P. Satanus*), **куксио** индейцев, величиною в 55 см и таким же хвостом. Черная шерсть его всегда тщательно расчесана. «Ни один щеголь в мире не мог бы держать своих волос в большем порядке, чем это красивое животное!»—говорит Капплер. Хотя, по уверению Гумбольдта, чертов саки дик и раздражителен, но находится в подчинении у цепкохвостых родичей, часто сгоняющих его с деревьев. Отличительный признак этого саки—густая, длинная черная борода.

Другой вид—**белоголовый саки** (*P. leucoserphala*) водится неподалеку от Амазонки и в Гвиане по кустарникам. Он также черного цвета, но передняя часть головы и бакенбарды—светлые. Кроме того, лицо окаймлено ржаво-красными волосами. Они встречаются обществами в 6—10 шт. и кажутся на вид довольно ленивы. Питаются, по словам Лаборда, ягодами, плодами и медом.

В неволе эти виды злы и раздражительны, так что их мало держат. Гораздо добродушнее—**мохнатый саки** (*P. hirsuta*), достигающий почти 1½ арш. длины, половина которой приходится на хвост. мех его, похожий на мех медведя,—черный с серыми крапинками, а на голове—орехового, на груди—красно-бурого оттенка. Мохнатые саки, живущие в лесах Бразилии между Амазонкой и Рио Негро, собираются большими стаями. Они очень пугливы и осторожны. В неволе сильно привязываются к своему хозяину. «У одного моего знакомого,—гово-

рит Бэтс,—жил такой саки; мне не случилось видеть обезьяны, более привязанной к своему хозяину, чем это миловидное, трусливое и молчаливое создание. Легко допустить, что страстный и живой капуцин по своему уму и понятливости, а апелла по своей игривости и чувствительности стоят выше всех обезьян Нового Света, но задумчивый и печальный саки превосходит всех своей привязанностью к человеку. Впрочем, у него не было недостатка и в сообразительности. Однажды утром хозяйин ее вышел из дому, не взяв ее с собой против обыкновения. Она, соскучившись по нему, направилась прямо ко мне, так как знала, что он часто бывал у меня, но пошла не по улице, а кратчайшим путем. Однако, не найдя хозяина у меня, обезьяна с выражением разочарования села ко мне на стол и стала терпеливо поджидать своего господина. Тот скоро пришел, и сияющая обезьяна взобралась на свое обычное место (на его плечи)».

К близким родичам только что указанных животных нужно отнести и **короткохвостых обезьян** (*Brachyurus*), у которых короткий, как бы обрубленный хвост и негустые бакенбарды. Туловище их приземисто; пальцы конечностей вооружены узкими, длинными ногтями; толстая морда окружена отдельными пучками щетинистых волос. Водятся они также на севере Южной Америки, но образ их жизни мало известен. Мы знаем только, что они живут

Белоголовая обезьяна (*Pithecia leucoccephala*)

небольшими стаями по берегам рек и во время своего странствования издают неприятные звуки. Гумбольдт первый описал обезьяну, носящую у туземцев разные названия, напр., *какайяо* и др. (*B. melanoccephalus*). Она немного больше 2 фут. длины, из которой $\frac{1}{2}$ фута составляет хвост. Несколько косматая шерсть ее блестящего светло-коричневого цвета.

Другой вид — **краснолицый сакси**, или **уакари** туземцев (*W. calvus*) отличается от него еще более коротким хвостом, более

длинной шерстью на спине и более светлой окраской шерсти. Лицо — ярко-красное с желтыми бровями и красновато-желтыми

глазами. Уакари живут небольшими группами в лесах, залитых водой; движения их быстры и ловки, хотя они никогда не перепрыгивают, а предпочитают перебежать по веткам. Индейцы ловят их, стреляя в них стрелами, слабо отравленными ядом кураре. Когда раненое животное упадет без чувств, они приводят его в себя, дав ему шепотку соли, как противоядие. Но взрослые уакари, пойманные таким образом, навсегда остаются угрюмыми и грустными и отвергают всякую ласку. Неволю переносят плохо, так что даже в Рио-Жанейро редко удается довести их живыми. Более жизнеспособны и веселы обезьянки, пойманные очень молодыми.

Более привязчивы, кротки и доверчивы

прыгуны (*Callithrix*), стройные обезьянки с тонкими конечностями и тонким мягким хвостом, круглой головой с безбородым лицом, живыми глазами и большими ушами. Они живут небольшими стадами в тихих лесах Ю. Америки и отличаются сильным, звучным голосом. Их преследуют ради вкусного мяса.

Благодаря наблюдениям принца Вуда и А. Гумбольдта, нам известны два вида этих обезьян — **Сагассу** (*C. personata*) и **вдовушка** (*C. lugens*). Первая покрыта большей частью бледно-серовато-бурыми шерстью, переходящей на голове в черно-бурую, у второй — шерсть блестящая черная, лицо беловато-голубое. Оба вида представляются большой редкостью в наших зоологических садах.

В качестве переходной ступени между цепкохвостыми и мягкохвостыми можно назвать **саймири** (*Chrysotrrix*), стройные созданыца с тонкими конечностями, большой продолговатой головой, высоким лбом, большими глазами и большими ушами. Шерсть — жидкая. Из видов саймири наиболее известен **саймири — мертвая голова** (*C. sciurea*), миловидная обезьянка в 1 фут длины, с хвостом фута в $1\frac{1}{2}$, с черной, иногда серой мягкой шерстью, грациозная и веселая. Родина ее — Гвиана, где она водится большими стадами по берегам рек, иногда вместе с капуцинами. Несмотря на свое страшное название, саймири — очень пуглива; лазает и прыгает превосходно. В минуты испуга на ее глазах показываются слезы. «Если, — говорит Гумбольдт, — выставить клетку с несколькими саймири на дождь и при этом температура упадет на 2—3°, они обвивают друг другу шею хвостами и сплетаются руками и ногами, чтобы взаимно согреться. Индейцы рассказывают, что в лесах нередко можно встретить целую кучу в 10—12 таких обезьян, которые отчаянно кричат, так как каждая, находящаяся с наружной стороны клубка, старается проникнуть в ее центр, где теплее». В неволе саймири жалуется и визжит по самому незначительному поводу, но в общем — довольно доброго нрава; если поймать его молодым, он быстро становится ручным и тогда забавляет хозяина своей резвостью.

Наконец, последний и, пожалуй, самый оригинальный род обезьян Нового Света, семейства широконосых, представляет **ночная обезьяна** (*Nyctipithecus*), образующая переход от собственно обезьян к точно таким же ночным и во многих отношениях сходным с ней полуобезьянам, или лемурам. У нее маленькая голова с совиными глазами, рыльце широкое, отверстия ноздрей обращены вниз, уши маленькие. Длинное тело покрыто мягкими волосами, пушистый хвост длиннее тела.

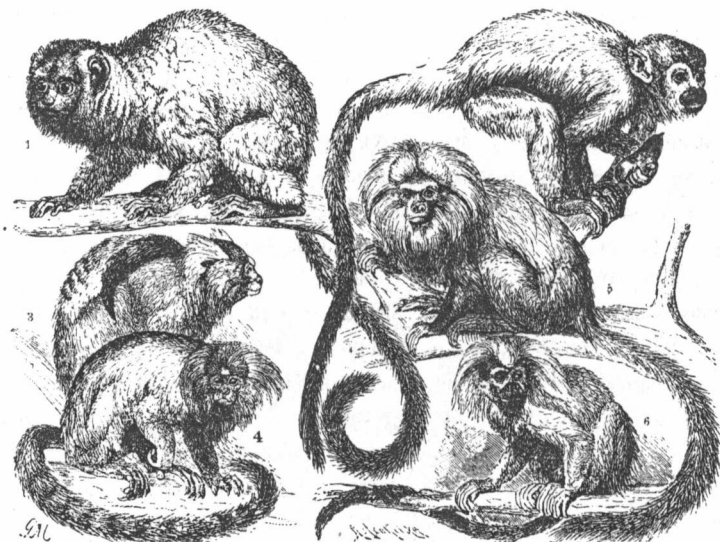
Из видов наиболее известен один — **маркина** (*N. trivirgatus*), длиной в 1 ф. 2 д. и $\frac{3}{4}$ арш. хвостом. Шерсть серо-бурая,

с ржавым оттенком; вдоль спины — светлая желтовато-бурая полоса, на темени 3 продольных черных полосы; живет в восточ-

ной части Ю. Америки; жизнь ее мало известна. Днем марикина спит и, если ее вывести на свет, жалобно кричит: зато, с наступлением вечера, зрачки ее расширяются, глаза блестят, как у кошек и сов, и она устремляется на поиски пищи. При этом движения ее легки, хотя и не особенно грациозны, так как задние конечности длиннее передних. Но лазает она искусно и ловко перепрыгивает с дерева на дерево. Относительно жизни ее в неволе, мнения наблюдателей различны: одни называют ее сонным и равнодушным

животным, другие,—наоборот, видят в ней и живость, и ум. Вероятно, характер ее много зависит от возраста, в котором марикина попала в неволю. В Европе она представляет редкость.

Бывшая у меня марикина днем была, действительно, сонная, ночью же делалась очень ловкой, веселой и привлекательной в своих движениях. Однако привязанности ее к кому-либо из людей не замечалось: она была одинаково ласкова или, лучше сказать, равнодушна ко всем. Ела она по-белочьи, держа

Американские обезьяны

- 1) Ночная обезьяна-марикина (*Nyctipithecus trivirgatus*), 2) Саймири, 3—6. Игрунковые: 3—Уистити обыкновенная (*Harale jacchus*), 4—Темная уистити (*H. penicillata*), 5—Розалия (*Madas rosalia*), 6—Пинче (*M. oedipus*)

пищу в передних лапах. Когда ей однажды принесли живую птицу, она мгновенно схватила ее и, быстро откусив голову, стала поспешно ошипывать, потом съела мозг, за-

тем—внутренности, ноги же отбрасывала... Однако, охотно питаюсь мясом, она не отказывалась и от другой пищи—ела кашу рисовую, булку в молоке и плоды.

Третье семейство—**игрунковые** (*Arctopithecii*) резко отличаются от вышеописанных обезьян узкими ногтями на всех пальцах, за исключением больших пальцев ног, где—широкие, плоские ногти. Кроме того, голова у них—округленная, с плоским лицом, глаза—маленькие, но зато большие уши, короткие конечности, длинный пушистый хвост и шелковистая шерсть. Большие пальцы на передних конечностях не могут быть противопоставлены остальным, как на задних конечностях. Во рту, подобно обезьянам Старого

Света, 32 зуба, причем два верхних резца больше двух крайних, а нижние резцы удлинены и имеют долотообразную или цилиндрическую форму. Клыки отличаются величиной и толщиной.

Игрунковые населяют леса и кустарники Бразилии, Перу, Гвианы, доходя до Мексики, где, впрочем, встречается только 2 вида их. Местопребыванием их служат преимущественно пустынные, незаселенные еще человеком места. По образу жизни и нравам они напоминают белок; они не сидят на задних лапах, как другие обезьяны, а опускаются на все четыре или же лежат, вытянувшись на животе и свесив свой хвост. Подобно белкам же, они быстро влезают прямо вверх по стволу, но прыгать не любят и часто падают с дерева. Наконец, и пищу они подносят ко рту совершенно как белки.

Приютом их на ночь служат дупла деревьев; проведя здесь ночь, они уже рано утром начинают рыскать по лесу в поисках за пищей, проявляя при этом, подобно белкам, то же беспокойство, ту же подвижность и пугливость. Головка их ни на минуту не остается в покое; темные глазки то и дело перебегают с одного предмета на другой... Нрав их—непостоянный, вспыльчивый; понятливость—слабая. Словом, это, кажется, наименее развитые в умственном отношении обезьяны.

Пищу игрунков составляют разные плоды, семена, листья и цветы; не брезгают они и насекомыми, пауками, а при случае нападают и на маленьких позвоночных, являясь более плотоядными, чем другие обезьяны. Но, преследуя маленьких созданий, они часто сами становятся добычей более крупных, нежели они, животных, особенно хищных птиц, орлов и соколов. Преследует их и человек, хоть мясо их хуже мяса других обезьян, да и мех редко идет в дело. По-видимому, единственной целью охоты является приручение, которому игрунки легко поддаются.

Правда, в неволе они обнаруживают сильную боязливость и недоверие, но ласковое обращение, при известной настойчивости, скоро преодолевает их, и обезьянка скоро приучается смотреть на своего хозяина, как на доброго друга. Привыкают они и к домашним животным человека. Но все-таки в неволе они хиреют и скоро мрут. Впрочем, причину их сильной смертности нельзя не видеть в несоответствии даваемой им в неволе пищи тому питанию, которого они держатся на свободе. Это—насколько растениеядное, настолько же и плотоядное животное, а его кормят в неволе только сладкими плодами. Между тем им необходимо давать и насекомых или, взамен их, мяса и яиц.

При надлежащем уходе игрунки живут в неволе по 6—8 лет и даже размножаются. В зоологическом саду Франкфурта их держат летом на открытом воздухе и только на зиму переводят в отопляемое помещение; но в зверинцах они переносят и большие невзгоды. Рейхенбах передает, что однажды, в очень суровую зиму, ему прислали из зверинца одну игрунку—уистити для приготовления чучела. «Обезьянка замерзла до оконечения, но скоро

ожила в тепле, причем прежде всего стала подергивать ногами, потом стала слабо дышать и через 2 часа совершенно оправилась». Этот факт доказывает, что игрушки и в этом отношении походят на грызунов.

Из видов, принадлежащих к семейству игрунковых, наиболее известны: **уистити обыкновенная** (*Napale jacchus*), **темная уистити** (*H. peni-*

- 1) Обыкновенная уистити (*Napale jacchus*), 2) Серебристая обезьяна (*H. argentata*), 3) Темная уистити (*H. penicillata*)

cillata) и **серебристая обезьяна** (*H. argentata*). Из них чаще всего в Европу привозят первую, которая хорошо переносит неволю и даже размножается, только родители часто загрызают своих детенышей.

Обыкновенная уистити—среднего роста, 10 дюйм. длины, с хвостом около 1 ф., покрыта длинной мягкой шерстью, цвет которой состоит из смеси черного, белого и ржаво-черного. Темно-бурая голова украшена на

ушах белыми пучками; лицо—темного телесного цвета. **Темная уистити** отличается от нее, кроме цвета шерсти, крупным пятном на лбу и лицом, покрытым короткими волосами—белого цвета. В неволе уистити ручне-

ет, но к чужим относится недоверчиво, часто выражая свое недовольство особым свистом. Однако, они привыкают не только к людям, но и животным, напр., кошкам, с которыми любят спать вместе.

Реже встречается (даже и в Америке только вблизи Каметы), но гораздо красивее **серебристая обезьянка**, всего 6—8 дюйм. с 10 дюйм. хвостом. Длинная, шелковистая шерсть ее серебристо-белого цвета, хвост матово-черный, а почти голое лицо — мясного цвета.

К группе вышеуказанных обезьян относится и **карликовая игрунка**, действительно, самая малая из всех американских обезьян (всего 6 дюйм. с такой же длины хвостом). Шерсть ее сверху и по бокам глинисто-желтого цвета с черными полосами, лапки красновато-желтые; водится на Амазонке в Бразилии. О жизни ее ничего не известно.

Совершенно отдельную группу составляют так называемые **львиные игрунки**, с голым лицом и ушами, тонким хвостом, иногда с пучком на конце, и более или менее длинной гривой, придающей этим обезьянам сходство со львом. Типичный представитель этой группы — собственно **львиная игрунка** (*Narale leonina*), небольшое (в 8 д.) животное оливково-бурого цвета. Лицо, руки и ноги — черные. «Это — одно из самых красивых и изящных животных, какого только я видел, — говорит Гумбольдт. — Игрунка — живого, веселого нрава, хоть, подобно почти всем маленьким животным, лукава и вспылчива. Если ее рассердить, то у нее надувается шея, грива приподнимается и сходство этого зверька с африканским „царем пустынь“ делается очень заметно». Бэтс, со своей стороны, подтверждает живой нрав игрунки и ее ласковое обращение, а Жоффруа замечает, что эта обезьянка узнает предметы, изображенные на раскрашенных рисунках: она боится изображения кошки и

пытается схватить нарисованных жуков и кузнечиков. Живых львиных игрунок очень редко можно увидеть в Европе.

У торговцев под именем львиной игрунки идет другой, сходных вид — **розалия**, или **марикина** (*H. rosalia*), немного более львиной игрунки (10 дюйм. с хвостом в 1 ф.). Лицо у нее голое, буровато-мясного цвета; руки и ноги — желтовато-бурые; грива темно-бурая, а тело покрыто шерстью отчасти темно-оранжевого, отчасти — красновато-желтого цвета с золотистым отливом. Место обитания его ограничивается, кажется, лесами восточной части Ю. Америки, между 22° и 23° ю. ш. Питается она плодами и насекомыми. В неволе, как все игрунковые, она очень пуглива и недоверчива, раздражительна и вспылчива; она узнает хозяина, но никогда не привязывается к нему, как другие обезьяны. Между собой марикины живут очень дружно, не выказывая эгоизма, свойственного другим обезьянам.

От настоящих **львиных обезьян** выделяют безгривых **тамаринов**, у которых, кроме того, большой хвост и большие, перепончатые, голые ушные раковины. Из этой группы известен пока один **пинче** (*H. oedipus*), 7 дюйм. длины с хвостом в 1 ф. 4 д.; шерсть — землисто-бурого цвета; лицо, черное с веселыми светло-бурыми глазами, ярко выдается из-под белой шапки волос на голове и приобретает особенное выражение вследствие сросшихся бровей и узкой бороды, окружающей рот. Родина — северо-западные страны Ю. Америки. По образу жизни пинче мало отличается от других игрунок: также боязлива и сердита и также трудно привязывается к известному человеку. Голос ее поразительно похож на птичий: начинается с высоких, похожих на флейту трелей «ди, ди, ди», затем, понижаясь, переходит в «дре, дере, де» и оканчивается коротким «гак, гак, гек»...

Отряд II

Полуобезьяны, или лемуры (*Prosimii*)

Большинство прежних естествоиспытателей видели в животных, к обозрению которых мы переходим теперь, настоящих обезьян и потому соединяли их с последними в один отряд; мы же, наоборот, выделяем полуобезьян в самостоятельный отряд, так как у этих животных очень мало сходства с обезьянами и по строению тела, и по устройству зубов. Даже название четырехруких, применяемое обыкновенно к обезьянам, скорее подходит к лемурам, потому что различие между руками и ногами у них менее заметно выражено, нежели у обезьян. По нашему мнению, на лемуров нужно смотреть, как на переходную ступень от обезьян к сумчатым или как на потомков каких-то неизвестных теперь животных, родственных двутробкам; во всяком случае относить их к обезьянам никоим образом нельзя.

Дать общую характеристику полуобезьян не легко: и величина тела, и строение туловища и конечностей, и устройство зубов, и скелет у этих животных очень разнообразны. Величина тела колеблется между размерами большой кошки и крысы. У большинства видов туловище тонкое, у некоторых даже очень сухощавое; у иных голова своей вытянутой в длину мордой напоминает собаку или лисицу, у других похожа на голову соны, летяги или даже совы.

Задние конечности большей частью заметно длиннее передних и отличаются вообще значительными размерами. Ступни у одних видов относительно коротки, у других, наоборот, отличаются длиной. Величина хвоста также бывает разнообразна: у многих лемуров он длиннее туловища, у других переходит в почти незаметный отросток; у некоторых он густо порос шерстью, у других — почти голый. Большие глаза, приспособленные к

зрению в темноте, хорошо развитые ушные раковины, иногда перепончатые, иногда покрытые шерстью, и мягкий, густой, волнистый мех, лишь в виде исключения заменяемый у некоторых полуобезьян жесткими волосами, — характеризуют лемуровых как сумеречных или ночных животных. Зубы у этих животных, в смысле их расположения, формы и числа, представляют большее разнообразие, нежели у обезьян. Череп отличается сильным округлением затылка, короткими, но узкими лицевыми костями и большими глазными впадинами, сближенными одна с другой, с выдающимися кругом их костями. Однако глазные впадины не представляют собой вполне законченных стенок, а соединены отверстием с височной впадиной.

Местом жительства полуобезьян служат Африка, главным образом — Мадагаскар с соседними островами, затем — Индия и

Зондские острова, где они населяют густые леса. Здесь, на деревьях, полуобезьяны и проводят свое время, сходя на землю только в случае крайности, а многие и никогда не бывают на земле. Некоторые полуобезьяны отличаются необычайной ловкостью и живостью своих движений в ветвях, у других же — движения тихие, обдуманные, осторожные. Некоторые проявляют свою деятельность иногда и днем, большинство же — только с наступлением ночи, а утром погружаются в крепкий сон. Различного рода плоды, почки и молодые листья составляют пищу одних, насекомые, небольшие позвоночные, наряду с некоторыми растительными веществами, служат средством для питания других. В неволе как те, так и другие полуобезьяны привыкают ко всякой пище. Эти животные не приносят заметного вреда, однако от них не видно и заметной пользы. Тем не менее туземцы считают одних полуобезьян за существа священные и неприкосновенные, других же —

за опасные и могущие принести вред человеку, и потому нередко препятствуют любознательным исследователям охотиться за полуобезьянами, стараясь даже отклонить их от наблюдений за этими животными. В этом обстоятельстве и нужно видеть причину, почему в зоологические сады поступают редко даже такие виды, которые живут многочисленными стадами на воле. Между тем поймать полуобезьян живыми не особенно трудно, да и уход за ними очень прост. Большинство видов переносят неволю несравненно лучше обезьян и даже, при хорошем уходе, размножаются в клетках. Соответственно с духовными способностями различных видов полуобезьян, те из них, которые отличаются живостью нрава, легко привыкают к ухаживающим за ними людям, даже научаются оказывать им известные услуги; напротив, сонные и угрюмые ночные полуобезьяны только в редких случаях выказывают признательность за заботливый уход.

Полуобезьян разделяют на 3 семейства: к первому, наиболее многочисленному, принадлежат **собственно лемуры** (сем. Lemuridae), два других — сем. Tarsidae (**долгопалы**) и сем. Leptodactyla (**руконожек**) — имеют всего по 1 виду.

Лемурами римляне называли души умерших, из которых добрые охраняли семью и дом, в виде Ларов, а злые, в виде блуждающих и злобных привидений, беспокоили бедных смертных. Современная же наука понимает под этим названием хотя также ночных бродяг, но вовсе не бестелесных, а животных с плотью и кровью, имеющих более или менее красивую наружность. Настоящие лемуры представляют, так сказать, ядро всего отряда, которым мы теперь занимаемся, отдельное семейство, распадающееся на несколько родов и видов. Что касается характеристики лемуров, то к этому семейству относятся все только что сообщенные нами признаки животных всего отряда, так как оба остальные семейства полуобезьян существенно отличаются от собственно лемуров только по зубам, строению рук и ног, а также и по шерсти.

Главной областью обитания лемуров служит остров Мадагаскар и соседние с ним острова; кроме того, они попадают с Африки, распространяясь по всей средней полосе этой части света, от восточного до западного берега, и только немногие виды живут в Индии и на Зондских островах. Но все без исключения виды семейства лемуров живут в лесах, предпочитаемая непроницаемые, богатые плодами и насекомыми девственные леса остальных. Близости людей они хоть прямо и не избегают, но и не ищут. Будучи в большей или меньшей степени ночными животными, лемуры, подобно всем вообще

членам своего отряда, забираются днем в самые темные места леса или в дупла деревьев и спят там, скорчившись или обнявшись. Позы их при этом в высшей степени своеобразны: они или сидят на задних лапах, крепко уцепившись руками за сук и низко опустив голову между притянутыми передними конечностями и обвив хвостом голову и плечи; или же свертываются парно, обвив друг друга хвостами так тесно, что образуют собой шар: если потревожить такой меховой клубок, то внезапно из него высовываются две головы, которые большими, удивленными глазами

смотрят на неприятных нарушителей их покоя.

Сон лемуров очень чуток. Большую часть их будит даже жужжание мимо летящей мухи и шорох ползущего жука: уши их тогда приподнимаются, большие глаза сонно оглядываются по сторонам, но только на одно мгновение, так как эти животные чрезвычайно боятся дневного света. Целый день их совсем не видно, и только с наступлением сумерек начинается их деятельность. Они тогда сразу оживляются, чистят и приглаживают мех, издавая при этом довольно громкие и неприятные звуки, и отправляются затем на добычу по своим воздушным охотничьим угодьям. Тогда начинается своеобразная у каждого отдельного вида лемуров жизнь.

Большинство видов издает крик, который может наполнить новичка ужасом, так как он напоминает рев опаснейших хищных зверей, напр., льва. Этот резкий рев обозначает, кажется, у лемуров, как и у некоторых других животных, начало их ночной деятельности; они обходят после этого пространства, намеченные ими для охоты или скорее для пастбища с такими подвижностью, ловкостью и проворством, которых никак нельзя было ожидать при виде их сонливости в течение дня. Тогда они, может быть, еще превосходят обезьян в искусстве лазанья, прыганья и кривлянья.

Полную противоположность этим составляют другие представители семейства лемуровых: украдкой, неслышными шагами, медленно крадутся они с ветки на ветку; их большие круглые глаза светятся в сумерках, подобно огненным шарам, их движения так тихи и обдуманно, что даже чуткое ухо не уловит ни одного звука, который бы указывал на присутствие живого существа. Горе беззаботно спящей птичке, на которую упадет этот огненный взгляд! Ни один индеец не прокрадывается тише по военной тропе,—никакой кроважадный дикарь не приближается к врагу с более страшным

намерением, чем лемур *лори* к своей спящей добыче. Без всякого шума, почти без видимого движения переставляет он одну ногу за другой и все более и более приближается, пока не достигнет своей жертвы. Затем он с той же осторожностью и тишиной поднимает одну руку и тихо протягивает ее, пока почти не прикоснется к спящей. Наконец, следует движение, настолько быстрое, что глаз едва может уловить его, и прежде, чем сонная птица догадается о присутствии своего страшного врага, она уже задушена и растерзана. Ни с чем нельзя сравнить той жадности, с какой, по видимому, безобидное четверуное похирает только что убитое животное! Погибнут, подобно спящей птице, и птенцы, и яйца, если только лори откроет их.

Все сюда относящиеся виды осторожны и медленно, но уверенно лазают по деревьям. Прежде чем выпустить одну ветку, они всегда удостоверятся, будет ли другая для них надежной опорой.

Всем им необходима постоянная и довольно высокая температура; холод делает их вялыми и болными.

Духовные способности у них незначительны; только немногие из них составляют счастливое исключение в этом отношении. Все они робки, трусливы, хотя храбро защищаются, когда их ловят. Привыкнув к людям, они делаются до известной степени доверчивыми, ведут себя кротко, миролюбиво и добродушно, но редко теряют свою пугливость. Некоторые виды лемуров, довольно, впрочем, легко мирятся с потерей своей свободы и с подчинением человеку, которому приучаются даже оказывать известные услуги, напр., на охоте за другими зверьями. Бесхвостые же виды, наоборот, и в неволе остаются верными своему неподвижному и унылому характеру, сердятся, когда их беспокоят, и едва научаются отличать ухаживающего за ними от других людей, к которым относятся с большим или меньшим недоверием.

Наиболее рослые и развитые из всех лемуров—**индри** (*Lichanotus*), называемая мадагассами **бабакото**. Наиболее известный из двух, до сих пор найденных видов индри *Lichanotus brevicaudatus* достигает длины 2 фут. 9¹/₂ д., из которых менее 1 дюйма (2,5 см) надо отнести к хвосту. Средней величины голова имеет острую морду, маленькие глаза и такие же уши, почти совершенно спрятанные в шерсти. Все тело, передние и задние конечности, отличающиеся сильным развитием большого пальца, покрыты густым мягким мехом. Лоб, темя, горло, крестцовая область, хвост, нижняя сторона бедра, пятки и бока белого цвета; уши, затылок, плечи, предплечье и руки—

черного, нижняя часть спины и голени—бурого, передняя часть задних конечностей—темно-бурого.

Соннера, познакомивший нас с бабакото, рассказывает, что представители этого вида, подобно своим сородичам, двигаются ловко и проворно, чрезвычайно быстро прыгают с дерева на дерево, во время еды сидят на задних лапах, как векши; пищу, состоящую преимущественно из плодов, подносят ко рту руками. Голос бабакото похож на крик плачущего ребенка. Характер у него кроткий, добродушный, почему бабакото легко приручается. В южных частях Мадагаскара туземцы воспитывают этих полуобезьян и дрессируют к охоте, как собак.

«В некоторых местностях Мадагаскара,—рассказывает Поллен,—бабакото приучают к охоте за птицами. Говорят, что при этом он оказывает такие же услуги, как хорошая собака. Хоть он питается преимущественно плодами, но не пренебрегает и маленькими птичками, которых умеет очень ловко ловить, чтобы полакомиться их мозгом».

Насколько известно, бабакото и вообще ни одного индри до сих пор не привозили в Европу живыми. Это тем более странно, что

бабакото давно уже сделался на Мадагаскаре домашним животным, и содержание его в неволе не представляет никаких затруднений.

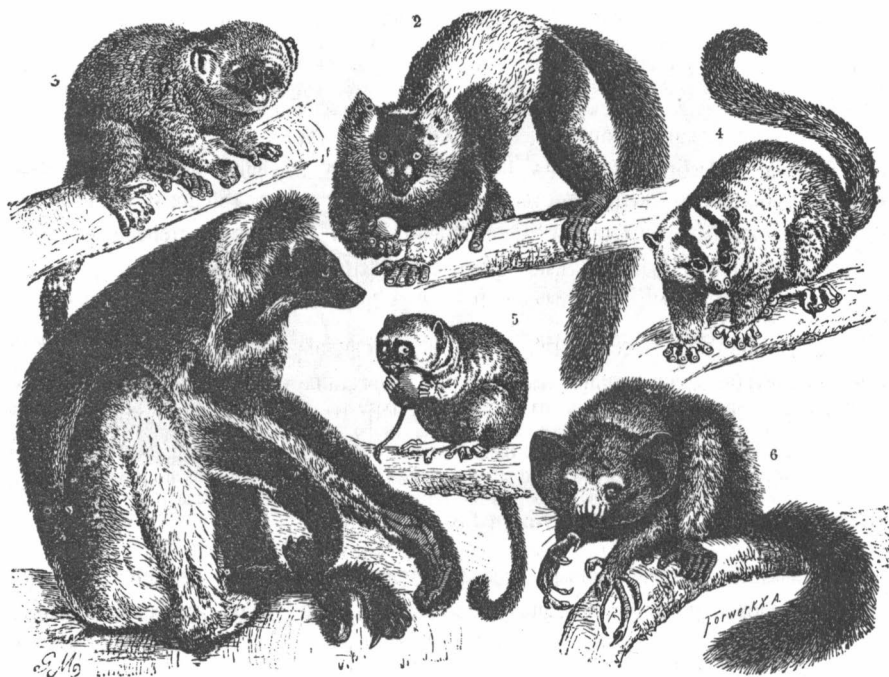
Другой род нашего семейства, более богатый видами, носить название **маки**,—название звукоподражательное крику принадлежащих сюда животных. Научное же наименование этого рода—*Lemur*. Почти от всех своих родичей маки отличаются продолговатой мордой с умеренной величины глазами, средней длины и часто мохнатыми ушами, хорошо развитыми конечностями почти одинаковой длины. Руки и ноги на верхней стороне слабо покрыты волосами; хвост имеет длину больше туловища. Мех маки—мягкий, тонкий, пушистый.

Наиболее известный из маки—**вари** (*Lemur varius*), отличающийся мехом, покрытым белыми и черными пятнами. У разных экземпляров окраска довольно разнообразна, у одного преобладает черный цвет, у другого—белый. Вари—один из крупнейших маки, ростом с большую кошку. Впрочем, и другие виды мало уступают ему в этом отношении. Другой вид, **катта** (*L. catta*), отличается красотой формы и длинным хвостом, покрытым белыми и черными кольцами. Преобладающая окраска его плотного, мяг-

кого и волнистого меха—серая, переходящая то в пепельно-серую, то в ржаво-красную. Морда, уши и брюхо беловатого цвета, оконечность морды и окружность глаз—черного. Остальные виды, часто попадающие в зоологические сады,—**Монгоц** (*L. mongoz*), и **Черный маки** (*L. macaco*). Последний замечателен тем, что самец окрашен в чистый черный цвет, тогда как самка—в ржаво-красный, который бывает то светлее, то темнее. Ввиду этого самку долго принимали за отдельный вид.

Только благодаря превосходным наблюдениям Поллена мы имеем обстоятельные сведения о жизни маки на свободе. Все виды этого рода живут в лесах Мадагаскара и соседних островах. Днем они держатся в густой чаще, ночью же с громким криком быстро двигаются за добычей. Они живут стадами по 6—12 штук в девственных лесах острова, питаются преимущественно дикими финиками, и любят странствовать из одной части леса в другую. Их

нужно наблюдать как днем, так и ночью. Едва зайдет солнце, как можно услышать их жалобный крик, который издает разом все стадо. Движения маки необыкновенно легки, ловки и быстры: кажется, они как бы летают по вершинам деревьев, делая с одной ветви на другую прыжки поразительной длины. Преследуемые собаками, маки убегают на самую верхушку деревьев и здесь устремляют свои глаза на врага, с ворчаньем и рычаньем махая хвостом. Увидев охотника, они поспешно убегают в глубину леса.

Мадагаскарские полуобезьяны

- 1) Индри (*Lichanotus indri*), 2) Вари (*Lemur varius*), 3) Полумаки (*Haplemur griseus*), 4) Кошачий маки (*Lemur fuscifer*), 5) Карликовый маки (*Lemur myoxinus*), 6) Рыко-ножка (*Chiromys madagascariensis*)

По своим духовным качествам маки не выделяются из среды своих родичей, но их характер приятен. Обыкновенно они тихи и миролюбивы; только некоторые из них отличаются дикостью и часто кусаются.

Некоторые виды часто попадают в Европу и живут в неволе долго. Примером этому может служить один вари, живший в Париже 19 лет. В большинстве случаев они скоро делаются ручными и послушными. Содержание их очень легко, так как они быстро привыкают ко всякой пище. Пищу они

обыкновенно схватывают передними конечностями и затем подносят ко рту, но иногда берут ее прямо ртом. Когда они довольны, то тихо мурлычат, а перед сном таким мурлыканьем убаюкивают себя.

Бюффон имел самца-маки, который своими быстрыми, ловкими и красивыми движениями радовал его, хоть и часто докучал своей нечистоплотностью и своими выходками. Он необыкновенно боялся холода и сырости, почему зимой держался всегда вблизи огня и, чтобы лучше согреться, становился часто на задние лапы.

Маки, живший долго в Париже, также любил огонь и всегда садился перед камином. Бедное зябкое южное животное подносило близко к огню не только свои лапы, но и морду, так что не раз обжигало себе усы. Этот маки был очень чистоплотен, имел на всем теле блестящую шерсть и заботливо

остерегался испачкать свой мех. Кроме того, он отличался живостью, был подвижен и любознателен. Он все рассматривал, но при этом и бросал тотчас, рвал и ломал. Ко всем лицам, которые его ласкали, он относился дружелюбно и даже к незнакомым вскакивал на колени.

Между тем как все маки, по крайней мере, в известное время, обнаруживают большую деятельность и подвижность, **лори** (*Stenops*) отличаются противоположными качествами. Они являются до некоторой степени в своем отряде ленивцами, почему их и называют еще «ленивыми обезьянами».

Под этим именем разумеют маленьких, красивых полуобезьян с тонким, бесхвостым телом, большой кругловатой головой и тонкими стройными конечностями, из которых задняя пара несколько длиннее передней. Морда острая, но короткая; очень большие глаза сближены между собой; покрытые волосами уши средней величины. На руках указательный палец значительно укорочен,

четвертый удлинен, а мизинец снабжен острым и длинным когтем.

Немногие виды этого рода населяют Индию и соседние с ней острова; но их жизнь на свободе почти еще совершенно неизвестна нам. В Южной Азии они заменяют своих подвижных сородичей (маки), однако только по строению тела, но не по характеру.

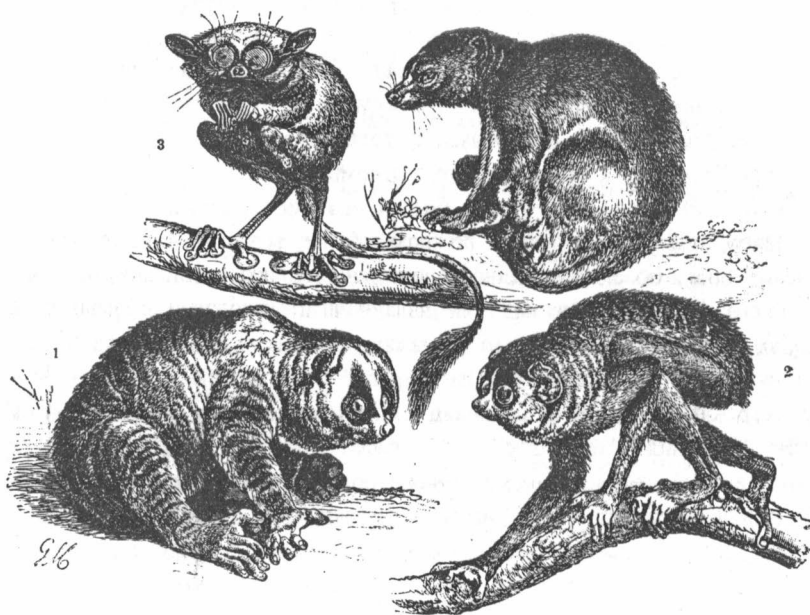
В высшей степени милым представителем этого рода является **тонкий лори** (*Stenops gracilis*), маленький зверек, ростом едва с белку (только 25 см длины!), с тонким телом, большеглазый, с остренькой мордочкой, тонкими конечностями и длинным, похожим на плющ, мехом, окраска которого сверху рыжевато-серого и желтовато-бурого цвета и снизу сероватого или бледно-желтоватого. Вокруг глаз орехово-бурого цвета мех темнее и тем более резко выделяется от светлой верхней стороны морды.

Это милое создание, прозванное туземцами тевангу и уна хапполава, живет в лесах низменности Южной Индии, начиная от Годавари, и на Цейлоне. В течение дня оно спит в дуплах деревьев и появляется лишь вечером. Жизни его на свободе еще никто не наблюдал, хотя уже давно ходят рассказы о ней.

К моему величайшему удивлению и радости, я нашел живого тонкого лори у одного содержателя зверинца. Это нежное существо четыре года перед этим попало в Европу вместе с тремя другими и было продано названному лицу одним из наших крупных торговцев, причем превосходно выдержало не только переезд в Европу, но и неволю в более холодной стране. Я приобрел

зверька за дорогую плату, чтобы дать срисовать его живым и быть в состоянии наблюдать его, и окружил его самым заботливым уходом.

Днем тонкий лори лежит или, правильнее говоря, висит на перекладине своей клетки и спит, причем внешний мир и его деятельность нисколько не тревожат его; после же наступления сумерек он выпрямляется, вытягивает и разминает еще в полусне свои длинные тонкие конечности и начинает затем

Азиатские полуобезьяны

- 1) Толстый лори (*Stenops tardigradus*), 2) Стройный лори (*Stenops gracilis*), 3) Долгопят пугало (*Tarsius spectrum*), 4) *Galeopithecus rufus*

медленно и неслышно шагать по перекладине своей клетки или вверх и вниз по перекладинам решетки. На жерди или ветке он движется с замечательной ловкостью, но при каждом шаге удостоверяется в безопасности новой точки опоры, почему часто растопыривает свои ноги сверх всякой меры и ими, как и руками, ощупывает пространство впереди себя, если ему приходится перейти с одной ветви на другую. Наиболее подвижной частью его тела является голова, которую тонкий лори умеет поворачивать внезапно и с быстротой молнии, между тем как руками он редко производит такие быстрые движения. Его глаза светятся в полумраке буквально как раскаленные угли и производят в высшей степени своеобразное впечатление, так как они расположены весьма близко один от другого и разделены лишь белым пятном.

В состоянии раздражения тонкий лори издает резкое храпение, напоминающее большею частью голос хомяка, но значительно слабее. Этим он проявляет высшую степень своего гнева.

Раздражительность его, впрочем, незначительна, так что его трудно вывести из состояния покоя и равнодушия. Легкое поглаживание, кажется, нравится ему. Если ему тихонько чесать голову, то он закрывает глаза.

Главная пища его состоит из размоченного в молоке белого хлеба. Овощей он почти совершенно избегает, точно так же мяса и яиц. На живых птиц он также не обнаруживал желаний броситься. Наоборот, насекомых, особенно мучных червей, он ест чрезвычайно охотно, но слишком неловок или ленив, чтобы брать их самому, и только тогда хватается их прямо ртом, если сторож поднесет к самой его морде лакомый кусок.

Толстый лори, Шарминди билли, или «стыдливая кошка», индейцев (*Stenops tardigradus*) известен несколько более, вероятно, потому, что он распространеннее и более по численности, нежели его тонкий тезка. Западной границей области его распространения надо считать приблизительно низовья Брампутры. На Гималах его не находили, зато в Ассаме и всех странах, лежащих к югу и юго-востоку оттуда, равно как на островах Суматре, Яве и Борнео он очень часто встречается. Ростом он больше и плотнее тонкого лори и обнаруживает различные отклонения в величине и в окраске, которые, кажется, непостоянны. Преобладающий цвет на верхней стороне более светлый или более темный, пепельно- или серебристо-белый, часто с красноватым оттенком, который книзу бледнеет. Вдоль спины тянется полоса более или менее густого каштаново-бурого цвета, которая оканчивается на темени или переходит здесь в широкое, доходящее иногда до ушей пятно, или продолжается в виде двух полос к глазам или четырех полос к глазам и ушам. Глаза всегда окружены бурыми кольцами, даже в том случае, если никакие полосы не украшают морду животного. Голые части носа и пятки мясного цвета. Длина тела достигает 32—37 см., хвоста — от 1,5 см. до 2 см. Толстый лори, очень трудно наблюдаемый обитатель лесов, живет семьями, которые днем спят в дуплах деревьев, а с наступлением сумерек пробуждаются и отправляются на поиски пищи. На свободе европейцам едва удавалось видеть это животное.

В неволе лори смирны, терпеливы и унылы. Целый день они спят, скорчившись и опираясь головой о свои сложенные руки. Один из них был сначала привязан веревкой и несколько раз поднимал ее с печальными ужимками, как будто жаловался на свои оковы. Но избавиться от них он и не пробовал. В первое время он пытался укусить своего сторожа, но несколько легких наказаний прекратили эти вспышки его гнева. Когда его гладили, тогда он брал ласкающую его руку, прижимал к своей груди и обращал полуоткрытые глаза на своего воспитателя. С наступлением ночи он оживлялся. Сначала он протирал себе глаза, как проснувшийся человек, потом осматри-

вался и начинал бродить, причем искусно передвигался по натянутым для него веревкам. Он очень охотно ел плоды и молоко, но особенно лаком был до птиц и насекомых. Если ему указывали на такую добычу, то он старался приблизиться к ней осторожными шагами, часто переходя через всю комнату, точно как человек, крадущийся на цыпочках, чтобы застать другого врасплох. Приблизившись к своей жертве на расстояние около 1 фута, он останавливался, приподнимался, подвигался еще ближе, тихонько протягивал руки и, наконец, с быстротой молнии бросался на свою добычу и душил ее в несколько мгновений.

До сих пор я видел и наблюдал только двух живых толстых лори; одного из них в зоологическом саду в Амстердаме и то днем. Однако он оказался совсем не так добродушен, как я ожидал, после вышеприведенных рассказов. Был ли он расстроен причиненным ему нами беспокойством или вообще был очень раздражителен, но только он, очевидно, был в высшей степени раздражен причиненной ему неприятностью. Наш амстердамский пленник фыркал весьма выразительно и обнаруживал свои чувства, стараясь укусить беспокоящую его руку сторожа, что он неоднократно делал и раньше. На этот раз эта месть не удалась ему, и, в досаде на это, он медлен-

но пятился назад. Все это он проделывал таким образом, что я был поражен, не смотря на прекрасное изображение, которое Гарвей дал уже 30 лет назад. Устремив на нас свои большие глаза, зверек медленно отступал шаг за шагом и притом двигался вверх по столбу, едва уклоняющемуся от вертикального положения. При известных обстоятельствах, следовательно, он лазает снизу вверх, с головою, обращенною книзу. Насколько мне известно, этого не делает никакое другое животное. Дойдя до развилины, он остановился и остался неподвижным в этом положении, чем много облегчил работу рисовальщика. В общем же он оказался далеко не таким интересным, как его описывали.

К наилучше известным нам полуобезьянам принадлежат главным образом **ушастые маки**, или **галаго**, *Otolopus*, с жизнью и нравами которых нас познакомили уже старые путешественники. Главную роль у этих животных играет слух соответственно с их большими кожистыми ушами, которые напоминают уши некоторых летучих мышей. Тело галаго можно назвать скорее плотным, чем тонким, но, благодаря густому меху, оно кажется толще, чем оно есть в действительности. Относительно большая голова отличается, кроме необычайно развитых голых ушей, большими, сближенными между собою глазами. Передние и задние конечности средней длины, руки и ноги хорошо развиты. Указательный палец и второй палец ноги, а у некоторых также средние пальцы рук и ног снабжены когтем, все остальные — ногтем.

Все галаго, обитатели Африки и некоторых из ее западных и восточных островов, в отличие от маки, должны быть названы хищниками, питающимися плодами только между прочим. Для описания их я повторю здесь то, что я говорил по рассказам Керстена и на основании собственных наблюдений в книге о путешествии фон дер Деккена. «Галаго — ночные животные в собственном смысле этого слова, существа, для которых луна служит солнцем, создания, для которых половина дня проходит бесследно, более сонливые, чем сони; они часами лежат, свернувшись в клубок, в каком-нибудь укромном месте, а если им помешают отыскать такой уголок, то стараются защититься от ненавистного им солнечного света, боязливо пряча голову и даже склады-

вают уши, чтобы предохранить себя от всякого шума. Если какая-нибудь причина насильно пробудит их от глубокого сна, то они сначала вперяют глаза вдаль, как во сне, затем мало-помалу приходят в себя и угрожающими действиями показывают, как им неприятно пробуждение. Совершенно другими оказываются те же животные после захода солнца. Только что сумрак надвинется на лес, ушастые маки пробуждаются, быть может вследствие чувствительной для них вечерней прохлады, разгибают свернутые над головою хвосты, открывают глаза и раскрывают кожистые уши, которые были свернуты или, правильнее говоря, смяты в виде крышки, хорошо запирающей слуховой аппарат, чистятся, облизываются и затем покидают свои логовища, чтобы бродить, подобно привидениям. Галаго ведут хищнический образ жизни в полном смысле этого слова, причем ненасытная жажда крови соединяется у них с необыкновенной для четырехруких жестокостью. Одаренный всеми качествами жирных животных, дальнорезкий, как рысь, чуткий, как летучая мышь, обладающий тонким обонянием лисицы, не особенно умный, но хитрый галаго соединяет в себе проворство обезьяны и сони. Совмещая необыкновенную смелость с осторожностью, он является действительно одним из страшнейших врагов мелких животных, чем существенно отличается от большинства своих родичей по отряду».

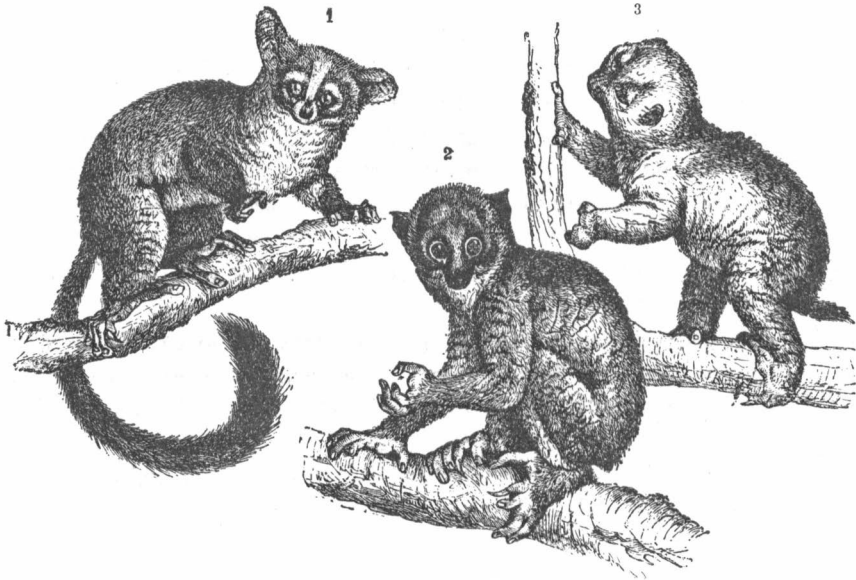
В этих словах заключается почти все, что известно до сих пор о жизни на свободе ушастых маки; более подробные сведения приобрести нелегко, так как наблюдения за жизнью и нравами этих животных в ночное время представляют большие затруднения.

Среди немногих открытых до сих пор видов ушастых маки, из которых самый крупный почти равен взрослому кролику, а самый мелкий едва превышает величиной мышь, мы знаем, между прочим, **обыкновенного галаго (Otolicnus galago)**, красивое создание, величиной с белку. Его короткий, но плотный и мягкий, как шелк, мех булано-серого цвета сверху, на голове и спине слабо-рыжеватого, а на внутренней стороне конечностей, также как на брюшке, желтовато-белого. Подобную же окраску имеют щеки и продольная полоска, начинающаяся между глазами и доходящая до конца носа. Уши мясного цвета, глаза бурого.

Родиной галаго является большая часть Африки. Адансон открыл его в лесах на реках Сенегамбии, а позднейшие путешественники наблюдали на юге Африки и в Судане.

Здесь и я неоднократно находил его, но всегда лишь к западу от Белого Нила, именно в Кордофане. Туземцам он хорошо известен под именем тендж. Они верят, что он был сначала обыкновенной обезьяной и так опустился, лишь благодаря своей сонливости. Мы встречали тенджа лишь в мимозовых лесах. Обыкновенно находили парочку. Животные спали, сидя на толстых ветвях у самого ствола, но тотчас же пробуждались, услышав наши шаги.

Когда мы спугивали их, то днем быстро и ловко начинали лазать по ветвям, но никогда не обращались в бегство, а всегда скоро снова усаживались спокойно и доверчиво на ветвях, прислушиваясь и присматриваясь к нам сквозь густую листву. Они умели очень искусно пробираться между многочисленными острыми шипами мимоз, а также делать большие прыжки с одного дерева на другое. Ночью, как нам говорили, они быстро, но бесшумно занимаются охотой за насекомыми или, по крайней мере, собиранием плодов, причем глаза их горят, как «пылающий огонь».

Африканские полуобезьяны

- 1) Галаго (*Otolicnus galago*), 2) Медвежий маки (*Arctocebus calabarensis*),
3) Петто (*Perodicticus potto*)

Говорят, что эти животные легко попадают в силки и что днем люди, умеющие хорошо лазать по деревьям, могут даже схватить их рукой. Ловцу нужно только крепко трясти сук, на котором сидит тендж; тогда последний, из боязни упасть, крепко цепляется за него и позволяет себя схватить. Я думаю, что этот способ ловли удобен, так как сам часто с успехом применял его при ловле белок.

Купец Бакль, путешествовавший по Сенегамбии в начале XIX века, получил парочку галаго от одного негра, поймавшего их в лесах из акаций, доставляющих аравийскую камедь. Галаго там называли «камедными животными» и уверяли, что они охотно поедали смолу мимоз. Пойманная пара подтверждала на деле это указание, однако предпочитала насекомых всякой другой пище.

Своим поведением эти галаго напоминали столько же макаки, как и летучих мышей. Их подвижность, живость и, особенно, сила прыжков приводили в удивление всех путешественников. Но самым замечательным оставалось движение их ушей. Желая спать, они могли их совершенно закрывать. Сначала уши морщатся и укорачиваются у основания, затем верхушка уха загибается внутрь, так что уха почти не видно. Но при малейшем шуме верхний край снова разворачивается, и вся раковина растягивается и становится гладкой. Совершенно таким же образом поступают некоторые летучие мыши, чтобы притупить свой чрезвычайно тонкий слух и быть в состоянии спокойно спать среди дневного шума.

Живущий на острове Занзибаре **ушастый маки**, *комба* суагелов (*Otoliscus agisymbanus*), превосходит по величине галаго: длина его тела достигает 20—30, длина хвоста 22—25 см. Преобладающий цвет меха желтовато-или буровато-серый. Хвост при основании рыжий, а задней части черно-бурый. Большие, почти голые уши пепельно-серого цвета. На Занзибаре, по словам Керстена, применяют очень простое средство, чтобы койма комба. Его ловят, не охотясь за ним; его губит страсть к лакомству. Несмотря на свою жажду теплой крови высших позвоночных, комба не пренебрегает и сладкими лакомствами, напротив, он обнаруживает к ним такое пристрастие, подобное которому можно встретить еще у обезьяны и у некоторых грызунов.

«Когда готовят пальмовое вино,— рассказывает названный путешественник,—нередко наш ушастый маки является непрошеным гостем на заманчивый для него пир и пьет сладкий напиток, который совершенно отуманивает его. Дело в том, что чудная жидкость, вытекающая из верхушки пальмы, оказывается не только сладкой, но и опьяняющей, и тем в большей степени, чем дольше она находилась в соприкосновении с воздухом. Опьяневший комба теряет сознание, падает с безопасной для него верхушки дерева на землю и остается лежать, побежденный тяжелым опьянением. Здесь наутро его находит негр, посланный собирать вытекающее пальмовое вино, поднимает с земли недвижимого, спящего зверька, прячет его сначала в простую клетку или привязывает веревкой, обвитой вокруг туловища, потом приносит в город, где предлагает на продажу европейцам, охотникам до таких животных.

«С течением времени зверек отплачивает хорошими услугами за посвящаемые ему заботы. В том помещении, где находится комба, не может спокойно жить мышь; в комнате или на корабле, где он обитает, он неутомимо преследует надоедливых больших тараканов. Мы с удовольствием вспоминаем одно наблюдение, сделанное во время скучного морского переезда. Множество населявших наше судно тараканов делали необходимым время от времени осматривать наши сундуки с платьем. Вонь от паразитов, поразившая нас при открывании сундуков, привлекла внимание нашего ручного ушастого макаки. Несмотря на неудобное для него время дня, он стал с большим вниманием

исследовать содержимое сундука и очень скоро доказал нам, что очень хорошо знал, зачем пришел; теперь ему было много дела, чтобы управиться с обеспокоенным нами войском тараканов. С удивительной ловкостью бросался он с быстротой молнии то в одну, то в другую сторону, схватывая тут взрослого таракана, там—куколку; в то время как одна рука его держала у рта схваченную и поедаемую добычу, другая была занята ловлей новой дичи. Так он присматривался, прислушивался, хлопотал и чавкал, пока мы не окончили нашу работу».

Заканчивая обзор сем. лемунов, нужно еще упомянуть о след. родах: 1) **полумаки** (*Haplemur*), 2) **кошачьи маки** (*Chirogaleus*), 3) **Потто** (*Perodicticus*), 4) **медвежий маки** (*Arctocebus*). Из полумаков известен один вид, **серый полумаки** (*H. griseus*), длиной в 60 см, причем хвост—35; оливково-буроватого цвета, с куницеобразным телом; живет в бамбуковых зарослях Мадагаскара. Близко

к нему стоит живущий там же **валуви** (*Chirogaleus furcifer*), такой же величины, светло-буровато-серого цвета; лобит мед. Потто и медвежий маки отличаются недоразвитыми хвостами. Кроме того, у первого недоразвитый, но еще ясно заметный указательный палец без когтя; у второго же этот палец—только в виде бородавки. Размеры первого—35 см, второго—25. Оба водятся в З. Афр. Образ жизни их еще мало известен.

Большая, круглая, плотно сидящая на плечах голова с настоящей лягушечьей мордой, короткие передние и длинные задние конечности и более длинный, чем тело, хвост, затем—весьма странно устроенные зубы, похожие на зубы насекомоядных хищников,—таковы главнейшие внутренние признаки одной полуобезьяны, которая уже с давнего времени считалась представителем особого рода, а в недавнее время с полным правом возвышена до главы особого семейства. Соответственно необыкновенно удлиненным ступням, этому семейству дали название **долгопятов** (*Tarsidae*); но это замечательно смиренное животное долго еще считалось то за тушканчика, то за сумчатое, то за лемура.

Так как до сих пор известен один точно определенный вид, или, самое большее, два вида, то его признаки относятся и до всего семейства.

Маки-домовой, или **долгопят-пугало** (*Tarsius spectrum*), достигает длины 40 см, из которых 23—24 см относятся к хвосту. мех у него серо-бурый, уши голые, необыкновенно большие глаза, относительно самые громадные во всем классе млекопитающих. На концах пальцев подушкообразные утолщения, как у древесных лягушек. Маки-домовой живет на Малайских островах в лесах, одиноко и не встречаясь в большом количестве. Туземцы считают его за волшебного зверя и при встрече с ним испытывают большой страх.

Ягор сообщает следующее об имевшихся у него в неволе двух маки-домовых: «В Локвиллоуне и Бетаньене мне удалось приобрести двух маки-домовых. Это—крайне нежные, редкие зверьки. Мой пленник должен был сначала поголодать, так как он избегал растительной пищи, зато поедал с большим удовольствием живых кузнечиков. Выглядел он крайне смешно, когда его кормили днем; стоя прямо и опираясь на тонкие ноги и голый хвост,

он поворачивал во все стороны свою голову с двумя огромными желтыми глазами, как ворочается на шарообразном сочленении потайной фонарь, стоящий на трехногой подставке. Ему не вдруг удавалось направить глаза на предлагаемый предмет, заметив же наконец его, зверек быстро протягивал обе свои лапки в стороны и несколько назад, как ребенок, который рад чему-либо, быстро хватал свою добычу руками и мордой и медленно съедал ее. Днем этот маки был сонлив, близорук и сердит, если его тревожили; но когда дневной свет ослабевал, он пробуждался, и зрачок его расширялся. Ночью он двигался быстро и живо, бесшумными скачками, охотнее всего вбок. Пленник быстро стал ручным, но, к сожалению, умер через несколько дней; точно так же и второе животное я мог сохранить лишь на короткое время.

Ай-ай. Сто с лишком лет тому назад путешественник Соннера получил с западного берега Мадагаскара пару крайне странных зверьков, о существовании которых никто до того времени ничего не знал. Даже на противоположном берегу острова они были совершенно неизвестны. По крайней мере, жившие там мадагаскарцы уверяли нашего естествоиспытателя, что оба животных, которых он имел живыми, были первые, каких они видели. При виде их они громко вскрикивали, выражая свое удивление, и Соннера назвал открытое им животное по этому возгласу — ай-ай.

До новейшего времени *ай-ай*, привезенный в Европу Соннера, был единственным известным, и появившееся в 1782 г. описание было единственным источником сведений о жизни этого редкого животного. Затем следующее сообщение стало известным ученому миру в 1844 г., благодаря Де-Кастелю. Этому путешественнику удалось достать молодого живого *ай-ай*, и он решил подарить его Парижскому ботаническому саду. К несчастью, животное умерло, не достигнув Европы; но шкура его и скелет поступили в парижский сад, и этим было доказано, что последнее животное и ай-ай Соннера принадлежали к одному и тому же виду. До начала шестидесятих годов эти два экземпляра

оставались единственными известными. Только в 1862 г. Лондонское Зоологическое общество получило радостное известие, что две *руконожки*, как между тем называли это странное существо, пойманы на Мадагаскаре и уже отправлены в Зоологический сад в Реджент-Парке. Один из этих экземпляров благополучно прибыл в Европу живым, другой по крайней мере в спирту. Несколько позднее последовало еще несколько экземпляров, из которых три были приобретены Берлинским музеем.

Только теперь зоологи могли несомненно установить родственные отношения ай-ай и отнести ему подобающее место в системе животных.

По исследованиям Оуэна и Петерса, **ай-ай**, или **руконожка** (*Chiromys madascariensis*), образует не только особый род, но и особое семейство в отряде полуобезьян.

Я мог только короткое время наблюдать руконожку, которая несколько лет жила в Лондоне. К сожалению, свободного времени у меня было так мало, что я мог посвятить животному только один вечер. Но и этот

один вечер показал мне, что описание Соннера нуждается не только в дополнении, но и в исправлении. Я хочу поэтому кратко изложить здесь мои ограниченные наблюдения и все, что я расспросил у сторожей.

Животное не имеет значительного сходства буквально ни с каким другим млекопитающим. В некотором отношении оно напоминает галаго; однако едва ли какому исследователю придет в голову соединить его с последним в

одно семейство. Толстая широкая голова с большими ушами, благодаря которым первая кажется еще шире, маленькие, выпуклые, неподвижные, но горящие глаза с гораздо меньшим зрачком, чем у ночной обезьяны, морда, имеющая действительно известное сходство с клювом попугая, значительная длина тела и длинный хвост, который, как и все тело, покрыт редкими, но длинными, жесткими, почти щетинистыми волосами, и, наконец, замечательные руки, средний палец которых имеет вид засохшего,—все эти признаки, взятые вместе, придают всему ай-ай что-то настолько своеобразное, что невольно ломаешь себе голову в бесплодном старании найти этому животному родственное существо.

Для зоолога, который видит это странное существо живым перед собой, не может подлежать никакому сомнению, что он имеет дело с настоящим ночным животным. Ай-ай боится света более, чем какое другое известное мне млекопитающее. Ночную обезьяну можно, по крайней мере, разбудить, она ощупывает вокруг себя, удивленно смотрит на мир, освещенный дневным светом, с участием прислушивается к жужжанию летящего мимо насекомого, даже чистится и лижется; напротив, ай-ай, если днем и удастся после большого труда разбудить, кажется, совершенно не осознает ничего. Машинально тащится он назад в свое темное место, свертывается клубком и закрывает морду густым хвостом, которым он окружает голову, как обручем. В каждом его движении, в каждом действии проявляется беспримечательная вялость и безучастность. Лишь когда наступит темная ночь, спустя долгое время после сумерек, он пробуждается и выползает из своего темного логовища, видимо, все еще боясь, чтобы какой-нибудь луч света не осветил его. Свет свечи, который нисколько не пугает других ночных животных, обращает его в бегство.

Если наблюдения Соннера правильны, то, очевидно, ему пришлось иметь дело с особенно благодушной руконожкой. Та же, которую я видел, была вовсе не кротка; напротив, очень раздражительна и зла. Если к ней приближались, то она фыркала, как кошка; если ей протягивали руку, то она, издавая те же звуки, яростно бросалась на нее, пытаясь схватить ее обеими лапами.

Единственная пища, которую употребляют ай-ай, состоит из свежего молока с подмешанным в него вареньем и растертым яичным желтком. Маленького блюдца этого корма хватает на целый день. Во время еды ай-ай пользуется обеими руками, бросая ими жидкую пищу себе в рот. Мясной пищи он до сих пор упорно избегает; пытались ли приучить его к другой пище— не знаю.

К этим наблюдениям, написанным в 1863 г., я хочу прибавить данные, позднее (1868 г.) обнаруженные Поленом, так как они существенно пополняют сведения о жизни ай-ай на свободе. «Это животное, столь замечательное в научном отношении,—говорит наш сотоварищ,—живет предпочтительно в бамбуковых лесах внутри большого острова. Питается оно сердцевиной бамбукового дерева или сахарного тростника, а также жуками и их

личинками. Чтобы достать себе пищу, состоит ли она из сердцевины бамбукового или сахарного тростника или из насекомых, оно прогрызает своими сильными резцами отверстие в стволе растений, запускает туда свои тонкие пальцы и вытаскивает оттуда растительные вещества или насекомых. Насколько сонливым оно кажется днем, настолько живо движется ночью. Начиная с восхода солнца, оно спит, скрывая голову между ногами и еще закутывая ее длинным хвостом. С наступлением ночи оно пробуждается от своего сонного состояния, лазает вверх и вниз по деревьям и прыгает с ловкостью маки с ветки на ветку, тщательно исследуя при этом отверстия, щели и дупла старых деревьев и стараясь найти себе добычу; но еще до начала утренней зари оно уходит в глубь леса. Его крик, громкое хрюканье, можно часто слышать в течение ночи».

Отряд III

Рукокрылые (Chiroptera)

Еще до заката солнца начинается своеобразная деятельность животных, принадлежащих к одной из замечательнейших групп млекопитающих. Из всех щелей, скважин и дырок выползает мрачная, темная масса летучих мышей, которые днем боязливо прятались, как бы не смея показываться при солнечном свете, а теперь готовятся к ночному полету. Чем больше сгущаются сумерки, тем больше становится число этих созданий. С наступлением ночи все они пробуждаются и начинают свою воздушную жизнь.

Германия лежит на границе области распространения летучих мышей, и в ней водятся только мелкие, нежные, слабые виды их. На юге же дело обстоит иначе. Чем более мы приближаемся к жаркому поясу, тем больше становится число рукокрылых, тем разнообразнее оказываются их представители. Юг—родина большинства этих животных.

Уже в Италии, Греции и Испании мы замечаем значительное число летучих мышей. Там, с наступлением вечера, они выползают не сотнями, а тысячами из своих убежищ и наполняют воздух своим шумом. Из каждого дома, из всякого старого полуразвалившегося здания, из каждой расщелины скалы вылетают они, подобно большому войску, совершающему свое выступление, и уже во время сумерек весь горизонт буквально заполняется ими. Но еще поразительнее число рукокрылых, замечаемое в жарких странах! Весьма привлекательно и

поучительно провести вечер перед воротами какого-нибудь большого города на Востоке. Стаи летучих мышей, пробуждающихся вечером, буквально затемняют там воздух. Скоро теряешь им счет, так как отовсюду виднеются темные существа, прорезывающие воздух. Они живут и движутся везде: кишат между деревьями в садах, рощах и лесах, пролетают над полями на большей или меньшей высоте, проносятся над городскими улицами, дворами и даже влетают в комнаты. Сотни их приходят и заменяются новыми. Вы постоянно окружены колеблющимся роем их.

Рукокрылые обращают на себя внимание преимущественно внешним видом. Они имеют вообще сильное телосложение, короткую шею и толстую, продолговатую голову с большой ротовой щелью. По общему строению они имеют больше всего

сходства с обезьянами и, подобно им, имеют два грудных сосца; но во всем остальном они значительно разнятся от обезьян. Передние конечности их превращены в органы летания и потому необыкновенно увеличены, тогда как туловище имеет самую незначительную величину. От этого они кажутся большими, в действительности же принадлежат к самым маленьким млекопитающим.

Внутренние части их тела представляют много замечательного. Их скелет состоит из довольно тонких, но крепких костей, но последние не заключают в себе наполненных воздухом пространств, как у птиц. Строение руки также своеобразное. Плечо, предплечье и пальцы рук чрезвычайно удлинены, в особенности последние три пальца, превосходящие по длине плечевую часть руки. Благодаря этому, пальцы являются настолько превосходно приспособленными к расширению натянутой между ними летательной перепонки, насколько негодными для других целей. Только большой палец, не принимающий участия в летании, имеет еще сходство с пальцами других млекопитающих: обыкновенно он состоит из двух суставов, короток и снабжен острым когтем, благодаря которому может заменять животному руку при лазании. Бедренная кость значительно короче и слабее плечевой, и все вообще кости ноги значительно слабее раз-

виты соответствующих костей руки. Нога имеет довольно правильное строение: на ступне находятся пять пальцев с когтями. Но она имеет свою особенность: от пятки выступает имеющаяся только у одних летучих мышей кость, *шпора*, которая служит для натягивания летательной перепонки между хвостом и ногой. Таким образом строение скелета рукокрылых напоминает, с одной стороны, птиц, с другой — допотопных летучих ящеров. Из мускулов заслуживают упоминания необыкновенно сильные грудные мускулы; кроме того, еще один мускул, совершенно отсутствующий у других млекопитающих и присосший одним концом к черепу, а другим — к руке. Назначение этого мускула — помогать расправлять крыло. Зубы имеют сходство с зубами насекомоядных; все роды зубов находятся у рукокрылых в замкнутых рядах, но число и форма их весьма разнообразны, чем и различаются роды их.

Из всех признаков рукокрылых наиболее замечательно развитие кожи, так как оно обуславливает не только форму всего тела, но и выражение лица и служит причиной того, что многие летучие мыши имеют положительно чудовищный вид. Широко раскрытая пасть также весьма способствует тому, что выражение их лица весьма своеобразно. Но что всего более придает их лицу отталкивающее и безобразное выражение (по крайней мере, по мнению большинства), так это кожные образования на ушах и на носу.

«Ни в какой другой группе животных, — говорит Блазиус, — нельзя указать на такое развитие кожной системы. Это обнаруживается в образовании ушей и носа, а также и летательной перепонки. Уши у всех видов имеют значительную величину. У некоторых видов по длине они превышают все тело, а в ширину оба уха иногда разрастаются до того, что обращаются в одну большую сплошную ушную раковину. У многих видов места, соседние с ноздрями и носовым гребнем, странным образом принимают участие в этом разрастании кожи, почему получают физиономии, не имеющие себе подобных. Но не только в развитие летательной перепонки, а и всех прочих кожных образований ушей и носа сказываются особенности летучих мышей, по которым они резко отличаются от остальных животных и которыми, несомненно, обусловлены их движения и образ жизни».

Замечательную особенность представляет летательная перепонка рукокрылых: недавно в ней открыли очень эластичный или, скорее, сократимый слой кожи. Летательная перепонка остается постоянно жирной вследствие смазывания ее маслянистой жидкостью, выде-

ляемой железами. Так же своеобразно строение волос у рукокрылых: под микроскопом волосы их можно отличить от волос других животных по особым, винтовым оборотам. Цель последних — лучше сохранять теплоту.

Внешние чувства у рукокрылых превосходно развиты, но не одинаково у различных родов и видов. Отдельные органы чувств отличаются крайне своеобразными придатками и оригинальными утолщениями.

Чувство вкуса, по всей вероятности, стоит у них на самой низкой ступени, но и его нельзя считать совершенно отсутствующим, как можно заключить по отсутствию языка и обилию нервов в нем. Притом были произведены опыты, доказывающие тонкость вкуса, а именно: если спящим и даже наполовину околелым летучим мышам влить в открытый рот каплю воды, они сейчас же проглатывают ее; но если им дать водки, чернил или другой невкусовой жидкости, то все это будет выплюнуто. Не менее развиты у них глаза. Сравнительно с величиной тела их можно назвать маленькими, но зрачок способен к значительному расширению. У некоторых видов имеются особенно маленькие глаза, притом так скрытые, по уверениям Коха, в густых волосах лица, что никоим образом не могут соответствовать целям зрения. Этих животных с маленькими глазами видят иногда летающими уже днем, тогда как настоящие ночные рукокрылые имеют большие открытые глаза. Но глаз может и бездействовать, и животное не потерпит от этого заметного ущерба. Чувство зрения подкрепляется, главным образом, обонянием, слухом и осязанием. Много раз делали опыты ослепления летучих мышей, заклеивая им глаза английским пластырем; и тем не менее, несмотря на свою слепоту, они летали по комнате так же искусно, как и прежде, и великолепно умели избегать

всяких препятствий, напр., многих, протянутых по различным направлениям в комнате, нитей. Чувство осязания, кажется, особенно развито в летательной перепонке; по крайней мере, это вытекает из всех наблюдений. Но еще более развитыми, чем это чувство, оказываются обоняние и слух. Нос у всех настоящих летучих мышей является в высшей степени совершенным органом. Ноздри, сами по себе очень открытые, при посредстве особых мускулов могут то расширяться, то сужаться или совсем закрываться.

Ухо, такое же совершенное, как и нос, состоит из очень большой, часто достигающей угла рта, ушной раковины, снабженной особыми лопастями и вырезками и чрезвычайно подвижной. Кроме того, к нему принадлежит еще большая ушная крышка, род различным образом устроенного клапана, служащая для запирания уха при шуме и тонах более сильных, чем те, какие летучая мышь может вынести, и избавляющая ее от мучительных ощущений; тот же придаток, в случае нужды, делает животное способным воспринимать самый слабый звук. Несомненно, что летучая мышь слышит полет насекомого уже на значительном расстоянии и главным образом руководствуется слухом при своем полете. Если отрезать листовидные придатки или ушные клапаны, то все рукокрылые начинают летать неправильно и везде натываются на препятствия.

Духовные способности летучих мышей вовсе не так ничтожны, как можно было бы предполагать, и не соответствуют выражению их лиц, указывающему на духовную бедность. Мозг у них большой и имеет извилины. Это уже указывает, что их способности не могут быть ничтожными. Все рукокрылые отличаются хорошей памятью, а иные — даже известной сообразительностью.

Коленати рассказывает, напр., что одна летучая мышь, охотясь в липовой аллее за бабочками, щадила самку, заметив, что она привлекала многих самцов, которых рукокрылое могло ловить одного за другим. Напрасно пытались ловить летучих мышей, вздевая на уды бабочек: животные приближаются, иссле-

дуют висящее насекомое, но скоро замечают тонкий конский волос, к которому прикреплена удочка, и оставляют все нетронутым, хотя бы они и нуждались в корме. Что при хорошем обращении летучие мыши делаются ручными и преданными своему господину, это доказано наблюдениями многих ученых и любителей природы. Некоторые исследователи приучали этих животных брать пищу из рук или доставать ее из стаканов, причем рукокрылые исполняли это, раз поняв, в чем дело.

Мой брат имел ушана, которого он так приручил, что тот следовал за ним по всем комнатам и, как только он предлагал ему муху, мгновенно садился к нему на руку и поедал добычу. Большие рукокрылые в неволе очень милы, делаются чрезвычайно ручными и оказываются очень понятливыми.

«С формой летательной перепонки,—говорит Блазиус,—связана способность летать и характер полета. Кто наблюдал летучих мышей на свободе, тот должен признать поразительное соответствие указанного отношения с быстротой и ловкостью полета отдельных видов. Наибольшей ловкостью и быстротой полета между немецкими видами отличается *обыкновенный кожан*. Иногда еще до солнечного заката можно видеть его летающим высоко вместе с ласточками, наблюдать его быстрые и смелые повороты; этот вид обладает относительно самыми стройными и длинными крыльями, более чем в три раза превышающими по длине его ширину. К ним примыкают все те виды, крылья которых устроены подобным же образом. Все они летают быстро и высоко, делая разнообразнейшие, часто внезапные повороты, и так уверены в своих движениях, что не боятся бури и непогоды. Крыло у них на лету описывает острый угол и только при внезапных поворотах он становится больше, и таким образом самый быстрый и разнообразный полет происходит при легких, менее напряженных, движениях крыльев».

Наименьшей летательной способностью обладают виды, принадлежащие к родам *Vespertilio* и *Rhinolophus*. Они имеют сравнительно с остальными более широкие и короткие крылья, длина которых превосходит ширину большей частью лишь в два с половиной раза. Крылья этих видов описывают большей, чаще всего тупой угол. Полет их размашистый, медленный и неуверенный. Обыкновенно такие летучие мыши летают по прямому направлению по улицам и аллеям, невысоко, без быстрых поворотов и боковых движений, некоторые только в нескольких дюймах от поверхности земли или воды.

Нетрудно по высоте полета, роду движений и величине животного отличить на лету

всякий вид, и нельзя ошибиться, если по устройству крыла судить о летательной способности.

Вообще полет всех рукокрылых не может долго продолжаться и бывает прерывистый. Он совершается непрерывающимся движением рук. Птица может парить, а летучая мышь только летает. Ее полет облегчается телосложением. Сильные грудные мускулы, легкая и сплюснутая нижняя часть туловища, руки, превосходящие своей длиной в три раза длину тела, натянутая между пальцами и всеми частями конечностей, лишенная перьев летательная перепонка—все это обуславливает летание, но парить в воздухе летучая мышь не может, так как в костях у нее нет воздуха, а в теле нет имеющихся у птиц воздушных мешков, главным же образом потому, что рукокрылые не имеют перьев ни в крыльях, ни в хвосте. Их полет есть ряд бесперывных взмахов по воздуху, почему им нельзя скользить на лету или прорезывать воздух без движения крыльев.

Чтобы легче было развернуть для своего полета летательную перепонку, все рукокрылые во время отдыха прицепляются когтями задних конечностей к какому-нибудь возвышенному предмету и свешиваются головой вниз.

С земли подняться рукокрылым нелегко, но они помогают себе тем, что, расширив сначала руки и летательную перепонку и подобрав под себя ноги, несколько выпрямляют свое тело, делают один или несколько скачков вверх и затем сильными взмахами крыльев поднимаются на воздух. Если им удалось это, то они продолжают свой полет довольно быстро. Как утомительно для них летание, всего лучше видно из того, что летучие мыши часто после самого непродолжительного летания подвешиваются для отдыха к сучьям деревьев, выступам стен и т. п. и, только отдохнув немного, продол-

жают свой полет. Ни одна летучая мышь не в состоянии была бы летать непрерывно, подобно, напр., ласточке; вот почему большие зимние передвижения, какие предпринимают птицы, для них невозможны.

Впрочем, передние конечности рукокрылых служат не только для летания, а и для ползания по земле. Походка у всех видов хотя и не так тиха, как можно бы было предположить заранее, но

все же является жалким ковыляньем. Животные при этом притягивают под себя ноги, приподнимают при этом движении заднюю часть тела и этим толкают все тело вперед, так как кисть руки, а именно когти большого пальца у них служат только опорой передней части тела. Некоторые виды рукокрылых, бегают, однако, почти так же быстро, как крысы или другие домашние грызуны.

Все рукокрылые днем спят, а ночью бодрствуют. Большинство из них показывается только при наступлении сумерек и еще задолго до восхода солнца удаляется в свои убежища. Некоторые виды, однако, появляются гораздо раньше, а иные уже между 3 и 5 часами пополудни весело носятся в воздухе, несмотря на яркий солнечный свет.

Каждый вид имеет свои особые места для охоты: в лесах, садах, аллеях и улицах, над медленно текущими или стоячими водами и т. п., реже в открытом поле, на том простом основании, что здесь им не за кем охотиться. В более богатых странах юга они живут вблизи маисовых или рисовых полей, потому что последние скрывают массу насекомых, доставляющих им хорошую добычу. Обыкновенно они облетают маленький участок шагов в 1000 в поперечнике. Более крупные виды посещают большие районы, быть может требующие для осмотра ими около получаса времени; о крупных южных видах, так называемых летающих собаках, известно, что они сразу летят на протяжении многих миль, перелетая с одного острова на другой, удаленный от первого на несколько миль. Днем все рукокрылые прячутся в различных местах; в Германии по селам, в дуплистых деревьях, пустых домах, реже в расщелинах утесов и в пещерах. В тропических странах многие виды висят открыто на ветвях деревьев, если эти ветви образуют густой покров. Это же наблюдается кое-где и в Германии, но реже. Большинство же летучих мышей повсюду любит прятаться, иные под корой деревьев и в дуплах, другие — под крышами между дранью и черепицами, наконец, большая часть в пещерах скал, в отверстиях стен, под сводами обрушившихся или мало посещаемых зданий, в глубоких колодцах, штольнях, шахтах и тому подобных местах.

Летучие мыши вообще общительны, но некоторые отдельные виды ненавидят и даже пожирают друг друга. Так, напр., вампиры нападают на ушанов и сосут у них кровь.

Пищу летучих мышей составляют плоды, насекомые, иногда даже другие позвоночные животные и кровь, которую они высасывают из более крупных животных. Живущие в Европе рукокрылые, собственно настоящие летучие мыши, нападают только на насекомых, а именно: ночных бабочек, жуков, мух и комаров. Аппетит у них необычайный: крупнейшие из них свободно

съедают дюжину майских жуков, более мелкие—целую тьму мух и все-таки не чувствуют себя сытыми. Чем живее их движение, тем более они нуждаются в пище и по этой причине являются для нас чрезвычайно полезными животными, заслуживающими наивозможной пощады... Этого нельзя сказать о рукокрылых, сосущих кровь, которые иногда могут быть очень вредными, а также о тех видах, которые, питаясь плодами, уничтожают целыми фруктовые плантации, напр., виноградники.

Заслуживает внимания наблюдение, сделанное Гейглином: летучие мыши Африки ради продовольствия сопутствуют стадам. «В земле богосов,—замечает этот исследователь,—ведется очень большое скотоводство, и стада, находя для себя в более отдаленных местностях лучшие луга и больше питьевой воды, часто по целым месяцам не возвращаются к жилищам своих хозяев. При нашем прибытии в Кеерен, все стада рогатого скота, сопровождаемые мириадами мух, везде им сопутствовавших, паслись в глубоких долинах Барки, где летучие мыши попадают крайне редко. Около конца времени дождей в ближайших окрестностях собрались почти на месяц все стада, принадлежащие здешним богосам, и одновременно с ними появились насекомоядные сумеречные и ночные летучие мыши в невероятном количестве; с уходом последнего стада и они опять бесследно исчезли. В ночь с 30 сентября на 1 октября мы расположились лагерем на возвышенности, находившейся в трех часах езды южнее Кеерена, вблизи участков, предназначавшихся для загона рогатого скота. Так как в это время стада находились в других частях их, то мы заметили только одну или двух летучих мышей в столь благоприятной для этих животных местности. Через один день стада вернулись на упомянутые места, и уже в тот же самый вечер летучие мыши снова появились в значительном числе».

После этого мне не кажется более невероятным предположение, что и среди европейских летучих мышей есть более, чем мы принимаем, странствующих видов, хотя такие странствования совершаются и в более ограниченных пределах, чем у птиц.

Тепло—необходимое условие для жизни летучих мышей и не только потому, что оно нужно для насекомых, которыми они питаются, но и оттого, что рукокрылые и сами по себе боятся холода. Конечно, присутствие большого количества рукокрылых в теплых широтах находится в тесной зависимости от богатства этих мест насекомыми, но тепло и само по себе крайне необходимо для развития этих животных. Большинство видов во время дурной погоды, дождя или вет-

ра остается в своих убежищах; иные летают, впрочем, и во время холодных вечеров, но лишь на короткое время, возвращаясь по возможности скорее в свои логовища. Здесь, конечно, играет большую роль и то обстоятельство, что в ненастные вечера им бесполезно летать, так как насекомые также прячутся и так как сильный ветер чрезвычайно затрудняет их полет, причем только длиннокрылые виды могут оказывать сопротивление сильным порывам ветра.

С наступлением холодов все летучие мыши, живущие в умеренных странах, погружаются в более или менее глубокую зимнюю спячку. Для этого

каждый вид отыскивает себе уголок, по возможности защищенный от влияния непогоды: пещеры, погреба, теплые крыши, чердаки вблизи труб и тому подобные места. Здесь рукокрылые собираются обществами, часто в несколько сотен, подвешиваясь за что-нибудь задними конечностями и сбившись плотно друг к другу, иногда разные виды попеременно, разумеется только с теми, с которыми они всегда находились в дружественных отношениях. Крайне редко собираются вместе виды, жившие раньше в открытой вражде. Температура их крови падает вместе с температурой внешнего воздуха, нередко до 4, даже, говорят, до 1 градуса Реомюра, тогда как в обыкновенное время температура крови у них имеет $24 \frac{3}{4}^{\circ}$ по Реомюру, и, наконец, они окоченевают. Но если внешняя температура настолько низка, что их еще мало охладевшая кровь не может ее выносить, то летучие мыши пробуждаются и начинают двигаться. Нередко они замерзают, особенно если, поймав их, выставить на сильный холод. Пока холодно, окочневшие рукокрылые висят спокойно, но в более теплые зимние дни они начинают шевелиться и некоторые виды иногда летают среди дождя и снега. Все рукокрылые носят при себе своих детенышей, даже во время полета, и притом в течение довольно продолжительного времени, даже тогда, когда маленькие животные уже сами могут прекрасно летать и по временам покидают грудь родителей. Последнее случилось, по моим наблюдениям, с теми летучими мышами, которых я находил подвешенными на деревьях в девственных лесах Африки. Приблизительно в 5—6 недель детеныши становятся взрослыми.

Отталкивающая наружность и ночной образ жизни летучих мышей с древнейших времен давали богатую пищу суеверию и привлекали на безобидных животных до последнего времени нареkania и отвращение толпы. Мы не будем разбирать многочисленных басен, между которыми некоторые, как, например, пристрастие летучих мышей к салу и к волосам на голове человека, и теперь находят себе веру, наоборот, подтвердим здесь самым убедительным образом о тех правах на пощаду и справедливые отношения, которые летучие мыши должны иметь в глазах каждого образованного человека. Все встречающиеся в Германии виды рукокрылых приносят исключительно пользу, истребляя благодаря своей прожорливости массу вредных насекомых. Вред от немногих видов,

поедающих фрукты, не так уже значителен, а рукокрылые, сосущие кровь, вовсе не так опасны, как думали раньше. Вследствие этого можно рассматривать весь отряд как весьма полезного члена в цепи существ.

Число палеонтологических летучих мышей, о которых мы имеем сведения, крайне незначительно. В янтаре находили волосы летучих мышей, а в некоторых известняках—окаменелые остатки костей рукокрылых. Среди живущих теперь рукокрылых известно около 300 различных видов, из которых на Европу приходится около 35. Чрезвычайно большое разнообразие форм, несмотря на сходство в общем, делает деление и определение рукокрылых весьма затруднительным даже для специалиста.

Первый, главный отдел образует семейство **летучих собак**, или **плодоядных летучих мышей** (Pteropina). Все рукокрылые, принадлежащие к этой группе, населяют исключительно теплые страны Старого Света, а именно: Южную Азию с ее островами, Среднюю и Южную Африку, Австралию и Океанию. Вследствие их величины уже с древних времен на них смотрели, как на настоящих чудовищ. Этих безобидных и добродушных животных считали

отвратительными гарпиями и ужасными вампирами; среди них искали тех мрачных существ, которые садились на спящих людей и высасывали у них кровь из сердца.

Плодоядные летучие собаки имеют внешний вид почти летучих мышей, но значительно большую величину и добродушную голову, напоминающую собак или лисиц, вследствие чего их и называли летучими собаками, или лисицами. Летательная перепонка, а также строение передних конечностей и ног такие же, как и у других летучих мышей; кроме большого пальца, и указательный снабжен когтеобразным ногтем. На носу нет нароста и уши не имеют клапанов. По этим признакам они легко отличаются от остальных летучих мышей.

Летучие собаки живут всего охотнее в темных лесах и покрывают днем деревья в бесчисленном количестве, подвешиваясь рядами к сучьям и закутав крыльями голову и туловище. В дуплистых деревьях также находят их и притом иногда массами в несколько сот. В темных девственных лесах иногда они летают и днем, но настоящая жизнь для них, как и для всех рукокрылых, начинается только с наступлением сумерек. Благодаря своему острому зрению и тонкому обонянию, они безошибочно находят деревья с сочными и зрелыми плодами; к ним они подлетают поодиночке, но скоро слетаются большими стаями и способны совершенно оголить такое дерево.

Днем они очень боязливы и при первом случае обращаются в бегство, стараясь улететь. Летают сильно и быстро, но невысоко. В неволе скоро ручнеют. Туземцы охотятся за ними из-за мяса, похожего, даже по мнению Гааке, на мясо кролика или курицы, или из-за меха.

Собственно **летучие собаки** (*Pteropus*) похожи на собак по морде, но без хвоста. Уши довольно длинные, голые и заостренные; летательная перепонка весьма развита. Наибольший из всех видов этого рода — **калонг**, летающая собака (*P. edulis*), длиной до 1 ф. 4 д.; размах крыльев до 5 фут. Окраска спины темно-бурая, на брюхе ржаво-черная, голова — рыже-красная, летательная перепонка — коричневая. Живет на Яве, Суматре, Банде и Тиморе, в лесах, увешивая днем ветви капока и дурьена. Питается плодами, особенно смоквами и манго, не отказываясь, однако, от насекомых, а при случае — и от мелких позвоночных, напр., рыбешек. За калонгами охотятся ради их вкусного мяса, причем охотник старается целиться в крыло, как наиболее чувствительное место калонга: раненный в крыло, он уже не может летать и беспомощно падает на землю.

Летучую собаку, которую я сам изучал в неволе, можно назвать **летучей лисцей** (*P. Edwardsi*), у индусов же она известна под названием бадула, или вургабула: она меньше калонга (всего в 1 ф. длины). Морда и голые уши ее — черные, на теле же замечается странное сочетание бурых, коричневых, красноватых и серых тонов. Это животное

широко распространено в Южной Азии, начиная от Бирмы к западу, и доходит до Мадагаскара. Встречается, подобно калонгу, целыми стаями, усеваяющими днем деревья. На о-ве Цейлоне любимым местом их пребывания служит ботанический сад Перадения вблизи Кэнди. Здесь, по словам Геккеля, они целыми кучами увешивают баньяны.

«Несколько метких выстрелов,—говорит этот наблюдатель,—свалило около полудня животных на землю, причем вся стая (несколько сот штук) поднялась и с громким криком полетела прочь. Некоторые из упавших животных, которые не были ранены смертельно, отчаянно защищались своими зубами и когтями... Полет летучих ли-

сиц очень отличается от полета наших летучих мышей, походя более на полет ворон. С особенным удовольствием пьют они сладкое пальмовое вино, и в сосудах, которые сингалезцы вешают для собирания его высоко на вершины пальм, утром нередко находили пьяных животных...»

Мясо летучих собак считается туземцами

Калонг (*Pteropus edulis*)

очень вкусным, и ради него они усердно охотятся за этими животными, большей частью при помощи сетей. К неволе летучие собаки привыкают довольно быстро и легко уживаются в европейском климате.

В течение дня это животное обыкновенно висит на одной ноге, то на правой, то на левой. При этом свободная нога кладется на живот, голова опускается на грудь, отклоняясь немного в сторону, и только заостренные

уши несколько выдаются вниз. Приняв такое положение, летучая собака закрывает себя крыльями, как плащом, ограждая тем от внешнего мира все органы чувств, кроме ушей, чтобы уловить угрожающий опасностью шум. По временам сон прерывается, если животному нужно совершить какое-нибудь неотложное дело или почистить летательную перепонку, смазать ее жиром, растянуть... С наступлением темноты они пробуждаются к

своей обычной деятельности: их темные глаза весело смотрят тогда вдаль, все члены обнаруживают потребность к движению, и животные начинают ползать по клетке...

Между собой летучие собаки живут довольно дружно и вместе пьют и едят из одной чашки, но, когда они незнакомы еще друг другу, между ними часто происходят кровопролитные битвы.

К летучим собакам близко подходит и другой род, живущий в Африке, **ночные крыланы** (*Synonycteris*), отличаясь, впрочем, присутствием короткого хвоста и большим пальцем, соединенным летательной перепонкой с прочими пальцами. К этому роду относятся: 1) водящийся по Белому и Голубому Нилу **пальмовый крылан** (*S.*

stramineus); стройное животное, 8—10 д. в длину. «Массивная голова эго,—говорит Гейглин,—с бульдогообразными складчатыми губами и большими глазами, походит на собаку: мех его впереди шеи блестящего оранжево-желтого цвета, выше—желтого или серовато-белого, ниже—черного». Водится на эфиопской веерной пальме; 2) **Нильский крылан** (*S. aegyptiacus*), распространенный по всему Египту и Нубии, размером еще меньше (6 д. длины); короткий мягкий мех его сверху светло-бурого цвета, внизу светлее; 3) **золотошейный крылан** (*S. collaris*), с бледно-желтым мехом и красивой, золотисто-желтой полосой на шее у самцов; ростом немного меньше предыдущего; к неволе привыкает лучше летучей лисицы.

Самую обширную группу рукокрылых, к которой принадлежат до 195 видов из общего числа—300, составляют **гладконосые** (*Gymnorhyna*). На носу у них нет листовидных придатков, уши снабжены особым клапаном, закрывающим раковину, так называемым *козелком*, острозубчатые коренные зубы имеют зубцы, похожие на буквы W. Величиной гладконосые бывают от 1 дюйма до 6 дюйм. Водятся они во всех странах света, за исключением Австралии, питаются почти исключительно насекомыми, отчасти мелкими позвоночными. По развитию стоят ниже первой группы, но гораздо подвижнее их. Их полет настолько быстр, что за ними не угнаться и хищным птицам. Также ловко они бегают и лазают. Разделяются на 3 семейства: **короткохвостые** (*Brachyura*), **скрытохвостые** (*Gymnura*) и **равнохвостые** (*Vespertiliones*). Первые имеют у основания большого пальца крыла особую кожицу; летательная перепонка выступает около голени далеко за хвост, свободно отгибающийся в сторону. У скрытохвостых летательная перепонка приросла к хвосту и заходит далеко за него; большой палец лишь отчасти окружен кожей. Наконец, у равнохвостых летательная перепонка почти такой же длины, как хвост. Представителей первого семейства в Европе совсем нет, из скрытохвостых здесь живет только один вид (на берегах Средиземного моря), равнохвостых же, или летучих мышей в тесном смысле, насчитывается во всей Европе до 29 видов. Остановимся на главнейших.

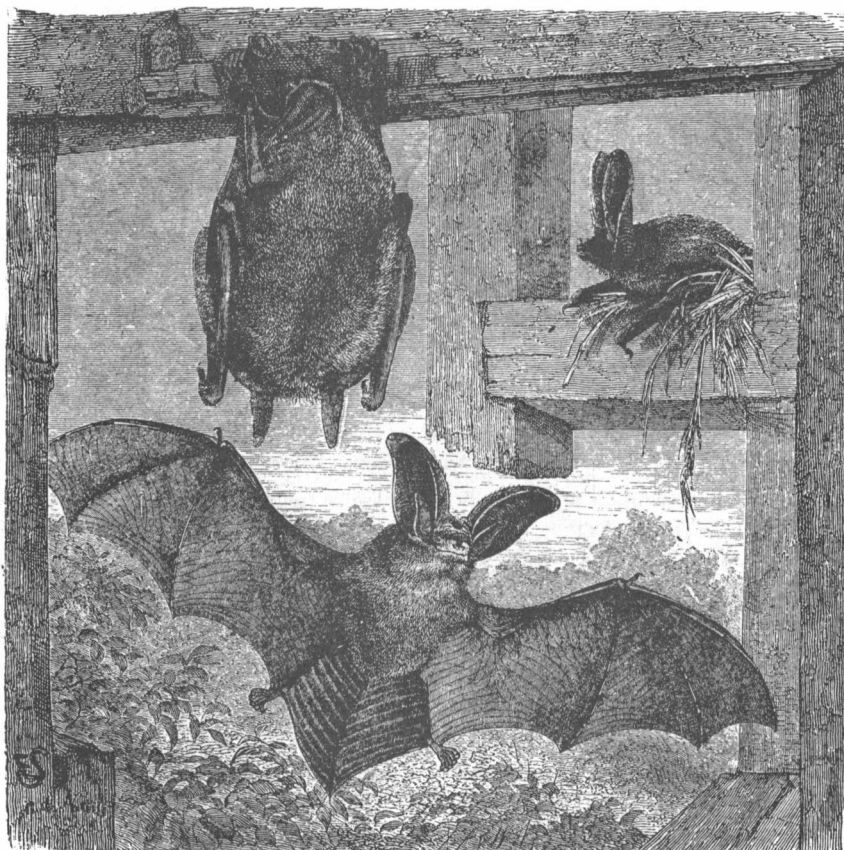
Очень распространенный род—**ушаны** (*Plecotus*), со сросшимися над теменем ушами, короткими и широкими крыльями, вследствие чего они летают не так скоро, как летучие собаки; хвост такой же длины, как туловище; на ноге со шпорой нет выдающихся боковых лопастей кожи. Зубов—изобилие; целых 36.

Ушан обыкновенный (*P. auritus*)—в длину всего 3 1/2 д., из которых половина приходится на хвост; уши же—более 1 дюйма, т.е. сравнительно с размерами тела—необычайно велики. Морда—волосистая; мех

довольно длинный, сверху серо-бурый, внизу—светлее; тонкая и нежная перепонка—гладкая. Суживающийся к концу и отгибающийся к наружи козелок равняется половине уха. Это животное распространено по всей Европе

до 60° с. ш. и, кроме того, в Сев. Африке и Зап. Азии и Ост-Индии; живет повсюду вблизи человеческих жилищ, держась небольшими группами, даже парами. Летают медленно, не выше 7 саженей по лесным опушкам и в садах, где отыскивают себе пищу в цветущих растениях, не отказываясь и от насекомых (бабочек, клещей, пауков). Зимняя спячка ушанов продолжается

с октября по март, но к холоду они не чувствительны: бывали случаи, когда ушаны покрывались в течение целых недель ледяными сосульками и тем не менее оживали. Подобно большей части летучих мышей, ушаны сильно страдают от пернатых врагов (сов и др. птиц), а также хищных млекопитающих (хорьков, куниц, кошек). Неволю выдерживают дольше других летучих мышей.

Ушан обыкновенный (*Plecotus auritus*)

Род **нетопырей** (*Vespertilio*) отличается свободными, т.е. несросшимися, кругловатыми ушами, с удлиненным козелком, сравнительно широкими и короткими крыльями, коротким хвостом и довольно простым мехом, сверху серовато-бурого, снизу—беловатого цвета. Зубов 38. У одних нетопырей уши длиннее головы, снабжены 9—10 поперечными складками и выдаются, если их пригнуть, за конец мордочки.

Сюда относятся **серые летучие мыши** (*Myotis*), напр., распространенная по всей Средней Европе, Сев. Африке и Зап. Азии до Гималаев **обыкновенная серая мышь** (*Vespertilio (Myotis) murinus*), до 5 д. длины, из которых 2 д. приходится на хвост; размах крыльев—до 14 дюйм. Летает тяжело, без извивов. Питаются насекомыми, при случае истребляют и своих же более мелких собратьев. Неволью переносят хорошо, но нелегко приручаются. Другие нетопыри—**водяные летучие мыши** (*Brachyotus*) отличаются более короткими ушами, которые, будучи пригнуты, не выда-

ются за конец мордочки. Сюда относится, напр., **красная водяная мышь** (*Vespertilio (Brachyotus) daubentonii*), всего 3 дюйм., половину которых составляет хвост. Сверху она—красновато-бурого цвета, снизу—грязно-серого. Живет почти во всей Европе и частью в Азии. Спячка ее продолжается с октября по март; зимует в дуплах, ямах, пещерах, трещинах и полуразрушенных зданиях. Охотится за водяными насекомыми, быстро и ловко проносясь над самой поверхностью воды. Любимое ее местопребывание—большие пруды, с нависшими по берегам деревьями.

Род *Vesperugo*, **ранолетающих летучих мышей**, отличается свободными, не сросшимися, закругленными, относительно короткими, мясистыми темными ушами, в которых находится широкий, внутри с выемкой, а снаружи выдающийся углом козелок; гибкие, довольно длинные, толстокожие крылья со шпорцами: хвост длиннее туловища. Зубов 32—34.

Сюда относятся: 1) **горные летучие мыши** (*Meteorus*), с 32 зуб. и козелком, сверху расширенным и концом направленным вперед, напр., **бродячая летучая мышь** (*Vesperugo (Meteorus) Nilsonii*); длина всего тела ее—4 дюйм.; мех сверху—черно-бурый, снизу—светлее, уши—темно-бурые; концы волос везде светлее коричневого основания, что образует, по словам Блазиуса, как бы золотой отлив на темно-коричневом фоне, придавая меху своеобразный вид. По словам некоторых наблюдателей, напр., Нильсона, она распространена на севере чуть не до Полярного круга; впрочем, на севере ее можно встретить только в конце лета, в начале же лета и весной она держится южнее. Встречается и на Альпийских горах. 2) **Малорослые нетопыри** (*Nannugo*), сам. малые мыши из всего семейства, с 34 зубами; козелок кверху суживается, направляясь острием внутрь и в середине достигая наибольшей ширины; хвост окружен летательной перепонкой. Самый маленький представитель в этой группе—**нетопырь-карлик** (*Vesperugo (Nannugo) pipistrellus*), не более 2 дюйм., причем около половины приходится на хвост. Мех—желтовато-ржаво-бурый; уши и перепонка—темнее. Живет почти по всей Европе и большей части Сев. и Средней Азии, до 60° с. ш.; в гористых местностях поднимается до 7000 футов. Держится вблизи или в самых домах. Позже других летучих мышей начинает спячку, соединяясь громадными кучами, и раньше всех пробуждается; хорошо переносит непогоду. Полет его очень быстр и ловок, напоминая, по словам Альтума, по-

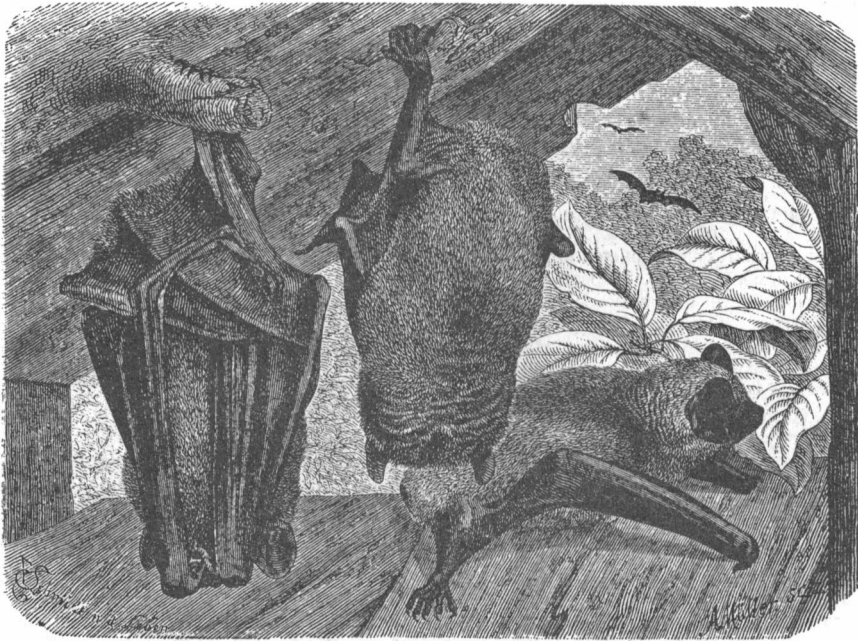
лет дневных бабочек. Нетопырь-карлика можно до известной степени приручить; он довольно хорошо переносит неволю, пьет молоко, ловить пущенных к нему насекомых, ест и мертвых, даже мясо, сырое и вареное. Сам же служит пищей ночных и дневных хищных птиц, а также хорьков, горностаев, куниц, ласок и даже мышей. Много истребляет этих животных и человек, не ценя их заслуг по уничтожению вредных насекомых. 3) **Кожаны** (*Panugo*) отличаются от предыдущих устройством козелка, расширяющегося кверху и имеющего наибольшую ширину выше середины; летательная перепонка густо покрыта волосами. **Обыкновенный кожан** (*Vesperugo (Panugo) noctula*)—один из самых крупных европейских видов—более 4 д. длины, причем на хвост приходится менее 2 д. Сверху и снизу—одноцветной красно-бурой окраски. Распространен в Средней и Южной Европе, Сев.-В. и Южной Азии, преимущественно в долинах и на плоскогорьях. Днем забирается в дупла и нежилые строения, зимует в чердаках, полуразрушенных зданиях и т. п. местах. Летает быстро и ловко; питается насекомыми.

Последний род гладконосых—**широкоухие летучие мыши** (*Synotis*)—служит уже переходной ступенью к след. семейству, листоносов. Их сросшиеся над черепом уши расширены у наружных краев, которые оканчиваются между глазами и верхней губой; внутренние края довольно равномерно закруглены; наружный край имеет глубокую выемку; почти прямой козелок сужен к основанию, а у своего внешнего края снаб-

жен зубцами; крылья—стройные, длинные; на задних ногах возле пятки—шпорцы; хвост длиннее туловища; зубов—34. **Курносый кожан** (*S. barbastellus*), длиной около 4 д., с хвостом в 2 д., сверху темного цвета, снизу светлее. Распространен

в гористых странах Европы, никогда не живет обществами; нрава крайне миролюбивого. Спячку начинает поздно (в ноябре), причем часто просыпается. Хорошо выдерживает неволю, быстро ручнеет, представляя довольно приятное животное.

Представители последнего семейства рукокрылых, **листоносы, кровососы, или вампиры** (*Istiophora* или *Phyllorhina*), легко отличаются от всех вышеуказанных видов особым кожистым придатком на носу, обыкновенно состоящим

Кожан обыкновенный (*Vesperugo noctula*)

из так называемой подковы, длинного гребня и ланцетовидного придатка, в простейшей же форме—из складки кожи поперек носа; кроме того, морда вампира покрыта буграми и ямками, что придает этим животным отталкивающий вид, для них же, вероятно, служит для усиления обоняния. Листоносы распространены в жарком и умеренном поясах, скрываясь в чаще лесов, в пещерах, ямах и пр. Пищу их составляют сумеречные и ночные бабочки, жуки, поденки, комары; но некоторые виды нападают на млекопитающих, даже на человека, высасывая кровь во время сна.

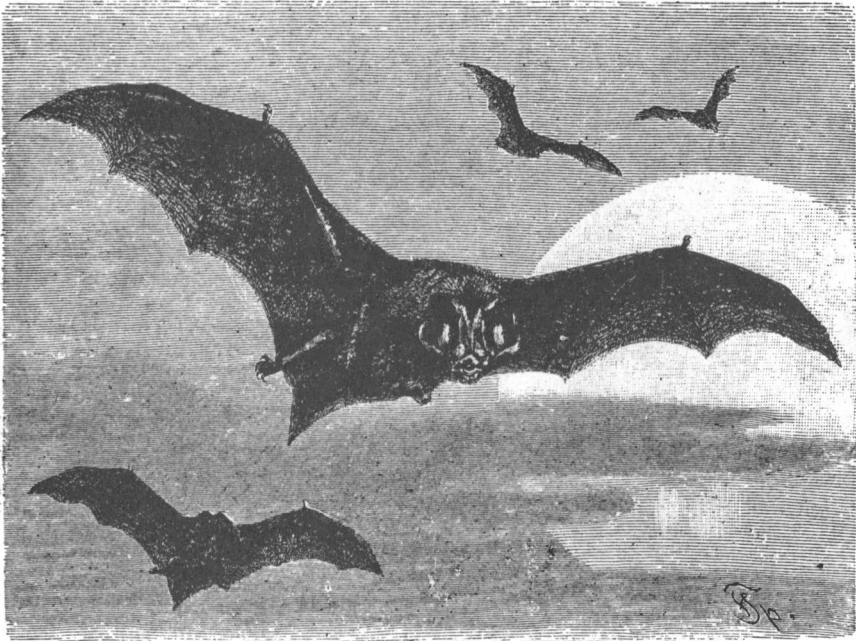
Всех листоносов известно в настоящее время до 85 видов, которые разделяются, по Коху, на след. 4 группы: 1) *Pseudophyllata*, с недоразвитым носовым придатком, 2) *Monophyllata*, с простым придатком, 3) *Dyphyllata*,

с двойным придатком и 4) Triphyllata, с вполне развитым или трехраздельным носовым придатком.

Из первой группы укажем на род **десмодов** (*Desmodus*), бесхвостых мышей, с носовым наростом в виде римской цифры V и широко расставленными ушами с длинным, острым, снаружи зубчатым козелком. Обыкновенный вид — **рыжий десмод** (*D. rufus*), темно-бурого цвета; снизу шерсть блестящая, серебристая, длина — немного более 2 д., размах крыльев — около 15 дюймов. Водится в покинутых памятниках, пеще-

рах и т.п. небольшими стаями; в случае защиты отчаянно кусается.

Род **ланцетоносов** (*Rhinorhota*) отличается длинным, свободным хвостом и узкой на бедрах летательной перепонкой. Наиболее известен — **египетский ланцетонос** (*R. microrhynchus*), маленький (2 д. длиной и таким же светло-серым хвостом) зверек, встречающийся в громадном количестве в Египте, преимущественно в пещерах, пирамидах.

Курносый ушан (*Synotis barbastellus*)

Представителями летучих мышей с двойным носовым придатком являются **вампиры**, в тесном смысле и между ними **обыкновенный вампир**, или **упырь** (*Phyllostoma spectrum*), самый большой из всех кровососов Южной Америки. «Ничего не может быть отвратительнее, — говорит натуралист Бэтс, — выражения лица этого создания, особенно если рассматривать его спереди. Большие, кожистые, стоящие широко по сторонам головы уши; прямостоящий, в виде копыя, носовой нарост; сверкающие черные глаза — все это вместе напоминает сказочных домовых. Неудивительно, что народная фантазия наделила это отталкивающее создание сверхъестественными свойствами. На самом же деле это — одна

из самых неопасных летучих мышей, и безвредность ее хорошо известна жителям прибрежьев Амазонской реки».

Вампир представляет собой большую летучую мышь, с толстой и длинной головой, узким рылом, длинными продолговато-круглыми ушами и маленькой, узкой, ланцетовидной носовой пластинкой, расположенной на широком стебле. Верхняя губа гладкая, а на нижней находятся спереди две большие голые бородавки. мех вампира мягкий, цвета сверху темно-каштаново-коричневого, а снизу желтовато-серо-коричневого. Летательная перепонка коричневого цвета. Тело вампира в длину имеет 5 1/2 дюймов, а крылья в ширину 15. Родиной этого вампира

Большой вампир (*Phyllostoma spectrum*)

является главным образом Гвиана, в девственных лесах которой они водятся в большом количестве. Как мы уже раньше сказали, питаются вампиры главным образом фруктами и насекомыми. Лишь в случае нужды нападают они на спящих людей или животных и высасывают у них кровь. В большинстве случаев потеря крови при этом бывает незначительная, так что серьезной опасности вампиры не могут подвергнуть ни людей, ни животных. Но все же факт высасывания крови уже сам по себе настолько отвратителен, что подвергавшиеся ему не могут после вспомнить о нем без чувства некоторого ужаса.

Голодные вампиры, летая ночью над спящими равнинами, зорко высматри-

вают себе добычу. Вот они заметили группу спящих на открытом воздухе людей. Медленно махая крыльями, кровопийцы летают над своими жертвами. Удостоверившись в крепости их сна, они опускаются на спящих, прокусывают в одном месте кожу и начинают сосать теплую кровь.

Любопытен рассказ Касселя об одном путешественнике, который позволил вампиру сосать себя, чтобы ознакомиться подробнее с самым актом сосания крови вампиром:

«Он лег спать в большой комнате одного дома при открытых окнах. Среди ночи в комнату влетел огромный вампир. Путешественник еще не спал, но остался совершенно неподвижен и ждал, что будет делать летучая мышь. Сначала последняя тихо облетела всю комнату. Сделав это несколько раз, она стала виться взад и вперед между потолком и спящим. Мало-помалу она опускалась все ниже и ниже, наконец совсем опустилась на него, быстро махая крыльями. Таким маханием она приятно обвевала свою жертву. По словам рассказчика, путешественник и сам не заметил, как отвратительное животное впилося ему в открытую грудь. Все это произошло без малейшей боли и сопровождалось приятным обмахиванием крыльев. Наконец, по прошествии некоторого времени, он стал ощущать боль, не вытерпел и своими руками задушил вампира».

Натуралист Уатертон рассказывает про другой случай с вампиром. Раз он остановился на ночлег, вместе со своим спутником Тарботом, под соломенным навесом. Вдруг утром на другой день он услышал, что его товарищ, вместо утренней молитвы, осыпает кого-то всевозможными проклятиями.

— Что с вами случилось?—спросил натуралист.—Разве что-нибудь неладно?

— Что случилось?!—раздражительно воскликнул Тарбот.—А то, что летучие мыши засосали меня до смерти!

Уатертон подошел к своему спутнику и нашел последнего всего в крови.

— Посмотрите,—протянул ему свои ноги Тарбот,—как эти адские черти выщедили мою драгоценную кровь!

Натуралист взглянул и увидел на большом пальце ноги маленькую ранку, меньше даже укуса пиявки. Через нее вампир высосал, однако, не менее 10—12 унций крови.

После того Уатертону не оставалось ничего другого, как утешить своего спутника замечанием, что едва ли бы какой профессиональный хирург согласился сделать подобное кровопускание бесплатно.

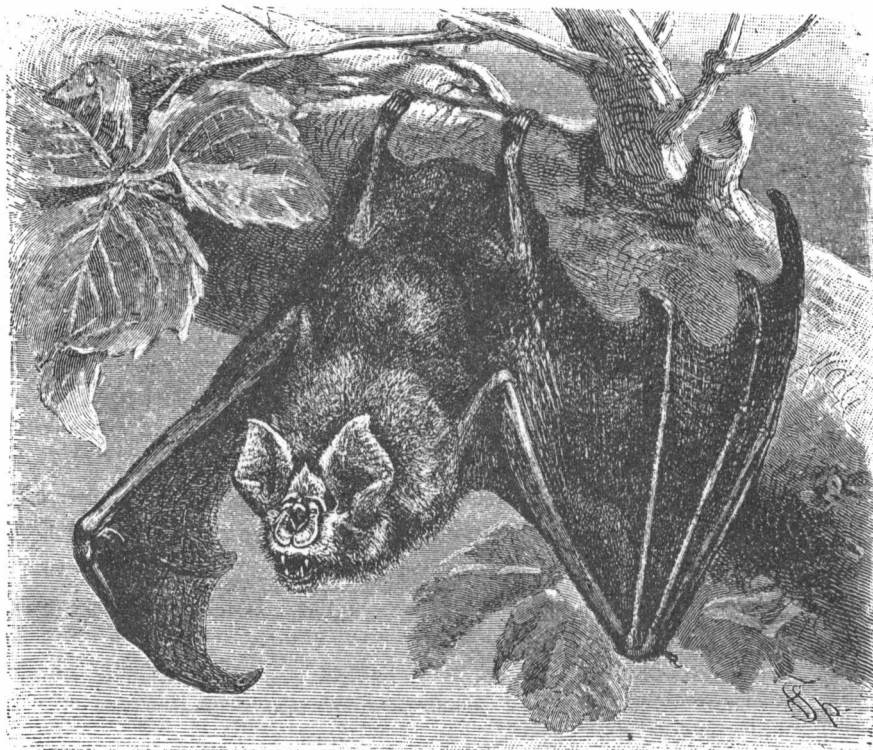
Замечательно, что Тарбот даже не проснулся от укуса.

Как бы то ни было, огромное большинство—если не все—случаев, где люди будто бы умирали от потери крови, высосанной вампирами, принадлежит к области фантазии. То же самое и относительно больших млекопитающих. Бразильские туземцы, положим, уверяли Бурмейстера, что иногда лошади после уку-

сов вампирами умирали от истощения. Но замечательно, что таких лошадей хозяева или плохо кормили, или обременяли вьюками; отсюда невольно возникает сомнение, уж вампиры ли виноваты в гибели животного?

В Европе представителями семейства листоносов являются **подковоносы** (*Rhinolophus*), с вполне развитым носовым наростом с 32 зубами. Подкова нароста, начинаясь на верхушке морды, окружает ноздри и оканчивается большими ветвями у глаз;

видная и занимательная мышь, но неволи не переносит: часто раздражается, отчего начинается кровотечение носом, причиняющее потом смерть. Питается насекомыми, но, при случае, сосет кровь у себе же подобных (напр., ушанов), голубей и т. п. Но о нападе-

Большой подковонос (*Rhinolophus ferrum-equinum*)

в середине подковы, сзади ноздрей, возвышается продолговатый гребень. Между глазами, поперек лба, находится кожистый ланцет. Ухо устроено проще, без козелка; летательная перепонка — довольно короткая, отчего эти животные машут крыльями тяжело. Один из самых обыкновенных в Европе, от Балтийского м. до Кавказа и Средиземного м., **малый подковонос** (*R. hipposideros*), длиной 2 $\frac{2}{5}$ д., а в размахе крыльев — 8 дюйм. Шерсть светлая, беловато-серая, внизу — темнее. Живет в пещерах, старых рудниках и нежилых строениях. Это — живая, мило-

нии их на людей ничего не слышно, так что пугаться их не следует.

Также часто встречается в Средней и Южной Европе и другой, **большой подковонос** (*Rh. ferrum-equinum*), длиной немного более 2 д., с хвостом побольше 1 д. и размахом крыльев в 7 вершк. У него большой носовой нарост, также большие уши, длинная, густая шерсть, пепельно-серая у самцов и красновато-бурая у самок; внизу — светлее. В горах водится до высоты 7000 ф., высасывая кровь у серн, козουλ и т. п. животных.

Отряд IV

Хищные (Carnivora)

Едва ли какой другой отряд млекопитающих представляет такое богатство видов, как хищные. Представители этого отряда обладают самыми разнообразными качествами, привычками и нравами. Расстояние, отделяющее могучего льва или мощного медведя от домашней кошки, по-видимому, слишком велико, чтобы соединять их в один отряд, тем не менее, при всем различии, сходство между ними в некотором отношении настолько значительно, что такое соединение является вполне правильным.

Всем представителям этого отряда присущи более или менее одинаковые нравы, образ жизни и пища. У большинства из них строение конечностей, зубов, а также желудка в существенных чертах весьма сходно. Конечности хищных, снабженные четырьмя или пятью пальцами, вооружены более или менее сильными острыми или притупленными когтями; голова большей частью округленная, кончик носа голый, большие зоркие глаза, стоячие уши; губы, поросшие усами. Как на верхней, так и на нижней челюсти у хищных имеется по 6 небольших резцов и по 2 длинных конических клыка, служащих для схватывания добычи. Для разрезывания мяса этим животным служат задние ложнокоренные зубы верхней челюсти и передние настоящие коренные нижней челюсти. Эти зубы имеют коронку трехзубчатую и сжатую с боков. Прочие ложнокоренные зубы также сжаты с боков, но имеют по одному зубцу, а некоторые настоящие коренные имеют плоскую верхушку для растирания пищи.

Между зубами наибольшее значение принадлежит клыкам и острым коренным, так называемым плотоядным зубам. Эти зубы служат, с одной стороны, самым действенным оружием для нападения, с

другой стороны — для схватывания и раздиранья добычи и для разрезывания мяса. Посредством сильных мускулов и толстых сухожилий челюсти производят сильные и разнообразные движения.

Все хищные питаются другими животными, и только в виде исключения некоторые из них едят также плоды, семена и другие растительные вещества.

Однако между ними есть и такие, напр., медведи, которые так же охотно употребляют иногда растительную пищу, как и мясо.

Почти со всеми хищными человек находится в открытой борьбе, лишь очень немногих он мог сделать себе полезными посредством приручения. За то большинство относящихся к нашему отряду животных с большим или меньшим правом считается вредными и страстно преследуется, причем,

наряду с действительно вредными, подвергаются истреблению и совершенно безобидные, скорее полезные, чем вредные животные. Ввиду этого изучение животных нашего отряда особенно важно, чтобы суметь отличить несомненных врагов человека от его истинных друзей.

Наиболее совершенный тип хищных представляет семейство **кошек** (Felidae). Подобного соответствия между строением конечностей и туловища, подобной правильности и пропорциональности всех частей тела мы не встречаем у других хищных животных. Каждая отдельная часть тела кошек красива и изящна, а потому и все животное вполне удовлетворяет нашему эстетическому чувству. Мы можем, не ошибаясь, считать нашу домашнюю кошку типичным представителем всего семейства кошек.

Строение тела кошек можно считать общеизвестным; всякий хорошо знает сильное и вместе с тем красивое туловище их, округленную голову с толстой шеей, умеренной высоты ноги с утолщенными концами, длинный хвост и мягкий мех, окрашенный в цвет, соответствующий окружающей местности.

У кошек имеются очень совершенные орудия защиты. Зубы их страшны. Клыки имеют вид тонких, длинных, острых, на конце едва согнутых конусов, которые гораздо длиннее других зубов и могут наносить смертельные раны. Очень маленькие резцы почти исчезают в сравнении с ними, и даже сильные, снабженные острыми треугольными зубцами и острями коренные зубы кажутся перед ними слабыми и незначительными. В полном соответствии с зубами находится и мясистый, толстый язык, замечательный тем, что поверхность его покрыта тонкими роговыми, загнутыми назад, шипами, сидящими на больших бородавках. Зубы составляют не единственное оружие кошек: в своих когтях они обладают не менее страшным средством для схватывания добычи, нанесения ей смертельных ран и для защиты в бою.

Ступни у кошек кажутся очень короткими и округленными. Это происходит вследствие того, что последний сустав пальцев загнут вверх. Таким образом, при ходьбе последние суставы пальцев вовсе не касаются земли и этим предохраняют от притупления сидящие на них серповидные, большие и очень острые когти. Во время покоя и при обыкновенной ходьбе эти последние суставы пальцев сохраняют свое приподнятое положение при помощи двух упругих сухожилий, из которых одно прикреплено сверху, а

другое сбоку суставов; во время гнева и в минуту необходимости сильный мускул, сухожилие которого прикреплено к нижней стороне сустава, опускает его, вследствие чего ступня удлиняется и превращается в такое страшное оружие, подобное которому едва ли можно найти у других животных. Такое строение ног служит причиной того, что на отпечатках ног кошек никогда нельзя заметить следа ногтей; тихая же походка кошек происходит вследствие того, что подошвы ног у них снабжены мягкими, часто покрытыми волосами, подушками.

Кошки чрезвычайно сильные и ловкие звери. Каждое их движение указывает на силу и грациозную подвижность. Почти все виды этого семейства имеют сходные физические и духовные свойства, хотя тот или другой вид их иногда стоит в этом отношении впереди других или позади. Все кошки ходят хорошо, но медленно, осторожно и бесшумно, быстро бегают и способны делать смелые прыжки, превосходящие в несколько раз длину их тела.

Только немногие из более крупных видов неспособны лазать по деревьям, большинство же обладает этим искусством в высокой степени. Хотя кошки большей частью и не любят воды, тем не менее плавают они очень хорошо, когда надо. По крайней мере, ни одна кошка не тонет легко.

Они умеют также сжимать и свертывать

свое красивое тело, с большой быстротой действуют своими лапами и могут с большой ловкостью схватывать ими животное даже во время его бега или полета.

К этому надо прибавить еще большую силу конечностей кошек и их выносливость. Более крупные виды одним ударом своей ужасной лапы и силой своего прыжка могут повалить на землю животное, большее ростом их самих, и могут тащить на известное расстояние значительные тяжести.

Между органами чувств у кошек всего более развиты органы слуха и зрения. Первый из них, без сомнения, играет самую важную роль при их хищнических набегах. Они могут слышать легкий шорох на далеком расстоянии и правильно оценивать его. Они различают самые осторожные шаги, самое незначительное шуршание песка под ногами животного и могут посредством слуха находить добычу, даже не видя ее, хотя ушные раковины у них никогда не бывають велики. Зрение у них не так развито, хотя его нельзя назвать слабым. На больших расстояниях глаза кошек, вероятно, не могут видеть, но для зрения вблизи они превосходны. Зрачок у крупных видов круглый, под влиянием гнева расширяется, оставаясь круглым, а у мелких видов он имеет форму эллипса и способен к еще большему расширению. У последних днем, под влиянием яркого света, он

стягивается в узкую полоску, при раздражении же или в темноте принимает круглый вид. Для осязания служат главным образом длинные усы по сторонам рта, щетинки над глазами, а также, быть может, кисточки на ушах у рыси. Если отрезать у кошки усы, то этим поставишь ее в крайне неприятное положение; она делается в полном смысле беспомощной и теряет способность к деятельности, обнаруживает заметное беспокойство и неуверенность, которые по мере отрастания усов пропадают. Лапы также приспособлены для осязания. Впрочем, все вообще тело кошки весьма восприимчиво в этом отношении. Кошки весьма чувствительны к внешним ощущениям и обнаруживают очевидное неудовольствие при неприятном ощущении и большое удовольствие при приятном. Если гладят шерсть кошки, то этим приводят ее почти в радостное возбуждение; если же шерсть у них намокнет или подвергнется другому неприятному влиянию, то этим у кошек вызывается большое озлобление. Обоняние и вкус у кошек стоят почти на одной степени развития; быть может, вкус несколько более развит, нежели обоняние. Большая часть кошек, несмотря на свой шероховатый язык, очень чувствительны к вкусовым ощущениям. Замечательна любовь некоторых кошек к сильно пахучим растениям, к которым животные с сильно развитым обонянием чувствуют отвращение.

Что касается духовных качеств, то кошки в этом отношении стоят ниже собак, хотя не в такой степени, как обыкновенно думают. Не следует забывать, что при оценке духовных сил обоих семейств почти всегда имеют в виду двух главных представителей их: домашнюю собаку, в течение тысячелетий целесообразно воспитываемую, и оставленную в пренебрежении и подвергаемую обыкновенно дурному обращению домашнюю кошку. У большинства видов высшие и благородные духовные свойства всегда обнаруживаются в меньшей степени, нежели низшие; но та же домашняя кошка, если с ней хорошо обращаться, может служить доказательством того, что и кошки способны к воспитанию и усовершенствованию благородных свойств своей природы. Домашняя кошка представляет нам много примеров привязанности к человеку и большой понятливости. Человек обыкновенно не дает себе труда изучить способности кошек, а остается при раз установленном мнении и воздерживается от самостоятельных наблюдений и опытов. Характер большинства видов кошек представляет смесь спокойной осторожности, постоянного лукавства, кровожадности и безумной отваги.

Кошки встречаются во всех частях Старого Света и Америки. В Австралии попадаются только одичавшие домашние кошки. Они живут как на равни-

нах, так и в горах, как на сухих песчаных местах, так и на сырых и низменных, как в лесах, так и на полях.

Кошки берут себе пищу из всех классов позвоночных, но млекопитающие, несомненно, более других подвержены их нападениям. Некоторые виды предпочитают птиц, другие, хотя немногие, кроме того, употребляют в пищу и мясо пресмыкающихся, напр., черепах; есть даже и такие виды, которые занимаются рыбной ловлей.

По способу нападения почти все кошки похожи друг на друга. Тихими, неслышными шагами крадутся они с чрезвычайной внимательностью по той местности, где охотятся, чутко прислушиваясь ко всему окружающему. Малейший шорох возбуждает их внимание и побуждает исследовать причину его. При этом они осторожно, в согнутом положении, скользят по почве, держась по ветру, и, наконец, когда предполагают, что достаточно приблизились, одним или несколькими прыжками достигают свою жертву, схватывают ее своими страшными лапами за затылок или бока, сваливают на землю и быстро кусают ее несколько раз один за другим. Затем они раскрывают немного свои челюсти, но так, чтобы пойманное животное не могло уйти, внимательно наблюдают за своей добычей и при малейшем признаке жизни снова кусают ее. Многие издают при этом рычание, выражающее удовольствие, а также жадность и свирепость, и двигают кончиком своего хвоста. Большинство кошек имеют отвратительную привычку долго мучить свои жертвы, предоставляя им возможность бежать на некоторое расстояние, но в нужный момент снова хватают, затем опять выпускают, еще раз дают бежать, пока измученное животное не падет от ран. Даже крупные виды боятся животных, от которых ожидают значительного сопротивления, нападая только тогда, когда они по опыту знают, что выйдут победителями из предстоящего боя. Даже лев, тигр и ягуар боятся в первое время человека и почти трусливо уходят от него; но когда узнают его слабость, то становятся страшнейшими его врагами. Хотя почти все кошки хорошо бегают, однако почти всегда воздерживаются от продолжительного преследования добычи, если прыжок их при нападении был неудачен. Только на вполне безопасных местах они пожирают свою добычу, почему обыкновенно тащат убитое или раненое животное в скрытое место, где и пожирают его с полным спокойствием и наслаждением.

Самки могут обыкновенно родить нескольких детенышей и редко только одного. Можно сказать, что число их колеблется между

1 и 6. У некоторых видов их бывает еще больше. Воспитательницей детенышей бывает мать; отец мало заботится о них. Кошка с ее котятами представляет весьма привлекательную картину: в каждом ее движении, в каждом звуке ее голоса видна материнская нежность и любовь. В голосе у нее слышится такая нежность и мягкость, каких нельзя было и предполагать. С величайшей заботливостью и вниманием наблюдает она за своими малютками так, что не может быть никакого сомнения в том, как близки они ее сердцу. В семейных логовищах кошек наблюдателя поражает чистота, в которой держит мать своих малюток с самой ранней их юности. Она беспрестанно их лижет, чистит, гладит, приводит в порядок логовище и не терпит никакой нечистоты поблизости него. Она защищает детенышей от врагов с полным самоотвержением, и крупные кошки в это время делаются страшными. У многих видов мать в некоторых случаях должна защищать детенышей и от отца, который часто пожирает их, особенно когда они еще слепы. Поэтому-то, вероятно, все кошки с величайшей заботливостью стараются скрыть свое гнездо. Когда котята несколько подрастут и сделаются похожими на настоящих кошек, тогда самец уже не обижает их. Тогда начинается веселая жизнь котят, у всех видов имеющих большую склонность к играм и забавам. Природные способности видны в первых движениях котят. Их детские игры суть нечто иное, как подготовка к серьезной охоте. Все, что двигается, привлекает их внимание. Ни один шорох не ускользает от них. При малейшем шуме котят настораживают уши. Сначала хвост матери доставляет им большую забаву. За каждым его движением они наблюдают, стараясь поймать его или остановить его движение. Мать несколько не смущается такими забавами и нарочно продолжает двигать хвостом, предоставляя этот член своего тела в полное распоряжение котят. Спустя несколько недель можно уже видеть всю семью занятой оживленнейшими играми, в которых мать, наравне с котятами, принимает участие. Это замечается

как у львиц, так и у наших домашних кошек. Часто вся семья свертывается как бы в один клубок, причем один член семьи ловит и кусает хвост другого. С возрастом игры становятся серьезнее. Маленькие начинают понимать, что хвост составляет часть их самих, и пробуют свои силы на чем-либо другом. Мать приносит им небольших животных, живых или полуживых, и отдает их на потеху котят, которые старательно и терпеливо преследуют

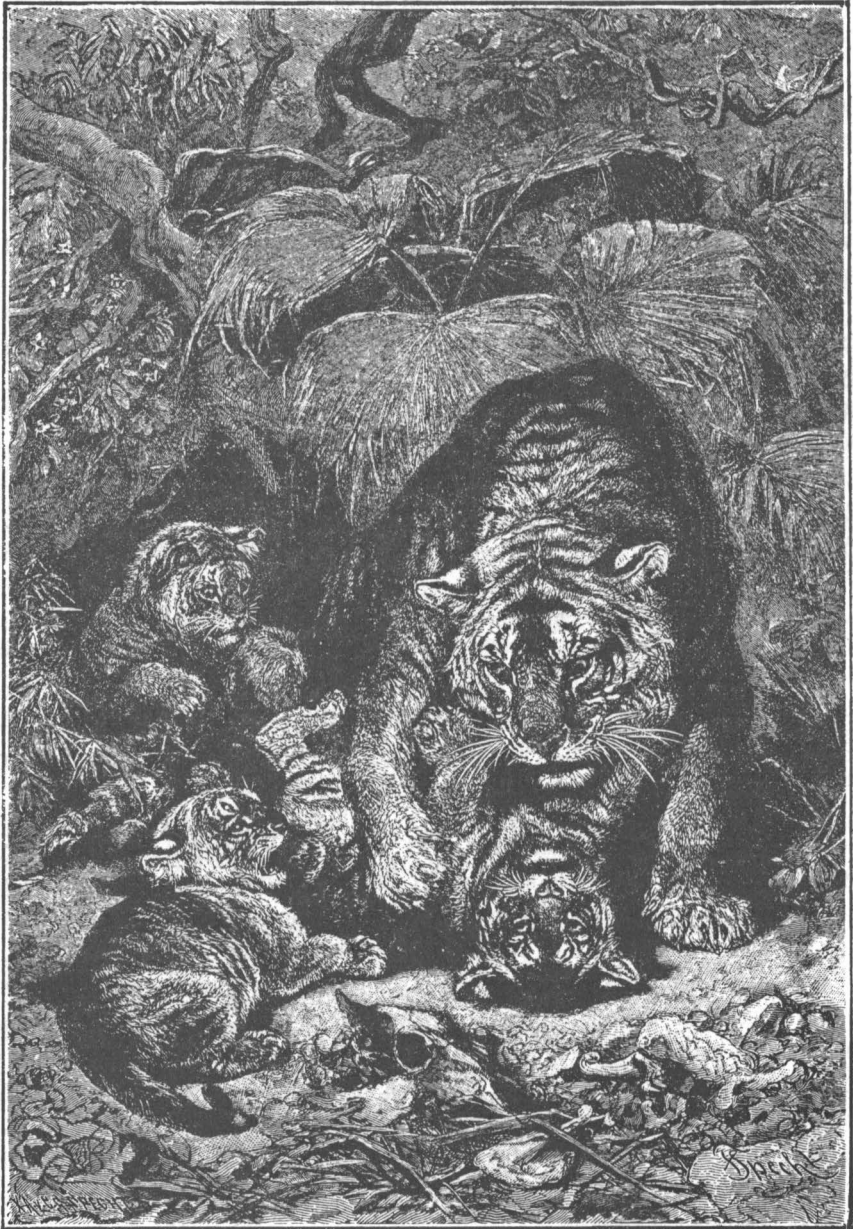
их, упражняясь в том хищническом ремесле, которое составляет занятие взрослых. Наконец, мать берет их с собой на охоту, где они научаются всем уловкам и хитростям, спокойному уменью владеть собой, внезапным нападениям, короче, всему разбойничьему искусству. Только когда котята станут совершенно самостоятельными, они отделяются от своих родителей и затем довольно долгое время ведут одинокую бродячую жизнь.

Кошки стоят во враждебных отношениях со значительной частью прочего мира животных; поэтому вред, причиняемый ими, чрезвычайно значителен. Конечно, при этом надо принять во внимание то обстоятельство, что крупные представители этого семейства живут в странах, чрезвычайно богатых добычей; даже можно утверждать, что, препятствуя чрезмерному размножению некоторых жвачных и грызунов, кошки оказываются даже полезными животными. Польза, приносимая мелкими видами, несомненно, пересиливает причиняемый ими вред. Добыча их ограничивается мелкими млекопитающими и птицами; особенно полезны они как беспощадные истребители вредящих полям хозяев грызунов. Домашняя кошка сделалась для нас совершенно необходимой, но и мелкие дикие кошки приносят нам довольно много пользы и мало вреда. Кроме того, человек пользуется их мехом, а в некоторых местах даже ест их мясо.

Теперь перейдем к описанию отдельных видов кошек, начиная с тех, которые живут в Старом Свете и отличаются от американских большим сходством с домашней кошкой.

Один из самых типичных представителей семейства кошек—**королевский тигр** (*Felis tigris*), с одной стороны, красивейшее из животных, с другой—ужаснейший и наиболее опасный для человека из всех хищных зверей. Это истинная язва всех стран, где он водится. Это настоящий бич Индии, приносящий в жертву своей свирепости ежегодно страшные человеческие гекатомбы (до тысячи человек).

Великолепный мех, светло-желтый, с темными поперечными полосами, круглая голова, обрамленная длинными бакенбардами, продолговатое туловище более сажени длиной (230—260 см, причем самки на 30—40 см меньше) и, наконец, длинный хвост,—такова наружность королевского тигра. Бархатные лапы скрывают огромные втяжные когти, а пасть вооружена необыкновенно острыми зубами. Физическая сила тигра может быть сравнима лишь с силой стальных мускулов африканского льва: одним ударом лапы ужасный зверь может причинить рану в пять дюймов глубины и переломить бедренную кость верблюда, а в зубах может тащить целого быка несколько миль. Ловкость исполинской кошки соответствует ее силе: как змея, крадется тигр к своей добыче, незаметный в чаще даже для опытного глаза, и одним гигантским прыжком бросается на несчастную жертву, редко давая промах. Кроме того,

Королевский тигр (*Felis tigris*)

он превосходно лазает по деревьям и отлично плавает даже по быстрой реке.

Если прибавить сюда беспримерную свирепость и кровожадность, характеризующую нрав тигра, его хитрость и необыкновенную дерзость, то станет понятным, почему обитатели Азии считают это животное за исчадие самого ада.

Любимым местопребыванием полосатых хищников являются заросшие тростником берега рек, а также непроходимые заросли бамбука и водяных растений, так называемые в Индии джунгли, где каждая пара хищников имеет свои определенные логовища.

Строго говоря, нет ни одного живого существа, которое могло бы считать себя в безопасности от нападения ужасного хищника. Слон, носорог и бешеный буйвол— вот единственные противники, которых тигр, и то не всегда, оставляет в покое. Замечательно, что буйволы не только не боятся огромной кошки, но даже сами нападают на нее, чего не отваживается делать даже слон. И часто удары мощных рогов оказываются действительнее когтей тигра. Оттого индус только тогда и считает себя безопасным в джунглях, когда едет на буйволе, между тем как едущие на спине слона нередко подвергаются нападению хищника.

Другие животные, также спасающиеся от когтей тигра, но иным способом,— павлины и обезьяны, наполняющие леса и камыши Индостана. Если павлины внезапно взлетают на воздух с резкими криками, если обезьяны вдруг поднимают страшный гам— это верный признак, что где-нибудь поблизости крадется тигр. Тогда человек готовится свое оружие, а все прочие живые существа зорко осматриваются кругом, готовясь бежать.

Не ограничиваясь животными, царь джунглей не только не избегает, но даже с особенной охотой нападает и на человека. В Индии, Индокитае, Туркестане, Персии, на р. Амуре, на островах Яве и Суматре— словом, везде, где водится свирепая кошка, ежегодно тысячи людей делаются ее жертвами. Ни огонь, ни вода, ни оружие— ничто не спасает жителей этих стран.

Особенно часто становятся жертвами кровожадного чудовища индийские почталыоны, носящие письма. В ущелье Куткум-Занди одно время лежала в засаде свирепая тигрица, в течение нескольких месяцев ежедневно умерщвлявшая по одному человеку из проходивших почтарей. Барабанный бой, факелы, сильный конвой— все было бесполезно. Подобным же образом однажды Гузуратская провинция была совершенно отрезана от других областей, так как все почталыоны аккуратно похищались тиграми, причем один раз хищник вместо человека схватил чемодан с письмами.

Даже военные отряды страдают от тигров. Горе солдату, отставшему от товарищей во время перехода по джунглям: он наверное делается жертвой чудовища. Форбес передает, что раз тигры в одну ночь сожрали трех хорошо вооруженных часовых из английского отряда.

Дерзость свирепой кошки доходит до того, что она врывается в дома, проникает в деревни, даже города и нередко среди белого дня хватается прохожих. Раз тигр на о. Яве сломал крышу хижины, схватил одного из восьми яванцев, сидевших в последней, и уволок его через проделанное отверстие, несмотря на крик остальных. По словам Буханана, из одного местечка в Индии тигры похитили в течение двух лет восемьдесят человек! Неудивительно, что многие деревни на берегах Ганга были брошены жителями единственно из страха перед этим бичом.

Многие путешественники сообщают также, что они были очевидцами, как тигр бросался с берега в воду и плыл к лодке, чтобы напасть на гребца. Англичанин Тайрер сам испытал подобное нападение. Однажды он ехал по Гангу из Калькутты на остров Сангар. Достигши берега, он высадился на остров, но едва успел сделать несколько шагов, как заметил полосатую шкуру ужасного зверя. Спасаясь от гибели, Тайрер кинулся в воду и поплыл к привезшей его лодке, которая уже отъехала от берега. Чудовище бросилось за ним и уже настигало беглеца. Тогда несчастный, не видя иного средства спастись, нырнул вглубь и долгое время плыл под водой. Когда он вынырнул обратно, то с радостью заметил, что ужасный преследователь, потеряв из виду свою жертву, повернул назад. Другой тигр приплыл через реку к небольшой барке, несмотря на крики экипажа, который в ужасе побросался в воду. Взобравшись на палубу, свирепый зверь гордо уселся в передней части и стал спокойно смотреть, как судно несет по течению. Когда это надоело ему, тигр кинулся назад в реку, быстро достиг берега и скрылся в джунглях...

Терпя страшные бедствия от тигров, человек употребляет все усилия для борьбы с чудовищами, и лишь в некоторых областях Индии суеверные жители, считая тигра божеством, не осмеливаются приносить ему никакого вреда.

Единственное надежное оружие для охоты за тигром—это огнестрельное или отравленное. Вооруженный хорошим штуцером, знаменитый Генрих Рамус убил в течение своей жизни около 360 чудовищ. Другой знаменитый охотник за тиграми, лейтенант Райс, перебил их около 70. Целый остров Косинбазар был совершенно очищен от тигров одним немцем, которому не раз приводилось умерщвлять по пяти ужасных кошек в день. Подобные истребители встречаются и среди малайцев Явы и Суматры, только вместо двухстволок они вооружены неизменным сарбаканом, маленькая стрелка которого, отравленная ядом, действует вернее даже разрывной пули. Еще лучше соединять оба способа охоты—бить тигров пулями, отравленными сильным ядом, напр. стрихнином. Получив малейшую царапину от такой пули, тигр погибает.

Раджи и набобы Индии, а также высокопоставленные англичане часто охотятся на тигра со спины слонов. Эта охота так известна, что нет нужды ее описывать.

Другой способ охоты на тигров, нередко употребляемый князьями в Индии, состоит в следующем. Известное пространство огораживают высокими бамбуковыми шестами, на которые вешаются крепкие сети. Затем огромная облава загонщиков, с огнями, барабанами, трещотками, окружает джунгли и медленно подвигается по направлению к сетям. Время от времени огненные ракеты с шипением пролетают над чащей, наводя ужас на ее дикое население. Испуганные тигры несутся к огороженному месту, запутываются в сетях и погибают под выстрелами охотников.

Много и других способов придумал человек для истребления своего ужасного врага. Иногда на том месте, где должен появиться тигр, насыпают множество листьев, намазанных клеем. Последние плотно пристаю к лапам чудовища, которое зубами пытается содрать их, но взамен того залепляет ими всю морду. Рассвирепев от напрасных попыток, тигр с яростным ревом начинает кататься по земле и окончательно превращается в движущуюся массу, залепленную листьями, ничего не видящую и не слышащую. Между тем, услышав рев беспомощного врага, охотник бежит по его направлению и легко убивает чудовище.

Вполне безопасный способ охоты представляет и охота на тигра в клетке. Устраивают прочную бамбуковую клетку и ставят ее на пути зверя. С наступлением ночи охотник входит в нее и старается всячески привлечь к себе внимание тигра. Последний бросается к добыче и, встав на задние лапы, сильно трясет решетку передними. Этим моментом и пользуются: отравленное копьё глубоко вонзается в грудь зверя, и тигр падает, смертельно раненный.

Всеми этими способами мало-помалу удастся освободить от тигров хотя более населенные страны, и может быть, недалеко уже время, когда страшное чудовище исчезнет из Азии так же, как его родственник, пещерный тигр, исчез из Европы.

Тигр — наиболее распространенный в Азии крупный хищник. Он не только встречается в жарких странах Азиатского материка, каковы Ост-Индия, южное и юго-восточное побережья Каспийского моря, Туркестан и пр., но заходит далеко на север через весь Китай, до берегов Амура и дальше. Можно сказать, что область его распространения лежит между 8° и 53° с. ш. В густых, непроходимых чашах сибирской тайги, особенно в лесах-кедровниках, тигр является такой же грозой для местного населения, как его индийский собрат — для индусов. Русские поселенцы и рабочие не так еще боятся его, считая зверя только «большущей кошкой», но китайцы-работники (манзы) чувствуют панический ужас и целыми десятками покидают работы, если услышат про тигра. По этой причине во многих местах Уссурийского края приходилось приостанавливать работы по постройке великого рельсового пути, пока специально назначенные команды не очищали местность от хищников.

* Наглость последних доходит до того, что они не стесняются производить свои разбойничьи нападения на глазах толпы зрителей, среди белого дня.

В 1893 году, в начале февраля, громадный тигр, бродивший около с. Черниговки, бросился на толпу крестьян, которые были заняты в кедровом лесу выделкой шпал, схватил одного рабочего и, несмотря на его сопротивление, уволок в тайгу на глазах всех. Товарищи несчастного, опомнившись от неожиданности, пустились вдогонку за зверем. Но последний, бросив полусъеденный труп рабочего, скрылся в чаще. После этого он недели две наводил ужас на окрестности с. Черниговки своими нападениями на рабочих. Отряженные за ним охотники долго не находили его; наконец, 19 февраля, узнав, что тигр отнял собаку у одного крестьянина, который шел из леса в село, они пустились по свежим следам и скоро открыли зверя в густой и высокой, почти в рост человека, траве. Увидев врагов, тигр, бросив остатки собаки, стал прыжками уходить от них. Но меткие пули охотников догнали его. Видя, что ему не уйти, раненый зверь с яростью бросился на охотников, но пуля, пущенная прямо в лоб, свалила его... Радости охотников не было конца. Зверь оказался громадной тигрицей, имевшей от начала морды до основания хвоста три аршина, а с хвостом—четыре аршина и пять вершков. За шкуру зверя они получили 120 рублей, да 50 рублей премии, итого 170 рублей, которые и были розданы в награду этим храбрым людям, в течение двух недель без усталости караулившим зверя.

15 февраля, приблизительно в полдень, в 8 верстах от с. Спасского, несколько манз тесали в кедровом лесу камень для мостов Уссурийской железной дороги. Один из рабочих вышел из хижин, где он работал, и направился к другой хижине, отстоявшей на 50 шагов от первой. Вдруг недалеко, на утесе, показался тигр, который, сделав несколько скачков, ударил манзу лапой и схватил его зубами за бок, однако, услышав крик других манз, бросил свою жертву и скрылся за утесами. Но едва товарищи успели подобрать раненого и унести в хижину, как хищник появился снова. На этот раз он прямо направился к хижине, несколько раз обошел ее кругом, но, не найдя входа, улегся перед дверью. Около часа лежал он здесь. Наконец, ожидание наскучило ему, и он ушел. Но скрывшиеся в хижине манзы были до того перепуганы, что не решились выйти из своего убежища в продолжение 4 дней, пока за ними не прислали десятника. Между тем вечером того

же 15 февраля, тигр встретил одного китайца, схавшего в лес за бревнами. Зверь бросился на лошадь, которая стремглав полетела прямо в село, и здесь был убит одним храбрым крестьянином. Тигр оказался самцом, 2½ аршина длины от начала морды до основания хвоста.

В конце февраля на верховьях речки Раковки охотничья команда открыла свежие следы зверя. В тот же день охотники отправились преследовать его и, зайдя далеко в тайгу, должны были заночевать, разложив костер. Ночью один из охотников, захватив на всякий случай винтовку, пошел немного в сторону, чтобы наломать сухих веток для костра. Возвращаясь обратно, он вдруг увидел громадного тигра, притаившегося шагах в 10 от костра. Охотник, почти не целясь за темнотою ночи, выстрелил. Раненый зверь вскочил и в несколько прыжков исчез между деревьями. Потом в продолжение нескольких дней охотники безуспешно выслеживали этого тигра; наконец, случайно наткнувшись на полуразрушенную фанзу (китайскую хижину), они вдруг увидели перед дверями ее преследуемого зверя. Это было для них так неожиданно, что они выстрелили все разом. Некоторые пули попали удачно. Зверь со страшным ревом повалился было на землю, но скоро оправился и быстрыми скачками скрылся в тайге. В фанзе же, к удивлению солдатиков, оказалось несколько манз, которые уже три дня сидели здесь, запершись, из страха нападения тигра. Усталые охотники решили остановиться в хижине на отдых. Но на следующую же ночь тигр, несмотря на свои раны, явился опять к фанзе и даже успел стащить бывшую у китайца собаку, а затем скрылся. Раздосадованные охотники решили во что бы то ни стало выследить хищника. Но тут наступили теплые дни. Снег стал быстро таять, и выслеживание зверя в тайге стало невозможным. Так дело и бросили.

Гораздо удачнее была охота в другом участке, где работала команда каторжников. Раз, в конце того же февраля, рано утром один рабочий вел лошадь к колоду, отстоявшему от казармы не более 50 шагов. Вдруг на него бросился тигр, свалил с ног и схватил за ногу. Крик подоспевших людей заставил зверя бросить свою жертву с переломленной уже ногой. Прибыв на место, охотники в продолжение нескольких дней выслеживали зверя, который оказался из хитрых: уходя от охотников в тайгу, он каждый раз возвращался к казармам, как только прекращалось преследование. Промучившись несколько дней, охотники решили, наконец, поймать зверя на приманку. С

* Доп. ред.

этой целью на свежем следу зверя, в 2 верстах от казармы, они привязали к дереву живую собаку и, насторожив 4 ружья, пошли обратно. Но не успели они отойти и 300 шагов, как услышали, что оставленная собака стала рваться и визжать; почти в то же время раздалось 4 выстрела, а после них сильный рев зверя. Затем все стихло. Тем не менее безоружные охотники не решились вернуться к ружьям, а пошли в казарму. На следующий день, чуть свет, они с новыми ружьями направились к дереву. Собака оказалась целой, ружья разряженными, а на сильно помятом снегу — большие пятна крови, которые шли и далее. Охотники пустились по следам и скоро открыли зверя. Завидев врагов, разъяренный тигр с бешеным ревом кинулся вперед, но несколько пуль уложили его на месте. Он оказался старым самцом 3 аршин длины.

С этих пор в окрестностях с. Спаского и Черниговки стало тихо, и манзы малопомалу стали возвращаться к брошенным ими работам. Однако их ужас перед тиграми был так велик, что они потребовали, чтобы каждую группу рабочих сопровождал охотник...

Судя по убитым экземплярам, сибирский тигр представляет если не отдельный вид, то во всяком случае особую разновидность обыкновенного королевского тигра (*Felis tigris*). Главный отличительный признак его — густая длинная шерсть, окутывающая тело хищника и образующая на шее как бы небольшую гриву. Эта шерсть служит тигру достаточной защитой против самых сильных холодов. Далее, хвост сибирского тигра значительно короче, но зато и вдвое толще, чем у королевского тигра.

Несмотря на всю свирепость и кровожадность тигра, азиатские властители за несколько столетий до нас уже владели искусством приручать тигров и даже пользоваться ими во время охоты; да и в любом большом зверинце не редкость увидеть ручного тигра, проделывающего разные фокусы. Однако никогда не следует забывать его хищной природы. Как настоящая кошка, тигр выказывает привязанность и послушание тем лицам, которые ласковы с ним. Но дружелюбие его весьма подозрительно и продолжается лишь до тех пор, пока он признает в человеке своего повелителя. Вполне положиться на него никогда нельзя: его хищнические инстинкты постоянно могут проявиться во всей своей полноте. Поэтому тигр, даже прирученный смолоду, все-таки нападает на домашний скот и других животных, когда вырастет и будет выпущен на свободу. Кроме того, это свободолюбивое животное чувствует себя в тесной клетке очень несчастно, чем объясняется его частая раздражительность и дурное расположение духа.

Тигр, подобно другому крупному хищнику — льву, не имеет близко стоящих видов. С тех пор как вымер доисторический пещерный тигр, на земле существует лишь одна кошка, могущая претендовать на некоторое сходство с царем индийских джунглей, — это **пятнистая пантера**, или **дымчатый леопард**, который водится в горных лесистых странах Индокитая и Больших Зондских островов, более известная под туземным малайским названием — **харимау-дахан**. Харимау-дахан (*Felis nebulosa*) напоминает тигра тупой головой с закругленными ушами, вытянутым туловищем и длинным мягким мехом. Но этим и ограничивается все сходство: прежде всего, дымчатый леопард гораздо меньше тигра — длина его туловища всего около 3½ футов; далее, цвет его меха совсем другой — чаще всего он пепельно-серый или коричневато-серый, испещренный неправильной формы черными полосами и кольцами; наконец, ноги его сравнительно очень низки, а хвост очень длинен — на какие-нибудь полфута короче всего туловища.

Дымчатый леопард (*Felis nebulos*)

Уже самое строение тела дымчатого леопарда показывает, что, в противоположность своему свирепому родственнику, он умеет превосходно лазать по деревьям. И действительно, другого такого лазуна сыскать трудно: цепляясь своими длинными когтями, харимау-дахан чрезвычайно легко и проворно влезает на самые высокие деревья. Как искусный акробат, он не опасается принимать на значительной высоте самые неудобные позы—ложится, например, брюхом на горизонтальную ветвь, опускает свободно по сторонам ветви все четыре лапы и в такой позе отдыхает.

На высоте, в чаще древесных ветвей, происходит и охота дымчатого леопарда. Как это ни странно, однако приходится признать, что харимау-дахан, в противоположность другим большим кошкам, довольствуется самой мелкой добычей: ловит птиц, оспаривает у древесных змей птичьи гнезда, иногда охотится и на млекопитающих, но только на мелких. А между тем в силе и ловкости этого хищник не уступит обыкновенному леопарду, который зачастую нападает даже на людей.

Вообще харимау-дахан по своей кротости и некровожадности представляет исключение из всех кошачьих, если не считать гепарда. В неволе он быстро ручнеет и тогда становится самым милым животным. У известного путешественника Раффльса были два ручных животных этого вида, и оба привлекали всеобщее расположение своей игривостью, ласковостью и чистоплотностью. Одно из них во время переезда в Европу свело на корабле дружбу с маленькой собачкой и постоянно возилось с нею, тщательно остерегаясь, однако, в играх ушибить или поранить своего маленького друга.

В зоологических садах Европы дымчатый леопард долгое время был величайшей редкостью; даже из больших музеев немногие имели его чучело. Объясняется это тем, что харимау-дахан живет часто в совершенно неприступных местах.

Похожа на дымчатого леопарда, но только меньше его **мраморная кошка, дорал, онкмар** (*Felis marmorata*), также встречающаяся в горных лесах Юго-Восточной Азии и близ лежащих островов. По величине она несколько больше нашей домашней кошки, но ее мягкий, густой мех окрашен в буро-желтый или красновато-бурый тон, по которому раскиданы правильными полосами

черные пятна. Живет она на деревьях, в неволе встречается редко. У меня довольно долго жил красивый мраморный кот. Животное это имело спокойный нрав, так что его трудно было и раздражить; ело оно охотнее птиц и маленьких млекопитающих, говядину же неохотно. Перед наступлением холодов, несмотря на все наши заботы, этот красивый зверь издох.

Но более всех известна нам из кошек Старого Света **дикая кошка** (*Felis catus*), так как только она одна еще не совсем истреблена в Европе. За исключением Скандинавии и Северной России, она живет поодиночке во всех гористых и лесистых странах: в Германии, Южной Венгрии, на Балканском полуострове, в Испании, Франции, даже Великобритании; находили ее и в Закавказье, но в других азиатских странах она, кажется, не встре-

чается. Любимым ее местопребыванием являются высокоствольные леса, преимущественно хвойные, где она устраивает себе логовище в ямах, дуплах, расщелинах скал, в каменоломнях. В холодное время, а также когда у нее детеныши, она постоянно живет в своем логовище, покидая его только для охоты; летом же обыкновенно постоянно странствует, ночуя где попало. Когда

Дикая кошка (*Felis catus*)

детеныши еще малы, дикие кошки живут парами, большей же частью их встречают поодиночке; котята рано приучаются вести самостоятельную жизнь.

Некоторые считают дикую кошку родоначальницей домашней, но это несправедливо: она гораздо больше последней, мех ее гуще, голова—толще, туловище и хвост короче; кроме того, хвост по всей длине—одинаковой ширины и потому кажется на конце как бы обрубленным, между тем у домашней кошки он постепенно утончается к концу. Отличительными признаками считаются еще

желтовато-белые пятна на горле и темные или черные пятки. Общий тон меха — бледно-серый, по которому идут черные полосы; морда — рыжевато-желтая, уши снаружи ржаво-серые; глаза — желтые.

Похожая по внешности на домашнюю кошку, дикая кошка значительно превосходит нашего друга дома по хитрости и кровожадности. По мнению одного немецкого охотника, ни одно животное не может сравниться с нею по зоркости глаз, горящих ночью, когда она выходит обыкновенно на добычу, подобно раскаленным углям, по чувству обоняния и умению подкрадываться к добыче. Она умеет превосходно выслеживать животных и отлично схватывает их при помощи удачных прыжков. С хитростью, которая вообще характеризует всех кошек, подкрадывается она к спящей в своем гнезде птице и к зайцу, заснушему в своем логовище, подкарауливает кролика, выходящего из норы, и, вероятно, схватывает и белок в дуплах деревьев. Обыкновенную ее пищу составляют, впрочем, мыши и мелкие птицы, на более крупных животных она нападает только в крайности (вскакивая им на спину и перегрызая шейные артерии); однако бывали случаи, когда ее нападению подвергались даже молодые косули и олени. Любит она поживиться и водяной птицей и даже искусно выхватывает из воды рыбу. Далее, жертвами ее бывают: куницы, хорьки, горностаи, ласки, хомяки... С этой стороны она является как бы вредным животным, однако польза, приносимая ею человеку истреблением разных видов мышей, так велика, что перевешивает этот вред.

Между тем ее отчаянно преследуют. Обыкновенный способ охоты в Германии и Венгрии — облава, которая загоняет ее на дерево, где охотник и приканчивает ее посредством меткого выстрела. Иногда же ее приманивают, подражая писку мыши или посредством зажатых в масле или жире растений, напр., ягодами паслена, татарским просом, кошачьей травой (*Thesium maritimum*) и фиалковым корнем: дикая кошка так сильно увлекается запахом этих растений, что близко подпускает к себе охотника. Обыкновенно же она трусливо убегает, если не поставлена в безвыходное положение или не ранена. Чаще всего она старается спастись, тесно прижавшись к древесным ветвям, так как цвет ее меха вполне подходит к цвету древесной коры, особенно летом, и только опытный глаз охотника отличит ее. Однако, в случае нужды, это животное отчаянно защищается, и тогда шутить с нею нельзя. «Берегись дикой кошки, — говорит Чуди, — и хорошенько прицеливайся в нее! Если она только ранена, то бросается на охотника, выгнув спину дугой и подняв хвост; фыркая и рыча, как дикий зверь, готовится она к защите и смело прыгает на человека; острые когти ее при этом так глубоко вонзаются в грудь, что ее трудно оторвать, и раны эти с трудом заживают. Собак она мало боится и даже нарочно спускается с дерева, чтобы подрасться, когда видит, что собака одна. Борьба бывает страшная: кошка яростно царапается когтями, стараясь попасть в глаза собаки, и защищается с

большим остервенением, пока в ней остается хоть капля жизни. Живуча она ужасно!»

По свидетельству некоторых охотников, раны, полученные от дикой кошки, бывают так опасны, что люди нередко умирали от них. Поэтому можно быть спокойным только тогда, когда она сразу убита наповал и уже не шевелится.

«Однажды,—рассказывает С.-Джонс,—я собирался ловить рыбу на удочку и, чтобы отыскать хорошее место на берегу, полез через прибрежные скалы. Дело было в горной Шотландии. Случайно нога моя ступила на кучу вереска и чуть не придавила прятавшуюся там дикую кошку. Животное, ощетинив шерсть, прошмыгнуло между моими ногами прямо на кучу камней, где и остановилось, огрызаясь и фыркая, подобно домашней кошке, на окруживших ее собак. Не имея при себе никакого оружия, я срезал хорошую палку и только было приблизился к ней на расстояние сажени, как она яростно бросилась на меня прямо через головы собак. К счастью, я успел предупредить ее сильным ударом, сразу перебившим ей спинной хребет. Она упала на кучу камней и была немедленно придушена собаками».

Другой случай, из старого времени, рассказывает Гоберг. «В 1640 г. около Пардубица, во время охоты на уток, собака выгнала из тростника дикую кошку, которая бросилась на близ стоящее дерево. Я было прицелился в нее из ружья, но она снова прыгнула в тростник. Там собака нагнала ее, и между ними началась отчаянная борьба. Желая помочь своей собаке, я приблизился к месту поединка и стал колоть кошку шпагой. Но, почувствовав мои удары, та оставила собаку и, вся израненная, так больно вцепилась мне в руку, что я невольно выпустил свое оружие. Тут собака, в свою очередь, помогла мне, схватив своего врага за затылок и тем дав мне время снова взять шпагу; живучий зверь был, наконец, убит...»

Отличаясь дикостью нрава, дикие кошки, взятые даже очень маленькими котятками, трудно приручаются, чем и объясняется редкость их появления в зверинцах. Они постоянно злобствуют и в то же время отказываются от пищи. Много терпения и выдержанности нужно приложить, чтобы снискать их доверие. Бывают, однако, случаи, что и взрослые дикие кошки ручнеют, хотя очень редко.

От диких кошек нужно отличать одичалых домашних, часто встречающихся в лесах Средней Европы. Они также сильны и хищны, как дикие, и похожи на них по цвету шерсти, но отсутствие короткого, как бы обрубленного хвоста, светлого пятна на горле и темных пятен сразу указывает на их истинное происхождение. Иногда, впрочем, одичалые кошки происходят от скрещивания домашних с дикими.

В скалистых местностях Юго-Восточной Сибири, в татарских и монгольских степях, а также в Тибете дикую кошку, не встречающуюся во всей Сибири, заменяет

манул, или **мала**, тунгусов, **степная кошка** у забайкальских казаков (*Felis manul*), по величине близкая к домашней кошке (48 см длины с хвостом в

21 см). Темно-серебристо-серый в молодости мех ее испещрен черными пятнами, грудь черная, но усы белые. Питается главным образом маленькими животными из породы грызунов, напр., альпийскими зайцами, а также степными птицами (куропатками и т. п.).

За родоначальника нашей домашней кошки можно признать **буланую кошку** (*Felis maniculata*), которая водится по всему Судану, в Абиссинии и Аравии, даже в Палестине; но главной областью обитания ее является центр Африки, страна Ниам-Ниам, где туземцы часто ловят ее и держат вблизи своих жилищ для ловли мышей. Ниам-ниамские кошки быстро рачуют. Судя по мумиям кошек, и древние египтяне держали именно буланных кошек за домашних.

Размер этой кошки несколько больше домашней (50 см туловище и около 25 см

хвост), но общий облик очень схож с ней: ее мех вверху бледно-желтый или булано-серый, на спине рыжеватый, туловище испещрено узкими темными поперечными полосами.

Наблюдения над буланой кошкой показали, что она отличается от домашней только более тонкими костями, что вообще и составляет отличительный признак диких животных; между тем дикие кошки отличаются и устройством черепов.

В зоологических садах мне только раз привелось видеть буланных кошек (в Лондоне); они были привезены из Палестины и, очевидно, в очень юном возрасте, так как вели себя тихо и благополучно. Напротив, бывшая у меня в Африке пожилая кошка никак не могла отстать от своей природной дикости, свирепости и недоверчивости.

Давно ли человек приручил кошку и сделал ее своим домашним другом? Когда впервые появилось у него в доме это грациозное, опрятное, привлекательное животное?— Эти вопросы пока неразрешимы для нас. Достоверно известно одно, что кошка водилась, в качестве домашнего животного, у народов глубокой древности.

К нам, в Европу, она перешла из Египта; по крайней мере отсюда мы имеем первые исторические сведения о ней. Греческий писатель Геродот (за 430 лет до Р. Х.) говорит следующее: «Если где-нибудь в Египте случится пожар, то люди прежде всего бросаются спасать своих кошек, которых тщательно стерегут, и если пропадет хоть одна кошка, то египтянами овладевает глубокая печаль. Если же кошка умрет сама собою, то все обитатели дома обстригают себе брови в знак печали. Мертвых кошек помещают в священные комнаты, бальзамируют и потом пересылают в город Бубастос». Насколько кошка почиталась древними египтянами, показывает строгое наказание, которое постигало убившего ее. Диодор Сицилийский (за 30 лет до Р. Х.) сообщает, что «если кто убьет кошку, то должен умереть сам. Одного несчастного убийцу кошки, римского гражданина, сам царь Птоломей не мог избавить от смертной казни».

Из страны древних фараонов кошка стала распространяться в Азии, потом (около десятого века), перешла в Европу, а отсюда, с открытием Америки и Австралии, распространилась и по этим странам, так что стала теперь обыкновенным животным везде. Теперь кошку встретишь и в шалашеномада, и в раззолоченных палатах богачей, и в хижине бедняка. Для всех кошка желанный друг и гость, особенно где водятся крысы, эти докучливые ночные грызуны. Однако, привязываясь к человеку, кошка сохраняет до известной степени свою самостоятельность и часто на целое лето покидает родной дом или деревню, несмотря на всю привязанность, какую кошки чувствуют к месту

своего рождения и жительство. Покинув дом, кошка отправляется обыкновенно в лес, где занимается ловлей лесных и полевых мышей. Впрочем, добычей ее служат там и другие мелкие, беззащитные млекопитающие, также птицы; некоторые кошки занимаются и рыбной ловлей.

Во всех случаях нашему хитрому, вкрадчивому другу помогает не обоняние, очень слабо развитое, а превосходное зрение, тонкое осязание и слух. Зрение кошки развито до совершенства, так как она одинаково хорошо видит как днем, так и ночью. Она обладает замечательной способностью приспосабливать свои глаза к свету: днем, при сильном свете, ее зрачки сильно сжимаются, а ночью, в темноте, расширяются, благодаря чему кошка может превосходно охотиться ночью.

Относительно душевных качеств кошки существуют самые противоположные мнения: одни считают ее ласковым, милым, интересным зверем, другие, напротив, говорят, что нет животного хитрее, лукавее и невернее, чем кошка. Многие даже питают непреодолимое отвращение к кошкам и смотрят на них, как на животных никуда не годных, что совершенно несправедливо. Присмотритесь только к этому красивому, маленькому льву и тигру в миниатюре и вы найдете такие привлекательные черты, которые безусловно заслужат ваше расположение.

Конечно, кто держит кошку, говорит Ленц, которая царапает и кусает детей, бьет горшки и тарелки, ворует направо и налево, гоняется за цыплятами и, в довершение всего, вовсе не ловит крыс и мышей, тот будет совершенно прав, если убьет, застрелит или утопит ее, и чем скорее, тем лучше. Но кто держит такую кошку, которая служит лучшей игрушкой для детей, не наносит в доме ни малейшего вреда, и днем и ночью занимается исполнением своих обязанностей—ловит крыс и мышей, тот поступит весьма благоразумно, если будет содержать ее и ухаживать за нею, как за своим благодетелем.

В благодарность за уход кошки могут сильно привязаться к своим хозяевам. Некоторые кошки ходили за своими хозяевами, словно собаки, по двору и саду, по лесу и полю. Я знал двух таких котов, которые весьма любезно провожали гостей своей хозяйки на расстоянии 10—15 минут ходьбы от дома, потом ласками и самодовольным ворчаньем как бы прощались с ними и уходили обратно домой.

Кошка—высокоодаренное животное. Она ловка, так что, как ни бросай ее, все-таки встанет на ноги, и смела настолько, что бросается на врага гораздо сильнее себя. Смелость кошки настолько известна собакам, что редкая из них решится броситься на нее. Бывали случаи, когда на одну кошку бросались 5—6 собак, а она все-таки не сдавалась.

Вместе со смелостью, кошка обладает неустрашимостью и присутствием духа. Ее ничем нельзя ни утратить, ни озадачить. Много говорят об ее

хитрости и лукавстве, и говорят справедливо. С удивительным лукавством она, точно мертвая, караулит мышиную норку и так же лукаво вся съезживается. Глаза блестят. Но вот из норки показался мышонок. Казавшаяся мертвой кошка мгновенно оживает. Один ловкий, стремительный прыжок — и бедный мышонок уже пищит в ее лапах.

Про кошку ходит множество рассказов, доказывающих ее ум и понятливость.

Одна кошка окотилась на сеновале четырьмя премиленькими котятками и тщательно укрыла их. Прошло 3—4 недели. Вдруг она появляется у хозяйки дома, ласкается и точно чего-то просит, зовет и бегаёт к двери, как бы с намерением указать дорогу. Хозяйка следует за нею. Тогда она радостно бросается на двор, исчезает на сеновале и сбрасывает оттуда вниз, на сено, одного котенка, затем прыгивает сама и кладет котенка к ногам хозяйки. Когда котенка подняли и стали ласкать, она снова бросилась на сеновал и сбросила оттуда еще 3 котят, одного за другим. Но этих она уже поленилась нести и стала звать и кричать, как бы требуя взять их. Ленивая мать только тогда понесла их, когда ей решительно было показано, что ее котят оставят на сеновале. Оказалось, что у кошки пропало молоко; но зато у нее хватило ума сообразить, что если она перенесет свое семейство к тем, кто кормит ее, то поможет своей беде.

У одного господина был кот, который был приучен никогда не брать ничего со стола. Как-то в этом доме появилась собака, большая лакомка; с целью полакомиться она часто прыгала на столы и стулья. Кот смотрел несколько раз с недовольной миной; наконец, однажды, он поместился около стола и, не успев собака вскочить на стул, как он уже очутился на столе и угостил лакомку здоровой пощечиной.

Необыкновенно умна была кошка лесничего Зальцмана. Ее приучили не трогать комнатных птиц, клетки с которыми стояли на окнах. Но вот один из ее котят выказал желание поживиться птичками. Само собой разумеется, что, как только угадали его намерение, лакомку образумили несколькими ударами и посадили на пол. Кошка видела попытку котенка и его наказание. С жалобным мяуканьем она поспешила к нему и принялась зализывать раны. Но питомец ее не образумился и не прекращал своих попыток. Тогда кошка принялась сама следить за ним, и, едва он выказывал поползновение прыгнуть на клетку, она вскакивала на стул и наносила довольно веские удары ветренному питомцу, а однажды наградила его такими вескими пощечинами, что он навсегда отказался от своих проделок.

Кошки проявляют иногда замечательную дружбу не только к человеку, но и к другим животным. Вопреки общественной поговорке нередко встречаются примеры теснейшей дружбы между кошками и собаками. Рассказывают, напр., что одной кошке доставляло немалое удовольствие, когда ее друг, собака, носил ее

в зубах по комнате. О другой кошке говорят, что она всегда заступалась за своего друга-собаку в собачьих драках и, в свою очередь, находила с ее стороны деятельную помощь в кошачьих боях. Некоторые кошки выказывали трогательную привязанность к птицам. Напр., одна кошка постоянно приносила в зубах трясогузку своего хозяина, когда та вылетала из комнаты. Другая кошка одного любителя птиц принесла хозяину пропадавшую несколько дней канарейку, не причинив ей никакого вреда: она не только узнала ее, но и поймала, с явной целью обрадовать своего хозяина.

Подобных примеров можно бы было привести множество как доказательство необыкновенного ума, сообразительности и понятливости кошек.

Интересна пора любви кошек. Кот в это время дик. Самки, которые его отыскивают, садятся кругом него. Сидя посреди их, словно паша в кругу своих покорных рабынь, он сурово ворчит себе под нос густым басом, а подруги его заливаются тенором, альтом, дискантом на всевозможные лады. Время от времени музыканты угощают друг друга плюхами; последним занимаются кошки,— хотя они сами отыскивали кота, но все-таки не хотят, чтобы он приблизился к ним. Коту приходится брать все с бою. Но вот появляется другой кот, и соперники с диким ревом бросаются в бой. Они треплют друг друга, вертятся, сплетаясь между собою, катаются по крыше—словом, буянят хуже отчаянных ночных повес.

Раза два, а то и три в год кошка приносит котят, по несколько штук разом. Котята—необыкновенно хорошенькие, красивенькие зверьки. Весело смотреть, как они возятся, играют и шалят со всяким предметом, который только катится, бежит, ползет или порхает.

Любовь матери к ним доходит до самоотвержения. Если к кошке, которая кормит своих детенышей, подойдет собака или другая кошка, то она с бешенством кидается на них; в это время она неохотно подпускает к себе даже и хозяев.

Зато она выказывает тогда сострадание к другим животным. Известно множество примеров, как кошки кормили молоком щенят, кроликов, белок и даже своих заклятых врагов—крыс и мышей.

Словом, стоит только присмотреться к жизни нашего домашнего друга, и всякий придет к тому мнению, что кошка заслуживает не только самого лучшего ухода и забот, но и благодарности, а также горячей любви!

В качестве истребителя мышей кошка незаменимый союзник человека: в годы, изобилующие мышами, она может истребить в день средним числом до 20 штук их, а в год 4—7 тысяч или столько же крыс (отсюда, между прочим, нельзя не видеть, что мыши малопитательны, иначе кошки не могли бы истреблять их в таком громадном количестве).

Кроме того, кошки уничтожают вредных для человека насекомых и даже ядовитых змей (гадюк и гремучих). «Я не раз видел,—говорит Ренгер,—

как в Парагвае, на песчаных и голых местах, кошки убивали и преследовали гремучих змей. Они ловко наносили им удары лапой, увертываясь в то же время от укуса врага. Когда змея лежит свернувшись, кошка долго не нападает на нее, а ходит кругом до тех пор, пока змее не надоест поворачивать за нею голову; затем вдруг наносит удар и ловко отскакивает в сторону. Так продолжается до тех пор, пока змея не будет умерщвлена. Тогда не тронув ее мяса, кошка уходит».

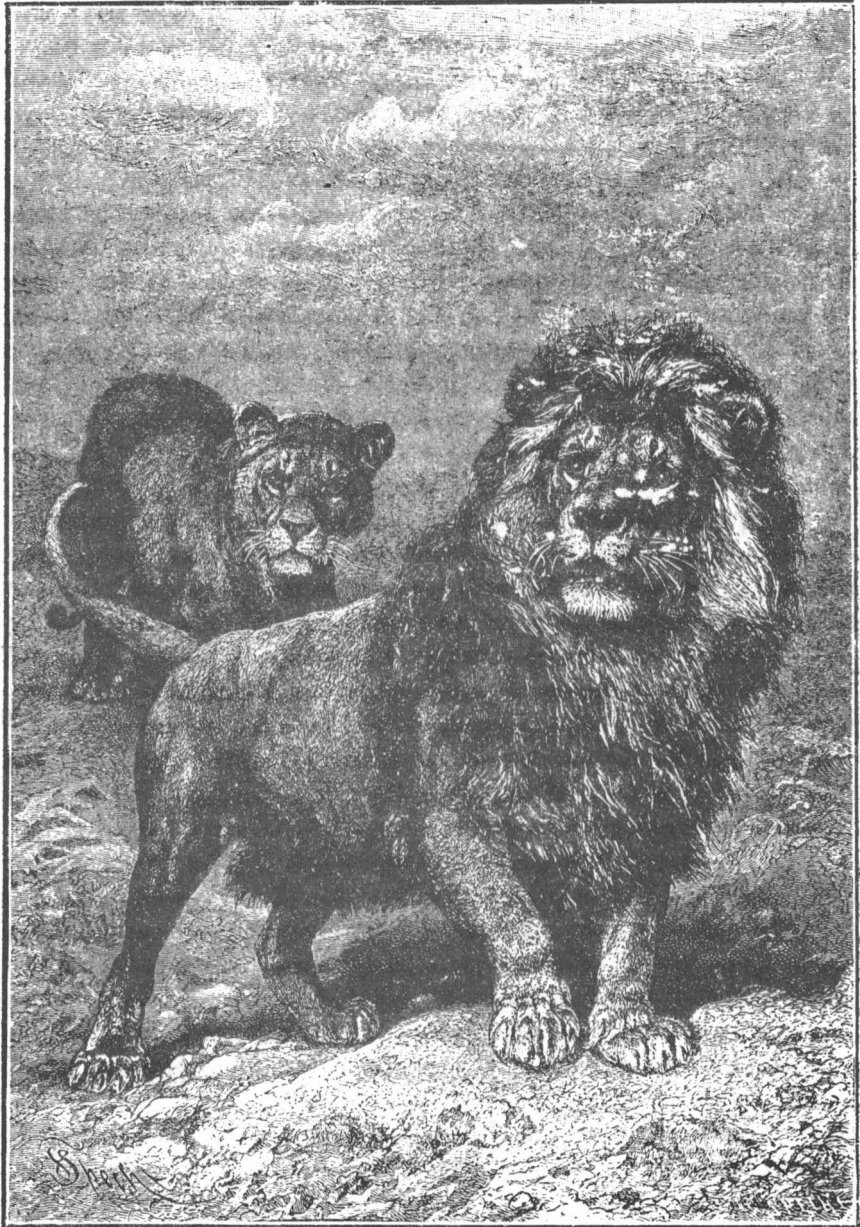
Несмотря, однако, на всю пользу, приносимую кошкой, ее часто истребляют. В Голландии, Бельгии и Шварцвальде (в Германии) кошек разводят ради меха, в других местах питаются их мясом. «Кошачье филе,— сообщает А. Жоффруа С.-Илер, описывая свой обед во время осады Парижа,—было превосходно. Это белое мясо имеет приятный вид, нежно на вкус и напоминает холодную телятину».

Кошка (*Felis maniculata domestica*) имеет мало разновидностей. Обыкновенные кошки бывают разных мастей (белые, черные с белыми пятнами, рыжие, желтые, светло-серые и пр.). Но самой красивой, бесспорно, следует признать **ангорскую кошку** (*Felis maniculata dom. angorensis*), с крупным телом, покрытым длинной, мягкой, как шелк, шерстью чисто белого, желтоватого или сероватого цвета. Путешественник Радде встречал на юге Сибири красивых серых или сине-серых ангорских кошек (впрочем, действительно ли они из Ангоры,—судить трудно). По сравнению с домашней ангорская кошка гораздо неповоротливее, зато умнее и более привязывается к человеку.

Затем, упомянем еще о следующих разновидностях: 1) **бесхвостая**, или **мэнская кошка**, разной окраски, с высокими задними ногами, благодаря чему она легко прыгает с ветки на ветку; 2) **картезианская к.**, отличающаяся длинной мягкой шерстью темно-синеvато-серого цвета; 3) **хорассанская к.** из Персии, похожая на предыдущую; 4) **куманская к.** с Кавказа; 5) **рыжая тобольская**; 6) **рыжая** и **голубоватосерая к.** с мыса Добрая Надежды; 7) съедобная **китайская**, с длинной шелковистой шерстью и отвислыми ушами, как у такс, наконец, 8) **сиамская к.** с короткой гладкой шерстью чалого цвета; хвост, уши, морда и лапы темно-бурые. Эти кошки в большой цене (до 100 и более рублей).

Достаточно бросить один взгляд на **льва**, чтобы понять, почему этому зверю еще древние дали название «царь зверей». Храбрость и сила, мужество и крепость, величаявая серьезность и гордое спокойствие—таковы качества, отражающиеся во всей фигуре льва. Его взгляд светится достоинством истинно царским, его осанка невольно внушает уважение, во всех движениях чувствуется самоуверенность и убеждение в победе. Великолепный зверь как будто сам сознает свою мощь и с неподражаемым совершенством играет роль властелина животного царства.

Хотя в системе царства животных льва и ставят в число кошек, однако, по своей наружности, «царь зверей» резко отличается от прочих представителей кровожадного кошачьего семейства. Особенно выделяет его огромная голова и длинная густая грива, которая и придает льву горделивый царственный вид. Туловище могучего зверя—крепкое, сжатое, впереди более толстое; шерсть короткая, разных цветов, начиная от желтого и кончая черным; хвост длинный, оканчивающийся на конце кистью, в середине которой спрятан когтеобраз-

Капский лев (*Felis leo capensis*)

ный роговой придаток; длина взрослого льва, не считая хвоста,— 6 футов (1,6—1,9 метра) и хвоста— 75—90 см, высота у затылка— 3 фута (80—100 см).

В прежнее время львы были распространены во всех трех частях Старого Света, так что античные герои Греции имели возможность украшать себя львиной шкурой, добытой в рукопашном бою. В настоящее время они водятся лишь в Африке и Юго-Западной Азии: Персии, Аравии и Индостане.

На этом пространстве обитают разные породы львов, отличающиеся своей величиной и цветом шерсти. Самая большая разновидность — **варварийский лев** (*Felis leo barbarus*), населяющий Северную Африку; за ним следует **темноцветный капский лев** (*F.l. capensis*); в Западной Африке живет **сенегальский лев** (*F.l. senegalensis*), с гривой светлых оттенков; гораздо меньше их **лев персидский** (*F.l. persicus*); наконец, в Индии, в Гузурате, обитает, оспаривая власть у тигра, **гузуратский лев** красно-желтого или желто-бурого цвета, еще больше варварийского (до 269 см длины и 106 см высоты).

Несмотря на разницу во внешнем виде, львы всех пород отличаются замечательным сходством в нравах. Они повсюду живут или одиночно, или супружескими парами. Каждая чета имеет в своем владении определенную область, в центре которой находится резиденция «царя зверей», его логовище.

Днем могучее животное или лежит в логовище, или бродит в лесной чаще, или, спокойно растянувшись, располагается на какой-нибудь возвышенности и отсюда наблюдает за окрестностями, словно строя планы ночной охоты. В это время «царь зверей» относительно безопасен; нередко случается, что люди и животные без вреда проходят под самым носом отдыхающего днем льва.

Иное дело ночью.

Вот село солнце... Кочующий араб загнал свое стадо в безопасную «серибу», огороженную десятифутовой изгородью из колючих мимоз. Овцы блянем созывают ягнят; выдоенные коровы мирно пережевывают жвачку. Целая стая собак окружает их, оберегая от хищников. Горе гиене и даже леопарду, которые вздумают подойти близко к ограде «серибы»! С яростным лаем кидаются на разбойника бдительные стражи, и хищник, после короткой борьбы, принужден удалиться. В кочевье водворяется тишина. Все засыпает. Ночной мрак все гуще и гуще опускает на землю свой покров...

Вдруг словно глухие раскаты грома раздаются вдали, заставляя вздрогнуть все живое. «Эсед (возмутитель)! эсед!» — шепчут проснувшиеся арабы, и точно, полное возмущение и смятение воцаряются в спокойной дотоле «серибе». Обезумевшие овцы, дрожа всем телом, мечутся из стороны в сторону. Козы начинают жалобно кричать. Коровы сбиваются в тесную кучу. Привязанные верблюды стараются оторвать привязь. Храбрые собаки с визгом прячутся под защиту своего хозяина. Сам владелец «серибы» в ужасе дрожит, не смея выйти из шатра со своим жалким копьем.

А громовой рев приближается все ближе и ближе. Вот уже у самой ограды раздаются его оглушительные раскаты. Еще минута, и грозный «сабаа»—истребитель стад, одним прыжком перелетает изгородь. Его глаза горят в ночной темноте зловещим светом, хвост яростно бьет воздух, могучие когти взрывают землю. С свирепым наслаждением смотрит чудовище на окаменевших животных, выбирая жертву... Скачок—и молодой бык с разорванной шеей грузно падает на землю; могучие челюсти схватывают добычу и закидывают на спину; еще гигантский прыжок—и лев переносится с жертвой за ограду «серибы», где и скрывается во мраке ночи. Оставшиеся в живых обитатели кочевья мало-помалу оправляются от ужаса.

Таковы ночные нападения льва. К счастью, благородный зверь далеко не отличается той кровожадностью, какая характеризует тигра и леопарда; он никогда не убивает из одной страсти к убийству. И все-таки, несмотря на это, содержание каждого льва стоит окрестному населению ежегодно около 1500 руб. По вычислению Боврея, пятьдесят львов, жившие в его время в провинции Константин, требовали для своего пропитания в течение всей жизни на десять миллионов франков скота.

Нельзя, впрочем, сказать, что лев всегда питается домашним скотом. Предметами его охоты служат все вообще животные, домашние и дикие, большие и малые; в случае нужды «царь зверей» не пренебрегает даже саранчой. Но способ его охоты на осторожных диких животных значительно отличается от того открытого нападения, какое он производит на стада домашнего скота. Охотясь за робкой антилопой или быстрой, как ветер, жирафой, лев подстерегает их в засаде или осторожно подкрадывается к ним против ветра.

Заросшие кустарниками места для водопоя наиболее благоприятны для таких засад. Это знают быстроногие обитатели пустыни, и не иначе, как с величайшими предосторожностями, приближаются к ним. Вот к зеленеющему оазису направляется из песков пустыни стадо полосатых зебр. Мучительная жажда давно уже палит их иссохшие языки, ноздри раздуваются, чуя вблизи живительную влагу, глаза горят нетерпением, но умные животные пересиливают себя и стройным эскадроном следуют за вожаком. Последний—весь слух и внимание. Внимательно осматриваясь кругом, с настороженными ушами, с напряженным обонянием, медленно подвигается он к зеленеющей группе, среди которой журчит отрадный источник... В оазисе все тихо: ни один листок не шелестит, ни одна травка не колышется... Но это кажущееся спокойствие не обманывает опытного вожака... Он протягивает уже свою красивую голову в зеленую чашу листьев, а через мгновение становится на дыбы и, испуская короткое ржанье, несется назад, в знойные пески пустыни. За ним бешеным галопом летит все стадо... В тот же момент гигантский скачок выносит из засады яростного льва. Видя неудачу, «царь зверей» останавливается и, словно пристыженный, медленными шагами скрывается в прежней засаде.

Но горе тому животному, на которого обрушится страшный прыжок! Как пораженная молнией, падает несчастная жертва, и только гигант жирафа пытается нести на себе ужасного всадника. В смертельной тоске несется бедное животное, пока не подкосятся быстрые ноги, пока не поникнет высокая голова и страшные когти не перервут грациозной шеи...

Обыкновенно лев охотится один, но иногда супружеская чета охотится совместно, а иной раз для той же цели собирается целое стадо львов. Один английский охотник передает интересный случай подобного рода.

Небольшое стадо зебр, говорит он, беззаботно паслось на равнине, не подозревая, что пара львов с детенышами тихо подкрадывалась к ним все ближе и ближе. Лев и львица составили правильный план атаки и так осторожно пробирались в густой траве, что бдительные животные совершенно не замечали страшной четы. Таким образом последняя приблизилась к стаду на расстояние прыжка. Вдруг вожак заметил врагов и подал сигнал тревоги. Но было уже поздно: лев перескочил через траву и кустарники и с быстротой молнии обрушился на зебру, которая в тот же миг упала под ним. Прочие в ужасе разбежались.

Подобные охоты львы предпринимают или тогда, когда животное слишком осторожно, или когда оно слишком велико, как, например, буйвол. Рогатый великан, со своим грозным оружием, не под силу даже мощному «царю зверей», а слепое бешенство делает буйвола вдвойне опасным противником. Это не робкая антилопа, и, прежде чем овладеть такой добычей, львам приходится выдержать отчаянную борьбу. Исход боя сомнителен. Часто случается, что великан гибнет в схватке, побежденный не столько силой, сколько ловкостью противников. Но если лев не успеет увернуться от всепокрушающего удара рогов, ему нет спасения. Обезумевшее от ярости животное топчет и рвет своего царственного врага, иногда подбрасывая его на воздух, подобно мячу. Покончив с одним, рогатый исполин принимается за другого противника, которого не спасают ни страшные зубы, ни мощные когти. Иногда подобным же образом расправляется с «царем зверей» и дикий кабан.

Схватив добычу, лев уносит ее в свое логовище и там устраивает кровавый пир. Здесь особенно разительно проявляется необыкновенная мускульная сила могучего зверя. Для него ничего не стоит, с целым быком на спине, перепрыгнуть десятифутовую изгородь и затем пробежать с добычей целую милю. По словам Томсона, однажды охотники верхом целых пять часов гнались за львом, уносившим двухгодовалого бычка, и не могли догнать.

Еще рельефнее выставляет силу льва следующий арабский рассказ. Однажды лев кинулся на утолявшего жажду верблюда и хотел утащить его в лес. Но в ту же минуту из воды вынырнул громадный крокодил и схватил верблюда за шею. Между противниками завязался спор: один тянул вверх, другой — вниз. Кончилось тем, что верблюд был разорван на две части.

Умертвив добычу, лев начинает насыщаться ею, причем нередко его пиру мешают коршуны и гиены. Обыкновенно трусливые при встрече с «царем зверей», гиены, завидев добычу, становятся безумно смелыми. Один охотник видел, как три пятнистых гиены, ворча и скаля зубы, смело бросились отнимать у мощного зверя его обед, и только страшный удар лапой, замертво положивший одну, заставил двух других образумиться.

«Лев—человеческое животное,—говорит Шейтлин,—подобно тому, как и между людьми есть люди скотские». Эти слова германского натуралиста в высшей степени метко обрисовывают характер «царя зверей». Действительно, царственный зверь обладает многими качествами, которые резко выделяют его из ряда других животных и приближают к человеку: он—верный супруг и нежный отец; его мужество и храбрость стоят вне всяких сомнений; его характер полон благородства и совершенно чужд той кровожадности, какой отличаются все прочие члены семейства кошачьих; наконец, лев—животное в высшей степени умное, понятливое и сообразительное.

Супружеская верность мощного зверя—факт, который подтверждают все наблюдатели. Лев никогда не покинет своей львицы, заботится о ней, защищает от врага и добывает пищу. Очень часто царственная чета делит пополам все заботы по добыванию добычи и вместе производит нападение на «серобы» арабов или на дикого буйвола.

Родительское чувство также развито у «царя зверей» очень высоко. Львица-мать до последних сил готова защищать своих детенышей и ни при какой опасности не покидает их. Лев-отец не уступает ей в самоотвержении: он присматривает за детьми, когда мать их уходит на водопой, заботится о пропитании семьи и до последней капли крови готов защищать родное логовище.

Молодые львята рождаются обыкновенно в количестве от двух до шести и первое время являются беспомощными зверьками, ростом с котенка. На втором месяце они начинают ходить и играть. В это время трудно себе представить зрелище более грациозное, чем львица со своими детьми: красивые зверьки, точно котята, резвятся друг с другом, к удовольствию матери, которая любовно смотрит на их забавы.

Через полгода львица перестает кормить своих детенышей, и они начинают сопровождать родителей в их набегах. Величина их в это время достигает величины порядочной собаки. Голос, прежде совершенно походивший на мяуканье кошки, становится сильнее и полнее. На третьем году у самцов начинает пробиваться грива, но лишь на шестом году «царь зверей» достигает своего полного развития. Именно в этом возрасте у него появляется тот могучий голос, который арабы так удачно называют «раад»—гром и который приводит в ужас все живое. Заслышав его, замолкает гиена, утихает яростный леопард, обезьяны в страхе взбираются на высочайшие вершины деревьев, антилопы бросаются в бешеный галоп, дрожит и волнуется сам флегматичный

верблюд, лошадь встает на дыбы и бешено рвется, собака с визгом жметя к ногам хозяина...

Этот голос особенно характерен для могучего зверя: он выражает его мощь и силу, безграничную отвагу и неодолимое мужество. Своим гневным рычанием «царь зверей» словно вызывает желающего померяться с ним. И кто бы ни принял вызов, отважное животное не задумывается вступить в бой. Только человека и страшится «царь зверей»: высокий рост «царя природы» поселяет в нем недоверие к своим силам, а спокойствие и мужество человека еще более усиливают это впечатление. Этим объясняются нередкие случаи, где лев отступал даже перед безоружными людьми.

Когда араб встречается на дороге льва, то он идет прямо на зверя, махая саблей или ружьем, но остерегаясь наносить удары или стрелять. Он только кричит своему страшному противнику: «О, ты, вор, грабитель большой дороги! Ты, сын того, который никогда не говорил «нет»! Не думаешь ли ты, что я тебя боюсь? Разве ты не знаешь, чей я сын? Встань и дай мне дорогу!..» Лев спокойно ждет, пока путник подойдет к нему ближе, затем встает и ложится на некотором расстоянии, но опять поперек дороги. Таким образом, человеку приходится выдерживать целый ряд страшных испытаний. Счастье его, если ему не изменит мужество, если, как выражаются арабы, он «хорошо держит свою душу»,—могучий зверь не решается напасть на него и оставляет смельчака в покое.

Но если лев заметит, что человек боится его, или, наоборот, если смельчак чем-нибудь разъярит зверя, тогда единственное средство спасения—хороший выстрел; бегство редко может спасти человека, так как лев в состоянии нагнать даже лошадь. Опытные наблюдатели утверждают, что человеку, встретившему льва, всегда можно заранее узнать, что ожидает его: если лев не машет хвостом, значит, он сыт и настроен мирно, тогда можно смело идти на страшного зверя и прогнать его с дороги; если же, наоборот, лев колотит себя хвостом по спине и трясет гривой, тогда следует готовиться к неизбежному бою.

В общем львы Северной Африки гораздо безопаснее для человека, чем южноафриканские. Это и понятно: племена Южной Африки находятся между собою в непрерывной войне; зачастую тела убитых врагов остаются непогребенными и служат пищей львам; а отведав человеческого мяса, лев предпочитает его всякому другому. Такой лев-людоед нередко нападает на целый лагерь и уносит одного из спящих.

Что касается великодушия в характере льва, то это качество, подмеченное еще древними, долгое время служило предметом спора. Некоторые путешественники, как Шейтлин, поют гимны рыцарским качествам могучего зверя, другие же представляют «царя зверей» просто разбойником, из засады подстерегающим добычу. И то и другое мнение не чуждо крайностей. Несомненно, что

лев—хищное животное, живущее убийством и насилием, но в то же время в его характере, сравнительно с другими хищниками, есть и черты благородства: он никогда не убивает из любви к убийству, как тигр, но всегда—или будучи вызван на бой, или побуждаемый голодом; он помнит оказанное добро, не чужд благодарности, иногда щадит слабых. В этом отношении интересен следующий рассказ Лихтенштейна.

Путешествуя по Южной Африке, этот исследователь зашел в дом одного бура и разговорился с ним. «Два года тому назад,—рассказал ему, между прочим, хозяин,—с того места, где мы теперь с вами стоим, я сделал рискованный выстрел. Однажды моя жена сидела подле дверей дома и смотрела за детьми, которые играли около нее; я в это время был на дворе и возился с телегой. Вдруг среди белого дня явился большой лев и улегся в тени на пороге. Жена, оцепенев от ужаса, но зная, как опасно бежать, не тронулась с места; дети в страхе бросились на колени. Их крики привлекли мое внимание, я поспешил к дверям, и можете представить, что почувствовал, увидев льва. Хотя животное еще не заметило меня, однако гибель моя казалась несомненной. Тем не менее я решился подойти к окошку той комнаты, где стояло мое заряженное ружье. По счастью, оно находилось так близко от окна, что я мог достать его рукой. Еще счастливее было то обстоятельство, что дверь из этой комнаты в другую, у входа которой лежал лев, была открыта, и я мог через свое окно вполне видеть страшную сцену. Сначала я медлил стрелять, но вдруг зверь зашевелился, как будто готовясь прыгнуть. Тогда я больше не колебался, тихо ободрил жену и, призвав на помощь Бога, выстрелил прямо в лоб, между его сверкающими глазами. Пуля просвистела как раз мимо локонов моего сына, и, к неописуемой моей радости, мощный хищник был убит наповал».

Если даже предположить, что этот лев был сыт, все-таки нужно вспомнить, что другие хищники, напр., леопард, в подобном случае не устояли бы против своей кровожадности. Вообще замечено, что лев почти никогда не трогает детей.

Помимо всех перечисленных нравственных достоинств «царь зверей» обладает и высокими, для зверя, качествами ума: он рассудителен, понятлив и умен; ему доступны понятия о времени, пространстве и т.п. Особенно ясно проявляются эти качества у ручных львов.

Приручить льва, пойманного в молодом возрасте, не представляет никакого труда. Могучее животное до такой степени привыкает к своему хозяину, что ходит за ним, как собака. В Хартуме у меня была такая львица, прежде принадлежавшая Латиф-паше, губернатору Судана. «Бахида»,—имя львицы,—так полюбила меня, что повсюду следовала за мной, ласкаясь при

всяком удобном случае; иногда она даже ночью забиралась на мою постель и будила меня своими ласками. Держали ее на дворе, где Бахида бегала совершенно свободно и вскоре приобрела господство над всем животным населением двора. К большинству животных она относилась чрезвычайно гордо, дразнила и пугала их, но вред наносила редко; только два раза она умертвила и

сьела—однажды обезьяну, а в другой раз барана, с которым перед тем играла. Из всех сожителей она боялась лишь марабу; при первом же знакомстве гигантская птица уселась на спину Бахиды и так отделала последнюю своим коническим клювом, что львица принуждена была признать себя побежденной. По отношению к своим хозяевам она была всегда кротка и честна; даже будучи однажды наказана, она уже через несколько минут подошла ко мне ласкаться. Иногда она ложилась на землю и потом вдруг делала скачок на подходящего человека—но без злого умысла, единственно с целью поиграть. В Каире я мог водить ее с собою по улицам на веревке. Впоследствии, находясь уже в Берлинском зоологическом саду, Бахида узнала меня после двухлетней разлуки.

Подобный случай—далеко не исключительный. Из практики так называемых укротителей львов видно, как послушны иногда бывают могучие животные: по приказанию укротителя они скачут, напр., через обручи, позволяют класть укротителю руку или даже голову в свою пасть и прodelывают десятки различных фокусов. Следует, однако, помнить, что и в ручном льве иногда вдруг пробуждается природная дикость; оттого-то редкий из укротителей кончает своей смертью.

Интересен следующий рассказ о ручном льве маркиза Ватерфорда, жившего в половине прошлого века и отличавшегося эксцентричностью. Раз в гости к маркизу приехал лондонский епископ. После обильного обеда с возлияниями высокопочтенный гость прилег немного отдохнуть. Вдруг в

дверь кто-то тихо постучал. «Войдите»,—сказал епископ. В ту же минуту дверь отворилась и в комнату вошел громадный лев. Преподобный отец едва не умер со страху... Это был ручной зверь, которого лорд Ватерфорд таким образом ввел в комнату гостя, желая испытать мужество последнего.

Кроме человека, львы нередко привязываются и к другим животным, например к собакам. В Антверпенском саду одно время жила львица, которая свела тесную дружбу с жившей в ее клетке маленькой собачкой. Интересно было видеть, говорит Гартвиг, как мощная африканка, лежа на спине, обнимала огромными лапами свою маленькую подругу и, играя, перебрасывала ее из стороны в сторону.

Приручение львов было известно еще в древности. В Карфагене Ганнон поплатился за это даже ссылкой, так как его сограждане предположили, что человек, занимающийся укрощением львов, способен подчинять себе и людей. Некоторые римские триумфаторы въезжали в город, в триумфальном шествии, на колеснице, запряженной львами. Львиный бой в цирке всегда составлял одно из любимейших удовольствий римлян. Знаменитый Сулла заставил драться в цирке сотню львов, Помпей—600, а Цезарь—400. Адриан нередко убивал в цирке за один раз по сотне могучих зверей; Марк Аврелий однажды приказал сотню их расстрелять стрелами. В эпоху мученичества травля христиан львами была в большом ходу, и крик черни: «Christianos ad leones»—нередко оглашал собою улицы и площади Вечного города.

Громадный вред, приносимый львами населению Африки, главное богатство которого составляют стада, является причиной, почему и арабы, и негры, и европейские поселенцы Черного материка стараются истреблять могучих животных всеми возможными средствами. Однако охота на «царя зверей» сопряжена с такими опасностями, что в некоторых местах Судана мусульманские жители предпочитают платить ему ежегодную дань или же прибегают, для защиты своих стад, к талисманам. Суеверный суданец-магометанин покупает за порядочные деньги у духовенства «геджаб», то есть лоскуток бумаги, исписанный изречениями из корана, и вешает на ограду своей «серибы». Лев—животное справедливое, любимое Богом, уверен бедняк, он слушает слова пророка и не тронет «серибы», защищенной «геджабом»... Может быть, так бы и было, если бы «царь зверей» был грамотен.

Самое лучшее—охотиться на льва одному, или вдвоем, с хорошим огнестрельным оружием. Так именно охотился на мощных зверей знаменитый «истребитель львов», Жюль Жерар, офицер алжирских спагов, которого

местные арабы считали за полубога. Еще лучше иметь при этом свору хорошо дрессированных собак, как это делал Кумминг. Следующий рассказ свидетельствует, однако, что иногда охота на льва с собаками ведет только к гибели последних.

Герой рассказа—старый охотник-бур, живший в Капской земле, около фермы которого однажды поселился лев. Охотник по следам узнал, какого соседа дал ему Бог, и решился быть настороже. В первую же ночь могучий зверь сделал экскурсию к ограде фермы, но без всякого вреда. Бур стал уже думать, что лев испугался его собак, однако следующая затем ночь разочаровала его: могучим прыжком хищник перескочил ограду, умертвил лучшего вола колониста и уволок его с собою.

Бур немедленно отправился по следам разбойника, взяв с собою вооруженного слугу-готтентота и полдюжины собак. Логовище зверя находилось среди так называемого «клофа», длинного и широкого оврага, густо поросшего кустарником. Так как проникнуть в чашу было и крайне опасно, и почти невозможно, то колонист составил следующий план: заняв сам место у одной окраины оврага, он послал к другой готтентота, а собак пустил в самый клоф—выгонять зверя. Чуткие животные скоро открыли льва, и среди чащи раздался их громкий лай. Однако вскоре же лай стал ослабевать, и охотник кликнул собак назад. Из полдюжины вернулись лишь две и то одна страшно изуродованная,—прочих лев умертвил.

Страшно рассерженный, вернулся старый охотник на ферму и решил всю следующую ночь караулить врага. Лев, однако, не пришел. Тогда бур следующую ночь решился провести, вместе с верным готтентотом, в засаде, которая была устроена на деревьях, возвышавшихся по дороге от логовища льва до фермы. Лев, однако, этой дорогой не проходил, и поутру охотники вернулись домой ни с чем. Какова же была ярость старого бура, когда он узнал, что, в то время как он сидел на дереве, хищный сосед другой дорогой забрался на ферму и похитил прекрасную лошадь!

Вне себя от гнева, колонист задумал опасное предприятие: он решился один, лишь с неизменной двухстволкой, пробраться в клоф и напасть на «царя зверей» в самом его логовище. Предприятие было крайне рискованное, однако упрямый бур не обращал внимания на грозившую опасность и немедленно отправился в густую чашу клофа.

В Африке, когда охотник подкрадывается к зверю, ему больше всего мешают мелкие птички и обезьяны: первые, заметив человека, начинают беспокойно щебетать и перелетать с места на место; вторые принимают гримасничать и заводят страшный гам. Старый и опытный охотник, бурь ухитрился, однако, ползти так, что его не заметил никто. Проползши таким образом шагов пятьдесят, он заметил между деревьями остатки растерзанной лошади, откуда заключил, что логовище льва недалеко. И действительно, едва успел

он спрятаться за ближайшим кустом, как заметил перед собою, шагах в двадцати, косматую голову «царя зверей». Настала решительная минута. Очевидно, зверь узнал о приближении какого-то существа, но еще не знал, где оно притаилось. Боясь выдать себя малейшим движением, бур лежал неподвижно, как статуя.

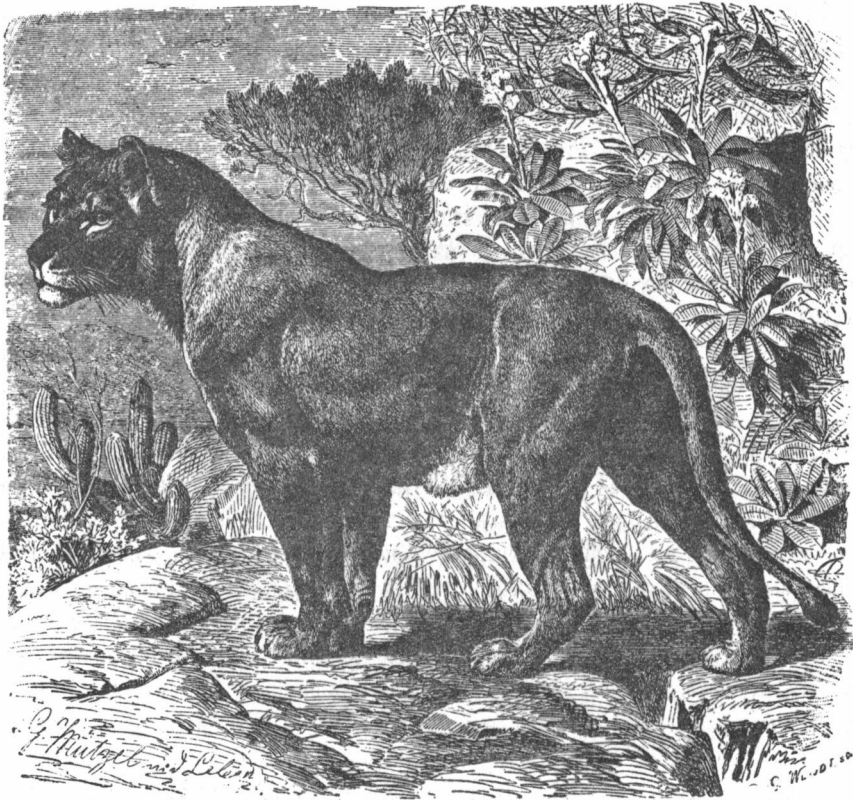
Наконец, лев успокоился и, не видя кругом ничего подозрительного, опустил голову. Тогда охотник взвел оба курка своего ружья. Слабого щелканья их было достаточно, чтобы могучий зверь вторично с беспокойством поднял голову... В этот момент раздался выстрел... Раненый лев с ужасающим ревом вскочил со своего ложа... Второй выстрел, однако, свалил его окончательно. Солнце не успело еще сесть, как шкура льва уже висела на дверях фермы; работники-готтентоты блаженствовали в восторге от победы своего господина и от водки, которой он щедро угостил их на радостях.

Немногие, однако, решаются один на один вступать в борьбу с «царем зверей». Подобные смельчаки попадают только среди европейцев. Что касается арабов и негров, то они обыкновенно нападают на льва целой толпой. Мне рассказывали об одной такой охоте, в которой приняли участие четыре араба с ружьями и дюжина нубийцев, вооруженных копьями. Выведенные из терпения страшным опустошением, которое производил лев в окрестных стадах, храбрецы решились напасть на царственного зверя в самом его логовище.

Изумленный неожиданным посещением, лев медленно поднялся и направился на толпу врагов, как раздался залп из четырех ружей, сопровождаемый целой тучей копий. Получив несколько ран, из которых, однако, ни одна не была смертельной, разъяренное чудовище бросилось на ближайшего нубийца и страшным ударом лапы повалило его на землю. Другой нубиец, с копьем в руке, кинулся выручать товарища, но получил такой же удар. Остальные в испуге хотели уже спастись бегством, как один юноша пристыдил трусов: вооруженный, кроме копья, длинной палкой, он смело подошел к свирепому зверю и изо всех сил ударил его палкой по переносице. Удар был настолько силен, что лев лишился чувств и упал. Победитель продолжал наносить ему новые удары, пока, наконец, чудовище не испустило последнее дыхание.

Еще грандиознее бывают облавы, устраиваемые на льва арабами Атласа. На борьбу с «царем зверей» выходит целое племя. Все способные носить оружие приближаются к логовищу и окружают его тройным рядом. Передние криком и бранью стараются выгнать зверя из его убежища. «Эй, ты, собака, собачий сын!—сыннется цветистая брань арабов.—Ты, происшедший от собак и производящий собак! Несчастный истребитель стад! Чертов сын! Вор! Негодяй! Ну, так ли ты храбр, как кажется! Ну, покажись так же днем, как ты делаешь это ночью! Приготовляйся! Ты должен идти против людей, сыновей мужества, друзей войны!» Если брань не помогает, в чащу делают на удачу

несколько выстрелов. Наконец, лев теряет терпение и с гневным ревом выходит из логовища. Его встречают диким криком и ружейными залпами; сначала стреляет первый ряд, потом второй, затем третий. Обыкновенно могучий зверь не успевает сделать и одного прыжка, как падает под тучей пуль. Но иногда разъяренное чудовище, прежде чем получит смертельную рану, успевает растерзать многих несчастных. А однажды, по словам Жерара, лев

Сенегальская львица (*Felis leo senegalensis*)

обратил даже в бегство всю толпу охотников, человек двести, хотя последние и были вооружены огнестрельным оружием. При этом свирепый зверь убил одного араба и шестерых ранил.

Знаменитый Ливингстон едва не погиб, принимая участие в облове на льва. Он выстрелил в зверя из обоих стволов и стал снова заряжать их, как вдруг раненый лев прыгнул на миссионера, схватил зубами за руку, повалил и стал трясти, как крысодав трясет крысу. Стоявший рядом с путешественником туземец, по имени Мебальва, также выстрелил в льва из

обоих стволов, но ружье дало осечку. Тогда чудовище бросило Ливингстона и кинулось на Мебальву. Отбивать последнего поспешил другой туземец, вооруженный копьем. Лев схватил и его. Тем временем Ливингстон успел оправиться и двумя выстрелами положил чудовище на месте. Его плечо оказалось совершенно раздробленным, и рука путешественника, после того как зажили раны, осталась кривой.

Этот и подобные случаи ясно показывают, с какими опасностями сопряжена охота на льва даже при большом числе охотников. Еще хуже, когда лев предупреждает нападение и сам первый бросается на противников. Так именно было с одним германским путешественником. Вместе с толпой дагомейцев он отправился раз на поиски льва; однако поиски в течение целого дня были безуспешны, и охотники, утомившись, расположились на ночлег у подошвы высокой скалы. В полночь, когда все спали, свирепый зверь пробрался на вершину скалы, отсюда мощным скачком бросился вниз, схватил одного дагомейца и скрылся с ним. Все попытки спасти несчастного были напрасны.

Кроме больших облав, охота на льва производится и другими способами. Арабы нередко ловят могучих животных живьем в глубокие, до пяти саженей глубиной, ямы. Лишь только лев попадет в такую ловушку, у ее отверстия собирается целая толпа народа: мужчин, женщин и детей. Все они кричат, неистово ругают бессильного зверя, осыпают его камнями и в конце концов убивают из ружей. Обыкновенно лев в таком случае покоряется своей судьбе с замечательным спокойствием. Труп, весящий иногда более десяти пудов, вытаскивается из ямы веревками.

Гораздо более опасен следующий способ охоты, также часто употребляемый арабами Алжира и Марокко. Заметив, по следам, дорогу льва, охотник выкапывает в стороне от нее яму около шести футов глубины, садится в нее с ружьем в руках и закрывает отверстие ямы ветками. Здесь охотнику приходится сидеть иногда несколько ночей, прежде чем лев вздумает пройти прежней дорогой. Завидев, наконец, царственного зверя, араб подпускает его ближе и стреляет в голову или сердце. Редко первый же выстрел убивает льва наповал: обычно лишь раненный, «царь зверей» в ярости мечется по сторонам, отыскивая противника. Этим пользуется охотник и вторым выстрелом наносит смертельную рану.

Убедившись в смерти ужасного врага, араб вылезает из своего убежища и зажигает около трупа костер, у которого и проводит остаток ночи; если же охотник опасается, что поблизости бродит львица, то, зажегши костер, привязывает к ногам убитого льва веревку, влезает на ближайшее дерево и сидит на нем до утра, подвесив труп на крепкой ветви, — иначе последний сделается добычей прожорливых шакалов и гиен.

С наступлением утра охотник спешит в кочевье за ослом или тележкой — перевезти труп. Лошадь и мул для этой цели непригодны, так как

под страшной ношей они дрожат и не могут сделать ни одного шага. Нагрузив осла телом павшего противника, счастливец с триумфом отправляется сначала в свой дуар (кочевье), население которого восторженно приветствует победителя, затем—в город. Если дело происходит в Алжире, то прежде всего охотник везет льва в «Арабское бюро», где получает установленную награду—50 франков. Затем шкуру зверя он продает дубильщику за 100—150 франков, мясо—мяснику, а сердце делит на куски и раздает детям своего дуара, «чтобы они выросли храбрецами». Всего удачная охота приносит арабу до 300 франков, не считая славы. Поэтому нередко убивший льва до того пристращается к охоте за благородным зверем, что бросает всякое другое занятие.

Если мы добавим, что некоторые племена Центральной и Южной Африки бьют львов отравленными стрелами, то этим исчерпаем все способы охоты на могучего «царя зверей».

Еще со времен древности натуралисты не могут твердо установить, считать ли пантеру и леопарда за разные виды или следует соединить их в один вид. **Леопард** (*Felis pardus*)—длиной 170—200 см, причем 60—80 см занимает хвост—имеет круглую голову с мало выдающейся мордой, основной фон его шерсти—бледно-красновато-желтый, темнеющий на спине и более светлый на груди и брюхе; по этому фону густо разбросаны небольшие черные пятна. Некоторые экземпляры приобретают, по-видимому, совершенно темный цвет, как, напр., абиссинские блестяще-буро-черные леопарды, называемые в Абиссинии *гезела*. Глаза леопардов имеют зеленовато-желтую радужную оболочку и круглый зрачок.

Напротив, **пантера** (*Felis panthera*), по мнению некоторых исследователей, несколько больше, 200—240 см длины, из которых 82—96 приходится на хвост. Голова у нее не так велика, морда—продолговато-округлая, выдающаяся; далее, ноги относительно гораздо толще, лапы—больше. Основной светлый охряно-желтый цвет окраски переходит на спине в темно-красновато-желтый, внизу и на внутренней стороне конечностей—в желтовато-белый, как у леопарда, но выступает гораздо резче. Пятна, испещряющие шкуру,—гораздо крупнее, радужная оболочка—желтого цвета.

Торговцы и охотники так и отличают леопарда, как более мелкое и плотнее сложенное животное, а пантеру—как более крупное и тоньше сложенное. Наконец, иные считают африканскую форму этих животных леопардом, а азиатскую—пантерой, хотя в Северной Африке леопардов называют пантерами, а в Цейлоне различают обе формы. Но так как и пантера и леопард сходны по своему характеру и образу жизни, то мы опишем их совместно.

Водящиеся на о-вах Суматра и Ява животные некоторые выделяют в отдельный вид под названием *зондской*, или **длиннохвостой**, **пантеры** (*Felis variegata*). Она отличается сравнительно маленькой длин-

ной головой, удлинненной (а не короткой, как у леопарда или пантеры) шей, очень вытянутым телом и большим, почти равным телу хвостом. Кроме того, пятна на шерсти меньше, темнее и раскиданы гуще, отчего

мех приобретает синевато-черный отблеск, особенно если смотреть на него по шерсти. Основной цвет — темный охряно-желтый. Радужная оболочка — зеленовато-желтого цвета.

Напротив, так называемая **черная пантера**, или черный леопард (*Felis melas*), представляет нечто иное, как более черные экземпляры того же животного, встречающиеся на Зондских о-вах и Малакке. Окраска их совершенно похожа на окраску черной кошки.

Область распространения леопарда (или пантеры) очень велика: этот хищник

встречается по всей Африке, Южной Азии, Малой Азии, в Туркестане доходит до нижнего течения Амударьи и заходит даже в Южный Дагестан. Местом его пребывания служат и леса, густые и высокие, и степи, и поля (в населенных местностях), наконец, даже горы (до 3000 м высоты в Абиссинии). Голос леопарда негромкий, и, по словам Пехуэль-Леше, можно передать его словом «хура-ак»; в случае испуга или в состоянии раздражения этот хриплый звук раздается в виде сухого кашля, смешанного с дребезжащим ворчаньем, похожим на ворчанье бешеной собаки.

По наружности леопард, без сомнения, самая совершенная из всех кошек на земном шаре. Из всей семьи последних лев, конечно, внушает нам уважение своим величием, и мы охотно признаем в нем царя зверей; тигр является самым ужасным представителем свирепого общества кошек; мех оцелота, конечно, цветистее и пестрее, чем меха прочих парделей; но относительно стройности сложения, красоты и рисунка меха, относительно грации и красоты в движениях эти кошки, как и все остальные, далеко уступают леопарду.

К сожалению, внутренние качества леопарда не соответствуют наружной красоте: он хитер, лукав, коварен, дик, зол, кровожаден и мстителен. Это наиболее опасный хищник во всей Африке, отечестве леопарда. Для стад он является настоящим бичом, и скотоводы боятся его больше, чем самого льва, так как «царь зверей» всегда довольствуется одним животным, леопард же, забравшись в стадо, в одну ночь может задушить тридцать — сорок баранов.

Стоит послушать тот богатый запас брани и проклятий, который изливают туземцы Африки на пойманного леопарда.

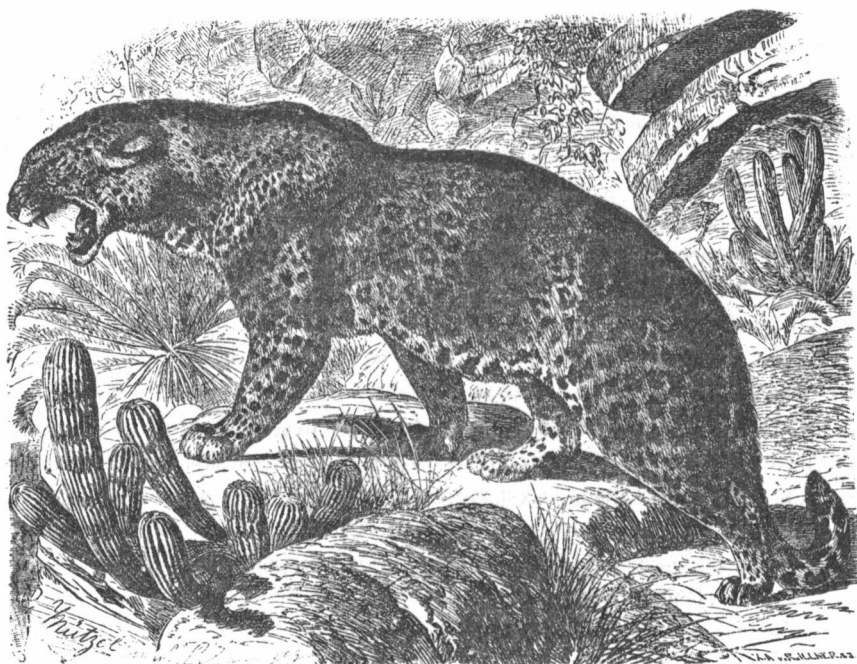
— Подлая, трусливая собака, — приветствовал один кафр, описываемый Драйсоном, леопарда, попавшего в западню, — жалкий истребитель кур, наконец ты попался... Помнишь ли ты рыжего с белым теленка, которого зарезал в прошлом месяце? Это был мой теленок! Трус, оборванец! Отчего ты не подождал тогда, пока я приду с копьём и палкой? Ты, конечно, думал, что шкура твоя станет лучше, когда ты нажрешься по горло! Но теперь тебе не вырваться!

— Посмотри, посмотри, подлец, на мое копьё! — кричал другой, грозя пойманному зверю. — Я вонжу его тебе в сердце так же, как теперь вонзаю в землю. А, мошенник! Покажи мне твои зубы: они пойдут мне на ожерелье, а твое сердце я изжарю...

Вдруг, во время этой трогательной речи, леопард сделал мощный скачок на решетку клетки — и храбрцы рассыпались куда глаза глядят...

Но этот красивый хищник опасен не для одних домашних животных — он часто уносит и детей. Миссионер Филиппини передает, что в Менза, глав-

ном селении земли Богос (на севере Абиссинии), леопард в течение трех месяцев утащил и съел восьмерых детей. Нередки случаи нападения зверя и на взрослых людей, даже хорошо вооруженных. Сам бургомистр города Капштадта однажды подвергся, вышедши за город, такому нападению. Леопард вцепился ему когтями в голову, а зубами схватил его за шею. Но бургомистр храбро защищался; он стал руками бороться со своим противником, и они оба упали на землю. Уже совершенно измученный, он напряг свои последние силы, при-

Леопард (*Felis pardus*)

тиснул голову разъяренного зверя к земле, вытащил свой дорожный нож и перерезал леопарду горло; но сам он долго потом страдал от ран.

Бэкер-паша передает о подобном же случае, бывшем с одним из его солдат. Последний, ничего не подозревая, беспечно шел лесом. Вдруг из кустов выпрыгнул леопард и одним могучим скачком бросился на несчастного. Солдат упал на землю, и страшный зверь стал терзать его зубами и когтями. К счастью, на помощь солдату скоро прибежали товарищи и убили хищника.

При такой свирепости и ловкости леопарда понятно, почему у кафров победитель опасного животного пользуется таким почетом. Одетый в «каррос» из шкуры леопарда, с ожерельем из зубов зверя на шее и хвостом его

на поясе, храбрец свысока посматривает на своих товарищей, на поясе которых печально болтаются одни скромные хвосты обезьян.

Охота на леопарда производится самыми разнообразными способами. В тех местностях, где живут европейцы, свирепого зверя ловят в капканы и ловушки или вешают на дерево кусок мяса, а внизу втыкают в землю острые железные зубья: леопард прыгает на приманку, но, не достав ее, падает на зубья. Упомянутый выше Филиппини поймал около 25 леопардов в западни, по устройству похожие на огромные мышеловки. Между прочим, один раз у него попал в такую западню сам «царь зверей», лев; увидев себя пойманным, он яростно ударил лапой по захлопнувшейся двери, сломал ее и скрылся.

Столь же безопасна охота на леопарда с огнестрельным оружием и хорошими собаками. Зато немногие смельчаки решаются ходить на леопарда один на один, без собак. Обыкновенно они обматывают себе левую руку толстой шкурой, а в правую берут острый, широкий кинжал. Если ружье даст промах, охотник подставляет бросившемуся на него зверю левую руку, а правой всаживает в сердце леопарда кинжал. Еще оригинальнее способ охоты на леопарда, употребляемый арабами.

— В окрестностях нашего города,—говорил мне один арабский шейх из Розереса,—леопарды попадают очень часто. Но их не боятся, потому что мы—«сыны силы» и легко одолеваем всякого зверя. Охота на леопарда—сухий пустяк. Если он влезет на дерево, то надо просто подойти к последнему и велеть зверю слезть. Он послушается, и тогда его можно заколоть.

Я выразил свое удивление словам шейха.

— Да,—продолжал араб,—заставить леопарда сойти с дерева очень легко. Свое прекрасное имя «ниммр» он считает насмешкой и приходит в страшное негодование, когда его зовут так. Наши молодцы пользуются этим: они берут два острых копья, идут под дерево, держат оба копья возле себя, направивши их вверх, так что остроконечия стоят над головой, и громко кричат: «Сходи, ниммр, сходи, трус, испятнанный плут, сходи, если у тебя хватит смелости!» От этих слов леопард приходит в бешенство, забывает всякую осторожность и слепо бросается на нападающих, но попадает, конечно, на оба копья и прокалывает ими свое сердце.

Леопард, пойманный взрослым, хотя и ручнеет в неволе, но никогда не становится ручным вполне,—его коварный нрав и природная свирепость могут всегда проявиться совершенно неожиданно. Леопарды, пойманные молодыми, наоборот, становятся кротки в неволе, охотно ластиятся к хозяину, мурлычат, трутся о клетку,—словом, во всем напоминают кошек.

Близко к леопарду подходит **ирбис**, или **снежный леопард** (*Felis uncia*), называемый в Тибете икар, сиг, сагак, по величине почти одинаковый с пантерой (220 см), но ниже ее. Основная окраска—

беловато-серая с светло-желтым оттенком, более темная на спине и белая внизу. Тело покрыто крапчатыми кольцами с темной серединой; на спине тянется темная линия, переходящая и на хвост. Встречается в

гористых местностях Туркестана, Алтая, Бухары, Памира, Кашмира и Тибета, далее, по-видимому, в Юго-Восточной Сибири, в степях по Сунгари; по сообщениям тунгусов, охотно взбирается на деревья. О жизни его в неволе ничего не известно; хотя в 1871 г. два ирбиса были в Московском зоологическом саду, но наблюдений над ними не производилось, к тому же они скоро умерли.

Крапчатая кошка, или кошка-рыболов, в Индии — банбирал, багдаша, махбаграл, на Цейлоне хандун-дива (*Felis viverrina*), не больше дикой кошки (105—118 см, причем хвост 29—32), покрыта грубым, без блеска, мехом, трудно определимого желто-буро-серого цвета с черными крапинками. Глаза с круглым зрачком, бронзово-желтого цвета; живет в Индии, Индокитае, Южном Китае и Малакке в болотистых лесах; питается кроме млекопитающих и птиц рыбой и даже моллюсками. Сила у нее такая, что однажды экземпляр, принесенный Блейту, умертвил ручного леопарда, хотя тот был вдвое больше ее. В неволе она дика, злобна и неприручима, хотя, по мнению некоторых, ее вовсе не трудно приручить. Выделяет сильный запах, что делает содержание ее неприятным.

Гораздо более распространена маленькая пятнистая кошка, **карликовая кошка**, **леопардовая кошка**, **вагати**, **чита**, **билла**, **банбирал** индусов, **римау-акар** малайцев (*Felis bengalensis*), приблизительно равная по величине нашей домашней кошке, но тоже выделяющая сильный запах (мускус). Она встречается во всей Южной (даже в Гималаях) и Юго-Восточной Азии, доходя к северу до Амура. Основной цвет наверху — буровато-серый, снизу — белый, пятна темно-ржаво-бурые сверху и черно-бурые снизу. Отличительный признак — 4 продоль-

ных полосы, из которых две, начинаясь над глазами, поворачивают к плечам, разделяясь потом на пятна, а две других идут сначала по бокам носа и переходят на спину, постепенно превращаясь в пятна. Глаза с круглым зрачком, бурого цвета. О жизни ее на свободе мало известно. На Зондских о-вах, как говорят, она живет на деревьях, нападая оттуда даже на ягнят. В неволе, по крайней мере, пойманные взрослыми, эти кошки очень злы и по малейшему поводу приходят в бешеную ярость. Но молодые сравнительно легко ручнеют, хотя и не отличаются доверчивостью.

Сервал, кустарниковая кошка у переселенцев Южной Африки, чунсуагелив, барабара — у некоторых народов Африки (*Felis serval*) является соединительным звеном между кошками и рысьями: он худощав, высок, голова удлинена, уши большие, яйцевидно закругленные на концах, зрачок глаз — продолговато-округлый; шерсть грубая, густая и длинная. Величина 1,35 м, причем 30—35 см хвост. Желтовато-серый основной цвет его меха, разных оттенков, покрыт небольшими темными пятнами. Область его распространения — степи Алжира, Конго, Южной Африки, скалы Белого Нила и пр. Пищей служат зайцы, молодые антилопы, ягнята и пр. Днем сервал прячется и спит, выходя на добычу ночью. Мясо его в большой чести у языческих народов, магометане же его не едят. Старые сервалы в неволе свирепы и раздражительны, молодые же принадлежат к числу самых милых кошек: они следуют за своим воспитателем, прижимаются к нему, трутся о платье и при этом мурлычат, подобно домашней кошке. Подобно ей же, они любят прыгать, играть с шарами или же развлекаться игрой с собственным хвостом.

Самым замечательным представителем американских одноцветных кошек должен быть признан **кугуар**, **серебряный лев**, или **пума** (*Felis concolor*), длиной в 1,2 м при хвосте в 65 см, широко распространенный не только в Южной Америке, а даже в Мексике и Соед. Штатах до Канады. Густая, короткая и мягкая шерсть пумы окрашена в темно-желтовато-красный цвет; на груди — светлее; голова серая. Любимым местопребыванием его являются в лесистых местностях лесные опушки, в пампасах — густая трава. Днем пума спит на деревьях или в траве, ночью же выходит на добычу.

До последнего времени образ жизни и характер этого любопытного зверя были выяснены очень мало. Тем интереснее сведения, не так давно опубликованные английским натуралистом Хэдзоном, изучавшим пуму в родной стране этого животного — Лаплате.

Крайне ошибся бы тот, кто, основываясь на прозвище кугуара, стал бы представлять его себе чем-то вроде африканского льва. По наружности это — просто кот, только кот огромных размеров. Зато храбрость кугуара — чисто львиная: он не отступает ни перед каким врагом, кроме человека; да и последнего он нисколько не боится, хотя никогда не нападает на него и вообще — странный факт — выказывает по отношению к двуногому повелителю земли какую-то приязнь. Еще удивительнее то обстоятельство, что пума никогда не нападает на совершенно беззащитных домашних животных: овец, телят и т. п. Пуме как будто нравится добывать себе добычу непременно ценой труда и усилий. Не трогая какого-нибудь заблудившегося барана, она в то же время охотно готова употреблять всевозможные уловки, чтобы овладеть проворным гуанако или быстроногой лошадей. Отсюда тот странный факт, что в населенных пумами местах Лаплаты табуны лошадей постоянно терпят опустошения, тогда как овцы и коровы спокойно пасутся без всякого призора. В иных местах, напр., в Патагонии, коневодство даже прямо невозможно из-за пум: они нападают на лошадей и разрывают их на глазах у хозяев. Даже дикая лошадь не водится в тех частях пампасов, где многочисленны пумы. Обыкновенный крик пумы, когда она крадется за добычей, — короткое «у-у».

Не ограничиваясь гуанако, вигонями, лошадей и т. п. животными, кугуар не боится нападать и на крупных хищников, не исключая даже ягуара, самого сильного и самого опасного из диких зверей Америки, а в Калифорнии, где нет ягуаров, пума нередко вступает в единоборство с медведем. В то же самое время не только взрослый человек, но даже дитя могут вполне безопасно пройти мимо лежащей в засаде пумы. За эту черту характера гаучосы пампасов дают кугуару прозвище «amigo del cristiano» (друг христианина). Среди них циркулирует много рассказов, доказывающих ту странную симпатию, какую пума питает к человеку, и вот, например, один из них.

Раз человек около тридцати охотников собрались верхом поохотиться на страусов и других степных птиц. Проездив по пампасам целый день и лишь к вечеру собравшись на отдых, они вдруг заметили, что одного из их товарищей не хватает, хотя лошадь его и явилась. Охотники порешили, что пропавший сделался жертвой какого-нибудь несчастного случая, и на следующий день с рассветом отправились на его поиски. К счастью, поиски оказались удачными: они скоро нашли несчастного лежащим на земле, со сломанной ногой, и тот рассказал им следующее. Через час после того, как он, свалившись с лошади, без движения упал на землю, к нему подошел откуда-то взявшийся кугуар. Зверь не выказал, однако, никаких враждебных намерений: словно не видя лежащего человека, он растянулся подле него на траве и некоторое время лежал спокойно. Вдруг что-то, казалось, встревожило пуму; животное встало и куда-то скрылось, опять показалось и опять скрылось. В то же время раненый услышал недалеко рычание «унце» (ягуара). Несчаст-

Пума, или серебряный лев (*Felis concolor*)

ный считал себя уже погибшим. Ужасный хищник пампасов с каждой минутой подходил все ближе и ближе к тому месту, где лежал охотник. Наконец, последний мог разглядеть в темноте сумерек фигуру страшного зверя, очевидно чужавшего легкую добычу. В эту минуту рев пумы присоединился к рычанию ягуара, и голоса обоих зверей, становясь все более и более озлобленными, слились в один ужасающий концерт: очевидно, две гигантские кошки готовились вступить в бой. Однако ягуар, несмотря на всю свою силу и свирепость, не решился принять вызова и удалился. Через некоторое время он, однако, опять вернулся, но опять встретил готового к бою кугуара. Следующие попытки хищника имели такой же результат, и лишь под самое утро противники скрылись из глаз раненого. Таков факт, хотя на первый взгляд он и кажется маловероятным.

Подобных рассказов о великодушном отношении пумы к двуногому царю природы можно набрать не один десяток. Уэтам передает, например, еще о следующем происшествии. Один дровосек, возвратившись вечером в свою хижину, с ужасом почувствовал, что какое-то большое животное трется об его ноги. Присмотревшись внимательнее, он узнал в ночном посетителе кугуара. Подняв хвост и нежно мурлыкая, пума, словно простая домашняя кошка, ласкалась к дровосеку, пробираясь между его ногами, а иногда ложась на пол и давая ему легкие удары лапой. Перепуганный дровосек не расположен был, однако, играть с такой кошкой и ударил пуму, после чего та бросилась из хижины вон.

К этому надо прибавить, что в XVII веке миссионеры Нижней Калифорнии, стада которых опустошались пумами, никак не могли заставить туземцев приняться за истребление последних. Индейцы смотрели на «чимбика», — так они называли пуму, — как на священное животное, и ни за что не хотели причинить ему ни малейшего вреда.

Пума играет почетную роль также в одной истории, имевшей место в XVI веке. В 1536 году, передает Рюи-Диац-де-Гузман, Буэнос-Айрес, тогда еще незначительный городок, был осажден индейцами. Скоро между осажденными начался голод. Не будучи в силах переносить его муки, некоторые жители, несмотря на строгое запрещение властей и опасность от краснокожих, убегали из города. Между такими беглецами была одна молодая женщина, по имени Мальдонада. Покинув Буэнос-Айрес, она некоторое время скиталась в его окрестностях, попала к индейцам, которые не причинили ей, однако, никакого зла, а через несколько месяцев опять вернулась в город. Начальник города обвинил ее в измене и приговорил к растерзанию дикими зверями. Несчастную отвели за милю от города в пустынное место, привязали к дереву и бросили. Через два дня исполнители приговора снова явились сюда, надеясь найти от осужденной одни кости, но каково было их изумление, когда они увидели Мальдонаду живой и невредимой! Молодая женщина рассказала, что

все это время пума сторожила ее, храбро защищая от всех других зверей. Услышав об этом, начальник города увидел здесь перст Провидения и освободил Мальдонаду от всякого наказания.

Если даже в диком состоянии пума не проявляет кровожадности по отношению к человеку, то тем более это можно сказать о ручных пумах. Азара в течение четырех месяцев держал у себя дома молодого кугуара, и за все это время последний ни разу не выказал каких-нибудь свирепых наклонностей. Подобно молодой кошке, он любил возиться, прыгать, играть с людьми, любил ловить пролетающих бабочек, но и только. Хэдзон знал другого домашнего кугуара, который жил у хозяина около восьми лет и также никогда не проявлял ни малейшей свирепости. Если к нему приближались люди, он ласково мурлыкал и терся о колени посетителей, прося, чтобы его погладили. Любимым занятием его было—играть с платком или мячиком.

Ближайшим родственником пумы можно считать **ягуарунди** (*Felis jaguarundi*) гатомуриско бразильцев, стройное, тонкое животное, несколько напоминающее своим вытянутым телом и длинным хвостом куницу. Голова маленькая, глаза довольно большие, уши округленные, мех короткий и густой—темного серовато-бурого цвета. Длина туловища—55 см, хвост—32. Живет он парами по опушкам лесов и в кустарниках, встречаясь на огромном пространстве от Парагвая до Панама. Жертвами его нападения бывают не только мелкие, но и крупные животные: подобно рыси, ягуарунди вцепляется им в шею, прокусывает ее и не отцепляется до тех пор, пока животное не умрет. На людей он, по-видимому, боится нападать, так что охота на него не представляет опасности, причем трусость его доходит до того, что даже самка не осмели-

вается защищать своих детенышей и позорно покидает, обращаясь в бегство. Невольно эти хищники переносят хорошо, но не плодятся в ней. Приручить их, особенно в молодости, не представляет труда, хотя они и не обнаруживают особенной привязанности к человеку. Кроме того, они никак не могут преодолеть своей хищной натуры и постоянно гоняются за домашними курами.

Еще длиннее—**эйра** (*Felis eyra*), которую бразильцы называют гато-вермельо (красная кошка). Это—небольшое животное (длиною в 53 см, с хвостом в 32, а вышиной только 27), покрытое мягкой почти равномерно светло-желтовато-красной шерстью, отличающееся ненасытной кровожадностью и неукротимой жестокостью. К неволе быстро привыкает, но остается, по-видимому, равнодушным к своему хозяину.

Самый же страшный хищник между пятнистыми и полосатыми кошками Нового Света—**ягуар**, или **унца** (*Felis onza*), достигающий длины 150, даже 180—200 см, при высоте—80; покрыт коротким, густым, мягким, блестящим мехом, несколько более длинным на горле, груди и животе. Основной тон шерсти—красновато-желтый, кроме нижней части туловища и внутренней стороны ног, где преобладает белый цвет. Пятна—неправильные, окаймлены желтовато-красными или черными полосками. Нередко встречаются и черные экземпляры. По-видимому, существует несколько разновидностей ягуаров.

Название ягуар или, на языке южноамериканских туземцев, гуаранов,—*ягуаретте*—означает «собачье мясо»; испанцы же называют это животное тигром, а португальцы—онса. Ягуар распространен по Новому Свету, от Аргентины до юго-западной части Соединенных Штатов; живет в лесах по берегу рек или в покрытых травой болотистых местностях, выходя на добычу

в утренние или вечерние сумерки, а также в светлые, лунные ночи, но никогда днем или темной ночью.

Нападению его подвергаются не только мелкие животные, но и крупные, даже кайманы; любит он также и черепах. Острое зрение и превосходный слух помогают ему издали чують добычу, к которой он подбирается, как настоящая кошка, крадучись, ползком, затем одним-двумя прыжками кидается на нее и перекусывает горло. Говорят, что он бросается даже за своей добычей и в воду. Больше всего от него страдает рогатый скот и лошади; впрочем, волы и быки сами часто обращают его в бегство.

Интересна рыбная ловля ягуаров. «Когда однажды, в жаркий летний вечер,— рассказывает Ренггер,— я возвращался в лодке с охоты на уток, сопровождавший меня индеец заметил на берегу ягуара. Мы подплыли к тому месту и спрятались, чтобы посмотреть, что он будет делать. Он сидел, свернувшись на выступе берега, где течение было сильнее, около того места, где обыкновенно водится хищная рыба, называемая туземцами «дораво». Ягуар пристально смотрел в воду, иногда нагибаясь вперед, как будто высматривал что-то на дне. Спустя 15 минут я увидел, как он быстро опустил лапу в воду и выбросил оттуда на берег большую рыбу. Отсюда я убедился, что он ловит рыбу так же, как домашняя кошка».

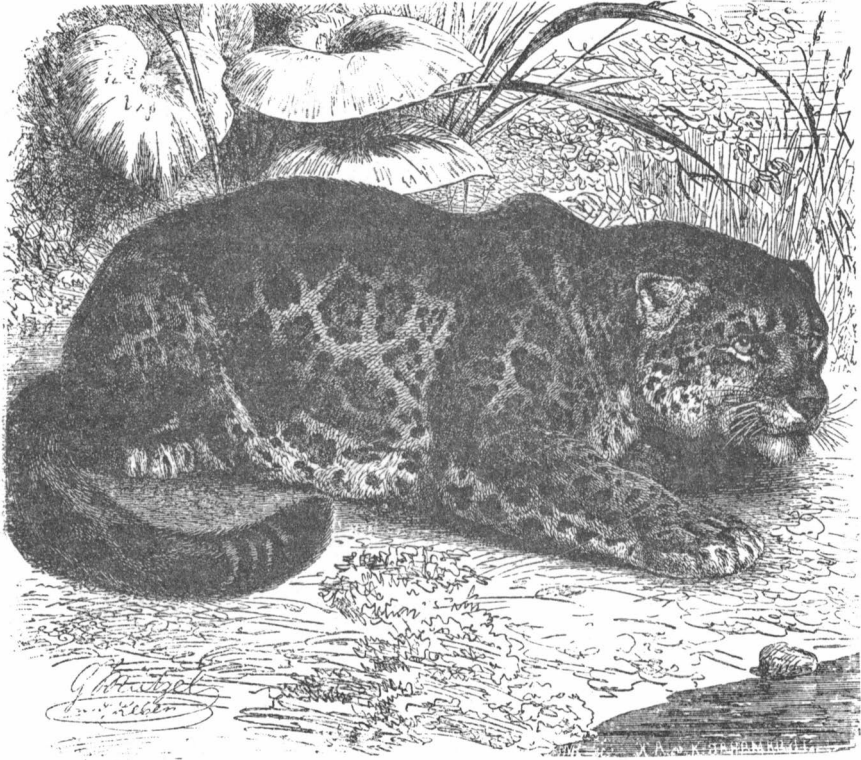
По отношению к людям ягуар, мало знакомый с ними, выражает только любопытство и уступает им дорогу; но, познакомившись с ними, скоро утрачивает свою робость и тогда делается людоедом. Иногда ягуары осмеливаются даже влезать на стоящие у берега суда и таскать оттуда собак, до которых они так лакомы, или мясо, причем огонь, обыкновенно отпугивающий других хищников, не страшен для них.

«Мы заметили, к своему удивлению,— пишет Гумбольдт,— что ягуары совсем не боялись нашего огня. Они переплывали рукав реки, отделявший нас от берега, и утром мы слышали рев их на близком расстоянии». В другом месте своего рассказа тот же наблюдатель сообщает, что ягуар выхватил однажды из самой середины их лагеря любимую собаку всего общества и уволок ее. Собака, которая вечером слышала рев ягуара, забила под гамак своего господина, но утром все-таки исчезла.

Знаменитый «рев» ягуара, о котором упоминает натуралист, в действительности, впрочем, далеко не так страшен: подобно леопарду и тигру, этот хищник не принадлежит к громко кричащим животным; он только ворчит, хрюкает, воеет или мяукает.

В воде ягуар чувствует себя, по-видимому, отлично. «Однажды,— передает Ренггер,— в бытность мою в 1819 г. в Асунсионе мне пришлось быть свидетелем следующего происшествия. Ягуар плыл с другого берега реки. Трое иностранных матросов, несмотря на предостережение парагвайца, схватили ружья, бросились в лодку и поехали навстречу ягуару. Подъехавши на расстояние

1—2 метра, передний матрос выстрелил и ранил зверя. Но прежде, нежели матросы успели опомниться, ягуар ухватился за борт лодки и вскочил в нее, несмотря на удары веслами и прикладом. Тогда матросы сами поспешили оставить лодку, бросившись за борт в воду. Ягуар же, оставшись в лодке, улегся там и преспокойно плыл вниз по реке, пока, заметив за собой погоню других охотников, не прыгнул сам в воду и не спасся на другом берегу».

Ягуар (*Felis onca*)

Молодых ягуаров можно приручить, но они должны быть пойманы еще сосунами, иначе не сладить с их хищной натурой. Движения ручных животных легки и грациозны; они ластятся к сторожу и заигрывают с ним, подобно домашней кошке. Но все-таки с ними нужно постоянно держаться настороже, так как ручной ягуар никогда не прочь показать хозяину свои острые зубы. Напрасно ему отпиливают клыки и резцы и обрезают когти; он может причинить много вреда одной своей силой. Я видел однажды, как такой искалеченный ягуар, на которого дети сажались без боязни, напал на ухаживавшую за ним десятилетнюю негритянку, в припадке гнева, одним ударом лапы повалил ее на землю, и, несмотря на то, что ребенка тотчас же вырвали, он сво-

им беззубым ртом так придавил ей руки, что она потеряла сознание и пришла в себя только через несколько часов. Легче приручаются самки, хотя и им чужды чувства благодарности к хозяину.

От скрещивания ягуара с леопардом и пантерой в неволе происходят способные к размножению убудки; такова, напр., *серая пантера*—от скрещивания ягуара и черной пантеры.

Причиняя страшный вред поселенцам, ягуары подвергаются ожесточенному преследованию со стороны человека. За ними охотятся и со стрелами, намазанными ядом кураре, и просто с одним кинжалом, и с собаками, наконец, верхом. Первый способ охоты, конечно, самый безопасный; также и последний, когда охотники накидывают на зверя лассо и потом, пустившись в галоп, волочат его по земле. Другое дело—выступить один на один: тут нужно большое самообладание. Охотник, завернув левую руку в овечью шкуру, а правую вооружив кинжалом, отправляется с 2—3 собаками по следам ягуара, подходит к нему близко и старается раздражить зверя. Тот, придя в ярость, подобно медведю, кидается на человека, стоя на задних лапах. Тогда охотник всовывает в раскрытую пасть его свою левую руку, а правой в то же время наносит сильные удары.

Вместо кинжала охотники вооружаются иногда копьём; но тогда отправляются на охоту вдвоем: один с копьём, а другой—с вилами, которыми он и прижимает зверя к земле; первый в это время колет его, а собаки, дергая зверя за хвост и другие нежные органы, не дают ему броситься на охотников.

Мех ягуара не особенно высоко ценится в Южной Америке, но мясо молодых считается вкусным, напоминая свинину. Затем, некоторые части тела употребляются южноамериканцами в качестве лекарства. Так, думают, что жир помогает от глистов, зола костей—против зубной боли и пр.

Заканчивая описание обширного рода кошек, мы должны упомянуть еще о следующих, более мелких американских представителях его. Это: 1) *чати*, 2) *оцелот*, 3) *тигровая кошка*, 4) *длиннохвостая кошка* и 5) *пампсовая кошка*. Все они, за исключением оцелота, очень редки в наших зоологических садах, да и тот в неволе не дает никакого представления о своем настоящем характере.

Чати, или **мбаракья** (*Felis mitis*), походит несколько на ягуара, но отличается ростом (80 см длины, хвост 30) и основным, более желтоватым, чем красным, цветом шерсти, как у леопарда; по этому фону разбросаны неправильные черные пятна; нижняя часть туловища совершенно белая. Водится в Ю. Америке до Патагонии и причиняет поселенцам большой вред, нападая на домашнюю птицу, причем ловко пролезает в самые узкие отверстия и перепрыгивает через высокие частоколы. Страсть к курам проявляется у него и в ручном со-

стоянии, несмотря на то, что по характеру чати—ласковое, привязчивое животное.

К чати примыкает **оцелот** (*Felis pardalis*), длиной до 1,3 метра, из которых 40—45 см занимает хвост. Туловище довольно широкое, заканчивающееся заостренным хвостом; уши короткие, широкие, зрачки—продолговатой формы; мех густой, блестящий, красивого пестрого рисунка; основной цвет—буровато-серый или красновато-желто-серый. Местом обитания оцелота является большая часть Ю. Америки до Парагвая на юге и южная часть Сев. Америки; встре-

чается чаще всего в лесах, скалистых и болотистых местностях, вдали от поселений; выходит на добычу ночью, выбирая для этого бурные, темные ночи. Пищей ему служат птицы и мелкие млекопитающие (напр., крысы, мыши, затем — более крупные (свиньи, обезьяны). Хорошо лазает по деревьям и отлично плавает. Приручить оцелота не стоит большого труда, и в неволе он — очень грациозное, ласковое животное; но давать ему волю нельзя: он передушит всех домашних птиц.

Тигровая кошка (*Felis tigrina*), называ-

В бразильских лесах чаще встречается **лисинохвостая кошка** (*Felis macrura*), с нашу домашнюю кошку, но отличается маленькой головой, большими глазами, округленными книзу и заостренными кверху ушами и сильно загнутыми беловатыми когтями. Основной цвет шерсти — рыжевато-серый, снизу белый, на котором разбросаны темно-бурые пятна. Очень опасна для домашних птиц.

Напротив, **пампасовая кошка** (*Felis pajeros*) считается совершенно безвредным существом. По серовато-серебристому цвету

Тигровая кошка (*Felis tigrina*)

ется также маргауй, а испанцами — тигрилло, еще меньше оцелота (длина туловища 50 см, хвост 30). Мягкий мех имеет по бокам бледно-желтую окраску, а снизу — белую. По образу жизни и в неволе сходна с оцелотом, только гораздо милевиднее и более кротка; незаменима для истребления домашних грызунов — крыс и мышей.

меха выступают темные или бледно-ржаво-бурые полосы, которые разбегаются по всему туловищу сверху и спереди, вниз и назад. Величина — до 130 см, из которых хвост занимает 30. Пищей ее служат в пампасах небольшие грызуны; больше об ее жизни ничего не известно; вероятно, прирученная и она охотилась бы за мышами.

Другой род семейства кошачьих, представители которого широко распространены по лесам, степям и пустыням Старого Света, за исключением Австралии, представляет **рысь** (*Lynx*). Сюда относятся животные, легко отличимые по своим ушам, оканчивающимся кисточками, затем, в большинстве случаев, по густым бакенбардам и короткому, недоразвитому хвосту. Рассмотрим следующие

виды: болотную рысь, степную, или каракала, полярную, или пишу, рыжую, обыкновенную и пардовую рысь.

Болотная рысь, или **джунглевая кошка** (*Lynx chaus*), представляет собой довольно стройное животное не более 3 фут. длины (90 см, из которых 22—27 хвост), покрытое желто-серой или серо-бурой, с темными полосами, шерстью, а в Индии,—впрочем, редко,—попадаются черные экземпляры. Глаза зеленовато-желтые. Областью распространения этого вида является большая часть Африки и южная, а также и западные части Азии, особенно Персия, Сирия, Индостан, Каспийское побережье; в Гималаях она поднимается до высоты 8500 футов. Во всех этих странах любимое ее местопребывания—леса, а где их нет, напр., в Нильской равнине или джунглях Индии, то—сухие места среди болот, в камышах и тростниках, наконец, хлебные поля. Днем и ночью можно заметить этого хищника, неслышно крадущегося, подобно настоящей кошке, за добычей; прижимаясь к земле и поводя ушами, животное, как змея, скользит в траве и вдруг одним прыжком бросается на добычу... Пища ее состоит из мышей и крыс, а также разных птиц—степных курочек, камышовок, ржанок, кур, голубей, наконец, из зайцев, тушканчиков и т. п. На более крупных животных она никогда не нападает, а человека, по-видимому, избегает, хотя при случае, особенно раненная, отчаянно защищается. В неволе рысь ведет себя, как и другие дикие кошки: злобно и бешено, если попадет в неволю взрослой, и напротив, добродушно, ласково, если попадет к человеку детенышем.

Дюмихен рассказывает, что раз, во время путешествия по Египту, ему пришлось быть в храмах Дендера. Здесь он услышал, что под полом бывшая с ним его собака возится с каким-то животным. Проникнув в подземелье, путешественник с изумлением заметил, что это была болотная рысь; животное, очевидно, попало сюда в поисках летучих мышей, но не сумело найти выхода и казалось совсем истощенным. Дюмихен взял его с собой, накормил, приласкал, и с тех пор рысь так привязалась к своему спасителю, что всюду следовала за ним, как верный друг; подружилась она и с собакой, и они целыми днями мирно играли вместе.

Степная рысь, или **каракал** (*Lynx gasal*), немного меньше предыдущей (длина—65—75 см, хвост 25); ноги у нее выше, тело тонкое, с длинными, узкими, заостренными ушами с кисточкой. Худощавая, стройная фигура и сильные ноги, приспособленные для быстрого бега, делают этого хищника настоящим «сыном пустыни», а темный или светлый серовато-желтый, без пятен, цвет шерсти как нельзя лучше сливает ее с почвой и делает трудноотличимой (черные полосы встречаются у этой рыси только на голове). Болотная рысь населяет всю Африку и Южную Азию и охотится не

только на мелких, но и на крупных животных.

В неволе это—пренеприятное животное. Стоит подойти к клетке, где оно лежит, по-видимому, спокойно, чтобы возбудить его гнев. Оно сердито вскакивает тогда и с фырканьем и урчаньем бросается на зрителя, как бы желая растерзать его своими острыми когтями, или же забивается в самый дальний угол клетки и, прижав к черепу длинные уши и сверкая глазами, ворчит без конца.

Ни в одном зоологическом саду не удавалось приручить каракала, а между тем в

Индии давно уже не только отлично приручают его, но и дрессируют для охоты на птиц, лисиц, зайцев, павлинов и пр.

Полярная рысь, или **пишу** (*Lynx borealis*), один из важнейших пушных зверей Северной Америки и вместе с тем — величайшее из животных этого рода, водящихся там: длина ее достигает почти 4 фут.,

белый. Местопребыванием рыси являются лесистые страны Северной Америки, на юге до Великих озер, на западе — до Скалистых гор. По описанию некоторых наблюдателей, напр., Ричардсона, полярная рысь довольно труслива и охотится лишь за зайцами да мелкими грызунами, от человека же и собак всегда бежит. Однако, вероятно, и она в случае

Рысь обыкновенная (*Lynx vulgaris*)

из которых 5 д. занимает хвост (точнее — 1,15 метра, и 13 см хвост). Длинный, густой, мягкий мех ее имеет буровато-серебристо-серую преобладающую окраску; пятна почти незаметны и сливаются с общим тоном: светло-серое лицо обрамлено такой же бородой, кроме черного пятна под челюстями; летом мех принимает более рыжеватый оттенок, а зимой — более серебристо-

нужды сумеет защитить свою шкуру. В неволе она угрюма и спокойна, но недружелюбна. Вместе с водящейся также в Америке **рыжей рысью** (*Lynx rufus*) этот вид является наиболее ценным для человека из всех диких кошек, так как мех полярной рыси ценится довольно высоко (до 15—20 руб. шкурка).

Самой красивой, большой и сильной из всего рода *Lynx* следует, бесспорно, признать **обыкновенную рысь** (*Lynx vulgaris*). Плотное сложение, сильные ноги и мощные лапы, напоминающие лапы тигра,— все это с первого взгляда указывает на большую силу животного. Довольно длинные, заостренные уши оканчиваются кисточкой черных густых (длиной в 4 см) волос, тело же одето густым, мягким рыжевато-серым с рыже-бурыми пятнами мехом, который свешивается по обе стороны бороды в виде бакенбард. Глаза бронзово-желтого цвета с крупным зрачком.

В прежнее время обыкновенная рысь была распространена по всей Европе, но теперь область ее распространения ограничивается лесами России, Скандинавии, Альп и Карпатов; в южных странах Европы, напр., в Греции, Италии и Испании, нашу рысь заменяет родственная ей пардовая рысь, в остальных же местах нашей части света она совершенно истреблена; так, в Англии рысь исчезла уже давно, в Германии же последний экземпляр ее был убит в 1846 году.

По своим размерам рысь—самый большой представитель семейства кошек в северных лесах. Взрослая рысь по величине не уступит своему близкому родственнику—леопарду. Длина ее тела достигает иногда четырех футов, высота в шейке—двух футов, а вес—90 фунтов и более.

При такой величине рысь обладает соответственной силой и общей всем кошкам ловкостью, а потому немудрено, что является очень опасным врагом для многих обитателей леса. Не говоря уже об оленях, даже огромный лось иногда подвергается нападению рыси. Отлично лазая по деревьям, рысь обыкновенно избирает своим наблюдательным пунктом одну из нижних ветвей; здесь она лежит, вытянув тело вдоль сука, закрытая листвою, и терпеливо по целым дням поджидает добычу; если какой-нибудь неосторожный олень покажется вблизи засады, хищник или прямо бросается на него сверху, или делает три-четыре огромных прыжка и, вскочив на спину жертвы, перекусывает ей шею. Бывали случаи, когда подвергшиеся таким нападениям животные далеко убежали со своим страшным всадником. Так, однажды в одну из норвежских деревень прибежало перепуганное стадо коз; на одной из них сидела молодая рысь, так глубоко запустившая свои когти в тело жертвы, что сама не могла их вытащить; несчастная коза в испуге бросалась из стороны в сторону, пока, наконец, подоспевшим людям не удалось подстрелить ее врага.

Подобно многим другим своим родственницам, рысь отличается крайней кровожадностью и истребляет жертв больше, чем может съесть. Нередки примеры, когда одна рысь заедала целое стадо овец в несколько десятков голов. Оттого за рысью охотятся с большей ненавистью, чем за каким-нибудь другим хищником. Охота производится обыкновенно с опытными собаками, которые, открыв рысь на дереве, лаем призывают охотника, сами оставаясь на почтительном расстоянии. Рысь обыкновенно не трогается с места, так как нисколько не боится собак. Этим пользуется охотник и, подойдя к дереву,

стреляет в зверя. Но тут уж надо целить вернее! Раненая рысь—очень опасный враг: она яростно бросается охотнику на грудь и глубоко вонзает свои когти и зубы в его тело. Несчастные случаи на охоте за рысью далеко не составляют редкого исключения. Тем не менее охота за рысью, особенно там, где этих зверей встречаешь довольно часто, напр., в России, в Сибири, постоянно привлекает многих охотников—отчасти потому, что рысь, как уже было сказано, очень вредный зверь для стад, отчасти же потому, что рысий мех за красоту своего рисунка ценится довольно дорого. В Восточной Сибири цена хорошей рысей шкуры равняется цене трех соболей, шести волчьих, двенадцати лисьих и сотни белчих мехов. Богатые инородцы, особенно якуты, охотно носят верхнее платье из рысьего меха; зачастую последний идет также на шапки.

Водится рысь обыкновенно в самых непроходимых лесах, особенно в лесистых ущельях и оврагах, наполненных буреломом. Здесь она проводит день, ночью же выходит на охоту. Если лес обилен дичью, рысь ограничивается ею и не трогает домашних животных: косули, олени, барсуки, сурки, зайцы, рябчики, тетерева, даже белки и мыши составляют тогда ее пищу; в противном случае голодный хищник нападает на стада и даже делает попытки пробраться в овечьи и козьи хлевы. В Швейцарии был случай, когда рысь, пробираясь в козий хлев, прорыла под стеной ход и уже просунула внутрь свою голову, как в этот момент была замечена бывшим в хлеве козлом; недолго думая, храбрый Васька наклонил свои рога, разбежался и нанес рыси несколько таких почтенных ударов, что хищник остался в норе мертвым.

Содержимые в неволе рыси могут быть причислены к самым привлекательным из всех кошек. Правда, по сравнению с настоящими кошками они кажутся угрюмыми, упрямыми и ленивыми, неподвижно лежат половину дня на одной и той же ветви; но эта неподвижность—только кажущаяся. Присмотритесь внимательней и вы увидите, как движутся уши и хвост, доказывая, что чувства зверя постоянно настороже. Рысь ведет себя с достоинством; спокойно и пристально смотрит она на брошенный кусок мяса, медленно приближается к нему, схватывает его с быстротой молнии, ушаченно виляя при этом своим коротким хвостом, но ест умеренно и спокойно. Другое дело, когда она увидит проходящее мимо животное: она вся настораживается тогда, принимая красивую позу хищника, находящегося в ожидании. Она не обращает даже ни на что внимания, будучи поглощена созерцанием соблазнительной для нее добычи. Если же последняя удаляется от нее, то рысью овладевает сильное нетерпение, и она начинает прыгать по клетке, с удивительной быстротой поворачиваясь во все стороны.

К сожалению, содержать в неволе это красивое животное не так-то легко: если оно хорошо переносит холод, то зато является крайне требовательным к пище: ест только лучшее мясо и требует перемены даваемого ей корма, иначе скоро умирает.

Совсем другое дело, если ей предоставить свободу. Один наблюдатель, Левис, рассказывает, что у него была молодая рысь, до того привыкшая к нему, что ходила за ним по пятам, словно собака, всегда отзываясь на свою кличку Люси. Это животное было выдрессировано для охоты и вело себя образцово, слушаясь малейшего знака хозяина. Как у настоящей охотничьей собаки, у нее было развито чувство чести и стыда.

«Однажды, — говорит Левис, — мне пришлось наблюдать оригинальную сцену. В нашей усадьбе был выкопан большой пруд. В ноябре он замерз; лишь посредине его вырубил прорубь, в которой теперь полоскались гуси. Моя рысь смотрела на птиц алчным взором. Низко присевши на льду, она ползком подвигалась вперед, виляя от нетерпения хвостиком. Но вот гуси заметили врага. Тогда наша любительница охоты приседает и, как камень из пращи, кидается, расставив лапы, в середину испуганного стада, не подозревая, на какой обманчивой стихии покоится желанная добыча. Вместо того чтобы каждой лапой схватить по гусю, она шлепается в холодную воду, так как все птицы быстро выскочили из воды или нырнули. Я считал теперь гусей, рассеявшихся по гладкому, как зеркало, льду, погибшими, но, к удивлению, вместо того, чтобы овладеть добычей, мокрая рысь сконфуженно проскользнула между беззащитными гусями, опустив голову и каждым движением выражая свой стыд, потом на много часов спряталась в уединенном месте. Голод, страсть к охоте и природная кровожадность не могли подавить в ней стыда перед неудачным нападением.

Пользуясь полной свободой, Люси всегда была весела, подвижна и здорова, хотя питалась неправильно, так как в деревне в иное время и совсем нельзя достать свежего мяса.

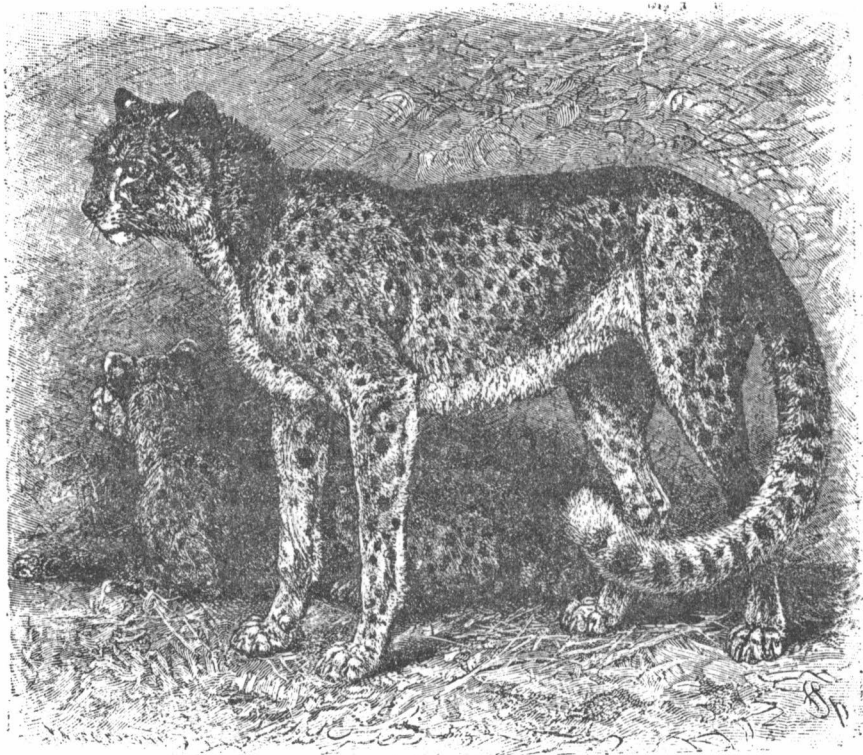
Самой своеобразной чертой ее характера была ожесточенная ненависть к кошкам: она не могла равнодушно пропустить ни одного из этих бедных животных, чтобы мгновенно не растерзать ее. Все они боялись ее больше собак. Наконец, ее страсть грозила полным исчезновением в поселке всех «кисонек», и я уступил ее в другие руки. Потом вскоре узнал, что бедное животное запрятали в клетку; привыкши к свободе, оно не вынесло этой жизни и скоро околело».

Мех рыси, особенно северных пород, всегда в хорошей цене (до 15 р.), да и мясо считается вкусным, поэтому это животное подвергается усиленному преследованию со стороны охотников.

В Южной Европе наша рысь заменяется несколько меньшим (не более 1 м) родичем ее — **пардовой рысью** (*Lynx pardinus*), покрытой рыжевато-серым с черными пятнами и полосами мехом и с буровато-серой бородой. На Пиренейском полуострове, где она особенно часто встречается, местопребыванием ее служат сплошные леса, где

розмарин и вечнозеленый дуб образуют рощи. Образ жизни ее такой же, как у ее северного родича; главная пища — дикие кролики, которыми так богата Испания. За ней точно так же усиленно охотятся частью из-за ее белого мяса, похожего по вкусу, говорят, на телятину, частью — из-за меха, идущего на куртки и шапки.

Третий род семейства кошек, **охотничьи леопарды**, или **гепарды**, представляет для зоолога большой интерес в том отношении, что является соединительным звеном между кошками и собаками. Латинское название гепарда— *Cynailurus*—как нельзя лучше характеризует этого зверя; он в самом деле—полусобака и полукошка. Его мех своей пестротой похож на шкуру леопарда, но своей жесткостью напоминает мех собаки. Голова гепарда, с ее низкими,

Гепард (*Cynailurus guttatus*)

широкими ушами, походит на кошачью, но длинные ноги с высунутыми наружу тупыми ногтями—собачьи, а хвост опять напоминает кошку. Характер гепарда точно так же напоминает и собаку, и кошку. Хитрость и лукавство, присущие кошачьей породе, соединены в нем с добродушием, миролюбием и понятливостью собаки.

Гепардов в настоящее время различают несколько видов; это: 1) **чита** (*Cynailurus jubatus*), или **азиатский гепард**; 2) **фаххад** (*C. guttatus*), или **африканский гепард**; 3) **крапчатый гепард** (*C. soemmerringii*) и 4) **шерстистый гепард** (*C. laneus*). Эти виды очень сходны между собой, разли-

чаясь лишь в мелочах; так, у читы цвет меха—светло-желтовато-серый с черными пятнами, покрывающими и живот, кончик хвоста черный, а у фаххада черные пятна разбросаны по желто-оранжевому полю, живот белый и без пятен; кончик хвоста—белый и т.п. Крапчатый гепард отличается от фаххада более темным основным цветом и более мелкими пятнами, а также большой гривой на шее и длинными волосами на темени; шерстистый гепард имеет толстое тело и толстые ноги, темно-чалые пятна на светло-рыжем фоне и одноцветную голову. Размеры их почти одинаковы: длина тела—3 фута с 2—3 дюймами, длина хвоста—2 фута, высота тела—столько же.

Живет гепард преимущественно в степных местностях: Юго-Западной Азии (Персии, Туркестане), а также в Северо-Восточной Африке; травоядные обитатели этих стран служат ему главной пищей. Так как все степные животные, напр., антилопы, газели и т.п., отличаются большим проворством, гепард же, напротив, не в состоянии бегать долго и быстро, то во время охоты ему необходимо пускаться в ход всю свою хитрость. И в этом отношении гепард действительно не уступит лучшей собаке: тихо, неслышно ползет он к добыче, прижимаясь к земле, и только подкравшись на близкое расстояние, решается на открытое нападение. Но одной способностью, свойственной большинству кошек, он не обладает: он не умеет лазить. Голос его также оригинален. Гепард мурлычет, подобно кошке, только грубее и глубже; в раздражении же он фыркает, подобно своим родичам, также свирепо щелкает зубами и при этом издает глухое ворчание, которое Блейт сравнивает с бляением козы.

Врожденная способность гепардов к охоте давно уже подмечена туземцами Азии, которые с давних пор приручают их в качестве охотничьих животных: отсюда немецкое название гепарда *Jagdleopard*—охотничий леопард. Иосиф Барбаро, путешественник XV века, видел у одного армянского князя сто дрессированных для охоты гепардов. Монгольские ханы прежнего времени держали этих зверей в еще большем количестве—целыми тысячами. И в настоящее время охота с гепардами в общем ходу на Востоке, особенно в Персии и Индии, где туземцы успешно дрессируют читу, тогда как фаххад с той же целью приручается арабами Сахары и абиссинцами.

Вот как один из очевидцев описывает подобного рода охоту.

«Погонщик верблюдов,—их обыкновенно употребляют для отыскания дичи и для устройства охоты,—сообщил нам, что за полмили пасется стадо газелей. Мы тотчас решили преследовать их с нашими гепардами. Каждый гепард помещался на открытой тележке, запряженной парой волов. Животные были привязаны недоуздом к верхней части телег; кроме того, провожатые держали их за ремни, связывавшие им ноги, а на головах гепардов были кожаные шапочки, закрывавшие им глаза. Так как газели чрезвычайно пугливы, то лучший способ приблизиться к ним—сидя в охотничьей телеге, которая устраивается так же, как обыкновенные крестьянские тележки; животные привыкли к этим послед-

ним и подпускают их на 70, даже на 50 сажень... У нас были с собой три гепарда, и мы подвигались к месту, где были замечены газели, так что одна телега следовала от другой на расстоянии около 100 аршин. В таком порядке въехали мы в поле хлопчатника, где увидели четырех газелей. Кучер моей телеги сумел подъехать к ним всего на 35 сажень, после чего с гепарда были сняты шапочка и путы. Заметив добычу, зверь тотчас прилег к земле животом и медленно стал ползти к газелям, прячась на пути за каждое возвышение. Но едва газели заметили его, как гепард вскочил, в несколько мгновений очутился среди них, схватил самку, пробежал с нею около 70 сажень, затем ударом лапы повалил животное на землю. Другой гепард, выпущенный вслед за первым, сделал четыре-пять отчаянных прыжков, но, промахнувшись, бросил преследование и с мурлыканьем возвратился назад в свою тележку... Когда пойманная газель была убита, один из охотников надел на гепарда шапочку, отрезал добыче голову, собрал кровь в деревянную чашку и поставил ее перед гепардом. Кроме того, ему дали, по праву охоты, одну ногу газели».

Уже из этого рассказа видно, как сравнительно легко становится гепард ручным. По нашему мнению, ни одна из кошек, за исключением разве льва, не может сделаться такой ручной. Будучи приручен, гепард теряет всякие следы дикости и отличается замечательным добродушием. Ему никогда не придет в голову перекусить тонкую веревку, которой его привяжут. Подходить к нему, гладить и ласкать можно без всякого опасения. Только присутствие других хищных животных выводит его из себя.

У меня был настолько ручной гепард, что я водил его с собой по улицам на веревке, вместо собаки. Однажды я привязал Яка,— так звали гепарда,— к длинной бечевке, намотал последнюю на руку и таким образом повел его гулять. По дороге мне встретились две большие дворняжки, лениво шедших наперерез. Желая знать, что будет делать гепард, я спустил бечевку. Тотчас Як лег на землю и тихо пополз к собакам, которые, остановившись, с удивлением смотрели на невиданного зверя. Наконец, гепард подполз достаточно близко, вскочил на ноги, в три-четыре прыжка догнал одну из собак и ударами лап повалил ее на землю. Бедная дворняжка перепугалась до смерти и принялась жалобно выть. Все другие собаки, бывшие на улице, принялись ей вторить, что собрало на месте происшествия кучу народа. Видя это, я оттащил гепарда от его добычи и поспешил увести домой.

В другой раз мне удалось устроить турнир между Яком и пленным леопардом. Леопард этот отличался замечательно бешеным нравом,—это был «черт в образе кошки». Обыкновенно он сидел на цепи в клетке, но в день боя клетку отперли и цепь удлиннили, привязав к ней веревку. Затем я позвал гепарда. Як был в чрезвычайно добродушном настроении и откликнулся на зов довольным мурлыканьем. Едва, однако, он заметил леопарда,

как добродушие его мигом исчезло: глаза выпучились, грива встала дыбом. Як зафыркал и храбро бросился на врага. Тот принялся яростно отбиваться, но скоро был повален на землю. Однако тут-то он и сделался особенно страшен: лежа на спине, он наносил Яку такие раны когтями, что я стал опасаться за жизнь своего любимца. Но гепард словно не чувствовал ран: он продолжал храбро кусать своего врага и победил бы его окончательно, если бы я не прекратил драки, облил противников холодной водой. Леопард с бешеным рычанием поспешил спастись в свою клетку; что касается Яка, то через несколько минут он пришел в свое обычное благодушное настроение.

Еще лучше характеризует гепарда следующий случай. Когда я жил в Александрии, некоторые из моих соотечественниц зашли ко мне, чтобы взглянуть на мои коллекции, но не застали дома. При следующей встрече я шутя пообещал дамам привести к ним некоторых своих зверей и вскоре, узнав, что эти дамы собрались вместе, решил на самом деле исполнить свое обещание. Взяв своего Яка, я привязал его на веревку и отправился в гости. Когда прислуга увидела меня вместе с таким спутником, то хотела поднять тревогу, но я успокоил ее и, поднявшись вместе с Яком во второй этаж, в дверях залы попросил у бывших там дам позволения войти с собакой. Позволение, конечно, было дано, и гепард вслед за своим хозяином вошел в залу. Увидев страшного зверя, дамы перепугались, подняли крик и в отчаянии вскочили на большой круглый стол. Но это повело лишь к тому, что Як тоже вскочил к ним и, добродушно мурлыча, принялся ласкаться то к одной, то к другой. Мало-помалу страх дам прошел, и они принялись гладить гепарда, а через некоторое время он сделался их общим любимцем.

Из этих рассказов видно, что гепард, походя наружностью на кошек, своим характером, однако, гораздо больше походит на верных, добродушных друзей человека — собак.

Подобно тому, как гепард является соединительным звеном между кошками и собаками, так **фосса** служит переходом от кошек к виверрам.

Единственный представитель этого рода — мадагаскарская фосса, или хорьковая кошка, как называют ее — *Scryptorhoca terox*. По общему виду, устройству морды и втягивающимся когтям ее можно было отнести к семейству кошек, но яйцевидные уши, более длинные, нежели у кошек, усы, особые железы под хвостом, откуда фосса выбрызгивает на своих врагов вонючую жидкость, все это противоречит этому предположению, сближая фоссу с виверрами.

Что касается ее образа жизни и привычек, то в этом отношении осталось еще много темного, так как ни один европеец еще не имел возможности наблюдать ее. Между тем эта оригинальная кошка очень

обыкновенна на Мадагаскаре, и по всему острову идет о ней худая слава, как о первой любительнице домашней птицы. Словом, ее репутация не выше нашей лисы, пожалуй, только фосса — еще больший разбойник, так как, не ограничиваясь курами и гусями, смело нападает и на поросят. В то же время, вооруженная своим вонючим выделением, которого не может никто вынести, фосса почти не боится никаких врагов. Туземцы, правда, ненавидят ее от души, но все-таки и страшно боятся встречи с нею.

Путешественник Поллен рассказывает по этому поводу забавную историю. Судсе, его слуга — охотник, встретил однажды фоссу, которая при его появлении выразила фырканием свое удивление (обыкновенно же она ворчит, почти как собака). Вместо того чтобы пойти на ненавистного врага, перепуганный охотник, дрожа всем телом, бро-

сил ружье, влез на дерево и оставался там, пока животное не скрылось в ближайших кустах.

Между тем туземцы очень лакомы до мяса фоссы и при случае не прочь достать его. Обыкновенно они подманивают зверя на живого петуха и издали поражают его стрелами или пулями.

С внешней стороны фосса нельзя ска-

зать чтобы красивый зверь: ее длинное (более 2½ фут.), вытянутое туловище, снабженное длинным (до 2 фут.) хвостом, покрыто коротким, густым и жестким мехом красновато-желтого цвета; ноги — низенькие (всего 6 дюйм.). Впрочем, когда этот зверь крадется со своими кошачьими ухватками за добычей, он не лишен некоторой грациозности.

Семейство **виверровых** (Viverridae) отличается от кошек длинным, тонким, на коротких ногах телом относящихся к нему животных; длинной, тонкой шеей, на которой сидит вытянутая голова с небольшими глазами, длинным, большей частью висячим хвостом, четырех- или пятипальными ногами, у многих втяжными когтями. Характерный признак представляют также находящиеся под хвостом особые железы, выделяющие пахучее вещество, которое иногда скопляется в особом мешке. Зубы виверр, в числе 36 или 40, как у настоящих хищников; клыки — большие, острые и тонкие, резцы — мелкие, коренные — зубчатые, острые. Распространены виверры главным образом в Африке и Южной Азии; в Австралии их совсем нет, в Америке встречается только один вид, в Европе, по побережью Средиземного моря, — 3 вида. Местопребыванием их служат самые разнообразные местности: степи, пустыни, леса, речные берега; они ютятся и в расщелинах скал, и в дуплах деревьев, и в земляных норах, наконец, просто в кустарниках.

По образу жизни виверры — большей частью ночные животные, быстрые, живые; лишь некоторые из них можно назвать ленивыми; большинство их живет на земле, а немногие — на деревьях. Из чувств лучше всего развито обоняние, с помощью которого виверры и находят свою добычу (большая часть вредных для человека мелких животных). На втором месте по остроте стоит зрение; зрачок у одних — круглый, у других — щелевидный.

Слух, а также осязание и вкус заметно менее развиты, хотя стоят все-таки не низко, так как многие виверры, напр., различают сладость плодов; другие относятся безразлично к пахучим выделениям, вообще свойственным этим животным.

Виверры и страннохвосты распространяют заметный мускусный запах. Утверждали, что в замкнутом пространстве последний невыносим, но я не замечал этого; по мне, вонь от куниц или волков гораздо неприятнее.

Со стороны умственного развития виверр не следует ставить очень низко. По крайней ме-

ре, и на свободе, и в неволе я замечал в них ум, и способность к усвоению, и чувство симпатии или антипатии. По моему мнению, мало животных, которые бы легче приручались, чем виверры. Но добродушными их во всяком случае нельзя назвать: не только по отношению к животным других видов, а даже к экземплярам того же вида виверры относятся недоверчиво, фыркают, злятся, кусаются и дерутся, так что едва можно разнять их.

Настоящая дружба между этими животными чрезвычайно редка; впрочем, мне пришлось наблюдать чету очень нежных супругов. Матери довольно нежно любят своих детенышей, число которых колеблется от 1 до 6. Детеныши легко свыкаются с неволей, довольствуясь сырым мясом, молоком с хлебом и плодами; но очень чувствительны к влиянию погоды и любят чистое помещение. Виверр держат то для ловли крыс или мышей, то для добывания драгоценного цибега, то ловят из-за меха, а местами — из-за мяса.

Виверр делят обыкновенно на две группы: кошконогих (Ailuropoda) с втяжными когтями, и собаконогих (Cynopoda) с невтяжными когтями. К пер-

вой группе прежде всего относятся собственно **виверры**. Это — животные с вытянутым в длину телом, но на довольно длинных ногах, с пятью пальцами и повислым хвостом; уши — широкие, короткие, глаза с круглым зрачком, умеренной величины, морда острая, мех мягкий. Наиболее известна — **африканская циветта** (*Viverra civetta*), ростом со среднюю собаку (70 см длины, и хвостом в 35 см), по наружности представляет среднее между кунницей и кошкой. Толстое тело ее оканчивается широкой, выпуклой головой с несколько заостренной мордой, короткими, острыми ушами и косо прорезанными глазами с круглым зрачком. Густой, грубый и довольно редкий мех, переходящий на спине в черно-бурую гриву, имеет красивый пепельно-серый, иногда желтоватый основной фон, на котором выступают многочисленные круглые и угловатые черно-бурые пятна; на шее эти пятна белые, точно так же, как и морда на конце.

Родиной циветты являются главным образом страны Нижней и Верхней Гвинеи (хотя она встречается и в Восточной Африке), где она живет на бесплодных плоскогорьях и горах, скудно поросших растительностью. Днем она спит, а ночью выходит на добычу, нападая на мелких млекопитающих, птиц, а в случае нужды поедая земноводных и даже плоды и корни.

Пойманные молодыми циветты скоро свыкаются с неволей, пойманные же старыми всегда остаются дикими и раздражительными; будучи рассержены, они сгибают спину, как кошки, поднимают гриву дыбом и издают хриплый звук, несколько похожий на ворчание собаки. Сильный запах мускуса, издаваемый этими животными в неволе, делает их едва выносимыми для слабонервных людей. Зато выделяемый ими **цибет**, прежде служивший лекарственным средством, а теперь входящий, как существенная составная часть, во многие благовония, доставляет порядочный доход. Для этой цели раньше держали циветту во многих городах Италии, Германии и Голландии, а также в Каире.

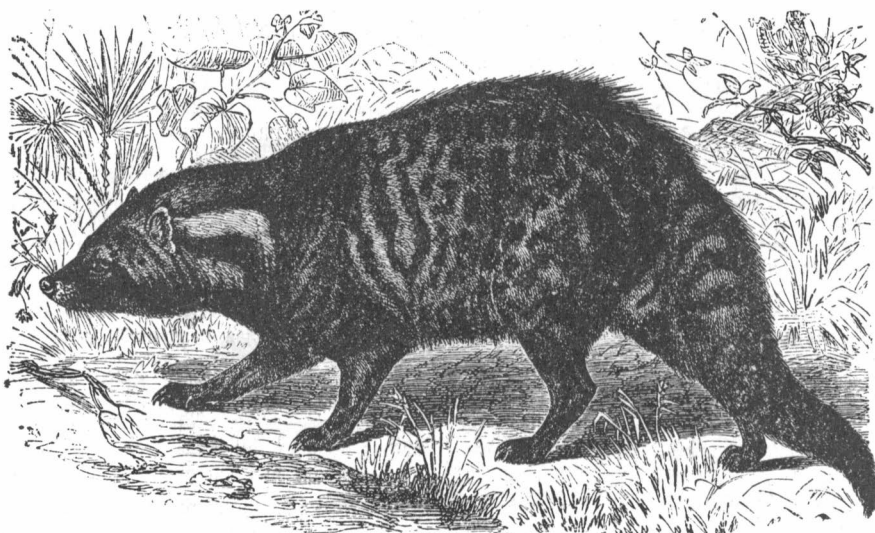
Для добывания этого вещества животное крепко привязывают к прутьям клетки, затем пальцами выворачивают железистый мешок и выдавливают жирное, маслянистое, похоже на сало содержимое его, после чего смачивают мешок кокосовым молоком или молоком животных, чтобы успокоить боль, причиняемую виверре при выдавливании. Обыкновенно эту операцию производят дважды в неделю. Свежий цибет представляет белую пену, которая затем буреет, несколько теряя свой запах. Затем его подвергают очистке: намазав на листья бетеля, очищают от волос, потом моют водой, а после — лимонным соком и, наконец, сушат на солнце. Сухой цибет сохраняют в прохладном помещении, в жестяных или оловянных коробках. Луч-

шим сортом считают цибет азиатской виверры, с Буру, одного из Молукских о-вов, затем идет яванский цибет, наконец, бенгальский и африканский. Обыкновенно самцы доставляют меньше цибета, нежели самки, но зато лучшего качества. В настоящее время торговля этим пахучим веществом сильно упала, так как ему все более и более предпочитают мускус.

По словам Чекки, в Каффе ежегодно ловят до 200 виверр; получаемый пахучий продукт продается по цене 0,6—1,8 марки (30—90 коп.) за вес талера, т. е. 27 грамм.

Что касается значения цибета для самих животных, то этот вопрос остается еще не выясненным; полагают, впрочем, что цибет служит средством для привлечения животных другого пола.

Несмотря на давнишнее, по-видимому, знакомство человека с циветтой, образ жизни этого животного и до сих пор точно не изучен, равно как и содержание в неволе. У меня были циветты, два детеныша, тихие и скучные, спавшие целый день. Но скоро один загрыз другого в драке, а потом и сам умер от полученных ран. Другие виверры, которых я наблюдал, мало отличались от них: днем они также спали, а ночью начинали безостановочно бегать по своему помещению мелкими, скорыми шагами, выказывая замечательную ловкость и гибкость. В это время они проявляли сильный аппетит, а днем часто не обращали внимания на самые лакомые куски. Живую добычу они

Циветта (*Viverra zibetha*)

схватывали с быстротой молнии, не тратя времени на подкрадывание и другие ухищрения при нападении. В Лондонском зоологическом саду циветты успешно размножались.

Почти то же, что можно сказать об африканской циветте, относится и к **азиатской**, или **настоящей**, циветте (*Viverra zibetha*), немного больших размеров (длина тела—89 см, хвост—56), с более острой мордой и длинными ушами. Шерсть, нигде не образующая гривы, темная, буровато-желтая, на которой выступают частые темно-рыжие пятна, сливающиеся на спине в широкую черную полосу. Распространена по всему Индокитаю, где живет в рощах и кустарниках, занимаясь кражей уток и кур.

В том же Индокитае, а также и Индо-

стане, за исключением стран по Инду и западной части Раджустана, встречается другой вид виверры, **расса** (*Viverra malaccensis*), значительно меньших размеров (60 см), но с более длинным хвостом и большими ушами, при очень узкой морде. Говорят, она бродит и днем, ловко лазая по деревьям. Расса мечет 5—6 детенышей. Малайцы держат ее в неволе из-за доставляемого ею цибета; кормят они ее рисом и бананами или, для перемены, птицами; от кормления бананами, говорят, получается особенно благовонный цибет.

По моим наблюдениям, это—крайне кра-

сивое, подвижное, гибкое и ловкое животное, напоминающее по грациозности своих движений нашу кошку. Она ходит, держась высоко на вытянутых ногах, садится, как кошка и собака, часто встает на задние ноги, подобно грызунам, и «служит», как собачка. Ее чуткий нос находится в постоянном движении; она обнюхивает все, что дают; жадно бросается на живых животных всякого рода, хватая их зубами, душит, некоторое время играет, как кошка, затем быстро пожирает. Голос ее представляет сердитое кошачье ворчание; кроме того, она фыркает; в гневе щетинит шерсть и распространяет сильный запах цибета. Особенную живость она обнаруживает утром и вечером. Супруги живут мирно, но с другими животными даже того же вида и эта циветта постоянно не в ладах; особенно злобно она бросается на кошек и собак, если их держать перед нею. В зоологических садах она размножается.

Генетта (*Viverra genetta*), единственная виверра, встречающаяся в Европе, отличается очень вытянутым телом, пятипальными ногами и длинным хвостом. Величина ее тела—50 см, хвост—40 см; голова маленькая, с длинной мордой и короткими, широкими ушами. Глаза с таким же зрачком, как у кошек, днем кажущимся щелью. Пахучего вещества (с запахом мускуса) выделяется мало. Основной фон короткого, густого и гладкого меха—светло-серый; пятна черные и белые. Настоящее отечество этого крайне изящного, но при этом очень

хищного и кровожадного, злого и смелого зверька—горы Атласа; но он встречается в Испании и Южной Франции. Днем он прячется, ночью же выходит на добычу, неслышно скользя от камня к камню, от куста к кусту, старательно нюхая и прислушиваясь по всем направлениям, всегда готовый при малейшем признаке присутствия живого маленького животного напасть на него и задушить. Главная его пища—крысы и мыши, затем—птицы и их яйца.

Генетту очень легко приручить, и в неволе она очень добродушна; с себе подобными, в противоположность вышеописанным видам, она живет в мире и согласии. В Марокко ее держат для ловли крыс и мышей, вместо домашней кошки. В доме этот чистоплотный, изящный зверек очень приятен, если бы не запах мускуса, испускаемый им, и многими совершенно переносимый.

Мало отличающийся от собственно виверр **линсанг** (*Prionodon gracilis*) выделяется Грэм в качестве представителя особого рода. Очень острая голова, необыкновенно вытянутое тело (в 70 см с хвостом), почти равный ему хвост и лишенный гривы гладкий мех—таковы внешние признаки этого животного. Зубов—38. Шерсть светло-серая или желтовато-белая с темно-бурыми пятнами и полосами. Родина линсанга—Б. Зондские о-ва, Малакка и Сиам. Кроме него, на материке Азии встречаются еще: 1) пятнистая тигровая циветта (*P. pardicolor*) и 2) *P. tuculosus*, до 90 см величины.

К циветтам довольно близки также **пальмовые куницы**, или **страннохвосты** (*Paradoxurus*), хвост которых имеет у некоторых видов свойство закручиваться в кольца, отчего, по-видимому, и происходит их название. На ногах у них по 5 пальцев с выдвигаемыми когтями, которыми они схватывают добычу, подобно кошкам; глаза—кошачьи, зубов—40. Запах выделяемой жидкости несколько не похож на тот, который издают циветты, у некоторых видов он крайне противен. Все страннохвосты живут в Южной Азии и на близких к ней островах, преимущественно Зондских. Выходят на добычу ночью, отлично лазают и гоняются за птицами и мелкими млекопитающими. Впрочем, иногда они предпочитают растительную пищу, производя набеги на сады и плантации.

Индийская пальмовая куница, на Цейлоне—**угудора** (*Paradoxurus niger*), по строению и окраске меха напоминает генетту, а по величине равняется домашней кошке (45—55 см длины с таких же размеров хвостом). Основная окраска темно-бурая, почти темная; местами испещрена белыми пятнами. Водится на Цейлоне и в

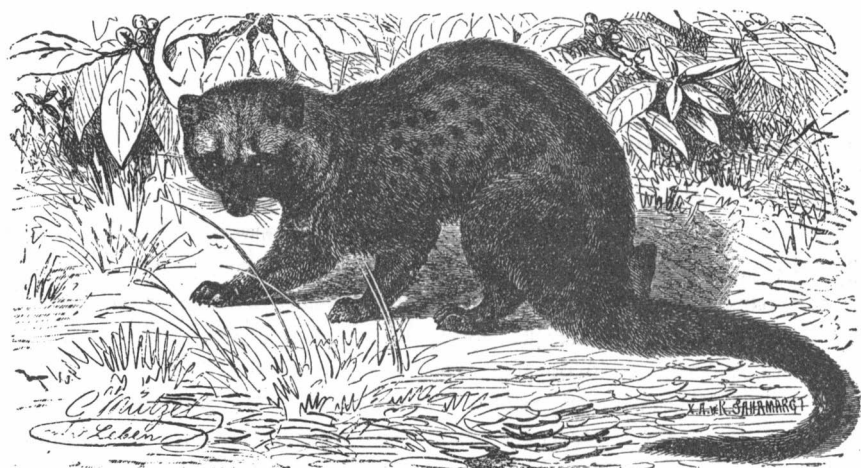
Индостане, в лесах и степях, а равно и в селениях. Любит плоды (особенно ананасы, а также кофе), но наносит большой ущерб и птичьим дворам. Легко приручается.

В Индокитае и на Зондских о-вах этот вид заменяется другим—**малайской пальмовой куницей** (или **музангом**

(*P. hermaphroditus*), несколько менее предыдущего и с более коротким, грубым мехом. Окраска изменчива; некоторые животные имеют желтоватый основной тон с черными пятнами; брюхо серое, шея беловатая. Эти животные часто нападают на кофейные плантации, пожирая плоды, но переваривая только мясистую, сочную оболочку их, а зерно выбрасывая вместе с калом, так что оно оказывается совершенно неповрежденным. Яванцы передавали Юнгхуну, что это даже лучшие семена кофейного дерева, вероятно, потому, что животное выбирает только самые хорошие плоды. Кроме того, музанг питается еще птицами, яйцами их и насекомыми, которых ловит очень ловко.

его трогали рукой, он тотчас принимался зализывать это место языком и торопился запрятаться в темный угол.

По временам, когда музанг скучал, он кричал так громко и пронзительно, что его крик разносился по всему кораблю, на котором мы плыли. Ночью шум становился еще неистовее: музанг бегал взад и вперед, визжал и кричал без умолку, не давая никому спать. Чтобы предотвратить этот шум, я надумал потом давать ему птичьи косточки, чем он и занимался всю ночь. Он охотно ел мясо всякой птицы, но еще больше любил различные фрукты. После обеда он был в самом лучшем расположении духа и позволял себя ласкать, но никогда не вы-

Малайская пальмовая куница (*Paradoxurus hermaphroditus*)

Беннет рассказывает об одном музанге, бывшем у него в неволе. «Он был кроток и играл, как котенок; ложился на спину, забавлялся брошенной веревкой и издавал при этом тихое мурлыканье, похожее на барабанную трель. Очень часто он забавлялся таким образом со своим длинным хвостом. Если ему мешали во время еды, он сердито ворчал. Воду он пил, лакая, как собака или кошка, причем был нечистоплотен и часто становился передними лапами в чашку с водой... Это было вообще капризное, непостоянное создание, и когда не исполняли его желания, он страшно злился, бешено схватывал за руку первого попавшегося и, наверное, прокусил бы ее насквозь, если бы его молодые зубы могли это сделать. При этом он раздувал щеки и злобно поводил своими длинными усами, испуская своенравные крики и ворчание. Когда

казывал при этом ни малейшего удовольствия. Днем он спал, свернувшись по-кошачьи в клубок, ночью бодрствовал».

К этому я могу присоединить, что музанги редко уживаются друг с другом, не только с другими животными. Исключение представляла жившая у меня пара, но те зато аккуратно пожирали собственных своих детей.

Относительно хватательной способности хвостов музангов, о которой говорят некоторые, я сильно сомневаюсь и никогда не замечал у своих пленников, чтобы они хватали что-нибудь хвостом.

Вид пагума (*P. larvatus*), живущий в Китае и на Формозе, резко отличается от предыдущих своими большими, короткими треугольными плотоядными зубами; величина же его одинаковая с теми. Окраска его густого роскошного меха на голове — черная, на щеках, горле и шее — серая, на спине — жел-

товато-серая. Днем пагума спит, ночью же оживляется. Жара для нее неприятна и возбуждает одышку.

К однородному типу со страннохвостами относится еще одно неуклюжее хищное животное, напоминающее речную выдру. Это — **мамбалон** (*Synogale bennetii*), водящееся на Малакке, Суматре и Борнео. Короткое (в 60—65 см) туловище его, покрытое желтовато-бурым с черным мехом, оканчивается длинной, заостренной мордой; ноги и хвост — короткие, подошвы голые, на лапах по пяти пальцев, наполовину соединенных между собой перепонкой и вооруженных выгнутыми когтями. Особенно замечательны в нем большие усы, состоящие из длинных желтовато-белых щетин. Животное это умеет ловко лазать по деревьям; питается рыбой, птицами и плодами.

Наконец, к страннохвостам присоединяют обыкновенно одно оригинальное животное Западной Африки (Лоанго, Камерун, Конго, Нигер), с невыдвижными когтями,

нандинию (*Nandinia binotata*), по форме головы напоминающую кинкажу и маки, а туловищем — страннохвоста. Мягкий мех ее сверху — темный, с черным рисунком, снизу — светлый желтовато-белый. Размер — 80 см, на долю хвоста приходится 40 см; зубов — 40; резцы очень малы, треугольные, клыки большие, кривые, бороздчатые, как у галаго; задние коренные — маленькие, круглые и плоско-бугорчатые, что составляет отличительный признак зубов хищных плотоядных животных и полуобезьян. Глаза, как у маки, с узким прорезом в большой радужной оболочке; короткие, круглые уши напоминают уши кинкажу.

По образу жизни нандиния также напоминает, по словам Гаака, маки и кинкажу. Влезая куда-нибудь, она противопоставляет большой палец на ноге прочим; корм свой таскает на сук дерева, чтобы там съесть его, крепко придерживая передними лапами. Нрав — мечтательный, как у лемура. Питается птицами и плодами, а в неволе отлично ловит крыс и мышей.

В группу виверр с невыдвижными когтями мы должны прежде всего выделить знаменитых **мангуст**, или **ихневмонов**. Мангусты (*Herpestes*) имеют вытянутое цилиндрическое тело на низких ногах, голову маленькую, с заостренной мордой, глаза маленькие, с круглым или немного продолговатым зрачком, уши короткие, закругленные, на ногах по 5 пальцев; мех жесткий, с длинными волосами; зубов — 40, больших, крепких.

Наиболее известная из мангуст — **ихневмон**, или **фараонова крыса** (*Herpestes ichneumon*), священное животное древних египтян, служившее у них олицетворением слабого человека, который не может обходиться без посторонней помощи. И действительно, по словам Страбона, это животное никогда не нападает на больших змей без того, чтобы не позвать на помощь своих товарищей. Сообщались и еще более поразительные наблюдения: будто бы, например, ихневмон прыгает в разверстую пасть крокодила, прокусывает ему горло, прогрызает сердце и, умертвив таким образом, открывает себе окровавленный путь к обратному выходу из тела чудовища.

Исследование новейших натуралистов совершенно поколебали веру в эти легенды.

Взрослый ихневмон — побольше нашей кошки; длина его туловища — 68 см, а хвост — 45. Стройное, коренастое туловище его поддерживается короткими ногами; ступни голые, пальцы на ногах почти до половины соединены перепонкой. Длинный хвост, благодаря густым волосам, покрывающим его у корня, кажется очень толстым и заканчивается кистью; глазные впадины голые, отчего еще больше выступают маленькие огненные глаза с круглыми зрачками. Уши короткие, закругленные. Мех состоит из густого подшерстка ржаво-красного цвета и длин-

ных черных волос (6—7 см) с желтовато-белыми кольцами, а на конце бледно-желтых, отчего вся шкура животного приобретает зеленовато-серую окраску, вполне соответствующую местопребыванию животного. На голове и спине мех — темнее, на боках и внизу — светлее.

Фараонова крыса распространена не только по всей Африке, но и по Индостану, выбирая преимущественно густо поросшие берега рек и тростники.

По своим нравам она напоминает родственных ей куниц: также обладает неприятным запахом, хитростью, кровожадностью и искусством воровать; в то же время она в высшей степени труслива, осторожна и подозрительна: никогда не увидишь ее в открытом поле, а всегда — по закоулкам. Прожорливость ее изумительна: она поедает и зайцев, и птиц, и змей, ящериц, насекомых, червей и, вероятно, плоды.

Своеобразна походка животного: оно как будто ползет по земле, так как короткие ноги его совершенно закрываются длинной шерстью. На добычу ихневмон выходит, особенно летом, целой семьей, растянувшись цепью. Впереди идет «сам», тщательно осматриваясь по сторонам. При виде какой-нибудь птички он начинает бесшумно скользить между стеблями, затем делает 2—3 прыжка и настигает добычу. Страсть ихневмона к хищничеству стоит выше потребностей голода, так как он умерщвляет больше животных, чем может съесть; поэтому современные египтяне от души ненавидят его как разорителя их птичников.

Голос ихневмона слышно только тогда, когда он ранен, обыкновенно же он не издает ни одного звука.

Главный враг этого животного — человек; охота на него считается, по мнению египтян, благочестивым делом; и стар и млад вызываются участвовать в ней. Охотятся на ихневмонов при помощи облав. Когда же хищник спасется в свои норы, его выгоняют оттуда длинными шестами. Но хищник очень живуч; кроме того, умея плавать, часто спасается водой.

Что касается содержания в неволе, то с этой стороны ихневмоны довольно приятны: их легко приручить, они различают голос хозяина и следуют за ним, как собака. Неприятно только, что они постоянно что-нибудь грызут, даже книги; зато в присутствии их дом обеспечен от нашествия крыс и мышей, так как хищник быстро истребляет их.

Альпинус рассказывает про своего ручного ихневмона, который спал с хозяином, как собака, и играл, как кошка. Пропитание он снискивал сам, время от времени пропадая из дому и возвращаясь с довольным видом. Он был очень чистоплотен, хитер, смел, храбро нападал на больших собак, безбоязненно умерщвлял кошек, ласок и мышей и производил страшные опустошения среди кур.

Живший у меня экземпляр тоже можно было назвать интересным; это было добродушное животное, только не терпевшее никаких соседей: он не терпел не только кошек или собак, а даже и своих родичей — мунго, постоянно поднимая страшную драку.

Прочие мангусты и по виду, и по образу жизни похожи, в общем, на ихневмона. Между ними укажем прежде всего на мунго, или мунгос, англичан (*Herpestes mungo*), небольшого зверька светло-серого цвета, величиной поменьше ихневмона (туловище 40—50 см), живущего в Индии.

Близко к нему стоит золотопыльная, или яванская, мангуста (*Herpestes javanicus*) еще меньше ростом (55 см, из которых 20 приходится на хвост); она одета в темно-бурую с золотистым отливом шубку.

Как и все его родственники, мунго принадлежит к числу хищных животных; крысы, мыши, ящерицы, скорпионы, птицы — все это нередко становится его добычей. Но особенно замечательно, что этот маленький зверек отваживается нападать на всех ядовитых змей, не исключая даже страшного кобра-ди-капелло, очковой змеи, перед которой отступает сам тиран индийских джунглей — тигр. Быстро и ловко, с какой мунгос в этом случае нападает на чудовище, поистине удивительно; молнией кидается он на рассвирепевшую гадину и, схватив ее за затылок, мгновенно раскусывает ей голову.

Доктор Раушенберг однажды был свидетелем подобного поединка, и вот как описывает он бой мунго с коброй-ди-капелло:

«Мой друг, доктор, положил на пол залы небольшую змею, которая тотчас подняла голову и стала озиаться кругом. Потом он взял полувзрослого мунго и, погладив его, опустил на землю в нескольких шагах от змеи. Зверек устремил свои маленькие глаза на врага и осторожно подвинулся к нему, так что змея обратила на него внимание. Тогда он мгновенно кинулся на гадину, схватил зубами за голову, несколько раз встряхнул и принялся с яростным ворчанием бегать по комнате, время от времени продолжая теревить змею, которую вскоре и умертвил совершенно».

Малайцы утверждают, что, будучи укушен очковой змеей, мунго бежит отыскивать горький корень растения мунго, съедает его, затем возвращается к месту поединка. И в этих уверениях есть доля правды: многие точные наблюдатели подтверждают верность этого факта, хотя другие, как Гарсфильд, относят его к области басен.

Приручается мунго очень легко и в ручном состоянии — очень приятное домашнее животное: он добродушен, весел, но главное — гораздо лучше всякой кошки умеет очищать дом от крыс и мышей.

Из европейских мангуст, сродных с ихневмоном, нужно упомянуть о меконе, или мелончилло (*Herpestes widdringtonii*), темно-сером с светлым крапом зверьке до

1,1 метр с хвостом (последний — 50 см), водящемся в Испании. Хвостовые волосы его идут на кисти художников.

Но более замечательна — зебровая, или полосатая, мангуста (*Herpestes fasciatus*), самое маленькое животное из всего семейства (длина туловища — 40 см, а хвост — 20), покрытое полосатым мехом, состоящим из правильно расположенных темных и светлых поперечных полос. Водится в Африке (Ю. и Средней, до Абиссинии) и так же хищна, как и ее родичи, впрочем, предпочитает более птиц. Гей-глин сообщает, что при охоте за некоторыми птицами, напр., степными куропатками, эта мангуста подманивает добычу, удачно подражая ее голосу.

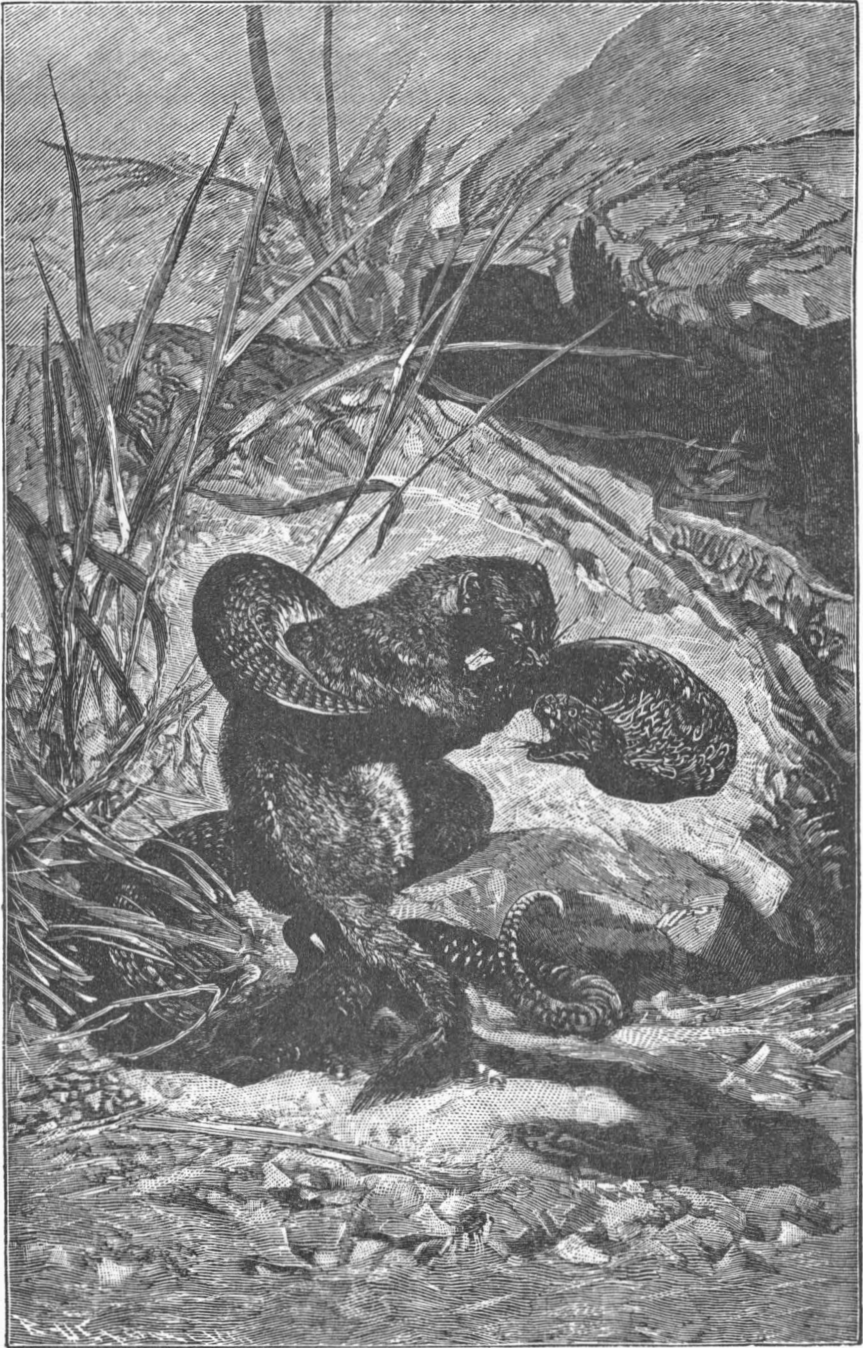
Голос зебровых мангуст вообще очень оригинален: они щебечут, выделявая им трели и свистя, как птицы, или же выпускают тихие протяжные крики, а иногда громкий лай. В гневе и возбуждении они злобно тявкают и рычат.

В Западной Африке ее часто держат европейцы в домах, подобно кошкам; веселый нрав, игривость, хлопотливость и чистоплотность делают ее общей любимицей.

Крбовая мангуста, или **урва** (*Herpestes urva*), темно-буро-серого с черным цвета, служит переходом от мангуст к росомахам: морда ее вытянута и заострена, туловище узкое и сильное, пальцы на ногах соединены перепонками. Размеры ее — 80—90 см, из которых до 30 занимает хвост. Водится в Непале и ближайших окрестностях. Из своих подхвостных желез урва выпрыскивает на врагов вонючую жидкость; гнездится в земле, подобно родичам.

Кузиманзе (*Crossarchus obscurus*), живущая в западной Африке (Гвинея), по форме морды и по подхвостному мешку приближается к сурикате, а по числу пальцев представляет настоящую мангусту. Туловище у нее плотное, круглая голова оканчивается острой мордой; хвост средней длины, ноги довольно высокие; уши маленькие, круглые, глаза с круглым зрачком, снабженные третьим неполным веком; длинный язык и закрывающийся подхвостный мешок. Длина — около 55 см, из которых 20 занимает хвост. Грубый мех однообразно бурого цвета. Своей походкой и торопливыми движениями это животное напоминает нашего ежа. В неволе кузиманзе очень веселы и сильно привязываются к человеку. Отыскивая в земле личинок насекомых, это животное даже в неволе любит постоянно буравить землю своей острой мордочкой. С недавних пор кузиманзе стали привозить в Европу живыми.

Далее, к мангустам относят еще несколько животных, у которых на передних

Борьба мунго (*Herpestes mungo*) с очковой змеей

лапах — 5 пальцев, а на задних только 4, и подошвы ног отчасти покрыты волосами. Такова, напр., **лищеви́дная мангуста** (*Suricatis penicillata*) до 70 см длины, из коих 30 занимает хвост; шерсть гладкая, рыжеватого цвета; хвост пушистый; живет в песчаных местностях Африки; очень дикого нрава, но вместе с тем хитра и ловка.

Суриката (*Suricata tetradactyla*) — маленькое животное (25—30 см с таким же хвостом), на высоких ногах, с хобото-

огрызаясь на того, кто ее дразнит и беспокоит. В доме ползает, как беспощадный истребитель крыс и мышей.

Представителем сем. виверр в Новом Свете является **каками́цли** мексиканцев (*Bassaris astuta*), до 95 см длины, из которых $\frac{2}{5}$ относится на долю хвоста. По строению тела напоминает лисицу; шерсть мягкая, морда острая, уши острые, торчащие, глаза большие. Шерсть — темная, буровато-серая, внизу — светлее, с примесью черного. Живет и в скалах, и в дуплах деревьев,

Суриката (*Suricata tetradactyla*)

образным рылом и четырехпальными лапами; когти на передних ногах так длинны и крепки, что с помощью их животное вырывает себе глубокие ходы. Живет в Африке от о. Чад до Капа. По наружности представляет среднее между мангустами и кунницами. мех довольно грубый, серовато-бурый с желтоватым оттенком и темными полосами. Суриката берет пищу передними лапами; бегая взад и вперед, испускает тихий крик, похожий на «уй, уй». Приручается очень легко и платит любовью за любовь,

и даже в покинутых строениях, питаясь маленькими млекопитающими, птицами и насекомыми. По живости и игривому нраву какамицли напоминает белку; мексиканцы так и называют его «кошачьей белкой». Если выгнать его из дупла, то он, загибая хвост на спину, принимает те же позы, как и белка, только не может садиться на задние ноги. Лазает какамицли превосходно, но не может так ловко прыгать, как белка. Мексиканцы часто приручают это животное, употребляя его для ловли домашних грызунов.

Семейство **хорьковых** (*Mustelidae*), более богатое видами и родами, чем предыдущее, включает в себе разнообразных животных по строению тела, зубной системе и устройству конечностей. В общем можно сказать, что все они

имеют вытянутое тело, на коротких ногах, с 4—5 пальцами. У заднего прохода, подобно виверрам, находятся особые железы, выделяющие вонючую жидкость. Кожа обыкновенно покрыта густой, тонкой шерстью, делающей этих животных особенно драгоценными в глазах человека. Скелет состоит из очень тонких костей; лопатки широкие; ключицы не развиты. В зубной системе заметны большие острые клыки. Когти большей частью не втяжные. Живут хорьковые, за исключением Австралии, во всех частях света, населяя леса, сады, поля и даже жилище человека. Часть их представляет водных животных. Зимой живущие на севере виды впадают в спячку, однако не все: часть их остается деятельной круглый год.

По характеру хорьковые—ловкие, подвижные животные с хорошо развитыми чувствами. Что касается душевной деятельности, то они умны, хитры, недоверчивы, осторожны, смелы, кровожадны. Питаются они всеми животными, какие под силу им, начиная с птиц и кончая насекомыми, а некоторые любят плоды.

Детеныши, в числе 2—10, рождаются слепыми и долго воспитываются родителями; они очень легко приручаются.

Польза, приносимая хорьковыми человеку пушниной или же истреблением вредных грызунов, должна была бы заставить его относиться более милосердно к этим животным; между тем они истребляются с ужасающей быстротой.

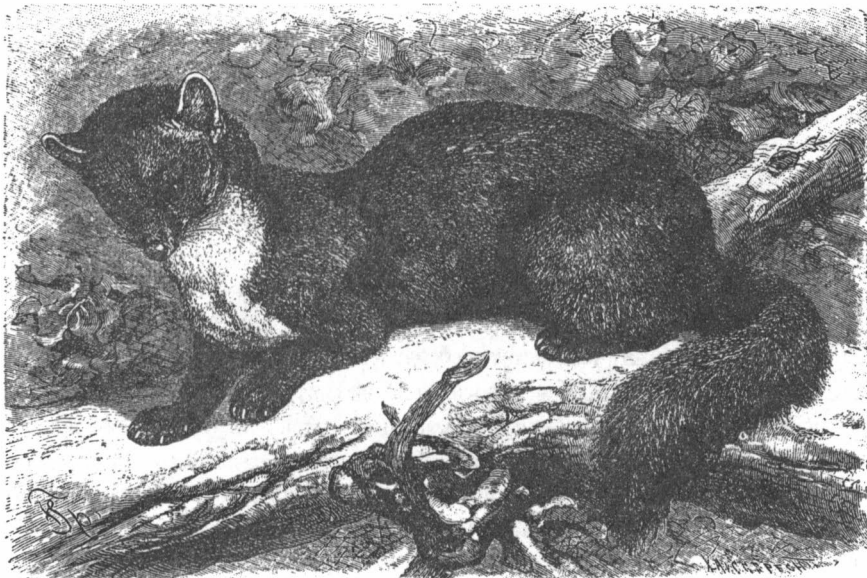
Всех хорьковых разделяют обыкновенно на 3 группы: 1) **пальцеходящие**, или **куницы** (Martidae), 2) **стопоходящие**, или **барсучьи** (Melidae) и 3) **водные**, или **выдровые** (Lutridae).

Первое место в группе куниц занимают собственно **куницы** (Mustela), животные среднего роста, с длинным, тонким туловищем, на коротких ногах; морда у них острая, уши довольно короткие, почти треугольные, ноги пятипалые с острыми когтями; заднепроходные железы выделяют мускусную жидкость; мех мягкий, волоски его длинные; зубов—38.

Настоящая куница (*Mustela martes*)—красивое, грациозное, хищное животное, 55 см длины, с хвостом в 30 см. Мех сверху темно-бурый, у морды чалый; на лбу и щеках—светло-рыжий, бока и брюхо—желтоватые; горло окрашено в красивый желтый цвет, что служит отличительным признаком этого животного. Куница распространена по всей Европе, а в Азии от Алтая до истоков Енисея. Самые крупные животные живут в Скандинавии, где и мех у них вдвое гуще и длиннее, чем, например, у немецких куниц, а окраска серее. Любимое местопребывание куниц—густые леса, где они живут исключительно на деревьях, гнездясь в дуплах или покинутых гнездах белок и хищных птиц. На добычу, которую составляют не только мелкие животные, но и средние, например, зайцы, она выходит ночью, нападая внезапно и сдавливая своим жертвам дыхательное горло; любит также охотиться и на птиц, а иногда нападает и на пресмыкающихся.

Детеныши появляются в апреле; их нетрудно вскормить в неволе, питая молоком с хлебом, затем — мясом, яйцами, медом и плодами.

«29 января,—пишет Ленц,—мне принесли молодую куницу, только что вынутую из дупла. Зверек был не больше крысы, и движения его были еще медленны. Он все старался спрятаться в какую-нибудь норку и все кусался, но уже через день стал довольно ручным, пил теплое молоко и ел булку. Несмотря на юность, моя куничка отличалась чистоплотностью... Я мог заметить, как постепенно развивался у нее вкус. На другой день ей принесли лягушку,—

Настоящая куница (*Mustela martes*)

она не хотела и глядеть. Но едва впустили в клетку живого воробья, как маленький хищник набросился на него и сожрал с перьями... Потом она стала есть ягоды, яйца. Если она была сыта, то целыми часами играла с впущенными к ней птичками. Преинтересно также забавлялась она с молодыми хомячками: она беспрестанно прыгала и скакала около злобно фыркавшего хомячка и била его по голове то правой, то левой лапой; если же была голодна — не долго думая, сразу перегрызала ему череп и съедала его с костями, кожей и шерстью.

Когда куница подросла до $\frac{3}{4}$ своего нормального роста, Ленц стал давать ей змей и ужей. Сначала она пугалась и боялась притронуться, потом постепенно смелела и, наконец, жадно набрасывалась.

«Пока она была молода,—продолжает наблюдатель,—она охотно играла с людьми. Но позднее забава эта стала опасной, так как она без всякого

умысла стала крепко впиваться своими острыми клыками в руку. Настоящей привязанности к своему воспитателю она никогда не обнаруживала, хотя и не делала зла. Но в черных глазах ее всегда замечалась жадность и свирепость. Когда она лежала, бывало, в своем гнезде, то часто слышалось ворчание, похожее на тихую барабанную дробь. Я никогда не замечал, чтобы она тьякала, как хорек, но, когда очень зла, она громко ворчала...»

Не все куницы, однако, так мало привязываются к воспитателям. Фрауенфельд рассказывает: «Я видел куницу, которая, как собака, бежала за моим братом из Тулона в Вену через леса, на расстояние многих миль. В Вене эта куница устроила себе логовище в сарае, в углу которого скопила большую кучу голубиных и куриных перьев и остатков птиц, которых она загрызала во время своих ночных экскурсий. Утром она бежала из сарая во второй этаж дома, где жил мой брат, скребла дверь и ворчала, чтобы ее впустили. Затем ей давали кофе с молоком, который она очень любила, а после этого она весело играла с детьми и была очень довольна, если ей позволяли улечься у кого-нибудь на коленях и там растянуться».

«Другая куница,—пишет Гришов,—была так ручна, что я мог брать ее на руки и ласкать. Она подружилась с собакой-крысоловкой и весело играла с ней, носясь по комнатам, иногда сидя верхом на своем друге, как обезьяна. Иногда они немного ссорились; тогда куница удалялась в бочонок, где была ее постель, а собака становилась подле и ждала. Куница дулась, обыкновенно, не долго, скоро выходила из своего убежища, лукаво оглядывалась и ударяла собаку лапой по морде, что служило знаком примирения; после этого снова начиналась веселая возня».

Жившие у меня куницы отнеслись очень недружелюбно к хорьку, которого я посадил к ним, чтобы узнать, могут ли эти столь близко стоящие друг к другу животные жить между собой в согласии. Оказалось, что куницы, свикнувшись с гостем, разом напали на того, и ему пришлось бы совсем плохо, если бы он не прибегнул к последнему средству, выпустив заряд вонючей жидкости. Куницы сразу оставили его, усиленно зафыркали и с тех пор уже не решались нападать.

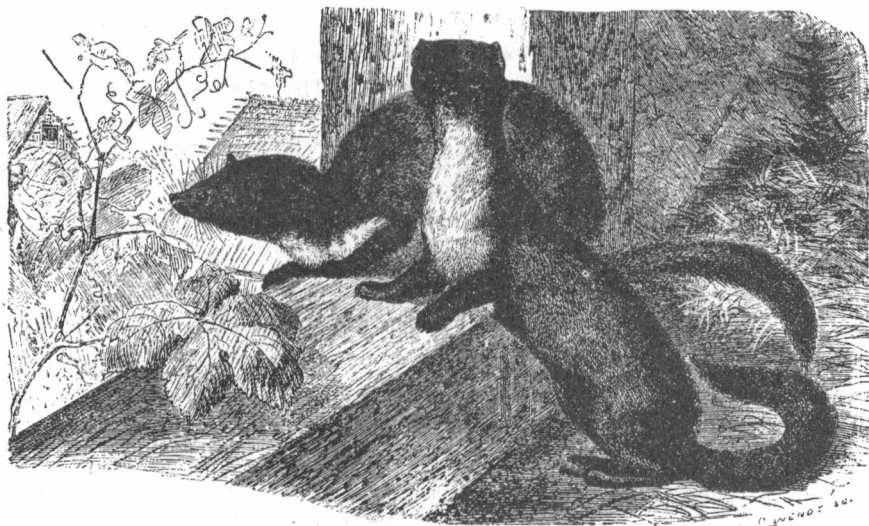
Ради ценного меха за куницами ревностно охотятся посредством капканов и ловушек, куда кладутся лакомые для них блюда—хлеб, поджаренный в масле и меде, с луком и камфорой. Охотятся и по пороше, когда легко найти куницу по следу, причем зверек настолько смел, что бесстрашно смотрит на охотника, позволяя несколько раз зарядить ружье; бывали случаи, что куницу убивали просто камнями, и она не двигалась с места до тех пор, пока сильный удар не валил ее с дерева.

Мех куницы по достоинству ближе всего подходит к соболу, но так упал в цене, что ценится не дороже 8—12 мар. (4—6 р.) за шкурку.

Каменная куница, или **белодушка** (*Mustela foina*), меньше ростом лесной; ноги у нее короче, голова длиннее, мех короче и окраска его светлее;

на горле находится белое пятно. Длина тела—70 см, из которых более трети приходится на хвост. Область распространения белодушки—Средняя Европа, Италия, Швеция, Россия до Урала, Крым, Кавказ, Западная Азия, затем Афганистан и Гималаи; селится предпочтительно по деревням и городам, составляя чистое наказание поселян, у которых она душил целые курятники. Образ жизни ее и нрав одинаков с лесной куницей.

В неволе белодушка,—а она легко приручается,—презабавный зверек; ни на минуту не остается она в покое, а постоянно прыгает, лазает, бегаёт по всем направлениям. Ловкость и быстроту движений этого животного трудно и

Белодушка (*Mustela foina*)

описать. Одним белодушка неприятна—своим запахом, особенно сильным у самцов.

Охотиться на нее потруднее, чем на ее лесного собрата, так как белодушка крайне подозрительна и часто сумеет перехитрить и опытного охотника. Лучшие меха ее получают, говорят, из Туркестана и Афганистана. Цена им—8—10 марок.

На куниц больше всего похож **драгоценный соболь** (*Mustela zibellina*); только голова у него несколько длиннее, уши больше, а хвост короче; но главное отличие соболя составляет его темноцветная черноватая на спине, с дымчато-бурым подшерстком шубка, блестящая и мягкая, как шелк. Этот дар щедрой природы является для красивого зверька настоящим даром Пандоры: благодаря ему, ни одно животное из всего обширного класса млекопитающих не преследуется с таким упорством, ни одно не истребляется в столь широких размерах.

В прежнее время соболь водился на всем обширном пространстве сибирской тайги. Особенно леса отдаленной Камчатки кишмя-кишели соболями. Их шкурами инородцы уплачивали «ясак», или правительственную подать, в обмен за них приобретали у торговцев все необходимое для своего обихода. Еще не так далеки от нас те времена, когда камчадалы смеялись между собой над глупым казаком, менявшим нож на соболю шкурку, когда охотник за зиму без труда мог набить шестьдесят—восемьдесят штук драгоценного зверя, когда лучший соболиный мех стоил не дороже полтинника. Далеко не то мы видим теперь. Усердно истребляемый, соболь водится теперь только в самых глухих местах сибирской тайги; его шкурка ценится уж не в двугривенный, не в полтинник, а в несколько десятков, а иногда и сотен (2—3) рублей, на месте в Сибири; охота за соболем сделалась одной из труднейших.

Несмотря на то, и русские промышленники, и сибирские инородцы до сих пор продолжают усердно охотиться за драгоценным зверем. Каждую осень целые партии охотников двигаются в глубь тайги на саях, запряженных собаками. Добравшись до промысловой избы, расположенной обыкновенно в самой непроходимой глуши, промышленники останавливаются здесь и принимаются за дело. Соболя истребляют всеми средствами: стреляют из ружей, выслеживают в норах и ловят сетью, но чаще всего стараются поймать в капканы. Каждое утро охотники на лыжах отправляются из становища осматривать уже поставленные ловушки и ставить новые. Вот зоркие глаза охотника заметили, что в капкане бьется драгоценный зверек. Как стрела, летит он на своих лыжах и ударом дубинки кладет соболя на месте. Нередко, однако, при осмотре ловушки промышленник находит лишь несколько клочков соболиного меха: очевидно, хитрая лисица или жадная россомаха съели драгоценную добычу и таким образом лишили владельца капкана сорока, пятидесяти, даже шестидесяти рублей. Еще хуже, когда охотника, во время его объезда, застигнет страшная сибирская пурга, снежный ураган. Вместо добычи несчастный часто платится жизнью. Но надежда на прибыль сильнее всех опасностей, и на смену погибшему являются новые смельчаки в заповедную чашу дикой тайги...

Нам остается сказать несколько слов о характере и образе жизни соболя. Подобно всей своей родне, соболь — животное плотоядное и в высшей степени хищное. Он нападает на всех животных, с которыми может справиться, особенно на белок и зайцев. По характеру он, подобно куннице, горностаю и ласке, храбр, хитер, жесток и дик. Приручить соболя в высшей степени трудно. Едва ли не единственный пример в этом отношении представляет соболь, живший одно время в Тобольске, в архиерейском доме, — животное настолько ручное, что его можно было свободно пускать гулять по городу.

На северо-востоке и дальнем севере Америки соболя заменяет **сосновая кунница**, или **американский соболь** (*Mustela ameri-*

cana), у которого туловище — 45 см длины, а хвост — 15. Окраска его тела более или менее равномерно бурая, пятно на груди жел-

тое, а голова и уши серые или белые. Волосы грубее соболиного. Лучшие животные встречаются по берегам Гудзонова залива. Цена за шкуру доходит до 80 мар. (40 р.).

Там же, на севере Америки, водятся и **пекан**, **куница рыболов** (*Mustela pennanti*), большое, «лисицеподобное животное», с туловищем в 60 см и хвостом 30—35. мех его, состоящий из густо насаженных, блестящих осей и длинного, мягкого подшерстка,— темной, даже черной окраски. Обычным жильем ему служат ямы по берегу рек, а пищей— млекопитаю-

щие, которые держатся вблизи воды. В Германии шкурки его известны под именем «виргинского хорька». Цена— 60—80 марок.

Последний из видов рода *Mustela*— **харза** тунгузов и **анга-прао** малайцев (*M. flavigula*), достигает 60 см длины, а хвост ее— до 40. Окраска черно-бурая; шея и горло— ярко-желтые; область над гортанью и подбородок белые; живет на Гималаях, не выше 2500 м, в Приамурской области, в Бирме, на Малакке и Суматре; она преследует и крупных животных, напр., коосулю и кабаргу, а осенью усиленно охотится за белками.

К роду **хорьков** (*Putorius* или *Foetorius*) относятся животные с сильно суженной спереди головой, с заостренным рылом, короткими, заостренными, трехгранными ушами, тонким, длинным туловищем на коротких ногах с длинными пальцами и круглым волосатым хвостом; зубов— 34. Из них так называемый плотоядный очень велик в обеих челюстях, а втрое больше шириной, чем длинный, бугорчатый зуб бросается в глаза своим поперечным положением. Почти все живут в норах или строениях, отличаются хищническими наклонностями, но в то же время приносят человеку немало пользы истреблением вредных грызунов и змей.

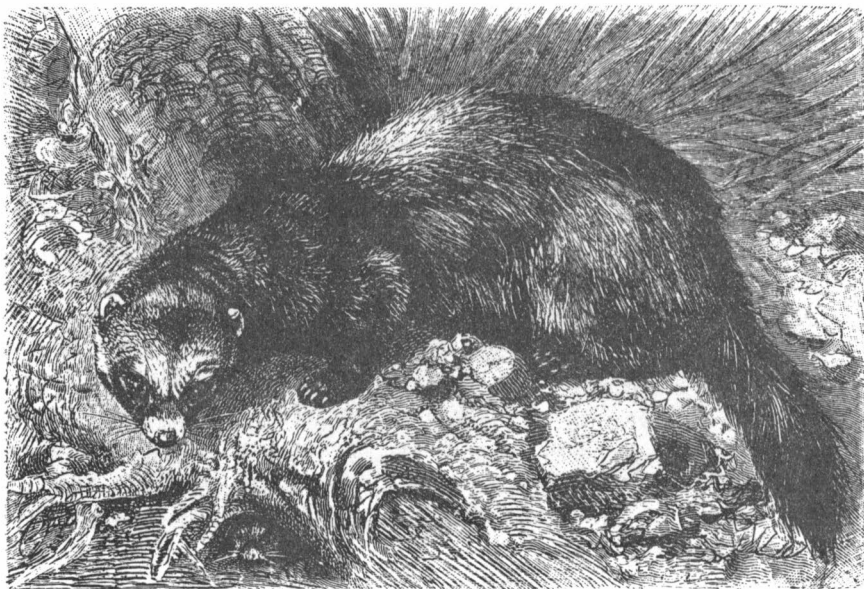
Хорек (*Putorius foetidus*), тело длиной до 42 см, хвост— 16 см, покрыт одноцветным черно-бурым мехом (сверху и по бокам темно-каштановым); над глазами желто-белые пятна; такого же цвета и рыло. Живет во всей умеренной полосе Европы и Азии, но заходит и в северную полосу. В Юго-Восточной Европе и к северу до Польши встречается родственная ему **перевязка** (*P. sarmaticus*), длиной до 50 см, причем хвост— 16 см. Коротковолосый и жесткий мех на спине и боках— бурый с желтыми пятнами; на голове и внизу— черный; горло— ржаво-красное.

Хорек живет и по равнинам, и по горам, лесам, полям, но по преимуществу поблизости человеческих жилищ, поселяясь в дуплах, трещинах, лисьих норах и т. п. Иногда представляет настоящее зло для хозяев, истребляя домашних птиц, но зато приносит пользу уничтожением крыс и мышей, а также змей и лягушек. Замечательно при этом, что наш хищник не страдает даже от неоднократных укусов таких ядовитых змей, как гадюка: он спокойно пожирает ядовитое пресмыкающееся все целиком. В случае нужды хорек довольствуется кузнечиками и улитками; охотно ест мед и плоды, также ловит рыбу: выследив ее с берега, он мгновенно бросается за нею в воду, ныряет и схватывает свою добычу с большим проворством; говорят, зимой он достает рыбу из подо льда.

Кровожадность хорька все-таки меньше, чем куницы: забравшись в птичник, он не убивает всех птиц, а выбрав лучшую, тащит себе в нору, повторяя это иногда несколько раз в ночь. В норе его всегда запас мышей, птиц, яиц и лягушек.

В Восточной Сибири хорек, по словам Радде, живет по лесным опушкам или по покосам, где встречаются мыши и землеройки, а также по степям, где он находит степных сурков и сусликов. Говорят, что он осенью вырывает в земле глубокие ходы поблизости логовищ сурков, а зимой, когда те впадут в спячку, доканчивает свою работу, находит жертвы и загрызает их.

По движениям это—замечательно ловкое и быстрое животное, отличающееся хитростью и осторожностью; в случае нужды он отчаянно защищается, пуская в дело и зубы, и вонючую жидкость, отгоняющую преследующих его

Хорек (*Putorius foetidus*)

собак; часто он сам нападает даже на человека, особенно на маленьких детей.

Взятых из норы молодых хорьков, вскормив при помощи кошки, можно сделать ручными, так что в некоторых местах они служат ищейками, вроде собак, напр., за кроликами. Но все-таки нужно быть постоянно настороже: эти хищники так злы, что часто загрызают друг друга.

Человек преследует хорька из-за густого, прочного меха; однако последний, вследствие своего запаха, не в большой цене. Помимо человека, нашего хищника преследуют и лисицы, хотя никогда не едят его мяса. Ленц рассказывает о проделках одной лисы с хорьком в зверинце.

«Лиса подкрадывается, лежа на брюхе, затем в один миг вскакивает, подбрасывает хорька на воздух и оказывается уже далеко, прежде чем расерженный хорек успеет подняться и яростно оскалить свои зубы; затем лиса

возвращается, снова валит его на землю, кусает его и опять отскакивает в сторону. Потом лиса начинает кружиться вокруг врага и, наконец, быстро проносится, держа свой пушистый хвост прямо перед его мордой; но лишь только хорек протягивает морду, чтобы схватить его,— она уже далеко, и бедняга только шелкает зубами. И в таком духе игра продолжается иногда целыми часами».

Разновидностью обыкновенного хорька, изменившегося только вследствие неволи и приручения, признают **африканского хорька** (*P. furo*). Он несколько меньше и слабее своего собрата (длина 45 см, хвост—13); в Европе видели лишь альбиносов этого вида, т. е. с беловатой или светло-желтой, снизу несколько темной, шерстью. Африканский хорек менее проворен, чем обыкновенный, но не уступает ему в кровожадности и, как бешеный, нападает на кроли-

ков, голубей и кур, схватывает их за затылок и с невыразимой жадностью лижет вытекающую из раны кровь; на змей же нападает осторожнее. На Балеарских и Канарских о-вах им пользуются при охоте на диких кроликов. Однако совершенно приручить его редко удается; нередко ручные хорьки убегают в лес и там дичают, хотя вскоре и погибают, не будучи в состоянии переносить холод, так как эти животные все-таки любят тепло.

Голос хорька—глухое ворчание, при ощущении боли переходящее в пронзительный визг. Воспитывать их легко, лишь было бы чистое помещение и достаточное количество пищи. Но нужно только отделять детенышей от отца, так как он обыкновенно имеет поползновение сожрать их. В Англии этот вид часто приучают к охоте на крыс.

При встрече с обыкновенным хорьком африканский собрат его затевает настоящее сражение; тем не менее оба вида часто спариваются друг с другом.

Ласки и их ближайшие родичи отличаются еще более узким, длинным телом, чем остальные куницы; череп их кзади суживается; верхний плотоядный зуб имеет несколько иную форму, чем у хорьков. Эти животные живут на полях, в садах, в расщелинах скал, между камнями и кучами дров; охотятся днем и ночью.

Много разбойников и грабителей среди царства животных, но мало таких, которые, при дерзкой отваге и кровожадности, были бы в то же время так слабы на вид и мелки, как **обыкновенная ласка** (*Putorius vulgaris*).

Этот маленький зверек всему свету известен своей кровожадностью и дерзкими грабежами. Нет нужды подробно описывать его. Кто бывал в деревне, тот при одном имени ласка сразу вспомнит это вытянутое туловище, в полтора дюйма толщины, эту заостренную усатую мордочку, украшенную огненными глазами, и этот характерный, сверху рыжевато-бурый, снизу белый мех.

Невелик зверек, всего 8 дюймов в длину, но отвага и дерзость у него непомерные. Завидев человека, он и не думает бежать, напротив, встав на задние лапки, он с каким-то вызывающим видом смотрит кругом. Когда к нему подойдешь ближе, он, к удивлению, сам начинает приближаться к нарушителю своего покоя, не меняя дерзкого выражения своих бойких огненных глаз. Не раз случалось, что ласка даже сама нападала на человека, и больших усилий стоило освободиться от ее острых зубов.

Если так поступает дерзкий зверек с царем природы, то об его отношении к другим представителям животного царства и говорить нечего. На кого только не нападает ласка! Мыши, кроты, зайцы, кролики, куры, галки, куропатки и масса других животных—все становится добычей миниатюрного хищника. Мало того, кровожадность зверька доходит до того, что он не брезгует и змеями, лягушками, не боится гадюк, не отказывается и от насекомых. Словом, это—настоящий разбойник, грабящий первого встречного. Если прибавить к этому, что ласка искусно плавает, отлично лазает по деревьям, умеет

Ласка (*Putorius vulgaris*)

рыскать по земляным норам и, наконец, ловко бегают, то мы пойдем, как она может быть опасна для обитателей полей, лугов и озер.

Хищник особенно лаком до тех птиц, которые не умеют хорошо летать и больше ходят, напр., куропатки. Выйдет, напр., какое-нибудь почтенное куропачье семейство погулять на свободе, поиграть на ярких лучах солнца, и только примется за забавы, как вдруг из-за какого-нибудь камня вылетает четвероногий разбойник. Замечется семья как угорелая. С криками все бросятся врассыпную, кто куда может. Но от ласки не спастись им: хищник стремглав бросается на свою жертву и сразу перекусывает горло или артерию. Задушив жертву, он напьется ее теплой крови, но мяса не тронет, а погонится за другой добычей.

Несмотря, однако, на такие зверские инстинкты, несмотря на весь вред, который ласка может принести сельским хозяевам, содержащим домашнюю птицу, ее следует скорее защищать, чем преследовать. Громадная заслуга ласки

заключается в том, что она является неутомимым преследователем полевых мышей, этих врагов зернового хозяйства. Нет лучше ласки животного для охоты за полевыми мышами!

Для приручения молодая ласка пригоднее всего в том возрасте, когда она находится еще при матери. Приручить ее нетрудно, но этот красивый зверек редко выживает долго в неволе, хотя бывали случаи, когда он жил 4, даже 6 лет.

Вуд в своей «Естественной истории» приводит следующий рассказ об одной ручной ласке, написанный женской рукой.

«Если я налью немного молока себе на ладонь,—говорит рассказчица,—моя ласка выпьет его порядочное количество; но она едва коснется этой столь любимой ею жидкости, если молоко налито не на мою ладонь. Насытившись, она идет спать... Часто она забирается ко мне на постель и ласкается, играя моими пальцами или забираясь на голову или на затылок ко мне. Мой голос она отлично различает между двадцатью другими, разыскивает меня и вспрыгивает ко мне. Особенность этого маленького животного—крайнее любопытство: просто невозможно открыть сундука, ящичка или банки или даже разглядывать лист бумаги, чтобы и она не уставилась также на данный предмет. Поэтому, чтобы призвать ее к себе, мне стоит только взять лист бумаги или книгу и внимательно просматривать их, как ласка является ко мне, взбирается на руку и с величайшим любопытством начинает вглядываться в рассматриваемый мною предмет. Наконец, я должна заметить, что моя ласка охотно играет с молодой кошкой и собакой; она ползает у них по затылку и спине и взбирается по ногам и хвосту, не причиняя при этом им никакого неудобства».

Составительница этого рассказа прибавляет, что она кормила зверька главным образом кусочками мяса, которые он также охотнее всего брал из ее рук.

Это не единственный пример совершенно удавшегося приручения ласки. Один англичанин так приучил к себе ласку, взятую еще в гнезде, что она всюду следовала за ним, куда бы он ни шел...

Ближайший родич обыкновенной ласки, чрезвычайно похожий на нее по своему наружному виду и образу жизни, только побольше ее,—**горностай** (*Putorius erminea*).

Горностай—зверек, который владеет исконной привилегией поставлять мех для царских порфир. Подобно большинству своих родичей, это—небольшое животное (12—14 дюйм. дл.), с длинным, гибким туловищем, заостренной кпереди головой, пушистым хвостом и сравнительно короткими ногами. Водится он во всей северной половине Европы и Азии, преимущественно же встречается в необъятных лесах Сибири.

Все представители семейства куниц, несмотря на их небольшой рост,—страшные разбойники. То же можно сказать и о горностае: певчие пташки, кроты,

полевые мыши, хомяки, кролики и т.п. животные мало имеют более опасных врагов, чем горностаи. Необыкновенная ловкость, проворство и отвага с избытком возмещают у него недостаток силы. Он, как стрела, бегаёт по земле, мастерски прыгает, превосходно лазит по деревьям, а при случае плавает, как рыба. Немудрено, что горностаи отваживаются нападать не только на животных равной с ним величины, но и на гораздо более рослых. Беда зайцу, в которого вопьётся голодный горностаи: он погиб, несмотря на свои быстрые ноги. Крошечный разбойник имеет иногда дерзость нападать на самого царя

Горностаи (*Putorius erminea*) в зимнем наряде

природы, и вот рассказ Вуда, доказывающий, что горностаи—вовсе не такой ничтожный противник, как можно было бы думать.

«Один крестьянин,—передает Вуд,—прогуливаясь, заметил двух горностаев, спокойно сидевших на его дороге. Для потехи он взял камень и так метко пустил в одного из зверьков, что тот кубарем покати́лся от сильного удара. Тогда другой горностаи, громко и резко крикнув, бросился на обидчика, с удивительной быстротой взобрался по его ногам и старался вцепиться ему в горло. В то же время воинский клик горностаев был повторен его товарищами, бродившими поблизости, и все они кинулись на помощь к маленькому герою. Крестьянин сначала пробовал отбиваться камнями, потом стал руками защищать свою шею и затылок. Разъяренные горностаи преследовали его неумоимо, и он избавился от их зубов только благодаря толстому сукон-

ному платью и теплому шейному платку. Тем не менее его шея, затылок и руки были порядком искусаны. С тех пор он закаялся обижать горностаев...»

Несмотря на всю свою ловкость и отвагу, горностаи, разумеется, бессилны против ружей и капканов промышленника. В Сибири ежегодно бьют десятки тысяч этих зверьков ради их шкурки, которая особенно ценилась в прежние времена, да и теперь в моде у обитателей Срединной империи. Охота за горностаем производится исключительно зимой, потому что лишь в это время года он шеголяет в своей белой шубке с черным пучком шерсти на конце хвоста, летом же меняет ее на красновато-бурый наряд; эта перемена цвета шерсти так резка, что в прежние времена натуралисты серьезно считали белого и бурого горностаев за отдельные виды. Мясо горностаев не имеет никакой ценности: даже якуты и калмыки не едят его, потому что оно сильно пахнет вонючим отделением из особой железки, находящейся под хвостом.

Пойманный смолоду, горностаи скоро привязываются к хозяину и делается вполне ручным, доставляя владельцу массу удовольствия своей ловкостью, живостью и отвагой.

Горностаев ловят во всякие ловушки, а часто он попадает и в обыкновенные крысоловки. Если тогда приблизиться к нему, то можно услышать пронзительное трещание; а если раздражать его, то он бросается на обидчика с громким визгом; вообще же о своей боязни он заявляет только тихим фырканием.

Грилло принесли зимой 1843 г. горностаев-самца, только что пойманного под кучей дров. «Он был в своем зимнем одеянии. Черные круглые глаза, красно-бурый нос и черный кончик хвоста ярко отделялись от снежной белизны остальной шерсти, причем прекрасный серо-желтый оттенок наблюдался только у корня хвоста и на середине его. Я посадил его сначала в большую необитаемую комнату, которая сейчас же наполнилась противным запахом, свойственным всей куньей породе. Здесь этот подвижный зверек принялся лазать по окнам, прыгать и прятаться в разные уголки; раз даже залез в печную трубу, где его едва нашли. Если с ним ласково заговаривали, он приостанавливал свой бег или даже делал с любопытством несколько шагов, причем вытягивал длинную шею и поднимал правую ногу; иногда он садился на задние ноги. Если к нему подходили близко, то прежде, чем обратиться в бегство, горностаи оживленно, пронзительно кричал, вроде большого дятла; можно также сравнить издаваемые им звуки с фырканием кошки, но они все-таки резче. Еще чаще можно было слышать шипение, подобное змеиному.

Когда его пересадили в клетку, он долго грыз своими крепкими зубами ее прутья, стараясь вырваться на свободу. Музыка он не выносил. Стоило начать играть перед ним на гитаре, как он бешено бросался к решетке, лаля и визжал до тех пор, пока не прекращали музыку.

Укладываясь спать в своем гнезде, которое он сам же приготовил из мха и перьев, он сначала долго кружился, а когда наконец укладывался,

то спал, свернувшись комочком и обвив хвост вокруг тела. К холоду он был очень чувствителен».

Пищей горностаю служили птицы, молоко, яйца, иногда—крысы, которых он начинал есть, не высасывая крови, как об этом рассказывают. «При еде, а также зевоте нижняя челюсть его становится почти перпендикулярно к верхней, как у змей. Ест же он почти зажмурившись, а нос и губы до того растягивает и морщит, что почти все лицо становится плоским».

«Через 4¹/₂ месяца пребывания горноста в плену я вздумал было погладить его, но сейчас же был укушен. Только после нескольких попы-

Норка (*Putorius lutreola*)

ток этого рода, причем сначала на руки надевались толстые перчатки, удалось несколько приручить дикого хищника».

По наблюдениям того же Грилля, горноста испускает свою вонючую жидкость только при сильном испуге, и она изливается у него произвольно.

Норка и похожие на нее животные близко подходят к хорьку, отличаясь от него более плоской головой, укороченными ногами, плавательной перепонкой между пальцами, особенно на задних ногах, более длинным хвостом и густой, гладкой, как у выдры, шерстью однообразного бурого цвета. Этих животных два вида—**европейская норка** (*Putorius lutreola*), до 50 см длины, из которых 14 приходится на хвост, и **американская норка** (*P. vison*), несколько крупнее. Многие считают последнюю простой разновидностью первой. Образ жизни обоих животных, в общем, очень сходен. Оба они—завзятые хищники, приносящие большой вред хозяевам уничтожением

домашней птицы; оба любят рыбу, едят также раков, лягушек, улиток. От страха распространяют, подобно хорьку, противный запах, чего не замечается у ручных норок.

В частности, относительно нашей, европейской норки сведения очень скудны. Вильдунген говорит, что «по своей походке с дугообразно изогнутой кверху спиной, по своей расторопности и умению пролезать в самые маленькие отверстия норка приближается к кунице. Подобно хорьку, она находится в непрерывном движении, вынюхивая и обшаривая все углы и щели. Бегаёт она плохо, по деревьям не лазает, но зато искусна в плавании». Живёт она в тихих, уединённых местах, избегая человека, хотя и не отказываясь, по своим хищническим наклонностям, посещать его курятники. Настоящей родиной её служит Восточная Европа, от Балтийского моря до Урала и от Северной Двины до Чёрного моря.

В Германии, по словам лесничего Клавдиуса, норка избирает топкие, поросшие кустарником берега озёр и рек, устраивая свое логовище на кочке, между ветвями ольхи; в случае нападения ищет спасения в воде, где она может оставаться весьма долго.

К приручению она вполне годится. У меня была ручная норка, и она доставляла мне столько радостей, сколько едва ли могло доставить какое-либо другое животное. Целый день она лежала, свернувшись, в своем логовище и только после заката солнца начинала бродить по клетке. Отзываясь на зов, она, правда, не обнаруживала особенного расположения к своему воспитателю, но это, по моему мнению, объясняется стеснением её свободы движений в клетке.

Мех европейской норки грубее и менее прочен, чем американской, а потому и ценится дешевле (2—4 марки, или 1—2 р., американской же—2—5 р.).

Росомаха, одно из самых неуклюжих животных семейства куниц, является представителем особого рода (*Gulo*); туловище у неё короткое, короток и хвост, густо покрытый волосами, голова большая, морда удлинённая, но тупая; короткие и сильные ноги имеют большие ступни с пальцами, вооружёнными острыми, крючковатыми, короткими когтями; череп широкий, выпуклый; зубы сильно развиты.

Росомаха (*Gulo borealis*), длиной до 1 м с хвостом в 12 см, покрыта грубой, косматой шерстью черно-бурого цвета с светлыми полосами; шерсть отвисает по бокам в виде бахромы. Область распространения этого животного обнимает Скандинавию, Лапландию, Сев. Россию с Сибирью и Сев. Америку; при этом любимым местом её пребывания является какой-нибудь необитаемый пустырь в гористой местности. Определённых пристанищ у неё нет: днём она спит где попало, зимой часто прямо в сугробе снега, а ночью бродит в поисках пищи. Двигается она большими прыжками, как бы прихрамывая и даже кувыркаясь, но все-таки настолько быстро, что может достигать мелких млекопитающих; благодаря своей походке она не вязнет в снегу и потому легко настигает добычу.

Главную пищу росوماхи составляют различные виды северных грызунов, а именно пеструшки, которых она истребляет в невероятных количествах. В случае нужды она нападает и на крупных животных, кабаргу, даже оленей и лосей; вспрыгнув им на затылок, она загрызает их до смерти; убитое животное она зарывает и потом ест в несколько приемов. В Забайкалье

Росомаха (*Gulo borealis*)

она нападает на рогатый скот; наконец, в крайности, она ест все, что только может быть питательным,—сушеное мясо, сыр и т. п.

Человек всюду преследует это животное, хотя мех его в особом почете разве только у камчадалов; в Европе же он идет только на полости для саней. Охотятся с собаками, но те идут не всегда охотно, так как росوماха очень свирепа и отчаянно защищается, когда не может убежать на дерево или высокую скалу. Она ложится тогда на землю и, схватив своими когтями собаку, так терзает ее, что та редко выживает от полученных ран.

В мае самка мечет 2—3 детеныша, которых скрывает в уединенном месте. Если удастся найти их, то приручить не составит большого труда. Генберг выкормил одну росомуху молоком и мясом и до того приручил ее, что она бегала за ним в поле, как собака. Росомуха эта находилась в постоянном движении, весело играла со всеми вещами, каталась по песку, зарывалась в землю и лазала по деревьям. Пищей она не объедалась, была добродушна, подпускала свиней, с которыми даже делила трапезу, но не терпела собак; днем она спала. Зловония от нее не замечалось. Словом, это было приятное животное. Но с годами хищническая натура все-таки дала себя знать: росомуха сделалась свирепой и с яростью грызлась с собаками.

В Берлинском зоологическом саду жили три росомухи, довольно мирно уживавшиеся друг с другом, хотя и не раз вступавшие в серьезные драки. Удивительна была их жадность. Стоило показаться служителю с кормом, как они с воем, лаем, скрежеща зубами и раздавая друг другу пощечины, начинали неистово бегать по клетке, жадно впиваясь глазами в мясо; если же служитель медлил, они с отчаянием катались по земле, затем, когда им, наконец, давали корм, набрасывались на него с такой жадностью, какой я еще не наблюдал у других животных. Забыв все, они как бешеные кидались на кусок мяса, хватили его одновременно зубами и когтями и, громко чавкая, ворча и фыркая, жевали, давились и проглатывали мясо с такой жадностью, что было неприятно смотреть.

Бразильские виды хорькового семейства называются **гуронами**, или **гризонами**; у них довольно объемистая, толстая голова, низкие, округленные уши, сравнительно большие глаза, короткие конечности, умеренно большие лапы с 5-ю пальцами, соединенными перепонкой и вооруженными острыми, сильно изогнутыми когтями; довольно длинный хвост, короткий мех, крепкие, сильные зубы, в числе 34, как у вонючек; около заднего отверстия находятся особые железы, выделяющие мускусную жидкость.

Гирара бразильцев, или **гаира** патагонцев (*Galictis barbara*), достигает до 1,1 м длины, причем хвост—45 см; покрыта густой черно-бурой шерстью с буро-серой или пепельно-серой головой; на шее—большое желтое пятно; распространена в большей части Южной Америки, по степям и лесам, причем убежищами для нее служат покинутые норы броненосцев или дуплистые деревья; на добычу выходит днем. Пищей служат млекопитающие, начиная с молодых оленей и кончая мышами, а также разные птицы; душит больше жертв, чем нужно; лакома до меда. Прирученные с ранней молодости, гирары представляют живых, веселых зверьков, любящих игры и забавы; однако и в неволе они никогда не прочь поживиться домашней птицей. Мясо, а также шкуры находят поклонников только у нетребовательных индейцев.

Гризон (*Galictis vittata*), меньше размерами, до 65 см, причем 22 относится на хвост, покрыта сверху бледно-серой шер-

стью, снизу темно-бурой; кончик хвоста и маленькие уши—желтые. Другой родственный вид—**гризон большой** (*G. allamandi*).

Гризоны живут в тех же местах, что и гиары, также отважны и смелы, но еще более кровожадны. Один ручной гризон напал на аллигатора и так сильно изгрыз его в подмышечных впадинах передних ног, что аллигатор скоро умер. Другой гризон без всякого повода кинулся на лемура и моментально загрыз его. Замечательной казалась мне его манера двигаться по сравнению с родственной гиарой: последняя, сидя, изгибала спину, наподобие кошки, а также прыгала с более или менее дугообразно выгну-

той спиной, гризон же, напротив, вытягивал туловище и бегал маленькими шажками. Вообще движения гризона проворны и красивы; когда он находился в хорошем расположении духа, то постоянно издавал чириканье, напоминающее кузнечика. По отношению к знакомым людям тучные гризоны держат себя довольно добродушно и любезно, но этому нельзя доверять. Туземцы пользуются мясом и мехом гризона, переселенцы же всячески истребляют его, считая очень вредным животным.

Вторая группа куниц, **стопходящие**, или **барсучьи** (Melidae), соединяет в себе неуклюжих, угрюмых животных из всего семейства, часто издающих сильное зловоние. Характерным представителем их является **барсук** (*Meles taxus*), достигающий в длину 93 см, из которых 18 приходится на хвост; туловище его — короткое, толстое, крепкое; шея толстая, длинная голова оканчивается рылообразно заостренной мордой, уши — маленькие; зубов — 36, причем замечается притупление плотоядных. Животное покрыто густой грубой шерстью, жесткой почти как щетина; окраска ее на спине представляет смешение серовато-белого и черного цвета, так как отдельные волосы около корня желтоваты, в середине черны, а на конце — серо-белы. Голова белая, с темными полосами по бокам; самки — светлее.

За исключением Сардинии и севера Скандинавии, барсук распространен по всей Европе, а также в Азии, от Сирии до Японии и по Сибири до Лены. Проживает он уединенно в норах, которые вырывает своими крепкими когтями на солнечной стороне лесистых холмов или по овражкам в лугах, снабжая 4—8 выходами и уютно устраивая внутри: здесь всюду царит чистота и опрятность. Ходы его имеют 4—5 сажен в длину, а самое логовище лежит иногда на расстоянии 2—3 сажен от поверхности земли.

Движения барсука медленны и неуклюжи; на ходу он волочит ноги и переваливается; самый быстрый бег его совершается так медленно, что хороший ходок всегда может догнать его. Общее впечатление, производимое этим животным, своеобразно: сначала можно подумать, что видишь перед собой скорее свинью, чем хищное животное; свинью же напоминает и хрюканье барсука.

Пищей барсуку служат весной и летом преимущественно корни, насекомые, улитки и дождевые черви, а при случае также молодые зайцы, птичьи яйца, птенцы, медовые соты; осенью же он питается упавшими с деревьев плодами, не пренебрегая и мышами, кротами, лягушками, змеями и пр. Иногда барсук таскает с дворов домашнюю птицу, но в общем польза, приносимая им истреблением вредных насекомых в лесу, гораздо больше вреда, который наносят его хищнические инстинкты. В норах приготавливаются им небольшие запасы на зиму.

В Восточной Сибири, по словам Радде, барсук гораздо бесстрашнее и кровожаднее: там он нападает на телят и этим часто наносит большой вред поселянам.

До наступления зимних холодов барсук, устроив в своем логовище мягкое ложе из листьев, свертывается, ложится на брюхо, просовывает голову между передними лапами и предается спячке. Однако, подобно медведю, спячка у него часто прерывается, особенно в теплую погоду; он просыпается и часто выходит наружу. Окончательно просыпается он весной, исхудалый, как щетка, хотя осенью залегает обыкновенно с круглым брюшком.

Барсук (*Meles taxus*)

Детеныши являются слепыми в начале марта; мать нежно заботится о них, добывая им пищу, пока они не подрастут, обыкновенно до осени, когда маленькие начинают вести самостоятельную жизнь. Любопытно, что для поддержания чистоты и опрятности в своем гнезде самка вырывает неподалеку особую нору, служащую для маленьких местом для исполнения их нужд, а также для склада отбросов пищи и т. п.

Барсукам ставят разного рода ловушки, выкапывают из нор и выслеживают при помощи такс. Раненое животное отчаянно защищается когтями и зубами. Иногда бывает и так, что к раненому барсуку подоспевает на по-

мощь его товарищ. Об одном таком случае рассказывает лесничий Мюллер. Однажды вечером, в октябре, он подстрелил барсука, отошедшего от своей норы всего на несколько шагов. Животное стало кататься по земле, издавая жалобные стоны, которые, по-видимому, имели целью вызвать участие товарища, оставшегося в норе, так как лесничий не успел еще подбежать к своей добыче, как из норы выскочил другой барсук, схватил раненого и скрылся с ним в глубину.

Чтобы убить барсука, достаточно ударить его по носу, между тем как самые жестокие удары по другим частям тела, по-видимому, совершенно нечувствительны для него.

Барсуки, пойманные старыми, оказываются пренеприятными животными, ленивыми, злыми и совершенно непригодными к приручению. Напротив, пойманные молодыми, особенно вскормленные исключительно или преимущественно растительной пищей, становятся ручными и следуют за воспитателем, как собаки.

«Весьма занимательно,—говорит фон Пиотровский,—смотреть на игры ручных барсуков в светлые, теплые ночи. Они лаяли, как собаки, бормотали, как сурки, нежно обнимались, как обезьяны, и принимали тысячи поз. Если по соседству околевала овца или теленок, то барсуки первыми оказывались на падали и затем в свое жилище, за четверть мили, утаскивали такие большие куски мяса, что приходилось удивляться. Самец редко отдалялся от норы, откуда выгонял его разве один голод, а самка следовала за мной во время моих прогулок».

О другом, вполне одомашненном барсуке, Людвиг Бекман пишет: «Каспар,—как звали его,—было весьма честное, хотя несколько неуклюжее животное. Жить в мире он желал со всеми, но так как шутки его бывали очень грубоваты, то часто возникали недоразумения, за которые он и платился. Часто он любил играть с собакой, ловким, понятливым лягашем... Барсук, тряхнув головой, как дикий кабан, со всех ног неся на стоявшую шагах в 15 собаку и, пробегая мимо, ударял головой противника. Собака же после этого красивым прыжком перескакивала через барсука и убегала в сад. Если тому удавалось поймать ее, то начиналась возня, никогда не переходившая, впрочем, в драку. Если при этом барсуку приходилось плохо, он без оглядки отбегал назад, фыркая и дрожа, выгибал спину, топорщил волосы и, наподобие надувшегося индейского петуха, наступал на собаку; затем мало-помалу надутость и ошетилившиеся волосы пропадали, а после нескольких помахиваний головой и самоуспокоительного похрюкивания («ху, гу, гу»), барсук снова начинал прежнюю забаву».

Полезьа, приносимая убитым барсуком, довольно значительна: его мясо слаще свиного; непроницаемая для воды, прочная шкура идет на обивку сундуков и пр.; из длинных волос выделывают щетки и кисти; жир употребляется как лекарство и как пищевой продукт.

Другой род группы барсучьих составляют **медоеды** (*Mellivora*), широкоспинные, короткомордые и короткохвостые животные, еще более неуклюжие, чем барсуки. Зубов у них всего 32; уши и глаза маленькие, пальцы на передних лапах снабжены длинными когтями, назначенными для рытья земли. Водятся в Средней и Южной Америке, а также в Индии.

Медоед, или **ратель** (*Mellivora capensis*), до 70 см длины, из коих 25 относится на хвост; волосы длинные, жесткие, отчасти пепельного (сверху), отчасти серовато-черного цвета. Живет ратель в подземных норах, обладая замечательной способностью уходить под землю на глазах охотника; ведет ночной образ жизни, нападая на мышей, тушканчиков и т. п. или птиц, черепах, червей, выкапывая корни и луковички и т. д.; любит также мед. Шпарманн сообщает интересные сведения, как ратель находит мед. Перед закатом солнца он садится на пригорке, защищает передней лапой свои глаза от солнечных лучей и пристально следит за полетом пчел. Заметив же, что некоторые из них летают в одном направлении, ратель, прихрамывая, идет за ними, затем снова наблюдает за пчелами и, наконец, мало-помалу добирается до пчелиного гнезда, после чего начинается уже борьба не на жизнь, а на смерть. Конечно, пчелы отчаянно жалят врага, но покрытая густыми волосами шкура и толстый подкожный слой жира превосходно защищают разбойника от укусов.

Рассказывают, что рателем, так же, как и южноафриканскими туземцами, в поисках меда часто руководит птица, медовая кукушка (*Indicator*), которая, не будучи в состоянии одна добыть лакомый для нее клад, указывает дорогу другим, более сильным существам, чтобы поживиться остатками после них. Ввиду этого она своим криком обращает на себя внимание рателя, затем

Представителем следующего рода является **короткохвост** (*Mydaus*); у этих животных — приземистое тело, вместо хвоста — один пенек, голова вытянутая, глаза маленькие, уши широкие, короткие, скрывающиеся в волосах; низкие, сильные конечности снабжены сросщенными пальцами, когти крепкие, прировненные для рытья; передние лапы вдвое больше задних; зубов — 34, под хвостом находятся железы, выпускающие по произволу животного зловонную жидкость.

Короткохвост, теледу и зегунг на Яве, теллего на Суматре и заат и гибанг на Борнео (*Mydaus meliceps*), до 35 см длины, хвост 2 см, окрашен в равномерный темно-коричневый цвет; по хребту идет белая полоса. Нору свою животное закладывает на незначительной глубине, между

начинает летать перед ним, время от времени присаживаясь, чтобы дать тому возможность поспеть за ней. По мере приближения к гнезду пчел голос ее делается все приветливее, наконец, она прямо опускается на открытое ею сокровище.

При нападении человека ратель отчаянно защищается зубами, когтями и своей вонючей жидкостью. Живучесть его настолько велика, что, по слухам, капские поселенцы доставляют себе удовольствие (!) втыкать ему в разные места тела нож, в уверенности, что через это нельзя быстро умертвить его. Зато сильным ударом по носу его можно убить мгновенно.

Ратель индийский (*Mellivora indica*) по образу жизни, говорят, похож на африканского; он также истребляет домашнюю птицу и, кроме того, будто бы пожирал трупы, вырывая их из могил. Водится в Западной и Сев.-Зап. Индии, кроме Малабара и Н. Бенгалии, а также Цейлона. Недавно найден в Закаспийской области.

Будучи пойманы молодыми, ратели быстро ручнеют и, вследствие своих неуклюжих, своеобразных движений, очень забавны: обыкновенно они в высшей степени серьезно и неумолимо обхаживают по одному и тому же направлению свою клетку и как раз на одних и тех же определенных местах равнодушно кувыркаются. Если при этом животные позабудут почему-либо совершить последнее, то останавливаются, возвращаются назад и конфузливо стараются наверстать пропущенное ими.

древесными корнями; логовище имеет в диаметре до 1½ арш., из него идут в разные стороны ходы длиной в 1 саж., прикрытые ветками или сухими листьями. В этой норе короткохвост лежит в течение дня, ночью же отправляется за добычей — личинками, червями и пр. По словам Бока, прежде

чем начать лаять, рычит, как собака, а бродя, хрюкает и сопит почти как свинья. Все движения этих животных медленны, а потому туземцы, едящие его мясо, легко ловят его, нужно только быстро удалить у убитого животного зловонные железы, пока мясо не успело пропитаться их выделениями.

Вонь, испускаемая этим животным, разносится далеко. «Мои вечера,—говорит Форбес,—были совершенно отравлены тем едким запахом, которым при своих прогулках в сумерки короткохвост, находясь

даже в хорошем расположении духа, заражает воздух, по крайней мере, на английскую милю кругом. Пытаться прогнать животное было бесполезно, так как, если его тревожат, он не убегает, а, напротив, еще сильнее заражает воздух своей вонью, которая держится целыми неделями на платье, посуде и съестных припасах».

Между тем само по себе животное тихо и кротко и, будучи поймано молодым, легко приручается и может доставить много удовольствия своему хозяину.

Короткохвост (*Mydaus meliceps*)

В смысле отделения смрадного запаха и короткохвосты должны уступить первое место своим американским и африканским родичам, которым поэтому и присвоили название собственно **вонючек** (*Mephitis*). Эти животные отличаются удлиненным телом, густо покрытым волосами хвостом, большим вздутым носом, черным цветом меха с белыми полосами. Голова, в сравнении с туловищем, мала и заострена; малы и глаза, и уши; маленькие ноги снабжены сросшимися пальцами с длинными, слегка изогнутыми, но вовсе не сильными когтями; зубов 32 или 34, причем плотоядный зуб в верхней челюсти короток, но широк; зловонные железы особенно развиты и наполнены желтой маслянистой жидкостью, которая выпрыскивается тонкой струей на расстояние нескольких метров. Самцы пахнут сильнее самок.

Встречаются вонючки в степях и кустарниках; днем спят в дуплах, расщелинах скал и пр., а ночью бродят в поисках пищи. Последнюю представляют для них мелкие млекопитающие, птицы, черви, насекомые; впрочем,

они едят корни и ягоды. В случае опасности защищаются своим смрадным выделением, хотя некоторые собаки, несмотря на него, все-таки душат их.

В большей части Южной Америки живет вонючка, называемая бразильцами **сурильо** (*Mephitis suffocans*), с 32 зубами, длиной до 40 см, и хвостом в 28 см. Цвет шерсти изменчив, но в общем представляет переходы от

Сурильо (*Mephitis suffocans*)

черно-серого и черно-бурого до блестяще-черного. По образу жизни сурильо похож на куниц: днем он спит в подземных норах, ночью же ищет пищи, которая, по-видимому, состоит главным образом из навозных жуков.

На севере Америки, по Гудзонову заливу, вонючку заменяет **скупк**, или **скупс** (*Mephitis varians*), тело которого и хвост имеют по 40 см; зубов—34. Основной цвет меха блестяще-черный, с белыми полосами; держится в береговых кустарниках, а также в скалистых местностях. Ни скакать, ни лазить эта вонючка не в состоянии, а только ходит и припрыгивает, выгибая спину и отклоняя в сторону хвост. Встретясь с каким-нибудь животным, скупс спокойно останавливается, поворачивается задом и, подняв хвост, выпрыскивает, если надо, свою отвратительную жидкость.

Иногда вонючка сама нападает на человека. «Мой сын,— рассказывает Зидгоф,— гулял однажды вечером; вдруг на него бросилась вонючка и вцепилась в панталоны. Ударом ноги он убил ее, но когда вернулся домой, от его платья, обрызганного ужасным животным, распространился такой резкий, отвратительный запах, что весь дом заразился вонью, и у всех, кто не мог спастись из дома бегством, началась рвота. Всякие курения и проветривания оказались бессильны. Сапоги сына пахли в течение 4 месяцев после этого, несмотря на мытье и чистку, а могилу вонючки, зарытой в саду, и через 8 месяцев можно было найти по запаху».

Одубон также испытал всю прелесть встречи с вонючкой. Это было во время его детства. «Солнце только что зашло,— рассказывает он,— я шел с товарищем домой. Вдруг мы заметили прехорошенького, совершенно незнакомого нам зверька, который выглядел так добродушно, что я в восторге взял его на руки. Но вот эта красивая на вид тварь прыснула мне своей ужасной жидкостью прямо в лицо. Как громом пораженный, я выпустил из рук чудовище и бросился бежать...»

Однажды Фребель, услышав позади себя шорох, оглянулся и увидел незнакомое животное. Это была вонючка. Когда он приблизился к ней, она стала ворчать и топтать ногами, а как только он замахнулся на нее палкой, она моментально опрыскала всего его своей вонючей жидкостью. Вне себя от гнева, он убил отвратительное животное, но когда вернулся домой, то там навел на всех такой ужас, что его не впустили в комнаты и, затворив двери, только через окно посылали разные добрые советы. Ни вода, ни мыло, ни одеколон не могли заглушить отвратительной вони. Наконец, разложили поблизости дома костер, и несчастный путешественник, переодевшись в другое платье, должен был в течение нескольких часов окуривать себя дымом. Только это и помогло.

Шкура скунса доставляет очень хороший, ценный мех (до 10 рублей), но только нужно при поимке животного стараться убить его прежде, чем он заметит нападение и успеет выпустить свою отвратительную жидкость.

Африканские вонючки носят название **полосатых хорьков**; по внешнему виду они похожи на вышеописанных и отличаются только волосатыми ступнями (у тех ступни голые) и зубной системой из 34 зубов, похожей на зубную систему куниц.

Наиболее известное животное этого рода — **цоралла** (*Rhabdogale mustelina*), или «мышинная собака» капских колонистов, до 35 см длины, с хвостом в 25 см. Туловище длинное, морда удлинена наподобие хобота, уши короткие, закругленные, ноги короткие, причем на передних — длинные, но тупые когти, хвост длинный, пушистый. Основная

окраска — блестяще-черная, испещренная белыми пятнами и полосами. Живет по преимуществу в скалистых местностях Средней и Южной Африки, выкапывая норы под деревьями и кустарниками. Питается, подобно своим собратьям, мышами, птицами, пресмыкающимися, насекомыми; часто нападает на домашних птиц. Лазать она не умеет, воды боится, но, в случае нужды, искусно плавает; при нападении врагов пользуется своим отвратительным оружием, как американская вонючка. В Ю. Африке некоторые колонисты держат ручных «мышинных собак» для ловли крыс и мышей.

К третьей группе куниц, обнимающей до 20 видов, относятся **выдры** (*Luutrae*) — водные животные, с вытянутым, плоским туловищем, на низких

ногах, со сплюснутой, тупой мордой, головой, на которой выдаются маленькие глаза и круглые уши, длинным, сплюснутым хвостом, короткими, жесткими, гладкими, блестящими волосами. Пятипалые ноги снабжены сильно развитыми плавательными перепонками; под хвостом находятся отделительные железы; зубная система и скелет похожи на куньи. Выдры распространены, за исключением Австралии и Крайнего Севера, почти во всех частях света. Они большую часть времени проводят в воде, но и по суше бегают быстро; по душевным качествам они мужественны, разумны и способны к приручению; за вред, причиняемый ему, человек всячески преследует их, имея, впрочем, в виду больше — ценный мех.

В Европе живет только один вид выдры, имеющий в длину до 1,2 м, из коих 40—42 см относятся на хвост. Это — **речная выдра**, или **порешня** (*Lutra vulgaris*) с округленной мордой, маленькими живыми глазами, короткими, закрывающимися кожистыми складками ушами, спрятанными в густом мехе; мех выдры темно- или светло-бурой окраски. Резким отличительным признаком является верхний передний зуб, значительно сильнее четырех средних, а также голая, сетчатая, плоскобородавчатая кожа на кончике носа над обросшими волосами краями губ.

Речная выдра живет по всей Европе и, кроме того, в большей части Северной и Средней Азии, доходя на восток до устья Амура, на север — до Полярного круга, а на юго-восток — до северо-западной части Гималаев; предпочитает реки, берега которых на большом протяжении покрыты лесом. Норы ее находятся под землей, но имеют выход в воду (на глубине $\frac{3}{4}$ арш.) и только узкую отдушину для вентиляции на поверхности земли. Просторное гнездо всегда сухо и устлано травой.

По образу жизни выдра, бесспорно, одно из самых интересных животных; уже на суше она способна к замечательно легким движениям, быстро бегает, словно скользит, подымается на задние лапы, лазает даже на деревья (наклонно растущие), в воде же чувствует себя, как в родной стихии, подобно рыбе. Плавает она так мастерски, что может догнать даже быструю форель, как это можно наблюдать в светлых альпийских озерах. Во время плавания она может прекрасно держаться и на боку, и на спине.

На свободе голос речной выдры слышится гораздо реже, чем в неволе, когда она легко поддается раздражению. В спокойном состоянии она издает тихое хихиканье; когда раздражена или голодна, испускает крик, вроде «гиркк», повторенного несколько раз подряд. В гневе она визжит, а в порыве любви — свистит звучно и приятно.

Органы чувств развиты у нее отлично, а непрерывные преследования со стороны человека еще более изощрили ее чувства, так что теперь это — одно из самых осторожных, хитрых животных, которых нелегко поймать.

Самцы, особенно старые, живут поодиночке, но самки часто соединяются целыми обществами и в таком виде отправляются на охоту, переходя в поисках рыбы даже горные хребты.

Речная выдра (*Lutra vulgaris*)

По натуре своей выдра очень кровожадна и всегда готова наброситься на новую добычу, не съев еще старой. Поэтому от нее иногда сильно страдают рыбные пруды, а также водяная домашняя птица, к которой разбойник подкрадывается в воде и хватается зубами за грудь.

При нужде она ест раков и лягушек, а в неволе, по моим наблюдениям, морковь, груши, сливы или вишни.

Детеныши, в числе 2—4, выводятся слепыми в мае (в Германии) и пользуются со стороны матери нежной любовью; через 8 недель красивенькие зверьки уже отправляются с матерью на рыбную ловлю, затем еще с полгода они остаются под бдительным материнским оком и, наконец, начинают вести самостоятельную жизнь.

Взятые из гнезда молодые выдры могут быть отлично приручены и тогда служат примером миловидных, добродушных животных; своего хозяина они отлично узнают и следуют по его пятам, как верная собака. Очень часто ручную выдру дрессируют для рыбной ловли. Прекрасный рассказ о такой выдре принадлежит одному польскому дворянину, маршалу Златоусту Пассеку.

«В 1686 г.,—рассказывает он,—когда я жил в Оцовке, король прислал ко мне с письмом г. Стращевского; одновременно с этим я получил письмо от придворного шталмейстера, советовавшего мне поднести королю в подарок мою речную выдру. Я должен был подчиниться этому совету и отдать своего любимца. Распив бутылку вина, мы отправились с г. Стращевским в поле, так как моя речная выдра была в то время не дома, а около прудов. Я позвал ее по имени: «Вурм!» Она тотчас же вышла из тростника, где скрывалась, стала ласково тереться о мои ноги, затем направилась со мной в комнаты. Стращевский, с изумлением смотревший на нее, заметил мне: «Как приятно будет королю иметь такого ручного зверька!» На это я ответил ему: «Ты так пришел в восторг, а что скажешь, узнав другие достоинства моей выдры?» В это время мы подходили к пруду; остановившись на плоту, я крикнул своему любимцу: «Вурм, мне нужны рыбы для гостя,—полезай-ка в воду!» Тотчас же выдра бросилась в пруд и вытащила оттуда плотицу. Когда я послал ее во второй раз, она принесла небольшую щуку, раненную ею в шею. Стращевский изумленно следил за животным, твердя: «Господи, что же это я вижу?!» Я спросил его: «Хочешь, Вурм принесет еще? Он может ловить до тех пор, пока я сам не скажу ему, что достаточно». Стращевский был в полном восторге и надеялся поразить короля описанием всех этих качеств выдры. Перед его отъездом я показал ему все искусство и все необыкновенные свойства моего зверька.

Вурм спал со мной на одной постели и был так чистоплотен, что никогда не пачкал не только постели, а даже вообще комнат. Он служил мне также отличным сторожем, и ночью никто не смел подойти к моей кровати; даже лакей, снимавший сапоги, вызывал неудовольствие выдры и, сделавши свое

дело, не смел больше показываться в комнату, иначе животное поднимало такой неистовый крик, что я просыпался от самого крепкого сна. Когда я был выпивши, выдра топталась у меня на груди и не оставляла до тех пор, пока я не просыпался. Днем она забивалась куда-нибудь в угол и спала так крепко, что ее можно было, не разбудивши, унести на руках. Отлично ловя рыбу, сама она, однако, не ела ни рыбы, ни сырого мяса. Если кто-нибудь нарочно тербил меня за сюртук, а я кричал: «Он трогает меня!», выдра тотчас же выскакивала с пронзительным криком и рвала того за платье и за ноги, как собака. Она жила в большой дружбе с нашей лохматой собакой, которую звали Капрал. От нее выдра научилась разным штукам, так как не расставалась с ней ни дома, ни в дороге. С другими же собаками она совсем не уживалась.

Мой зверек был также очень полезен и в дороге. Стоило только, проезжая мимо реки или пруда, остановиться и крикнуть: «Вурм, полезай в воду!»— как выдра в несколько минут налавливала целые груды рыб и доставляла продовольствие не только для моего личного стола, но и для всей прислуги. Особенно ценно было в ней это искусство во время поста. Единственная неприятность, которую доставляла мне выдра в дороге, заключалась в том, что она была виновницей целого сборища людей, стекавшихся отовсюду посмотреть на нее, как на какое-то чудо, вывезенное из Индии...»

И с таким-то умным, необыкновенным животным Пассеку пришлось расстаться, на угоду королю! Последний был очень обрадован подарком, тем более что, кусая всех, подступавших к ней, выдра «сразу отличила короля и почтительно (!) склонилась перед ним». Однако восхищенный монарх недолго наслаждался ею; скоро она сбежала из дворца и была случайно убита одним драгуном. Король был вне себя от отчаяния и хотел немедленно изрубить солдата; едва ксендзы отговорили его...

Речных выдр ловят или капканами, расставляя их в воде у отверстия нор, или сетями, а иногда стреляют в воду, если животное плывет близко от поверхности воды.

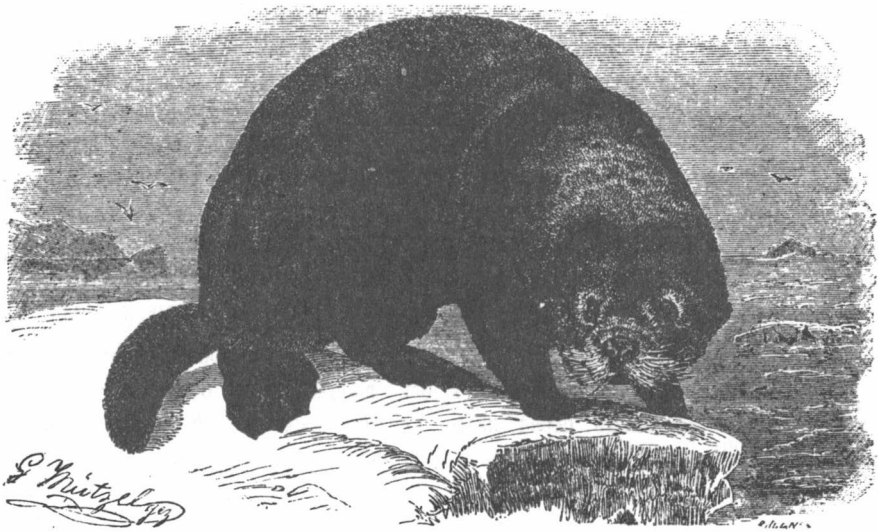
Ценный мех выдры имеет различные применения: на опушки шапок, в Камчатке на укладку дорогих соболей, так как он вбирает сырость и поэтому способствует отличному сохранению тех; из волос хвоста выдры приготавливаются рисовальные кисти, а нежный подшерсток идет на изготовление пуховых шляп.

Близка к нашей выдре и бразильская **ариранья**, или **лонтру** (*Lutra brasiliensis*), у которой только голова круглее и не так плоско сжата, как у нашей выдры, а хвост, острый по краям, сильно сжат сверху вниз. Общая окраска — шоколадно-бурая, внизу — светлее; на груди и шее беловатые

пятна. Размеры — крупные: общая длина с хвостом 1,5—1,7 метр, хвост — 55—63 см. Образ жизни ее одинаков с нашей выдрой, а живет она преимущественно в больших реках низких равнин, плаывая целыми ватагами. Вследствие этого обстоятельства охота за ней гораздо легче.

Морским представителем выдр является **морской бобр**, или **калан**, как его называют охотники (*Enchydris lutris*); по устройству тела он служит

соединительным звеном между выдрами и тюленями. Голова, правда, тоже несколько сжата, но круглее, чем у пресноводных выдр; шея толстая, короткая; туловище (до 1,2 м) цилиндрическое; покрытый волосами толстый, короткий (всего — 30 см), сплюснутый хвост клинообразно заострен. Передние ноги имеют, по сравнению с речной выдрой, более короткие пальцы, соединенные снизу голой перепонкой, задние же ноги отчасти похожи на тюленьи ласты, отчасти — на лапы бобра. мех состоит из длинных прямых волос, ости темно-бурого цвета с белыми крапинками, происходящими от белых кончиков волос. У молодых

Морской бобр (*Enchydris lutris*)

животных — длинные, жесткие, белые или буровато-белые волосы, совершенно скрывающие тонкий бурый подшерсток.

Область распространения морской выдры ограничена теперь северной частью Тихого океана, приблизительно цепью Алеутских о-вов и о-вом Беринга. У американских берегов она спускается больше к югу (до 28°), но и здесь год от году делается более редкой.

Лучшее описание морского бобра принадлежит Стеллеру, потерпевшему в 1741 г., вместе с Берингом, кораблекрушение около о-ва Беринга и имевшему возможность долго наблюдать это интересное, все более и более исчезающее теперь животное.

«Мех морского бобра, — говорит этот наблюдатель, — кожа которого слабо прилегает к телу и во время бега колышется во все стороны, настолько превосходит по длине, красоте и темному цвету мех речного бобра, что последний не может выдержать с ним никакого сравнения. Лучшие меха продаются в

Камчатке по 30 р., в Якутске по 40 р., а на китайской границе, при обмене товаров, идут по 80—100 р. за шкуру*. Мясо его довольно съедобно и даже вкусно; у самок еще нежнее, у молодых же, питающихся еще молоком матери и называющихся, вследствие своего плохого меха, «медведками», мясо— жареное или вареное— может поспорить по вкусу с молодой бараниной.

По образу жизни морской бобр так же интеллигентен и приятен, как весел и забавен по нраву; к тому же это очень ласковое и влюбчивое животное. Когда он бежит, блеск его меха превосходит самый черный бархат. Каланы предпочитают держаться семейно: самец лежит с самкой, тут же полувзрослые детеныши, или кошлаки, и маленькие сосуны— медведки. Любовь родителей к детенышам так велика, что ради них они готовы подвергаться явной, смертельной опасности, и если от них отнимут маленьких, то они громко рыдают, почти как дети. Тоска их бывает так велика, что они в неделю-две делаются больными, слабыми и не хотят уходить с берега. Самок морских бобров можно круглый год видеть с детенышами. Они мечут зараз только по одному и всегда на суше**. Детеныши рождаются зрячими и со всеми зубами. Самки носят их во рту, а в море— лежа на спине и обхватив передними лапами. Они играют с ними, как любящая мать, подбрасывают вверх и ловят, словно мячик, толкают в воду, чтобы те учились плавать, берут опять к себе, когда те устанут, и целуют совершенно как люди. Как бы охотники ни половедали самку в воде или на суше, она не выпустит изо рта детеныша, разве только в крайности или в минуту смерти... Если же самке удастся счастливо избегнуть опасности, то она, достигнув моря, начинает так забавно насмехаться над своими преследователями, что без улыбки удовольствия нельзя смотреть на нее. В таких случаях самки становятся в воде на дыбы, подобно человеку, и прыгают в волнах, то приставив передние лапы ко лбу, как будто защищая ими от солнца глаза, то ложатся на спину и гладят себе передними лапами живот или бросают в воду маленьких и снова ловят их и т. п.

Если калана настигнут и ему не удастся убежать, он фыркает и шипит, подобно кошке. Если его ударить при этом, он ложится на бок, подгибает задние ноги, а передними закрывает глаза и таким образом готовится умереть. Мертвым он лежит, как человек, вытянувшись и к тообразно сложив на груди передние лапы.

Пища каланов состоит из морских раков, раковин, мелкой рыбы, реже— из морских водорослей или мяса крупных животных.

Движения морских бобров необыкновенно грациозны и быстры: они отлично плавают и очень быстро бегают, и нет ничего красивее этого животного,

* В СПб. теперь— около 400 рублей.

** По наблюдениям позднейших натуралистов, в море, на водорослях: очевидно, преследуемый человеком зверь считает сушу уже небезопасной для себя.

когда оно бежит. Замечательно, что животное бывает тем бодрее, умнее и проворнее, чем прекраснее у него мех. Совсем седые, по-видимому, очень старые бобры необыкновенно умны, вследствие чего их крайне трудно ловить. Самые плохие, имеющие одноцветно-бурый мех, большей частью неповоротливы, сонливы и глупы. Во время сна они лежат на земле свернувшись, как собаки; а выходя из воды, отряхиваются и чистятся передними лапами, как кошки.

Калан, которого по качеству его меха несправедливо считают за бобра, называя **камчатским бобром**, в сущности, настоящая выдра и от речной выдры отличается только тем, что живет в море, почти вдвое больше ее, но по красоте меха он действительно напоминает бобра. Это животное бесспорно американского происхождения и на азиатском берегу является лишь гостем. Оно держится в так называемом Бобровом море между 56—50° с.ш. Под такой же широтой мы встречаем его и в Америке, как на островах, так и на материке.

Когда мы прибыли на Берингов остров (1741 г.), каланов там было в наличии немало. Во все времена года, но зимой чаще, нежели летом, они выходят на берег для сна и отдыха, а также для игр.

Охотились мы на них следующим образом: обыкновенно вечером или ночью мы выходили по двое, по трое или по четыре человека вместе с длинными крепкими дубинами и шли к берегу против ветра, по возможности осторожно, внимательно озираясь во все стороны. Как только мы усматривали спящего калана, один из нас тихонько отделялся и подползал к животному на четвереньках; другие же тем временем заграждали ему дорогу к морю. Когда калан настолько был уже близок к нам, что его можно было настигнуть одним прыжком, мы разом кидались на него и убивали несколькими ударами по голове. Если же он удирал от нас, прежде чем мы успевали окружить его, то мы пускались вдогонку и загоняли от берега в глубь острова, так что, наконец, как бы скоро и ловко животное ни бегало, оно все-таки утомлялось, и тогда его легко можно было убить. Когда мы нападали на целое стадо каланов,— что случалось нередко,—то каждый охотник выбирал животное, которое было к нему ближе, и дело шло еще успешнее...

Жители Курильских о-вов отправляются весной в легких лодках, на которых сидят по шесть гребцов, одному рулевому и одному стрелку, на 10 и более верст в море. Заметив калана, они начинают изо всех сил гребсти на него, но животное, в свою очередь, удирает от них. Когда лодка приблизится, рулевой и сидящие впереди стрелки пускают в животное стрелы. Если при этом они и не попадают в цель, то все-таки вынуждают нырнуть и потом подкарауливают, когда оно снова покажется на поверхности, чтобы пустить в него новую стрелу. По поднимающимся пузырькам туземцы вполне могут следить за направлением бобра, и рулевой по этому следу направляет лодку. Передний из охотников занимается тем, что вылавливает из воды стрелы, работая при

этом длинным шестом, на конце которого насажены, наподобие щетки, тонкие прутья. Когда преследуемое животное так утомится, что совсем уже не в состоянии нырять, охотники убивают его или стрелой, или, когда оно близко, копьем. Если каланам случится попасть в сети, которыми их также ловят, они приходят в такое отчаяние, что даже начинают грызть друг друга. Иногда они сами себе откусывают ноги с отчаяния, что видят их запутанными...

Ничего не может быть ужаснее, как охотиться за каланами во время ледохода, когда за ними приходится гнаться по плывущим льдам и убивать дубинами. Обыкновенно в это время бывает такая буря и метель, что едва можно держаться на ногах, и все-таки охотники не боятся даже ночью ходить на такую охоту».

В настоящее время этот всюду старательно преследуемый драгоценный пушной зверь сделался не только редок, но крайне боязлив, что страшно затрудняет его ловлю. Пехуэль-Леше, наблюдавший его 30 лет тому назад, на Алеутских островах, рассказывает, что чуткое животное в высшей степени редко подпускает к себе на расстояние выстрела даже спокойно плывущее судно. Не застреленное насмерть животное всегда бесповоротно потеряно, если его нельзя преследовать по горячим следам и в первый момент, когда оно вынырнет, нельзя снова встретить пулями.

Охотятся на каланов и с суши, стараясь подобраться незаметно во время их отдыха, для чего нарочно выбирается бурная погода, чтобы чуткий зверь не догадался о путешествии охотников. А на Атту, самом западном из Алеутских о-вов, для ловли этих животных употребляются особые сети, сажени в 3 длины и $1-1\frac{1}{2}$ ширины; их покрывают водорослями, служащими любимой приманкой морских выдр для отдыха и

игр. Попав в эти сети, бедные животные до того теряются, что даже не делают особых усилий, чтобы вырваться на свободу. Иногда сразу попадают 3—6 выдр.

Многочисленные попытки приручить морскую выдру всегда кончались, по словам Эллиота, неудачей: даже молодые животные отказывались от пищи и добровольно морили себя голодом. По-видимому, это — в высшей степени свободолюбивые животные.

Сем. гиен (Hyaenidae).— Немного животных имеет такую фантастическую историю, как гиены. Еще древние ученые передавали о них самые невероятные вещи, вроде, напр., того, что собаки теряют голос и разум, если на них упадет тень от гиены; что эти хищники изумительно подражают голосу человека, чтобы подманывать к себе жертвы; что они разрывают могилы и похищают трупы, и т. д.

«Тело гиены,— говорит Геснер,— покрыто синими пятнами, придающими ей отвратительный вид; глаза имеют свойство постоянно менять свой цвет; затылок окостенелый, неподвижный, как у волка или льва, в голове же ее заключен драгоценный камень». Другие к этому описанию прибавляют еще, что после смерти животного глаза его превращаются в камни. Хищник редко попадает в руки человека, так как стоит только ему, сделав поворот, упасть на следы охотника, оставленные на земле, как на того нападает глухота и общая расслабленность. Кроме того, гиена способна гипнотизировать чело-

века: она проведет несколько раз правой лапой над спящим человеком, и тот впадает в непробудный сон, так что хищник совершенно спокойно распоряжаться своей беззащитной жертвой.

Эти рассказы сохранились и теперь у некоторых народов. Больше всего им верят арабы. По их убеждению, если человек поест мозга гиены, то непременно сойдет с ума, вследствие чего они стараются как можно глубже закопать голову убитой гиены, чтобы колдуны не могли, отрыв ее, наводить на людей свои злые чары. Некоторые считают даже этих животных за оборотней или злых духов, разгуливающих днем в образе человека, а ночью превращающихся в зверей.

Мой слуга Али советовал ни за что не стрелять в «этих порченных людей, проклятых Богом», по его выражению.

— Верь мне, господин,— говорил мне суеверный араб,— они могут одним взглядом своих дьявольских глаз остановить кровь в жилах человека... Один из наших правителей. Хуршид-паша (благослови его Аллах за это доброе дело!) приказал сжечь несколько деревень, где водились эти оборотни, но все-таки их еще тьма осталась на белом свете во вред правоверным. Хотя Аллах и низвергает их в самую преисподнюю ада, тем не менее, пока они живы, правоверным лучше сходить с их дороги, моля Всевышнего, да избавит Он от злобы этих проклятых. Несчастный Хуршид-паша своей преждевременной смертью заплатил за преследование их. Я сам чуть не попал было в беду, когда вздумал выстрелить в целую кучу их, собравшуюся на трупе верблюда. К счастью, добрый совет одного мудрого шейха вовремя удержал меня от этого необдуманного поступка. «Верьте мне, правоверные,— говорил он,— что вы видите пред собой не хищных зверей, а людей, великих грешников, осужденных за свои грехи на вечные стенания и жалобы.

— Слышите ли, как их голоса напоминают сатанинский хохот?— Так знайте же, что в них действительно смеется дьявол. Много зла они натворили уже! Один юноша убил гиену и за это на другой же день превратился в женщину; с другим было еще хуже: после умерщвления этого злого духа высохли его кости!.. Оставьте же их, братья, в покое!» Мы послушались доброго совета, но я целую ночь слышал вой этих ведьм, словно они ругались. (Да хранит нас Аллах от этих прислужников сатаны!) В самом деле, это— не звери, а настоящие исчадия ада! Послушайся же меня, господин, не тронь их!

Животные, возбуждающие такой ужас у простодушных «детей пустыни», действительно, неказисты на вид, пожалуй, даже безобразны. Туловище у них вытянутое, шея толстая, голова большая, морда некрасивая, кривые передние ноги длиннее задних, на всех конечностях по 4 пальца; уши грубой формы, мало покрытые шерстью; глаза расставлены косо, вечно бегают, страшно блестят и имеют отгаликивающее выражение. Толстая, неподвижная шея, короткий пушистый

хвост, длинная, лохматая шерсть, переходящая на спине в щетину, наконец, сам цвет ее— темный, мрачный,— все это производит неприятное впечатление. Кроме того, гиены принадлежат к ночным животным, обладают отвратительным голосом, каким-то адским хохотом; далее, они страшно прожорливы, жадны, распространяют скверный запах, ходят уродливой, хромающей походкой. В анатомическом отношении у них замечательны: необыкновенное развитие зубов, вытянутых в прямую линию, что придает морде широкий, сплюснутый вид (всех зубов, как у собак и других хищных, 34, по формуле $\frac{3 \cdot 1 \cdot 4 \cdot 1}{3 \cdot 1 \cdot 3 \cdot 1}$), далее, узкая мозговая коробка и крепкие, выдающиеся скулы и гребни; наконец, большие жевательные мышцы, громадные слюнные железы, язык, покрытый роговыми бородавками, и широкий пищеварительный канал.

Гиены водятся почти по всей Африке, за исключением западной, экваториальной части, и по всей Южной Азии до Бенгальского залива, предпочитая открытые местности лесам. Рыщут они целыми стаями, сзывая друг друга своим неблагозвучным голосом, причем у полосатой гиены хриплые звуки чередуются с визгом, пронзительно-крикливые— с глухим ворчаньем; вой же пятнистой гиены представляет собой адский хохот, приводящий в ужас непривычного человека. В поисках добычи эти ночные хищники руководствуются не только обонянием, но и слухом, а также зрением. Прежде всего их привлекает падаль; на живой же скот они, по своей трусости, отваживаются нападать только в случае крайности. Впрочем, последнее, при необычайной прожорливости этих животных, случается нередко, и этим гиены наносят большой вред человеку, так что польза, приносимая ими истреблением падали, меньше их вреда, тем более что падаль еще лучше уничтожают некоторые птицы и насекомые.

Что касается непосредственной опасности гиен для человека, то в этом отношении о полосатой гиене нельзя сказать чего-либо определенного; о пятнистой же гиене известно, что она нападает иногда на детей и беззащитных, слабых взрослых. Но и без того этих животных человек так ненавидит, что старается истребить всеми способами, начиная с капканов и кончая отравой. Между тем, пойманная молодой, гиена быстро приручается и становится вполне домашним животным.

В настоящее время известно 4 вида семейства гиен: три— собственно гиены, образующие 1 род, и другой род, имеющий всего 1 вид, земляной волк, который представляет переходную ступень от гиен к виверрам.

Пятнистая гиена (*Нуаена crocuta*), длиной около 1,3 метра и высотой в плечах около 0,8 м, покрыта серовато-белой, иногда голой шерстью, имеющей на боках и бедрах довольно мелкие темно-бурые пятна; хвост на конце черный. Живет в Африке, начиная от гор мыса Капа до 17° с. ш., почти совершенно вытесняя там,

где она часто случается, полосатую гиену. По своей величине и силе она возбуждает больший страх, чем другие гиены, и все фантастические сказания об оборотнях относятся прежде всего к ней. Арабы называют ее Марафик. По словам их, пятнистая гиена часто нападает на усталых и спящих людей. То же самое говорят и

абиссинцы, хотя в то же время прибавляют, что только голод толкает на это обыкновенно трусливых животных.

В Капской колонии этот вид гиен известен под названием **тигрового волка**, часто нападающего, с голода, на людей и скот.

Отталкивающей, неприятной наружности пятнистой гиены соответствует несимпатичный нрав ее: она глупее, злее и свирепее полосатой гиены, хотя, с помощью палки, и ее можно приручить. Впрочем, стоит ли ее и приручать, когда она по целым часам лежит, как колода, на одном месте, потом вдруг вскакивает, глупо озирается кругом, трется о решетку клетки и время от времени издает свой ужасный хохот?!

Гааке отзывается о пятнистой гиене с лучшей стороны.

«Если мой „Петя“ не спит,—говорит он про одну гиену во Франкфуртском зоологическом саду,—то начинает прыгать, махая своим хвостом, как только я приближаюсь к его клетке. Он очень радуется, когда я глажу его и чешу. Любезен он и с другими знакомыми и покорно позволяет переводить себя из одной клетки в другую».

Гиены редко размножаются в неволе, но это, быть может, следует объяснить и трудностью распознавания полов, которое нелегко произвести вследствие злости и упрямства гиен. Мать любит и защищает своих детенышей, только когда они очень малы; потом же оставляет их на произвол судьбы. Да и вообще нрав у этих животных настолько неуживчив, что они часто пожирают одно другого, особенно раненых или убитых.

Береговая гиена, или **береговой волк** (*Нуаена brunnea*), отличается от других видов главным образом обвислой по краям тела шерстью; окраска ее—темно-бурая, ноги беловатые с бурыми полосами; длинные волосы на спине, серовато-белые у основания. Ростом эта гиена меньше пятнистой; живет в Ю. Африке, вероятно, только в западной, пустынной полосе, по берегу океана. По образу жизни она похожа на предыдущую, но главным образом питается падалью, выкинутой волнами (дохлой рыбой и пр.); по характеру она менее зла, чем пятнистая, и не так отвратительно хохочет.

Полосатая гиена (*Нуаена striata*) больше других известна в Европе. Область ее распространения обнимает Сев. и Ю. Африку и Ю.-Зап. Азию до Бенгальского залива. Шерсть ее жестка, щетиниста и довольно длинна, бледно-желтовато-серого цвета, с черными полосами. Длина до 1 метра. Она менее вредна, чем другие гиены, и

потому ее почти нигде не боятся: в местах ее обитания встречается так много падали, что голод редко понуждает ее нападать на живых животных. Образ жизни ее такой же, как и предыдущего вида, только она никогда не бродит большими стаями.

Приручаются эти гиены довольно легко. Будучи в Хартуме, я купил пару молодых щенят за 50 коп. Зверьки были сначала очень дики и при моем приближении фыркали и шипели, а то и старались укусить. Я решил отучить их от этого и, выждав, когда они подросли, стал их бить до тех пор, пока ни одна из них уже не могла ни фыркать, ни ворчать. После этого я поднес через полчаса свою руку к их мордам; одна спокойно обнюхала ее, другая же попробовала укусить и за это снова была сильно избита. На этот раз средство действовало: животное пролежало весь следующий день неподвижно в своем углу, не дотрагиваясь до пищи. Когда я вошел в хлев, отведенный под помещение моим питомцам, уже ни один из них не пытался кусаться. Их злой нрав был таким образом подавлен. Потом только раз пришлось наказать их погружением в воду, что составляет для диких зверей самое действительное средство для укрощения. После ванны обе гиены сделались совсем ручными. Они весело прыгали при виде меня, клали передние лапы мне на плечи, ходили за мной по улицам; во время нашего обеда садились на задние лапы, как собаки, дожидаясь подачи.

Они очень охотно грызли сахар, но ели также хлеб, особенно намоченный в чае, но обычно их пищу составляли собаки, которых мы нарочно стреляли по окрестностям; на Востоке много бродячих собак. Мы их кормили обыкновенно через 2—3 дня, но раз им пришлось поголодать около недели. С какой жадностью бросились они потом на кинутую им мертвую собаку! Они ворчали, хохотали от радости, мгновенно кинувшись на добычу. Несколькими ударами челюсти вскрыли они грудную и брюшную полости, и черные морды их стали с наслаждением рыться во внутренностях. Скоро нельзя уже было различить морды гиены, а заметны были две темные неправильные массы, облепленные кровью и слизью, которые все еще прятались в теле собаки и, напоенные кровью, снова высовывались. В это время они по жадности нисколько не уступали пернатым мародерам—грифам; через полчаса после начала кормления мы обыкновенно находили только череп и хвост собаки, а все остальное, даже ноги, было съедено с кожей, шерстью и костями. Гиены не брезговали никаким мясом, только отказывались от мяса грифов, между тем как сами грифы охотно ели его.

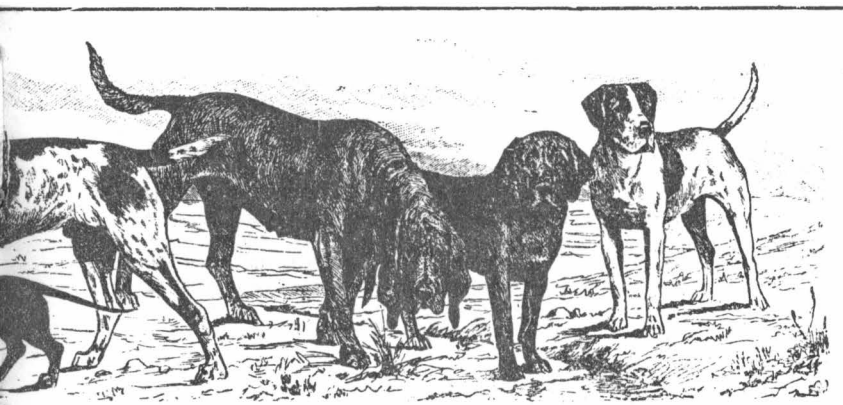

Гиены, нападающие на зебру

Главнейшие породы собак

1. Сеттер. 2. Пудель карликовый. 3. Такса гладкошерстная. 4. Пойнтер. 5. Легава немецкая гладкошерстная. 6. Гончая св. Губерта (блоудхоунд). 7. Ищейка (гончая) ганноверская. 8. Дог немецкий. 9. Дог датский. 10. Гончая английская (фоксхаунд). 11. Водлаз (нюфаундленд). 12. Молосс тибетский. 13. Пудель кудластый. 14. Сенбернар длинношерстный. 14a. Сенбернар короткошерстный. 15. Лайка. 16. Бульдог. 17. Мاستиф. 18. Мопс. 19. Овчарка. 20. Шпиц. 21. Левретка. 22. Борзая хортая. 23. Борзая псовая. 24. Пинчер гладкий карликовый. 25. Пинчер мохнатый (обезьяна-пинчер)

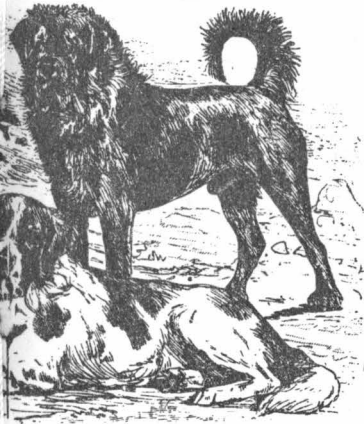

6

10

12

17

14

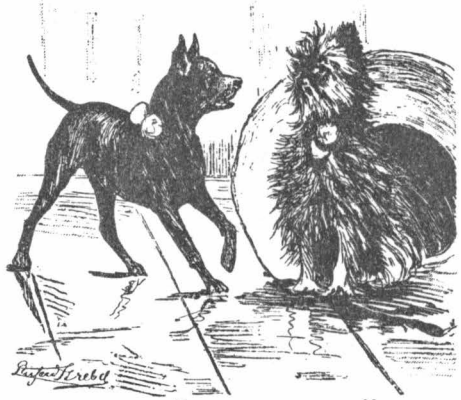

18

16

22

24

25

Robert H. Hobbs

Между собой мои пленницы жили дружно. Вторым родом семейства гиен следует считать **земляного волка**, или **протела** (*Proteles lalandii*). Это — еще малоизвестное животное, величиной до 1,1 метра, похожее по внешности на полосатую гиену, только уши у него больше, а на передних лапах есть короткий пятый палец, как у некоторых собак. Коренные зубы его отделены большими промежутками друг от друга и снабжены лишь небольшими, острыми бугор-

ками; резцы, как у гиен, образуют длинный прямой ряд. Кости тоньше, чем у гиен. мех — бледно-желтоватого цвета с поперечными полосами на боках тела; голова черная с желтоватыми пятнами; грива на спине черная. Живет земляной волк в норах, вроде лисьих, в Ю. Африке, особенно на западе до Бенгуэлы; питается маленькими ягнятами, изредка нападая и на взрослую овцу, у которой он, впрочем, отъедает лишь жирный курдюк.

Пятое семейство образуют **собаки** (*Canidae*). По величине представители его не достигают размеров кошек и потому уступают им как по силе, так и по свирепости. Телосложение у них большей частью тощее, голова небольшая, с острой мордой, нос тупой и выдающийся, шея довольно слабая, ноги тонкие, высокие, с небольшими лапами; хвост довольно короткий, часто покрыт длинными волосами. Глаза довольно большие. Уши острее и больше кошачьих. Зубная система полная: от 34 до 48 зубов, причем клыки длинные, тонкие и острые, на конце немного загнутые; ложнокоренные зубы с бугорками менее острыми, чем у кошек, а настоящие коренные, служащие для размельчения пищи, с тупыми бугорками. Грудная клетка образуется 13 парами ребер; в хребте — 20 грудных и поясничных позвонков, 3 крестцовых и 18—22 хвостовых. Ключицы малоразвиты, лопатки узкие, таз большой. Пищевой канал оканчивается круглым желудком; собственно кишки в 4—7 раз длиннее тела.

Вся организация собак показывает, что они могут питаться не только мясной пищей; поэтому они не так и свирепы, как кошки; напротив, больше добродушны. Местом обитания им служат большей частью уединенные пустыни, а также горы, большие леса и степи, где одни из них ведут ночной образ жизни, другие — полуночной, а третьи охотятся только днем. Одни представители семейства постоянно странствуют, исключая времени воспитания детенышей, другие — живут в норах, в земле. Охотятся собаки, большей частью собираясь в большие стаи.

Относительно способов передвижения собаки уступают кошкам, так как не могут ни лазать, ни прыгать так высоко, как те. Но зато они — неутомимые бегуны и часто отличные пловцы.

Внешние чувства у собак развиты превосходно, а их душевные способности ставят, по крайней мере некоторые виды, впереди всех животных. Они веселы, резвы, мужественны, хотя иногда хитры и коварны, а одомашненные виды представляют настоящих «друзей человека», неподкупных, честных, беззаветно преданных.

Пища собак в высшей степени разнообразна: они едят все, начиная с самых разнообразных животных и кончая плодами, корнями, медом, травой, даже человеческими экскрементами, но больше всего любят мясо млекопитающих и птиц, притом уже дохлых. Некоторые из них — довольно прожорливы, но все же не так кровожадны, как кошки.

Плодовитость их—больше, нежели у кошек: обыкновенно собаки рожают 4—9 щенят, а некоторые виды до 22. Семья живет дружно, хотя случается (у волков и лисиц), что отец пожирает свое потомство.

С точки зрения отношения к человеку, крупные виды нужно признать довольно вредными, исключая, конечно, полезных домашних собак, мелкие же виды, поедающие вредных грызунов, падаль и т. п., без сомнения, полезны.

Семейство собак разделяют на три обширных рода. К первому относят собственно **собак** (*Canis*), с круглым зрачком и коротким хвостом; ко второму роду—**лисиц** (*Vulpes*), с щелеобразным зрачком и длинным, пушистым хвостом и к третьему—**длинноухих собак** (*Otocyon*), с большими ушами и очень большим числом коренных зубов.

Обозрение собственно собак мы начнем с **волка** (*Canis lupus*), ближайшего родича и, может быть, прародителя домашней собаки.

По внешности волк напоминает поджарую, высоконогую собаку и отличается от обыкновенных собак, по выражению Линнея, только хвостом: у волка он опущен, а у собаки поднят кверху. Цвет шерсти—чало-сери-желтый с примесью черных волос; летом шерсть становится рыжей, а зимой—желтеет. Кроме того, встречаются пепельно-серые и черные волки. Размеры—1,6 м длины, причем 45 см занимает хвост, высота—85 см; вес крупных экземпляров—до 50 кг. (3 пуда с лишком).

По характеру волк—настоящий хищник, и вследствие этого к нему везде питают самую горячую, неутолимую ненависть. «Волк—эмблема разбойника наших обществ, волк—бич собственности»,—говорит Туссенель. Нигде этому животному нет другого названия, как душегуб, кровопийца, грабитель и т. п., как будто, в самом деле, это чудовище, достойное одних проклятий. Все забывают, по-видимому, что волк—близкий родич нашего вернейшего друга и спутника—собаки и сходен с ней по внешнему виду, будучи похож на нее и по характеру, а также по уму.

Можно с уверенностью сказать, что волк обладает всеми свойствами и страстями собаки. Подобно собаке, он умен, хитер, при случае мужествен и храбр, только не безрассуден, как собака. При охоте у него является горячность и пыл настоящей охотничьей собаки. Наконец, мы не преувеличим, если заметим, что он жестокосерд и кровожаден не больше, чем всякая собака, предоставленная собственному благоусмотрению. Но волк—еще не усмирненное животное, а собака с незапамятных времен—покорный раб человека. В этом единственно и кроется причина различия между двумя близкими родичами.

Издавна принужденный встать во враждебные отношения к человеку и его свите—одомашненным животным, да и вообще ко всем животным, волк развил в себе драгоценные качества охотника: необыкновенную выносливость и неутомимость в преследовании, замечательную тонкость слуха, обоняния и зрения, способность к наблюдениям, сообразительность, ловкость и осторожность.

Рассказывают, что на Верхнем озере (в Северной Америке) волки караулят рыболовов, когда те устанавливают удочки для форели. Как только люди уйдут, волки направляются прямо к прорубям, берут в зубы палки, к которым привязаны бечевки с удами, и бегут с ними по льду, пока не вытащат из воды приманки, затем возвращаются и спокойно съедают приманку, а если попадется рыба, то и рыбу. Нужно заметить, что в Верхнем озере водится очень крупная форель, и приманка бывает соразмерной величины.

Когда добычи становится мало, особенно зимой, волки, словно сознавая всю выгодность кооперативного труда, соединяются в стаи для совместной охоты. Стая идет, обыкновенно растянувшись в длинную колонну, причем каждый волк старается не только идти в один ряд, но и попасть в след предшественника. Оттого определить число членов стаи бывает иногда затруднительно и для опытного охотника. В случае нужды стая быстро рассыпается, словно по команде, занимая определенные места.

У Ромэнса рассказывается, как один охотник увидел двух волков, из которых один прилег во рву, а другой пошел по открытой равнине, где в это время паслось стадо антилоп. Волк—явно нарочно—обогнул стадо, вспугнул его и погнал, точно как овчарка гонит стадо овец, прямо к тому месту, где сидел его товарищ. Когда антилопы перебежали через ров, сидевший в засаде волк выскочил и схватил одно животное. После этого к нему присоединился и союзник для дележа добычи.

Некто г-н Рикс пишет, что ньюфаундлендские волки, охотясь зимой за оленями, прибегают к следующей уловке. Одна часть стаи прячется в нескольких местах лесных оленьих троп с подветренной стороны, а два-три волка обходят стадо оленей с наветренной стороны. Спасаясь бегством от хищников, стадо непременно кидается по одной из привычных троп, и редко случается, чтобы волки не выхватили из стада какую-нибудь лань или молодого оленя.

Той же уловкой волки пользуются и для того, чтобы освободиться от некоторых слишком бдительных сторожевых собак. Туссенель передает, что ему не раз случалось видеть, как 3—4 больших волка сговаривались умертвить овчарку, стеснявшую их своей бдительностью. Поймав бедную собаку, они яростно разрывали ее по клочкам и разбрасывали куски по разным местам, чтобы они служили устрашающим примером. Очевидно, на это убийство их подстрекал не голод, а чувство мести, так как разбойники и не дотрагивались до мяса жертвы.

По природе волк далеко не такой хищник, каким его считают; он может питаться самой простой пищей: лягушками, насекомыми, даже плодами и ягодами, а в случае крайности довольствуется даже древесными почками, лишаями и мхом. От мяса, впрочем, он никогда не отказывается, но осторожность заставляет его быть умеренным в своих вожделениях: он нападает,

в большинстве случаев, на безоружную против него дичь, напр., на гусей, зайцев, овец и т.п. Только вынужденный крайним голодом, он кидается на больших животных, причем обнаруживает всю хитрость, а часто и дерзкую наглость лисицы. Завидев, напр., стадо коров, он приближается к нему ползком, крадучись и постоянно нюхая воздух, затем, подползши на близкое расстояние, внезапно прыгает, хватая добычу за горло и валит на землю. Если

Обыкновенный волк (*Canis lupus*)

же добыча ускользнула от его зубов и ему приходится преследовать ее, то он приходит в неистовство, забывает всякую осторожность, рвет и режет всех встречаемых. Тогда попадает и ему от сильных врагов. Если он нападает, напр., на табун лошадей, то жеребцы прямо схватываются с ним, сбивают с ног передними копытами или же разрывают зубами; быки употребляют против него свои страшные рога, а кабаны с успехом защищаются клыками. Только горячностью и охотничьей отвагой можно объяснить нападение обыкновенно рассудительного волка на этих сильных животных.

Иное дело с беззащитными овцами. Здесь, если нет собак и пастухов, волк—полный господин, хотя и эти смиренные животные прибегают к некоторой защите. По словам Коля, если волк выхватит из стада овцу, то прочие в испуге отбегают на какую-нибудь сотню шагов, тесно прижимаются друг к другу и с глупейшими физиономиями стоят и ждут, пока волку не заблагорассудится утащить еще одну. Тогда они снова отбегают, опять останавливаются и ждут. А волк, возбужденный охотничьим пылом, снова бросается на них. Таким образом, бывало, два-три волка резывали стадо в 30—40 голов, пока пастухи или собаки не прекращали этой оригинальной волчьей охоты.

Такое хозяйничанье волка по отношению к домашним животным вызывает к нему заклятую ненависть человека. Волк и человек стали непримиримыми врагами, и нет такого истребительного средства, какого бы не употребляли против серых хищников. Ружья, рогатины, сети, ямы, капканы, яды—все считается дозволенным по отношению к волку.

Но осмотрительные и подозрительные волки не так-то легко попадают в просак. Капканы и ямы они обходят с величайшей осторожностью и ухитряются съесть приманку, оставшись целыми. Если же капкан защемит ногу, то волк не поколеблется даже отгрызть ее, чтобы ускакать на трех ногах. Яд тоже редко достигает цели. Обыкновенно употребляют стрихнин, который в небольших дозах всовывают под кожу какого-нибудь убитого животного, например, овцы. Действие яда ужасное: уже через несколько минут члены отказываются служить, страшные судороги приковывают волка к земле, голова судорожно запрокидывается навзничь, пасть широко раскрывается,—и животное в мучениях умирает. Но только сильный голод заставит волка броситься на падаль, да и то страшный вид смерти товарища заставляет остальных волков немедленно бежать от опасной добычи. Точно так же, говорят, достаточно одному-двум волкам попасть в капкан или яму, чтобы другие волки далеко обегали опасные места.

Впрочем, страшный, мучительный голод часто лишает волка всякой сообразительности, и он очертя голову бросается на явную опасность, очевидно сознавая безвыходность своего положения.

Вообще голодные волки крайне опасны, и не дай Бог встретиться с ними, особенно зимой, во время справления так называемых «волчьих свадеб». Встреча с такой «свадьбой»—верная смерть.

Пользуясь собранием волков во время их «свадеб», многие храбрые охотники отправляются на охоту с поросенком. Поросенка, завернувши в кошму, привязывают на веревке за санями и волочат сзади. Понятно, бедное животное начинает неистово визжать; на его крик сбегаются волки и попадают под пули охотников. Но эта охота очень опасна: не раз, бывало, волки одолевали и охотников и лошадей, от которых оставались одни кости.

Голодные волки вообще безумно храбры: они среди белого дня кидаются в деревню и рвут, что попадется.

Ловкий, осторожный, хладнокровный в минуты опасности и подозрительный волк не дает себя обмануть охотнику, и потому охота за ним нелегка. Мы уже имели случай заметить, как трудно поймать волка на падаль или в капкан. Так же неудачна бывает и облава. Не раз приходилось видеть, как волки во время облавы, вместо того чтобы бежать от крика загонщиков, хладнокровно проходили мимо них, как будто были уверены, что, несмотря на шум и крики, загонщики безопаснее для них, чем тихо стоящие в цепи, но зато вооруженные охотники.

Едиственный, наиболее действенный род охоты на волка—это верхом, с собаками, которые легко отыскивают «серого» и гонят его к охотникам. Но он применим только в широкой степи, которая не дает волку скрыться. И здесь сначала волк, благодаря своим крепким жилистым ногам, далеко опережает своих преследователей, но уже часа через два выбивается из сил. Из раскрытой пасти клочьями валится пена, высунутый язык отвисает, словно плеть, шерсть всклокочивается... Шатаясь от усталости, он делает еще несколько шагов, но ноги отказываются, наконец, служить; напрасно он делает последние усилия—преследователи настигают его. Смертельный страх выражается в его измученной фигуре, он уже не думает и обороняться, а только сопит и стонет, вращая белками глаз и щелкая зубами... Наконец, пуля прекращает его жизнь, а иногда и просто удар арапником по переносице.

В лесной полосе России применяют другие способы охоты—или с поросенком, или на падаль.

В лес затаскивается какое-нибудь умершее животное, напр., лошадь, затем охотники, под вечер, отправляются сюда, влезают на деревья или же строят мостки и оттуда открывают губительный огонь по голодным, сбегавшимся на падаль волкам. Этот способ охоты особенно применим зимой, так как летом осторожный волк не скоро подойдет к падали.

Наконец, на Крайнем Севере, в тундрах, за волками охотятся на лыжах. Для этого выбирают мокрую погоду, когда снег становится мягким и, стало быть, плохо поддерживает волка, который проваливается по самый живот. Между тем охотник, вооруженный одним ножом, насаженным на длинную палку, отлично скользит на своих лыжах по мокрому снегу и легко настигает зверя.

Охотясь на волка, человек считает его одним из самых вредных хищников, которого позволительно истреблять всеми мерами. И нет сомнения, он добьется своей

цели: уже теперь в некоторых странах, напр., Англии и Германии, волк совершенно истреблен. В настоящее время он оседло живет, кроме значительной части Азии, только на севере и юге Европы. Часто он встречается в Лапландии, Финляндии, России и дунайских странах, нередко—в Швеции и Норвегии, Польше и Венгрии. Кроме того, близкий родственник его населяет почти всю Северную Америку.

Однако, несмотря на все свои хищнические наклонности, навлекшие на него непримиримую ненависть людей, несмотря на свой свободолюбивый нрав, и волк способен к приручению.

Один знаменитый охотник из Дордонны владел черной волчицей, взятой им из логовища еще маленькой и воспитанной среди собак. Это было прелестное, живое, игривое животное. С ранних пор она пристрастилась к охоте, и травля зайца сделалась ее любимым занятием, где она выказывала много замечательной тонкости и лукавства. Она отлично отыскивала по следам и волков, но всегда отказывалась преследовать их, не скрывая своего крайнего отвращения к преследованию своих несчастных собратьев. Единственным пороком ее была пагубная страсть к баранине, и ни дружеские увещания, ни плети не могли отучить ее. В конце концов хозяин был вынужден отдать ее другому.

Несколько лет тому назад в Венском зоологическом саду жила одна волчица, которая принесла детенышей от домашней собаки. Она любила их со всей трогательной нежностью, какую только собака питает к своему потомству. Она позволяла сторожу приходить в клетку и уносить детенышей, но всегда с беспокойством ждала их возвращения.

Кювье рассказывает о волке, воспитанном одним господином, который, уезжая куда-то, подарил его Парижскому зоологическому саду. Здесь волк несколько дней был совершенно безутешен, ел мало и выказывал крайнее равнодушие к своему сторожу. Наконец, он стал привыкать и, казалось, забыл уже про прежнего хозяина. Но вот

последний после полуторалетнего отсутствия возвращается в Париж и посещает своего бывшего питомца. Едва он явился в зверинец, как волк узнал его голос среди шума огромной гулявшей толпы и, будучи выпущен из клетки, со знаками бурной радости бросился к господину, нежно лизал лицо, визжал—словом, не помнил себя от радости. Когда же господин его уехал опять, он заболел с горя и, выздоровев, сделался нелюдимым.

В одном из шведских журналов помещен подобный же рассказ г-жи К. Бедуар. «Волк, с детства воспитанный нами, до того привык к нам, что ни на шаг не покидал нас: когда мы выходили из дома, он бежал с нами; когда мы садились отдыхать, он ложился подле и никого не подпускал близко к нам, иначе ворчал и оскаливал зубы. Когда я бранила его за это, он успокаивался и начинал лизать мне руки, но не сводил глаз с приближающегося человека. Особенно он любил детей, играть и возиться с которыми было его любимой забавой. К несчастью, когда он подрост, то, должно быть, вспомнил родину и стал ужасно выть по ночам, так что пришлось застрелить его».

Не ясно ли из этих примеров, что бедный, всеми ненавидимый и проклинаемый зверь достоин лучшего мнения?!

Нашего волка (*Canis lupus*) заменяет в Сев. Америке **чанчо**, **камышовый**, или **буланный**, **волк** (*Canis occidentalis*). Он больше нашего, морда его толще и тупее, уши короче и острее; шерсть гуще, длиннее и мягче; окраска ее разнообразна, от желтовато-белого и булано-рыжего до черного. Этот вид по характеру во всем похож на своего восточного родича.

Напротив, **индийский волк**, **бигана**, **баггар**, **лануга**, живущий в Индостане, меньше нашего; а по окраске—более бурый. Во время своих охот он обнаруживает такую же хитрость, нахальство и—порой—трусость, как и наш «серый». Говорят, волки эти часто похищают детей и потом вскармливают их; Блэнфорд уверяет, что эти несчастные делались потом идиотами.

Меньше нашего, но также похож на него, и **африканский волк**, или **волк-шакал**, живущий в Сев.-В. Африке. мех его—темно-бурый; на широкой остромордой голове торчат широкие у основания и очень острые на конце уши.

В Абиссинии встречается другой вид—**каберу**, **вальке**, **бохарие** (*C. simensis*), с тонким, поджарым, как у гончей собаки, туловищем, длинной головой и вытянутым носом и длинным пушистым хвостом. По росту он равен большой овчарке.

Голова, спина и бока—буровато-рыжие, грудь и брюхо—белые.

Полосатый волк (*Canis adustus*) ростом меньше предыдущих, является переходной ступенью от волка к шакалу. Туловище его длиной в 1,1 м, а выс. в 45 см, вытянутое, острая морда похожа на лисью, глаза—с продолговато-круглым зрачком, поставлены косо; расставленные друг от друга уши по длине равняются третьей части головы; не очень пушистый хвост достигает до земли. Общая окраска шерсти—буровато-светло-серая, на горле и животе светло-желтая; лапы ярко-ржаво-рыжие. Полосатый волк распространен почти по всей Африке, до земли кафров на юге. По словам Пехуэль-Леше, эти очень живые, ловкие животные имеют такое же хитрое выражение морды, как и наша лиса. Вечером и утром они бродят по луговым степям, отдельно или парами, в поисках пищи, которой служат и мелкие зверьки, и падаль, и жирные плоды масличной пальмы. Протяжный и довольно пронзительный лай их слышен во всякое время года.

К неволе полосатый волк привыкает довольно скоро. Живший у Пехуэль-Леше сделался таким ручным и добродушным, что его можно было оставлять на свободе. Он не только бегал по двору, но и рыскал по окрестным полям и лесам и кустарникам, ловя жуков, кузнечиков, мелких млекопитающих и птиц, только, к сожалению, не трогал крыс. К знакомым людям он выказывал очевидную симпатию, катался у их ног с радостным визжанием, доверчиво смотрел в глаза, но редко вилял хвостом и никогда не лизал рук, как собака. Мбулу, как звали это животное, был очень чистоплотен, не любил ходить по грязи и отряхивался от воды, как это делают кошки. С домашними животными он жил в мире, хотя и не принимал участия в их играх. К сожалению, это милое животное не вынесло европейского климата и по приезде в Берлин скоро околело.

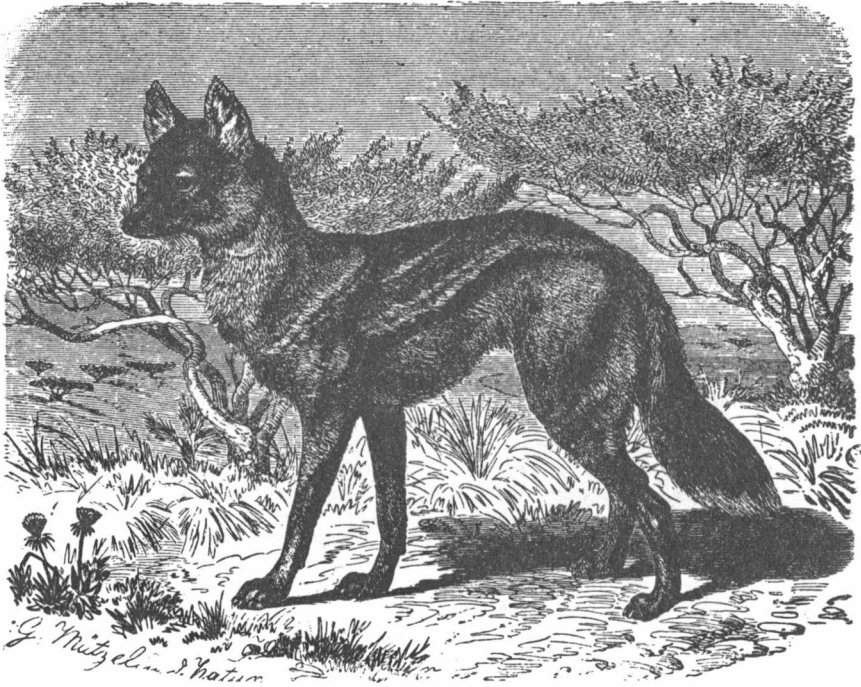
Шакал (*Canis aureus*), о котором упоминается еще в Библии под именем лисицы в истории о Самсоне, сжегшем жатву филистимлян посредством этого животного, получил название от персидского слова «сигал», переделанного турками в «шикал», а русскими на Кавказе в «чекалка». Арабы называют его «диэб», индусы—«гидар», «фиал», «нари» и пр. Это животное хорошо известно жителям Востока и в народной литературе у них играет такую же роль, как у нас лиса. Туловище у него (длиной до 80 м, а высотой до 50) стройное, ноги высокие, уши короткие, светло-бурые, глаза с круглым зрачком, жесткая шерсть довольно

неопределенной окраски, основной цвет ее серовато-желтый, на спине и на боках — черный; живот и горло желтовато-белые. Водится шакал на западе и северо-западе Азии, на севере Африки и на Балканском полуострове Европы.

По образу жизни шакал занимает среднее место между волком и лисицей, но более походит на первого. Днем он прячется, а вечером выходит на добычу, громким,

Теннент говорит, что, умертвив какую-нибудь дичь, шакал утаскивает ее в укромное место, но пожирает только тогда, когда убедится, осмотрев окрестности, что другой хищник не может отнять у него добычи.

На черепе некоторых шакалов встречается иногда покрытый длинным пучком волос костяной нарост, так называемый «шакалов рог», которому индусы и синга-

Полосатый волк (*Canis adustus*)

жалобным голосом сзывая товарищей. Стаи шакалов очень нахальны и часто врываются не только в деревни, но и в города, пожирая не только все съедобное, но и воруют из дворов и домов всевозможные несъедобные вещи, что попадет: страсть к воровству у них развита так же сильно, как и прозорливость. Они умерщвляют кур с кровожадностью нуницы, загрызают ягнят и коз, а при случае нападают и на коров; кроме того, они грабят плодовые сады и виноградники, а в Индии — плантации кофе и сахарного тростника; на морском же берегу шакал питается мертвой рыбой, моллюсками и прочими животными.

лезцы приписывают чудодейственную силу, говорят, что обладатель этого талисмана получает исполнение всех своих желаний. Далее, в Индии утверждают, что в присутствии тигра или леопарда шакалы издают особый крик. Индусы уверены, что своим криком шакалы ведут крупных хищников к добыче; на самом же деле более вероятно, что они предупреждают своих же товарищей о грозящей опасности, так как голодный тигр или леопард не задумаются сожрать их. По мнению более достоверных наблюдателей, голодные шакалы, скорее следуют за тиграми в надежде воспользоваться остатками их добычи.

Весной самка шакала родит 5—8 детенышей, которых потом учит своему ремеслу, подобно волкам и лисицам. Через два месяца молодые шакалы начинают странствовать с матерью в поисках добычи. К неволе шакалы привыкают очень легко, особенно молодые. Они привязаны к своему господину, ласкаются к нему и ходят за ним, как домашняя собака. Подобно волкам и собакам, шакалы подвержены страшной болезни — бешенству; тогда они врываются в деревни и там кусают людей.

Похож на обыкновенного, но только ниже его, **чепрачный шакал** (*C. mesomelas*). Голова его, вроде лисьей, снабжена очень большими ушами, кверху заостренными. Большие коричневые глаза имеют круглый зрачок, густая, мягкая шерсть, желтовато, или рыжевато-серая, а внизу желтовато-белая, переходит на спине в черный чепрак, от которого это животное и получило свое название. Водится этот вид в Южной Африке и частью в Западной, где охотятся, чаще ночью, за зайцами и степными куропатками, не брезгуя, впрочем, и другой живностью, а также падалью; в Судане же он объедает курдюки у овец. В Африке никому не приходит в голову приручить этого шакала, между тем по своей природе это милостивое животное очень добродушно и скоро привыкает к человеку.

Обращаясь к американским видам этих собак, нужно прежде всего упомянуть о двух видах — **красном волке** и **луговым волке**, имеющих очень длинную голову, с тонкой мордой, и короткий хвост.

Красный, или гривистый, волк (*C. jubatus*), также гуар, похож на нашего волка, но имеет более уродливый вид: туловище его (до 1,3 м длины) кажется несоответственно коротким, а ноги — безобразно длинными. Довольно короткая вообще шерсть образует на спине длинную гриву коричневого цвета. Живет он в Южной Африке, но держится далеко от человеческих жилищ и потому редко попадает на глаза охотнику; образ жизни его малоизвестен.

Более знаком нам второй вид — **луговой волк, или койот** (*C. latrans*), занимающий средину между волком и лисцей. Коренастое туловище его (до 1,4 м длины) покрыто длинным густым мехом грязно-желтоватого цвета, переходящего местами в черноватый. Луговой волк распространен в Северной Америке, особенно около Миссури, в Калифорнии и Колумбии. По образу жизни он походит на наших волков и также охотится стаями за крупными животными; что касается жизни его в неволе, то, судя по бывшему у меня экземпляру, койоты

во всем похожи на домашних собак. Мой пленник при виде своих знакомых прыгал от радости, виляя хвостом и подходил, чтобы его поласкали, однако никогда не лизал руки, а только обнюхивал их. Когда его оставляли одного, он скучал и начинал жалобно выть. Пищу он ел всякую, но, конечно, предпочитал живность. Когда ему давали так много пищи, что он не мог разом съесть ее, он зарывал ее остатки в углу своей клетки и старательно оберегал их от всяких поползновений со стороны своих сожителей, которых он вообще сторонился. Услыша музыку, он начинал выть, впрочем, не так сильно, как собака. У него была удивительная память, и он не забывал ни обид, ни ласк; меня он всегда узнавал издали.

Самым низким представителем волков в северном полушарии является **виверровая, или енотовая, собака** (*C. procyonides*). Она по виду напоминает более кунницу, чем собаку. Удлиненное тело ее покоится на слабых, низких ногах, голова коротка, узка, морда острая, хвост очень короткий и пушистый, уши также короткие, широкие, почти спрятанные в густом мехе; цвет шерсти бурый, разных оттенков. Этот вид встречается по всей умеренной полосе Восточной Азии, в Уссурийском крае по берегам рек и озер, в которых это животное ловит рыбу. Добычей его служат также и мыши. При ходьбе виверровая собака переваливается из стороны в сторону и чаще движется прыжками, нежели рысью. Голос ее состоит из тихого мяуканья, а в гневе она своеобразно визжит. Днем она очень пуглива, а ночью храбро защищается.

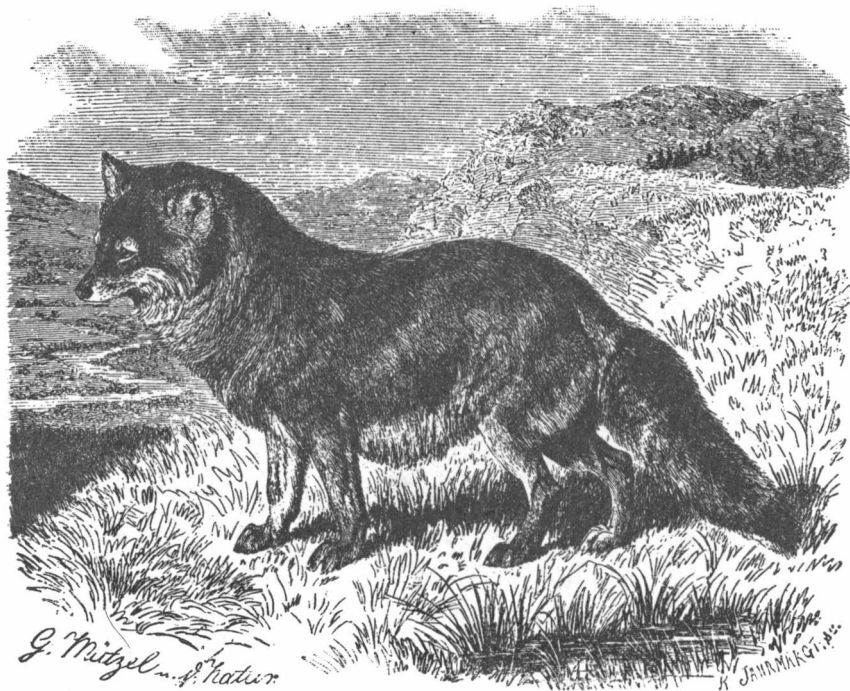
Самыми последними представителями волков считаются некоторые южноамериканские животные, похожие на виверровую собаку и имеющие иногда до 46 зубов. К ним принадлежит **майконг**, называемый также **саванной собакой** (*C. concolor*), стройное животное (длиной до 65 см, а высот. до 55), похожее на шакала, с длинными ногами и короткой, широкой головой с тупой мордой; глаза красно-бурого цвета с овальным зрачком; шерсть рыжевато-серая, на спине темнее. Майконг водится в Южной Африке. «Любимым местопребыванием этого умного и хитрого животного, — говорит Шомбург, — являются гористые местности, перерезанные лесистыми долинами, и берега рек в саваннах, где он живет и собирается целыми стаями. В открытых местностях майконги выслеживают свою добычу более глазами, нежели носом; в лесу же, наоборот, бегут по следам добычи, сопровождая охоту громким лаем». К неволе майконги привыкают быстро; от скрещивания их с домашними собаками про-

исходят отличные охотничьи собаки, которыми очень дорожат туземцы.

Другие представители низко стоящих южноамериканских собак является **агуарачай**, или **бразильская лисица** (*Canis vetulus*), которую можно считать переходной формой между шакалами и лисицами; шерсть его частью черная, частью серых тонов, и на ней резко выделяется белое пятно на морде и светло-желтое кольцо вокруг глаз. «Мне случилось во время путе-

не удавалось поймать утки». Кроме того, агуарачай часто посещает плантации сахарного тростника и, объедая у этого растения корни, часто причиняет хозяевам вред.

Пойманные молодыми, агуарачаи довольно быстро ручнеют, но неволя мало изменяет их образ жизни: они спят большую часть дня, а с наступлением ночи выбегают из дому, охотясь, подобно своим диким родичам, в лесу и по полям или таская домашних птиц по соседним дворам. К

Луговой волк (*Canis latrans*)

шествия,—пишет Ренггер,—иногда наблюдать это животное при лунном свете. Если случилось ночевать около хижины, где держали уток, то агуарачай едва слышно крался вдоль забора или по траве, затем внезапно кидался на одну из уток, схватывал ее за шею так, что она не могла и вскрикнуть, и быстро удалялся со своей добычей в укромное место, где и пожирал ее. Если во время набега какой-нибудь шум пугал его, он быстро спасался в самую чащу кустарника и появлялся оттуда только спустя некоторое время, потом повторял свое нападение уже с другой стороны. Так он подкрадывался раз пять или шесть, пока ему

утру они обыкновенно возвращаются домой. Так, по крайней мере, вели себя агуарачаи Ренггера. «Я часто брал их с собой на охоту вместе со своими собаками,—пишет этот исследователь,—и всегда поражался их тонким чутьем; в этом отношении они превосходили самых чутких собак: агуарачаи никогда не теряют следа дичи, как бы он ни был запутан. Однако, если охота продолжается слишком долго, они убегают домой, не обращая внимания на зов своего хозяина».

Считая агуарачая вредным животным, южные американцы усердно охотятся за ним, хотя ни шкура, ни мясо его не идут в дело.

Гиеновая собака, или пестрый волк (*C. pictus*), принадлежит ко второй группе волков и может назваться красивым животным. Стройное туловище его (до 1,5 м, из которых около 40 см занимает хвост) довольно сильно, голова небольшая, морда тупая, уши большие, широкие и почти голые, глаза имеют круглый зрачок и также довольно велики; на сильных лапах спереди только четыре пальца, между тем как у других собак их бывает пять; хвост средней величины, не очень пуши-

гну, одолевая их своей численностью; иногда также они объедают хвосты у упряжных волов. Охота этих красивых, ловких хищников представляет красивое зрелище. Вот бежит преследуемая ими одна из больших антилоп. Стая собак гонится за ней с лаем, воем, визгом, напоминающим звук колокольчиков. Хищники бегут большими прыжками, галопом, постоянно держась известного порядка; когда устают передние собаки, то их заменяют задние, которые берегли свои силы тем, что бежали кратчай-

Гиеновая собака (*Canis pictus*)

стью, — шерсть короткая, гладкая, окрашенная в смесь белого, черного и буровато-желтого цветов. На этой основной окраске ярко выделяются более темные или более светлые пятна. Гиеновая собака живет в Южной и Средней Африке до экватора. Это настоящее степное животное рыщет днем и ночью в поисках добычи. Некоторые наблюдатели утверждают, что гиеновые собаки смело нападают даже на крупных животных, напр., на львов и пантер; по более же достоверным сведениям, они нападают только на копытных животных, напр., на

шим путем. Таким образом преследователи чередуются, пока обезумевшая антилопа не остановится. Напрасно измученное животное пытается защититься своими рогами, — многочисленные хищники скоро побеждают его и начинают свой кровавый пир. Интересно при этом, что гиеновые собаки поедают только внутренности своей добычи, а остальное бросают.

По всей вероятности, гиеновая собака принадлежит к числу хищников, которых трудно приручить. Из нее могла бы образоваться прекрасная гончая. К неволе эти

собаки довольно быстро привыкают, только часто заболевают чихоткой.

Сайкс описал другую дикую собаку, **колзуна** (*C. dukhulensis*), которую он считает прародителем нашей домашней собаки. По его словам, это животное более похоже

мехом. Это—**адьяг** (*C. rutilans*). Он редко нападает на больших и сильных животных, но зато, по словам Юнгхуна, охотится на своеобразную дичь, именно, на морских черепаха. Хищники хватают этих животных за слабо защищенные панцирем

Адьяг (*Canis rutilans*)

на гончую собаку, нежели на волка или шакала, и имеет только 40 зубов; область распространения его странным образом совпадает с областью распространения тигра; величиной он с не очень большую гончую (до 1 метра). По образу жизни колзун походит на других диких собак; на человека он не нападает и приручается с большим трудом.

На Малакке и Больших Зондских островах встречается другой близкий род, меньше и слабее ростом предыдущего, покрытый рыжевато-желтым или рыжевато-красным

места и соединенными усилиями умеют перевернуть, несмотря на большую величину их; затем, сорвав брюшной щит, они начинают пожирать внутренности и мясо, словно в огромном корыте. Случается иногда, что за этой трапезой их застаёт королевский тигр, властелин лесов. Одним могучим прыжком, со страшным ревом, «царь джунглей» кидается тогда в самую середину адьягов,—и те мгновенно разбегаются во все стороны, издавая отрывистый крик, более похожий на свист, нежели на ворчанье. Следами таких охот адьягов остаются

обыкновенно целые тысячи черепашьих скелетов на берегу моря. Относительно приручения этого вида волков нет никаких определенных указаний.

Третьим видом азиатских собак нужно считать **горного волка** (*C. alpinus*), которого буряты называют **зубри**, а тунгузы **джеркуль** и который водится в Восточной и Средней Азии, между прочим в горах Сибири. Этот вид похож на очень большую овчарку, имеет большую голову с тупой мордой, не очень большие глаза и средние уши, наверху закругленные; хвост длинный, пушистый; шерсть сверху бледно-рыжеватая, снизу — бледно-чалая. В Амурской области охотники очень боятся горного волка, считая

его очень опасным животным. Эти быстрые, ловкие животные часто загоняют оленей и горных баранов; во время преследования собаки отказываются преследовать горных волков и возвращаются назад к хозяину с взъерошенной от страха шерстью. Мех горного волка не имеет цены в России.

Последний вид волков представляет **бразильский лесной волк**, имеющий всего 36 зубов и похожий по внешнему виду, скорее, на кунцу: у него толстая, короткая голова, с широкой мордой, приземистое (до 2 фут. длины) туловище на низких ногах и короткий хвост. Довольно длинная шерсть почти везде бурого цвета, а темная морда напоминает морду росомахи.

Собака.— Что наши домашние собаки не были созданы домашними, а произошли от диких путем приручения их человеком, это теперь не подлежит никакому сомнению. Но когда и где совершилось это, можно сказать, великое событие, с которого начинается новая эра в жизни первобытного человечества,— об этом мы ровно ничего не знаем. История приручения собаки кроется в мраке самой седой древности.

Еще от того времени, когда в Европе водились мамонты, попадают черепа собак с ясными признаками одомашнения; стало быть, доисторический человек эпохи кремневых орудий, бывший современником мамонта, знал собаку уже в виде домашнего животного. До сего времени не найдено никаких остатков, которые можно было бы приписать дикому родичу ее. Откуда она взялась, какие животные были ее предками,— над этой задачей безуспешно трудилась целая плеяда ученых. Одни считают родоначальником ее волка; другие полагают, что в жилах многих нынешних пород течет шакаля кровь; третьи производят собак от одного хищника, живущего в Африке; но всего правдоподобнее кажется предположение, что многочисленные породы собак произошли от помеси волка, шакала, лисицы, а главным образом какого-то неизвестного, вымершего дикого родича, жившего в Старом Свете.

Почти наверное можно сказать, что собака была первым по времени другом человека, т. е. она была первым животным, которое ему удалось приручить. Дикарь отдаленнейших времен, не знавший еще ни одного домашнего животного, мог жить только в лесах тропических стран, где плоды, орехи и ягоды обеспечивали его существование и где на деревьях он мог спастись от хищных зверей. Кроме растительной пищи он добывал себе птичьи яйца, молодых птиц, гадюк, моллюсков и прочую живность, которую можно было промыслить голыми руками или каменной булавой. Жаркий климат его родины давал ему возможность обходиться безо всякой одежды. Из страха перед

крупными хищниками человек со своими каменными орудиями не решался уходить далеко от своей берлоги. Степи, горы, а также леса умеренного пояса, где зимой он не мог ходить в своем природном костюме и где в холодное время пищи было недостаточно, были для него совершенно недоступны. Приручение собаки в корне изменяет быт дикаря. В ней он нашел друга, который по своей привязанности к хозяину, смелости, по своему чутью и силе вскоре сделался незаменимым для первобытного человека. Собака прежде всего была для него надежным защитником от врагов. При первых признаках опасности ему уже не было необходимости взбираться на дерево,—он

всегда мог рассчитывать на помощь своих четвероногих друзей, способных одолеть и крупного хищника; к тому же, при своем остром чутье, собака предупреждала своего хозяина об опасности настолько заблаговременно, что тот успевал принять надлежащие меры, а это было очень важно: никакой самый ловкий хищник, хотя бы барс, не мог застать человека врасплох.

Со своим новым помощником дикарь, вооруженный только кремневыми орудиями, отваживался уходить далеко от своей берлоги и нападать на крупных зверей. Олени, козы, медведи, которые раньше были ему недоступны, при содействии собаки сделались предметом его охоты. Она отыскивала ему дичь, преследовала раненых животных, а в случае неудачи выручала из беды своего хозяина. Словом, благодаря собаке, из оседлого лесника человек превратился в бродячего охотника-зверолова. Подвижный образ жизни расширил умственный кругозор дикаря, из глубины лесов он стал выходить на опушку, новые неизведанные страны открылись перед его боязливым взором, они манили его к себе, и человек проник туда и освоился там с помощью собаки. В горах он приручил диких коз, баранов, и все та же собака защищала его стада от хищных зверей. Спускаясь на зиму со своими стадами к подножью гор, он познакомился со степями. Обилие корма для скота, простор и отсутствие крупных хищников влекли первобытного человека в эти травянистые равнины. Здесь он встретил новых животных оказавшихся пригодными для приручения. Это были дикие родичи ло-

шадей и быков, с одомашнением которых в жизни дикаря началась новая эра. На просторе степи его стада овец, коз и коров быстро размножились; лошади сокращали ему расстояния; все это внесло довольство в жизнь человека, и у него появился досуг, которым он прекрасно воспользовался, придумывая всевозможные улучшения своего простого хозяйства. Он научился делать из глины горшки, ткать из шерсти материи и открыл способ готовить хлеб из семян диких злаков; затем он выучился разводить их искусственно и превратился в земледельца, не оставляя своих прежних друзей — домашних животных. Медленно и постепенно человек покорял стихии, расселялся во все страны и сделался царем земли. Всем этим он больше всего обязан не кому иному, как собаке, так как без нее он долго и бесплодно боролся бы в тщетных попытках выйти из своего глухого тропического леса и на долгое время остался бы дикарем. По справедливому замечанию покойного проф. М. Богданова, «собака вывела человека в люди». Впоследствии, на границе исторического периода, когда собака уже сослужила свою главную службу, человек стал заботиться об улучшении первобытной природы этого животного. Сообразно многообразным потребностям он вырабатывал и разводил самые разнообразные породы собак, — мелких, крупных, собак с превосходным чутьем, с быстрым бегом и проч. Датский дог, болонка, пудель, бульдог могут служить примером, до какой степени разнообразны эти породы.

Разница в складе тела и величине у различных собак настолько велика, что если бы главнейшие породы собак встречались в диком состоянии, мы относили бы их к разным родам животных и каждому из них давали бы особое родовое название. По крайней мере, такса от сен-бернардской собаки или болонка от дога отличаются больше, чем волк от лисицы или шакал от песца. Взгляните, например, на датского дога и стоящую у его ног комнатную собачку. С трудом верится, что это — два животных общего происхождения, одной и той же крови, как все волки, все лисицы и т. д. Сравните, далее, таксу с сен-бернардской собакой: помимо разницы в величине, эти две породы совершенно непохожи друг на друга и по общему складу тела. С одной стороны, вы видите длинное туловище на коротких выгнутых ножках, острую морду и гладкую шерсть, с другой — внушительную фигуру пропорционально сложного животного, с косматой шерстью и длинным, еще более косматым хвостом.

Но как ни разнообразны собаки по складу тела, а еще большее разнообразие существует в их характере, умственных способностях и вообще во всем том, что можно назвать психическим складом животного. Одни породы

злы, другие, наоборот,— добродушны; многие отличаются понятливостью, зато известны и очень тупые породы; одни любят бродить по полям и лесам, другие предпочитают сидеть дома; словом, среди собак можно встретить почти столько же разнообразных характеров, как и среди людей.

Собаки сибирских инородцев и североамериканских полудиких племен, или так называемые полярные собаки (*C. familiaris domesticus borealis*), бесспорно, представляют из себя тип наименее изменившийся и по строению тела и характеру наиболее приближающийся к своим диким родичам. Коренастое туловище, заостренная морда, стоячие уши, косматая, по большей части волчьей масти, шерсть — все это больше напоминает дикого зверя, нежели домашнее животное, да и в нравах этой породы немало дикости. Сохрани Бог, если стая проголодавшихся псов, даже запряженных в нарты, встретит одинокого домашнего оленя! Несмотря ни на седока, ни на кладь, через кусты и кочки бросаются они по направлению к животному и если только по дороге не запутаются в упряжи, то догоняют его и тут же разрывают на куски. И до тех пор, пока остервеневшие псы не наедятся вдосталь, их никакими силами нельзя вернуть к исполнению их обязанности. Если на пути им попадается заяц, они всей стаей бросаются за зайцем; вылетит куропатка — они бросаются и за ней, но в большинстве случаев такие недозволенные охоты ездовых собак кончаются тем, что они перепутываются в постромках и кубарем валятся на землю. Сибирские инородцы по необходимости мирятся с такими нравами своих хищных коней, а иногда даже и пользуются их своеволием. В случае, если собаки устанут, а ездоку надо торопиться, он прибегает к последнему средству. «Заяц!..» — кричит он, и вся стая сломя голову пускается за воображаемой добычей, пока не убедится в обмане. Затем на сцену выступает «куропатка», потом опять «заяц» и т. д., пока изнуренные псы не потеряют всякую способность интересоваться самой заманчивой дичью. Обыкновенно они бегут до последнего издыхания, один за другим падая мертвыми от непомерного утомления. В свободное от работы время сибирские собаки отправляются в лес и, как дикие звери, самостоятельно промышляют себе пищу. По берегам рек они собирают мертвую или ослабевшую вследствие икрометания рыбу, ловят мышей, зайцев, домашних оленей, а при случае, сообщая, целой стаей, затравливают и диких.

Несмотря на такие нравы, эти собаки из всех пород, бесспорно, самые полезные. Как известно, в Сибири и на Крайнем севере Америки они, во-первых, заменяют лошадь, причем запрягаются не только в сани, но и в лодки, далее — доставляют своим хозяевам прочный и теплый мех и, наконец, в случае голодовки служат для инородцев и пищей, так как собачье мясо охотно едят и эскимосы, и почти все сибирские туземцы. До какой сте-

пени необходимы собаки в быту жителей Крайнего Севера, показывает тот факт, что падеж собак нередко сопровождается голодом населения. Во многих местах Сибири в таких случаях жителям на себе приходится возить дрова и, что всего важнее, рыбу, которая в течение долгой зимы составляет их единственную пищу. Весьма естественно, что при этих условиях туземцы не в состоянии приготовить достаточных запасов провизии, да к тому же лишаются и

другого заработка — промысла пушных зверей, невозможного без содействия собак. Когда, во время падежа, одно юкагирское семейство потеряло всех собак, за исключением двух еще слепых щенят, одна мать

семейства кормила их своим молоком, отнимая его у собственного ребенка. Этот случай показывает, насколько дорожат инородцы своими собаками и как они ценят этих животных.

На сибирских собак более всего походят наши обыкновенные **дворняжки** (*C. f. domesticus*), сохранившиеся еще во всей своей первобытной чистоте породы во многих деревнях на всем пространстве России. Из европейских пород ближайшими родственниками дворняжек являются **овчарки** (*C. f. d. pascuarius*) — без всякого сомнения, самая полезная порода после сибирских ездовых собак*.

Известно, что крупное овцеводство, в особенности у нас, в Южной России, где так много волков, совершенно невысмыслимо без овчарки. В Крыму существуют стадовладельцы, содержащие по несколько тысяч этих собак. Несмотря на свой плебейский облик, овчарка принадлежит к наиболее умным породам. Она прекрасно понимает свои нелегкие обязанности, знает характер своего стада и понимает всякое слово пастуха. С коровами она держит себя не так, как в стаде баранов, с быками она менее церемонится, нежели с коровами, а беременных овец она охраняет так же заботливо, как собственных детей. Непокорных животных, отбившихся в сторону, она кусает, но всегда так, чтобы не сделать опасных повреждений, именно за задние ноги; если бык сделает попытку поднять ее на рога, она вцепится ему в морду, но опять-таки больше для внушения; на слабых овец она только лает или в крайнем случае делает вид,

что вот-вот укусит. До какой степени умна бывает овчарка, показывает случай, рассказанный мне одним достоверным наблюдателем. Один пастух очень часто обращал внимание своей собаки на то, чтобы она не пускала стадо на пашню, и она очень хорошо знала, где растет пшеница, где — рожь или ячмень, прекрасно различала даже самые названия этих хлебов. Однажды пастух приказал ей хорошенько посмотреть за полевой репой. Это название растения было совершенно новым для собаки, так что сначала она только удивленно поглядывала на хозяина, точно желая сказать, что она не понимает его. Затем, подумав немного, она, видимо, пришла к определенному решению, так как немедленно побежала осматривать окрестные поля. Найдя полосу, где росло какое-то неизвестное для нее растение, овчарка остановилась здесь, как бы спрашивая, не это ли, дескать, полевая репа? И действительно, она стояла около репы...

Насколько сибирские собаки и европейские овчарки сохранили первобытные черты своих родичей, настолько различные породы **охотничьих**, подружейных **собак** (*C. f. sagax*) представляют из себя тип животных, облагороженных продолжительной культурой и заботливым уходом. Это, так сказать, аристократы собачьего рода. Уже одни длинные, отвислые уши указывают на то, что эти породы с давних пор составляют предмет особого внимания человека. Только долговременным и очень тщательным подбором производителей удалось выработать внутренние свойства этих собак и внешние их особенности, среди которых длинные уши составляют один из главных признаков чистокровности породы. Всех охотничьих подружейных собак, главным образом на основании свойств их шерсти, можно разделить на три группы: **гладкошерстных**, **длинношерстных** и **жесткошерстных**.

* Кроме того, к группе дворовых собак относится и **шпиц** (*C. f. d. pomeranus*) с приземистым и довольно толстым туловищем и острой мордой, похожей немного на лисью; лапы у него короткие, хвост длинный, уши стоячие, острые; шерсть иногда длинная и грубая, иногда — короткая, мягкая, разнообразной окраски. Эта порода поставляет главным образом верных стражей дома.

Немецкий жесткошерстный легаш (*C. f. sagax avicularius*) составляет как бы переход от обыкновенных дворняжек к длинношерстным легавым. Только отвислые уши обнаруживают в нем принадлежность к хорошим культурным породам, весь же склад тела, жесткая растрепанная шерсть и короткий, словно шипаный хвост придают этим собакам какой-то плебейский характер, да и по внутренним свойствам они занимают среднее место между простыми дворняжками и легашами лучших пород. Немецкие жесткошерстные охотничьи собаки очень выносливы,—в этом отношении с ними не сравняются даже легавые водолазы,—но относительно чутья, способности к дрессировке и смысленности немецкая порода оставляет желать очень многого. Правда, эти собаки сносно ищут, но далеко не с таким успехом, как их французские и английские сородичи, причем они руководствуются больше следами и только на близком расстоянии узнают о присутствии дичи по чутью; не ждите от них также и настоящей мертвой стойки, а убитую дичь они если и приносят, то не дают ее в руки охотнику. Даже и при усердной дрессировке нельзя рассчитывать на выдержку этих собак: искушение погнаться за спугнутым зайцем для них совершенно непреодолимо. Все эти недостатки немецких жесткошерстных легашей указывают на то, что по своим внешним и внутренним особенностям эти собаки еще недалеко ушли от своих предков—дворняжек.

К числу **длинношерстных** охотничьих собак принадлежат также водолазы, лучшим представителем когорых, бесспорно, можно считать **Нью-Фаундлендскую собаку** (*C. f. extrarius terrae novae*). Откуда и как появилась эта знаменитая порода в Нью-Фаундленде, достоверно неизвестно; несомненно только, что она происходит от помеси нескольких других пород. По складу тела и огромному росту она напоминает французскую мясничью собаку, которая, как известно, есть нечто иное, как помесь большой борзой и легавой. Во всяком случае, в настоящее время нью-фаундлендская собака представляет вполне определенную породу. Внушительные размеры, косматая, по большей части черного цвета, шерсть, еще более косматый хвост с пучком длинных волос на конце и добродушное выражение морды—вот каков облик этой собаки. Страсть к воде, при необыкновенном искусстве плавать, отвага и сила—таковы внутренние ее качества. Спасение утопающих составляет, так сказать, специальность этого благородного животного. О подобных подвигах нью-фаундлендских собак можно было бы написать целую книгу—до того их много; достаточно сказать, что моряки нередко держат этих собак на судах в расчете на то, что в критическую минуту один добрый нью-фаундленд может спасти весь экипаж. И действительно, бывали примеры, что во время кораблекрушения собака приплывала с судна к берегу с концом каната в зубах и выручала таким образом утопающих. Жители Нью-Фаундленда пользуются также необыкновенной силой этих собак, запрягая их в маленькие тележки, а при случае—травят ими волка.

К сожалению, в чистом виде эта порода поддерживается только на месте ее происхождения; европейские же водолазы по большей части смешанной крови. Одну из таких помесей представляют охотничьи, **легавые водолазы**. В них, впрочем, еще в значительной степени сохранилась кровь их славных родоначальников: та же длинная шерсть, те же склад тела и добродушное выражение морды, тот же солидный, хотя в меньшей степени, рост. Происхождение их сказывается также в искусстве плавать и в пристрастии к воде. На охоте за болотной дичью, например, за утками, которых нередко случается стрелять на глубокой воде, эти собаки положительно незаменимы. Их нисколько не смущает ни дальность расстояния, ни холодная вода, ни густой тростник; лишь бы только водолаз видел, как упала подстреленная птица,—и она будет доставлена охотнику.

По пристрастию к воде водолазом можно было бы назвать и **пуделя** (*C. f. extrarius genuinus*), но это совсем особая по происхождению и складу тела порода. Было бы излишним описывать наружность этой всем известной собаки; заметим только, что хороший пудель должен быть или весь черный, или весь белый. Необыкновенная сообразительность и память составляют постоянные качества этих симпатичных собак. Достаточно взглянуть на их обширный, округленный череп, чтобы а priori сделать верное заключение об их замечательном уме. Действительно, нет собаки, которая так легко выучилась бы самым замысловатым штукам, как пудель. Память его поистине изумительна: ему довольно только один раз видеть местность, и он помнит ее целые годы. Пудель прекрасно различает людей, запоминает, при каких обстоятельствах он встречался с тем или другим лицом, отличает друзей и врагов своего хозяина, знает названия самых разнообразных предметов,—словом, обнаруживает почти человеческую смышленость. Интеллигентность этих собак в особенности сказывается в их необыкновенном добродушии. Пудель не понимает, как можно бросаться на кого бы то ни было без крайней необходимости. Если на него нападет другая собака, он не даст себя в обиду, но никакое науськивание не заставит его напасть на собаку или человека без особо уважительной причины. Удивленными глазами смотрит он в таких случаях на своего хозяина, как бы желая сказать ему, за что, дескать, я буду бросаться. Вообще, чем умнее и лучше пудель, тем менее он годен быть сторожем.

От помеси между пуделем, шпицем и испанской болонкой произошли различные породы наших косматых болонок. Мы не станем распространяться об этих столь любимых дамами собачках, так как они ни в каком смысле не представляют особого интереса. Это в некотором роде вырожденки собачьего рода, как в физическом отношении, так, особенно, в нравственном.

Переход от охотничьих водолазов к гладкошерстным легавым составляет **сеттер**. При складе тела легавой собаки эта порода имеет: длинную шерсть водолаза, от которого, однако, отличается прямым хвостом, с мяг-

кой, волнистой шерстью, свешивающейся вниз. Сеттера довольно охотно идут в воду и вместе с тем обладают многими достоинствами настоящих легавых собак. Они прекрасно ищут, делают стойки, подают дичь в руки охотника и вообще в одинаковой мере годны как для полевой, так и болотной охоты.

Идеалом охотничьей собаки, без всякого сомнения, следует считать настоящих **гладкошерстных легавых собак**. Страсть к охоте развита в них больше, чем у других пород. Будучи охотниками от рождения, они без всякого понуждения и выучки идут в поле. Если легаш вырос у хозяина, не занимающегося охотой, все-таки он до конца дней своих сохраняет в себе врожденную страсть. Стоит ему напасть на место, где держится хоть какая-нибудь дичь,—он начинает делать стойки, как старая опытная собака. Нередко легаша, тоскуя об охоте, уходят в поле одни без хозяина и, поднимая там дичь, до некоторой степени удовлетворяют свои охотничьи инстинкты. Поэтому-то у этих собак чистота породы имеет особенно большое значение: только чистокровный пес может быть страстным охотником от рождения. Длинная и толстая, несколько морщинистая морда, отвислые губы, широкие висячие уши, глаза, направленные вперед, гладкая лоснящаяся шерсть и прямой хвост палкой— вот каков облик настоящих легавых собак. Различные породы их, например, французские, немецкие легаша, цвейноски и проч., отличаются длиной ушей, складом тела, цветом шерсти и строением носа. Страсть к охоте у этих собак развита настолько сильно, что при дрессировке их труднее всего выработать у них выдержку, то есть отучить от попыток бросаться к дичи без разрешения. Горячие собаки при виде подстреленной птицы дрожат от избытка волнения, как в лихорадке; можно себе представить, как велико должно быть для них искушение схватить дичь, но и тут хорошо воспитанные собаки дожидаются, пока не получат приказа хозяина. Сколько надо силы воли и выдержки для того, чтобы удержаться от инстинктивного движения к птице! Надо совершенно переломить свою природу, и собака из послушания к человеку достигает этого.

Можно было бы привести бесчисленное множество примеров необыкновенного ума легавой собаки, но кто их не знает? Кому не известны случаи, когда легаш, привыкший к хорошей стрельбе своего хозяина и попавший в поле с плохим стрелком, бросал его после нескольких промахов? Кто не знает хотя бы нескольких примеров необыкновенной верности этих собак и их почти человеческой сообразительности?! Все это хорошо известно охотникам. Нам кажется нелишним здесь обратить внимание только на одну особенность чистокровных легашей,— особенность, о которой почему-то совсем не распространяются в охотничьей литературе. Страсть к охоте у этих собак носит какой-то особенный, облагороженный, поистине спортивный характер. Легаш любит охоту не из кровожадности, не потому только, что ему доставляет удовольствие задавить птицу или зайца; он любит ее, как спорт. И волк, равно как и всякий хищный зверь, от природы—охотник, может быть, даже в большей степени,

нежели легавая собака, но их охота есть промысел, развивающий кровожадные инстинкты. Плохие породы собак не могут окончательно отрешиться от этого инстинкта, унаследованного от диких родичей. Совсем не то мы видим у легавых собак. В их отношении к охоте и к дичи обнаруживается все благородство их страсти и какая-то особая интеллигентность. Среди охотников немало найдется таких, у которых рука не дрогнет застрелить на охоте какую угодно крупную дичь, хотя бы оленя, но они не в состоянии зарезать курицы. Подобно этим охотникам, и хороший легаш чрезвычайно любовно относится к дичи; он ищет и берет ее только затем, чтобы удовлетворить свою охотничью страсть. Лишь только птица поймана, у него пропадают по отношению к ней всякие кровожадные инстинкты,—остается какая-то особая, чисто охотничья любовь. Известны случаи, когда легавая собака, поймав после очень продолжительной погони подстреленного зайца, начинала искать у него блох, не обнаруживая ни малейшей попытки задавить его.

На гладкошерстных легавых собак по складу тела более всего подходят **гончие** (*C. f. grajus*), которые, однако, отличаются меньшим ростом, низкими ногами и приостренной мордой,—некоторые породы их этими своими особенностями напоминают даже такс. По своим внутренним качествам гончие совершенно негодны для подружейной охоты: специальность их—гон зверя сворой. Они или ловят его, или, по крайней мере, замедляют его бег. Обыкновенно каждую свору приучают к охоте на зверя какой-нибудь одной определенной породы—или только на коз, или исключительно на кабана и т.д. В противном случае собаки, не приспособившиеся ни к какой определенной дичи, гонят зверя менее успешно. Таким путем сложилось несколько пород гончих, из которых оленья собака принадлежит к наиболее крупным. В настоящее время эта порода почти вывелась, так как сами дикие олени исчезли почти всюду в Европе. При хорошем чутье олени гончие отличались замечательной быстротой бега; в этом отношении они мало уступали борзым, которые вместе с кровяной собакой и были, по-видимому, родоначальниками оленьих собак.

Из английских пород гончих более других распространены **лисьи собаки** (*C. f. sagax vulpiscarpus*). Эта порода, несмотря на короткие ноги, славится не по росту быстрым бегом. Вместе с тем лисьи гончие очень умны, обладают тонким чутьем и какой-то безрассудной храбростью. В них как бы сосредоточиваются качества многих собак, что весьма естественно, так как лисья гончая получена от смешения очень разнообразных пород.

Ищейка представляет из себя самую мелкую породу гончих. Своими очень короткими ножками и маленьким ростом она несколько напоминает таксу и составляет как бы переход к этой породе. Трудно поверить, чтобы коротконожка-ищейка могла быстро бегать; между тем она очень успешно ловит зайцев. Хотя в отношении проворства она и уступает борзым, но зато превосходит их умом, тонким чутьем и ловкостью; ищейка лучше борзой преду-

сматривает все увертки и прыжки зайца, она не позволяет ему провести себя, и в результате охота этих маленьких собак оказывается не менее успешной, нежели гон борзых. К сожалению, в настоящее время эта превосходная порода в чистом виде, без примеси посторонней крови, составляет большую редкость.

Самая оригинальная и наиболее уклонившаяся от диких родичей порода бесспорно — **таксы** (*C. f. vertagus*). В самом деле, ни у одного представителя всего семейства собак, считая в том числе и диких животных, например лису, песца, корсака и других, мы не встречаем такого длинного тела на таких коротких, выгнутых ножках. По странной форме своего туловища таксы скорее напоминают различных животных из семейства куниц. Происхождение этой породы совершенно неизвестно; есть только некоторые основания думать, что первоначально она была получена в Испании.

Таксы отличаются умом, выносливостью, а храбрость этих маленьких животных просто изумительна; броситься на кабана для них самое обыкновенное дело. Однако при всех достоинствах таксы обладают и неприятными чертами характера: они драчливы, хитры и непослушны; на охоте в особенности досаждают их манера съедать пойманную дичь. Необыкновенное искусство выгонять животных, живущих в норах, составляет специальность такс. В этом отношении они положительно незаменимы. Жертвой их делаются не только лисы, но и барсуки, хотя эти последние звери значительно больше таксы. Немцы называют эту породу барсучьей собакой, *Dahshunde*, откуда и произошло русское название таксы. Благодаря длинному, тонкому телу для таксы не составляет большого труда залезть в лисью или барсучью нору; в случае, если нора слишком узка, собака своими вывернутыми, короткими и сильными ножками очень скоро сумеет устранить это неудобство. Быстро, как крот,

начинает она рыть землю и не оставляет этой работы, пока не доберется до зверя. Случается, что такса вырывает барсука вдвое больше себя, но это нисколько не смущает собаку. Азарт ее растет с каждым аршином пройденного по норе пути, так что, когда такса доберется до предмета охоты, она уже не разбирает ничего: будь тут медведь или волк, ей все равно, а тем менее ее могут испугать барсук или лиса. С безумной храбростью бросается такса на свою жертву и, несмотря на отчаянное сопротивление зверя, выгоняет его из норы, вцепляется в него и держит до тех пор, пока его не прикончит охотник.

Кроме наших обыкновенных, гладкошерстных такс, существует еще **косматая шотландская порода** этих собак, а также **выдровые таксы**, употребляемые, как показывает само название, для охоты на выдр. Само собой разумеется, что эта охотничья порода отличается умением хорошо плавать.

Совершенно особняком от описанных выше пород стоят знаменитые **сен-бернарские собаки** (*C. f. extrarius St.-Bernardi*), происшедшие, как полагают, от помеси датского дога с английской овчаркой. Большим ростом и длинной шерстью они несколько напоминают водолаза, но отличаются от него более высокими ногами, менее длинными ушами и короткой, широкой мордой. Если нью-фаундлендского водолаза можно назвать морской собакой, то сен-бернарские собаки вполне заслуживают названия горных. Родина их — горный перевал, где помещается монастырь св. Бернарда, находящийся на высоте около 8000 фут. над уровнем моря. Благодаря возвышенному положению, климат этой местности суровее, нежели Лапландии: 8—9 месяцев холодной, многоснежной зимы сменяется здесь коротким летом, в середине которого нередко идет снег. Метель, буря и туман следуют здесь друг за другом, так что за

целый год ясных и тихих дней можно насчитать не более десятка. Близ перевала от одних только снежных лавин погибает ежегодно по несколько человек; немало их проваливается в пропасти или умирает с голода, заблудившись в скалах, благодаря непроницаемому туману. Подобных жертв было бы много больше, если бы не сен-бернардские собаки. Своим превосходным чутьем они отыскивают засыпанного снегом путника; если в силах, то отрывают его и немедленно дают знать о своей находке в монастырь. Число спасенных таким образом людей очень значительно. Достаточно сказать, что одна только собака, Барри,— правда, знаменитая в летописях монастыря,— вырвала из когтей смерти более 40 человек. В настоящее время первоначальная порода сен-бернардских собак, столь знаменитая по своим подвигам, перевелась окончательно; собаки, ныне живущие при монастыре, имеют только слабое сходство с прежними, отличаясь от них прежде всего меньшим ростом.

Всех вообще домашних собак делят на 7 след. групп: 1) **борзые** (*Canis familiaris grajus*), 2) **доги** (*C. f. molossus*), 3) **таксы** (*C. f. vertagus*), 4) **легавые** (*C. f. sagax*), 5) **болонки** (*C. f. extrarius*), куда, кроме собственно болонок и пуделей, относятся с.-бернарды и нью-фаундленды, 6) **пинчеры** (*C. f. gryphus*) и 7) **собственно домашние** (*C. f. domesticus*), как-то — овчарки, шпицы и собаки северных инородцев.

Нам остается теперь сказать несколько слов о двух первых группах. **Борзые собаки** имеют худощавое, поджарое туловище с широкой грудью, острую, вытянутую морду, тонкие, высокие ноги и довольно длинные, острые, полустоячие, лишь на конце свешивающиеся уши. Такое телосложение обуславливает и основные свойства этих собак: остроту слуха и зрения (при довольно слабом обонянии) и быстроту ног. Окраска шерсти — рыжевато-желтая, у некоторых — пегая. Что касается душевных качеств, то борзая отличается от других собак известным эгоизмом: она легко привязывается ко всякому, кто хорошо обращается с нею, или, вернее, ни к кому не привязывается и даже иногда изменяет своему хозяину. К другим собакам она так же равнодушна, как и к человеку, и если вступает в драку, никогда не щадит слабейших себя противников, как это делают другие, более благородные родичи ее. В Европе эту породу употребляют для особой охоты («с борзыми») на зайцев, в Африке же и в Малой Азии, помимо этого, она несет и сторожевую службу, отгоняя от человеческих жилищ ночных хищников (гиен, шакалов и пр.), даже справляясь с леопардом. Неудивительно, что жители Сахары так дорожат борзыми, что составили поговорку: «Хороший сокол, быстрая собака и благородный конь более ценны, чем двадцать жен». Арабские борзые незаменимы при охоте за антилопами; и жители пустыни всячески заботятся о них, балуют, увешивают украшениями и пр. Араб разговаривает со своим четвероногим другом, как с человеком, стыдит его в случае неудачи охоты, обращается с просьбами

и пр. «Когда хозяин после нескольких дней отсутствия возвращается домой,— говорит генерал Дома,— борзая с радостным лаем выбегает из палатки, вскакивает ему на седло и всячески ласкается к нему. Араб же говорит ей: «Извини, друг, что я оставил тебя одного, но это было необходимо; сейчас мы поедем с тобой на охоту, и ты поможешь мне добыть свежего мяса, из которого и сам получишь свою долю». Собака словно понимает это и отвечает новыми ласками. Вообще арабская борзая --- верный друг человека, и потому смерть ее считается горем для всей семьи.

Самой красивой из борзых следует считать **итальянскую собачку**, или **левретку**, грациозное создание не выше 40 см и не более 3 кг весом. По форме и окраске она --- типичная борзая, но нигде не употребляется для охоты, а служит комнатной собакой и, как все они, скоро делается

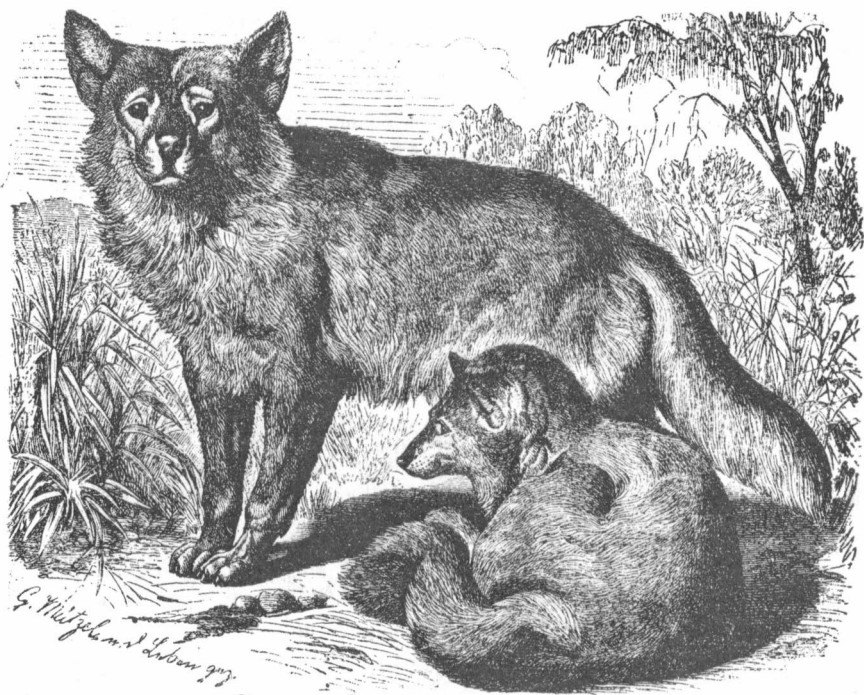
капризной и изнеженной. Из северных борзых типична также **шотландская**, или **волчья**, борзая, с длинной, густой шерстью, довольно привязанная к хозяину, но не терпящая других собак. Напротив, **голая африканская собака** может считаться вырожденком своей породы; зато она прекрасная гончая.

Из второй группы, **догов**, нужно прежде всего отметить довольно редкую теперь породу --- **датских догов**, стройных, красивых животных, с тонкими ногами, гладким хвостом, довольно острой, но менее, чем у борзых, мордой и большими выразительными глазами. Окраска --- желтая, иногда с черным (на голове).

Теперь чаще разводят близкого родича и потомка --- **немецкого дога** (называемого еще **ульмским**). Цвет его короткой, густой шерсти --- черный, бурый или светло-желтый, иногда с темными полосами; довольно большие, высоко сидящие уши большей частью обрезаются. Эта порода очень привязчива, но, наряду с этим, часто проявляет злобный характер, делающий пребывание ее в доме невыносимым.

Ирландский дог, или **мастиф**, имеет более толстое, коренастое туловище, с широкой грудью, округленную голову с тупой мордой и отвисшими губами и довольно длинный хвост; окраска --- чалая или буровато-желтая. Порода эта очень храбрая и смелая, так что ее можно употреблять при охоте на медведей, волков и кабанов. К хозяину мастиф привязан, но к чужим всегда относится враждебно. Похожи на них по характеру и виду и **молосские доги** (родом из Англии), только верхняя губа у них отвисает меньше, так что зубов не прикрывает. Молосских догов меньшего роста и обыкновенно тигровой масти называют **бульдогами**, или **боксерами**. Они считаются яростными, непривязчивыми и малопонятливыми животными. Их злобным нравом и страшной силой испанцы пользовались при покорении Мексики для борьбы с туземцами, а после, на Кубе и Ямайке, при помощи их выслеживали беглых негров. Наконец, самым маленьким бульдогом и вместе карикатурой собаки является всем известный безобразный **мопс**, почему-то и теперь еще заслуживающий любовь многих барынь. Гораздо умнее черный косматый **тибетский дог**, большая собака внушительного вида с грозным выражением, несущая на родине сторожевую службу.

Из других групп домашних собак нужно еще упомянуть об оригинальных **пинчерах**. Эти сметливые, ловкие, веселые создания—прирожденные охотники. Особенно охотно ловят они крыс, мышей, кротов и вообще мелких роющих млекопитающих. Их две породы—гладкошерстные, собственно крысоловы и мохнатые, так называемые пинчеры-обезьяны. Первые походят на такс, но

Динго (*Canis dingo*)

имеют довольно высокие прямые ноги и стоячие или только на конце свешивающиеся уши; шерсть—темного цвета.

В заключение статьи о домашних собаках нельзя не обратить внимания на тех представителей этого вида, которые, по-видимому, уже давно одичали. Таков **динго**, или **варрагал** (*Canis dingo*), живущий в диком состоянии в лесах и степях Австралии. Судя по тому, что, за исключением некоторых рукокрылых и мелких грызунов, динго—единственное австралийское млекопитающее, не принадлежащее к типичным животным этого материка—сумчатым и птицевоям, нужно полагать, что это —та же домашняя собака, только одичавшая.

Динго достигает величины овчарки среднего роста. Тело его приземистое, голова большая, с тупой мордой, стоячие уши на конце закругленные, ноги коротки; не очень густой

мех—бледно-желтовато-рыжего цвета. Считаясь врагом домашних животных, особенно овец, динго усердно преследуется колонистами и потому, наученный горьким опы-

том, всячески избегает человека. По образу жизни и привычкам он напоминает более лисицу, нежели волка; днем прячется, а ночью выходит на добычу небольшими сворами, вероятно, одной семьей.

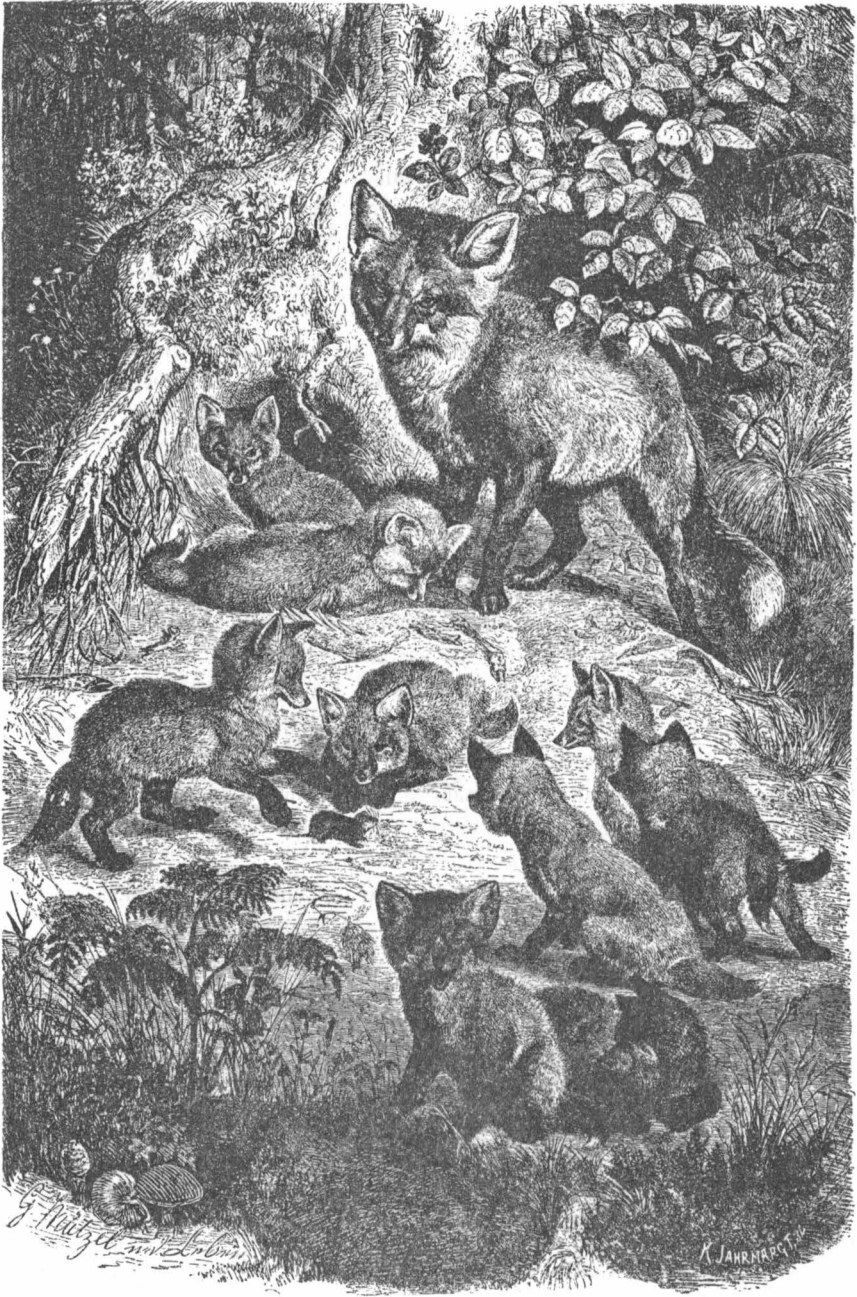
Эта одичалая собака долго признавалась неспособной к приручению, однако позднейшие опыты опровергли ошибочность этого мнения. Некоторым лицам вполне удавалось превратить его в домашнюю собаку, причем, удивительно, пленники научались и лаять по-собачьи, тогда как дикие динго только воют или хохочут, вроде шакалов.

Другой обширный род семейства Canidae образуют **лисицы** (Vulpes). Они имеют такие же зубы, как собаки и волки, но отличаются от них более длинным туловищем, очень острой мордой, немного вкось расположенными глазами с продолговатым зрачком, короткими ногами и длинным, пушистым хвостом. Типом этих животных может служить наша обыкновенная лисица.

Едва ли какое-нибудь животное может похвастаться такой известностью и такой дурной славой, как лисица, которую обыкновенно считают олицетворением лукавства, хитрости, коварства и даже некоторого удалства. В народе ходит о ней множество рассказов; баснописцы отводят ей почетные места в своих произведениях. В итоге это животное является так хорошо описанным и изображенным, что даже ребенок, никогда не видевший живого зверя, сразу узнает его на картине или по описанию. «Лисья физиономия» вошла даже в поговорку.

И замечательно, что лиса сохраняет свою типичную физиономию на всем громадном пространстве, обитаемом ею. Уже обыкновенная лисица (*Vulpes vulgaris*) живет в большинстве стран северного полушария, именно, во всей Европе, Северной Африке и Западной и Северной Азии. Если же сюда присоединить полярную лисицу, или песца (*V. lagopus*), живущего на Крайнем Севере Старого и Нового Света,— степную лисицу, или корсака (*V. corsac*), населяющую азиатские степи, начиная от Каспийского моря до Монголии,— луговую лисицу Северной Америки,— североафриканскую лисичку, фенека (*V. zerdo*),— если, далее, прибавить американскую серую лисицу (*V. cinereo-argenteatus*), наконец, если упомянуть еще о широконосой лисице (*Otocion Lalandii*), обитающей на юге Африки,— если, повторяем, собрать всех лисиц, то окажется, что они населяют весь свет, от полюсов до тропиков. Все эти виды настолько сходны между собой по наружности, что во всех их сразу признаешь лисиц. Различие, вообще говоря, заключается лишь в окраске меха, которая приспособлена у них к цвету окружающей местности. Так, наша обыкновенная лисица покрыта серовато-рыжим, несколько впадающим в чалый цвет мехом, который прекрасно подходит к разнообразным местностям, где живет она: к лесу, вересковым полянам, скалам и хлебным полям; полярная лисица покрыта белым мехом; африканские фенеки имеют мех, подходящий к цвету песка, и т. д. Есть, ко-

От одичалых динго нужно отличать **бродячих собак**, которые хотя также не знают хозяев, но все-таки живут в некоторой зависимости от человека. Бродячие собаки очень обыкновенны в Константинополе и городах Востока, особенно в Египте, где в каждом местечке их целые стаи. Они исправляют обыкновенно обязанности санитаров, поедая падаль и разные пищевые отбросы, и пользуются широким покровительством турок и египтян. Каждая стая имеет обыкновенно свой участок, который всячески охраняет от посягательства других собак.

Лисица обыкновенная (*Vulpes vulgaris*)

нечно, некоторая разница и в организации, но она несущественна (напр., большие уши фенек). Сходство всех лисиц проявляется также в образе их жизни, привычках и нравах. Ввиду этого мы опишем прежде всего **обыкновенную лисицу** как характерного представителя своего семейства.

Наша лисица устраивает свое логовище с замечательной осторожностью. Обыкновенно оно состоит из глубокой норы с несколькими выходами, которая помещается между корнями, под камнями, под кучами хвороста, в дуплах деревьев и пр. Здесь она проводит свое время при ненастной погоде, здесь же выкармливает своих детенышей. В случае же хорошей погоды лисицы целыми днями пропадают из своих логовищ в поисках добычи. Последняя состоит из всевозможных животных, начиная с молодой косули и кончая майским жуком, чаще же всего лисица питается полевыми мышами, домашними и дикими птицами, но не брезгует и дождевыми червями; наконец, с большим удовольствием лакомится сладкими грушами, сливами, виноградом и другими ягодами. В поисках пищи она проявляет такую хитрость, такое умение сообразоваться с обстоятельствами, что вполне оправдывает сложившуюся свою репутацию.

«Лисица — хитрое, злое, осторожное и вонючее животное, — говорит Геснер, — она хитро и неторопливо переворачивает ежа и мочит ему голову, отчего тот сразу задыхается. С зайцем она долго хитрит, чтобы вдоволь позабавиться над ним. А птиц она легко ловит на следующую удочку: притворившись мертвой, она растягивается на траве, а когда глупые пернатые, движимые любопытством, слетаются к ней, она ловко вцепляется в них. Маленьких рыбок она ловит при помощи хвоста, который опускает в воду, наподобие удочки; когда рыбки запутаются в его длинных волосах, она вытаскивает его на берег и, отряхнувшись, подбирает добычу...»

И это совершенно справедливо: про ум лисицы ходит бесчисленное множество рассказов, так что сомневаться в их достоверности невозможно.

Некто С. Джон рассказывает про такой случай. Однажды рано утром он вышел в поле и заметил большую лисицу, спокойно пробирающуюся вдоль изгороди хлебного поля, где паслось несколько зайцев, привлечших ее внимание. Поразмыслив немного, хитрый зверь остановился на следующем плане. Осмотрев дыры в изгороди, он выбрал как раз ту именно, через которую, видимо, чаще всего входили и выходили зайцы, и улегся как раз подле нее в позе кошки, подстерегающей мыш. Мало того, лисица осторожно принялась рыть яму, откидывая песок по одну сторону засады, как бы желая загородить себя от зайцев. Это дело, видимо, так занимало ее, что она и не заметила постороннего свидетеля этой сцены, стоявшего наготове с ружьем. Все внимание ее было устремлено на поле, куда она беспрепятственно заглядывала, словно желая убедиться, тут ли еще зайцы. Наконец, ямка была выкопана. Она залегла в нее и принялась терпеливо ждать... Прошло некоторое время. Солнце стало подниматься над горизонтом; зайцы начали покидать поле. Несколько их прошло

довольно далеко от засады: лисица и не пошевелилась. Но вот двое косых бросились как раз в ту дыру, около которой лежала лисица. Она моментально выскочила, с быстротой молнии поймала и придушила одного зайца, но тут выстрел из ружья уложил ее на месте.

Еще хитрее лисица выгаскивает приманку из капкана, не попадаясь при этом в сам капкан. Приведем выдержки из Коуча.

«Если случится, что кошка польстится на приманку и попадет в лисий капкан, то лиса непременно съест и кошку и приманку: она бесстрашно приближается к капкану, потому что хорошо знает, что теперь он безвреден для нее. Сравните с этой смелостью ту невероятную осторожность, с какой подходит животное к расставленному капкану с нетронутой приманкой. Дитриху фон Винкель посчастливилось однажды ранним вечером наблюдать одну лисицу. Несколько дней перед тем эту лисицу подманивали в капкан приманками, и всякий раз, как лисица съедала приманку, она садилась и махала от удовольствия хвостом. Чем ближе она подходила к капкану, тем дольше не решалась брать приманки и тем чаще описывала круги вокруг капкана. Дойдя до самого капкана, она прилегла к земле и минут десять, по крайней мере, смотрела на приманку; потом раза 3—4 обежала ее кругом, остановилась, вытянула переднюю лапу, но не тронула приманки; затем настала новая пауза, в течение которой лиса неподвижно рассматривала приманку. Наконец, как бы в отчаянии, она бросилась на соблазнительный кусок и была поймана за шею».

Ромэнс со своей стороны прибавляет следующее:

«Один охотник поставил для лисиц ловушку, состоявшую из заряженного ружья, которое было укреплено на стойке и направлено на приманку. От курка к приманке был проведен шнурок, так что, взявшись за приманку, животное само спускало курок и совершало самоубийство. Шнурок, соединявший приманку с курком, покрывался снегом. Тем не менее на такую ловушку попала только одна лисица, все же прочие вполне благополучно для себя съедали приманку. После оказалось, что они, подходя к ловушке, или перекусывали шнурок подле самого курка, или прокапывали в снегу ход к приманке, под прямыми углами к линии огня, так что ружье хотя и стреляло, но заряд летел мимо».

Благодаря своей хитрости, а также умению быстро бегать, влезать на деревья и легко плавать, лисица счастливо избегает своих четвероногих врагов и пернатых (волка, собак, орлов и т.д.), но от человека ее не спасает ничто. Высоко ценя теплый красивый мех, особенно полярных лисиц, человек неустанно охотится на бедного зверя всеми средствами. Тут идут в ход и капканы, и ружья, и сети, и отравы... Словом, человек не пренебрегает ничем, чтобы овладеть лисицей.

Иногда лисиц ловят и живьем, но они отличаются вообще необщительным характером, нелегко делаются ручными и плохо уживаются с другими зверями, хотя, пойманные молодыми, они могут немного привыкнуть к человеку.

Егер, бывший смотритель Венского зоологического сада, рассказывает такую историю об одной лисице.

«Кума-лиса, героиня басен и сказок, в зоологических садах играет довольно жалкую роль. Так как этот хищник нелегко поддается правильному воспитанию и ему невозможно предоставить известного простора, то

в обществе которых она очутилась. Между тем хозяева клетки, движимые естественным любопытством, стали поочередно подходить к гостю и обнюхивать его. Пока дело ограничивалось этим, лисица с невозмутимым спокойствием выдержала этот осмотр. Но когда медведи пошли дальше и с подозрительным видом приближались к ее морде, она про-

Песец, или полярная лисица (*Vulpes lagopus*) в зимнем уборе

его запирают в отдельную клетку, что, конечно, тяжело отзывается на нем. После нескольких неудачных попыток вырваться на свободу, лисица равнодушно мирится со своей судьбой. Она целыми часами сидит, погруженная в глубокую задумчивость, и с философским стоицизмом переносит неволю... Желая несколько поразвлечь ее, я раз пустил ее в клетку с медведями. В первые минуты она, по всей вероятности, чувствовала себя так же неловко, как изысканно одетый городской франт среди деревенщины. Но, решив про себя, что трусить нечего, она, с кокетством франта, оправляющего галстук, отряхнула свой пушистый мех и, за неимением моногля, уставилась собственными глазами на четырех неуклюжих пентюхов,

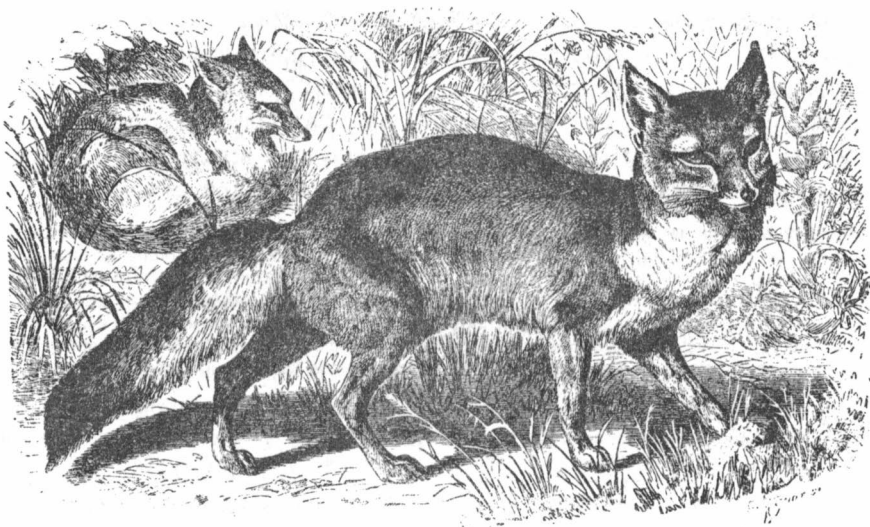
водила им зубами по носу, давая этим знать, что с ней нельзя шутить. И чудакам хотелось, видно, убедиться в этом, чтобы всем уйти с расцарапанными носами. Такой урок образумил их. С сердитым ворчанием они удалились от храброго гостя и предались другим занятиям... Через несколько дней, оставленная своими хозяевами в покое, лисица совершенно освоилась со своим новым помещением и чувствовала себя совершенно как дома. При своей степенности она не считала нужным вступать с медведями в более близкое сношение, а эти последние и подавно заблагорассудили оставить гостя в покое. Мало того, лисица как бы относилась презрительно к своим косматым товарищам. Не стесняясь их

присутствием, она залезала на их дерево, а когда туда поднимался медведь, она хладнокровно прыгала ему на спину, а оттуда на пол. Зимой, когда морозы стали давать себя чувствовать, она преспокойно забиралась среди храпевших мишек, словно это были меховые мешки, и те, не желая заводить ссоры, беспрекословно переносили это...»

Вышеупомянутая **полярная лисица, песец**, или **каменная лисица** (*Vulpes lagopus*) (до 95 см длины), отличается короткими кругловатыми ушами, низкими ногами, очень пушистым, густым хвостом и, наконец, особенной окраской меха, который летом бывает землисто-серого, а зимой — чисто

рук мясо. Чтобы сохранить от них съестные припасы, последние нужно зарывать глубоко в землю или снег, да еще придавить камнями это место; иначе песцы тотчас отроют его. Так ведут себя песцы до тех пор, пока не успеют достаточно ознакомиться с коварством человека; тогда, напротив, они делаются крайне пугливы и бегут при одном виде его. Пойманные молодыми, они скоро приручаются.

Степная лисица, или **корсак** (*V. corsac*), живущая по степям, на пространстве от Каспийского моря до Монголии, немного выше обыкновенной, имеет более короткий хвост и кругловатые зрачки; длина его — до 60 см, а хвост — 35.

Корсак (*Vulpes corsac*)

белоснежного цвета. Встречается и голубоватая разновидность, мех которой особенно ценен. Местом обитания их служат страны дальнего севера Старого и Нового Света; пищей же главным образом мыши и пеструшки; однако полярные лисцы не гнушаются и другой пищи, какая подвернется, напр., куропаток, морских птиц и т.п. Живут эти животные местами в норах, местами — просто в расщелинах скал. Европейский песец, должно быть наученный горьким опытом, всячески избегает человека; напротив, гренландский всюду следует за ним в надежде поживиться чем-нибудь от него. Иногда эти животные становятся так нахальны и неотвязчивы, что забираются в жилища и буквально рвут из его

Пустынная лисица, или **фенек** (*V. zerdo*), отличающаяся своими большими ушами, самая маленькая из всех лисец: длина ее не превышает 65 см, а хвост длиной около 20 см. Днем это красивое животное прячется в своей подземной норке, а с закатом солнца отправляется на добычу; ест оно все: и яйца, и птиц, и насекомых, и тушканчиков. Живет на севере Африки.

Оба вида легко приручаются, конечно, в молодом возрасте.

В Сев. Америке, в южных штатах, водятся свои виды лисец: **серая лисица** (*V. cinereo-argentatus*), отличающаяся от обыкновенной более короткими ногами и соразмерно длинным хвостом; длина ее тела до

ходит до 1 м, из которого до 40 см приходится на хвост. Цвет ее шерсти серый, со своеобразным налетом, зависящим от серебристо-серых и черных волос. В противоположность своим сородичам серая лисица не имеет неприятного запаха.

Наконец, последний вид — **широконосая лисица** (*Otocyon caffer*), живущая в Южной и частью в Восточной Африке, отличается от других лисиц большим

количеством зубов (до 48), короткой головой с острой мордочкой и очень длинным хвостом (при длине туловища в 60 см, хвост ее — 30 см); мех ее темный или бурый, с зеленоватым налетом. Питается не только мелкими животными, но и медом, а также сладкими плодами; запаха точно так же не выделяет. По своему нраву это — очень ловкое и хитрое животное; к приручению также способна.

Последнее семейство отряда хищных представляют **медведи** (*Ursinae*), оригинальные животные, которые можно узнать с первого взгляда. У больших представителей этого семейства туловище короткое и толстое, у маленьких — иногда стройное; голова овальная, сидящая на короткой и толстой шее; уши короткие, глаза сравнительно маленькие; ноги не очень длинные; почти голые ступни на всех ногах имеют по 5 пальцев, снабженных невтяжными и потому при тупленными когтями; зубов 36—40, причем резцы довольно мелки, а плотоядный зуб слаб и у некоторых видов даже отсутствует, настоящие коренные — очень тупы. Язык у медведей гладкий, желудок — в виде простого мешка; толстая и тонкая кишки почти не отличаются одна от другой; слепой кишки нет.

Водятся медведи во всей Европе, Азии и Америке, а также на сев.-зап. Африке, как в холодных, так и в жарких странах, как на высоких горах, так и на берегу Ледовитого океана. Одни виды предпочитают сырые места, другие — сухие, а северные медведи совершают далекие путешествия на льдинах. Большая часть медведей живут одиноко, но некоторые соединяются в общества. Одни роют себе норы в земле, другие живут в пещерах или дуплах, полярные же не имеют постоянных пристанищ. Почти все медведи — ночные животные и выходят на добычу лишь после заката солнца.

По способу питания медведей смело можно назвать всеядными, однако они более всех остальных хищников способны питаться исключительно растительной пищей: они едят не только плоды и ягоды, но и зерна хлебных злаков, сочные травы, древесные почки и пр.; из животных же потребляют всех, кто попадается им, начиная с насекомых и рыб и кончая птицами и мелкими млекопитающими. Иногда, мучимые голодом, они причиняют большой ущерб человеку, нападая на его домашний скот; против самого же человека они идут только тогда, когда их раздражат, испугают или ранят.

Движения медведей ошибочно считают медленными и неуклюжими; большие виды, действительно, двигаются не особенно быстро и ловко, но зато могут долго бежать, маленькие же — очень проворны. При ходьбе они обыкновенно опираются на всю ступню; почти все хорошо лазают, а некоторые и отлично плавают.

Из внешних чувств у медведей лучше всего развито обоняние; напротив, осязание почти совсем не развито; прочие же чувства довольно хороши. Что касается умственного развития этих животных, то его нельзя считать особенно высоким, хотя некоторые виды и понятливы и умны. К приручению медведи вполне способны, но в старости делаются злыми и раздражительными, так что держать у себя дома взрослых медведей всегда опасно. Свое расположение духа медведь выражает различными интонациями голоса, глухим ворчанием, фырканием или мурлыканьем, а иногда — звуками, похожими на хрюканье, свист и даже лай.

Живущие на севере виды, за исключением, впрочем, белого медведя — вечного бродяги, с наступлением зимы удаляются в свои берлоги и почти ничего не едят, однако не впадают в непробудную «спячку», а скорее дремлют в полусознательном состоянии.

Все довольно богатое видами семейство **медведей** (*Ursinae*) можно разделить на 3 группы. К первой группе, заключающей в себе 2 рода — собственно медведей и губачей, относятся самые крупные виды, с длинной, заостренной мордой,

маленькими глазами, сравнительно длинными ногами, пятью пальцами на лапах, вооруженных тупыми, невтяжными когтями, голыми ступнями, обрубленным коротким хвостом и густой косматой шерстью; зубов у них 42, по формуле $\frac{3 \cdot 2 \cdot 4 \cdot 1}{3 \cdot 2 \cdot 4 \cdot 2}$. Вторая группа, так называемые кошковидные медведи, составляющие переход от больших медведей к виверрам, имеют лапы, похожие на кошачьи, с покрытыми шерстью ступнями и отчасти втяжными когтями; зубов 38—40. Наконец, третья группа включает в себе маленьких американских медведей; зубов у них 36—40.

Самый известный из первой группы, да, пожалуй, и из всего семейства— обыкновенный **бурый медведь** (*Ursus arctos*). В самом деле, кто из нас не увлекался в детстве рассказами про этого добродушного, простоватого зверя, кто не смеялся от души над его недогадливостью и неловкостью?! Благодаря этим рассказам, все настолько ознакомились с типичной наружностью медведя, что описывать ее значило бы повторять давно всем известное. Мы и не станем описывать наружность медведя, а заметим только, что он сохраняет свою типичную физиономию во всей обширной области своего распространения— от Испании до Камчатки и от Лапландии и Сибири до Атласских гор, Ливана и восточной части Гималаев. Встречаются, конечно, небольшие отклонения от общего типа (рыжий медведь, чалый—сирийский, атласский и др.), но они— не существенны*.

В общем бурый медведь представляет солидную фигуру— около сажени и больше длиной, при полутора аршинах высоты; весит он иногда до 20 пудов. При первом взгляде на эту грузную тушу кажется, что видишь перед собой самое неуклюжее и косолапое животное. Однако такое заключение было бы крайне ошибочно. Несмотря на свою кажущуюся неловкость, медведь выказывает, в случае нужды, замечательное проворство и прыткость. Он отлично бегаёт, так что только быстроногие козули, олени и серны могут избежать его когтей. Далее, он превосходно взбирается на гору, чему способствует длина его задних ног; с горы же спускается медленно, так как иначе может легко перекувырнуться через голову. Кроме того, он недурно плавает, искусно лазает на деревья и, наконец, несмотря на грузность своего тела, легко может делать огромные, двухсаженные прыжки. При такой ловкости лесной богатырь обладает и соответствующей силой. Один медведь взял в передние лапы еще трепещущую корову и перенес ее через ручей в лес; другой— вытащил из ямы, в которую свалился, еще живого взрослого лося, весом около 20 пудов, и протащил его с полверсты. Нужно прибавить ко всему этому необыкновенную остроту обоняния и слуха, и мы поймем, что медведь является для человека довольно опасным противником.

* Кроме того, в Европе различают 2 разновидности бурого медведя: 1) **стервятник**, с длинными, высокими ногами, продолговатым телом, длинной головой, высоким лбом и заостренной мордой; гладкая шерсть его— чалого или сероватого цвета, и 2) **муравейник**, с толстыми, короткими ногами, широким телом, широкой плоской головой и короткой мордой. Но эти различия еще не установлены точно.

Он был бы и еще опаснее, будь он кровожаден и хитер. К счастью, наш богатырь отличается рыцарским характером, чуждым всякого коварства и лжи. Не умея лукавить, он добивается своего открытой силой и не прибегает к бесполезной жестокости, подобно волкам. В основе медвежьего характера лежит полная флегматичность и любовь к покою. Только выведенный из себя, он приходит в сильное бешенство; обыкновенно же, при встрече с человеком, он или не обращает никакого внимания на слабосильного обладателя земли, или сам спешит убежать от него.

Одна крестьянка несла обед своему мужу, занятому в лесу работой. Вдруг навстречу ей попался косолапый богатырь. Крестьянка в ужасе бросила бывшую у нее в руках корзинку и с криком бросилась назад, в деревню. А медведи,—это была медведица с двумя медвежатами,—со свойственным им любопытством сейчас же стали обнюхивать и осматривать незнакомый им предмет. Наконец, почуввав съедобное, они запустили свои лохматые лапы внутрь и потащили пироги, хлеб и горшки с кушаньем, приготовленным для дровосека... Очистив все, они флегматично отбросили корзинку, а сами не торопясь поплелись в лес, не обратив ни малейшего внимания на перепуганную женщину, которая в это время во всю мочь неслась к опушке леса...

Случается и так, что медведь натывается на какую-нибудь собирательницу грибов или ягод. Но и тут все дело ограничивается тем, что он отнимает собранное, а человека оставит в покое.

Такое миролюбие нашего медведя объясняется исключительно его питанием. Из всех медведей это он больше других заслуживает названия всеядного. Целыми месяцами он довольствуется растительной пищей: всходами ржи и овса, почками деревьев, желудями, ягодами, грибами. Но больше всего он любит мед, из-за которого ему приходится переносить большие страдания: ужаленный пчелами, он ревет от боли, катается по земле, старается лапами сорвать мучителей, но убегает только тогда, когда ему становится окончательно невтерпеж. Однако полученные уроки никогда не отбивают у него охоты к любимому лакомству, ради которого медведь готов на все.

Пока растительная пища в изобилии попадаетея медведю, он довольствуется ею. Но в случае ее недостатка и раз попробовав мяса животных, он становится хищником в полном смысле этого слова, особенно страшным для домашних животных. Его вполне основательно считают злейшим врагом лошадей, коров и т. п.

Один охотник, Бекман, рассказывает, как медведь напал на пасущихся лошадей. Раз несколько лошадей паслись в болотистой чаще, на глазах у сидевшего в засаде охотника. Вдруг из чащи выскочил медведь и стал осторожно подкрадываться к лошадям. Те, почуввав его, поспешно пустились в бегство. Тогда он, отбросив всякую осторожность, могучими прыжками бросился вдогонку, догнал одну, ударом лапы повалил ее на землю и растерзал грудь.

Потом, заметив, что другая лошадь хромает и потому не может быстро бежать, он побежал за ней, бросив свою добычу, скоро настиг ее и умертвил так же, как и первую.

Отведав мяса, медведь теряет свой добродушный нрав и делается очень кровожадным. Один медведь в Киевской губернии, пробираясь в июле 1871 г. с юга на север, зарезал в течение дня до 23 штук рогатого скота, причем не пользовался мясом ни одной своей жертвы.

Охота изощряет все способности медведя: он делается ловким, подвижным, приучается подкрадываться к своим жертвам и прибегает к разным хитростям. Обыкновенно он ожидает свою жертву где-нибудь в засаде, под низко растущей сосной, прикрытый молодым ельником или ивняком, в высокой траве и в камышах. Отсюда, выждав удобный момент, он стремглав бросается к жертве и сильным ударом по спине старается свалить ее с ног. А иногда он привлекает некоторых животных, напр., лосей, подражая их крику. Многие охотники говорят, что медведь питается и падалью. По крайней мере, в Сибири часто бывает, что во время падежа скота крестьяне закопают своих павших животных, а медведи откопают их, чтобы утолить свой голод.

Нагуляв себе в продолжение лета и осени тело и жиру (иногда до 8 пуд. одного жиру), с приближением зимы медведи готовят себе берлогу в какой-нибудь пещере, или в дуплах деревьев, или в лесной чаще. При этом одни из них прямо спешат на место и здесь располагаются, другие направляются к логовищам по обходным дорогам, третьи,—обыкновенно старые, опытные медведи,—любят перед залеганием в логовище кружить около него или добираться большими прыжками взад и вперед. А иногда наиболее хитрые из них на некотором расстоянии от берлоги поворачиваются задом и пятятся к берлоге или ожидают сильной снежной метели, которая бы замела их следы. Несмотря на это, медведь нередко зимует недалеко от жилища и проезжих дорог, нисколько не тревожась движением. Один старый медведь расположился сажень в 20 от жилища лесника, который и не подозревал опасного соседства.

Время, когда медведь залегает в свою берлогу, весьма различно, смотря по климату и состоянию погоды. В теплом климате он совсем не думает об устройстве теплого жилища. Медведица обыкновенно удаляется в берлогу уже в начале ноября, тогда как медведи бродят еще в декабре, невзирая на снег и морозы. А некоторые старые звери ведут бродячую жизнь всю зиму. Даже и удалившиеся в берлогу медведи не всегда впадают в непробудную спячку. Только сильно отъевшиеся, жирные спят неподвижно, остальные же лежат очень чутко и высовывают из берлоги голову, или «здороваются»,—как говорят крестьяне,—при каждом приближении человека; а медведицы иногда прямо бросаются на нарушителя своего спокойствия.

Раз улегшийся медведь не ест решительно ничего и питается обыкновенно накопленным за лето и осень жиром, поэтому за зиму сильно худеет.

Простой народ, зная это, говорит, что медведь высасывает из лапы жир. Конечно, такое мнение крайне ошибочно; медведь сосет лапы и при этом ворчит и чмокает просто потому, что у него зимой линяет кожа на ступнях, и он желает ускорить линяние, а может быть, и облегчить боль.

Пробудившись с весной от зимней спячки, медведь встряхивается, облизывается и, повалившись в снегу и песке, отправляется на добычу пищи. Но прежде всего он принимает слабительное—в виде клюквы и мха, которых он съедает громадное количество. Очистив желудок, он спешит подкрепить свое тело, ослабленное зимней спячкой. А так как ранней весной мало растительной пищи, то он набрасывается на животных, особенно на домашний скот.

В берлоге же, во время зимней спячки, медведицы разрешаются от бремени, обыкновенно в декабре. Медведица относится к своим детенышам с большой любовью. Она защищает их от врагов, чистит, холит их, а когда они подрастут—учит лазать по деревьям и находить себе пищу.

Киевский лесничий Кременец раз наблюдал медвежью семью.

«Медведица,—говорит он,—лежала на болоте, среди кустов ивняка. День был прекрасный, тихий и безоблачный, какие часто перепадают в Южной России в конце января. Медведица лежала на спине и играла с одним из детенышей, который, стоя на задних лапах, старался влезть матери на живот; двое других с серьезной миной боролись на снегу и выпускали пока еще не громкие, но уже басовые звуки. Нечаянно подо мною хрустнула сосновая ветка. Медведица мгновенно поднялась и, поводя ушами, некоторое время прислушивалась к подозрительному шуму. Медвежата бросили драку и смирно присели на корточки. Минуты три мать простояла в нерешительности, наконец, успокоившись, вернулась к прежнему месту и скоро заснула. Детеныши бросились к ней, легли, прижавшись друг к другу, и тоже задремали...»

Медведица родит почти каждый год, но, пока не беременна, живет совместно со своими годовыми детенышами. Впрочем, бывали случаи, когда она, вероятно, вследствие новой беременности, прогоняла старших детей.

Однако крестьяне держатся того убеждения, что медведица не только не гонит старших детей, но и поручает им смотреть за младшими, или «пестовать» их, отчего такие медвежи гувернеры и носят название «пестунов». Эверсман рассказывает следующее об одном семействе медведей, которое переправлялось через р. Каму.

«Когда медведица перебралась уже на другой берег, то заметила, что пестун медленно плетется за ней, оставив своих меньших братьев на берегу на произвол судьбы; мать дала ему пощечину, после которой он понял, в чем дело, тотчас вернулся назад и скоро воротился к матери, держа в зубах одного из меньших братьев.

Мать внимательно следила за ним, когда он отправился за другим братцем, но, увидя, что пестун уронил свою ношу на самой середине реки,

она бросилась сама в реку и опять побила его, после чего беспечный губернёр поспешил исправить ошибку,—и семейство спокойно продолжало свой путь...»

По уверению крестьян и охотников, медведица к каждому маленькому детенышу приставляет пестуна, который живет зимой в берлоге матери и освобождается от своей обязанности только тогда, когда на его место подрастет другой. Поэтому случалось видеть даже четырехлетних пестунов при медвежьем семействе.

Медвежата рождаются серо-желтого цвета, который через короткое время меняется на бурый, остающийся до старости. Молодые 5—6-месячные медвежата чрезвычайно забавны: они в высшей степени игривы, шаловливо лазают по деревьям, борются, неуклюже бегают взад и вперед, прыгают в воду, если вода близко,—словом, ведут себя очень игриво. Но уже через полгода они становятся злы, прожорливы и свирепы, т.е. приобретают себе характер взрослых медведей.

Неизвестно еще наверное, сколько лет длится рост медведя, но следует думать, что медвежонок к шести годам вырастает в настоящего медведя. По-видимому, медведи достигают преклонных лет: были случаи, что в неволе они выживали до 50 лет.

Несмотря, однако, на все добродушие и флегматичный характер медведя, с ним всегда следует держаться настороже и не доверять ему. Многие, забывши это правило, заплатились за свою беспечность опасными ранами и даже смертью. Никогда не дремлющее недоверие зверя, его злоба и коварство делают его неспособным к искренней дружбе и любви к людям.

Впрочем, и здесь бывают исключения. Многие медведи так привыкают к человеку, что добровольно возвращаются к нему даже тогда, когда им возвратят свободу. Рассказывают, что три шестимесячных медвежонка, вынесенные в мешке за три мили, нашли обратный путь через болота и реки, с бурной радостью бросились прямо в окна знакомого дома и с довольным ворчанием направились к обычному своему месту. Один опытный учитель известной Сморгонской медвежьей школы писал, что раз один из его косолапых учеников, которого он подарил своему другу, вернулся к нему, чтобы продолжать уроки танцев, несмотря на то, что его увели на расстояние 8 часов ходьбы.

Если медведя можно упрекнуть в недостатке добросердечия, то во всяком случае ему нельзя отказать в уме. Несомненно, что по уму эти животные занимают выдающееся место в ряду других зверей. Одних штук, которые ученье медведи выделывают в зверинцах, достаточно, чтобы подтвердить это.

Охота на этого умного и к тому же обладающего могучей силой зверя— вещь опасная. Но страшные истории, которые прежде рассказывались охотниками, признаются теперь вымыслом. Хладнокровный, опытный охотник, снабженный хорошим оружием и поддерживаемый верными собаками, всегда может рассчи-

тывать на победу. Охота на медведя производится или засадой, или облавой; в последнем случае чаще выбирают зиму, время спячки медведей. Но рядом с правильной охотой всюду ведется еще другая, при которой употребляются все средства, чтобы избавиться от вредного хищника.

В Галиции и Семиградии ставят на пути медвежьих тропинок капканы, прикрепляют к ним цепь, а к ней, посредством длинной крепкой веревки, большую колоду. Медведь ступает на капкан, защемляет себе ноги и, стараясь высвободиться, прикручивает себя цепью и веревкой к дереву, пока совсем не выбьется из сил.

«Азиаты,—говорит Стеллер,—строят целое здание из бревен, сложенных так, что они сейчас же валятся и убивают медведя, как только он попадает в ловушку. А иногда они вырывают яму, на дне которой втыкают острые, крепкие колья; самую же яму прикрывают травой. Недалеко от этой ямы они пригибают какое-нибудь молодое деревце, посредством веревки, и прикрепляют к нему пугало. Когда медведь вступит на веревку, деревце с пугалом мгновенно поднимается вверх и обыкновенно так пугает зверя, что он, забыв всякую осторожность, пускается бежать без оглядки, падает в яму на подставленные колья и тут же погибает.

Существуют и еще более остроумные ловушки для медведей. Например, кладут на землю доски с вбитыми в них, острыми вверх, гвоздями и прикрывают их травой, а сверху кладут какую-нибудь приманку. Стараясь схватить приманку, медведь ступает ногой на гвозди и, почувствовав боль, естественно, переступает ногами, но попадает на другие гвозди. Наконец, с ревом потоптавшись на месте, исколов все ступни, он в изнеможении опрокидывается на спину и буквально пригвозждает себя к доскам. Охотнику не стоит тогда большого труда прикончить его».

В тех местах, где пчеловоды ведут бортовое хозяйство и страдают от визитов медведя, прибегают к следующей мере. На дерево, где находится дупло с пчелами, вешают тяжелую колоду. Стремясь поскорее добраться до любимого лакомства, медведь досадливо отталкивает колоду, она с размаху

бьет его. Наконец, взбешенный лакомка с такой яростью отталкивает колоду, что от возвратного удара сам падает в ошеломленном состоянии.

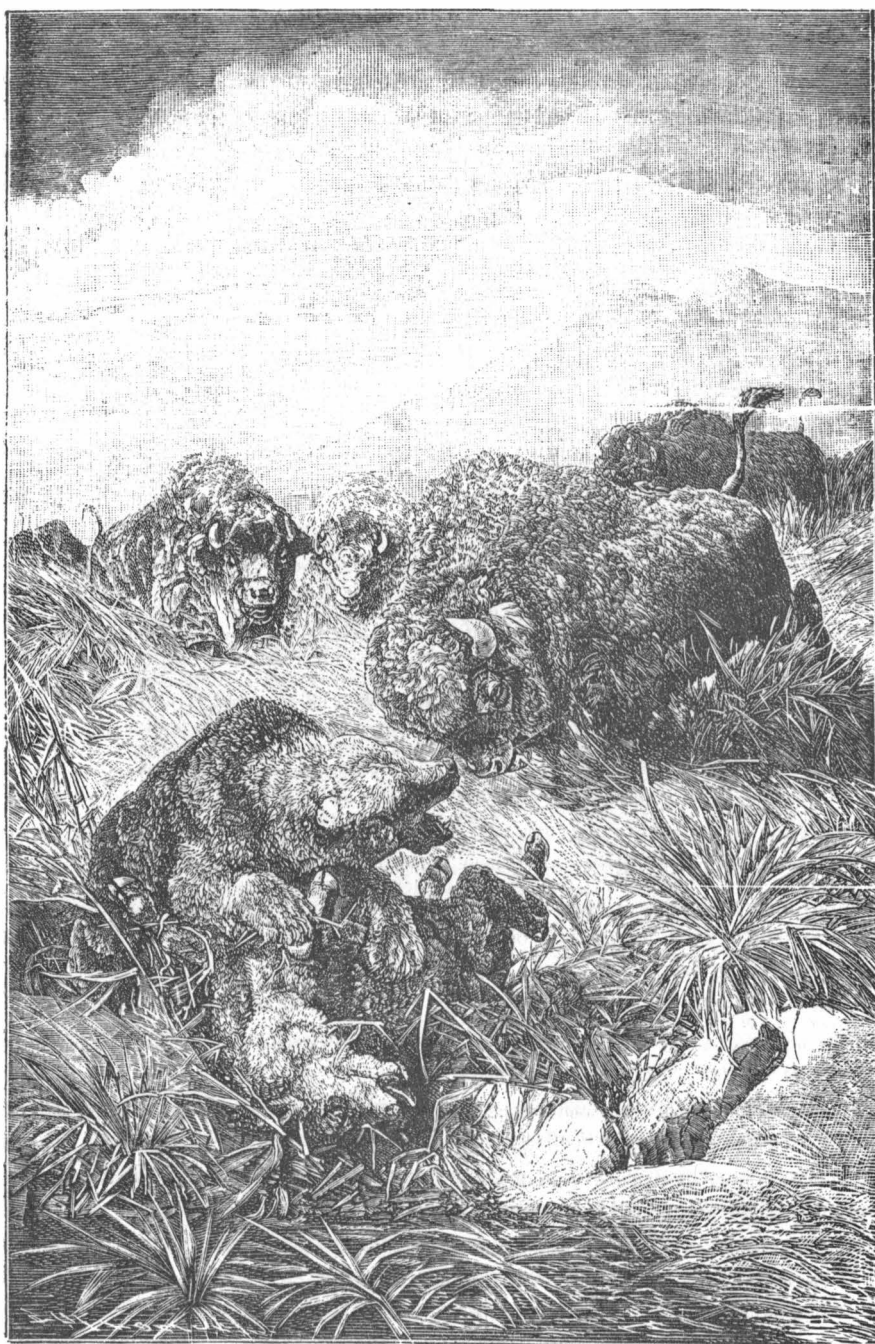
Наконец, преимущественно в России и Норвегии, сильные, смелые охотники выступают иногда против медведя один на один, вооруженные только рогатиной и добрым ножом.

Выгода, приносимая медвежьей охотой, весьма значительна. Не говоря уже о теплом, пушистом мехе, стоящем не одну сотню рублей, у медведя ценятся и мясо и жир. Мясо молодых медвежат отличается нежным, приятным вкусом и очень ценится гастрономами. Жареные или копченые окорочка взрослых жирных медведей считаются лакомством. Но в особенно большой славе у всех любителей хорошо покушать — медвежьи лапы. Однако нужно хорошенько приглядеться к ним, прежде чем употреблять их в пищу, так как, освобожденные от меха, они производят неприятное впечатление своим необыкновенным сходством с человеческой ногой. Белый, мягкий, не горкнущий в закрытых сосудах медвежий жир издавна славится своими целебными качествами против выпадения волос и потому всегда дорого оплачивался.

Кроме того, отдельные народности и племена весьма ценят и некоторые другие части тела медведя. Так, уральские крестьянки приписывают медвежьим когтям таинственную силу привораживать любимого человека. Остятки считают медвежьи зубы верным средством против обмана, коварства и всяких опасностей. Жители нашего Полесья высоко ценят медвежью желчь, которая будто бы обладает противохолерическими свойствами.

Значительные выгоды, получаемые от медведей, заставляют усиленно преследовать этих зверей,—число их быстро уменьшается. Хорошая медвежья охота в России существует теперь только в глухих, малонаселенных уголках нашего отечества.

Ближайшим родственником бурого медведя следует признать живущего в Сев. Америке **серого, серебристого медведя** (гризли) (*Ursus cinereus*). По наружности и телосложению он несколько сходен со своим бурым собратом, только гораздо больше (до 2,5 м), тяжелее (до 28 пуд.), неуклюжее и несравненно сильнее последнего. Сразу бросаются в глаза его длинное, саженное

Гризли (*Ursus cinereus*)

тело, покрытое косматой темно-бурой шерстью, плоский широкий лоб и громадные лапы, вооруженные страшными, крепкими когтями до пяти дюймов длины.

О свирепости гризли до последнего времени ходили страшные рассказы. Один вид этого косматого, неуклюжего чудовища может, по словам охотников, внушить страх человеку и не робкого десятка. Свирепый зверь будто бы не разбирает, задел ли его или нет. Ему достаточно только увидеть человека, чтобы вслед за тем яростно броситься на него. И горе человеку, не умеющему послать смертельной пули: каждая рана только больше распаляет ярость зверя. Скрыться же от него очень трудно, так как гризли, несмотря на свою неуклюжесть, быстро бегает и отлично плавает по самым широким рекам. Неудивительно поэтому, что померяться силами с таким противником считается в Северной Америке высшим подвигом мужчины. А кто одержит над ним верх и достанет себе ожерелье из когтей и зубов гризли, тот пользуется у краснокожих почти княжеским почетом.

Нечего и говорить, что, не страшась самого повелителя земли, серый медведь ни во что не ставит других зверей. Он легко, напр., расправляется с бешеными бизонами, у которых одним могучим объятием переламывает кости. Обаяние страшной силы гризли на других животных так велико, что они чувствуют ужас, почуяв в воздухе только запах его. А домашний скот, по уверениям некоторых наблюдателей, дрожит при одном виде шкуры убитого гризли.

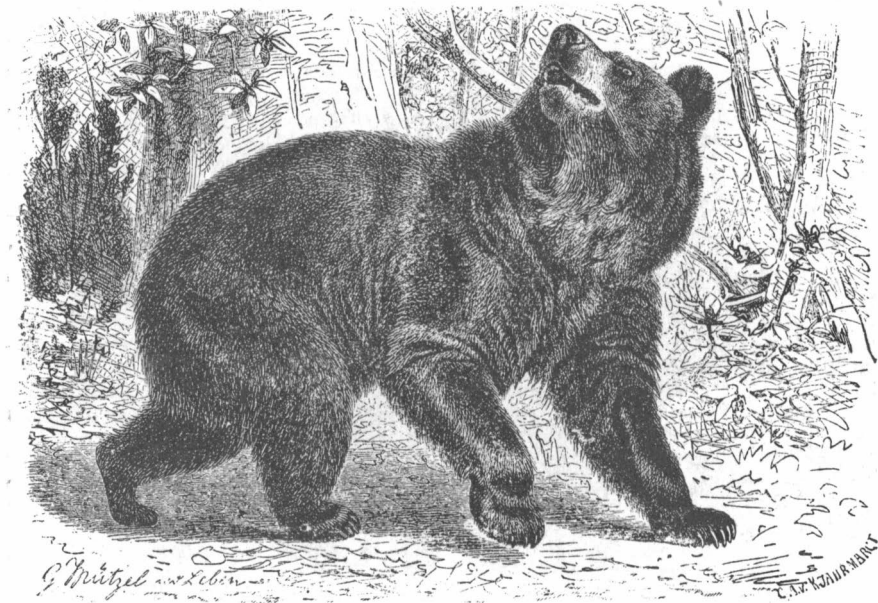
Однако передающие эти рассказы сообщали, что зверь, внушающий всем такой ужас, и сам не чужд чувства страха. В его характере есть одна странная и необъяснимая черта: он бесстрашно бросается на человека, как только завидит его, а между тем стоит только почуять ему запах того же человека, и он обращается в постыдное бегство. Бывали случаи, что безоружные люди, пользуясь этой слабостью зверя, спасали свою жизнь, отбегая к тому месту, откуда ветер мог донести до медведя запах их тела. Почуяв человеческий запах, медведь обыкновенно сразу останавливался, беспокойно осматривался по сторонам и затем трусливо убегал вспять.

В настоящее время дознано, что все эти рассказы о свирепости гризли в значительной степени преувеличены; гризли, оказывается, на самом деле едва ли свирепее своего европейского родича, скорее по нраву похож на него. По крайней мере, знаменитый генерал Марси, в течение 30 лет охотившийся по американским пустыням, говорит, что он сам, наслушавшись рассказов о свирепости гризли, испугался было встречи с ним, но действительность разрушила его страх: при первом же выстреле гризли (это была медведица с двумя медвежатами) обратилась в бегство, малодушно бросив своих детенышей. «Когда я настиг последних,—говорит Марси,—они стали жалобно выть, но мать только оглядывалась на них время от времени, не делая, однако, никаких попыток прийти к ним на помощь». Даже раненная, она не подумала защищаться... При

других встречах с гризли эти хищники также прежде всего пытались спастись от человека бегством.

Другой охотник, Мюльгаузен, также подтверждает наблюдения ген. Марси относительно трусости гризли. Только раз в штате Небраска ему привелось встретить медведя, который отчаянно защищался и даже с яростью преследовал охотников.

В молодости гризли, подобно бурому медведю, легко приручается и в это время бывает кротким, веселым животным. Паллизер, который привез

Барibal (*Ursus americanus*)

одного гризли в Европу, не мог нахвалиться своим пленником. Тот ел, пил, играл с матросами и сильно привязался к одной маленькой антилопе, бывшей на том же корабле; когда антилопу спустили на сушу и повели по улице, в нее вцепился какой-то громадный бульдог. В это время Паллизер шел со своим медвежонком; последний, при виде опасности, угрожавшей антилопе, вырвался из рук хозяина, схватил бульдога за горло и так искусал его, что тот с жалобным воем убежал без оглядки, бросив антилопу.

Образ жизни и поведение гризли в неволе, да и на свободе, мало чем отличается от нравов нашего медведя; подобно последнему, он также залегает зимой в берлогу.

Еще добродушнее другой, не менее известный американский медведь — **барibal**, или **черный медведь** (*Ursus americanus*). Он длинной до двух метров и высотой до 1 м, отличается от обыкновенного медведя более острой мордой, короткими ступнями и длин-

спячку. Несмотря на свой глупый и неуклюжий вид, барibal — чуткое, подвижное, очень ловкое и выносливое животное. Бегаёт он так быстро, что за ним не угнаться ни одному человеку, отлично плавает и мастерски лазает по деревьям; вообще он более ло-

Гималайский медведь (*Ursus torquatus*)

ным, жестким, гладким мехом блестящего черного цвета. У некоторых экземпляров встречаются белые или черные полосы на груди и темени. Водится барibal по лесистым местностям Северной Америки. Весной он бродит по берегам рек, летом удаляется в глубь лесов, а зимой залегает в своей берлоге, погружаясь в зимнюю

спячку. Несмотря на свой глупый и неуклюжий вид, барibal — чуткое, подвижное, очень ловкое и выносливое животное. Бегаёт он так быстро, что за ним не угнаться ни одному человеку, отлично плавает и мастерски лазает по деревьям; вообще он более ло-

его вершины. А одна медведица перепрыгнула даже через голову сторожа, хотевшего загнать ее в другую клетку, и живо очутилась на дереве. Иногда целая семья располагается по сучьям, по-видимому, в самых неудобных позах.

Голос барибала напоминает голос бурого медведя, только слабее и жалобнее его. В возбужденном состоянии он, подобно своему бурому собрату, сопит и щелкает челюстями, а в гневе фыркает. мех его довольно ценен.

Одним из представителей азиатских медведей может считаться **гималайский медведь** (*Ursus torquatus*), называемый японцами **кума**, а индусами **балу**, **зонар** и т. д. Туловище у него относительно тонкое, морда остроконечная, лоб с носом образует почти прямую линию, уши большие и круглые, ступни короткие, снабженные короткими же, но крепкими когтями; равномерно черный мех имеет на груди белую полосу. Длина до 1,8 м, а вес всего около семи с половиной пудов. На севере Индии кума обитает преимущественно по опушкам лесов, близ полей и виноградников. Это животное отлично лазает по деревьям. По образу жизни и нравам оно похоже на бурого медведя, но только гораздо трусливее его.

Живущие в Северной Японии кумы пользуются большим почетом у айносов. И действительно, это—самое драгоценное для них животное: оно снабжает их пищей и одеждой, а его желчь служит для них лекарством. С другой стороны, кума приносит им большой вред, уничтожая домашний скот, и потому айносы преследуют его, но, считая его божеством, стараются при этом умиловить, после убийства, искупительной жертвой. Последняя состоит в том, что череп убитого животного насаживается на так называемый «забор черепов», находящийся с восточной стороны жилища, и здесь ему приносят жертвы. Кроме того, у айносов происходит особое торжество, на котором они,

с соблюдением особых церемоний, убивают специально откормленного для этой цели медвежонка в качестве искупительной жертвы всему медвежьему роду, при этом много поют и пляшут и еще больше, по словам одного наблюдателя, Шейбе, пьют и даже плачут. Торжество заканчивается также насаждением черепа на «забор».

От всех вышеописанных видов значительно отклоняется **малайский медведь** (*Ursus malayanus*), или **бируанг**, встречающийся в Индокитае и на Б. Зондских о-вах. Он имеет довольно длинное, несладкое туловище, толстую голову с широкой мордой, маленькими ушами и очень маленькими, подслеповатыми глазами, несоразмерно большие лапы, длинные, крепкие ногти и короткую шерсть блестяще-черного цвета с чало-желтыми пятнами на морде и груди. Его жизнь на свободе еще мало известна, но, говорят, он сильно вредит кокосовым плантациям на Суматре, объедая нежные побеги на верху пальмы. Для людей он не считается опасным. Напротив, его, как забавного, доброго зверя, дают детям в товарищи игр, и он бегает по двору на полной свободе. У сэра Рефельса был такой воспитанник, и его ни разу не приходилось сажать на цепь. Не раз он подходил к столу, прося подачки, при этом он очень любил манго и особенно шампанское, имевшее для него, по-видимому, бесконечную прелесть. Этот медведь не делал зла даже маленьким животным и не раз пил из одной посуды с собакой, кошкой и попугаем. Другие наблюдатели также отзывались хорошо о ручных бируангах. Напротив, по моим наблюдениям над жившими в клетках бируангами, эти медведи—скорей злы и коварны. Они норовили ударить лапой каждого посетителя, к сторожам не чувствовали никакого расположения, грызли все деревянные части в клетках и, ко всему этому, были еще ужасно нечистоплотны. Может быть, именно лишение свободы так портило их.

Самым сильным между медведями, несомненно, является «царь полярных стран», **белый медведь**, или **полярный** (*Ursus maritimus*), принадлежащий к числу самых могучих хищников на земле. Своими размерами он далеко превышает и льва и тигра: длина его достигает двенадцати футов (2,8 м), а высота сплошь и рядом доходит до восьми (1,4 м). Этим размерам вполне соответствует колоссальная сила чудовища: нередки примеры, когда белый медведь уносил взрослого человека с такой легкостью, что товарищи несчастной жертвы не могли нагнать хищника. Еще более опасной является необыкновенная ловкость этого зверя, которой даже трудно поверить, приняв во внимание его вес, доходящий до 37 и даже до 50 пудов.

Будучи близким родственником нашего бурого медведя, белый медведь далеко не отличается неповоротливостью последнего. Он быстро и неутомимо бегаёт, отлично подкрадывается, пользуясь различными неровностями почвы, и чрезвычайно ловко выбирает нужный момент, чтобы врасплох напасть на свою добычу. Оттого добычей белого медведя зачастую делается даже такое чуткое и быстроногое животное, как северный олень. Помимо всех перечисленных способностей у «царя полярных стран» есть ещё одна, значительно облегчающая ему возможность добывать себе пропитание: он великолепно плавает и ныряет, добывая себе таким образом и рыбу, и тюленей, и молодых моржей. Мореплаватели, путешествуя по северным морям, неоднократно встречали белых медведей плавающими в открытом море, вдали от берегов. Прибавим ко всему этому необыкновенную отвагу белого медведя и страшную свирепость этого чудовища, и нам станет понятно, почему в полярных странах все живое страшится белого медведя. Один только морж, вооружённый своими могучими бивнями, отваживается вступать в борьбу с тираном севера, да человек при помощи огнестрельного оружия справляется с ужасным зверем. Во время зимовок путешественников в полярных странах белые медведи часто целыми стаями являлись на корабли, скованные льдами, и хозяйничали на их палубе. Нередко также голодные белые медведи нападали на снеговые хижины путешественников и пытались прорваться внутрь их, разломав крышу.

В то же время в описаниях полярных путешествий можно встретить массу примеров, доказывающих сильное развитие у белых медведей чувства родительской любви. Вот один из таких примеров, имевший место во время плавания фрегата «Каркас», в 1773 году. Раз, когда фрегат стоял неподвижно, затёртый сплошными льдами, вахтенный матрос закричал, что по льду идут три медведя. В это время команда свежевала недавно пойманного морского зверя. Приход неожиданных гостей застал ее врасплох. Все бросились спасаться на корабль. Между тем медведи жадно накинулись на оставленное мясо, причём один из них,—как оказалось, самка,—заботливо вырывал лучшие куски и угощал ими двух других, своих детёнышей. Однако обед зверей продолжался недолго: оправившиеся от страха матросы вернулись с оружием в руках и несколькими выстрелами прикончили детёнышей. Бедная медведица горестно следила за потухшими взорами своих любимцев. Не смея ещё верить ужасной действительности, она продолжала подносить им куски мяса, трогала их лапами, нежно лизала и переворачивала, питая надежду, что они ещё живы. Затем, отойдя на несколько шагов вперед, она обернулась, как бы ожидая чего-то. Но детёныши лежали неподвижно. Тогда она вернулась, обнюхала их, опять отошла; но, заметив, что ее любимцы уже похолодели, застонала так жалобно, что самый жестокосердный человек был бы тронут до слез. В это время раздались новые выстрелы. Тогда нежная мать повернула голову к кораблю и с яростным ревом решительно бросилась на врагов. Однако пули не дали ей

Белый медведь (*Ursus maritimus*)

сделать и двух шагов. Обливаясь кровью, она повалилась на снег. Но и тут, забывая о своих ранах, бедная мать думала только о детях: с тихими стонами подползла она к их трупам, продолжая нежно облизывать их, пока один удачный выстрел не прекратил ее жизни...

Позднейшие полярные путешественники говорят уже значительно меньше о свирепости белого медведя. Так, напр., знаменитый Норденшильд пишет следующее: «Если случится кому-нибудь невооруженному встретиться с белым медведем, то обыкновенно бывает достаточно нескольких криков, чтобы испугать его; если же сам человек обращается в бегство, то медведь следует за ним по пятам. Раненый медведь всегда убегает. Часто прикладывает он снег к ране в борьбе со смертью или роет яму в снегу, чтобы спрятать туда свою раненую голову. Ночью медведь часто подходит к палаткам, обнюхивает их, но не смеет туда войти. Прежде один вид полярного медведя возбуждал ужас путешественников; теперь же охотники, вооружившись одними копыями, не побоятся напасть на целую стаю медведей. И действительно, случалось, что они в короткое время убивали их до двенадцати штук».

Пехуэль-Леше разделяет мнение знаменитого путешественника. «Полярный медведь,—говорит он,—по своей громадной силе и величине может быть по праву назван «царем полярного океана». Он имеет поразительную остроту чувств и при нападении выказывает большую хитрость, но при близком знакомстве оказывается далеко не таким страшным, как о нем писали раньше. Правда, он защищает свою шкуру, когда это необходимо, но, если только есть возможность, убегает от человека и даже раненый редко нападает на него. Однако, раз принужден напасть, он становится серьезным противником, в борьбе с которым только хладнокровие и надежное оружие могут вывести из опасности. Трусливым я бы не хотел назвать этого медведя, а скорее осмотрительным, пугливым и вместе с тем до глупости любопытным. Что-нибудь съестное на далекой снежной ледяной поверхности побуждает его к исследованию; тогда он приближается к человеку и даже поспешно подбегает к нему. Кто не знает нрава медведя, может подумать, что тот нападает, и, бросившись бежать, может возбудить медведя к преследованию. Но серьезных опасностей на сто случаев бывает одна».

Так ведут себя белые медведи на далеком северо-западе, южнее и севернее Берингова пролива. Однако и в Западной Гренландии они не более страшны и точно так же пугаются выстрелов и криков людей. Пайер рассказывает о следующем приключении с одним матросом, Кленцером, на зимней стоянке. «Кленцер шел без оружия по склону горы и был уже в двухстах шагах от судна, когда заметил близко от себя белого медведя. Зная, что спастись бегством от быстрого животного невозможно, он решил отвлечь внимание зверя, кидая ему постепенно шапку, перчатки, палку и т. п. вещи. Медведь каждый раз останавливался и с любопытством рассматривал брошен-

ные предметы. Однако хитрость удалась не совсем, и зверь скоро схватил человека за руку. Матрос пронзительно закричал. Услыша его крики, мы быстро вооружились, но едва ли бы могли спасти своего товарища, если бы сам хищник, заметив наше приближение, не обратился в бегство...

Другой случай был с машинистом Краушнером, ежедневно ездившим за снегом для кухни на ближайший глетчер. Однажды к нему присоединился по дороге медведь и, подобно конвоиру, сопровождал его до самого судна, но тут был испуган нашими криками, которые мы подняли, чтобы обратить внимание Краушнера на его опасного товарища».

Животные с такими странными, забавными привычками не могут быть названы страшилищами Ледовитого океана и хищниками, опасными для человека. Напротив, человек сам преследует белого медведя ради его мяса, жира и меха, причем употребляет огнестрельное оружие, копья и капканы. Меха этого медведя ценятся выше меха других медведей, мясо же и жир употребляются только туземцами дальнего севера, для европейцев же употребление его жира небезопасно для здоровья, а печенка даже прямо вредна. У матросов есть даже поверье, что от употребления мяса белого медведя люди скоро седеют. Медвежье сало употребляется так же, как топливо.

Расставленных приманок белый медведь очень легко избегает. «Однажды,— рассказывает Скоресби,— желая достать медведя, не повредив его шкуры, мы решили поймать его в петлю, которую положили поглубже в снег, а в середине ее положили приманку в виде китового жира. Однако медведь, обнюхав все место кругом, разгреб лапами снег, осторожно сдвинул в сторону подозрительную веревку и потом спокойно завладел приманкой». Даже молодые медвежата выказывают подобную предусмотрительность. «Однажды в июне 1812 года,— рассказывает тот же путешественник,— к нашему кораблю подошла медведица с двумя медвежатами и была убита, медвежата же без всякого труда были пойманы живыми. Сначала они чувствовали себя очень несчастными, но потом мало-помалу свыклись и стали довольно ручными, так что им позволяли бегать по палубе. Через несколько дней, желая доставить морское купанье одному из них, навязали на шею веревку и бросили его в воду. Животное мгновенно подплыло к ближайшей льдине и, вскарабкавшись на нее, хотело, очевидно, убежать, но тут заметило, что его держит веревка. Близ края льдины находилась узкая расщелина в метр глубины. Медвежонок подошел к ней, повис на своих задних лапах, которые стояли на двух краях, опустил голову и большую часть туловища в расщелину и обеими передними лапами старался сбросить через голову веревку. Заметив, однако, что таким способом ему не освободиться, он придумал другое средство и вдруг начал стремительно бегать, чтобы разорвать веревку. Он повторял это бесчисленное множество раз; когда же и это не удалось ему, он, сердито ворча, улегся на лед».

Пойманные в молодости, белые медведи делаются ручными, только требуют частого купанья в воде; еще лучше для них — иметь возможность валяться в снегу. Относительно пищи с ними мало хлопот, так как они едят и мясо, и рыбу, и мед. С другими медведями они довольно неуживчивы, а в старости вообще делаются крайне раздражительными. Впрочем, бывали примеры, что при хорошем уходе они доживали до двадцати лет и даже размножались.

Представителем другого рода медвей является **губач** (*Melursus labiatus*) (длиною до 1,8 м), по наружности и по образу жизни отличающийся от предыдущих. Короткое, толстое туловище его на низких ногах, вооруженных огромными серповидными когтями, низкая, широкая, с плоским лбом голова, заостренная в длинную, узкую и хоботообразную морду, в высшей степени подвижные губы, короткие, тупо срезанные и стоячие уши и маленькие, вроде свиных, косо стоящие глазки; далее, длинная мохнатая глянцево-черная шерсть, образующая на затылке гриву, густую и курчавую, при серой или грязно-белой морде, — все это придает этому животному такой внешний вид, что его сразу можно отличить от всех животных. Родиной этих странных медвей является Индостан, где они обитают в густых лесах холмистых стран, встречаются они поодиночке или парами. «Благодаря своей длинной, косматой шерсти, — говорит Блэнфорд, — и своим коротким ногам губач представляет удивительное явление между всеми медведями; его движения так же комичны, как и наружный вид. Обыкновенно он ходит довольно быстрым шагом, при бегстве же пускается в необыкновенно неуклюжий галоп, до такой степени беспомощный, что если он бежит от охотника по прямому направлению, то имеет такой вид, точно его подгоняют, а он кувыркается. При этом он очень хорошо лазает по скалам и нередко, будучи испуган или подстрелен, скатывается сломя голову, как это делают другие медведи».

Различные корни и всевозможные плоды, пчелиные соты и мед, гусеницы, улитки и муравьи составляют главную пищу губача. Своими крепкими, длинными когтями он разрушает даже твердые постройки термитов. «Когда он стоит на их постройке, — говорит Тиккель, — то скребет своими передними лапами до тех пор, пока не отроет середину. При этом он сильно выдувает пыль и землю и втягивает в свою пасть обитателей муравейника с таким громким вздохом, что его слышно за сто сажен кругом. Точно так же он всасывает жирных личинок, довольно глубоко сидящих в земле».

В других странах губач влезает на финиковую пальму и выпивает подвешенные там сосуды с пальмовым вином; при этом часто охмелевшее животное кубарем скатывается с дерева.

По словам Сандерсона, губачи не безопасны для безоружных людей, особенно когда с ними сталкиваются невзначай и когда животное бывает испугано. Однако другие наблюдатели утверждают, что даже раненый губач убегает, не думая о мести.

Зимней спячке губачи не подвергаются. Детеныши появляются в декабре или январе и через два-три месяца уже следуют за матерью или, вернее, на матери, так как сидят, крепко уцепившись, на ее спине. Пойманные молодыми, губачи способны делаться ручными и в неволе относительно ласковы, добродушны и бесхитростны. Убитый губач не имеет никакой цены, так как его мех не стоит выделки, а мясо несъедобно.

Первое место во второй группе, **кошкovidных медвейей**, занимает **тибетский горный медведь** (*Ailuropus melanoleucus*), несколько меньше нашего бурого медведя (до 1,5 м в длину). Его широкие, волосатые, закругленные внизу ступни коротки и при ходьбе не вполне касаются земли, как у других медвейей; голова с широкой мордой относительно шире, чем у них. Хвост очень короткий; зубов — 40; шерсть белого цвета, за исключением некоторых черных частей. О жизни этого медведя почти ничего не известно.

Далее, к кошкovidным же медведям относятся **панда** (*Aiturus fulgens*), называемая англичанами *гималайским енотом* и занимающая среднее место между горным медведем и бинтуронгом (до 50 см длины). Густой, мягкий мех придает ей толстый вид; покрытая длинными волосами голова также очень широка и коротка, длинный хвост (до 35 см) очень пушист, а волосатые ступни только наполовину касаются земли; зубов — 38. Шерсть окрашена в блестящий темно-красный цвет, переходящий на спине в светло-золотисто-желтый. Родина панды — юго-восточные части Гималайских гор, но о жизни ее на свободе мало известно.

Известно только, что панды живут парами или семействами в лесах, питаются растениями и насекомыми. Обыкновенный голос их — короткий слабый крик, напоминающий щебетанье птицы. Из-за своего красивого меха эти животные усердно преследуются человеком.

Несколько больше панды **бинтуронг** (*Arctictis binturong*), называемый англичанами *черной медвежьей кошкой*. Длина

его доходит до 1,35 метра, причем почти половину занимает длинный, пушистый хвост. Цвет шерсти — матово-черный, переходящий местами в серый или буроватый. Это животное обитает в Индокитае и на Больших Зондских о-вах, но образ жизни его малоизвестен. По-видимому, это — всеядное животное. Пойманное молодым, оно быстро свыкается с неволей, но не представляет особенного интереса для наблюдателя.

Полоскун, или енот (*Procyon lotor*)

Наконец, из третьей группы, **маленьких американских медведей**, нужно прежде всего указать на **полоскуна**, **енота**, или **ракуна** американцев (*Procyon lotor*), небольшое животное (до 65 см длины), покрытое желтовато-серым мехом. Полоскун водится в обеих Америках по лесам, где много рек, озер и ручьев. Это веселое, красивое животное во время ходьбы равнодушно опускает голову, сгибает спину и, опустив хвост, плетется своей

дорогой, переваливаясь с боку на бок, но лишь только сделает для себя какое-нибудь важное открытие, напр., встретит беззащитное животное, как все существо его внезапно преображается: косматая шерсть становится гладкой, широкие уши заостряются; животное поднимается на задние лапы, прыгает и проворно бежит или лезет на дерево с такой ловкостью, какую у него трудно и предположить. По умственному складу енот несколько походит на обезьяну: также весел, жив, при случае смел, а при выслеживании добычи хитер, как лисица, ест он все, начиная с растений и кончая рыбой и крабами, которых ловит из воды. Любит также таскать домашних кур. Человек преследует это животное не только из-за его хорошего меха, но также из-за одной страсти к охоте. Последняя обыкновенно производится ночью, при свете факелов и с помощью собак, причем один из охотников лезет на дерево, где ищет убежища загнанный зверь, и преследует его там до тех пор, пока тот, пытаясь спастись от врагов, не падает в отчаянии с дерева, где и попадает в зубы собак.

Пойманный в молодых летах, енот обыкновенно скоро делается ручным. Правда, подобно обезьянам, он не выказывает особенной привязанности к человеку; но его доверчивость, веселость и неослабевающая подвижность нравятся людям. Он с наслаждением отдается играм и забавам, тихо ворча от удовольствия, подобно щенкам, а гуляя по двору и по дому, жадно бросается на все съестное и лакомое для него. Пищу енот подносит к себе передними лапами, сидя на задних. С другими домашними животными он обыкновенно живет в ладу, хотя и не прочь зло подшутить над ними.

На восточном побережье Южной Америки, именно в Гвиане, водится другой вид полоскуна, **ракоед**, или **агуара** (*Procyon cancrivorus*), немного выше енота, серо-черного или желто-черного цвета. Он также способен делаться ручным, но издаваемый им резкий запах делает его в доме неприятным.

К полоскунам близко примыкают **носухи** (*Nasua*), животные с узким, вытянутым туловищем, длинной, остроконечной головой и короткими сильными ногами. Главным отличительным признаком их служит нос в виде хобота, окаймленный острыми выгнутыми краями. Пять пальцев, почти сросшихся между собой, вооружены длинными, острыми и мало загнутыми когтями.

Наиболее известный вид **коати**, или **обыкновенная носуха** (*Nasua tufa*), животное до 1 метра длины (причем 45 см приходится на хвост). Цвет шерсти — яркий или серовато-бурый, с желтоватыми и бурыми пятнами. Указывают еще, как на отдельный вид, на **белоносую носуху** (*N. nasica*).

Все носухи — дневные животные: ночью они спят, а днем рыщут в поисках пищи, причем главным органом осязания у них является хоботообразный нос; зрение же у них развито, по-видимому, не особенно хорошо; напротив, обоняние и слух хороши. Питаются носухи как растениями, так и мелкими животными. К неволе они довольно хорошо привыкают, но так упрямы и раздражительны, притом распространяют такой неприятный запах, что редко кто любит держать их в своем доме, притом же они любят все перерывать своим носом и разбрасывают кругом вещи.

Наконец, в качестве последнего представителя семейства медведей нужно указать на **цепкохвостого медведя** (*Cercoleptes caudivolvulus*), **квинкажу**, или **кухунби**, как его называют на родине, в Северной Бразилии. Это очень длинное (до 90 см, из которых 47 — хвост) неуклюжее животное с маленькой, толстой головой, очень толстой, короткой мордой и очень длинным, цепким хвостом. Очень густой, мягкий, блестящий, как бархат, мех его — светло-серовато-желтого цвета с рыжеватым отли-

вом и черно-бурыми полосами, снизу — красно-бурый, а отчасти — черно-бурый. Кроме Бразилии, кинкажу встречается еще в Перу, Мексике и даже во Флориде; живет он в девственных лесах и ведет ночной образ

требуется от своего хозяина, чтобы тот играл с ним и разговаривал. У туземцев Южной Америки это — самое любимое животное. Целый день оно спит и просыпается только после заката солнца, причем делается очень

Кинкажу, или цепкохвостый медведь (*Cercoleptes cardiovulus*)

жизни, отличаясь замечательным искусством лазанья по деревьям. В неволе трудно найти более приятное животное. Кинкажу привязчив, как ребенок. Он нежно прижимается к человеку, когда его гладят, и бывает недоволен только тогда, когда потревожат его сладкий сон днем. Он

оживленным, играет, прыгает, лазает и смешит всех своими забавными выходками. Обыкновенный голос его — тихий свист; будучи же раздражен, кинкажу тявкает, как щенок. Между собой эти животные живут в ладу, что еще более делает его приятным другом дома.

ОТРЯД V

Ластоногие (Pinnipedia)

Ластоногие представляют из себя таких морских животных, в которых, в отличие от китов, ясно видны признаки млекопитающих. У них существуют все четыре конечности, хотя и волочащиеся по земле, но совершенно отдельные от туловища, и с ясно видимыми, свободно двигающимися пальцами у большинства видов; только у некоторых пальцы неподвижны, хотя все-таки обозначены снаружи маленькими ногтями. На задних конечностях все пальцы — одинаковой длины. Вообще, по строению тела ластоногие хотя и сильно отличаются от рассмотренных нами до сих пор животных, но все-таки стоят довольно близко к некоторым из них, именно к выдрам и медведям. Мозговая коробка их широка и плоска, лицевая часть широко закруглена, пасть глубоко прорезана, верхняя губа усажена крепкими, упругими щетинками, которые отличаются от усов хищных животных; нос имеет косо расположенные щелевидные ноздри, которые закрываются клапанами; глаза — большие, довольно плоские, снабженные мигательными перепонками; ушной раковины у большинства видов нет; у кого же есть — она слабо развита; отверстие уха закрывается особым клапаном. Короткая толстая шея ластоногого переходит непосредственно в более или менее цилиндрическое туловище, сзади суживающееся, с хвостом в виде маленького отростка. Толстая, твердая кожа покрыта большей частью только простыми, жесткими волосами, которые иногда удлиняются в виде гривы; иногда под волосами замечается густой подшерсток. Преобладающий цвет шерсти — зеленовато-серый, с желтоватым или красноватым оттенком и темными полосами; встречаются, впрочем, одноцветные и пегие животные.

Вследствие ластообразного устройства конечностей ластоногие схватывают и держат пищу исключительно зубами. Резцы большей частью маленькие, клыки выдаются меньше, чем у других животных, за исключением только

моржей. Ложнокоренные зубы трудноотличимы от настоящих коренных, так как все они конусообразны или плоские, сжатые с боков; на них заметно несколько маленьких зубцов или один большой с маленькими зубчиками. Смена зубов происходит еще в утробной жизни, так как детеныши являются на свете довольно развитыми. Позвоночный столб напоминает хребет хищных. Ключиц совсем нет. Относительно развитой мозг имеет многочисленные извилины, расположенные как у хищных. Желудок простой, удлинённый в виде кишки.

Ластоногие распространены по всем морям земного шара, а также попадаются во внутренних озерах Азии. Вода—настоящая родная стихия для них, так как на земле они только спят в течение дня или греются на солнце. В воде же они плавают и ныряют с замечательным искусством. По земле плохо передвигаются даже те виды, которые могут ходить; движения же других напоминают движение гусениц: когда, напр., тюлень хочет передвинуться с одного места на другое, он кидается на грудь, сгибает туловище, подобно кошке, опирается на задние конечности и быстро вытягивает свое тело вперед. Таким образом, опираясь поочередно то на переднюю, то на заднюю часть своего тела, выги-

бая и вытягивая его, он передвигается довольно быстро, причем передние лапы не играют при этом движении никакой роли.

Водятся ластоногие обыкновенно целыми стадами. Из внешних чувств у них развит преимущественно слух и гораздо менее—зрение и обоняние. Голос состоит из хриплых звуков, похожих то на лай собаки, то на мычание теленка, то на рев быка. Пищу ластоногих составляет мясо всякого рода, но большей частью рыбы, ракообразные и моллюски. Сами же ластоногие подвергаются жесточайшему преследованию только со стороны человека, который гонится за их салом, кожей и зубами. Почти все ластоногие могут сделаться ручными, а некоторые из них даже дрессируются для ловли рыбы.

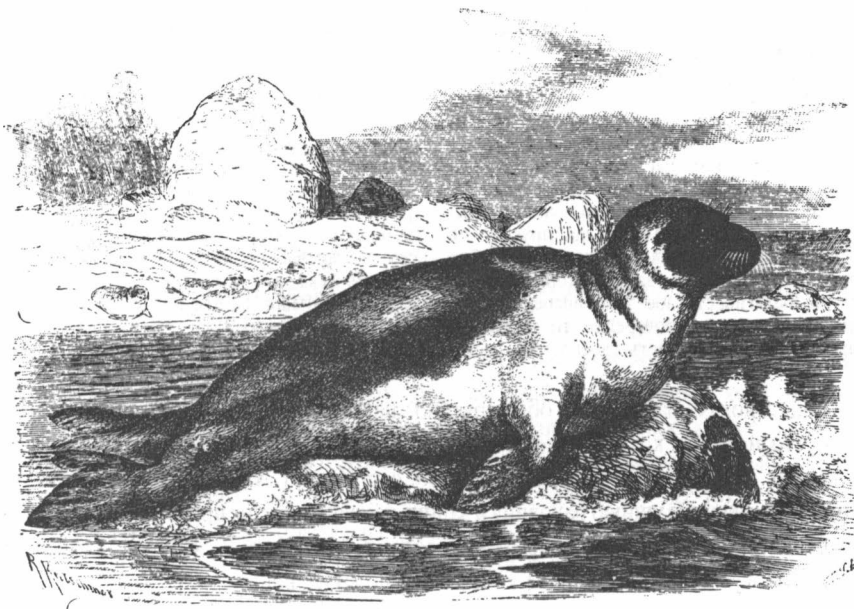
Ластоногих разделяют обыкновенно на три семейства: к первому относятся **тюлени**, у которых нет ушной раковины и которые не могут ходить на задних конечностях; второе семейство составляют **ушастые тюлени**, или **нерпухи**, имеющие ушную раковину и задние конечности, еще пригодные для ходьбы; наконец, третье семейство образуют **моржи**, у которых хотя нет ушей, но которые могут подгибать задние конечности под туловищем.

Представители первого семейства, **тюленей**, отличаются короткими, так сказать, неотдельными от туловища конечностями, ступнями и плавательными перепонками, покрытыми волосатой кожей. Цвет шерсти большей частью мелко пятнистый. Тюлени—наиболее распространенные животные из всех ластоногих. Они населяют не только океаны, но и большие внутренние бассейны, как, напр., Байкал и Каспийское море, причем никогда не удаляются от берегов. В воде они чувствуют себя замечательно легко и даже могут спать; на земле же двигаются довольно неуклюже. Отдыхающий на суше тюлень представляет из себя олицетворение лени и неподвижности. Кажется, что ему лень сделать хоть одно движение, чтобы передвинуться с места. Он поворачивается к солнцу то спиной, то животом, то боками, лениво шевелит лапами, открывает глаза или с наслаждением закрывает их, мигает или неподвижно вперяет свой взор вперед, иногда открывает затягивающиеся клапанами ушные отверстия и ноздри, но вообще редко обнаруживает какое-нибудь движение, кроме дыхания. В таком

положении тюлень любит лежать в продолжение целых часов и глухо ворчит, когда его беспокоят. На Крайнем Севере тюлени любят нежиться на льдинах, причем толстый слой жира и кожа защищают их от холода. Голос тюленя иногда походит на хриплый лай, иногда—на плач, во время же гнева они ворчат, как собаки.

Уже древние указывали на этих животных, как на высоко одаренных природой. Новейшие наблюдения в зверинцах, а также опыты с учеными тюленями в цирках подтверждают это мнение. Внешние чувства

тюленя развиты хорошо и равномерно. Глаза замечательны тем, что зрачок имеет вид четырехугольной звезды. Этим объясняется, вероятно, та необыкновенная подвижность глаза, которая замечается у этих животных

Лысун (*Phoca groenlandica*)

и делает их способными видеть не только в различных глубинах воды, но и днем и ночью одинаково хорошо. Кроме того, замечательно, что тюлени, подобно другим ластоногим, в состоянии возбуждения или при боли испускают слезы. Что касается слуха, то он также развит довольно хорошо. Многие наблюдатели замечали, что тюлени с удовольствием прислушиваются к музыке и пению, даже к колокольному звону. Родительское чувство также развито у этих животных; они храбро защищают своих детенышей, не оставляя их даже в минуты смертельной опасности. Детеныши являются на свет Божий где-нибудь на пустынном берегу, на скалах, в пещерах или на ледяных полях. Сначала они бывают по-

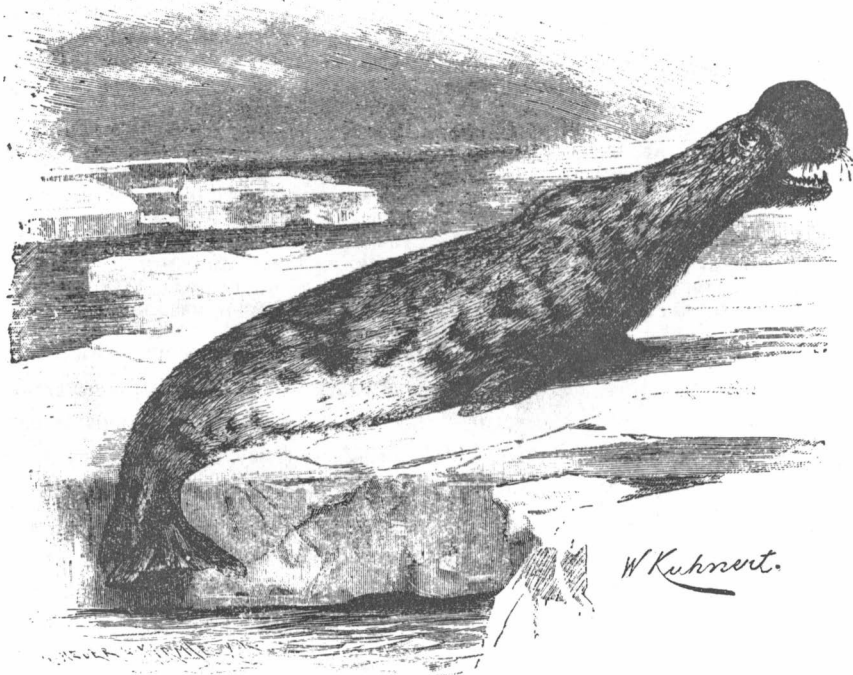
крыты густым белым мехом, который, впрочем, скоро заменяется обыкновенной толстой шерстью.

Питаются тюлени рыбой, ракообразными и моллюсками. Европейцы преследуют этих животных главным образом из-за ворвани и шкуры. Гренландцы же употребляют и мясо. Несмотря на живучесть тюленя, убить его очень легко; достаточно одного сильного удара кулаком по переносью; между тем из ружья можно только убить его, попав в голову или сердце. Вследствие ожесточенного преследования со стороны человека охота за тюленем делается год от года труднее, так как, напуганное своим вековечным врагом, это животное стало очень пугливо и осмотнительно. Охотятся же за ним и на суше,

подстерегая тюленей во время отдыха и на море, с лодок. Кроме человека, тюленя преследуют хищные киты, от которых они спасаются на суше; далее, белые медведи, от которых им и там нет спасения, и большие хищные рыбы.

Шкуры тюленей, идущие на Крайнем Севере на одежду, имеют такую цену, что, по словам Броуна, нельзя порадовать молодую гренландку лучшим подарком, как подавив ей целую шкуру.

Длина **обыкновенного тюленя** (*Phoca vitulina*) колеблется от 1,6 до 1,9 метра. Голова у него яйцеобразная, с короткой мордой, глаза большие, темные, с умным выражением; уши—в виде маленьких треугольных возвы-

Хохлач (*Cystophora cristata*)

шений; подвижная толстая верхняя губа усажена несколько волнистыми, щетинистыми усами; передние конечности—очень короткие, задние—широкие, очень развитые; хвост, как и у других ластоногих, очень короткий; цвет шерсти желто-серый, с мелкими коричневыми, почти черными пятнами. Распространен тюлень почти по всем северным частям Атлантического океана, а также в Ледовитом океане; часто он спускается довольно далеко к югу, даже до северных берегов Южной Америки; из морей по рекам он часто заходит во внутренние озера, напр., Ладожское и Онежское.

Близко подходит к обыкновенному и **каспийский тюлень** (*Phoca caspica*).

Другой вид, **лысун**, или **седлистый тюлень** немцев и англичан, **чернобо-**

кий—датчан и норвежцев (*Phoca groenlandica*), отличается от обыкновенного более длинной и узкой головой, плоским лбом и вытянутым рылом, а также более корот-

кими передними конечностями и тем, что у него длиннее других не первый, а второй палец. Длина его редко достигает 1,9 метра; цвет шерсти сверху—светло-желтый, а иногда красно-бурый, снизу же—как бы полинялый, рыжевато-серебристый; на спине и на голове замечаются черные пятна. Самки же сверху тусклого и желто-белого или палевого цвета, с красным, синим или темно-серым отливом. Водится лысун на Крайнем Севере и только изредка спускается до 67°. В противоположность обыкновенному тюленю он избегает суши и почти исключительно пребывает на льдинах, где их скопляются иногда огромные стада. Ежегодно убивают по несколько десятков тысяч этих тюленей.

В ряду остальных ластоногих второе место занимают **хохлачи** (*Cystophora cristata*), старые самцы которых имеют на голове странное украшение в виде чепца. Этот чепец, представляющий из себя кожаный пузырь, может быть, по воле тюленя, наполнен воздухом или опорожнен. Голова у хохлача большая, рыло толстое, тупое, туловище устроено, как у других ластоногих,

точно так же и конечности: передние лапы вооружены сильно загнутыми внизу выдолбленными, задние же—тупыми и с боков загнутыми когтями; хвост—широкий и короткий. мех состоит из длинных волос и толстого пушистого подшерстка; цвет его—темно-бурый или черный с разнообразными пятнами еще более темного цвета, снизу же—темно-серый или ржаво-серебристый и без пятен. Водятся хохлачи вблизи Гренландии и Ньюфаундленда.

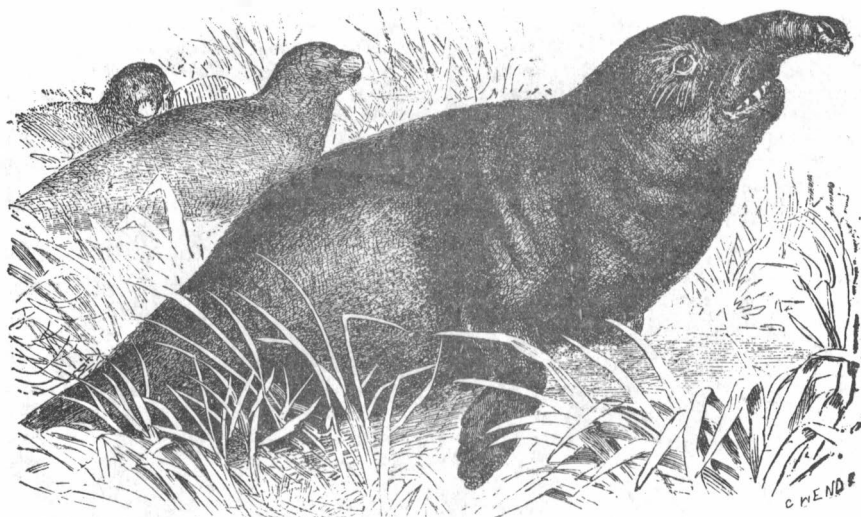
По единодушным рассказам всех путешественников, это—самый смелый из всех тюленей, и потому охота на него небезопасна: хотя он, лежа на льдине, и производит впечатление тупого равнодушия ко всему и почти бессмысленно устремляет свои большие черные глаза, однако всегда готов на защиту. При виде опасности он не бежит, подобно другим тюленям, а идет прямо на врага, причем надувает свой кожаный мешок и храпит, как разъяренный бык; иногда, раненый стрелой, он бросается на лодку и кусает охотника. В Гренландии ежегодно убивают около 4000 хохлачей и потому год от году животных все убывает.

Великаном между всеми тюленями можно назвать **морского слона** (*Moschoghinus leoninus*), получившего такое название от короткого, вытянутого вперед хобота, в который переходит нос самцов. Некоторые моряки называют его еще **морским волком**. По внешнему виду он похож на других тюленей, но превосходит их величиной: самцы доходят до 5 метров, длина же самки—наполовину меньше. Голова у этих животных большая, широкая и довольно вытянутая, морда на конце как бы обрубленная, верхняя губа усажена шестью рядами крепких щетин, длиной до 15 см; глаза—относительно большие, круглые, выпученные, без ресниц; уши, расположенные недалеко от глаз и ниже их, представляют лишь круглые отверстия, не защищенные складками кожи; конечности очень сильны и крепки; передние из них снабжены длинными, сильными, тупыми когтями, а задние имеют вид глубоко вырезанных весел. мех, состоящий из коротких, блестящих и толстых волос,—светло-бурый, внизу светлее; у самок—сверху темно-оливково-бурый, снизу светло-желтый.

Водится морской слон в южных морях, начиная с 50-го градуса; раньше же встречался гораздо севернее, но был истреблен. Эти животные на земле—очень беспомощны; с трудом пройдя небольшое расстояние, они устают и должны отдыхать. Штейнен говорит: «Морской слон, поработавший вытянутыми конечностями, чувствует чрезвычайное утомление от малейшего движения; после 3—4 толчков вперед эта студнеобразная, вздрагивающая жирная масса отдыхает и затем со стоном движется далее, оставляя за собой длинный широкий след; в воде же это животное движется с большой ловкостью; оно отлично делает быстрые обороты, спокойно спит на волнах и усердно гоняется

за добычей, состоящей обыкновенно из моллюсков и рыб; иногда морские слоны глотают также водоросли и камни величиной с два кулака».

Душевные способности морского слона, вероятно, развиты слабо: на суше он видит хорошо только вблизи; слух и обоняние его очень плохие, а осязание притуплено толстым подкожным слоем жира. В общем эти животные представляют из себя ленивых, тупоумных зверей, которые, по словам наблюдателей, никогда не нападают на человека. Пернетти уверяет, что его матросы садились на них, как на лошадей, верхом и понуждали их к скорой езде ударами ножа. Другие наблюдатели подтверждают безобидность этих животных.

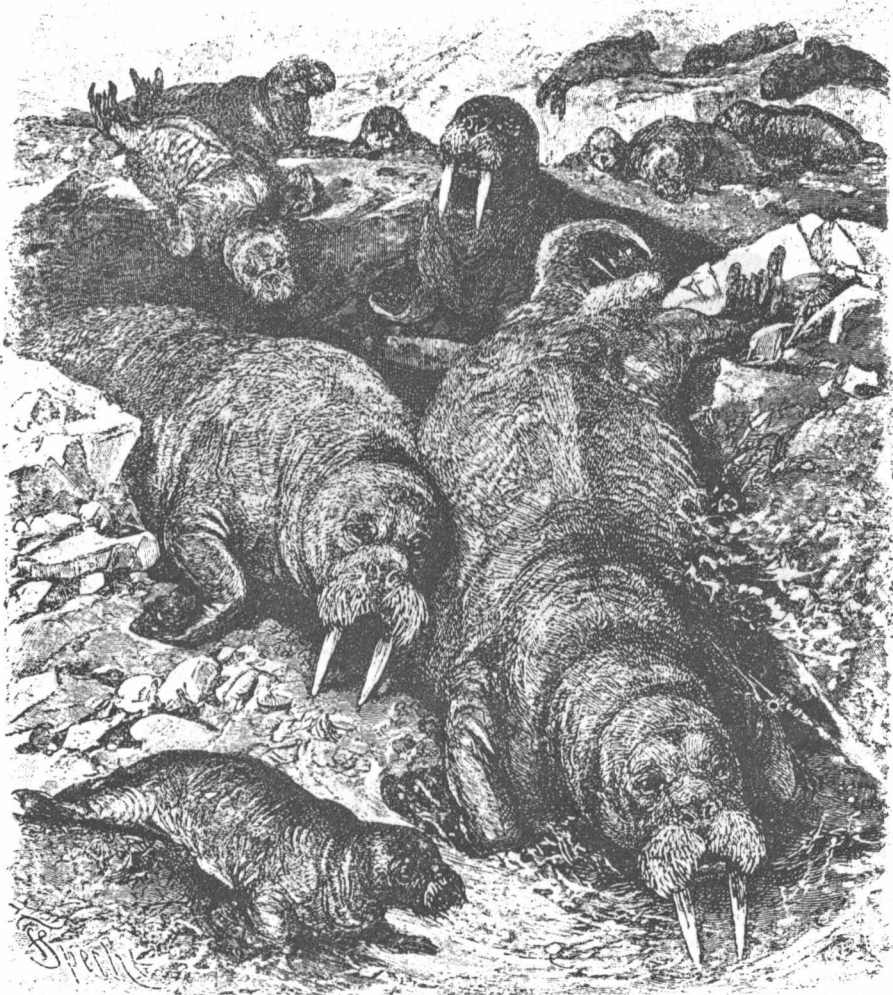
Морской слон (*Macrocinus leoninus*)

«Обыкновенно самцы глядели на нас,— рассказывает Штейнен,— с тупым изумлением, раскрывали свои пасти, сопели, но не двигались с места. Старые слоники со своими круглыми, мутно-стеклянными глазами, с мордой синевато-мясного цвета, с маленькими низкими губами, едва выступающими из краев челюстей, с морщинистой сухой кожей, напоминали лицо безобразной старухи. С другой стороны, не могло быть ничего забавнее, как вид этого животного, когда оно во время сна своими хорошо развитыми черноватыми пальцами чешет себе голову или свою неповоротливую спину».

Человек всюду преследует это беззащитное животное; на Кергуеленских о-вах их в течение какого-нибудь часа истребляют по несколько десятков штук. Орудием охоты служат обыкновенно копыта или, еще чаще, толстые дубины, которыми глушат зверей по голове. Скоро, должно быть, эти животные и совсем исчезнут, так как не могут, подобно китам, удаляться в недоступные части

океана. Каждое животное кроме шкуры дает до одного килолитра жира, который считается у моряков целебным средством для залечивания ран.

Представителем второй группы является **морж** (*Trichechus rosmarus*), самое чудовищное из всех ластоногих. В зрелом возрасте этот зверь до-

Моржи (*Trichechus rosmarus*)

стигает до 4,25 метра, иногда даже до 5, при толщине в 3 и даже 4 метра и весе до 60 пудов. Из его мощного туловища выступают по бокам конечности, подобно большим лопастям, в которых, впрочем, можно различить плечевой и локтевой суставы. Каждая конечность снабжена 5 пальцами с короткими, тупыми когтями. Но отличительный признак представляет маленькая,

круглая голова с короткой, широкой и тупой мордой. Последняя по обеим сторонам усажена сплюснутыми, роговыми, щетинистыми усами, в числе иногда нескольких сот. Самые большие из этих усов бывают толщиной в воронье перо и длиной до 10 см. Ноздри— в виде полумесяца; далеко отодвинутые назад глаза малы и защищены выступающими вперед веками; уши, лишенные ушной раковины, лежат далеко позади головы. Из зубов далеко выступают из морды 2 могучих клыка, которые вытесняют 6 передних зубов, встречающихся только у очень молодых. Эти клыки бывают иногда длиной до 90 см и весом до 3,5, иногда до 8 кг. Уже с первых дней жизни моржа нижние резцы выпадают, и только одни клыки продолжают развиваться; клыки встречаются не только у самцов, но и у самок. Почти совсем голая, очень толстая кожа моржей покрыта не только складками, но и мозолями. Преобладающий цвет моржа — ярко-бурый или серый.

Ожесточенное преследование со стороны человека загнало моржей, подобно другим животным, на Крайний Север, и теперь они встречаются только в морях, окружающих северный Полярный круг. Моржа нужно считать береговым жителем, так как он, в противоположность тюленям, редко удаляется далеко от берегов.

Все путешественники находят это животное крайне безобразным и даже отталкивающим. «Они лежат,— говорит один из первых наблюдателей, Мартенс,— на льдине, распластавшись, как тюлени, и страшно режут. Они спят, храпя, не только на льдинах, но и в воде. Эти храбрые животные защищают друг друга до самой смерти; если один из них бывает ранен в то время, как экипаж шлюпки бьет и рубит их, то другие моржи ныряют в воду около шлюпок и стараются своими большими зубами пробить им дно, а некоторые бесстрашно бросаются прямо на шлюпки. На льдинах моржей скопляется по несколько десятков штук».

На земле морж передвигается тяжело и неловко, но все-таки еще ходит, а не ползает, передвигая одновременно накрест лежащие лапы, причем в передних конечностях ставит вперед пальцы, а в задних — пятки. При лазании на крутые льдины он прибегает к помощи своих крепких клыков. Неуклюжий на суше, морж обнару-

живает замечательную ловкость в воде и легко может обогнать любую шлюпку. Голос его походит то на мычание коровы, то на грубый лай собаки, при гневе же переходит в настоящий рев.

Об остроте внешних чувств моржа Пехуэль-Леше говорит: «Зрение его плохо, слух гораздо лучше, но особенно хорошо развито обоняние, так что он чует человека уже на расстоянии нескольких сот шагов, и подкрадываться к нему нужно только с подветренной стороны». При встрече с человеком моржи обнаруживают большое мужество, особенно самки, когда им приходится защищать своего единственного детеныша. Встреча со стадом разъяренных моржей часто кончается гибелью одной или нескольких лодок охотников. В местах же, где моржи мало встречаются со своим исконным врагом, они представляют только любопытных животных, которые мирно плавают около лодок, не принося им никакого вреда. Кроме человека, моржей преследуют белые медведи и хищные киты; но особенно большие мучения доставляют им паразиты из класса насекомых. Питаются моржи моллюсками и рыбой, а для пищеварения глотают водоросли и мелкие камни. Европейцы употребляют кожу, зубы и жир моржа, эскимосы же — и мясо, которое считается у них крайне лакомым блюдом.

Из 3-й группы, нерпук, или ушастых тюленей, мы остановимся на **сивуче, морском коте и морском льве**.

Сивуч (*Otaria Stelleri*) представляет животное до 4 м длины и 35 пуд. весом; самки — вдвое меньше. На верхней губе сидит 30—40 беловатых щетин до 45 см длины. Конечности, снабженные сильно развитой плавательной перепонкой, покрыты большей частью грубой шероховатой кожей, между тем

как туловище покрыто везде ровным, коротким, блестящим, жестким мехом разнообразной окраски — черной, красно-бурой или светло-серой. Сивучи распространены в северной части Тихого океана, в восточных частях его до экватора или до Черепашьих о-вов. В некоторых местах, называемых лежбищами и расположенных обыкновенно между 53° и 57° сев. шир., они тысячами собираются ежегодно, выходят на берег и здесь рожают своих детенышей. Меньшие лежбища расположены южнее, напр., при входе в гавань Сан-Франциско и в некоторых местах Южной Калифорнии*. «Там,— пишет Финч,— в расщелинах скал или узких карнизах, лежат они, лениво растянувшись, под начальством старого самца, известного всем жителям под именем Бен-Бутлера. Расположившись на самой высокой точке скалы, этот Бен-Бутлер подымает время от времени голову, раздувает свою толстую шею и испускает свой низкий, громкий лай, к которому примешиваются не только более слабые и высокие голоса его сородичей, но и крик бесчисленных чаек, карканье бакланов, усеивающих выступы скал, и густые, басовые ноты пеликанов. Пораженный необычайным зрелищем неблюдатель с изумлением видит, как эти на вид неповоротливые и неуклюжие гиганты влезают на самую верхушку скал. В спокойном состоянии они напоминают гигантских темных слизней, а иногда во время сна свертываются, как собаки, в клубок, уткнувшись носом в живот». Если мы и на суше изумляемся подвижности этих неуклюжих животных, то все же нужно сказать, что только в воде она выказывается во всей силе. Часто можно видеть, как сивучи соскальзывают прямо с вершины скалы в море.

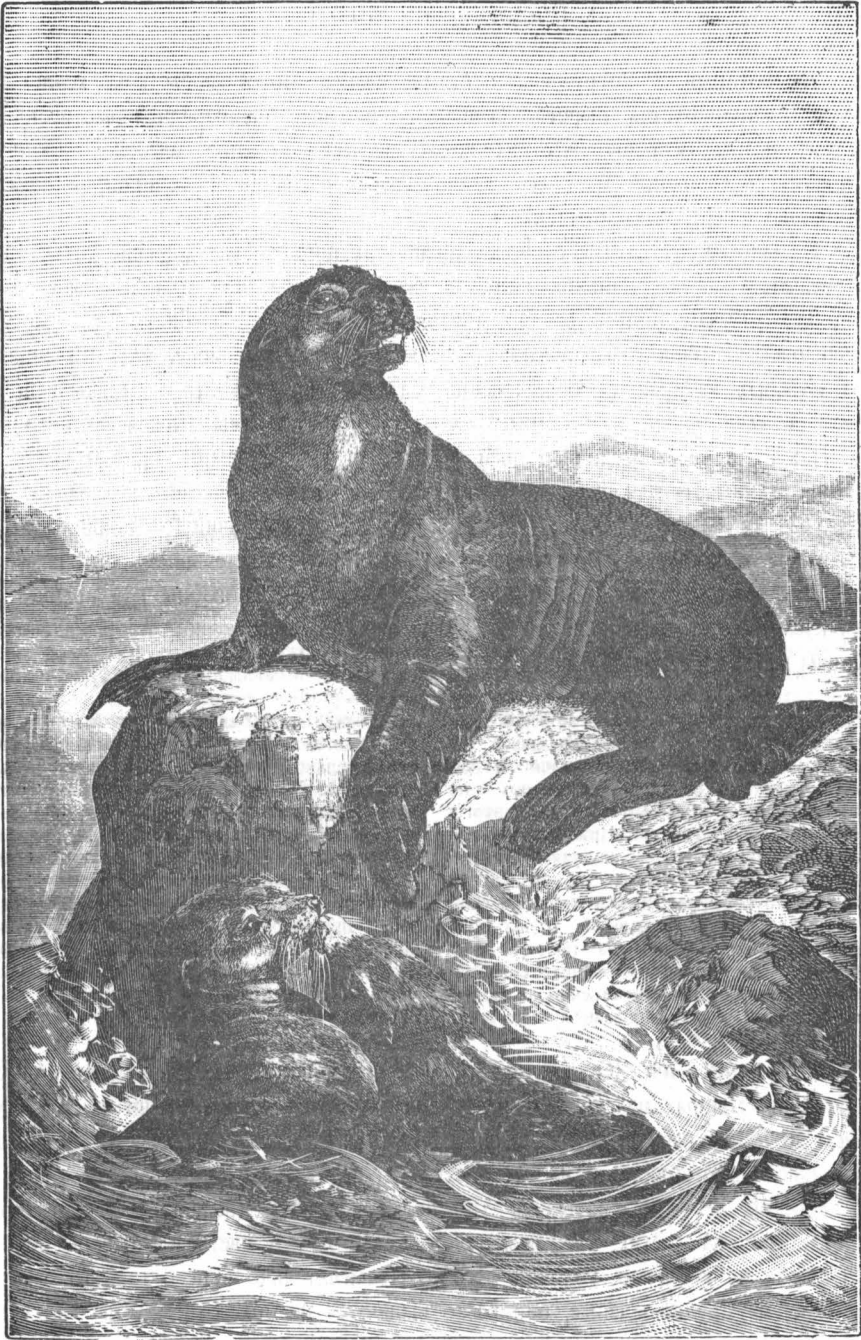
В то время как европейцы охотятся за сивучем из-за его жира и шкуры, это животное снабжает жителей Аляски, Алеутских и Прибылевых о-вов не только пищей, но и разными хозяйственными предметами. В пищу идет у них мясо и жир, жилы употребляются вместо ниток, из шкур делают легкие челноки, причем для остова их служат ребра того же животного, а из кишок готовят отличные не-

промокаемые одежды. Охотники обыкновенно подкрадываются к стаду сивучей, когда оно лежит на берегу, отрезают им отступление от моря и затем, при помощи криков, выстрелов и вообще шума, гонят оторопелых животных в глубь страны, иногда на расстоянии 11 английских миль, на место бойни.

Пойманные молодыми, сивучи легко уживаются в неволе и со временем выказывают даже нежность к своему сторожу.

Морской кот (*Otaria ursina*) по величине уступают сивучу: длина самых больших самцов не превышает 2,5 метра, а вес—13 пуд.; самки— вдвое меньше и вчетверо легче. Туловище его хотя толсто, но очень длинно и оканчивается очень коротким и острым хвостом; голова, с маленькой пастью, длиннее и острее, чем у других ластоногих; ноздри— в виде щелей; глаза большие, темные, выразительные; на верхней губе торчит около 30 жестких щетин до 16 см длиной. Передние конечности, в виде плавников, покрыты упругой, черной, гладкой кожей, на конце удлинняющейся, так что все 5 паль-

* Здесь они находятся под охраной правительства, и охота на них запрещена.

Морской лев (*Otaria jubata*)

цев, из которых 3 вооружены ногтями, оканчиваются лоскутком кожи до 10 см длины. Густая шерсть, заметно удлиненная на передней части тела, состоит из не особенно жестких волос и необыкновенно мягкого, нежного подшерстка. Основной цвет ее—темно-бурый, у самцов с сединой, у самок и молодых с серебристым оттенком.

Не многие ластоногие распространены так широко, как морские коты: они встречаются как на дальних широтах севера и юга, так и под экватором. Подобно сивучам, они ежегодно появляются на своих лежбищах, где мечут детенышей, остальное же время проводят в открытом море. На лежбищах, для которых избираются обыкновенно малодоступные скалы с сильным прибоем, сначала появляются старые самцы (около половины апреля на острове Св. Павла), а через несколько дней прибывают другие самцы, причем каждый из них занимает для себя и своих самок, которых бывает до 40 штук, около 25 кв. м пространства. Около половины июня начинают появляться и самки, которые через 2—3 дня по прибытии мечут детенышей, каждая—по одному. Молодые коты (котики) в течение месяца не способны к плаванию и неминуемо тонут, если попадут в воду; только впоследствии, подражая движениям матери, они учатся плавать.

За свой превосходный мех морской кот ценится выше всех своих сородичей, и потому за ним усиленно охотятся. В настоящее время ежегодно добывают до 200 000 шкур, причем половина этого количества приходится на Прибылевы о-ва. Что касается мяса, то его находят вкусным даже европейцы, о туземцах же и говорить нечего. Охота на морских котов происходит так же, как и на сивучей, только для охотников легче, нежели на тех, так как морские коты—смирнее и доверчивее сивучей; притом охотятся преимущественно за молодыми самцами, доставляющими лучшие шку-

ры. Свежие шкуры сначала солят в продолжение целого месяца, потом отправляют для окончательной отделки в Англию. Там, чтобы освободить меха от длинных жестких волос его, их на целые месяцы закапывают в землю, после чего, при помощи особой машины, они легко удаляются, и остается чрезвычайно тонкий, мягкий подшерсток, который своей прочностью и красотой превосходит лучший бархат. Будучи выкрашены в темно-каштановый цвет, эти шкурки поступают в продажу под названием *морского котика* и продаются по высоким ценам.

Морской лев (*Otaria jubata*), заменяющий сивуча в южных морях, собственно говоря, ни по внешнему виду, ни по характеру, ни по голосу ничем не оправдывает своего славного имени, и только разве жалкая грива несколько напоминает о его сходстве с царственным зверем. В общем же морской лев—обыкновенный тюлень, с длинным (величиной с сажень), волочащимся на лапах, тяжелым телом желто-бурого цвета и круглой, похожей слегка на кошачью, головой. Что еще замечательно в нем, так это глаза: большие, изумрудно-зеленые, они резко выдаются на ярко-белом фоне белка и при красной, как киноав, слизистой оболочке своих внутренних углов придают физиономии зверя отталкивающий и вместе свирепый вид. Подумаешь, что перед тобой грузное чудовище, не дающее спуска ни встречному, ни поперечному. Но эта свирепая наружность ничуть не соответствует характеру зверя. Несмотря

на свою силу, морской лев—довольно трусливое животное и при встрече с врагом старается первым долгом поскорее убежать. К человеку же он чувствует какой-то особый ужас. Достаточно посильнее крикнуть, и он уже трясется от страха.

Однако нельзя сказать, чтобы он не выказывал никогда храбрости. Нет, наряду со страшной трусостью, характер морского льва иногда отличается крайней отвагой—именно, когда он видит, что всякое отступление отрезано. Тогда он как-то внезапно вдохновляется храбростью, переходит в наступление и с глухим, яростным мычанием лезет прямо напролом. В эти минуты, когда бешеный рев его оглашает безмолвные льды, когда самый океан как будто содрогается от страшных ударов его мощных ластов, морской лев выглядит очень величественным и, пожалуй, напоминает «царя зверей».

Зная такой характер зверя, охотники редко нападают на него в открытом море, где он легко опрокидывает большие лодки, а стараются напасть на него врасплох, во время сна, да и тут, если нет ружей, предпочитают стрелять отравленными стрелами. Понятно, для охотников, вооруженных ружьями, морской лев далеко не так страшен, и так как он дает очень вкусное для туземцев мясо, то истребляется во множестве, чем, быть может, и объясняется его страх перед человеком. Впрочем, европейцы мало преследуют его, так как морской лев не дает ни хорошей шкуры, ни значительного количества жира.

Истреблению морских львов много способ-

ствуют и сами животные. Одна из несимпатичных черт их—слабое развитие материнской лобви. Ни отец, ни мать, по-видимому, не заботятся о детенышах. «Я сам видел,—рассказывает один наблюдатель (Стеллер),—как самка душила своих спящих детей. Морские львы равнодушно смотрят, если перед их глазами режут их собственных детей и бросают их внутренности». Лвята—очень неповоротливы и вялы. По вечерам, когда матери уходят с ними в открытое море, они скоро устают и с жалобным криком, похожим на бляенье баранов, стараются тогда залезть на спину матери—отдохнуть. Но та хладнокровно сбрасывает их в воду, не обращая внимания, потонут ли они или уцелеют. Только через некоторое время, и то с видимой неохотой, мать принимает к себе на спину усталых детенышей. Нежные дети не остаются, впрочем, в долгу перед своими родителями и при первой возможности стараются покинуть их, а раз покинули, они прекращают все счеты с ними. Морские львы не любят общества, а предпочитают вести замкнутую жизнь и только в известное время, перед рождением детенышей, собираются в стада.

Что касается до местопребывания морских львов, то они водятся лишь в южном полушарии—к югу от Америки и Австралии.

Отряд VI

Насекомоядные (Insectivora)

К отряду насекомоядных относятся маленькие животные с вытянутой головой и удлинённой, наподобие хобота, мордочкой, покрытые то мягкой, шелковистой шерстью, то колючими иглами. Водятся они преимущественно в умеренных странах северного полушария и совершенно отсутствуют в Южной Америке, а также в Австралии. С анатомической стороны они мало отличаются от хищных, только зубы несколько другие, причем самый задний однозубчатый коренной зуб их заменяет собой плотоядный зуб хищных; острые, кинжалоподобные зубы этих животных, предназначенные для кусания и раздробления пищи, даже такой твердой, как жуки, представляют страшное, разрушительное оружие, соответственно гораздо более сильное, нежели зубы кошек и собак. В скелете мало каких-либо выдающихся особенностей, а между мускулами заслуживает упоминания особенно развитая у некоторых видов подкожная свертывающая мышца. Слепой кишки большей частью нет. Мозг почти также слабо развит, как у рукокрылых, и соответственно мал.

С точки зрения душевных способностей насекомоядные представляют из себя тупоумных, угрюмых, недоверчивых животных, большей частью проводящих всю свою жизнь под землей; только немногие виды живут в воде, а другие — на деревьях. Вооруженные отличными орудиями нападения и отличающаяся необычайной прожорливостью, эти

животные сильно стесняют размножение вредных насекомых, червей, улиток, а также маленьких грызунов, чем, несомненно, приносят неоценимую пользу для человека. И последняя тем значительнее, что деятельность самых ярых истребителей насекомых не прекращается и зимой, хотя большинство их погружается в это время в спячку.

Мы разделяем насекомоядных на 7 семейств: 1) ежи, 2) кроты, 3) тупайи, 4) прыгунчики, 5) щетинистые ежи, 6) землеройки и 7) шерстокрылы.

Представителем первого семейства служит обыкновенный еж.

Еж (*Erinaceus europaeus*), достигающий 25—30 см длины, с хвостом в 2,5 см, отличается сжатым, коротким, толстым туловищем, с

остроконечным рыльцем, широкими ушами и маленькими черными глазами. Волосы на животе и шее светло-рыжие, желтовато-серые или беловато-серые; иглы—желтоватые, в середине же и на концах—темно-бурые. Область распространения этого животного обнимает собой не только всю Европу, за исключением самых холодных стран, но и большую часть Северной Азии (Сирию, Западную и Юго-Восточную Сибирь). Любимым местопребыванием его служат: лиственный лес с густым подлеском, дуплистые деревья, живые изгороди в садах, кучи навоза и хвороста и дыры в стенах. Гнездо его просторно и устлано листьями, сеном и соломой; оно не превышает глубины 30 см и снабжено 2 выходами—на север и юг. Здесь еж проводит свое время в одиночестве или, в крайнем случае, со своей самкой.

Если его убежище совершенно безопасно, то иногда можно и днем видеть, как забавляются эти животные; если же сколько-нибудь шумно, то они выходят только ночью. Сначала слышится шорох в листьях, затем показывается и сам хозяин гнезда, медленно и довольно неповоротливо плетущийся семенящей походкой, причем постоянно обнюхивает землю, подобно ищейке, и тщательно исследует все попадающее ему на глаза. Во время этого путешествия у него постоянно течет изо рта слюна. Если на ходу еж услышит что-нибудь подозрительное, он тотчас останавливается, принюхивается и прислушивается, причем можно убедиться, что из всех чувств у него обоняние является самым острым, особенно в сравнении со зрением. В случае опасности еж мгновенно свертывается в колючий комок, который только с одной стороны имеет небольшое углубление; оно ведет к животу, и в нем еж прячет тесно прижатые одно к другому морду, четыре коротеньких ножки

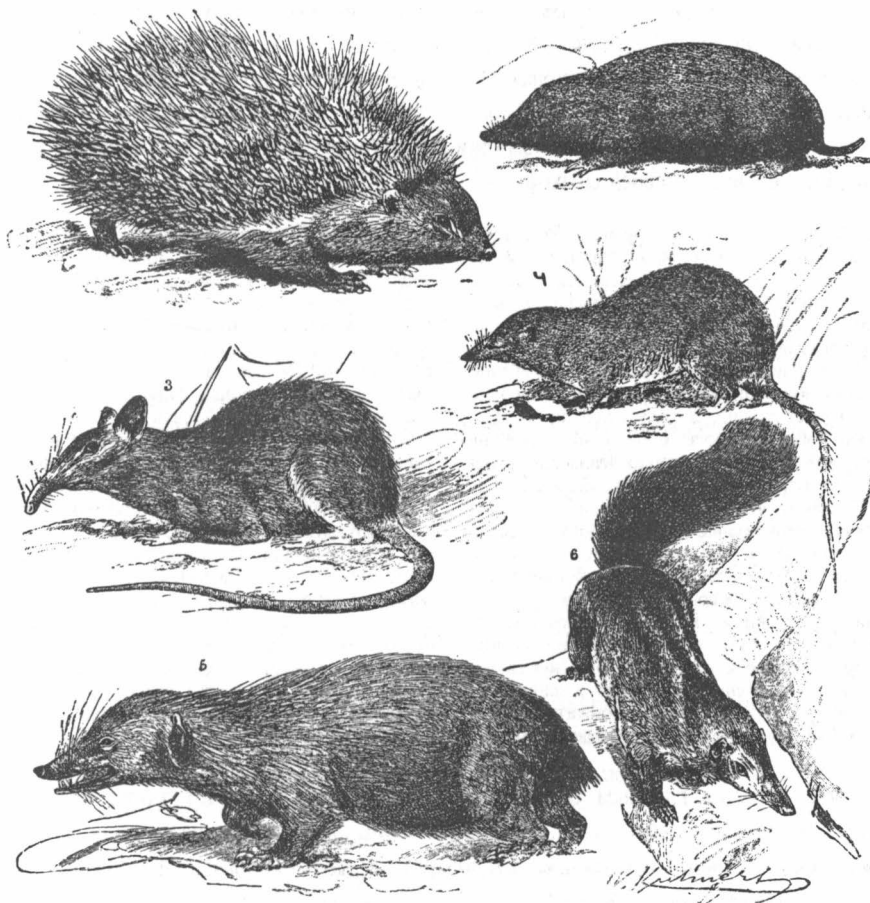
и коротенький хвостик. Вследствие того, что воздух беспрепятственно доходит к телу животного между иглами, оно может долго оставаться в таком свернутом положении. При спокойном положении животного иглы лежат в порядке в виде черепицы, при свертывании же ежа в клубок они топорщатся во все стороны. Однако и в этом положении его можно взять на руки, если осторожно пригладить иглы спереди назад.

Свертывание служит ежу единственным средством защиты не только от врагов, но и при падении с высоты. Однако стоит лишь пустить ему в нос табачный дым или облить водой, как он моментально развертывается. К последнему средству прибегает между прочим один из главных врагов его—лиса: она осторожно катит свернутого ежа в какую-нибудь лужу воды и, когда еж развернется, хватает его за морду. Напротив, собаки, также ненавидящие это животное, употребляют в дело зубы, а пернатые хищники—свои острые когти.

Еж питается главным образом насекомыми, но пожирает также слизней, лесных и полевых мышей и маленьких птиц. Я сам не раз наблюдал за ловлей ежами мышей и удивлялся их ловкости и хитрости, обнаруживаемой этим неповоротливым с виду животным. Весной, шныряя по низкой ржи, он вдруг останавливался перед мышьиной норой, обнюхивал ее вокруг, медленно обходил со всех сторон и, наконец, уверенно попадал на то место, где проложена мышьиная нора. Торопливо разрыв землю в том месте, где прошла мышь, он скоро догонял ее, о чем свидетельствовали писк мышей и самодовольное ворчание ежа, доказывающие, что жертва схвачена охотником. Также ловко ловят мышей ежи в амбарах и сараях. Еще удивительнее храбрость, с какой маленький хищник бросается на ядовитых змей.

«Однажды,—пишет Ленц,—я впустил большую гадюку в ящик ежа, занятого в это время кормлением своих детенышей. Еж очень скоро заметил

ее присутствие, спокойно обошел ее вокруг и стал обнюхивать с головы до хвоста. Змея начала шипеть и несколько раз ужалила ежа в морду и в губы. Но, не смущаясь этим и как бы наслаждаясь ее бессилием, зверек продолжал спокойно обнюхивать врага, затем быстро схватил голову его, раздробил зубами и тут же съел с полтуловища. Покончив с гадюкой, он снова за-

Насекомоядные

1. Еж (*Erinaceus europaeus*). 2. Крот (*Talpa europaea*). 3. Слоноземлейка (*Macroscelides typicus*). 4. Полевая землейка (*Crocodyra aranea*). 5. Танрек (*Centetes ecaudatus*). 6. Тупайя (*Sorex araneus*)

лег к детенышам и продолжал прерванное кормление как ни в чем не бывало. Вечером он съел остальную часть гадюки, а на другой день еще трех».

Эти наблюдения показывают, что еж совершенно нечувствителен к змеиному яду; также нечувствителен он и к ядам, отравляющим организм через желудок, например, к яду шпанских мух, которых еж также пожирает без вреда для своего желудка.

Многие обвиняют ежа в том, что он выбивает куриные яйца на птичьих дворах, уничтожает цыплят и даже гоняется за взрослыми курами своей торопливой, мелкой рысцой. Впрочем, куры не проявляют страха перед этим врагом. «Когда еж,— рассказывает Беккер,— почти уже достигал добычи, курица с криком вспархивала вверх, и щетинистый герой перекатывался через свою цель на 5—6 шагов, что вышло очень комично. Испуская крик, который можно сравнить со звуком детской трубы, обманутый еж сердито подымался тогда, чтобы продолжать преследование, и

таким образом гонял кур по всему саду».

Самка ежа мечет обыкновенно до 6, редко — до 8 детенышей, величиной до 6,5 см. Маленькие ежики являются на свет Божий совершенно белыми и голыми, так как иглы вырастают у них только впоследствии, и не ранее, как через месяц, принимают свой настоящий вид.

Еж легко привыкает к неволе, и потому его часто держат для ловли тараканов и мышей. Некоторые, напр., цыгане, употребляют для пищи его мясо, для чего ежа обмазывают глиной и кладут на огонь, так что он жарится в собственном соку.

Вслед за ежами мы рассмотрим тех насекомоядных животных, которые, имея в совершенстве приспособленные для копания конечности, поселились совсем под землей. Образцом их служит **обыкновенный крот** (*Talpa europaea*), распространенный по Европе и Азии. Продолговатое туловище его имеет до 15 см длины, включая сюда и 2,5 см, идущих на хвост. Передние, очень широкие, рукообразные лапы имеют ладони, обращенные постоянно наружу, а не внутрь, как у других животных. Между короткими пальцами, вооруженными широкими, сильно сплюснутыми и тупыми когтями, самый длинный — средний; наружные же пальцы постепенно укорачиваются и соединены друг с другом перепонкой, даже почти срослены. Маленькие, короткие задние ноги имеют свободные пальцы; когти на них заострены, но слабы. Маленькие, величиной с маковое зернышко, глаза, совершенно закрытые волосами, снабжены веками и могут втягиваться. Маленькие уши — без ушных раковин, окружены короткими кожистыми выступами, также совершенно закрыты волосами; эти выступы служат для закрывания и открывания слухового прохода. Густая, черная, шелковистая шерсть, короткая и мягкая, покрывает все туловище, за исключением лап, кончика рыльца и хвоста. Голые части — мясного цвета.

Главную пищу крота составляют дождевые черви и личинки разных насекомых, живущие под землей; для ловли их кроты и прокладывают длинные ходы на незначительной глубине под землей; направление этих ходов можно узнать по тем земляным кучам, которые он постоянно выбрасывает на поверхность земли. При своей необыкновенной прозорливости крот постоянно должен расширять район своей охоты и потому непрерывно занят работой по устройству своих подземных владений. Ходы его вырыты очень искусно и затейливо; но всего тщательнее, конечно, строится гнездо, или логовище. Оно находится обыкновенно в каком-нибудь укромном месте, под корнями деревьев, стенами и т.п. и в большинстве случаев соединено с обычным участком охоты длинным переходом. Во время периода размножения, кроме этих ходов, крот устраивает еще несколько других. Самое гнездо устлано мягкой травой, листьями, соломой, нежными кореньями и находится обыкновенно на глубине 30—60 см от поверхности земли. Ходы, примыкающие непосредственно к

гнезду, отличаются прочностью и имеют твердо утрамбованные стенки; напротив, ходы на месте охоты служат только для временного пользования и потому не отличаются особенной прочностью. Внутренность жилища не имеет непосредственного сообщения с внешним воздухом, но последний в достаточной мере проникает туда через скважины взрытой земли. Кроме воздуха для крота необходима и вода; поэтому он постепенно устраивает себе ходы, ведущие к ближайшим лужам, ручьям и т. п. Если же поблизости не оказывается этих источников, он устраивает особые шахты, служащие для скопления дождевой воды. На охоту крот отправляется трижды в день.

Рытье не представляет для крота никакого затруднения: с помощью своих крепких затылочных мышц и сильных передних конечностей он сверлит рыхлую почву рылом, разгребает передними лапами и с необыкновенной быстротой отбрасывает назад. Взрытая земля потом выбрасывается на поверхность земли. В легком песке, по наблюдениям Окена, животное двигается почти с таким проворством, как рыба в воде, а по своим ходам передвигается со скоростью лошадиной рыси.

Крот обладает в высшей степени острыми чувствами. Особенно развито у него обоняние, с помощью которого он находит себе пищу и ориентируется в своих необыкновенно запутанных ходах. Остроконечный, подвижной нос его служит ему и органом осязания. Это видно особенно тогда, когда крот выходит на поверхность земли и здесь начинает искать место для рытья; он торпливо шныряет здесь и там, исследуя почву носом. Так же превосходен и слух; напротив, вкус развит очень слабо; зрение же довольно хорошо.

Третье семейство насекомоядных животных составляют **тупайи** — небольшие животные, напоминающие мышей. Туловище их вытянуто, с длинной мордой, тупой на конце; хвост длинный, пушистый; глаза большие; уши продолговато-закругленные; конечности с 5-ю пальцами, вооруженными короткими серповидными когтями. Водятся эти животные в Индокитае и на Малайском архипелаге.

Самый крупный вид этого семейства — **тана** (Tupaia tana): длина ее туловища до 20 см и такой же длины хвост. Окраска шерсти — темно-бурая, с рыжеватым оттенком внизу, а на голове и хвосте — с серым. Тана — проворное, бойкое животное, только немногим уступающее белке; питается плодами и насекомыми.

Еще оригинальнее следующее семейство, **прыгунчиков** (Macroscelididae), отличающихся своими длинными, тонкими и почти

хищническому образу жизни крота вполне соответствуют и его душевные способности: он — жесток, необыкновенно свиреп, кровожаден, мстителен и неуживчив даже с себе подобными. Если встретятся два крота одного пола, то у них сейчас же начинается отчаянная борьба, которая оканчивается обыкновенно тем, что сильнееший пожирает слабейшего. Только одно нежное чувство и есть у крота, это — родительское чувство: родители проявляют трогательную заботливость о своем потомстве, защищают его от нападения врагов, кормят и учат рытью земли.

Уничтожая в громадном количестве личинки вредных насекомых, кроты приносят огромную пользу сельскому хозяйству и только вредны в садах, где они портят корни растений. Для ограждения от них сада лучшее средство — окапывание канавами на глубину аршина, куда кладут черепки, битое стекло и т. п. Наткнувшись на такую канаву и поранив себе нос, крот обыкновенно избирает другое направление для своих ходов.

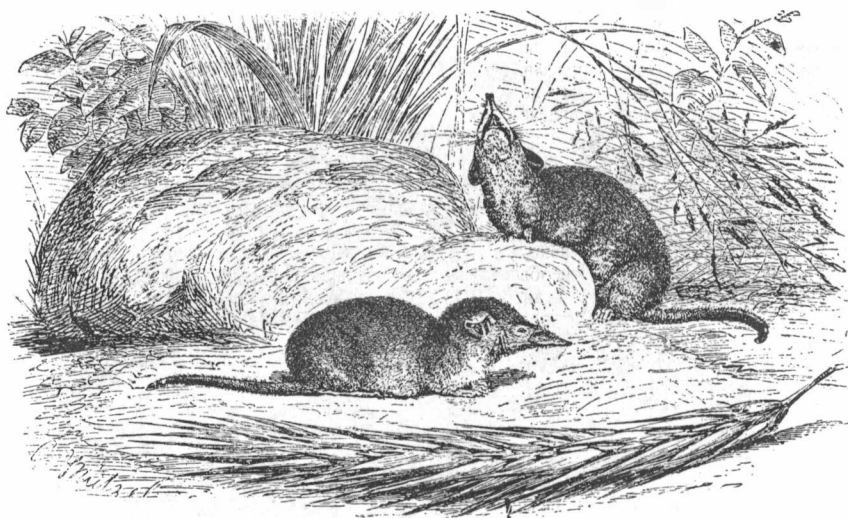
Безволосыми задними ногами и хоботообразным носом. Сюда относятся: **слоноземлеройка**, или **обыкновенный прыгунчик** (*Macroscelides typicus*), живущая в Африке, дневное животное до 25 см длины, из которых 11 приходится на хвост, с красновато-бурой или мышьино-серой окраской.

Пятое семейство составляют **щетинистые ежи** (*Centetes*), живущие на Мадагаскаре и очень похожие на ежа. Сюда отно-

сится, напр., **танрек** (*Centetes escandatus*), животное с остроконечной мордой, до 27 см длины, покрытое иглами и волосами светло-желтой окраски; живет в подземных норах. Это неловкое, неповоротливое животное имеет только одно средство к защите—чрезвычайно неприятный мускусный запах, испускаемый им во время тревоги или испуга; мясо его считается у туземцев съедобным. Далее, сюда же относятся **щелезубы** (*Sole-*

podon)—небольшие животные с хоботообразным носом и сильными загнутыми когтями на пятипалых лапах; плотное туловище их покрыто довольно длинными щетинами. Из них наиболее известен **кубанский щелезуб** (*S. Cubanus*),—до 30 см длины, покрытый на передней части тела и на животе грязновато-желтой шерстью, а на остальных частях—черной. Животное ведет обыкновенно ночной образ жизни.

Шестое семейство составляют **землеройки**, маленькие животные, несколько похожие на мышей, но с вытянутой мордой и очень острыми зубами. Наиболее известна **лесная землеройка** (*Sorex vulgaris*), до 11 см длины, из ко-

Итальянская землеройка (*Crocidura suaveolens*)

торых 4,5 см относится на хвост. Окраска тонкого, шелковистого меха колеблется между ярким красно-бурым и блестящим черным цветами. Живет она большей частью в Западной Европе и в России. Образ жизни ее—ночной. Подобно кроту, землеройка отличается страшной прожорливостью, так что ест даже собственных детей, и, подобно ему, также несообщительна. Движения ее в высшей степени проворны и ловки; она даже плавает в воде. Вследствие испускаемого этими животными неприятного запаха, их едят только немногие хищные птицы, аисты и гадюки; другие же животные, как, например, кошки, только загрызают их.

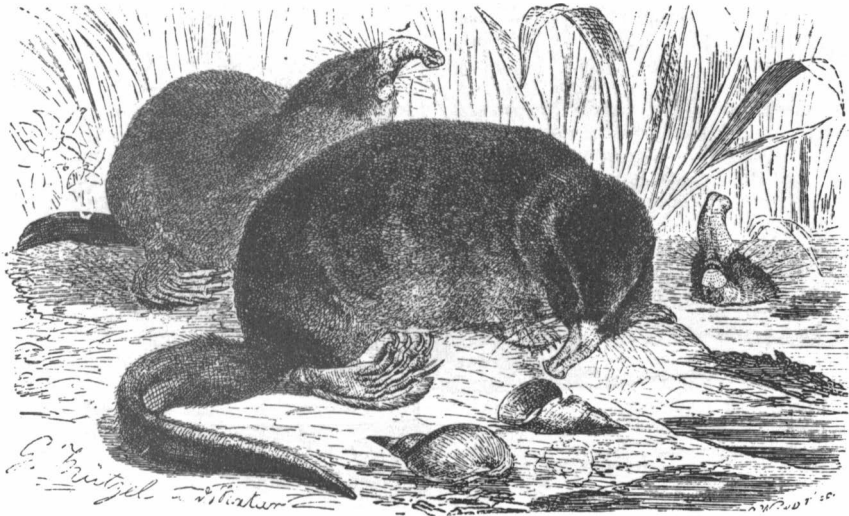
Таких же размеров и **домовая землеройка** (*Sorex araneus*), покрытая сверху буро-серой, а снизу—светло-серой шерстью;

зубов—28. Из своего настоящего отечества, Северной Африки, это животное распространилось почти по всей Европе до севера России,

а также в Центральной Азии и Северо-Восточной Сибири. Водится она по полям и садам, где истребляет всех маленьких животных, начиная с небольших млекопитающих и кончая червями. Очень похожа на нее, но только гораздо меньше (до 4 см длины) **итальянская землеройка** (*Crocidura suaveolens*). Напротив, **водяная землеройка**, или **водяная кутора** (*Crossopus godiens*), распространенная почти во всей Европе и частью Азии, принадлежит к крупнейшим видам встречающихся у нас землероек: общая длина ее доходит до 12 см, из которых не больше 5 относится на хвост. Животное покрыто очень густым и

всевозможных насекомых, маленьких млекопитающих и рыб, но также бросается и на более крупных животных, которые раз в шестьдесят превосходят ее по весу.

Самый большой представитель отряда насекомоядных, по-видимому, — **выхухоль**, или **десман** (*Myogale moschata*), живущий главным образом в бассейнах Волги и Дона. Это животное, имеющее до 42 см длины, с хоботообразным носом, маленькими глазами и голыми ступнями, усаженными плавательными щетинами. Шерсть, состоящая из очень гладких волос ости и крайне мягкого подшерстка, сверху красновато-бурая, снизу беловато-пепельно-серая и серебристо блестя-

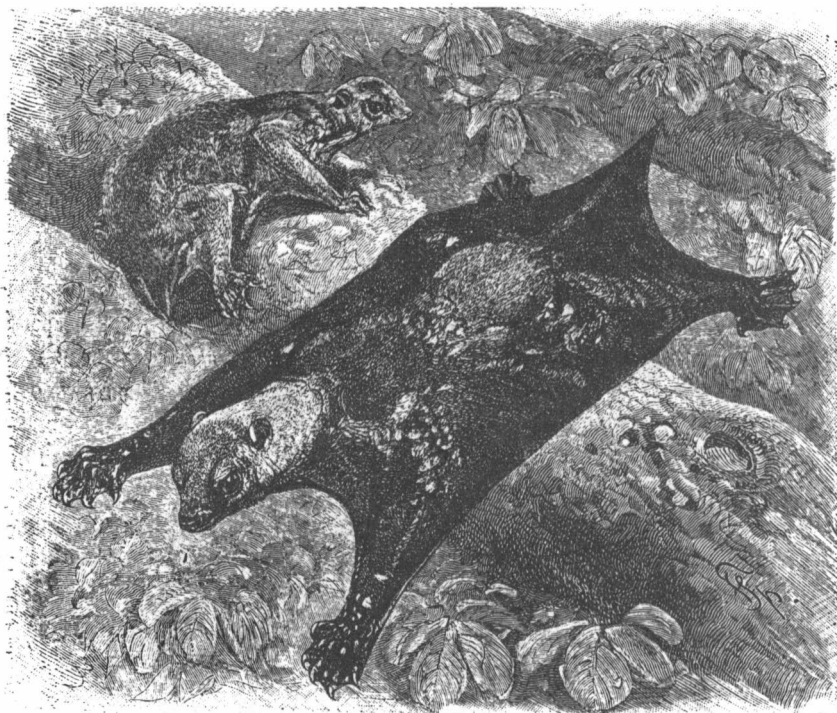

Выхухоль (*Myogale moschata*)

очень мягким мехом, совершенно черным на спине и серым внизу. Плавательные щетинки на лапах, которые могут по желанию свертываться и развертываться, служат животному прекрасными веслами. Излюбленными местами ее пребывания служат источники горных лесистых местностей с чистой водой и песчаной почвой, а также сады и луга в окрестностях. В рыхлой почве животное само роет себе норы, но чаще пользуется норами мышей и кротов; норы ее обыкновенно имеют два выхода, из которых один ведет непременно в воду. Водяная землеройка — чрезвычайно живое и умное животное, быстрое, ловкое и неутомимое. Что касается прозорливости ее, то в этом отношении она едва ли не превосходит всех насекомоядных: она не только пожират

шая. Подобно речной выдре, выхухоль живет частью в воде, частью на суше; больше всего она любит стоячие или медленно текущие воды с высокими берегами, в которых она легко может выкапывать ходы. Пищей ее служат: пиявки, разные слизи, водяные насекомые и их личинки. Часто можно видеть, как она бегает под водой в прибрежном тростнике и ворочает во все стороны своим хоботом, ощупывая им каждый предмет. Часто она сует хобот себе в рот и тогда испускает гогочущие крики, похожие на крики уток. Когда же ее дразнят или схватывают, она свистит и пищит. Поймать ее очень легко с помощью сетей, но она плохо выдерживает неволю, да, кроме того, и не совсем приятна из-за испускаемого ею тяжелого мускусного запаха.

Последнее семейство составляют **шерстокрылы** (*Galeorhynchus*), оригинальные животные, соединяющие в себе отличительные признаки полуобезьян, летучих мышей и насекомоядных. Они — величиной с кошку, имеют стройное туловище, не очень большие конечности которого соединены широкой, толстой, волосатой кожей. Эта кожа имеет значение только в качестве парашюта, для плавного опускания при больших прыжках. В коже заключен короткий хвост. Голова животного очень маленькая, но с удлиненной мордой; пятипалые ноги — с выдвигаемыми когтями.

Обыкновенный шерстокрыл (*Galeorhynchus volans*)

Наиболее известный представитель этих животных — **обыкновенный шерстокрыл** (*Galeorhynchus volans*), до 60 см в длину, покрытый сверху буро-рыжим мехом, а снизу — немного темнее. Он населяет Малакку и большую часть островов Малайского архипелага. «Однажды, — пишет Юнгхун, — мы услышали вдруг крик, такой ужасный, что сочли его за крик ребенка или стон умирающего. Испуганные туземцы боязливо придвинулись друг к другу. Скоро, впрочем, предполагаемый злой дух предстал нашим взорам, медленно пронесшись над нашими головами. Это был шерстокрыл».

Днем это животное, живущее уединенно в высоких горных лесах, сидит так тихо на деревьях, что его почти нельзя заметить; ночью же лазает по деревьям в поисках пищи, которая, по-видимому, состоит главным образом из листьев. «Говорят, — прибавляет Уоллес, — что шерстокрыл рождает на свет только одного детеныша. Однажды я застрелил самку с маленьким, голым, сморщенным, слепым существом, которое висело на ее груди». Туземцы преследуют это животное из-за его ценного меха и частью — из-за мяса, хотя оно противно на европейский вкус.

Отряд VII

Грызуны (Rodentia)

При одном взгляде на зубную систему грызунов можно сразу признать в них грызущих животных, и потому эта группа выделена совершенно естественно. Грызущие зубы, резцы,—их по 2 в каждой челюсти,—значительно больше остальных зубов; все они дугообразно изогнуты, с широким остроконечным или долотообразным режущим краем, у корня трех- или четырехгранные, то плоские или выгнутые, то гладкие и бороздчатые, то белые или желтоватые, даже красные. Снаружи их покрывает твердая, как сталь, эмаль. При постоянном употреблении этих главных зубов они должны бы были сильно стираться, если бы не обладали драгоценным преимуществом перед зубами всех прочих млекопитающих — расти в течение всей жизни.

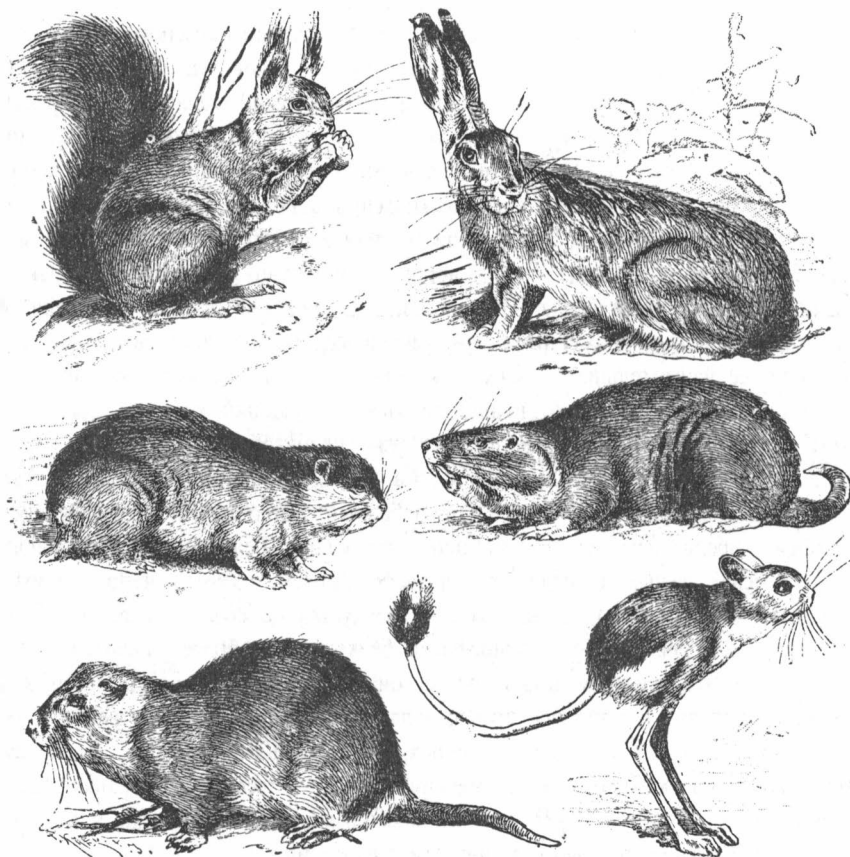
Что касается внешнего вида грызунов, то эта группа представляет самые разнообразные типы. В анатомическом же отношении нужно отметить присутствие у многих грызунов, на внутренней стороне рта, за щечных мешков, куда складываются запасы пищи; далее, на сильно развитые слюнные железы, простой желудок и слабо развитый мозг, указывающий на слабое развитие душевных способностей. Но органы чувств большей частью развиты равномерно и довольно совершенны.

Грызуны распространены по всем частям света, начиная с экватора и кончая полярными странами, всюду, где только находится растительность. Разнообразен и образ

жизни этих животных: они живут и на деревьях, и на земле, в воде, под землей, всюду нанося человеку огромный вред, главным образом порчей культурных растений. Притом почти все виды обладают изумительной плодовитостью, так что одна пара их может произвести за один год до тысячи штук потомства. При такой плодовитости эти враги человека в короткое время заполнили бы всю землю, если бы, в свою очередь, не подвергались массовому истреблению со стороны разных врагов и повальных болезней. Только крайне немногие виды представляют для человека некоторую пользу, благодаря отчасти своему мясу, отчасти меху.

Отряд грызунов распадается на несколько семейств: 1) **беличьи** (Sciuridae), состоящие из 2 групп — белок и сурков, 2) **орешниковые**, или **соны** (Myoxidae), 3) **бобровые** (Castoridae), 4) **тушканчиковые**

(Dipodidae); 5) **мыши** (Muridae), куда относятся собственно мыши, песчанки и хомяки; 6) **полевки** (Arvicolidae); 7) **дикобразовые** (Hystricidae); 8) **полукопытные** (Caviidae); 9) **восьмизубовые** (Octodontidae); 10) **шиншиллы** (Lagostomidae); 11) **заячьи** (Leporidae).

Грызуны

1. Белка (*Sciurus vulgaris*).
2. Заяц (*Lepus vulgaris*).
3. Лемминг (*Myodes lemmus*).
4. Гоффер (*Geomys bursarius*).
5. Болотный бобр (*Moryotomus coypu*).
6. Египетский тушканчик (*Dipus aegyptiacus*).

Представители первого семейства, **настоящие белки**, имеют продолговатое туловище, которое оканчивается обыкновенно более или менее длинным хвостом, волос которого часто расчесаны (напр., у дневных белок) на две стороны, с пробором посредине. Распространены они, за исключением Австралии, по всем частям света, встречаясь главным образом в лесах; питаются растительной пищей: плодами, молодыми побегами и почками растений, не брезгуя при этом и мясом млекопитающих и птиц, а также яйцами.

Самый многочисленный род—**дневные белки** (*Sciurus*), с пушистым, перистым хвостом, длинными, обыкновенно украшенными волосяными кисточками ушами и бородавкой, покрытой когтем, вместо большого пальца на передних лапах. Типичным представителем этого рода может служить **обыкновенная белка**, или **векша** (*Sciurus vulgaris*), красивый, ловкий зверек, длиной в 25 см и с 20 см хвостом, покрытый летом буровато-красной, снизу серой шерстью, а зимой—буро-красной, снизу—совсем белой. (В Сибири и в Северной Европе зимний мех часто сплошь беловато-серый.) Область ее распространения обнимает всю Европу, переходит за Урал и через Южную Сибирь простирается до Алтая и Индокитая; любимым ее местопребыванием служат высокие, сухие и глухие леса, где, обыкновенно в районе, изобилующем сосновыми и еловыми шишками, она поселяется или в собственном гнезде, или занимает покинутые обиталища сорок, ворон и др. птиц. По живости, ловкости и непоседливости наша белка—та же северная обезьяна, до такой степени она напоминает своими движениями этих забавных, шаловливых детей знойного юга. При ее изумительных прыжках, которыми она носится с ветки на ветку, много помогает ее длинный, пушистый хвост, служащий как бы парашютом, стоит обрубить его—и белка делается уже неловкой. Говорят, что тот же хвост помогает ей и при плавании, служа будто бы парусом. Но это—вздор.

По отношению к человеку этот забавный, милостивый зверек является страшным вредителем его растительных сокровищ: белки не только уничтожают семена лесных и садовых деревьев (причем мякоть, напр., яблок и груш откидывается ими), но и объедают верхушки побегов этих растений, чем замедляют их рост. Вред, приносимый белкой, тем более значителен, что, не довольствуясь дневным пропитанием, она еще собирает запасы зерен и семян на дождливое и холодное время; запасы эти хранятся обыкновенно в расщелинах и дуплах деревьев, в норах, под камнями и т.п. В поисках пищи эти подвижные грызуны предпринимают в северных странах (напр., Сибири) большие путешествия, причем переплывают быстрые реки или поднимаются на высокие горы, избегая, впрочем, их вершин.

С наступлением ночи живущая постоянно в одном месте белка удаляется в свое гнездо и спит там до рассвета. Голос ее в испуге звучит как «дук, дук»; в случае же досады, а также удовольствия животное ворчит или, по выражению Ленца, бормочет. Органы чувств, по-видимому, все развиты довольно хорошо. Что же касается душевных способностей, то нужно указать на прекрасную память и хитрость, с какой она старается спастись от врага.

Детеныши, в числе 3—7, рождаются в апреле слепыми, но пользуются нежной любовью матери, которая в случае тревоги сейчас же тащит их в другое гнездо. Взятые молодыми из гнезда, белки представляют собой резвых, веселых зверьков, но, к сожалению, под старость делаются очень злыми и лукавыми. Человек преследует этих маленьких грызунов не только из-за

приносимого ими вреда, но и из-за меха, особенно в северных странах, причем охотник, чтобы не портить шкурки, старается целить прямо в глаз. Кроме человека, злейший враг белок — куница, затем — хищные птицы.

К белкам относят и **летучих белок**, или **летяг** (*Pteromys*), ноги которых соединены широкой волосатой летательной перепонкой, служащей для этих животных парашютом; сильный, пушистый хвост служит при этом рулем.

Самая крупная из летяг — **тагуан** (*Pteromys petaurista*), величиной с домашнюю кошку, с большими, выступающими вперед глазами и широкими, короткими ушами; задние ноги значительно длиннее передних. Окраска меха представляет собой смесь серого с черным наверху, внизу же грязновато-серая, ноги красновато-каштановые, а хвост черный. По душевным способностям тагуаны отличаются от настоящих, дневных белок своей трусостью и глупостью. Они так глупы, что туземцы Ост-Индии, где водятся тагуаны, легко ловят их в мешки, подвешенные к деревьям. Достаточно спугнуть трусливое животное в светлую лунную ночь, и оно само падает в мешок. Вследствие трудности наблюдений тагуана, появляющегося только ночью, притом в самой чаще лесов, об образе жизни его мало известно; мало производилось наблюдений над этими животными и в неволе, хотя многие уверяют, что тагуан вполне способен к приручению, только очень нежен.

Тагуан имеет круглый пушистый хвост; напротив, водящаяся в северных странах Европы и Азии **летяга** (*Pt. volans*) обладает перистым хвостом, вроде белчицы. Это животное значительно меньше нашей белки (всего около 16 см в длину, с хвостом в 10 см). Густой, мягкий, шелковистый мех его, летом бледно-бурый сверху и белый снизу, принимает зимой блестящий серебристо-серый цвет. Впрочем, мех летяги все-таки считается слабым и плохим. Животное предпочитает чистые березовые или смешанные леса, но с преобладанием березы. Подобно тагуану, ведет ночной образ жизни. Зимой впадает в спячку, но часто просыпается. Пленные летяги, содержавшиеся у Левиса в Лифляндии, скоро сделались ручными и безбоязненно сидели на руках хозяина, охотно позволяя гладить себя.

Еще меньше — североамериканская летучая белка, или **ассанан** (*Pt. volucella*), величиной всего в 14 см, с 10 см хвостом. В высшей степени мягкая, нежная шерсть его на спине — желто-буро-серого цвета, на лапах — серебристо-белая, на животе — желто-белая; летательная перепонка чер-

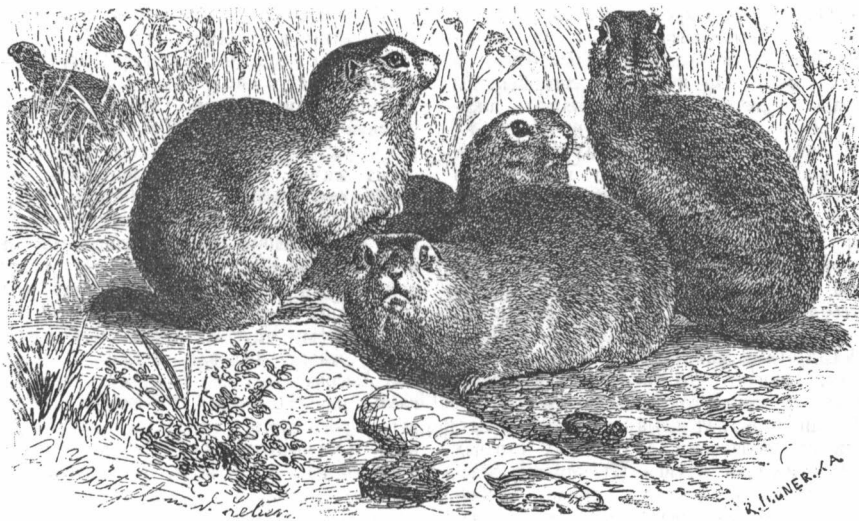
ная, с белыми краями. Это — весьма подвижное, красивое животное, которое может доставить вечером, когда находится в движении, много удовольствия своему хозяину. Но в то же время это — один из кровожаднейших хищников по отношению к маленьким птичкам и млекопитающим.

Далее, к белкам относятся **бурундуки** (*Tamias*) с большими зашечными мешками, достигающими затылка. Они населяют Восточную Европу, Сибирь и Северную Америку, ведут более или менее подземный образ жизни. **Сибирский бурундук**, или **полосатая сибирская земляная белка** (*T. striatus*), значительно меньше и неуклюжее обыкновенной белки (длина — 20 см, хвост — 10 см), с продолговатой, усаженной редкими усамии головой. Короткий, жесткий мех ее имеет общий желтоватый тон, по которому идут на спине пять черных полос; живот — беловато-желтый. В Северной Америке этот вид заменяется другим — **гаки**, или **гимпунок** (*T. lysteri*), красновато-бурого цвета, с красными полосами, наверху и беловатого внизу. Сибирский бурундук обитает чаще всего в кедровых лесах, в подземных норах, куда залегает на зиму, обеспечив себя запасами зерна и орехов. Звучный крик его напоминает жалобный стон совы-зорьки (*Strix scops*). В лазанье бурундуки уступают белкам, но зато превосходят их в беганье. Для сельского хозяина они вредны тем, что, подобно мышам, забираются в кладовые. Красивая окраска меха, миловидность и подвижность бурундука делают его любимым зверьком, и потому его охотно держат в домах, хотя они всегда остаются довольно нелюдимыми; кроме того, как все белки, они досаждают своей страстью грызть решительно все, что им ни попадетсЯ.

Гораздо безобразнее предыдущих — **сусликовые белки** (*Xerus*) с вытянутым туловищем, покрытым чрезвычайно редкими волосами, на длинных ногах, остроконечной головой, с маленькими ушами, крепкими когтями и длинным перистым хвостом. В Африке встречается два вида этих животных: **шилу** абиссинцев (*X. rutilus*) и **сабера** арабов (*X. leucumbrinus*), пер-

вый—до 50 см длины, из которых 22 относятся на хвост; окрашен сверху в красновато-желтый цвет, с боков и на животе—почти в беловатый. Оба живут в подземных норах, ведя дневной образ жизни. Оба—живые, проворные создания с довольно злым характером. К воспитанию едва ли способны.

Сурки, распространенные по всей Средней Европе, Сев. Азии и Сев. Америке, отличаются от белок более неуклюжим и сжатым туловищем, коротким хвостом и неодинаковой длины с другими верхними коренными зубами. Живут по лугам и равнинам в подземных норах, питаются растениями. Голос их состоит из более или менее сильного свиста или тьяканья и особого рода ворчанья. В умственном отношении они стоят выше белок; они в высшей

Обыкновенный суслик (*Spermophilus citillus*)

степени внимательны, осторожны, чутки и боязливы. Приручаются в неволе очень легко.

Самые маленькие из всей группы—**суслики** (*Spermophilus*), красивенькие животные с вытянутой головой, спрятанными в меху ушами, коротким хвостом; на передних лапах 4 пальца и бородавка вместо пятого на задних—5 пальцев. Кроме того, суслики обладают большими защечными мешками.

В Средней Европе и Зап. России водится **обыкновенный суслик** (*Sp. citillus*), длиной в 23 см и 7 см хвостом, желто-серой с мелкими крапинками окраски; на юге России его заменяют известные опустошители зерновых полей—**овражек**, или **серый суслик** (*Sp. musicus*), и **пятнистый суслик** (*Sp. guttatus*). По образу жизни все они очень похожи друг на друга.

Все суслики живут большими обществами, однако норы в земле, обыкновенно на глубине 1—1½ м, каждый выкапывает отдельно для себя, при-

чем нора самки глубже норы самца. Кверху от гнезда идет один довольно узкий, извилистый ход, которым пользуются только в продолжение одного года, так как с наступлением зимних холодов суслик засыпает входное отверстие и проделывает себе другое, не доходящее до поверхности земли; весной, с окончанием зимней спячки, этот ход открывается, и им пользуются до наступления осени. Таким образом количеством разных ходов вполне определяется давность жилища. Соседние с норой помещения служат для склада пищи, заготовленной на зиму. «Обитаемые норы,—пишет Герклоц,—можно тотчас же узнать по запаху, так как суслик постоянно мочится перед выходом, а моча его имеет такой резкий, неприятный запах, что ошибиться в нем очень трудно».

«Нет ничего интереснее,—продолжает тот же автор,—как наблюдать суслика в послеобеденное время в ранний летний день. Резкий запах указал нам вблизи того места, где мы прилегли, 10—12 жилых нор. Не прошло и 10 минут, как в отверстии одного хода показалась премиленькая головка, ясные глазки которой беззаботно смотрели на траву; вслед за головкой просунулось и остальное туловище, зверек приподнялся, сел на задние лапы, еще раз осмотрелся кругом, чтобы убедиться, все ли благополучно, и принялся за свои дела. В течение нескольких минут все общество оказывается уже в сборе: одни играют, другие чистятся, третьи грызут корни... Но стоит только пролететь в это время хищной птице, как поднимается общий переполох: пронзительно свистнув, каждый бежит к своей норе, кубарем бросается туда, и моментально все исчезают в проходе. Но как только беда миновала, возобновляется прежняя игра».

Несмотря, однако, на всю осторожность и увертливость, этого красивого, добродушного зверька нетрудно поймать, откопав в земле лопатой или поставив ловушку при входе. Пойманный суслик очень скоро привыкает к неволе, но за ним нужно постоянно наблюдать, иначе, повинуясь своей привычке грызть все, что ни попадется, он перепортил в доме много вещей.

Мясо суслика не едят, хотя оно по вкусу напоминает куриное. мех идет на одежду.

По образу жизни сходна с сусликом живущая в Северной Америке **луговая собака** (*Synomys ludovicianus*), почти 40 см длины, из которых 7 относятся на хвост. Животное покрыто сверху светло-красновато-бурой шерстью, перемешанной с серыми и черными волосами, на животе же — грязновато-белой. Название же «луговая собака», не дающее никакого представления о ней, дано первыми исследователями, канадскими трапперами, вследствие голоса нашего зверька, действительно похожего на собачий лай.

Обширные поселения луговой собаки, так называемые «деревни», находятся обычно

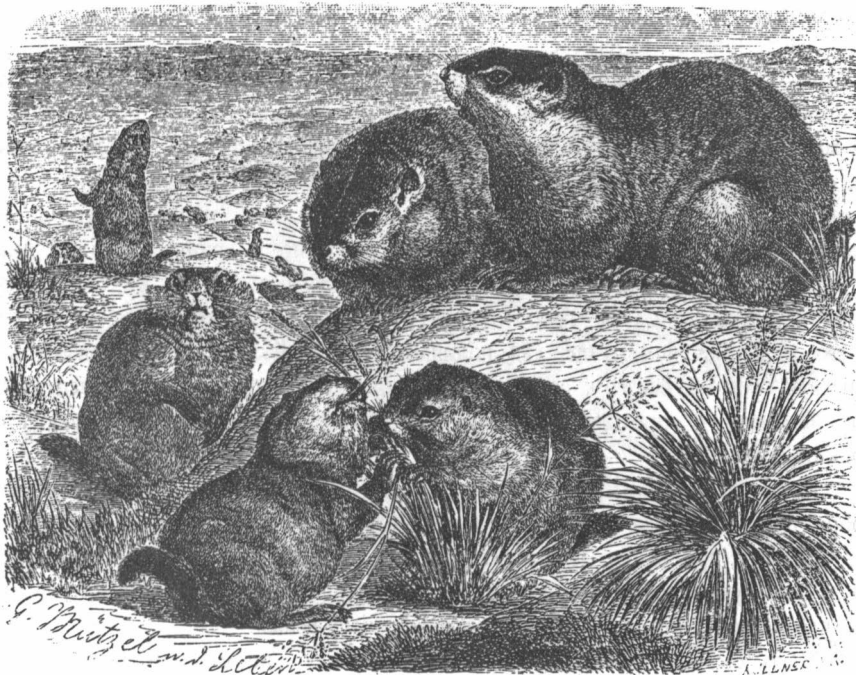
на низменных лугах, роскошная трава которых представляет для них отличный корм. «Какого невероятного протяжения могут достигать деревни этих земляных жителей,—говорит Мольгаузен,—можно лучше всего убедиться, пропутешествовав без перерыва в течение целых дней между рядами маленьких бугров, из которых каждый указывает на жилище двух или нескольких таких животных. Отдельные жилища находятся обыкновенно на расстоянии 2—3 сажен одно от другого, и каждый маленький холмик, возвышающийся перед входом в него, заключает в себе хороший воз земли, постепенно нанесенный жи-

телями на поверхность из подземных ходов. Некоторые жилища имеют один вход, другие — два. Они соединены между собой плотно протоптанными тропинками, что заставляет предполагать существование тесного общения этих резвых, маленьких зверьков между собой.

Замечательное зрелище представляет собой такое поселение, если наблюдать его вблизи, счастливо пробравшись туда незамеченным зоркой стражей. Всюду, куда ни кинешь взор, кипит оживленная деятель-

стоит лишь человеку, сидящему в засаде, сделать неосторожное движение, как все общество трусливо и моментально скрывается в своих темных ходах. Только тихий лай, глухо раздающийся из глубины земли, да множество стоящих на поверхности земли холмиков, свидетельствуют о густой населенности этого государства».

Мясо этих животных довольно вкусно, но охота на них очень затруднительна, так как даже тяжелораненый зверек моментально проваливается в свою нору, прежде

Луговая собачка (*Synomys ludovicianus*)

ность. Почти на каждом холмике сидит, выпрямившись по-белчьи, маленький желтовато-бурый зверек, поднятый вверх хвостик которого находится в постоянном движении, и тысячи тонких лающих голосов соединяются в настоящий визг. Но

чем охотник успеет подхватить его. В неволе луговые собаки скоро привыкают к человеку и ведут себя как на свободе, занимаясь все время рытьем ходов в земле, если дана им возможность к этому; поэтому лучше всего держать их в отдельном помещении.

На луговых собак очень похожи **сурки** (*Arctomys*), отличающиеся от них черепом, сверху очень сплюснутым и покатым между глазными впадинами. Самый обыкновенный вид — **байбак** (*A. bobac*), распространенный в Польше и Галиции, затем в Средней и Сев. Азии, до Камчатки. Это животное длиной в 37 см, с 9 см хвостом, покрытое довольно густым мехом

чало-ржаво-желтого цвета с светло-бурым. Живет по травянистым равнинам, в подземных норах. Байбаки выходят на поверхность земли из своих убежищ утром до полудня и вечером, жаркие же часы проводят в своих прохладных убежищах. Образ жизни такой же, как у предыдущих видов. Мясо их составляет главную пищу тунгусов и др. сибирских инородцев ранней весной.

В противоположность байбаку, жителю равнин, близкий родственник его, **альпийский сурок** (*A. marmota*), предпочитает

него. Вследствие суровости зим, царящих на этих высотах, деятельная жизнь нашего зверька продолжается иногда всего два месяца,

Альпийский сурок (*Arctomys marmota*)

высочайшие каменистые склоны Альп, Пиренеев и Карпат, где не растет ни дерева, ни куста и где снег оттаивает только на 6 недель. Это животное имеет до 51 см в длину и хвост в 11 см. Состоящая из более короткого подшерстка и длинной ости шерсть сурка окрашена на спинке в буро-черный цвет, на животе же — темно-красновато-бурая, а на морде и ногах — ржаво-желтая. Любимое его местопребывание — открытые места, окруженные скалами, или ущелья. Здесь сурок выкапывает себе несколько маленьких, но глубоких нор: одни для летнего пребывания, другие — для зим-

остальное время он проводит в спячке. Запасы его пищи составляет обыкновенно сено; летом же он, конечно, предпочитает свежую траву, которую, подобно белкам, держит передними лапами.

Человек усиленно преследует это животное ради приносимой им пользы, так как альпийский сурок доставляет для горного жителя не только пищевой продукт, но и средства от разных болезней. Так, жирное, очень вкусное мясо считается укрепляющим средством для рожениц; жир уничтожает резь в животе, останавливает кашель; свежая шкура употребляется против

ревматизма и т.п. Свежее мясо сурков имеет такой сильный землистый вкус дичи, что непривычного человека с него тошнит. Поэтому только что убитое живот-

ное ошпаривают кипятком и потом в течение нескольких дней коптят, после чего приготовленное надлежащим образом мясо делается очень вкусным.

Представители второго семейства, **орешниковых**, или **соней** (*Myoxidae*), по внешнему виду и образу жизни близко подходят к белкам, но имеют узкую голову с более или менее заостренной мордой, довольно большие глаза и голые уши, вытянутое туловище, небольшие конечности и тонкие ноги, на передних лапах которых по 4 пальца и вместо большого—бородавка с ногтем, а на задних—по 5. Зимой сони в умеренных странах впадают в спячку. Для человека они скорее вредны, чем полезны, так как занимаются хищничеством в садах.

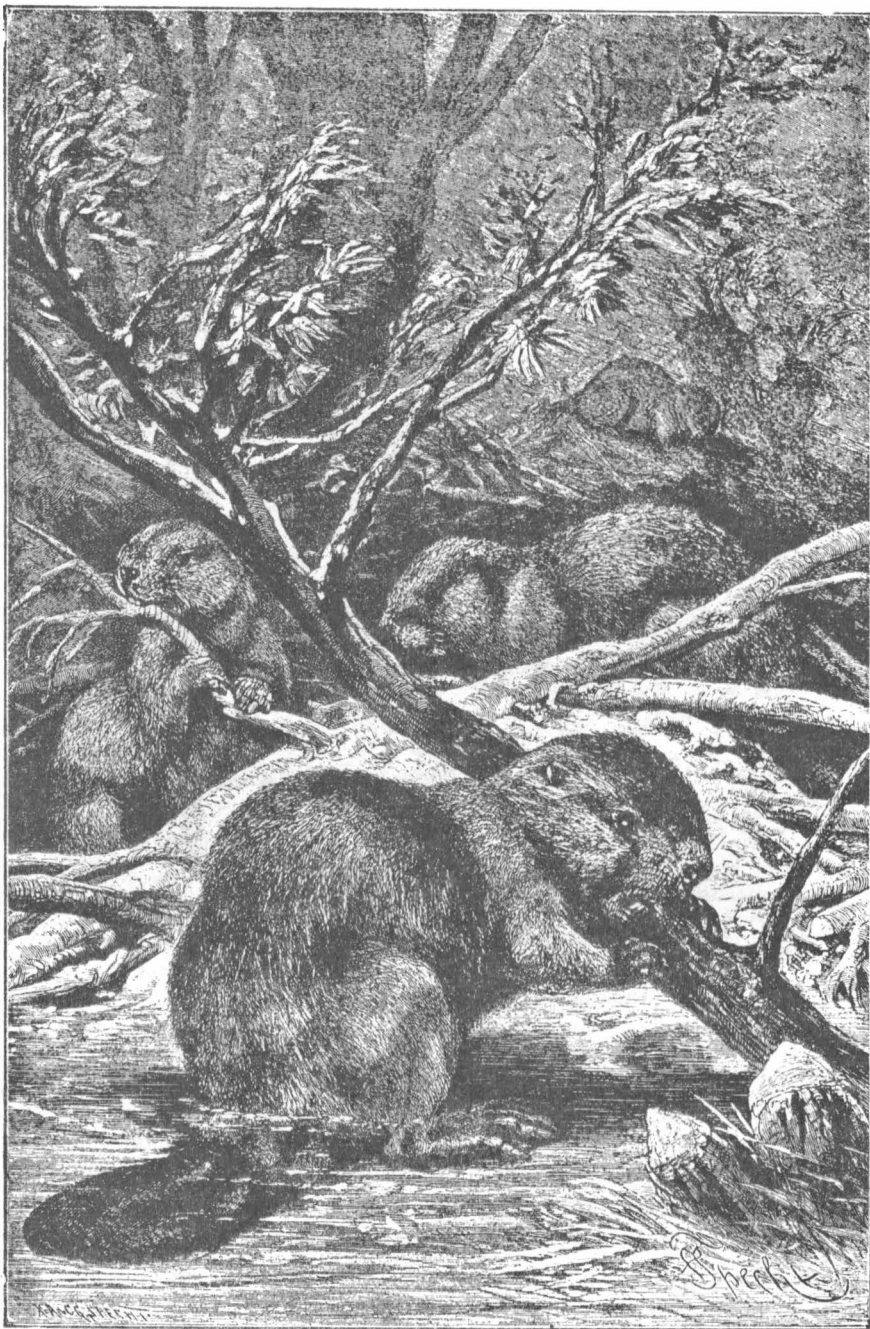

Полчок (*Myoxus glis*) и садовая соня (*Eliomys nitela*)

В Южной и Восточной Европе, в дубовых и буковых лесах, распространен один вид сонь—**полчок** (*Myoxus glis*), длиной в 16 см и с 13 см, хвостом, покрытый мягким, довольно густым мехом, на спине пепельно-серым, а внизу—молочно-белым, серебристым. Весь день он лежит, спрятавшись в дуплах деревьев, в расселинах скал или норах, а вечером выходит за добычей. Главную его пищу составляют лесные плоды (желуди, орехи и т.п.), но при случае он нападает и на живых существ, которые слабее его. Во время этих походов полчок проявляет необыкновенное проворство и ловкость; уверенно

прыгает по веткам и быстро бегаёт по земле. Осенью же, сделав себе запасы на зиму, залегает в спячку. В неволе его редко держат, так как это—довольно несносное животное, дикое, злое, кровожадное...

В Средней и Западной Европе водится **садовая соня** (*Eliomys nitela*), достигающая только 14 см длины, при 9,5 см хвосте. Голова и спина ее—красновато-серо-бурые, брюшко белое. Это умное, живое животное устраивает свое гнездо в открытом месте, хотя не отказывается и от подземных нор, если есть готовые. На время зимней спячки эта соня часто забирается в амбары, на сеновалы и т.п. Она приносит

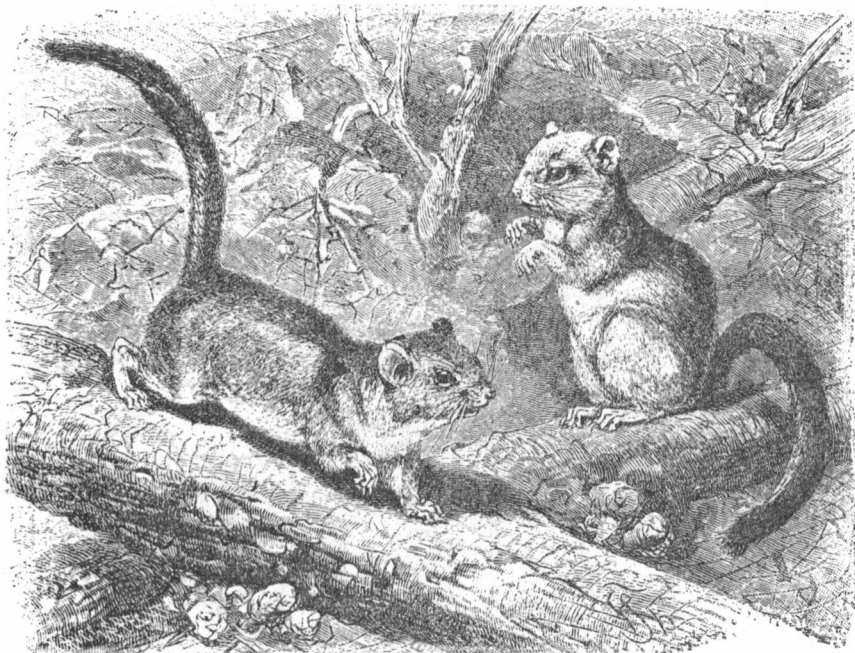

Бобр (Castor fiber)

большой вред, главным образом садам, где может уничтожить, напр., целый сбор персиков и абрикосов. Для защиты от нее лучшее средство — кошка. Кроме того, подобно полчке, и она очень кровожадна и при случае не прочь сожрать своих более слабых собратьев. В неволе она зла, упряма, дика.

Близкий родич ее — **лесная соня** (*Muohus dryas*), встречающаяся на юге

соня (*Muscardinus avellanarius*), нравящаяся всем не только своей внешней красотой, но и чистоплотностью, милотвидностью, а также кротостью характера. Величиной она с домашнюю мышь (до 7 см, с таким же хвостом). Густой, гладкий мех ее, состоящий из блестящих мягких волос желтовато-рыжего цвета, снизу немного светлее, на груди — белый, ноги — рыжие. Родина этих

Орешниковая соня (*Muscardinus avellanarius*)

России. Она — до 8 см длины, с почти таким же хвостом. Окраска ее сверху — красновато-бурая, снизу — совсем белая. По образу жизни она похожа на предыдущий вид.

Гораздо симпатичнее **орешниковая**

соня — Средняя Европа. Образ жизни ее ночной; пищу составляют главным образом орехи, а также ягоды рябины. Будучи очень ловким, проворным животным, она очень редко попадает живой в руки человека, но попав, скоро делается довольно ручной.

К третьему семейству, **бобровых**, принадлежит всем известный **бобр**.

Подобно муравьям и пчелам среди насекомых, среди млекопитающих бобр резко выдвигается по своим строительным способностям. Это — настоящий инженер, искусно приспособляющийся ко всем условиям окружающей обстановки. Сооружения бобра носят характер не только высокого развития инстинкта, но и следы несомненного, сознательно действующего ума. В самом деле, взгляните на его художественно выведенные постройки, высотой нередко в сажень и до 2 сажен в диаметре, присмотритесь к гигантским бобровым плотинам (до

150 сажен), обратите внимание на искусно проведенные им сети каналов, охватывающие огромные пространства земли, сравните все это с величиной самого животного,— и вы, действительно, изумитесь уму четвероногого инженера.

Бобр (*Castor fiber*) представляет собой животное от 2½ до 3 футов длины (75—95 см), не считая хвоста, который достигает у взрослых самцов футовой длины (30 см). Высота его не более 11 дюймов (30 см). Короткое и толстое тело, с широкой, плоской, тупой головой, поддерживается четырьмя короткими коренастыми ногами, снабженными плавательными перепонками. Хорошо развитые резцы сразу выдают в нем грызуна.

Рот маленький, с широкой, расщепленной книзу верхней губой. Шерсть состоит из необыкновенно густых, пушистых, шелковистых волос подшерстка и редких, длинных, толстых, упругих и блестящих волос ости. Общий цвет на спине—темный, каштановый, переходящий в сероватый; волосы у корня серебристо-серого цвета, на конце—желтовато-бурого.

В нижней части брюшной полости находятся 2 железы, выделяющие так называемую бобровую струю, вещество, представляющее темную, красно-бурую, желто-бурую или черно-бурую, довольно мягкую массу, обладающую сильным запахом. Прежде это вещество имело широкое применение в медицине; теперь же употребление его все более сокращается.

Местом своих поселений бобры выбирают обыкновенно небольшие реки, ручьи и озера с проточной водой. Приступая к постройке, они прежде всего устраивают плотину, чтобы поддерживать воду на постоянном уровне и иметь всегда подводное сообщение с жилищем. Плотины имеют внизу от 10 до 12 футов толщины, а сверху постепенно суживаются до 2 футов. Обыкновенный тип их—плотная земляная насыпь, связанная хворостом и глиной. Для прочности в постройку идут и камни, благодаря чему бобровые плотины могут легко сдерживать тяжесть не только человека, но и лошади.

До какого размера могут доходить эти сооружения, показывают измерения американского наблюдателя Моргана. «На притоке главного рукава реки Эсконауба,—говорит он,—недалеко от Вашингтоновского канала, есть плотина бобров. Она состоит из двух частей, длиной до 500 футов, сооруженных на естественной отмели. В тех местах, где углубления последней требовали искусственного поднятия, она была надстроена. Поистине удивительно, как животные могли соорудить такую обширную архитектурную постройку, требующую не только соображения, но и недюжинных знаний гидростатики!»

Выше плотины, частью на естественных островках, а частью посередине реки, бобры строят себе дома, употребляя для их постройки обрубку дерева попеременно с илом, землей и глиной. Дома эти имеют куполообразную форму и состоят обыкновенно из двух отделений: одно, набитое мелким щебнем, служит жилищем бобровой семье, другое, ближе к выходу,—кладовой для съестных припасов, т.е. сучьев ив, тополей, ольхи, ясеня и березы, кото-

рыми питаются бобры. Выходами из такого строения служат несколько лазеек, прокопанных наискось в земле прямо в воду. Отверстия лазеек делаются на такой глубине, чтобы зимой ледяная кора не могла замыкать их. Самые проходы представляют отлично выделанные правильные своды, бока которых вылеплены из плотно сбитой глины и связаны прутиками.

Отсюда, чаще ночью, чем днем, бобры выходят на работу и добычу пищи. «Вскоре после заката солнца,—говорит Мейеринк,—они с громким свистом шумно выбрасываются из воды. Но сначала умные животные осторожно оглядятся кругом и, только уверившись в полной своей безопасности, выходят на берег для рубки деревьев на пищу и на постройку».

«Чтобы свалить дерево,—говорит тот же наблюдатель,—бобры подтачивают его ствол у основания, и притом больше с той стороны, которая дальше от воды; вследствие этого дерево падает к воде. Как только оно упадет, бобры откусывают ветви, имеющие от 2 до 6 дюймов в диаметре, очищают их от мелких сучков и, наконец, разгрызают на куски такой величины, чтобы они были удобны для переноски».

При переноске упомянутых обрубок умное животное обнаруживает большую изобретательность. Прежде всего оно старается воспользоваться естественными путями сообщения—ручьями, прудами, озерами и пр., по которым и сплавляет добытый материал; когда таких водных сообщений вблизи нет, то бобр старается, не тратя без нужды сил, пользоваться естественными склонами и только в крайнем случае сам перетаскивает обрубки. При этом он толкает и катит их бедрами, а ногами и хвостом действует наподобие рычагов. Дотащив до воды такой обрубок, бобр зажимает один конец его под горлом и плывет с ним к отверстию норы или же, взяв толстый конец в рот, крепко втыкает его в дно. Таким образом запасы сохраняются иногда прямо в воде, так как бобры хорошо знают, что вода сохранит на всю зиму ветви и молодые побеги без всяких хлопот с их сторон. Ра-

бота эта производится всем семейством бобра, и замечательно единодушно.

«В сумерки,—рассказывает про одно такое семейство Дитрих,—бобры выходили на сушу и, внимательно оглядевшись кругом, уходили в близ лежавший ивняк. Первой выступала мать. За нею следовали, спеша, как могли, трое детенышей, величиной с довольно взрослого котенка. Едва они входили в рошу, как уже раздавался скрип, вроде быстрого пиления, а спустя несколько минут дерево уже валилось. Затем все семейство поспешно принималось обгрызать мелкие сучья. Через некоторое время из лесу показывалась мать, бежавшая на четырех лапах и державшая во рту кусок ивового ствола. Детеныши с обеих сторон помогали ей тащить ствол в воду. Свалив его туда, они с минуту отдыхали, потом, снова схватив в зубы ствол, без отдыха плыли со своей добытой тяжелым трудом добычей прямо к жилищу».

Нередко, чтобы избавить себя от труда перетаскивать добычу посуху, бобры устраивают целую сеть каналов для сплава. В этой работе требуется уже такая сообразительность, которой трудно ожидать от бессловесной твари.

Каналы эти роятся обыкновенно на низменном берегу и служат удобными водными путями сообщения с ближайшим лесным участком. Ширина их простирается от 3 до 5 футов, глубина—фута в 3, а длина тянется на целые сотни футов. Роятся они в виде траншей с отвесными боками и обрывистыми краями. На всем протяжении

их бобры тщательно выбирают древесные корни, хворост и т. п., чтобы проход по каналам был совершенно свободен. В этих сооружениях проявляется вся сила ума четвероногого инженера. Когда, напр., канал должен пройти по покато́й поверхности, так что в нем невозможно удерживать воду, то бобры в нескольких местах

перегораживают его; таким образом получается нечто вроде шлюзов.

Морган дает крайне интересное описание одного такого канала. «Он тянется,—передает этот исследователь,—по низкому берегу на 450 футов и на всем протяжении снабжается водой из пруда, будучи на одном с ним уровне. Тут он встречает первое повышение почвы; при начале подъема поперек канала проведена плотина, затем канал тянется еще на 25 футов. Уровень воды в этом втором колене канала на 1 фут выше, чем в первом.

Второе колесо, с более высоким уровнем, снабжается водой, собираемой второй плотиной с еще более высоких мест; эта плотина тянется на 75 футов по одну сторону канала и на 25—по другую и стягивает всю почвенную воду во второе колено канала. За второй плотиной почва опять круто повышается на 1 фут, и канал тянется на 47 футов дальше, где упирается в третью плотину, устроенную в виде полумесяца, для того чтобы больше собирать воды».

По мере надобности бобры расширяют и удлиняют свои каналы. А так как в этой работе принимают участие целые сотни

поколений в продолжение столетий, то в конце концов получаются громадные сооружения, покрывающие сеть каналов огромную площадь.

Бобр—животное общежительное; поэтому колонии его бывают очень многочисленны. Но когда в известной местности население их слишком размножится, то часть бобров переселяется. Индейцы говорят, что во время таких переселений старики идут вверх, к истокам реки, а молодые вниз; они объясняют это тем, что у истоков борьба за существование легче, и потому больше по силам стариков. Старые дома, освобожденные прежними жильцами, передаются новым парам.

В России бобры водятся в большом количестве в болотах Полесья, по большим сибирским рекам и особенно на Камчатке, где встречаются колонии в несколько сотен жилищ. Кроме того, это редкое животное встречается в Германии, Скандинавии и по Кубани (на Кавказе).

Кроме европейского бобра известен еще **канадский** (*Castor canadensis*), отличающийся более выпуклой лицевой линией, более узкой головой и более темной шерстью.

Тушканчиковые (*Dipodidae*) напоминают по внешнему виду кенгуру. Задние ноги с 3 пальцами почти втрое длиннее маленьких пятипалых передних, хвост также очень большой, на самом конце разделен на 2 кисточки. Но голова уже отличается от кенгуровой: она очень толста и снабжена длинными усами, иногда достигающими длины самого тела. Благодаря своим длинным задним ногам эти животные легко делают прыжки, раз в 20 превышающие длину их тела. Живые, прелестные, большие глаза сразу указывают на ночной образ жизни тушканчиков; ложкообразные уши бывают от одной трети до величины целой головы; шея—очень толстая и неподвижная, но туловище стройное. У всех видов шерсть—густая, мягкая и окрашена обыкновенно под цвет песка. Большая часть этих грациозных животных живет в Африке и Азии, но некоторые виды переходят и в Европу, а один вид распространен в Сев. Америке. Везде любимым местопребыванием им служат сухие, песчаные равнины или травянистые степи. Жилища их—неглубокие норы с большим числом выходов. Здесь они проводят большую часть дня и только с закатом солнца появляются на поверхности земли. Пища их по преимуществу зерна, луковицы, корни, трава и пр. Но некоторые виды едят насекомых, млекопитающих и даже друг друга.

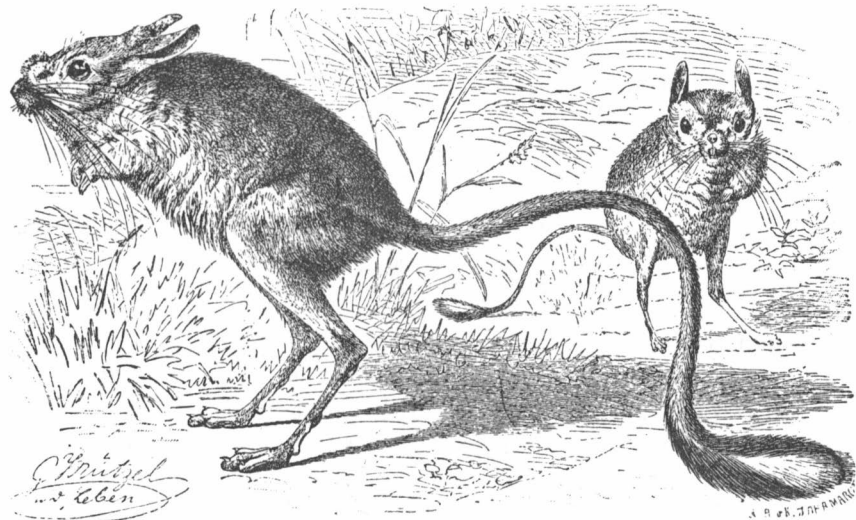
В случае опасности эти робкие, боязливые создания спешат спастись бегством в свои норы, издавая визг, похожий на крик молодых котят; только самые крупные защищаются задними ногами, подобно кенгуру. Для человека почти все тушканчики—совершенно безвредны, а так как они отличаются большей частью кротостью и миролюбием, то их считают приятными и милыми сожителями человека.

Типичным представителем их является **настоящий тушканчик** (*Dipus*), как бы составленный из частей разных животных. «Можно сказать,—замечает Гассельквист,—что этот маленький зверек имеет голову зайца, усы белки, рыло свиньи, туловище и передние лапы мыши, задние ноги—птицы, хвост как у льва». Прежде всего бросается в глаза голова с большими, кожистыми или покрытыми только редкими волосами ушами, с большими же, живыми и кроткими глазами, широкими ноздрями и необыкновенно длинными усами. Все это ука-

можно любоваться целыми часами. К хозяину он очень ласков.

Похож на египетского тушканчика **гарбанчик** (*D. sagitta*), почти такого же роста; меньше его—**мохноногий тушканчик** (*D. lagopus*), лапки которого похожи на заячьи, и **согуранчик** (*D. halticus*) с очень маленькими ушами. Все три вида живут в России.

Живущий на севере Америки **североамериканский прыгунчик** (*Jaculus hudsonius*), длиной в 8 см и с 13 см хвостом, отличается своим постепено утончаю-

Земляной заяц (*Sciuridae jaculus*)

зывает на остроту зрения, слуха и осязания. Передние ноги имеют 4 пальца с острыми когтями и недоразвитый большой палец с ногтем. Задние ноги, в 6 раз длиннее передних, трехпалые, причем средний палец несколько длиннее боковых; пальцы эти одеты жесткими, щетинистыми волосами, не позволяющими животному вязнуть в песок. Мягкая, шелковистая шерсть—темно-песочного цвета, внизу—белого. Зубов 16—18.

Самый обыкновенный вид—**египетский тушканчик** (*D. aegyptiacus*), премилый зверек, длиной до 17 см; хвост его—в 21 см; распространен в Северо-Восточной Африке и прилегающих к ней странах Западной Азии. Часто встречается в неволе и своими качествами располагает к себе всякого. Он такой безобидный, ласковый, ручной, чистоплотный, а в бодром состоянии такой веселый и резвый, что им

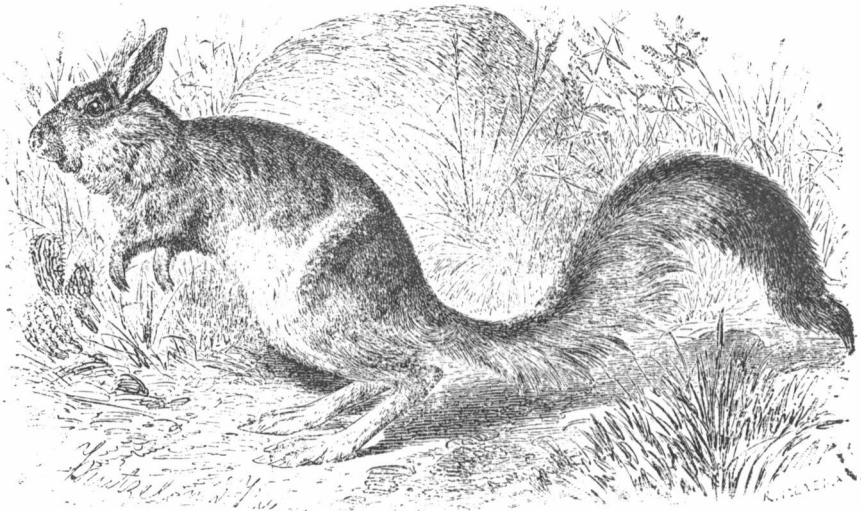
можно любоваться целыми часами. К хозяину он очень ласков.

Принадлежащий также к отдельному роду бабунов, или алагтаг, **земляной заяц** (*Sciuridae jaculus*), величиной с мышь: до 16 см длины, с хвостом в 16 см. Голова его очень красива, с живыми, навывкате глазами и совершенно круглыми зрачками; уши большие, узкие и длинные, длиннее самой головы; очень длинные, серовато-черные, заостренные усы расположены на верхней губе в 8 рядов. Задние ноги четверо длиннее передних. Шкура на спине красновато-бурая, с бледно-сероватым оттенком, на животе и ногах—белая. Этот вид живет в открытых равнинах степей Южной Европы и Азии, преимущественно на глинистой почве. Питается растениями, а при случае—насекомыми, птицами и их яйцами. Детенышей бывает, как у всех

тушканчиков, 5—7. К неволе привыкает легко, но держится очень робко и даже трусливо.

Долгоног кафрский (*Pedetes caffer*) уже значительно уклоняется от тушканчиков по внешнему виду. Шея его гораздо подвижнее, чем у его родичей; пятипалые, когтистые передние ноги, правда, все еще коротки, но уже гораздо сильнее, чем у тушканчиков; длинные четырехпалые задние конечности снабжены широкими, почти копытообразными когтями. Морда тупая, с неразвоенной верхней губой; глаза большие, выпуклые; уши—

узкие, острые; усы короткие. Длинная, густая, мягкая шерсть похожа цветом на шерсть нашего зайца, да и величиной зверек близок к нашему «косому»—длина его до 60 см с таким же хвостом. Долгоног живет в пустынных степях Южной и Восточной Африки, вырывая себе для логовища неглубокие, но сильно разветвленные норы. Образ жизни его ночной. Давая вкусное мясо и мех, похожий на заячий, долгоног усердно преследуется человеком, особенно в Капской колонии, где за ним усердно охотятся буры.

Кафрский долгоног (*Pedetes caffer*)

Самое богатое родами и видами и в то же время самое распространенное семейство грызунов—это всесветные граждане и непрошенные гости человека **МЫШИ** (*Muridae*). В общем они представляют собой маленьких созданий, покрытых короткой, мягкой шкуркой, на маленьких ножках, с тонкими, нежными о 5 пальцах лапками; острое рыльце, большие черные глаза, широкие, глубоко вогнутые, покрытые редкими волосами уши и длинный, покрытый волосами или часто голочешуйчатый хвост—дополняют общую наружность этих навязчивых грызунов. В частности же многие из них имеют признаки, сближающие этих животных с другими: так, острые, щетинистые волосы одних мышей напоминают иглы ежа, настоящие плавательные лапы, короткие уши и ноги других представителей напоминают бобра, толстый, пушистый хвост третьих—белку и проч. В соответствии с этими признаками находится и строение зубов. Подобно внешнему виду, в высшей степени разнообразен и образ жизни мышей.

Все семейство разделяют на 3 группы; к первой относятся так назы-

ваемые песчанки, ко второй—собственно мыши и крысы и к третьей—хомяки.

Песчанки отличаются коренастым туловищем, с короткой головой, сидящей на короткой же шее, с длинным, равным туловищу, хвостом, покрытым волосами. Ноги—пятипалые, с короткими, слабо заостренными когтями, причем на передних ногах пятый, большой палец имеет вид бороздки; задние ноги несколько длиннее передних. Уши и глаза очень велики. Густой, мягкий мех наверху—ржаво-бурого или чалого цвета, снизу—светлый или белый. Область распространения песчанок ограничивается Африкой, Ю. Азией и Юго-Вост. Европой, где эти животные производят такие же страшные опустошения на полях, как и мыши, поедая зерновой хлеб. Поэтому, хотя в то же время они питаются и насекомыми, человек всюду преследует их. Большая

часть песчанок выкапывает неглубокие подземные ходы, где и прячется днем, выходя на добычу ночью. Все очень плодovиты.

Египетская песчанка (*Psammomys obesus*) длиной в 32 см, при 13 см хвосте—сверху красновато-песочного цвета, с черными пятнышками, на боках и внизу—светло-желтого; встречается в пустынях, а также в гудах мусора под городами. Это животное легко уживается в неволе и производит приятное впечатление своей красивой наружностью. Самцы издают melodичные звуки, вроде трели, похожие на звуки, издаваемые морскими свинками, только слабее.

В солончаковых степях, близ Каспийского моря, водится другой вид песчанок—**гребенщикова песчанка** (*M. tataricus*).

Вторую группу мышей образуют собственно **мыши**, животные всем настолько известные, что вряд ли нужно описывать их. Характерным признаком их, кроме острой, покрытой волосами мордочки с широкой, раздвоенной верхней губой, является длинный хвост, покрытый вместо шерсти четырехугольными и ромбическими чешуйками. Уже в обыденной жизни различают собственно мышей и крыс. Первые более красивы и миловидны, чем последние. Кроме того, крысы имеют около 200—300 чешуйчатых колец на хвосте, мыши же—только 120—180; у крыс ноги толстые, сильные, у мышей—тонкие, стройные. Наконец, и по образу жизни эти группы резко отличаются одна от другой.

Трудно себе представить вред, больший того, какой приносится человечеству крысами—этим умным, хищным, бесчисленным народом. Разве только нашествие диких врагов может сравниться с их нападением. Действительно, сила истребления, которой обладает крыса, ее ужасная прожорливость, неукротимое мужество и свирепый нрав вполне напоминают образ действий диких орд Тамерлана, Чингисхана, Аттилы и других безжалостных бичей человечества. Крыса, говорит Туссенель, это настоящая эмблема вторжения варваров, это бич, ниспосылаемый цивилизованным народам. И нашествие ее тем более страшно, что она неразлучно следует за человеком в самые пустынные края.

Когда человечество впервые почувствовало этот тяжелый бич—неизвестно; достоверно лишь то, что уже в самые отдаленные времена крыса была известна по своим хищническим наклонностям. Вспомним библейский рассказ, как египетская крыса обезоружила громадную армию Сеннахерима, съев-

ши в одну ночь все тетивы на луках и все ремни на щитах. Вспомним кальвинистскую легенду, как Майнцский архиепископ Гаттон был исторгнут из своей крепкой башни на Рейне и растерзан стаей крыс. Припомним, наконец, средневековые рассказы о том, как целые города с многотысячным населением брались на приступ крысами.

Перед таким неодолимым, кровожадным врагом были бессильны обыкновенные средства, и вот средневековые набожные люди прибегли к чрезвычайным мерам—к помощи церкви, но все было тщетно. Напрасно некоторые высокие сановники папского престола громили крыс проклятиями с кафедр,—лукавые животные оставались глухи к громам церкви. Напрасно Отенский епископ публично объявил крысу «отлученною от церкви»,—отлучение, по-видимому, совсем не оказало должного действия: крыса презрела проклятия почтенного каноника и, как назло, еще усилила свою кровожадность.

Видя неуспех проклятий папистов, про-

тестанты отнесли его к грехам католиков и, считая себя истинными христианами, думали избавиться от назойливого врага другим способом — именно, по образцу древних, постом и молитвой. По приглашению пасторов верующие, с сокрушенными сердцами, толпами наполняли свои кирки — просить у

Всевышнего избавления от зла и напасти. Но, увы! — последователей Лютера постигла такая же неудача, как и папистов: крысы размножились и свирепствовали по-прежнему, неотступно следуя за человеком, то по суше, то, в трюмах кораблей, по морю, в самые укромные места.

Животное, возбуждавшее такие гонения, была **черная крыса** (*Mus rattus*) (до 35 см длины, причем 19 см приходится на хвост, с пепельно-серым брюшком и светло-серыми лапками). Теперь она существует в Европе только в зоологических кабинетах, да на негостеприимных берегах жалких Бретанских островов; да и в других частях света она теперь встречается в небольшом числе: ее всюду вытеснил и истребил другой вид — **пасюк, серая крыса** (до 42 см длины, включая 18 см хвост (*Mus decumanus*), еще более прожорливая. Интересно знать время ее прибытия в Европу.

Однажды, осенью 1727 г., после землетрясений, всколебавших закаспийские страны, серая крыса несметными массами ворвалась в Европу. Ничто не могло ни изменить, ни остановить ее нашествия. Человек травил крыс собаками, напускал кошек, хищные птицы пожирали их целыми стаями, хомяки, лисицы наедались до пресыщения, и все-таки прожорливые стаи продолжали двигаться вперед. Самая Волга многоводная не могла помешать ордам хищников. Подойдя к Астрахани, они бесстрашно бросились в бурные волны могучей реки и густыми массами покрыли ее гладь. Тысячи их тонули в пучине, тысячи пожирались рыбами, — но что за дело?! Когда имеется в виду великая цель, на гибель единиц не обращают внимания. Число погибших в воде животных было каплей в море в сравнении с общим их числом. Переплыв широкую реку, крысы с удвоенной яростью устремились вперед, опустошая, пожирая, обезображивая все встречное. Скоро они появились на Западе, скоро поля и деревни немцев и французов, итальянцев и пр. застонали под топотом переселяющейся орды. Даже страны, окруженные морями, не избежали их нашествия: на помощь крысам явились корабли и в своих трюмах развезли противных животных по всему свету.

Теперь пасюк царит везде, поражая бедных граждан своей ненасытной жадностью. Он пожирает собак и кошек, нападает на спящих людей, не боится даже свиней и лошадей. Перед его острыми зубами не устоять даже толстой стене. При этом он обладает необыкновенной плодовитостью и живучестью. В Париже его расплодилось столько, что на одной бойне в течение четырех недель там убили 16 000! А они

в живодерне на одну ночь обгрызли до самых костей 35 лошадиных трупов. В то же время живучесть их так велика, что ни едкий дым, ни мороз, ни вода почти не действуют.

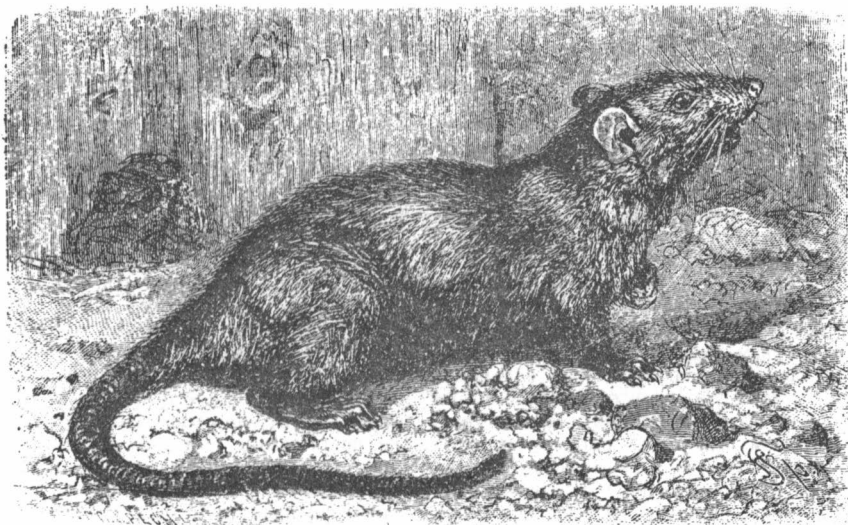
Некоторой оградой от такого сильного врага служит взаимное пожирание. Вся крысиная порода с давних пор укоренила себе милый обычай каннибальства, развитого в самых широких размерах: крысы поедают не только своих единоплеменников, но даже членов своей семьи. Отцы пожирают своих детенышей с благой целью освободить их от житейских дряг и волнений, почтительные дети, с своей стороны, не остаются в долгу перед такими заботливыми родителями и спешат избавиться слабых стариков от тяжелого бремени жизни.

Такой «добрый» обычай значительно сокращает число вредных тварей, но все-таки не настолько, чтобы для человека это было ощутительно. Поэтому всегда предстояла нужда в искусственных средствах уменьшения численности крысиного народа. Такими средствами служат прежде всего яды, но они очень опасны: иногда крыс рвет, и тогда они своими извержениями отравляют лежащие в подвалах, сараях, амбарах и т. п. склады хлеба или картофеля. Всего лучше и безопаснее для человека — истреблять крыс кошками. Крыса чувствует себя очень неловко в присутствии своего исконного врага. Ей нет ни одной покойной минуты. Неловко крадется лукавый враг в ночной тишине, — ни один звук, ни одно движение не выдает его приближения. Во все щелки заглядывают его лукавые зеленоватые глаза, светящиеся зловещим блеском. Во всех любимых крысами местах бродит этот исконный крысоистребитель. Не успеет его

жертва оглянуться, как уже цепкие лапы схватят ее в крепкие объятия. Такого рода положение невыносимо для крысы, и она уходит с насиженного места. Однако бывают случаи, когда кошки, сознавая свое бессилие перед врагами, не решаются вступить в борьбу с ними; в сточных трубах Парижа нередко видели собак, кошек и крыс, которые весело прогуливались вместе, не изъявляя ни малейшего желания начать междоусобную войну.

У крыс иногда наблюдается любопытное явление, едва ли повторяющееся где-нибудь в других отделах животного царства. Именно, несколько штук, а иногда несколько

где только находили. Делали ли они это по злобе на настоящего «короля крыс», который, конечно, никогда не попадался им с своей золотой короной, так что они вымещали злобу на его живом троне, или мучителями руководили какие-нибудь другие соображения,—ничего не известно. Достоверно одно, что эти скопления беспомощных, жалких крыс, которые не могут даже двигаться и которых кормят из сострадания их подруги, возбуждали в людях зверские чувства. Поэтому-то в литературе сохранилось очень мало данных относительно этих «крысиных королей», хотя, несомненно, такие скопления крыс встречаются гораздо чаще, чем думают.

Черная крыса (*Mus rattus*)

десятков их так тесно переплетаются друг с другом хвостами, что на всю жизнь остаются соединенными и лишаются произвольных движений. Такие необычайные скопления крыс, известные в простонародье под названием «крысиного короля», подали повод к целым легендам. Суеверные люди говорили, что группа тесно сросшихся животных служит живым тронem для их владыки, «крысиного короля», который, восседая на нем в золотой короне, творит суд и расправу над своими подданными. Расстроенное воображение заставляло даже некоторых лиц серьезно уверять, что они видели и самого короля крыс, и его суд.

Однако, несмотря на такие уверения, царское достоинство служило «крысиному королю» плохой защитой: суеверные, но жестокосердные люди всячески истребляли его везде,

Первые научно проверенные данные о «крысином короле» относятся к XVIII столетию.

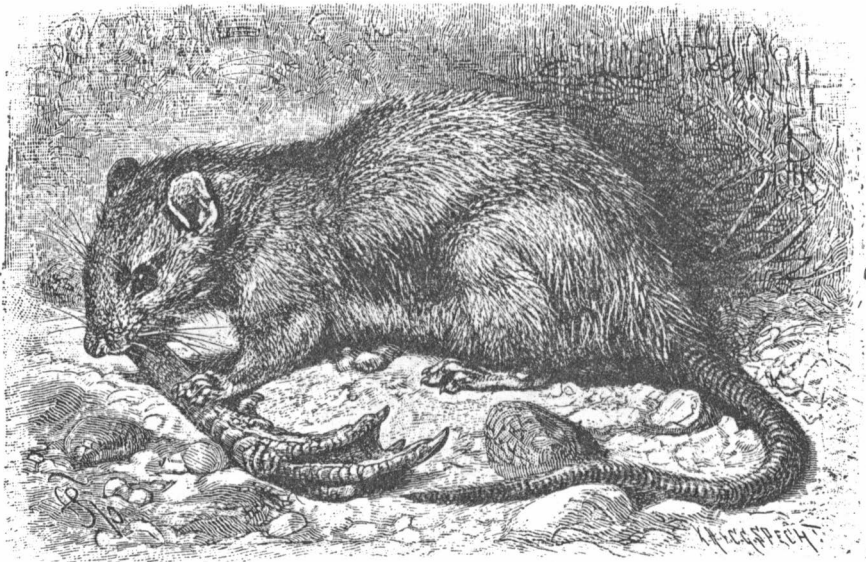
Еще в 1774 году один саксонский рабочий, Христиан Кейзер, нашел на мельнице «крысиного короля» из 16 штук крыс. Кейзер, работая на этой мельнице, услышал однажды под полом верхнего этажа шум и писк. Он поднялся по лестнице вверх и, увидев нескольких выглядывавших из подполья крыс, убил их палкой. Затем, слыша непрекращающийся шум, он заглянул в подполье и увидел там «крысиного короля», которого и сбросил в нижний этаж, где умертвил несколькими ударами топора. Все 16 крыс были так крепко переплетены между собой, что не могли оторваться друг от друга даже при падении с высоты. Врач, специально командированный для исследования этого ин-

тересного явления, нашел, что все крысы, составлявшие «короля», имели совершенно нормальное анатомическое строение, только казались более истощенными, чем обыкновенные животные. Когда врач приподнял, при помощи деревянной палочки, узел крысиных хвостов, то очень ясно заметил, что не представляло бы большого труда освободить хвосты один от другого.

В 1822 году в одной деревне, недалеко от Готы (Германии), были пойманы в одно и то же время два «крысиных короля». Трое рабочих, работая в сарае местного лесни-

представление, состоявшее в бесчисленных мучениях крыс. Несчастных грызунов били цепями, протыкали вилами, обливали смолой, жгли, словом, проделывали все, на что только способны озверевшие люди. Наконец, мертвых крыс выбросили в помойную яму. Но если бы мучители знали, что «крысиный король», будучи продан в любой музей, мог принести им изрядную выгоду, то, конечно, иначе отнеслись бы к нему...

Впоследствии в той же Германии находили и еще несколько «крысиных королей», но, благодаря тому же суевию, лишь немногие

Пасюк (*Mus decumanus*)

чего, вдруг услышали громкий писк, выходящий из потолочной балки. Любопытствуя узнать, что такое происходит там, они представили к балке лестницу и, к своему крайнему изумлению, открыли там огромное дупло, кишмя кишевшее крысами. Когда их стали вытаскивать оттуда, то насчитали до 40 штук. При этом все заметили, что 28 крыс крепко срослись своими хвостами и образовали живой клубок, пищавший во всю мочь. Все крысы были, по-видимому, измучены голодом, но выглядели очень чистыми и опрятными. Вдоволь налюбовавшись на интересное явление, рабочие сейчас же поспешили созвать весь деревенский люд и устроили даровое

из них попали в естественнонаучные музеи. Поэтому и причина этого интересного явления до сих пор не выяснена окончательно. Одни говорят, что склеивание хвостов происходит от выпота, вызванного какой-нибудь заразной болезнью; другие объясняют его сгущением крысиных отделений; третьи, наконец, говорят, что мы имеем здесь дело собственно не с срастанием хвостов, так как, в небольшом усилии, их всегда можно разделить, а просто с ненормальным положением, вызванным долговременным пребыванием в скучном состоянии. Третье объяснение, кажется, самое правильное.

Крысы обладают высокоразвитыми чувствами, особенно слухом и обонянием, а в отношении умственных способностей представляют высокоодарен-

ных животных. Их ум и хитрость проявляются, конечно, прежде всего в добывании пищи. Рассказывают, как крысы ловко воруют яйца. Одна крыса обхватывает яйцо передними лапами, а другая тащит первую за хвост в нору. Не менее любопытен и способ, каким эти животные добывают из сосудов с узким горлом масло: они опускают туда свои хвосты и дают облизывать друг другу. В случае смертельной опасности крысы отлично умеют притворяться мертвыми. При таком уме крыс неудивительно, что они, привыкнув к неволе, становятся очень забавными, интересными зверьками, и потому их часто держат в цирках наравне с другими ручными животными.

Несмотря на всю свою опустошительную деятельность и сильную плодовитость (крысы мечут по 10 и более детенышей несколько раз в год), черная крыса значительно уступает **хомяковой крысе** (*Mus gambianus*), разбойничавшей на Занзибаре и в окрестных местностях. Последняя и по величине больше ее.

Мыши гораздо милевиднее крыс, но по своим хищническим склонностям не менее вредны для человека, как и их большие и более противные собратья. Поэтому человек так же настойчиво преследует их, как и крыс. Как грызуны, мыши, пожалуй, даже превосходят крыс.

Обыкновенными обитателями наших домов, полей и лесов являются: 1) **домашняя мышь** (*Mus musculus*) (до 18 см длины, из которых 9 занимает хвост), одноцветная, серовато-черного цвета сверху и желтоватого снизу, 2) **лесная мышь** (*Mus sylvaticus*), до 20 см длины, из которых хвост—11,5 см, двухцветная: верхняя часть туловища и хвоста—светло-серовато-бурого цвета, нижняя часть, ноги и пальцы—белые. У обеих длинные уши, достигающие половины длины головы. Напротив, у **полевой мыши** (*Mus agrarius*), 18 см длины, причем хвост 8 см, уши достигают приблизительно только трети головы; полевая мышь—трех цветов: верхняя часть туловища рыжевато-бурая с черными полосками вдоль спины; живот и ноги—белые. По образу жизни все 3 вида очень похожи друг на друга, причем домашняя мышь, издавна известная человеку, легко приручается и, подобно ученым крысам, часто выступает на арене цирков.

По своим умственным способностям, по добродушию и живости своего характера домашняя мышь представляет много приятного для наблюдателя. Любопытно, что между домашними мышами встречаются певуны, пение которых некоторые ставят наряду с пением канарейки и даже соловья. Однако другие, рассуждая более здраво, отводят ему более скромное место. «Мелодия поющей мыши,—говорит Шахт,—напоминает тихие

звуки молодой малиновки, которая в позднее лето, забравшись в кусты, разучивает свои песенки». Пение другой мыши, по наблюдениям учителя Мюллера, состояло из следующих друг за другом нежных, свистящих звуков, которые она испускала то медленнее, то живее; в последнем случае они ясно напоминали собой пение птицы, только были гораздо слабее.

Вред, причиняемый домашней мышью через пожирание съестных припасов, в общем незначителен; гораздо важнее, что она изгрызает ценные предметы, напр., книги, естественноисторические коллекции и проч.

Размножается этот грызун необычайно сильно: в течение года он рождает 6—8 детенышей и 5—6 раз, так что за год потомство одной пары доходит до 36 голов. Детеныши—в высшей степени забавные зверьки и могут быть скоро приручены. Но собственно домашним животным мышью сделалась лишь в Японии. Злешняя порода мышей имеет самую разнообразную окраску (белую, черную, желтую и т. д.) и отличается способностью к танцам: она с бешеной быстротой кружится на одном месте, чем и привлекает своих хозяев.

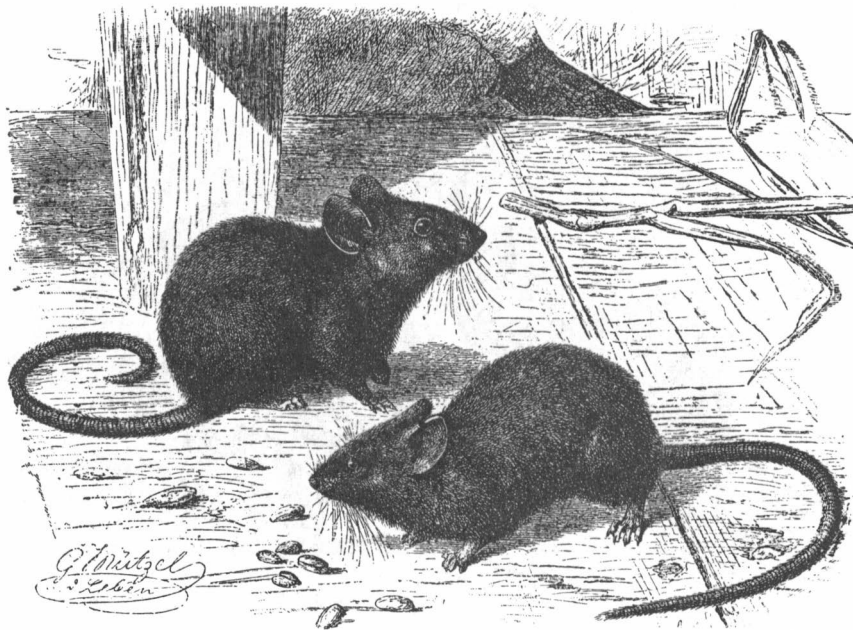
Лесная мышь, распространенная по всей Европе и Средней Азии, живет по опушкам лесов и в садах; в своих движениях так же ловка, как и домашняя, но отличается от нее тем, что может прыгать

большими прыжками, подобно тушканчикам. Питается она насекомыми, червями, орехами, желудями и т. п., делая запасы на зиму. Но зимней спячке она не подвержена. Детеныши рождаются у нее раза 4—6 в год штук по 8 за раз.

Полевая мышь, распространенная от Рейна до Западной Сибири, менее ловка, а по характеру гораздо добродушнее своих родичей. Питается хлебными зёрнами, насекомыми, луковицами, червями; плодовита, подобно лесной.

от Сибири до Франции, Англии и Италии. Она не только быстро бегает, но и отлично лазает по стеблям трав. Кроме того, замечательно еще, что она очень искусно строит свое гнездо, похожее на птичье. Оно сплетается из расщепленных на волокна листьев злаков, а внутри устилается пухом болотных трав, пушинками верб и т. п. Рождает 2—3 раза в год по 5—9 штук детенышей.

Еще красивее — **полосатая**, или **варварийская**, **мышь** (*Mus barbarus*), дости-

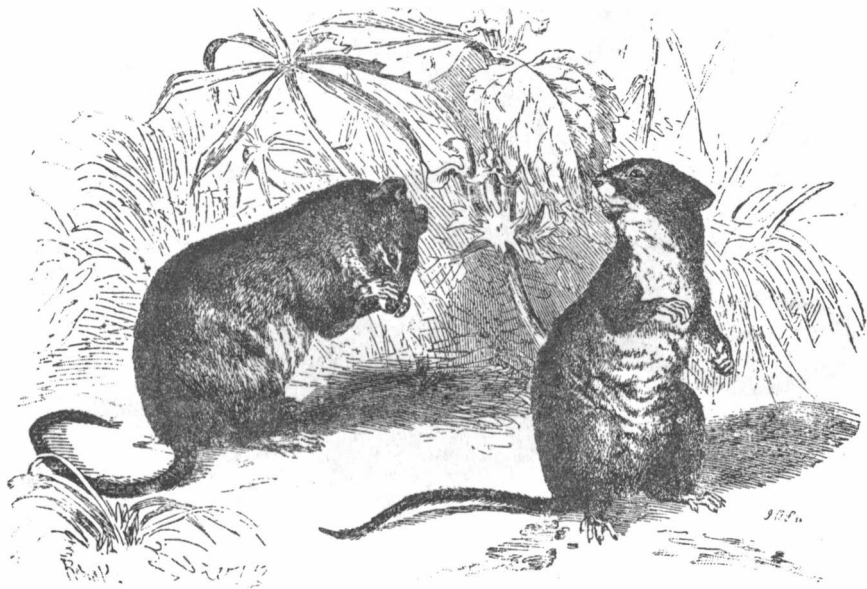
Домашняя мышь (*Mus musculus*)

гораздо привлекательнее этих видов ловкая, подвижная и веселая **мышь-малютка** (*Mus minutus*), всего 13 см в длину, из которых почти половина приходится на хвост. Верхняя часть ее тела и хвост — желтовато-буро-красные, живот и ноги — совершенно белые. Распространена начиная

гающая 22 см длины с хвостом, последний — 12 см. Окраска ее — желтовато-коричневая или красновато-глиняно-желтая, по которой идут черно-бурые полосы вдоль спины. Живет в Сев. и Средней Африке, в пустынях и степях. Питается плодами. Из-за красоты ее часто привозят в Европу.

Последнюю группу семейства мышей составляют **хомяки**, неуклюжие, толстые животные, с расщепленными губами, большими защечными мешками и 3 коренными зубами на каждой стороне челюстей. Зубов всего — 16; ноги — короткие, также и хвост. Довольно красивый по наружности, но безобразный по характеру — ворчливый, раздражительный и вместе отважный **хомяк** (*Cricetus frumentarius*) достигает 30 см длины, причем хвост только — 5 см. Общие признаки его: коренастое тело, довольно заостренная голова, кожистые уши средней величины,

большие, блестящие глаза, короткие ноги со светлыми, короткими когтями и конически заостренный хвост. Густой, гладкий, слегка блестящий мех его состоит из короткого, мягкого подшерстка и из более длинных и жестких, редких волос ости. Туловище сверху обыкновенно окрашено в светло-желто-бурый цвет, а верхняя сторона рыльца, глазная область и шея—в красно-бурый; на щеках—желтые пятна, а живот и ноги большей частью—черные, хотя ступни ног—белые. Встречаются разновидности черного, матово-желтого и др. цветов. Область обитания хомяка простирается от Рейна до Оби, причем необходимым условием является, по-видимому, твердая, сухая, но плодородная почва.

Полевая мышь (*Mus agrarius*)

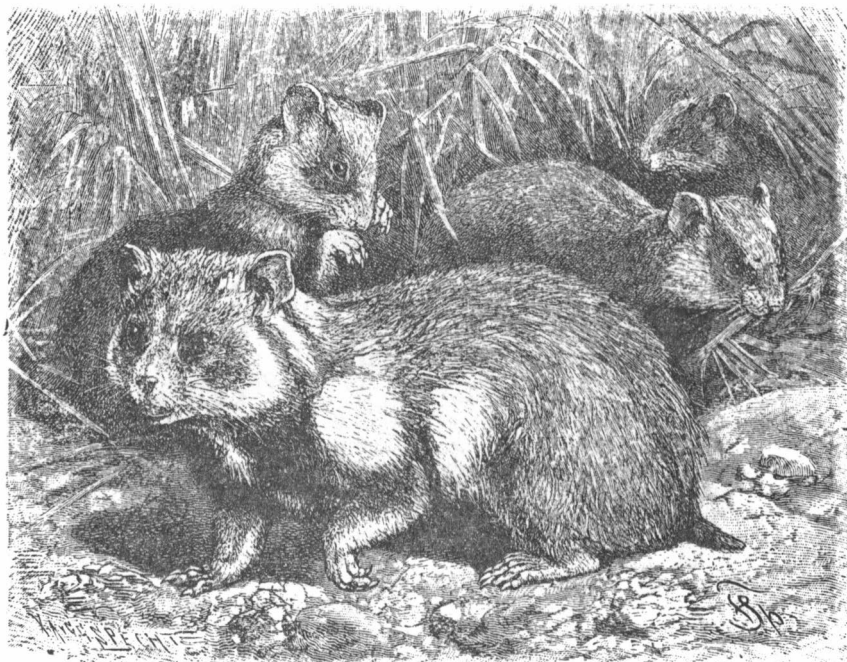
Постройки хомяков, которые можно узнать по кучкам земли, лежащим у выхода, состоят из норы на глубине 1—2 метров, из наклонного выхода и входа. Нору составляют несколько камер, из которых меньшая назначена для жилья, а большая—для склада разных припасов на зиму, в течение которой это животное предается спячке, залегая в октябре и пробуждаясь в конце февраля.

Несмотря на кажущуюся неподвижность, хомяк—довольно ловкое животное; обыкновенно он трусит мелкой рысцой, подобно ежу, но в гневе делает даже высокие прыжки. Кроме того, он хорошо лазает и довольно ловко плавает, хотя и боится воды.

Внешние чувства его развиты довольно равномерно, из душевных же свойств преобладает крайняя раздражительность: при малейшем поводе он сердито готовится к защите, глухо рычит, скрежещет зубами и сильно шел-

кает ими. Мужество его так же велико, как и гнев; он до последних сил борется с врагом и часто побеждает преследующую его собаку. Хомяки злы даже по отношению к себе и сплошь и рядом загрызают друг друга до смерти.

Самка мечет раза 2 в год по 6—18 детенышей, голых и слепых. Хомяк опустошает хлебные поля, всходы льна, бобы и горох, причем на-

Хомяк (*Cricetus frumentarius*)

гибает передними лапами высокие стебли, откусывает колос и, ловко вылушив его, забирает зерна в свои защечные мешки, принося домой зараз до 4 лотов запасов хлеба. Нагруженный таким образом, он является вполне беспомощным, так как набитые мешки мешают ему кусаться, и его можно схватить руками; только не нужно медлить, иначе он живо выбросит зерна и примет оборонительное положение.

Врагами хомяков, кроме человека, являются совы, вороны, а также хорьки и ласки. Человек же, преследуя это животное, имеет в виду те хлебные запасы, которые накапливаются им в подземных норах.

Семейство **полевок** (*Arvicolidae*), населяющих северные страны Старого и Нового Света, включает в себе маленьких, похожих на мышей грызунов, характерными признаками которых являются: неуклюжее туловище, тол-

стая голова, уши, совершенно скрывающиеся в волосах или слегка торчащие над ними, и короткий хвост, не более двух третей длины тела. У них три коренных зуба, не имеющих корней. Образ жизни их почти одинаков с образом жизни мышей: они также живут в норах, питаются растительными веществами, не брезгуя и животной пищей; многие делают себе запасы на зиму, хотя и не подвержены зимней спячке. Немногие из них умеют лазать, но почти все—прекрасные пловцы. В поисках пищи некоторые виды предпринимают большие путешествия.

Один из замечательных видов—**мускусная крыса**, или **ондатра** (*Fiber z bethicus*), животное до 58 см длины, причем половину занимает хвост, с широкими задними ногами, тупой мордой и с замыкающимися покрытыми короткими волосами, ушами. На передних ногах 4 пальца и бородавка вместо пятого, на задних, которые гораздо длиннее первых,—5. мех густой, мягкий, блестящий, окрашенный в темно-бурый цвет, живот—серый, хвост черный. Выделяет пахучую жидкость с мускусным запахом. Встречается на севере Америки между 30 и 69° с. ш., в больших озерах, болотах и тихих ручьях. По образу жизни ондатра напоминает бобра, отчего индейцы называют этих животных братьями, признавая бобра старше и умнее, а ондатру—глупее. Постройки мускусной крысы представляют или котловидные углубления под землей с подводными выходами, или выдаются над поверхностью воды. В последнем случае проход оканчивается на поверхности воды. Стенки гнезда построены из тростника, осоки и смазаны илом. Когда настает суровая зима, и крысам не удастся проделать отверстие в воду, много их задыхается в своих убежищах. Пища их состоит большей частью из болотных растений, но они нападают также на соседние плантации, опустошая огороды. В воде резвящиеся ондатры представляют очень красивую картину. Человек преследует этого зверька из-за меха, находящего сбыт в Америке, Китае, а также в России, где его продают под названием выхухоли.

К мускусным крысам причисляют и **настоящих полевков** (*Arvicola*), между которыми вреднейшей является **водяная крыса** (*Arvicola amphibius*), живущая в стоячих водах или у воды*, большей части Европы (Средней и Северной) и Северной Азии. Размеры ее—21—24 см в длину, из которых 6,5—8,5 занимает хвост; мех почти одноцветный, так как

серо-коричневая и коричнево-черная верхняя сторона постепенно переходит к более светлому, беловатому цвету или к серой, черной или черно-коричневой окраске нижней части туловища.

От черной крысы водяная отличается толстой, круглой, короткой головой с поразительно короткими ушами, не выступающими из шерсти и достигающими едва четверти головы, а также более коротким хвостом.

По образу жизни это животное отчасти напоминает крота, отчасти ондатру и других водных грызунов. Пища ее состоит главным образом из растений водяных, садовых и огородных, и этим она сильно вредит человеку; однако эти крысы не брезгуют и животными (лягушками, рыбами, насекомыми и проч.). Размножаются эти животные очень сильно, 2—4 раза в год, давая по 2—7 детенышей. Мать очень заботится о своем потомстве.

Высоко в Альпах, среди снежных полей, где земля едва оттаивает на 2—3 месяца, живет **снеговая полевка** (*Arvicola nivalis*), маленькое животное, в 18 см длины, причем хвост—около 7 см, покрытое сверху светло-бурыми мехом, снизу—серовато-белым. Она питается скудной растительностью, какая еще возможна на крайних высотах, и зимой в поисках пищи выкапывает под снегом длинные ходы.

Далее, нужно указать следующие виды: 1) **лесная полевка** (*A. glareolus*) в 10 см длины и с хвостом в 4—5, сверху темно-рыжая, снизу белая. Встречается в лиственных лесах и на опушках их в Средней Европе и России. Обгладывает кору деревьев, 2) **земляная полевка** (*A. agrestis*), напоминающая предыдущую по окраске; живет близ воды на севере Европы, поедая корни, кору и плоды, 3) **обыкновенная полевка** (*A. arvalis*), в 11 см, с хвостом в 3 см, на спине желтовато-серая, внизу—грязно-ржаво-белая с белыми

* Так называемую **земляную крысу**, известную вредительницу садов, причисляют к виду водяных крыс, хотя она и живет не в воде, а в земле, подобно кроту.

лапками. Встречается в Средней и Северной Европе, а также в западной части Средней и Сев. Азии. Живет в подземных норах, забираясь в дома, подобно домашним мышам. Иногда предпринимает огромными стадами целые путешествия, переплывая реки и пробираясь через горы. Превосходно бегает, отлично плавает, но лазает неловко, роется же в земле быстрее всякой другой мыши. Питается зернами, орехами и овощами. Размножается невероятно быстро, рождая 4—6 раз в год по 4—8 детенышей. Вследствие массового нападения этого грызуна человек во многих случаях оказывается бессильным в борьбе с ним, только хищные птицы, преследующие полевков, да заразные

рого, с коричневым сверху и белым внизу хвостом. Название «эконома» дано ей потому, что она собирает в своих норах огромные запасы съедобных корней, потребляемых человеком в пищу, как-то: черноголовки (*Sanguisorba officinalis*), сердечного корня (*Polygonum bistorta*), морковника (*Anthriscus sylvestris*) и прикрыта (*Aconitum lycoctonum*). Притом все эти корни тщательно очищаются полевкой, разгрызаются на куски и укладываются в кучи, так что туземцу остается только взять и унести их с собой. Эти полевки совершают иногда в поисках пищи громадные путешествия на запад, через реки и горы.

В Германии и Франции, на сырых лу-

Ондатра (*Fiber zibethicus*)

болезни, свирепствующие между ними, помогают ему управляться с этим бесчисленным врагом.

Единственная из полевков, работающая на пользу человека,— **мышь-эконом** (*Arvicola oeconomus*), обыкновенная во всей Сибири, за р. Обью. Она несколько больше обыкновенной полевки (до 18 см длины, причем хвост—5 см), сверху—светлого желтовато-серого цвета, снизу—се-

гах и огородах близ рек, встречается **подземная полевка** (*Arvicola subterraneus*), длиной в 11 см с хвостом в 3 см, ржаво-серого, внизу беловатого цвета. Она живет под землей больше других полевков и размножается сильно, но так как вода часто заливают ее норы, то, несмотря на ее плодовитость, редко случается массовое появление этого грызуна. К своим собратьям этот вид относится очень враждебно.

Пеструшки (*Myodes*) по наружному виду и образу жизни занимают между полевками такое же место, как хомяки между мышами: они плотного строения, с коротким хвостом, а по характеру злее всех других полевков.

Типичный представитель их— **пеструшка полярная**, или **лемминг** (*Myodes lemmus*), до 15 см длины, из которых хвост—не более 2. Водится на севере Скандинавии на сухих местах среди болот, выкапывая небольшие норы под камнями или мхом; воды избегает. Длинный, густой мех ее

коричнево-желтый с темными пятнами, от глаз идут 2 желтых полосы, хвост и лапы желтые, а живот—почти песочного цвета. В общем это—очень красивый зверек; зато характер у него—невозможный. Если подойти к их норе, то пеструшки храбро выскакивают оттуда, пищат, хрюкают, подымаются на задние лапы, опрокидывают голову назад, так что почти лежат на спине, и тогда свирепо впиваются своими маленькими глазами в противника. Об отступлении они и не думают и храбро кусают все, что ни протянут им, будь то сапог, палка или ружье. По ярости и злобе маленькие зверьки вполне напоминают хомяков. Однако и собаки и кошки легко управляются с ними.

Водяная полевка (*Arvicola amphibius*)

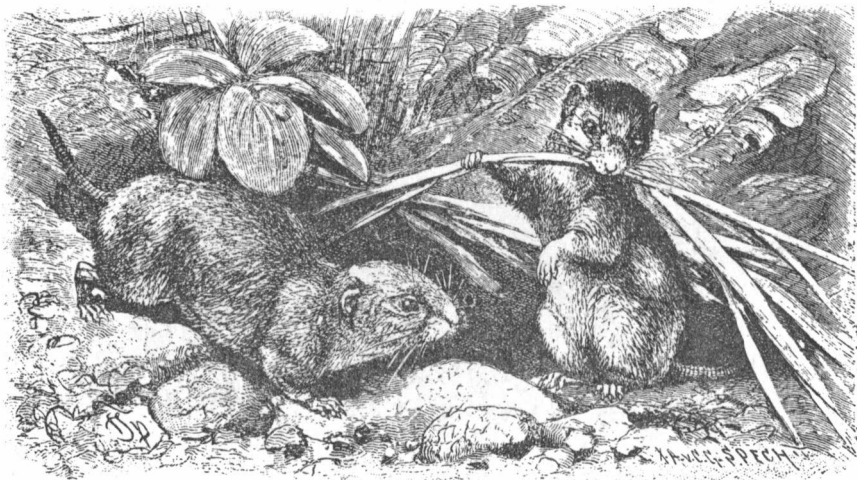
Пищу пеструшек составляют немногие травы, свойственные их бедной родине, олений мох, сережки карликовой березы и разные корни, к которым зимой животные добираются по снеговым ходам. Запасов на зиму они не делают и потому часто голодают. Иногда, обыкновенно через 10—20 лет, они уходят из мест своей родины в несметном количестве, следуя все по прямому направлению. Ни реки, ни горы, ничто не останавливает этих маленьких, но многочисленных путешественников. Средневековые скандинавские писатели говорят, что при этом пеструшки часто окружают лодки рыбаков на Ботническом заливе и наполняют их до того, что те тонут. По морю носятся тогда массы утонувших животных, а берега на далекое пространство бывают покрыты их трупами.

Такие гости являются, конечно, настоящим бичом страны, так как могут сожрать все съедобное. Счастье еще, что климат и многочисленные враги значительно сокращают количество этих грызунов. А то, при их плодовитости,

обычной у всех полевок, человеку не было бы житья от них. Между тем дождливое лето, холодная, ранняя, бесснежная осень убивают их целыми миллионами; кроме того, их преследуют почти все хищные звери Скандинавии. Для человека ни мясо, ни мех пеструшки не имеют никакой цены; только лапландцы, томимые голодом, иногда преследуют этих грызунов.

Семейство **кротообразных мышей**, или слепышей (*Spalacidae*), состоит из безобразных, уродливых грызунов, живущих под землей. Подобно кротам, они отличаются неуживчивым, злобным нравом. Местопребыванием их служат сухие, песчаные рав-

ны (*thyergus maritimus*), кротообразная мышь, встречающаяся около мыса Доброй Надежды. Туловище его валькообразное, голова широкая, без ушных раковин, с очень маленькими глазами и широким, с хрящеватым кончиком носом. Ноги короткие, пятипалые. Мягкий и

Обыкновенная полевка (*Arvicola arvalis*)

нины Старого Света. Наиболее известное между ними животное — **слепыш** (*Spalax typhlus*), длиной до 20 см. Тупорылая голова его, шире бесхвостого туловища, усеяна жесткой щетиной и сидит на также толстой, неподвижной шее, резко выделяясь своими могучими, толстыми, долотообразными резцами. Напротив, глаза, величиной с маковое зерно, почти не видны. Пятипалые ноги снабжены крепкими когтями для рытья. Общий цвет мягкого, густого меха — желто-коричневый с серо-пепельным оттенком. Встречается в Юго-Вост. Европе и Зап. Азии. Не подвергаясь зимней спячке, слепыш постоянно занят рытьем своих ходов. Движения его вовсе не так неловки, как можно судить по первому взгляду: он ловко шмыгает по траве, отлично плавает. При движениях он руководится больше слухом, другие же внешние чувства его мало развиты.

Также некрасив и **пескокоп** (Ва-

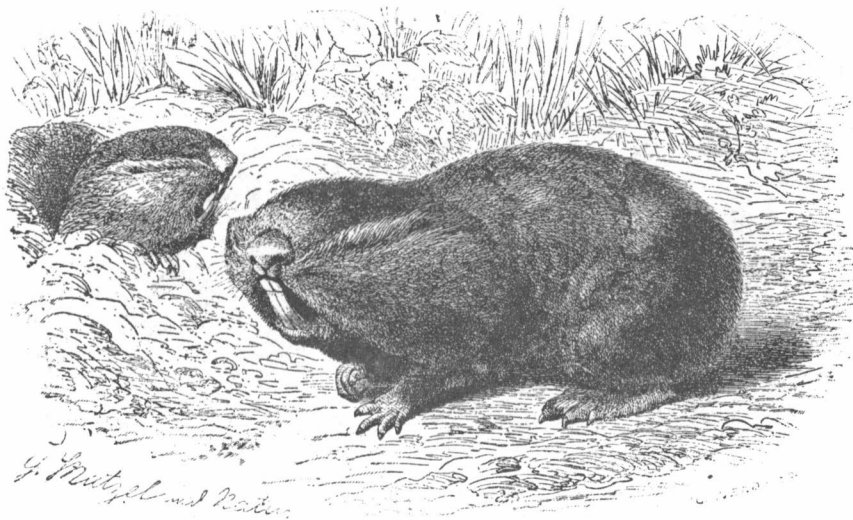
тонкий мех — белый, с желтоватым оттенком. Буры ненавидят это животное за то, что оно подрывает землю, так что лошади, проваливаясь в его ходы, ломают себе ноги.

К кротообразным мышам относят еще **мешконосов**, стройных, красивых животных, с длинными задними ногами, длинным хвостом и острой мордочкой, и неуклюжих, неповоротливых **мешетчатых крыс**, отличающихся от других грызунов своими зашечными мешками. Из мешконосов наиболее известный — **кафрский мешконос-прыгун** (*Dipodomys philippii*), до 30 см длины, из которых 17 имеет хвост, светло-коричневого цвета сверху и белого с желтоватым — снизу, живущий в Калифорнии в песчаных местностях со скудной растительностью. По образу жизни они напоминают тушканчиков; питаются семенами, корнями и травами. Из мешетчатых крыс укажем на **гоффера**

(*Geomus bursarius*), ростом поменьше хомяка (35 см, из которых хвост 6,5); водится в Сев. Америке, к вост. от Скалистых гор и зап. от Миссисипи; мех — необыкновенно густой, тонкий и мягкий. Волосы у корня серо-голубого цвета, а на концах красного на верхней половине и желто-

серого — на нижней половине тела. Гоффер ведет подземную жизнь, совершенно как крот, и также вреден для садов. По земле бегаёт с трудом, волоча хвост. Страсть грызть все, что ни попадет, делает наблюдения над этим животным в неволе нелегкими.

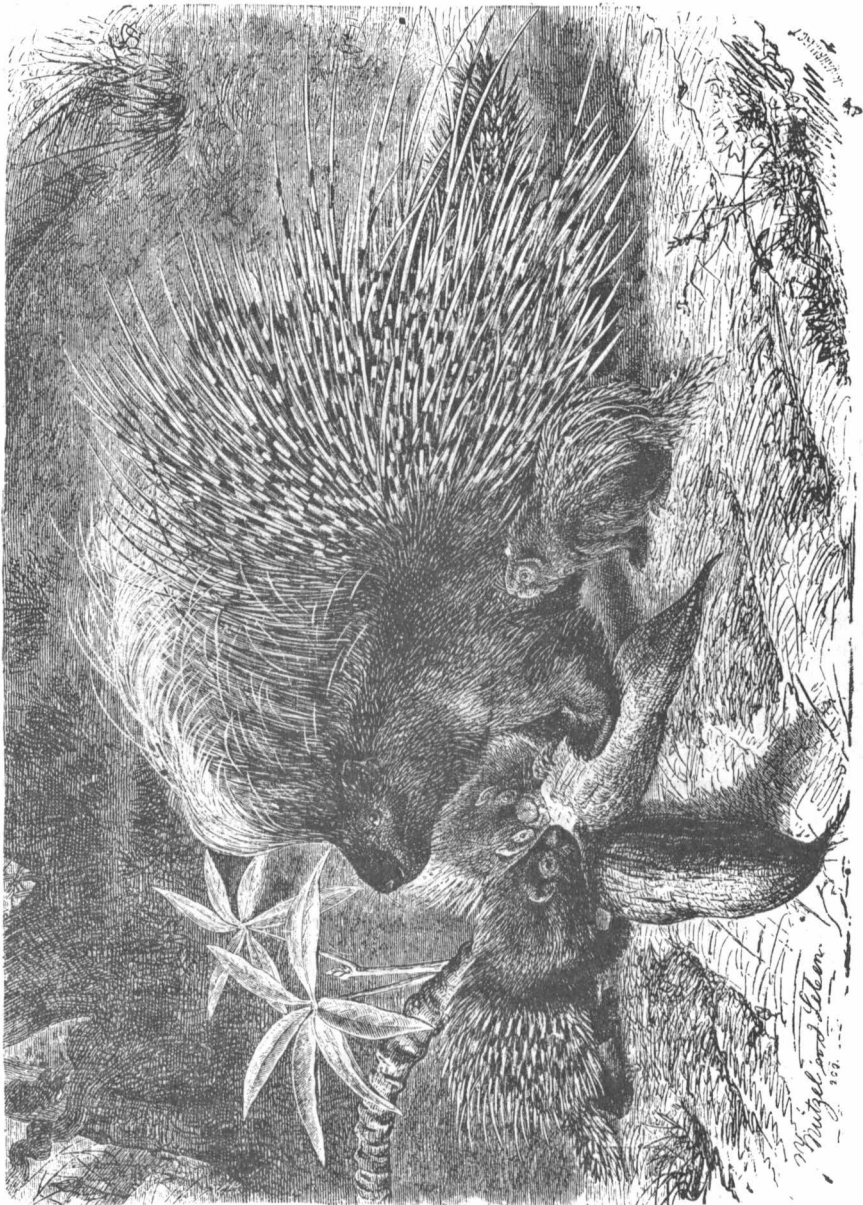
Семейство **дикобразовых** (*Hystri hidae*), распространенное в умеренных и жарких странах Старого и Нового Света, причем в первом встречаются роющие виды, а во втором — лазающие, характеризуется главным образом своим иглистым покровом; иглы бывают или скрыты в длинной шерсти, или выступают из редкого подшерстка. Двигаются эти животные, особенно днем,

Слепыш (*Spalax typhlus*)

медленно, лениво, только с наступлением ночи оживляются. Внешние чувства их развиты слабо, за исключением обоняния, а по душевным способностям это — наиболее глупые животные: они беспамятны, злы, сердиты, трусливы, нелюдими и несообщительны, предпочитая одиночную жизнь общественной. К приручению, по-видимому, малоспособны. Голос их состоит из хрюкающих глухих звуков, сопенья, тихих стонов и особого визга. Пищей служат различные части растений, начиная с корней и кончая плодами.

Наиболее известное животное из этого семейства — **дикобраз** (*Hystrix cristata*), длиной в 65 см, с хвостом в 11 см и высотой в 24 см; вес — 36—40 фунт. Водится вдоль берегов Средиземного моря в Африке и Средней и Южной Италии. Короткая, тупая морда покрыта волосами, а над глазами и на верхней губе расположены блестящие черные усы. На шее — грива из твердых, очень длинных, гибких, изогнутых щетин, частью белого, частью серого цвета,

Дикобраз (Hystrix cristata)

которые животное может по произволу поднимать и опускать. Остальная верхняя часть тела покрыта тесно сидящими то длинными, то короткими, гладкими и заостренными иглами, между которыми разбросана щетина; иглы эти темно-коричневого и белого цвета, некрепко держатся в коже, а потому легко выпадают. На боках, плечах и крестце иглы короче и тупее, чем на спине, и с заостренными концами. Тонкие и гибкие иглы достигают длины 40 см, короткие же и жесткие—только 15—30 см длины, толщина их—0,5 см. Внутри все они полые или наполнены губчатой массой, корень и кончики их большей частью белого цвета. Короткие иглы темно-коричневого цвета и кольчаты, но и у них корень и кончики белые. На конце хвоста находятся другие иглы, в виде усеченных, тонкостенных трубок, почти 5 см длины и 7 мм толщины, с открытым концом и длинными, тонкими, гибкими корнями. При помощи особого мускула под кожей животное может приподнимать и опускать все иглы, что и является почти единственным средством, устрашающим его преследователей. Нижняя сторона тела покрыта темно-бурыми волосами с рыжеватыми заостренными кончиками; вокруг шеи идет белая полоса. Когти черно-рогового цвета, глаза—черные.

Дикобраз живет уединенно, днем отдыхает в длинных, низких ходах, которые вырывает себе в земле, ночью же выходит на добычу. Все движения его медленны и неуклюжи. Если его захватят неожиданно, то он грозно выпрямляет голову, топорщит свои иглы и гремит ими, особенно полыми иглами хвоста, так что происходит страшный шум, действительно способный напугать неопытного человека. При сильном раздражении дикобраз ударяет задними ногами о землю, а если схватить его, то издает глухое хрюканье, подобно свинье. При этом движении некоторые иглы выпадают, что и послужило поводом к распространению сказки, будто он стреляет во врага своими иглами. Между тем на самом деле это—совершенно беспомощное, безобидное создание, которое легко захватить, если быть поосторожнее с иглами.

Детеныши, в количестве 2—4, рождаются в марте, в Европе—в июне, с открытыми глазами и короткими, мягкими, но быстро твердеющими иглами. Как только они делаются способны добывать себе пищу, мать покидает их, зато раньше она ревниво оберегает их от всех опасностей. Размножение нередко происходит и в неволе.

В смысле пользы или вреда для человека дикобраз—безразличен, только разве иглы его находят применение, и потому за ним усердно охотятся, обыкновенно при помощи собак. В Италии часто приручают дикобразов, подобно обезьянам, и ходят с ними из деревни в деревню. Неволю это животное переносит хорошо, только надо наблюдать, чтобы оно не портило вещей зубами, так как последние так крепки, что перегрызают даже толстую проволоку.

Более дружелюбны и привязчивы к человеку **африканские кистехвосты** (*Atherura africana*), до 60 см длины, из

которых треть занимает хвост. Иглы у них плоские, с продольными бороздками, очень острые и с крючочками на концах:

у основания они грязно-белые, а далее бурые; длина их постепенно увеличивается от головы к хвосту (с 4 до 11 см). Снизу кистехвост покрыт довольно густым и мягким мехом буровато-белого цвета; морда усеяна длинными бурными усами. Встречается в Западной Африке.

В качестве представителя второй группы, лазающих дикобразов, укажем прежде всего на **иглошерста** (*Erethizon dorsatum*), имеющего сжатое с боков туловище и короткий, плоский, широкий хвост,

тил одного иглошерста в верховьях Миссури. «Когда мы приблизились к нему,— говорит он,— животное подняло вперед длинные волосы, опустило голову книзу и стало кружиться. Когда его хотели схватить, оно свертывалось в клубок, и тогда нельзя было дотронуться до него из-за его чрезвычайно острых игл, слабо сидящих в коже. Иглы эти, вонзаясь в кожу, причиняют сильную боль...»

Это испытал и я на опыте. Когда ко мне прислали одного иглошерста, я стал его

Иглошерст (*Erethizon dorsatum*)

покрытый сверху иглами, а снизу—щетиной. Длина—до 80 см, из которых хвост—19. Голова у него короткая, толстая и тупая, морда—усеченная, маленькие ноздри закрываются клапанами. Передние ноги—4-палые, задние—пятипалые; когти длинные, сильные. Все тело покрыто густым, длинным мехом, переходящим внизу и на кончике хвоста в колючие щетины. На верхней же половине тела между волосами и щетинами находятся, прикрытые большей частью полосами, иглы до 8 см длины. Окраска представляет смесь бурого, черного и белого цветов. Живет в лесах Северной Америки, питаясь корой вязов, тополей и елей, чем приносит большой вред деревьям. Взятые молодыми детеныши его скоро привыкают к неволе.

Благодаря своим тонким, острым иглам иглошерст более защищен от врагов, нежели дикобраз. Фон Вид встре-

гладить по голове; он хотя и ворчал, однако не поднимал игл спины. Я продолжал далее и мало-помалу добрался рукой до кончика хвоста; но едва только я коснулся его, как он быстро ударил своим широким, сплюснутым хвостом снизу вверх, и я почувствовал в пальцах страшную боль от вонзившихся в них игл. Недаром даже собаки и кровожадные рыси избегают нападать на это животное.

В настоящее время иглошерсты год от года становятся реже, так как охотники усиленно преследуют их. Мясо их идет в пищу, да и мех, по удалении игл, вследствие своей мягкости, в большом употреблении.

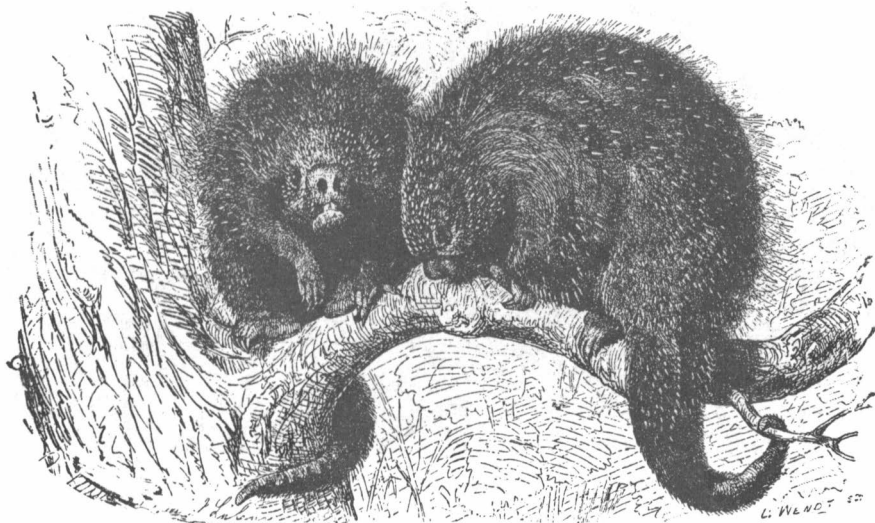
К лазающим дикобразам относятся и цепкохвостые (*Cercolabes*), у которых, кроме цепкого хвоста, только четыре пальца на лапах, а вместо пятого пальца—бородка без когтя. Одни из этих животных, так называемые древесные дикобразы,

больше покрыты шерстью, чем иглами, так что последние выступают из меха только местами, другие, куанду, имеют назади щетины.

Настоящий **цепкохвостый дикобраз** (*Cercolabes novae Hispaniae*), водящийся в Мексике, представляет животное в 95 см длины, из которых почти треть приходится на хвост, покрытое густой, мягкой, длинной шерстью черного цвета. Нижняя сторона — без игл. Глаза, со зрачками не больше булавочных головок, выдаются, подобно стеклянным бусинкам. В сильном гневе животное топорщит во все стороны свои иглы, обыкновенно малозаметные в шерсти; при малейшем прикосновении они легко выпадают.

в клубок, ночью же лазает медленно и осторожно. Общая окраска его, благодаря длинным, седоватым волосам, как нельзя лучше подходит к цвету длинного седого меха, что вводит в обман не только человека, но и хищных птиц. По рассказам наблюдателей, это — скучное, глупое, грязное животное, которое не представляет ничего привлекательного. По отношению к человеку оно совершенно безвредно, тем не менее его ожесточенно преследуют, так как собаки охотников, которых нельзя удержать от нападения на этих дикобразов, сильно страдают от впивающихся в их тело игл.

Похож на цепкохвостого дикобраза, но

Цепкохвостый дикобраз (*Cercolabes novae Hispaniae*)

О жизни цепкохвостого дикобраза мало известно; больше мы знаем о другом, родственном виде **Кюийе** (*C. villosus*), распространенном в Бразилии. Большую часть дня он спит на деревьях, свернувшись

заметно больше его (до 1,1 м длины, причем 45 см — хвост) — **куанду** (*Cercolabes prehensilis*), обитающий в большей части Южной и Средней Америки. По характеру и привычкам это — также глупое, скучное животное.

Семейство **полукопытных** (*Caviidae*) включает в себе животных с более или менее вытянутым телом на длинных ногах, причем передние ноги — четырехпалые, а задние имеют от 3 до 5 пальцев; все пальцы вооружены большими копытообразными, спереди ребристыми когтями. Далее, отличительными признаками этих животных служат: кургузый хвост, большие уши, грубый волосной покров; четыре коренных зуба приблизительно равной величины в каждом ряду и большие, спереди всегда белые резцы. Живут они в самых различных местностях Южной и Средней Америки обществами, питаюсь

растительными веществами всякого рода; ночью они бодрее, чем днем. Нрав их мирный, незлобивый и робкий. Душевные способности развиты слабо, да и внешние чувства, за исключением разве обоняния и слуха. С неволей они легко свыкаются, но не дружатся с человеком. Плодовитость значительная: многие виды мечут несколько раз в год по несколько штук детенышей.

Наиболее известный представитель семейства — **морская свинка** (*Savia porcellus*), давно уже потерявшая свою родину и ставшая домашним животным. По исследова-

ниям Геринга, она происходит от кутле-
 цевитый мех окрашен сверху в буро-серый
 цвет с тонкими белыми крапинами, нижняя
 же сторона — белая. Зверек живет в норах,
 выходя на добычу днем. Пищей ему служат

Морская свинка (*Cavia porcellus*)

ниям Геринга, она происходит от **кутле-
 ровой свинки** (*C. cutleri*), живущей в
 Перу. Кроме белых свинок встречаются
 пегие, испещренные белыми, желтыми и чер-
 ными пятнами. Свинка отличается своей не-
 злобностью, нетребовательностью в пище и
 плодовитостью (родит 2—3 раза в год по
 4—5 и даже 7 детенышей).

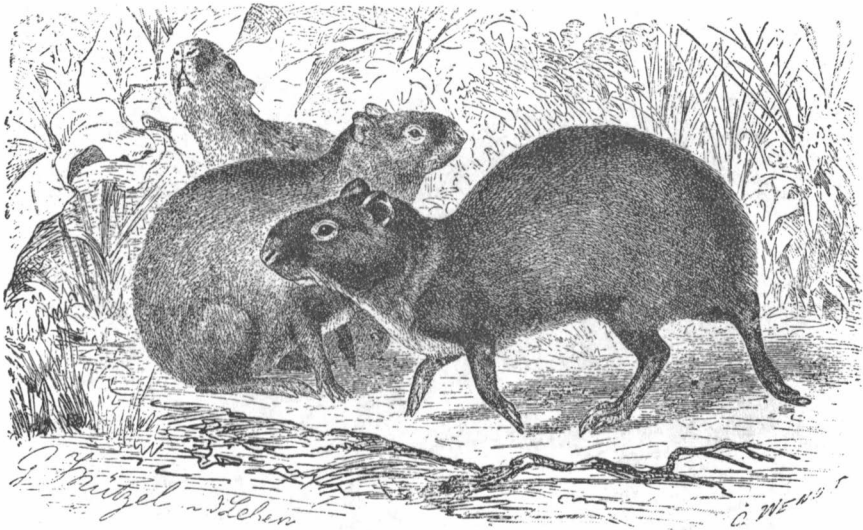
Гораздо оригинальнее встречающаяся в
 Патагонии и других пустынных странах
 Южной Америки **мара** (*Dolichotis patago-
 nica*); это животное, длиной в 50 см и
 высотой в 45 см, напоминает по внеш-
 ности зайца, но отличается от него более
 высокими ногами и более короткими тупыми
 ушами. На довольно тощей шее сидит сверху
 приплюснутая, а у морды заостренная голо-
 ва с живыми глазами. Мягкий, густой, глян-

скудные травы Патагонии. Животное очень
 пугливо, но в неволе быстро привыкает к
 человеку. Геринг рассказывает про одну
 ручную мару, которая была очень чувстви-
 тельна к ласкам: когда ее слегка чесали
 пальцами, она выгибала спину, сопровождая
 это в высшей степени довольным, но не-
 передаваемо странным не то писком, не то
 хрюканьем, в котором слышалось, однако,
 что-то трогательное и располагающее. На сво-
 бode, благодаря своим тонким чувствам,
 мара нелегко позволяет заставить себя в
 логовище, но охотник на лошади всегда мо-
 жет нагнать ее, так как продолжительный
 бег утомляет ее. Туземцы охотятся за ней
 главным образом из-за меха, идущего на
 ковры и одеяла.

Подобно маре, также высоконое животное

представляет из себя и **агути**, или **гути**, называемый еще **золотым зайцем** (*Dasyprocta aguti*), коренастый грызун, с длинной, остромордой головой, маленькими круглыми ушами и трехпальцами длинными ногами (на передних 4 пальца). Жесткий, почти щетинистый мех его имеет глянцево-белый, красновато-лимонный цвет, перемешанный с черно-бурым. Живет в Сев. и ср. части Ю. Америки, по берегам рек, в лесах, выходя на добычу ночью. Жилищем их служат прогнившие, дуплистые стволы упавших деревьев. Это — безбидный, боязливый зверек, напоминающий своими

По обеим бокам — желтовато-белые пятна. Длина — до 70 см, при высоте в 35 см. Местопребыванием служат норы на опушке леса, поросших кустарником берегах рек и в болотах. В сумерки пака выходит кормиться, посещая плантации сахарного тростника и дынь, которым причиняет значительный вред. Кроме того, она питается листьями, цветами и плодами различных растений. Живет и парами и одиноко; необыкновенно боязлива и быстра, с легкостью переплывает широкие реки. Неволю пака переносит легко, но остается хотя миролюбивой, зато довольно равнодушной к хозяйну.

Агути (*Dasyprocta aguti*)

прыжками маленькую кабаргу. Из внешних чувств у него развиты обоняние и слух, зато зрение и вкус слабы. Красивое строение, прелестный вид и опрятность агути заслуживают полного внимания любителей, и только страсть грызть делает их несносными.

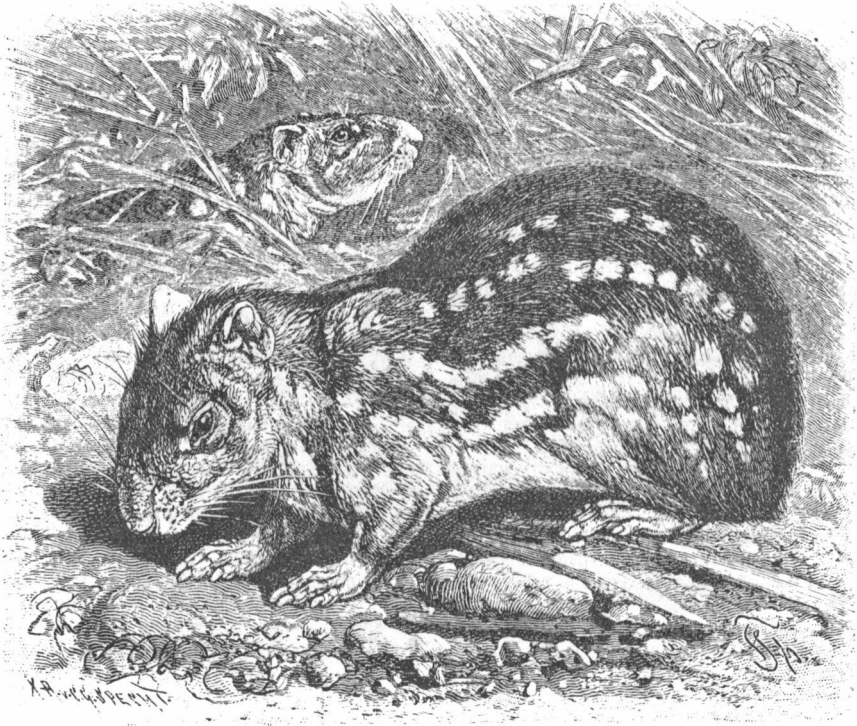
Также распространена в Ю. Америке и **пака** (*Coelogenys paca*), по своей наружности имеющая некоторое сходство с молодой свиньей. Голова у нее широкая, рыло тупое, верхняя губа расщеплена, туловище толстое, пятипалые ноги также толстые, пальцы снабжены тупыми выпуклыми когтями. Хвост в виде волосистой кисти. Особенно характерно у нее разрастание скуловой дуги, снабженной на внутренней стороне полостью в виде защитного мешка, хотя эта полость и не служит для хранения пищи. Короткий, плотно прилегающий мех сверху — желтовато-бурого цвета, а внизу — желтовато-белого.

Самый большой и массивный представитель из всего отряда грызунов — **водосвинка** (*Hydrochoerus sarybaga*), напоминающая по сложению и щетинистой шерсти свинью. Это животное, длиной до $1\frac{1}{2}$ арш. и высотой до $\frac{3}{4}$ арш., водится по всей Ю. Америке, по берегам рек и озер. Малые уши, расщепленная верхняя губа, отсутствие хвоста, короткие плавательные перепонки между пальцами ног (3-ья на задних и 4-ья на передних), крепкие копытообразные когти, а также большие резцы, по крайней мере 2 см ширины, наконец, грубый, редкий мех неопределенного цвета — неясно-бурого с оттенком рыжего и желтоватого, — таковы характерные признаки водосвинки. Двигаются они медленно, иногда прыжками, напротив, плавают превосходно. Пища состоит из водяных растений и коры молодых деревьев, но если есть поблизости плантации сахарного трост-

ника, маиса или арбузов, то они нападают также на них.

По характеру водосвинка очень смирна и спокойна, а по душевным способностям — крайне тупое существо. При виде врага они медленно подбегают к воде, а при крайнем испуге бросаются в воду с пронзительным, далеко слышным криком «апп».

К приручению водосвинки способны, но не обнаруживают особой дружбы к человеку; в неволе смирны, хотя иногда наносят своими резцами серьезные раны. Охотятся за ними только ради развлечения, так как мясо противно на европейский вкус; впрочем, туземцам оно нравится, и потому они усиленно преследуют водосвинку.

Пака (*Coelogenys paca*)

Семейство **восьмизубовых** (Octodontidae), населяющее Южную Америку и Африку, состоит из небольших крысоподобных животных, с широкими, короткими ушами, 4- и 5-пальцами ногами и покрытым чешуйками, как у крыс, хвостом. Свое название оно получило вовсе не от количества зубов, которых больше 8, а оттого, что жевательная поверхность коренных зубов носит узор в виде цифры 8. Восьмизубовые живут обществами в подземных норах. По образу жизни они довольно различны. Одни ведут чисто подземную жизнь, подобно кротам, другие искусно лазают по деревьям, третьи представляют настоящих водяных животных. Из внешних чувств выше всего развиты слух и обоняние. Неволю переносят хорошо. Размножаются сильно, как все вообще грызуны.

В Чили, Перу и Боливии живут **кустарниковые крысы** (*Octodon*), представляющие соединительное звено между белками и крысами, с плотным, коротким туловищем, большой головой, сидящей на короткой и толстой шее, и пятипальными ногами, причем задние длиннее передних. Хвост — с кисточкой на конце. Густой, короткий мех состоит из сухих, жестких волос. Обыкновенный в Чили вид — **дегу** (*O. cymingii*), длиной 26 см, сверху буровато-серого цвета, неравномерно пятнистого, снизу — серо-буроватого. Он населяет изгороди и кустарники, врывается даже в сады и поля, где наносит большой ущерб хозяевам бесцельным разгрызанием растений и своей прожорливостью. С приближением врага они, подняв верху свой хвост, быстро скрываются в ветвистых подземных норах. В неволе отличаются доверчивостью.

От Ю. Бразилии до Магелланова пролива простирается родина другого рода — **гребневиков** (*Stenomys*), тело которых укорочено, шея толста и коротка, короткий хвост с тупым концом. Они встречаются на такой высоте, где, по-видимому, прекращается всякая растительность. Путешественник, в первый раз посещающий эти страны, с изумлением слышит своеобразные хрюкающие звуки, которые приблизительно соответствуют слогам «тукотуко». Звуки эти издает гребневик — **тукотуко** (*St. magellanicus*), до 20 см длины, с хвостом в 7 см, сверху буровато-серого цвета с желтым оттенком и мелкими черными крапинами; шея спереди — бледно-желтая, ноги и хвост — белые. Это неуклюжее, беспомощное животное обитает в подземных норах, питаясь корнями растений. Патагонцы охотятся за ним ради мяса.

Представителем африканских восьмизубов является **гунди** арабов (*Stenodactylus massoni*), длиной до 17,5 см, буроватого цвета с черно-бурой полосой и черными крапинами на спине. Тело коренастое, неуклюжее, толстая голова с тупой мордой и необыкновенно длинными, жесткими, щетинистыми усами. Ноги — четырехпалые. Непосредственно над короткими, согнутыми пальцами задних ног лежит второй ряд роговых, гребенчатых, остроконечных наростов, над ними — второй ряд жестких щетинок, а еще выше — третий ряд длинных и гибких щетинок. Хвост лишь 1,5 см длины. Живут в горах Алжира, отличаются проворством, тонким зрением и слухом. Утром выбегают из своих логовиц на поля, поедая зеленые верхушки, а впоследствии — зерна. Неволи не выносят. Арабы охотятся за гунди из-за мягкого меха и нежного мяса, похожего на куриное.

Далее, из крысоподобных грызунов

нужно упомянуть о **ежекрысах** (*Carpomys*), **болотных бобрах**, или **коипу** (*Myopotamus coypu*), и **щетинистой свинке** (*Aulacodus swinderianus*).

Самый важный из первых вид — **хутиаконга** (*Carpomys pilorides*), длиной до 60 см с хвостом в 15 и высотой в 20. Цвет меха желто-серый и бурый, на груди и животе грязно-буро-серый. Обитает на деревьях или в густом кустарнике, пользуясь хвостом для прицепления или сохранения равновесия. На земле двигается неловко, прыжками или тяжелым галопом. Из внешних чувств лучше всего развито обоняние. Душевные способности незначительны. Вообще она добродушна и боязлива, общительна и дружелюбна к другим животным того же вида. Питается плодами, листьями и корой, а сама служит предметом охоты из-за мяса, особенно на о. Кубе.

Болотный бобр, или **коипу**, испано-американцев, водящийся в большей части умеренного пояса Ю. Америки, достигает почти величины выдры (до 45 см длины, при таком же хвосте). Обыкновенно спина его кажется каштаново-бурой, нижняя сторона черно-бурой, бока — ярко-рыжие, конец носа и губы — белые. Толстая, длинная, с тупой мордой голова сидит на короткой шее, глаза средней величины, выдающиеся; короткие, толстые ноги — пятипалые, причем пальцы на задних ногах значительно длиннее, чем на передних, соединены широкой плавательной перепонкой и вооружены длинными, сильно согнутыми, острыми когтями, а внутренний палец передних ног — плоским ногтем. Длинный хвост, с округленным сечением, усажн кольцеобразными чешуйками и довольно обильными щетинами. Остальная шерсть густа, довольно длинна и мягка и состоит из короткого нижнего, непроницаемого для вида подшерстка и более длинных мягких, слабо блестящих волос ости. Очень большие, широкие резцы напоминают зубы бобра.

Коипу живет парами по берегам рек и озер, выкапывая на берегу нору глубиной 1 м и шириной 40—60 см, в которой и проводит ночь, а иногда и часть дня. По земле ходит неуклюже, зато плавает хорошо, хотя ныряет плохо. По характеру робок и пуглив. Вуд, наблюдая пленных коипу в Лондонском зоологическом саду, говорит, что поведение их крайне занимательно. «Я часто наблюдал его забавные штуки, — пишет он, — и меня очень забавляло, как он словно исследует каждый новый предмет. Как только бросят в его лохань клочок травы, он мгновенно берет ее передними лапами, сильно трясет, затем погружает в воду и так ловко моет, как заправская прачка». Движения этих животных более напоминают водяных крыс,

чем бобров. Голос их—жалобный стон, звучащий очень неприятно. Питается травой. В неволе уход за ними очень прост, а прокорм дешев. Человек преследует это животное главным образом из-за ценной шкуры, туземцы же едят и его мясо. Шкурка ежегодно добывается до 1½ миллионов.

Немного похожа на болотного бобра и африканская ежекрыса—**щетиная свинка**, животное до 50 см длины, плотного сложения, с маленькой головой, короткой и широкой мордой, маленькими голыми ушами и короткими четырехпальными ногами. мех со-

стоит из гладких, похожих на иглы щетинок с гибким концом. При основании они пепельно-серые, в середине—темные, а на конце черные. Грудь—грязно-желтоватая, живот—буроватый. Другой, родственный вид—**полулопастная свинка** (*Aul. semipalmatus*), в Зап. Африке и области Верхнего Нила, отличается ясными плавательными перепонками на задних ногах.

Оба животных держатся поблизости воды, небольшими обществами, населяя густые заросли камыша и тростника. Питаются растениями. Охотятся на них ради вкусного мяса.

Щетинистая свинка (*Aulacodus swinderianus*)

Маленькое американское семейство **шиншиллы** (*Lagostomidae*) служит как бы переходной ступенью между мышами и зайцами. Представителей его можно назвать кроликами с длинным, пушистым хвостом. Коренные зубы без корней, с 2—3 параллельными складками эмали. мех нежный, светло-серого цвета с белым, черно-бурым или желтым оттенками. Живут в пещерах или норах в горах Южной Америки, показываясь только в сумерки. По движениям это—полукролики, полумыши, быстрые, живые, ловкие, робкие и пугливые. По умственным способностям слаборазвитые зверьки. Размножаются сильно, подобно зайцам. К неволе легко привыкают; чистоплотны. Дают прекрасный мех и вкусное мясо.

Собственно **шиншиллы** (*Etiomys*) отличаются толстой головой, широкими, округленными ушами, 5-пальными передними, 4-пальными длинными задними ногами и чрезвычайно мягким, шелковистым мехом. Известны два вида: **большая шин-**

шилла (*E. chinchilla*) и **малая шиншилла** (*E. lanigera*). Первая 30 см длины, с хвостом в 13; однообразный, тонкий, чрезвычайно мягкий мех имеет серебристый вид с темным налетом сверху, а снизу—чисто белый. Путешественник, поднимающийся с запада на Кордильеры, достигнув высоты 7—10 тыс. фут., замечает, что все скалы покрыты шиншиллами. В светлые дни последние сидят перед своими норами, в тени, своими быстрыми, живыми движениями оживляя голые, бесплодные скалы... Из каждой щели, из каждой расщелины выглядывает головка зверька с черными глазами.

Шиншилла малая (*Eriomys lanigera*)

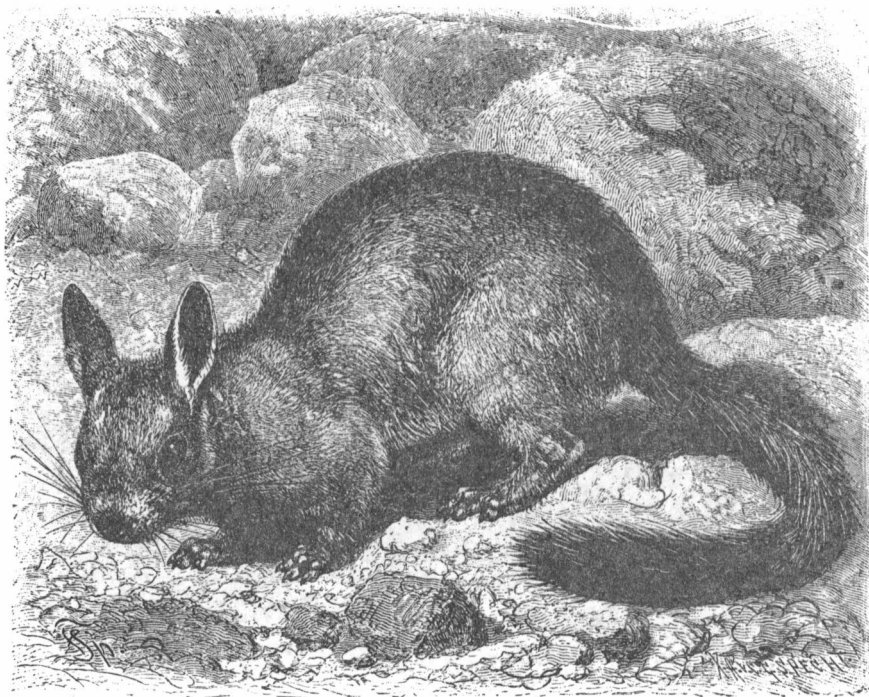
К неволе шиншиллы привыкают быстро, они чистоплотны, красивы и добродушны, но не обнаруживают особенной привязанности к своему хозяину. Вследствие усиленного преследования зверек становится год от году реже. Охотятся за ним или расставляя петли, или при помощи специально дрессированной ласки (*Mustela agilis*). Теперь для охоты за ними нужно забираться в самые недоступные дебри и пустыни.

В Северном и Среднем Чили большую шиншиллу заменяет малая, сходная с первой и по наружности, и по образу жизни, только меньше величиной: ее длина—всего 40 см, из которых треть занимает хвост. Цвет ее меха пепельно-серый с темными крапинами, а внизу и на ногах—с матово-сероватым или желтоватым налетом. Питается луковичными растениями, не отказы-

ваясь от зерен и сухих трав. По образу жизни это более ночное животное, избегающее света. Голос ее— резкое ворчание, наподобие кроличьего.

От настоящих шиншилл следует отличать **пушаков** (*Lagidium*), которые имеют более длинные уши, волосатый хвост, четырехпалые ноги и очень длинные усы. Подобно предыдущим животным, они также

усажены жесткими, издающими почти металлический звон, эластичными усами. Почти голые, узкие, тупоконечные уши— средней величины, широко расставленные глаза тоже невелики. Тело облекает густой мех, почти

Перуанский пушак (*Lagidium cuvieri*)

общественны, подвижны и веселы. Встречаются в Перу, Боливии и Эквадоре. Наиболее известен— **перуанский пушак** (*L. Cuvieri*), по виду приблизительно похожий на кролика, только с более длинными задними ногами и несравненно большим хвостом. Очень мягкий, длинный мех имеет пепельно-серый цвет, переходящий местами в желтоватый. Мех этот известен у торговцев под названием шиншиллона и имеет малую ценность.

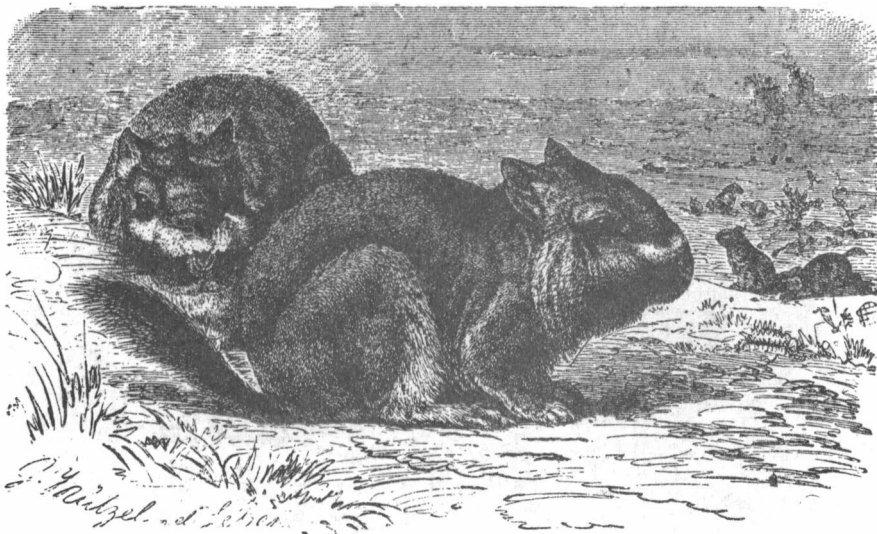
Очень похожи на шиншилл **вискаши** (*Lagostomus*), с плотным телом и сильно выпуклой спиной; передние ноги четырехпалые, задние, вдвое более длинные,— трехпалые. Округленная голова, по бокам раздутая, оканчивается короткой, тупой мордой. Губы и щеки

темный на спине и серый по бокам, внизу же— белый. Длина до 50 см, хвост— 18. Распространены вискаши по пампасам до Патагонии, где живут обществами в норах. Питаются корнями и травой. По движениям вискаши сходны с кротами, только веселее их. Подобно агуарачаю, они уносят к своим норам различные вещи и раскладывают их кучей перед входом, как будто эти предметы могли служить им игрушками. Гаучосы, зная это, всегда отправляются искать утерянные вещи к «вискачерасам». Из своих нор животные заботливо удаляют все лишнее. Голос их— странное, неприятное фырканье или хрюканье. Вискаш не только преследуют ради их мяса и меха, но и ожесточенно изгоняют, затопляя норы водой или выку-

ривая дымом, так как лошади гаучосов, проваливаясь в их норы, калечили себе ноги. Вискаша отчаянно защищается не только

против собак, но даже и против человека, кусая его ноги, но, конечно, без особого вреда для последних.

Последнее семейство грызунов—заячи (Leporidae), отличается присутствием 3 пар резцов: позади острых, широких передних резцов, служащих для разгрызания пищи, находятся два маленьких, тупых, почти четырехугольных стержня. Благодаря человеку, заячи распространены теперь по всему свету в самых разнообразных странах. Большая часть видов—мало общественны. Заяцы выходят на добычу утром и вечером при ярком свете солнца, движения их при медленной ходьбе неуклюжи, но при быстром беге довольно ловки. Из внешних чувств лучше всего развит слух, затем зрение; обо-

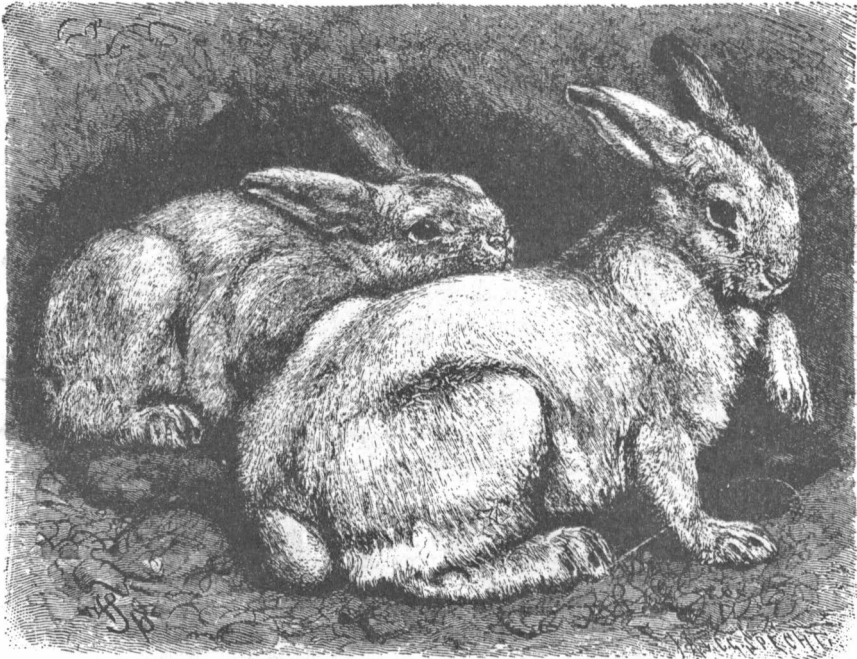
Вискаша (*Lagostomus trichodactylus*)

няние же слабо. Голос—глухое ворчание, переходящее в страхе в громкий, жалобный крик. По душевным способностям зайцы вовсе не так смирны, добродушны и трусливы, как их представляют. Напротив, они скорее злобны и беспокойны, а пресловутая трусость их объясняется неравенством сил по сравнению с их врагами: даже лев или тигр не задумались бы искать спасения в бегстве, если бы несколько хорошо вооруженных охотников без устали стали преследовать их.

Размножается заяц хотя и не так сильно, как другие грызуны, но все же старая поговорка охотников, что заяц весной отправляется в поле сам друг, а осенью возвращается сам-шестнадцать, имеет полное значение там, где преследование не слишком сильно. Большая часть этих животных рождает детенышей несколько раз в год, некоторые 3—6, даже 11. Но много потом-

ства гибнет вследствие крайне легкомысленного отношения родителей. Кроме того, много истребляется бесчисленными врагами. Впрочем, не будь этих причин, сдерживающих чересчур сильное размножение зайцев, они съели бы все наши посевы. Недаром в некоторых странах они стали настоящим бичом.

Собственно зайцы (*Lepus*) отличаются длинными, равными голове, ушами, укороченными пальцами передних ног, очень длинными задними ногами, поднятым вверх маленьким хвостиком и 6-ю коренными зубами в каждой челюсти.

Заяц-беляк (*Lepus timidus*)

Заяц-русак (*L. vulgaris*), достигает длины 75 см, причем хвост— лишь 8 см, высоты— 30. мех состоит из короткого, густого подшерстка и длинных, толстых волос ости. Подшерсток—местами белый, местами темно-рыжий, цвет ости сверху, у корня, серый, на конце—буро-черный с ржаво-желтыми кольцами. В общем окраска меха—земляного цвета; наверху буро-желтая с черными крапинами, на шее—желто-бурая, на животе—белая. Кроме того, цвет шерсти меняется зимой и летом. Родиной этого зайца служит вся Средняя Европа и Западная Азия. На юге же, около Средиземного моря, его заменяет более мелкий, рыжеватого цвета, **южноевропейский заяц**, на высоких горах—**альпийский заяц**, а на Дальнем севере—**снежный заяц**.

Что касается русака, то этот заяц, по выражению Винкеля, «более ночное, чем дневное животное. Крайне неохотно оставляет место, где вырос.

Живет в полях и огородах, где капуста и репа составляют для него лакомство. Поздней ночью он перебирается на низкие места, поросшие ситником, и поля с маслянистыми растениями, затем—на клеверные поля; наконец, когда все занесет снегом, в сады и древесные питомники, где обгладывает кору. Целый день он дремлет в своем логовище, представляющем обыкновенно неглубокую ямку, где бы он мог спрятаться, так что виднеется только одна мордочка. Возвращаясь после поисков пищи сюда, он никогда не бежит прямо, а сначала пройдет несколько дальше, затем сделает несколько прыжков в сторону и повторяет это много раз, пока, наконец, не бросится сильным прыжком в самое логовище».

Всех незнакомых предметов заяц чрезвычайно боится и потому избегает пугал на огородах. Случается, впрочем, что старые, опытные зайцы обнаруживают чрезвычайную дерзость, так что их нельзя прогнать и с собаками; заметив, что собаки заперты или привязаны, они смело пасутся на их глазах. Быстрота зайца зависит главным образом от того, что он сложен неравномерно, т.е. что задние ноги его длиннее передних. От этого он может лучше бежать в гору, чем с горы.

Детеныши рождаются с открытыми глазами и вообще довольно развитыми; возраста возмужалости они достигают в 15 месяцев. Пойманные молодыми, зайцы скоро привыкают к человеку и даже учатся от него многим фокусам. Преследуют этих животных частью ради мяса, частью ради шкуры; последних ежегодно поступает в торговлю до 3—4 миллионов штук.

Альпийский заяц, или **беляк** (*Lepus timidus*), к которому причисляется и заяц Крайнего севера, отличается от русака и по форме, и по характеру. «Он,—говорит Чуди,—резвее, живее, смелее, голова его короче, круглые, выпуклые уши меньше, задние ноги длиннее, пальцы отделены друг от друга глубокими промежутками, могут широко расставляться и вооружены длинными, острыми, кривыми, слегка втяжными когтями. Размером беляк меньше русака». Кроме того, в неволе беляк спокойнее и доверчивее. В отношении плодовитости беляк не уступает русаку. Зимой беляк принимает совершенно

белую окраску, только концы ушей остаются черными. Преследуют его так же, как и русака.

Африканские зайцы отличаются своей незначительной величиной и необыкновенно длинными ушами. Заяц пустыни песочного цвета; напротив, абиссинский заяц похож на нашего по цвету. Он отличается какой-то глупой смелостью, которая, впрочем, объясняется тем, что абиссинцы, чья закон Моисея, брезгуют им. Напротив, каменный, толстохвостый и капский зайцы, встречающиеся в Восточной, Западной и Южной Африке, так же робки, как и наш русак.

Кролик (*Lepus suniculns*), в отличие от настоящих зайцев, меньше ростом, более тонкого сложения, имеет более короткую голову, уши и задние ноги. Длина—до 40 см, из которых 7 занимает хвост. Хвост сверху черный, снизу белый, остальное же тело одето серым мехом, сверху желто-бурого оттенка, переходящего на нижней стороне в чисто белый. Шея частью—ржаво-желто-серая, частью—ржаво-рыжая. Первоначальное его отечество—Испания, а теперь он распространен по всей Средней и Южной Европе. Любимое место пребывания его—холмистые и песчаные местности с лещинами, поросшими ку-

старником. Здесь он устраивает себе простые норы, поселяясь целыми обществами; впрочем, каждая пара имеет свое, особое логовище.

Движения кролика отличаются от движений зайца большей ловкостью. Он искусно умеет делать петли, и для охоты за ним нужны отличные гончие и ловкий охотник. Зрение, слух и чутье у него острее, чем у зайца; он ловко умеет прятаться от врага. По нраву он зато привлекательнее нашего русака:

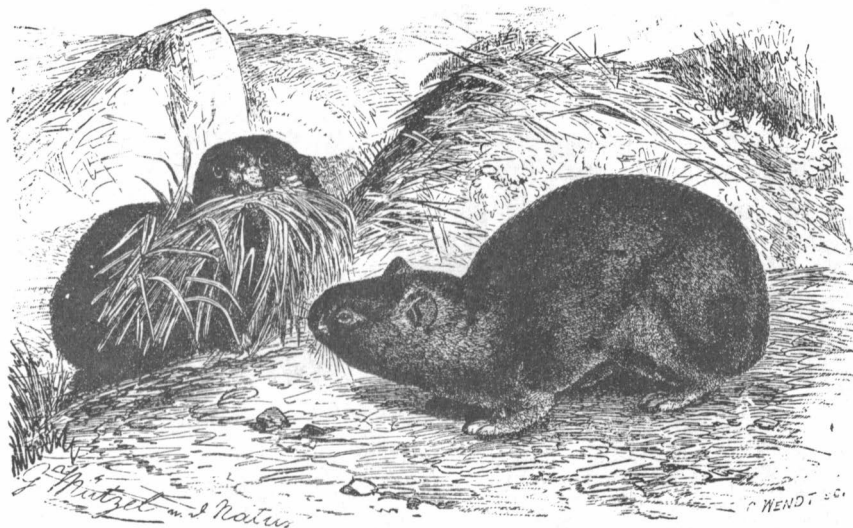

Кролик (*Lepus cuniculus*)

он общителен и дружелюбен, питает горячую материнскую любовь. Плодовитость их необычайна: каждая самка рождает в год 7 раз по 8 детенышей, так что потомство одной пары в 4 года может достигнуть громадной цифры в 1 274 840 штук.

Питается кролик совершенно так же, как и заяц, но считается еще более вредным грызуном, так как уничтожает целые насаждения молодых деревьев. В Новой Зеландии и Австралии их развелось такое невероятное множество, что они догола объедают пастбища, и с ними борются, впрочем, безуспешно, всеми возможными средствами. Мясо кролика бело и вкусно; мех идет в дело, подобно заячьему.

Наш домашний кролик, который бывает различного цвета, без сомнения, происходит от дикого и, без присмотра, скоро дичает, давая потомство, цвета дикого. Их теперь развелись следующие разновидности: серебристый, русский, ангорский, или шелковистый, и кролик Порто-Санто. Первый обыкновенно голубовато-серого цвета с серебристым или темным оттенком; русский—серый, с низко свешивающимся подгрудком; у ангорского—более короткие уши и длинные, свешивающиеся до земли шелковистые волосы; наконец, последняя разновидность отличается незначительной величиной, ночным образом жизни и дикостью. Любопытно еще, что он не скрещивается более с

Сеноставец (*Lagomys alpinus*)

европейским кроликом, от которого произошел. Напротив, помеси обыкновенного кролика и зайца очень обыкновенны.

Волящиеся в Азии **пищухи** (*Lagomys*) отличаются от зайцев гораздо более короткими ушами, едва удлиненными задними ногами, невидимым снаружи зачатком хвоста и 5 коренными зубами (вместо 6) в каждом ряду. Наиболее известный вид—**сеноставец** (*L. alpinus*), по виду и величине напоминающий морскую свинку, только с более длинной и узкой головой. Жесткий, густой, короткий мех сверху рыжевато-желтый с черными крапинами, снизу буровато-желтый. Водится на всей длинной цепи гор, окаймляющей с севера среднеазиатские плоские возвышенности, на высоте 1—4 тыс. м, а также на Камчатке. Предпочитает леса голым степям на возвышенностях, где его заменяет другой вид **оготона** (*L. ogotona*). Жилищами пищух служат маленькие

норы и трещины скал, где они живут обществами. Зимой они не подвергаются спячке. Характер их—смесь любопытства и бояливости; из любопытства они подпускают человека или собаку чуть не к самому носу, потом, скрывшись в норе с быстротой молнии, через минуту опять высовывают голову. Рабде называет пищух деятельными, миролюбивыми и очень прилежными грызунами, которые собирают большие запасы сена, правильно складывают его в кучи до 18 см высоты и 30 в диаметре и иногда прикрывают широколиственными растениями, чтобы защитить от дождя. Голос сеноставца похож на крик пестрого дятла; оготона же свистит по-мышинному. Третий вид, **карликовая пищуха** (*L. pusillus*), кричит перепелом.

Отряд VIII

Неполнозубые (Edentata)

Млекопитающие, принадлежащие к отряду неполнозубых, представляют собой вымирающих животных, дни которых уже сочтены. Прежде, в первобытные времена, они достигали местами, напр., в Бразилии, величины носорога, ныне же самые большие из них не больше крупного волка. Название отряда объясняется их странной зубной системой: у многих видов нет и следа зубов; у других если и есть, то без передних резцов, а соседние зубы сходны с коренными и имеют простую цилиндрическую или призматическую форму. Они состоят лишь из зубного вещества и цемента и большей частью лишены эмали; клыки встречаются чрезвычайно редко. Все зубы вырастают лишь один раз, только у немногих видов происходит смена зубов; у трубка-зуба несколько зубов соединяются даже в один сложный. Число зубов доходит до 100.

В противоположность зубам у неполнозубых сильно развиты когти: они обхватывают конец пальца, длинны, сильно согнуты и сжаты с боков или коротки и широки; в первом случае они приспособлены для лазанья, во втором — для рытья. Зубами и когтями исчерпывается общая характеристика отряда, так как строение тела и внешний вид их представляют величайшее разнообразие. По душевным способностям это — малоразвитые животные, вполне заслуживающие низшего места, отведенного им в системе животных.

Живут неполнозубые большей частью в Южной Америке, затем в Азии и в Африке. Всех их делят на пять семейств: ленивцы, муравьеды, броненосцы, ящеры и трубказубы.

Ленивцы (Bradypodidae) представляют собой тупых, ленивых существ, производящих поистине жалкое впечатление. Передние ноги их значительно длиннее задних, на всех — большие серповидные когти; относительно

длинная шея поддерживает короткую, круглую голову, вроде обезьяньей, с маленьким ртом, окруженным более или менее жесткими, малоподвижными губами, с маленькими глазами и ушами, скрытыми в мехе; хвост—в виде едва заметного зачатка. Шерсть длинная и грубая, как сено, направление ее обратное тому, какое обыкновенно встречается у других животных, именно, от

Трехпалый ленивец (*Bradypus tridactylus*)

нижней части тела вверх. Позвоночник отличается большим числом шейных позвонков (иногда 10) и грудных (14—24). Зубная система состоит из 5 цилиндрических коренных зубов в каждом ряду, в нижней челюсти— большей частью 4 зуба. Желудок—двойной; сердце, печень и селезенка замечательно малы, мал также и мозг.

К семейству принадлежит 2 рода: двупалые ленивцы и трехпалые. Из первых наиболее известный унау (*Choloepus didactylus*), до 70 см длины, с беловато-оливково-серой шерстью на лице, голове и затылке, на спине—

темнее, на груди, плечах и голених — оливково-бурой; голая морда — буровато-мясного цвета. Водится в Гвиане и Суринаме (Ю. Америка). К роду трехпалых ленивцев принадлежит уроженец бразильских лесов **ай-ай** (*Bradypus tridactylus*), до 52 см длины. Цвет короткого подшерстка — бледно-рыжеватосерый, на животе — серебристо-серый; длинные волосы ости — темные и похожи по виду на сухое сено.

Влажные большие леса составляют любимое местопребывание ленивцев. Здесь, прицепившись вверх ногами к ветвям, эти ленивые существа ведут тихую, скучную жизнь, покидая родное дерево только в случае крайней нужды, за недостатком пищи. Последней служат обыкновенно почки, молодые побеги и плоды; да и к этой пище ленивцы так нетребовательны, что могут голодать целыми днями. При еде они обыкновенно пользуются своими длинными передними конечностями, чтобы, не меняя положения, притягивать к себе ветки. На земле эти жалкие существа чувствуют себя крайне беспомощно, и их способ передвижения, представляющий трудное волочение тела по земле, невольно возбуждает сострадание. Гораздо лучше чувствует себя это животное в воде, где оно искусно плавает, а еще лучше — на деревьях, где настоящая родина его. Ему место на деревьях, как орлу в поднебесье, как рыбе в воде. Только там ленивец, подобно юркой обезьяне, в своей сфере, но разница в том, что обезьяна живет на ветвях, а ленивец под ветвями, подобно летучей мыши. По-видимому, нет ничего неудобнее такого положения, как висеть, уцепившись за сук, а между тем стоит посмотреть, как ловко и уверенно лазает в этой позе животное, чтобы убедиться, что для ленивца путешествовать вверх ногами — дело самое привычное. Спокойно протягивает он одну из передних лап, обхватывает ею сук, переставляет вторую лапу, потом обе задних — и таким образом двигается с искусством, которому мог бы позавидовать первейший акробат.

Зеленый свод леса — это настоящий эдем для ленивца. Здесь он без труда находит себе обильную пищу в древесных листьях, здесь он чувствует себя в безопасности

от свирепого ягуара, своего злейшего врага, здесь прогуливается и спит, причем каждый сук может служить ему убежищем. Определенного жилища у ленивца нет, да и зачем оно ему, когда он везде чувствует себя как дома?

Мышечная сила в передних лапах настолько велика, что индейцу-охотнику, желающему оторвать ленивца от древесного сука, на котором он висит, приходится употреблять все усилия, — и тем не менее животное лишь после смерти выпускает из своих лап надежную опору.

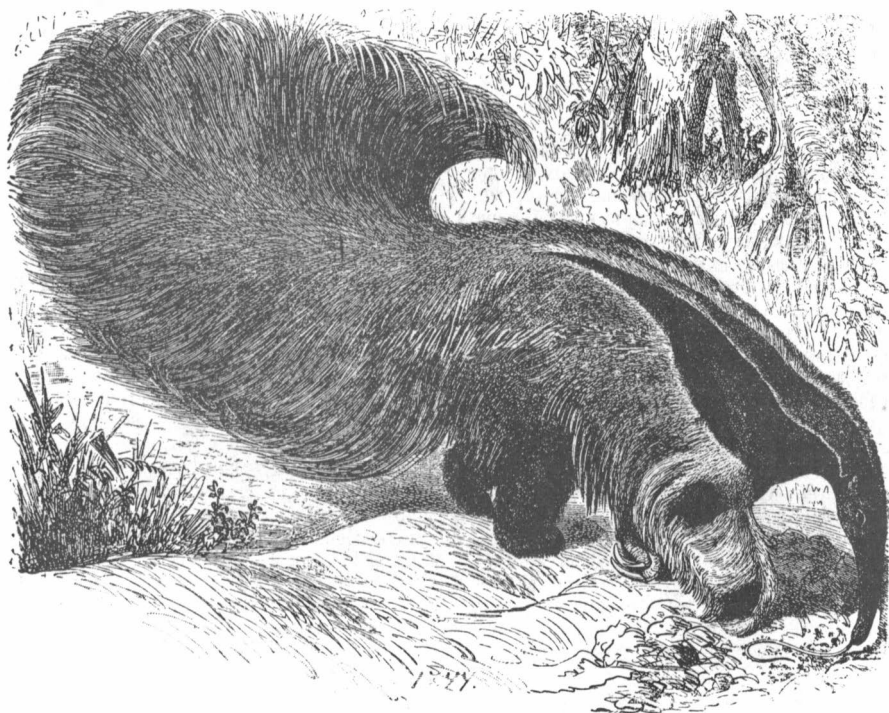
Лишь крайне редко, обыкновенно вечером или под утро, бывает слышен голос ленивца. Он не громок и состоит из жалобных, продолжительных, высоких, коротких и резких звуков, которые некоторые передают в виде часто повторяемого «и». Звуков же ай-ай, из-за которых и было дано название трехпалому ленивцу, новейшие путешественники совсем не слышали.

Внешние чувства ленивца развиты одинаково слабо, да и умственные способности также: эти животные считаются малопонятливыми, тупыми, глупыми и равнодушными. Глупость и равнодушие их сказываются и по отношению к детям. Ленивец родит одного, довольно развитого детеныша, который тотчас же вцепляется своими когтями в волосы матери, но та мало заботится о нем, да и то лишь первое время.

О жизни ленивцев в неволе до сих пор было мало известно; говорили, что их трудно держать. Однако позднейшие наблюдения, в том числе и мои, опровергли этот взгляд. По моему мнению, это животное вовсе уже не так глупо, хотя и не представляется особенно интересным, так как круглый день обыкновенно спит, причем ай является еще равнодушнее, чем уауа.

Муравьеды (*Mutecosphagidae*), составляющие второе семейство неполнозубых, имеют вытянутое тело с сильно удлинённой мордой и длинным, достигающим почти половины тела хвостом. Рот очень узкий, а язык, длинный, тонкий и червеобразный, усажен острыми, похожими на роговые, мелкими шипами; сильно развитые слюнные железы постоянно покрывают его липкой слизью. Зубов нет и следа.

Величайший вид—гривистый муравьед (*Mutecophaga jubata*), называемый в Парагвае—**иуруми**, в Суринаме—**таманоа**, покрыт густым, упругим, жестким на ощупь, щетинистым мехом, образующим на спине гриву (до 24 см), а на хвосте удлинненным до 40 см. Затылок, спина и бока—пепельно-серого цвета с черным, остальная часть тела—черно-бурая.

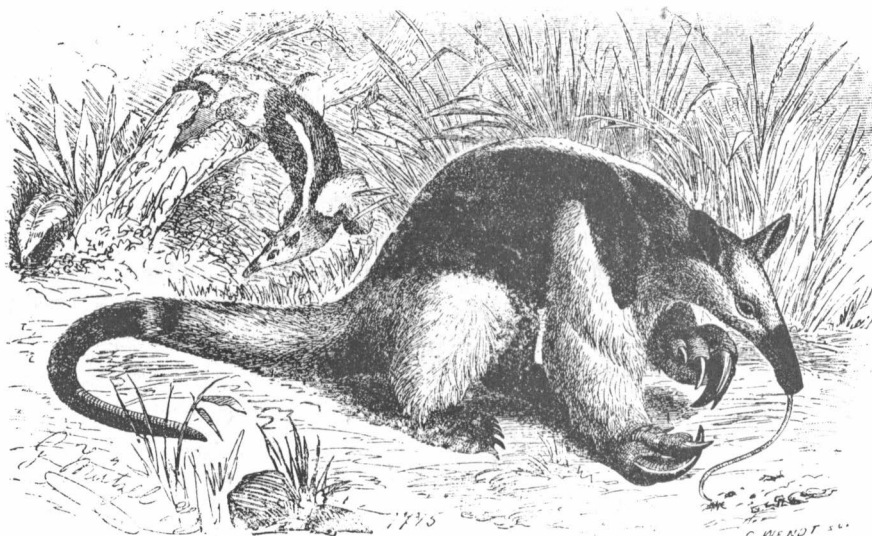
Иуруми (*Mutecophaga jubata*)

Длина—до 1,3 метра, длина хвоста с волосами—до 95 см. «По внешности иуруми,—говорит Ренггер,—очень некрасив. Его голова имеет форму длинного, тонкого, несколько согнутого вниз конуса и оканчивается маленькой тупой мордой. Рот имеет вид щели, в которую,—самое большее,—может войти толстый большой палец мужчины. Тело велико, неуклюже и несколько приплюснуто сверху вниз; конечности короткие, передние—широки и очень мускулистые, снабжены четырьмя пальцами, на которых находятся толстые когти, сжатые, подобно когтям орла. Коготь на первом, или внутреннем, пальце—в 4,5 см длины. Задние конечности слабее и снабжены пятью пальцами, когти которых всего 1—2 см длины. Тонкий язык может высовываться на $\frac{3}{4}$ аршина...»

Иуруми населяет безлюдные страны в Сев. Парагвае. Не имея определенного логовища, он целый день бродит по равнинам, ночуя там, где его застигает ночь. Двигается он очень медленно. Пища его состоит преимуще-

ственно из термитов, муравьев и их личинок. Чтобы добыть ее, он разгребает и разрывает сильными когтями передних ног постройки термитов и муравейники, вытягивает свой язык, всовывая его между сбегающимися со всех сторон насекомыми, и снова втягивает в рот, когда он будет покрыт муравьями. При добывании пищи животное руководствуется, по-видимому, обонянием, тогда как зрение его и слух — слабы.

По характеру иуруми довольно покоен и смирен, охотно позволяет гладить себя и даже играет со знакомыми. Но эта игра не безопасна для человека, так как животное тотчас поднимается на задние ноги, а когтями передних начинает раздавать с изумительной быстротой сильные удары. Будучи

Тамандуа (*Tamandua tetradactyla*)

рассержен, он делается прямо страшен. На родине за иуруми охотятся главным образом из-за мяса, похожего, по словам натуралиста Бэтса, на гусиное.

Другой муравьед, тамандуа, или кагуаре (*Tamandua tetradactyla*), длиной до 1 м, из которых около 40 см приходится на длинный, постепенно суживающийся хвост, служащий для лазания. Эти животные живут на деревьях, питаясь главным образом древесными муравьями. Общий цвет шерсти, жесткой на ощупь, блестящей и щетинистой, — беловато-желтый с черным. Издает сильный, похожий на мускусный, запах, отчего европейцы не могут есть его мяса. Живет в Парагвае и Бразилии.

Гораздо меньше, всего величиной с белку, малый, или двупалый, муравьед

(*Cycloturus didactylus*), до 40 см длины, из которых 18 занимает цепкий хвост. На передних ногах по 4 пальца, но только 2 вооружены большими когтями, на задних — по 5 пальцев. мех, мягкий, как шелк, сверху лисьего рыжего цвета, снизу серого. Распространен между 10° ю. ш. и 6° с. ш., в Ю. Америке, по густым лесам; в качестве совершенно ночного животного целый день спит на ветвях деревьев. Движения его медленны, неуклюжи и размеренны. Питается муравьями, термитами, пчелами, осами и их личинками. Индейцы убивают его ради мяса, как и других муравьедов, в неволе его не держат.

Броненосцы (*Dasypodidae*) являются, подобно ленивцам, уцелевшими представителями когда-то обширного семейства. По сравнению с некоторыми из их первобытных родичей их можно назвать лишь карликами.

Так, глиптодон, или броненосец-великан, остатки которого находят в Америке, был ростом с носорога; другие его родичи по величине равнялись быку, а современные представители этого семейства имеют в длину maximum $4\frac{1}{2}$ фута, при высоте в один фут, в большинстве же случаев представляют еще меньшие размеры.

Все броненосцы — неуклюжие создания, с вытянутой, длинномордой головой, большими свиными ушами, толстым хвостом и короткими ногами, снабженными очень большими когтями. Панцирь их состоит из нескольких рядов крепких пластин. Число зубов доходит до 100, хотя, собственно говоря, эти органы и перестали быть зубами: они имеют форму сжатых с боков валиков, и лишь молочные зубы одного вида имеют настоящие корни; зубы эти покрыты лишь тонким слоем эмали. Животное не может своими зубами ни крепко кусать, ни жевать. Язык похож на язык муравьедов, только не может так далеко высовываться изо рта, трехгранно заострен и усажен маленькими сосочками.

Броненосцы живут на песчаных равнинах, полях и опушках лесов Ю. Америки и Центральной, до севера Мексики. Живут уединенно, в подземных норах, где и прячутся в течение дня. Питаются насекомыми и их личинками, особенно муравьями. Единственное средство защиты их — уметь чрезвычайно быстро, на глазах человека, глубоко зарываться в землю. По характеру это — тупые, мирные, безобидные создания. Размножение их незначительно.

Один из известнейших и вместе самый неуклюжий и безобразнейший из броненосцев — **щетинистый броненосец** (*Dasypus vilosus*), покрытый сверху несколькими рядами правильных и неправильных щитков, а в остальной части тела — толстой морщинистой кожей с плоскими бородавками. Позади щитков находится обыкновенно по 2 жестких щетинки. Общий цвет — буровато-желтый. Водится в пампасах Буэнос-Айреса.

Похожий на него — **шестипоясный броненосец** (*Dasypus sexcinctus*), длиной до 60 см, включая 20 см хвост. Между плечевым и крестцовым панцирем у него шесть широких поясов-щитков, от которых он и получил свое название. Цвет — буровато-желтый. Живет в норах.

Оба вида — скучные животные, которых, благодаря их рытью, нелегко держать в домах. Охотятся за ними главным образом из-за их вкусного мяса, нежного и белого, как куриное. Обыкновенно лучший способ приготовить это вкусное блюдо — изжарить броненосца на углях в его же панцире, предварительно только вынув внутренности.

В Зап. Аргентине встречается еще **трехпоясный броненосец** (*Tolypeutes tricinctus*), до 45 см длины, причем хвост занимает 7. Это животное замечательно тем, что в случае опасности свертывается в плотный шар, который можно свободно катать по всем направлениям, а развернуть можно, лишь с силой бросив его на землю. Общий цвет — темно-свинцово-серый, блестящий или буроватый. Ест всякие плоды и листья. Преследуется человеком, как и другие броненосцы, из-за мяса.

Самый большой — **гигантский броненосец** (*Dasypus gigas*), величиной с большую свинью, живет в большей части Ю. Америки, в подземных норах. Зубов до 100. Питается насекомыми и их личинками.

Наконец, пожалуй, самый замечательный представитель всего семейства — **щитконосец** (*Chlamyphorus truncatus*), длиной всего 5 дюйм., а высотой — менее 2 дюйм.

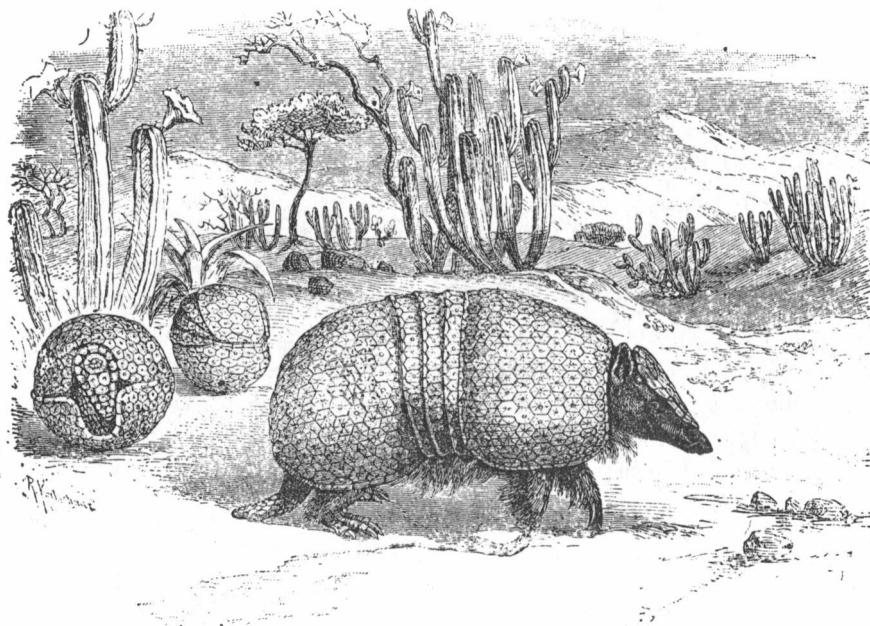
Несмотря на столь малые размеры, щитконосец — зверек очень любопытный. Прежде всего, это — очень редкое животное, настолько

редко, что даже туземные обитатели тех стран, где оно водится, зачастую не подозревают о его существовании. Во-вторых, щитоносец представляет большой интерес с точки зрения сравнительной анатомии, служа переходной формой от броненосцев к кротам.

По наружности это — чистый броненосец. Подобно прочим представителям этого семейства, он покрыт панцирем из роговых щитков, соединенных в правильные поперечные ряды. По общей же конфигурации

себя дома и может здесь буквально бегать. О питании, размножении, нравах и обычаях этого любопытного зверька, собственно говоря, неизвестно ничего достоверного, так как, повторяем, зверек этот крайне редок. Геринг прожил в Аргентине семь месяцев и за все это время, несмотря на самые заманчивые обещания, не мог достать ни одного живого щитоносца.

Ящеры (Manidae), несмотря на сходство с муравьедами по форме тела и образу жизни, составляют вполне обособленное се-

Трехпоясный броненосец (*Tolypeutes tricinctus*)

тела щитоносца смело можно отнести к кротам: такая же заостренная, созданная для рытья голова, такие же крошечные полузакрытые глаза, такие же лапы с сильными когтями. К кротам щитоносца следует отнести и по образу жизни. Зато характерный, словно обрубленный зад представляет особенность, свойственную исключительно этому зверьку; во всем животном царстве не найдешь ничего подобного.

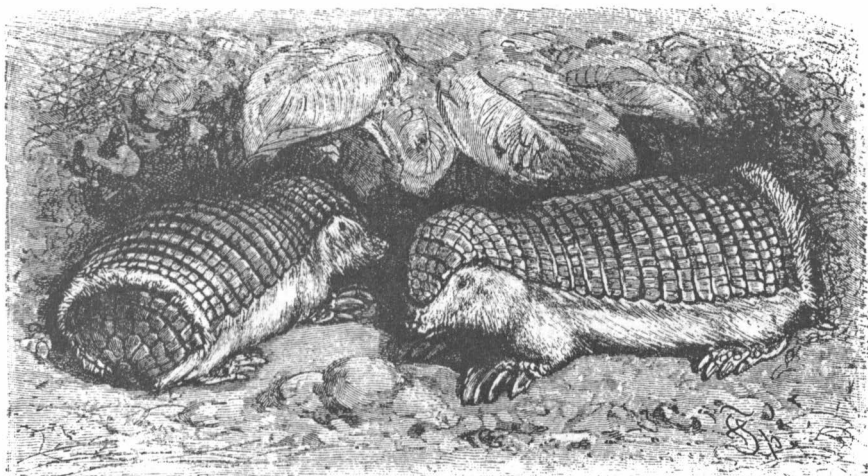
Водится щитоносец исключительно на берегах Лаплаты, в нескольких штатах Аргентины, но и здесь встречается крайне редко. Днем он обыкновенно держится под землей и только ночью отваживается отойти на несколько шагов от своей норки. На поверхности земли его движения неуклюжи и неловки; зато под землей он чувствует

мейство, главный признак которого — большие, пластинкообразные чешуи, покрывающие тело животного сверху, как черепицы или, лучше, как чешуи еловой шишки. Тело у них вытянутое, с длинным хвостом, голова маленькая, заостренная, ноги короткие, с пятью пальцами, вооружены большими когтями, служащими для рытья. Язык длинный, вытяжной, покрыт слизью. Благодаря особому мускулу, лежащему под кожей, ящер может свертываться в шар. Пища состоит из насекомых, преимущественно термитов и муравьев. Живут ящеры в норах по степям и лесам Африки и Ю. Азии. Выходят на добычу ночью. Одни из этих животных довольно быстро бегают по земле, другие — лазают по деревьям. Единственные звуки их — скрип, писк и фырканье. Внешние

чувства развиты, по-видимому, слабо. Неволю переносят довольно легко.

Длиннохвостый ящер (*Manis longicaudata*), длиной до 1—1,3 м, из которых две трети приходится на хвост, черновато-бурого цвета с рыжим оттенком. Живет в Зап. Африке. Дает вкусное нежное мясо. Другой вид, панголин (*M. repta-dactyla*), такой же длины, но с коротким хвостом, населяет Индостан и Цейлон. Об образе жизни его еще мало известно. Похож на него по величине и виду степной ящер (*M. temminckii*), живущий в Ю. Африке.

нако о жизни его мы знаем очень мало. Известно лишь, что это животное преимущественно ночное. Днем «абу-деляф» (буквально — отец, обладатель когтей), как зовут его арабы, спит или в своем логове, или просто в яме, которую он выкапывает там, где его застанет день, ночью же выходит на охоту. Наклонив вниз морду, опустив хвост и выгнув спину, медленно подвигается он, время от времени настораживая уши и прислушиваясь, нет ли где поблизости врага. Наконец, цель его экспедиции достигнута, — перед ним высятся грандиозные сооружения термитов, и трубказуб немедленно при-

Щитоносец (*Chlamyphorus truncatus*)

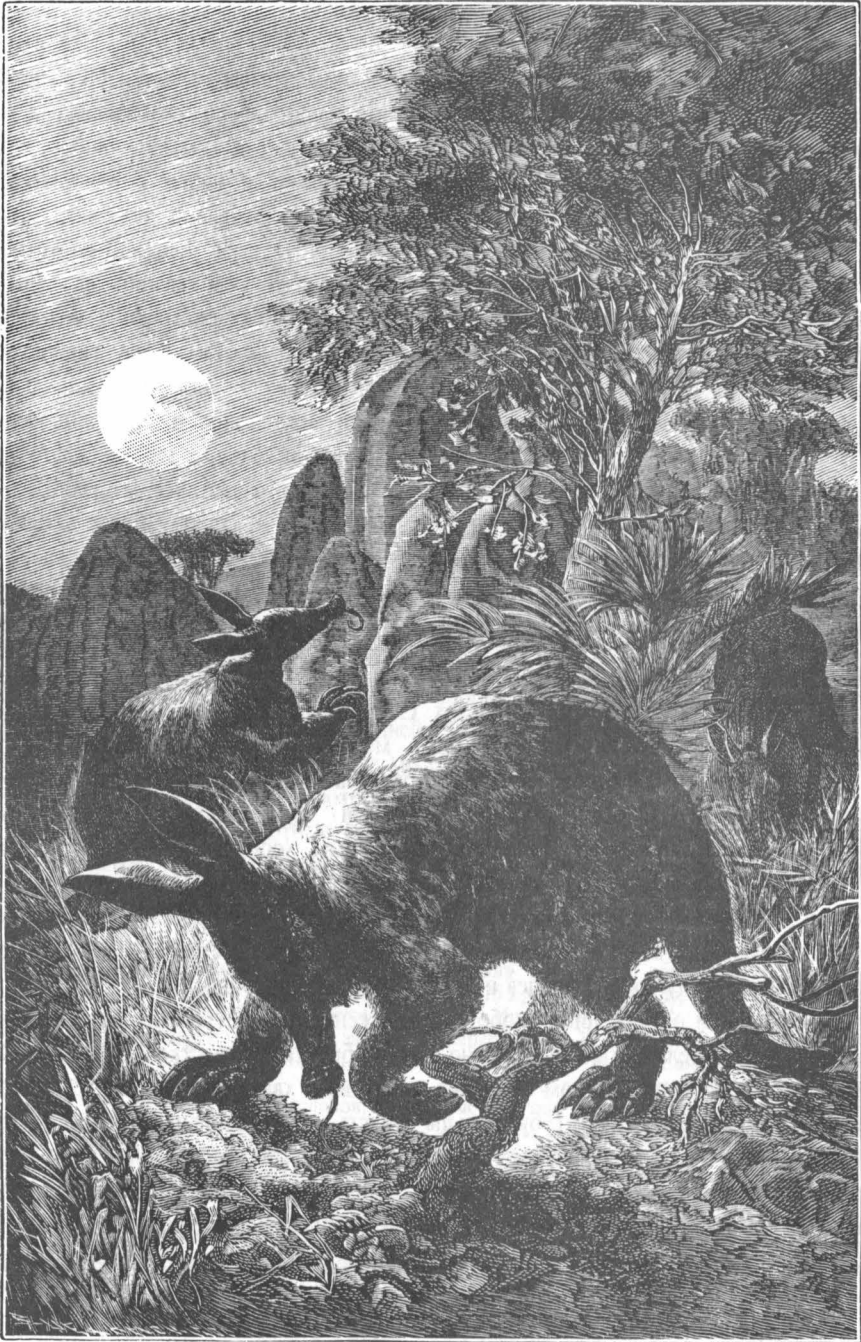
Последнее семейство неполнозубых включает в себе трубказубов (*Огустегориды*), неуклюжих животных с толстым, приземистым телом, покрытым редкой щетиной, с тонкой шеей, длинной тонкой головой, коническим хвостом средней величины и короткими, относительно тонкими ногами, из которых передние — четырехпалые, а задние — пятипалые, все вооруженные очень большими, почти прямыми и плоскими, копытообразными когтями с режущим краем. Рот большой, уши длинные. Зубы состоят из множества тонких, вертикальных, тесно стоящих рядом трубочек, полых вверху.

Единственный вид — **канский трубказуб** (*Огустегорус capensis*), длиной до 2 м, из которых около 85 см приходится на хвост.

Хотя трубказуб — животное довольно распространенное в южной половине Африки, од-

мается за дело. Мощными когтями он в несколько секунд пробивает крепкую ограду крепости термитов и всовывает в один из ходов свой длинный язык. Разъяренные термиты сотнями бросаются на него, прилипают к покрывающей язык слизи и благополучно препровождаются в желудок ориктероп, который продолжает это занятие до тех пор, пока весь муравейник не будет разорен дотла.

К несчастью, это полезное животное имеет ожесточенного врага в человеке, которого соблазняет вкусное, похожее на свинину мясо зверя. Хорошо еще, что ориктероп — животное чрезвычайно осторожное, да притом он обладает таким искусством рыть, что в несколько минут может совершенно скрыться в земле, даже на глазах у своего врага. В плену трубказуб живет очень недолго, да притом пленный ориктероп — очень скудное животное.

Капский трубкозуб (*Orycteropus capensis*)

Отряд IX

Хоботные (Proboscidea)

Ныне живущие хоботные животные представляют последних представителей некогда многочисленного класса млекопитающих, к которому принадлежали, между прочим, и находимые во льдах Сибири мамонты. В настоящее время от всей группы уцелело два или, быть может, три вида семейства слонов (Elephantidae). Обыкновенно, впрочем, различают лишь два вида, именно, **слон азиатский** (*Elephas asiaticus*) и **слон африканский** (*E. africanus*).

Оба вида отличаются длинным, подвижным хоботом и зубами, именно бивнями, которые считают за видоизмененные резцы. Тело их коротко и толсто, сидящая на очень короткой шее голова вздута вследствие присутствия полостей в лобных костях, довольно высокие бревнообразные ноги имеют по пяти соединенных между собой пальцев и плоские роговые подошвы.

Важнейший орган слона—хобот, продолжение носа, отличающийся подвижностью, чувствительностью и особенно пальцеобразным отростком на конце. Он служит одновременно органом обоняния, осязания и хватания, заменяя для слона недостающую ему верхнюю губу, пальцы и кисть руки. Остальные органы не так замечательны. Глаза—маленькие, с добродушным выражением; уши, напротив, очень большие, похожие на лоскуты кожи. Пальцы, тесно заключенные в общую кожу, снабжены на концах маленькими, но крепкими, широкими и плоскими, когтеобразными копытами. У азиатского слона обыкновенно таких копыт на передних ногах—5, на задних—4, у африканского—4 спереди и 3 сзади. Хвост, оканчивающийся кистью густых, жестких щетин, доходит до колен.

Очень замечательны зубы слона. В верхней челюсти у него—два чрезвычайно развитых, растущих непрерывно, бивня, которые соответствуют резцам, но нет клыков, и обыкновенно лишь по одному коренному зубу в каждой челюсти. Последний состоит из значительного числа связанных между собой пластинок эмали,

которые образуют на жевательной поверхности у азиатского слона лентообразные, а у африканского—ромбовидные фигуры. Раз 6 во всю жизнь происходит замена этих зубов новыми, вырастающими позади старых. Таким образом, можно сказать, что у слона в течение его жизни бывает 24 коренных зуба. Кроме того, азиатские и африканские слоны отличаются еще тем, что у первых, несмотря на большой череп, уши сравнительно небольшие, бивни тонки, а часто у самок, да иногда и у самцов, напр., на о-ве Цейлоне, их и совсем нет; напротив, у африканских слонов уши очень большие и толстые, громадные бивни, достигающие до 2 метров, иногда до 2,5 и даже 2,94 и весом 30—50 кг, в исключительных же случаях—даже 75—90 (т.е. до 5¹/₂ пуд.), причем североиндийские и абиссинские бивни—толстые и сильно изогнутые, а далее к югу Африки—все тоньше, прямее и сильнее утончаются к концу.

Далее, у азиатского слона, позади края лба, несколько выше скулового отростка верхнечелюстной кости, находится направленное спереди и сверху назад и вниз узкое, почти закрытое, железистое отверстие в 5 см длины, из которого по временам выступает вонючее выделение, окрашивающее щеки в темный цвет. Кожа покрыта складками и бороздками, отчего кажется покрытой своеобразной сетью, вследствие чего малозаметно, что волос почти нет; щетинообразные волосы разбросаны на теле вообще очень редко и только вокруг глаз, на губах, подбородке и задней части спины сидят гуще. Отдельные волосы бурые или черные, голые же места—изжелта-серого цвета, на хоботе же, внизу шеи, на груди и животе этот цвет переходит в красновато-мясной с темными пятнами. Животные светлого цвета или хотя бы испещренные светлыми пятнами, так называемые белые слоны, нередко встречаются в Сиаме, настоящих же белых и совсем не встречается.

Что касается размеров азиатского слона, то у самых больших самцов вся длина от конца хобота до конца хвоста равняется 7 метрам, из которых 2 приходится на хобот и 1,5—на хвост; высота у загривка доходит до 3 метров (1¹/₂ саж.), а вес—до 4000 кг (150 пуд.).

Индусы различают 3 породы слонов: кумириа, двазала и мьерга. Кумириа—самый совершенный слон, сложенный пропорционально, с объемистой грудью, мощным телом и прямой, плоской головой, с толстой складчатой кожей и привлекательным взглядом. В духовном отношении это—благородное, бесстрашное, надежное животное. Напротив, мьерга, сложенный легко и некрасиво, с длинными ногами, маленькой головой, свинными глазами, узкой грудью, с слабым, отвислым хоботом и тонкой, легко повреждаемой кожей, боязлив и потому ненадежен; его употребляют лишь в качестве вьючного животного. Середину между этими породами занимает двазала, который чаще

всего и встречается, причем на сто голов двазала попадаете обыкновенно штук по 10—15 представителей первых пород.

В Индии, по словам Сандерсона, слон вырастает в 25 лет, но полной силы достигает лишь в 35. Самки рожают, начиная с 16 лет, приблизительно через каждые 2¹/₂ года по одному детенышу (вышиной до 90 см и весом около 5¹/₂ пуд.), который в течение нескольких месяцев питается молоком матери.

Животное водится по всему Индостану, Индокитаю, на Цейлоне и на Б. Зондских о-вах (Суматра и Борнео), причем водящихся на последних о-вах слонов некоторые ученые выделяют в особый вид (E. sumatranus).

Напротив, африканский вид, распространенный в настоящее время приблизительно от широты озера Чад на севере до широты озера Нгами на юге, имеет тело выше и короче, чем азиатский сородич, хобот тоньше, бивни и уши больше; профиль его

несколько напоминает профиль хищной птицы. Волосы также чрезвычайно редки; цвет кожи, густой аспидно-голубовато-серый, превра-

щается, вследствие пыли и грязи, в желтовато-бурый. Длина от конца хобота до конца хвоста — около 8 м, при высоте в 3,14 м.

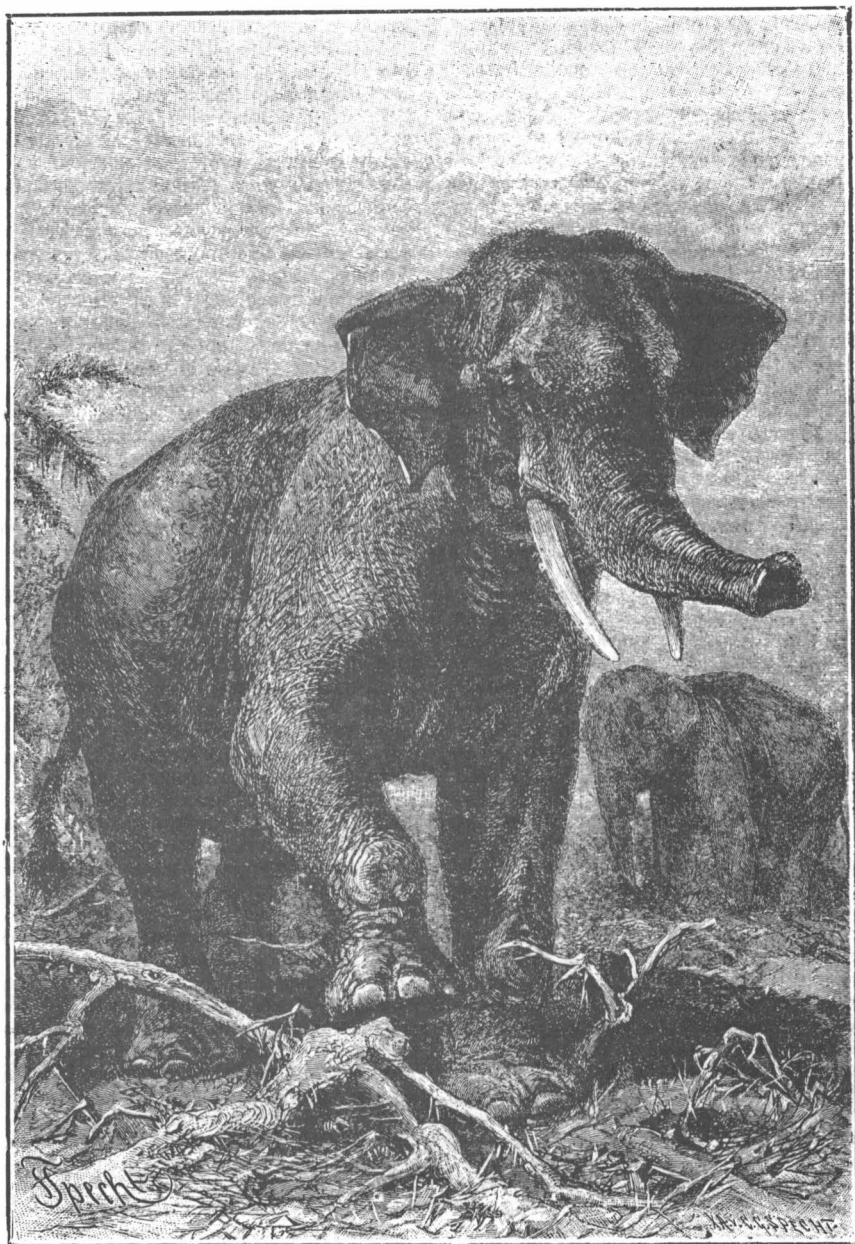
Оба вида гигантских животных были хорошо известны еще древним народам и употреблялись или в качестве военных животных (у карфагенян, древних персов, индийцев и др.), или служили для развлечения публики в цирках (у римлян): Издавна также (еще со времен египтян) вошла в употребление и слоновая кость, из которой древние резчики умели готовить изящные вещи. Усиленное преследование слонов со стороны человека повело к сильному сокращению их и сделало этих животных очень чуткими и осторожными. Теперь слоны встречаются в диком состоянии только в необитаемых местностях, в первобытных лесах или степях, богатых водой, причем в Африке они поднимаются иногда до высоты 3 тыс. м. Определенных логовищ они, по-видимому, не имеют, а постоянно странствуют с места на место, проходя в день до 100 верст. Спокойный, ровный шаг слона, 4—6 верст в час, в случае нужды ускоряется до 20—25 верст. Если по пути встретится река или озеро, то слон не затруднится переплыть их вплавь.

Постоянные преследования человека развили в этом животном отличный слух и тонкое обоняние, позволяющие ему издали чутать врага. Напротив, зрение слона не особенно развито; осязание же, сосредоточенное главным образом в хоботе, не слабо. Голос слона сильный; удовольствие он выражает тихим ворчаньем или слабым писком из хобота; при страхе ревет, а в случае внезапного испуга издает короткий, резкий трубный звук. Индийский слон в испуге начинает сильно бить и хлопать по земле концом хобота, причем сильно пыхтит.

Слоны — общежительные животные и живут целыми стадами, представляющими каждое одно семейство, число голов которого обыкновенно 20—40, а иногда и 200—300. Вожаком служит самка; детеныши, в случае передвижения, помещаются под животом матерей. Некоторые слоны в Индии живут отшельниками, в стороне от стада. Злобный нрав этих свирепых существ, «гогуе», как их называют англичане, делает встречу с ними для человека очень опасной. Обыкновенно же слоны — крайне миролюбивы, безобидны и даже робки, так что уступают дорогу даже маленьким животным.

Что касается душевных способностей слона, то они слишком преувеличены теми, кто наблюдал его в неволе, а не на свободе; дикие же слоны больше обнаруживают простоты, чем ума, а дрессированные, по-видимому, поступающие по своим соображениям, в действительности исполняют лишь данные им вожаком приказания. Лучшие качества слона — послушание, кротость и терпение. Дикие же прежде всего крайне боязливы и осмотрительны; отыскивают ли они пищу, идут ли лизать соль, что они очень любят, или на водопой, или купаться, они всегда двигаются

с большой осторожностью; только убедившись в безопасности, они принимаются за еду. Они ломают ветви деревьев, как бы для удовольствия, обмахиваются ими от докучливых мух и затем понемногу съедают, беспрепятственно проглатывая куски толщиной больше, чем в руку человека. Едят они не торопясь, с удовольствием, тем не менее кормежка не проходит тихо. Хруст ветвей, треск ломаемых часто общими силами толстых сучьев и стволов, жевание, дыхание, глухое перекачивание газов во внутренних частях, шлепанье по болоту тяжелых

Азиатский слон (*Elephas asiaticus*)

ног, обливание тела с помощью хобота, хлопанье огромных ушей, которые животные часто расставляют, как зонтики, чесание массивных тел о толстые стволы деревьев и среди этого пронзительные, трубные звуки животных — все это производит адский шум, не поддающийся описанию.

Питаются слоны или ветвями деревьев, или травой, а в Индии часто посещают и засеянные поля, но простого пугала или легкой загородки достаточно, чтобы не допустить их. Редко животные, сделавшись нахальными, не обращают на это внимания.

Человек преследует гигантских животных частью из-за слоновой кости, вследствие чего в Африке ежегодно убивают до 40—50 тыс. животных, частью — из желания добыть себе выгодных животных (в Индии). Дрессированные слоны поражают своей понятливостью и, можно сказать, даже умом.

Капитан Шипп приводит следующий случай, свидетельствующий об уме слонов. Однажды во время похода в Индию отряд, среди которого были и слоны, подошел к крутому подъему. Для того чтобы громадные животные могли подняться наверх, устроили лестницу из бревен и, когда последняя была готова, подвели к ней одного слона. Он поглядел вверх, покачал головой и, в ответ на понукания вожака, жалобно заревел, но не тронулся с места. Тогда в лестнице сделали изменения, и слон охотно подошел к ней. Затем он принялся старательно исследовать сооружение, пробуя хоботом бревно, служившее вместо ступеньки, и только после этого осторожно поставил на него ногу. Второй ступенькой служил выступ скалы. Убедившись в его прочности, слон ступил на скалу. Далее лежало опять бревно, и слон опять не хотел ступить на него, несмотря на все понукания и силу. Пришлось вторично сделать изменения в устройстве лестницы; слон остался доволен и наконец взобрался наверх. Когда он окончил подъем, явный восторг его не знал пределов: он ласкался к вожакам и шаловливо раскидывал вокруг себя землю.

За первым слоном должен был следовать второй, молодой. Он с величайшим интересом следил за подъемом своего собрата, делая все время такие движения, точно подталкивал его и помогал ему подниматься. Когда он увидел, что товарищ поднялся благополучно, он выразил свое удовольствие салютом, напоминавшим звук трубы. Но когда очередь дошла до него самого, он, видимо, перепугался и не хотел идти. Наконец, уступая силе, молодой слон двинулся по лестнице и, проделав ту же процедуру, как и первый, наконец, добрался до вершины подъема. Здесь его встретил первый слон и протянул на помощь хобот, вокруг

которого молодой обвился своим хоботом и таким образом выбрался наверх. Тут между двумя испанскими животными пошли самые сердечные приветствия...

Не менее замечательный пример ума проявил слон, принадлежавший одному английскому инженеру. Этот слон однажды захворал глазами и в течение трех дней был совершенно слеп. Хозяин обратился к доктору, который решился испытать над одним глазом животного обычное при таких болезнях у людей средство — раствор ляписа. Слону приказали лечь и впустили в глаз раствор. От нестерпимой боли животное страшно заревело, но зато вскоре же стало видеть этим глазом, почему было решено впустить ляпис и в другой глаз. Когда доктор вторично явился, чтобы произвести эту операцию, умный великан сам лег, повернул голову набок и втянул в себя воздух, как это делает человек, приготовляясь перенести сильную боль. После окончания операции слон вздохнул с облегчением, поднялся и движениями хобота явно выразил свою благодарность.

Нечто подобное было в последнюю индийскую войну, когда один слоненок был ранен в голову и пришел в такое неистовство от боли, что ничем нельзя было заставить его позволить перевязать рану. После долгих попыток вожак обратился к матери слоненка и знаками дал понять, что от него требуют. Умное создание тотчас обхватило хоботом детеныша и, несмотря на его стоны, не выпускало до тех пор, пока доктор не кончил перевязки. Эту услугу слониха продолжала оказывать ежедневно, пока слоненок не выздоровел окончательно.

Закончим ряд этих рассказов курьезным, но вполне достоверным эпизодом, который приводит английский ученый Ромеис. Один вожак, приковав своего слона к дереву, неподалеку от него устроил печь, наложил в нее рисовых лепешек, прикрыл их камнями и травой и ушел. Как только он скрылся, слон разомкнул хоботом обхватывавшую его ногу цепь, подошел к печи, раскрыл ее и вытащил лепешки. Съев затем лакомое блюдо, он накрыл печь по-прежнему камнями и травой и вернулся на свое место. Он не мог, однако, замкнуть цепи у себя на ноге и, чтобы скрыть свою проделку, обмотал цепь вокруг ноги. Когда вожак вернулся, слон стоял как ни в чем не бывало у дерева, спиной к печи. Вожак полез за своими лепешками, ничего не подозревая, но не нашел их. Обернувшись, он поймал взгляд слона, внимательно смотревшего на него искоса через плечо. Осмотрев затем цепь, обкраденный открит вора, который и понес заслуженное наказание.

Отряд X

Непарнокопытные (Perissodactyla)

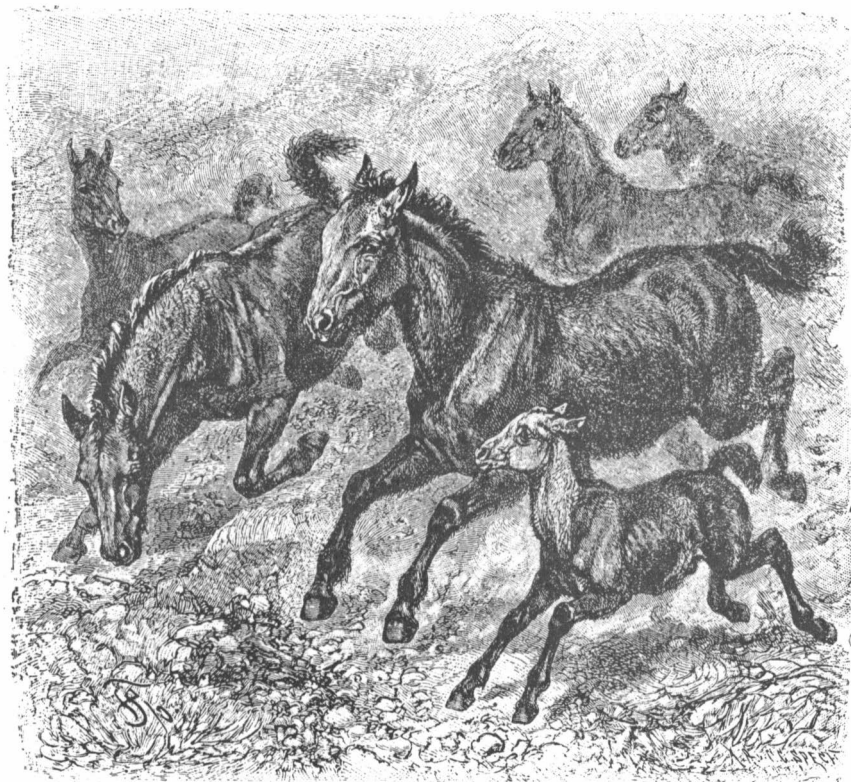
Непарнокопытные животные, т.е. имеющие нечетное число пальцев, снабженных копытом, распространены, в количестве всего 25 видов, почти по всей земле, за исключением Австралии. Кроме копыт, характерными их признаками являются: малое развитие или даже полное отсутствие клыков, отсутствие ключиц и желчного пузыря и простой желудок. Всех непарнокопытных делят обыкновенно на 4 семейства: лошади (Equidae) с одним пальцем на ногах, тапиры (Tapiridae)—с четырьмя пальцами на передних ногах и с тремя—на задних, носороги (Rhinocerotidae)—с тремя пальцами и даманы, или жиряки (Hyracidae),—с четырьмя пальцами на передних ногах и тремя на задних.

Лошадь (Equus). Из всех побед, которые человек одержал над животными, без сомнения, самая полезная и важная—победа над лошадью, этим благороднейшим из животных. Лошадь—верный слуга и спутник человека везде: дома, в поле и на войне; лошадь—воплощение красоты и грации. Посмотрите, в самом деле, на чистокровного скакуна. Его трепещущие ноздри пылают и дымятся; быстрые ноги в нетерпении роют землю; огненный взгляд мечет молнии; красивая, разметающаяся грива трепещет и волнуется; длинный пушистый хвост распускается султаном. Благородный конь как будто сам гордится своей красотой.

Неизвестно, где и когда люди впервые приручили лошадей. Теперь почти везде они—домашние животные; только в привольных степях Средней Азии и пампасах Южной Америки до сих пор еще рыщут многочисленные стада диких лошадей, да и то в последней стране они произошли от домашних и уже на свободе одичали.

В степях Юго-Восточной России еще недавно, каких-нибудь 100 лет тому назад, водились целые стада тарпанов, в которых некоторые ученые видели родоначальника нашей домашней лошади. Это — животное маленького роста, на тонких, но сильных ногах с длинными бабками, с толстой, горбоносой головой, покрытые густой, короткой, волнистой шерстью, которая зимой становится жесткой, крепкой и длинной, образуя

ботились собрать всех своих лошадей, и часть их, штук 5—7, была оставлена на произвол судьбы. Когда же в 1580 г. тот же город был снова занят и населен, нашли уже множество лошадей, потомков этих немногих оставленных, но уже совершенно одичавших. Таково происхождение бесчисленных стад лошадей, которые бродят теперь южнее Рио-де-Лаплаты. Цимарроны, как называют этих лошадей,

Тарпаны

на подбородке нечто вроде бороды; окраска черно-бурая или грязно-желтая. Тарпана было трудно приручить, так как его дикость не поддавалась искусству опытнейших укротителей.

Считать ли тарпана действительно родоначальником домашней лошади или просто за одичавшего потомка последней, этот вопрос трудно решить потому именно, что домашние лошади быстро и скоро дичают. «Основанный в 1535 г. Буэнос-Айрес, — говорит Азара, — был впоследствии покинут, причем уезжавшие жители не поза-

причиняют человеку много вреда, так как не только уничтожают хорошие пастбища, но также уводят с собой домашних лошадей.

Там, где лошади водятся огромными табунами, за ними почти нет ухода. Круглый год, зиму и лето, они живут под открытым небом, довольствуясь скудным подножным кормом или той пищей, какую указывает им человек. В более южных странах лошади питаются плохой травой, в северных лакомятся лишаями или рыбой и так привыкают к последней, что съедают эту несвойственную им пищу с

большим удовольствием. Владельцы таких полудиких табунов лишь изредка сгоняют их, пересчитывают, выбирают некоторых животных, а остальных опять отпускают на свободу (так поступают, напр., гаучосы Ю. Америки со своими мустангами или наши киргизы со своими лошадьми). Зачастую весь табун состоит из нескольких сот голов, но распадается на множество мелких обществ, с жеребцом-вожаком во главе. Последние постоянно настороже, готовые предупредить малейшую опасность. Если они заметят что-нибудь подозрительное, то начинают громко фыркать, быстро двигают ушами и бросаются быстрым галопом от опасного места. За ним следует все стадо. Но иногда лошадиный косяк вместо бегства остается на месте и храбро вступает с врагом в бой. Так

делают степные лошади Южной России при встрече с волками. Нередко даже лошади сами бросаются на серых хищников и ударами передних ног валят их на землю.

В большинстве стран лошадей держат для упряжи и верховой езды. Но в Азии, у монголов-кочевников, лошадь служит и для многих других целей. Ее мясо охотно употребляется в пищу, а кобылье молоко—любимое питье монгола; из кожи он выделывает седла и ремни; хвосты и гривы идут на веревки и сита. Одним словом, лошадь дает монголу множество разнообразных продуктов. Не последнее место среди этих продуктов занимает кумыс, служащий для кочевника не только возбуждающим напитком, но и вкусным, здоровым, питательным веществом.

Несмотря на громадную пользу, приносимую лошадью человеку, только немногие народы отдают должную справедливость ее достоинствам. Между ними первое место занимают арабы. В глазах свободного сына аравийских степей лошадь—самое совершенное животное, предмет нежнейших его забот и попечений, неразлучный спутник во всю его жизнь. Араб немислим без лошади: он странствует и воюет на ней, на лошади пасет стада, на коне живет, любит и умирает. Он трогательно ухаживает за своим конем, сочиняет про него стихи и восхваляет в песнях. Конь—любимый предмет его разговора. Араб смотрит на свою лошадь, как на соединение всевозможных совершенств. «Земной рай можно найти на лошадиной спине, в книгах премудрости и над сердцем женщины»,—гласит арабская поговорка. А вот арабская легенда о сотворении благородного животного, легенда, которая лучше всего показывает, что такое конь в глазах араба:

— Когда Господь сотворил лошадь, то сказал ей: «С тобой не сравнится ни одно животное; все земные сокровища лежат между твоими глазами. Ты будешь топтать моих врагов и возить моих друзей. С твоей спины будут произносить мне молитвы. Ты будешь счастлива на всей земле и тебя будут ценить дороже всех существ, потому что тебе будет принадлежать любовь властелина земли. Ты будешь летать без крыльев и разить без меча...»

Обращаясь заботливо с лошадью, арабы, а также англичане, страстные любители беговых лошадей, выработали целую систему ее воспитания. Жеребенка воспитывают со всевозможной заботливостью, и с первого дня появления своего на свет он живет как член семейства. Арабские лошади беспрепятственно впускаются в шатер хозяина и свободно играют с детьми, как большие собаки. Хозяин следит за каждым движением животного, обращается с ним нежно и любовно и с крайней осторожностью приучает к седлу. Только через семь лет лошадь считается взрослой. Зато из нее и вырабатывается превосходный скакун. Она может делать в продолжение 6 дней сряду по 10, 12,

даже 15 миль ежедневно. В случае нужды она бежит во весь опор целый день, без пищи и питья.

Что касается до внутренних свойств лошади, то ее можно причислить в этом отношении к наиболее развитым животным. Она проявляет замечательный ум и обладает разнообразными душевными способностями. До какой степени может лошадь проникаться, напр., чувством гордости и гнева, показывает следующий случай, рассказанный арабским поэтом Эльдемаром.

У калифа Меронона была лошадь, которая не позволяла своему служителю входить к себе в конюшню без зова. Однажды несчастный конюх забыл об этом. Разгневанный таким непочтением конь схватил его за спину и разбил о свои мраморные ясли.

Греческий писатель Павзаний говорит, что он знал одну лошадь, которая отлично сознавала свое торжество при победе в беге на Олимпийских играх. Если ей случалось победить, она гордо направлялась к трибуне судей и требовала себе награды.

Понятливость, память и добродушие благородного животного доставляют возможность выучить его всем тем искусствам, которым обучают слона, осла и собаку. Оно выучивается решать загадки, отвечать на вопросы, говорить «да» и «нет» движениями головы, ударами ноги означать, который час, и пр. При ласковом обращении лошадь можно обучить многому. Но и сама по своей природе она может дойти до замечательной понятливости.

У английского ученого Ромэнса была лошадь, которая ловко отвертывала кран водопровода, в жаркое время открывала окно конюшни, дергая за привязанную к нему веревку, и очень искусно доставала овес. Для этого она, заметив, когда кучер ложился спать, снимала с себя недоуздок, вынимала две палки, затыкавшие отверстия ларя с овсом, и подбирала сыпавшийся в отверстие овес.

Другой англичанин, д-р Рэ, сообщает следующий пример ума лошади. Один школьный учитель купил шотландского пони*, чтобы ездить на уроки в школу. Для этого он подковал его у местного кузнеца. На другой день последний с удивлением заметил у дверей кузницы этого пони, но неоседланного и без недоуздка. Думая, что лошадь зашла случайно, он отогнал ее прочь. Пони ушел, но ненадолго: через пять минут голова его опять появилась в дверях кузницы. Отгоняя второй раз навязчивого посетителя, кузнец привычным глазом взглянул на его ноги и заметил, что на одной ноге недостает подковы. Он немедленно подковал лошадь и стал ожидать, что будет дальше. С секунду пони глядел на кузнеца, как бы спрашивая, все ли готово, потом сделал несколько шагов, пробуя новую подкову, наконец, убедившись, что она сидит хорошо, радостно заржал и крупной рысью помчался домой.

* Самая маленькая лошадь, с густой, длинной, косматой гривой и пушистым хвостом, не больше 85—90 см высоты, след., не больше крупной собаки.

Другой пони в Бирмингаме был еще понятливее и сообразительнее. Его держали на дворе фермы в сарае, куда вели ворота, запиравшиеся изнутри задвижкой, а снаружи опускаемой щеколдой. Ворота не доходили до верху, но пони, просунув голову над ними, все-таки не мог достать наружной щеколды. Несмотря на это, его постоянно находили на свободе во дворе. Долго не могли понять, как он выходил из запертого сарая, пока тайна не объяснилась очень просто. Оказалось, лошадь сперва отодвигала внутреннюю задвижку, потом принималась громко ржать. На ее ржанье прибегал осел, постоянно бывший на дворе, и мордой приподнимал наружную щеколду. Ворота растворялись, и друзья отправлялись на прогулку.

Наконец, в Соединенных Штатах, в Онтарио, был такой случай. Жена одного фермера упала с мостика в речку, когда вода была высока. В это время вблизи паслась лошадь; заметив беду, она подбежала к берегу, схватила тонущую зубами за платье и держала ее до тех пор, пока не подоспела помощь.

Закончим наш очерк примером необыкновенной памяти лошади.

Англичанин Веджвуд приехал однажды из Лондона в свое имение; несмотря на то что лошадь его не была в последнем уже восемь лет, она вспомнила дорогу и побежала прямо к конюшне, в которой ее держали прежде.

Пород домашних лошадей так много, что было бы слишком затруднительно приводить описание их. Достаточно указать на арабскую лошадь, английскую, сирийскую, туркменскую, тракенскую— хороших бегунов, и, с другой стороны, на так называемых тяжеловозов—клайдсдальскую, першерон, арденскую, русского битога и пр. Открытая в степях Джунгарии покойным Н. М. Пржевальским лошадь, так называемая *Equus Przewalskii*, отличается от домашней хвостом, покрытым длинными волосами только на нижней половине, отсутствием челки и короткой гривой и потому считается за особый вид, а не за родоначальника домашней лошади, как думали было некоторые.

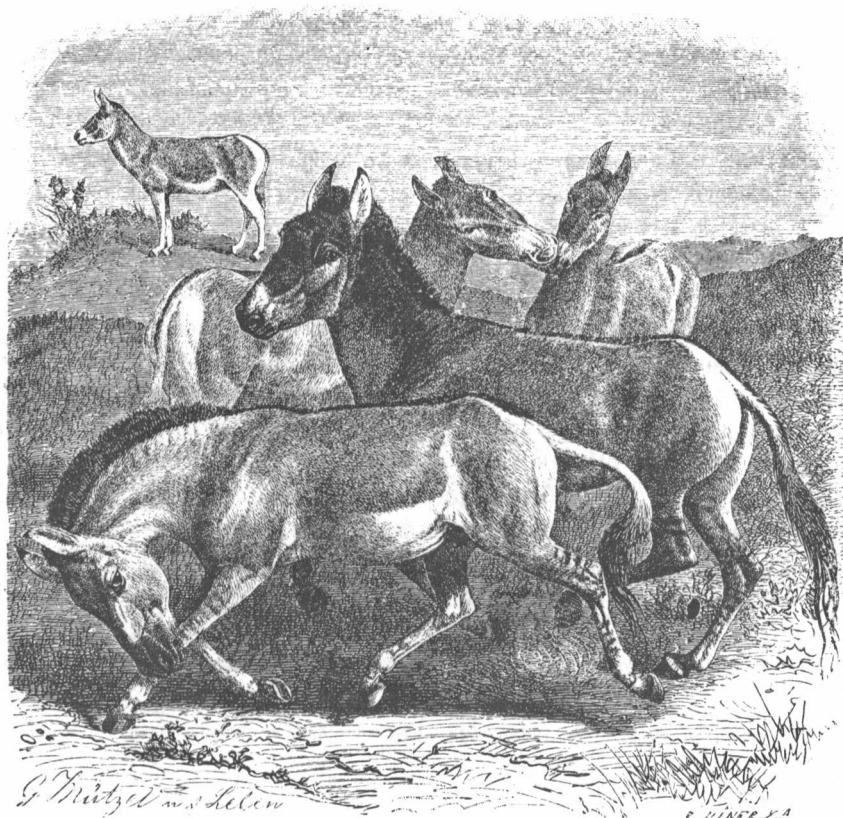
Из рода *Equus* (лошадь) выделяют особую группу ослов и тигровых, полосатых лошадей, которые отличаются хвостом, покрытым длинными волосами лишь на конце, и отсутствием мозолей на задних ногах. Сюда относятся, например, кулан киргизов, джигеттай монголов, джан тунгузов и кманг тибетцев, *Equus (Asinus) hemionus*. По внешнему виду это—среднее между лошастью и ослом. Крайне легкое тело, тонкие конечности, дикий и быстрый взгляд, стоячие уши и прекрасный цвет шерсти делают кулана очень красивым. Только голова несколько тяжела, некрасив и коровий, как у осла, хвост. Водится кулан

в Ю. Сибири, Туркестане, в пустынных степях Монголии и в горах Тибета. Зимой короткая (до 1 см) шерсть достигает длины 2,5 см и кажется в это время косматой и мягкой, подобно верблюжьей шерсти; кончики волно-серебристо-серого цвета, у корня же—бледно-железно-серого; полуса по средней линии спины—темно-бурая. Общая длина тела—2,5 м с хвостом, высота у загривка до 1,5 м, тогда как высота домашней лошади доходит до 1,8 м. Кулан—дитя степи, однако живет и близ вод, и в безводных пустынях, и на высоких горах. В поисках пищи табуны их ежегодно совершают довольно большие странствования. Будучи общественным животным, кулан охотно пасется вместе с дикими баранами, антилопами и т. п. животными его родины. Любимая пища—степная полынь и колючий кустарник—боялыш. По остроте внешних чувств, самоуверенности и храбрости кулан—одно из высокодаренных животных. Благодаря своей быстрой куланы удачно избегают нападений крупных хищников, например, тигра, а со средними, каковы волки, легко справляются при помощи своих копыт. Приручение их до сих пор не удавалось.

Значительно меньше кулана похожий на него по образу жизни онагр (*E. onager*), окрашенный в красивый, белый с серебристым, цвет, переходящий на верху

головы, на боках и бедрах—в светло-рыжий. Шерсть онагра еще мягче и шелковистее, чем у лошади. Любимая пища его—солончаковые растения, далее, одуванчик, осот и др., а также колючие и болотные растения. Даже воду он более любит соленую, нежели пресную. За этим животным охотятся из-за вкусного мяса, высоко це-

отличают **сомалийского осла** (*E. as. somalicus*), еще больше ростом и с более длинной, отвислой гривой. Он серого цвета с неясной полосой на спине. Первый водится в Нубии, доходя до Красного моря, второй—в стране Сомали. Подобно кулану и онагру, дикие осла водятся большими стадами и так же быстроноги и пугливы. От

Кулан (*Equus hemionus*)

нимого в тех странах, где оно водится (в Сирии, Аравии, Персии, Белуджистане).

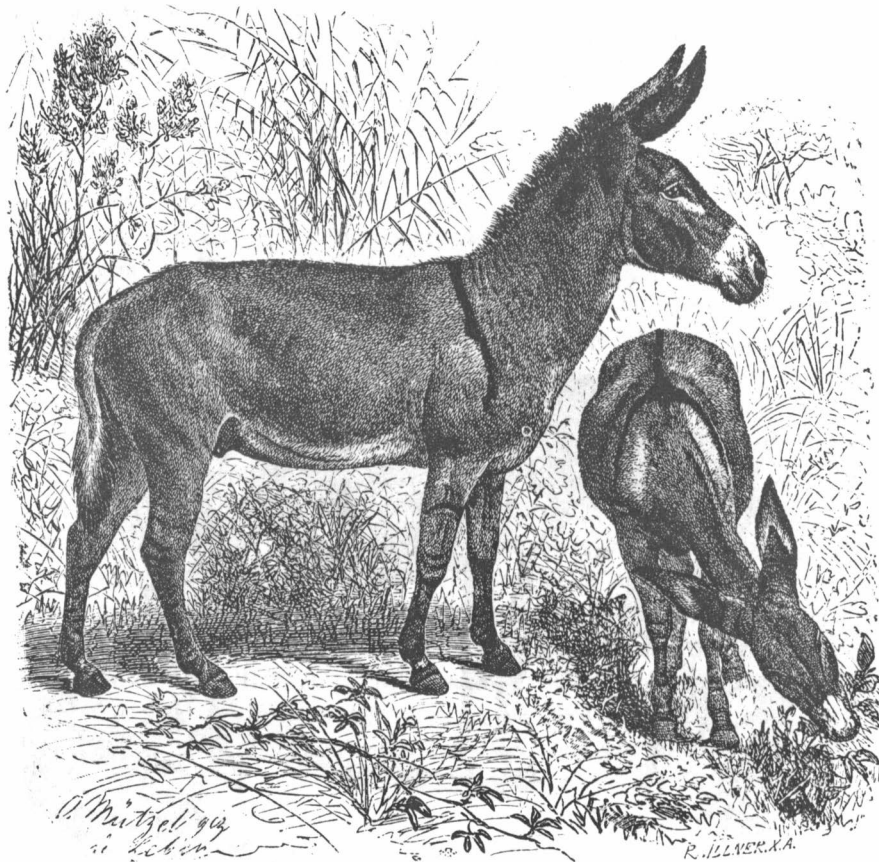
Что касается ослов, то домашний осел происходит от дикого африканского, и теперь еще встречающегося на его родине в двух разновидностях. Первая, **степной осел** (*E. asinus africanus*) похож на своего ручного потомка в Египте, по нраву же и образу жизни—на своих диких азиатских сородичей. Он—большого роста, красиво сложен, светло-рыжего цвета, с черными полосами (на спине и боках); грива—короткая, прямостоящая, кисть же хвоста—большая, длинная. От степного осла

этих видов, а может быть, путем скрещивания и с другими, близкими видами, например, онагром, произошли различные породы домашнего осла, широко распространенного не только в Сев. и Вост. Африке, но и в Средней Азии, Ю. и Ср. Европе и даже далекой Ю. Америке. Чем суше страна, тем лучше и ослы ее. Сырость и холод осел переносит хуже, чем лошадь. Поэтому в Персии, Сирии, Египте, Берберии и Ю. Европе находятся лучшие, более красивые и сильные ослы, тогда как в Ср. Африке и Ср. Европе—самые плохие и маленькие. Несмотря на крайне дурное обращение хо-

заяв, осел—очень прилежен, крайне умерен в пище и очень терпелив. Ночью он получает свою главную пищу—бобы, которые раздробляет с громким шумом, днем же по временам ему дают то пучок кле-

нию, иностранцам и предлагают своих бегунов, расхваливая их достоинства без зазрения совести.

«Посмотри, господин,—кричит один,—на этого осла; ведь это—настоящий паро-

Степной осел (*Equus asinus africanus*)

вера, то горсть бобов. Выносливость его такова, что рослый мужчина может сесть на осла, который бывает часто не больше 6-недельного теленка, и несется с ним в галоп. Употребление этих животных «под верх» особенно распространено в Египте, где погонщики их образуют настоящую касту.

«Настоящая потеха и вместе с тем настоящее мучение,—говорит Богумиль Глольд,—иметь дело с погонщиками ослов, обступающими иностранцев при выходе на берег, например, в Александрии. Они бросаются наперебой к глупым, по их мне-

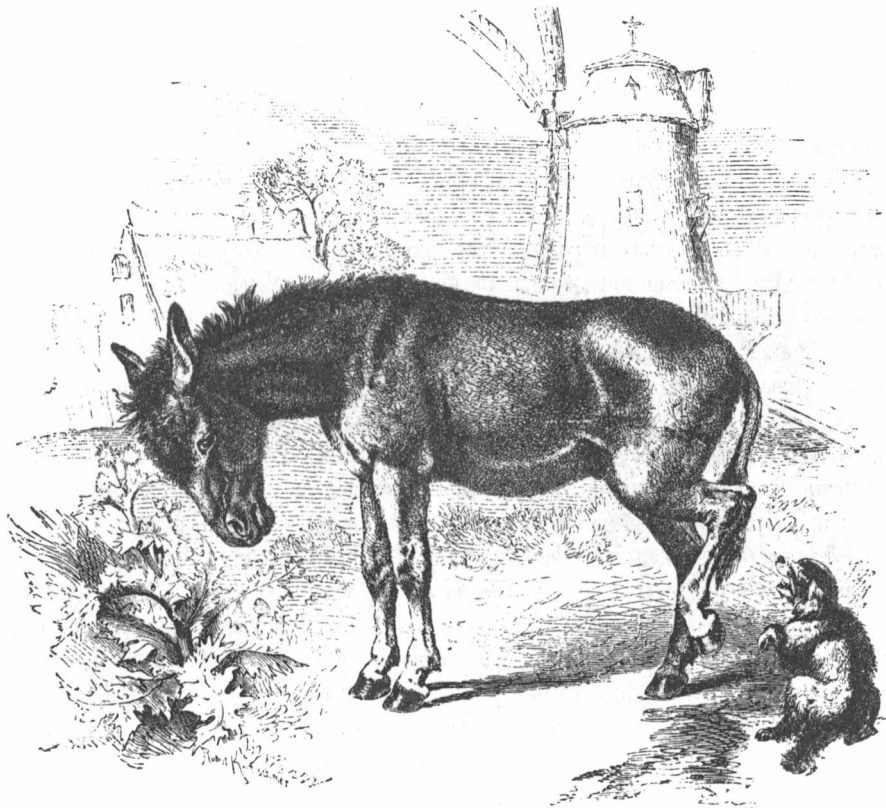
воз! Сравни его с другими. Они развалятся под тобой, а ты—сильный человек. А мой осел побежит под тобой, точно газель».

«Вот кахетинский осел,—выхваляет другой,—его дед был самец газели, а прамасть—дикая лошадь. Эй ты, кахетинец,—обращается погонщик к своему ослу,—ну-ка, докажи господину, что я говорю правду! Не посрами своих родителей, иди с Богом, моя ласточка!» Третий, желая превзойти своих соперников, величает своего бегуна Бисмарком, Мольтке и пр. Все это продолжается до тех пор, пока оглушенный путешественник не сядет на пер-

вое попавшееся животное. Тогда погонщик начинает дергать, толкать, бить осла или колотить заостренной на конце палкой, после чего осел пускается вскачь; сзади же бежит сам погонщик, крича, понукая осла, одобряя его, болтая и надрывая свои легкие так же, как и осел.

К обыкновенному европейскому ослу вполне применимы слова Окена: «Домашний осел

всем терпению он—страшно упрям; тогда и побои не действуют на него. Хозяина он знает, но не выказывает к нему особого расположения. Замечательно, что осел заранее чувствует перемену погоды: перед дурной погодой печально свешивает голову или же весело прыгает, если будет ведро. Внешние чувства, особенно слух и зрение, развиты у него очень хорошо, только

Домашний осел (*Equus asinus*)

так опустился вследствие постоянно дурного обращения с ним, что почти не похож на своих прародителей. Он не только отличается от них меньшим ростом, но и цветом шерсти, которая у него более бледного серопепельного цвета; уши его также длиннее и дряблее, чем у дикого осла. Бдительность перешла у него в упрямство, проворство—в медленность, живость—в леность, ум—в тупость, любовь к свободе—в терпение, мужество—в равнодушие к побоям». Между тем, по выражению Шейтлина, ручной осел по натуре чаще сметлив, нежели глуп, и более коварен и хитер, чем лошадь. При

осязание слабо. К пище это животное крайне нетребовательно, только воду требует непременно чистую.

Голос ослов—всем известный, душе-раздирающий крик «и-а», «и-а», который стоит поднять одному экземпляру, чтобы его подхватили и все другие, кто только слышит его. Получается адский концерт, от которого хоть затыкай уши. Между тем египетским погонщикам эта музыка кажется приятной, и часто они сами поднимают ее, давая первые аккорды; тогда все стоящие вблизи осла дружно подхватывают... Живут осла, несмотря на истинно каторжную жизнь, лет до 30, даже 40.

Уже с древних времен осла скрещивали с лошастью, получая помеси, которые называются мулами, если отец—осел, и лошакками, если—лошадь. По наружности они более походят на мать, но нрав наследуют от отца. Мул отличается от лошади формой головы, длиной ушей, короткими волосами у корня хвоста и узкими копытами, похожими на ослиные; цвет шерсти у него—материнский, а голос—отцовский. Лошак сохраняет невзрачную наружность своей матери, ее небольшой рост и длинные уши;

от лошади же наследует более удлиненную голову, более полные бедра, вполне покрытый волосами хвост и ржание; по характеру он так же ленив, как и его мать. Вследствие большей пользы, обусловленной силой, выносливостью, умом и осторожностью, разводят чаще мулов, особенно в Ю. Америке, где они служат необходимыми выючными животными в горных странах. В новейшее время доказана способность мулов к размножению, по крайней мере, до второго колена.

В Юго-Восточной Африке, не далее 33—34° в. д., южнее оз. Виктории, встречаются стада красивых, быстрых животных, известных еще древним под именем гиппотигров, т. е. **тигровых лошадей**.

«Трудно вообразить себе,—говорит Гаррис,—существо прекраснее этого сильного, дикого, быстрого обитателя пустыни. Далеко кругом глаз охотника встречает только песчаную равнину, красноватый цвет которой местами прерывается более темными пятнами выжженной солнцем травы и скудно оттеняется одиноко стоящими группами перистолстных мимоз. Вдруг среди этого безотрадного ландшафта появляется темное облако пыли, подвигающееся все ближе и ближе; наконец, оно превращается в целое стадо великолепно окрашенных полосатых животных, которые вскачь несутся на вас, гремя своими копытами, подобно кавалерийскому полку. Это—табун тигровых лошадей. С беспорядочной поспешностью мчатся они, подняв вверх головы и хвосты. Впереди, с раздугыми ноздрями, развевающейся гривой и хлеща себя по бедрам хвостом, выступает старый жеребец—вожак стада...» Среди стада этих странных животных можно встретить и разных жвачных, напр., буйволов, гну, антилоп, затем—быстроногих страусов. Охотнику на хорошей лошади нетрудно догнать сомкнувшийся тесными рядами табун тигровых лошадей, но одиночной лошади ни за что не догнать,—до того быстры эти животные.

В настоящее время насчитывается 5 видов тигровых лошадей, именно: квагга, дау, зебра, тигровая лошадь Шапмана и зебра Гриви.

Первый вид, **квагга** (*E. quagga*), более походит на лошадь, нежели на осла, только—с короткой, прямо стоящей гривой; хвост длиннее, чем у других тигровых лошадей, но короче лошадиного. Волосы короткие. Основной цвет шерсти—гнедой, на голове темнее, на спине и боках—светлее, а на животе—чисто-белый. На голове, шее и плечах тянутся беловато-серые, с рыжим оттенком, полосы, а вдоль спины идет черно-бурая полоса. Размер—до 1 саж., хвост—60 см, высота у загривка—1,3 м. Водится в восточных частях Капской области, к северу пустыни Калахари и некоторых других странах Южной Африки. **Дау** (*E. burshellii*), или буршелева

лошадь, почти такого же роста, как квагга, но гораздо красивее и благороднее. Грива поднимается в виде гребня на 13 см вышины, хвост почти до корня покрыт волосами. Мягкая, гладко лежащая шерсть наверху светло-рыжая, внизу—белая. По ней идут черные узкие полосы, посредине спины идет также черная полоса, окаймленная белым. Водится ближе к р. Замбези. Там же встречается, в общем очень похожая на дау, **тигровая лошадь Шапмана** (*E. chapmani*), цвет которой колеблется между желтым с шоколадными полосами и белым с почти черными полосами. Напротив, **зебра**, или горная лошадь (*E. zebra*), более походит на осла,

именно джугстая: хвост покрыт короткими, только на конце удлиненными волосами, как у ослон, грива густая, но очень короткая. По белому или желтоватому фону тянутся от самой морды до копыт (что отличает зебру от других тигровых лошадей) косые полосы блестящего черного или рыжевато-бурого цвета. Вдоль спины идет темно-бурая полоса. Очень похожа на нее и **зебра Гриви** (*E. grevyi*), только полосы у нее многочисленнее и уже. Первые зебры встречаются в горных странах Капской области, около Бенгуелы и к востоку до 12° ю. ш. Зебра Гриви — на полуострове Сомали.

Относительно пищи все тигровые лошади не очень прихотливы, однако им далеко до бесприязтельности ослон. В случае недостатка пищи они, подобно многим другим животным, предпринимают временные путешествия и в это время часто причиняют большой ущерб колонистам, вытаптывая их поля. Голос полосатых животных так же мало напоминает ржание лошади, как и крик ослон. Квагга издает несколько

раз повторяемый ею звук «ква», «ква», чем и объясняется готтентотское название этого животного; дау испускает короткие звуки, вроде «го, го», зебра, по словам Пехуэль-Леше, кричит, как возбужденный жеребец. Геккель же пишет: «Южная квагга лает и тявкает почти как собака; северная же положительно ревет и голосом напоминает льва; вообще в ярости тигровая лошадь кричит, как хищное животное, что часто вводило нас в обман...»

Все внешние чувства полосатых коней очень развиты, особенно зрение и слух; в умственном же отношении они отличаются свободолобием, дикостью, мужеством и иногда коварством. Из зверей разве только могучий лев является страшным врагом для этого храброго и быстрого животного. Но самый свирепый враг — человек, преследующий их из-за красивого меха и вкусного, по крайней мере для туземцев, мяса.

По-видимому, тигровые лошади не только хорошо переносят неволю, но и приручаются, хотя опыты с укрощением их и не всегда удаются.

Близко к лошадям подходит и семейство **тапиров** (*Tapiridae*), сравнительно небольших, неуклюжих животных с 4 пальцами на передних ногах и 3 — на задних. Они имеют продолговатую, узкую голову с хоботообразно удлиненной верхней губой, маленькими глазами и короткими стоячими ушами, высокие крепкие ноги и короткий хвост. Зубная система состоит из 3 резцов и 1 клыка на каждой стороне челюсти, 7 коренных в верхней и 6 — в нижней челюсти. Тапиров известно теперь 2 вида — азиатский и американский; первый стройнее и, можно сказать, совершеннее последнего, как это обыкновенно бывает у представителей одного и того же семейства, водящихся и в Старом и в Новом Свете.

Двуцветный, или чепрачный, тапир (*Tapirus indicus*) имеет, сравнительно с американским видом, большие размеры и более строен; хобот его не в виде трубки, как у американского, а такой же формы, как у слоня, т. е. на верхней стороне округлен, а на нижней — плоский. Основной цвет — чисто-черный, от которого резко отделяется серовато-белый чепрак. Длина — до 2,5 метра, включая 8 см хвост, при высоте у зашейка в 1 м. Водится в Индокитае, на Суматре и Борнео.

Американский тапир (*T. terrestris*) — несколько меньше (до 2 м длины, при 1 м выс.), окрашен в однообразный черновато-серовато-коричневый цвет и с небольшой гривой. Водится на юге и востоке Южной Америки.

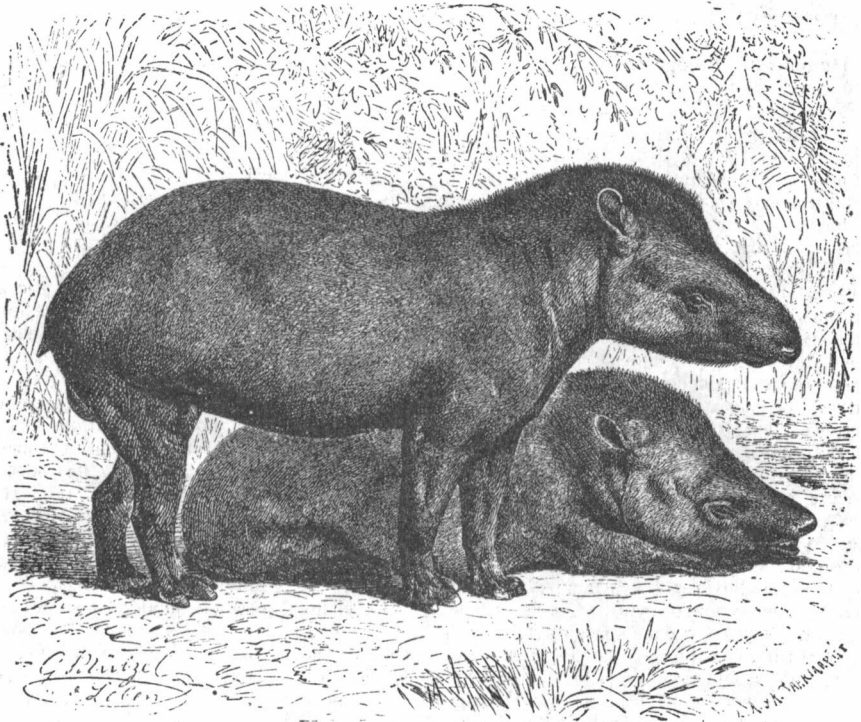
Все тапиры живут в глухих лесах, избегая открытых мест и бродя чаще в сумерках, поодиночке или парами. Бег

их довольно быстрый, но все-таки хорошая собака легко догонит их. Зато тапир отлично плавает и ныряет. Из внешних чувств особенно развито обоняние, затем — слух и, кажется, вкус; зрение же — плохо. Голос — своеобразный, резкий свист. По характеру это животное добродушно, боязливо и миролюбиво; оно бежит даже перед маленькой собачкой и только в редком случае защищается от врага, при помощи зубов. В умственном отношении тапир хотя и выше носорога или бегемота, но не выше свиньи. Обыкновенная пища — лесные растения. В неволе эти животные держатся смиренно, скоро привыкают к сторожам и даже размножаются. Человек усердно преследует тапиров и главным образом из-за их нежного, сочного, вкусного мяса; толстая же кожа идет разве только на бичи и поводья. Охота на тапира, при хорошем оружии, не представляет большого труда.

Зебра (*Equus zebra*)

Носорог.— Едва ли о каком другом животном ходило в прежнее время столько самых фантастических басен, как о носороге. «Единорог»,— под таким названием известно было это чудовище,— представлялся существом почти волшебным: о его силе, чудовищном безобразии, нравах и обычаях говорили чудеса; кровь единорога считалась за целебнейшее лекарство от всех болезней

Американский тапир (*Tapirus terrestris*)

и ценилась на вес золота, а кубкам, выточенным из его рога, приписывалось свойство шипеть, если в них налита какая-нибудь отравя.

Н₀—tempora mutantur; в настоящее время фантастический ореол, окружавший баснословного зверя, рассеялся; зоологи хорошо изучили этого представителя непарнокопытных и дали надлежащую оценку большей части ходивших о нем сказаний; всякий желающий может легко видеть единорога древних собственными глазами,— для этого ему стоит лишь посетить любой зоологический сад.

При первом же взгляде на носорога посетитель поймет, почему именно этого зверя народная фантазия избрала любимым предметом стольких занимательных сказок. Действительно, трудно представить себе что-либо неуклюжее и чудовищнее носорога, с его тяжелым туловищем, покрытым толстой кожей,

образующей часто род рогового панциря, с его страшным природным оружием—рогом на носу, бревнообразными ногами, широкой пастью и маленькими глазками, совершенно непропорциональными громадной массе тела, имеющего до двух сажен в длину, при почти саженой высоте.

Зоологи различают до семи отдельных видов носорога, почти единственная разница между которыми заключается в количестве рогов, цвете и складчатости кожи. Область их распространения—почти та же, что и слона, за исключением острова Явы, где последний не встречается.

Индийский носорог (*Rhinoceros unicornis*) достигает, включая 60 см хвост, 3,75 м (12 фут.) длины, при 1,7 м ($5\frac{1}{2}$ фут.) высоты в плечах, весом около 125 пудов (2000 кг). Он массивен и неуклюж и отличается от своих сородичей относительно короткой, широкой и толстой головой и особым расположением своих щитов (1 на затылке, по 1—на плечах, 1—на крестце и по 1—на бедрах). Седлообразное углубление между крутым лбом и большим, около 1 фут. 10 дюйм. (55 см), несколько загнутым на конце рогом, глупо, но коротко. Длинные, узкие уши покрыты по краям короткими волосами в виде щетки; большие, спереди выпуклые, снизу остросрезанные копыта оставляют свободной большую часть длинной, голой, мозолистой, твердой подошвы. Толстая кожа гораздо тверже и суше, нежели у слона. В местах, где она не покрыта панцирем, ее покрывают неправильные, более или менее гладкие бородавки, образуя на наружной стороне ног род чешуйчатого панциря. Общий цвет—темно-серовато-бурый, в глубине складок кожи—бледно-красноватый или буровато-темный. Водится до северной части Индии, по узкой полосе земли от подошвы Гималаев, на восток от Непала, до Ассама.

В дельте Ганга, в Бирме и др. областях Индокитая, далее, на о-ве Яве водится **яванский носорог** (*Rh. sondaicus*), почти таких же размеров, как и предыдущий вид, отличается от него более длинной головой, не имеющей такой глубокой впадины у лба, как у других видов, более коротким рогом (около 25 см длины, а у самки и совсем отсутствующим) и несколько иным расположением панцирных щитов (так, плечевые щиты, разделенные у индийского вида затылочным щитом, здесь совсем сходятся и т. п.). Цвет жидкого волосяного покрова—грязно-серовато-бурый.

Следующие виды, **бадак** (*Rh. sum-*

trensis), водящийся на Борнео и Суматре, и сходный с ним **кистеухий носорог** (*Rh. lasiotis*), встречающийся на западе Индокитая, называются полупанцирными; у обоих—сильно вытянутая голова с отлогим лбом и 2 сравнительно коротких рога, широкие, круглые уши и поясные складки, разделяющие кожу не на щиты а на пояса. По величине первый мало уступает индийскому носорогу. Хвост—с кисточкой на конце. Кожа большей частью гладкая. Передняя часть рыла покрыта полукруглым роговым панцирем. Общий цвет—серо-коричневый. У второго вида—кожа тоньше, уши окаймлены длинными волосами.

Африканские носороги отличаются совсем гладкой, однообразной, безволосой кожей, имеющей складки только у соединения шеи с туловищем и не образующей ни поясов, ни щитов; орудием защиты служат 2 тонких рога. Этих носорогов также два вида. Первый, **двурогий носорог**, или **черный носорог** буров (*Rh. bicornis*), водящийся в Южной и Средней Африке от 15° сев. ш. к югу до линии р. Кунене—оз. Нгами, достигает 4 м длины, включая 60 см хвост, при высоте 1,6 м. Рога—до 70—80 см, причем задний большей частью вполчину меньше переднего. Лицевая часть от лба слегка вдавлена, наподобие седла. Общий цвет—темно-серый. Резцы, появляющиеся в молодости, потом выпадают. Другой африканский вид—**тупоносый**, или **широкорылый, носорог, белый носорог** у буров (*Rh. simus*), еще больше—до 5 м длины (более 16 фут.), при высоте в $6\frac{1}{2}$ фут. (2 м), водится только в Южной Африке. Его голова так вытянута, что по длине равняется почти трети туловища; морда широкая, угловатая, длинные уши заострены, кожа образует две складки; цвет—светло-желтый или светлый серо-коричневый, потом темнеющий. Передний рог—до 90 см длины и более, задний—до 60. На конце они как бы плоско срезаны.

По образу жизни, характеру, свойствам и пище носороги всех видов также весьма сходны между собой. Любимое местопребывание их составляют

лесистые и болотистые берега рек и озер. Здесь громадные толстокожие проводят весь день, спасаясь в грязи и тине от дневного зноя, мух, слепней и комаров. Принявши грязную ванну, носорог выходит, с головы до пяток покрытый слоем влажного ила, и отправляется спать куда-нибудь в тенистое

Двурогий носорог (*Rhinoceros bicornis*)

место, а с наступлением вечера идет на пастбище, легко пробираясь через самую непроходимую чащу: ему приходится отступать лишь перед большими деревьями, мелкие же деревья и кусты чудовище вырывает, валит в сторону и топчет ногами.

Что касается пищи, то в этом отношении неприхотливость носорога не уступит прославленной неприхотливости верблюда: он охотно ест сухие колючки, усаженные иглами ветки колючих мимоз, камыш, сучья, иногда достигающие

АВСТРАЛИЙСКАЯ ФАУНА

1. Кенгуру. 2. Деревянный кенгуру. 3. Сумчатый волк. 4. Утконос. 5. Ехидна. 6. Какаду-нимфа. 7. Попугай. 8. Эму. 9. Киви. 10. Лирохвост. 11. Казуар. 12. Киви. 13. Лирохвост. 14. Большоногая курица. 15. Гаттерия. 16. Чешуйчатник австралийский.

-нестор. 8. Совиный попугай. 9. Райская птица.
ийский (*Ceratodus Forsteri*). 17. Какаду

2 дюймов в поперечнике, корни деревьев и тому подобные деликатесы. Все это поедается огромным животным в страшном количестве, едва прожевывается и глотается вместе с землей и камнями, хотя носорог, своим пальцеобразным придатком на губе, мог бы и лучше очищать свою пищу. Насколько ловко неповоротливый зверь может пользоваться этим органом, я видел сам, замечая, как индийский носорог брал им самые мелкие предметы, напр., крошки сахара, и клал на вытянутый язык.

Из этого видно также, что вкус довольно развит у носорогов. Но лучше всего у них—слух, затем обоняние; зрение же очень слабо. Голос выражается в глухом хрюканье, которое переходит в дикий храп и фырканье, когда животное разъярено.

Характер носорога вполне соответствует его наружному безобразию: это в высшей степени ленивое, грубое и злобное животное. Обыкновенно он относится равнодушно ко всему окружающему, кроме еды, но в гневе становится опасным для каждого встречного живого существа. Гнев его тем опаснее, что иногда вспыхивает без всякой видимой причины. Особенно свирепы черные африканские носороги пород борелло и кейтлоа. По словам Лихтенштейна, они нередко без всякой причины бросаются на проезжающие по дороге повозки, вдребезги ломают их и убивают упряжных животных. Их ярость иногда вымещается даже на неодушевленных существах, деревьях и кустарниках, которые они вырывают с корнем, ломают и топчут.

Единственная, кажется, симпатичная черта в характере носорога—это его любовь к детям. Мать чрезвычайно любит своих детенышей, охраняет их с величайшей заботливостью и с яростью защищает от всякого врага. Иногда голодный тигр, прельщенный легкой добычей, нападает на молодого носорога, но свирепому хищнику никогда не удается на свободе поживиться плодами своей охоты: на вой детеныша прибегает разъяренная мать и с бешенством кидается на тигра, которого может спасти в этом случае лишь поспешное бегство.

Однажды, по словам Бонция, несколько охотников повстречали на дороге самку индийского носорога вместе с детенышем. Увидев людей, мать поднялась и направилась в чащу, толкая мордой маленького. В это время одному охотнику пришла в голову глупая фантазия: нагнав самку, он начал рубить ее саблей, которая, однако, без вреда отскакивала от толстого панциря громадного толстокожего. Сначала носорог терпеливо переносил эти обиды, но лишь только детеныш был спрятан в кустах, терпение сменилось страшным бешенством. Страшно скрежеща зубами, животное кинулось на обид-

чика и одним ударом рога разорвало в лохмотья его сапог. Охотник наверное погиб бы, если бы его кровная лошадь не повернула назад и не пустилась в галоп. Носорог бросился за ней в погоню, с треском ниспровергая все на своем пути. К счастью, ему встретились на дороге два толстых дерева, с которыми он не мог справиться. Тщетно иступленное чудовище сыпало страшные удары рогом,—деревья тряслись, как тростник, но не поддавались. Тем временем охотники окружили его и выстрелами из ружей положили на месте, а затем отыскали в кустах и детеныша.

Громадная сила носорога, его яростный характер, страшное оружие, которым он владеет, и неуязвимый панцирь, одевающий чудовище,—все это обу-

словливает собой тот факт, что у носорога почти нет врагов, исключая, конечно, человека. Ни лев, ни тигр не осмеливаются вступить в единоборство с чудовищем, для которого нипочем даже страшный удар могучей лапы «царя зверей», мгновенно убивающий быка. Сам исполин животного царства, гигантский слон, боязливо сторонится и уступает дорогу разъяренному толстокожему. Гораздо более мучат носорога его мелкие враги: комары, слепни, пиявки и т. п., которые часто кишмя кишат в складках его шкуры. Спасаясь от преследования маленьких мучителей, носорог по уши забирается в грязь или до струпов трется о стволы деревьев.

Но самый опасный враг носорога—все-таки человек, который всеми способами охотится на чудовище, как ни опасна эта охота. Храбрые абиссинцы нападают на громадного зверя целым отрядом, бросая в него тучу дротиков, после чего один из смельчаков, подкравшись к носорогу сзади, одним взмахом тяжелого меча перерубает ему ахиллесову жилу ноги. Индийские раджи выезжают на охоту на слонах. Малайцы острова Суматры,—если только это не сказка,—подкрадываются к спящему носорогу, разом бросают на него массу горючих веществ и зажигают. Наконец, европейцы пускают в дело свои ружья, причем стреляют обыкновенно с лошадей. Таким способом Освелль и Барден в один год убили 89 носорогов, а знаменитый Андерсон перебил их несколько сот.

Впрочем, даже и для охотника, вооруженного ружьем, охота на носорога сопряжена с величайшими опасностями. Чтобы выстрел был надежен, необходимо подойти к чудовищу шагов на сорок, а между тем это крайне трудно: носорог обладает весьма тонким слухом и прекрасным обонянием; зрение его, правда, плохо, но зато у носорога есть зоркий союзник, который издали видит опасность и предупреждает о ней своего неуклюжего друга. Этот союзник—птица личинкоед, которая питается насекомыми, кишачными в коже носорога. «Личинкоеды,—пишет знаменитый африканский немрод, Кумминг,—постоянные спутники носорогов. Много раз я крался к спящему носорогу, и всегда мои труды пропадали из-за этих птиц. Они—лучшие друзья зверя и обыкновенно успевают разбудить его вовремя. Толстый увалень отлично знает их голос, тотчас вскакивает, оглядывается кругом и пускается бежать. В этих случаях я часто гнался за ним на лошади несколько миль, и во время этой гонимости птицы обыкновенно не покидали своего кормильца, но сидели у него на спине и боках; иногда случалось, что нижние ветви деревьев, под которыми пробегал носорог, сметали с него птиц, однако последние всегда возвращались на свое место. Не раз

мне случалось убивать носорогов в полночь, на водопое: птицы, думавшие, что убитые спят, оставались на них до утра, и когда я тут подходил к ним, они улетали, только употребив все усилия разбудить мнимоспящих».

Если охотник, подошедший к носорогу, промахнется или легко ранит зверя, то положение его становится весьма критическим: разъяренное чудовище бешено кидается на врагов, сколько бы тех ни было, и с злобным упорством преследует их до конца. Даже слоны не спасают охотников от опасности. Знаменитый Андерсон едва не погиб от раненного им носорога, который насковзь пронизал своим рогом туловище его лошади. Кумминг, при подобных же условиях, однажды жестоко был изранен зверем, а в другой раз едва спасся, кружась около куста. Оттого суданские арабы редко решаются нападать на носорогов. «Слон,—говорят они в свое оправдание,—животное справедливое, почитающее слово посланника Аллаха, Магомета,—да будет над ним благословение Вышнего!—и уважающее как предохранительные грамоты, так и другие законные средства защиты. Носороги же не обращают ни малейшего внимания на амулеты, которые нам пишут муллы для охранения полей, и доказывают

тем полное равнодушие к словам Праведного и Всевышнего. Они прокляты и изгнаны от начала мира. Их сотворил не Аллах всемогущий, а губитель-шайтан, и потому правоверным не подобает иметь дела с этими нечистыми животными, подобно язычникам и неверующим христианам. Истинный мусульманин спокойно дает им дорогу, чтобы не загрязнить своей души, не причинить ей вреда и не быть отринутым во время суда».

Несмотря на опасности охоты, смельчаки ухитряются иногда захватывать толстокожих чудовищ даже живьем. Еще древние римляне добывали себе живых носорогов для игр цирка, и в стихотворениях Марциала мы встречаем следующие места:

«На широкой арене, о Цезарь, носорог сражается перед тобой лучше даже, чем обещал. Пылая мрачной злобой, чудовище бежит, как буря, к быку и своим могучим рогом бросает его на воздух, подобно мячу...»

В диких, скалистых горах Африки и Зап. Азии путешественник часто с изумлением видит кипучую жизнь: там и сям, греясь на солнце по карнизам скал, расположились маленькие животные, величиной с кролика. Испуганные появлением человека, они быстро пробегают по отвесным скалам, точно ящерицы, и прячутся в бесчисленных расщелинах, и потом долго слышится оттуда их своеобразный, звонкий крик, похожий на крик маленьких обезьян. Это—**жиряки**, или **даманы** (Hyrcidae), самые маленькие и красивые животные из непарнокопытных, образующие отдельное семейство.

В общем они имеют вытянутое туловище, с большой, неуклюжей головой, глаза маленькие, выпуклые, уши короткие, широкие, круглые, хвост едва заметный, на передних ногах—4, на задних—3 пальца, снабженных плоскими, копытообразными когтями, за исключением заднего внутреннего пальца, вооруженного когтеобразным ногтем; голая ступня покрыта множеством липких, присасывательных мозолей, вследствие чего жиряки легко ходят почти по совершенно вертикальному направлению, как стенные ящерицы. Шерсть—мягкая, волнистая. Зубная система замечательна своими резцами: боковые резцы выпадают, и на обеих челюстях остается только по 2 резца, разделенных пустым промежутком. Желудок разделен на 2 части. По образу жизни все жиряки сходны между собой, хотя некоторые и живут на деревьях.

Мне пришлось ближе познакомиться с **абиссинским жиряком** (Нугах *abyssi- nicus*), робким, трусливым зверьком, до 30 см длины, покрытым длинным волнистым мехом бледно-серого цвета с темными и светлыми крапинками. Если осторожно приблизиться к скале, где живут жиряки, то можно видеть, как эти забавные

«Носорога готовили к бою и долго разжигали ярость могучего зверя. Народ терял терпение от сильного желания видеть бой. Но вот чудовище загорелось злобой и, подняв могучего медведя на двойные рога, бросило его кверху так же легко, как разъяренный бык бросает собак...»

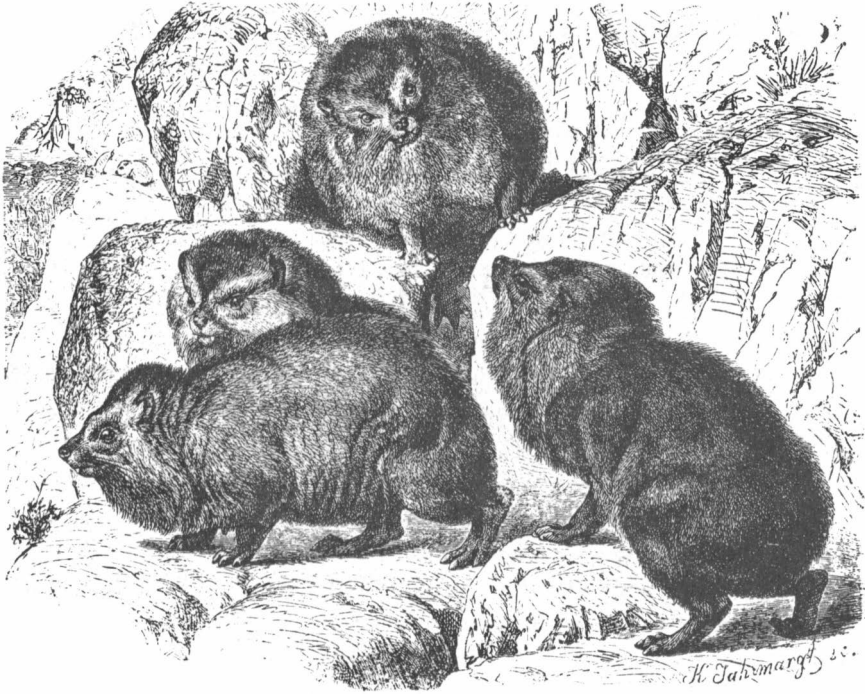
В средние века носорог сделался предметом самых неправдоподобных выдумок, и только в 1513 году, когда португальский король Эммануил получил из Индии живого носорога, европейцы ближе познакомились с этим животным.

В настоящее время носороги, как уже сказано, есть во всех больших зоологических садах. В неволе огромные звери ведут себя далеко не так, как на свободе: они послушны, добродушны и кротки. Известен лишь один случай, когда один ручной носорог, выведенный из себя назойливостью двух посетителей зоологического сада, бросился на них и убил обоих, к ужасу зрителей.

животные спокойно нежатся на солнце, расчесывая хорошенькой лапкой свою бороду, а около них шмыгают хищные мангусты и агамы, и, по-видимому, все живут в добром согласии между собой. По своим нравам и движениям жиряки представляют среднее между носорогами и проворными грызунами. По земле они двигаются медленно, как будто

крадучись, напротив, по скалам лазают уверенно, мастерски, что объясняется вышеупомянутой особенностью их ног. Относительно пищи они неприхотливы и довольствуются той скудной флорой, какая находится на их почти голых скалах. В

после своего прибытия в Либерию меня поразили своеобразные звуки, раздававшиеся в соседнем лесу. Это было пронзительное отрывистое «керр». Я недоумевал, приписать ли эти звуки птице или млекопитающему. Однако туземцы утверждали, что это кричит млеко-

Абиссинский жиряк (*Nyrax abyssinicus*)

неволе держатся кротко, но в Европе редко выживают. Только в Аравии и Ю. Африке их ловят из-за мяса, напоминающего по вкусу кроличье. Кроме абиссинского жиряка, нужно указать на живущего в Ю. Африке и Н. Гвинее до Конго **капского жиряка** (*N. capensis*) и живущего в В. Африке **mozамбикского жиряка** (*N. mosambicus*). Несколько отличается от них **древесный жиряк** (*N. dorsalis*). «Он — постоянный житель лесов и деревьев, — пишет Бюттикофер. — Уже в первый вечер

питающее, живущее в дуплах деревьев и лазающее по стволам с помощью своих длинных зубов; по их словам — это ночное животное... Высокая награда, обещанная мной, соблазнила туземцев, и они скоро притащили в корзине несколько экземпляров странного животного. Зверьки яростно грызли прутья корзины, сильно ударили передними лапами по земле и ерошили свои длинные волосы на спине...» Более подробных сведений о древесном жиряке пока не сообщалось.

Отряд XI

Парнокопытные (Artiodactyla)

Богатый видами и разнообразный отряд парнокопытных, широко распространенный по всем частям света, за исключением Австралии и Н. Зеландии, обнимает собой, по предложению Окена, тех копытных животных, у которых мы замечаем только 2 развитых пальца или эти 2 пальца гораздо более развиты, чем три остальных. Различают обыкновенно две большие группы парнокопытных: **многокопытных**, у которых, кроме двух средних пальцев, развиты второй и пятый, и **двукопытных**, или **жвачных**, у которых последние пальцы совсем исчезли или мало развиты.

Громадное большинство **жвачных** представляет собой мирных, пугливых животных, питающихся исключительно растительной пищей, иногда очень сильных, рослых, но не особенно развитых умственно. Для человека это — наиболее полезные животные, доставляющие ему мясо, молоко, а также материал для нашей обуви и одежды. Поэтому человек издавна одомашнил многих из них.

По организации, несмотря на разнообразие форм, жвачные довольно сходны между собой. Большинство из них имеет рога, но есть и безрогие. По рогам различают полорогих и плотнорогих жвачных. У первых (напр., у коров) рог состоит из костяного футляра, сидящего на костяном пеньке, который образуется на лобной кости; следовательно, эти рога — видоизменение наружной кожи: они никогда не возобновляются, а только делаются с возрастом длиннее и толще у основания. Напротив, рога плотнорогих (напр., оленей) сидят на довольно коротких возвышениях лобной кости, со-

стоят из плотного, костеобразного вещества и бывают часто ветвисты, причем число ветвей увеличивается с возрастом. Эти рога ежегодно отваливаются и потом заменяются новыми. В большинстве случаев плотные рога украшают только самцов, между тем как полые почти всегда имеются и у самок.

Далее, характерно строение зубов жвачных. На нижней челюсти у них 6—8 резцов, чаще всего в виде лопатки с острым краем, на верхней же — совсем нет или только 2; клыков также часто не бывает, а иногда по 1 в каждой стороне челюсти; коренные зубы в числе 3—7 наверху и 4—6 внизу. Наконец, отметим еще удивительное строение желудка, состоящего из 4, редко — из 3 отдельных частей: рубца, рукава, книжки и сычуга. Первый из них соединен с пищеводом, а последний с кишечным каналом. Рубец принимает из пищевода лишь грубо разжеванный корм и небольшими комками проталкивает его в рукав; стенки последнего покрыты сетью складок, которые несколько растягивают корм,

образуа катышки, а последние снова падают в пищевод, затем в рот («отрыгаются»). Во рту «отрыгнутая» пища основательно пережевывается коренными зубами, имеющими обыкновенно широкую жевательную поверхность (так называемые «растительные» зубы, в отличие от острозубчатых

зубов хищных животных), смешивается со слюной и в виде жидкой кашицы снова попадает в желудок, но на этот раз уже в третье его отделение, книжку, оттуда — в сычуг, где выделяется желудочный сок. У верблюдов и оленьков (*Tragulus*) третьего желудка нет.

Жвачные разделяются на семь семейств: жирафы, верблюды, полорогие, вилорогие, олени, кабарги и оленьки.

Жи́рафы.— В Средней Африке, на огромном пространстве от знойных песков Сахары до владений свободных буров, водится одно очень странное животное, которое арабы называют «серафе» (милая), а ученые — *Camelopardalis* (верблюдо-пантера). Обыкновенно же оно известно под именем жирафа, что представляет испорченное слово от того же «серафе».

Оба названия, — и арабское и латинское, — как нельзя лучше характеризуют жирафа. Действительно, это, с одной стороны, чрезвычайно добродушное, мирное, кроткое, пугливое животное, которое старается жить в мире не только с подобными себе, но и с другими животными. С другой стороны, во всем животном царстве нет ни одного представителя с более странной фигурой тела. Необыкновенно длинная шея, высокие ноги, круглое туловище с покатою спиной и красивая голова, украшенная темными умными глазами, — такова общая наружность жирафа, этого высочайшего из всех зверей: при длине в три аршина его тело достигает трех сажен высоты! Подобная наружность вполне оправдывает его название верблюдо-пантеры. Скажем больше: жираф, по нашему мнению, представляет смесь не только верблюда и пантеры, но и многих других животных. В самом деле, его толстое стройное туловище и продолговатая голова походят на лошадиные, широкие плечи и длинная шея словно взяты от верблюда, большие подвижные уши — от быка, легкие ноги — от антилопы, наконец, желтоватая, с бурыми пятнами шкура чрезвычайно похожа на мех пантеры. Понятно, что жирафа поэтому совсем нельзя назвать красивым, особенно когда видишь его в узкой клетке зоологического сада. Но в раздольных, прекрасных равнинах своей родины он кажется и стройным и привлекательным. Особенно красивы его движения, когда он идет спокойно, — тогда можно просто залюбоваться прямым потомком допотопного сиватерия.

Охота на жирафа не доставляет удовольствия. «Рука не поднимает ружья, — пишет один охотник, — когда посмотришь в эти кроткие глаза, где читаются чисто человеческие чувства. Только однажды я пустился преследовать стадо жирафов. Один громадный самец, убегая от смертоносного выстрела, несколько раз обернулся ко мне головой и пристально поглядел на своего преследователя. Его темные, опущенные шелковистыми ресницами глаза поразили меня своим почти человеческим взглядом. Моль-

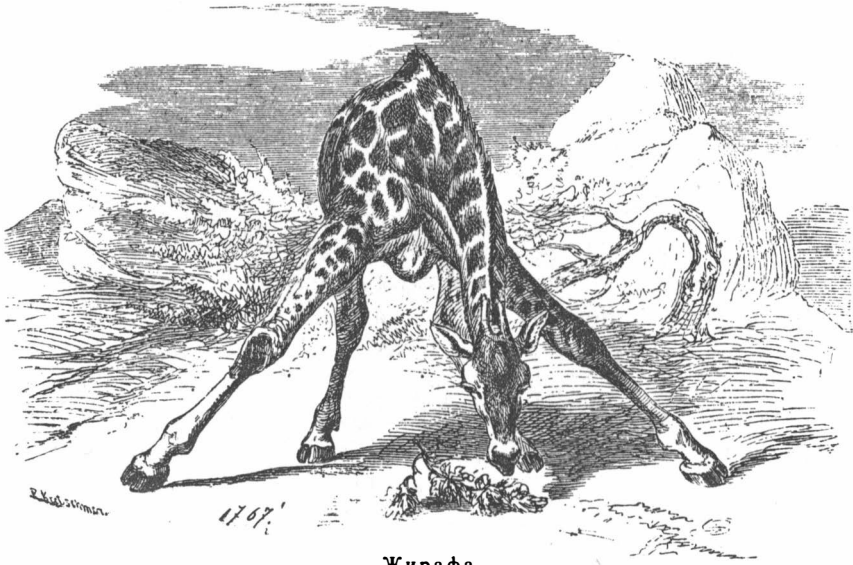
ба, укор и какое-то недоумение светились в этом взгляде, как будто кроткое животное спрашивало меня, за что я хочу убить его. Я почувствовал и жалость, и даже стыд и с тех пор дал себе слово не гоняться ради удовольствия за милым животным».

Кроме человека, у жирафа мало опасных врагов, так как длинные, не знающие усталости ноги легко спасают животное от всякого преследователя, а чуткий слух жирафа не позволяет его врагу напасть на свою жертву врасплох.

Питаются жирафы листьями, почками и ветками различных мимоз, причем их длинный, гибкий язык и губы остаются совершенно нечувствительны к уколам острых

шипов мимоз. В неволе жирафы ведут себя смиренно, но редко выносят заточение: по-видимому, недостаток движения в высшей степени вредно отзываясь на них.

Второе семейство, **верблюды** (Camelidae), отличается мозолистыми подошвами, отсутствием рогов, раздвоенной верхней губой и присутствием 2 резцов на верхней челюсти и 6—на нижней. В желудке нет книжки. Собственно верблюды (Camelus) распадаются на 2 вида: один—**дромадер**, или одногорбый верблюд, населяет преимущественно Африку, другой—**двугорбый верблюд**—Азию.

Жирафа

Дромадер (Camelus dromedarius), без сомнения, полезнейшее из всех домашних животных в Африке, но в то же время это самое неприветливое, глупое, упрямое и неприятное создание, какое только можно себе вообразить. В среднем он 2—2,3 м высоты и 3—3,3 м длины от морды до конца хвоста, причем верховые арабские верблюды представляют собой стройных животных, выючные же—неуклюжи, как водовозные клячи. Голова дромадера—довольно коротка, морда же вытянута и вздута; во время возбуждения из пасти его выпячивается большой кожистый пузырь противного вида, так называемый «реву»; тогда верблюд начинает реветь, сопеть и скрипеть зубами. Глаза с тупым выражением—велики, уши же—очень малы. Верхняя губа висит над нижней, а последняя отвисает;

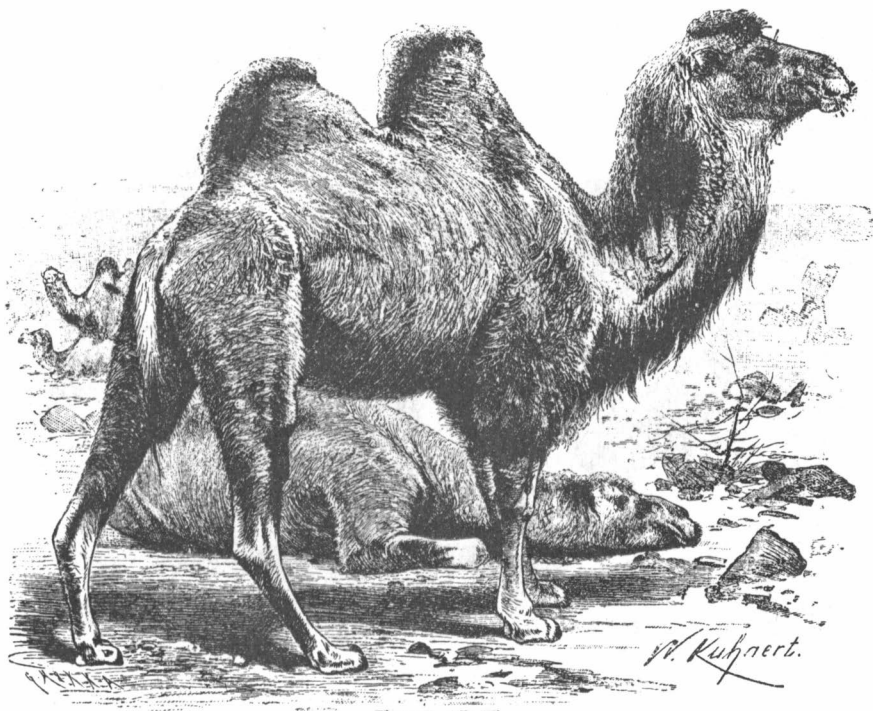
при быстром движении животного губы его постоянно трясутся вверх и вниз, что придает крайне неприятный вид и без того некрасивому животному. На затылке находятся 2 железы, выделяющие по временам жидкость с отвратительным запахом. На спине лежит жирный горб, весящий у упитанных животных до 1 пуда, у тощих же спадающий до 5—7 фунтов. Ноги—худые, длинные, безобразные. Шерсть мягкая, несколько волнистая, чаще светло-песочного цвета, а иногда серая, бурая или черная. На груди и суставах передних конечностей на коленях—твердые мозоли, служащие животному как бы подушками во время его отдыха. Резцы довольно большие, вроде лошадиных; кроме того, есть крепкие, сильные клыки, которые в верхней челюсти напоминают клыки хищников.

В настоящее время дромадер известен только как домашнее животное во всех странах Африки, от Средиземного моря до 12°, также и в Ю.-З. Азии. Затем, мы находим его в Бухаре, Персии, Малой Азии, Сирии, наконец, в Австралии, Сев. Америке, Италии и Испании. Первоначальная же его родина, по-видимому, Аравия.

Пища его состоит исключительно из растений, причем животное может доволь-

но бег, так что никакому коню не выдержать. Бывали случаи, что верблюды пробегали в 12 часов до 170 верст; обыкновенно же, при небольших отдыхах, дромадеры могут пройти в 3—4 дня до 450 верст. Вьючные же верблюды проходят в день не более 45 верст. Плавать верблюд не может.

Из внешних чувств лучше всего развиты слух и осязание, зрение же, кажется, сла-

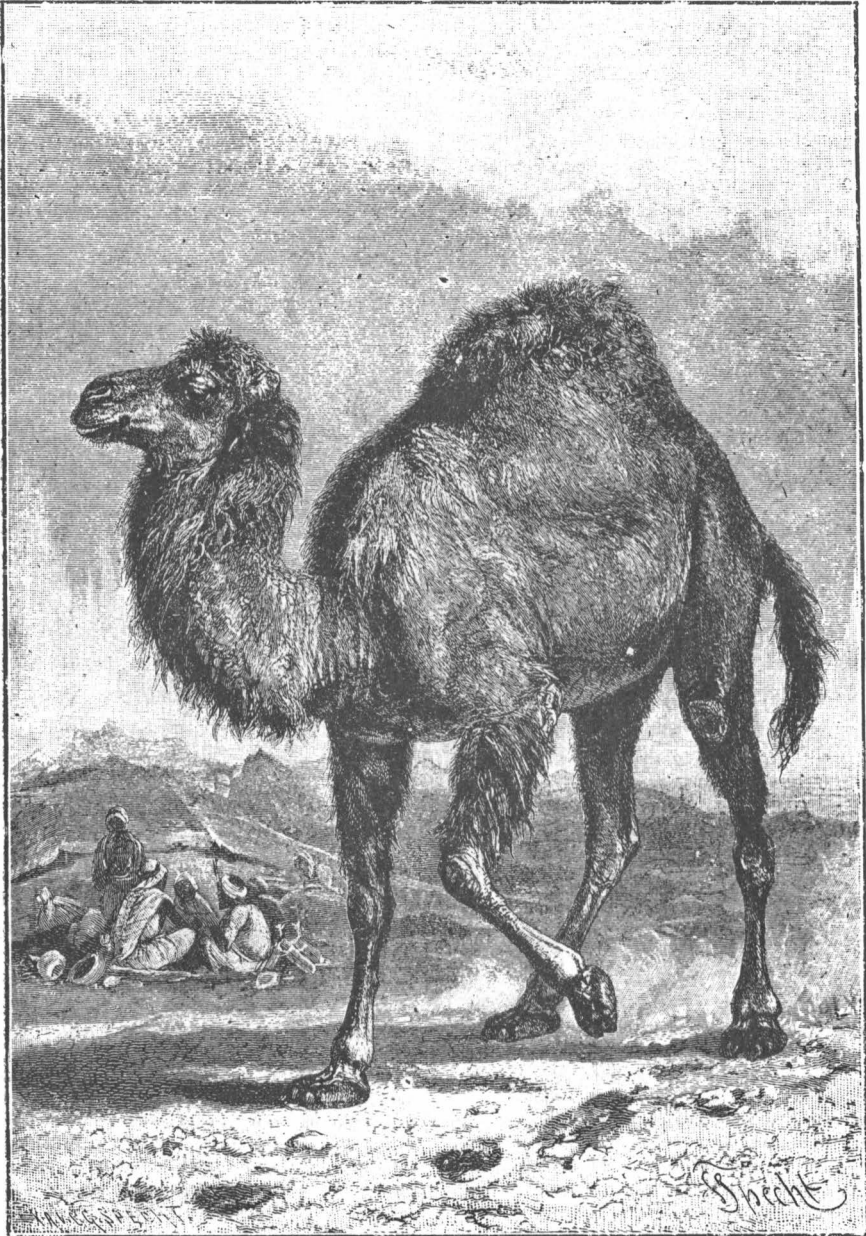

Двугорбый верблюд (*Camelus bactrianus*)

ствоваться самым плохим кормом и при случае с удовольствием съедает старую корзину или мат из финиковых листьев. Охотно пожирает верблюд и колючие ветви мимозы, хотя иглы их могут свободно проколоть подошву сапога... Конечно, от сочного, зеленого корма (бобов, зерна и т. п.) он также не отказывается и тогда по целым неделям может обходиться без воды. При сухом же корме ему необходима ежедневно вода, хотя, в редких случаях, эти удивительные животные и тут могут обойтись без нее в течение 7—10 дней. При питье необходимо давать и соль.

Походка верблюда, качающаяся рысь, превращается у верховых животных в быстрый

бег, а обоняние — и еще хуже развито. По характеру — это несимпатичное животное, хотя, конечно, хорошее воспитание часто переделывает его. Но в общем душевные качества верблюда таковы, что даже щедрые на красноречивые похвалы арабы не могут найти их для него, хотя, в пустыне, многие из них не могли бы и существовать без него. Между тем верблюд приносит пользу человеку не только в качестве бегуна и вьючного животного, но и своим мясом, шерстью, из которой прядут материи, и даже пометом, идущим в пустынях за топливо. Поэтому и цена его довольно высока: на месте хороший бегун стоит 100—150 рублей, а вьючный — 40—80 рублей. Несмотря на свою неприхот-

Дромедер (*Camelus dromedarius*)

ливость, это животное требует все-таки внимательного ухода, так как часто подвергается тяжелым легочным заболеваниям; кроме того, ему много вредит в Судане одна ядовитая муха.

Почти такое же значение, как дромадер для Африки, имеет **двугорбый верблюд** (*C. bactrianus*) для Восточной и Средней Азии, именно степных местностей. Он отличается 2 горбами, на затылке и перед крестцом. Туловище его длиннее, чем у дромадера, шерсть длиннее, а цвет обыкновенно темнее, чаще всего — темно-бурый, а летом рыжеватый. Оба вида верблюда часто скрещиваются, давая потомство, что заставляет сомневаться, действительно ли двугорбый верблюд составляет отдельный вид.

По привычкам и характеру двугорбый верблюд похож на своего собрата, только несколько добродушнее его, так же вынослив и неприхотлив, но зато так же глуп, равнодушен и труслив. «Случается,—пишет Пржевальский,—что заяц, выскочивший из-под его ног, приводит его в ужас: он бросается в сторону, как безумный, и не-

сется по степи; его товарищи, не распознав, в чем дело, следуют за ним. Большой черный камень на дороге тоже пугает его. Если на него нападает волк, он и не думает о защите. Ему бы легко повалить подобного врага одним ударом ноги, а он только плюет на него и орет во все горло. Даже ворона обижает это бестолковое животное, расклеывая раны, натертые выюками, а тот только кричит...» Из пищи он требует главным образом солончаковых растений, янтака («верблюжья трава»), колючки и др. и плохо чувствует себя на хороших лугах. При хорошем обращении верблюд живет до 25 лет, все время служа верой и правдой, как выючное животное. Вес выюков не должен превышать 15—20 пудов; с этой тяжестью животное проходит в день 50—70 вер. Зимой он переносит страшные зимние метели, но летом часто страдает как в жаркие дни, так и в холодные ночи. Вообще уход за двугорбым верблюдом требует большой опытности и необыкновенного терпения, так как только при этих условиях верблюд является действительно полезным животным.

В сравнении с дромадером и двугорбым верблюдом верблюды Нового Света, так называемые **ламы** (*Auchenia*), могут назваться карликами. Они принадлежат к горным животным. Голова у них большая, с острой мордой, большие уши и глаза, тонкая шея, высокие ноги с незначительными мозолями и длинная, волнистая шерсть. Горба нет. Длинный, узкий язык покрыт твердыми роговыми бородавками; книжки в желудке нет; длина кишечника в 16 раз больше длины туловища.

Ламы разделяются на 4 отдельных вида: гуанако, собственно ламы, пако, или альпака, и викунья. Но многие считают лам и альпак лишь за прирученных потомков гуанако. В диком состоянии теперь встречаются лишь последние и викунья. Живут все ламы только в высоких холодных странах Кордильер.

Гуанако, или **хуанако** (*Auchenia huapaco*),—самое крупное и одно из важнейших млекопитающих Ю. Америки. По росту оно приблизительно равняется благородному оленю, по внешности же представляет странную смесь овцы с верблюдом. Общая длина тела, считая и 24 см хвост,—2,25 м, а вышина в плечах—1,15 м; самки меньше. Туловище гуанако довольно коротко и сжато, голова длинная, с тупой мордой; длинные, узкие ноздри могут закрываться; уши равняются с половиной головы и очень подвижны; большие глаза, с поперечным зрачком, оживлены; ноги высокие и стройные, на суставах передних ног нет мозолей, как у верблюдов и других лам. Шерсть длинная, густая, волнистая; состоит из короткого, тонкого подшерстка и более жестких

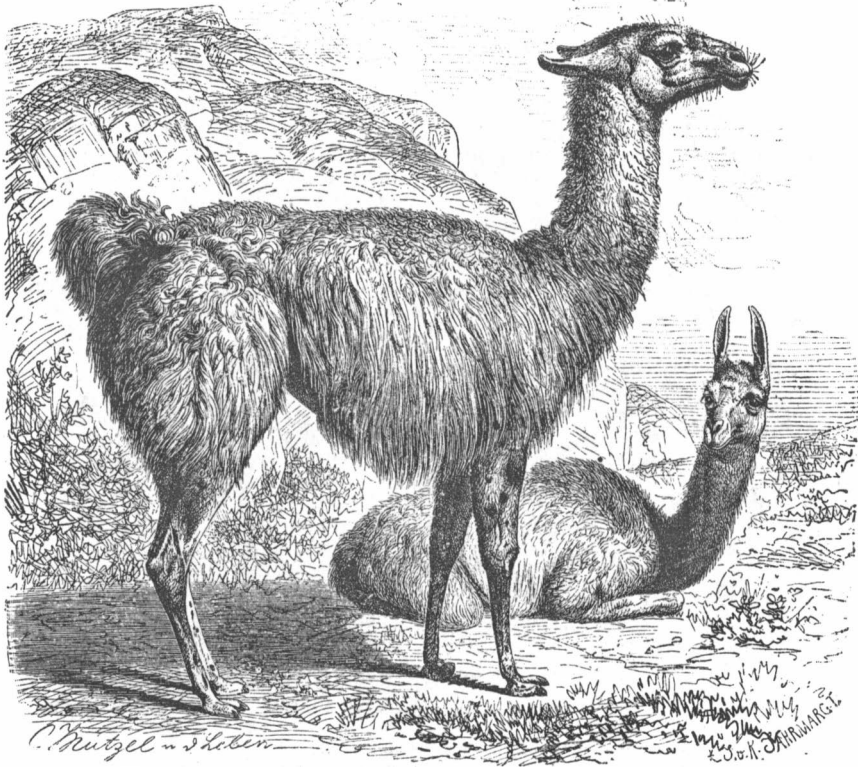
длинных волос ости. Цвет ее—грязно-буровато-рыжий, местами с темно-бурыми пятнами, снизу—беловатый. Распространены гуанако по всем Кордильерам от лесистых островов Огненной земли до Северного Перу. Живут небольшими стадами в 12—30 штук на горных пастбищах; имеют странную привычку выпускать свой помет в одну общую кучу, так что индейцам, употребляющим его на топливо, нет надобности и трудиться собирать его.

Эти дикие, пугливые животные отлично лазают по горам и потому их нелегко поймать, если не загнать в узкую долину. Охотники прибегают обыкновенно к одному странному средству, основанному на крайнем любопытстве этих пугливых животных: они ложатся на землю и начинают болтать

руками и ногами, и гуанако почти всегда приближаются, чтобы рассмотреть это странное, на их взгляд, явление. В это время их не пугают даже ружейные выстрелы. Но чаще их стараются поймать живыми, особенно молодых, так как в неволе они очень смиренны и приятны; старые же, напротив, всячески стараются освободиться от власти человека и плеванием в лицо доказывают, как он

трудным горным дорогам, с ношей до 8 пуд. на спине, по 25—30 верст в день. Нужно еще заметить, что под выюками идут лишь самцы, самок же держат для завода.

«Караван этих животных,—говорит Стефенсон,—представляет очень красивое зрелище: ламы идут в большом порядке гуськом, следуя за своим вожаком—передней ламой, которая отличается от дру-

Лама (*Auchenia lama*)

неприятен им. При защите от врагов гуанако защищаются кусаньем и ляганьем, но чаще стараются спастись бегством.

Лама, вернее, **льяма** (*Auchenia lama*), встречающаяся преимущественно в Перу и уже давно одомашненная там, несколько выше гуанако и отличается мозолистыми наростами на груди и на передней части сустава, соединяющего предплечье с кистью. Голова ее короткая и узкая, губы — волосатые, уши короткие; цвет шерсти различный — белый, черный, пегий и т. д. Длина до 2,8 м, при высоте в плечах 1,2 м. В качестве вьючного животного лама легко делает по

гих украшенным недоуздом, колокольчиком и маленьким флагом на голове. Караваны эти проходят по снежным вершинам Кордильер и по крутым горным тропинкам, где лошади или мулы могли бы пройти с большим трудом; при этом ламы так послушны, что погонщики их не употребляют ни палок, ни кнутов, чтобы погонять их. От стоянки до стоянки они идут спокойно, не останавливаясь». Чуди привлекает к этому, что ламы постоянно оглядываются из любопытства по сторонам. По словам Мейена, эти животные столь же важны для перуанцев, как северный олень

для лапландцев. Ночью лам запирают в загородку из камней, а днем выпускают; они бегут тогда на пастбище без пастухов и сами возвращаются вечером домой. С ними часто пасутся гуанако и викунья.

Размножаются ламы слабо,—самка родит в год только 1 детеныша, да и то свиреп-

сивее; шерсть ее—длинная (до 10 см) и удивительно мягкая; индейцы издавна готовяли из нее одеяла и плащи. Цвет ее чаще всего белый или черный. «Альпак,—говорит Чуди,—держат большими стадами, которые целый год пасутся на высоких, горных лугах, и их гоняют вниз

Викунья (*Auchenia vicunia*)

ствующие эпизоотии (напр., чума) сильно уменьшают число этих драгоценных животных. Мясо лам всюду едят охотно, но шерсть идет только на грубые материи. В зверинцах эти животные чувствуют себя довольно хорошо, но к чужим людям недоверчивы. Пищей их может служить обыкновенное сено.

Третий вид группы, **пако**, или **альпака** (*Auchenia pacos*), ростом меньше ламы и по строению тела несколько похожа на нашу овцу, но шея у нее длиннее, а голова кра-

к хижинам индейцев только на время стрижки. Едва ли существует животное более упрямое, чем альпака. Если одна из них отделена от стада, то она бросается на землю, но ни ласки, ни удары не заставят ее встать. Она перенесет самые мучительные побои и все-таки ни за что не послушается. Отдельных животных только тогда можно заставить идти, когда их присоединят к стаду лам или овец». Пробовали разводить альпак в Европе, но без успеха.

«Красивее ламы,—говорит тот же путешественник (Чуди),—**викунья**, или вигонь (*Auchenia vicunia*); по величине она стоит между ламой и пако, но отличается от обеих более короткой, выщесшей шерстью замечательной тонкости. Сверху животное окрашено в особенный красно-желтый цвет (цвет вигони), а снизу—в светло-желтый и частью (живот) белый. В дождливое время викуньи живут на хребтах Кордильер, где растительность очень скудная. Они постоянно остаются на лугах, поросших травой, так как копыта их мягки и чувствительны, и никогда не бегут при преследовании по каменистым голым вершинам; более всего избегают они глетчеров и снежных полей. В жаркое время года они спускаются в долины, где в это время только и есть вода и трава. Стадо состоит из 6—15 самок и

1 самца, который заботливо предупреждает их громким свистом о малейшей опасности. Все животные с любопытством поворачивают тогда головы по направлению опасности, затем бросаются в поспешное бегство. Иногда встречаются стада штук в 20—30, состоящие исключительно из самцов. Ловят вигоний из-за их вкусного мяса и ценной шерсти при помощи загонцов. Для этого ограживают веревкой большой круг, обвешивают его пестрыми тряпками и гонят сюда викуний; пугливые животные ни за что не решаются пройти под веревкой,—и охотнику не стоит большого труда убить их. В качестве домашних животных викуньи ведут себя смиренно и доверчиво; но это только до поры до времени, с годами и они, подобно всем своим сородичам, делаются злыми и постоянно плюются.

Третье семейство жвачных образуют **полорогие** (*Bovidae*), животные, широко распространенные по всей земле, за исключением Ю. Америки и Австралии. Между ними человек выбрал самых необходимых себе домашних животных (овец, коров и пр.). Отличительными признаками их служат: не спадающие, полые рога и зубная система: 6 резцов и 2 языка на нижней челюсти, отсутствие передних зубов на верхней и по 12 коренных зубов на обеих. Строение же тела и образ жизни так разнообразны, что сказать что-нибудь общее в этом отношении невозможно. Полорогих делят на пять групп: козлы, бараны, быки, горные американские козы и антилопы.

Коренастое, крепкое туловище **козлов** (*Sarqa*) опирается на сильные ноги; шея короткая; голова также, сравнительно, короткая, но широкая в лобной части, глаза большие, живые; уши стоячие, подвижные. Четырехугольные, закругленные с краев и сжатые в боках рога имеют ясные кольца, соответствующие годовому приращению, и снаружи вздуты; их имеют оба пола, только самки—меньше. мех состоит из тонкого подшерстка и более грубых остей. Окраска его—более или менее темная, под цвет скал. В качестве отличительного признака нужно еще указать на неприятный, «козлиный» запах, испускаемый этими животными.

Дикие козлы водятся в Средней и Южной Азии, в Европе и Северной Африке, прирученные же животные этого вида распростра-

нены по всему свету. Все вообще дикие козлы—жители гор, причем многие из них поднимаются за границу вечных снегов. Водятся они стадами, под предводительством смелых самцов. Пребывание среди скал и утесов развило в них замечательную смелость, ловкость в прыгании и лазании, выносливость и силу, а также остроту чувств: козлы очень хорошо видят, слышат и чуют. В умственном отношении они отличаются храбростью, соединенной иногда с злобностью и хитростью. Детенышей у диких видов родится не более 2, у домашних же—не более 4. Козлята рождаются очень развитыми, с открытыми глазами, и спустя несколько минут по появлении на свет Божий уже бегают за матерью. Козлов три рода—козероги, собственно козлы и полукозлы.

Типичный и самый сильный представитель всей группы козлов—**козерог** (*Ibex*) живет на такой высоте в горах, где другие крупные млекопитающие не могли бы существовать. Только в самые сильные холода он спускается в более низкие ложбины, вообще же круглый год пасется на недоступных вершинах. Различают несколько видов козерога, именно, **козерог альпийский**

(*Capra ibex*), живущий в Альпах; **пиренейский к.** (*Capra pyrenaica*) в Испанских горах, **тур** (*Capra caucasica*), водящийся на Кавказе, **беден** (*C. beden*)—в Аравии, **вали** (*C. walie*)—в Абиссинии и **скайн** (*C. skyn*),— в Гималаях. Но так как все они похожи друг на друга, отличаясь только бородкой и рогами, то многие считают их за один вид.

Альпийский козерог, когда-то широко распространенный в Европе, а теперь чрезвычайно редкий, гордое, стройное и видное животное, с телом в 1,6 м длины, до 85 см высота и до 6 пуд. весом. Крепкие сильные рога его достигают длины 1½ арш., при 30—35 фун. веса; у самки—гораздо меньше. мех, довольно грубый и густой, летом имеет рыжевато-серую окраску, зимой—желтовато-серую или чалую. Никакое другое жвачное, кажется, не способно жить на таких крутых и высоких горах. «Какие смелые и быстрые прыжки делают козероги с одного утеса на другой,—говорит Геснер,—трудно даже поверить. Где есть хоть малейшая точка опоры для его расщепленных и острых копыт, там он не видит никаких препятствий для достижения в несколько прыжков любого утеса, как бы высок он ни был и как бы далеко ни отстоял от другой скалы». И действительно, козерог бежит быстро и неутомимо, карабкается по горам с удивительной ловкостью и с невероятной быстротой взбирается на самые крутые утесы.

Содержащиеся в неволе животные возбуждают не меньше интереса, чем живущие на свободе. Однажды в Берне один молоденький козерог без разбега вскочил на голову

взрослого мужчины и твердо удержался на ней всеми своими четырьмя копытами. Другого видели стоящим всеми ногами на верхушке столба; случалось также видеть, как козероги взбирались по отвесной стене, не имея других точек опоры, кроме выступов, образовавшихся от обвалившейся штукатурки.

Голос козерога похож на свист серны, только гораздо протяжнее; в испуге он издает короткое чихание, в гневе фыркает. Питается горными растениями, очень любит соль.

Пойманные молодыми, козероги скоро становятся ручными, но, придя в возраст, теряют это качество, превращаясь в злых, упрямых животных. Такого же характера и потомство от дикого козерога и домашней козы. Поэтому опыты разведения их всегда кончались неудачей: приходилось резать все такое потомство, иначе не было сладу с этими животными.

Пиренейский козерог—величиной с альпийского, но имеет более закрученные рога. Преобладающая окраска—светло-бурая, к которой примешиваются черные волосы в некоторых частях тела и белые (внизу, сзади). Подобно своему альпийскому собрату, и это животное в настоящую время быстро исчезает вследствие усиленного преследования со стороны охотников.

Козлы (*Hircus*), в тесном смысле этого слова, в общем немного меньше козерогов; рога их сплюснуты, у самцов острее и снабжены поперечными буграми, у самок—кольчатые или сморщенные. Во всем остальном козлы похожи на козерогов.

Происхождение **домашнего козла**, как и остальных домашних животных, до сих пор не выяснено.

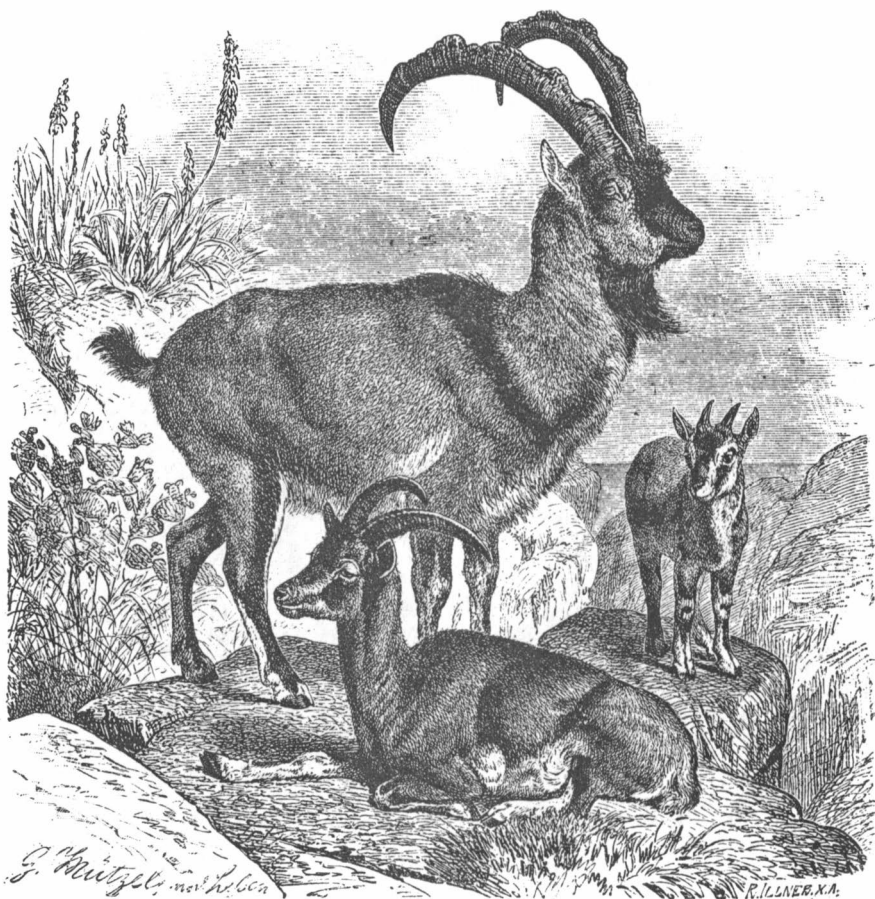
Многие считают его потомком **безоарового**, или **дикого козла** (*C. aegagrus*), распространенного в Малой Азии, Персии и Афганистане, на острове Крите и пр. Этот козел—1,5 м длины, при высоте в зашейке 95 см; большие, сильные рога достигают 40—80 см длины. Общая окраска—светлая рыжевато-серая или ржаво-буровато-желтая. По образу жизни, нраву и характеру живо напоминает козерога. Мясо

его нежное, мягкое, мех идет на коврики для молитв (у мусульман), а рога—на сабельные эфесы, пороховницы и пр.

Затем, нужно еще упомянуть о **винторогом козле** (*C. falconeri*), величиной с альпийского козерога. Он отличается тяжелыми винтообразно закрученными рогами и удлиненной спереди шерстью, принимающей вид гривы, у старых самцов волосы висят часто до ступней. Общая окраска—летом светло-чалая, борода же темно-бурая; зимой мех светлее. Водится этот вид в Западных Гималаях и Афганистане.

Что касается, наконец, пород домашних козлов, то их так много, что нет возможности и описать. Одна из самых благородных—**ангорская**

коза (*C. hircus angorensis*) с длинными рогами и роскошным, длинным тонким, мягким, блестящим, шелковистым, курчавым мехом, ради которого ее и разводят в Анатолии (в Малой Азии). Название эта порода получила от маленького анатолийского городка Ангоры, который был известен еще древним.

Безоаровый козел (*Capra aegagrus*)

Для ангорской козы необходим чистый, сухой воздух. Летом в Анатолии руно моют и чешут по несколько раз в месяц, чтобы поддержать его красоту и вызвать лучший рост. По-видимому, эту ценную породу можно отлично развести в Испании, Алжире, а также в Капской колонии. Опыты уже производились и дали блестящие результаты, так что в Капской колонии дело это поставлено на широкую ногу.

Почти так же драгоценна и **кашмирская коза** (*C. h. laniger*), довольно маленькое, но очень стройное животное, до 1,5 м длины,

при высоте в плечах 60 см, с висячими ушами, немного длиннее половины головы, и винтообразными рогами. Водится

от Тибета до киргизских степей, доставляя мягкий, нежный пух. Этот вид развели теперь во Франции и в России, в оренбургских степях: в последнем месте готовят очень легкие и тонкие «оренбургские» платки.

нец, упомянем еще о **нильской козе** (*C. h. aegyptica*), с гладким, ровным, ярко-рыже-бурым мехом, разводимой в нижней Нильской долине, и **карликовой козе** (*C. h. reversa*), не более 70 см длины при 50 см высоты и около 1½ пуда весом.

Ангорская коза (*Capra hircus angorensis*)

Похожа на кашмирскую по своему длинно-волосому меху **мамбрийская коза** (*C. h. taurica*), из Сирии, но отличается своими ушами в 1½ раза длиннее головы. Нако-

Короткий, густой мех — темной окраски, в которой преобладают смешанные черный и рыжевато-чалый цвета с белыми пятнами. Водится между Белым Нилом и Нигером.

Все вообще козы созданы для гор, и чем последняя круче, уединеннее и недоступнее, тем лучше они чувствуют себя там. По характеру коза — резвое, веселое, любопытное, задорное создание, способное доставить много удовольствия наблюдателю. «Уже двухнедельная козочка, — говорит Ленц, — проявляет большую охоту к удивительным прыжкам и отваживается на всякие опасные

восхождения. Инстинкт влечет ее к высоким предметам,—и самое большое удовольствие для нее—лазать на кучу дров, взбираться по стенам, лестницам» и пр. Козел, напротив, проявляет важность и сановитость, что не мешает ему, впрочем, не упускать ни одного случая подраться. Эти животные легко привязываются к человеку и, при ласковом обращении, охотно выучиваются от него разным фокусам. В горах Испании козлов держат, благодаря их уму, в качестве проводников для овечьих стад, и пастухи вполне полагаются на этих вожаков. Почти везде коз предоставляют своей воле и только местами загоняют по вечерам домой, для защиты от хищных зверей. Нередко в Африке такие козы взбираются на деревья и там спокойно ощипывают нежные побеги. Особенную ловкость в этом отношении проявляет карликовая коза, для которой достаточно какого-нибудь косо наклонного ствола, чтобы по нему взобраться на самую верхушку.

Кроме Старого Света, домашние козы распространены теперь и в Новом, даже в Австралии; в объяснение такой широкой распространенности нужно заметить, что содержание коз—вообще чрезвычайно дешево, между тем польза большая: кроме шерсти хорошая коза может дать до 1200 бут. молока в год.

Представителем группы **полукозлов** (*Hemitragus*) считают **тара** (*C. jemlaica*),

красивое, рослое, безбородое животное, водящееся по вершинам Гималайских гор, до 1,8 м длины при 87 см высоты в зашейке. Шея, передние бедра и задние бока его покрыты длинной (до 30 см) гривой; общий цвет—беловато-чало-бурый, с темными пятнами. По характеру и привычкам это—настоящий козел. Пойманные молодыми, тары скоро превращаются в настоящих домашних животных.

Вторая группа, **бараны** (*Ovis*), по строению тела похожи на козлов, по характеру же только дикие виды представляют некоторое сходство с козлами. В общем бараны отличаются от козлов присутствием слезных ямок, плоским лбом, угловатыми, почти трехгранными, спирально закрученными рогами с поперечными складками и отсутствием бороды. Дикие бараны живут на горах северного полушария (от Азии до Ю. Европы и Африки и в Сев. Америке). Пища их состоит из свежей травы летом и мха, лишая и сухой травы—зимой. Подобно козлу, дикий баран также проворен, резв, ловок, смел, умен и задорен; напротив, домашний представляет глуповатое создание, трусливо убегающее от последней шавки. Целое стадо, испугавшись какого-нибудь безобидного животного, слепо кидается за своим вожаком, не обращая внимания, свалится ли оно в бездонную пропасть или шумный поток. В общем домашние бараны—кротки, миролюбивы и равнодушны даже к собственным детям, тогда как дикие отчаянно защищают своих детенышей от всякого врага. Самки приносят 1—4 детенышей, которые вскоре после рождения в состоянии следовать за своими родителями. В противоположность диким козлам дикие бараны легко приручаются и, размножаясь в неволе, скоро превращаются в настоящих домашних животных.

Из диких баранов **гривистый баран** (*Ovis montanus*) больше всего на-

поминает по виду, а также по отсутствию слезных ямок козлов. Длинная грива,

а также большие, выразительные глаза, благодаря своей бронзового цвета радужной оболочке, из которой рельефно выступает поперек стоящий зрачок, придают этому животному замечательный вид. Общая окраска его — чало-рыже-бурая. Длина до 1,9 м, включая 25 см хвост, высота до 1 м, рога длиной до 70 см, у овцы — 40. Встречается в Атласских горах, на Верхнем Ниле и в Абиссинии, предпочитая высочайшие карнизы гор, куда можно проник-

пельно-серую, а на животе в белую. Зимой мех принимает каштаново-бурый цвет. В противоположность гривистому барану муфлон живет стадами, под предводительством сильных самцов; животное это очень пугливо и вместе с тем подвижно и ловко; подобно козлам, оно забирается на самые неприступные скалы, так что охота за ним не легка. В неволе пойманные молодые муфлоны скоро ручнеют и охотно скрещиваются с домашними овцами. Даже и старые

Гривистый баран (*Ovis tragelaphus*)

нуть только через целый лабиринт обломков скал и нагроможденных валунов. Вследствие этого охота на него в высшей степени трудна и опасна. Встречается большей частью поодиночке.

Двумя градусами севернее гривистого барана, именно на горах Сардинии и Корсики, живет муфлон (*Ovis musimon*), единственный дикий баран, обитающий в Европе. Длина его достигает 1,25 м, считая 10 см хвост, при высоте в 70 см и весе в $2\frac{1}{2}$ —3 пуда. Рога длиной до 65 см и весом 10—12 фунт. Довольно короткий и густой мех, за исключением груди, где образуется вроде гривы, имеет красно-рыжую окраску, которая на голове переходит в пе-

бараны легко переносят потерю свободы, только остаются дикими и пугливыми.

В Средней Азии и Сев. Америке обитают самые большие породы диких баранов, отличающиеся сильными рогами и высокими ногами. Таков аргали монголов, или аркар киргизов (*Ovis argali*), достигающий длины 1,93 м, при высоте 1,12 м, с могучими трехгранными широкими рогами в 1,22 м. Преобладающий цвет шерсти — матовый бледно-серый, темнеющий на морде и животе. Область распространения его простирается от гор Акмолинского округа до юго-восточного склона монгольского плоскогорья и от Алтая до Алатау. Бродят эти бараны поодиночке или небольшими пар-

тиями в 3—5 голов. Рано утром они покидают свои неприступные скалы, где проводят ночь, и спускаются к подошве гор, на пастбище, затем в полдень взбираются на крутые склоны и предаются покою, а перед вечером еще раз спускаются вниз—на водопой. Зимой они довольствуются мхом, лишаями и сухой травой. По остроте чувств,

шерсть образует вокруг шеи как бы гриву, до 13 см длины; морда и низ туловища—белые. По образу жизни качкар похож на аргали.

Дикого барана, живущего на Камчатке, часто считают сходным с американским **толсторогим бараном** (*Ovis montana*), между тем он отличается от

Муфлон (*Ovis musimon*)

живости характера, резвости, пугливости и осторожности аргали напоминает диких козлов, но характер его более мирный; он легко уживается в неволе и, без сомнения, может стать вполне домашним животным.

Далее к югу, в области Тянь-Шаня, в Тибете, на Памире и пр. аргали заменяется другим видом, **качкар** (*Ovis polii*), достигающим длины почти 1 саж., при высоте в 1½ арш. и весе около 14 пудов. Трехгранные, глубоко закрученные вниз рога—до 2 арш. по изгибу. Монголы уверяют, что они так сильно вырастают, что выступают перед ртом животного, препятствуя ему брать пищу,—и такой баран обрекается на голодную смерть. Сивая или светло-бурая

последнего рогами, хотя и похожими, но заметно слабее развитыми. Толсторогий баран живет от 68° с. ш. до 40° в скалистых горах и далее на западе, в самых диких и недоступных горах. Для него оказываются безопасными дорогами самые узкие карнизы скал; пещеры и гроты дают ему убежища, трава—подходящую пищу, а места с солью служат для удовлетворения потребности, присущей вообще всем животным. Длина барана почти 1 саж., считая 12 см на хвост, при высоте в 1½ арш. и весе в 8 пуд.; самки—меньше. Толстые, могучие рога имеют до 70 см длины, в обхвате—35; в разрезе они представляют острые ребра, тогда как у аргали—более плоского

вида. Толстая, хотя и мягкая на ощупь шерсть совсем не похожа на овечье руно, слегка волниста; волоса не более 5 см длины. Преобладающая окраска — грязно-серо-бурая; зад — белый. По образу жизни толсторогие бараны не отличаются ничем существен-

ным от своих сородичей и даже козеров: так же отлично бегают по скалам, так же осторожны, пугливы и, подобно другим диким баранам, легко скрещиваются с домашними овцами, давая плодовитое потомство.

Относительно пород домашних овец приходится сказать то же, что и о домашних козах: праотец их также неизвестен, а пород также много. Важнейшей и наиболее выгодной породой считаются **мериносы** (*O. aries hispanica*), приобретшие, как известно, в Испании свои отличительные признаки и послужившие для облагораживания почти всех европейских пород. Они — средней величины, плотного сложения и отличаются большой, плосколобой и горбоносой головой, с тупой мордой, маленькими глазами и большими слезными ямками; уши — средней величины, острые; крепкие рога (только у баранов) загнуты двойным винтом; шея короткая, толстая, с глубокими складками и подгрудком; ноги — сравнительно низкие, но крепкие и сильные, с тупыми копытами; чрезвычайно густое руно, состоящее из короткой, мягкой и тонкой ости, очень правильно вьется.

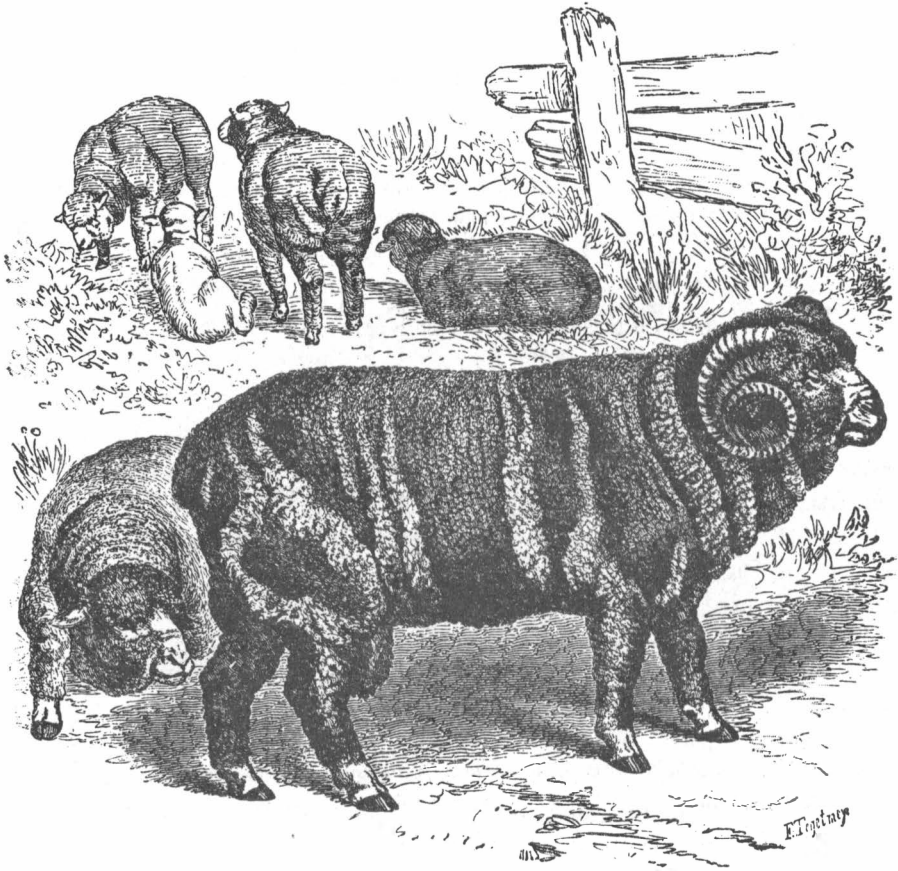
Затем, нужно еще упомянуть о **курдючной**, или **жирихвостой**, овце (*O. aries steatopyga*), которую в несметном количестве разводят во Внутренней Азии и Северо-Восточной Африке. Это — довольно большое животное, с маленькими рогами, не курчавым, грубым руно, которое нельзя ткать, и отвесными ушами. Ягнята покрыты нежным, мягким мехом. В Африке встречается преимущественно так назыв. черноголовая овца с небольшими рогами, в Туркмении и Киргизских степях — другие, без-

рогие породы. Курдюк у туркменских пород не особенно развит; любимое пастбище — солончаки, и тем не менее эти овцы дают отличное мясо, а молодые ягнята — красивый, дорогой мех («мерлушка»). Разводят преимущественно белых и черных овец. Киргизская овца — большого роста, плотного сложения, с довольно высокими ногами, с выпуклым носом и отвислыми ушами; вес ее — до 5 пуд. Грубая шерсть ее идет на кошмы (войлок), находящий широкое применение в жизни киргиза.

Домашняя овца — в общем спокойное, терпеливое, кроткое, лишенное воли, трусливое животное, которое бы совсем пропало, не приди человек на помощь к ней. От всякого неведомого звука пугается целое стадо; молния, гром, буря и гроза совсем лишают их присутствия духа. От этого в степях России и Азии пастухам приходится много терпеть с такими животными. Вот рассказ одного пастуха, передававшего Колю бедствия, испытанные им со стадом овец в снежную бурю.

«Мы пасли сам-семь наше стадо в 2000 овец и 150 коз в степях под Очаковым. В первый раз мы выгнали стадо в марте; когда показалась уже молодая трава, погода была хорошая; но к вечеру пошел дождь и поднялся холодный ветер, а спустя несколько часов по закате солнца забушевала настоящая снежная буря, так что мы перестали видеть и слышать. Овчарни и жилище находились недалеко от нас, мы было и стали гнать туда стадо, но ветер гнал обезумевших животных в обратную сторону. Тогда нам пришлось в голову повернуть козлов, за которыми привыкло следовать стадо, но и

те не слушались нас; а овцы теснились, давили друг друга и все больше и больше отдалялись от жилья. Когда наступило утро, мы уже ничего не видели вокруг себя, кроме снега и мрачной, бурной пустыни. Бешеная буря продолжалась,—и нам пришлось отдаться на произвол судьбы: мы сами шли во главе, за нами—блеющая и кричащая куча овец, далее—рысью быки с возом,

Мериносая овца (*Ovis aries hispanica*)

нагруженным припасами, за ними—стая наших воющих собак. В этот день исчезли наши козы, и путь был устлан околелшими животными. Настала новая мучительная ночь. Мы знали, что буря гонит нас как раз на крутой обрыв морского берега, и со страхом ожидали, что вот-вот свалимся с него вместе с глупым стадом. Наконец, с наступлением дня мы заметили в стороне сквозь снежный туман несколько домов. Они были всего шагах в 30 от нас, но обезумевшие овцы не обратили на это внимания и продолжали двигаться по направлению ветра, устилая путь своими трупами. К счастью, лай наших собак привлек внимание обитателей домов,—это были колонисты. Они броси-

лись навстречу нашим овцам, поволокли передовых и мало-помалу направили стадо к своим жилищам. Но тут явилась другая беда: едва животные заметили защиту, которую доставляли им дворы и кучи соломы, как стали бешено толпиться, давить друг друга и скучиваться, как будто злой дух бури все еще гнался за ними. Мы потеряли тогда до 500 овец...»

Точно так же ведут себя овцы в деревне во время сильных гроз, при наводнениях или пожарах. Во время грозы они скучиваются, и их невозможно сдвинуть с места. «Если молния ударит в стадо,—пишет Ленц,—то сразу погибают многие; если загорается овчарня, то овцы не выбегают из нее или даже прямо кидаются в огонь».

Эти факты во многом характеризуют овцу. Конечно, и она не лишена некоторых умственных способностей: она знает своего хозяина, следует его зову, по-видимому, любит игру пастухов на рожках, но все-таки ей далеко до умной, живой козы.

В Европе (на севере и юге) овец преследуют волки, в Азии, Африке и Америке —

дикие кошки и дикие собаки, в Австралии — крупные сумчатые хищники. Ягнятам опасны орлы и ягнятники. Зато овцы, меньше всего защищенные от врагов, мало подвержены болезням, чем и уравновешиваются потери среди них. Доживают овцы до 14 лет, но уже в 8—9 лет лишаются всех зубов, и их следует резать.

На далеком севере, в тех безотрадных странах, где земля только летом немного оттаивает на поверхности, где широко протянулись моховые и лишайные тундры, рядом с северным оленем бродит еще другое жвачное — **овцебык**, или **мускусный бык** (*Ovibos moschatus*), когда-то распространенный в Северной Европе и Азии, а теперь встречающийся только в Сев. Америке и близлежащих полярных островах, начиная с 60° с. ш. и далее на север. Это странное животное, до 2,44 м длины, считая 7 см хвост, при высоте в 1,1 м, соединяет в себе признаки овец и быков. Короткий хвост, отсутствие подгрудка и голого пятна на морде и неодинокое копыта делают его похожим на овцу, размеры же, сила и храбрость — как у быков. Сильное туловище, покоящееся на коротких, крепких ногах, покрыто необыкновенно густым мехом, верхняя часть морды и ноги — также. Довольно толстые волосы ости образуют на груди гриву, почти до земли, а по бокам, особенно сзади, спускаются до копыт в виде длинной бахромы. Грива — гладкая, остальной же мех — волнистый. Кроме морды и ног, между остью замечается обильный подшерсток. Общий цвет меха — темно-бурый, местами — светло-серый. Водятся овцы стадами в несколько десятков голов и, несмотря на свою неуклюжую фигуру, двигаются с ловкостью антилоп. Подобно козам, они лазают по скалам, без всяких усилий взбираются на крутые стены и без головокружения смотрят с высоты вниз. «В 3—4 минуты,—говорит Копеланд,—преследуемые нами овцебыки поднялись по крутой базальтовой скале на высоту 150 м, а нам на это потребовалось не менее получаса...»

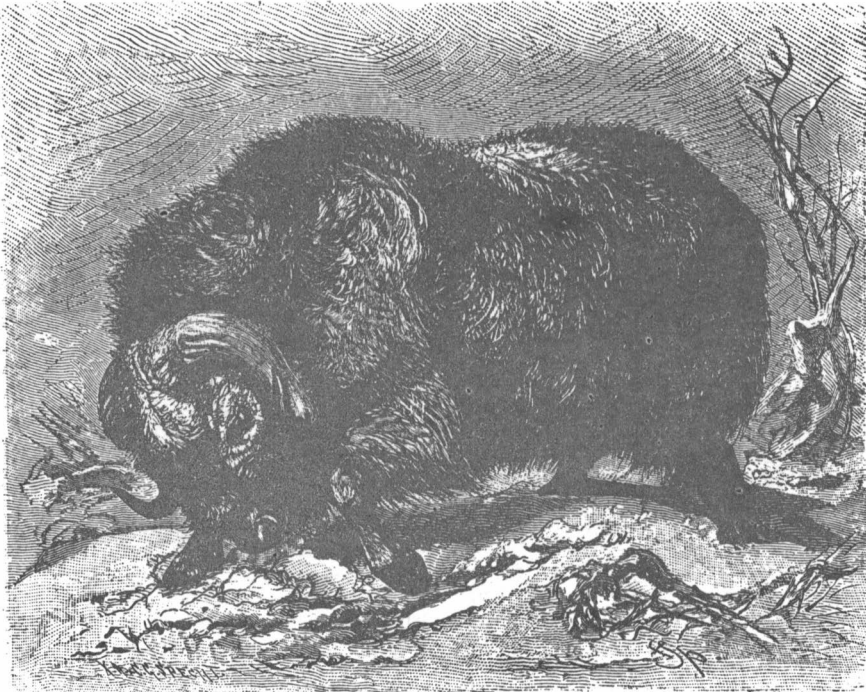
Что касается умственных способностей и остроты внешних чувств этого животного, то едва ли можно сомневаться в их сла-

бом развитии: маленькие глаза с тупым выражением не говорят об особенном развитии зрения, почти спрятанные в мехе

уши также мало свидетельствуют о тонкости слуха. Напротив, обоняние, вкус и осязание едва ли развиты слабее, чем у быков. Умственные способности также не особенно развиты, хотя вовсе уже не так слабо, как говорили прежде. Дело в том, что пока овцебык мало еще знает смертоносную силу оружия человека, он обнаруживает, подобно многим другим диким животным, любопытство и отчасти смущение. Бывали случаи, что целое стадо овцебыков позволяло перестрелять себя до последнего. Но, узнав в че-

ловеке опасного врага, овцебык стал крайне пуглив, а раненый овцебык приходит в настоящее бешенство; тогда человеку грозит серьезная опасность от его страшных рогов, тем более что и пуля в лоб не берет его, а только сплющивается в лепешку.

Охотятся на овцебыков из-за мяса и шерсти. Последняя так тонка, что из нее можно бы выработать превосходные ткани; из хвостов эскимосы готовят опашала от мух, а из кожи—хорошую обувь.

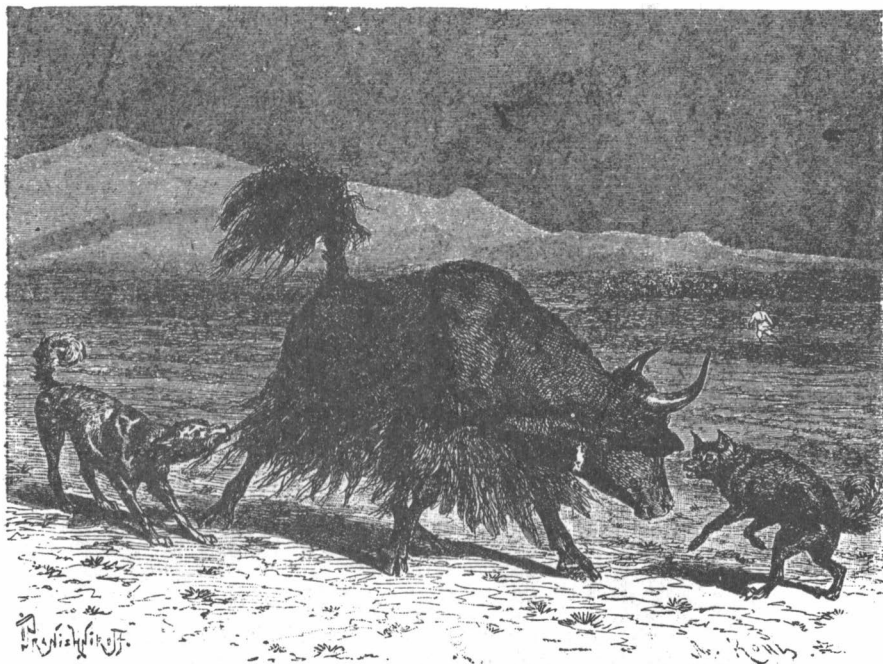

Овцебык (*Ovibos moschatus*)

Группу **быков** (*Bovinae*), распространенных в настоящее время благодаря человеку по всем частям земного шара, составляют большие, сильные, неуклюжие жвачные, имеющие более или менее круглые и гладкие рога, широкую морду с далеко отстоящими одна от другой ноздрями, длинный, до пяточного сустава, хвост, с кистью на конце, и часто—отвислый подгрудок. Слезных ямок нет; вымя у самок с 4 сосками, кости грубые, толстые. Все быки кажутся неуклюжими, на самом же деле—очень проворны и ловки; все хорошо плавают, живущие на горах отлично лазают. По характеру—большей частью кротки и доверчивы, но, придя в раздражение, не знают пощады. Особенно

горячо защищают самки своих детенышей. Все виды поддаются приручению и охотно подчиняются человеку, которому служат и мясом, и молоком, даже шерстью и навозом.

Один из самых диких и сильных быков—як (*Bos grunniens*), или длинношерстный, иначе монгольский, бык, населяющий возвышенности Монголии, Тибета и Туркестана. Он представляет собой одно из самых странных животных не только Азии, но, пожалуй, и всего Старого Света. Начать хотя бы с того, что он водится только на отчаянной высоте, куда тяжело взбираться

Як (*Bos grunniens*)

и ламе, а не только обыкновенному животному. Ниже 8000 футов над уровнем моря он уже чувствует себя нехорошо; обыкновенная же излюбленная им область распространения лежит между этой высотой и 20000 футов!! Что может он найти там, кроме вечных снегов, льдов да—изредка—лишаев и мхов?! Нужно вспомнить еще, что на этих высотах давление воздуха вдвое меньше, чем на уровне моря. При таких условиях едва ли может жить и птица, а между тем як, такое крупное млекопитающее,—длина его доходит до сажени,—не только не страдает здесь, а, напротив, тоскует, когда силой заставляют его спускаться с этих высот.

Такому странному свойству яка вполне отвечает и необыкновенная наружность животного: это какая-то невообразимая смесь зубра, быка, лошади, козы и

барана. Красивые, круглые формы и пушистый хвост сильно напоминают лошадь; по своей длинной шерсти, которая иногда волочится по земле, он похож на козу и барана; голова, украшенная двумя сильными, серпообразно загнутыми рогами,—бычачья, а сильное мускулистое тело как будто взято у буйвола или зубра. Густая шерсть покрывает его голову, плечи, загривок, бока, бедра и верхнюю часть ног в виде длинных жестких, косматых волос, обыкновенно черного цвета. На хвосте волосы особенно удлиняются (до 2—3 фут.) и образуют мягкое опахало.

Чтобы дополнить характеристику этого животного, остается упомянуть о голосе, который тоже как раз под стать странной наружности яка: это—не бляение овцы, не мычанье быка, не ржание лошади, а нечто вроде хрюканья свиньи, но глуше и однообразнее его.

Несмотря на всю неприступность пастбищ и свирепость нрава свободолюбивого быка, за ним охотятся очень усердно, причем главной приманкой служит пышный хвост яка, который издавна ценится туземцами Азии: турки выделывают из него так называемые бунчуки, индусы—опахала и украшения для верховых слонов, китайцы носят его в виде кистей на летних шляпах.

Охота на яка сопряжена с большими опасностями. Подобно всем свободным быкам, як отличается страшной свирепостью и силой и дерется с отчаянным мужеством, когда его вызывают на бой. Промах может стоить жизни злополучному стрелку, так как животное отлично лазит по горам и двигается слишком быстро, чтобы не догнать человека. А тогда последний не жди пощады... Рассвирепевший бык вдоволь налетит на беззащитного врага.

Впрочем, к чести жителей Азиатских гор следует заметить, что они не ограничиваются охотой на яка, а постарались воспользоваться им и в качестве домашнего животного, тем более что пойманные в молодости яки свыкаются с неволей и скрещиваются с другими представителями бычьего рода. Теперь в Индии, на Алтае, на Становом хребте, в Ладаке, Тибете и Монголии бродят целые стада одомашненных яков. Содержание их решительно ничего не стоит хозяевам; не нужно ни хлебов, ни корма, так как даже в самые снежные зимы яки сумеют найти себе корм, разгребая снег ногами.

Одомашненный як служит теперь для перевозки тяжестей и езды верхом, а в некоторых местах—и для пахоты. Он может нести до 400 фунтов клади по самым трудным тропинкам и снежным полям. В этом случае як незаменим. Единственный недостаток его—неподатливость и упрямство.

«Нелегко,—пишет Шлагинтвейт,—нагрузить яка и сесть на него; прежде чем заставить его стоять спокойно, он долго вертится и прыгает. В долинах, у подошвы гор, где он идет, опустив голову и закрутив хвост, управлять им чрезвычайно трудно; но при переходе крутых, опасных мест, едва ли есть другое животное, превосходящее его в спокойствии и верности шага. Правда, сначала езdek пугается странной привычки животного идти всегда по самому краю узких тропинок (что дает, однако, возможность видеть дорогу на большом расстоянии); но вскоре всякий страх исчезает перед верностью и твердостью движений яка».

Понятно отсюда, как должны нагорные жители дорожить этим сильным, неприхотливым и выносливым животным.

На западе России, в южной части древней Литвы, в Гродненской губернии находится одна интересная местность, которая пользуется всесветной известностью. Это—знаменитая Беловежская пуца*, настоящий северный первобытный лес,

* «Пуцями» называются в Западном крае большие лесные дачи.

занимающий площадь в 2000 кв. км. Здесь, среди непроходимых лесных дебрей, водится величайшее европейское млекопитающее— зубр (*Bos bison*), когда-то населявший всю Европу и большую часть Азии, а теперь почти везде исчезнувший. В настоящее время зубры встречаются, кроме Беловежа, только на внутренних горных цепях Кавказа и по берегам озера Куку-Нор в Средней Азии. Но кавказский и азиатский зубры недостаточно изучены, так что приходится говорить только о беловежском.

Последний представляет собой мощное животное более 3 метров (1,5 саж.) длины и около 1,5 метра (более 2 арш.) высоты, 30—40 пудов весом. При первом взгляде на этого богатыря бросается в глаза мохнатый горб, как у американского бизона, происходящий от чрезвычайного развития спинных позвонков. Этот горб, а также мохнатая, густая светло-бурая грива и длинная борода придают зубру свирепый вид; а широкая грудь, крепкая голова, снабженная длинными (в $1\frac{1}{2}$ фута) изогнутыми рогами, убеждают в необычайной силе животного. В общем, зубр—коренастого, но неуклюжего телосложения, последнее, впрочем, не мешает ему быстро бегать. Что касается органов чувств, то лучше всего развито у зубра обоняние и слух: можно ходить целыми днями по свежим следам зубра и не видеть самого животного, так как он уже издали чувствует приближение человека и поспешно убегает, хрюкая наподобие свиньи.

Легче всего застать зубра около водопоев, но и тут нужно взобраться на высокое дерево, чтобы не дать знать о себе чуткому животному. Беловежские зубры живут в течение теплого времени в самых глухих уголках пуши, где-нибудь около болота или ручья. Летом они питаются подножным кормом, особенно любят один душистый злак—зубровку, едят также листья, почки и кору лиственных деревьев, преимущественно ясеня. Зимой им приходится довольствоваться исключительно древесной пищей. Поэтому, чувствуя недостаток ее, они покидают свое уединение и начинают бродить с места на место. Для прокормления их лесное управление пуши выставляет в разных местах стоги сена. Не довольствуясь, однако, этим, зубры пробираются иногда в крестьянские усадьбы и, сломав изгородь, съедают крестьянское сено. А один старый зубр овладел большой дорогой, проходящей через пушу из Бреста в Гродно, и не пропускал ни одного экипажа, пока ему не давали сена. Если же ему отказывали в этой дани, то он приходил в сильную ярость и разбивал экипажи.

Переходами зубров с одного места на другое пользуются для того, чтобы определить приблизительно число их. Для этого считают выходные и входные следы в известном урочище. Животные ночью переходят из квартала в квартал, а на другой день счетчики обходят по просекам кварталы и определяют по характерным следам, ясно видимым на свежем снегу, число вошедших и вышедших зубров. Числа эти отмечают, а потом по разностям входных и выходных следов в каждом квартале определяется общее число

Зубр (*Bos bison*)

зубров. Понятно, что получаемая при таком способе счета цифра всегда будет лишь приблизительной. В настоящее время полагают, что зубров осталось до 700 штук; впрочем, по словам Фризе, их даже 1500.

Несмотря на все заботы, которые прилагает наше правительство к сохранению зубров (запрещение охоты на них, кормление и проч.), эти животные, видимо, предназначены к исчезновению, так как зубров родится год от году меньше. Главная причина этого — слабая плодовитость. Зубр рождает только раз в три года, причем быков постоянно является гораздо больше, чем коров.

Период любви наступает в августе или сентябре. Тут зубры забавляются своеобразными играми: они борются, бегают вперегонку, вырывают с корнем деревья и т. д. Затем они начинают драться, сначала шутя, потом все серьезнее и серьезнее, наконец, бешено кидаются друг на друга. Победителями в этих боях остаются сильные быки, живущие большую часть времени в одиночку. Самки телятся в мае или июне. Перед этим они отправляются в уединенную часть леса, где остаются до тех пор, пока телята не подрастут несколько, затем снова присоединяются к стаду, от которого в то же время отделяются старые быки — «одинцы», или отшельники. Матери самоотверженно защищают своих детиж от всякой опасности и вообще выказывают трогательную заботливость о них. Телята — премилые, грациозные создания, отличающиеся живым, игривым нравом. С годами их характер меняется. Наконец, достигнув полного развития (на 8—9 году), зубр приобретает сумрачный, свирепый нрав и становится недоверчив, дик, упрям, вспыльчив и уже совсем не расположен к играм. Хотя зубры обыкновенно и не пугаются людей, если не беспокоит их, но малейший повод может раздражить их и привести в сильнейшую ярость: охваченный гневом, зубр бросается тогда вперед, не разбирая ничего, вращая воспаленными глазами и высунув свой синевато-красный язык, и беда тому, кто не успеет вовремя спрятаться за толстое дерево. Летом зубры вообще избегают человека, но зимой не уступают никому дороги, и случилось не раз, что крестьянам приходилось долго ждать, пока зубру заблагорассудится уйти с занятой им дороги.

Возраст, до которого достигают зубры, колеблется вообще между 30 и 50 годами. Коровы умирают лет на 10 раньше быков. Но и последние делаются в старости совершенно беспомощны: они слепнут и лишаются зубов, поэтому не способны питаться надлежащим образом. Оттого они быстро слабеют и, наконец, околевают.

Желая предотвратить исчезновение зубров, думали было одомашнить их или скрестить с коровами. Но большая часть попыток этого рода кончалась неудачами. Даже вскормленные коровами зубры отличались смирным характером только в первые годы; с возрастом же всегда проявлялась их природная дикость и неукротимость. Хотя в неволе они выказывают расположение к ухаживающему за ними человеку, но положиться на них нельзя, так как малейшая причина может сделать их крайне опасными. Больше всего зубры привыкают не к человеку, а к месту и положению. Каждая перемена в положении сейчас же изменяет их хорошее настроение духа.

В 1863 году из Гатчинского зверинца перевозили ручного зубра в Москву, на Акклиматизационную выставку. Так как животное упрямылось и не хотело покинуть своего помещения, то на него накинута была мертвую петлю на канате. Но зубр так рванулся, что все 15 человек, державшие канат, упали на землю. Однако петля затянулась; зубр стал хрипеть. Тогда одним ремнем стянули ему передние ноги, другим — задние, затем положили в узкий ящик, впереди которого была приделана кормушка. За время переезда зубр до того привык к своему не совсем удобному помещению, что в Москве ни за что не хотел выйти из него.

Несмотря, однако, на дикость и недоверчивость, зубры прекрасно уживаются в неволе и даже размножаются сильнее, чем на свободе. Мать чрезвычайно нежно обращается со своим новорожденным, если только его не тронула человеческая рука, — иначе она в ярости убивает его. В Дрездене только что родившийся теленок был подхвачен своим родителем на рога и перебросен через изгородь. Здесь он снова встал на ноги и был принесен к матери, разлученной между тем с быком. Корова, обнюхав теленка и, вероятно, заметив, что к нему уже прикасались человеческие руки, подбросила его вверх и в ярости затоптала.

Что касается до скрещивания зубров, то оно едва ли возможно, так как эти животные и домашний рогатый скот чувствуют друг к другу непреодолимое отвращение. Впрочем, и тут бывают исключения. Одному быку-зубру понравилась домашняя корова, ходившая ежедневно в стаде на пастбище, и он был с ней в такой тесной дружбе, что, к немалому испугу деревенских жителей, не только провожал ее каждый вечер до ворот дома, но и проникал в ее хлев. Наконец, люди привыкли к этим нежным отношениям, позволяли ему входить в хлев и каждое утро выгоняли зубра вместе с коровой на пастбище.

Та же участь, какой подвергся зубр в течение столетий, постигла его единственного родича, **бизона** (*Bos americanus*), в невероятно короткий срок. Несколько десятков лет по необозримым равнинам Сев. Америки паслись целые миллионы этих мощных животных, а в настоящее время бродит лишь несколько сотен. Свыше 50 тысяч индейцев, существование которых отчасти или всецело зависело от бизонов, были бы обречены на голодную смерть, если бы правительство Соединенных Штатов не помогало им.

Подобно зубру в Европе, бизон — величайшее из американских сухопутных млекопитающих. Длина быка доходит до $1\frac{1}{2}$ саж. (3 м), не считая хвоста в $\frac{3}{4}$ арш., высота — около 1 саж. (1,9 м), а вес 40—60 пуд.; коровы значительно меньше. Голова — очень большая, гораздо больше и более широколоба, а также неуклюжее, нежели у зубра; переносье — выпуклое, уши длинные; глаза — небольшие, подслеповатые, темно-карие; туловище, широкое спереди, суживается сзади; ноги сравнительно коротки и очень тонки, копыта и мозолистые пальцы малы и круглы. Рога бизона сильнее, толще, тупее на концах, чем у зубра; мех — одинаковый. В противоположность своему сородичу, бизон нужно считать обитателем степей, называемых в Америке прериями. Здесь они до недавнего времени бродили необозримыми стадами, разделявшимися на отдельные отряды из коров и быков. Летом эти массы животных двигались к югу, а весной возвращались на север. Их путешествия простирались от Канады до берегов Мексикан-

ского залива и от Миссури до Скалистых гор.

Как вольный сын степи, бизон обладает превосходным чутьем и слышит на далекое расстояние, зато видит плохо. По душевным способностям он не отличается от своих сородичей: также добродушен, не очень понятлив и пуглив, но, придя в раздражение, делается страшно смелым. К приручению он вполне способен и мог бы сделаться отличным домашним животным. К сожалению, теперь уже поздно предпринимать подобные опыты, когда животное стало почти таким же редким, как и зубр, и его взяли под охрану законов (в Иеллстонском национальном парке). Оставшиеся же свободными бизоны, бывшие к 1 января 1889 г. в Сев. Америке, вероятно, уже истреблены до одного. Нужно только вспомнить, с каким кровопролитием велись охоты на этого зверя, когда за один день истреблялось по несколько сот голов, чтобы понять быстрое исчезновение этого замечательного животного.

Быки в тесном смысле этого слова, к которым принадлежит крупный рогатый скот, составляют особую группу. Они отличаются широким, плоским лбом, большими рогами и короткой, густой шерстью.

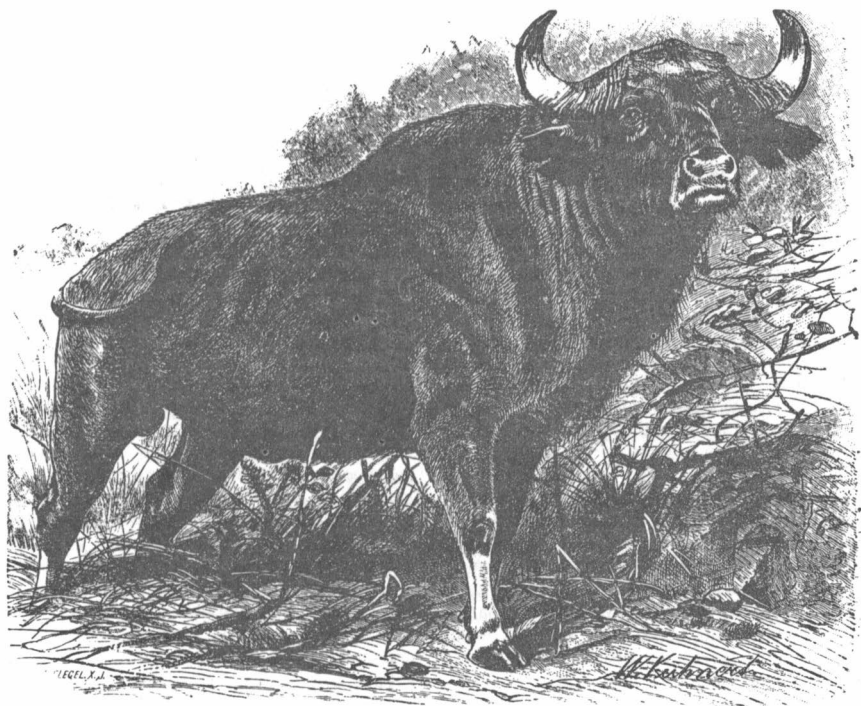
Один из оригинальных быков — **широколобий**, или **гаял** (*Bos frontalis*), живущий в горных странах от Брампутры до Бирмы, длиной до 3,6 м, высо-

той до 1,5 м. Необыкновенно широкий лоб его, составляющий $\frac{2}{3}$ общей длины головы, сразу кидается в глаза. Все части тела в высшей степени пропорциональны, поэтому

бык производит впечатление мощной силы и совершеннейшей красоты. Три-четыре глубоких складки кожи отделяют голову от продольного, толстого, похожего на горб, возвышения, покрывающего шею, загривок и половину спины. Остальная часть туловища очень мясиста. Преобладающая окраска — черная, но на голове есть серые волосы. По живости и проворству гаял — настоящее горное животное и умеет ловко ка-

бурую, местами — в грязно-белую. Длина — 3,8, хвост — 85 см, высота плеч — 1,86 м. Гаор встречается стадами в 10—20 голов во всех заросших лесом горных или холмистых странах Индии. Характер его точно так же спокойный; молодые телята так же нередко ручнеют, как и другие южноазиатские породы диких быков.

Самым красивым из всех диких быков следует признать в настоящее время

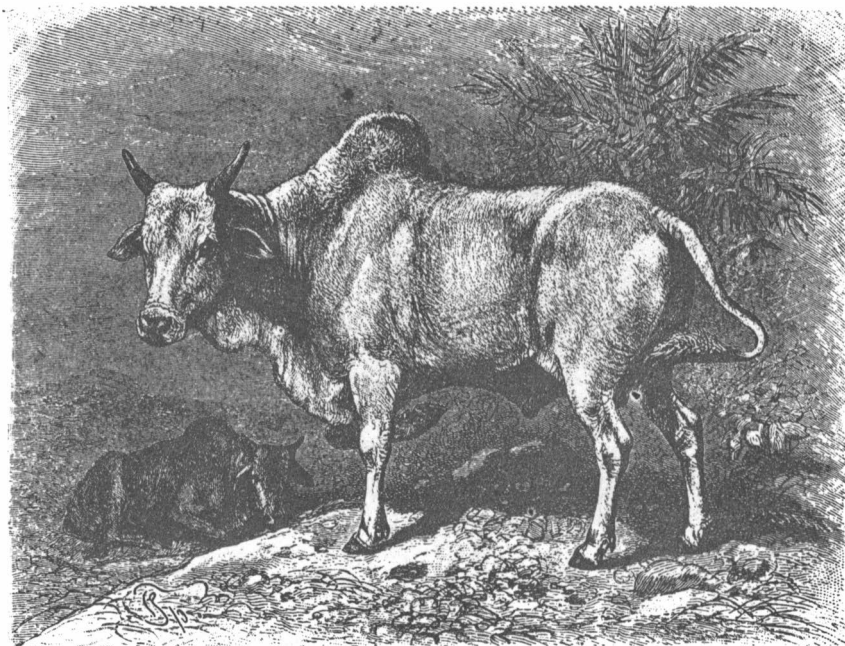
Гаор (*Bos gaur*)

рабкаться по крутым склонам. По характеру это — кроткое, доверчивое животное; но от хищных животных защищается смело, обращая в бегство даже тигра. Индусы с незапамятных времен приручали его, скрещивая с домашними коровами. Гаял дает превосходное молоко. Ловля этих животных происходит или облавой, или посредством заманивания ручными гаялами в загородки.

Другой индийский бык, **гаор**, или **бык джунгай** (*Bos gaur*), походит несколько на зубра и бизона. Подобно им, у него задняя часть короче и ниже передней и от спинного бугра круто спускается вниз; хвост короткий. Преобладающая окраска — темно-коричневая, переходящая местами в желтовато-

бантенга (*Bos banteng*), длиной до $1\frac{1}{2}$ саж. и высот. в 2 арш. (1,5 м), который встречается небольшими стадами в горных лесах Борнео, Явы и Суматры, кроме того, вероятно, на юге Индокитая. Это животное по красоте своего сложения смело может соперничать с антилопой. Голова его небольшая, но широкая, лоб выпуклый, морда на конце несколько вздута, темно-коричневые глаза, большие и блестящие, выказывают дикую отвагу. Общая окраска — темная, серо-бурая, с красноватым оттенком назад; ноги и зад — частью белые. Телята от этих быков скоро ручнеют, а во втором поколении бантенги совсем превращаются в домашний скот.

Относительно происхождения домашних быков точно так же, как и о козах или овцах, трудно сказать что-либо определенное: можно только думать, что крупный рогатый скот во всех 3 частях Старого Света имел не одного общего родоначальника, а несколько различных. Известно также, что в Древнем Египте и Индии уже в ранние времена существовали различные породы домашнего скота. Впоследствии некоторые из них совершенно исчезли или изменились до неузнаваемости, другие, наоборот, сохранили все свои существенные признаки. К последним принадлежат горбатые быки: **занга** (*Bos africanus*),

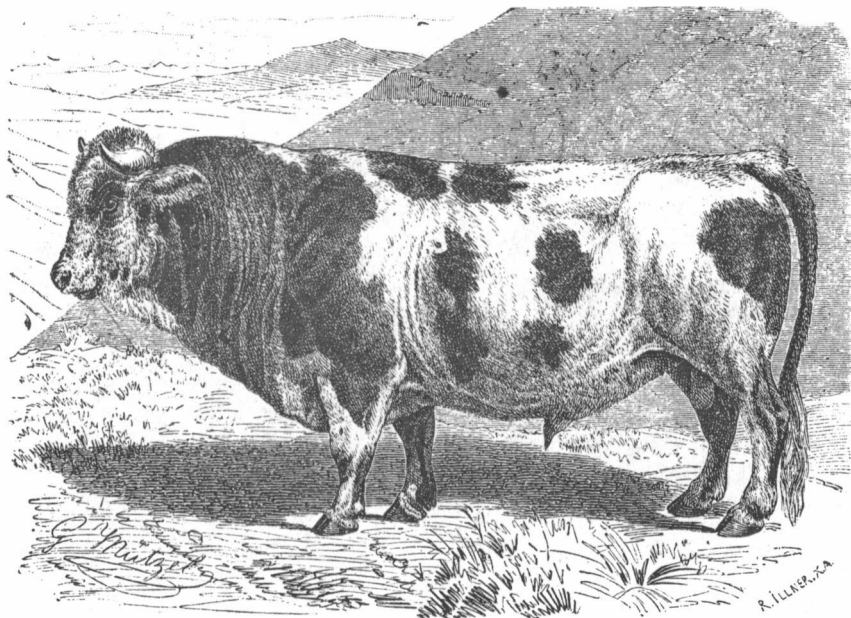
Зебу (*Bos indicus*)

покрытый гладкой, тонкой шерстью каштаново-бурого цвета, и индийский **зебу** (*Bos indicus*), рыжеватой или серовато-бурого цвета, переходящего иногда в бледно-желтый и даже белый. Несколько легче представляется решение вопроса о родоначальнике безгорбой, т.е. нашей, европейской породы рогатого скота. По мнению Рютимейера, в происхождении европейского рогатого скота принимали участие три различных вида диких древних быков, остатки которых найдены в разных частях Европы: **первобытный бык**, **длиннолобый** и **лобастый**. По мнению того же ученого, еще и в настоящее время в Сев. Англии и Шотландии в больших парках существует непосредственное, хотя и выродившееся потомство первобытного быка, это так называемый **шотландский**, или **английский**, **полудикий бык** (*Bos scoticus*) белого цвета.

Настоящих домашних пород так много (до 50), что нет возможности описать их. Укажем только главнейшие: 1) **Фрейбургская**, разводимая в Швейцарии. Животные этой породы отличаются продолговатым туловищем с широким задом, короткой и толстой шеей, коренастыми ногами и длинным, густо опушенным шерстью хвостом. Общая окраска — белая с черными или рыжебурыми пятнами. Дает много молока и прекрасное мясо. 2) **Голландская порода**, говорят, прямая наследница первобытного

отличаются маленькой головой с очень маленькими рогами, короткими ногами и толстым туловищем. Окраска разнообразная. 4) **Степная**, или **черкасская**, порода, разводимая на юге России и отличающаяся мясистой и очень длинными рогами. 5) **Горная швейцарская**, мелкая, неприхотливая, но очень молочная, разводимая теперь во многих странах.

В заключение нужно заметить, что как дикий бык легко ручнеет, так, напротив, домашний скот без призора человека быстро

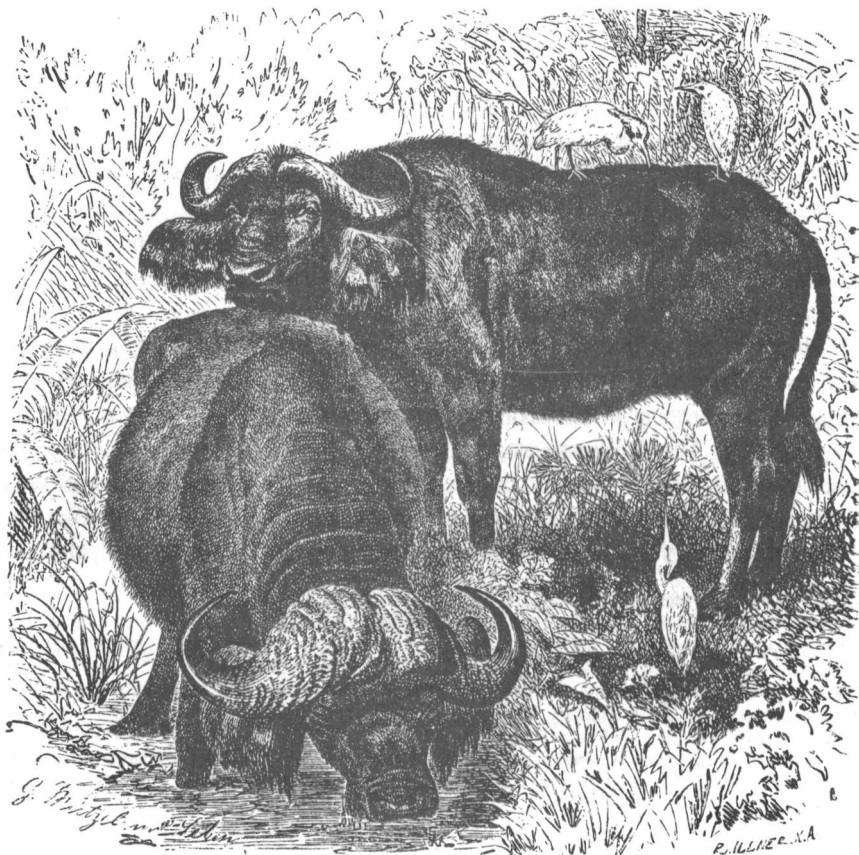
Фрейбургский бык (*Bos taurus friburgensis*)

быка. Большой рост, довольно равномерное развитие всех частей тела и всегда почти одинаковая окраска (пегая) составляют выдающиеся признаки этой породы. Годна для откармливания и молока. От голландской происходит русская **холмогорская** порода. 3) **Дургамская порода**, специально мясная английская. Животные этой породы

дичает. История размножения одичавшего скота в пампасах Ю. Америки достаточно подтверждает это. Да и у нас, в Европе, достаточно оставить молодое животное без присмотра, чтобы оно скоро одичало. Из таких одичавших животных берутся, между прочим, в Испании быки для знаменитых боев.

Буйволы (*Bubalus*), походя на остальных быков, отличаются от них более неуклюжим туловищем, сравнительно короткими ногами, длинным, с кистью, хвостом, широкой головой с низким, выпуклым лбом, сердитыми тусклыми глазами, довольно большими волосатыми ушами, торчащими в стороны, наконец, толстыми, крепкими, бугристыми рогами. Волосистой покров — необыкновенно редок.

Черный, или кафрский, буйвол (*Bos caffer*)—самый сильный и свирепый вид этого рода. Всем складом тела он походит на европейского, домашнего буйвола; только большие размеры да громаднейшие рога отличают его от европейского собрата.

Кафрский буйвол (*Bos caffer*)

Тем удивительнее огромная разница в нравах обоих животных: в то время как домашний буйвол легко слушается даже слабой руки ребенка, его африканский родственник без всякого преувеличения может быть назван ужаснейшим из всех кровожадных обитателей пустынь и лесов Черного материка! Негры боятся его больше, чем самого льва, больше, чем дикого слона, и храбрейшие из них не осмеливаются охотиться за буйволом.

Такой страх обитателей Африки вполне основателен: нет животного более свирепого, более злобного и более коварного, чем «инзумба»,— как называют кафры буйвола. И слон, и лев, и даже ужасный носорог избегают без всякого повода нападать на «царя природы», буйвол же, особенно бешеный буй-

вол-отшельник, сам ищет боя. При этом нападение его всегда так внезапно, преследование так упорно, ярость так неудержима, что горе охотнику, даже вооруженному огнестрельным оружием, если он имел несчастье привлечь на себя внимание ужасного зверя!

Путешественники сообщают множество рассказов о необыкновенной свирепости этого африканского быка.

«Никакое препятствие,—говорит Кольбе,—не может удержать разъяренного буйвола: ни огонь, ни вода, ни целая толпа вооруженных людей. Один молодой человек случайно раздражил буйвола красной курткой, в которую был одет. Свиное животное с страшным ревом бросилось на свою жертву. Не видя вокруг убежища, молодой человек побежал к берегу моря и стал искать спасения в его волнах. Буйвол поплыл ему вслед. Целых полтора часа продолжалось преследование, и только подоспевший корабль прекратил его пушечным выстрелом, убившим преследователя».

Шпарман передает, что нрав буйвола вполне соответствует злобному и коварному выражению его глаз. Завидев охотника, лукавое животное прячется в кустах, затем вдруг выскакивает из засады и, словно ураган, несется на противника. Убив несчастного, буйвол не довольствуется этим и несколько времени топчет и рвет рогами бездыханный труп. Случается даже, что мстительное чудовище возвращается с дороги, чтобы терзать остатки павшего врага. Весьма любопытен в этом отношении следующий случай, рассказанный Драйсоном.

Один кафр, охотясь в лесу, наткнулся на старого буйвола-отшельника и ранил его. Животное бросилось в чащу. Охотник, думая, что ранил его смертельно, стал преследовать «инзумбу» и, пробравшись с трудом по чаще около сотни шагов, нагнулся, чтобы рассмотреть след... В это мгновение он услышал сзади себя шорох, а через секунду уже летел по воздуху от страшного удара рогами... На свое счастье, бедняк упал на тесно переплетенные ветви деревьев и тем спасся от окончательной смерти, поплатившись только двумя-тремя переломленными ребрами. С этой поры кафр закалялся стрелять по буйволу.

«Натальский охотник Киркманн,—рассказывает тот же Драйсон,—охотясь за буйволами, однажды ранил огромного быка и хотел уже новым выстрелом добить его, как вдруг раненый жалобно заревел,—явление очень редкое, так как буйволы обыкновенно молчат. В ту же минуту целое стадо его собратьев, бродившее недалеко, поспешило на помощь своему товарищу. Охотник бросил ружье и стремглав побежал к ближайшему дереву. К счастью, ветви последнего спускались низко, и Киркманн мог легко влезть на них. Разъяренное стадо окружило дерево и только тогда

удалилось, когда увидело, что врага достать нельзя».

Приведем еще рассказ одного африканского путешественника.

В сопровождении двух негров, которые несли его ружья, он пробирался раз посреди густой, в рост человека, травы. Вдруг сзади раздался отчаянный крик... Путешественник обернулся и увидел ужасную картину: разъяренный буйвол топтал ногами одного из негров и угрожал страшными рогами другому... Будучи безоружным, в первое мгновение исследователь растерялся. Его черный оруженосец, однако, сохранил настолько присутствие духа, что успел бросить своему господину ружье. Подняв последнее, путешественник наудачу прицелился и одним выстрелом положил на месте ужасного противника.

И не на одних только людей нападает взбешенный буйвол. Горе всякому животному, которое в недобрый час попало ему на глаза! Не раз буйволы нападали на целые караваны и убивали вьючных верблюдов. Был даже такой случай, когда бешеный зверь напал на самого гиганта лесов, исполинского слона, и пытался влезть на рога.

Вот почему даже храбрые кафры блед-

неют от ужаса при встрече с свирепым «инзумбой», вот почему даже царь пустыни, лев, редко отваживается нападать на взрослого буйвола, страшные рога которого смело могут поспорить с его зубами и когтями.

К северу от области распространения черного буйвола, в подтропических странах Африки, водится **рыжий буйвол** (*Vos rumilus*), значительно меньше его размерами и весом только 20—23 пуда. Волосы, покрывающие его светлую кожу, большей частью густые и на нижней части тела несколько мохнатые, имеют желтоватую, рыжеватую или буроватую окраску. Живет он одинаково как в равнинах, так и в гористых странах. «Его движения нельзя назвать неуклюжими, — пишет Пехуэль-Леше, — и по травянистой или покрытой кустарником степи

он бежит почти так же быстро, как антилопа; проворно карабкается он вверх и вниз по самым крутым склонам глубоких оврагов. Такими большими стадами, какие образует черный буйвол, рыжих буйволов я не встречал, чаще всего они попадаются семействами в 3—5 голов, а часто — и в одиночку. Держится он преимущественно на открытых лугах». Это — очень внимательное, пугливое и осторожное животное, но, в случае опасности, и оно умеет защищаться не хуже черного буйвола. Поэтому охотник должен стрелять наверняка.

Родоначальником домашних буйволов, разводимых на Дунае, в Египте, Индии и Закавказье, нужно считать не черного и не рыжего буйвола, а **индийского** (*Vos agni*), обитающего на юго-востоке Азии.

Это животное — до 2—3 м длины, включая 60 см на хвост, при 1,4—1,8 м высоты в плечах. Голова у него короче и шире, чем у домашнего быка, лоб большой, лицевая часть без подгрудка; спина с небольшим горбом; крепкие, сравнительно низкие ноги снабжены длинными, широкими копытами, которые могут сильно раздвигаться. Небольшие глаза имеют дикое, задорное выражение. Длинные, широкие уши торчат в стороны горизонтально. Редкий, жесткий волосяной покров удлиняется только на лбу, на плечах, на переду шеи, напротив, задняя часть спины, крестец, живот, лопатки и ноги — почти совершенно голые. От этого в общей окраске животного преобладает темная или почти черная кожа. Индийский буйвол, как любитель воды, живет только в болотистых местностях своей родины, около рек и озер; он силен, вынослив и отлично плавает. Из внешних чувств его лучше всех развиты обоняние и слух. По характеру он сердит и капризен; людей не боится и часто забирается на поля земледельцев; по словам Ходжсона, он нападает даже на слона. Часто на них нападает тигр, но и тогда буйволы отчаянно защищаются, помогая друг другу.

Голос буйвола — глубокий, звучный рев. Индусы ловят в загородки взрослых животных и постепенно приручают их. Домашний буйвол — молчаливое, покорное, добродушное создание, которое ходит и под верх, и идет на полевые работы, и возит тяжести. Если при этом добавить, что по своей нетребовательности относительно пищи он превосходит даже таких неприхотливых животных, как осел, считающий лакомством репейник, или верблюд, с удовольствием пожирающий колючую траву, то мы должны сознаться, какое громадное приобретение сделал себе человек в этом животном. Действительно, буйвол даже пренебрегает сочными, вкусными для других быков травами, а ищет самых жестких, твердых и безвкусных растений, вроде камыша, осок и т. п., чего не станет есть ни одно травоядное; и тем не менее буйволица дает вкусное, очень жирное молоко, а телята — вкусное мясо.

На Зондских, Филиппинских и других островах Юго-Восточной Азии водится частью в одичалом, частью в домашнем состоянии другой буйвол — **керабау** (*Bos kerabau*), по виду и нраву почти ничем не отличающийся от индийского буйвола. Он употребляется главным образом для езды, так как делает проходимыми самые непроходимые дороги. Замечателен факт, что керабау не трогают крокодилы, нападающие даже на зебу и лошадей.

Наконец, в гористых странах острова Целебеса водится бык, который по виду приближается уже к антилопам. Это — **амоа** (*Bos depressicornis*), карлик между быками: до 2 м длины, включая 30 см на хвост, при 1,3 м высоты. Туловище у него коренастое; голова на конце слегка заостренная; рога почти прямые; слезных впадин нет; шерсть имеет, подобно антилопам, общую темно-бурую окраску, светлеющую на почти обнаженных частях морды. О жизни амоа мало известно. Судя же по экземплярам, попавшим в европейские зверинцы, это — молчаливое, равнодушное животное; подобно буйволам, оно любит купаться в воде и

есть болотные травы. К чужим амоа относится недружелюбно.

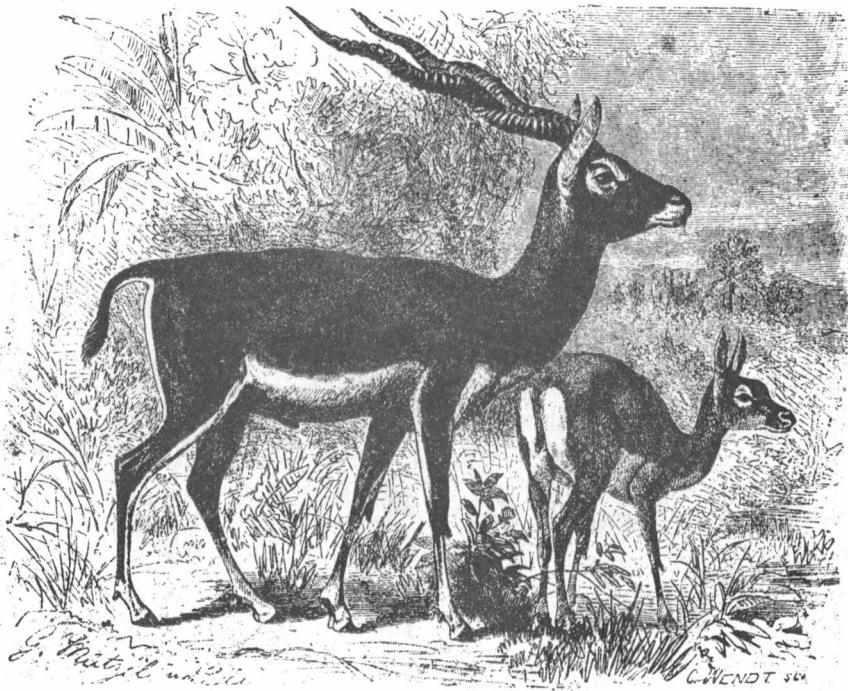
Близко к антилопам подходит и еще одно полорогое животное, обитающее на высоких горах (Скалистых, до 65° с. ш.) Сев. Америки, **снеговая**, или **белая**, **горная коза** (*Aplocerus montanus*), по виду напоминающая домашнюю козу, но вследствие своего пышного волосяного покрова кажущаяся тучнее ее. Голова у нее продолговатая, глаза большие, уши заостренные, короткий хвост покрыт шерстью сверху и с боков, коренастые ноги, вследствие покрывающей их шерсти, кажутся еще толще, чем на самом деле. Мех белый, одноцветный, образующий вдоль шеи и спины гриву, а на подбородке — пышную бороду; на шее воротник, спускающийся по передним ногам. Общая длина — 1,2—1,4 м, при высоте 70—75 см, рога — до 27 см.

Пищей этого животного служат мхи, лишай и тощие горные кустарники. Одаренное тонким слухом и обонянием, ловкое и проворное, оно нелегко делается добычей охотника, и потому убить его трудно. Мясо его не едят даже индейцы; цену имеет лишь мех.

Последнюю группу из семейства полорогих образуют **антилопы**, животные довольно разнообразного строения и вида. С одной стороны, к антилопам относятся самые красивые и изящные полорогие, с другой — встречаются неуклюжие и грузные создания. Поэтому дать общую характеристику их — очень трудно. Можно только сказать, что все антилопы — стройные животные, похожие на оленей, с коротким, почти всегда плотно прилегающим к телу волосяным покровом и более или менее выгнутыми рогами, развитыми у обоих полов почти одинаково. Родиной их служит вся Африка, Южная, Западная и Средняя Азия, Ю. и Средняя Европа; большинство их любит равнины, но некоторые встречаются только в горах, другие предпочитают болота, третьи — лес. Крупные виды живут группами или стадами, более мелкие — чаще парами. Пасутся они днем и ночью. Бегают большей частью быстро и легко и обладают прекрасным зрением, слухом и чутьем; в пище разборчивы. Будучи по природе любопытными, бодрыми, веселыми и игривыми, как козы, они, познакомившись с человеком, делаются в высшей степени пугливыми и осторожными. По характеру одни антилопы миролюбивы, другие, напротив, злы. Голос их, сходный с бляением, стоном или свистом, слышен очень редко.

Свое описание мы начнем с **антилоп** (*Antilope*) собственно, животных среднего роста (приблизительно с северного оленя), с удлинненными рогами, в форме лиры или винта, большей частью с большими слезными впадинами и небольшой голой мордой. По сходству некоторых антилоп с оленями и козами из них выделяют группу оленекозых (*Cervicapra*), с закругленными, загнутыми вверх и назад, винтообразными, кольчатыми, почти

прямыми рогами, которые носят, однако, одни самцы, с коротким, густо обросшим шерстью хвостом. Такова, напр., индийская **гарна**, или **гирун** (*Antilope cervicapra*), длиной до 1,2 м, при высоте 80 см, стройное животное на высоких, тонких ногах. Под сравнительно большими и живыми глазами находятся слезные ямки, откуда выделяется сильно пахучее вещество. Пойманные в молодости гарны скоро становятся ручными и быстро привязываются к хозяину. Злейшими врагами гарны, кроме человека, являются тигр, пантера и волк.

Гарна (*Antilope cervicapra*)

Немного больше гарны — водящаяся в Монголии **зобастая антилопа**, или **дзерен** (*A. gutturosa*); шея у самцов отличается очень большой гортанью, которая на середине выделяется в виде зоба; характерны также у этих антилоп ноздри в виде буквы S и острые уши. Окраска меняется по временам года, но в общем имеет светлый буровато-серый цвет. В середине лета рождаются детеныши и уже через 3 дня могут следовать за матерью. Осенью эти антилопы предпринимая далекие путешествия, по-видимому, в поисках воды, причем, подобно своим ролчам, двигаются громадными стадами.

Гораздо красивее — стройная, грациозная **пала** (*A. melampus*), из Южной и Восточной

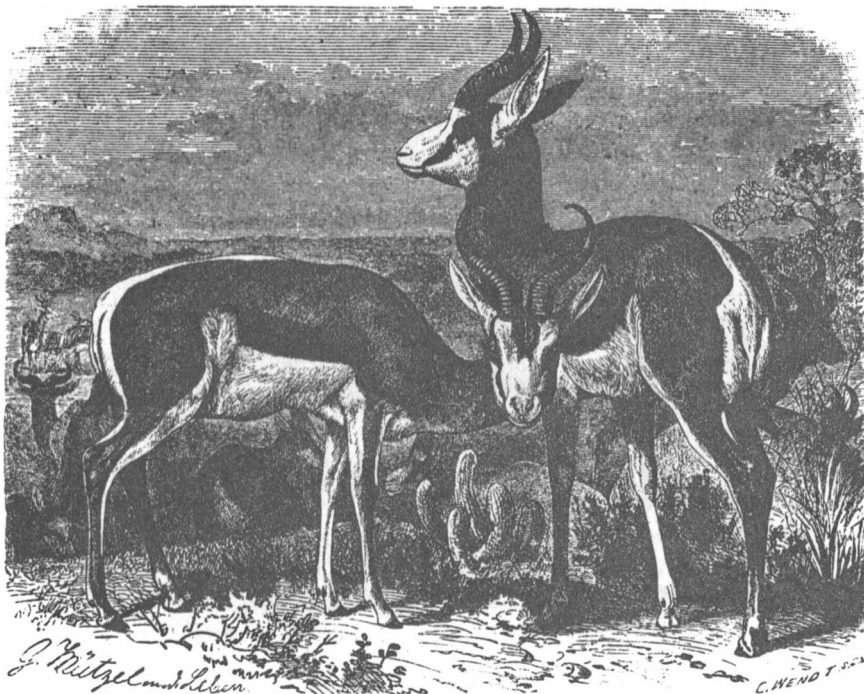
Африки. Стада пал, легкими, красивыми скачками движущиеся среди кустарников, представляют весьма живописное зрелище. Длина палы до 1 саж.

Далее, нужно указать на **газелей** (*Gazella*), стройных, чрезвычайно милостивых с кольчатыми лировидными рогами (у обоих полов), слезными ямками и длинными, острыми ушами. Газель представляет в пустыне прекрасную картину, которая с давних пор вдохновляла восточных поэтов, увлекательно воспевавших это красивое создание и бравших от него высшие сравнения для выражения красоты женщины. Длина **газели** (*A. dorcas*) — до 1,1 м, при высоте 60 см. Стройное туловище ее, оканчивающееся длинными, с густыми волосами на конце хвост-

том, опирается на чрезвычайно нежные, стройные ноги с изящными копытами. Голову средней величины украшают большие, огненные, оживленные, почти с круглым зрачком глаза. Общая окраска — песчано-желтая, переходящая в красно-бурую наверху и ярко-белую на животе. Газель населяет небольшими стадами пустыни и степи Африки от Аравии до Марокко и Сирии и от Средиземного моря до Абиссинии. Ее любимые места — мимозовые рощи, а еще чаще — те

только богатым людям, бедные же употребляют более простое и дешевое средство — заманивают животных в особые загоны.

На газелей очень похожи **скакуны** (*Antidorcas*), у которых вдоль спины тянется складка из удвоенного верхнего слоя кожи, покрытая очень длинными волосами; при сильных движениях она раскрывается. Название свое эти антилопы получили от того, что, убегая от врага, делают ряд странных отвесных скачков (до 1 саж. высоты и 2 в

Горный скакун (*Antilope euchores*)

песчаные местности, где долины перемежаются с холмами, а мимозы рассеяны повсюду. Мимозы доставляют этим животным и главную пищу.

Газель, несомненно, высокоодаренное животное. Быстрее ветра несется она по пустыне, шутя делая прыжки до сажени высотой. Все внешние чувства у нее развиты прекрасно. Нрав у нее хороший, мирный, добродушный. Поэтому и к человеку она скоро привыкает, привязываясь к нему иногда, как собака.

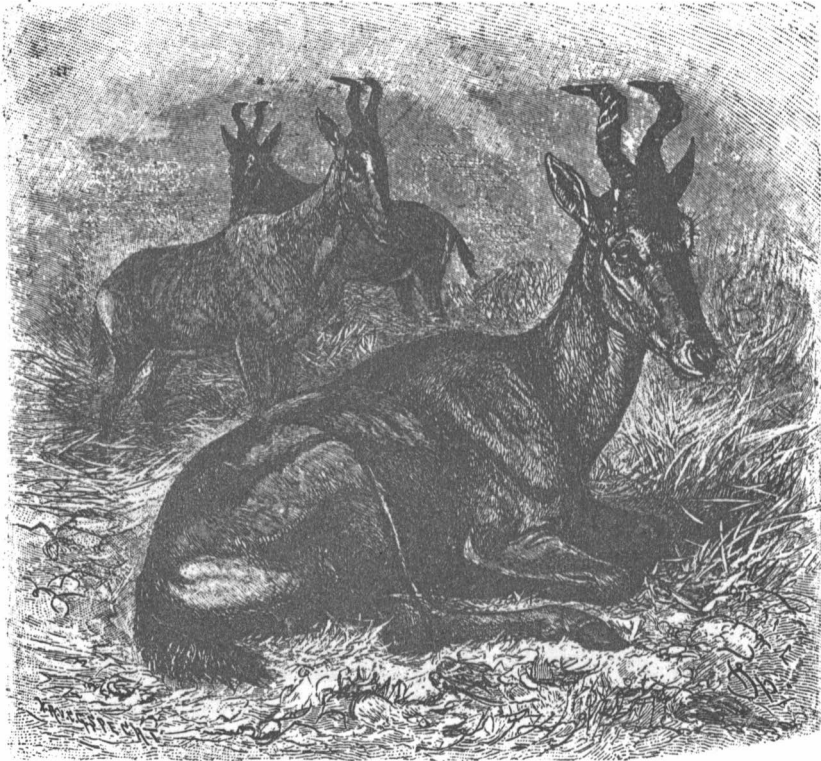
Охота на газелей — один из любимых видов спорта у арабов. Обыкновенно ее травят борзыми или охотятся с ружьем или с соколами. Но этот способ доступен

длину), причем животное, сразу выпрямляя ноги, высоко подпрыгивает и в это время расправляет складку на спине, покрытую длинными, белоснежными волосами. Единственным представителем этих оригинальных антилоп является **горный скакун** (*A. euchores*), до 1,5 м длины, причем 20 см занимает хвост, и 85 см высоты. Общая окраска — коричнево-желтая; на голове и по бокам идут 2 полосы орехово-бурого цвета; снизу животное — почти белое. Водятся скакуны в пустыне Калахари в окрестностях, собираясь иногда огромными стадами, которые перекочевывают с места на место, причем первые ряды животных,

находя больше пищи, быстро жиреют. Тогда их оттесняют назад задние, более голодные скакуны, чтобы, отъевшись, в свою очередь уступить место другим. Таким образом, за время 6—10-месячного путешествия в стаде постоянно происходят передвижения спереди назад и наоборот. Обычно скакуны пасутся в обществе гну,

ся еще **сенегальский бубал** (*B. senegalensis*), отличающийся короткими, узловатыми рогами серого, земляного цвета.

Далее, укажем **коровьих антилоп** (*Alcelaphus*), из которых **степной бубал**, или **тора** (*B. bubalis*), большого роста (до 2,8 м длины и 1,5 м высоты), рыжеватого-бурого цвета, водится в Сев. Африке, а

Каама (*Bubalis caama*)

квagg и страусов. В неволе скакуны скоро приручаются, но, к сожалению, мало выживают.

В противоположность газелям, **бубалы**, (*Bubalis*) представляют больших, сильных, почти неуклюжих антилоп с высокой холкой, покатою спиной, некрасивой, вытянутой головой и широкой мордой. Шея у них короткая, ноги крепкие; рога у обоих полов. Сравнительно еще стройнее других южноафриканские **пигарга** (*B. ruyaga*), до 1,2 м вышины и 2 м длины, темно-бурой окраски, и **белолобый бубал** (*B. albifrons*), несколько меньшего роста; в Центральной Африке рядом с ними попадает-

другой вид, **каама** (*B. caama*), прекрасного светло-бурого цвета, с более узкой и длинной головой и более толстыми рогами.

Образ жизни и характер всех этих антилоп, как близких родичей, очень сходны. Пигарга и белолобый бубал водятся в Центральной Африке, предпочитая степи, богатые водой. Прежде пигарга встречалась очень часто, но жестокие преследования со стороны человека сильно уменьшили число этих животных. Каама также была более распространена раньше, а теперь оттеснена за Оранжевую реку. Воспитанные смолodu бубалы становятся ручными, но в зрелом возрасте проявляют свойственные им кап-

ризмность, раздражительность и драчливость. Человек ценит бубалов главным образом из-за их вкусного мяса.

Малоизученные еще **железистые антилопы** (*Adenota*), обитающие в Западной и Центр. Африке, по красоте форм напоминают газелей. Самки их — безрогие. Таков, напр., **абок** (*A. megaceros*), ростом с большую лань, с коренастыми ногами, пушистым хвостом и жировым горбом на спине. Основной цвет — темно-бурый, жи-

болот, любит также посещать поля. Нрав пугливый.

Близкими родственниками болотных антилоп являются **водяные антилопы** (*Kobus*), крупные, с довольно длинной шерстью, часто превращающейся в гриву. Сюда относится **водяной козел** (*K. ellipsiprymnus*), красивое животное, ростом почти с оленя, до 1 саж. (2 м) в длину, при 1,3 м высоты, покрытое жирной, жесткой, местами косматой шерстью буро-серого цвета.

Водяной козел (*Kobus ellipsiprymnus*)

вот — белый. Рога — до 60 см длины. Эта антилопа отлично чувствует себя как на суше, так и в болоте, и в воде.

Подобно бубалам, имеют сходство с газелью и **болотные антилопы** (*Redunca*), коренастые, с довольно длинным хвостом и низко, почти над глазами сидящими рогами (только у самцов). Наиболее известен **болотный козел** (*R. elootragus*), до 1,5 м длины и 95 см высоты. Довольно густая шерсть его удлиняется на животе и спереди. Общий цвет — рыжевато-серо-бурый, внизу — белый. Водится это животное в области Верхнего Нила, держась попарно в кустарниках вблизи озер и

Рога — до 80 см, с кольчатыми утолщениями. Водятся небольшими стадами по берегам рек Южной Африки. Мясо его очень плохое.

Настоящая грива отличает **коневидных антилоп** (*Hippotragus*), с ослиными ушами. Сюда относятся: **чалая антилопа** (*H. leucorhaeus*), до 2,2 м в длину (без хвоста 75 см) и 1,6 м высоты, ржавой с желтовато-молочным оттенком окраски; уши до 35 см длины. Грива похожа на ослиную. Такого же почти роста и **черная антилопа** (*H. niger*). Похожа на черную **бэжера антилопа** (*X. bakeri*), в вост. части Центр. Африки, где водятся, до верховьев Нила, также и 2 предыдущих вида.

К числу самых оригинальных антилоп принадлежат известные еще древним **сернобыки** (Огух). Более сажени длиной, около четырех футов вышины, они походят и на тяжелого быка, и на грациозную серну. Но что особенно поражает зрителя в них, так это громадные рога, длиной до полу-сажени, подобных которым не имеет никакое другое животное.

В настоящее время различают следующие виды сернобыков: 1) **пассан**, или **капский сернобык** (*O. capensis*), желтовато-белой, а на животе— чисто белой окраски, на голове— черные пятна и полосы. Водится в Ю. Африке. 2) **Бейза** (*O. beisa*), из Сев.-В. Африки; такого же роста, но более

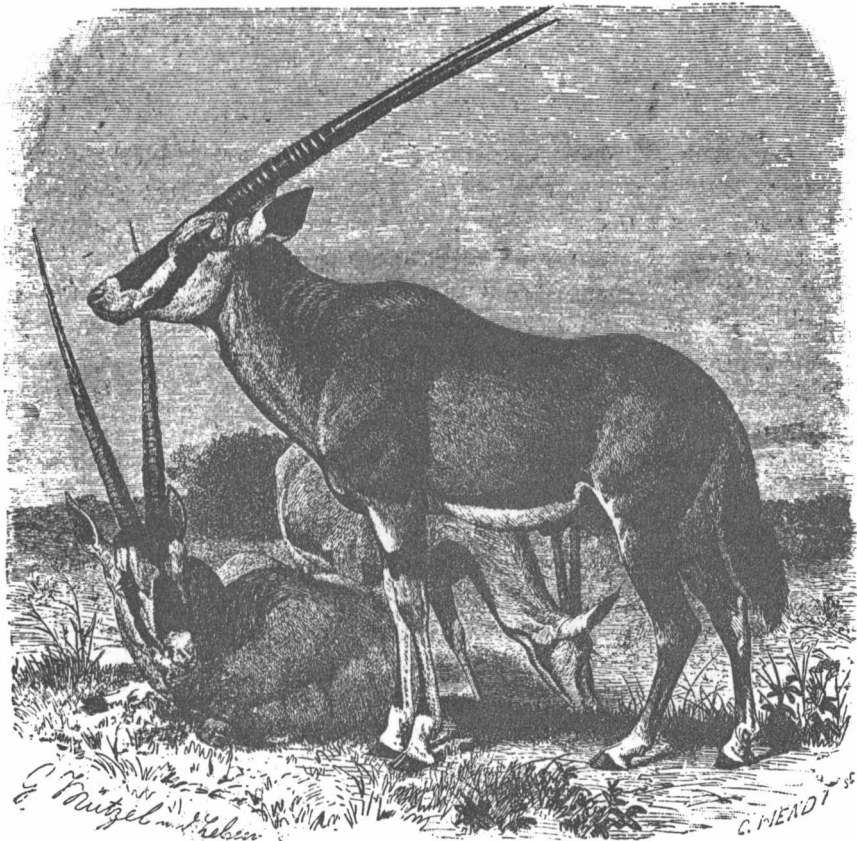
светлой, белой окраски. 3) **Саблерогая антилопа**, или **дикая**, также **степная корова арабов** (*O. leucogux*), желтовато-белая с матово-бурыми пятнами на голове, неуклюжее предыдущих и с более изогнутыми рогами. Водятся также в Сев.-В. Африке. По образу жизни все эти виды довольно сходны.

Даже среди неприхотливых четвероногих обитателей пустыни нет, по-видимому, ни одного, который бы мог так долго переносить голод и жажду, как сернобык. Сам «корабль пустыни», верблюд, выносливость которого вошла в пословицу,—изнеженное животное в сравнении с ориксом. Последний живет в таких бесплодных местах, где, как говорит Кумминг, и кузнечик не нашел бы себе корма. Иглы мимоз и сухие ветки— вот обыкновенное меню сернобыка. Что касается жажды, то, по-видимому, это мучительное чувство совсем незнакомо «пассану»: он не пьет, даже когда представится к тому благоприятный случай.

Подобная способность служит лучшей защитой для благородной антилопы: редкий из врагов, будет ли то четвероногий или двуногий, отваживается проникнуть в глубину раскаленных, безводных пустынь, служащих убежищем сернобыка. Быстрые ноги, бег которых уступает лишь бегу арабского скакуна, в свою очередь, помогают ориксу избежать опасности. Если же последняя неизбежна, тогда животное мгновенно сбрасывает с себя робость серны, проявляя все свирепое мужество разъяренного быка: наклонив голову, оно с разбегу кидается на противника, и горе тому, на кого обрушится страшный удар рогов сернобыка,—словно два острых копья, они в состоянии пронзить насквозь даже крупного зверя.

Лихтенштейн рассказывает об одном подобном случае. Раз сернобык мирно пасся у опушки леса, позабыв обычную осторожность. Вдруг невдалеке от него раздался подозрительный шорох, и в то же мгновение огромный леопард одним гигантским прыжком бросился на свою жертву... Быстрее молнии орикс наклонил голову, уставив вперед рога... Еще мгновение,—и отчаянный вой далеко огласил пустыню: пронзенный насквозь мощными рогами сернобыка, свирепый зверь употреблял всевозможные усилия освободиться. Но напрасно его когти судорожно бороздили шею антилопы, напрасно леопард употреблял все попытки пустить в ход свои зубы... Все слабее и слабее становился рев и, наконец, замолк... Избавившись от страшной ноши, сернобык весело пустился в родные пески пустыни.

По словам Вуда, подобная участь постигает иногда самого льва. Для охотника разъяренный сернобык является также страшным противником. Отважный Кумминг рассказывает, что он сам спасся от смерти лишь потому, что разбежавшийся на него сернобык упал за несколько шагов, истощенный потерей крови. Отсюда понятно, почему туземцы Африки со своими копьями не отваживаются нападать на орикса, как ни заманчива добыча.

Бейза (*Oryx beisa*)

Эту дикость нрава сернобык проявляет и будучи пойман. До сих пор я не могу без досады вспомнить о нескольких днях моей путевой жизни. Однажды мы купили в Обеиде сернобыка и захотели взять его с собой в Хартум. Самое простое, конечно, было привязать его за рога и заставить идти вместе с верблюдами. Мы так и сделали. Но наш пленник упирался изо всех сил и ни за что не хотел путешествовать вместе с нами. Арабы стали единогласно уверять

меня, что «молодой бык степи» еще не в состоянии ходить. Тогда я поручил одному из них втащить неуклюжее животное к себе на верблюда. С этой целью мы обвязали вокруг его тела ковер и прикрепили его к седлу. Сернобык был вне себя от негодования на такой способ передвижения и начал чувствительно бодать рогами верблюда и всадника. Верблюд сначала только ворчал, но, наконец, выведенный из терпения, пустился бежать во всю прыть. Я попытался

освободить его от беспокойного пассажира, и за то удары, направленные сначала против моего Али, посыпались теперь на меня. Спустив наконец, сернобыка на землю, мы опять попробовали заставить его идти, но опять безуспешно. Еще раз тогда взвалили мы пленника на спину верблюда и уже начали надеяться, что дело пойдет на лад. Вдруг орикс выскользнул из ковра и помчался быстрым галопом. Все попытки поймать его были напрасны...

Близко примыкают к сернобыкам **аддасы** (Addax), так как их легкие, винтообразно или лирообразно изогнутые, кольчатые, тонкие и длинные рога, у обоих полов, составляют существенное отличие. **Аддас** собственно, или **мендес-антилопа** (*A. nasomaculatus*), довольно неуклюжее животное, с коренастым, слегка горбатым туловищем, покрытым спереди длинной гривой. Шерсть, густая и жесткая, отчасти бурая, (на шее, голове и гриве), отчасти желтовато-белая. Длина до 2 м, высота—1 м. Водится в Сев. Африке, к югу от 18° с. ш. до оз. Чад; живет в самых сухих местах, где нет капли воды: по-видимому, аддасы могут обходиться без воды чрезвычайно долго. Как все антилопы, они пугливы, проворны и неутомимы на бегу, а по характеру капризны и неуживчивы, подобно сернобыкам.

Винторогими антилопами (*Strepsecegos*) называют больших антилоп с винтообразными рогами, сплюсненными и ребристыми, которые имеют только самцы; далее, с пестрой, полосатой или как бы разризованной светлыми тенями шерстью. Слезных ямок нет. Представителем этих животных считается стройный куду (*S. kudu*), больше нашего оленя (до 1½ саж. в длину, при 1,7 м высоты) и весом до 20 пуд. По телосложению куду напоминает оленя. Голова у него короткая, с широким лбом и заостренной мордой, глаза большие, уши длиннее половины головы. Короткие, гладко лежащие, несколько жесткие волосы удлиняются на верху шеи и спины, а у самцов от подбородка до груди образуют род бороды. Основной цвет шерсти—рыжевато-беловато-серый, с белыми полосами, внизу—беловато-серый. Водится в В. Африке от Капской земли до Нила, преимущественно в скалистых и гористых местностях, хотя встречается и на равнинах, поросших колючим кустарником. Своей гордой осанкой и изящной, размеренной поступью он напоминает оленя, но бегаёт вообще довольно медленно. Куду—одна из наиболее усердно преследуемых человеком антилоп, так как человек ценит и вкусное, напоминающее оленину, мясо его, и кожу, идущую на бичи, сбрую, седла и пр. Кафры охотятся

за куду с собаками, загоня до усталости животное, европейцы же более предпочитают засадку. Чрезвычайно изящно сложенные антилопы—**лесные**, или **лесные козлы** (*Ga-gelaphus*), ростом с козую или даже с оленя, с короткими или средней величины рогами (только у самцов), спинным волосатым гребнем и оригинальной окраской. Глаза большие, с поперечным зрачком, уши тоже большие, широкие.

Чаще всего в Европу привозится **пестрая лесная антилопа** (*T. scriptus*), живущая во всей сев. половине Ю. Африки. Длина ее 1,6 м, высота—85 см. Шерсть удлиненная на спине в виде гребневидной гривы, пестрой окраски: серо-чалой, рыжей и черно-бурой, с белыми пятнами. Еще более пятниста **большая лесная антилопа** (*T. silvaticus*), из Ю. Африки. Вокруг шеи ее идет обнаженная полоса, как бы от ошейника, вытершего шерсть. Третий вид—**пятнистая лесная антилопа**, которую в Лоанго называют **мвули** (*T. euryceros*), имеет заметные пятна под глазами; ростом она с оленя. Встречается в Зап. Африке. На мвули похож **наконг**, или **сыти тунга** (*T. spekii*) из Н. Гвинеи, одноцветной окраски.

О жизни всех этих антилоп мы знаем только, что они живут поодиночке, редко—парно, в лесистых, богатых водой равнинах. О виде, встречающемся в В. Африке, Бэм пишет следующее: «Пестрая лесная антилопа прокладывает себе крытые ходы среди густого прибрежного тростника, в тени которого и стоит часто по живот в воде. Походка ее своеобразна: на каждом шагу она качает шей и головой; убегая от охотника, она пригибается к земле и почти ползком пробирается сквозь чащу кустарников. Крик испуганного самца, часто слышный по ночам вблизи рек, состоит из низких, но громких лающих тонов. Подстреленные антилопы издают пронзительное жалобное бление. Остротой чувств и осторожностью они не отличаются». Также держится и наконг. Напротив, зап.-афр. антилопа, по словам Пехуэль-Леше, предпочитает сухие леса. Мвули же опять-таки предпочитает болота. Эти животные очень доверчивы и часто случайно попадают под пулю. Голос ю.-афр. большой антилопы походит на лай маленькой собачки. Хотя мясо всех этих видов и не особенно ценится, все же за ними везде усердно охотятся. К неволе они привыкают замечательно быстро и легко переносят ее.

Коровьи антилопы (*Buselaphus*), представляющие до известной степени переход от быков к настоящим антилопам, имеют неуклюжее, коренастое, толстое и сильное туловище, большую голову, хвост, похожий на коровий, спереди как бы подгрудок

и слегка закругленные рога. Типичный представитель их — **канна**, или **элен** (*B. ogeas*), громадное животное до 2 саж. длины, при высоте почти в 1 сажень. Вес ее, по Гаррису, до 60 пуд. Густые, косматые волосы внизу на шее, производящие издали впечатление зоба, щетинистая шерсть на лбу, стоящая пучком, большой (до 70 см) хвост, грива, короткие ноги, вздутое круглое туловище, большой висячий подгрудок, выдающийся горбом загривок, наконец, грязно-желтая окраска меха, такова довольно-таки непривлекательная наружность этого великана между антилопами, распространенного в Ю. и В. Африке. Любимое местопребывание канны — травяные степи, редко поросшие мимозами: во время засухи они перекочевывают отсюда в богатые водой местности. Однако они встречаются и в горах. Бродят канны партиями штук в 8—10, а иногда собираются в стадо голов в 100. Издали такое стадо можно принять за коров: одни животные медленно расхаживают, пощипывая траву, другие греются на солнце или отдыхают под тенью жидких мимоз, пережевывая жвачку. Если канну преследуют, она убегает не особенно быстрой, но крупной рысью, а в случае крайности пускается в галоп и бежит очень долго; впрочем, на хорошей лошади всегда удастся настигнуть ее. Пища канн состоит из тех же трав, которыми в тех местностях питаются овцы и быки. Когда потрошат животное, то распространяется ароматический запах от трав, находящихся в желудке. Подобно другим антилопам и быкам, старые самцы канн издают сильный запах мускуса. Тем не менее мясо считается вкусным.

Одна из самых замечательных антилоп — индийская **нильгау** (*Portax pictus*), представляющая нечто среднее между оленем и быком. Голова, шея и ноги ее короткие, остальные части тела напоминают быка. Общий цвет шерсти — темный буровато-серый с легким голубоватым отливом. Длина — до 1,6 м при высоте в 1,3 м. Родина — средняя часть Индии. Это — храброе, смелое животное; ходит оно, как и другие, но, как только кто рассердит его, оно выгибает спину, вытягивает шею и медленно крадется, озираясь во все стороны и поджимая хвост. В качестве дичи нильгау не особенно ценят в Индии, хотя мясо его бывает иногда очень нежно и вкусно.

В Индии же по всему Индостану водится и другая, не менее замечательная антилопа **четырёхрогая** (*Tetraceros quadricornis*), изящное, небольшое животное, всего 70—80 см длины и 60 вышины. Отличительными признаками ее являются: большие закругленные уши, длинные слезные ямки, широкий голый кончик носа, стройные ноги, длин-

ный мех, буро-чалый наверху и белый внизу, и особенно рога (только у самцов), задние рога в 10—12 см, а передние — 3—4. Четырёхрогая антилопа очень пуглива и вместе с этим зла. Мясо ее сухо.

Хохлатыми антилопами (*Cephalophus*) называются небольшие виды с прямыми, слегка загнутыми вперед рогами (обыкновенно только у самцов), голым рылом и длинным пучком волос между рогами, который они могут поднимать в виде хохла. Один из крупных видов — **дукер** (*C. mergens*), до 1,1 м длины при 55 см высоты. Мех сверху обыкновенно серо-оливковый, снизу — белый; водятся в Ю. Африке, где бродят поодиночке или попарно в зарослях вдоль берега моря. «При приближении человека или другого врага, — говорит Драйсон, — дукер остается спокойно в своем логовище между кустами. Неподвижно и пристально, точно изваяние, смотрит он, пока не увидит, что его заметили, а тогда внезапно вскакивает, делает множество поворотов, шмыгает по кустам или прыгает через пни, а когда уверен, что скрылся от своих преследователей, то пригибается и ползет через кусты и траву так осторожно и вместе с тем так живо, что думаешь, будто он исчез или смироно лежит, спрятавшись где-нибудь. Часто он обманывает и опытного охотника, даже собаку. Из кожи дукера в Капской земле плетут кнуты, из мяса варят отличный суп».

Под названием **карликовых антилоп** (*Neotragus*) известны самые мелкие и очень изящные виды этого семейства, чрезвычайно сходные между собой и по виду, и по привычкам. Только у самцов имеются маленькие, тонкие, шилообразные рожки, снизу обхваченные немногими кольцами. Кроме того, у них характерны кругловатая голова и острая морда с маленьким голым пятном. Типичный представитель **антилопа-леверетка** (*N. hemprichii*), с коротким, почти бесхвостым туловищем, на слабых ногах, с длинными, узкими, заостренными копытами. Нежная и довольно длинная шерсть — рыжей или серо-синеватой окраски, на спине красно-бурая. Это животное, очень распространенное в Абиссинии, больше всего любит зеленые лесные опушки оврагов, где во время дождей течет вода. Тут густо сплетенные между собой мимозы, терны, молочай и другие растения доставляют ей отличное убежище. Окраска их меха вполне гармонирует с окружающей местностью, давая животному возможность легче скрываться от глаз врага. И оно, видимо, хорошо понимает преимущество своего положения, стараясь удалиться от врага крадучись через кусты, так что охота за ним нелегка. Питаются они листьями и побегами мимоз.

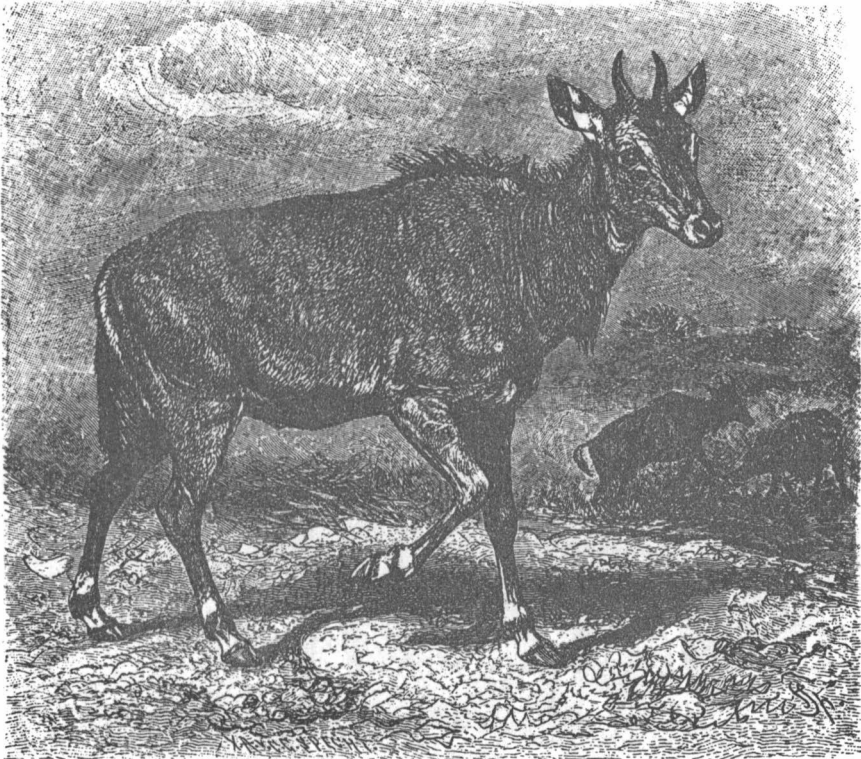

Куду (*Steep-siceros kudu*)

В неволе антилопы-левроетки пугливы, но в то же время кротки и добродушны. Мясо их жестко и волокнисто.

Не менее изящны и нежны **красивые антилопы** (*Calotragus*), с голым пятном на морде, расположенными наискось слезными ямками, коротким, с кистью, хвостом и маленькими, прямыми или немного загнутыми рожками (только у самцов).

рика, где ориби водится в самом близком расстоянии от жилища человека, в высокой траве или между ковылями. «Ориби бегают очень скоро, вдруг подскакивает на метр, чтобы осмотреть окрестности, снова бегают, подскакивает еще раз и т.д. В то же время он постоянно меняет свое направление, бросаясь зигзагами из стороны в сторону, с быстротой молнии пролезает или

Нильгау (*Portax pictus*)

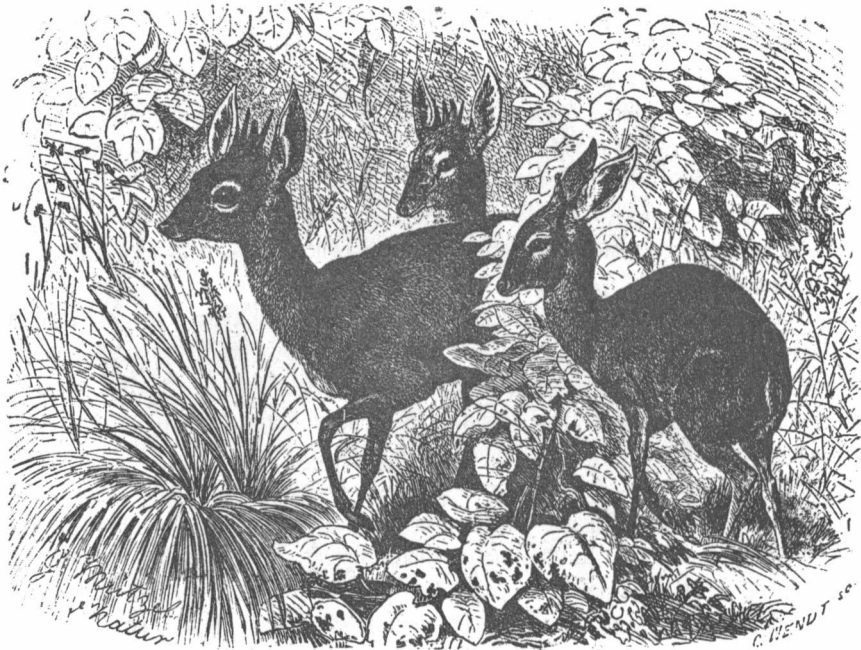
Самый известный вид—**ориби** (*C. scortchius*), длиной до 1,1 м, при высоте в 60 см. Окраска светло-рыжая или светло-бурая сверху и снежно-белая внизу тела. Родина—Ю. Аф-

перескакивает через траву и, прежде чем охотник успеет прицелиться, уже удаляется от него шагов на 100. О жизни этой антилопы мало известно».

Горные антилопы отличаются от остальных сородичей коротким, сильным телосложением, зато они менее изящны и стройны. Тело их, напротив, толсто, ноги короткие, и копыта расположены так, что вся тяжесть животного поκειται на концах их. Поэтому копыто укорочено, не так остро выступает вперед, зато более закруглено, чем у равнинных или лесных антилоп. Более или менее густой и жесткий мех доказывает, что они населяют холодные возвышенности.

Из этих животных **антилопа-серна** буров, или **сасса** абиссинцев (*Oreotragus saltatrix*), занимает по внешности среднее место между настоящими сернами и некоторыми козами. Характерны у нее очень длинные, широкие уши, большие глаза, окаймленные голым рубцом, с ясно обозначенными слезными ямками, раздвоенные высокие копыта и грубый, жесткий мех, сверху оливково-желтый с черными крапинами, снизу—бледнее, тоже с крапинами, горло белое. Длина животного до 1 м, высота 60 см. Водится в Ю. Африке.

«Я часто замечал,—говорит Кумминг,—на дне пропасти 2—3 этих привлекательных создания, лежащих обыкновенно друг подле друга на большом

Дукер (*Cephalolophus mergens*)

плоском выступе скалы и защищенных тенью дерева от палящих лучей полуденного солнца. Если я вспугивал их, то они во время бегства делали невероятные прыжки с упругостью резинового мяча со скалы на скалу, через пропасти и ущелья и всегда необыкновенно проворно и уверенно».

Сасса встречается на довольно высоких горах, питаясь листьями мимоз, травой и сочными альпийскими растениями. В странах, где огнестрельное оружие не общепотребительно, все животные сначала обращают мало внимания на выстрелы, особенно серны, привыкшие, вероятно, к грохоту и треску скатывающихся с гор камней. Поэтому если приготовить два заряда, то можно убить пару серн, так как сасса постоянно остается несколько мгновений около своего

убитого товарища, смотрит на него с большим ужасом и издает при этом свойственное большинству антилоп резкое фырканье.

Ловкость сассы присуща и индийскому горалу (*Nemorhoedus gogal*), принадлежащему к роду **антилоп-коз**; у этих животных, похожих на коз, рога — у обоих полов и похожи на козьи; слезных ямок нет. Длина горала — 1,2 м, высота — 75 см. Короткое тело покоится на тонких ногах, короткая суживающаяся голова — с яйцевидными большими глазами и длинными

узкими ушами; рога — 10—12 см длины, шерсть короткая, густая, серая или красновато-бурая с желтой полосой на животе, местами покрыта черными и красноватыми крапинами, горло белое. Живет горал в Гималаях, иногда соединяясь в большие стада. Пойманные молодыми, эти животные быстро ручнеют, конечно, при хорошем обращении и надлежащем уходе.

К этим антилопам причисляется и обыкновенная **европейская серна**, образующая особый род (*Capella*). У нее короткое, толстое тело, короткая, суживающаяся к морде голова на тонкой шее, короткий хвост, ноги длинные, сильные, с широкими копытами; уши острые; рога (у обоих полов) сильно закруглены, у основания кольчатые, в середине исполосованы продольными бороздками, а на конце так гладки, что кажутся отполированными. Европейская **серна** (*C. giricarpa*) достигает длины в 1,1 м, при высоте в 75 см. Довольно жесткая шерсть ее летом сверху грязно-красно-бурая, снизу — светло-рыжая, на шее светло-желтая; зимой — темно-бурая или блестящая буровато-черная, на животе белая.

Серны встречаются в Пиренеях, на Балканском полуострове, в Карпатах, на Кавказе, но настоящим отечеством их являются Альпы, именно, в Баварии, Тироле и Штирии, где теперь, ввиду сильного истребления, их охраняют строгие законы владельцев тех угодий, где серна водится. Теперь охота на серн составляет привилегию богатых людей и царственных особ.

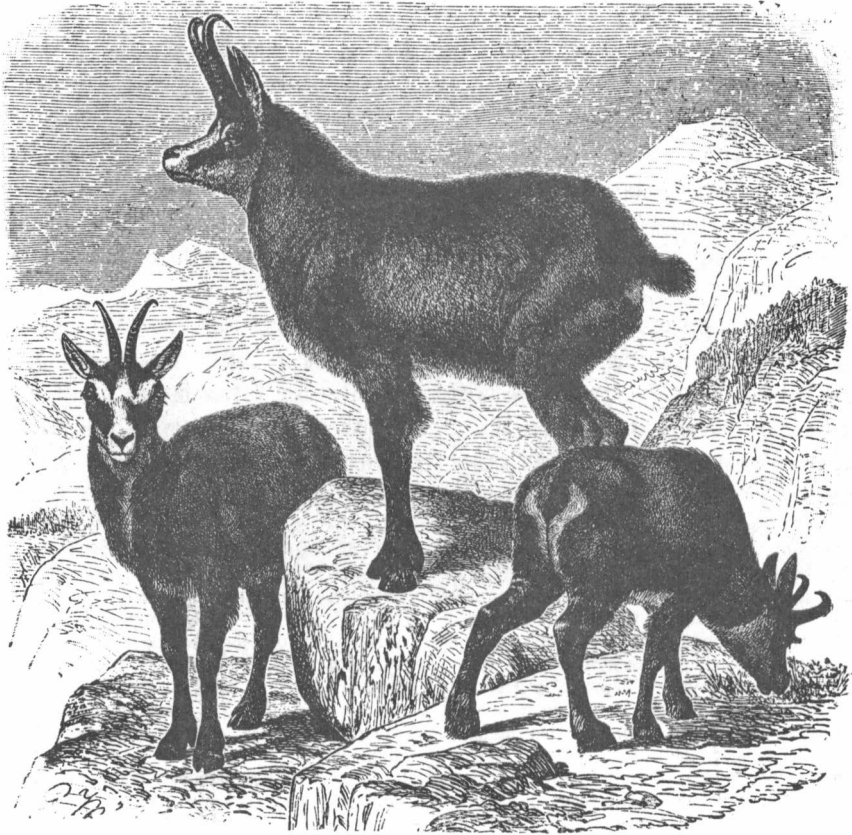
Большая часть серн держится летом в лесной полосе гор, а так называемые глетчерные серны спускаются в леса во время сильной непогоды, особенно перед бурей, наступление которой предчувствуют часто за два дня. Ночью животные отдыхают. С рассветом же поднимаются с ночлега и уходят на пастбище, тихо направляясь под гору вниз. Перед полуднем они лежат, поджав ноги, в тени нависшего утеса, пережевывая жвачку, в полдень тихо поднимаются на гору, затем опять отдыхают, сходят вечером на пастбище и с сумерками укладываются на покой.

Как животные общительные, серны часто соединяются в большие стада, причем роль вожака принимает на себя какая-нибудь опытная, старая коза; она и стоит на страже. Заметив что-либо подозрительное, она издает далеко слышимый свист, сопровождая его ударами передних ног, и потом первая бросается бежать, за ней кидается все стадо.

Относительно движений серна соперничает с другими горными животными того же семейства. Она искусно карабкается, уверенно прыгает и проворно бежит там, где альпийская коза не сумела бы пройти. Прыжки ее имеют в длину до 3 саж., а в высоту иногда до 2. Серна уверенно взбирается на

самые крутые скалы и ловко переносится, точно на крыльях, через громадные пропасти, стремглав бросается вниз, с крутых обрывков, умеряя быстроту падения задними ногами, а передними отыскивая какой-нибудь спасительный выступ и таким образом описывая при падении кривую линию.

В то же время действия ее в высшей степени осторожны. «На наших глазах,—рассказывает Чуди,—стадо серн переходило через очень опасный,

Серна (*Capella rupicapra*)

крутой карниз, покрытый камнями. Нельзя было не любоваться терпением и умом этих животных. Одна серна шла впереди всех и осторожно поднималась вверх, а другие, дожидаясь очереди, не трогались с места, пока первая не достигла вершины и пока ни один камень не скатился вниз; только тогда последовала за ней вторая, третья и т. д. Животные, прибывшие наверх первыми, не рассыпались тотчас по лугу, а остановились на краю обрыва, не сводя глаз с других серн, пока все до последней не присоединились благополучно к ним».

Иногда серны нарочно катаются с гор по плотному снегу, так наз. «фирну», причем это, видимо, забавляет их.

С другими животными серны почти не имеют никакого общения, а овец не выносят даже запаха; напротив, к рогатому скоту и оленям относятся дружелюбно.

Летом серна мечет 2—3, а чаще 1 детеныша. Маленькие серны—преlestные создания, покрытые пушистой шерстью бледно-красноватого цвета; тотчас после рождения, едва успев обсохнуть, они уже шаг за шагом следуют за матерью и через 2 дня становятся так же подвижны, как она. Мать в течение 6 месяцев очень нежна с детенышем, заботится о нем, обучает его искусству лазанья и прыганья, зовет его голосом, похожим на бляение козы; молодые серны платят матерям тем же чувством. В три года серна достигает полного развития.

Пойманные молодыми, серны быстро ручнеют и ведут себя, как веселые козочки. Мясо их превосходно. Из кожи выделяется отличный товар, идут в дело и рога.

Охота на серн представляет много трудностей, так как охотник, взбираясь по скалам или проходя пропасть, вдруг бывает засыпан целым дождем камней, сброшенных бегущими животными. Иногда же он попадает на такие крутизны или забирается в такие ущелья, что ему и не выбраться, а серны и след простыл. Тем не менее охота на это изящное, красивое животное издавна считалась удовольствием, достойным высокопоставленных особ.

Живущая на ю.-в. Европы и в Зап. Азии (от Дона до Иртыша и Оби к северу до 55° с. ш.) степная антилопа называемая сайга, или сайгак (*Colus tataricus*), по внешнему виду походит на овцу, а другими признаками напоминает северного оленя. Это—довольно неуклюжее животное с толстым, коренастым туловищем и низкими ногами, покрытое длинной, мягкой шерстью серовато-желтого, отчасти пепельно-серого с черным, цвета. Оригинален нос, толстый, далеко выступающий за нижнюю челюсть, подвижный и тупой. Рога, только у самцов, почти прямые; уши—короткие, широкие; небольшие глаза с почти голыми веками усажены щетинистыми ресницами; зрачок продолговатый. Длина—до 1,3 м, высота—80 см.

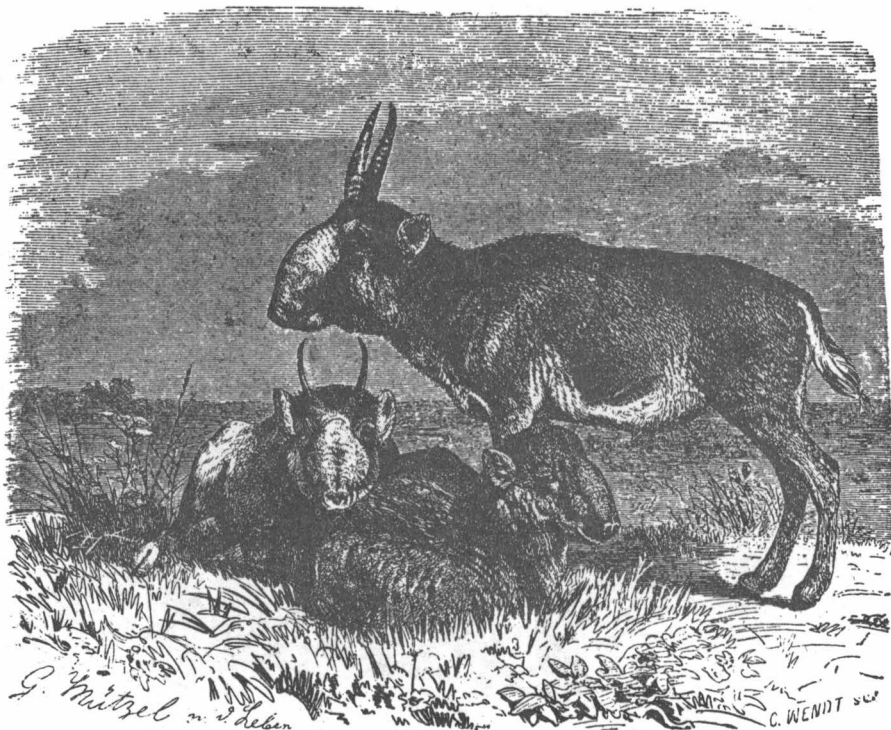
Сайги живут небольшими семьями, но в начале осени соединяются в большие стада, совершая большие переходы и возвращаясь весной обратно. Из внешних чувств лучше всего развито обоняние; зрение же слабо. Что касается ума, то с этой стороны также нельзя сказать ничего лестного для них. Он и пугливый, и нерассудительный, не умеет отличать настоящей опасности от мнимой.

Пищу их составляют главным образом солончаковые растения, отчего, вероятно, и мясо их приобретает противный вкус. Впрочем, кочевники Азии все-таки усердно преследуют этих животных. В неволе сайги скоро ручнеют, но представляют мало интересного для наблюдателя.

Наконец, заканчивая описание антилоп и вместе с тем всего обширного семейства полорогих, остановимся на гну (*Catoblepas*), представляющем из себя, пожалуй, самое стройное животное из всех жвачных. В самом деле, полуантилопа, полубык, полулошадь, гну имеет такой вид, что с первого взгляда невозможно решить, к какой группе животных его отнести. По фигуре, хвосту и гриве он похож на лошадь, но его голова, украшенная двумя рогами,

гораздо более напоминает бычачью, а раздвоенные копыта усиливают это сходство.

Известны два вида гну: **серый гну** (*C. gnu*), величиной с годовалую лошадь (точнее 2,8 м длины, считая 80 см на хвост, высота 1,2 м), с равномерно-серой шерстью и беловатой гривой; **кокон**, или полосатый (*C. taurinus*), отли-

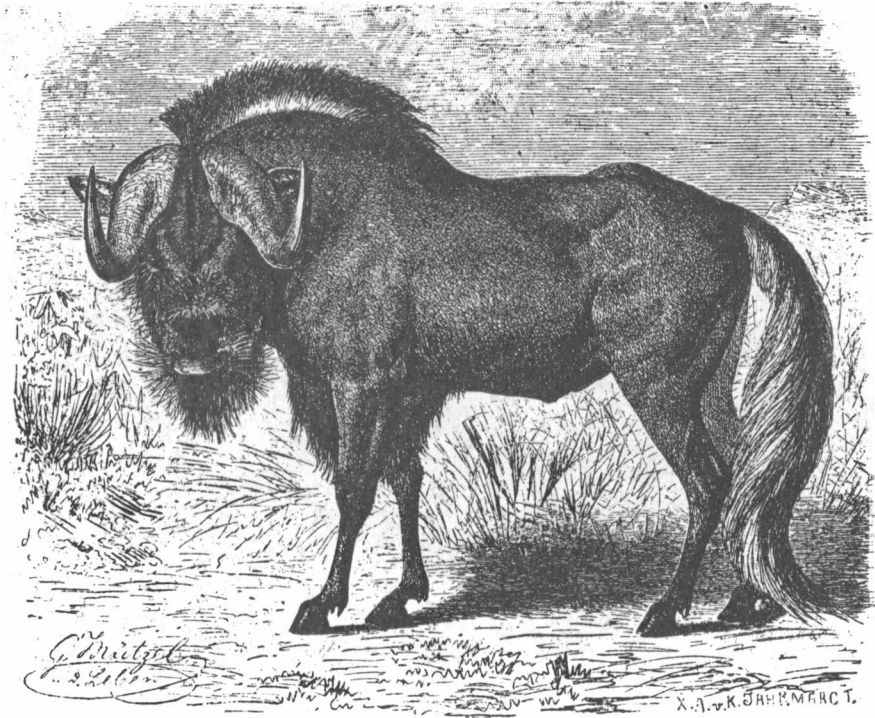
Сайгак (*Colus tataricus*)

чающийся от первого ростом (до 3 м), более длинной гривой и вертикальными темными полосами на груди и шее.

Оба вида гну—чрезвычайно резвые, подвижные животные, замечательно быстрые и легкие на скаку. Замечательный иноходец, гну несется по равнинам с какой-то дикостью и огнем,—недаром многие путешественники считают его эмблемой безграничной свободы. С пленом взрослый гну никогда не может помириться, оставаясь всегда диким и неукротимым. К сожалению, это обстоятельство является причиной того, что натуралисты очень мало знают о характере, привычках и образе жизни гну. Готтентоты и кафры, имеющие чаще случай наблюдать гну на свободе, рассказывают про него массу удивительных вещей, но где тут правда и где вымысел,—сказать очень трудно.

«Из всех животных,—говорит Гаррис,—гну, кажется, самое неуклюжее

и странное, как по наружности, так и по привычкам. Созданный странной прихотью природы, он во всех своих движениях так комичен, что невозможно смотреть на него без смеха. Опустив между стройными и сильными ногами свою мохнатую голову и разметав по ветру длинный белый хвост, эти уморительные и пугливые животные производят самое дикое и смешное впечатление на наблюдателя. Иногда гну вдруг останавливается, опускает голову, как бы собираясь ударить рогами, глаза его мечут искры, и громкое, выразительное

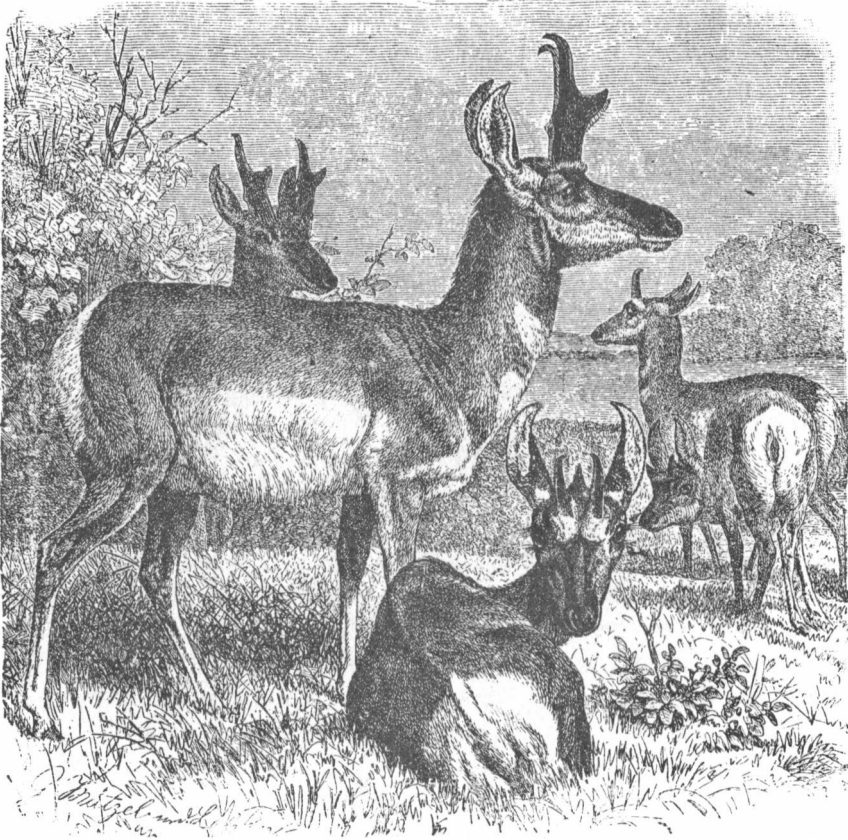

Гну (*Catoblepas gnu*)

рычание, напоминающее рев льва, раздается по степи, но через мгновение он уже летит дальше, прыгает, вертится, падает на колени, подымается на дыбы, с любопытством подбегает к незнакомому предмету, затем опять кидается в сторону...»

Гну обладает превосходным зрением, обонянием и слухом, чрезвычайно вынослив и храбр. Будучи окружен толпой своих вековечных врагов — гиен, гну так отчаянно защищается ногами и рогами, что обыкновенно трусливые гиены отступают на почтительную дистанцию. Даже человек не страшен гну, и он озлобленно кидается на охотника, когда видит, что путь к отступлению отрезан. Но, понятно, верх в этой неравной борьбе остается не на

стороне гну: не только пуля охотника или отравленная стрела готтентота губельны для него, но и копье кафра, брошенное меткой рукой прямо в сердце, часто прекращает дни свободолюбивого обитателя африканских степей. Благодаря этому, в настоящее время гну почти целиком истреблены в пределах Капской земли, и, чтобы видеть их, путешественник должен проникнуть далеко к северу в глубину пустынь подэкваториальной Африки.

Вилорог (*Antilocapra americana*)

Следующее семейство, **вилорогих** (*Antilocapridae*), заключающее лишь один вид — **вилорог** (*Antilocapra americana*), отличается от полорогих тем, что рога, хотя и полые, но вместе с тем ветвистые, не растут всю жизнь, как у полорогих, а спадают время от времени, вновь вырастая, как у оленей, хотя несколько другим образом. По фигуре вилорог напоминает антилопу; общая длина его — 1,5 м, высота в плечах 80 см. Голова некрасивая, вроде

бараньей, вытянутая вперед; глаза большие, темные, выразительные; уши длинные и острые, мех густой, на шее, спине и боках — красивый нежно-рыжевато-чалого цвета, на животе белого, наконец, на голове — отчасти черно-бурого. Рога — у обоих полов. Живет вилорог в Сев. Америке, в равнинах Канзаса, между Скалистыми горами и Сьеррой-Невадой, в Техасе и пр., где они бродят, иногда соединяясь в большие стада. По быстроте и проворству они напоминают анти-

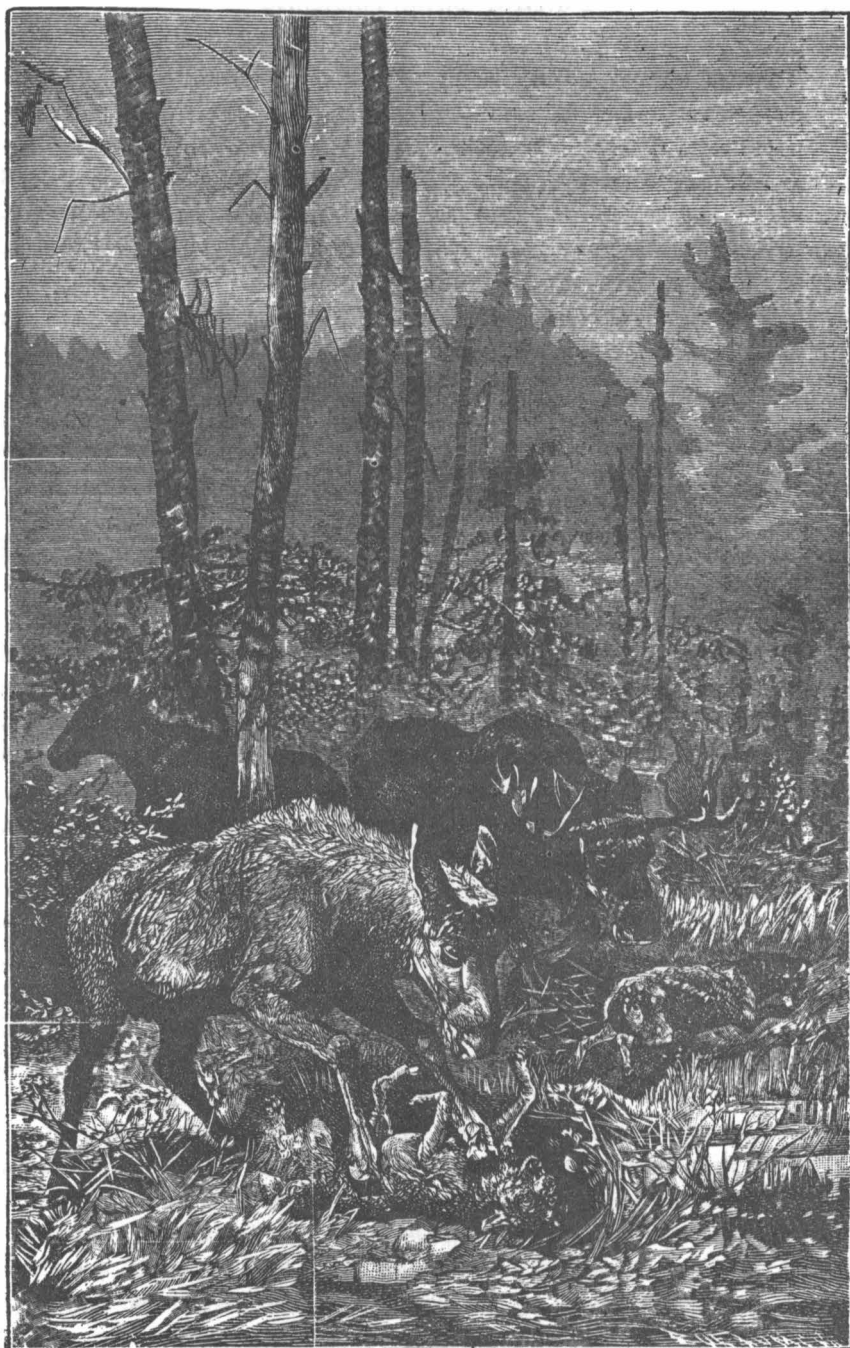
лоп, а по остроте чувств даже превосходят их, зато, подобно им, так же любопытны. Самка родит летом 2 детенышей, которые уже через 2 недели могут отлично бегать. Мясо вилорога считается лакомством. В неволе это свободное дитя степей чувствует себя плохо.

Семейство **олений** (Cervidae) включает в себе большей частью стройных, красивых животных с ветвистыми рогами, ежегодно опадающими и снова вырастающими. Вещество их похоже на кость. Уже до рождения место рогов обозначается сильным утолщением черепа; на 6 или 8 месяце после рождения образуется возвышение лобной кости — костяной пенек, который приподнимает за собой наружные покровы и остается на всю жизнь. Это — так наз. «дудка», на которой и вырастают потом рога, причем они сначала имеют один ствол, потом все более и более ветвятся. «С годами, — говорит Блазиус, — у оленя происходит значительная перемена в рогах. Прежде всего дудки с каждым годом все расширяются и все больше приближаются к середине лба, так что выступ лба все более отодвигается назад, а мозговая часть черепа относительно уменьшается. Еще удивительнее изменения в форме рогов и числе ветвей. Молодые рога, зарождение которых и служит причиной отпадения старых, сначала покрыты богатой сосудами волосистой кожей, шишковаты, мелки и гибки. На главном стволе появляются сперва нижние, затем верхние ветви, и, когда концы их окостенеют, кровообращение рогов останавливается, и олени чувствуют потребность удалить кожу или кору, которая начинает отваливаться сама собой». У большинства оленей на втором году уже появляются 1—2 отростка или ветви, в следующем году прибавляется еще 1 ветвь, и так продолжается до тех пор, пока рога не достигнут наибольшего развития. Рога опадают большей частью не разом, а одним за другим, причем уже за несколько дней до спадания олень ощущает болезненное чувство и остерегается ударить рогами о что-нибудь.

Уже с незапамятных времен олени были распространены по всей земле и в настоящее время водятся во всех частях света, за исключением Эфиопской и Австралийской областей. Для них удобны все климаты и все высоты; они живут и на горах, и на равнинах, и в лесах, и в открытых местах, и всегда стадами. Все — живые, боязливые и подвижные существа, с тонко развитыми внешними чувствами, но умственно небогато одаренные. Их голос состоит из коротких глухих рычаний у самцов и блеющих звуков у самок. Пищу их составляют растения, начиная от коры и древесных ветвей и кончая мхом и лишаями, соль для них — лакомство, а вода — необходимость. Самка мечет в год 1—2, редко 3 детенышей, которые уже через несколько дней могут следовать за своими родителями; последние относятся к своему потомству очень нежно.

Описание семейства олений мы начнем с великанов его — **лосей**.

Между всеми сухопутными животными Европы **лось** (*Alces palmatus*), несомненно, занимает первое место по своей величине. До полутора сажен длины,

Лось (*Alces palmatus*)

более 2 аршин высоты и более 30 пудов весом, это млекопитающее является настоящим великаном среди оленей, к семейству которых его относит систематика. Наружность лося—довольно неказиста; особенно некрасиво выглядит голова,—большая, вытянутая, оканчивающаяся длинной, толстой, спереди как бы обрубленной мордой, которая обезображена еще хрящеватым носом и сильно выдающейся, морщинистой верхней губой. Даже рога не красят лося: большие, тяжелые, широкие, плоские, в виде лопат, они совсем не производят того впечатления, как легкие, грациозные, стройные рога настоящих оленей. Самки лосей рогов не имеют.

Любимым местопребыванием лосей служат дикие, пустынные леса смешанного типа, особенно такие, где много березы, осины, ветлы и где есть болота и топи. Здесь, в продолжение всего вечера, ночи и раннего утра, лениво бродят они, отыскивая пищу. Последней служат: тростники, камыши и, главным образом, молодые побеги лиственных и хвойных деревьев, с которых лось объедает не только листву, но и кору.

С этой точки зрения лося можно справедливо назвать настоящим истребителем лесов; там, где он водится в большом количестве, невозможно рациональное лесное хозяйство. Но так как хозяйство в наших северных лесах стоит еще на самой низкой ступени развития, то вред, причиняемый лосем лесу, нужно считать незначительным по сравнению, напр., с хищническими порубками, нападением короедов и т. п.

Несмотря на свою массивность, лось отличается легким и сильным бегом; он отлично пробирается по лесной чаще, ловко переходит топи и болота, прекрасно плавает, наконец, искусно перепрыгивает через заборы высотой до двух аршин. Однако ни ловкость, ни быстрота не спасают его от преследования человека, который настойчиво охотится за ним, главным образом из-за его шкуры (лосины), которая ценится очень высоко. Кроме человека врагами лося можно считать всех крупных хищников наших лесов, напр., волка, медведя, рысь, росомаху. Волки большей частью нападают на него во время обильного снега, который, покрывая почву толстым слоем, стесняет движения лосей. Медведь нападает из засады. Но с этими врагами лось легко справляется, даже не имея рогов; его крепкие, острые копыта передних ног представляют такое прекрасное орудие защиты, что одного удара достаточно, чтобы убить наповал или изувечить врага. Другое дело—рыси и росомахи, которые спрыгивают на лосей с деревьев и, вцепившись когтями в шею животного, стараются перекусить сонные артерии. Против этих врагов лоси беззащитны.

Охота на лося со стороны человека и животных облегчается глупостью зверя и неразвитостью его органов чувств, за исключением органа слуха. Все поступки лося указывают на его ограниченный ум. Он совсем не робок и вовсе не может быть назван осторожным, едва умеет отличать настоящую опасность от воображаемой, на все окружающее смотрит вполне безучастно, трудно применяется к изменившимся обстоятельствам и вообще обнаруживает, что мало способен к усовершенствованию. Наклонность к общежитию у него вовсе не развита; твердого сплочения стада у лосей совсем незаметно. Каждое отдельное животное действует по собственному усмотрению, и только телята

следуют за матерью. Вожака в стаде, как у других оленей, не бывает. Еда и покой составляют, кажется, высшую задачу жизни лося.

Единственная хорошая черта у лося—это его миролюбие. Лось редко первый нападает на других животных или на человека. Далее, прирученный с молодости, он становится вполне похож на домашнюю корову.

Один наблюдатель нашел в лесу телянка и воспитал его. «Когда животное выросло,—говорит некто Мюллер,—то стало бегать за человеком, как ручной баран, и нежно лизало лицо и руки своему господину. Ему очень понравился сад, в который он ходил сначала только в сопровождении людей, так как его отлучили от молока, и он стал вполне понимать пользу учреждения, которое доставляло ему обильную пищу. Когда вскоре сад заперли от него, он ловко перескочил через забор; тогда забор повысили до 1½ аршина, но и это препятствие он преодолел, не повредив своих ловких ног. Лось любил сопровождать своего господина, когда тот ходил в лес, и его часто приходилось силой прогонять назад. Однажды, когда ему позволили идти с хозяином, он обежал лес вдоль и поперек и нашел своих родичей. Внимательно посмотрел он на них, и, казалось, они сильно интересовали его; однако ему больше нравилось житье у своего господина, и он спокойно вернулся домой».

Европейский лось водится, кроме Европы, и в Азии, на обширном пространстве от 50° с. ш. до Амура; здесь пищу его составляют главным образом побеги низкорослой березы и мясистые корневища некоторых водяных растений, для которых он спускается летом в долины к рекам.

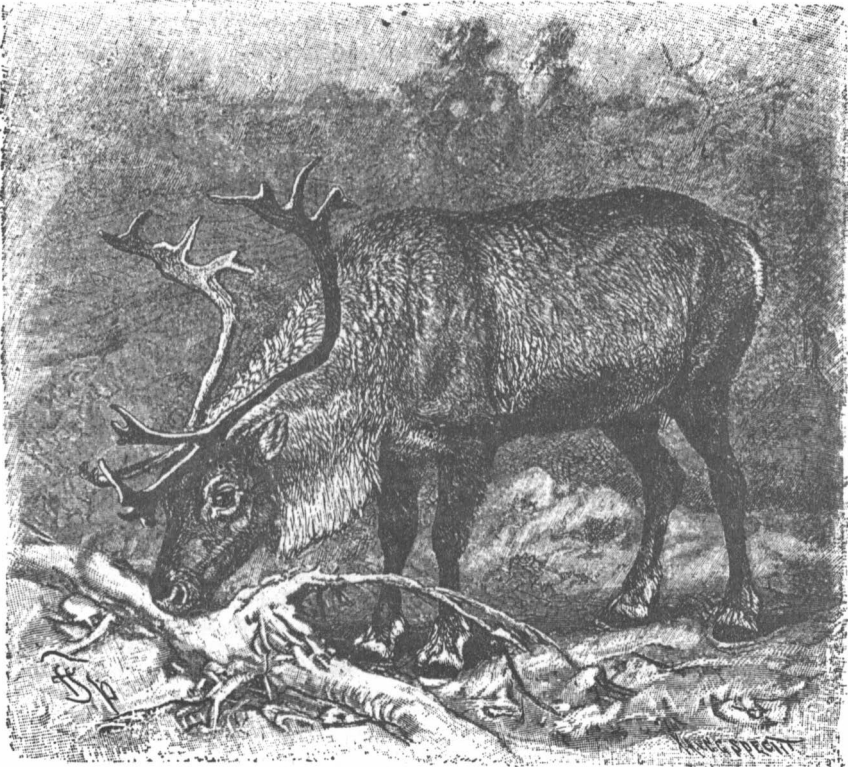
В Северной Америке водится другой вид лося—**американский лось** (*Alces americanus*), или мусва (мунза), как называют его индейцы. Это животное, отличающееся от своего европейского родича отдельной глазной ветвью рогов и глубокими надрезами на рогах, еще больше и тяжелее нашего лося. Достаточно сказать, что голова его—более 2 футов длины. Американского лося человек преследует еще с большей настойчи-

востью, чем европейского, так как у него высоко ценится и мясо, и рога, и кожа. По уверению североамериканских индейцев, мясо лося укрепляет человека втрое лучше, чем всякая другая пища. Рога лося идут у индейцев на ложки, а кожей они обтягивают свои легкие пироги. Вследствие жестокой охоты и лосю, несомненно, грозит близкая опасность исчезнуть с лица земли, подобно зубру или бизону.

Северные олени (*Cervus tarandus*) отличаются от других оленей присутствием у обоих полов рогов, дугообразно изогнутых сзади наперед, а на концах расширенных в виде лопаток. Надглазные ветви, часто состоящие только из одного отростка, имеют форму пальцев и покрыты неглубокими бороздками. Далее, у них широкие копыта и длинные, но тупые задние копытца. Внешность этих оленей довольно неказиста, ноги короткие, хвост мал; у самцов иногда встречаются в верхней челюсти клыки. Рога самок меньше.

Для лапландцев, самоедов и др. северных народов северный олень более необходим, чем нам—рогатый скот или лошадь, а арабу—верблюд, так как он дает своим хозяевам мясо и молоко для пищи, шкуры и

кости—для одежды и служит выючным животным. Поэтому только тот лапландец или самоед считает себя счастливым, кто имеет достаточно оленей. Последние, по-видимому, давно уже служат человеку на Дальнем севере,— и это долгое рабство наложило на оленя такой отпечаток, что ни по образу жизни, ни по характеру в домашнем олене не узнать гордого властелина северных гор, каким и до сих пор является дикий олень.

Северный олень (*Rangifer tarandus*)

Северный олень — довольно крупное животное. Длина его доходит до 2 м, длина хвоста — 13 см, высота у загривка — около 1 м. Шерсть — густая, длинная, волнистая, темно-бурого цвета у домашнего и серая (зимой — с сединой) у дикого. Встречается это животное севернее 60° и только иногда спускается до 52°, как в Новом, так и в Старом Свете (в Скандинавии, Гренландии, Сибири и т. п.). Подобно серне, он водится только на обширных, покрытых мхом, ягелем (оленьим мхом) и скудной альпийской травой площадям северных гор (в Норвегии — «фиельды»). В Сибири он совершает

регулярные путешествия, переходя весной из лесов, где он искал защиты от холодов, в тундры. Здесь к тому времени начинает показываться полярная растительность. Отощавшие за зиму животные жиреют на привольном корму, затем, когда в тундрах летом развиваются тучи комаров, оводов и т. п. насекомых, олени бегут от них в августе — сентябре опять в леса. Такие переселения совершаются обыкновенно большими стадами, причем вся громадная движущаяся масса имеет вид леса, только, понятно, леса без листьев. За оленями гонятся в это время волки и другие хищники,

чтобы питаться оставшими, усталыми путешественниками. В горах олени летом, спасаясь от насекомых и жары, поднимаются к глетчерам, а осенью спускаются в низины. Широкие копыта позволяют этим животным так же хорошо ходить по болотистым и снежным местам, как и удерживаться на крутых склонах. Только весной, когда талый снег покрывается ледяной корой (настом), режущим до крови ноги оленей, последним приходится плохо, чем обыкновенно и пользуются волки, легко скользящие по насту. При каждом шаге оленя слышится своеобразный хруст, как бы от хрустения суставов, что в массе производит довольно сильный, странный шум. Затем, олень хорошо плавает и обладает совершенными органами внешних чувств. Но как ни чуток он, как ни осторожен, ему не спастись от своего злейшего врага — человека, который всегда находит тысячи способов убить это благородное животное или обратить его в рабство. Пойманный олень, особенно молодой, быстро ручнеет, но зато, при малейшем недосмотре со стороны хозяина, и быстро опять дичает, как и домашний. По-

этому считать оленя вполне домашним животным нельзя: самые обычные операции, как доение молока, возможны у них только при помощи аркана, которым держат оленю самку.

Домашние олени вообще меньше и не так красивы, как дикие; в июле—августе они живут в горах или на морском берегу, а в сентябре возвращаются оттуда, чтобы пастись на свободе. С первым снегом их загоняют в загоны, оберегая от волков, и выпускают только весной. Тогда же они и телятся. Маленькие олени — милостивые создания, нежно любимые матерью. Таким образом лапландец и странствует всю свою жизнь, руководясь только соображением, где лучше его оленям. Его сопровождают верные собаки, служащие пастухами. К несчастью, повальные болезни год от году все более и более распространяются на севере и сокращают число этих полезных животных. Бывали случаи, что падеж разом захватывал стадо в несколько тысяч голов, и вчерашний богатый и счастливый человек сегодня просыпается буквально нищим, которому грозит смерть от голода.

Рядом с северными оленями нужно поставить **ланей** (*Dama vulgaris*), которые имеют круглые, состоящие из двух ветвей рога, расширяющиеся кверху в длинную лопатку с отростками по краям, назад и вперед. Они распространены по Европе и Африке на юг до Сахары и на север — до Южной Скандинавии. Длина лани — 1,6 м, включая 16 см на хвост, высота — 90 см. По виду это животное напоминает козу. Шерсть летом красновато-бурая, на животе белая, зимой — буровато-серая с черным. Органы внешних чувств развиты хорошо. Подобно оленю, лань плавает, но бежит не так быстро. По характеру она беспокойнее, живее оленя и не так осторожна. Пища ее та же. Детеныши, появляющиеся по одному в июне, сначала совсем беспомощны и в это время сильно страдают от хищников, но мать храбро оберегает их. Лань преследуется человеком, подобно оленю, из-за мяса и кожи.

Благородный олень (*Cervus elaphus*) отличается круглыми стволами и ветвями своих рогов, которые бывают только у самцов. Это — красивое, стройное, изящное животное, с широкой грудью и длинной головой, с живыми глазами, имеющими овальные зрачки. Из слезных ямок их вытекает жирная, кашицеобразная масса. Величина оленя — 1,85—2,15 м, причем 15 см занимает хвост, высота плеч 1,2—1,5; общий вес до 12 пуд. Самки меньше. Шерсть состоит из ости, серовато-бурой зимой и красновато-бурой летом, и пепельно-серого подшерстка.

Еще и в наше время благородные олени живут почти по всей Европе, (до 65° к северу), а близкие им виды населяют Азию, от 55° с.ш. до Манчжурских гор. Больше всего в Европе их в Австро-Венгрии. Олени предпочи-

тают гористые местности, покрытые лесом, и ходят небольшими стадами, во главе которых стоит самка; старые же самцы живут в одиночку. Зимой животные спускаются в долины, а летом поднимаются на крайние высоты. Все движения оленей быстры и в то же время красивы. Он шутя делает огромные прыжки, преодолевает всевозможные препятствия, переплывает реки. Все внешние чувства развиты у него отлично. Но характер его — далеко не благородный: олень раздражителен, эгоистичен, зол, так что даже с прирученными нужно держаться осторожно. Самка родит летом 1—2 детенышей, к которым относится с нежностью. Молодые олени становятся взрослыми только через несколько лет (самки раньше, на третьем году); первые рога появляются на 7 месяце.

Подобно северному собрату, и благородный олень страдает главным образом, кроме человека, от волков, рысей и др. хищников, а летом — от комаров и оводов.

В прежнее время разным частям тела оленя приписывались целебные свойства. Но теперь только одни китайцы платят бешеные деньги за панты, мягкие молодые рога маралов (сибирская разновидность благородного оленя).

В Сев.-Зап. Америке водится **калифорнийский олень** (*C. barbarus*), похожий на благородного, а в Канаде — крупнейший из всех оленей — **канадский** (*C. canadensis*).

Из других видов укажем прежде всего на **болотного оленя**, или **барая** (*C. duvaucelli*), достигающего в длину 2 м, из которых 20 см занимает хвост, при высоте 1,15 м. Этот стройный, красивый олень покрыт летом золотистым, красновато-бурым мехом, довольно взъерошенным; на спине — темно-бурая полоса, окаймленная светло-желтыми пятнами; голова — серая. Рога в общем отличаются шириной и многочисленными ветвями (до 17) и в среднем достигают 90 см высоты. Барая живет семьями и большими стадами в лесистых областях Индии, от подножия Гималаев до дельты Ганга и центральных провинций. Крик его — тонкое, отрывистое бление.

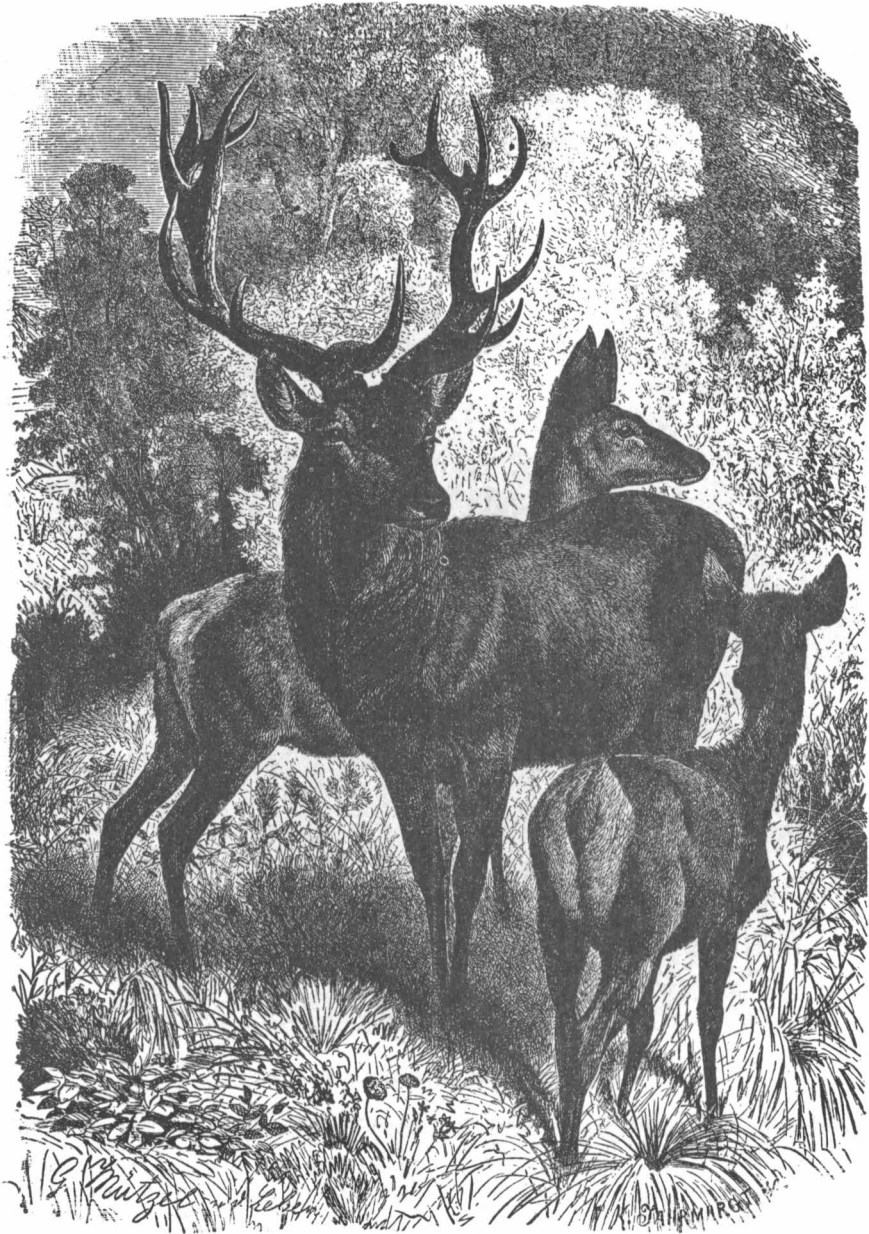
В густых лесах, а также джунглях Индии встречается и другой олень — **пятнистый**, **бурия** (*C. axis*), длиной 140 см и 90 см высоты. Покрыт красивой серовато-красно-бурой шерстью с пятнами; живот и горло — желто-белые. Прекрасные лирообразные рога отогнуты назад.

Другие индийские олени имеют более коленастое туловище, довольно толстые конечности, короткую шею и голову и относительно длинный хвост; они покрыты грубыми, ломкими и редкими волосами. Рога, только у самцов, никогда не имеют более 6 ветвей. Более красивый из них — **замбар** (*C. agrotelis*), широко распространенный по Индостану и Индокитаю. Длина его до 2,4 м, из

которых 30 см занимает хвост, высота до 1,3 м. Окраска на спине черно-бурая, переходящая на животе в светло-бурую. Предпочитает гористые и лесистые места.

Немного уступает замбару по величине **длинногривый олень** (*C. hippelaphus*), с о-ва Явы. Шерсть — бледной, серовато-бурой окраски. Рога имеют чрезвычайно толстые стволы. Животное держится красиво и величественно. Далее, укажем на **свиного оленя**, или **пару** индусов (*C. porcinus*), 1,2 м длины, причем 20 см занимает хвост, и 70 см высоты. Это — неуклюжее животное с толстым животом, на коротких ногах, покрытое шерстью кофейного цвета. Живет в Британской Индии и Бирме, поодиночке, в лесах, заросших травой и кустарником. Эти олени задорны, злы, но вместе с тем довольно глупы.

Американских оленей, за исключением 3 видов, причисляют к роду **мазама** (*Capreolus*); распространены они от 50—60° с. ш. до Патагонии. В Сев. Америке и сев. части Южной живут самые красивые, стройные мазамы, покрытые густыми, ярко окрашенными, мягкими волосами, удлинненными у самца в виде гривы. Самый известный из них — **виргинский олень** (*Capreolus virginianus*), сходный несколько с ланью, но более изящный, с тонкими ногами. Летом он покрыт прекрасным равномерным желто-бурым мехом, темнеющим на спине; голова — серовато-бурая; зимой весь мех принимает сверху серо-бурый цвет, снизу — красновато-бурый. Длина его — 1,8 м, хвост — 30 см, высота — 1 м. Водится в лесах

Благородный олень (*Cervus elaphus*)

Сев. Америки до Мексики; по образу жизни походит на благородного оленя. Питается зерном, травой, ветками и корой деревьев.

Несколько похожи на виргинского **зача-точнорогие олени** (*Blastocervus*) в Ю. Америке, рога которых разветвляются вилообразно. Самый известный из них —

ких недель. Мясо молодых оленей приятно на вкус.

Наконец, нужно еще указать на группу маленьких ю.-американских оленей с небольшими копьевидными рогами, т. наз. копьерогих оленей (*Coassus*), с клыками, впоследствии выпадающими. Такова, напр.,

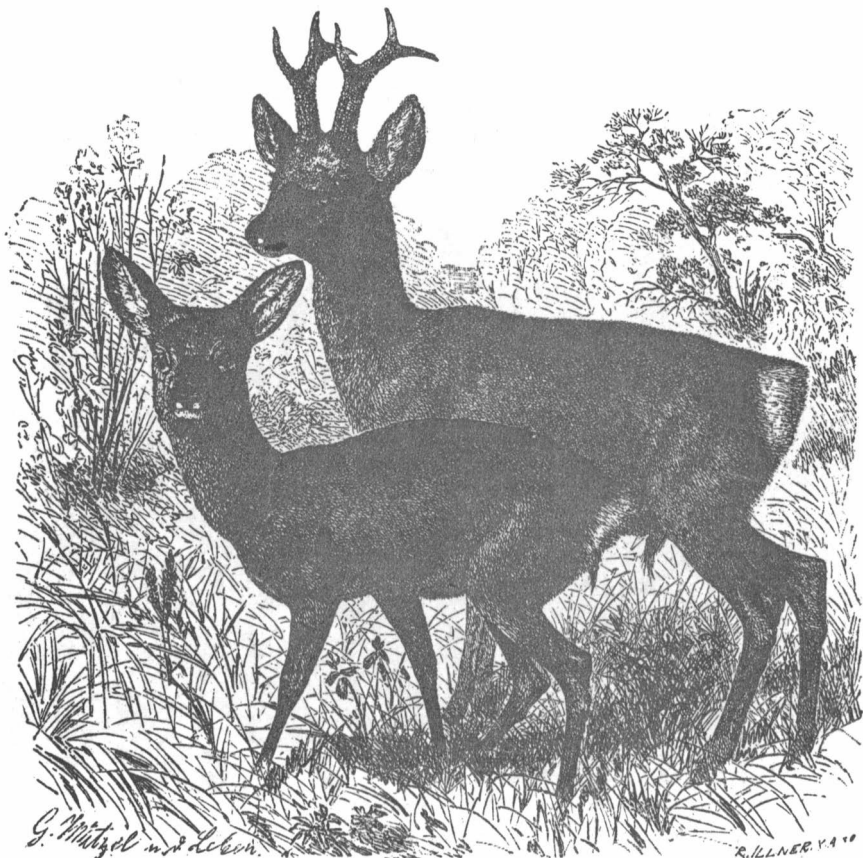

Виргинский олень (*Cariacus virginianus*)

пампасовый, или гвазун (*Bl. campestris*), длиной 1,1 м, хвост 10 см, высотой 70 см. Шерсть у него толстая, грубая, ломкая, глянцевитая, сверху светло-красновато-бурая, снизу и по бокам светлее. Рога не больше 25 см. Он предпочитает сухие открытые поляны и не терпит болот; живет маленькими семьями; прекрасно бегают; защищается отчаянно, но скоро делается ручным. В известное время от этого оленя исходит такая вонь, что достаточно дотронуться до него чем-нибудь, и эта вещь будет пахнуть невыносимо в течение несколь-

бразильская косуля, или гуазупита (*Coassus rufus*), самый крупный вид, до 1,1 м длины, при 60 см высоты, желтовато-буро-серой окраски. Живет в тенистых, первобытных лесах поодиночке или парами. В декабре—январе является теленок, который уже на третий день следует за матерью. Животные эти бегают быстро, но невыносливы, поэтому нагнать их, с лассо в руке, не составит большого труда. Мясо их очень вкусно. Приручаются легко, но в старшем возрасте становятся очень злыми и непокорными.

Настоящая **косуля** является представителем особого рода (*Capreolus*), который характеризуется закругленными, малоразветвленными, вилообразными, шершавыми рогами, иногда покрытыми красивыми бугорками и без надглазных ветвей. Зубов—32, так как большей частью клыков нет.

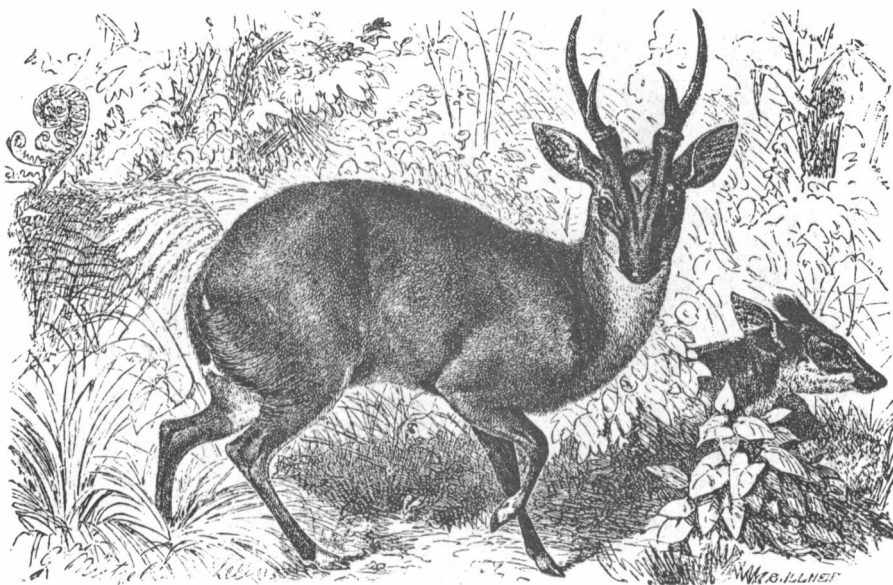

Косуля (*Capreolus caprea*)

Косуля европейская (*C. caprea*), или **дикая коза** русских охотников, достигает 1,3 м длины и 75 см высоты, хвост—едва 2 см. Самец весит 1½—2 пуда, самка—меньше. Сравнительно с благородным оленем косуля сложена плотнее, голова у нее короче и притупленная, туловище спереди толще, нежели сзади, спина почти прямая; уши средней величины, глаза большие, живые, опушенные длинными ресницами. Шерсть состоит из короткой, упругой, жесткой и круглой ости и длинного, волнистого, мягкого и ломкого подшерстка. Летняя окраска—темно-ржавого цвета, зимой—буро-серого.

За исключением севера, косуля распространена по всей Европе и большей

части Азии, предпочитая лиственные леса на болотистой почве. Летом она поднимается в горы, зимой же спускается в долины. В Сибири косуля, подобно оленю, предпринимает ежегодные путешествия, чтобы провести зиму в лесах равнин. Движения косули проворны и грациозны. Она без особенных усилий прыгает через высокие заборы и кусты, плавает и лазает также хорошо; прекрасно слышит, чует и видит; она хитра и осторожна. Ручнее она быстро, но во взрослом состоянии постоянно остается упрямым, капризным созданием, особенно самцы, которые ведут себя подобно самым своенравным козлам. Ест косуля то же, что и олень, но выбирает более нежную пищу, траву, молодые побеги деревьев и пр.

Мунджак (*Cervulus muntjac*)

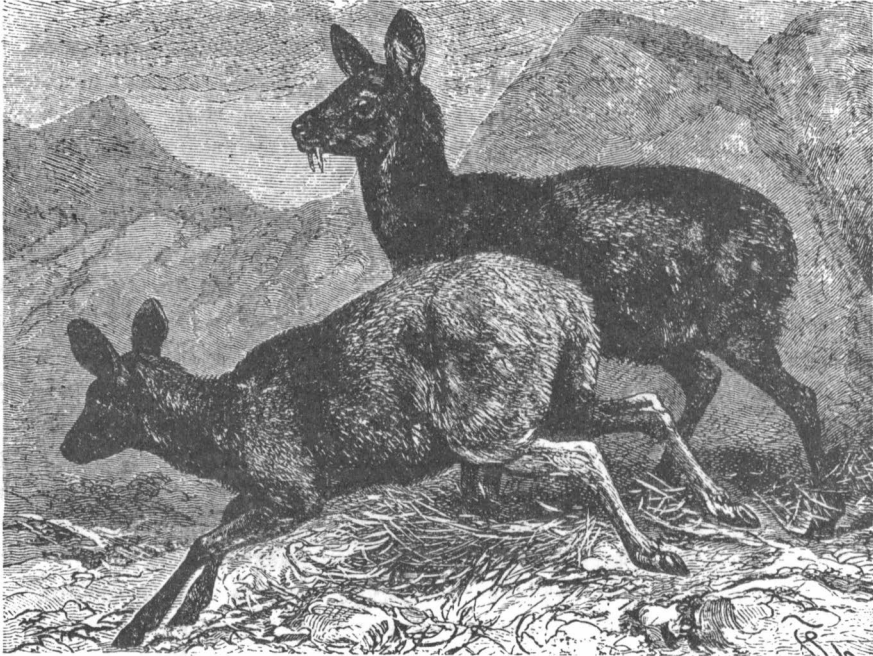
Гораздо меньше косуль — **мунджаки** (*Cervulus*), населяющие южные части Азии, начиная с Китая. Эти животные имеют очень короткие, малоразвитые рога, зато поразительно длинные клыки и глубокие, широкие слезные ямки. Самый известный **мунджак** (*C. muntjac*), длиной до 120 см, причём хвост 15, и высотой 60—70 см. Это довольно стройное, сильное животное с короткой головой, высокими ногами и коротким, гладким, густым, лохматым мехом темно-желто-бурой окраски. Водятся на Зондских о-вах, а также в Индокитае и

Индостане, предпочитая гористые местности. По словам Ходжсона, мунджаки крадутся, как ласки, низко наклонив голову, и умеют пробираться сквозь самую густую чащу. Крик мунджака, хриплый, резкий, звучный лай, слышен днем и ночью. При преследовании этот олень не бежит, а старается только спрятаться, зато, открытый в своем убежище, отчаянно защищается не только рогами, но и зубами, главным образом клыками. В неволе, как настоящий олень, он почти всегда остается вспыльчивым и даже злобным.

Последние два семейства жвачных — **кабарги** и **оленьки**.

Кабарги отличаются тем, что не имеют ни рогов, ни слезных ямок; хвост у них короткий. У самцов—длинные, выступающие наружу большие клыки в верхней челюсти, торчащие по бокам рта, несколько назад. На верхней челюсти нет резцов, а в нижней их—6; кроме того, вверху и внизу по 6 коренных зубов. Желудок, как у коровы, разделен на 4 части; у

Окраска—различна, от красно-бурой до желто-бурой и белой. Клыки высовываются на 5—7 см изо рта, имея острые, режущие края. Мускус, которого самцы имеют граммов 30, в сухом виде представляет зернистую или порошкообразную массу, сначала красно-бурую, а потом угольно-черную. Кабарга распространена от Амура до Алтая и от 60° с.ш. до Китая. Животное питается

Кабарга (*Moschus moschiferus*)

самца около пупка находится железистый мешок, выделяющий мускус. Живут кабарги в горах Китая и Тибета, среди скал. Жизнь их, как и большинства жвачных, начинается лишь после заката солнца, днем же они лежат, спрятавшись, и спят. Они веселы, проворны, легки и быстры в своих движениях, прекрасно прыгают, лазают и бегают, подобно серне, по снежным полям. Основные черты их характеры—робость и пугливость. Охотятся за ними ради мяса и мускуса.

Единственный представитель семейства—**кабарга** (*Moschus moschiferus*), до 1 м длины и 50 см высоты, причем зад немного выше перед; ноги имеют маленькие, длинные, узкие копыта, которые, однако, животное может широко расставлять при помощи находящейся между ними складки кожи.

лишайми и альпийскими травами. Оно проворно и пугливо, но не рассудительно, потому легко попадает не только под пулю охотника, но и в силки, петли и западни, причем прежде самок просто выбрасывали, даже не сдирая шкуры.

Оленьки (*Tragulidae*) представляют уже переход к свиньям. У них также есть клыки (у самцов), как у кабарги, но желудка только 3. По наружности это—красивые животные, несколько напоминающие косулю, с довольно толстым туловищем, стройной, красивой головой, прекрасными, светлыми глазами, тонкими ножками, едва толще карандаша, маленьким тупым хвостиком и мягкой, гладкой шерстью разнообразной окраски. **Оленек-кантил** (*Tragululus kanchil*)—всего 45 см длины, причем 4 занимает хвост, высота 20 см.

Шерсть сверху красновато-желто-бурая с черным, внизу—белая. Клыки на 3 см выступают из десен. Водятся каншилы на Зондских о-вах и в Индии, в лесистых горах, поодиночке; выходят на пастбу ночью. Все движения этого животного легки,

красивы и проворны. По характеру оно—достаточно лукаво, чтобы прятаться от врагов, так как не может долго бежать. Недаром малайцы говорят про самого хитрого лгуна: «Он так же лукав, как каншил».

Вторая группа непарнокопытных, **не жвачные**, разделяется на два семейства—**свиней и бегемотов**.

Свиньи отличаются почти клинообразной головой, оканчивающейся хрящеватым расширением в виде пяточка, в котором находятся 2 ноздри, довольно большими, обыкновенно прямо стоящими ушами, маленькими глазами и покрытым более или менее густой щетиной туловищем на стройных, тонких ногах, которое оканчивается длинным, тонким хвостом «колечком», копыта расположены правильно, попарно, причем внутренняя пара, несущая на себе тяжесть животного, гораздо больше наружной. Кости скелета тонки и изящны, напротив, зубы, именно клыки, сильны и крепки; клыки эти трехгранные, сильно загнутые вверх. Желудок—круглый, с слепым отростком. Кишечник раз в 10 длиннее тела. При усиленном питании под кожей отлагается слой жира иногда в несколько сантиметров толщины. Большая часть свиней живут обществами; образ жизни—ночной. Все довольно скоро бегают и отлично плавают; отлично чувствуют и слышат, но плохо видят. Отличительная черта их характера—храбрость, доходящая до самопожертвования, особенно когда дело доходит до защиты самок или поросят. Последние, которых появляется иногда разом до 24 штук, представляют веселых, живых существ; растут они быстро и через год достигают полной зрелости. Поэтому свиньи размножаются очень быстро, причем домашние свиньи, оставленные без призора человека, быстро дичают; зато дикие свиньи, пойманные в молодом возрасте, быстро привыкают к неволе.

Среди обширного царства животных едва ли найдешь такое четвероногое, которое могло бы так прекрасно приспособляться к различному климату, как неприхотливая, всядневная свинья. Защищенные толстым слоем жира от всякой непогоды, хорошо вооруженные острыми, словно отточенными клыками, нетребовательные к пище, эти толстокожие широко распространились по всем пяти частям света. При этом, конечно, они не могли везде сохранить своего первоначального типа и в некоторых странах более или менее заметно уклонились от него. Причиной такого уклонения были частью естественные условия, к которым должны были они приспособляться, частью же вмешательство человека, из-за своих выгод. Отсюда происходит такое разнообразие как диких, так и домашних пород свиней.

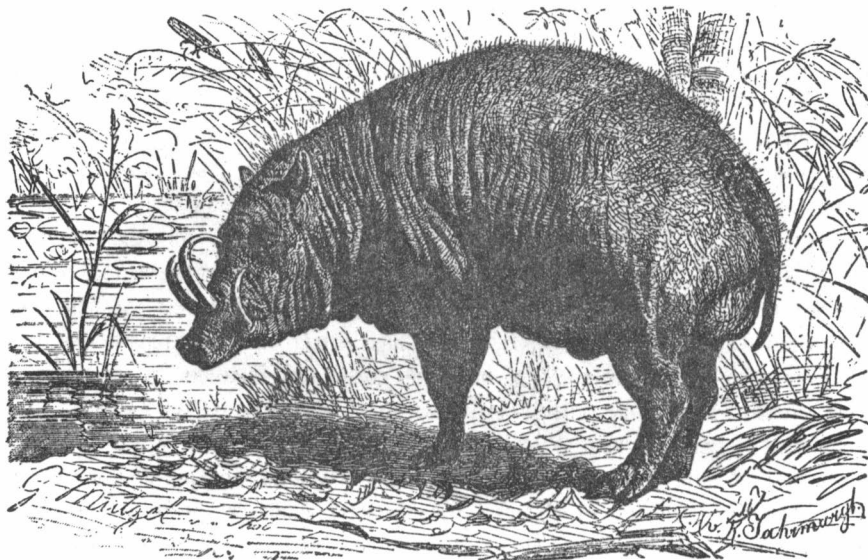
Между дикими свиньями резче всех, пожалуй, выдается африканская **бородавчатая свинья**, или **бородавочник** (*Phacochoerus africanus*), имеющая замечательно неказистую наружность. В самом деле, представьте

себе длинную широкую морду, покрытую большими бородавками и украшенную длинными, беспорядочно торчащими вниз и вверх большими зубами; прибавьте сюда толстое, неуклюжее, саженной длины тело, покрытое

длинной черной гривой,—и вы получите некоторое понятие об этой странной свинье.

На острове Целебесе водится не менее странная свинья, носящая название **бабируссы**, или **свинообразного оленя** (*Porcus babyrussa*). Такое название дано ей благодаря своеобразной форме ее клыков, выдающихся из верхней челюсти. Они необыкновенно длинные и остры, прорезают кожу морды по обеим сторонам носа и, направляясь прямо вверх, загибаются назад под глазами, достигая у старых самцов до 10 дюймов. Эти странные зубы совершенно

Наконец, в лесах Южной Африки находится особый вид маленьких свиней, известных под именем **пекари** (*Dicotyles*). Короткое туловище с заостренным рылом, отсутствие вывороченных кверху клыков, далее, белые полосы на шее и плечах, малоразвитый хвост, 3-копытные задние ноги и присутствие на конце спины особой железы, выделяющей пахучее вещество, сразу выделяют пекари от прочих свиней. Несмотря на свой небольшой рост (около 1 арш.), собственно пекари (*D. torquatus*) темно-бурого цвета, и 1½ арш. **мускусный пекари**

Бабирусса (*Porcus babyrussa*)

бесплезны для животного, которое и защищает, и отыскивает себе пищу посредством нижних клыков.

Гораздо красивее двух предыдущих видов **кистеухая**, или **гвинейская свинья** (*Potamochoerus porcus*), имеющая длинные пучки волос на тонких острых ушах. Кожа ее на спине и боках покрыта мягкой, густой щетиной прекрасного красновато-бурого цвета с желтым отливом, лоб же, темя и уши, а также ноги—резко черные. Наконец, грива, брови, полоса под глазами и бакенбарды—белые. В общем, при виде этого животного у всякого наблюдателя останется весьма приятное впечатление.

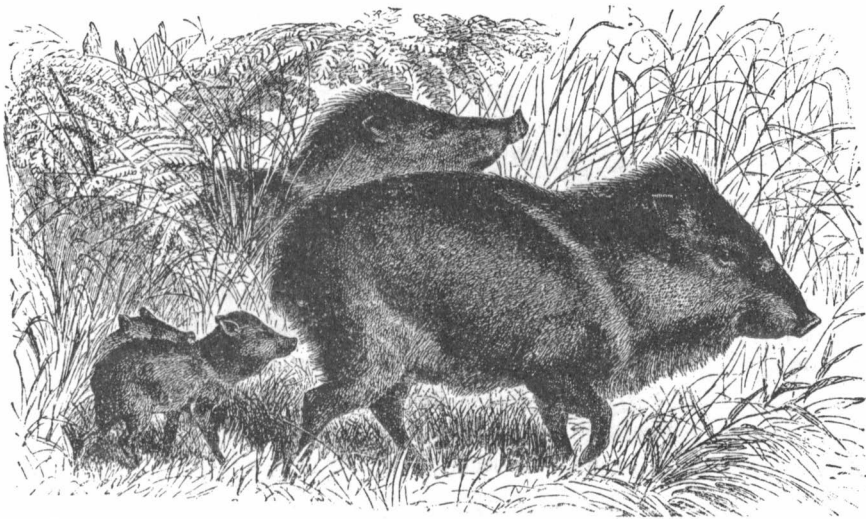
(*D. labiatus*) серовато-черного цвета с яркими светлыми пятнами на щеках и, по-видимому, слабое вооружение, пекари являются страшными противниками и для других зверей, и для человека. Сила их заключается в том, что они постоянно ходят большими стадами и нападают без разбора на все, что ни встретится им. Ни реки, ни чаща, ничто не задерживает их дружного, смелого натиска. Все живое спешит обыкновенно спастись бегством от этих свирепых свиней, иначе рискует быть растерзано короткими, но острыми, как бритва, клыками пекари. Вообще, чувство общности развито у пекари более, нежели у других свиней.

Значительно больше пекари обыкновенный **кабан**, или **дикая свинья** (*Sus scrofa*), длина которого доходит до сажени и больше. Заостренные, стоячие

уши, густая темно-бурая у взрослых и полосатая у поросят шерсть, наконец, огромные клыки — таковы отличительные признаки этой хорошо известной на западе и востоке России свиньи.

Прежде кабаны имели более широкую область распространения и попадались у нас, в России, почти повсеместно. Теперь их можно встретить только в юго-западных наших провинциях, да еще на юго-востоке, в прибрежьях Каспия и на Кавказе. В Западной

же Европе кабаны водятся (более или менее в значительном количестве) лишь в некоторых лесистых местностях Германии, на Балканском и Пиренейском полуостровах. В Азии кабан встречается на Кавказе, в Туркестане, Семиреченской области и на Амуре.

Пекари (*Dicotyles torquatus*)

Местопребывание кабанов — болотистые или сырые и густые леса, также камышовые заросли. Лесной кабан значительно крупнее камышового, и бывали примеры, что первые весили до 20 пудов. Это, конечно, объясняется качеством пищи зверя: в лесах он откармливается желудями, буковыми орехами, корнями папоротников и молодыми побегами древесной поросли, в камышах же пищу его составляют главным образом корни и молодые побеги камыша, а в прибрежьях Каспия — чилим (водяные орехи). Носы кабанов так крепки, что они отворачивают ими целые глыбы мерзлой земли в поисках корней. Впрочем, кабан — животное всеядное и не брезгует лягушками, червями, гусеницами, трупами животных, рыбами, нападает даже на своих собратьев и охотно преследует ланей, косуль и других животных.

Несмотря на свой неуклюжий вид, движения кабанов очень быстры, так что, охотясь на них верхом, нужно иметь хорошую лошадь. Кроме того, кабаны с поразительным искусством пробираются сквозь самые непролазные чащи и,

наконец, прекрасно плавают. Все это, в соединении с их страшным оружием, которым они действуют мастерски, делает их опасными противниками, и охота на них нелегка. Нужно обладать большой ловкостью и хладнокровием и запастись добрым оружием, чтобы охотиться на кабана, который, несмотря на свое добродушие, легко раздражается, а раненный—приходит в сильнейшую ярость, не разбирая ничего перед собой. Дикie свиньи ходят стадами и сообща защищаются от разных врагов. Напр., завидев волков, они выстраиваются клином или в круг, прячут поросят в середину, а сами бесстрашно наступают на врагов, хрюкая и оцетинившись. Если волку не удастся убежать, то он в одну минуту бывает разорван на клочки рассвирепевшими животными.

От дикого кабана, путем известного подбора, произошла масса разновидностей домашних свиней, отличающихся теми или другими, полезными для человека, особенностями. Таковы толстые иоркширы, жирные гариссоновы свиньи, уродливые карликовые, морщинистые японские и многие др. По своим

нравам и привычкам, по характеру, по разборчивости в пище домашние свиньи очень походят на диких. Вошедшая в поговорку любовь свиней к грязи едва ли справедлива. Вернее, что свинья валяется в луже просто потому, что ее мучит жара, и там, где она находит вволю тени, грязь не трется ей.

Что касается умственных способностей свиньи, то они находятся на довольно высокой степени. Многочисленные факты доказывают, что это упрямое, неповоротливое животное тем не менее отличается большой понятливостью и сообразительностью.

С давних пор свиней дрессировали и добивались от них замечательных успехов. Ученые свиньи поднимали щеколды, отодвигали засовы, указывали часы, складывали из букв продиктованные им слова и т. д. Когда французский король Людовик XI впал в меланхолию, то к нему приводили обыкновенно несколько штук дрессированных поросят, разодетых очень пестро, которые плясали и играли под звуки волынки, вызывая веселые улыбки у короля. Подобным же образом, как известно, развлекали иногда и скучающую императрицу Анну Иоанновну. Во многих цирках свиньи, запряженные в экипаж, послушно ездят рысью и галопом. В Петербурге особенной известностью в этом отношении пользуется клоун Дуров, достигший в дрессировке свиней замечательных результатов.

Во Франции свиней специально дрессируют для отыскания драгоценных трюфелей. Свинья, обладающая очень тонким чутьем, очень скоро находит этот гриб, растущий, как известно, в земле, и делает стойку над ним, пока не подойдет охотник. Впрочем, иногда бывает, что последний замедлит, и тогда, отрыв сама трюфель, свинья-охотница спокойно съедает его.

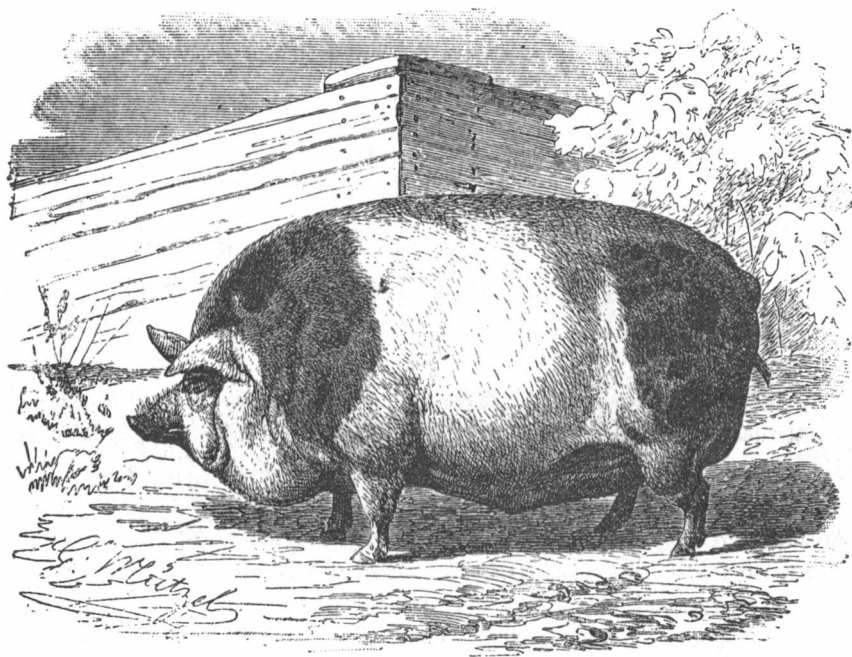
С большим успехом свиней дрессируют и для охоты. У Ромэнса рассказывается об одной английской свинье, которую выучили не только делать стойку, но и подавать убитую дичь. Чутье у этой свиньи было гораздо тоньше охотничьей собаки: она прекрасно открывала куропаток, фазанов, глухарей, бекасов и кроликов, но, замечательно, никогда не делала стойки на зайцев, почему—неизвестно; вероятно, считала их слишком ничтожной дичью.

Да и сами по себе свиньи отличаются большой смышленостью и сообразительностью.

Тот же Ромэнс передает следующее об одной свинье. Эта свинья опоросилась, и хозяева стали колоть поросят ее, одного за другим, причем брали их вечером, когда свинья возвращалась с ними из лесу ужинать. Вдруг однажды мать семейства возвращается одна, без детенышей. заинтере-

в своем семействе и прибегла к этой мере предосторожности, чтобы спасти остальных поросят.

Некто г. Гардинг рассказывает, как одна годовалая свинья прибежала в сад, подошла к молодой яблоне и стала сильно трясти ее; после каждого встряхивания она настаоражи-

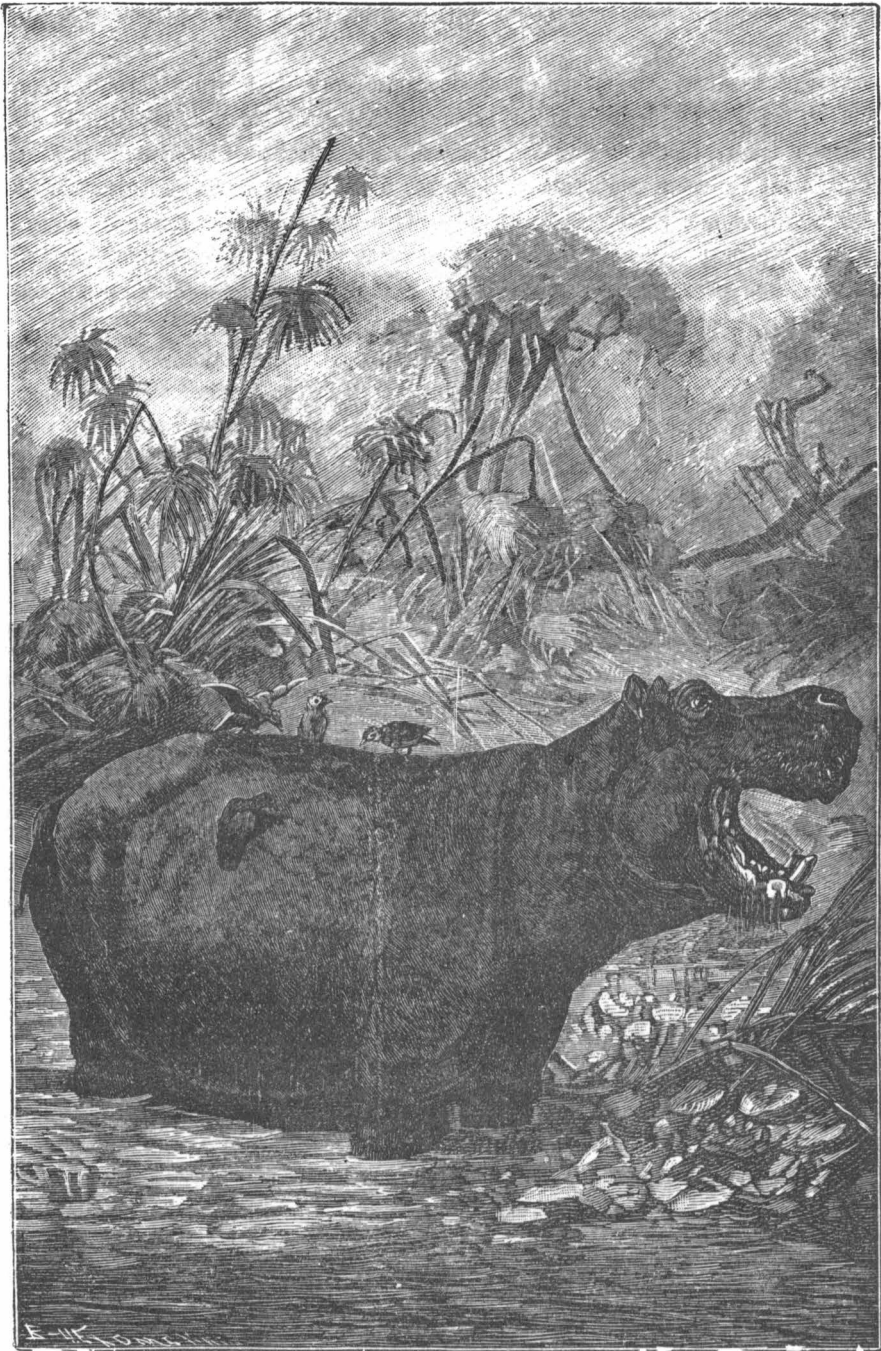
Гаррисонова свинья

сованные этим хозяева стали следить за ней и на следующий вечер открыли, что перед возвращением домой свинья с энергическим хрюканьем загнала своих поросят в дальнюю часть леса, где и оставила их, а сама пошла домой. Ясно, что она заметила убыль

вала уши и как бы прислушивалась, не падают ли яблоки, и если они падали, то подбирала добычу. Когда, наконец, вся яблоня была очищена, то смышленное животное еще раз встряхнуло дерево, прислушалось и, уверившись в отсутствии яблок, пошла прочь.

Несравненно неуклюжее всех других парнокопытных— **бегемот**, или **гиппопотам**. Среди суеверных мусульман Судана существует убеждение, что это— не существо, созданное Аллахом, а исчадие ада, сотворенное дьяволом на горе правоверным.

И действительно, трудно представить себе животное более безобразное и неуклюжее, чем бегемот. Громадная четырехугольная голова, похожая, как метко замечает Гартвиг, на вареную телячью голову гигантских размеров,

Беремот (Hippopotamus amphibius)

массивное туловище, короткие столбообразные ноги,— все это у бегемота представляет полное нарушение законов пропорциональности. Поэтому его трудно даже сравнить с каким-нибудь другим представителем животного царства: с лошастью он не имеет и тени сходства, хотя греки, а за ними немцы и окрестили его именем водяной лошади (*Hippopotamus, Flusspferd*); арабское название бегемота джамус-дэль-баар (речной буйвол) тоже нельзя назвать особенно удачным; всего лучше сравнить его с колоссально откормленной свиньей, да и то лишь отчасти.

Чтобы видеть, насколько непропорционально сложен бегемот, достаточно привести его размеры: его длина доходит до 15 футов (точнее 4,5 м), включая 45 см хвоста, окружность тела почти такова же, а между тем рост у зашейка не превышает $5\frac{1}{2}$ футов ($1\frac{1}{2}$ м); вес доходит до 120, даже до 180 пудов. В каждой половине челюсти находятся: 2 резца, 1 клык и 7 коренных зубов; всего 40 зубов. Громадные клыки, до 11 вершков и весом 10 фунт., трехгранной формы, изогнуты и на конце косо срезаны.

В прежние времена бегемот водился во всей Африке и в Передней Азии; по крайней мере, на основании Библии можно заключать, что этот колоссальный зверь жил в тростниках священного Иордана. Но теперь во всей Азии не найдешь ни одного бегемота, да и в Африке область его обитания с каждым годом сужается: совершенно исчез он из Египта, где прежде встречался весьма нередко, исчез и из рек Капланда, где его встречали еще в прошлом столетии. Вообще бегемот — животное вымирающее, и недалеко, по-видимому, то время, когда его можно будет встретить лишь в зоологических музеях.

В современную эпоху безобразный гигант обитает еще в довольно большом количестве в Центральной Африке. В озерах и реках этой страны он попадает

целыми стадами. Вообще вода — родная стихия для бегемота; он проводит в ней целый день, выставив на поверхности лишь часть головы; самое строение бегемота благоприятствует такому образу жизни: его жирная туша имеет почти одинаковый с водой вес, а расположенные на одном уровне с темнем глаза, уши и ноздри позволяют плавающему животному и дышать, и видеть, и слышать все, что кругом делается. Кроме того, огромные клыки нижней челюсти, изогнутые полукругом, как нельзя лучше приспособлены у него для вырывания корневищ водяных растений. Только с наступлением ночи великан вылезает из воды и, сокрушая все на своем пути, отправляется на прибрежные луга или поля туземцев, которые и опустошает немилосердно, не столько съедая, сколько вытаптывая.

Вся фигура бегемота на первый взгляд свидетельствует о его крайней глупости, но на самом деле бегемот не лишен известного ума. У него превосходная память, есть также известная доля и сообразительности; затем у бегемота весьма развито чувство любви к своему потомству, доходящее до самоотвержения.

Что касается характера этого животного, то сам по себе тучный гигант — животное довольно безбидное и опасное разве для полей. Иное дело, когда бегемот чем-нибудь раздражен, — тогда он становится страшен для всего и всех, страшен настолько же, насколько ужасен его родственник, разъяренный носорог. Рюппель передает, что однажды такой бегемот без всякого повода кинулся на четырех упряжных быков, стоявших у колодезного колеса, и в минуту размозил их. Особенно опасны бегемоты-самки в то время, когда

при них находится детеныш: заботливая мать видит опасность в каждой безделице и с бешенством кидается на всякого неприятеля, действительного или мнимого.

Будучи раз чем-нибудь раздражен, бегемот долго помнит обиду и старается отплатить обидчику. Однажды спутники Ливингстона убили у бегемота-самки ее детеныша; на другой день миссионер плыл по реке в лодках, как вдруг одна из них была высоко поднята из воды. Когда ошеломленные гребцы опомнились, они увидели около самого борта голову вынырнувшего бегемота с широко раскрытой пастью... К счастью, им удалось отбиться, и все дело ограничилось лишь холодной ванной, которую пришлось принять одному из них. Гораздо дороже пришлось заплатить за нанесенную бегемоту обиду другому путешественнику, — лишь по счастливой случайности естествоиспытатель избежал неминуемой смерти.

Благодаря страшной силе бегемота и вооружению его широкой пасти, у него нет врагов среди других животных. Ни крокодил, ни слон, ни лев, ни носорог не трогают исполина. Для последнего страшны лишь люди, и то, главным образом, европейцы с их огнестрельным оружием. Что касается африканских туземцев, то мусульмане, считая бегемотов за оборотней, вышедших из ада, избегают нападать на них. Они защищают свои поля от прожорливых чудовищ лишь криками, стуком, грохотом барабанов и — амулетами с изречениями корана. Но, увы! — как настоящий сын дьявола, бегемот обращает на последние очень мало внимания. «Для них, — с огорчением гово-

рят суданские арабы, — самое святое — дым и слово посланника Аллаха — дуновение ветра; они топчут священные слова своими ногами...»

Совсем иначе относятся к бегемоту храбрые негры-язычники. Они роют на пути бегемотов ямы, охотятся на них с гарпунами, врывают на тропинках, по которым ходят чудовища, острые серпообразные ножи, распарывающие бегемотам их волочащиеся по земле брюхо, и т. п. Но все эти способы охоты мало действительны, и только ружья белых можно считать серьезно опасными для бегемота, несмотря на его дюймовую кожу.

В последнее время бегемоты стали довольно обыкновенными гостями зоологических садов; нередки даже случаи рождения ими в неволе детенышей. Такой именно случай не раз был, между прочим, и в Петербургском зоологическом саду. К сожалению, новорожденные бегемоты, несмотря на тщательный уход, живут недолго и умирают обыкновенно уже на первом году жизни.

Описанное нами животное принадлежит к виду *Hippopotamus amphibius*. Кроме того, в настоящее время существует еще **либерийский бегемот**, или **маленький бегемот** (*H. liberiensis*), гораздо меньших размеров (всего до 2 м, при высоте 75 см, весом 25 пуд.), далее, на нижней челюсти у него не хватает 2 резцов. Любимым местопребыванием его служат леса и болота; пищей — лесные плоды и трава. Водится поодиночке или парами в В. Гвинее.

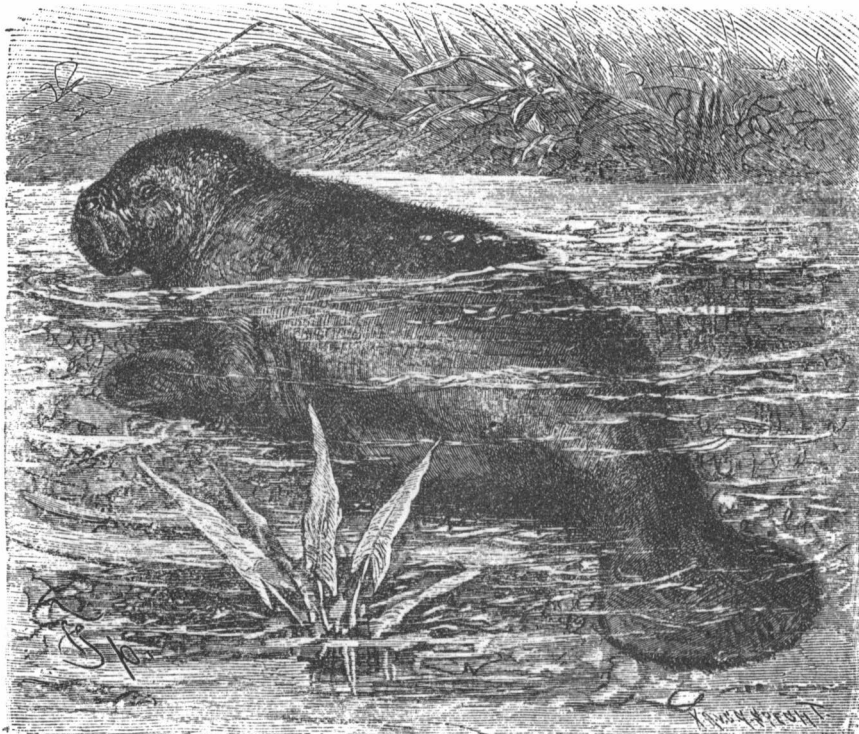
Отряд XII.

Травоядные киты, или сирены

По внутреннему строению тела эти животные скорее всего походят на копытных, только приспособившихся к постоянной жизни в воде. Отличительными признаками сирен являются: маленькая, ясно отделенная от туловища голова, с щетинистыми, толстыми губами и расположенными на конце ноздрями, своеобразно устроенное туловище, покрытое редкими щетинистыми волосами, и, наконец, особое строение зубной системы. Передние конечности еще имеют вид ластов, только суставы пальцев со следами ногтей не могут двигаться отдельно. Задние конечности заменяются хвостом, оканчивающимся плесом, как у китов.

Весь отряд сирен заключает лишь 1 семейство, в свою очередь состоящее из 3 родов, да и то один из них—морская корова, или капустница, уже вымер. Остались два—ламантин (*Manatus*) и дюгонь (*Halicore*). Местожительством их служат болотистые берега и морские бухты жарких стран, устья рек и отмели, причем животные встречаются парами или небольшими обществами. Часто они предпринимают большие путешествия в глубь страны, но плавают и ныряют хуже других водных млекопитающих. На суше же они двигаются и совсем плохо. Пищей их служат морские и пресноводные растения, которые они срывают толстыми губами. Забота о пище поглощает все их внимание, да разве еще защита детенышей; ко всему же остальному миру эти ленивые, тупоумные существа относятся вполне равнодушно. Голос их совсем не похож на чудное пение сказочных русалок, от которых они получили свое название, а состоит из слабого, глухого стога. Человек преследует сирен из-за мяса и жира их, а также зубов. Но следует заметить, что эти неуклюжие существа не только переносят неволю, но и могут быть приручены.

У **ламантинов** (*Manatus*) хвостовой плавник округлен, толстое туловище немного похоже на рыбе и покрыто очень редкими, короткими волосами, принимающими на морде форму довольно длинных щетин. На пальцах передних конечностей заметны 4 плоских ногтя. Резцы встречаются только у молодых животных, у взрослых же—только коренные зубы, в числе от 7 до 50; когда старые зубы стираются, позади их, как у слонов, вырастают новые.

Ламантин (*Manatus latirostris*)

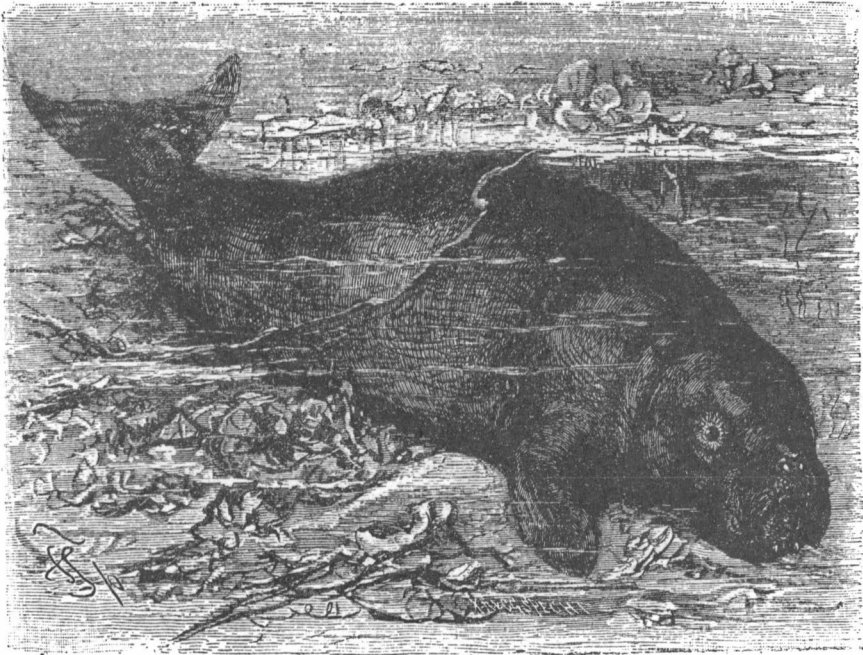
Местожительством обоих американских видов этого рода служит берег Атлантического океана от 25° с.ш. до 19° ю.ш., а также устья впадающих здесь рек. Африканский вид (*M. senegalensis*) живет в оз. Чад и реках, впадающих в Атлантический океан между 20° с. и 10° ю.ш.

Ламантин, бык-рыба португальцев, **аппа** индийцев (*M. latirostris*), до 3 м длины и весом до 25 пуд. Все тело, голубовато-серого цвета, покрыто редкими желтоватыми щетинами (на 2 см одна от другой). Легкие у него имеют более 1½ длины, представляя огромные запасы воздуха, а длинный, до 15 саж., кишечник указывает на исключительно растительную пищу. Другой американский ламантин, **узколобый** (*M. inunguis*), с Верхней Амазонки и Ориноко, отличается более узким черепом.

Ламантины живут вообще по атлантическому побережью Америки, начиная от Флориды до Суринама и южнее, держась такого же образа жизни, как и другие сирены. Навевшись вдоволь травы на мелководье, они тут же обыкновенно и отдыхают, немного выставив из воды голову, чтобы не задохнуться. Мясо их похоже на свинину; говорят, употребление его вызывает у европейцев лихорадку.

Уже старые писатели передают нам, что ламантина можно сделать ручным. Так,

ревозил на своей спине людей с одного берега озера на другой. Но однажды наводнение снесло эту интересную «рыбу», как называли ламантина, в море. Затем, в недавнее время ламантина воспитывал Кеплер в Суринаме. Животное влезало к нему на колени, обнюхивало ноги и руки, но скоро околело на пароходе, когда его хотели увести в Англию. В 70-х годах видели 2 довольно ручных ламантинов в пруде общественного сада в Рио-де-Жанейро. Один из них свел странную дружбу с лебедем; он охотно

Дюгонь (*Halicore dujong*)

один туземный вождь на о. С.-Доминго имел такого ламантина, который ел хлеб из его рук, отзывался на зов и даже пе-

брал из рук траву, которую ему предлагали, и высовывал довольно далеко из воды свою голову со щетинистыми губами.

Другой представитель семейства сирен, **ДЮГОНЬ** (*Halicore dujong*), достигает длины $1\frac{1}{2}$ — $2\frac{1}{2}$ саж. Короткая, толстая шея его непосредственно переходит в туловище, утолщенное в середине и суженное к концу. Передние конечности, широкие и округленные, почти без пальцев; по крайней мере, о присутствии последних можно узнать только на ощупь. Горизонтальный хвост— в форме полумесяца. На короткой, толстой морде выдается отвислая по бокам, плоская верхняя губа, из которой выдаются 2 длинных (до 25 см), при 2 см толщины резца, в виде бивней, но $\frac{7}{8}$ их длины покрыты мясистыми

деснами. Клыков нет, а коренных зубов 20. Нижняя губа образует мясистый валик. Ноздри расположены очень близко одна от другой, в виде серпообразных щелей; черные яйцевидные глаза очень выпуклы; век нет, а вместо них — мигательная перепонка; кроме того, глаза могут быть закрыты сжатием окружающей их кожи. Верхняя часть тела покрыта гладкой, блестящей кожей серовато-синего, свинцового цвета, с желтовато-темным оттенком; на животе кожа морщиниста, покрыта рубцами и имеет голубовато-мясной цвет с редкими пятнами. По всему телу раскиданы короткие, тонкие, но крепкие щетины, имеющие на верхней губе вид игл. Конечности — голые. Встречается дюгонь во всех частях Индийского океана и соединенных с ним морях, особенно вдоль южных берегов Китая, в Красном море и на Зондских о-вах. Об образе жизни его мало известно.

По-видимому, дюгоны встречаются только в море, не заходя в реки и на берег, предпочитая мелководье, где богатая водная растительность. Внешние чувства у них развиты слабо, как и у других сирен; характера они неподвижного, ленивого. Детеныш, длиной до $1\frac{1}{2}$ арш., является зимой и около года сосет мать, причем последняя относится к нему очень нежно.

Дюгоней ловят или сетями, или при помощи остроги. Но кожа их мало ценится, так как вбирает сырость, а мясо приторно и нездорово, только малайцы и абиссинцы едят его после долгого вяленья на солнце, соления и варения; гораздо ценнее жир, которого каждый дюгонь дает до 2 пудов.

Третий, исчезнувший почти на наших глазах, вероятно, в 1854 г. род сирен — **морская корова** (*Rhithina stelleri*) — известен теперь только из описания Стеллера, имевшего много случаев для наблюдения над этим животным за время своего 10-месячного невольного пребывания на неизвестном тогда Беринговом о-ве в 1741 г.

«Самые большие из этих животных, — говорит Стеллер, — имели 4—5 саж. длины и $3\frac{1}{2}$ саж. в обхвате. Передняя часть их туловища напоминает тюленя, а задняя — рыбу. Череп похож на лошадиный, а когда покрыт кожей и мясом — на буйволоный. Во рту вместо зубов на каждой стороне по 2 широких роговых пластинки, из которых одна прикреплена наверху на небе, а другая к нижней челюсти. Ими животное разжевывает свою пищу — морские водоросли. Губы покрыты щетинами толщиной с стержень куриного пера, внутри пустыми. Глаза без век, ушей нельзя заметить из-за складок кожи. Конечности состоят из 2 суставов, и конец их несколько похож на копыто лошади; на нижней стороне их как бы замечается грубая щетка из коротких, густых щетин. Под конечностями

находятся млечные железы, из которых вытекает много сладкого, жирного молока.

Эти животные живут, как рогатый скот, целыми стадами на море; самцы и самки плывут рядом, подгоняя детеныша. Они отрывают морскую траву лапами и постоянно жуют, причем двигают головой, как быки, а через несколько минут высовывают голову из воды и вдыхают свежий воздух, храпя и фыркая, как лошади. Когда они желают отдохнуть, то перевертываются на спину и несутся по волнам, как колоды.

Сало их крепко, зернисто и бело, как снег, а полежав на солнце, приобретает приятный желтый цвет голландского масла. Топленое, оно по вкусу похоже на миндальное масло. Мясо точно пропитано селитрой и не портится в самые жаркие месяцы; по-видимому, оно очень здорово и полезно при цинге».

Отряд XIII

Китообразные (Cetacea)

Киты представляют настоящих водных животных, проводящих всю свою жизнь в море. Однако теплая кровь, присутствие легких и кормление детенышей молоком указывают на принадлежность их к классу млекопитающих. Во многих отношениях они более похожи на рыб.

Тело их массивно и неуклюже, без всякого деления на части. Голова, часто безобразно большая, постепенно переходит в туловище, оканчивающееся горизонтальным хвостовым плавником (плесом). Передние конечности также представляют из себя настоящие плавники, где нельзя различить пальцев. Далее, характерны: сильно расщепленный рот, не окаймленный губами, в котором мы замечаем или необыкновенно большое количество зубов, или особые небные роговые пластинки; отсутствие мигательной перепонки на глазах, положение сосков назад, тонкая, гладкая на ощупь темная кожа, жирная и бархатистая, лишь с крайне редкими щетинообразными волосами. Под кожей отлагается необычайно толстый слой жира. Последним пропитаны и все кости, отчего они всегда имеют желтый вид. Позвоночник—крайне простой, причем многие позвонки срастаются между собой. Настоящих ребер мало (от 1 пары до 6), зато ложных—гораздо больше. Зубы в зародыше существуют у всех китов, но развиваются только у зубастых китов; у беззубых же вместо них развиваются в верхней челюсти и небе своеобразные органы, в виде роговых пластин (китовый ус), которые свешиваются далеко вниз, причем наружные, прикрепленные к верхней челюсти, гораздо длиннее внутренних, небных. Язык большой, слюнных желез нет, желудок разделен на 4—7 частей, соединенных между собой несколькими отверстиями в виде воронок. Желчного пузыря нет.

Нос совершенно потерял значение органа дыхания и служит только для прохода воздуха. Ноздри («дыхала») находятся на самой выдающейся части головы; дыхательное горло широкое, легкие объемистые. Глаза малы, уши едва заметны, впрочем, киты хорошо видят и слышат. Мозг китов крайне незначительный: у кита весом в 300 пуд., длиной в 3 саж., мозг весил лишь 5 фунт., т. е. не более, чем у человека весом в 6 пуд.

Описанная организация китов как нельзя лучше приспособлена для их жизни в воде. Горизонтальный хвост, позволяющий животному подниматься и опускаться в воде, дает возможность получать пищу на разных глубинах; гладкость кожи облегчает движение чудовища, а толстый подкожный слой жира уменьшает его относительный вес; огромные легкие позволяют долго (до 30, 50, а по наблюдениям Пехуэль-Леше, даже 80 мин) оставаться под водой, а расширения артерий, замечающиеся у китов, сохраняют значительное количество очищенной крови, необходимой в тех случаях, когда животное по какой-либо причине долго лишено возможности набрать в легкие воздуха, нужного для окисления крови. Вследствие всего этого киты могут считаться настоящими обитателями моря. Большинство их избегает даже близости берегов, а в пресной воде живут только некоторые дельфины. Остальные киты живут в соленой воде, предпринимая более

или менее регулярные, короткие или дальние, путешествия по морям. При этом замечательно, что, несмотря на ежегодное жестокое преследование, они постоянно возвращаются в излюбленные места. «Береговые жители Исландии,—говорит Стенструп,—дают китам, постоянно приплывающим в известные заливы для рождения детенышей, собственные имена, и отдельные экземпляры их знакомы им, как известные им лица». Рыбаки одной шотландской деревушки лет 20 сряду наблюдали одного полосатика, узнаваемого по дырке в спинном плавнике, пока, наконец, не убили его. Беннет рассказывает то же про одного кашалота, известного под названием «новозеландского Тома», которого узнавали по огромному росту, свирепости и белой окраске горба. Плавают киты почти всегда большими стадами, состоящими преимущественно из самок с детенышами, под предводительством каких-нибудь старых самцов.

В воде киты двигаются мастерски, причем, несмотря на свою тяжесть, выскакивают из воды и делают над поверхностью ее большие прыжки. Дышат они таким образом: прежде всего кит с большим шумом выбрасывает воду, попавшую в неплотно закрытые ноздри, и это выбрасывание дает фонтаны до 3 саж. высоты. Эти фонтаны всего удобнее сравнить со струей пара, выходящего сквозь узкое отверстие из котла, а сопение животного напоминает шум, производимый этим паром. Фонтаны состоят не исключительно из воды, а и из насыщенного парами воздуха, принимающего в северных морях вид струи. Тотчас после выдыхания кит быстро втягивает в себя воздух, производя при этом заметный стонущий звук; вдыхается часто 3—5 раз в минуту.

Относительно голоса китов было много споров. Теперь удостоверено, что от сильной боли или во время опасности киты издают крик, похожий на рев, тем более ужасный, чем больше сам кит.

Пища китов состоит из животных, причем самые крупные виды питаются мелкими моллюсками, рыбешками, медузами и пр., а самые мелкие—более крупными морскими животными. Беззубые киты, вероятно, в один день поглощают миллиарды мелких животных.

О размножении китов—мало сведений. Достоверно одно, что детеныши (по одному) являются довольно развитыми, летом, причем имеют $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{4}$ длины

тела матери; большие киты питаются молоком матери около года, небольшие — меньше. Полного развития кит достигает, вероятно, лет в 20, а сколько живет вообще — неизвестно.

Из врагов китов самые алчные — акулы и косатки, затем человек, уже в течение нескольких столетий ведущий ожесточенное преследование морских гигантов. Ловля кита происходит обыкновенно следующим образом.

«Когда корабль прибудет в море, — говорит Пехуэль-Леше, — где можно найти китов, то он начинает крейсировать в разных направлениях, пока поставленные на мачте матросы не дадут знать, что открыт кит, охота за которым прибыльна. А это узнается по фонтанам, по форме спинного и хвостового плавников. Когда это решено, спускают лодки, обыкновенно 4, длиной до $4\frac{1}{2}$ саж. и шириной в 1 саж., без киля и с заостренными концами, чтобы они одинаково могли поворачиваться во все стороны и идти вперед и назад. На носу около гарпунщика приготовлены необходимые орудия: 4 гарпуна, копьа, ружье с разрывными пулями, топор и нож. В корме прячут компас, съестные припасы и фонарь со свечой. Важнейшей частью снаряжения лодки нужно считать еще веревку, по крайней мере в 350 саж. длины и палец толщины, из лучшей пеньки. Ее, тщательно осмотрев, укладывают в 2 чана между скамьями для гребцов. Экипаж лодки состоит из гарпунщика, рулевого с длинным кормовым веслом и 4 гребцов. Все это должны быть опытные, смелые люди. Хороший гарпунщик должен кидать гарпун на расстояние 4—5 саж., но большей частью, хотя это и опасно, к киту подплывают гораздо ближе и даже просто выткуют оружие в его тело. Как только это сделано, лодку сильно гонят назад, так как раненый гигант может одним ударом хвоста разбить ее в щепки или опрокинуть. В глубоком море кит с гарпуном ныряет отвесно вниз, в мелком же плывет вперед на небольшой глубине. В обоих случаях веревка, к которой прикреплен гарпун, быстро «травится», как говорят; иногда ее выходит 100—150 саж. в минуту. Тогда нужно быть осторожными. Если кит ныряет слишком глубоко, подымают другую лодку и как можно скорее привязывают новую веревку к той, которая уже спущена; если этого не успели сделать, то киту дозволяют вытянуть всю веревку и свободно плавать с нею. Но ее уже редко можно найти опять.

В большинстве случаев хватает одной веревки. Кит, нырнув в глубину и пролежав там несколько минут, иногда, как выше сказано, более получаса, необходимо

должен, наконец, появиться на поверхности воды, чтобы вдохнуть свежего воздуха; тогда веревку наматывают и бросают второй гарпун. Если это сделано, добыча может считаться верной. Вторично раненный кит или самка нападает на преследователей или быстро плывет по поверхности воды, так как недостаток воздуха не позволяет ему нырнуть. Затем начинается бешеная гоньба. Пыхтя и фыркая, несется темное чудовище по волнам, с пеной рассекая их и поднимая вверх водоплады брызг от неистовых ударов хвостом по воде. За ним смело несутся 2—3 лодки, которые часто исчезают в пене и брызгах, часто как бы опускаются вглубь, но все-таки бесстрашно несутся вперед среди безграничного оксана, не обращая внимания на наступающую ночь. Наконец, усталый кит останавливается и в слепой ярости начинает бить во все стороны своим страшным хвостом. Тогда лодки осторожно приближаются, и люди стараются убить гиганта из ружья или выткая тонкие копьа позади плавников, причем оружие погружается в тело животного на целую сажень. Если кит снова нырнет или спасается в плыв, гоньба возобновляется, пока, наконец, не покончат с ним или не отрежут веревки, если борьба окажется людям не под силу. Если же разрывная пуля или копье достигли легких, то кит через ноздри выдувает кровь или «выкидывает красный флаг», по выражению китобоев. В этом случае он умирает довольно скоро, но в агонии страшно бьется, так что лодки держатся в некотором отдалении».

От первого удара гарпуном до смерти кита проходит обыкновенно 1—2 часа; редко дело оканчивается в 15 минут, зато, бывало, охота затягивалась и на несколько часов, причем часто дело не обходилось без беды. Когда, наконец, кита убили, его подтягивают на буксире к кораблю, привязывают цепью и начинают «работать» — отделять жир и китовый ус, а у кашалотов — зубы. «Работа» продолжается 4—8 часов; жир тут же расплавляется, из него вываривают ворвань, а костяк кита бросают на произвол волн.

Однако с конца 60-х годов XIX ст., когда изобрели пушку, стреляющую гарпуном,

стали перерабатывать и кости на удобрение. Пушка эта обыкновенно сразу убивает кита, так как, когда гарпун вонзится в тело животного, разбивается находящийся в рукоятке его пузырек с взрывчатым составом. Конечно, такое усовершенствованное орудие стало сильно уменьшать число китов (в 1887 г. их было убито у берегов Норвегии и России 854, а в 1888-м—717); поэтому

норвежское и русское правительства издали закон, запрещающий ловлю китов в продолжение нескольких месяцев в году, кроме того, дозволяется убивать китов только не более 2 миль от берега. На нарушителей закона наложен штраф в 3000 крон. От одного животного, ворвань и усом, получается 800—5000 марок (400—2500 р.) чистого барыша.

Мы уже говорили, что всех **китов** можно разделить на 2 группы—беззубые киты и зубастые.

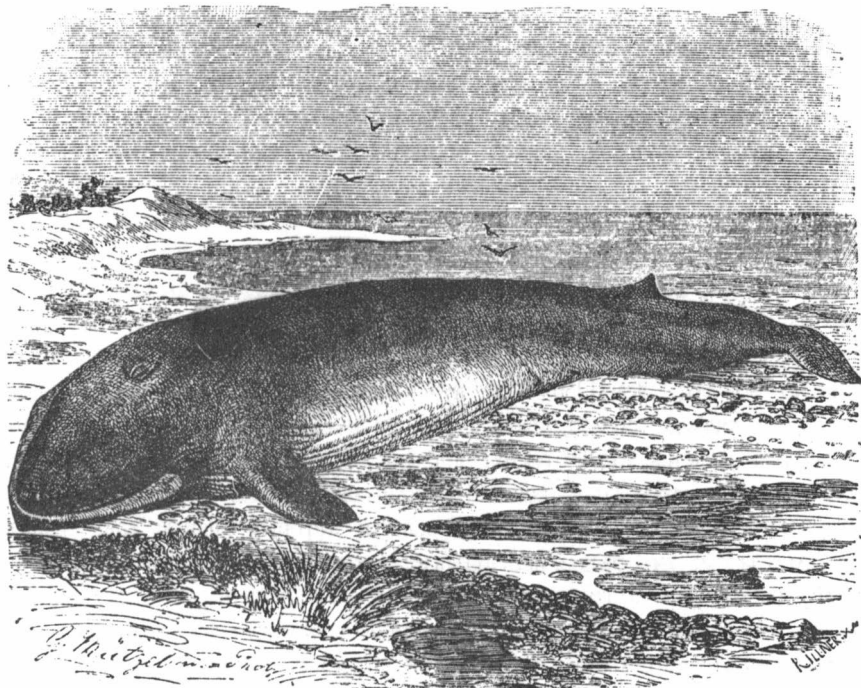
Беззубые киты, у которых вместо зубов находится во рту 250—400 роговых пластинок китового уса, представляют собой громадных животных с очень большой головой, широко расщепленным ртом, двойными дыхалами, скрытым ушным отверстием и очень маленькими глазами. Позвоночник их состоит из 7 шейных, 14—15 грудных, 11—15 крестцовых и 21 и более хвостовых позвонков. Из ребер лишь одна пара соединяется с грудной костью, все прочие нужно считать ложными. Челюсти громадной величины, согнуты дугами и вытянуты в виде клюва. Огромный язык по краям прирос к коже рта и неподвижен. Отверстие пищевода узко, а желудок разделен на 3 части. Длина китов 10—15 саж., вес 1250—9500 пуд. Масса тела большого кита приблизительно равняется 30—35 слонам или 150—170 быкам; из жира этого чудовища получается до 300 гектол. ворвани (более 600 сорокаведерных бочек). Беззубые киты встречаются большей частью поодиночке; пища их состоит из мелких рыб, моллюсков, медуз и червей, из которых многие едва заметны простым глазом; кит разом проглатывает миллион этих существ. Для этого, широко раскрыв свою громадную пасть, он наполняет полость рта водой и животными, в ней живущими; когда чувствительный язык покажет ему присутствие достаточного количества пищи, он закрывает ловушку и выпускает воду через «китовый ус», как через сито, между тем как животные задерживаются. Затем пища проталкивается незначительным движением языка через пищевод в желудок. Понятно, что проглатываются при этом и случайно попавшие водоросли.

Из внешних чувств у беззубых китов развиты зрение, слух и осязание; душевные же способности невысоки: эти киты робки, пугливы и легко обращаются в бегство. Впрочем, иногда в них пробуждается мужество, и тогда они начинают отчаянно бить по воде своим страшным плесом. Детеныши являются по одному, редко по 2; величиной они с $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{4}$ тела матери. Последняя относится к своему произведению очень нежно, ласкает его и защищает с большим мужеством.

Группа беззубых китов включает в себе, по Грею, два семейства—полосатиков и настоящих китов.

Полосатики (Balaenopteridae) получили свое название от глубоких продольных бороздок на горле, шее, груди и части живота. Кроме того, у них

всегда заметен спинной плавник, ласты — длинные, ланцетовидные, а роговые пластинки во рту короткие, но широкие. Сюда относятся: длиннорукий полосатик, или горбач, большой полосатик, полярный кит, желтобрюхий кит, малый полосатик и остроголовый кит. **Настоящие** киты — неуклюжие и массивные; у них нет спинного плавника и бороздок на животе, ласты — широкие, пластинки во рту узкие и длинные. Представителем их считается гигант морей — гренландский кит.

Большой полосатик (*Physalus antiquorum*)

Длиннорукий полосатик, или горбач (*Megaptera longimana*), отличается длинными ластами, достигающими при общей длине кита в $7\frac{1}{2}$ саж. (15 м) — $1\frac{1}{2}$ арш. шир. и $1\frac{1}{2}$ — 2 саж. (3—4 м) длины. Ширина плеса — до 2 саж. Толстое, неуклюжее туловище принимает еще более некрасивый вид от привычки животного горбить спину и плыть боком. Нижняя часть тела у него выпуклая; нижняя челюсть длиннее верхней. На последней четверти спины находится жирный плавник, «горб». Окраска гладкой кожи чаще черная, а снизу беловатая с мраморным рисунком, другие киты сверху черные, снизу — чисто белые.

Немногие киты встречаются морякам и китоловам чаще горбача в большом числе и во всех широтах, начиная с экватора

и до Ледовитого океана; его можно встретить и в открытом море, и вблизи берегов. Появление его, впрочем, неправильно. Только у берегов В. Калифорнии они появляются в октябре — ноябре, затем переселяются к северу и снова возвращаются в конце сентября. У Гренландии, по Броуну, его находят лишь летом, а на западных берегах Америки и Африки — во всякое время. Впрочем, такая распространенность его объясняется тем, что его стали преследовать сравнительно недавно: горбач дает меньше выгоды, чем кашалот или гренландский кит, так как из его жира получается меньше ворвани, чем можно ожидать по объему. Охотятся за ним с гарпунами. Но убитый кит часто идет ко дну. Ценность его, по Кюкенталю, равняется 2500 мар. (1250 руб.).

Большой полосатик (*Physoalus antiogium*)—более стройного вида и достигает $12\frac{1}{2}$ саж. длины (25 м), причем длина ластов равняется $\frac{1}{10}$, а ширина— $\frac{1}{50}$ длины тела. В хвостовой части тело сильно сжато с боков (высота вдвое больше толщины). На передней части головы есть несколько коротких щетинистых волос. Прочая часть тела голая, сверху густо черного, снизу белого цвета. Этот вид главным образом встречается у берегов Новой Земли, Шпицбергена, Медвежьих о-вов и т. п., у Гренландии же его нет. Это—один из самых быстрых и ловких китов: питается он рыбешками, которых целыми стаями гонит к берегу или же льдине, лоя своей широкой пастью, причем в охотничьем азарте забывается до того, что наплывает на мель или входит в узкие фиорды, откуда ему нет выхода. Охота за ним вследствие его ловкости труднее, а между тем менее выгодна, чем за гренландским китом. Поэтому часто китобой не обращают на него внимания. Теперь большой полосатик ценится около 2500 мар. (1250 р.).

Большого полосатика часто смешивают с полярным (*Sibbaldius borealis*). Между тем последний гораздо крупнее: до 31 м длины; сверху черного, снизу блестяще-белого

цвета; плес очень широкий. Похож на него—желтобрюхий кит (*S. sulfureus*), до 29 м длины и окружностью около 12 м, названный так по серо-желтому цвету живота. Этот кит встречается в большей части Тихого океана и притом во все времена года, держась недалеко от берегов; он в мае—сентябре соединяется в большие стада. Часто они упорно следуют за кораблем; плавают быстро и отлично ныряют. Ценность—до 5 тыс. мар. (2500 р.).

В морях, окружающих Северный полюс, водятся **малые полосатики** (*Balaenoptera*), позвоночник которых состоит лишь из 48—50 позвонков. Самый известный—**полосатик-карлик** (*B. rostrata*), всего 10 м длины (а самка—8). Туловище несколько напоминает щучье: спинная линия немного выпукла, брюшная—круче, голова сужена около морды, рот большой; дыхла—между глазами, окраска сверху—темно-серая, снизу—красновато-белая. К этому же виду, вероятно, относится и описанный Скаммоном **остроголовый кит**.

Малые полосатики зимой путешествуют к югу, появляясь у берегов Европы, Америки и В. Азии, причем также иногда выбрасываются на берег. Все они довольно трусливы и пугаются даже крика людей.

Семейство **настоящих китов** включает в себе самых неуклюжих и массивных животных среди рассмотренной нами группы. У них нет спинного плавника и бороздок на животе, лапы—широкие, на конце как бы обрубленные, китовый ус длинный и узкий. Наиболее известный представитель—гренландский кит.

Гренландского кита (*Balaena mysticetus*) можно считать за самое огромное из всех животных, ныне обитающих на земном шаре. Правда, некоторые полосатики часто превосходят его длиной,—гренландский кит имеет в длину не более 10 сажен,—зато последний гораздо массивнее и толще своих соперников; толщина гренландского кита позади грудных плавников равняется 40 футам, а вес—около 8000 пудов. Добрую треть этой огромной массы, в 30 раз превышающей массу слона, в 40—носорога и в 200—быка, занимает чудовищная голова с огромной пастью такой величины, что в ней смело может поместиться целая лодка (длина почти до 3 саж., а ширина $1\frac{1}{2}$ саж.). Какой ужас внушила бы всему живому эта страшная пасть, если бы она была вооружена соответственной величины зубами! Но вместо последних мы находим у кита несколько сот роговых «усов», треугольных пластин, длина которых достигает $2\frac{1}{2}$ сажен, а ширина—15 дюймов. За этой роговой оградой лежит, неподвижно прикрепленный снизу, огромный мягкий язык в 10 футов ширины и 18 футов длины. Вблизи от углов рта расположены два маленьких глаза, не превышающих глаз быка, а выше их—два отверстия, через которые кит

с шумом выбрасывает воду, попавшую в ноздри, в виде столбов до 40 футов вышиной.

Громадная голова морского исполина без малейшего признака шеи переходит в массивное туловище, сверху окрашенное в темно-синий цвет, а снизу — в ярко-белый. Мягкая, как бархат, тонкая кожа имеет в толщину один дюйм. Под ней лежит толстый слой жира (20—45 см), служащий главной приманкой для китоловов. На конце туловища оканчивается громадным хвостом, поверхность которого нередко превосходит 200 квадратных футов. Это — главный орган передвижения кита и главное его оружие. При помощи хвоста неуклюжий исполин с быстротой стрелы мчит свое громадное тело, ловко ныряет, становится на голову, словом, выказывает необыкновенное проворство. Одного удара этого грозного оружия достаточно, чтобы разбить в щепки самую крепкую лодку и убить самое сильное из животных. «Будь у китов,—говорит один немецкий натуралист,—ум, соответствующий их росту и силе, не только лодки, но даже ни один корабль не мог бы устоять против их ударов; они сделали бы исключительными и единственными хозяевами океана».

Но кит — тупое, слабоумное животное. Мозг у него развит крайне слабо. Внешние чувства, кроме осязания, также развиты у громадного животного очень слабо. Из всех душевных способностей только любовь к детям проявляется очень ярко. Знаменитый китолов Скоресби описывает следующий пример этой любви.

«В 1811 году,—говорит он,—один из моих гарпунщиков захватил гарпуном молодого кита-сосуна, в надежде овладеть его матерью. Последняя выплыла возле самой лодки, схватила раненого детеныша и поплыла с ним прочь, с замечательной быстротой и силой вымотав из лодки до 600 футов каната. Потом она снова выплыла на поверхность и стала яростно метаться, то останавливаясь, то внезапно меняя направление со всеми признаками крайнего отчаяния. Лодки преследовали ее по пятам, но, поглощенный своей тревогой за детеныша, кит, казалось, не замечал окружающей его опасности.

Наконец, одна из лодок подошла близко к громадному животному. В последнее бросили гарпун, который попал, но соскользнул. Второй гарпун также соскользнул, но третий засел крепко. Но и тут кит не хотел оставить детеныша и дал приблизиться другим лодкам. Через несколько минут его захватили еще тремя гарпунами, а спустя час он был убит».

Видя опасность, грозящую детенышу, кит становится чрезвычайно отважным, яростным и опасным. С мужеством отчаяния кидается он в самую середину врагов вырывать свое детище и сыплет при этом на-

право и налево ужасные удары хвостом, разбивая все встречающееся на пути. Но при обыкновенных условиях гигантский обитатель ледовитых морей — животное крайне мирное и трусливое: даже птицы, садящиеся на его спину, способны привести кита в ужас и заставить его нырнуть.

Этой трусостью пользуются враги морского исполина, смело нападающие на кита и нередко одерживающие над ним верх, несмотря на всю его силу. Среди рыб таких врагов кит имеет в мече-рыбе и акулах. Первая прокалывает его своим страшным оружием, вторые, собравшись целой шайкой, бьют бедное животное своими хвостами и вырывают зубами огромные куски мяса из его тела. Иногда оба хищника заключают между собой союз и сообща преследуют кита.

«Когда мы были близ Гебридских островов,—рассказывает капитан Арн,—то раз утром, во время штиля, всю команду корабля вызвали наверх смотреть битву между несколькими экземплярами акулы-лисицы и мече-рыбы с одной стороны и громадным китом — с другой. Была середина лета, и так как день был ясный, а рыбы толпились у самого корабля, то мы могли прекрасно следить за борьбой. Лишь только спина кита показывалась над водой, акулы подпрыгивали в воздухе на несколько ярдов и всей тяжестью падали на предмет своей злобы, нанося ему своими длинными хвостами жестокие удары, звук которых напоминал отдаленные ружейные выстрелы. С своей стороны и мече-рыбы нападали на несчастного кита и

колюли его снизу, так что когда бедное животное, осаждаемое со всех сторон, страшно израненное, вышло на поверхность, то вся вода вокруг него окрасилась кровью. Так мучили хищники свою жертву в течение нескольких часов, пока, наконец, мы не потеряли их из вида. Я не сомневаюсь, что в конце концов они добились-таки своего».

Другой наблюдатель также передает, что он видел, как акулы выскакивали из воды до высоты верхушки мачты и затем падали на кита, а мечи-рыбы в то же время наносили удары снизу. Атакующий этими врагами, трусливый гигант однажды спрятался под корабль, на палубе которого находился наблюдатель, и пролежал там полтора часа совершенно неподвижно.

Еще более опасного врага имеет кит в своем родственнике косатке, самом крупном и вместе самом хищном, храбром и кровожадном из всей зубастой семьи дельфинов. Недаром в Новой Англии косатку называют не иначе, как «убийцей китов». Страшные разбойники, косатки собираются стаей и неотступно преследуют морского гиганта. Одни впиваются в бока кита, другие вырывают огромные куски мяса из его губ и языка, третьи бьют его хвостами. Напрасно громадное животное оглашает воздух жалобным ревом, напрасно сылет во все стороны ужасные удары хвостом, волнуя море, которое на месте битвы кипит, как котел. Горе неосторожному дельфину, на которого упадет это могучее оружие,—он убит наповал. Но на место погибшего являются новые враги, с остервенением кидающиеся в бой. В конце концов отчаян-

ная борьба кончается обыкновенно гибелью гиганта. Замечательно при этом, что косатки никогда не едят своей жертвы,—они нападают на кита просто из какой-то врожденной ненависти.

Но самым страшным врагом кита является все-таки человек. Привлекаемый надеждой на добычу, он ежегодно снаряжает целые флоты для ловли гигантских обитателей морской бездны. Благодаря истребительной деятельности китоловов, гренландский кит, прежде во множестве водившийся во всех северных морях, теперь встречается лишь в самых недоступных частях Ледовитого океана. Но и там не оставляет его в покое отважный китолов.

Есть у кита и другие враги, более мелкие. Киамы сотнями тысяч впиваются в его тело и до того разъедают спину, что словно какой хищный зверь сдирает кожу с бедного великана. В этом отношении дружескую услугу оказывают последнему морские чайки, целыми тучами опускающиеся на спину плывущего кита и с жадностью истребляющие паразитов. Морские желуди также сильно мучат громадное животное, покрывая сплошь все его тело. Иногда кит носит на себе целый мир животного-растений и представляет нечто вроде плавучего острова.

Водится гренландский кит в северных частях Атлантического и Тихого океанов, а также в Ледовитом, не имея определенного места пребывания. По наблюдениям Пехуэль-Леше, этот вид китов дает 12—15 тыс. л ворвани и 700—1000 килограммов китового уса,— всего на 10 000 руб., а иногда и вдвое больше.

Группа **зубастых китов** включает в себе 4 семейства: дельфинов, единогогов, клюворылов и кашалотов.

Дельфины (Delphinidae) отличаются присутствием на обеих челюстях конусообразных зубов, одним дыхалом, в виде полулуния, вытянутым туловищем со спинным плавником и часто заостренной мордой. Пищевод у них широкий, а кишки в 12 раз длиннее тела. Живут они во всех морях и даже реках, обыкновенно целыми обществами; питаются моллюсками, ракообразными и лучистыми животными, не брезгуя, однако, и собственным братом. Вообще эти киты выдаются по своей кровожадности, прожорливости и жестокости. Единственное нежное чувство их—материнская любовь. Человек преследует их меньше, чем других китов, хотя и мясо и жир многих из них идут в дело. По образу жизни все дельфины очень сходны.

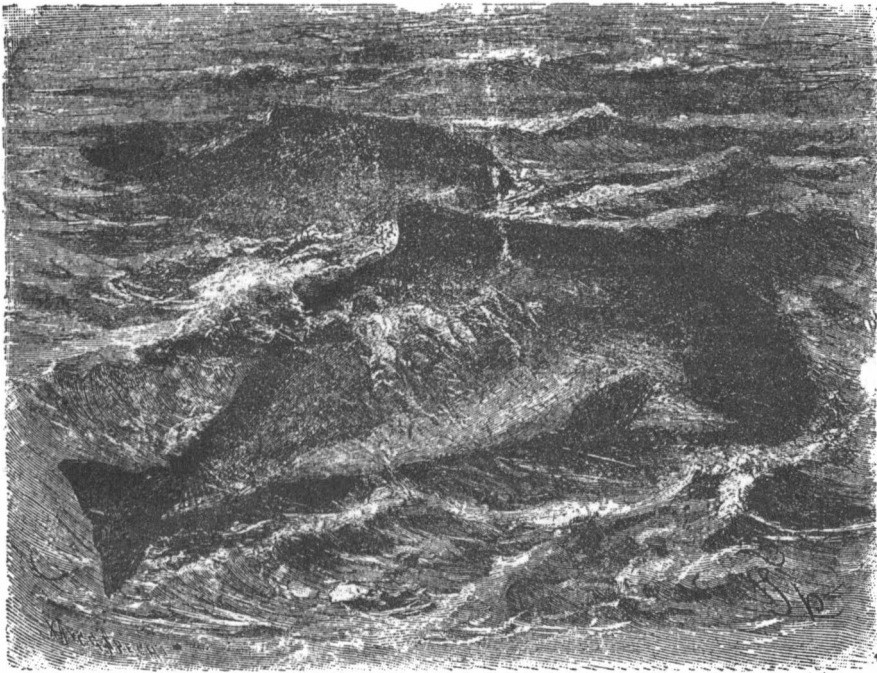
Один из известных видов—вышеупомянутая страшная **косатка** (*Orcagadiator*), с очень длинным и узким спинным плавником, довольно справедливо сравниваемым

с саблей или косой. Средняя длина—5—6 м, ласты—60 см длины и 15 шир., плес—1,5 м шир. Голова маленькая, с плоским лбом; маленькие также глаза и уши; глад-

кая, блестящая кожа сверху большей частью черная, снизу — ярко-белая. Водится в сев. частях Атлант. и Тихого океанов, а также в Ледовитом, однако заходит летом, в противоположность другим китам, к югу, к берегам Англии и Франции; плавают обыкновенно небольшими стаями (не более 10 голов), грациозно двигаясь по воде и время от времени пуская низкие фонтаны. Кровожадность этого кита была отмечена уже древними. Плиний называет его прямо раз-

животное. Больше ее убивают, когда это животное выбросит на берег. Кровожадный разбойник громко хрипит и стонет, даже, по уверению некоторых, плачет.

Самым обыкновенным дельфином европейских морей, начиная от Гренландии до Сев. Африки, включая и Балтийское море, нужно считать морскую свинью (*Phocaena communis*); у нее короткое, толстое, веретенообразное туловище, треугольный плавник на середине спины и прямые, сжатые

Морская свинья (*Phocaena communis*)

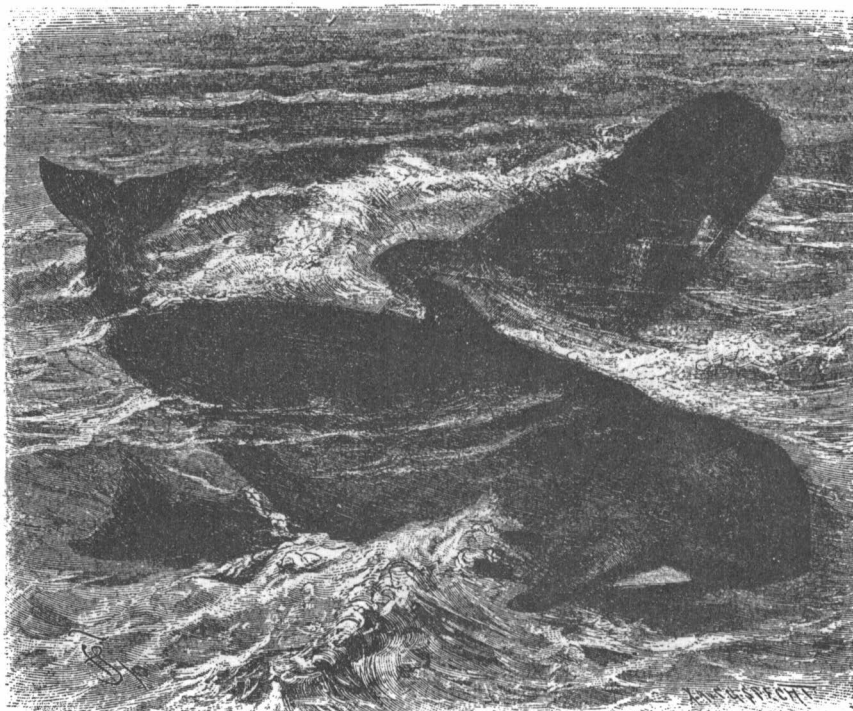
бойником. Знаменитый Линней также подтверждает это мнение, считая косатку «тираном китов и тюленей». Даже близкие родственники — белухи сильно страдают от него. Как настоящий разбойник, косатка убивает жертв больше, чем в состоянии съесть. Неудивительно, что даже такие гиганты, как гренландский кит, позорно бегут от нее, к неудовольствию китоловов. Между тем за самим разбойником нигде правильно не охотятся, так как, хотя, по замечанию Стеллера, «у них почти нет мяса, а все тело наполнено жидким жиром», но жир этот — плохого достоинства и дает мало ворвани; к тому же косатка — чересчур быстрое, неуловимое для остроги

с боков, острые зубы, в числе 80—100. Длина — до 2 м. Голова небольшая, с широкой мордой и желто-бурыми глазами. Мягкая, гладкая, блестящая кожа — сверху темно-бурая или черная с зеленоватым или фиолетовым отливом, снизу — белая. Летом эти дельфины уходят к северу, зимой же к югу, причем в погоне за пищей (рыбой) не только плавают вблизи берегов, но заходят и в реки, разрывая тонкие рыбацкие сети и пожирая всю рыбу из них. Плавая, морская свинья любит «кувыркаться», опускаясь головой вниз, валется на воде (перед бурей) и вообще держит себя игриво. Ночью она целыми стаями шныряет около кораблей. Летом появляются детеныши (1—2)

всего до 50 см длины и 12 фунт. веса. Целый год они кормятся молоком матери, пока не возмужают. Обильное молоко самок — соленого вкуса и пахнет рыбой. Кроме сельдей эти дельфины едят также макрелей, лососей и др. рыб, а также водоросли. Морская свинья так вредит рыболовству, что ее везде жестоко преследуют, тем более что жир ее имеет некоторую ценность, да и мясо (особенно молодых).

шутки, утверждать, что она не может плавать без балласта.

Плавают белухи целым обществом, представляя красивую картину, причем слышатся, от их дыхания, звуки вроде мычания быка; иногда эти звуки переходят в настоящий свист, похожий на пение птицы, так что моряки прозвали в шутку белуху «морской канарейкой».

Гринда (*Globiocephalus melas*)

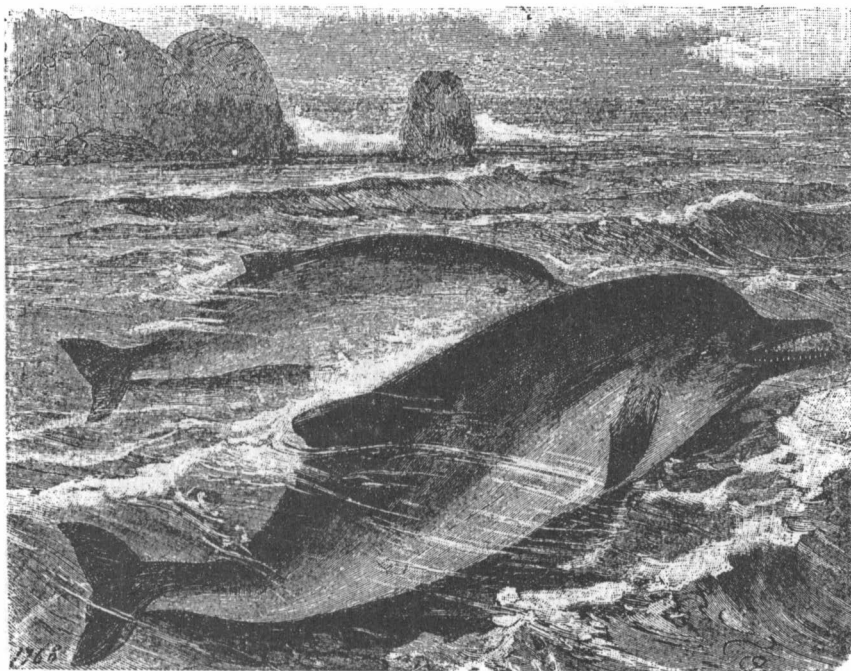
Белухи (*Beluga leucas*) отличаются отсутствием спинного плавника, очень выпуклым ртом, почти отвесно спускающимся к короткой, широкой и тупой морде, и короткими, тупыми ластами. Многие зубы в старости часто выпадают. Тело длиной до 4—6 м, ласты 60 см длины и 30 шир., плес — 1 м ширины. Кожа — желтоватобелая. Водится белуха во всех морях кругом Северного полюса, спускаясь летом до 63° и изредка — до берегов Средней Европы. Подобно морской свинье, она не уходит далеко в глубь моря, а держится ближе к берегу, попадая даже в реки. Питается рыбами, раками и головоногими, захватывая много песка, что дало повод гренландцам, в виде

Китоволы с радостью приветствуют появление белухи, так как она предвещает близость гренландских китов, но за нею не охотятся, хотя и мясо ее, и жир довольно ценны: это животное слишком быстро и ловко. Напротив, северные инородцы отчаянно преследуют белух.

Гораздо более полезным для человека дельфином является **гринда**, или **черный дельфин** (*Globiocephalus melas*), принадлежащий к роду круглоголовых китов, с шарообразной головой, серповидными ластами, сжатым с боков туловищем, прямой спиной и 24—28 толстыми, конусообразными зубами, увеличивающимися по длине и ширине спереди назад и в старости часто

выпадающими. Длина тела до 6 м, окружность — до 3 м, длина ласты — 1,6 м, а ширина 50 см. Об образе жизни гринды мало известно. Водится она в сев. части Тихого и Сев. Ледовитого о., спускаясь иногда к югу до Гибралтара; водится стадами штук в 100, а иногда и 1000, причем все стадо следует за своими вожаками с таким же равнодушием и тупоумием, как овцы. По словам

очень многочисленными (до 212) конусообразными, остающимися на всю жизнь зубами. Длинной он в среднем около 1 саж., спинной плавник 30 см, а ласты 50—60 см длины и 15—18 шир. Зеркально гладкая кожа сверху зеленовато-бурая, снизу — чисто-белая. Водится во всех морях северного полушария, забавляя наблюдателя своей игрой. Плавают иногда очень большими стадами, обы-

Дельфин (*Delphinus delphis*)

Пехуэль-Леше, гринды также куврыкаются при плавании, выпуская фонтан до $1\frac{1}{2}$ арш. высоты. Часто они любят играть около кораблей. Питаются каракатицами, а также рыбой и моллюсками. Детеныши, длиной до $1\frac{1}{2}$ арш., рождаются, вероятно, летом. Никакое китообразное не выбрасывается на берег так часто и в таком большом числе, как гринды. В Исландии, на Шотландских о-вах, в Бретани бывали годы, когда их сотнями выкидывало на берег. Многие рыбацки деревушки живут за счет этой добычи, хотя и ловля, при пугливости и глупости животного, нетрудна: рыбаки просто загоняют их, криками и шумом, в какую-нибудь узкую бухту и здесь начинают избивание.

Собственно дельфин (*Delphinus delphis*) отличается клювовидной мордой, с

кловенно же в количестве 10—100 голов; пища — рыбы, раки, моллюски. Злейшим врагом дельфина является косатка, хотя и человек не отказывается от него, когда нельзя добыть свежего мяса. Любопытно, что перед охотой весь экипаж, по словам Пехуэль-Леше, собирается на носу корабля и начинает свистеть на разные лады, что образует страшную какофонию. Но говорят, что дельфин любит музыку и из-за этого свиста еще более приближается к судну. Тогда, влезши на рею, гарпунщик кидает свое оружие. Мясо дельфина употребляют, впрочем, только в случае нужды.

Наконец, в заключение укажем еще на пресноводных, длинноклювых дельфинов: 1) **иния**, или **ю.-американский речной дельфин** (*Inia amazonica*) с узкой, круг-

лой, тупой и покрытой щетинами мордой, усаженной 132—134 зубами; длина его—2—3 м; кожа сверху—бледно-голубоватая, снизу—красновато-розовая. Живет в пресных водах Ю. Америки от 10° до 17° ю.ш.; плавает стаями, держась больше поверхности воды; движения инии не так быстры, как у морских дельфинов. Туземцы оставляют

ее совсем в покое, так как мясо ее очень твердо, а жира нет; 2) **сусук гангский** (*Platanista gangetica*) в водах Инда, Брампутры и Ганга; на челюстях его 30—32 больших конических зуба; кожа сверху серовато-черная, снизу—серовато-седая. Мясо и жир сусука идут в дело у индусов.

Что касается представителей семейства **единорогов**, то они принадлежат к числу тех животных, о которых в доброе старое время ходили самые невероятные рассказы. Одни из старинных авторов отождествляли единорога с библейским единорогом, т.е. с носорогом, животным сухопутным; другие, как Альберт Великий, признавали, правда, единорога морским обитателем, но считали его рыбой и сочиняли небылицы о кораблях, пробитых страшным рогом чудовища. **Единорог**, или **нарвал** (*Monodon monoceros*), живет в северных полярных морях (между 70—80° с.ш.), где достигает трехсаженной длины. Цилиндрическое тело, пестрая кожа и, главное, колоссальный (до 1½ сажень длиной), пустотелый, винтообразный бивень, развивающийся из одного, большей частью левого, резца, составляют характерные его особенности; самки, впрочем, очень часто лишены этого последнего украшения.

Несмотря на свое страшное оружие, нарвал—животное крайне мирное, безобидное, флегматичное. Питаясь мелкой рыбой и моллюсками, он не только никогда не нападает на человека, но сам часто служит легкой добычей последнего. Хищная косатка и прожорливая акула также часто избирают нарвала целью своих нападений. Только раз в году единорог изменяет своему обычному миролюбию: это случается весной, когда между самцами нередко ожесточенные схватки из-за самок; единоборство обыкновенно кончается тем, что расшвирипевший победитель пронзает своим бивнем соперника в самое сердце. Во все остальное время года нет животных миролюбивее единорогов. Они часто соединяются в дружные стаи и, построившись в ряды, как солдаты на смотре, предпринимают далекие путешествия.

В старину человек деятельно охотился на единорогов ради их бивней, которым приписывались чудесные свойства и за которые платились невероятные цены. По словам Фицджерера, трости из этого рога, украшенные великолепной резьбой, обыкновенно носили за королями и императорами; драгоценные посохи епископов делались также из бивней нарвала. В XVI веке четыре зуба, принадлежавших императору Карлу V и хранившихся в Плассенбургском архиве, считались редкими сокровищами. Два из них пошли в уплату за очень крупный долг императора. Третий венецианцы предлагали купить за огромную сумму в 30 000 червонцев, но получили отказ. Наконец,

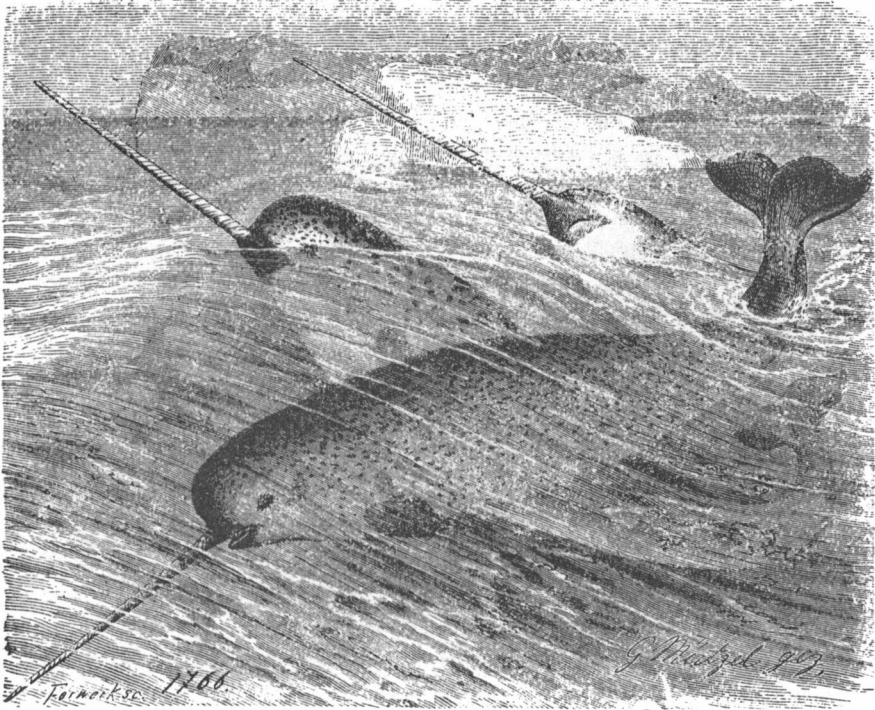
четвертый употреблялся в качестве лекарства исключительно для членов императорского дома; лекарство это считалось такой драгоценностью, что при отпиливании каждой пластинки зуба присутствовали особые чиновники.

Теперь все переменялось. Бивни нарвала можно приобрести по 10—30 рублей за штуку, и одни только китайцы продолжают верить в их целебную силу. Вместе с тем прекратилась и охота за нарвалами, которых человек преследует теперь далеко не с той настойчивостью, как их ближайших родственников, китов и кашалотов.

Наконец, прежде чем перейти к кашалотам, упомянем, для полноты описания, о

третьем семействе зубастых китов, **клюворылых китах**, водящихся в северных морях, в числе нескольких видов. Они отличаются от дельфинов вытянутым в виде клюва рылом и зубами: на нижней челюсти с каждой стороны у них по 1—2 зуба, а иногда еще несколько неразвитых зубов, коронки которых не выдаются из десен. Наиболее известный вид — дог-

линг, или **высоколобый клюворыл** (*Hyperodon bidens*), до 4 саж. длины, с мордой в 30—60 см. Гладкая, блестящая кожа почти везде одноцветно-черная. Водится в Ледовитом океане и сев. ч. Атлантического, спускаясь до Фарерских о-вов и даже до Франции, точно так же и до других берегов Европы. Его часто выкидывает бурей на берег.

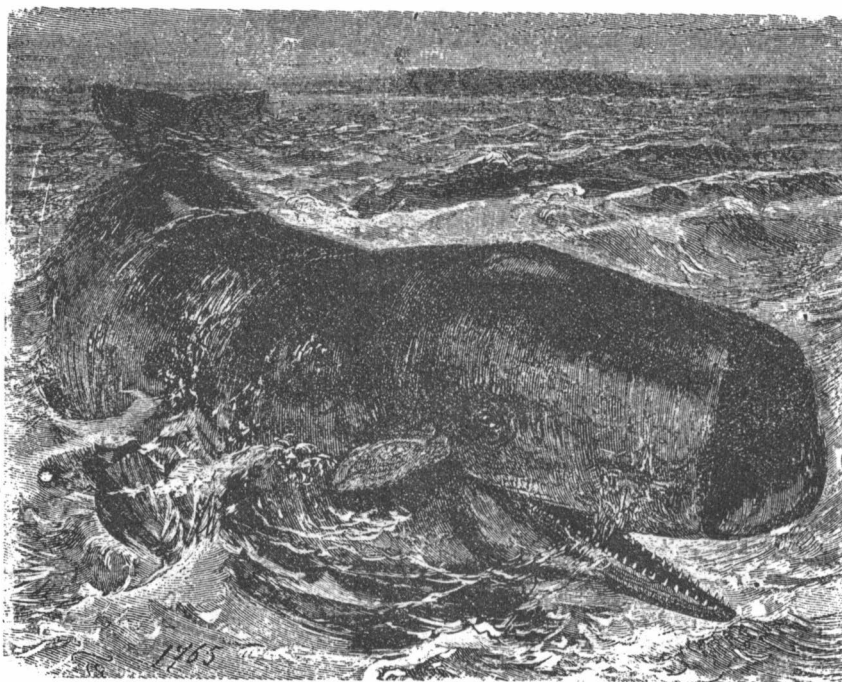

Нарвал (*Monodon monoceros*)

Представителем последнего семейства зубастых китов служит **кашалот** (*Catodon macrocephalus*), бесспорно, самый неуклюжий и безобразный из всех китообразных. Его массивная, в виде огромной колоды, голова, с сильно раздутой и как бы обрубленной мордой, занимает целую треть всего тела; длина доходит до 15 саж., обыкновенно же 10—12, окружность — $4\frac{1}{2}$ —6 саж., а ширина огромного, без большой вырезки, как у других китов, плеса — $2\frac{1}{2}$ саж.; напротив, ласты сравнительно маленькие: 1 саж. длины и $1\frac{1}{2}$ арш. ширины. Огромная пасть с более узкой и короткой, чем верхняя, нижней челюстью усажена на нижней челюсти рядом конусообразных, острых зубов, в числе 39—52, на верхней же — только недоразвитыми зубами. Дыхало одно, в виде буквы S. На последней трети тела возвышается низкий, горбовидный и как бы раздутый жировой неподвижный плавник.

Водится кашалот во всех морях за исключением ледовитых океанов, но истинным его отечеством надо считать море между 40° с. ш. и 40° ю. ш., откуда он заходит градусов на 10 к северу и югу.

Обыкновенно кашалоты держатся на большой глубине, вдали от берегов, плавая стройными стадами в 20—30 голов, под предводительством опытных самцов. Мелководье губительно для них, так как, попав на мель, кашалот не в состоянии сдвинуться с места и неминуемо погибает, становясь добычей

Кашалот (*Cetodon macrocephalus*)

мелких хищников воды, воздуха и суши. Зато на просторе открытого моря он выказывает такое проворство, какого трудно ожидать от этой громадной туши: он то несется по поверхности воды со скоростью самого быстроходного корабля, то глубоко ныряет в глубину, то становится в воде совершенно вертикально головой вниз и с силой бьет по волнам своим могучим хвостом. Все эти эволюции сопровождаются громким, характерным пыхтением и выбрасыванием целых фонтанов воды. Под водой громадный зверь может оставаться около 20 минут, но затем должен подниматься на поверхность, чтобы запастись свежим воздухом.

Питается кашалот главным образом различными видами головоногих, также рыбой и растительными веществами. Прежние наблюдатели утверждали, что

он зачастую охотится и за крупными морскими животными, дельфинами и акулами, но исследователи последнего времени отрицают этот факт.

Подобно самкам китов, самки-кашалоты отличаются замечательно развитым материнским чувством. Они ни на шаг не отпускают от себя детенышей, которые уже при самом рождении имеют до двух сажен длины,— оберегают их от всяких опасностей, кормят молоком и т. п.

Обладая страшной мускульной силой, снабженный такими грозными орудиями защиты, как мощный хвост и усаженная зубами пасть, кашалот почти не имеет врагов. Ему опасны лишь прибрежные волны, нередко разбивающие его об острые скалы и выбрасывающие на берег; главным же врагом является человек. Надобно заметить, что прибыль от убитого кашалота весьма велика: под кожей его находится толстый, в несколько дюймов толщиной, слой сала, дающего отличную ворвань; далее, кашалот дает массу ценного спермацета; наконец, в его мочевом пузыре нередко находят куски амбры, которая представляет собой патологическое образование, аналогичное мочевым камням человека, и находит себе значительное применение в парфюмерии.

Всего этого достаточно, чтобы возбудить алчность человека и заставить китоловов ревностно охотиться за громадным млекопитающим. Но охота на кашалота— далеко не то, что охота на кита. Кашалот вовсе не отличается миролюбивым характером последнего, он мстителен и храбр, да к тому же вооружен гораздо лучше, отчего несчастья при охоте за ним встречаются сплошь и рядом. Приведем наудачу несколько примеров.

Однажды матросы китоловного корабля «Эсекс» ранили кашалота с лодки. Животное сильно ударило лодку хвостом и настолько повредило ее, что матросы принуждены были бросить охоту и скорее плыть к кораблю. Пока экипаж хлопотал около испорченной шлюпки, вблизи корабля показался другой кашалот, внимательно посмотрел на судно, нырнул, потом снова выплыл и с быстротой стрелы ринулся на корабль, ударив его головой. Затем разъяренный кашалот снова нырнул и бросился на носовую часть «Эсекса». Удар был настолько силен, что корпус не выдержал, образовалась пробоина, и через несколько минут корабль пошел ко дну, причем лишь очень немногим из экипажа удалось спастись.

Другое китоловное судно, «Александр», также погибло из-за кашалота. Его матросы сильно ранили могучего зверя двумя гарпунами. Кашалот, вместо того чтобы бежать, начал с такой яростью бросаться на лодку, что ловцы принуждены были спастись на корабль. Но животное не оставило их там: налетев на судно с разбега, оно так

ударило его головой, что образовалась течь, и корабль со всеми людьми пошел ко дну. Вскоре после этой катастрофы китоловное судно «Ревекка» убило громадного кашалота; когда матросы стали осматривать добычу, то нашли в теле убитого зверя два гарпуна с надписью «Александр», а на голове кашалота зияла огромная рана, из которой торчали обломки корабельных досок.

Бывали случаи, когда кашалот, раздраженный чем-нибудь, даже без всякого повода нападал на проходившее судно и топил его. Так, например, случилось с купеческим английским бригом «Ватерлоо», который шел с грузом плодов и имел несчастье подвергнуться нападению гигантского кашалота.

Но все подобные случаи не страшат смелых китобоев, и англичане, а особенно североамериканцы, ежегодно снаряжают для ловли кашалотов десятки судов, так как выгода от этих животных очень значительна: одной ворвани кашалот дает 80—120 бочек, а все животное оценивают в 5—10 тыс. руб.

Отряд XIV

Сумчатые (Marsupialia)

В классе млекопитающих, после обезьян, китообразных и птицезверей, отряд сумчатых более других может привлечь наше внимание. Он соединяет в себе самых разнообразных по виду животных, часто очень сходных с представителями уже рассмотренных нами отрядов. Так, сумчатый волк похож на собаку, сумчатая куница—на виверру, вомбат—на грызуна и пр. Но все они отличаются такой несовершенной организацией, которая сразу указывает в них менее развитых животных. И действительно, нынешние сумчатые представляют из себя лишь немного измененных потомков млекопитающих прошедших геологических эпох, жалкие следы тех времен, когда на земле еще жили огромные, неуклюжие амфибии, летучие ящерицы и морские чудовища вроде ихтиозавра. Несовершенство этих животных сказывается и в характере, и в умственных способностях. Сумчатые—существа глупые, не способные ни к развитию, ни к облагораживанию, не поддающиеся воспитанию. Никогда нельзя надеяться сделать из сумчатого волка такое животное, как собака. Глаз их, хотя большой и ясный, выражает тупость и бессмысленность; эти животные ко всему равнодушны, исключая разве пищи; даже материнская любовь носит какой-то механический характер: ни одна мать не играет с детенышами, не учит и не воспитывает их.

Что касается общих черт внешней организации сумчатых, то сказать что-нибудь о целом отряде трудно: слишком различные животные входят в него. Тут есть и хищные, и растительноядные, скачущие и лазающие, водяные и наземные. Сообразно с образом жизни различна и организация. Все сумчатые сходны между собой лишь в одном: все имеют около задних ног, в полости живота более или менее развитой кожаный мешок или сумку, куда они прячут

детенышей. В сумке находятся соски молочных желез. Дело в том, что детеныши сумчатых являются на свет Божий самыми беспомощными существами, голыми, слепыми, недоразвитыми. Мать берет их тогда ртом и прикладывает к одному из сосков. В сумке они и остаются, пока у них не разовьются органы чувств и конечности. У видов же, снабженных более развитой сумкой, последняя служит молодому поколению не только гнездом и местом убежища, но как бы второй утробой матери. Отсюда молодое животное делает потом все более и более значительные прогулки, но все детство проводит, присосавшись к соску, а некоторые — 6—8 месяцев.

Сумчатые населяют Австралию и некоторые близлежащие острова, а также Южную и Северную Америку. Больше всего их — в Австралии. Всех их — до 151 вида, разделенных Томасом на шесть следующих семейств: **прыгающие (кенгуровые), лазающие, вомбатовые, сумчатые барсуки, хищные и двуутробки**. Первые три семейства образуют группу растительноядных, так как питаются растениями (и только отчасти, некоторые, насекомыми), последние три — плотоядных.

Представители сем. **прыгающих**, или **длинноногих** (Macropodidae), характеризуются главным образом зубами и своеобразным видом. В верхней челюсти находится обыкновенно 3 резца, из которых первый больше других, клыки встречаются лишь в виде исключения, в нижней челюсти — один широкий долотообразный резец, а клыков нет; кроме того, в обоих челюстях — 2 ложнокоренных и 4 истинных коренных зуба. Двигаются эти животные прыжками, вследствие того, что задние ноги значительно длиннее передних. На послед-

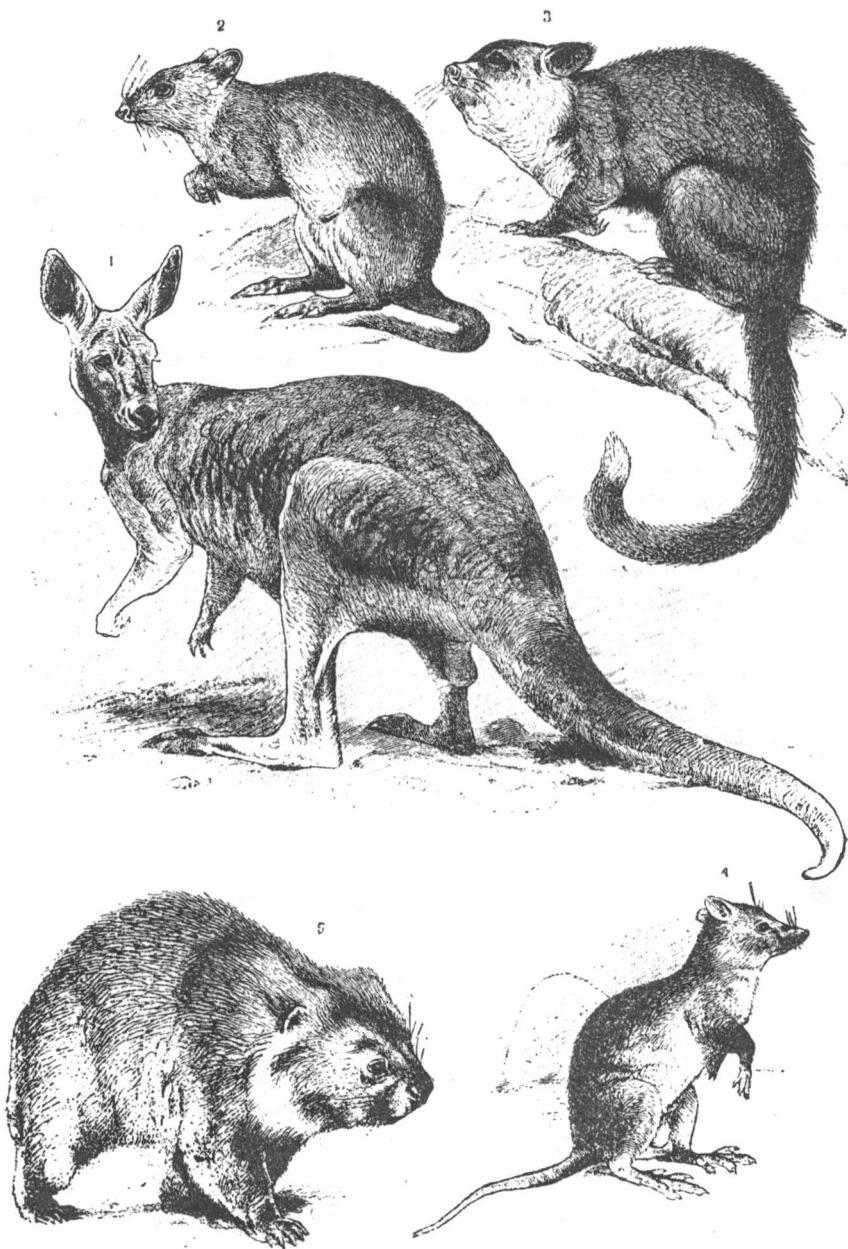
них — 5 пальцев, на задних же 4, за исключением одного вида; четвертый палец задних ног отличается величиной и вооружен большим когтем, у собственно кенгуру — в виде копыта, несколько слабее — пятый, а второй и третий — очень тонки и срослись между собой. Длинный хвост лишь у одного *Hypsiprymnodon moschatus* голый, у остальных же — волосатый, иногда служащий животному для схватывания и обвивания вокруг ветвей. Желудок в виде мешка; слепая кишка есть; сумка большая, открытая вперед.

Кенгуровых делят обыкновенно на три группы: собственно кенгуру, потору, или кенгуровых крыс, и цепконогих.

Группа **кенгуру** включает, наряду с гигантами отряда, животных не больше кролика, но все они имеют странный вид. У всех голова и грудь маленькие, задняя же часть тела — большая, задние ноги отличаются сильной мускулатурой, на них животное и передвигается, передняя же, развитая более слабо, служит лишь для схватывания. Толстый, мясистый хвост служит как точка опоры для животного.

Родина кенгуру — Австралия и прилежащие острова; любимое местопребывание — обширные равнины, богатые травой и кустарником. Впрочем, некоторые виды любят густые леса, другие — горы, третьи живут на деревьях. Большая часть их — дневные животные, только мелкие виды ведут ночной образ жизни. Летом кенгуру предпочитают влажные местности, зимой — сухие, причем могут долго обходиться без воды. Ведутся стадами, под предводительством старых самцов.

Обыкновенная походка животного — неуклюжее ковылянье: кенгуру опирается на ладони передних ног и подвигает вперед задние, опираясь на хвост. Но

Прыгающие и вомбатовые сумчатые

1. Исполинский кенгуру (*Macropus giganteus*).
2. Древолаз (*Dendrolagus ursinus*).
3. Крысиный потору (*Potorous tridactylus*).
4. Цепконог (*Hypsiprymnodon moschatus*).
5. Тасманский вомбат (*Phascolomys ursinus*)

при малейшей опасности оно, вытянув хвост прямо назад и прижав передние ноги к груди, с силой отталкивается задними ногами и делает гигантские прыжки, до 3—5 саж. в длину и 1—1½ саж. в высоту у крупных видов, мелкие же виды прыгают сажени на 1½ в длину. Понятно, нужна отличная собака, чтобы угнаться за такой дичью, так как кенгуру легко перепрыгивает через кустарники, собака же должна огибать их. Из внешних чувств у кенгуру на первом месте нужно поставить слух, зрение же и обоняние, вероятно, плохи. С умственной стороны это — крайне бестолковое животное, глупее овцы: каждый незнакомый предмет возбуждает его страх, кенгуру бьется и колотится, трясая головой и испуская слюну, наносит себе серьезные раны. Оттого много пленников погибает. От страха многие кенгуру даже умирают.

Размножение этих животных незначительно. Большие виды редко мечут более одного детеныша. Последний не более 3 см и похож больше на червя, чем на млекопитающее: слепой, без ушей, без ног, он не может даже сосать, и мать сама, кладя его к себе в сумку, прикладывает к одному из сосков; молоко льется само собой. В течение 8 месяцев детеныш проводит все время в своем убежище и только под конец время от времени начинает выглядывать оттуда, но еще не способен двигаться. Потом понемногу он приучается покидать сумку и выходить на пастбище, но все-таки долго еще при малейшей опасности прячется в сумку. Вейнланд наблюдал невероятный с первого взгляда факт, что кенгуру прятался в материнской сумке, сам уже питая в своей — собственного детеныша. Бабушка кормила не только дочку, но, при ее посредстве, и внуку! Любовь матери бывает обыкновенно более или менее сильная лишь в начале жизни детеныша, потом же, когда детеныш начнет сам двигаться, мать относится довольно равнодушно к своему произведению, а при бегстве, желая освободиться от лишней тяжести, просто выбрасывает свое сокровище и спокойно убегает одна.

Пищу кенгуру составляют травы (особенно так называемая «кенгуровая трава»), затем листья деревьев, кора, корни, плоды. Сами же животные потребляются разве только нетребовательными дикарями, так как мясо их, темного, кровавого цвета, сухо и безвкусно. Тем не менее за кенгуру усердно охотятся и черные и белые; последние, впрочем, больше ради развлечения, оставляя убитую дичь гнить в лесу. Эти «развлечения» ведутся обыкновенно с такой ненасытной кровожадностью, что в большей части Австралии, в местностях, заселенных европейцами, эти интересные животные уже совершенно истреблены. Губительное оружие белых и здесь сделало свое дело, как в Америке — с бизонами, хотя кенгуру также не беззащитен и может наносить своими задними ногами смертельные раны.

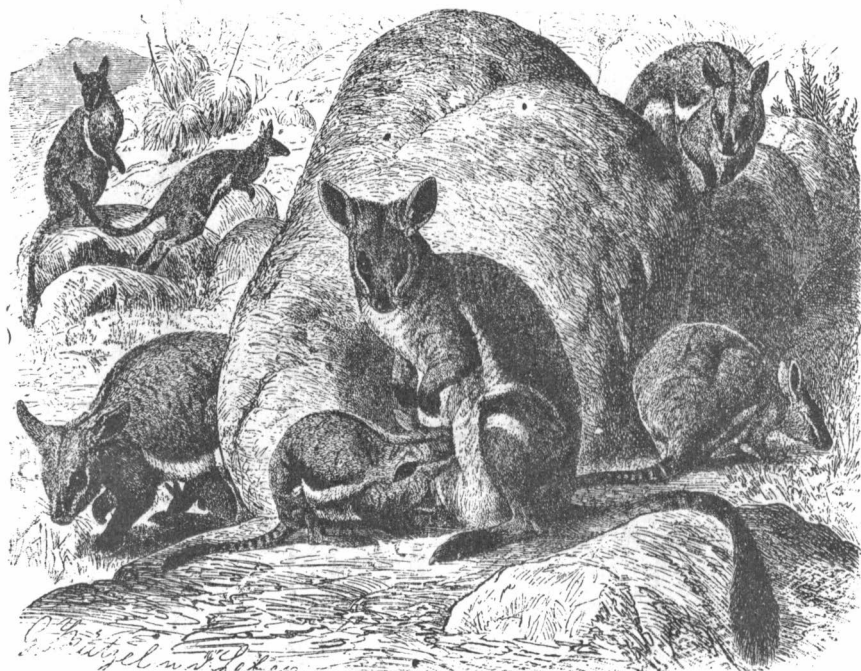
Между тем все виды, несмотря на свою пугливость, хорошо переносят неволю и даже размножаются; кормят их сеном, зеленой листвой, репой, хлебом и пр. Несколько лет тому назад барон Безелагер сделал опыт размно-

жения кенгуру даже в лесу (в Рейнской провинции Германии). Опыт, по-видимому, удался,— и кенгуру стали быстро размножаться на свободе.

Самый крупный вид из всего семейства — **исполинский кенгуру** (*Macropus giganteus*), до 1½ саж. длины, из которых 90 см приходится на толстый, постепенно суживающийся, покрытый гладкой шерстью хвост. Вес 6—9 пуд., самки на треть

При прыганье он размахивает своими передними ногами, почему и узнается сразу.

В горах Австралии живут 6 видов **горных кенгуру** (*Petrogale*); они средней величины, когти задних ног у них короче, а хвост не утончается и оканчи-

Желтоногий кенгуру (*Petrogale xanthopus*)

меньше. Мех плотный, густой, гладкий, мягкий, неопределенного буро-серого цвета; передние ноги белые, на боках черные пятна. Теперь водится лишь в самых глухих уголках Австралии и Тасмании. Голос в гневе — сердитое, хрипкое ворчание. В Европе некоторые исполинские кенгуру выжили 10—25 лет.

Из более мелких видов того же рода, называемых валлаби, красивее всех, пожалуй, **падемелон** (*M. thetidus*), длиной всего 1 м, причем 45 см занимает хвост. Длинная, мягкая шерсть сверху — буро-серая, снизу — белая, бока рыжеватые. Водится поодиночке или маленькими стадами в кустарниках Ю. Квинсленда, Н. Ю. Валлиса и Виктории; нежное мясо его похоже на заячье.

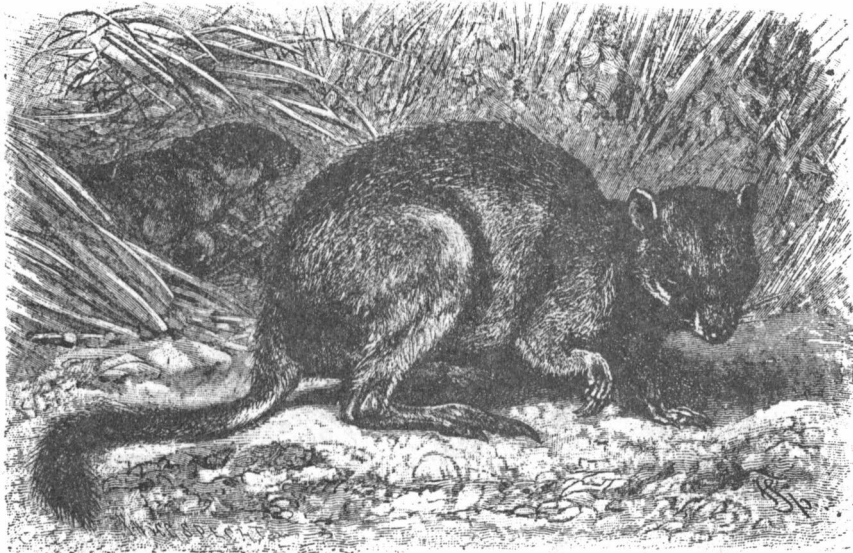
Сюда относятся между прочими: 1) ю.-австралийский **камснный кенгуру** (*P. penicillata*), проворное, ночное животное 1,25 м длины, темно-пурпурно-серого с черным сверху и бурого или желтоватого цвета снизу, живет в скалах; 2) таких же размеров в.-австралийский **желтоногий к.** (*P. xanthopus*), бледно-рыжевато-бурого, снизу — белого цвета; на хвосте желтые и буро-черные кольца. Оба вида прекрасно переносят неволю.

Далее, укажем на **зайцеобразного кенгуру** (*Lagorchectes leporoides*), названного так потому, что по характеру и окраске он сильно напоминает зайца. Длина его — 60 см, причем 35 занимает хвост. Живет во внутренней Австралии, причесь

днем, подобно зайцу, в глубоком логовище и, подобно же зайцу, в случае нападения собак также делает неожиданные прыжки в разные стороны. Гульд, охотившийся на него, рассказывает, что этот кенгуру, настигаемый собаками, вдруг поворотил назад и, совершенно неожиданно перескочив через голову охотника, удачно спасся.

Некоторые виды кенгуру отлично лазают по деревьям; таковы **древотазы** (*Dendrolagus*) Н. Гвинеи и Квинсленда. У них большие и сильные передние ноги лишь не-

бурым с черными и белыми крапинками, снизу — грязно-белым. Длина — 67 см, из которых 31 — хвост. Подобно остальным животным того же рода, этот кенгуру вырывает в земле углубление, подходящее под цвет окружающей местности, так что его не сразу заметишь, причем таскает траву для гнезда при помощи своего цепкого хвоста. Водится почти во всей Австралии, кроме севера, целыми обществами, ведя ночной образ жизни. Также ночное животное — **крысиный кенгуру** (*Potorous tridactylus*)

Косматый потору (*Bettongia penicillata*)

много короче задних, когти на пальцах согнутые, а не прямые, как у остальных членов первой группы. Укажем лишь на **медведеобразного кенгуру** (*D. ursinus*), довольно большое животное, длиной в 1,25 м, причем хвост занимает более половины. Тело у него толстое, короткое, короткая и голова. мех — жесткий, черный, щеки желтоватые. Этот кенгуру проворно движется по ветвям; в неволе также уживается хорошо.

Маленькие прыгающие сумчатые, **потору**, или **кенгуровые крысы**, отличаются длинными когтями на средних пальцах ног и присутствием хорошо развитых клыков на верхней челюсти. Один из крупнейших видов — **косматый кенгуру** (*Bettongia penicillata*), величиной с кролика, с очень круглыми короткими ушами и довольно длинным мехом, сверху серо-

длинной 40 см, хвост — 25, отличается вытянутой головой, короткими ногами и крысиным хвостом. Длинный, рыхлый мех сверху темно-бурый, снизу — грязно-белый. Живет в логовищах, в Н. Ю. Валлисе, Виктории, Ю. Австралии и Тасмании. Бегаёт короткими шагами, но очень проворно, передвигая, подобно тушканчикам, сначала одну ногу, потом другую. Ест главным образом корни и клубни. Хорошо переносит неволю. Мясо его напоминает по вкусу кроличье.

Третья группа, **цепконогие сумчатые**, состоит из одного только вида — **цепконога** (*Hypsiprymnodon moschatus*), похожего на крысу, длиной 41 см., из которых 16 занимает голый чешуйчатый хвост. Задние ноги, немного лишь длиннее передних, снабжены настоящим хватательным пальцем (большой палец), но без

когтя, остальные же пальцы—с когтями. Густой, бархатистый мех покрыт на темном фоне ржаво-оранжево-серыми крапинками, ноги—бурые. Водится в сырых

местностях Квинсленда, питаясь насекомыми, червями и корнями растений; образ жизни этих своеобразных австралийских животных—дневной.

Лазающие сумчатые

1. Пятнистый кустус (*Phalanger maculatus*).
2. Коала (*Phascolarctus cinereus*).
3. Пяткоход (*Tarsipes rostratus*).
4. Сумчатая мышь (*Acrobates pygmaeus*).
5. Сахарная белка (*Petaurus sciureus*)

Лазающие сумчатые (*Phalangeridae*) живут на деревьях, питаются растениями, редко—мясом и насекомыми. У них 5 пальцев на всех ногах и хорошо развитая, открывающаяся спереди сумка. На задних ногах 2-й и 3-й пальцы срослись, 4-й длиннее других, а лишенный когтя большой может противопоставляться прочим пальцам. Различают 3 группы лазающих.

К первой группе относится лишь одно животное—**коала**, или **сумчатый медведь** (*Phascolarctus cinereus*), до 60 см

длины и 30 вышины. Бесхвостое тело плотно, голова толстая, с короткой мордой и густо волосатыми ушами, рот с защечны-

ми мешками; все ноги — настоящий хватательный орган; зубы всех сортов, но из верхних резцов один толще и больше других, а на нижней челюсти нет клыков. По общему виду, походке и всей осанке коала очень сходен с молодым медведем. Мех — длинный, густой, но тонкий, мягкий, сверху рыжевато-пепельно-серый, снизу — желтовато-белый. Водится в В. Австралии. Лазает медленно, лениво, но зато уверенно; днем спит на своем любимом каучуковом дереве, а к вечеру начинает есть. Голос его, глухой лай, переходит в раздражении в резкий, пронзительный крик. В неволе и он уживается хорошо.

Другую, обширную группу лазающих составляют **кускусовые**, размером не более крупной куницы; у них — длинный хватательный хвост, короткая, широкая морда, простой желудок с очень длинной слепой кишкой и хорошо развитые зубы. Живут на деревьях, редко спускаются на землю; образ жизни — ночной; некоторые едят мясо и насекомых, другие — только растения. Детенышей 2—4. По характеру это — кроткие, безобидные существа, легко уживающиеся в неволе, хотя совершенно равнодушные к хозяину.

Собственно **кускусы** (*Phalanger*) живут в лесах Целебеса, Молуккских о-вов, Н. Гвинеи и Сев. Квинсленда; хвост у них только у корня наполовину волосатый, а дальше — голый, бородавчатый. Один из красивейших видов — **пятнистый кускус** (*Ph. maculatus*), до 1,1 м длины, причем хвост занимает 48 см. Тело его одето густым, волнистым, мягким, как шелк, мехом; цвет большей частью сверху белый с ярко-ржаво-рыжими, темно-бурыми или черными пятнами, снизу — белый. Глаза — карминно-красные, ночью светятся; зрачок щелевидный. По характеру это — тупое, глупое, даже злое животное, которое сильно кусается. Питается растениями; цепляется своим хвостом за ветви, так что его и не оторвать. Подобно ленивцу, отличается замечательной живучестью: даже с переломленным позвоночником живет несколько часов. В Европе редок. Гораздо чаще к нам попадают **кузу** (*Trichosurus*), похоже на кускусов, но с круглыми зрачками, довольно большими глазами, гладкой шерстью и волосатым хвостом.

Один из наиболее известных видов и вместе самых распространенных сумчатых в Австралии — **кузу-лиса** (*T. vulpecula*), 60 см длины, с хвостом в 45 см, животное, соединяющее, по-видимому, изящное строение нашей белки с внешним видом лисы. У них неполная, состоящая лишь из невысокой складки кожи сумка и мягкий, густой мех, сверху буровато-чалый с рыжеватым оттенком, снизу охристо-желтый.

Кузу-лиса, подобно родичам, живет на деревьях, ведя ночной образ жизни: двигается даже на деревьях медленно и лениво; питается растениями, не брезгуя, однако, и животными, которых сначала мучит, как куница, и выедает мозг, а потом и остальное. Детеныши рождаются по 2 и, подрощив в сумке, переходят потом на спину матери. Приручается без труда. Кузу-лиса издает противный запах, которым пахнет и мех; тем не менее последний ходит все в большее употребление. В торговле он известен под названием «аустралийского опоссума».

Сумчатые белки (*Petauroides*) по внешности очень похожи на наших летяг и отличаются от них только зубами. Единственный вид — **летун** (*P. volans*), до 50 см длины; хвост голый. Очень длинный и мягкий мех сверху буровато-черный, летательная перепонка с белыми крапинками, живот белый, хвост черный. Впрочем, бывают летуны и другого цвета. Живет в лесах Квинсленда, ведя ночной образ жизни и скрываясь днем в дуплах. По привычкам — быстрое, ловкое животное; в неволе редок. Пойманное животное отчаянно защищается своими крепкими когтями и зубами. Дает вкусное мясо.

К сумчатым белкам примыкают и **сахарные белки** (*Petaurus*), похожие на белок, с длинными, стоячими ушами и большими глазами. Густой, тонкий и мягкий мех пепельно-серый, снизу — белый; летательная перепонка окаймлена темным орехово-бурым и белым цветом. Это также ночное животное, распространенное от Квинсленда до Виктории. Сахарная белка — безобидное, веселое, хорошенькое создание, только несколько бодрящее. Сильный свет так ослепляет ее привыкшие к ночной темноте глаза, что ее легко схватить. Питается она растениями, медом, эвкалиптом и насекомыми. В неволе она сначала плюется, ворчит, фыркает, кусается, но потом мало-помалу делается ручной.

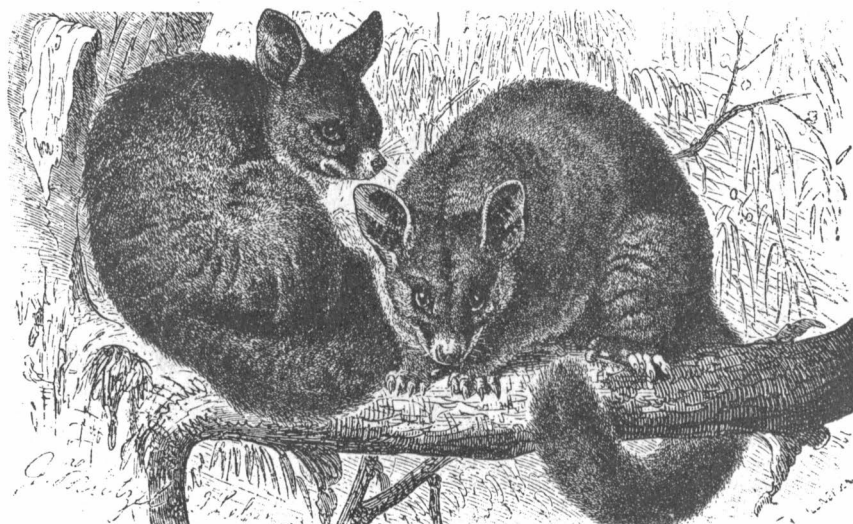
Карлик между лазающими сумчатыми — **сумчатая мышь** (*Acrobates rugmaeus*), с перистым хвостом, похожая на нашу домашнюю мышь. Длина ее 14 см, причем половину занимает хвост. Короткий, мягкий мех сверху серо-бурый, снизу — желтовато-белый, глаза окружены черными кольцами. При сидении летательная перепонка прилегает складками к телу, служа своеобразным сиденьем. Водится в В. Австралии; по живости, ловкости не уступает белкам. Говорят, туземцы любят держать у себя в клетках этого изящного зверька.

Последнюю группу лазающих сумчатых, **пяткоходов**, составляет одно животное — **пяткоход** (*Tarsipes rostratus*), до 16 см

длины, причем 9 из них приходится на покрытый редкой шерстью цепкий хвост. Оно отличается очень длинным и тонким хоботом, длинным, вытягивающимся языком, которым оно достает мед из растений, отсутствием слепой кишки; когти недоразвиты, за исключением когтей 2 сросшихся меж-

ду собой пальцев, следующих за большим пальцем задних ног; шерсть короткая, грубая и жесткая, сверху серого с черными продольными полосами, снизу — желтовато-белого цвета. Живет в Зап. Австралии. Питается, как уже упомянуто, медом, а также насекомыми.

Представители третьего семейства сумчатых, **вомбаты**, похожи на грызунов. У них неуклюжее, тяжелое, толстое тело, неуклюжая голова, хвост в виде придатка, ноги короткие, кривые, с 5 пальцами, вооруженными длинными, крепкими, серповидными когтями, которых нет лишь на больших пальцах

Кузу-лиса (*Trichosurus vulpecula*)

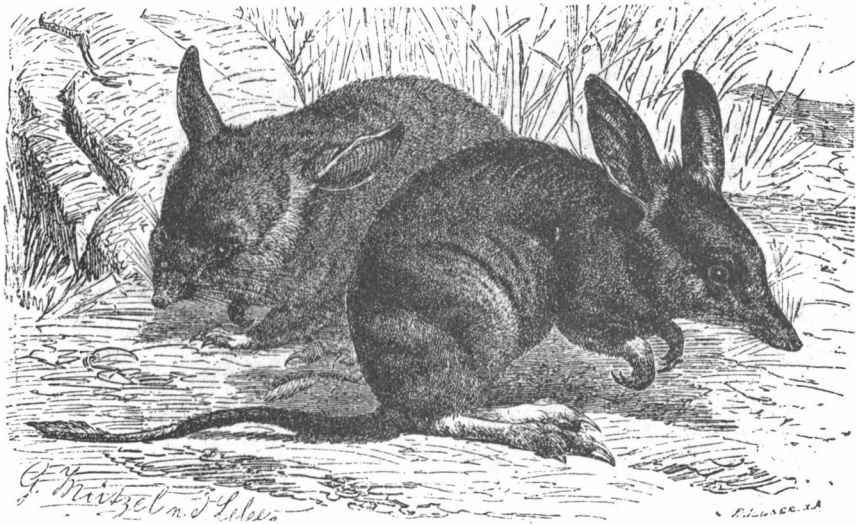
задних ног; ступни широкие, голые. Передние резцы (по 2 в челюсти) соответствуют резцам грызунов; кроме них — по 1 ложнокоренному и по 4 длинных, кривых истинных коренных зуба. Слепая кишка есть.

Вомбатов — 3 вида, сходных по внешности и характеру, именно: 1) **тасманский вомбат** (*Phascolomys ursinus*), 95 см длины, с короткими круглыми ушами, крапчатого, темно-серо-бурого цвета, 2) **митчелев вомбат** (*Ph. mitchellii*), похожий на него, но больше ростом, и 3) **широколобий вомбат** (*Ph. latitrons*), до 1 м длины, светло-мышино-серый, с рыжеватым отливом; уши острые. Первый вид водится в Тасмании, второй — в Н. Ю. Валлисе, третий — в Ю. Австралии. Все любят густые леса, где выкапывают широкие норы и там проводят день. Питаются одной жесткой травой, корнями и т. п. Движения вомбата медленны,

но тверды. Такое тупое и равнодушное существо, как он, нелегко вывести из себя. Туземцы передают, что он идет, не останавливаясь ни перед каким препятствием: случится ему скатиться в канаву, он идет по ее сухому дну, держась все одного направления. По характеру он миролюбив, но если в его упрямую голову придет размышление об обороне, то он защищается безмерно, кусая направо и налево. Самка рождает 3—4 детенышей и относится к ним с любовью, пока те малы. В неволе вомбаты смиренные и равнодушные. Мясо их считается в Австралии вкусным, а шкура ценной, но европейцам не нравится.

Плотноядные (Polyprotodontia) сумчатые отличаются большим числом резцов, которых наверху 8—10, внизу—6—8. Но резцы гораздо меньше длинных, остроконечных клыков. Различают три семейства: язвичных, или сумчатых, барсуков, хищных и двуутробок.

Семейство **язвичных, сумчатых барсуков, или бандикут** (Peramelidae), имеет значительно удлиненные задние ноги; второй и третий пальцы сросшены до когтей, четвертый палец очень длинный, а большого нет или он недоразвит. На передних ногах лишь 2—3 средних пальца, которые велики и свободны. Тело плотное, с заостренной мордой, хвост короткий, покрытый редкими волосами; сумка открыта сзади. Живут в норах в Австралии и Новой Гвинее,

Остроносая язвица (*Perameles nasuta*)

ведя ночной образ жизни. Движения их довольно быстры. Пища—растения, а иногда и насекомые. По характеру все сумчатые барсуки—робкие, пугливые, добродушные и безобидные создания, которые в неволе в короткое время становятся ручными. Ни мех, ни мясо их не идут в дело.

Из относящихся сюда животных укажем на след.: 1) **Остроносая язвица** (*Perameles nasuta*), до 50 см, причем хвост—12; похожа на кролика и землеройку, с длинной мордой и большими ушами; покрыта жесткой шерстью, испещренной сверху буровато-чало-желтыми и черными крапинками, снизу—грязновато-белой. 2) **Полосатая язвица** (*P. bougainvillei*), длиной в 42 см, включая 10 см—хвост. Мех представляет смесь черного с желтым. Живет в З., Ю. и Ю.-В. Австралии, а остроносая язвица в Н.

Ю. Валлисе. Голос их—вроде писка крыс. Оба вида питаются клубнями, корнями, червями и насекомыми. В неволе смирны и безобидны. 3) **Хероп** (*Choeropus castanotis*), до 35 см, причем 10 занимает хвост; сильно напоминает слоноземлеройку, только задние ноги длиннее; на них лишь по 1 развитому, длинному пальцу, на передних же по 2 развитых, коротких. Рыхлаый, мягкий мех сверху буро-серый, снизу—белый. Живет по всей Австралии, питаясь растениями и насекомыми.

Хищные сумчатые

1. Сумчатый волк (*Thylacinus potens*). 2. Желтоногая сумчатая мышь (*Phascogale flavipes*). 3. Пятнистая сумчатая куница (*Dasyurus viverrinus*). 4. Сумчатый тушканчик (*Antechinus laniger*). 5. Муравьед (*Muttesobius fasciatus*). 6. Дьявол (*Sarcophilus ursinus*). 7. Тафа (*Phascogale penicillata*)

В семействе **хищных сумчатых** (Dasyuridae) ноги одинаковой длины, пятипалые; хвост длинный, не приспособленный для хватания. Желудок простой; слепой кишки нет; у некоторых нет и сумки. Сюда относятся прежде всего 25 видов **сумчатых куниц**, живущих в австралийской области от Новой Гвинеи до Тасмании. Все это — ночные животные, по образу жизни разнообразные, так как живут и в норах, и на деревьях, и в лесах, и по берегу. Более крупные виды — дики и неприручимы; мелкие же — смирны и легко привыкают к неволе. Человек усердно преследует всех их, как вредных зверей.

Самый крупный из сумчатых хищников — **сумчатый волк**, или **мешкопес** (*Thylacinus cynocephalus*). Имея в длину $3\frac{1}{2}$ фута и $1\frac{1}{2}$ -футовый хвост, он по величине весьма близко подходит к шакалу.

Что касается наружности, то в этом отношении сумчатый волк более всего похож на собаку: то же длинное туловище, то же тупое рыло, те же стоячие уши, та же форма головы; лишь более короткие ноги, иное расположение зубов (их — 46), полосатая спина, большие темно-бурые глаза, снабженные мигательными перепонками, и сумка несколько нарушают это сходство. мех короткий, несколько курчавый, серо-бурого цвета; поперечные полосы — черные.

Живет сумчатый волк исключительно в Тасмании, или Вандименовой земле, где прежде он встречался в огромном числе, к величайшему вреду для стад колонистов. В настоящее время, однако, ружья фермеров сделали свое дело, и сумчатый хищник попадает лишь в горах внутренней части острова.

По образу жизни мешкопес — ночное животное. Его глаза не выносят дневного света, и днем он укрывается в расщелинах скал, в темных недоступных теснинах, в ушелях и норах. Подобно нашей сове, днем это неповоротливое, неловкое существо. Зато ночью он совершенно изменяется и становится чрезвычайно ловким, проворным хищником, опасным для всех небольших животных. С замечательным искусством подкрадывается мешкопес к стаду черных лебедей и одним скачком достигает неосторожную жертву. Иногда он пускается и на более трудную охоту: преследует быстрого кенгуру в кустарниках или ловит в болотах и реках уткуноса. Одним словом, ни одно из животных Вандименовой земли, кроме лишь исполинского кенгуру, не может считать себя в безопасности от зубов дерзкого, проворного хищника. Даже австралийского ежа, ехидну, не спасают его острые, как иглы, колючки. Мучимый голодом, мешкопес или спускается на берег моря, где довольствуется ракушками и слизняками, или забирается в хлвы и птичники поселенцев. Последние справедливо ненавидят сумчатого волка и стараются истреблять его все-

ми средствами: стреляют из ружей, ловят в западни, травят собаками. Как ни хитер, как ни яростно отбивается он от собак, однако истребление его идет своим чередом, и может быть, скоро сумчатый волк сделается, подобно своим предкам, достоянием лишь зоологических и палеонтологических музеев. К неволе он совершенно непригоден и постоянно зол и дик.

Еще злее ближайший родич мешкопеса — **дьявол** колонистов (*Sarcophilus ursinus*), бешеный зверь, неуклюжий, толстый, производящий отталкивающее впечатление своей злостью и в то же время глупый. Короткий мягкий мех его черный, как сажа, только на груди — белый ошейник и 2 белых пятна. Длина до $1\frac{1}{2}$ арш., причем $\frac{1}{2}$ арш. занимает пушистый хвост. Вначале дьявол доставлял колонистам Тасмании много хлопот, препятствуя разведению домашней птицы и свирепствуя в курятниках с кровожадностью куницы. Поэтому его везде ожесточенно преследовали, тем более что мясо его очень вкусно. Теперь он встречается крайне редко. Подобно мешкопесу, это ночное животное. Осанка его напоминает медведя, а голос нечто среднее между звучным

лаем и ворчаньем. Его прожорливость часто бывает причиной смерти, так как он безрассудно идет на всякую приманку. Пищу

его составляет все живое, что попадает на пути. При обороне это животное бешено защищается, наводя страх на собак.

Собственно **сумчатые куницы** (*Dasyurus*) занимают по общему виду среднее место между лисицами и куницами; тело у них тонкое, вытянутое, голова на длинной шее, заостренная, хвост длинный, повислый, ноги низкие, задние немного длиннее передних и без большого пальца; пальцы с крепкими, серповидными когтями. Один из наиболее известных видов—**пятнистая куница** (*D. viverrinus*), чало-бурого цвета, снизу белого; длиной до 40 см, с хвостом в 30 см. Водится в Н. Ю. Валлисе, Виктории, Ю. Австралии и Тасмании, в лесах по берегу моря; днем прячется под корнями деревьев или камнями; питается мертвыми животными, выброшенными морем, но не отказывается и от живой добычи, посещает также курятники. Походка ее крадущаяся, осторожная, но движения быстры и ловки. Детенышей 4—6. В неволе она и скучна и зла. На родине ее всячески преследуют.

Еще вреднее для домашних птицы маленькая, кровожадная **тафа**, или **сумчатая соня** (*Phascogale penicillata*), по внешности красивый зверек с нашу белку (24 см тело и 22—хвост), покрытый длинным, мягким, волнистым мехом, сверху серого, снизу белого цвета. По кровожадности и смелости редкий хищник поспорит с тафой: от нее не защитит ни стена, ни ров, ни изгородь. Кровожадный зверек, пользуясь своей незначительной величиной, всюду пролезает, производя страшные опустошения среди домашней птицы; к счастью еще, у него нет таких резцов, как у крыс, и хорошая дверь преграждает ему путь. Второй вид—**желтоногая сумчатая мышь** (*Ph. flavipes*), всего 13 см длины с хвостом в 13 см. Мех черноватый с крапинками, снизу—белый.

Далее, укажем на **сумчатого тушканчика** (*Antechinomys laniger*), маленькое, стройное животное, длиной в 20 см, причем хвост занимает 13, с очень большими ушами, длинным носом с кистью и очень длинными задними ногами. Длинная, тонкая, мягкая шерсть сверху—серая, снизу—светлая. Живет в лесах

Ю. Валлиса и Квинсленда, питаясь насекомыми.

Последний из хищных сумчатых, на кого мы обратим внимание, **муравьед** (*Murgecobius fasciatus*), величиной с белку (длиной до 25 см, хвост 18). Тело его длинное, голова заостренная, 4-палые задние ноги несколько длиннее передних 5-палых, хвост длинный, косматый. Сумки нет, так что название «сумчатого» не совсем подходит к нему. Зубов по 54. Язык—тонкий, длинный, гладкий. Густой мех—своеобразной окраски: охрово-желтый цвет передней и верхней части тела постепенно переходит сзади в густо-черный, прерываясь белыми или рыжеватыми поперечными полосами. Бегаёт не особенно скоро, мелкими прыжками, но умеет зато хорошо скрываться от преследователя в дуплах, под корнями, в щелях скал и пр.; если его поймают, не пытается защищаться, а только слабо хрюкает. Неволю не переносит, хотя без сопротивления подчиняется ей. Детенышей 5—8. Пища—главным образом муравьи; говорят, однако, что он ест и других насекомых, а также траву и смолу эвкалиптов.

Последнее семейство сумчатых, **двуутробки** (*Didelphidae*), включает животных величиной часто с мышь, а иногда с домашнюю кошку. Тело у них плотное, с более или менее заостренной головой, хвост или длинный, и тогда голый на конце и приспособлен для хватания, или короткий, волосатый. Лапы пятипалые. Задние ноги несколько длиннее передних, у одного рода—с плавательными перепонками. Зубы как у настоящих хищников.

В прошедшие геологические периоды двуутробки были распространены в Европе, теперь же населяют, в числе 2 родов и 24 видов, только Америку, притом больше Южную. Все живут в лесах, поселяясь в дуплах, в подземных норах, в траве. Один вид превосходно плавает. Все—ночные животные и ведут одиночную, бродячую жизнь; походка и медленна и нетверда; из внешних чувств лучше всего развито обоняние. Душевные способности незначительны, хотя в хитрости им нельзя отказать: они очень искусно избегают ловушек. Питаются двуутробки мясом, насекомыми, червями, рыбой, а некоторые производят большие опустошения среди домашних животных. В случае преследования они не защищаются, а предпочитают притворяться мертвыми или спрятаться. В страхе издают противный запах, вроде чесночного. Голос их,—шипящие звуки,—слышен лишь, когда их бьют. Детеныши рождаются довольно беспомощными существами в числе от 1 до 14. К неволе двуутробки скоро привыкают, но их не стоит держать: внешность у них безобразная, запах отвратительный; к тому же и в неволе они опасны для домашней птицы. В Бразилии их ловят, подставляя сосуды с водкой. Говорят, что животные эти страстно любят ее.

Из двуутробок наиболее известны **опоссум** (*Didelphis marsupialis*), длиной до 45 см, с цепким хвостом в 42 см. Цвет его колеблется от белого до черного. Живет в кустарниках и лесах Сев. и Ю. Америки.

По внешнему виду опоссум крайне напоминает собой крысу. Особенно помогает сходству узкая, усаженная усами морда этого животного и его голый, покрытый чешуйками хвост. Этот последний орган служит для опоссума настоящей пятой лапой: живя на деревьях, опоссум постоянно пускает его в ход, обвивая его цепкими кольцами то ту, то другую ветвь.

Из других органов опоссума наибольший интерес представляет сумка женских особей, где доканчивают свое развитие новорожденные детеныши. Это—складка кожи живота, образующая настоящий мешок и расположенная как раз в том месте, где находятся соски. Обыкновенно беременность у опоссума-самки длится всего две недели; очень естественно, что детеныши рождаются на свет совершенно неразвитыми; они похожи на студенистые комочки, величиной с горошину и весом всего в 5 граммов; поэтому мать немедленно после рождения переносит их в сумку, где они и остаются в течение 50—60 дней, достигая за это время полного развития. Но и после того маленькие опоссумы остаются некоторое время в сумке матери; лишь достигнув величины крысы, они покидают это безопасное убежище и ходят вместе с матерью на свободе.

Характер опоссума столь же непригляден, как и его фигура. Это—одно из самых кровожадных животных Северной Америки. Ни одно из более слабых животных небезопасно от его нападения. Но особенно любит он врываться в птичники, где убивает сразу массу птицы, не прикасаясь к мясу жертв, а только выпивая их кровь. За это американские фермеры ненавидят

опоссума и преследуют его, как только можно, хотя убитое животное не приносит никакой другой пользы, кроме того, что перестает разбойничать.

Вот что говорит о привычках этого животного Одюбон:

«Я живо представляю себе, как опоссум тихо и осторожно пробирается по тающему снегу, обнюхивая землю,— не попадет ли что-нибудь вкусное. Вот он напал на свежий след тетерева или зайца, поднял рыло кверху и фыркает, наконец, решился и спешит по избранному пути с быстротой скорохода. Вот он остановился, ищет и, очевидно, находится в нерешимости, куда идти, потому что предмет его преследования сделал значительный прыжок или задал колено, прежде чем опоссум напал на его свежий след. Он выпрямляется, на минуту приподнимается на задние лапы, оглядывается, нюхает и рысцой пускается дальше. Вот он остановился у большого дерева. Он обходит вокруг огромного ствола по покрытому снегом корням и, заметив между ними отверстие, мгновенно проскальзывает в него.

Проходит несколько минут. Наконец, он является, таща в зубах убитую белку, и лезет на дерево. Тихонько поднимается он, не останавливаясь на первой ветке: он рассчитывает, что здесь будет слишком на юру, и поэтому лезет выше, чтобы спрятаться в густых кустах, переплетенных диким плющом. Здесь он усаживается на покой, цепляется хвостом за ветку и раздирает острыми зубами несчастную белку, придерживая ее передними лапами...

Наконец, наступили веселые весенние дни; пробивается могучая растительность; но бедный опоссум голодает и изнемогает от истощения. Он ходит на берега заливов и счастлив, если поймает лягушку, которая доставляет ему нероскошную трапезу. Мало-помалу пробивается клюква и крапива, и он с удовольствием пожирает молодые стебли. Утренний крик тетерева восхищает слух алчного хищника: он знает, что скоро откликнется тетерка, по голосу которой можно будет выследить ее гнездо и с наслаждением выпить яйца.

Проходя лесом то по земле, то пробираясь с дерева на дерево, он слышит пение петуха, и сердце его трепещет при воспоминании о роскошном пире прошлого лета, когда он забрался в курятник соседней фермы. Осторожно идет он дальше, и вот, наконец, он в птичнике. Зачем, честный поселянин, настрелял ты прошлой зимой столько ворон и воронов? Ты повеселился и потешил себя; спиши же теперь в ближайшую деревню, добывая порошу, чисти свое ружье, ставь западни и учи своих

ленивых дворняжек караулить опоссума. Он идет! Солнце только что село, но голод хищника не спит. Слышишь ли голос лучшей твоей курицы, которую он схватил? Хитрое животное утащило ее. Делать нечего, остается только загатавливать западни и подстергать лисиц и сов, которые торжествуют, видя, что ты погубил бедную ворону, их врага и твоего друга... А что дорогая курица, под которую ты подложил дюжину яиц? Как-то она отделалась? Несмотря на ее боязливый крик, на ее растопыренные перья, опоссум съел одно за другим все ее яйца. Взгляни, как бедная птица бежит по двору и, обезумев от страха, еще зовет своих детей! А все стрелянье ворон! Будь ты добрее и предусмотрительнее, опоссум остался бы в лесу и удовольствовался бы белкой или зайцем, яйцами тетерева или виноградом, так роскошно покрывающим ветви наших деревьев. Впрочем, слова мои не пойдут тебе впрок...

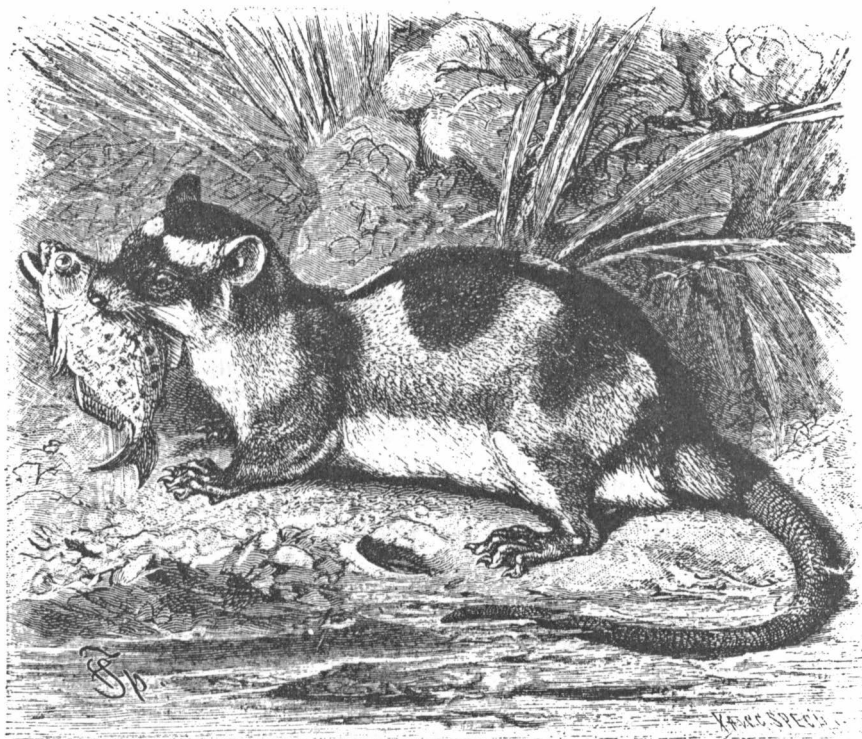
Но предположим даже, что поселянин поймает опоссума на месте преступления. Ярость побуждает его кинуться и топтать животное ногами. Опоссум, чувствуя свое бессилие, свертывается клубком. Чем более свирепствует поселянин, тем меньше признаков жизни подает животное. Наконец оно лежит, хотя не мертвое, но совершенно истощенное, открыв пасть, высунув язык, с помутившимися глазами... «Ну, должно быть, тварь издохла»,— говорит поселянин. Но берегись: она не издохла, а только «опоссумствует» и, едва уйдет враг, вскакивает и убегает в лес...»

В неволе, напротив, опоссум сонлив, вял и страшно глуп. Шкура этого животного поступает в торговлю под именем «кенгуру».

Самый крупный вид из двуутробок— **ракоедная двуутробка** (*Didelphis phillander*), тело которой 24 см длины, а хвост—32 см. Густая, мягкая шерсть грязно-желтовато- или рыжеватого-серая сверху и желтая внизу. Сумка неполная и состоит лишь из 2 складок кожи. Живет в лесах жаркого пояса Америки, особенно в Бразилии; все время проводит на деревьях, спускаясь только для охоты вниз. Цепкий хвост ее ловко обвивается кругом ветвей. На земле ходит медленно, тем не менее ловко справляется с мелкими млекопитающими, земноводными, насекомыми и раками, составляющими ее пищу; на деревьях она охотится за птицами и их яйцами, нападает также на домашнюю птицу.

Наконец, **двуутробка-плавун** (*Chironectes minimus*) до 40 см длины, с таким же хвостом, отличается своими пятипа-

животное похоже на крысу; уши яйцевидные, кожистые, голые. Во рту — защечные мешки, что как будто указывает на растительную

Плавун (*Chironectes minimus*)

лыми ногами, с плавательной перепонкой и серповидными когтями на задних, более длинных ногах. Большой палец передних ног удлинен, возле него находится как бы шестой палец, представляющий удлинение горховидной кости. Морда длинная, заостренная. У самки — полная сумка. По виду это

пищу, хотя плавун питается главным образом рыбой. мех сверху пепельно-серый с черными полями, снизу — белый. Живет в реках Ю. Америки. Самка рождает до 5 детенышей, вынашивает их в сумке, потом ведет их в воду и там обучает плаванию и охоте.

Отряд XV

Птицезвери (Monotremata)

Последний отряд млекопитающих заключает в себе в высшей степени странных животных, живущих только в Австралии и на прилежащих островах. С одной стороны, они покрыты мехом, кормят детенышей молоком, имеют четыре ноги, с другой, подобно настоящим птицам, несут яйца (с большим желтком и пергаментовидной оболочкой), кишечник и мочеполовые протоки открываются в одну общую клоаку, далее, роговой клюв напоминает клюв плавающих птиц, наконец, у них двойные ключицы, наружной ушной раковины нет, желудок простой, с очень короткой слепой кишкой.

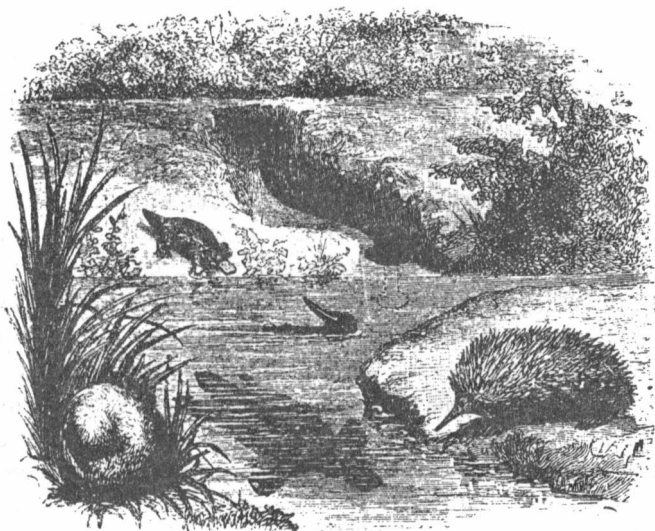
Весь отряд разделяют на 2 семейства—ехидн и утконосов, из которых первое заключает два рода, а второе—один.

Ехидны (Echidnidae) отличаются неуклюжим, приплюснутым телом, покрытым мехом, перемешанным с острыми иглами; клюв—цилиндрический, совершенно беззубый; зубы заменены мелкими, жесткими, острыми роговыми иглами, усеивающими небо, язык длинный, тонкий, червеобразный. Он далеко вытягивается из маленькой, узкой ротовой щели, как у муравьедов. Маленькие глаза снабжены, кроме век, мигательными перепонками. Короткие, сильные, толстые ноги, вооруженные длинными, крепкими и широкими когтями, приспособлены для рытья, особенно передние. На пятках задних ног у самца находятся крепкие, острые, полые внутри, роговые шпоры, имеющие связь с особой железой, что подало повод к ошибочному мнению, будто через них, как через зубы змеи, изливается яд. Хвост маленький, тупой. Снесенное яйцо помещается в складках так называемой высиживательной сумки, похожей на неполную сумку сумчатых, но отличающейся тем, что после периода размножения

она совершенно исчезает и снова образуется при новой кладке яиц. Относительно числа детенышей достоверных сведений еще не имеется. Но, кажется, ехидны несут только одно яйцо. Детеныш вылупляется маленьким, голым и слепым и донашивается в сумке же.

Ехидн различают 2 рода — **иглистая ехидна** (*Echidna aculeata*), с пятипальными ногами и когтистыми пальцами, и **шерстистая ехидна** (*Proechidna*), трехпальная. Из последних ехидн известен лишь один вид, недавно открытый в Н. Гвинеи, именно, **шерстистая ехидна** (*Pro-*

echidna), с жесткими иглами, при основании бледно-желтыми, в середине оранжево-желтыми и на конце черными. Иглы так часты на спине, что между ними не видно и волос. Цвет меха темно-бурый или черный. **Папуасская** разновидность этой ехидны (с Н. Гвинеи) — меньше размерами, имеет более ко-

Утконос и ехидна

echidna bruijnii), до 50 см длины, покрытая грубой шерстью темно-бурого или черного цвета с немногочисленными короткими белыми иглами. Иглистой ехидны 2 вида: 1) **австралийская ехидна** (*Ech. acul. turpica*), до 40 см длины, причем хвост не больше 1 см, с более длинным клювом и длинными (до 6 см)

роткие иглы, зато много их на голове, ногах и животе; 2) **тасманская иглистая ехидна** (*Ech. setosa*) достигает 50 см длины; иглы у нее на спине толстые, короче шерсти, прикрывающей их, но на плечах и боках — длиннее волос. Цвет шерсти темно-бурый, на груди обыкновенно белое пятно.

Иглистая ехидна предпочитает гористые, сухие леса равнинам. Днем она прячется в своем логовище под корнями деревьев, а ночью выходит, нюхая по сторонам и роясь в поисках добычи. Движения ее очень живы, особенно при рытье, в котором это животное так искусно, что на глазах зрителя почти мгновенно погружается в землю. А раз она погрузилась туда хотя бы наполовину, ее уже очень трудно вытащить, так как ехидна как бы прилипает ко дну ямки своими ногами. Если ее схватить во время прогулки, то она мгновенно свертывается в колючий шар и до нее нельзя дотронуться: ко-

лючие иглы ее причиняют чувствительную боль при малейшем прикосновении. Главную пищу этого животного составляют черви и насекомые, особенно муравьи, которых она ловит, подобно муравьеде, высовывая длинный, липкий язык и быстро убирая его обратно, когда он покроется приставшими к нему муравьями. Сильные когти помогают ей при этом раскапывать даже плотные постройки термитов. Голос этого странного существа состоит из слабого хрюканья. Из внешних чувств выше всего стоит слух и зрение, остальные очень тупы. Туземцы часто охотятся за ехидной ради ее мяса; говорят, что, изжаренная в собственной шкуре, она представляет превосходное кушанье. Что касается поведения ехидны в неволе, то, по наблюдениям Гааке, Куа, Гемара и др., она держит себя кротко и ласково; днем лежит в темном месте и спит, иногда по 50—70 часов кряду, ночью же любит рыться в земле. Кормят ее растертым мясом, яичными желтками, конопляным семенем, морковью, муравьиными яйцами и мучными червями. В Европу ехидн еще не удалось привозить живыми.

Единственным представителем сем. утконосовых является утконос (*Ornithorhynchus anatinus*), описанный Беннетом-старшим.

Приплюснутое тело его похоже на тело выдры или бобра, но значительно меньше: оно имеет в длину около 60 см, из которых 14 приходится на плоский широкий хвост. Ноги очень короткие, оканчиваются пятью пальцами и снабжены длинными плавательными перепонками, которые на передних ногах могут отодвигаться назад, когда животное роет; пальцы вооружены крепкими когтями, а на задних ногах у самца имеются, кроме того, острые подвижные шпоры. Голова мала и спереди переходит в широкий, совершенно утиный клюв. Челюсти покрыты роговой кожей и снабжены четырьмя роговыми зубами; роговые зубы имеются также на коже языка. По бокам головы находятся защечные мешки, служащие для временного сохранения набранной пищи. Ноздри расположены на верхней поверхности клюва; маленькие глаза лежат высоко на голове; ушных раковин нет, но остальные части слухового органа существуют. мех утконоса — гладкий, блестящий, шелковистый, темно-бурого цвета; весьма любопытна та особенность, что отдельные волоски меха тоньше к корню и толще на концах.

Область распространения утконоса в настоящее время весьма обширна: он встречается лишь на восточной окраине и в центральных областях Австралийского материка. Любимые места его — тихие заводи рек, осененные густыми деревьями и заросшие водяными растениями. Здесь, в крутом берегу, утконос вырывает себе нору с двумя ходами: один ведет прямо в воду, другой открывается над ее поверхностью. Эти ходы имеют в длину нередко до 50 футов и отличаются извилистостью; внутри они, как и само логовище, выстланы сухой травой.

По образу жизни утконос — животное сумеречное; обыкновенно днем он сидит в норе, а в сумерки выходит и принимается за свою охоту за слизня-

ками и водяными насекомыми. Плавает и ныряет он превосходно, но долго в воде оставаться не может.

Находясь в неволе, утконосы довольно быстро ручнеют. Два молодых утконоса, жившие у Беннета, были крайне игривые, веселые и забавные животные. К сожалению, они очень недолго живут в неволе, и все попытки этого натуралиста привезти утконосов живыми в Европу оказались тщетными.

Важное дополнение к естественной истории низших млекопитающих могло бы доставить единственное наземное млекопитающее Новой Зеландии, похожее на выдру и водящееся в горных озерах. К сожалению, его еще не удалось поймать. Возможно, что оно стоит еще ниже птицевзверей, как последние — ниже сумчатых. С исследованием его, быть может, осветился бы чрезвычайно важный вопрос о первоначальном происхождении самого высшего класса позвоночных.

Оглавление

Предисловие	III
Биография Альфреда Брэма . . .	3

Общий очерк царства животных

I. Природа как театр жизни животных	9	4. Приспособление животных к физическим условиям	30
II. Основные формы животных	13	5. Приспособление для взаимных сношений животных между собой	32
III. Основные свойства животных. Питание	15	V. Размножение животных	36
IV. Приспособляемость животных	21	1. Бесполое размножение	38
1. Приспособление животных формой и окраской тела	23	2. Половое размножение	41
2. Миметизм	26	3. Развитие животных	46
3. Приспособление движений и манер животных	30	VI. Географ. распространение животных	48
		VII. Система животного мира	55
		Позвоночные животные	59

Млекопитающие

Общий очерк	67
-------------	----

Отряд I.—Обезьяны (Pitheci)

I Сем.—Узконосые (Catarrhini)		Хулук (H. hulock)	95
Человекообразные (Anthropomorpha)		Лар (H. lar)	—
1 Род.—Горилла (Troglodytes gorilla, G. gina)	82	Унко (H. rafflesii)	—
2 Р.—Шимпанзе (Troglodytes niger, Simia T.)	86	Ваувау (H. variegatus)	—
3 Р.—Орангутанг (Pithecus satyrus)	88	Собаководные (Cynopitheci)	
4 Р.—Гиббон (Hylobates)	93	5 Р.—Тонкотелые (Semnopithecus)	96
Сиаманг (H. syndactylus)	95	Хульман (S. entellus)	—
		Буденг (S. maugus)	97
		6 Р.—Носатые (Nasalis)	98
		Носатая обезьяна, или кахау (N. larvatus)	—

7 Р.— Толстотелые (<i>Colobus</i>)	98	Мирики (<i>A. hyrocanthus</i>)	122
Гверца (<i>C. guereza</i>)	—	Золотолобая обезьяна (<i>A. Bartlettii</i>)	—
Медведеобразная обезьяна (<i>C. ursinus</i>)	99	3 Р.— Мохнатые обезьяны (<i>Logothrix</i>)	124
Сатана (<i>C. satanas</i>)	—	Барригудо, или аспидная обезьяна (<i>L. Humboldtii</i>)	—
8 Р.— Мартышки (<i>Cercopithecus</i>)	—	4 Р.— Сапажу (<i>Cebus</i>)	125
Зеленая обезьяна, или абуланж (<i>C. sabaeus</i>)	106	Капуцин (<i>C. sarucinus</i>)	—
Диана, или бородатая мартышка (<i>C. diana</i>)	—	Белоплечая обезьяна (<i>C. hypoleucus</i>)	127
Мона (<i>C. mona</i>)	—	Чалая обезьяна (<i>C. olivaceus</i>)	—
Муйдо (<i>C. cephus</i>)	—	Белобородая обезьяна (<i>C. leucogenys</i>)	—
Гусар (<i>C. guber</i>)	—	Анелла, или белый сапажу (<i>C. apella</i>)	—
Мангаб, или черномазая обезьяна (<i>C. fuliginosus</i>)	—	Фавн, мико, или рогатый сапажу (<i>C. fatuellus</i>)	—
9 Р.— Макаки (<i>Macacus</i>)	107	Мягкохвостые (<i>Pitheciidae</i>)	
Яванский макак, или моньет (<i>M. sumpoligus</i>)	—	5 Р.— Лисьехвостые обезьяны, или саки (<i>Pithecias</i>)	128
Бундер (<i>M. ghesus</i>)	108	Жидовский, или чертов, саки (<i>P. satanas</i>)	—
10 Р.— Магот (<i>Inuus</i>)	—	Белоголовый саки (<i>P. leucocephala</i>)	—
Магот (<i>I. escaudatus</i>)	—	Мохнатый саки (<i>P. hirsuta</i>)	—
11 Р.— Павианы (<i>Cynocephalus</i>)	109	6 Р.— Короткохвостые обезьяны (<i>Brachyurus</i>)	129
Бабуин (<i>C. babuin</i>)	110	Какайя (<i>B. melanosephalus</i>)	—
Чакма (<i>C. porcarius</i>)	—	Краснолицый саки, или уакара (<i>B. calvus</i>)	—
Сфинкс (<i>C. sphinx</i>)	—	7 Р.— Саймири (<i>Chrysothrix</i>)	130
Гамадрил (<i>C. hamadryas</i>)	114	Саймири-мертвая голова (<i>C. sciurea</i>)	—
Мандрил (<i>C. mormon</i>)	115	8 Р.— Ночные обезьяны (<i>Nyctipithecus</i>)	—
Дрил (<i>C. leucorheus</i>)	116	Марикина (<i>N. trivirgatus</i>)	—
Черный, или хохлатый, павиан (<i>Cynocephalus niger</i>)	—	III Сем.— Игрунковые (<i>Aroterpitheci</i>)	
Гелада (<i>C. gelada</i>)	—	Обыкновенная уистити (<i>Наралеjасchus</i>)	133
Силен (<i>C. silenus</i>)	118	Темная уистити (<i>H. penicillata</i>)	—
II Сем.— Широконосые (<i>Platyrrhini</i>)		Серебристая обезьянка (<i>H. argentata</i>)	134
Цепкохвостые (<i>Cebidae</i>)		Львиная игрунка (<i>H. leonina</i>)	—
1 Р.— Ревуны (<i>Mucetes</i>)	118	Розалия (<i>H. rosaria</i>)	—
Акуат, или рыжий ревуны (<i>M. seniculus</i>)	119	Гинче (<i>H. oedipus</i>)	—
Карайя, или черный ревуны (<i>M. niger</i>)	—	Катта (<i>L. catta</i>)	—
2 Р.— Цепкие обезьяны (<i>Ateles</i>)	121	Монгоц (<i>L. mongoz</i>)	—
Коата (<i>A. paniscus</i>)	122	Черный маки (<i>L. macaco</i>)	—
Маримонда, или апу (<i>A. beelzebuth</i>)	—	3 Р.— Лори (<i>Stenops</i>)	140
Чамек (<i>A. pentadactylus</i>)	—	Тонкий лори (<i>S. gracilis</i>)	—
Отряд II.— Полуобезьяны, или лемуры (<i>Prosimii</i>)		Толстый лори (<i>S. tardigradus</i>)	142
I Сем.— Лемуры (<i>Lemuridae</i>)			
1 Р.— Индри (<i>Lichanotus</i>)	137		
Бабакото (<i>L. brevicaudatus</i>)	—		
2 Р.— Маки (<i>Lemur</i>)	138		
Вари (<i>L. varius</i>)	—		

4 Р.— Ушастые маки, или галаго (<i>Otoliscus</i>)	143	5 Р.— Полумаки (<i>Haplemur</i>)	147
Обыкновенный галаго (<i>O. galago</i>)	144	Серый полумаки (<i>H. griseus</i>)	—
Ушастый маки (комба) (<i>O. agisymbanus</i>)	146	6 Р.— Кошачьи маки (<i>C. hirogaleus</i>)	—
		Валуви (<i>C. fusciter</i>)	—
		7 Р.— Потто (<i>Perodicticus</i>)	147
		8 Р.— Медвежий маки (<i>Arctocebus</i>)	—

II Сем.— Долгопяты (*Tarsidae*)

Маки домовая, или долгопят-пугало (<i>Tarsius spectrum</i>)	—
---	---

III Сем.— Руконожки (*Leptodactyla*)

Ай-ай, или руконожка (<i>Chiromys madagascariensis</i>)	148
---	-----

Отряд III.— Рукокрылые (*Chiroptera*)I Сем.— Летучие собаки, или плодоядные летучие мыши (*Pteropina*)

1 Р.— Летучие собаки (<i>Pteropus</i>)	158
Калонг (<i>P. edulis</i>)	—
Летучая лисица (<i>P. Edwardsi</i>)	—
2 Р.— Ночные крыланы (<i>Synonycteris</i>)	160
Пальмовый крылан (<i>C. stramineus</i>)	—
Нильский крылан (<i>C. aegyptiacus</i>)	—
Золотошейный крылан (<i>C. collaris</i>)	—

II Сем.— Гладконосые (*Gymnorhina*)

1 Р.— Ушаны (<i>Plecotus</i>)	—
Ушан обыкновенный (<i>P. auritus</i>)	—
2 Р.— Нетопыри (<i>Vespertilio</i>)	161
Серые летучие мыши (<i>Myotis</i>)	162
Серая летучая мышь (<i>V. (myotis) murinus</i>)	—
Водяные летучие мыши (<i>Brachyotus</i>)	—
Красная водяная мышь (<i>V. (Brachyotus daubentonii</i>)	—
3 Р.— Ранолетающие летучие мыши (<i>Vesperugo</i>)	—
Горные летучие мыши (<i>Meteorus</i>)	—

Бродячая летучая мышь (<i>V. (Meteorus) Nilsonii</i>)	162
Малорослые нетопыри (<i>Nannugo</i>)	—
Нетопырь-карлик (<i>V. (Nannugo) pipistrellus</i>)	—
Кожаны (<i>Panugo</i>)	—
Обыкновенный кожан (<i>V. (panugo) noctula</i>)	—
4 Р.— Широкоухие летучие мыши (<i>Synotus</i>)	—
Курносый кожан (<i>S. barbastellus</i>)	163

III Сем.— Листоносы, кровососы, или вампиры (*Istiphora* или *Phylorhina*)

1 Р.— Десмоды (<i>Desmodus</i>)	164
Рыжий десмод (<i>D. rufus</i>)	—
2 Р.— Ланцетоносы (<i>Rhinopoma</i>)	—
Египетский ланцетонос (<i>R. microphyllum</i>)	—
3 Р.— Вампиры (<i>Phyllostoma</i>)	—
Обыкновенный вампир, или упырь (<i>P. spectrum</i>)	—
4 Р.— Подковоносы (<i>Rhinolophus</i>)	167
Малый подковонос (<i>R. hipposidegus</i>)	—
Большой подковонос (<i>R. terrum equinum</i>)	—

Отряд IV.— Хищные (*Carnivora*)I Сем.— Кошки (*Felidae*)

1 Р.— Собственно кошки (<i>Felis</i>)	172
Королевский тигр (<i>F. tigris</i>)	—
Пятнистая пантера, или дымчатый леопард (<i>F. nebulosa</i>)	178
Мраморная кошка, дорал (<i>F. margarata</i>)	180
Дикая кошка (<i>F. catus</i>)	—

Манул, или малая степная кошка (<i>F. manul</i>)	183
Буланая кошка (<i>F. maniculata</i>)	184
Домашняя кошка (<i>F. maniculata domestica</i>)	188
Ангорская кошка (<i>F. maniculata dom. angorensis</i>)	—
Бесхвостая, или мэнская, кошка	188

Картезианская кошка	188	4 Р.—Фосса (<i>Grytoprocta</i>)	222
Хороссанская кошка	—	Мадагаскарская фосса, или хорь- ковая кошка (<i>C. felox</i>)	—
Куманская кошка	—		
Рыжая тобольская кошка	—	II Сем.—Виверровые (<i>Viverridae</i>)	
Рыжая и голубовато-серая кошка с м. Доброй Надежды	—	1 Р.—Собственно виверры (<i>Viverra</i>)	224
Китайская кошка	—	Африканская циветта (<i>V. civetta</i>)	—
Сиамская кошка	—	Азиатская, или настоящая, циветта (<i>V. zibetha</i>)	225
Варварийский лев (<i>F. leo barba- gus</i>)	190	Расса (<i>V. malaccensis</i>)	—
Темно-цветный капский лев (<i>F. leo sarpensis</i>)	—	Генетта (<i>V. genetta</i>)	226
Сенегальский лев (<i>F. l. senega- lensis</i>)	—	2 Р.—Линсанг (<i>Prionodon graci- lis</i>)	—
Персидский лев (<i>F. l. persicus</i>)	—	Тигровая циветта (<i>P. pardicolor</i>)	—
Гузуратский лев (<i>F. l. guzeraten- sis</i>)	190	Пятнистая циветта (<i>P. maculosus</i>)	—
Леопард (<i>F. pardus</i>)	201	3 Р.—Пальмовые куницы, или стран- нохвосты (<i>Paradoxurus</i>)	—
Пантера (<i>F. panthera</i>)	—	Индийская пальмовая куница (<i>P. ni- ger</i>)	—
Зондская, или длиннохвостая, пан- тера (<i>F. variegata</i>)	—	Малайская пальмовая куница (<i>P. hermaphroditus</i>)	227
Черная пантера (<i>F. melas</i>)	202	Пагума (<i>P. larvatus</i>)	227
Ирбис, или снежный леопард (<i>F. upcia</i>)	204	4 Р.—Мангусты, или ихневмоны (<i>Herpestes</i>)	228
Крапчатая кошка (<i>F. viverrina</i>)	205	Ихневмон, или фараонова мышь (<i>H. ichneumon</i>)	—
Карликовая кошка (<i>F. bengalensis</i>)	—	Мунго (<i>H. mungo</i>)	230
Сервал (<i>F. cerval</i>)	—	Золотопыльная мангуста (<i>H. java- nicus</i>)	—
Кугуар, серебряный лев, или пума (<i>F. concolor</i>)	—	Мекон, или мелончилло (<i>H. wid- gingtonii</i>)	—
Ягуарунди (<i>F. jaguarundi</i>)	209	Зебровая, или полосатая, мангус- та (<i>H. fasciatus</i>)	—
Эйра (<i>F. eyra</i>)	—	Крабовая мангуста, или урва (<i>H. ur- vas</i>)	—
Ягуар, или унца (<i>F. onza</i>)	—	5 Р.—Кузиманзе (<i>Crossarchus obs- curus</i>)	—
Чати, или мбакарайя (<i>F. mitis</i>)	212	6 Р.—Лисицевидная мангуста (<i>Cyni- ctis penicillata</i>)	232
Оцелот (<i>F. pardalis</i>)	—	7 Р.—Суриката (<i>Suricata tetrada- ctyla</i>)	—
Тигровая кошка (<i>F. tigrina</i>)	213	8 Р.—Какамицли (<i>Bossaris astuta</i>)	—
Длиннохвостая кошка (<i>F. mac- gura</i>)	—		
Пампасовая кошка (<i>F. pajeros</i>)	—	III Сем.—Хорьковые (<i>Mustelidae</i>)	
2 Р.—Рыси (<i>Lynx</i>)	—	1 Р.—Куницы (<i>Mustela</i>)	233
Болотная рысь, или джунглевая кошка (<i>L. chaus</i>)	214	Настоящая куница (<i>M. martes</i>)	—
Степная рысь, или каракал (<i>L. ca- gatal</i>)	—	Каменная куница, или белодуш- ка (<i>M. foina</i>)	235
Полярная рысь (<i>L. borealis</i>)	215	Драгоценный соболь (<i>M. zibellina</i>)	236
Рыжая рысь (<i>L. rufus</i>)	—	Сосновая куница, или американский соболь (<i>M. americana</i>)	237
Обыкновенная рысь (<i>L. vulgaris</i>)	216	Пекан, куница-рыболов (<i>M. pen- nanti</i>)	238
Пардовая рысь (<i>L. pardinus</i>)	218	Харза, или анго-прао (<i>M. flavigula</i>)	—
3 Р.—Гепарды, или охотничьи лео- парды (<i>Cynailurus</i>)	219		
Чита (<i>C. jubatus</i>)	—		
Фаххад (<i>C. guttatus</i>)	—		
Крапчатый гепард (<i>C. soemmer- ringii</i>)	—		
Шерстистый гепард (<i>C. laneus</i>)	—		

2	P.—Хорьки (<i>Putorius</i> или <i>Foetorius</i>)	238	Каберу, вальке, бохаре (<i>C. simensis</i>)	—
	Хорек (<i>Putorius foetidus</i>)	—	Полосатый волк (<i>C. adustus</i>)	—
	Перевязка (<i>P. sarmaticus</i>)	—	Шакал (<i>C. aureus</i>)	—
	Африканский хорек (<i>P. furo</i>)	240	Чепрачный шакал (<i>C. mesomelas</i>)	278
	Обыкновенная ласка (<i>P. vulgaris</i>)	—	Красный, или гривистый, волк (<i>C. jubatus</i>)	—
	Горноста́й (<i>P. erminea</i>)	242	Луговой волк, или койот (<i>D. latrans</i>)	—
	Европейская норка (<i>P. lutreola</i>)	245	Виверровая, или енотовая, собака (<i>C. procyonoides</i>)	—
	Американская норка (<i>P. vison</i>)	—	Майконг, или саванная собака (<i>C. concolor</i>)	—
3	P.—Росомахи (<i>Gulo</i>)	246	Агуарачай, или бразильская собака (<i>C. vetulus</i>)	279
	Росомаха (<i>G. borealis</i>)	—	Гиеновая собака, или пестрый волк (<i>C. pictus</i>)	280
4	P.—Гуроны, или гизоны (<i>Galictis</i>)	248	Колзун (<i>C. dukhunensis</i>)	281
	Гираха, или таира (<i>G. barbara</i>)	—	Адьяк (<i>C. rutilans</i>)	—
	Гризон (<i>G. vittata</i>)	—	Горный волк (<i>C. alpinus</i>)	282
	Гризон большой (<i>G. allamandi</i>)	—	Бразильский лесной волк	—
5	P.—Барсуки (<i>Meles</i>)	249		
	Барсук (<i>M. taxus</i>)	—	Домашние собаки	
6	P.—Медоеды (<i>Mellivora</i>)	252	I Борзые (<i>Canis familiaris grajus</i>)	291
	Медоед, или ратель (<i>M. capensis</i>)	—	Левретка	292
	Ратель индийский (<i>M. indica</i>)	—	Шотландская, или волчья, борзая	—
7	P.—Короткохвост (<i>Mydaus</i>)	—	Голая африканская собака	—
	Короткохвост (<i>M. meliceps</i>)	—	Гончие	289
8	P.—Вонючки (<i>Mephitis</i>)	253	Лисьи собаки	—
	Сурильо (<i>M. suffocans</i>)	254	Ищейка	—
	Скунк, или скунс (<i>M. varians</i>)	—	II. Доги (<i>C. f. molossus</i>)	292
9	P.—Полосатые хорьки (<i>Rhombodogale</i>)	255	Датский дог	—
	Цорилла (<i>R. mustelina</i>)	255	Немецкий дог (ульмский)	—
10	P.—Выдры (<i>Lutra</i>)	—	Ирландский дог, или мастиф	—
	Речная выдра, или порешня (<i>L. vulgaris</i>)	256	Бульдог, или боксер	—
	Ариранья, или лонтру (<i>L. brasiliensis</i>)	259	Тибетский дог	—
11	P.—Морские бобры (<i>Enchydris</i>)	—	Молосский дог	—
	Морской бобр, или калан (<i>E. lutris</i>)	—	III. Таксы (<i>C. f. vertagus</i>)	290
			Косматая шотландская такса	—
	IV Сем.—Гиены (<i>Hyaenidae</i>)		Выдровая такса	—
1	P.—Гиена (<i>Hyaena</i>)	263	IV. Легавые (<i>C. f. sagax</i>)	
	Пятнистая гиена (<i>H. crocuta</i>)	265	Немецкий жесткошерстный легаш	286
	Береговая гиена, или береговой волк (<i>H. brunnea</i>)	266	Ньюфаундленд	286
	Полосатая гиена (<i>H. striata</i>)	—	Легавый водолаз	287
2	P.—Земляной волк, или протел (<i>Proteles lalandii</i>)	270	Сеттер	—
			Гладкошерстные легавые собаки	288
	V Сем.—Собаки (<i>Canidae</i>)		V. Болонки (<i>C. f. extrarius</i>)	—
1	P.—Собственно собаки (<i>Canis</i>)	271	Пудель	287
	Волк (<i>C. lupus</i>)	—	Сен-бернардская собака	290
	Чанго, камышовый, или буланный, волк (<i>C. occidentalis</i>)	276	VI. Пинчеры (<i>C. f. gryphus</i>)	293
	Индийский волк, бигана, багиар, лануга	—	VII. Собственно домашние собаки (<i>C. f. domesticus</i>)	—
	Африканский волк, или волк-шакал (<i>C. anthus</i>)	—	Полярная собака	284

Дворняжки	285	Гималайский медведь (<i>U. torquatus</i>)	311
Овчарки	—	Малайский медведь (<i>U. malayanus</i>)	—
Шпицы	—	Белый, или полярный, медведь (<i>U. maritimus</i>)	—
Динго, или варрагал (<i>C. dingo</i>)	293	2 Р.— Губачи (<i>Melursus</i>)	316
2 Р.— Лисицы (<i>Vulpes</i>)	294	Губач (<i>M. labiatus</i>)	—
Обыкновенная лисица (<i>V. vulgaris</i>)	296	3 Р.— Кошкovidные медведи (<i>Ailuropus</i>)	—
Полярная лисица, песец, или каменная лисица (<i>V. lagopus</i>)	299	Тибетский горный медведь (<i>A. melanoleucus</i>)	—
Степная лисица, или корсак (<i>V. corsac</i>)	—	4 Р.— Панда (<i>Ailurus fulgens</i>)	—
Пустынная лисица, или фенек (<i>V. zerdo</i>)	—	5 Р.— Бинтуронг (<i>Arctictis binturong</i>)	317
Серая лисица (<i>V. cinereo-argenteatus</i>)	—	6 Р.— Полоскун, енот, или ракун (<i>Procyon lotor</i>)	317
Широконосая лисица (<i>Otocyon caffer</i>)	300	Ракоед, или агуара (<i>P. concrivogus</i>)	318
VI Сем.— Медведи (<i>Ursinae</i>)			
1 Р.— Собственно медведи (<i>Ursus</i>)	—	7 Р.— Носухи (<i>Nasua</i>)	—
Бурый медведь (<i>U. arctos</i>)	301	Коати, или обыкновенная носуха (<i>N. rufa</i>)	318
Серый, серебристый медведь, или гризли (<i>U. cinereus</i>)	306	Белоносая носуха (<i>N. nasica</i>)	—
Барibal, или черный медведь (<i>U. americanus</i>)	310	8 Р.— Цепкохвос. медведь, или кинкажу (<i>Cercoleptes caudivolvulus</i>)	—

Отряд V.— Ластоногие (*Pinnipedia*)

I Сем.— Тюлени (<i>Phocidae</i>)		II Сем.— Моржи (<i>Trichechidae</i>)	
1 Р.— Тюлени (<i>Phoca</i>)	321	1 Р.— Морж (<i>Trichechus rosmarus</i>)	326
Тюлень обыкновенный (<i>P. vitulina</i>)	323	III Сем.— Нерпухи (<i>Otariidae</i>)	
Каспийский тюлень (<i>P. caspica</i>)	—	1 Р.— Нерпухи (<i>Otaria</i>)	327
Лысун, или седлiстый тюлень (<i>P. groenlandica</i>)	—	Сивуч (<i>O. Stelleri</i>)	—
2 Р.— Хохлачи (<i>Cystophoracristata</i>)	324	Морской кот (<i>O. ursina</i>)	328
3 Р.— Морской слон (<i>Macrorhinus leoninus</i>)	—	Морской лев (<i>O. jubata</i>)	330

Отряд VI.— Насекомоядные (*Insectivora*)

I Сем.— Ежи (<i>Erinaceidae</i>)		1 Р.— Слоноземлеройка (<i>Macroscelides typicus</i>)	—
1 Р.— Еж (<i>Erinaceus europaeus</i>)	332	V Сем.— Щетинистые ежи (<i>Centetes</i>)	
II Сем.— Кроты (<i>Talpidae</i>)		1 Р.— Танрек (<i>Centetes ecaudatus</i>)	337
1 Р.— Обыкновенный крот (<i>Talpa europaea</i>)	335	2 Р.— Щелезубы (<i>Solenodon</i>)	—
III Сем.— Тупайи (<i>Tupaiaidae</i>)		Кубанский щелезуб (<i>S. cubanus</i>)	—
1 Р.— Тана (<i>Tupaia tana</i>)	336	VI Сем.— Землеройки (<i>Soricinae</i>)	
IV Сем.— Прыгунчики (<i>Macroscelididae</i>)		1 Р.— Лесная землеройка (<i>Sorex vulgaris</i>)	337
		Домовая землеройка (<i>S. araneus</i>)	—

2 Р.—Итальянская землеройка (<i>Crocidura suaveolens</i>)	338	1 Р.—Выхухоль, или десман (<i>Myogale moschata</i>)	—
3 Р.—Водяная землеройка, или водяная кутора (<i>Crossopus todians</i>)	—	VIII Сем.—Шерстокрылы (<i>Galeopithecidae</i>)	
VII Сем.—Выхухольевые (<i>Myogalinae</i>)		1 Р.—Обыкновенный шерстокрыл (<i>Galeopithecus volans</i>)	339

Отряд VII.—Грызуны (*Rodentia*)

I Сем.—Беличьи (<i>Sciuridae</i>)		Тарбаганчик (<i>D. sagitta</i>)		355
1 Р.—Дневные белки (<i>Sciurus</i>)	342	Мохноногий тушканчик (<i>D. lagopus</i>)	—	
Обыкновенная белка, или векша (<i>S. vulgaris</i>)	—	Согуранчик (<i>D. halticus</i>)	—	
2 Р.—Летучие белки, или летяги (<i>Pteromys</i>)	343	2 Р.—Североамериканский прыгунчик (<i>Jaculus hudsonius</i>)	—	
Тагуан (<i>P. petaurista</i>)	—	3 Р.—Земляной заяц (<i>Scirtetes jaculus</i>)	—	
Ассапан (<i>P. volucella</i>)	—	4 Р.—Долгоног кафрский (<i>Pedetes caffer</i>)	—	
3 Р.—Бурундуки (<i>Tamias</i>)	—	V Сем.—Мыши (<i>Muridae</i>)		
Сибирский бурундук, или полосатая сибирская земляная белка (<i>T. striatus</i>)	343	1 Р.—песчанки (<i>Psammomys</i>)	356	
Гаки, или гимпунк (<i>T. lysteri</i>)	—	Египетская песчанка (<i>P. obesus</i>)	—	
4 Р.—Сусликовая белка (<i>Xerus</i>)	—	Гребенщикова песчанка (<i>P. tamaricinus</i>)	—	
Шилу (<i>X. rutilus</i>)	—	2 Р.—Собственно мыши (<i>Mus</i>)	357	
Сабера (<i>X. leucoumbrinus</i>)	—	Черная крыса (<i>M. rattus</i>)	—	
5 Р.—Суслики (<i>Spermophilus</i>)	344	Пасюк, серая крыса (<i>M. decumanus</i>)	—	
Обыкновенный суслик (<i>S. citillus</i>)	—	Хомяковая крыса (<i>M. gambianus</i>)	360	
Овражек, или серый суслик (<i>S. musicus</i>)	344	Домашняя мышь (<i>M. musculus</i>)	—	
Пятнистый суслик (<i>S. guttatus</i>)	—	Полевая мышь (<i>M. agrarius</i>)	—	
6 Р.—Луговая собака (<i>Synomys ludovicianus</i>)	345	Мышь-малютка (<i>M. minutus</i>)	361	
7 Р.—Сурки (<i>Arctomys</i>)	346	Полосатая, или варварийская, мышь (<i>M. barbarus</i>)	—	
Байбак (<i>A. bobac</i>)	—	3 Р.—Хомяки (<i>Cricetus</i>)	—	
Альпийский сурок (<i>A. marmota</i>)	347	Хомяк (<i>C. frumentarius</i>)	—	
II Сем.—Орешниковые, или сони (<i>Myoxidae</i>)		VI Сем.—Полевки (<i>Arvicolidae</i>)		
1 Р.—Полчок (<i>Myoxus glis</i>)	348	1 Р.—Мускусная крыса, или ондатра (<i>Fiber zibethicus</i>)	364	
2 Р.—Садовая соня (<i>Eliomys nitela</i>)	—	2 Р.—Настоящие полевки (<i>Arvicola</i>)	—	
6 Р.—Орешниковая соня (<i>Muscardinus avellanarius</i>)	350	Водяная крыса (<i>A. amphibius</i>)	—	
III Сем.—Бобровые (<i>Castoridae</i>)		Снеговая полевка (<i>A. nivalis</i>)	—	
1 Р.—Бобр (<i>Castor fiber</i>)	—	Лесная полевка (<i>A. glareolus</i>)	—	
IV Сем.—Тушканчиковые (<i>Dipodidae</i>)		Земляная полевка (<i>A. agrestis</i>)	—	
1 Р.—Настоящий тушканчик (<i>Dipus</i>)	354	Обыкновенная полевка (<i>A. arvalis</i>)	—	
Египетский тушканчик (<i>D. aegyriacus</i>)	—	Мышь-эконом (<i>A. oeconomus</i>)	365	
		Подземная полевка (<i>A. subterraneus</i>)	—	
		3 Р.—Пеструшки (<i>Myodes</i>)	—	
		Пеструшка полярная, или лемминг (<i>M. lemmus</i>)	—	

VII Сем.—Кротообразные мыши (Spalacidae)		XI Сем.—Восьмизубовые (Octodontidae)	
1	Р.—Слепыш (<i>Spalax typhlus</i>)	1 Р.—Кустарниковые крысы (<i>Octodon</i>) 376	
2	Р.—Пескокоп (<i>Bathyergus maritimus</i>) —	Деру (<i>O. cummingii</i>) —	
VIII Сем.—Мешетчатые крысы (Geomidae)		2 Р.—Гребневики (<i>Ctenomys</i>) —	
1	Р.—Гоффер (<i>Geomys bursarius</i>) —	Тукотуко (<i>C. magellanicus</i>) —	
IX Сем.—Дикобразовые (Hystriidae)		3 Р.—Гуиди (<i>Ctenodachylus massoni</i>) —	
1	Р.—Дикобраз (<i>Hystrix cristata</i>) 368	4 Р.—Ежкрысы (<i>Capromys</i>) —	
2	Р.—Африканские кистехвосты (<i>Athelura africana</i>) 370	Хутия-конга (<i>C. pilorides</i>) —	
3	Р.—Лазяющие дикобразы (<i>Erethizon</i>) 371	5 Р.—Болотный бобр, или коипу (<i>Myopotamus coypu</i>) —	
	Иглошерст (<i>E. dorsatum</i>) —	6 Р.—Щетинистая свинка (<i>Aulacodus swinderianus</i>) 377	
4	Р.—Цепкохвостые (<i>Cercolabes</i>) —	Полулопастная свинка (<i>A. semipalmatus</i>) —	
	Цепкохвостый дикобраз (<i>C. Novae Hispaniae</i>) 372	XII Сем.—Шиншиллы (Lagostomidae)	
	Кюйи (<i>C. villosus</i>) —	1 Р.—Собственно шиншиллы (<i>Eriomys</i>) —	
	Куанду (<i>C. prehensilis</i>) —	Большая шиншилла (<i>E. chinchilla</i>) 378	
X Сем.—Полукопытные (Caviidae)		Малая шиншилла (<i>E. lanigera</i>) —	
1	Р.—Морские свинки (<i>Cavia</i>) 373	2 Р.—Пушаки (<i>Lagidium</i>) 379	
	Морская свинка (<i>C. porcellus</i>) —	Перуанский пушак (<i>L. Cuvieri</i>) —	
	Кутлерова свинка (<i>C. cutleri</i>) —	3 Р.—Вискаши (<i>Lagostomus</i>) —	
2	Р.—Мара (<i>Dolichotis patagonica</i>) —	XIII Сем.—Заячьи (Leporidae)	
3	Р.—Агути, или гути, золотой заяц (<i>Dasyprocta aguti</i>) 374	1 Р.—Собственно зайцы (<i>Lepus</i>) 381	
4	Р.—Пака (<i>Coelogenys paca</i>) —	Заяц-русак (<i>L. vulgaris</i>) 381	
5	Р.—Водосвинка (<i>Hydrochoerus carubara</i>) —	Альпийский заяц (<i>L. timidus</i>) —	
		Кролик (<i>L. cuniculus</i>) —	
		2 Р.—Пищухи (<i>Lagomys</i>) 384	
		Сеноставец (<i>L. alpinus</i>) —	
		Оготона (<i>L. ogotona</i>) —	
		Карликовая пищуха (<i>L. pusillus</i>) —	

Отряд VIII.—Неполнозубые (Edentata)

I Сем.—Ленивцы (Bradypodidae)		III Сем.—Броненосцы (Dasypodidae)	
1	Р.—Двупалые ленивцы (<i>Choloepus</i>) 385	1	Р.—Щетинистый броненосец (<i>Dasypus villosus</i>) 390
	Унау (<i>C. didactylus</i>) 386		Шестипоясный броненосец (<i>D. sexcinctus</i>) 390
2	Р.—Трехпалые ленивцы (<i>Bradypus</i>) 387		Гигантский броненосец (<i>D. gigas</i>) —
	Ай-ай (<i>B. tridactylus</i>) —	2	Р.—Трехпоясный броненосец (<i>Tolypeutes tricinctus</i>) —
II Сем.—Муравьеды (Murgescorhagidae)		3	Р.—Щитоносец (<i>Chlamyphorus truncatus</i>) —
1	Р.—Гривистый муравьед (<i>Murgescorhaga jubata</i>) 388	IV Сем.—Ящеры (Manidae)	
2	Р.—Тамандуа, или кагуаре (<i>Tamandua tetradactyla</i>) 389	1	Р.—Собственно ящеры (<i>Manis</i>) 391
3	Р.—Малый, или двупалый, муравьед (<i>Cycloturus didactylus</i>) —		

Длиннохвостый ящер (<i>M. longicaudata</i>)	392
Панголин (<i>M. pentadactyla</i>)	—
Степной ящер (<i>M. temminckii</i>)	—

V Сем.—Трубкакубы (<i>Orycteropodidae</i>)	
1 Р.—Капский трубкакуб (<i>Orycteropus capensis</i>)	—

Отряд IX.—Хоботные (Proboscidea)

I Сем.—Слоновые (<i>Elephantidae</i>)		Азиатский слон (<i>E. asiaticus</i>)	395
1 Р.—Слоны (<i>Elephas</i>)	394	Африканский слон (<i>E. africanus</i>)	396
		Суматрский слон (<i>E. sumatranus</i>)	395

Отряд X.—Непарнокопытные (Perissodactyla)

I Сем.—Лошади (<i>Equidae</i>)	
1 Р.—Лошадь (<i>Equus</i>)	400
Тарпан	—
Кулан. Джигеттай. Джан. Кианг. <i>Equus Przewalskii</i>	403
Онагр (<i>E. as. onager</i>)	403
Степной осел (<i>E. asinus africanus</i>)	404
Сомалийский осел (<i>E. as. somaliensis</i>)	404
Домашний осел	—
Мул	407
Лошак	—
Квагга (<i>E. as. quagga</i>)	—
Дау (<i>E. as. burshellii</i>)	—
Тигровая лошадь Шампана (<i>E. as. Charmanii</i>)	407
Зебра Гриви (<i>E. as. Grevyi</i>)	—

II Сем.—Тапиры (<i>Tapiridae</i>)	
1 Р.—Тапир (<i>Tapirus</i>)	408
Двуцветный, или чепрачный, тапир (<i>T. indicus</i>)	—
Американский тапир (<i>T. terrestris</i>)	—

III Сем.—Носороги (<i>Rhinocerotidae</i>)	
1 Р.—Носорог (<i>Rhinoceros</i>)	410
Индийский носорог (<i>R. unicornis</i>)	411
Яванский носорог (<i>R. sondaicus</i>)	—
Бадак (<i>R. sumatrensis</i>)	—
Кистеухий носорог (<i>R. lasiotis</i>)	—
Двурогий носорог, или черный носорог (<i>R. bicornis</i>)	411
Тупоносый, или ширококорылый, носорог (<i>R. simus</i>)	—

IV Сем.—Жиряки, или даманы (<i>Hugacidae</i>)	
1 Р.—Собственно жиряки (Нугах)	415
Абиссинский жиряк (<i>H. abyssinicus</i>)	415
Капский жиряк (Нугах <i>capensis</i>)	416
Мозамбикский жиряк (<i>H. mosambicus</i>)	—
Древесный жиряк (Нугах <i>dorsalis</i>)	—

Отряд XI.—Парнокопытные (Artiodactyla)

I Сем.—Жирафы (<i>Camelopardalidae</i>)	
1 Р.—Жирафа (<i>Camelopardalis giraffa</i>)	418

II Сем.—Верблюды (<i>Camelidae</i>)	
1 Р.—Собственно верблюды (<i>Camelus</i>)	419
Дромадер (<i>C. dromadarius</i>)	—
Двугорбый верблюд (<i>C. bactrianus</i>)	422
2 Р.—Ламы (<i>Auchenia</i>)	—

Гуанако, или хуанако (<i>A. huanaco</i>)	—
Лама, или льяма (<i>A. Lama</i>)	423
Пако, или альпака (<i>A. pacos</i>)	424
Викунья, или вигонь (<i>A. vicunia</i>)	425

III Сем.—Полорогие (<i>Bovidae</i>)	
1 Р.—Козлы (<i>Capra</i>)	—
Альпийский козерог (<i>C. ibex</i>)	426
Пиренейский козерог (<i>C. pyrenaica</i>)	—

Тур (<i>C. caucasica</i>)	426	Зобастая антилопа, или дзерен (<i>A. gutturosa</i>)	—
Беден (<i>C. beden</i>)	—	Пала (<i>A. melampus</i>)	—
Вали (<i>C. waliae</i>)	—	Газель (<i>A. dorcas</i>)	—
Скайн (<i>C. skyn</i>)	—	Горный скакун (<i>A. euchores</i>)	450
Безоаровый, или дикий, козел (<i>C. aegagrus</i>)	—	7 Р.— Бубалы (<i>Bubalis</i>)	451
Винторогий козел (<i>C. falconheri</i>)	—	Пигарга (<i>B. pygarga</i>)	—
Ангорская коза (<i>C. hircus angonensis</i>)	427	Белолобый бубал (<i>B. albifrons</i>)	—
Кашмирская коза (<i>C. h. laniger</i>)	—	Сенегальский бубал (<i>B. senegalensis</i>)	—
Мамбрийская коза (<i>C. h. mambrica</i>)	428	Степной бубал, или тора (<i>B. bubalis</i>)	—
Нильская коза (<i>C. h. aegyptiaca</i>)	—	Каама (<i>B. caama</i>)	—
Карликовая коза (<i>C. h. reversa</i>)	—	8 Р.— Железистые антилопы (<i>Ade-nota</i>)	452
Тар (<i>C. jemblaica</i>)	429	Абок (<i>A. megaceros</i>)	—
2 Р.— Бараны (<i>Ovis</i>)	—	9 Р.— Болотные антилопы (<i>Redunca</i>)	—
Гривистый баран (<i>O. tragelaphus</i>)	—	Болотный козел (<i>R. elootragus</i>)	—
Муфлон (<i>O. musimon</i>)	430	10 Р.— Водяные антилопы (<i>Kobus</i>)	—
Аргали (<i>O. argali</i>)	—	Водяной козел (<i>K. ellipsiprymnus</i>)	—
Качкар (<i>O. polii</i>)	431	11 Р.— Коневидные антилопы (<i>Hippotragus</i>)	—
Толсторогий баран (<i>O. montana</i>)	—	Чалая антилопа (<i>H. leucophaeus</i>)	—
Мериносы (<i>O. aries hispanica</i>)	432	Черная антилопа (<i>H. niger</i>)	—
Курдючная, или жирнохвостая, овца (<i>O. a. steatopyga</i>)	432	Бэкерова антилопа (<i>H. bakeri</i>)	—
3 Р.— Овцебык, или мускусный бык (<i>Ovibos moschatus</i>)	434	12 Р.— Сернобыки (<i>Oryx</i>)	453
4 Р.— Быки (<i>Bos</i>)	435	Пассан, или капский сернобык (<i>O. capensis</i>)	—
Як (<i>Bos grunniens</i>)	436	Бейза (<i>O. beisa</i>)	—
* Зубр (<i>Bos bison</i>)	437	Саблерогая антилопа, или дикая степная корова (<i>O. leucogryx</i>)	—
Бизон (<i>B. americanus</i>)	441	13 Р.— Адаксы (<i>Addax</i>)	455
Широколобый бык, или гаял (<i>B. frontalis</i>)	—	Мендес-антилопа (<i>A. nasomaculatus</i>)	—
Гаор, или бык джунглей (<i>B. gaugus</i>)	442	14 Р.— Винторогие антилопы (<i>Strepsiceros</i>)	—
Бантенг (<i>B. banteng</i>)	—	Куду (<i>S. kudu</i>)	—
Занга (<i>B. africanus</i>)	443	15 Р.— Лесные козлы (<i>Tragelaphus</i>)	—
Зебу (<i>B. indicus</i>)	—	Пестрая лесная антилопа (<i>T. scriptus</i>)	—
Шотландский, или английский, полудикый бык (<i>B. scoticus</i>)	—	Большая лесная антилопа (<i>T. silvaticus</i>)	—
Черный, или кафрский, буйвол (<i>B. caffer</i>)	445	Пятнистая лесная антилопа (<i>T. eugyceros</i>)	—
Рыжий буйвол (<i>B. pumilus</i>)	447	Наконг, или сити тунга (<i>T. spekii</i>)	—
Индийский буйвол (<i>B. arni</i>)	—	16 Р.— Коровьи антилопы (<i>Buselaphus</i>)	—
Керабу (<i>B. kerabau</i>)	448	Канна, или элен (<i>B. orcas</i>)	456
Амоа (<i>B. depressicornis</i>)	—	17 Р.— Нильгау (<i>Portax pictus</i>)	—
5 Р.— Снеговая, или белая, горная коза (<i>Aplocerus montanus</i>)	—		
6 Р.— Антилопы (<i>Antilope</i>)	—		
Гарна, или гирун (<i>A. cervicapra</i>)	449		

* Позднейшее латинское название зубра — *Bison europaicus*, а бизона — *Bison americanus*. Кстати, считаем долгом заметить, что указание (на стр. 438) на то, что зубр, кроме Кавказа, водится еще в Азии, около озера Куку-Нор, вкралось совершенно случайно. (Примеч. А. М. Никольского.)

18 Р.—Четырехрогая антилопа (<i>Tetraceros quadricornis</i>)	456	5 Р.—Мазама (<i>Cariacus</i>)	—
19 Р.—Хохлатые антилопы (<i>Cephalophus</i>)	—	Виргинский олень (<i>C. virginianus</i>)	—
Дукер (<i>C. mergens</i>)	—	6 Р.—Зачаточнорогие олени (<i>Blastocervus</i>)	474
20 Р.—Карликовые антилопы (<i>Neotragus</i>)	—	Пампасовый олень, или гвази (<i>B. campestris</i>)	—
Антилопа-леверетка (<i>N. hemprichii</i>)	—	7 Р.—Копьерогие олени (<i>Coassus</i>)	—
21 Р.—Красивые антилопы (<i>Calotragus</i>)	458	Бразильская косуля, или гуазанита (<i>C. rufus</i>)	—
Ориби (<i>C. scorpius</i>)	—	8 Р.—Настоящие косули (<i>Capreolus</i>)	475
22 Р.—Горные антилопы (<i>Oreotragus</i>)	459	Косуля европейская, или дикая коза (<i>C. caprea</i>)	—
Антилопа-серна, или сасса (<i>O. saltatrix</i>)	—	9 Р.—Мунджаки (<i>Cervulus</i>)	476
23 Р.—Антилопы-козы (<i>Nemorhoedus</i>)	460	Мунджак (<i>C. muntjac</i>)	—
Горал (<i>N. goral</i>)	—	VI Сем.—Кабарги (<i>Moschidae</i>)	
24 Р.—Европейская серна (<i>Capella</i>)	—	1 Р.—Кабарга (<i>Moschus moschiferus</i>)	477
25 Р.—Степные антилопы (<i>Colus</i>)	462	VII Сем.—Оленьки (<i>Tragulidae</i>)	
Сайга, или сайгак (<i>C. tataricus</i>)	—	1 Р.—Оленек-кантил (<i>Tragulus kanchil</i>)	—
26 Р.—Гну (<i>Catoblepas</i>)	—		
Серый гну (<i>C. gnu</i>)	463	VIII Сем.—Свиньи (<i>Suidae</i>)	
Кокон (<i>C. taurinus</i>)	—	1 Р.—Бородавчатая свинья, или бородавочник (<i>Phachochoerus africanus</i>)	478
IV Сем.—Вилорогие (<i>Antilocapridae</i>)		2 Р.—Бабирусса, или свинообразный олень (<i>Porcus babyrussa</i>)	479
1 Р.—Вилорог (<i>Antilocapra americana</i>)	465	3 Р.—Кистеухая, или гвинейская свинья (<i>Potomochocerus porcus</i>)	—
V Сем.—Олени (<i>Cervidae</i>)		4 Р.—Пекари (<i>Dicotyles</i>)	—
1 Р.—Лоси (<i>Alces</i>)	466	Собственно пекари (<i>D. torquatus</i>)	—
Лось (<i>A. palmatus</i>)	—	Мускусный пекари (<i>D. labiatus</i>)	—
Американский лось (<i>A. americanus</i>)	469	5 Р.—Кабан, или дикая свинья (<i>Sus scrofa</i>)	—
2 Р.—Северные олени (<i>Cervus tarandus</i>)	—	IX Сем.—Гиппопотамы, или бегемоты (<i>Hippopotamidae</i>)	
3 Р.—Лани (<i>Dama vulgaris</i>)	471	1 Р.—Собственно гиппопотам (<i>Hippopotamus amphibius</i>)	482
4 Р.—Благородные олени (<i>Cervus elaphus</i>)	—	Либерийский бегемот, или маленький (<i>H. liberiensis</i>)	485
Калифорнийский олень (<i>C. barbarus</i>)	472		
Канадский олень (<i>C. canadensis</i>)	—		
Болотный олень, или барая (<i>C. duvaucelli</i>)	—		
Пятнистый олень, буряя (<i>C. axis</i>)	—		
Длинногрив. олень (<i>C. hippelaphus</i>)	—		
Свиной олень (<i>C. porcinus</i>)	—		

Отряд XII.—Травоядные киты, или сирены (*Sirenia*)

1 Р.—Ламантины (<i>Monatus</i>)	486	Узколобый ламантин (<i>M. inunguis</i>)	487
Ламантин, бык-рыба (<i>M. latirostris</i>)	487	2 Р.—Дюгонь (<i>Halicore dujong</i>)	488
		3 Р.—Морская корова (<i>Rhitina stelleri</i>)	489

Отряд XIII.—Китообразные (Cetacea)

I Сем.—Полосатики (Balaenopteridae)	
1 Р.—Длиннорукий полосатик, или горбач (<i>Megaptera longimana</i>)	494
2 Р.—Большой полосатик (<i>Physalus anquogum</i>)	495
3 Р.—Полярный полосатик (<i>Sibbaldius borealis</i>)	—
Желтобрюхий кит (<i>S. sulfureus</i>)	—
4 Р.—Малые полосатики (<i>Balaenoptera</i>)	—
Полосатик-карлик (<i>B. rostrata</i>)	—
II Сем.—Настоящие киты (Balaenidae)	
1 Р.—Гренландский кит (<i>Balaena mysticetus</i>)	—
III Сем.—Дельфины (Delphinidae)	
1 Р.—Косатка (<i>Orca gladiator</i>)	497
2 Р.—Морская свинья (<i>Phocoena communis</i>)	498
3 Р.—Белуха (<i>Beluga leucas</i>)	499
4 Р.—Гринда, или черный дельфин (<i>Globiocephalus melas</i>)	499
5 Р.—Собственно дельфин (<i>Delphinus delphis</i>)	500
6 Р.—Иния, или южноамериканский речной дельфин (<i>Inia amazonica</i>)	—
7 Р.—Сусук гангский (<i>Platanista gangetica</i>)	—
IV Сем.—Единороги (Monodontidae)	
1 Р.—Единорог, или нарвал (<i>Monodon monoceros</i>)	501
V Сем.—Клюворылые киты (Hyperodontidae)	
1 Р.—Доглинг, или высоколобый клюворыл (<i>Hyperodon bidens</i>)	502
VI Сем.—Кашалоты (Catodontidae)	
1 Р.—Кашалот (<i>Catodon macrocephalus</i>)	503

Отряд XIV.—Сумчатые (Marsupialia)

I Сем.—Прыгающие, или длинноногие (Macropodidae)	
1 Р.—Кенгуру (<i>Macropus</i>)	—
Исполинский кенгуру (<i>M. giganteus</i>)	506
Падемелон (<i>M. thetidis</i>)	509
2 Р.—Горные кенгуру (<i>Pterogale</i>)	—
Каменный кенгуру (<i>P. penicillata</i>)	—
Желтоногий кенгуру (<i>P. xanthopus</i>)	—
3 Р.—Зайцеобразный кенгуру (<i>Ladarchetes leporoides</i>)	—
4 Р.—Древолазы (<i>Dendrolagus</i>)	510
Медведеобразный кенгуру (<i>D. ursinus</i>)	—
5 Р.—Потору, или кенгуровые крысы (<i>Bettongia</i>)	—
Косматый кенгуру (<i>B. penicillata</i>)	—
6 Р.—Крысиный кенгуру (<i>Potorus tridactylus</i>)	—
7 Р.—Цепконог (<i>Hypsignathodon moschatus</i>)	—
II Сем.—Лазящие (Phalangeridae)	
1 Р.—Коала, или сумчатый медведь (<i>Pascualarctus cinereus</i>)	511
2 Р.—Пятнистый кукус (<i>Phalanger maculatus</i>)	512
3 Р.—Кузу-лиса (<i>Trichosurus vulpecula</i>)	—
4 Р.—Сумчатые белки (<i>Petauroides</i>)	—
Летун (<i>P. volans</i>)	—
5 Р.—Сахарные белки (<i>Petaurus</i>)	—
6 Р.—Сумчатая мышь (<i>Acrobates rugmaeus</i>)	—
7 Р.—Пяткоход (<i>Tarsipes rostratus</i>)	—
III Сем.—Вомбатовые (Phascologyidae)	
1 Р.—Тасманский вомбат (<i>Phascologyms ursinus</i>)	513
Митчелев вомбат (<i>P. mitchelii</i>)	—
Широколобый вомбат (<i>P. latifrons</i>)	—
IV Сем.—Сумчатые барсуки (Peramelidae)	
1 Р.—Остроносая язвца (<i>Perameles nasuta</i>)	514
Полосатая язвца (<i>P. bougainvillei</i>)	—
2 Р.—Хероп (<i>Chaeropus castanotis</i>)	—

V Сем.— Хищные (Dasyuridae)		5 Р.— Сумчатый тушканчик (<i>Antechinomys laniger</i>)	—
1 Р.— Сумчатый волк, или мешкопес (<i>Thylacinus cynocephalus</i>)	516	6 Р.— Мурашеед (<i>Murgmecobius fasciatus</i>)	—
2 Р.— Дьявол (<i>Sarcophilus ursinus</i>)	—	VI Сем.— Двуутробки (Didelphyidae)	
3 Р.— Сумчатые куницы (<i>Dasyurus</i>)	517	1 Р.— Опоссум (<i>Didelphys marsupialis</i>)	518
Пятнистая куница (<i>D. viverrinus</i>)	—	Ракоедная двуутробка (<i>D. philander</i>)	519
4 Р.— Тафа, или сумчатая соя (<i>Phascogale penicillata</i>)	517	2 Р.— Плавун (<i>Chironectes minimus</i>)	520
Желтоногая сумчатая мышь (<i>P. flavipes</i>)	—		

Отряд XV.— Птицезвери (Monotremata)

I Сем.— Ехидны (Echidnidae)		2 Р.— Шерстистая ехидна (<i>Proechidna</i>)	522
1 Р.— Иглистая ехидна (<i>Echidna aculeata</i>)	522	II Сем.— Утконосы (Ornithorhynchidae)	
Австралийская ехидна (<i>E. a. typica</i>)	—	1 Р.— Утконос (<i>Ornithorhynchus anatinus</i>)	523
Папуасская ехидна (<i>E. a. lawesi</i>)	—		
Тасманская ехидна (<i>E. a. setosa</i>)	—		

А. Э. Брэм

ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХ

В трех томах

Том I

Редактор

С. Кодратов

Художественный редактор

И. Сайко

Технический редактор

Г. Смирнова

Корректоры

Н. Кузнецова, И. Сахарук

Подписано в печать 21.01.92. Формат 70×100^{1/16}. Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 43,86. Усл. кр.-отг. 44,82. Уч.-изд. л. 47,52. Доп. тираж 50 000 экз. (II з-д). Заказ 1003.

Ассоциация совместных предприятий, международных объединений и организаций. Издательский центр «ТЕРРА». 109280, Москва, Автозаводская, 10, а/я 73.

Отпечатано на Можайском полиграфкомбинате Министерства печати и массовой информации РСФСР. 143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

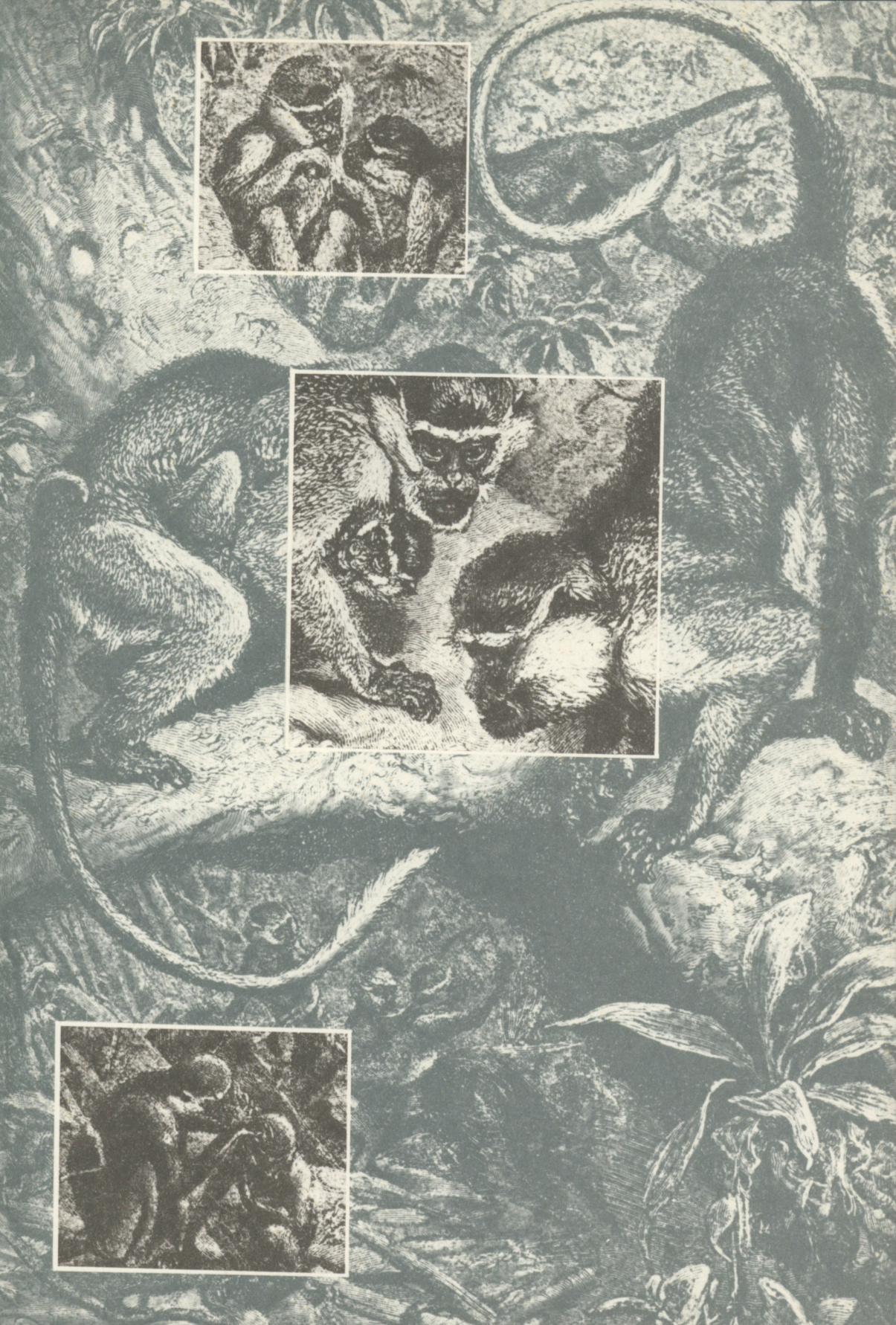
Брэм А. Э.
Б89 Жизнь животных: В 3 т. Т. 1: Млекопитающие.— М.:
ТЕРРА, 1992.— 524 с.: ил.

ISBN 5-85255-126-0 (т. 1)
ISBN 5-85255-125-2

Б 1907000000-19 Подписное
А30(03)-92

ББК 28.6

А. Э. БРЭМ

**А. Э.
БРЭМ**

А. Э. БРЭМ

А. Э. БРЭМ
ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХ
Том I

ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХ

1

